

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

И. С. ТУРГЕНЕВ

**НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
И МАТЕРИАЛЫ**

III

К 150-ЛЕТИЮ РОМАНА «ОТЦЫ И ДЕТИ»

Москва — С.-Петербург
Альянс-Архео
2012

И. С. Тургенев. Новые исследования и материалы / Отв. ред. Н. П. Генералова, В. А. Лукина. — М.; СПб.: «Альянс-Архео», 2012. Вып. 3. — 672 с.

ISBN 978-5-98874-076-4

Сборник включает исследования отечественных и зарубежных ученых, посвященные малоизученным аспектам биографии и творчества И. С. Тургенева, в частности: его деятельности как критика, переводчика, редактора и драматурга, истории родовой библиотеки Тургеневых-Лутовиновых и последующему отражению читательского опыта в творчестве писателя, отношениям Тургенева с русскими и зарубежными литераторами (Ап. Григорьев, Л. Толстой, Т. Шевченко, В. Аллингем, Ж. Этцель, А. Болъгц, Л. Пич, Р. Поль), а также многообразным связям с семьей Виардо, Трубецких-Орловых и др. Отдельный раздел составляют статьи, посвященные роману «Отцы и дети». Особое место в сборнике уделено публикациям неизвестных ранее документов: это либретто новонайденной оперетты Тургенева «La Veillée de la St Sylvestre», неизвестные ранее письма Тургенева, а также письма к нему Я. П. Полонского и М. Н. Толстой (сестры Л. Толстого) и др. В сборник включены «Материалы к Тургеневской энциклопедии», знакомящие читателя с результатами готовящегося издания. Большой интерес представляет подборка публикаций из газеты «Новое время» в связи с кончиной писателя. Сборник посвящен памяти выдающегося тургеноведа М. К. Клемана (1897–1942), безвременно погибшего в годы Блокады Ленинграда. Издание предназначено для специалистов по истории русской литературы XIX века, а также для широкого круга читателей, интересующихся малоизвестными страницами отечественной культуры.

Редакционная коллегия:

Л. А. Балькова, Н. П. Генералова, В. А. Лукина

Ответственные редакторы:

Н. П. Генералова, В. А. Лукина

Рецензент

Т. М. Вахитова

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) проект № 12-04-16132д

ISBN 978-5-98874-076-4

© Коллектив авторов, 2012
© Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН, 2012
© ООО «Альянс-Архео», 2012

Светлой памяти
Михаила Карловича
КЛЕМАНА

СТАТЬИ

Н. Г. Жекулин

ТУРГЕНЕВ В КРУГУ СЕМЬИ ВИАРДО

Сейчас четверть восьмого вечера, дорогая госпожа Виардо; в эту минуту вы все собрались в гостиной, вы музицируете, Виардо дремлет у огня — дети рисуют — а я, хотя сердцем я тоже с вами в этой столь любимой мною гостиной, собираюсь поспать еще немного, если удастся <...>

*Письмо Тургенева к Полине Виардо
от 2 (14) января 1864 г. из Берлина*¹

...все эти воспоминания, все это прекрасное время (возможно, лучшее в моей жизни) <...>

*Письмо Тургенева к Клоди Шамро
от 1 (13) августа 1882 г.
о «баденском периоде»*²

В августе 1857 года, во время первой поездки за пределы России после своей ссылки, Тургенев написал Н. А. Некрасову из имения супругов Виардо Куртавнель: «Полно сидеть на краюшке чужого гнезда. Своего нет — ну и не надо никакого».³ Но прошло несколько лет и все

¹ «Il est 7 heures ¼ du soir, chère Madame Viardot — dans ce moment vous êtes tous réunis au salon, vous faites de la musique, Viardot sommeille au coin du feu — les enfants dessinent — et moi, dont le cœur est aussi dans ce salon bien-aimé, je me prépare à redormir encore un peu si s'est possible <...>» (*ПССиП(2). Письма*. Т. 5. С. 243, 366).

² «...tous ces souvenirs, tout ce bon temps (peut-être le meilleur de ma vie) <...>» (*Lettres inéd.* P. 290). Переводы иноязычных цитат, кроме особо оговоренных слу-чаев, выполнены Н. П. Генераловой (*франц.*) и В. А. Лукиной (*нем.*).

³ *ПССиП(2). Письма*. Т. 3. С. 251. Письмо от 12 (24) августа 1857 г.

изменилось: когда в 1863 году семья Виардо решила покинуть Францию и поселиться в Баден-Бадене, Тургенев принял решение следовать за ними. В Баден-Бадене «чужое» гнездо станет «своим».

О «баденском периоде», который Тургенев впоследствии считал самым счастливым в своей жизни, сохранилось значительное число мемуарных свидетельств членов семьи Виардо, а также друзей и знакомых как писателя, так и Полины Виардо, в том числе мало или вовсе не известных. На основе этих сведений мы попытаемся составить непосредственное представление о том, как Тургенев участвовал в жизни семьи Полины Виардо — женщины, которую он не только высоко ценил, но которой неизменно восхищался.

Баден-Баден

Идея покинуть Францию и переселиться в Германию возникла в семье Виардо еще в 1861 году. Сценическая карьера Полины Виардо приближалась к концу. С ноября 1859 года в парижском Théâtre Lyrique (Лирический театр) шла опера Глюка «Orphée et Eurydice» («Орфей и Эвридика») в редакции, специально адаптированной для нее Гектором Берлиозом. Это был последний и, пожалуй, самый большой ее триумф; всего за два с половиной года состоялось около 150 представлений! Вскоре после премьеры Полина подписала официальную доверенность, которой уполномочила друга и семейного врача Александра Фриссона (Louis Alexandre Adrien Frisson; 1822–1882) продать любимый Куртавнель.⁴ На лето семья Виардо поехала в Баден-Баден. Луи и Полина были намерены (очевидно, вопрос обсуждался и с Тургеневым) купить себе участок земли где-нибудь в Германии, который мог бы приносить доход. На месте идея оказалась не столь удачной, и было принято решение приобрести дом в самом Баден-Бадене. Об этом Луи Виардо написал Тургеневу, в надежде убедить его последовать их примеру, заманивая его их общей страстью — охотой:

«Нам показалось, что в таком случае следует, не отказываясь от нашего проекта, придать делу иной оборот. Вместо того чтобы создавать трудности с недвижимостью (имея столь малый доход) в стране, где я не знаю ни языка, ни законов, ни обычаев, вместо того чтобы похоронить мою жену и детей в деревне в провинциальной глуши, не лучше было бы приобрести только жилище, оставив для помещения капитала более подходящее место; и приобрести это жилище в хорошем месте, соединяющем преимущества свет-

⁴ См.: *Waddington Patrick*. The Strange History of Dr F. and the Dismantling of Courtavenel // *Modern Language Review*. 1970. Vol. 65. N 2. P. 341.

свой жизни и уединения и представляющем то единственное, о чем я, как и вы, пекусь, когда речь идет о выборе земли, то есть о легкой, хорошей и разнообразной охоте? Другими словами, не лучше было бы купить просто *виллу* в окрестностях Баден-Бадена? Вы знаете эти места и все их привлекательные стороны. Мы можем там ежедневно видеть столько же народу, как и в Париже, а углубившись в лес, мы окажемся в глуши. Обе эти крайности равным образом нравятся моей жене, Луизе, детям. Все в восторге от пребывания здесь. Что до меня, то у меня есть уверенность, что здесь можно будет вволю поохотиться. <...> Я несколько пространно остановился на этой теме, полагая, что наш пример может вам пригодиться. <...> Я мог бы даже, в ожидании вашего приезда, сам подыскать что-нибудь и подготовить для вас почву <...>».⁵

И в самом деле, прежде чем вернуться в Париж на последний зимний сезон, Виардо купили себе дом в швейцарском стиле на окраине Баден-Бадена, в районе Thiergarten (Зоосад). Тургенев прибыл в Баден-Баден на обратном пути из России в Париж 21 августа, пробыл там больше двух месяцев и, по собственным словам, «жил очень хорошо: видался постоянно с моими старинными приятелями <Виардо. — Н. Ж.>, разъезжал, охотился, читал — и ничего не писал сам. Край здесь прекрасный <...>».⁶ Но никакой недвижимости он тогда не купил.

Последнее представление «Орфея и Эвридики» состоялось 24 апреля 1863 года. Младшим детям Виардо было разрешено хотя бы раз уви-

⁵ «Il nous a semblé dès lors qu'il valait mieux, sans renoncer à notre projet, lui donner un autre tour. Au lieu d'avoir les embarras de la propriété (avec un si faible revenu) dans un pays dont je ne sais ni la langue ni les lois, ni les habitudes; au lieu d'enterrer ma femme et mes enfants dans un village au fond d'une province, ne serait-il pas préférable d'acquérir seulement une habitation, en gardant un meilleur placement des capitaux, et de l'acquérir dans un beau pays qui réunirait les avantages de la société à ceux de la solitude et qui me donnerait la seule chose que j'ambitionne, comme vous, dans la propriété foncière, une chasse facile, bonne et variée? En d'autres termes, ne serait-il pas préférable d'acquérir simplement une *villa* autour de Bade? Vous connaissez ce pays et ses agréments de toute nature. Nous y voyons chaque jour autant de monde qu'à Paris, et, si nous nous enfonçons dans les bois, nous sommes au désert. Ces deux extrêmes plaisent également à ma femme, à Louise, aux enfants. Tous sont enchantés d'être ici. Quant à moi, j'ai la certitude d'y trouver la chasse à cœur joie. <...> Je me suis étendu un peu longuement sur ce sujet parce que j'imagine que notre exemple pourrait bien vous servir. <...> Je pourrais même, en vous attendant, faire quelques recherches moi-même, et vous préparer le terrain <...>» (Correspondance Ivan Tourguéniev — Louis Viardot. Sous le sceau de la fraternité / Texte édité, prefacé et annoté par A. Zviguilsky // *Cahiers*. N 24 (2000). P. 220–221. Далее: *Corr. IT—LV*). Письмо от 3 июля 1862 г. Здесь и далее, если не оговорено особо, все даты указаны по новому стилю.

⁶ *ПССУП(2). Письма*. Т. 5. С. 118. Письмо к Е. Е. Ламберт от 7 (19) октября 1862 г.

деть свою мать на большой сцене. Об этом написала матери почти одиннадцатилетняя Клоди, сопроводив свое письмо, по обыкновению, рисунками, в которых уже угадывался талант:

Ma chère maman,

Nous sommes tous bien heureux d'aller ce soir à Orphée. Je te promets que je dessinerai tout ce que j'aurai vu. Je voudrais déjà être à ce soir, pour t'admirer, et regarder ta belle figure <рисунок> que tout le monde en te voyant reste ébloui. Ne crois pas que je te flatte, car jamais je ne pourrai te prouver comme je t'aime aussi que notre papa <рисунок>. Je vais te faire un petit dessin car je sais que cela te fait plaisir. Ma chérie maman je t'envoie mille baisers bien tendre.

Claudie Viardot.

Le 24 avril, 1863, Paris.⁷

Перевод:

Дорогая мама,

Мы все очень счастливы побывать сегодня вечером на «Орфее». Обещаю тебе нарисовать все, что увижу. Я хотела бы уже по той причине также быть на этом представлении, чтобы любоваться тобой и видеть твое прекрасное лицо <рисунок>, восхищающее всякого, кто видит тебя. Не думай, что я льщу тебе, потому что никогда не смогла бы тебе доказать, насколько я тебя люблю, как и нашего папу <рисунок>. Я собираюсь сделать для тебя маленький рисунокчик, потому что знаю, что тебе это нравится. Моя милая мамочка, посылаю тебе тысячу самых нежных поцелуев.

Клоди Виардо.

24 апреля 1863, Париж.

Сразу после этого представления семья Виардо окончательно переселилась в Баден-Баден, где прожила до 1870 года, когда в связи с франко-прусской войной Луи почувствовал себя обязанным покинуть Германию и, после добровольного изгнания в Англию, вся семья вернулась в родную Францию.

Тургенев последовал за ними в самом начале мая 1863 года и поселился в квартире, которую нашел себе в предыдущем году на Шиллерштрассе у печника Г. Анштетта и его жены. Там он прожил вплоть до апреля 1868 года, несмотря на то что еще в июне 1864 года приобрел участок земли рядом с Виардо и стал считать себя «citoyen de Bade»

⁷ Houghton Library. MS Mus 232 (14). Выражаю сердечную благодарность дирекции и сотрудникам Хоутонской библиотеки (Гарвард) за предоставленное мне позволение цитировать хранящиеся в ее фондах материалы, а также за всю любезно оказанную мне помощь. Рис. 1 воспроизведен на с. 9.

«Les muses rendent leurs hommages à Orphée».

Рисунок Клоди Виардо в письме к матери от 24 апреля 1863 г. (Houghton Library)

(«гражданином Бадена»)⁸. По ряду причин — в частности, из-за проблем с архитектором, из-за того что в Бадене строили крайне медленно, а также из-за того что его дядя Н. Н. Тургенев едва не разорил его, Тургеневу пришлось продать свой новый дом Луи Виардо даже до того, как он в него переселился.⁹ Однако небольшое расстояние между местами их проживания с самого начала ничем не мешало общению Тургенева и всей семьи Виардо. В. А. Чекуанова (в замуж. Рубинштейн), которая тогда училась пению у Полины Виардо и жила в одном доме (этажом выше) с Тургеневым, вспоминала впоследствии: «Иван Сергеевич сидел дома до 12 часов утра, работал и принимал посетителей; обедал и проводил вечер у Виардо. Он часто страдал припадками подагры, принуждавшими его к неподвижности: в те дни шло настоящее паломничество из виллы Виардо к нему. Утром — старик Виардо, после 12-ти — его жена, целый день — дети врассыпную; кроме того, они посылали

⁸ См. письмо к Л. Поме от 30 мая (11 июня) 1864 г.: *ПССиП(2). Письма*. Т. 6. С. 27–28.

⁹ См. письмо к П. В. Анненкову от 28 марта (9 апреля) 1868 г.: Там же. Т. 8. С. 169.

записочки, юмористические рисунки, ухаживали и развлекали его ежеминутно».¹⁰

Время от времени они даже предоставляли друг другу свое жилье. Так, в марте 1864 года Луи написал Тургеневу, предложив пожить у них, в комнате старшей дочери Луизы, так как на Шиллерштрассе шел ремонт.¹¹ Через три месяца Тургенев, в свою очередь, предоставил квартиру той же Луизе, когда она приехала в Баден-Баден в связи с родами ребенка. На это время сам Тургенев перебрался в другие комнаты в том же доме.¹²

Пушкин

Начало 1860-х годов в совместной интеллектуальной деятельности Тургенева и четы Виардо можно с основанием назвать «пушкинским». Переводческое сотрудничество Луи Виардо и Тургенева началось во время вторых гастролей Полины в Петербурге еще в сезон 1844/1845. Луи Виардо никогда не скрывал, как делались переводы с русского (которого он не знал), выходявшие под его именем. Уже в предисловии к первому сборнику переводов (из Гоголя) он сообщал о своих сотрудниках: «Они были так любезны, что диктовали мне французский перевод с русского оригинала. Я же не сделал ничего иного, как только подправлял некоторые слова и фразы. И если стиль принадлежит отчасти мне, то передача смысла — исключительно им».¹³ Первый их совместный перевод

¹⁰ *Рубинштейн В. А.* Тургенев и Виардо в Баден-Бадене. Машинопись // *ИРЛИ*. Ф. 294 (Архив Стасовых). Оп. 8. № 257. Далее: *Рубинштейн*. Мы цитируем эти воспоминания по данному источнику, подготовленному к печати В. Д. Комаровой (Влад. Каренин), поскольку он несколько отличается от текста воспоминаний В. А. Рубинштейн, изданных А. С. Розановым, ср.: *Рубинштейн В. А.* Отголоски прошлого. Тургенев и Виардо в Б<аден>-Бадене // *Памятники культуры. Новые открытия: Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник 1980. Л., 1981. С. 153–157.*

¹¹ *Corr. IT—LV*. P. 226. Письмо от 2 марта 1864 г.

¹² См. письма Тургенева к Л. Пичу от 18 (30) апреля и к П. В. Анненкову от 25 апреля (7 мая) 1864 г.: *ПССУП(2). Письма*. Т. 6. С. 19, 21. А в апреле 1869 г. вся семья Виардо поселилась у Тургенева (в его доме) на время капитальной уборки, проходившей в их доме. См. письмо к П. Брюэр от 11 (23) апреля 1869 г.: Там же. Т. 9. С. 198.

¹³ «Ils ont bien voulu me dicter en français le texte original. Je n'ai rien fait de plus que des retouches sur les mots et les phrases; et, si le style est à moi en partie, le sens est à eux seuls» (*Gogol Nicolas*. *Nouvelles russes*. Paris, 1845. P. VII; перевод цит. по: *Алексеев М. П.* Тургенев — пропагандист русской литературы на Западе // *Алексеев М. П.* Русская литература и ее мировое значение. Л., 1989. С. 274). В этом

из Пушкина («Капитанская дочка») вышел в 1846 году.¹⁴ А в 1862–1863 годах вышло три перевода (в прозе) подряд — «Poèmes dramatiques» (куда вошли «Борис Годунов», «Скупой рыцарь», «Моцарт и Сальери», «Русалка» и «Каменный гость»), «Doubrovski» и «Onéguine».¹⁵

Вместе с тем Тургенев читал стихотворения Пушкина с Полиной — *по-русски*.¹⁶ Интенсивная концертная и сценическая жизнь препятствовала ее композиторской деятельности, но с переездом в Баден-Баден Полина снова серьезно занялась творчеством на этом поприще. Среди первых плодов ее усилий в этом направлении был альбом, вышедший с небольшой разницей во времени в России и в Германии в 1864 году под названием «12 стихотворений Пушкина, Фета и Тургенева, положенные на музыку Полиною Виардо Гарсиа» («12 Gedichte von Puschkin, Feth und Turgeneff, übersetzt von Fr. Bodenstedt und in Musik gesetzt von Pauline Viardot Garcia»). В этом альбоме Пушкин занимал первое место. Что касается русских поэтов, так будет вплоть до 1880-х годов. А год спустя вышел второй сборник романсов — «Десять стихотворений

сборнике принял участие также С. А. Гедеев. В дальнейшем Луи Виардо стал неизменным сотрудником Тургенева в переводческой деятельности, но метод работы не изменился. См.: Жекулин Н. Тургенев — переводчик: Вопросы теории и практики // И. С. Тургенев. Новые исследования и материалы. М.; СПб., 2009. Вып. 1. С. 77–79.

¹⁴ *Pouchkine Alexandre*. La Fille du Capitaine // Illustration. 1846. N 169, 170, 173–176, 178, 179. Отдельное издание вышло в 1853 г.

¹⁵ *Pouchkine Alexandre*. 1) Poèmes dramatiques. Paris, 1862; 2) Doubrovski // Illustration. 1862. N 1010–1014, 1016, 1019, 1021, 1022; 3) Onéguine. Roman en vers // Revue Nationale et Etrangère, politique, scientifique et littéraire. 1863. T. 12, livr. 48–51.

¹⁶ См. письмо В. П. Боткина к А. А. Фету от 12 декабря 1862 г.: <Фет А. А.> Переписка с В. П. Боткиным. 1857–1869 / Вступит. ст., публикация и коммент. Ю. П. Благоволиной // ЛН. Т. 103. Кн. 1. С. 326–327. Из дневника Полины Виардо следует, что иногда она читала русские стихи по-русски сама: «Сегодня я закончила читать „Мцыри“ Лермонтова „Послушник“ <по-французски. — *Ред.*>. По сей день это моя любимая русская поэма. Когда *дикарство*, но не сам дикарь, находится в союзе с благородством, силой, воображением, это великолепно. <...> Этот поэт мне кажется более страстным, более пылким, более свободным в движениях, чем Пушкин» («J'ai fini de lire aujourd'hui *Мцыри* de Lermontoff *Le novice*. C'est jusqu'à présent, le poème russe qui me plaît le mieux. Lorsque la *sauvagerie*, non le sauvage est allié à la noblesse, à la force, à l'imagination, c'est superbe. <...> Ce poète me semble plus passionné plus fougueux plus libre d'allure que Pouchkine»). Запись от 12 июля 1863 г. (Houghton Library, b 2011M-3. Folder 5; этот архив Полины Виардо, недавно приобретенный Хоутонской библиотекой, еще не каталогизирован, и шифры являются временными. Я бы хотел выразить свою благодарность сотрудникам библиотеки за их любезность при моем предварительном ознакомлении с этим архивом).

Dans l'une de ses nombreuses propriétés, vivait, il y a quelques années, un ancien *barine* russe (1). On le nommait Kirila Petrovitch (2) Trockourouff. Sa richesse, sa naissance, ses relations, lui donnaient un grand poids dans le gouvernement qu'il habitait. Adulé par tous ceux qui l'entouraient, il avait pris l'habitude de laisser son libre essor à chaque élan d'un ardent naturel, à chaque fantaisie d'un esprit assez borné. Ses voisins se montraient heureux de satisfaire tous ses caprices, et les employés de l'état tremblaient à son seul nom. Kirila Petrovitch recevait tous ces témoignages d'adulation comme un tribut auquel il avait droit. Sa maison était constamment remplie de visiteurs, qui venaient partager ses plaisirs, toujours bruyants et souvent dépassant la mesure.

Personne n'osait se refuser à ses invitations, ni manquer, certains jours tenus, de paraître à l'hôtel pour y présenter ses hommages. Kirila Petrovitch était bon vivant; malgré la vigueur exceptionnelle de ses facultés physiques, il avait des indigestions deux fois par semaine, et chaque soir il était en gaie.

Les occupations ordinaires du seigneur de Doubrovski consistaient en courses dans ses vastes domaines, en festins prolongés, et surtout en mystifications qu'il fallait inventer et varier chaque jour, et dont la victime était d'habitude quelque nouvelle connaissance. Ses anciens amis ne s'y pouvaient pas toujours soustraire, excepté cependant le seul André Gavrilitch (3) Doubrovski. Ce Doubrovski, lieutenant de la garde impériale en retraite, était son plus proche voisin, et ne possédait pas plus de soixante-dix âmes.

(1) *Barine* veut dire seigneur, propriétaire de terres, et par conséquent de serfs.

(2) Cyrille, fils de Pierre.

(3) André, fils de Gabriel.

Французский перевод
«Дубровского», сделанный
Тургеневым при участии Луи Виардо
(Illustration, 1862)

Пушкина, Лермонтова, Кольцова, Тютчева и Фета, положенные на музыку Полиною Виардо Гарсиа», — в который были включены четыре новых пушкинских романа.¹⁷ Не подлежит сомнению, что Полина Виардо сочиняла свои романсы непосредственно на русский текст. Это подтверждается, в частности, тем, что уже готовые романсы посылались известному переводчику Фридриху Боденштедту, который должен был перевести их для немецкого издания.¹⁸ Но и сам Тургенев нередко обращался к Пушкину в эти годы. В апреле 1860 года он прочел две лекции о Пушкине, на основе которых намеревался впоследствии написать статью, однако этот замысел остался нереализованным. Именно в эти годы он активно переписывался с Проспером Мериме, также переводившим Пушкина и готовившим о нем обширную статью, которая, однако, задержалась и вышла в свет лишь в 1868 году.¹⁹

¹⁷ В альбом 1864 г. были включены романсы «Цветок» («Цветок засохший, безуханный...»), «На холмах Грузии...», «Заклинание» («О если правда, что в ночи...»), «Ночью» («Мой голос для тебя и ласковый и томный...»), «Узник» («Сижу за решеткой в темнице сырой...») и «Птичка Божия» («Птичка Божия не знает...»); в альбом 1865 г. — «Ночью, во время бессонницы» («Мне не спится, нет огня...»), «Для берегов отчизны дальней...», «Не пой, красавица, при мне...» и «Буря» («Буря мглою небо кроет...»). В петербургский альбом 1874 г. («Пять стихотворений Гёте, Пушкина, Мёрике, Гейбель <sic> и Поля») вошел романс на стихотворение Пушкина «Юноша и дева» («Юношу, горько рыдая, ревнивая дева бранила...»).

¹⁸ См. письмо Тургенева к Боденштедту от 24 июня (6 июля) 1863 г.: *ПССУП*(2). *Письма*. Т. 5. С. 184. В записных тетрадах П. Виардо слова в «русских» романсах всегда приводятся по-русски и записаны ее рукой.

¹⁹ Об «особенно усиленных» занятиях Тургеневым Пушкиным в конце 1850 — начале 1860-х гг. см.: *Назарова Л. Н.* К истории творчества И. С. Тургенева 50–60-х годов // *И. С. Тургенев (1818–1883–1958)*. Статьи и материалы / Под ред. М. П. Алексеева. Орел, 1960. С. 146–158. Еще один интенсивный период, когда Тургенев занимался

№ 11.

ПТИЧКА БОЖІЯ.

DAS VÖGLEIN.

Слова А. ПУШКИНА.

Worte v. A. PUSCHKIN.

Allegretto giocoso. $\text{♩} = 108$.

CANTO.

PIANO.

Исход. на
Glücklich

н.

Романс Полины Виардо «Птичка Божия».

Из альбома «12 стихотворений Пушкина, Фета и Тургенева» (1864).

Первая страница

Литературная деятельность в кругу семьи Виардо, разумеется, не ограничивалась Пушкиным. С Полиной Тургенев читал, например, Льва Толстого («Детство») в оригинале и Писемского («Взбаламученное море»), переведя несколько отрывков из него на французский язык.²⁰ Для Луи Виардо он попытался достать французский перевод «Записок Пиквикского клуба» Ч. Диккенса.²¹ Свои же новые произведения он читал Полине, переводя с листа, и ее мнение о них всегда было для него решающим и неопровержимым.²²

Пушкиным с П. Виардо и с французскими друзьями, относится к концу 1870-х — началу 1880-х гг. В частности, в 1882 г. у Иогансена вышли четыре романа П. Виардо на слова Пушкина: «Вот зеркало мое...», «Ночной зефир...», «Старый муж, грозный муж...» и «Ворон к ворону летит...». Судя по архивным материалам, были и другие романы на слова Пушкина, оставшиеся неизданными.

²⁰ См. письма Тургенева к П. В. Анненкову от 24 февраля (8 марта) 1866 г. и к П. Виардо от 9, 10 (21, 22) марта 1867 г.: *ПССиП(2). Письма*. Т. 7. С. 19, 133.

²¹ См. письмо к В. Делессер от 2 (14) января 1866 г.: Там же. С. 7.

²² См., например, письма к П. Виардо от 6 и 10 февраля (по поводу «Дыма») и от 7, 8 февраля 1867 г. (по поводу «Истории лейтенанта Ергунова» и новых замыслов): Там же. С. 91, 92–94; письмо к Л. Пичу от 5 января 1869 г. (по поводу «Несчастной»): Там же. Т. 9. С. 115. О чтении «Дыма» П. Виардо упоминает в письме к А. А. Трубецкой от 30 марта 1867 г.: «С собой он увез новый роман, из которого прочитал мне несколько глав, они показались мне наиболее замечательным из того, что он написал. Посмотрим, ошибаюсь ли я» («Il a emporté avec lui un nouveau roman dont il m'a lu quelques chapitres, qui me semblent être de beaucoup ce qu'il a fait de plus remarquable. Nous verrons si je me trompe») (Archives départementales de Seine-et-Marne. Melun. MS 1009 F1. Цитируется по копии, любезно предоставленной П. Уоддингтоном). Полина также читала произведения Тургенева сама. В своем дневнике она замечает: «Я только что прочитала „Историю лейтенанта Ергунова“ Нини и Берте. До обеда прочла добрую треть „Дворянского гнезда“ в маленьком салоне Нини — она несколько раз плакала. — Что до меня, то при чтении главы с последним посещением Лаврецким Калитиных, посреди этого роя молодежи — описание *почерневшей скамьи* в саду — у меня перехватило горло... я более не могла продолжать...» («Je viens de lire l'aventure du lieutenant Yergounof à Ninie et Berthe. Avant le dîner j'avais lu un bon tiers de la „Nichée de Gentilshommes“ à Ninie dans son petit salon — Ninie a pleuré à plusieurs passages. — Quant à moi, le chapitre de la dernière visite de Lavretzky chez les Kalitine, au milieu de cet essaim de jeunes gens — la description du *banc noirci* dans le jardin — m'a prise à la gorge tout à coup... je ne pouvais plus continuer...»). Запись от 24 <мая 1868 г.> (Houghton Library. b 2011M-3. Folder 5). Берта (Berthe) — младшая сестра Луи Виардо; Нини (Ninie) — предположительно Евгения Ришар (Eugénie Richard), давний друг семьи и ученица П. Виардо в это время. П. Виардо была знакома с ней еще с детства, когда отец Е. Ришар — Полен Ришар (Paulin Richard) — учился у ее отца, Мануэля Гарсиа.

Нападки, которым Тургенев подвергся в России после «Отцов и детей», совпали по времени с возрастанием интереса к его произведениям и с распространением его славы как писателя за границей, особенно во Франции и Германии. Следовательно, все больше времени приходилось уделять переводам, за которыми Тургенев внимательно следил; некоторые свои произведения он сам переводил вместе с Луи Виардо.²³ Обсуждались названия сборников переводов, вычитывались корректуры.²⁴ Так как Луи Виардо не знал немецкого языка, то немецкий перевод «Призраков», который сделал Фр. Боденштедт, Тургенев проверял с гостившим в Баден-Бадене Людвигом Пичем и Полиной Виардо:

«Никогда не забуду я тот августовский вечер, когда в маленьком интимном салоне виллы Виардо <...> Тургенев вместе с хозяйкой дома и со мной принялся за исправление этого перевода. Имея в руках русский оригинал, он обдумывал каждое слово, которое я ему прочитывал из рукописи Боденштедта; он спрашивал наше мнение и потом большинством голосов решалось, какой из немецких переводов точнее передает все оттенки русского подлинника».²⁵

С Полиной Тургенев читал — и оба одобрили — большую статью, которую о нем написал Юлиан Шмидт.²⁶ С Луи они намеревались вместе перевести статью И. Е. Забелина о новонайденной скифской вазе из собрания Эрмитажа.²⁷

²³ См., например, письма к Ж. Этцелю от 17 (29) июня 1867 г. и 30 мая (11 июня) 1868 г. (по поводу перевода «Бригадира»): *ПССУП(2). Письма*. Т. 8. С. 14, 206.

²⁴ В письме к Ж. Этцелю от 8 (20) февраля 1869 г. Тургенев сожалеет о том, что ему не удалось обсудить с П. Виардо название сборника «Nouvelles Moscovites» из-за ее временного отсутствия, а в письме к самой Полине от 14 (26) марта 1869 г. напоминает, как они вместе правили корректуры этого сборника (см.: Там же. Т. 9. С. 143, 182).

²⁵ «Nie vergesse ich jenen Augusnachmittag, als Turgenjew in dem kleinen, traulichen Salon der Villa Viardot <...> mit der Herrin des Hauses und mir gemeinsam die Prüfung und Feilung jener Uebersetzung vornahm. Er mit dem russischen Original in der Hand, jedes Wort erwägend, das ich aus Bodenstedt's Manuscript vorlas, und unserer Meinung, unserer Vorschläge hörend, bis dann schließlich durch Abstimmung über den bestentsprechenden, die feinen russischen Nüancen am genauesten wiedergebenden deutschen Ausdruck entschieden wurde» (*Pietsch Ludwig*. Erinnerungen an Iwan Turgenjew. III // *Vossische Zeitung*. 1883. 12. September. N 425; перевод цит. по: *ПССУП(2). Письма*. Т. 6. С. 263).

²⁶ См. письмо к Шмидту от 6 (18) октября 1868 г.: Там же. Т. 9. С. 68.

²⁷ См. письма к П. В. Анненкову от 20 декабря 1865 г. (1 января 1866 г.), 17 (29) января и 9 (21) февраля 1866 г.: Там же. Т. 6. С. 175; Т. 7. С. 8, 17.

В 1866 году в Париже вышел сборник под названием «Espagne et Beaux-Arts. Mélanges», объединивший некоторые статьи и переводы Луи Виардо. Первое место в сборнике занимал французский перевод анонимного испанского плутовского романа «Lazarillo de Tormes» («Ласарильо с Тормеса»). Не случайно, как нам кажется, в начале 1866 года, когда Тургенев оказался в долгу одновременно перед двумя русскими издателями и у него не было ничего готового из собственных произведений, он им предложил свои, будто бы готовые или почти готовые, переводы из испанской литературы, среди которых был как раз этот роман!²⁸

Несмотря на плохое состояние, вызванное враждебно настроенной критикой в России, и на твердое намерение отойти от литературы, о котором он не раз заявлял, Тургенев продолжал писать и в эти годы. В своих воспоминаниях Людвиг Пич, который почти ежегодно приезжал погостить у Тургенева (сначала у Анштеттов, а затем и на его собственной вилле), дал любопытное описание его творческого метода:

«Его способ поэтического творчества был очень своеобразен. Какая-то сценка, какая-то группа лиц, которых он в самом деле когда-то видел, вдруг всплывали в его душе. Вскоре вокруг них начинали группироваться и передвигаться другие многочисленные образы, словно выступая и очерчиваясь мало-помалу из легкого тумана. Он стремился как можно лучше узнать их, вплоть до мельчайшей черты их внешнего облика, одежды, движений, их манеры говорить; расслышать звучание их голосов. Они рассказывали ему свои истории. Они начинали взаимодействовать друг с другом и друг против друга, в соответствии со своим собственным характером, „по закону, им присущему“».²⁹

²⁸ См. письма к М. Н. Каткову от 8 (20) марта и 25 апреля 1866 г.: Там же. С. 21, 32. В первом из них Тургенев описывает этот роман как «прототип всех последовавших Жиль-Блазов и т. д.», повторяя характеристику, данную ему Луи Виардо во введении к сборнику «Espagne et Beaux-Arts»: этот роман нравов, замечает он, «дал толчок и пример целому направлению современной литературы, от испанского романа (кроме романов рыцарских и бессмертной сатиры, которая их убила) к французскому, вплоть до „Жиль Блаза“» («a donné le mouvement et l'exemple à toute une branche de la littérature moderne, au roman espagnole (sauf les livres de chevalerie et l'immortelle satire qui les a tuées), partant au roman français, jusqu'à *Gil Blas*») (*Viardot Louis. Espagne et Beaux-Arts. Mélanges. Paris, 1866. P. XI.*)

²⁹ «Seine Art der poetischen Produktion war sehr eigentümlich. Eine Szene, eine Gruppe, die er einmal in der Wirklichkeit gesehen hatte, tauchte plötzlich in seiner Seele auf. Um sie herum gruppiereten und bewegten sich, wie aus einem lichten Nebel in immer größerer Deutlichkeit hervortretend, bald zahlreiche andere Gestalten. Er meinte sie mit voller Genauigkeit zu erkennen bis in jedes Detail ihrer natürlichen Erscheinung, ihrer

Нетрудно себе представить Тургенева, гуляющего по Баден-Бадену и внимающего своим соотечественникам, которые потом превращаются в действующих лиц его «баденского» романа «Дым»! Не менее интересным является данный Пичем анализ самого процесса «писания»:

«Я слышал, как он вздыхал и стонал в своей комнате, расхаживая взад и вперед большими шагами. „Что с Вами, Тургенев? что Вас мучит? Вы меня пугаете!“ — сказал я ему, когда в первый раз стал свидетелем подобной сцены. — „Ах, я так несчастен, — был его ответ, — я *должен* сегодня *писать!*“ В течение уже многих дней он страдал под грузом этого „должен“; чтобы освободиться от этого побуждения, он сам с собою играл в шахматы, ходил на охоту. Но все это давало ему лишь временную передышку. В конце концов непреодолимая потребность писать усаживала его в кресло за письменный стол и приковывала его к работе, во время которой он затем целыми днями скрывался от посетителей и назойливых визитеров за плотно закрытыми дверьми».³⁰

Охота

...третьего дня было последнее представление оперетки, вчера последняя *matinée*, завтра — первая зимняя охота.³¹

В страсти Тургенева к охоте никто не мог — и не может — сомневаться. Именно охотой, как мы видели, его заманивал Луи Виардо в Баден-Баден. Одна подагра могла помешать этому удовольствию! Его письма наполнены упоминаниями об охоте, и ни один из тех, кто написал свои воспоминания об этом периоде его жизни, не мог обойти эту тему. Людвиг Пич сообщает:

Tracht, ihrer Bewegungen, ihrer Art zu sprechen; den Klang ihrer Stimmen zu hören. Sie erzählten ihm ihre Geschichte. Sie begannen mit- und gegeneinander zu wirken, ihrer eigensten Natur gemäß, „nach dem Gesetz, nach dem sie angetreten“» (*Pietsch Ludwig*. Wie ich Schriftsteller geworden bin. Der wunderliche Roman meines Lebens / Hsg. Peter Goldammer. Berlin, 2000. S. 497. Далее — *Pietsch. Schriftsteller*).

³⁰ «Ich hörte ihn in seinen Zimmern stöhnen und ächzen, mit großen Schritten auf und ab gehen. „Turgenjew, was haben Sie, was peinigt Sie? Sie machen mir angst!“ sagte ich ihm, als ich zum ersten Mal Zeuge dieser Szenen wurde. — „Ach, ich bin so elend“, war die Antwort, „ich *muß* heute *schreiben!*“ Er hatte schon während mancher Tage unter diesem „Muß“ gelitten; um sich dem Zwange zu entziehen, mit sich allein Schach gespielt, war auf die Jagd gegangen. Aber er erlangte damit doch immer nur einen kurzen Aufschub. Schließlich zwang ihn die unentrinnbare Nötigung auf den Sessel vor seinen Schreibtisch nieder und hielt ihn gebannt in der Arbeit, bei der er dann hinter vor jedem Besucher und Störer fest verschlossenen Türen tagelang ausharrte» (Ibid. S. 498).

³¹ *ПССУП(2). Письма*. Т. 9. С. 78. Письмо к М. А. Милютиной от 20 октября (1 ноября) 1868 г.

«Начиная с середины августа, однако, когда открывался сезон охоты, Тургенев и его друг Луи Виардо редкий день могли усидеть дома. Почти каждый день в сносную погоду перед воротами останавливалась охотничья коляска. В ней размещались ружья, ягдташи, гладкошерстный, коричневый пес Виардо и легавая Тургенева, длинношерстный, черный, с коричневыми подпалинами на лапах Пэгас — благородное животное, душа которого, по мнению его хозяина, была совершенно человеческой, а во многом даже значительно превосходила ее. Охотники садились в коляску и отправлялись в нанятое ими охотничье угодье на другой стороне Ооса в долине Рейна, откуда они возвращались только вечером, уставшие и нагруженные добытыми трофеями. Страсть Тургенева к охоте была почти так же сильна, как его страсть к музыке, т. е. к *слушанию* хорошей музыки».³²

Охота, конечно, не всегда завершалась успехом. Показательны в этом отношении письма маленьких девочек — Клоди и девятилетней Марианны — к матери. 8 мая 1863 года Марианна пишет:

Ma chère délicieuse <sic!>³³ maman,

...Chère maman, je suis bien heureuse d'être à Bade, et puis mademoiselle Arnholt qui a dit qu'il faudrait retourner à Paris et ne plus jamais le quitter, oh! quand j'y pense cela me fait... Je suis bien ennuyée que papa n'a rien tué hier soir ainsi que Tourguéneff. Ma chère maman je finis ma lettre car je ne peux pas la faire plus longue.

Marianne Viardot.

Le 8 mai 1863. A Bade.

Je suis bien désolée de ne pas pouvoir te finir le dessin mais il faut que nous déjeunions.

Перевод:

Моя дорогая, прелестная мамочка,

...Дорогая мама, я очень счастлива находиться в Баден-Бадене, а еще мадемуазель Арнхольт говорила, что нужно вернуться в Париж и никогда не уезжать из него,

³² «Von der Mitte des August ab freilich, wenn die Jagd aufgegangen war, duldeten es Turgenjew und seinen Freund Louis Viardot nur selten im Hause. Fast an jedem Tage mit erträglichem Wetter hielt der Jagdwagen vor der Tür. Die Flinten, die Handtaschen, Viardots glatter brauner und Turgenjews langvliesiger schwarzer, braunfüßiger Hühnerhund Pégase — ein edles Tier, dem er eine völlig menschliche, ja dieser in manchen Punkten noch weit überlegene Seele nachrühmte — wurden darin untergebracht. Die Herren stiegen ein und fuhren zu ihrem gepachteten Jagdrevier jenseits von Oos in der Rheinebene, von wo sie dann nicht vor Abend, müde gelaufen und mit erlegter Jagdbeute beladen, heimkehrten. Turgenjews Leidenschaft für die Jagd kam fast der für die Musik, d. h. für das Hören guter Musik, gleich» (*Pietsch. Schriftsteller*. S. 497).

³³ Здесь и далее для сохранения детского колорита воспроизводятся ошибки в грамматике и правописании детей Полины и Луи Виардо, с указанием: <sic!>.

о! когда я думаю об этом, это заставляет меня... Мне очень жаль, что папа, как и Тургенев, ничего вчера не подстрелили. Дорогая мама, я заканчиваю это письмо, потому что не могу его продолжить.

Марианна Виардо.

8 мая 1863. Баден-Баден.

Я очень огорчена, что не могу закончить для тебя рисунок, но нам пора обедать.

А старшая сестра не удовлетворилась одним сожалением о неудаче охотников!

Ma chère et adorable maman,³⁴

Je vais te raconter le rêve <sic!> que j'ai fait cette nuit: J'étais à la chasse avec papa et Tourguénéff (c'était la chasse aux chevreuils). Papa et Tourguénéff tiraient toujours sans tuer quelque chose <sic!>. Moi je vois un chevreuil à quelques pas de moi qui me tournait le dos, sans bouger, je vise je tire et le chevreuil tombe mort. Je le dis à Tourguénéff qui le dit à papa, et ils ne peuvent revenir de leur étonnement et ils ne font que me dire: «Comment c'est toi qui l'a <sic!> tué?» — et moi je répondais toujours: «oui c'est moi». Je me rappelle parfaitement la figure de Tourguénéff avec ses sourcils levés, son petit chapeau rond, montrant du doigt le chevreuil couché, et me regardant avec l'autre main sur sa poitrine. Moi je répondais toujours la même chose en riant. Tourguénéff dit qu'il voulait montrer ce chevreuil à la maison me prit par la main, et nous rentrâmes chez nous où Tourguénéff fut le premier à dire aussitôt que nous fûmes dans le vestibule: «Voyez, ce que Didie a tué». — Tout le monde admira en effet mon action et malheureusement je me suis éveillé <sic!>. Voici chère maman ce que j'ai rêvé cette nuit. Claudie Viardot.

Bade. le 9 mai 1863.

Перевод:

Моя дорогая и обожаемая мамочка,

Я хочу рассказать тебе сон, приснившийся мне сегодня ночью: Я была на охоте с папа и Тургеневым (это была охота на косуль). Папа и Тургенев все время стреляли, но не убили никого. Я же вижу в двух шагах от меня косулю, повернувшуюся спиной и стоящую без движения, прицеливаюсь, стреляю, и косуля падает замертво. Я говорю об этом Тургеневу, который говорит об этом папа, и они не могут прийти в себя от удивления и только повторяют: «Неужели это ты ее убила?» — а я все время отвечаю: «да, я». Я прекрасно помню лицо Тургенева с поднятыми бровями, с его круглой шапочкой, указывающего пальцем одной руки на лежащую косулю и смотрящего на меня, положив другую руку себе на грудь. Я все повторяла свой ответ и смеялась. Тургенев сказал, что хочет показать косулю дома, взял меня за руку, и мы вернулись домой, где Тургенев первый, как только мы оказались в прихожей, тут же сказал: «Посмотрите, кого убила Диди». — Все действительно восхищались моим

³⁴ Над словом «maman» — рисунок с изображением ангела. Впрочем, письмо Марианны также изобилует рисунками.

Рисунок Клоди Виардо в письме к матери от 9 мая 1863 г. (Houghton Library)

попущком, но, к сожалению, я проснулась. Вот, дорогая мама, что мне приснилось сегодня ночью. Клоди Виардо.

Баден-Баден. 9 мая 1863.³⁵

Когда не было охоты, у Тургенева было довольно строгое «расписание дня». Пич вспоминает:

«По утрам мы пили чай и завтракали у него в комнатах, после чего каждый из нас проводил первую половину дня в полной свободе, где и как хотел, не заботясь о другом. Ужинать он отправлялся каждый день на виллу Виардо. <...> Поздние вечерние, а также ранние ночные часы мы оба проводили в кругу семьи Виардо».³⁶

Подробности об этих вечерах сообщает В. А. Рубинштейн: «В семейном, тесном кругу эта необыкновенная женщина была не менее интересна и привлекательна. В ней жизнь была ключом и проявлялась на все окружающее. Не забыть никогда вечера, проведенные в уютной гостиной на вилле Аффентала! — У камина, в больших креслах, сидели Виардо и Тургенев. Возвратившись обыкновенно с охоты к обеду, они

³⁵ Houghton Library. MS Mus 232 (14). Луиза Арнхольт (Louise Arnholt) — гувернантка младших детей Виардо.

³⁶ «Wir nahmen vormittags den Tee und das Frühstück in seinen Räumen, nachdem jeder von uns den Vormittag in voller Freiheit, ohne sich um den andern zu kümmern, wo und wie es ihm gefiel, verbracht hatte. Zum abendlichen Mittagmahl ging er täglich zur Villa Viardot. <...> Die späteren Abend- und ersten Nachtstunden wurden immer von uns beiden im Kreise der Familie Viardot verlebt» (*Pietsch. Schriftsteller. S. 496*).

начинали вечер дружным похрапыванием перед огнем, несмотря на громкие протесты Мме Виардо. — „Господи! Как они стареют!“ — восклицала она иногда.

За круглым столом, при свете большой лампы несколько учениц и дети с наставницей Мlle Арн<х>ольд занимались рукоделием и принимали участие в разговоре, оживляя его взрывами веселого смеха. Сама Виардо с работой или карандашом в руках, всегда веселая, предприимчивая, рассказывала, шутила, иногда читала вслух, заставляла каждого высказываться и вызывала самого И<вана> С<ергеевича> на интересную беседу.

Сначала он нехотя отвечал, потом, оживляясь, поднимался с кресла и стоя или расхаживая говорил о своей молодости, о деревне, о России. У меня живо сохранилась в памяти его мощная фигура, красивое русское лицо, и серебристые волосы, и добрые светящиеся глаза и один его рассказ: именно, как будучи двадцатилетним юношей „стройный и гибкий, как тростник“ — он ухаживал в деревне за какой-то барышней и страшно занимался своей наружностью. С неподражаемым юмором он описывал моды того времени и как он — Тургенев взбивал себе высокий чуб над лбом, обливался отчаянными духами, от которых у самого голова кружилась, и был в полной уверенности, что именно тот чуб покорит девичье сердце. И он взъерошил белые волосы и выступал по комнате, изображая франта сороковых годов. Разговор постепенно оживлялся и касался всегда животрепещущих вопросов дня. Г-н Виардо обыкновенно молчал, глядя на огонь, но порой вставлял словечко, всегда умно и уместно. На меня он производил впечатление книги, а не человека: что-то вроде лексикона, необходимый в образованном доме, но к которому редко обращаются. Бывало, что Мме Виардо сядет за рояль и просматривает полученные новинки: тогда Тургенев становился рядом, надевал пенсне и следил за пением: то громко восхищался новой вещью, то приходил в негодование и бранился на самых высоких нотах почти женского голоса. Получались и книги, редкие издания. Тогда и Виардо приближался к нам, высказывал свое мнение и пояснял его. Тут же составлялись программы концертов, затевался домашний спектакль или литературный вечер, и во всем Тургенев принимал самое живое участие. Вечер оканчивался обыкновенно пением».³⁷

Ученицы

В центре деятельности Полины Виардо, начиная с «баденских» лет, было преподавание. Из всей Европы и даже из Америки к ней стреми-

³⁷ Рубинштейн.

лись молодые женщины, мечтающие о профессиональной карьере. К ней посылали своих начинающих певиц для совершенствования директора оперных театров. Среди ее учениц встречались и певицы-любительницы, особенно из высшего света; с них она брала за уроки большие деньги, что позволяло ей обучать многообещающих учениц за более умеренную плату. Помимо самих уроков, ученицы должны были принимать участие в концертах и вечерах вместе со своей преподавательницей. Это позволяло им приобрести ценный опыт и в то же время давало возможность избранной аудитории познакомиться с ними, так как П. Виардо могла всегда обещать идеальную публику благодаря связям в артистическом мире и в высшем свете. Если домашние вечерние концерты, в которых участвовали самые выдающиеся музыканты того времени (среди них часто бывали А. Г. Рубинштейн и Клара Шуман), устраивались преимущественно ради собственного удовольствия участников и близких к их кругу людей, то воскресные музыкальные утренники носили более «публичный» характер, хотя на них билеты не продавались и присутствовать можно было лишь по приглашению.³⁸ Для хозяйки они также служили местом, где публика могла познакомиться с ее романсами и теми малоизвестными старинными вокальными произведениями, которые она включала в свою большую педагогическую серию «Ecole classique du chant».³⁹ Для учениц эти концерты становились главной ареной на первом этапе их будущей карьеры. Программы составлялись с тем расчетом, чтобы показать учениц с самой выгодной стороны, принималось во внимание и то, кто их будет слушать. Одна из «отличниц» среди учениц Виардо раннего «баденского» периода — Аглия Орвени — описывает, как составлялся план «военных действий»:

«После генеральной репетиции, которая весело прошла за несколько дней до того, втайне был разработан план сражения. Во время репетиции она <Полина Виардо. — Н. Ж.> сказала мне: „Мила Рёдер (новая ученица <...>)

³⁸ Многие из присутствовавших на этих утренниках подчеркивают, что, несмотря на присутствие «августейших особ», на них не придерживались обычных правил иерархии. См., например: *Pietsch Ludwig*. Sommerfahrten. In Baden-Baden. II // *Vossische Zeitung* (Königl. Privilegirte Berlinische Zeitung). 1865. 24. September. N 224. 1. Beilage. S. 3. Далее — *Pietsch*. Sommerfahrten.

³⁹ Эта серия выходила с 1861 г. в издательстве Жерар в Париже. О том, что Полина Виардо исполняла свои романсы, см.: *Höft Brigitte*. Pauline Viardot in Baden-Baden // *Pauline Viardot in Baden-Baden und Karlsruhe*. Baden-Baden, 1999. S. 38 (Baden-Badener Beiträge zur Musikgeschichte. Bd. 4 / Hsg. Ute Lange-Brachmann u. Joachim Draheim). Далее — *Pauline Viardot in Baden-Baden*. Об исполнении ею старинной музыки см.: *Pietsch*. Sommerfahrten. S. 3.

должна непременно играть на арфе, on veut que je chante la romance du Saule avec harpe, mais apparemment je serai fatiguée et alors vous la chanterez et sans façon <есть пожелание, чтобы была исполнена песня Ивы в сопровождении арфы, но я могу оказаться уставшей и тогда споете вы, и без церемоний — франц.>⁴⁰ таков приказ. <...> Но когда я вчера пришла на представление, никакого „могу оказаться“ не было, под номером вторым в программе значилось: Romance du Saule — Mademoiselle Orgeni <„Песня Ивы“ — мадемуазель Оргени — франц.>».⁴⁰

В другой раз Полина Виардо включила в программу музыку из опер Верди «Трубадур» и Беллини «Сомнамбула», так как среди публики должна была присутствовать прусская королева Августа, большая любительница итальянской оперы.⁴¹ Военная хитрость удалась; в конце 1865 года Оргени поступила в оперную труппу берлинского королевского театра!

Для этих музыкальных утренников (matinées) чета Виардо построила недалеко от своего дома небольшой концертный зал. Как это часто случалось в Баден-Бадене, строительство затянулось,⁴² и торжественное открытие состоялось лишь в конце октября 1864 года. В статье, посвященной вилле Виардо, Пич дал описание концертного зала. Статью сопровождал известный рисунок, запечатлевший музыкальный утренник, который состоялся 10 сентября 1865 года.

«Изысканный зал обставлен с тонким художественным вкусом и освещен сверху засчет больших окон в потолке; бюсты и картины, которые в нем помещаются, расположены столь же выгодно, сколь удачно подходят его акустические свойства звучанию голосов и инструментов. Так и подобает помещению, предназначенному для наслаждения одновременно всеми искусствами. По всей длине стен, обитых темно-зеленой тканью, красуется изысканная галерея картин старых мастеров, которую здесь собрал госпо-

⁴⁰ «Nachdem wir tags vorher eine sehr lustige Hauptprobe hatten, wurde der Schlachtplan aber heimlich entworfen. Bei der Probe sagte sie <Pauline Viardot. — *H. Ж.*> mir: „Mila Röder (eine neue Schülerin <...>) soll durchaus Harfe spielen, on veut que je chante la romance du Saule avec harpe, mais apparemment je serai fatiguée et alors vous la chanterez et sans façon“ — dies die Order. <...> Als ich aber gestern zur Aufführung kam, gab es keinen Zufall, sondern Nummer zwei steht am Programm: Romance du Saule — Mademoiselle Orgeni» (*Brand Erna*. Aglaja Orgeni. Das Leben einer großen Sängerin. München, 1931. S. 141. Письмо к родителям от 14 октября 1864 г. Далее — *Brand*). Речь идет об арии из оперы Дж. Россини «Отелло».

⁴¹ Ibid. S. 159.

⁴² Это позволило, в частности, Тургеневу занять у Луи Виардо деньги на короткое время (см. письмо Л. Виардо к нему от 16 апреля 1864 г.: *Corr. IT—LV*. P. 229).

дин Виардо. Среди них достойный восхищения женский портрет ван дер Гельста, погрудный портрет старика кисти Рембрандта, восход луны ван дер Меера, святой Иероним Нетшера, трактир Остаде, нива Рюисдаля и на первом месте та самая группка из двух крестьян в центре картины Веласкеса „Пьяницы“, которую старый “князь мира” Годой подарил отцу госпожи Виардо в знак благосклонности и уважения. Ближе ко входу располагаются бюсты Бетховена и Россини, в середине — шедевр француза Милле, мраморный бюст самой хозяйки. А у противоположной стены роскошный орган, отличающийся богатым звучанием внутри и изысканной отделкой снаружи, с изображением головы св. Цецелии, написанной Ари Шеффером на золотом фоне; перед ним рояль фирмы Плейель. Изящно вырезанные из светлого дерева арки были над всем помещением, изображения с атрибутами всех видов искусств украшали пространство стены и прежде всего потолка».⁴³

Никого не удивляет видное место, которое занимает Тургенев на рисунке Пича, однако современники свидетельствуют о еще более актив-

⁴³ «Ein zierlicher, mit feinem Kunstgeschmacke eingerichteter Saal, von großen Fenstern in der Decke von obenher beleuchtet, den Büsten und Bildern, die darin placirt sind, so vortheilhaft, wie seine akustischen Verhältnisse dem Klange der Stimmen und Instrumente. Denn dem Genusse aller Künste ist dieser Raum gleichzeitig geweiht. An den dunkelgrün tapezierten Langwänden prangt die auserlesene Gallerie alter Meisterwerke, welche Herr Viardot hier vereinigte; darunter das bewundernswerthe Frauenbildniß von van der Helst, das Brustbild eines Greises von Rembrandt, der Mondaufgang von van der Meer, der heilige Hieronymus von Netscher, die Schenke von Ostade, das Kornfeld von Ruysdael, und vor allem diesen und nach so viel anderen jene Mittelgruppe der beiden Bauern aus dem Bilde der „Trinker“ von Velasquez, welche der alte Friedensfürst Godoy dem Vater der Madame Viardot als Zeichen der Gunst und Verehrung schenkte; nahe der Thüre die Büsten Beethoven's und Rossini's, in der Mitte das Meisterwerk des Franzosen Millet, die Marmorbüste der Besitzerin selbst. Und an der Wand dagegenüber die prächtige, innerlich so klangreiche, außen so kunstvoll gestaltete Orgel, mit dem von Ary Scheffer auf Goldgrund gemalten Kopfe einer h. Cäcilie; davor der Pleyel'sche Flügel. Zierlich geschnitzte Bogen von lichtfarbigem Holze spannen sich über den Raum, Maleereien der Attribute aller Künste schmücken die Felder der Wand, zunächst der Decke» (*Pietsch Ludwig*. Die Villa Viardot // *Der Bazar*. 1865. 8. Dezember. N 46. S. 401).

Дату утреника можно установить благодаря присутствию Теодора Шторма, который сообщил об этом событии в письмах к детям (см.: *Laage Karl Ernst*. Theodor Strom and Iwan Turgenjew. Persönliche und literarische Beziehungen. Einflüsse, Briefe, Bilder. Heide in Holstein, 1967. S. 129, 130). О Луи Виардо-коллекционере см.: *Beaulieu Michèle*. Louis-Claude Viardot, collectionneur et critique d'art. 1800–1883 // *Bulletin de la Société de l'Histoire de l'Art français*. 1984. P. 243–252. Сам Л. Виардо впоследствии убедился в том, что картина «Рембрандта» принадлежала не мастеру, а скорее всего одному из его учеников.

О более непосредственной — закулисной — роли Тургенева в этом мероприятии свидетельствуют сохранившиеся программы утренников, написанные рукой Тургенева.⁴⁵

Тургенев не только присутствовал на выступлениях Полины Виардо и ее учениц, но и не стеснялся давать оценки, откровенно выражая свое мнение — будь то в письмах или публично, причем характеристики, которые он давал ученицам, могли касаться не только их способностей, но и характера. Магдалена Мурьян описывает энтузиазм Тургенева после исполнения ею арии из «Женитьбы Фигаро» любимого им Моцарта:

«Как только я закончила исполнение арии Сусанны, Тургенев поднялся, взял стул и стал стучать им об пол, таким образом выражая мне свою высочайшую похвалу».⁴⁶

О другой ученице, Анне Буссе, Тургенев замечает в письме к Пичу:

«Девушка — как это часто случается — развилась внезапно, делает огромные успехи — и, обладая притом одним из прекраснейших голосов, какие вообще существуют, стала одной из главных любимиц утренников. <...> В остальном ее характер не изменился — наоборот. Успех еще больше испортил ее — бесстыдное, грубое тщеславие является основной подлинной чертой ее натуры, к тому же она глупа и неповоротлива как колода <...>».⁴⁷

Тургенев оказывал поддержку ученицам П. Виардо не только во время их выступлений в Баден-Бадене. Когда кто-то из учениц пел где-то

⁴⁵ Три программы 1866 г. находятся в Хоугонской библиотеке Гарвардского университета. О них см.: *Чистова И. С.* Тургенев и музыкальные утренники в Баден-Бадене // *ТСб*. Вып. 1. С. 315–319, где на с. 317 воспроизведена программа концерта, состоявшегося 10 марта. Далее — *Чистова*.

⁴⁶ «Als ich meine Susannen-Arie beendet, erhob sich Turgeniew, nahm seinen Stuhl und klopte damit auf den Boden, mir dadurch seine höchste Anerkennung aussprechend» (*Koelle Magdalene, geb. Murjahn*. Erinnerungen. Karlsruhe, 1892. S. 48–49. Далее — *Koelle (Murjahn)*).

⁴⁷ «Das Mädchen hat sich plötzlich — wie es so oft geht — entwickelt, macht enorme Fortschritte — und da sie zugleich eine der schönsten Stimmen besitzt, die es überhaupt giebt, so ist sie zu einer Hauptfavoritin der Matinée geworden. <...> Sonst hat sich ihr Charakter nicht verändert — im Gegentheil. Der Erfolg hat sie noch mehr verdorben. Rücksichtslose brutale Eitelkeit — ist der eigentliche Grundton ihres Wesens — dabei ist sie dumm und unbeholfen wie ein Klotz <...>» (*ИССУП(2). Письма*. Т. 9. С. 77, 266. Письмо от 17 (29) октября 1868 г.). Характеристика, которую Анне Буссе дала Полина Виардо в своем дневнике, в основных чертах полностью совпадает с оценкой Тургенева (Houghton Library, b 2011M-3. Folder 5).

поблизости, он неизменно отправлялся туда, чтобы вместе с П. Виардо и другими ученицами ее послушать. В мае 1869 года Магдалена Мурьян выступала в «Женитьбе Фигаро» в Карлсруэ перед тем, как ей предложили место в местной труппе:

«Госпожа Виардо вместе с отдельными ученицами, а также с Тургеневым приехали на это представление из Бадена, и после представления все вместе мы приятно провели время в гостинице „Наследный принц“». ⁴⁸

А когда дирижер Герман Леви сделал молодой певице шутовское замечание, Тургенев выразил свое несогласие:

«В шутовой форме он <Леви. — *Н. Ж.*> побранил меня за несколько небольших нововведений, которые я позволила себе при выходе из кабинета графини. На этом месте Тургенев возразил, однако, что это было даже очень мило! Ему показалось, как будто рыбка в чистой речушке долго плыла прямо и вдруг — он сделал при этом соответствующее движение рукой — из чистого удовольствия выпрыгнула немного вверх». ⁴⁹

В. А. Рубинштейн вспоминала, как однажды она отказалась от выступления на утреннике: «Неслыханная дерзость! На другой день у меня был урок. С замирающим сердцем вошла я в будуар и, пробираясь за ученицами, села в уголок. Виардо сделала вид, что меня не замечает. Кто-то что-то пел. Прошел час, другой: кончились арии, дуэты, сольфеджи, наконец распустили других. Тогда Виардо, не вставая с места и не глядя на меня, протянула руку за моей тетрадь, поставила ее на пюпитр, расправила листы обеими руками и ударила энергичный аккорд. Можно себе представить, какой последовал речитатив; она остановила меня, начала снова... опять остановила и, не оборачиваясь, сказала строго: „Когда я приказываю моей ученице петь, никто не смеет отказываться. У вас невозможный характер, вас ожидает много горя в жизни“. Я что-то хотела сказать, но слезы душили. Опять энергичный аккорд, и на этот раз кой-как я дошла до конца злополучной арии. Вдруг повернулась

⁴⁸ «Frau Viardot mit sämtlichen Schülerinnen und auch Turgeniew waren zu dieser Vorstellung von Baden herüber gekommen und nach der Vorstellung waren wir alle noch im Erbprinzen mit einander vergnügt» (*Koelle (Murjahn)*, S. 57).

⁴⁹ «Scherzend rügte er <Levi. — *Н. Ж.*> nur einzige kleine Verzierungen, die ich beim Heraustreten aus dem Kabinete der Gräfin mir erlaubt hatte. Da erwiderte Turgeniew aber, das wäre sogar sehr nett gewesen! Ihm käme das vor, als wenn ein Fischlein im klaren Bach lange seinen Weg gerade aus genommen und plötzlich — er machte die entsprechende Bewegung mit der Hand dazu — vor lauter Vergnügen ein bischen in die Höhe schnelle» (*Ibid.*).

ко мне, взяла за обе руки и растроганным голосом: „Ну, перестань, — сказала она, — ты балованное дитя! помиримся — ведь ты знаешь, что я люблю и тебя и Антона!“ Я бросилась ей на шею. Она простила меня и даже на следующее воскресенье заставила петь при каких-то царственных особах.

Кто никогда не забыл и не простил — это Тургенев». ⁵⁰

Даже после того, как они завершали учебу, Тургенев продолжал интересоваться дальнейшей судьбой учениц Полины Виардо. Когда Карен Хольмсен в первый раз отправилась в Берлин, Тургенев обратился к Пичу и, снабдив его подробным описанием внешности молодой норвежки, просил от имени П. Виардо встретить ее на вокзале. ⁵¹ В одном из писем к Полине Виардо он просил предупредить Дезире Арто, «что при встрече я расцелую ее в обе щеки — это не грозит последствиями, я ведь — всего лишь старый подагрик». ⁵² А в 1869 году, когда Арто гастролировала в Москве, при посредстве Тургенева состоялось знакомство его брата Н. С. Тургенева с певицей, о которой писатель отозвался как о своей «большой приятельнице». В 1875 году он также снабдил ее рекомендательным письмом к В. Н. Третьяковой. ⁵³

Особенно внимательно Тургенев следил за первыми шагами на сцене Аглаи Оргени. Когда она поступила в труппу Берлинского Королевского театра, он через Пича неизменно передавал привет «Аглае». ⁵⁴ В другом письме к Пичу он выразил свой восторг после выступления Оргени в опере Мейербера «Гугеноты», на котором присутствовал:

«Должен Вам сказать, что третьего дня я был в Карлсруэ — и видел фрейлейн Аглаю в „Гугенотах“ — и заявляю, что со времен Валентины

⁵⁰ *Рубинштейн*.

⁵¹ См.: ПССиП(2). *Письма*. Т. 7. С. 42, 236. Письмо от 26 мая (7 июня) 1866 г.

⁵² «que je l'embrasserai sur les deux joues, quand je la verrai. De la part d'un vieux goutteux, c'est sans conséquence» (Там же. С. 101–102, 254. Письмо от 1, 3 (15, 16) февраля 1867 г.).

⁵³ См. письмо к Н. С. Тургеневу от 28 октября (9 ноября), а также письма к нему же и к Д. Арто от 15 (27) ноября 1869 г.: Там же. Т. 10. С. 75, 88–89; письмо к В. Н. Третьяковой от 24 августа (5 сентября) 1875 г.: Там же. Т. 14. С. 134.

⁵⁴ См.: Там же. Т. 6. С. 158, 167. Письма от 10 (22) сентября и 4 (16) ноября 1865 г. В последнем он упоминает другую ученицу Виардо: «Поклонитесь фрейлейн Аглае; фрейлейн фон-Пелльниц я пишу сам» («Grüssen Sie Fr-lein Aglaia; Fr-lein von Pöllnitz schreib' ich selber»). А. Оргени добавляет, что с тех пор, как ее приняли в Королевский театр: «В доме у Виардо и среди всех друзей меня называют теперь не иначе как „королевской“ — Тургенев меня замучил этим до смерти» («Im Hause Viardot und bei allem Freunden heiße ich jetzt nur die „Königliche“ — Turgenjew quälte mich zu Tode damit»). Цит. по: *Brand*. S. 165).

в исполнении г-жи Виардо я не видел *ничего* подобного. Я был поражен *пылом страсти* (да, да!), трагической силой трактовки, благородством пения и каждого движения, проявленным ею особенно в 4-м действии. <...> *Здесь* просто надо обнажить голову и поклониться — что я и сделал — тем охотнее, чем менее этого ожидал. Это настоящая артистка <...>». ⁵⁵

А когда она дебютировала в Париже, Тургенев взял на себя роль представителя семьи Виардо — и своего рода хроникера ее выступлений на сцене и в концертах. ⁵⁶ Но кроме того, Тургенев делал ученицам рекламу среди своих знакомых. Максимилиана Фредро, например, он просил «пойти сегодня вечером в концерт и *подогреть*, если вам это будет угодно, успех м-ль Оргени». ⁵⁷

Благодаря постоянному общению и совместным выступлениям ученицы сплотились в веселую компанию. Пич описывает угощения в узком кругу после музыкальных утренников:

«В то время как по завершении утренника гости, выразив устроителям и хозяйкам восторженную благодарность, откланивались, самые близкие друзья и небольшое число приглашенных возвращались через сад, мимо цветочных клумб и боскетов, на виллу Виардо, где в обеденной зале, стены которой были обшиты деревянными панелями, а на окнах которой золотисто-зеленой завесой свешивался снаружи виноград, нас ожидал обед, преисполненный веселья и остроумных шуток». ⁵⁸

В одном из писем к родителям Аглая Оргени описывает забавный эпизод, случившийся 13 октября 1864 года. После домашнего концерта

⁵⁵ «Ich muss Ihnen sagen, dass ich vorgestern in Carlsruhe gewesen bin — und F-lein Aglaia in den „Hugenotten“ gesehen habe — und erklären muss — dass seit der Valentine von Mme Viardot — ich *nie* etwas Ähnliches gesehen habe — und dass *die Glut der Leidenschaft* (ja, ja!), die tragische Kraft der Auffassung, der Adel des Gesanges, jeder Bewegung, die sie namentlich im 4-ten Act entwickelt hat, mich in das grösste Erstaunen versetzt haben. <...> *Da* muss man den Hut abziehen und sich verneigen — und das hab' ich gethan — desto williger, je weniger ich erwartet hatte. Das ist eine wahre Künstlerin <...>» (ПССУП(2). Письма. Т. 9. С. 56, 260. Письмо от 3 (15) сентября 1868 г.).

⁵⁶ См. письмо к П. Виардо от 17 (29) марта 1869 г.: Там же. С. 189; а также: *Brand*. S. 251–253.

⁵⁷ «d'aller ce soir au concert et de *chauffer* s'il vous plaît le succès de Mlle Orgeni» (ПССУП(2). Письма. Т. 6. С. 159, 232).

⁵⁸ «Wenn die Gesellschaft sich nach dem Schluß der Matinee mit enthusiastischen Danksagungen gegen die Veranstalter und Gastgeber verabschiedet hatte, gingen die intimeren Freunde und einige wenige eingeladene Gäste durch den Garten zwischen seinen Blumenbeeten und Bosketts zur Villa zurück, in deren Speisesaal mit den getäfelten Wänden, vor dessen Fenstern das hereinhängende Weinlaub goldig grüne Vorhänge bildete, uns das heiterste geistgewürzte Mittagsmahl erwartete» (*Pietsch. Schriftsteller*. S. 508).

Аглая Оргени.
Рисунок А. Фейербаха (1865)

гости, и в первую очередь прусская королева, поздравили выступавших с успехами, а затем

«...произошла сцена, которая меня очень развеселила и втайне доставила удовольствие. Поскольку начинался дождь, а мы были разгорячены, тетушка Полина заметила по-испански своему супругу, что можно было бы заложить коляску, чтобы отвезти нас домой. Однако, по его мнению, дождя никакого не было и было бы неплохо пройти пешком. Этот испанский диалог, который я, кстати, полностью поняла, очень меня позабавил. Тетушка Полина не настаивала, и он остался победителем. Мы отправились пешком под зонтиками домой <...>».⁵⁹

И в самом деле, вопрос о том, как эти молодые дамы добирались домой с виллы Виардо, которая находилась за пределами тогдашнего

⁵⁹ «...kam eine Szene, die mich hoch belustigte und heimlich anmutete. Es hatte nämlich zu regnen angefangen, wir alle waren sehr erhitzt und Tante Pauline meinte spanisch zu ihrem Gemahl, man könne wohl einspannen, um uns nach Hause zu fahren. Er aber fand, es regne gar nicht und es wäre ganz angenehm, zu Fuß zu gehen. Dieses spanische Zwiegespräch, das ich übrigens vollkommen verstand, ergötzte mich sehr. Tante Pauline insistierte nicht, und er blieb Sieger. Wir marschierten unter Parapluien heim <...>» (*Brand. S. 142–143*).

города, был в те времена не последней важности. На этот счет Аглая успокаивала своих родителей:

«Вы должны знать, что он <Тургенев. — *Н. Ж.*> выступает обычно в качестве нашего кавалера. Почти каждый вечер около полуночи я возвращаюсь с ним под руку домой, а Пёльниц — с домашним врачом д-ром Фриссоном <...> Добавлю для вашего спокойствия, что у обоих господ седые волосы, хотя нет, у доброго доктора красный нос, а вот у Тургенева, который, замечу вскользь, в своем роде очень красив, у него седые волосы».⁶⁰

Однако Аглая Оргени, по всей видимости, рассказала родителям не всю правду. Тургенев, оказывается, был именно тем человеком, которому доверялись секреты. В одном из писем к Оргени Полина Виардо от имени Тургенева несколько ехидно напоминала о более бурных сценах:

«Тургенев поручает мне передать знаменитой примадонне свои наилучшие пожелания и предупреждает, что на днях она получит письмо, написанное in Knittelversen ohne Reime <книттельферсом без рифм — *нем.*>, темой которого будут ночные прогулки в долине Тиргартена, столь часто орошаемые, как и его жилет, как он выразился, слезами вышеозначенной примадонны».⁶¹

Поскольку речь идет преимущественно о молодых «девицах», не удивительно, что случались порой различные любовные истории. Известно, что причиной частых заездов Рубинштейна в Баден-Баден было присутствие там его невесты В. А. Чекуановой.⁶² О том, как Тургенев и Ви-

⁶⁰ «Ihr müßt wissen, daß er <Turgenjew. — *Н. Ж.*> gewöhnlich unser Kavalier ist. Fast jeden Abend gegen Mitternacht wandre ich an seinem Arme heim, die Poellnitz mit dem Hausarzt Dr. Frisson <...> Zu Eurer Beruhigung beigefügt, haben beide Herren weiße Haare, doch nein, der gute Doktor hat eine rote Nase und Turgenjew, der, beiläufig gesagt, in seiner Art sehr schön ist, hat die weißen Haare» (Ibid. S. 154. Письмо от 13 мая 1865 г.). Луиза фон Пёльниц (Luise von Pöllnitz) начала учиться у П. Виардо в 1864 г. и жила в одном доме с Оргени.

⁶¹ «Tourguéneff me charge de présenter à la célèbre primadonna ses meilleurs amitiés et la prévient qu'elle recevra l'un de ces jours une lettre de lui in Knittelversen ohne Reime, dont la thème sera les promenades nocturnes dans la vallée du Thiergarten, si souvent arrosées ainsi que son gilet, dit-il, par les larmes de la susdite primadonna» (Ibid. S. 189).

⁶² Л. Пич замечает, что после их свадьбы, состоявшейся в 1865 г., несмотря на то, что талант Рубинштейна ничуть не изменился, «казалось, однако, что пламя в сердцах его поклонниц стало вздыматься чуть ниже, чем прежде» («schiene aber dennoch die Flammen im Herzen seiner Verehreninnen etwas weniger hoch aufzuschlagen als ehemals <...>») (*Pietsch. Sommerfahrten.* S. 3).

ардо иногда дразнили молодых женщин за их настоящие или мнимые любовные истории, мы вновь узнаем из писем А. Оргени.

«Тургенев и госпожа Виардо все время надо мной подтрунивали из-за того, что мое сердце оставалось глухо. Тургенев мне постоянно твердил, что я хожу повсюду в накидке из ваты, элегантной, но ничего не пропускающей, и советовал мне все же подыскать себе Линдоро. Каждый вечер он встречал меня вопросом: „Eh bien, pas de Lindoro encore?“ <<Ну что? Линдоро так и не появился?» — *франц.*> Мы много над этим смеялись».⁶³

А когда в одном пансионе с нею поселился на отдых молодой художник Ансельм Фейербах, Аглая сразу довела это до сведения Тургенева:

«Вечером я сказала Тургеневу: „Ah, j'ai trouvé un Lindoro. Je ne l'ai pas encore vu, mais c'est une occasion“ <<Ах, я нашла себе Линдоро. Я его еще не видела, но представился удобный случай» — *франц.*> Мы смеялись и шутили <...> и этот молодой человек, которого я никогда не видела, стал с тех пор зваться „mon Lindoro“ <<мой Линдоро» — *франц.*>».⁶⁴

Однажды, когда А. Оргени заболела, Полина Виардо настояла на том, чтобы она осталась у нее, и сама за ней ухаживала. Это дало возможность Оргени по-новому оценить своего педагога:

«Эта женщина являет собой воплощенную гармонию, натуру, полную сил и одинаково развитую во всех областях. Именно это в ней и привлекает. При любых жизненных обстоятельствах эта женщина всегда стоит на верном месте, всегда держит верный тон, и это происходит потому, что ее сердце и разум находятся в равновесии. <...> Если бы вы только могли видеть, как недавно мадам Виардо вечерами простаивала у моей кровати, с какой добротой и любезностью заботилась она обо всех мелочах, сама для меня устраивала все необходимое! <...> Если забыть о небольшой физической

⁶³ «Turgenjew und Madame Viardot neckten mich die ganze Zeit über mein unempfindliches Herz. Turgenjew sagte mir immer, ich ginge umher mit einem Überzug von Watte, fein aber undurchbringlich, und riet mir immer, mir doch einen Lindoro anzuschaffen. Jeden Abend erste Frage: „Eh bien, pas de Lindoro encore?“ Wir lachten sehr darüber» (*Brand*. S. 157. Письмо к сестре Клотильде от 30 мая 1865 г.).

⁶⁴ «Ich sagte am Abend zu Turgenjew: „Ah, j'ai trouvé un Lindoro. Je ne l'ai pas encore vu, mais c'est une occasion“. Wir lachten und scherzten, <...> und diese nicht gesehene Jüngling hieß denn „mon Lindoro“» (*Ibid.*). Все это было в шутку, но когда Оргени заметила в тексте контракта, полученного ею от Берлинского королевского театра, пункт, по которому ей запрещалось выходить замуж, то она его вычеркнула, так как считала это требование «dumme Tyrannei» («глупой тиранией»). См.: *Ibid.* S. 162.

боли, это были чудесные дни, и я бы никогда не согласилась расстаться с ними».⁶⁵

Но и тут Тургенев не отставал. Он подарил больной экземпляр своего романа «Отцы и дети» с дарственной надписью и даже сам его с ней читал!⁶⁶ Легко можно себе представить, с каким удовольствием Тургенев выступал на сцене рядом с Аглаей Оргени в одной из оперетт, которые Полина Виардо сочиняла на его либретто.

Оперетты

Оперетты занимали особое место в педагогической деятельности Полины Виардо. Хотя музыкальные утренники перед изысканной публикой давали ученицам необходимый опыт будущей концертной жизни, многие из них готовились к карьере на оперных подмостках. Им надо было научиться не только петь перед публикой, но и двигаться — даже танцевать и петь одновременно — на сцене, играть роли, взаимодействовать с другими действующими лицами. Так как у П. Виардо учились только женщины, то не доставало готового репертуара, к которому можно было обратиться. И хотя Тургенев неизменно утверждал, что не обладает драматургическим талантом (в чем с ним не соглашались ведущие русские актеры, заказывавшие у него пьесы), на самом деле у него был большой опыт в этой области, и во второй половине 1860-х годов он написал ряд либретто. В них во всей полноте проявился легкий, ироничский юмор писателя, нередко направленный непосредственно на членов семьи Виардо — и на себя. В большинстве откликов на эти оперетты (а об этих представлениях сообщалось в музыкальной прессе по всей Европе) упоминались в первую очередь младшие дети Виардо (особенно Поль с его комическим талантом), однако самые большие требования, особенно с точки зрения музыки, предъявлялись хору учениц.

⁶⁵ «Diese Frau ist die verkörperte Harmonie, eine nach allen Seiten gleichmäßig entwickelte Natur voll Kraft. Das ist es, was an sie so anzieht. In welcher Lage des Lebens es immer sei, diese Frau steht immer am rechten Fleck, hat immer den rechten Ton und das kommt, weil bei ihr Herz und Kopf im Gleichgewicht sind. <...> Hättet Ihr nur neulich abends sehen können, wie Madame Viardot an meinem Bette stand, wie lieblich und gütig sie all Details dachte, mir selbst alles zurecht richtete! <...> Ein bißchen physischer Schmerz abgerechnet, waren es ein paar schöne Tage, und ich möchte sie nicht hergeben» (Ibid. S. 153–154).

⁶⁶ Ibid. S. 155–156.

Осенью 1867 года вилла Тургенева, располагавшаяся рядом с домом Виардо, уже была достроена, но стояла пустой. Первые представления двух оперетт — «Trop de femmes» (Слишком много жен») и «Le Dernier Sorcier» («Последний колдун») проходили в пустых комнатах первого этажа тургеневской виллы, которая получила название «Château enchanté» («Волшебный замок»). В предвкушении премьеры газеты пестрели сообщениями о том, как

«Часто днем далеко и отчетливо разносились в глубокой тишине этой укромной лесистой долины пленительные девичьи голоса, искусно сплетаясь в изысканное созвучие и перемежаясь с низкими мощными мужскими голосами в преисполненном грации и лукавства музыкальном диалоге».⁶⁷

А на представления хлынула избранная публика (в зале помещалось лишь 30 человек) из высочайших артистических и общественных кругов.⁶⁸ В первых опереттах была лишь одна мужская роль (если не считать комические роли для девятилетнего Поля Виардо). Ее исполнял друг Тургенева и семьи Виардо Луи Поме. Однако когда он должен был вернуться в Париж, а королева Августа заказала новые представления, то волей-неволей Тургеневу пришлось его заменить. А так как у Тургенева, к его огромному огорчению, не было голоса, он не пел. Единственная мужская роль в последующих опереттах «L'Ogre» («Людоед») и «Le Miroir» («Зеркало») уже создавалась с непосредственным расчетом на Тургенева — без пения!⁶⁹

⁶⁷ «An manchen Nachmittagen erklangen weit vernehmlich durch die tiefe Stille dieses heimlichen Waldthaales die lieblichsten Mädchenstimmen in kunstvoll zierlichen Tongeflecht verbunden, mit tiefen markigen männlichen Klängen wechselnd in anmuthreicher schalkhafter musikalischer Rede und Gegenrede» (*Pietsch Ludwig*. Heimfahrt auf Umwegen. VI // Vossische Zeitung. 1867. 10. November. N 264 (Sonntags-Beilage N 45). S. 177).

⁶⁸ Об истории этих представлений см.: *Žekulin Nicholas G. The Story of an Operetta: Le Dernier Sorcier by Pauline Viardot and Ivan Turgenev. Part I: Badineries in Baden-Baden*. München. 1989 (Vorträge und Abhandlungen zur Slavistik. Bd. 15). Далее — *Žekulin. Badineries*.

⁶⁹ В своем дневнике Полина Виардо замечает: «Что меня часто удивляло, так это то, что звучный в разговоре голос совершенно заглушался, как только речь заходила о попытках запеть» («Voilà une chose qui m'a souvent étonné, c'est que cette voix assourdissante dans la conversation soit complètement éteinte dès qu'il s'agit d'essayer de chanter») (Houghton Library, b 2011M-3. Folder 5. Запись от 11 июля 1868 г.). Музыкальные материалы, которые хранятся в Хоутонской библиотеке, доказывают, однако, что музыка для этих ролей все-таки сочинялась (например, для роли Людоеда),

Первые представления оперетт прошли в 1867 году, уже после того, как Аглая Оргени закончила свое обучение у Полины Виардо, тем не менее по крайней мере на одном из них она выступила. По желанию королевы Августы, начиная с того же 1867 года, давались особые торжественные представления в честь дня рождения крон-принца Фридриха — 17 октября. Подобное торжественное представление состоялось и в 1868 году, когда давался «Людоед». Сохранилась (печатная) программа этого представления, из которой следует, что Тургенев исполнял «свою» роль Людоеда, Полина Виардо — главную положительную мужскую роль принца Сафира, а приехавшая в гости Аглая Оргени — главную женскую роль принцессы Алели.⁷⁰ Об этом представлении Тургенев сообщил Л. Пичу: «Аглая была очень красива и пела очень хорошо — успех колоссальный!».⁷¹

Успех «*Théâtre du Thiergarten*» («Театра Тиргартена») в доме Тургенева заставил чету Виардо построить настоящий маленький театр рядом с *Kunsthalle* (храмом искусства). Строительство снова затянулось, и торжественное открытие, на котором исполнялся «Последний колдун», состоялось лишь 13 августа 1869 года. В театре была настоящая сцена, небольшая оркестровая яма и зрительный зал.⁷² Через две недели после открытия снова давался «Последний колдун» в музыкальном сопровождении Иоганнеса Брамса.⁷³

несмотря на то что Тургенев не должен был петь (см., например: Houghton Library, b 2011M-3. Folder 31).

⁷⁰ Факсимиле программы см.: *Pauline Viardot in Baden-Baden*. S. 49. Второй экземпляр этой программы находится в Хоутонской библиотеке (Houghton Library, b 2011M-3. Folder 31). Возможно, что они и раньше выступали вместе. В письме к Кларе Шуман от 18 сентября 1868 г. П. Виардо приглашает ее на представление «Последнего колдуна», которое должно было состояться 19 сентября и было последним из-за отъезда Аглаи Оргени (см.: Staatsbibliothek zu Berlin. Preußischer Kulturbesitz. Musikabteilung; любезно сообщено П. Уоддингтоном). Аглая могла, конечно, вернуться в октябре, чтобы принять участие в представлении «Людоеда». В «Последнем колдуна», по всей видимости, она исполняла роль Стеллы, а Тургенев, как всегда, заглавную роль.

⁷¹ «*Aglaia sah sehr schön aus und sang sehr gut — der Erfolg war immens!*» (*ИССУИ(2). Письма*. Т. 9. С. 77, 266. Письмо от 17 (29) октября 1868 г.).

⁷² Подробнее о постройках вокруг дома Виардо и о доме Тургенева, с рисунками и планами см.: *Kraetz Julius*. Das Schlößchen und das Theater im Thiergarten // *Beiträge zur Geschichte der Stadt und des Kurortes Baden-Baden*. o. J. H. 13. S. 7–17.

⁷³ *Žekulin. Badineries*. P. 49.

Дети Виардо в семейном кругу

Ведь правда, таких детей, как ваши, немного, а другой Диди нет в целом свете. Не читайте ей этого: ей нет нужды слышать эти слова, чтобы знать, что я ей принадлежу <...>⁷⁴

Наглядным доказательством того, какое место Тургенев занимал в семье Виардо, служит то обстоятельство, что он был крестным отцом Луизы и Клоди, а также выступал в качестве свидетеля на свадьбах Клоди и Марианны. Кроме того, сыну Луизы, родившемуся в баденской квартире Тургенева, дали имя *Louis-Jean-Paul*, — Тургенев был и *его* крестным отцом!⁷⁵

Все четверо детей четы Виардо были несомненно одаренными. Луиза, которая училась пению у матери, выступала на профессиональной сцене в России, преподавала в разных странах и стала серьезным композитором.⁷⁶ Марианна также училась пению у матери, но, несмотря на явный талант, никогда не выступала профессионально. Поль стал известным скрипачом-виртуозом.⁷⁷ А дар любимицы Тургенева, Диди, проявился на другом поприще.

⁷⁴ «Il est vrai de dire qu'il n'y a pas beaucoup d'enfants comme les vôtres, et il n'y a qu'une Didie au monde. Ne lui lisez pas cela: elle n'a pas besoin d'entendre ces mots pour savoir que je lui appartiens <...>» (*ИССУП(2). Письма*. Т. 5. С. 84–85, 331. Письмо к П. Виардо от 27 июня (9 июля) 1862 г.). 22 мая 1868 г., в день после 16-летия Клоди, П. Виардо записала о ней в своем дневнике: «Кроме отсутствия приверженности к порядку, у нее нет недостатков. Она мила, добра, нежна, умна — и умеет вызвать к себе любовь всех окружающих. Ее способности к рисованию оказались для меня громом среди ясного неба. — Увы, это была наша ошибка — в Бадене этому не научат — нет учителей, нет образцов <для подражания>, нет соперничества, жаль» («Sauf du désordre, elle n'a pas de défauts. Elle est douce, bonne, tendre, intelligente — et se fait aimée de tout le monde. Son aptitude pour le dessin me fait l'effet de foudre. — Hélas, ce sera pourtant notre faute — à Bade ne peut pas apprendre — pas de maîtres, pas d'exemples, pas d'émulation, c'est dommage») (Houghton Library, b 2011M-3. Folder 5).

⁷⁵ Из-за атеистических убеждений Луи Виардо, как Луизу, так и Клоди не крестили в детстве; Луиза крестилась перед свадьбой в 1863 г., а Клоди — в Баден-Бадене 10 ноября 1871 г. См.: *Waddington Patrick. Some Amendments and Additions to the Garcia and Viardot Genealogies // N Z Sl J*. 1983. P. 219; см. также письмо Тургенева к Луи Поме от 12 (24) апреля 1864 г.: *ИССУП(2). Письма*. Т. 6. С. 17.

⁷⁶ В последнее время ее фортепьянные квартеты стали исполняться и даже была сделана запись (Ensemble Viardot. Ars Produktion DH4202. 2007).

⁷⁷ В дневнике Полины Виардо есть трогательное описание материнского волнения при первом профессиональном выступлении сына 19 ноября 1876 г. в извест-

Клоди Виардо.
Рисунок Полины Виардо (1868).
Частная коллекция

В изобразительном таланте Диди еще с раннего детства никто не мог сомневаться. Желанным и ожидаемым подарком ко дню рождения Тургенева была картина от Диди.

«Передайте Диди, что к моему возвращению я ожидаю от нее прекрасного рисунка, того самого, что она должна мне с 9 ноября. Поцелуйте ее за меня, а также Марианну и Поля. Скажите им, что я буду доволен лишь тогда, когда буду сидеть в их комнате на одном из тех знаменитых стульев, со спинками в виде бычьих рогов».⁷⁸

Полина Виардо считала, что единственным недостатком Баден-Бадена было то, что там не было ни подходящего учителя, ни достойного собрания картин, которые могли бы послужить хорошими образцами. В феврале 1867 года Клоди уехала с матерью в Берлин на два месяца, но из-за отсутствия Оскара Бегаса, у которого она должна была брать

ных концертах Паделу (Pasdeloup), где он исполнял концерт Мендельсона (Houghton Library, b 2011M-3. Folder 5). Сохранились две записи Поля Виардо (Pearl BVA 1. 1991; Testament TES 21323. 2004).

⁷⁸ «Dites à Didie que je m'attends à un beau dessin pour mon retour, le dessin qu'elle me doit depuis le 9 novembre. Embrassez-la de ma part ainsi que Marianne et Paul. Dites-leur que je ne serai content que quand je serai assis dans leur chambre, sur une de ces fameuses chaises dont le dos représente les deux cornes d'un taureau» (ПССУП(2). Письма. Т. 5. С. 224, 360. Письмо к П. Виардо от 17 (29) ноября 1863 г.).

уроки, надежды не оправдались.⁷⁹ Именно поэтому семья Виардо — и, естественно, Тургенев вместе с ними — переселилась в Карлсруэ зимой 1868/1869 года, в надежде найти для Клоди хорошего учителя в этом городе. Надежды снова оказались напрасными. В письме к Пичу Тургенев сообщал: «Диди очень усердно работает; ко дню моего рождения она приготовила мне „Снятие с креста“ — настоящее чудо! У ребенка в голове больше воображения, чем у 10 Лессингов!».⁸⁰ Решение провести зиму 1870 года в Веймаре было также принято преимущественно ради Диди. Там, наконец, нашелся и подходящий учитель — Шарль Верла (Verlat).⁸¹

С уходом Полины Виардо со сцены и переездом в Баден-Баден изменились семейные обстоятельства. Если раньше нередко приходилось оставлять старшую дочь, Луизу, с родными во время гастролей Полины, то младшие дети выросли в тесном семейном окружении. Девочки, по всей видимости, получили домашнее образование; Поль стал — очень неохотно — ходить сначала в местную школу, а затем — столь же неохотно — поступил в гимназию в Карлсруэ.⁸²

Едва ли может любой дом, в котором живут дети, избежать шума и беспорядка, и дом Виардо в Бадене не являлся исключением. Аглая Оргени оставила описание того, как проходили приготовления к очередному музыкальному утреннику, на котором было решено исполнить новую аранжировку песнопения «Ave Maria»:

«Она <Полина Виардо. — *Н. Ж.*> садится за стол и пишет. Между тем приходят письма, посетители, дети должны еще что-то разучивать — и вот „Ave Maria“ готова. Вместе с Жанной <Марсель. — *Н. Ж.*> я иду за пианино в детскую, чтобы ее пропеть. Тем временем госпожа Виардо принимает камергера короля Бельгии, который также извещает о своем предстоящем визите. Вот так! Наконец он уходит, наша дорогая наставница с бутербродом в руке выходит к нам: „allons essayer un peu sans harpe et puis vous reviendrez

⁷⁹ См. письма к П. Виардо от 10 (22) и 12 (24) февраля 1867 г.: *ПССУП(2). Письма*. Т. 7. С. 107, 108.

⁸⁰ «*Didie arbeitet fleissig; sie hat mir zu meinem Geburtstag eine „Kreuzabnahme“ gemacht — ein wahres Wunder! Das Kind hat mehr Imagination im Kopfe als 10 Les-singe!*» (Там же. Т. 9. С. 95–96, 276. Письмо от 19 ноября (1 декабря) 1868 г.). Речь идет об известном художнике, видном представителе так называемой «дюссельдорфской школы» живописи, Карле Фридрихе Лессинге (1808–1880).

⁸¹ О пребывании в Веймаре см.: *Fischer Klaus-Dieter, Žekulin Nicholas G. Die Beziehungen Pauline Viardot und Ivan Turgenevs zu Weimar. Hildesheim (Studien zu Pauline Viardot-García. Bd. 5) (в печати).*

⁸² *Viardot Paul. Souvenirs d'un artiste. Paris, 1910. P. 19–20. Далее — Paul Viardot.*

ce soir avec Hélène Heermann et nous allons répéter“ <<давайте попробуем исполнять без арфы, а потом вы вернетесь с Элен Хеерман и мы будем репетировать» — *франц.*>. В 3 часа мы уходим, а в 7 вновь возвращаемся и остаемся до полуночи». ⁸³

Дети, очевидно, нередко находились в центре внимания. Им поручались «ответственные» решения. Когда от любимой охотничьей собаки Тургенева Пэгаза родились щенки, дети должны были дать кличку щенку, который достался писателю: «...для этого юного существа какое-нибудь очень поэтичное имя — но на сей раз не „Клистир“! Что-нибудь пленительное и возвышенное! Я чувствую тяготение к *идеальному*». ⁸⁴ В итоге была выбрана кличка, которую предложила Клоди, — Diane (Диана). ⁸⁵ В другой раз дети дали название комнате в новом доме Тургенева, где останавливались гости: Chambre de Pietsch (комната Пича). ⁸⁶ С ними играли в тщательно разработанные игры вокруг вымышленного персонажа г-на де Массенбаха (Mr de Massenbach), особенно в день дураков. ⁸⁷ «Ответственность» — по крайней мере со стороны Диди, которая действительно хорошо знала свою власть над Тургеневым, — доходила до роли блюстителя порядка! Когда Тургенев сообщил Полине Виардо о том, что собирается обедать с Н. В. Ханьковым, известным гурманом, он поспешил добавить: «Но пусть строгая

⁸³ «Sie <Pauline Viardot. — *Н. Ж.*> setzt sich und schreibt. Mittlerweile kommen Briefe; Besuche, die Kinder müssen noch etwas einüben — dann ist das Ave Maria fertig. Ich gehe es mit Jeanne <Marcel. — *Н. Ж.*> an dem Piano der Kinder durchsingen. Einstweilen empfängt Madame Viardot den Besuch des Kammerherrn des Königs der Belgier, welche Majestät sich auch ansagen läßt. So! Endlich ist er fort, mit einem Butterbrot in der Hand kommt die liebe Frau Meisterin zu uns, „allons essayer un peu sans harpe et puis vous reviendrez ce soir avec Hélène Heermann et nous allons répéter“. So geht man um drei und kommt wieder um sieben Uhr bis Mitternacht» (*Brand*. S. 143. Письмо к родителям от 20 октября 1864 г.). Жанна Марсель также была ученицей Полины Виардо; она жила в Баден-Бадене вместе с матерью, Полиной. К г-же Марсель Полина Виардо посылала тех из своих учениц, кто нуждался в дополнительных уроках основ музыкальной грамоты (гармонии, чтения с листа и т. п.). Елена Хеерман (Hélène Heermann) — сестра скрипача Гуго Хеермана, арфистка.

⁸⁴ «...quelque nom bien poétique pour cette jeune personne — pas de „Clysther“ — cette fois! Quelque chose de suave et d'éthéré! Je me sens dans une veine *idéale*» (*ПССиП(2)*. *Письма*. Т. 6. С. 147, 227. Письмо к П. Виардо от 19 июня (1 июля) 1865 г.).

⁸⁵ См. письмо к Клоди, Марианне и Полну Виардо от 21 июня (3 июля) 1865 г.: Там же. С. 149.

⁸⁶ Письмо к Л. Пичу от 9 (21) апреля 1866 г.: Там же. Т. 7. С. 30.

⁸⁷ См.: Там же. С. 143, 149; Т. 8. С. 164.

Диди не хмурит бровки, это ведь Страстная Пятница — будет рыба и совсем немного вина».⁸⁸

Общеизвестно, что, когда Тургенев уезжал, он регулярно и часто писал письма «домой» — Полине Виардо, но также и детям.⁸⁹ Последние, как и их письма к нему, неизменно сопровождались многочисленными рисунками. 28 января (9 февраля) 1865 года Тургенев писал Полине Виардо: «Скажите детям, что я все еще жду от них ответа на посланное им письмо и надеюсь, что ответ этот будет с рисунками Диди. — Ведь в моем же письме были рисунки».⁹⁰

⁸⁸ «Mais que la sévère Didie ne fronce pas le sourcil; ce sera un dîner de Vendredi Saint — du poisson et fort peu de vin» (Там же. Т. 9. С. 183, 299. Письмо от 14 (26) марта 1869 г.). Физическая полнота Ханыкова достигла сказочной славы в семье Виардо. Отдыхая на берегу моря, Клоди писала матери: «Льет дождь, ветер дует так, что может поднять господина Ханыкова, море гудит и подбрасывает лодки как ореховые скорлупки» («Il pleut, il vente à déraciner Monsieur Khanykoff, la mer gronde et fait sauter les malheureuses barques comme des coquilles de noix») (Houghton Library. MS Mus 232 (14). Письмо без даты).

⁸⁹ Дневник П. Виардо, хранящийся в Хоутонской библиотеке, свидетельствует о том, как она волновалась, когда Тургенев уезжал, особенно когда он ездил в Россию. «Я со страхом вижу, как он уезжает» («Je le vois parti avec crainte»), — пишет она 13 января 1864 г. А 23 июня 1868 г. она доверяет своему дневнику: «Тургенев уехал 14 числа в Петербург. — Он обещал вернуться к моему дню рождения, 18 июля — дай Бог! Сегодня наконец пришло от него 1-е письмо, помеченное С.-Петербургом. — Бедный друг так прилип здесь, что у него едва хватит времени, чтобы переделать свои дела в России. — Он обещал написать с границы, он этого не сделал, так что промежуток между его 2-м и 3-м письмом был чем-то ужасным. Дорогой друг, да вернет его нам Господь живым и здоровым, и довольным» («Tourguéneff est parti le 14 pour Pétersbourg. — Il a promis d'être de retour pour l'anniversaire de ma naissance, le 18 juillet — Dieu le veuille! Aujourd'hui est enfin arrivée sa 1-re lettre datée de St. Pétersbourg. — Le pauvre ami s'est tant attaché ici qu'il n'a que tout juste le temps de faire tout ce qu'il doit faire en Russie. — Il a promis d'écrire de la frontière, il ne l'a pas fait, de sorte que l'intervalle énorme entre sa 2-de lettre et la 3-me a été quelque chose de terrible. Cher ami, que Dieu nous le ramène bientôt sain et sauf, et content»). Месяц спустя, 11 июля, она жаловалась: «Эта неуверенность в том, куда адресовать письма к нему, уверенность быть прочитанной материнским оком полиции — да еще отблеск впечатлений, который во мне вызывали письма, все это совсем не располагает к общительности» («Cette incertitude de savoir où lui adresser les lettres, la certitude d'être lue par l'œil maternel de la police — et puis le reflet de l'impression que me causaient les lettres, tout cela n'est guère fait pour engager à être bien communicatif») (Houghton Library, b 2011M-3. Folder 5).

⁹⁰ «Dites aux enfants que j'attends encore la réponse à la lettre que je leur ai écrite et j'espère bien que cette réponse sera illustrée par Didie. — J'ai bien illustré ma lettre!» (ИССИП(2). Письма. Т. 5. С. 264, 380). Следующее письмо к Полине от 31 января (12 февраля) подтверждает, что при письме от Луи было «la missive collective des trois enfants» («коллективное послание троих детей») (Там же. С. 265, 380).

Сохранившееся письмо от него к Клоди, Марианне и Полю от 21 июня (3 июля) 1865 года обильно украшено рисунками.⁹¹ Когда он был в отъезде, он постоянно вспоминал и думал о них. Из Спасского летом 1868 года он писал: «Две великолепные сосны редкой породы растут вплотную друг к другу вот каким образом: <рисунк> (они уже очень высокие и вызывают у меня в памяти Диди и Марианну) посреди красивой лужайки».⁹²

Беспокойство о здоровье Диди наводит его на мысль о целебной природе в Спасском и заставляет мечтать о том, как вся семья Виардо придет посетить его русское «гнездо»: «Это очень меня развлекает. Я вдруг начинаю воображать себе, как Диди идет по одной из аллей сада и т. д. и т. д. А между тем время летит, как раз сегодня наступил благословенный июль месяц... Терпение! Терпение!».⁹³

Клоди суждено было приехать в Россию лишь в 1883 году, когда она с мужем Жоржем Шапро, представляя семью Виардо, сопровождала бранные останки Тургенева на родину. Но и на этот раз, в 1868 году, Тургенев должен был набраться больше терпения, чем ожидал: несмотря на твердое намерение вернуться, как обычно, к большому семейному празднику — ко дню рождения Полины Виардо, отмечавшемуся 18 июля, из-за очередного припадка подагры он вынужден был задержаться в России и не успел доехать вовремя. А в другом письме он описывает (с иллюстрациями различных выражений своего лица) сцену на вокзале: «А когда приеду на вокзал в Баден-Бадене и увижу на платформе фигурки неких маленьких морских обезьянок, которых люблю всем сердцем, — вот каким я буду: <рисунк>. — Я не стану красивым, но буду очень счастлив, — и вы тоже, не правда ли?».⁹⁴

⁹¹ См.: Там же. Т. 6. С. 148–149.

⁹² «Deux magnifiques pins d'une espèce rare, poussent, collés l'un à l'autre (comme cela: <рисунк> ils sont déjà très grands, ils m'ont fait penser à Didie et Marianne), au milieu d'une jolie pelouse <...>» (Там же. Т. 9. С. 23, 244).

⁹³ «Cela m'amuse beaucoup. Je me surprends à m'imaginer Didie marchant dans une allée du jardin, etc., etc. — Et cependant le temps passe et nous sommes dès aujourd'hui dans le bienheureux mois de juillet... Patience! Patience!» (Там же. С. 19, 241. Письмо к П. Виардо от 19 июня (1 июля) 1868 г.). См. также предыдущее письмо к ней: Там же. С. 18.

⁹⁴ «...et quand j'arriverai à la gare de chemin de fer de Bade; quand j'apercevrai sur la plateforme certaines figures de petits singes marins que j'aime de tout mon cœur — voilà comme je serai: <рисунк> Je ne serai pas beau, mais je serai bien content — et vous aussi, n'est-ce pas?» (Там же. Т. 6. С. 149, 227).

Марианна Виардо.
Рисунок Людвиг Пича

«Singes marins» (букв.: «морские обезьянки») — было, очевидно, семейное прозвище для трех младших детей. В письме от 18 декабря 1865 года к матери, уехавшей в Берлин, Диди пишет:

«Но я не могу представить себе, что ты сейчас так далеко от нас, когда думаю, что еще третьего дня вечером ты была в Баден-Бадене и что железная дорога в такой короткий срок унесла тебя так далеко от Тиргартена и от твоих „морских обезьянок“». ⁹⁵

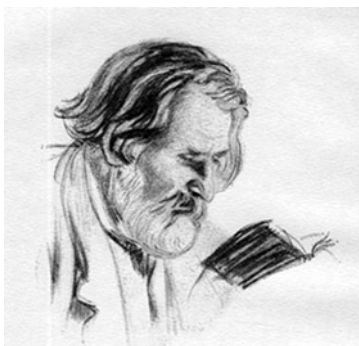
А в той части письма, которую написала Марианна, она успокаивает маму, что семейная рутина мало изменилась в ее отсутствие:

«Тургенев пришел сегодня утром, когда мы завтракали; он двигался своим обычным путем и когда достиг твоего места, спросил „Как поживае*те*?“ у Диди, которая сидела на твоём месте». ⁹⁶

Четыре года спустя от Клоди поступил очередной отчет о домашних делах для матери, которая на этот раз находилась в Веймаре, где готовилось представление «Последнего колдуна»: дети росли, и их интересы расширялись.

⁹⁵ «Mais je ne puis me figurer que tu es si loin de nous quand je pense qu'avant hier <sic!> au soir tu étais encore à Bade, et que le chemin de fer t'a emmené en si peu de temps si loin du Thiergarten et de tes petits „singes marins“» (Houghton Library. MS Mus 232 (14)).

⁹⁶ «Tourguénéff est venu ce matin pendant que nous dejeunions <sic!>; il a fait son tour ordinaire, et quand il est arrivé à ta place il a demandé „comment allez-vous?“ à Didie qui était à ta place» (Ibid.).

И. С. Тургенев.
Рисунок Людвиг Пича (1868)

«Как поживает твой друг Лист? <...> Мне очень интересно, что он скажет об оперетте, но ему не остается ничего иного, как хорошо держаться, потому что, если он не будет в восторге, — я его навеки отвергну!!!!

Сегодняшней ночью папа хорошо спал, несмотря на ужасный ветер. Я трудилась над Магдалиной, что меня очень занимает; после обеда Тургенев продолжил утомительное чтение „Веверли“, потом мы с Марианной в четыре руки разбирали Шуберта. Мы немного пофилософствовали обо всем, что было более или менее интересно. Но мама, как хорошо, что ты скоро возвращаешься, чтобы спасти „Meistersinger“ <<Мейстерзингеров» — нем.>, потому что Тургенев пользуется твоим отсутствием, чтобы разрушить их как можно больше! *Трус!* Малыш Лулу чувствует себя уже совсем хорошо, он много говорит о бабушке и умеет уже находить Веймар на карте. Но я так хочу увидеть дорогую мамочку, но я так счастлива, что она немного развлекается, что потерплю еще немного. Дорогой папочка тоже потерпит».⁹⁷

⁹⁷ «Comment se porte ton ami List <sic!>? <...> Je suis bien curieuse de ce qu'il dira de l'opérette; mais il n'a qu'à bien se tenir, car s'il n'en est pas enthousiasmé — je le renie à jamais!!!!

Papa a bien dormi cette nuit malgré le vent terrible qu'il fait. J'ai travaillé à la Madeleine qui m'amuse beaucoup à faire; après le dîner Tourguénef a continué la lecture languissante de Waverley, puis Marianne et moi avons déchiffré du Schubert à 4 mains. Sur cela nous avons un peu philosophé, sur toutes sortes de choses plus ou moins intéressantes <sic!>. Mais maman, il est heureux que tu viennes bientôt, pour sauver les Meistersinger, car Tourguénef profite de ton absence pour les démolir tant qu'il peut! *Le lâche!* Petit Loulou va tout-à-fait bien maintenant, il parle beaucoup de bonné-maman, et sait déjà trouver Weimar sur la carte. Mais j'ai un grand désir de revoir ma maman, mais je suis si heureuse de savoir qu'elle s'amuse un peu, que je patienterai bien encore quelque temps. Cher papa en fera bien de même» (Ibid.). Лулу — сын Луизы Эритт-Виардо.

Чтение вслух было обычным вечерним занятием в семье Виардо, как и во многих других в то время, и, очевидно, когда читал Тургенев, не обходилось без комментариев. Осенью 1871 года, когда Тургенев остался в Баден-Бадене с детьми, пока Полина — а чуть позже и Луи Виардо — готовили дом на улице Дуэ в Париже для переселения туда после франко-прусской войны, Клоди сообщала матери, что Тургенев начал читать с ними роман Шарлотты Бронте «Джейн Эйр»: «Во время чтения Тург<енев> по нескольку раз падает в обморок от высказываний героини; к страшному негодованию тетушки, которая страшно сочувствует вышеназванной Джейн Эйр».⁹⁸

По мере того как дети росли, их роль менялась; они все активнее принимали участие в мероприятиях взрослых. Полина Виардо начала для них сочинять музыку, в частности для маленького Поля, который уже серьезно занимался игрой на скрипке. 10 февраля 1866 года у Виардо гостила Мария Муханова и после обеда дети выступили со «своей» музыкой, о чем Муханова сообщила дочери в письме: «Третьего дня мы обедали у госпожи Виардо. Ее сын 8 лет играет на скрипке как ангел; у девочек литавры и тамбурины. Госпожа Виардо сочиняет симфонии для этой публики, при этом сама играет на фортепьяно. Это самое чудесное, что только можно услышать, и восхитительно как семейная картина...».⁹⁹

⁹⁸ «Während der Lektüre, sinkt Tourg<éneff> mehrere Male in Ohnmacht über die Redensart der héroïne; zur schrecklichen Entrüstung der Tante, die die obenerwähnte Jane Eyre furchtbar protegirt» (Ibid.). Письмо не датировано, год написания устанавливается по содержанию. Письма к матери Клоди обычно писала по-французски, иногда по-испански, а в последние баденские годы — частично по-немецки.

⁹⁹ «Avant-hier, nous avons dîné chez Mme Viardot. Son garçon de 8 ans joue du violon comme un ange; les petites filles ont des timbales et des tambourins. Mme Viardot a composé des symphonies pour ce petit monde où elle tient le piano. C'est la plus jolie chose qu'on puisse entendre et un ravissant tableau de famille...» (Marie von Mouchanoff-Kalergis, geb. Gräfin Nesselrode in Briefen an ihre Tochter. Ein Lebens- und Charakterbild / Hsg. La Mara. 2. neubearbeitete Auflage. Leipzig, 1911. S. 173).

Одно такое сочинение сохранилось и находится в настоящее время в Хоутонской библиотеке (Houghton Library, b 2011M-3. Folder 42). Судя по уже упоминавшемуся письму Тургенева к детям Виардо от 21 июня (3 июля) 1865 г., в котором он выражает надежду, что, «когда я вернусь, вы втроем устроите для меня великолепный концерт, инструментальный и вокальный» («à mon retour vous me donnerez tous les trois un fameux concert instrumental et vocal»), такие представления начались еще раньше (*ЛССУП(2). Письма*. Т. 6. С. 149, 228). Сам Поль Виардо впоследствии вспоминал: «Я дебютировал в качестве начинающего скрипача на одном из таких утренников. Будучи совсем малышом, обладающим присущим этому возрасту на-

Письмо Клоди Виардо к матери от 30 ноября 1869 г.
(Houghton Library)

Очевидно, Муханова не ошиблась в оценке высокого уровня исполнения. Через месяц, 10 марта 1866 года, это сочинение завершало программу одного из музыкальных утренников!¹⁰⁰

От детей также требовалось, чтобы они развивали свое критическое чутье. В одном из писем к матери Клоди сообщает о представлении заезжей труппы в местном театре. Перечислив всех участников в спектакле по именам, она подробно разбирает исполнителей главных ролей:

хальством, я очень позабавил огромного усатого господина со странными светлыми глазами, который пожал мою крохотную ручонку своими огромными сильными лапами, это были лапы графа Бисмарка» («Je fis mes débuts de violoniste en herbe à l'une de ces matinées. Tout petit, doué de cet infernal toupet spécial aux enfants, j'amusai fort un gros monsieur moustachu aux yeux singulièrement clairs, qui serra ma main de moutard dans ses grandes pattes puissantes, celles du comte de Bismarck») (Paul Viardot. P. 15).

¹⁰⁰ См.: Чистова. С. 317–318.

«Зал был полон (в особенности офицерами). Смущенная этим представительным собранием, выйдя на сцену, м-ль Вабель дала петуха, впрочем, была не так плоха. Г-н Штольценберг хотел поважничать в подражание г-ну Кратцелю (какая дерзость!!), но неудачно; он имел вид учителя танцев, так он сучил ступнями и своими маленькими спичками, которые он называет ногами (Узнать, все ли принадлежит ему, я в этом сомневаюсь). Г-жа Браунхофер с ее неизменной Вавилонской башней на макушке. Ее любимый жест — сложить руки и сделать движение, которое обычно делают, когда плывут. Переверни страницу, дорогая мамочка, и ты увидишь их точный портрет. Ты увидишь г-на Штольценберга в минуты патетические, а в минуты нежности положение ее ног примерно такое, рук такое, а глаз такое. Верность изображения *наиточнейшая*. В своей большой арии „Ah ma bracho“ она хотела походить на цыпочках на манер Патти (что ей столь же мало удалось, как и г-ну Штольценбергу позы в духе Кратцеля). Она ходила на цыпочках с тем же изяществом и легкостью, с каким каторжник тянет свою ямку».¹⁰¹

Естественно, дети стали также принимать участие и в более шаловливых семейных мероприятиях, среди которых «игра в портреты» пользовалась особой популярностью. Описание того, как играли в эту игру, популярную в семье Виардо с середины 1850-х годов и по крайней мере до 1877 года, дал Людвиг Пич:

«Совершенно оригинальная игра, неизменно захватывавшая тот круг гостей, который собирался вечерами в салоне <Виардо. — *Ред.*>, основывалась на особенном таланте Тургенева. Он обладал способностью, руководствуясь воображением, набрасывать на бумаге профили, особенно мужские, которые он рисовал сходу и без помарок; эти профили поражали своей неотразимой жизненной правдой, в них были видны строгая последователь-

¹⁰¹ «La salle était remplie (surtout d'officiers). Intimidée par cette imposante assemblée Mlle Wabel a fait son début par un quac, mais du reste n'as pas mal été. Mr Stolzenberg voulait se donner des airs à la Kratzel (quelle audace!!) mais il n'y pas <sic!> réussi; il avait l'air d'un maître de danse tant il tordait ses pieds et ses petites allumettes <sic!> qu'il appelle ses jambes. (Savoir si tout y est à lui; j'en doute). Mme Braunhofer avec son invariable tour de Babel en haut de sa tête. Son geste favori est de joindre les mains et de faire le mouvement qu'on fait ordinairement pour nager. Tourne la page chère maman et tu verras leur exacte portrait. Tu vois Mr Stolzenberg dans des moments pathétiques, dans les moments tendres voici à peu près la pose de ses pieds, celle de ses mains, celle de ses yeux. Tout cela est d'une exactitude *parfaite*. Dans son grand air „Ah ma bracho“ <sic!> elle a voulu faire des cocotes à la Patti (qui ne lui ont pas mieux réussi qu'à Mr Stolzenberg les poses à la Kratzel). Elles les faisait avec autant de grâce et de légèreté <sic!> qu'un forçat traîne <sic!> son boulet» (Houghton Library, MS Mus 232 (14)). Письмо от 30 ноября <1869 г.>. Речь идет о виртуозной арии Амины «Ah! non giunge uman pensiero» («О, человеческая мысль не в состоянии понять моего счастья») в финале оперы Беллини «Сомнамбула», где она поет: «Ah! mi abbraccia» («О, обними меня»).

Вечер в доме Виардо. «Игра в портреты». Рисунок Людвиг Пича (1865)

ность в разработке характеров и четкий образ определенного типа, ярко представленного лица. Нанеся их на бумагу, он тут же отстранялся от них и тогда уже рассматривал и изучал их с тем же интересом, с которым подходил ко всему живому и в особенности к каждой человеческой личности, дабы постичь ее природу, ее особенности, характерные черты, привычки, род занятий и склонности. К подобным штудиям привлекался каждый из принимавших участие в игре, и каждый должен был записать результаты своих наблюдений над данным типом, изображение которого представало перед ним на тургеневском рисунке, под профилем, набросанным в верхней части длинной полоски бумаги, и затем, загнув свою запись, передать листок соседу. <...> После того как каждый записывал свою характеристику, не зная, что написали другие, весь длинный листок передавался для чтения вслух Тургеневу. Самые убедительные, самые остроумные наблюдения, равно как и самые глупые и неверные (последние он неизменно зачитывал с совершенно особой иронией и нескрываемым удовольствием), встречались бурным ликованием».¹⁰²

¹⁰² «Ein ganz originelles derartiges Spiel, das den im Salon abends vereinigten Kreis jedesmal vorzugsweise fesselte, war auf ein eigentümliches Talent Turgenjews begründet. Er besaß die Fähigkeit, aus der Phantasie menschliche Profil-Köpfe, besonders männliche, im einfachen Umriß ohne Stocken und Ändern aufs Papier hinzuzzeichnen, welche von einer sehr merkwürdigen überzeugenden Lebensfähigkeit waren, eine große Folgerichtigkeit der Formenentwicklung und das scharfe Gepräge einer bestimmten Individualität, einer entschieden ausgesprochenen Persönlichkeit zeigten. Wenn sie auf dem Papier

Первая сохранившаяся игра, в которой приняли участие Клоди и Марианна, имела место 17 ноября 1863 года.¹⁰³ С того момента девочки регулярно участвовали в игре наряду с ученицами Полины Виардо и гостями дома (лишь Луи Виардо играл в виде исключения). Вполне вероятно, что нередко они выступали зачинщицами. В марте 1864 года Тургенев вернулся из России 12-го и снова уехал — к дочери в Париж — 23-го. За этот период в «портреты» играли несколько раз, в частности 15 марта, в день рождения Марианны. Можно себе живо представить, как просила Марианна, чтобы играли в день ее рождения, и как Тургенев, несмотря на утомление после длительного путешествия, согласился.¹⁰⁴

15 mars <1864>.

Entrepreneur de roulage — aimant beaucoup la table, et surtout le bon vin, très honnête, gai et assez farceur.

Jeanne Marcel <?>

standen, waren sie für ihn Fremde geworden, die er nun mit dem Interesse, welches er allem Lebendigen und speziell jeder menschlichen Persönlichkeit entgegenbrachte, betrachtete und studierte, um sich über ihre Art, ihre Besonderheit, ihre Charaktereigenschaften, Gewohnheiten, Beruf und Neigungen klarzuwenden. Zu einem gleichen Studium wurde jeder an dem Spiel Teilnehmende aufgefordert, und jeder hatte die Ergebnisse seiner Prüfung des betreffenden Menschen, dessen Bild ihm in Turgenjews Zeichnung vorlag, unterhalb des oben auf einem langen Papierstreifen entworfenen Kopfes niederzuschreiben und dann den darunter umgekniffenen Zettel dem Nachbar zu demselben Tun zu reichen. <...> Wenn jeder, ohne die Charakteristiken des Kopfes durch die anderen zu kennen, die seinige niedergeschrieben hatte, wurde der ganze lange Zettel Turgenjew zum Vorlesen übergeben. Mit Jubel wurden die überzeugendsten, geistvollsten, aber auch die dümmsten und falschesten Deutungen, welche letztere er immer mit ganz besonderem nichtswürdigem ironischem Behagen vortrug, von dem Kreise begrüßt» (*Pietsch. Schriftsteller. S. 499–500*).

¹⁰³ The Portrait Game. Drawings by Ivan Turgenev. Text by Ivan Turgenev, Pauline Viardot and others / Ed. Marion Mainwaring. London, 1973. P. 84–85. Далее — *Mainwaring*.

¹⁰⁴ Из опубликованных материалов следует, что играли 15, 18 и 20 марта. См.: «Игра в портреты» // *ЛН*. Т. 73. Кн. 1. С. 491–496; *Mainwaring*. P. 86–103, на основе последней подтверждается участие Клоди и Марианны в играх 15 и 20 марта.

Marchant <sic!> de vin. Il ne daidaigne <sic!> pas un petit verre d'eau de vie. Brutal.

Marianne Viardot

Aubergiste de village il aime le vin par dessus tout; il est bon quand il n'est pas gris mais il l'est souvent.

Jeanne Fawtier

Il s'enivre toute la journée. Il est très-bête, il fumme <sic!> beaucoup et n'est pas marié.

Claudie Viardot

Bourreau — il est doué d'une force herculéenne. — Il travaille à l'abattoir tous les jours. Il est affreusement facétieux et cynique. Sa forte respiration annonce sa présence longtemps à l'avance. Les yeux noirs ronds et perçants ressemblent à ceux des écrevisses cuites. Sa grosse voix fait trembler la maison. — La forte odeur qu'il exhale retourne l'estomac. — Il passe sa vie au cabaret, dans les salles de boxe de pugilat — mais surtout dans les abattoirs. Ses facéties font horreur.

Pauline Viardot

Astucieux et méchant / il est dégoûtant / menteur et gourmand / comme un vrai normand.

Pauline Marcel

Boxeur émérite — masse de chair et de sang riche et lourd; mange et boit comme un ogre et se porte comme le pont neuf; pas méchant pourtant.

Ivan Tourguéneff

Перевод:

15 марта <1864>. ¹⁰⁵

Предприниматель транспортной конторы — большой любитель застолий, в особенности хорошего вина, очень честен, весел и довольно насмешлив.

Жанна Марсель <?>

Торговец вином. Не брезгует стаканчиком водки. Груб.

Марианна Виардо

¹⁰⁵ *ВН. Slave* 79. F. 70 г. Год и участники этой игры были впервые установлены Марион Мэйнуэринг на основе почерков и других данных (*Mainwaring*, P. 92–93). М. Мэйнуэринг предположительно приписывает первую характеристику дочери Полины Марсель — Жанне, но называет ее Джульет. Жанна Фавтье — еще одна ученица Полины Виардо. В ноябре 1864 г. она вышла замуж за Луи Поме; Тургенев присутствовал на их свадьбе.

Содержатель постоялого двора, вино любит больше всего; добр, когда не пьян, но пьян часто.

Жанна Фавтье

Пьет в течение всего дня. Очень глуп, много курит и не женат.

Клоди Виардо

Палач — наделен геркулесовской силой. Он трудится на бойне ежедневно. Он ужасный шутник и циник. Его тяжелое дыхание предупреждает задолго до его прихода. Черные круглые и пронизывающие глаза похожи на глаза вареных раков. От его грубого голоса сотрясается дом. — От исходящего от него запаха выворачивает желудок. — Проводит жизнь в кабаке, в залах для кулачных боев — но в особенности на бойнях. Его шутки наводят ужас.

Полина Виардо

Лукавый и злой, / он отвратителен, / лжец и обжора / как истинный нормандец.

Полина Марсель

Выдающийся боксер — груда плоти и крови, густой и обильной; ест и пьет как людоед и чувствует себя как нельзя лучше; впрочем, не злой.

Иван Тургенев

На Поля Виардо баденские зимы с их обильными снегопадами производили сильное впечатление. Уже во время первой зимы (скорее всего, к праздникам) Тургенев подарил детям сани и «их жизнь проходит либо на льду, либо в мечтах о нем».¹⁰⁶ Праздновались также дни рождения, члены семьи и близкие обменивались подарками. Во время пребывания в Берлине в декабре 1865 года Полина приобрела маску Гёте, чтобы подарить ее Тургеневу к праздникам.¹⁰⁷ А в своем дневнике Полина сообщает о подарке, полученном от Тургенева в 1868 году: «Он подарил мне красивый бювар из русской кожи, отделанный медью. Он заставил меня саму выбрать под угрозой подарить предмет в два раза дороже».¹⁰⁸

Принимались в интимный семейный круг и некоторые ученицы. В своих письмах домой Аглая Оргени нередко сообщает о вечерах и о семейных праздниках, в том числе о Рождестве. Очевидно, несмотря

¹⁰⁶ «ils passent leur vie sur la glace ou à en rêver» (*ПССУП(2). Письма*. Т. 5. С. 239, 364. Письмо Тургенева к Л. Поме от 28 декабря 1863 (9 января 1864 г.)). Ср.: *Paul Viardot*. P. 19.

¹⁰⁷ См. ее письмо к Аглае Оргени, в котором она просит напомнить Пичу, чтобы тот не медлил с высылкой (*Brand*. S. 187).

¹⁰⁸ «Il m'a donné un beau buvard en cuir de Russie garni de cuivre. Il m'a obligé à le choisir moi même, sous menace de me donner un objet du double du prix» (Houghton Library, b 2011M-3. Folder 5. Запись от 18 июля).

Et Cole
65:00 P. 2

~~M. de ...~~ ^{en ...} - ^{bon caractère} - ^{gentil} - ^{parfait}
 donne le ... ^{comme un à position de}
 geste ^{partout} comme une aiguille - ^{faible de corps} - agile
 beaucoup ^{grand et peut paraître sur la scène} ^{deux}
 Compagnon en ^{guerrier romain} - ^{quand la place}
 est ^{de ...} ^{il travaille volontiers} comme ^{valet}
~~...~~ ^{il se joue} - ^{et ...} ^{il se pique à ...}
^{il finira par devenir} ^{acteur}
 comique - ^{il ...} ^{en parlant}
 peut ^{flûter} ^{et beaucoup de} ^{finesse}
 dans la ^{bouche} - ^{il ...} ^{beaucoup} ^{de}
^{travaux} ^{et ...} ^{de ...} ^{de ...}
^{de ...} ^{de ...} ^{de ...}
^{il adore la} ^{musique} ^{qu'il} ^{entend}
^{est} ^{toujours} ^{entouré} ^{de} ^{de ...}
^{est} ^{le} ^{plus} ^{de} ^{de ...}
^{de} ^{de ...} ^{de ...} ^{de ...}
^{au} ^{de ...}

Malgré la fraîcheur de la nuit, c'est son ardeur,
 comme à jour; il sourit de cette ardeur -
 un peu de chaleur, un peu de chaleur, mais nif
 avec jeunesse.

Ami, pour un nif nif
 mais homme très intelligent.

Un petit bleu - ses travaux
 son sève d'un homme d'une et
 modeste, toujours contact le bon
 même il est mélancolique - ^{est} ^{de}
 les ^{concepts} ^{et} ^{opéras}.
 C'est un excellent ^{parleur} - ^{et}
 - ^{quoiqu'il est fort} ^{drôle}
 et me plaît.

Лист «Игры в портреты».
 Баден-Баден, 9 октября 1869 г.
 (Houghton Library)

на атеистические убеждения Луи Виардо, Рождество все-таки праздновалось в семье Виардо!

«Рождественский вечер провели мы, я и Пелльниц, у госпожи Виардо. Это был замечательный вечер, госпожа Виардо была очень добра, вручила нам небольшие подарки. Я получила экземпляр ее только что вышедшего альбома романсов, на котором она написала пару теплых строк, маленькую парижскую записную книжечку, прелестный флакон и шкатулку из дерева, в которую вставлена ее фотография в роли Нормы. Это был замечательный семейный праздник, в детской радости всегда есть что-то трогательное, а мне было так отраднo видеть свою почитаемую всем сердцем любимую наставницу такой счастливой в своем кругу. Она такая хорошая мать. В первый праздничный день я пришла к ней утром, она взяла меня с собой на прогулку, затем мы у нее пообедали. Вечером мы немного помузицировали и поболтали. Она вновь сочинила несколько чудесных романсов, один из которых хочет посвятить мне. Вчера вечером мы снова были у нее et ainsi de suite <и так далее — франц.>. Эта жизнь меня очень сильно привлекает, и я чувствую душевный подъем и бодрость».¹⁰⁹

По французскому обычаю, в семье Виардо праздновался и Новый год. Новый 1865 год Аглая Оргени вновь встречала с семьей Виардо и, к своей величайшей радости, получила ценный подарок от любимой учительницы: «Тетушка Полина сейчас так добра ко мне. Вы должны также знать, что она теперь обращается ко мне на ты. Мы условились об этом на Новый год. Я очень рада этому, это было для меня хорошим знаком».¹¹⁰

Празднование Нового года, очевидно, сопровождалось веселыми развлечениями. Такие невинные забавы всегда имели немаловажное

¹⁰⁹ «Den Christabend brachten wir, ich und die Poellnitz, bei Madame Viardot zu. Es war ein schöner Abend, Madame Viardot war sehr lieb, machte uns kleine Geschenke. Ich bekam ein Heft ihres eben erschienenen Lieder-Albums mit Paar lieben Worten, ein kleines Pariser-Notizbüchlein, hübschen Flakon und eine Schachtel aus Holz geschnitzt mit ihrer Norma-Photographie. Es war ein schönes Familien-Fest, die Freude der Kinder hat immer etwas Rührendes, und mir tut es so wohl, meine herzlich verehrte liebe Meisterin so glücklich in ihrem Kreise zu sehen. Sie ist eine so gute Mutter. Am ersten Feiertag war ich morgens bei ihr, sie nahm mich zu einer Spazierfahrt mit, dann dinierten wir dort. Abends machten wir ein wenig Musik und plauderten. Sie hat wieder reizende Lieder komponiert, deren eines sie mir widmen will. Gestern abend waren wir wieder dort, et ainsi de suite. Dieses Leben hat für mich einen großen Reiz, und ich fühle mich geistig angeregt, sehr heiter» (*Brand*. S. 149. Письмо родным от 27 декабря 1864 г.). Речь идет об альбоме романсов П. Виардо 1864 г. «12 Gedichte von Puschkin, Feth und Turgenneff». Аглае Оргени был посвящен романс «Тихо вечер догорает...» (во французском переводе — «Chant du soir») на слова А. А. Фета (издание: Douze mélodies sur des poésies russes. Paris, 1866).

значение для семьи Виардо. Наряду с серьезными пьесами им предавались хозяева и гости в Куртавнеле — особенно когда гостили два известных шутника — брат П. Виардо Мануэль Гарсиа и горнист Эжен Вивье. По-видимому, первый вариант «Последнего колдуна» — вариант «буфф» — возник именно в связи с подобного рода забавами.¹¹¹ Если четверги в Париже после франко-прусской войны были посвящены серьезной музыке, то по воскресеньям собирались близкие друзья, чтобы предаваться шалостям вроде шарад.¹¹² В ноябре 1866 года Тургенев писал Пичу о том, чем заняты Клоди и Марианна:

«Каждый день после обеда они ставят пантомимические танцы, под музыку, которую импровизирует госпожа Виардо. При этом происходит много замечательного: так, например, вчера Клоди сделала себе из антимакассара (знаете — эта штука, которую вешают на спинки кресел) род тюрбана — она была похожа на молодую, еще немного дикую богиню из мифологии будущего».¹¹³

Очевидно, к новому 1868 году готовилось особое развлечение — «La Veillée de la St Sylvestre» («Вечер св. Сильвестра»). Об этом произведении упоминает Поль Виардо в своих воспоминаниях наряду с известными опереттами 1867 года («Последний колдун» и «Слишком много жен»),¹¹⁴ однако ранее о нем ничего не было известно. В архиве, недавно приобретенном Гарвардским университетом, хранится папка с материа-

¹¹⁰ «Tante Pauline ist jetzt so gut für mich. Ihr muß auch wissen, daß sie mich jetzt dutzt. Wir haben das so zu Neujahr ausgemacht. Das macht mir sehr glücklich, und es war mir wie ein gutes Verzeichen» (*Brand*. S. 150. Письмо родным от 3 января 1865 г.).

¹¹¹ В одном из альбомов П. Виардо в собрании Хоутонской библиотеки записана главная ария Кракамиша из этой оперетты с пометой: «Courtavenel. 8-bre 1851» (Houghton Library, b 2011M-3. Folder 39).

¹¹² В своих воспоминаниях Поль Виардо рассказывает об одном таком вечере, на котором Тургенев играл профессора анатомии, Сен-Санс — голый труп (в комбинезоне из розовой фланели), который оживает; среди студентов находится студентка-англичанка, его возлюбленная, и он прибегает к такой хитрости, чтобы к ней приблизиться (*Paul Viardot*. P. 34–35).

¹¹³ «Jetzt führen sie jeden Nachmittag pantomimische Tänze auf zur Musik, von Frau Viardot improvisirt. Da kommen prächtige Sachen vor — Claudie hatte sich gestern eine Art Turban von einem Anti-Macassar (wissen Sie — das Ding, das man auf die Fauteuil-Lehnen hängt) — gemacht — und sah aus wie eine junge, noch etwas wilde Göttin aus einer Mythologie der Zukunft» (*ИССУП(2). Письма*. Т. 7. С. 74, 244–245. Письмо от 4 (16) ноября 1866 г.).

¹¹⁴ *Paul Viardot*. P. 17.

лами, которые имеют непосредственное отношение к творческой истории этого произведения.¹¹⁵ С их помощью можно установить, что сценарий произведения — под условным названием «Цыгане» — является первоначальным наброском «Вечера св. Сильвестра». Наличие в сценарии ролей для детей Виардо свидетельствует о том, что это произведение было рассчитано на семейное исполнение, причем участие Луизы (которая в 1867 г. оставила мужа в Южной Африке и поселилась с маленьким сыном у родителей в Баден-Бадене, где осенью того же года участвовала в представлениях оперетт) позволяет предположить, что оно предназначалось к исполнению на новогоднем празднике 31 декабря 1867 года (в католической традиции праздник св. Сильвестра отмечается 31 декабря).¹¹⁶ Во всяком случае, это маленькое произведение позволяет еще раз проникнуть в интимный круг семьи Виардо, членом которой в полной мере следует считать и Ивана Сергеевича Тургенева.

¹¹⁵ Houghton Library, b 2011M-3. Folder 39. В папке находятся: черновики либретто, написанные рукой Тургенева; перечень 10 музыкальных номеров; полный текст либретто, написанный рукой Полины Виардо; музыкальная тетрадь с разными набросками и сочинениями П. Виардо, в том числе связанными с «Вечером св. Сильвестра» и с «Последним колдуном»; роль англичанки леди Крокфорд, написанная рукой Тургенева (не представлял ли он это действующее лицо? А кто играл танцующего медведя?). Хотя, как уже было отмечено исследователями в связи со сценарием «Цыгане», ряд сюжетных схем (выпрашивание денег цыганами и гадание с зеркалом на Новый год) связывает это произведение с четвертой опереттой «Зеркало» (см.: *Оливье Р.* Либретто оперетт и комедия (1867–1869) // *ЛН.* Т. 73. Кн. 1. С. 82–83), однако по жанру и по тому, как складывается сюжет «Зеркала» (в частности, роль Бабахана), эти два произведения определенно отличаются друг от друга.

¹¹⁶ См.: *ПССиП(2).* Соч. Т. 12. С. 203–204. Не присутствовали ли на этом вечере А. Г. и В. А. Рубинштейны, когда Рубинштейн потерял сознание, упал и расшиб колено? Во всяком случае, пока он лежал, за ним ухаживала Луиза, его постоянно посещали Тургенев и члены семьи Виардо. См. письмо Полины Виардо к В. А. Рубинштейн (январь 1868 г.): *Розанов А. С.* Письма зарубежных музыкантов. Из русских архивов. Л., 1967. С. 321.

ЛИБРЕТТО ВНОВЬ НАЙДЕННОЙ ОПЕРЕТТЫ

La Veillée de la St Sylvestre

Mario<u>la, Sarah, Aleko et d'autres bohémiens sont assis en rond par terre. Gricha se tient au milieu avec son violon. — Une chaîne est attachée à sa ceinture — l'autre bout est derrière la coulisse. Lady Crockford est assise sur une chaise; elle a un grand lorgnon à la main.

Miss Cr. Oh que c'est joli! Encorâ, encorâ...

Chœur des Bohémiens¹

Vrais enfants de la Bohême
Ce royaume de gaité.
Nous avons pour bien suprême
L'amour et la liberté. } *bis*

Miss Cr. L'amour! oh! très joli!

Chœur

Notre sort doit faire envie
Sans pays, sans chefs, ni lois,
Nous passons gaiment la vie
Plus heureux que tous les rois! }

Miss Cr. Oh! très bien! mais, pourquoi n'entend-on pas l'ours?

Sarah. Oh, p<ou>r entendre l'ours, belle dame, il faut donner encore un ducat.

Miss Cr. Oune doucat? voilà... voilà...

Sarah. Fort bien... Gricha, fais grogner l'ours et nous répèterons notre refrain.

(Gricha tire la chaîne et l'ours grogne)

Miss Cr. Oh! j'aime l'ours... Et maintenant, il faut me dire la bonne aventure.

Sarah. Volontiers, belle dame; mais c'est encore un ducat.

Miss Cr. Voilà... et un peu d'ours, s'il vous plaît.

(Grognement)

Chanson de Sarah

Donne-moi la main, Madame
Je vous dirai votre sort.
Ah que vois-je? Sur mon âme
C'est trop fort!

Miss Cr. Que voyez-vous?

<...>^a

Miss Cr. Alors, je me console; voilà encore un ducat... Mais ne pourrait-on voir cet ours? son grognement est charming, mais son vioû serait délicieux.

Sarah. Avec plaisir, Madame, mais pour le voir il faut encore deux ducats.

Miss Cr. Deux, 3, tant que vous voulez... mais je veux voir l'ours.

Sarah. Allons! il faut vous contenter... et désirez-vous qu'il danse?

Miss Cr. Oh certainement — sait-il la gigue? La polka?^b

Sarah. Madame, notre ours connaît toutes les danses; il a étudié à Paris — (c'est l'élève favori de Taglioni). Gricha, fait-le entrer.

Gricha. Allons, un peu de gigue, s'il vous plaît.

(Danse de l'ours. Lady C. applaudit)

Miss Cr. Faites lui danser la polka.

<**Gricha**>. A présent, polquez, monsieur. —

(Polka de l'ours)

Miss Cr. Bravo, bravo! — Oh je voudrais bien faire shake-hands avec ce cher petit! pouvait-on?

Sarah. Certainement, Madame, vous pouvez même lui donner un ducat; il le prendra.

^a Следующие строфы отсутствуют в рукописи, для них оставлено место.

^b В отдельной роли Леди Крокфорд: Sait-il la gigue — the Scottish reel? <Он умеет танцевать джигу — или шотландский танец?>

Miss Cr. Oh! voilà, voilà. (*elle lui donne un ducat et lui serre la patte*) Cher petit! au revouâ — «My love!» Adieu, adieu, — — et chantez encore un peu avant que je m'en aille.

Reprise du chœur

Vrais enfant de la Bohême etc.

exit

Scène 2me

Marioula, Aleko (*les regardant sortir*)

Aleko. Quelle folle! mais elle paie bien et ses ducats ne sont pas rognés. Ah ma Marioula, nous voici seuls enfin, et je puis te dire...

Marioula. Laissez-moi... ne t'approche pas.

Aleko. Comment?

Marioula. Laisse-moi... je veux être seule.

Aleko. Comment, c'est avec moi, ton fiancé, que tu parles de la sorte?

Marioula. Mon fiancé, mon fiancé... je ne suis pas bien sûre que tu le sois.

Aleko. Tu douterais de mon amour?

Marioula. Je ne doute pas de ton amour... mais...

Aleko. Mais quoi donc?

Marioula. Je ne suis encore bien sûre que c'est toi, Aleko, que le sort me destine pour mari... mais je le saurai ce soir.

Aleko. Ce soir?... je ne te comprends pas.

Marioula. Ce n'est pas nécessaire... Je te le répète, je veux être seule...

Aleko. Ah par exemple! Tu t'en va comme cela, sans même me permettre un seul petit baiser?

Marioula. Adieu, à demain...

Aleko. Mais tu ne peux pas pourtant...

Marioula. Laisse-moi, ou je me fâcherai... C'est demain le jour du nouvel an? eh bien, à demain... si en effet... (*Elle s'enfuit*)

Scène III

Aleko seul

Grand Dieu! que veut dire ceci? Marioula me repousse, elle ne veut pas m'entendre — elle se refuse à ce mariage projeté... elle ne m'aime donc plus! j'ai donc un rival (*il marche à grands pas.*) Oh malheur et furie!.. (*il s'arrête.*)^a Mais qui est ce rival abhorré! — Gricha avec son ours ?.. Oui, c'est lui, j'en suis sûr ... (*il marche.*)^b J'ai surpris des regards... (*il s'arrête.*)^c Oh mais je me vengerai! voici le moment de rire d'un rire infernal! — Ah ah ah ah! (*il marche.*) Mon sang bohémien bouillonne dans mes veines africaines! Un poignard... 2 poignards... du poison, une carabine... un canon, de la mitraille... se chargeant par la culasse... (*Il s'arrête.*) Mais non! je me rappelle, il y a au grenier une grande épée du temps des Croisades, elle a juste le double de la longueur. Gricha et son ours — c'est ce qu'il me faut — je le clouerais comme un vil insecte et l'ingrate ne jouira pas longtemps de son infidélité!

(Il va pour sortir, et est arrêté par Sarah)

Scène IV

Sarah. Où cours-tu, avec cette mine de frénétique?

Aleko. Je cours me venger!

Sarah. Te venger?

Aleko. Oui, me venger de la volage Marioula et du scélérat de Gricha avec son ours! Je les tuerai tous deux!

Sarah. Comment? tu es fou! qu'a de commun Gricha, son ours et Marioula?

Aleko. Ce qu'il y a de commun! Elle l'aime!

Sarah. Qui? l'ours?

Aleko. Eh non! l'autre!

Sarah. Elle te l'a dit?

Aleko. Il ne manquerait plus que cela! Elle n'a pas voulu me reconnaître pour son fiancé... Elle m'a dit: à demain!

^a *Ремарка вписана над строкой.*

^b *Ремарка вписана над строкой.*

^c *Ремарка вписана над строкой.*

Sarah (*éclatant de rire*). Et c'est là ce qui te fait supposer qu'elle ne t'aime plus? — mais petit fou, moi aussi je te dis à demain! ne sommes-nous pas à la veille du nouvel an?

Aleko. Eh bien, après. Marioula aussi m'a dit la même chose... que signifie?..

Sarah. Cela signifie qu'elle veut, selon notre vieille coutume, aller ce soir en secret dans une grange — dresser une table, mettre deux bougies devant un miroir, et puis regarder dans ce miroir jusqu'à ce qu'elle y voie apparaître son véritable fiancé, celui que la sort lui destine.^a D'ici là, elle ne veut pas se compromettre avec toi, de peur que tu ne sois ce véritable — Je l'ai surprise dans ces préparatifs... et je voulais même t'en avertir pour arranger certaine petite scène.

Aleko. Vrai, ma bonne petite tante^b Sarah, vous ne me trompez pas?

Sarah. Ah, je suis ta bonne petite tante, à présent! Allons, calme ta fureur jalouse, et écoute ce que je vais te dire... Mais sortons d'ici, car j'entends Marioula qui arrive et il ne faut pas qu'elle se doute du tour que nous allons lui jouer.

(*Sarah et Aleko sortent*)

Scène V

(*Marioula entre avec précaution.*

Elle a un panier sous le bras et un miroir à la main.)

Personne m'a vue... il est bientôt onze heures... à minuit il faut déjà être installée... car cela commence à minuit. — Voyons, où ai-je la clef de la grange? ... ah la voici. (*Elle tire une énorme clef de sa poche*). Personne ne m'a vue... Oh quelle neige! allons, il est temps!

(*Elle sort*)

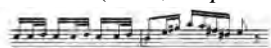

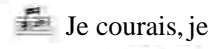

2d tableau. Scène I

(*Une grange. Un table et une chaise à gauche; deux bougies sont placées sur la table aux 2 côtés d'un miroir. Une autre petite table ronde vers le fond. Avec une autre chaise. Dans un coin, un rouet.*)

^a *Далее зачеркнуто*: Je l'ai surprise dans ces préparatifs.

^b petite tante — *вписано над строкой*.

Marioula. *(entre, un panier sous le bras et une lanterne à la main)*^a

 Me voici donc dans cette terrible grange!
 Je respire à peine — personne ne m'a
vue je crois... Oh qu'il fait froid Je courais, je
courais, j'enfonçais dans la neige jusqu'aux chevilles. Je grelotte
 Si je me sauvais? Allons, allons,

du courage! Il faut pourtant que je sache si c'est mon cher Aleko qui doit décidément être mon mari... voyons, mettons tout en ordre. J'ai déjà préparé la table, le miroir, les bougies... allumons-les... *(elle les allume à la lanterne.)* Surtout il ne faut pas oublier ce que m'a dit la vieille: Il ne faut pas se retourner, quoiqu'il arrive... regarder, toujours regarder dans le miroir et ne pas avoir peur... jamais peur! Ah, j'oubliais le couvert... *(elle dispose le couvert qu'elle tire du panier sur la petite table.)* Voilà... du vin... du gâteau... il paraît que les fantômes sont gourmands... Dieu! qu'est-ce que c'est que cela! que je suis folle! C'est mon rouet. Je vais le placer près de ma chaise et comme il n'est pas encore minuit, je vais filez en attendant pour que le temps me paraisse moins long... *(elle s'installe.)*

Chœur de jeunes filles dans la coulisse

La neige froide et blanche
Tombe en légers flocons
Dansons, jusqu'à Dimanche
Au bruit de nos chansons.^b
Les garçons du village
Accourent sur nos pas
Le vent du Nord fait rage
Nous ne le sentons pas.
la la la la

Marioula. Ce sont les filles du village qui vont ainsi courir toute la nuit.
Aleko serait-il avec elles?

2d couplet du Chœur

Laissons au coin de l'âtre
Se morfondre les vieux

^a Мелодрама. Между ее репликами звучат короткие музыкальные фразы, которые приводятся в рукописи.

^b Далее зачеркнуто: Le vent du Nord

La jeunesse folâtre
 Les rend tous envieux.
 A nous troupe mutine
 Et puisse notre chant
 En cloche cristalline
 Sonner dans l'air vibrant.
 Lalalalala

Mariuola. Elles s'éloignent... je ne les entends plus. (*vent*) Oh comme le vent souffle! (*après le vent*) Voyons, je vais tâcher aussi de chanter un peu... pour me réchauffer.

(*Elle chante*)²

Quand vient la saison fleurie
 Où tout s'éveille à la fois
 Le ruisseau dans la prairie
 Le rossignol dans le bois.
 Alors aussi la fillette
 Se levant de grand matin
 Court entendre l'alouette. (*vent*)

<Mélodrame>^a

 Ah mon Dieu, je ne puis continuer, avec ce vilain vent! essayons encore à la fois eh bien?

Qu'est-ce que cela signifie?

Ce violon a l'air de se moquer de moi!

(*Minuit sonne*) Minuit!.. voilà le moment... Allons, du courage! (*elle pose le rouet dans un coin, se met devant le miroir et appuie sa tête dans ses deux mains.*)

^a Музыка мелодрамы приводится в рукописи.

Mélodrame^a

Il me semble déjà que je vois quelque chose Non, ce n'est rien

mais surtout, surtout il ne faut pas se retourner, et quoiqu'il arrive ne pas avoir peur (*apparaît un fantôme*). Ah mon Dieu, que vois-je? (*Le fantôme fait des gestes menaçants et disparaît. Coup de tamtam.*) Je respire à peine... que^b me présage cette apparition? (*éclat de rire prolongé.*)

(*On entend du dehors chanter:*)

Sérénade

Entends tu ma belle
Ces tendres accents?
C'est moi qui t'appelle
Tu dors... et j'attends.

Marioula. Qu'est-ce? ce n'est pas la voix d'Aleko... c'est quelque enchantement... Ne nous retournons pas.

2d couplet

La lune brillante
Monte dans le cieux.
Descends ma charmante
Vers ton amoureux.

Scène 2

Marioula. N'écoutons pas... ne bougeons pas... (*le mélodrame reprend — on voit apparaître Aleko, vêtu en brigand, le chapeau enfoncé sur les yeux, avec un faux nez, une fausse barbe et une hache à la main. Arrivé près de la table ronde, il fait un geste de satisfaction, s'arrête et mange.*)

Marioula. Oh comme il mange!   J'aurai Gargantua pour mari... mais le voilà qui se lève de nouveau... Oh mon Dieu... il s'approche! (*avec le dernier accord met la main sur l'épaule de Marioula. Celle-ci pousse un cri aigu. La musique cesse.*)

^a Музыка мелодрамы приводится в рукописи.

^b Далее зачеркнуто: signifie <означает>

Aleko (*d'une grosse voix*). Tu ne m'attendais pas à souper, eh la petite? Je suis l'épouvantable brigand Mange-tout-cru-croque-sans-sel!

Marioula (*tombe à genoux*). Grâce, grâce!

Aleko (*levant la hache*). Pas de grâce pour toi, à moins que tu ne promettes de m'épouser. —

Marioula. Au secours! je vous épouserai si vous le voulez! Au secours!

Aleko. Tu appelles en vain... Personne ne viendra.

Marioula (*se cachant le visage*). Au secours, Aleko!

Aleko (*se débarrassant de tout son attirail et de sa voix naturelle*). Voilà... me voilà!

Marioula (*ôtant ses mains*). Toi?.. ici? Et le brigand?

Aleko (*montrant sa défroque par terre*). Le voilà!

Marioula. Quoi... c'était...

Aleko. C'était moi.

Marioula (*se relevant*). Et le grand fantôme blanc?

Scène III

Sarah. C'était moi!

Marioula. Et le violon moqueur?

Gricha. C'était moi.

Marioula. Et la sérénade...

Toutes les bohémiennes. C'était nous.

Marioula. Oh quelle tromperie... quelle honte pour moi... laissez-moi, laissez-moi m'en aller.

Aleko. Ah par exemple! et notre mariage? Tu ne peux plus douter maintenant que je ne sois ton véritable fiancé, puisque tu m'as vu dans le miroir.

Marioula. Non, non laissez-moi.

Sarah. Allons, allons, pas d'enfantillage. C'est décidé. D'autant plus que tu l'aimes, petite superstitieuse... Apportez-moi, selon notre antique et solennel usage, la cruche, pour que je la casse... Autant de morceaux, autant d'années à vivre ensemble (*on apporte une cruche, elle la casse — Tous crient: Morceaux!*) Et maintenant que vous voilà mari et femme, allons

célébrer le joyeux événement — à table. Mais auparavant, répétons notre joyeux ronde:

Vrais enfants de la Bohême

Перевод:

Вечер св. Сильвестра

Мариула, Сара, Алеко и другие цыгане сидят в кружок на земле. В центре круга Гриша со скрипкой. — К его поясу привязана цепь — другой ее конец за кулисами. Леди Крокфорд сидит на стуле; в руке у нее большой лорнет.

Мисс Кр. Ах, как красиво! Исчо, исчо...

Цыганский хор¹

Истинные дети Богемии
Это царство радости.
Наша высшая ценность
Это любовь и свобода. } 2 раза

Мисс Кр. Любовь! о! это прелестно!

Хор

Пусть завидуют нашей судьбе
У нас нет ни родины, ни начальников, ни законов,
В веселье проводим мы жизнь
Счастливы больше королей!

Мисс Кр. Ах! очень хорошо! но почему не слышно медведя?

Сара. Чтобы услышать медведя, прекрасная дама, нужен еще дукат.

Мисс Кр. Оудин дукат? вот он... вот он...

Сара. Прекрасно... Гриша! пусть медведь зарычит, а мы повторим наш припев.

(Гриша дергает за цепь и медведь рычит)

Мисс Кр. Ах! мне нравится медведь... А теперь погадайте мне.

Сара. С удовольствием, прекрасная дама, но нужен еще дукат.

Мисс Кр. Вот он... и немного медведя, пожалуйста.

(Раздается рычание)

Песня Сары

Дай мне руку, госпожа,
Я предскажу тебе судьбу.
Ах, что вижу я? Клянусь,
Это слишком сильно!

Мисс Кр. Что вы видите?

<...>

Мисс Кр. Ах, в таком случае я утешена; вот еще дукат... Но нельзя ли увидеть этого медведя? его рычание есть charming,* но его вид был бы delicious.**

Сара. С удовольствием, госпожа, но чтобы его увидеть, нужны еще два дуката.

Мисс Кр. Два, 3, сколько пожелаете... но я хочу видеть медведя.

Сара. Прекрасно! надо, чтобы вы были довольны... и вы желаете, чтобы он танцевал?

Мисс Кр. Ах, конечно — он умеет танцевать джигу? Польку?

Сара. Госпожа, наш медведь умеет танцевать все танцы; он учился в Париже — (Это любимый ученик Тальони) Гриша, выводил его.

Гриша. Итак, немного джиги, пожалуйста.

(Танец медведя. Леди К. аплодирует)

Мисс Кр. Пусть он станцует польку!

<Гриша>. А теперь польку, месье. —

(Медвежья полька)

Мисс Кр. Браво, браво! — Как бы я хотела сделать shake-hands*** этому милашке! можно?

Сара. Конечно, госпожа, вы даже можете дать ему дукат; он его возьмет.

* очаровательно (англ.).

** восхитителен (англ.).

*** рукопожатие (англ.).

Мисс Кр. Ах! вот, вот (*дает ему дукат и пожимает лану*). Дорогуша! до свиданья — «My love!»* Прощай, прощай — — И спойте немного еще перед тем, как я уйду.

Припев хора

Истинные дети Богемии и т. д.

Сцена 2-я

Мариула, Алеко (*смотрят, как они уходят*)

Алеко. Вот сумасшедшая! но она хорошо платит и ее дукаты весят сколько надо. Ах, моя Мариула, наконец-то мы одни, и я могу сказать тебе...

Мариула. Оставь меня... не приближайся.

Алеко. Как?

Мариула. Оставь меня... я хочу побыть одна.

Алеко. Как? Так-то ты говоришь со мной, с твоим женихом?

Мариула. Моим женихом, моим женихом... я не очень уверена, что это именно ты.

Алеко. Ты сомневаешься в моей любви?

Мариула. Я не сомневаюсь в твоей любви... но...

Алеко. Так в чем же дело?

Мариула. Я еще не совсем уверена, что именно тебя, Алеко, судьба предназначила мне в мужа... но я узнаю это сегодня вечером.

Алеко. Сегодня вечером?.. не понимаю тебя.

Мариула. Это и не обязательно... Повторяю тебе, я хочу побыть одна...

Алеко. Скажите на милость! И ты вот так уходишь, не подарив мне даже маленького поцелуя?

Мариула. Прощай, до завтра...

* «Мой милый!» (*англ.*).

Алеко. Но ведь ты не можешь...

Мариула. Оставь меня, или я рассержусь... Ведь завтра новый год?
Итак, до завтра... если в самом деле... *(Она убегает)*.

Сцена III

Алеко один.

Боже правый! что это значит? Мариула отталкивает меня, не хочет меня слушать — она отказывается от намеченной свадьбы... так она не любит меня больше! значит, у меня есть соперник *(ходит большими шагами)*. О горе и ярость! *(останавливается)*. Но кто этот ненавистный соперник? — Гриша со своим медведем?.. Да, это он, я уверен... *(шагает)*. Я перехватил некоторые взгляды... *(останавливается)*. Но я отомщу! Вот когда следует смеяться адским смехом! — Ха-ха-ха! *(шагает)*. Моя цыганская кровь кипит в моих африканских жилах! Кинжал... 2 кинжала... яд, ружье... пушка, картечь... заряженная через затвор... *(Останавливается)*. Но нет! я вспомнил, что на чердаке есть огромная шпага времен крестовых походов, она вдвое длиннее. Гриша со своим медведем — это как раз то, что мне нужно — я пригвозжу его как мерзкое насекомое, и неблагодарная не сможет долго наслаждаться своей изменой!

(Он направляется к выходу, Сара останавливает его)

Сцена IV

Сара. Куда ты бежишь с таким неистовым видом?

Алеко. Отомстить за себя!

Сара. Отомстить?

Алеко. Да, отомстить изменнице Мариуле и негодяю Грише с его медведем! Я убью их обоих!

Сара. Что? ты с ума сошел! что общего у Гриши, его медведя и Мариулы?

Алеко. Что общего? Она любит его!

Сара. Кого? Медведя?

Алеко. Да нет! Другого!

Сара. Она тебе это сказала?

Алеко. Этого еще не доставало! Она не захотела признать во мне своего жениха... Она мне сказала: до завтра!

Сара (*разражаясь смехом*). И это заставило тебя предположить, что она не любит тебя больше? — но ведь и я, дурачок, говорю тебе: до завтра! разве мы не накануне нового года?

Алеко. Ну так что же. Мариула мне сказала то же самое... что это значит?

Сара. Это значит, что она, по нашему старинному обычаю, хочет тайком пойти сегодня вечером на гумно — накрыть стол, поставить две свечи перед зеркалом и смотреть в это зеркало до тех пор, пока не увидит своего настоящего жениха, того, что ей предназначила судьба. А до тех пор она не хочет показываться с тобой из страха, что ты не тот, настоящий. — Я застала ее за приготовлениями... и даже хотела тебя предупредить, чтобы разыграть небольшую сценку.

Алеко. И вправду, тетушка Сара, вы меня не обманываете?

Сара. Ага, теперь уже я твоя тетушка! Тогда уйми свой ревнивый гнев и послушай, что я тебе скажу... Но только уйдем отсюда, а то я слышу, что Мариула возвращается, и не надо, чтобы она знала, как мы хотим ее разыграть.

(Сара и Алеко уходят)

Сцена V

(Осторожно входит Мариула. У нее на руке корзинка, в руке она держит зеркало)

Никто не видел меня... Скоро одиннадцать... К полночи надо быть готовой, потому что это начнется в полночь. — Посмотрим, где ключ от гумна?... ах, вот он (*Она достает из кармана огромный ключ*). Никто меня не видел... А какой снег! что ж, пора!

(Она выходит)

2-я картина. Сцена I

(Гумно. Слева стол и стул; на столе две свечи с 2 сторон зеркала. В глубине другой круглый столик. С другим стулом. В углу прялка)

Мариула *(входит с корзиной и лампой в руке)*. Наконец-то я на этом ужасном гумне! Я едва дышу — полагаю, никто меня не видел. — Ах, как холодно — Я бежала, бежала — я застревала по колено в снегу. Я дрожу от холода — не сбежать ли? — Ничего, ничего, мужайся! Ведь должна же я знать, что мой дорогой Алеко наверное предназначен мне в мужья... итак, все по порядку. Я уже приготовила стол, зеркало, свечи... зажжем их... *(она зажигает свечи от лампы)*. Главное, не забыть то, что говорила старуха: только не оборачиваться, что бы ни случилось... смотреть, все время смотреть в зеркало... и не бояться, ничего не бояться! Ах, я забыла скатерть... *(она застилает маленький столик скатертью, которую достает из корзины)*. Вот... вино... пирог... похоже, призраки сладкоежки... Господи! а это что еще такое! я совсем с ума сошла! Это же моя прялка. Я поставлю ее возле стула, и раз полночь еще не наступила, в ожидании буду пряхть, чтобы скоротать время... *(она устраивается)*.

Хор девушек за кулисами

Холодный и белый снег
Падает легкими хлопьями
Будем танцевать до воскресенья
Под звуки наших песен.
Деревенские парни
Прибегут за нами
Северный ветер свирепствует
Мы его не чувствуем.
Ла, ла, ла, ла.

Мариула. Это деревенские девушки, которые так собираются провести всю ночь. Неужели Алеко с ними?

2-й куплет Хора

Пусть у края очага
Старики умирают от скуки
Легкомысленная молодежь
Вызывает у всех у них зависть.
К нам, своенравная толпа,

И пусть наша песня
Зазвенит в дрожащем воздухе
Как хрустальный колокольчик.
Ла-ла-ла-ла-ла

Мариула. Они удаляются... я больше их не слышу (*ветер*). Ах, как ветер дует! (*после ветра*) Что ж, и я попробую немного попеть... чтобы согреться.

(*Она поет*)²

Когда наступает пора цветения
Когда все разом пробуждается
Ручеек на лугу
Соловей в лесу.
Тогда и юная девушка
Встав рано утром
Бежит слушать жаворонка. (*ветер*)

<Мелодрама>

О Господи, не могу продолжать, с этим противным ветром! попробуем еще раз... все разом... итак?

Тогда и юная девушка

Что это значит?

Встав рано утром

Эта скрипка, кажется, смеется надо мной!

Бежит слушать жаворонка.

(*Бьет полночь*). Полночь!.. время пришло... Итак, смелее! (*она ставит прялку в угол, усаживается перед зеркалом и подпирает голову руками*).

Мелодрама

Кажется, я что-то вижу — Нет, ничего — но главное, главное не оглядываться и не бояться, что бы ни произошло (*появляется призрак*). О Господи, что я вижу? (*Призрак делает угрожающие движения и исчезает. Удары там-тама*) Я едва дышу... что мне предвещает это привидение? (*взрыв продолжительного смеха*).

(*снаружи слышится пение*)

Серенада

Ты слышишь ли, моя красавица,
Эти нежные звуки?
Это я зову тебя
Ты спишь... а я жду.

Мариула. Что это? это не голос Алеко... это какое-то наваждение... Не будем оборачиваться.

2-й куплет

Сияющая луна
Поднимается в небеса.
Выйди, моя прелестная,
К твоему возлюбленному.

Сцена 2

Мариула. Не буду слушать... не буду шевелиться... *(мелодрама возобновляется — видно, как появляется Алеко, одетый разбойником, в надвинутой на глаза шляпе, с фальшивым носом, приклеенной бородой и секирой в руке. Подойдя к круглому столику, он делает одобрительный жест, останавливается и ест).*

Мариула. О, как он ест! У меня будет мужем Гаргантюа... но он снова встает... О господи... он приближается! *(с последним аккордом он кладет руку на плечо Мариулы. Она пронзительно вскрикивает. Музыка стихает).*

Алеко *(грубым голосом).* Ты не ждала меня к ужину, малышка? Я ужасный разбойник Пожиратель-всего-без-соли!

Мариула *(бросается на колени).* Пощадите, пощадите!

Алеко *(поднимая секиру).* Нет для тебя пощады, если только ты не обещаешь выйти за меня. —

Мариула. На помощь! я выйду за вас замуж, если вы этого хотите! На помощь!

Алеко. Напрасно ты кричишь... Никто не придет.

Мариула *(закрывая лицо).* На помощь, Алеко!

Алеко *(освобождаясь от всего своего реквизита, своим голосом).* Я здесь... я здесь!

Мариула (*отнимая руки от лица*). Ты?.. здесь? А разбойник?

Алеко (*показывая на свой наряд, валяющийся на земле*). Вот он!

Мариула. Как... это был...

Алеко. Это был я.

Мариула (*поднимаясь*). А огромный белый призрак?

Сцена III

Сара. Это была я!

Мариула. А насмешливая скрипка?

Гриша. Это был я.

Мариула. А серенада...

Цыганки. Это были мы.

Мариула. Ах, какой обман... какой стыд... оставьте меня, дайте мне уйти.

Алеко. Вот еще! а как же наша свадьба? Теперь ты не можешь сомневаться в том, что я и есть твой настоящий жених, ведь ты видела меня в зеркале.

Мариула. Нет, нет, оставь меня.

Сара. Ну, ну, полно ребячиться. Все решено. Тем более что ты любишь его, маленькая выдумщица... Принесите же мне, как велит наш древний и торжественный обычай, кувшин, чтобы я разбила его. ... Сколько осколков, столько лет и жить вам вместе (*ей приносят кувшин, она его разбивает — Все кричат: Осколки!*). А теперь, когда вы стали мужем и женой, пойдем праздновать это радостное событие — за столом. Но сначала повторим наше веселое рондо.

Истинные дети Богемии

¹ В 1899 г. этот хор, под названием «Chœur Bohémien» в аранжировке для женского соло, трехчастного женского хора, тамбурина, треугольника и фортепьяно, был издан в Париже в издательстве Энох (Enoch).

² Четыре первых стиха совпадают с «Couplets du rouet» из оперетты «Последний колдун». Приведенные внутри мелодрамы отрывки мелодии похожи, но не тождественны с «Couplets du rouet» в «Последнем колдуне».

П. Уоддингтон

ТУРГЕНЕВ И ЕГО РУССКИЕ ДРУЗЬЯ В ФОНТЕНБЛО: СЕМЬЯ ТРУБЕЦКИХ-ОРЛОВЫХ*

История не была благосклонна к семье, которую я избрал для рассмотрения. Если о князе Николае Ивановиче Трубецком (1807–1874) и вспоминают, то только как о дворянине-шуте, новообращенном католике со странными идеями превращения России в римскую епархию. Его жена Анна Андреевна, урожденная графиня Гудович (1818–1882), удостоилась лишь незначительного места в истории как человек увечный и атеистка с республиканскими взглядами. Их единственную дочь, Екатерину Николаевну (1840–1875), вспоминают чаще всего как предмет привязанности князя Бисмарка. Если Трубецкие и вошли прочно в историю, то, несомненно, в первую очередь благодаря своему зятю, знаменитому военному и дипломату, князю Николаю Алексеевичу Орлову (1827–1885).

И все же Тургенев, несмотря на мощный ум и острое критическое восприятие, был очень привязан к Трубецким и виделся с ними так часто, как только мог. Он познакомился с ними в конце 1850-х годов сначала в Париже, а затем в их замке Бельфонтен, расположенном близ Фонтенбло. Конечно, он использовал их в своих личных целях — для того ли чтобы иметь возможность завести знакомства среди влиятельных

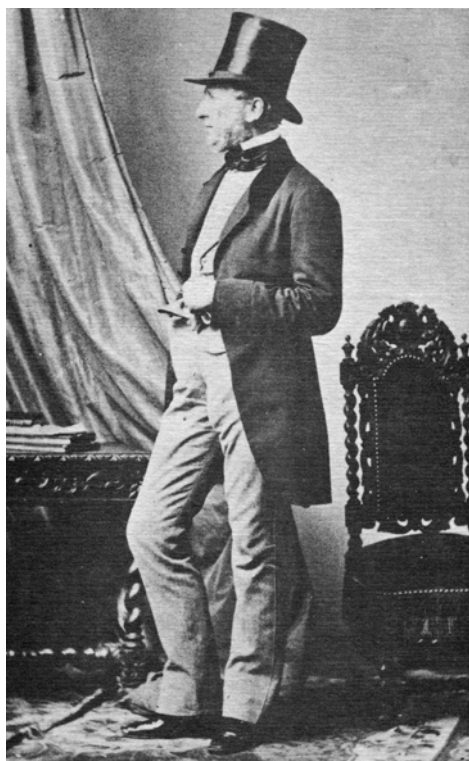
* Настоящая работа является переводом дополненного варианта статьи Патрика Уоддингтона «Turgenev and his Russian Friends at Fontainebleau: The Trubetskoy-Orlov Family», впервые опубликованной в 1995 г. в сборнике: Ivan S. Turgenev: Leben, Werk und Wirkung. Beiträge der Internationalen Fachkonferenz aus Anlaß des 175. Geburtstages Bamberg, 15.–18. September 1993 / Hsg. Peter Thiergen. München, 1995. S. 203–225. — *Примеч. ред.*

эмигрантов, одалживать периодические издания, наслаждаться даровой ружейной охотой в Бельфонте или чтобы найти русский дом вдалеке от родного дома. Но он привязался к этой эксцентричной супружеской паре и к их красивой дочери, а также к одноглазому герою Крымской войны, который возбудил такой интерес во французском обществе; Тургенев даже присутствовал на свадьбе Орлова и Екатерины Трубецкой. Он поддерживал обширную переписку как с родителями, так и с детьми. Несмотря на ироничный оттенок, который всегда окрашивал его отношения с Трубецкими, со временем он стал восхищаться в особенности княгиней, возможно, отчасти из-за ее укрепившейся дружбы с семейством Виардо. В письмах к ней мы находим некоторые из его самых примечательных суждений о литературе и политике, а также очень трогательные строки о положении человека в мире. В этой статье будут использованы как неопубликованные автографы, так и документы, уже введенные в научный оборот тургеневедения.

Князь Трубецкой родился в Москве 18 февраля (2 марта) 1807 года. После непродолжительной военной службы он поступил в Министерство финансов в Санкт-Петербурге, намереваясь пойти по финансовой части, но его жизнь изменилась, когда 12 (24) ноября 1837 года он женился на молодой графине Гудович, появившейся на свет в Москве 4 (16) ноября 1818 года.¹ Уже в девятнадцать лет Анна Андреевна придерживалась довольно радикальных политических взглядов, что, возможно, способствовало их отъезду за границу, но главная причина эмиграции заключалась в том, что после рождения единственного ребенка Екатерины в 1840 году у нее проявилась необъяснимая слабость в нижней части ног, что вынудило князя Трубецкого отвезти ее в Европу для лечения.

Княгиня так и не поправилась, зато князь попал под влияние католической миссии и 30 ноября 1843 года во Франции отрекся от православ-

¹ Эта дата верна; год рождения А. А. Трубецкой часто указывается неверно как 1819. О первых годах жизни Трубецких см.: L'Abeille de Fontainebleau, 3 July 1874. Во избежание путаницы необходимо сразу указать на то, что у нашего Трубецкого был полный тезка и современник, государственный деятель Николай Иванович Трубецкой (1797–1874), который остался в России и был близок к императору; упоминания о нем можно часто встретить в дневниках XIX в. Следует, возможно, также отметить, что еще одна княгиня Трубецкая, не связанная родственными узами с рассматриваемой мною семьей, жила в то же самое время во Франции и была хозяйкой известного аристократического салона. Речь идет о Елизавете Эсперовне, урожденной княжне Белосельской-Белозерской (1830–1907), известной также как Лиза Трубецкая.

Князь Н. И. Трубецкой. Фотография. 1850-е гг.

ной веры в пользу Рима. Это отнюдь не означало, что он отказался от славянофильских убеждений в российской политике. Из-за этого довольно причудливого смешения востока и запада он стал объектом насмешек как среди друзей, так и среди врагов. Напротив, княгиня, которая так никогда и не оправилась от своей настоящей или вымышленной болезни и осталась инвалидом на всю жизнь, с презрением относилась к вереницам верующих, приходившим навестить ее мужа, и приобрела репутацию прогрессивной и свободомыслящей женщины. Она практически не покидала своих комнат и читала книги философского содержания.² Несмотря на всю враждебность к религиозным предрассудкам и

² Сильная склонность княгини Трубецкой к атеизму подтверждается ее письмом к Луи Виардо от 22 марта 1867 г. и ответом на него Полины Виардо, датированным 30 марта. Я имел возможность ознакомиться с первым письмом, когда оно находилось в архиве Ле Сенов, а последнее — в архивах департамента Сена и Марна

лицемерию, сама она отличалась преувеличенным вниманием к собственной персоне, ни на секунду не расставаясь ни со своими часами, ни с барометром, ни с термометром. Трубецкие были необычной и притом необычно любящей супружеской парой. Он мог сказать о ней: «Я обожаю ее, хоть она и глупая женщина», а она о нем: «У него золотое сердце, но он — идиот». Даже такой здравый человек, как австрийский революционер Мориц Гартман, который в течение нескольких лет был наставником княжны Екатерины, был вынужден назвать их замок «Follefontaine» («Безумный фонтан», а не «Прекрасный фонтан», если буквально перевести его название).³

Будучи в эмиграции, Трубецкие поселились сначала в Париже, в доме № 49 по улице Клиши, в роскошном четырехэтажном особняке, который они снимали за 10 000 франков в год и конюшни которого вмещали два экипажа и пять лошадей, а в самом доме могли свободно разместиться до двадцати человек.⁴ Особняк Трубецких располагался всего лишь в двухстах метрах от дома № 16 (по тогдашней нумерации) по улице Дуэ, где семья Виардо проживала еще с конца 1848 года.⁵ Неясно, поддерживали ли эти два семейства отношения в то время (как это, несомненно, будет позднее), однако в своих воспоминаниях, которые, по общему признанию, не всегда достоверны, Луиза Эритт-Виардо поведала о том, как ребенком она посещала воскресные музыкальные концерты у Трубецких в 1840-е и 1850-е годы. По всей видимости, там часто выступал знаменитый в ту пору струнный квартет Жана-Пьера Морена, исполнявший среди прочего последние и самые сложные произведения Бетховена, а среди пианистов, которые играли Бетховена, Моцарта и Шопена, были Антон Рубинштейн, Вильгельмина Клаус (впоследствии Сарвади) и сама мать Луизы Полина Виардо. В лучшем случае, все эти факты в значительной степени перепутаны, а в худшем —

в Мелене (1009 F¹). Среди тех, кто полагал, что княгиня могла ходить, когда ей было нужно, можно назвать Татьяну Пот-Кавелину (Pot-Kaweline) и (согласно одному источнику) самого Тургенева, см.: *Панаева (Головачева) А. Я.* Воспоминания / Вступит. ст., ред. и коммент. Корнея Чуковского. М., 1956. С. 246 (далее: *Панаева*).

³ См.: Воспоминания Е. М. Феоктистова. За кулисами политики и литературы. 1848–1896 / Под ред. Ю. Г. Оксмана. Л., 1929. С. 47–49; *ПССиП(2). Письма*. Т. 5. С. 298.

⁴ См. Архив города Парижа: Archives de la Ville de Paris, D.1.P⁴283, cadastre, rue de Clichy, 1852–1862; *Waddington P.* Ivan Tourgueniev et les maîtres de Bellefontaine // *Les Cahiers samoisiens*. 1975. N 4 (Juin). P. 23, 39. Сама статья опубликована в двух номерах — 1975. N 4 (June). P. 21–39; 1976. N 5 (June). P. 20–43.

⁵ О доме Виардо см. мою короткую справку: *N Z Sl J*. 1983. P. 209–210.

Княгиня А. А. Трубецкая

сильно перевраны. Так, например, нам известно, что Полина Виардо была представлена княгине Трубецкой не ранее начала 1859 года.⁶ Существуют также разные мнения относительно того, присутствовала ли больная княгиня лично на этих концертах или же просто слушала их из своего будуара: согласно одному источнику, она никогда не выходила к гостям до девяти вечера.⁷ Тем не менее нет никаких оснований сомневаться в том, что Трубецкие были меломанами и покровительствовали музыкантам, а сам князь сочинил, по крайней мере, одну пьесу для хора и фортепиано на слова Кольцова. Их дочь со временем стала великолепной пианисткой.⁸

⁶ ПССиП(2). Письма. Т. 4. С. 34.

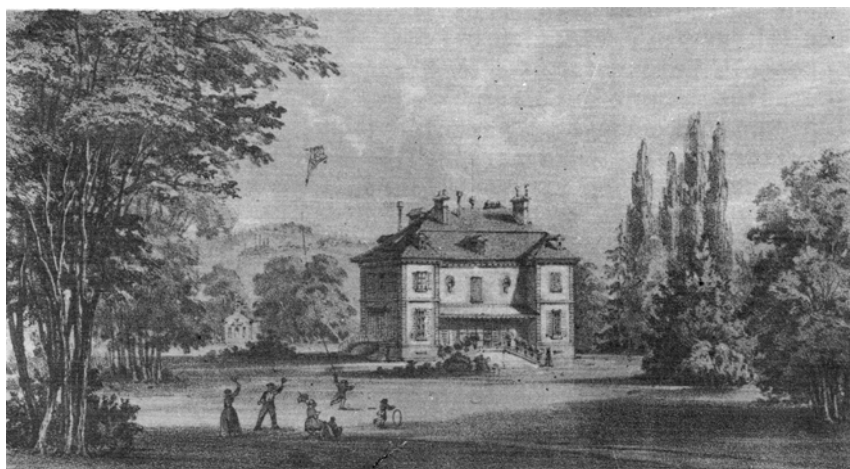
⁷ Воспоминания Е. М. Феоктистова. С. 48.

⁸ См. об этом: *Héritte-Viardot Louise. Memoirs and Adventures / Trans. and ed. E. S. Buchheim. London, 1913. P. 46–48; Héritte de la Tour Louis. Une famille de grands musiciens. Mémoires de Mme Louise Héritte-Viardot. Paris, 1923. P. 94–95; Nouv corr inéd. T. 1. P. 129–130; Bibesko Alexandre Prince. Berthold Damcke. Etude biographique et musical. Paris, 1894. P. 63; Le Figaro. 1875. 7 août. P. 1. Если Рубинштейн и играл в салоне Трубецких, то, скорее всего, это случилось весной 1857 или 1858 гг. Можно предположить, что Песня княгини Трубецкой, хранящаяся в Британской библиотеке (Music Department, H. 2171), принадлежит Анне Андреевне.*

К концу 1840-х годов Трубецкие также снимали Бельфонтен, загородный особняк на краю леса Фонтенбло. Расположенное близ местечка Вальвен (Valvins) в самой южной части коммуны Самуа-сюр-Сен (Samois-sur-Seine), это поместье нельзя назвать особенно старинным. Первое здание здесь было построено в середине XVIII века семьей парижских портных. В то время это место было известно как Ла Шодьер (La Chaudière), нынешнее же имя было дано ему позднейшим владельцем — знаменитым Николя Бергассом, выступившим на процессе Бомарше с банкиром Корнманном. Сменив ряд самых разных владельцев, в 1834 году Бельфонтен перешел к Жозефине-Евгении-Валентине Уолш де Серран, супруге Шарля-Бретаня-Мари Жозефа, принца де Таранта, герцога де ла Тремуаля (Trémoille). Эта аристократическая супружеская пара построила новый, более роскошный особняк в северной части поместья — хотя если сравнивать его с современным замком Бельфонтен, реконструированным в начале XX века, то это было довольно скромное двухэтажное здание с крутой крышей и мансардными окнами.

В Бельфонтене были также каналы, озеро, оранжерея, часовня, различные павильоны и хозяйственные службы, большие виноградники, фазаний птичник и великолепный сад, разбитый в английском вкусе. Однако к 1848 году, т. е. в тот год или около которого принцесса де Тарант, к тому времени овдовевшая, сдала свое имение Трубецким, многие из этих построек пришли в серьезный упадок. Поначалу Трубецкие довольствовались лишь тем, что проводили в Бельфонтене летние и осенние месяцы: он — тысячами истребляя зайцев и куропаток, а она — полужа с книгой в руках или принимая высокопоставленных гостей. Однако по прошествии нескольких лет Трубецкие решили приобрести поместье в свою собственность, привести его в порядок и жить там круглый год. Они приступили к осуществлению своего замысла в 1856 году, и со временем их образ жизни существенно изменился.⁹ Необходимо

⁹ Об истории Бельфонтена см. различные учетные книги и архивные дела коммуны Самуа-сюр-Сен в Архиве департамента Сена и Марна, например: 4P 81, 4P 249, 4P 446; Документы по залогам Фонтенбло (Hypothèques de Fontainebleau): Vol. 222. Art. 13; Vol. 459. Art. 65, а также чрезвычайно ценную документацию Люльер (Documentation Lhuillier); *Herbet Félix*. Dictionnaire historique et artistique de la forêt de Fontainebleau. Fontainebleau, 1903; *Bouquet Victor*. Samois-sur-Seine. Notice historique et archéologique depuis les temps anciens jusqu'à la Révolution / Ed. Paul Comble and Auguste Limosin. Paris, 1913. P. 86–87 и след.; *Waddington Patrick*. Bellefontaine: ses origins et son passé // Les Cahiers samoisiens. 1973. N 2 (Mars). P. 25–50. Некоторое время тому назад Бельфонтен принадлежал Ассоциации Социальной помощи префектуры Парижа (ASPP) и использовался как *colonie de vacances*, но затем был его оставлен.

Замок Бельфонтен. Литография, опубликованная Денекуром ок. 1850 г.

остановиться на некоторых основных чертах их нового существования, поскольку знакомство Тургенева с семьей Трубецких относится, в сущности, к этому периоду.

Начнем с того, что Трубецкие окружили себя довольно причудливой прислугой: у них служили француз дворецкий, гувернантка-немка, камеристка-англичанка, управляющий-француз, русский камердинер, два кучера-англичанина и целый набор русских и английских слуг и горничных. Ко времени национальной переписи 1866 года их домашняя прислуга насчитывала не более и не менее, как сорок одного человека! Все это не только служило демонстрацией комфорта и роскоши, присущих представителям высшего сословия, но и в действительности влекло за собой проявления большой щедрости. Бельфонтен в самом деле выглядел как роскошное русское имение, но князь Трубецкой обладал досугом и средствами, чтобы превратить его в счастливый дом, служивший, без сомнения, своеобразной моделью тех перемен, которые он надеялся увидеть в России. В общественном плане князь был удивительно прогрессивным для своего времени человеком: его слугам предоставлялось добротное жилье, их хорошо кормили, они с радостью оставались в услужении у семьи на протяжении десяти, двадцати или даже тридцати лет. Можно привести для примера случай Уильяма Роуэлла, который приехал из Англии помощником конюха около 1850 года, научился читать и писать в Бельфонтене, стал главным кучером в 1860-е и оставался им вплоть до смерти князя, последовавшей в 1874 году. Или еще один кучер-англичанин, Уильям Бишоп (почему-то известный

также как Боттом), жена которого Джейн Хамфриз родила в Бельфонтене четверых детей и прожила там до самой смерти. Наконец, нужно упомянуть верную и очаровательную компаньонку княгини, молодую англичанку Марианну (Мари-Энн) Турнер, родившуюся в 1831 году, с которой у Тургенева впоследствии установились дружеские отношения и которая, с его одобрения и, возможно, при его содействии, перевела «Казачков» Толстого на французский язык в 1865 году.¹⁰

Трубецкие были щедры как в финансовом, так и в общечеловеческом смысле, невзирая на собственные значительные затруднения. Их благодеяния, светские или религиозные, относились преимущественно к акциям местного характера. Одно из таких памятных проявлений покровительства имело отношение к лесу Фонтенбло. В 1853 году Клод-Франсуа Денекур, прозванный «le Sylvain» за свой практический и исторический вклад в его благоустройство, зафиксировал, что князь пожертвовал 200, а княгиня 110 франков в ответ на его призыв трехлетней давности о сборе средств для завершения обустройства сети пешеходных дорожек в Фонтенбло. Для того времени это были довольно значительные суммы, и признательность Денекура выразилась в том, что он назвал в честь Трубецких лесную долину и официально окрестил большую природную пещеру, в которой княгиня любила отдыхать, в то время как ее муж совершал длительные прогулки, «la grotte de la Princesse» («Княгининым гротом»). Обе (и долина, и пещера) в свое время производили большое впечатление. Сто лет назад «La Vallée Troubetzkoï» («Долина Трубецких») представляла собой восхитительную тенистую рощу, в южной части которой росли березы, а в северной — можжевельник. Сегодня это невыразительный участок леса, на котором преобладают невысокие молодые буковые и хвойные деревья. Что касается грота, то, когда мне довелось видеть его в последний раз, на его треснувшем замковом камне можно было различить инициалы «А. Т.», корону Трубецких и год 1852, но его когда-то прохладная и просторная внутренняя часть, со скамейкой из песчаника, вся находилась во власти сорняков, несмотря на периодические проекты по восстановлению, оставившие после себя довольно уродливую подпорную колонну и про-

¹⁰ См.: ПССиП(2). Письма. Т. 5. С. 105, 108, 290, 565–566; Т. 6. С. 51, 125, 300–301. Известно, по крайней мере, об одном, не дошедшем до наших дней, письме, которое Тургенев написал Марианне Турнер (в августе 1862 г.). Сведения о слугах в Бельфонтене почерпнуты в основном из результатов переписи, проводившейся раз в пять лет, серии 10М Архива департамента Сена и Марна, а также из книг записей актов гражданского состояния Мэри Самуа-сюр-Сен.

Замок Бельфонтен. Современная фотография

странство, как раз достаточное для непочтительных туристов, чтобы присесть и сделать свои дела.¹¹

В религиозном отношении, по крайней мере, князь был воплощением набожности и милосердия. Несмотря на неослабевающий интерес к русской экономике, правительственным и общественным делам, вся его жизнь была окрашена пламенным и всепоглощающим католицизмом. По настоянию князя, в часовне Бельфонтена трижды в неделю служилась месса, каждый год он отправлялся в недельный затвор, а также делал все возможное для духовного и материального благосостояния церкви в Самуа-сюр-Сен. В 1850 году он подарил для убранства церкви новую серию картин на сюжет Стояний крестного пути, а в следующем году пожертвовал изображения Христа и Девы Марии, несколько скульптур, шесть канделябров, алтарный крест и позолочен-

¹¹ Грот находится на пересечении route du Calvaire (дорожки Кальвера) и route du Cambard (дорожки Камбара), а долина тянется еще дальше на восток примерно на сто метров. И грот, и долина расположены менее чем в километре на юго-запад от Башни Денекура, неподалеку от Бельфонтена. См.: Carte-guide du voyageur à Fontainebleau <8-е изд. Путеводителей Денекура>. Fontainebleau, 1853. P. 23–24, 39–40, 63; Fontainebleau. Guide Joanne. Paris, 1882. P. 102–103; Joanne P. Environs de Paris. Paris, 1895. P. 207; Doignon Pierre. Peut-on sauver la Grotte de la Princesse et sa ciselure à la Butte à Guay? // La République de Seine-et-Marne. 1980. 22 Sept. P. 8 (ср. также: 29 Sept. P. 7).

ную дарохранительницу с бронзовой дверцей. Он заказывал регулярные мессы о душах усопших, включая тех членов своей семьи, которые перешли в католичество, а также о душе своей здравствующей, но упорствующей супруги. Через несколько лет он потратил тысячи франков на сооружение нового пресвитерия, а после франко-прусской войны 1870–1871 годов либо жертвовал, либо давал займы коммуне довольно внушительные суммы денег — с тем условием, чтобы они большей частью шли на нужды церкви. На самом деле князю мастерски удавалось добиться того, что местное население, через свой совет, подключилось к его собственным усилиям в этом направлении.¹² Хотя все это, естественно, вызывало определенное неприятие в светских кругах, и прихожане, и местное население неизменно выражали свою любовь к князю. Уже в 1857 году новый церковный колокол был окрещен «Anne Nicolas», в честь русской четы, а после кончины князя Трубецкого, последовавшей в Бельфонте 11 июня 1874 года, на его похоронах присутствовали префект Сены и Марны и мэры близлежащих коммун, а также все местное духовенство и — как сообщает нам современный источник — «все население» Самуа. Как говорилось в прощальной речи (с некоторым простительным преувеличением), «двадцать пять лет назад благородный иностранец приобрел поместье Бельфонте. Общественность полагала, что начнутся скачки, пиры и охоты <...> Но князь избрал себе более благородную миссию, миссию преисполненную милосердия и самопожертвования. С того самого дня двери замка были открыты для бедных. Более того, князь совершал ежедневные обходы по нашим окрестностям и деревням, помогая несчастным, утешая страждущих, подбадривая работников. Его жизнь можно охарактеризовать двумя словами: Милосердие и Религия». А на могиле князя была выгравирована эпитафия «J'aime — je crois — j'espère» (Я люблю — я верю — я надеюсь).¹³

¹² См.: Архивы департамента Сена и Марна, 220V 73, Ведомость приходских дел (Registre des délibérations paroissiales) Самуа-сюр-Сен; Bulletin de la Société d'Archéologie, Sciences, Lettres et Arts du Département de Seine-et-Marne. 1867. Vol. IV. P. 91–93; Papiers Gagarine (Бумаги Гагариных). Boîte VII (далее — *Papiers Gagarine*). Bibliothèque slave, Paris. (Следует отметить, что после того как я ознакомился с этими документами, Славянская библиотека переехала сначала в Медон, а затем в Лион).

¹³ См.: Le Travail. 1874. 14 juin; L'Abeille de Fontainebleau. 1874. 19 juin; Le Monde. 1874. 24 juin; *Bourges Ernest*. Recherches sur Fontainebleau. 1896. P. 188–190; Les Cahiers samoisiens. 1973. N 2 (Mars). P. 34, 39–42.

На первый взгляд, дружба Тургенева с Трубецкими укладывается в характерную схему. Историков и литературоведов часто смущают противоречивые убеждения писателя. Его теплым отношениям с радикалами Герценом и Лавровым противостоит почти подобострастное внимание к людям из высших классов общества. У него была особая склонность к женщинам из высшего света — достаточно вспомнить графиню Ламберт или баронессу Вревскую. На самом деле знакомство Тургенева с будущей семьей Трубецких-Орловых началось с Орловых и, казалось, не обещало иметь продолжения. В 1852 году графу Алексею Федоровичу Орлову (1786–1861), главному начальнику III отделения при Николае I, было поручено разобраться в деле с публикацией злополучной заметки Тургенева о смерти Гоголя. Хотя в итоге граф был вынужден арестовать и выслать Тургенева, вначале он рекомендовал проявить милость; в течение следующего года, после вмешательства влиятельных друзей Тургенева, он и в самом деле добился снятия сурового наказания царя. Когда несколько лет спустя Тургенев встретился с Орловым, граф поцеловал его в лоб и промолвил: «Кажется, вы не имеете причин сердиться на меня».¹⁴

Тургенев впервые услышал о Николае Трубецком и его причудах вскоре после того, как поселился в Париже осенью 1856 года. Знакомство с князем казалось полезным, поскольку тот получал все русские журналы, которые Тургенев желал читать, но не стремился покупать, включая «Русский вестник» и «Русскую беседу».¹⁵ Вскоре знакомство состоялось — каким именно образом, не вполне ясно — и к наступившему новому 1857 году они уже довольно часто виделись. Возможно, вначале эти встречи происходили в основном по указанной выше причине, но в скором времени Тургенев нашел в князе-католике очень милого и приятного человека и наслаждался его обществом.¹⁶ По иронии судьбы, отчасти в основе этой симпатии лежала его любовь к матушке-России, которой ему остро не хватало в гнетущей атмосфере француз-

¹⁴ См.: Тургенев о революционном Париже 1848 г. Из дневниковых записей П. А. Васильчикова, 1853–1854 гг. / Публ. Л. М. Долотовой // *ЛН*. Т. 76. С. 356; *Анненков П. В.* Молодость И. С. Тургенева, 1840–1856 // И. С. Тургенев в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1969. Т. 1. С. 115, 501–502; *Т Сб.* Вып. 2. С. 231–232, 247; *Т Сб.* Вып. 5. С. 361; *ПССиП(2). Письма*. Т. 2. С. 280, 282, 546–547.

¹⁵ *ПССиП(2). Письма*. Т. 3. С. 139, 172.

¹⁶ Там же. С. 172.

ской политики и культуры периода Второй империи, а также большая привязанность к семье Аксаковых, с которой Тургенев особенно сблизился в начале 1850-х годов. Несомненно, за упоминанием Николая Ивановича как «приятеля Константина Сергеевича» стоит видеть не только сарказм (как принято считать): слишком много значения, как мне кажется, придается сатирическому портрету Трубецкого, данному К. С. Аксаковым в его пьесе «Князь Луповицкий, или Приезд в деревню» (написана в 1851 г.), хотя нельзя отрицать, что многие русские, включая поэтов А. А. Григорьева и Н. А. Некрасова, были рады посмеяться над этим «добрым, но слабоумным» князем, этим славянофилом-католиком, который заставлял «смеяться до колик». ¹⁷ Кроме того, Тургенев не мог себе позволить быть слишком ироничным: Трубецкой был очень щедр ко все еще небогатому писателю, одолжив ему 700 франков для оплаты (помимо прочего) солидных счетов на лечение странного полового заболевания, которым он страдал в этот период. ¹⁸

В январе 1857 года Тургенев также познакомился с князем Николаем Орловым, сыном А. Ф. Орлова, который ему сразу же понравился. Во время Крымской войны Орлов отличился, командуя кавалерией, но был серьезно ранен во время осады Силистрии в июне 1854 года. Казалось, у потерявшего один глаз и дважды пронзенного штыком в грудь князя не было шансов выжить, но ему удалось чудом поправить здоровье и теперь он находился при императорском посольстве во Франции. По свидетельству современников, появление его сухопарой, но энергичной фигуры на улицах Парижа производило сильное впечатление, заставляя людей оборачиваться из-за яркости взгляда, устремленного из-под черной повязки, и «прославленных шрамов». ¹⁹ Тот факт, что Тургенев испытывал расположение к Орлову, может показаться парадоксальным — миролюбивого автора «Записок охотника» едва ли должны были впечатлить военная доблесть и высокородное происхож-

¹⁷ ПССуП(2). Письма. Т. 3. С. 172, 518; Григорьев Аполлон. Воспоминания / Изд. подготовил Б. Ф. Егоров. Л., 1988. С. 303, 306 (далее ссылки на это издание сокращенно — Григорьев); Некрасов Н. А. Недавнее время // Собрание сочинений: В 8 т. / Под ред. К. И. Чуковского. М., 1965–1967. Т. 2. С. 280; Т Сб. Вып. 5. С. 234. Григорьев был одно время губернатором в семье Трубецких, а Некрасов, как и многие другие, пользовался щедростью князя. С. Л. Толстой, старший сын писателя, передает содержание разговора, который, как кажется, свидетельствует о снисходительном отношении Тургенева к князю Трубецкому, см. его: Очерки былого. М., 1949. С. 327.

¹⁸ ПССуП(2). Письма. Т. 3. С. 217.

¹⁹ См.: Almanach de Meaux. 1886; Le Figaro. 1874. 31 mai; Les Cahiers samoisiens. 1975. N 4. P. 25.

дение, — но в письме к П. В. Анненкову Тургенев так отозвался о своем новом друге: он «мне чрезвычайно понравился. Сколько я могу судить, честная и добрая душа. Он вовсе не так обезображен, как мне говорили».²⁰ Еще более поразительно, что Тургенев счел возможным расхвалить Орлова в письме к Александру Герцену, приведя философа-радикала в немалое замешательство сообщением о том, что князь прочел и высоко оценил все, что написал Герцен, и даже посылал его произведения высокопоставленным сановникам в России. Вполне вероятно, что он не всегда был таким милым человеком; возможно, несчастье его отрезвило; но князь, которого знал Тургенев, был на удивление добродушным.²¹ На Герцена, который хоть и отнесся к этому с осторожностью, письмо Тургенева произвело должное впечатление, и он, по всей видимости, даже согласился встретиться с Орловым во время приезда последнего в Лондон тем летом.²² О том, что интерес Орлова к Герцену не был злонамеренным или неискренним, свидетельствует неслучайная склонность князя к популистской народнической поэзии Некрасова, многие стихи которого он знал наизусть.²³ Со своей стороны, Тургенев решил поддерживать дружеские отношения с преисполненным благими намерениями князем, который, как он рассчитывал, мог оказать благотворное влияние на судьбу их страны, и к весне виделся с ним почти ежедневно. Правда, что отчасти это было снова вызвано желанием иметь доступ к журналам и новостям из России, но моральное влияние Орлова на писателя-агностика было настолько сильным, что они даже вместе ходили в православную церковь в Париже, по крайней мере, однажды.²⁴

Начиная с этого времени, сложно отделить доброе отношение Тургенева к Трубецкому от тех чувств, которые он испытывал к Орлову, притом что молодой князь стал даже более частым гостем на улице Клиши и в Бельфонте. В первую очередь Орлова притягивала чрезвычайно юная в ту пору княжна Екатерина, на которой он женился в следующем году. Однако сначала княжна завоевала нежную привязанность другого офицера в отставке и своего знаменитого дальнего род-

²⁰ ПССиП(2). Письма. Т. 3. С. 178.

²¹ Там же. С. 182.

²² Герцен. Т. 26. С. 71, 108, 110, 362. Принято считать, что «раненым офицером», о котором упомянул Герцен, не назвав его имени, был Н. А. Орлов. По всей видимости, Н. И. Трубецкой также посетил Лондон примерно в это же время, см.: Morning Post. 1875. 8 June. P. 5, хотя, возможно, речь шла о его тезке.

²³ ПССиП(2). Письма. Т. 3. С. 257.

²⁴ Там же. С. 200, 220–221, 238–239; Некрасов. Т. 8. С. 222.

Князь Н. А. Орлов. Фотография. 1860-е гг.

ственника, Л. Н. Толстого, а также, возможно, и самого Тургенева: есть основания полагать, что оба мужчины серьезно намеревались ухаживать за ней.²⁵ На улицу Клиши Орлова влекла также возможность встре-

²⁵ Об отношениях Толстого с Трубецкими и их дочерью Екатериной см.: *Толстой*. Т. 47. С. 115–122, 161, 203; Т. 60. С. 174; *Серебровская Е. С.* Три биографических очерка Толстого // *ЛН*. Т. 69. Кн. 1. С. 513. Александр Звигильский высказал предположение, что Тургенев даже флиртовал с Екатериной, однако это предположение не находит убедительного подтверждения, см.: *Nouv corr inéd.* Т. 1. Р. XV, ср. также: Р. LIX. Тем не менее существуют воспоминания одной русской современницы, к сожалению во многом искажающие действительность, согласно которым Тургенев действительно намеревался сделать предложение Екатерине, см.: *Панаева*. С. 245–246 (Поскольку в воспоминаниях имя княжны не названо, комментатор предположил — на с. 428, — что речь идет о Екатерине Мещерской, которой Тургенев действительно был увлечен некоторое время — см.: *ПССиП(2). Письма*. Т. 3. С. 161, — однако из контекста очевидно, что речь идет о Екатерине Трубецкой).

Княгиня Е. Н. Орлова

чатся и беседовать с выдающимися русскими современниками, а также с влиятельными французами и гостями из других стран. По всей видимости, у Трубецких часто устраивались чтения вслух различных пьес. Так, на одном из них читалась комедия А. Н. Островского «Доходное место», которую Тургенев предложил по рекомендации Анненкова, но сам впоследствии активно раскритиковал.²⁶ Судя по всему, 16 марта 1857 года Толстой и Тургенев вместе присутствовали в доме у Трубецких на спиритическом сеансе медиума Даниеля Дангласа Юма (Хьюма). Пять дней спустя в письме к Анненкову Тургенев сообщал: «Был я в одном доме, где известный колдун Юм <...> должен был произвести свои чудеса; но ничего не вышло; только раз по моему требованию что-то у меня три раза простучало под подошвой правой ноги. Хорошенько я не понимаю, как это было сделано. Но Париж только и толкует что о нем; в течение одной недели он три раза был в Тюльерийском дворце — и там, говорят, происходили удивительные вещи: и стол поднимался на воздух, и какие-то руки виднелись, и гармоники играли сами, и колоколь-

²⁶ ПССиП(2). Письма. Т. 3. С. 219, 221, 542. «Семейство», в котором Тургенев читал пьесу, не названо, однако, очевидно, речь идет о Трубецких.

чики не падали, а волнообразно опускались на пол... Мы, грешные, ничего этого не видали».²⁷ Напротив, Толстой отметил в своем дневнике более кратко, но двусмысленно, что «Юм и делал это, и не делал», прибавив: «Надо будет попробовать самому».²⁸

Необходимо отметить, что на данном этапе в отзывах Тургенева и Толстого не содержалось никакого намека на осуждение по отношению к хозяину дома. Будучи, без сомнения, человеком своеобразным, князь Трубецкой был лишь одним из многих добропорядочных граждан из неработающих классов общества, кто верил в Д. Д. Юма и поддерживал его. Поэтому не следует делать далеко идущих выводов из небольшой пародии на него в «Дыме», где он выведен в качестве легковерного князя Кокб — о чем более подробно ниже.

Тем не менее весьма вероятно, что умственные способности Трубецкого были довольно посредственными. По словам одного мемуариста, иезуиты «пользовались им как дойною коровой».²⁹ Преисполненный благородными идеями, он не умел изложить их с достаточной ясностью или убедительностью, как в письмах к Тургеневу и другим корреспондентам, так и в социально-политических брошюрах, которые он публиковал под псевдонимом Olgherdowitch (галлицированная форма отчества его старинного предка Дмитрия Ольгердовича Брянского): «Etudes religieuses et politiques sur la Russie» («Религиозные и политические очерки о России» — Paris, 1858), «Les Questions du jour en Russie. Abolition du servage — liberté individuelle — publicité» («Современные вопросы в России. Отмена крепостного права — личная свобода — свобода слова» — Paris, 1858), «Des chemins de fer russes» («Русские железные дороги» — Paris, 1859). Тургенев не был единственным человеком, кто придавал мало значения всем этим опусам: на пару с еще более язвительным Герценом он с увлечением придумывал различные варианты комических псевдонимов — Рюрикович, Гедиминович и тому подобные, — примерно в это же время он дал князю довольно злое прозвище «Бурдалу», в котором акцент был как на значении русского слова «бурда», так и на образе рьяного французского иезуита XVII века.³⁰ Нет нужды

²⁷ ПССиП(2). Письма. Т. 3. С. 210.

²⁸ Толстой. Т. 47. С. 118. Именно Толстой указывает точное место и дату. О Тургеневе и Д. Д. Юме см. также: *N Z Sl J.* 1983. P. 183–188.

²⁹ Воспоминания Е. М. Феоктистова. С. 47.

³⁰ Герцен. Т. 27. Кн. 1. С. 124; ПССиП(2). Письма. Т. 4. С. 276; Чичерин Б. Н. Воспоминания. Москва сороковых годов. М., 1929. С. 139–140 (ср. также использование Тургеневым прозвища «Бурдалу» в главах XII и XIX романа «Отцы и дети»: ПССиП(2). Соч. Т. 7. С. 60, 99).

говорить о том, что это не мешало обоим писателям пользоваться богатством и влиянием Трубецкого. Так, вскоре князь уже исполнял поручения Тургенева к влиятельным лицам, с которыми у самого писателя случались затруднения.³¹ Справедливости ради следует сказать, что Тургенев все же пытался опубликовать, по крайней мере, одну статью Трубецкого в России, однако, по всей видимости, безрезультатно.³²

История отношений Тургенева к Анне Андреевне Трубецкой, о которой мы говорили в начале статьи, была, возможно, даже еще более сложной. Как и на других русских мемуаристов, которые находили княгиню «больше начитанной, чем умной»,³³ на Тургенева она вначале не произвела особого впечатления: он считал ее странной и ограниченной и даже не мог убедить себя в том, что ее жизнь могла быть хоть для кого-то полезной.³⁴ Но он видел в ней в сущности добрую женщину и, без сомнения, наслаждался ее обществом гораздо в большей степени, чем обществом князя. С самого начала их общения его письма к ней были дружелюбными, зачастую глубоко личными и трогательными. Порой они бывали также остроумными, служа наглядным подтверждением тому, что он отнюдь не недооценивал остроту ее ума. В июле 1857 года, например, во время пребывания на водах в Зинциге он позабыл ее описанием нервического поведения любовницы Некрасова, Авдотьи Панаевой, которая (по мнению Тургенева) заслуживала хорошей порки по многочисленным округлым частям своего тела.³⁵

Таким образом, возможно, будущие многочисленные визиты Тургенева в Бельфонтен — представлявшие собой приятное однодневное путешествие из собственного замка Виардо в Куртавнеле — были вызваны в равной степени как удовольствием поболтать с княгиней, так и более очевидным желанием пострелять дичь с князем. Несмотря на религиозные взгляды и милосердие Николая Ивановича, охотился он так же увлеченно, как и любой другой его соотечественник-дворянин. Уже в сентябре 1848 года он стал соарендатором огромных охотничьих угодий на правом берегу Сены, располагавшихся в королевских лесах против Фонтенбло.³⁶ В этом настоящем охотничьем рае, растянувшимся на

³¹ См. письмо Н. И. Трубецкого к Тургеневу от 3 ноября 1858 г.: *РНБ*. Ф. 795. № 87; *Les Cahiers samoisiens*. 1975. N 4. P. 33–34. О Трубецком и Герцене см., например: *ЛН*. Т. 62. Кн. 2. С. 582; Т. 99. Кн. 1. С. 207–208.

³² См.: Письма А. Ф. Писемского // *ЛН*. Т. 73. Кн. 2. С. 160–161.

³³ *Григорьев*. С. 303.

³⁴ *ПССиП(2)*. Письма. Т. 4. С. 34. Подлинник по-франц.

³⁵ Там же. Т. 3. С. 229. Подлинник по-франц.

³⁶ См.: Архивы департамента Сена и Марна. 5P 20, 25 сентября 1848.

площади более чем в тысячу гектаров, в сезон охоты в несметном количестве встречались зайцы, кролики, куропатки, фазаны и олени. Несомненно, Тургенев был здесь как дома. Также непринужденно он чувствовал себя и в самом Бельфонтене и произвел замечательное впечатление как на самих Трубецких, так и на Николая Орлова, который оказал Тургеневу особую честь, сделав его шафером на своей свадьбе с Екатериной, состоявшейся 21 мая 1858 года.³⁷ Правда, нельзя сказать, чтобы Тургенев был в восторге от этого предложения; дело осложнялось тем, что княгиня Трубецкая долгое время противилась браку своей дочери с простым смертным, желая выдать ее за человека гениального (как сам Тургенев?).³⁸ Более того, на следующий день после весьма неловкого свадебного торжества, на котором гости разбились на два лагеря — церковников и вольнодумцев, с русской аристократией посредине, последовал прием в императорском посольстве, на котором Тургенев — к негодованию Герцена и своему собственному — был вынужден делить стол с Жоржем Дантесом, убийцей Пушкина!³⁹

Было бы сложно утверждать, что дружба Тургенева с семейством Трубецких-Орловых оказала на него значительное влияние собственно в литературном отношении. Вполне возможно, что Екатерина стала одной из нескольких прототипов для Лизы из «Дворянского гнезда», конечно, не относительно своего воспитания или веры, но скорее благодаря своему возрасту, свежести и силе ума. Более того, независимость ее суждений и ее взаимоотношения с родителями могли найти отражение в Елене, героине романа «Накануне», часть которого Тургенев фактически написал в Бельфонтене во время короткого пребывания там в начале августа 1859 года. В письме к своему близкому другу графине Ламберт от 4 августа он сообщал: «...а теперь я нахожусь в гостях у княгини Трубецкой (матери княгини Орловой) — очень доброй и милой, хотя несколько эксцентрической женщины. У меня отдельная комнатка в отдельном флигеле, и я много работаю над новым моим романом. Эта работа отвлекает мои мысли ото всего другого и придает им что-то плоское и безжизненное, которое, вероятно, отразится в этом письме». А несколькими строками ниже прибавил: «Жизнь — не что иное, как болезнь, которая то усиливается, то ослабевает: надобно уметь переносить ее припадки <...>».⁴⁰ Меланхолический тон этих высказы-

³⁷ ПССиП(2). Письма. Т. 3. С. 294, 300, 302, 309–310, 312.

³⁸ Воспоминания Е. М. Феоктистова. С 48–49.

³⁹ ПССиП(2). Письма. Т. 3. С. 319; Герцен. Т. 13. С. 349, 583.

⁴⁰ ПССиП(2). Письма. Т. 4. С. 72–73.

ваний был вызван ощущением оторванности от Полины Виардо и неминуемой судьбы всегда «лепиться к краешку чужого гнезда» (как он выразился незадолго до того в письме к другой своей корреспондентке).⁴¹ Эта фраза в точности была воспроизведена в главе XXVII «Накануне»,⁴² а сам роман пронизан темой болезни и разбитых идеалов.

Прежде чем переехать в Баден-Баден в 1863 году, чтобы воссоединиться с семьей Виардо, решившей покинуть имперскую Францию и обосноваться в этом курортном городке, Тургенев много времени проводил с Трубецкими как в Париже, так и в Бельфонтене. Он дарил им или давал для прочтения свои новые произведения, по мере того как они выходили из печати, включая «Первую любовь» в июне 1860 года.⁴³ Он информировал князя о событиях, вызванных и последовавших за освобождением крепостных крестьян в 1861 году, которого оба так долго ждали и добивались.⁴⁴ В свою очередь Николай Иванович все так же был полезен Тургеневу в практическом смысле, приглашая на обеды, предоставляя изобильные уголья для охоты или одалживая свежие русские журналы. В апреле 1862 года Тургенев был даже вынужден воспользоваться принадлежавшим князю экземпляром «Русского вестника», чтобы прочесть свой собственный роман «Отцы и дети», поскольку авторские оттиски еще не прибыли из Москвы.⁴⁵ В благодарность он впоследствии подарил Николаю Ивановичу отдельное издание романа с дарственной надписью.⁴⁶ В начале 1863 года вместе с князем и другими он организовал подписку в пользу голодающих в Вологодской и Архангельской губерниях.⁴⁷ В эти годы общение Тургенева с Трубецкими расширилось за счет появления новых общих знакомых, как, например, украинская писательница Мария Маркович (Марко Вовчок).⁴⁸ Но после переезда в Германию он виделся с ними реже, в основном во время своих поездок по делам в Париж. Нечасто встречался он и с Орловыми,

⁴¹ Там же. С. 63. Письмо к М. А. Маркович.

⁴² См.: Там же. *Соч.* Т. 6. С. 264.

⁴³ Там же. *Письма.* Т. 4. С. 193.

⁴⁴ См.: Там же. С. 330–331; речь князя Н. И. Трубецкого: *Papiers Gagarine. Voïte VII.*

⁴⁵ *ПССиП(2). Письма.* Т. 5. С. 43–44.

⁴⁶ Книга (лот 767) была представлена на проходившем 28 ноября — 1 декабря 1975 г. аукционе Sotheby's (Монако) в Монте-Карло, на котором была выставлена Библиотека Дягилева-Лифаря.

⁴⁷ И. С. Тургенев. Рукописи, переписка и документы / Ред. Н. П. Чулкова. М., 1935. С. 141 (Бюллетени ГЛМ, № 1).

⁴⁸ См.: Письма М. А. Маркович // *ЛН.* Т. 73. Кн. 2. С. 258, 288, 291–292, 296, 300.

поскольку Николай Алексеевич был теперь императорским посланцем в Бельгии — однако в феврале 1863 года он все же отправился в Брюссель, чтобы просить содействия у своего друга в связи с затруднениями, возникшими из-за привлечения его Сенатом к следствию по делу о сношениях с Герценом, Бакуниным и другими социалистами и революционерами.⁴⁹ Тем временем даже эпистолярное общение с княгиней Трубецкой почти сошло на нет, хотя возросшая привязанность Полины Виардо к Анне Андреевне служила залогом того, что сведения о нем попадали к княгине через их переписку.⁵⁰

Перелом в дружбе Тургенева с Трубецкими произошел весной 1864 года, когда он довольно часто виделся с ними во время своей длительной поездки в Париж. Незадолго до того в силу обстоятельств, которые остаются неизвестными, князь Николай Иванович потерял большую часть своего личного состояния. Вначале ему предсказывали полное разорение. Как сообщал Тургенев 24 марта в письме к Полине Виардо, «похоже, что крах полный — продают все, мебель, серебро — князь в отчаянии, княгиня обнаруживает большое самообладание».⁵¹ Два дня спустя он продолжил: «...видел <...> княгиню Трубецкую, улыбающуюся и веселую и чувствующую себя лучше, посреди всех бедствий она с тем же интересом говорит о вещах поэтико-философских <...>».⁵² Напротив, князь, с которым Тургенев встретился в скором времени, был, по его словам, «точь-в-точь как Микобер, то сияет, то впадает в отчаяние».⁵³ Однако к концу месяца стало ясно, что состояние Трубецких было не таким плачевным, как предполагал Николай Иванович. Отец княгини выслал немного денег; Бельфонтен оставался в неприкосновенности, и они могли, по крайней мере внешне, придерживаться прежнего образа жизни. «...Милый князь оказался в состоянии дать в мою честь обед с обыкновенным красным вином, которое он называл *la Touche* высшего сорта», — сообщал Тургенев в письменной хронике-отчете к Полине Виардо за 31 марта. «Легко ему было разыгрывать такого невежду, как

⁴⁹ ПССУП(2). Письма. Т. 5. С. 149 и след.

⁵⁰ См. об этом: Les Cahiers samoisiens. 1976. N 5. P. 23–24. Важное в этом отношении письмо Полины Виардо к княгине Трубецкой, датированное 30 марта <1867 г.>, содержится в архивах департамента Сена и Марна (1009 F¹); ряд писем хранились также в бывшем архиве Ле Сенов — от 17 января 1859 г., 17 января 1864 г. и третье письмо без даты.

⁵¹ ПССУП(2). Письма. Т. 5. С. 282. Подлинник по-франц.

⁵² Там же. С. 284. Подлинник по-франц.

⁵³ Там же. С. 287. Подлинник по-франц.

я, слышавшего такое название впервые».⁵⁴ Во всем этом чувствуется явная перемена в тоне, какая-то снисходительная насмешка, как будто Тургенев не мог уделять столько же времени обедневшему князю, сколько богатому покровителю искусств. Со своей стороны, Николай Иванович тем временем потихоньку разочаровывался в Тургене, который, как он полагал, отказывался от серьезных вещей ради того, чтобы «превратить себя в пьедестал для г-жи Виардо».⁵⁵

И все же отношения между Тургеновым и Трубецкими никогда не прекращались окончательно, даже если на какое-то время они и теряли свой легкий и непринужденный характер. На словах княгиня по-прежнему продолжала быть любезной в этот баденский период, а князь с удовольствием приезжал поохотиться с Луи Виардо и Тургеновым в немецких лесах — хотя Тургенев и посмеивался над его техникой стрельбы, которую называл «циркулярной», и позаботился в первую очередь о том, чтобы князь держал свои ярые религиозные убеждения при себе. Трубецкой выразил желание присутствовать на церемонии обращения в католичество Полинетты Тургеновой перед браком с французским гражданином в 1865 году, но ее отец был непреклонен в том, чтобы не вмешивать сюда князя и его друзей-иезуитов.⁵⁶ Тургенев, однако, великодушно приходил на помощь князю в моменты душевных страданий. В феврале 1867 года в письме, которое, очевидно, до нас не дошло, он выражал сочувствие князю в связи со скандальной сплетней, которая касалась его любимой дочери, Екатерины Орловой. По слухам, она была беременна от короля Бельгии, поскольку Орлов страдал импотенцией. По всей видимости, Тургенев высказался в том духе, что он с удовольствием врезал бы по физиономии тому, кто распространял эти слухи, — хотя следует сказать, что впоследствии в письме к Морицу Гартману он заметил, что в подобных случаях лучше не поднимать шума и дать им самим раствориться.⁵⁷

⁵⁴ Там же. С. 290. Подлинник по-франц. В настоящее время Château La Touche славится своим (белым) мюскаде. Возможно, что Тургенев неправильно понял князя: в то время выражение «du vin de la touche», которое когда-то подразумевало вино, достойное короля, *могло*, по-видимому, означать «ужасное вино».

⁵⁵ Письмо Н. И. Трубецкого к И. С. Гагарину от 24 сентября 1865 г.: *Papiers Gagarine*. Boîte VII.

⁵⁶ *ПССУП(2). Письма*. Т. 6. С. 81; Т. 13. С. 101. См. также об этом: *Les Cahiers samoisiens*. 1976. N 5. P. 25–27.

⁵⁷ *Les Cahiers samoisiens*. 1976. N 5. P. 28–29; *ПССУП(2). Письма*. Т. 7. С. 111, 196; письмо Н. И. Трубецкого к И. С. Гагарину от 4 февраля 1867 г.: *Papiers Gagarine*. Boîte VII. Хотя эти слухи действительно нелепы, следует отметить, что первые годы замужества не всегда были легкими для Екатерины, см.: *Герцен*. Т. 27. Кн. 1. С. 124.

Резкое неприятие, которое Тургенев испытывал к наивному религиозному пылу князя, усугублялось славянофильскими взглядами и аристократическими замашками последнего. Именно на эти черты русского общества — как на родине, так и за границей — он решил обрушиться в своем следующем романе «Дым». В 1867 году, после многих лет работы, роман наконец вышел в свет, вызвав, как и следовало ожидать, оживленные, преимущественно враждебные отклики. Основными объектами на этот раз зачастую саркастически заостренного пера Тургенева стали праздная, избалованная аристократия, а также грубая и невежественная болтовня радикально настроенных кругов, однако важным подтекстом в романе является также самодовольная отсталость России. Общеизвестно, что Трубецкой сатирически выведен в «Дыме» в образе князя Коко, «одного из известных предводителей дворянской оппозиции», «патриота и покровителя всяких отечественных продуктов».⁵⁸ Само имя Коко (от франц. *Coco* — «кокос») является уничижительным и звучит во многом как «полоумный», «чудак», а различные эпизоды, в которых упоминается его обладатель, выставляют его полным дураком. В главе XV содержится эпизод с князем Коко и медиумом-спиритом, который, вполне вероятно, частично основан на спиритическом сеансе Д. Д. Юма, состоявшемся у Трубецких десять лет назад. Безусловно, Тургенев с некоторой тревогой ожидал реакции Трубецкого на «Дым». Однако князя больше взволновала общая антиславянофильская направленность романа, и Коко остался незамеченным.

На самом деле, неожиданно для Тургенева, «Дым» произвел большое впечатление на Николая Ивановича. В ответ на письмо, которое, по всей видимости, не сохранилось, он писал Тургеневу из Бельфонте-на 20 июня 1867 года: «Вы спрашиваете меня, сержусь ли я на вас за „Дым“? За что же? По-моему, *критическая часть верна* и даже недостаточна сильна: вы могли бы описать и эгоистическую сторону нашего общества, поглощающую всякую возможность любви к ближнему. <...> Но напрасно вы нападаете на врожденное расположение славянина к мелодии; что он хвастлив и самолюбив до глупости, это следует приписать к неразвитости цивилизации, но не менее того он врожденно любит гармонию и вследствие того врожденно способен

⁵⁸ См.: *ПССУП(2)*. Соч. Т. 7. С. 250, 336; *Письма*. Т. 3. С. 680; *Nouv corr inéd.* Т. 1. Р. LIII. В наборной рукописи романа князь фигурирует под именем «Кокó Бесселедкин», см.: *ПССУП(1)*. Соч. Т. 9. С. 423, 435. Эта фамилия, безусловно, усиливала сатирическую окраску образа. Возможно, она подразумевала «безоружный» и должна была намекать на безобидность, бесхребетность.

6 Березинский, Лодовик Гр-ич

Ивановичу Ивану Бреховичу,

По вашему письму к Марии,
по случаю скорого ухода
Ваши, вероятно, любимою моею
Паша по поводу, или мать и
забыли меня; и скоро отправят
Киев и Марию отсюда
отсюда о необходимости моего
распорядка и прочие ее слова.
Кажется по поводу, или мать
на более любимою Березинский.

Ан иранская миссия
или работа за Дамаск? почему
не? по плану Крестовых войн в
и даже не достаточна сибиря: все
мне бы отсюда и ^{отсюда} ~~отсюда~~
мне бы отсюда по плану войн все
было бы отсюда и ~~отсюда~~ ^{отсюда}.

любить своего брата не как самого себя, а немного поменее, хотя ему кажется, что, давши лишний рубль бедняку, он ужасно много сделал».⁵⁹

Князь здесь отсылает к диатрибе Потугина против доморощенных композиторов, которая подводит прямо к его самому известному (и в то же время печально известному) высказыванию об отсутствии изобретательности у русских.⁶⁰ Трубецкой, напротив, полагал, что природный русский гений равняется добродетели и нуждается лишь в последующем образовании и цивилизации. Вплоть до этого места его критические замечания, хотя и не вполне ясно сформулированные, достаточно обоснованны, однако далее его письмо вновь скатилось на вопросы религии, и он попенял Тургеневу за высмеивание самых лучших из славянофилов, «этих добрых душ, которые верят в то, что может существовать нечто, неподвластное нашему чувственному опыту».⁶¹ В этом вопросе Тургенев был непоколебим — по крайней мере, по отношению к суеверному, вскормленному иезуитами князю. Идея Трубецкого об обращении России в католичество была немыслима для нашего земного писателя, видевшего в ней влияние духовного наставника князя, отца Ивана Сергеевича Гагарина, который сам был новообращенным католиком и в прошлом князем. В любопытном письме к Полине Виардо, написанном из Парижа в марте 1868 года, Тургенев описал зловонное ханжество Гагарина и прибавил: «Князь Трубецкой взирал на него с умилением. А я думал о Бадене».⁶²

В остальном у Тургенева было мало общего с князем Трубецким, который не прекращал своих не приносящих результата молитв до самой смерти в 1874 году. По крайней мере, последние годы его жизни были спокойными, поскольку Бельфонтену и его окрестностям удалось избежать самых страшных последствий немецкой оккупации во время франко-прусской войны. Счастливым исходом Бельфонтен был обязан, возможно, не столько неустанным усилиям самого князя — перегово-

⁵⁹ *ИРЛИ*. № 5832. Ср. с содержанием письма или черновика письма на французском языке, которое опубликовано А. Звигильским как принадлежащее княгине Трубецкой, но на самом деле, возможно, было написано князем Трубецким или, что более правдоподобно, адресованно ему Н. И. Тургеневым или И. С. Гагариным (все они переписывались между собой, как правило, по-французски): *Nouv corr inéd.* Т. 1. P. LVII–LVIII.

⁶⁰ См.: *ПССУП(2)*. Соч. Т. 7. С. 326.

⁶¹ *ИРЛИ*. № 5832.

⁶² *ПССУП(2)*. Соч. Т. 8. С. 159 (подлинник по-франц.); *Papiers Gagarine*. Boîte VII; см. также: *Conversion d'une dame russe à la foi catholique, racontée par elle-même et publiée par le prince Gagarine*. Paris: Charles Douniol, 1862.

рам с военачальниками, которые он вел, переодевшись в русский национальный костюм, и выплате репараций,⁶³ — сколько дружеским чувствам, которые как Мольтке, так и Бисмарк питали к семье Трубецких. В последнем случае непостижимые отношения железного канцлера с княгиней Орловой, несомненно, сыграли определенную роль.⁶⁴ После кончины Николая Ивановича, последовавшей 11 июня 1874 года, Тургенев цинично воскликнул в письме к Полине Виардо: «Вот наконец и бедный князь Трубецкой отправился удостовериться, правда ли то, что рассказывали ему его иезуиты!». ⁶⁵ Необъяснимо, но его вдова каким-то сверхъестественным образом сдалась. Если на протяжении всей своей жизни ни ему, ни Гагарину так и не удалось добиться того, что он затейливо называл «драгоценным завоеванием очень богатой души для отметки в паспорте, который откроет нам врата рая», то на смертном одре он наконец сумел убедить ее. В исполнение своего обещания она причащалась, установила пожизненную мессу в память о почившем князе и даже приняла решение провести свои похороны по православному обряду.⁶⁶ Тем не менее несмотря на то, что зять продолжал оказывать ей душевную и финансовую поддержку и не переставал навещать ее в Бельфонте (который он унаследовал после ее кончины) вплоть до собственной смерти, последовавшей в том же Бельфонте 29 марта 1885 года, последние годы ее жизни были омрачены грустью, которую ее новый опыт с религией так и не смог рассеять.⁶⁷

Тургенев провел в Англии большую часть франко-прусской войны, живя по соседству с семейством Виардо, которые были вынуждены бежать из Баден-Бадена. Впоследствии он поселился вместе с ними в Париже. Теперь он гораздо ближе общался с князем Орловым, который

⁶³ См. монографию Лимузена (Limosen) о Самуа-сюр-Сен в Архивах департамента Сена и Марна (30Z 394); *Bouquet Victor*. Op. cit. P. 87.

⁶⁴ См. об этом: *Orloff Nikolai*. Bismarck und Katharina Orloff. Ein Idyll in der hohen Politik. München, 1944; Bismarck et la princesse Orloff. Lettres à la princesse Orloff // *Revue des Deux Mondes*. 1936. 15 mars. P. 304–330; *Grant Duff E.*, *The Right Hon. Sir Mountstuart*. Notes from a Diary, 1851–1852. London, 1897. P. 271; *Harrison Frederic*. Autobiographic Memoirs, 2 vols. London, 1911. Vol. 2. P. 49–50.

⁶⁵ *ПССУП(2)*. Письма. Т. 13. С. 101. Подлинник по-франц.

⁶⁶ См. недатированное письмо А. А. Трубецкой к И. С. Гагарину: *Papiers Gagarine*. Boîte VII; L'Abeille de Fontainebleau. 1882. 14 juillet; Книга записей актов гражданского состояния Самуа-сюр-Сен за 4 октября 1874 г. в архивах департамента Сена и Марна (220 V 73).

⁶⁷ О карьере, смерти и похоронах в Самуа князя Н. А. Орлова см.: L'Union républicaine. 1885. 1 avril; L'Abeille de Fontainebleau. 1885. 3 avril; 1893. 20 octobre; *Bourges Ernest*. Op. cit. P. 191–195; Les Cahiers samoisiens. 1973. N 2 (Mars). P. 43–44.

был назначен русским посланником во французской Третьей республике. Это было время усиления подпольной революционной деятельности, когда видные русские эмигранты, такие как Бакунин, Ткачев и Лавров, всячески разжигали оппозиционные настроения во Франции и в других странах по отношению к русскому правительству, резко усилившему репрессивные меры. Вследствие этого любой русский, находившийся в Париже, сразу же становился потенциальным подозреваемым, и французская полиция дошла даже до того, что подслушивала разговоры как Тургенева, так и Орлова!⁶⁸ Писатель-либерал и дипломат с широкими взглядами стали странными союзниками в русско-французских политических и культурных отношениях. Общими усилиями им удалось предотвратить выдачу в Петербург революционеров Льва Гартмана и Анны Розенштейн;⁶⁹ оба всячески поддерживали Общество взаимного вспоможения и благотворительности русских художников, организованное в Париже в 1878 году;⁷⁰ Орлов также оказывал содействие Тургеневу в издании ряда французских произведений, которые могли быть не пропущены цензурой в России, как, например, в случае с знаменитым романом Жюль Верна «Michel Strogoff» («Михаил Строгов»).⁷¹ Благодаря ходатайству посла, Тургенев был даже представлен цесаревичу, будущему императору Александру III, во время визита последнего в Париж в 1879 году.⁷² Однако несмотря на то, что Тургенев видел в Орлове доброго, милого соотечественника и часто прибегал к его помощи, некоторые стороны его поведения порой вызывали у него раздражение или даже возмущение. Например, еще в 1874 году Орлов пригласил Тургенева на официальное торжество по случаю тринадцатой годовщины отмены крепостного права, но посадил его сорок седьмым за столом — дальше, чем местного священника русской посольской церкви в Париже.⁷³ Еще более неприятной для Тургенева — по-

⁶⁸ См. об этом: *Waddington Patrick*. «Sleazy Digs and Coppers» Marks: The Fate of Russian Nihilists in Paris a Hundred Years Ago // *N Z Sl J*. 1989–1990. P. 10–11, 23 и след.

⁶⁹ См.: *Ibid*. P. 4–4; *ПССУП(1). Письма*. Т. 12. Кн. 1. С. 315, 655

⁷⁰ См. об этом: *ПССУП(1). Письма*. Т. 12. Кн. 1. С. 276, 635–636.

⁷¹ *ПССУП(2). Письма*. Т. 14. С. 171, 357–358.

⁷² *ПССУП(1). Письма*. Т. 12. Кн. 2. С. 172, 178, 502–503.

⁷³ *Goncourt Edmond et Jules*. Journal. Mémoires de la vie littéraire / Ed. Robert Ricate: 4 vols. Paris, 1956. Vol. 2. P. 1034; Les cahiers samoisiens. 1976. N 5. P. 37, 43. Хотя в «Дневнике» год точно не указан, речь может идти только о 1874 г. Однако существует вероятность, что сведения, сообщенные Гонкуром, не точны и на самом деле относятся к торжествам, которые состоялись в посольстве и при посольской церкви 24 марта 1861 г. — см.: *ПССУП(2). Письма*. Т. 4. С. 304, 306, 309, 624.

скольку дело касалось не его самого — была типичная для русской аристократии позиция Орлова, высказанная им в 1878 году по отношению к еврейскому художнику Антокольскому и его статуе Христа. «Как может еврей представить нашего бога?» — спросил князь.⁷⁴ Когда писатель был при смерти в 1883 году, в бреду он даже принял Орлова за шефа жандармов при Николае I, отца молодого князя.⁷⁵ Следует, однако, отдать должное Орлову, он воздал последние почести Тургеневу и «обливался горючими слезами», оплакивая эту огромную утрату для себя и своего отечества.⁷⁶

Практически единственным документальным свидетельством дружбы Тургенева с Трубецкими, дошедшим до наших дней, являются его удивительные письма к княгине. Как говорилось выше, письма, адресованные ее мужу, по всей видимости, не сохранились, а те несколько посланий к князю Орлову, которыми мы располагаем, в основном носят деловой характер,⁷⁷ в то время как девятнадцать или около того уцелевших и известных на настоящий момент писем к Анне Андреевне представляют собой полноценную переписку.⁷⁸ Все они написаны по-француз-

⁷⁴ *ПССиП(1). Письма*. Т. 12. Кн. 1. С. 280. См. также: *Les cahiers samoisiens*. 1976. N 5. P. 37. Любопытный иностранный взгляд на Орлова и его дипломатическую деятельность содержится в книге «The Russians of Today», написанной автором «Депутата города Парижа» («The Member for Paris»), т. е. Юстейсом Клером Гренвиллом-Мерреем (Е. С. Grenville-Murray) — London, 1878. P. 293–294.

⁷⁵ Из воспоминаний М. В. Олсуфьевой // Бродский Н. Л. И. С. Тургенев в воспоминаниях современников и его письмах: В 2 ч. М., 1924. Ч. 1. С. 137–138.

⁷⁶ Художник о Тургеневе. Воспоминания Э. К. Липгарта, 1875 / Публ. Р. Б. Заборовой // *ЛН*. Т. 76. С. 429.

⁷⁷ В настоящее время известны четыре письма Тургенева к князю Орлову, см.: *ПССиП(2). Письма*. Т. 3. С. 309 (от 18 (30) марта 1858 г.); Т. 5. С. 149–151 (от 27 января (8 февраля) и от 29 января (10) февраля 1863 г.); *ПССиП(1). Письма*. Т. 13. Кн. 1. С. 83 (от 18 (30) апреля 1881 г.). Письмо, предположительно датированное апрелем н. ст. 1861 г. (см.: *ПССиП(2). Письма*. Т. 4. С. 316, 631–632), не могло быть адресовано Орлову, как указано в *ПССиП(2)*, поскольку Тургенев в нем использует обращение на «ты», которое бы он никогда не позволил себе в общении с ним.

⁷⁸ Тринадцать писем Тургенева к княгине А. А. Трубецкой были впервые опубликованы Александром Звигильским в его книге «Ivan Tourguénev. Nouvelle correspondance inédite», вышедшей в двух томах в Париже в 1971–1972 гг. (Т. 1. P. 319–340). Эти письма вошли в выходящее ныне второе издание Писем Тургенева. Еще четыре письма были опубликованы мною частично в нескольких выпусках «New Zealand Slavonic Journal» (1979. N 1. P. 2–3, 13–14, 16; 1983. P. 224–225; 1986. P. 27–28) и также воспроизводятся в новой серии Писем. Кроме того, в моем распоряжении находятся еще два ранее не публиковавшихся письма к Трубецкой, датированные 31 января 1876 г. и 27 ноября 1878 г. (все даты указаны по новому стилю). Вполне возможно, что еще несколько писем могут обнаружиться в частных архивах во Франции.

ски и охватывают временной промежуток в двадцать три года. Тургенев сообщает в них не только о своих делах и приготовлениях к поездкам, о погоде и других ежедневных радостях или огорчениях, но также делится своими впечатлениями о политике, музыке, философии и литературе. Он поверяет княгине самые свои сокровенные переживания, последствия своих болезней, свою склонность к тому, что он называет по-английски «blue devils» («черные мысли»)⁷⁹ Он выражает соболезнования княгине в связи со смертью Трубецкого, но несмотря на память о князе, не колеблясь, называет себя «противником православия и славянофильства».⁸⁰ Он стремится навещать Анну Андреевну в Бельфонте и неоднократно бывает у нее в последние годы ее жизни. Нам неизвестны его отклики на смерть княгини, последовавшую 7 июля 1882 года, но в письме, написанном двумя годами ранее, последнем из известных на настоящий момент, он просит ее верить его «искренней и неизменной привязанности».⁸¹

С большей частью писем Тургенева к княгине Трубецкой можно легко ознакомиться в полном собрании его писем или — в случае когда соответствующие тома еще не вышли — по книге А. Звигильского «Nouvelle correspondance inédite». Поэтому я не вижу смысла цитировать их здесь. Но мне бы хотелось дать представление о тех трех письмах, которые все еще остаются малоизвестными, включая два из моей собственной коллекции. Они могут служить примером той теплоты, искренности и несомненного интереса, которые обнаруживает переписка этих двух людей. Эти письма относятся к самому лучшему периоду их эпистолярного общения, когда (увы) князя уже давно не было в живых и не осталось преград для искреннего обмена мыслями и чувствами, а также когда сам Тургенев наконец нашел относительно устойчивое счастье на верхнем этаже дома Виардо на улице Дуэ и в своем шале в Буживале. Речь пойдет о 1876, 1877 и 1878 годах, но я буду рассматривать письма не в хронологическом порядке.

Первое письмо, о котором пойдет речь, датировано 24 марта 1877 года и касается романа Тургенева «Новь», публикация которого завершилась незадолго до этого. Глубокое уважение к княгине, которая принимала к сердцу все его произведения, прослеживается уже в том, что Тургенев передал ей первую часть «Нови», как только получил экземпляры январской книжки «Вестника Европы», в котором она появилась.⁸²

⁷⁹ *Nouv corr inéd.* Т. 1. Р. 334.

⁸⁰ *Ibid.* Р. 333. Подлинник по-франц.

⁸¹ *Ibid.* Р. 340. Подлинник по-франц.

⁸² Ср.: *Nouv corr inéd.* Т. 1. Р. 330 с *ПССуП(1)*. Письма. Т. 12. Кн. 1. С. 55.

На протяжении последующих недель они обменялись несколькими письмами о «Нови», и княгиня выразила большое восхищение прочитанным, с некоторыми оговорками. Так, не вызвал у княгини особой симпатии образ Марианны, которая казалась ей резковатой и которой, по ее мнению, недоставало деликатности.⁸³ Тем временем в русской прессе один за другим появлялись резко негативные отклики на новый роман писателя. Во второй половине марта один из них попал в поле зрения Анны Андреевны, о чем она не преминула ему сообщить. В ответном письме Тургенев написал о том, как его тронуло это выражение дружеского неодобрения: «Но увы! не только „Русский вестник“ — все журналы без исключения поносят меня. Никогда еще критика не была более единодушна — это то, что называется полным разносом. Сказать, что я к этому безразличен — было бы слишком высокомерно; признаюсь даже, что все это меня волнует — и все же я не могу предположить здесь заговор против меня или моего творчества... это означает, что, как говорит Шекспир, — *something rotten in the state of Denmark* <подгнило что-то в Датском государстве — *англ.*>, то есть в моем романе. Могу добавить, что я, не слишком того желая, задел немало народу — влагая персты в раны. Но что сделано, то сделано; если это было полезно <...>».⁸⁴

Самый пространный из известных фрагментов этого письма, к сожалению, на этом месте обрывается. Нам известно, однако, что далее Тургенев излагает свой взгляд на характеры некоторых главных героев «Нови» и отрицает (высказанное ранее предположение), что вложил свои размышления в речи Паклина, который в самом конце романа напрямую связывает политические беспорядки в России с тем, что он называет «безымянная Русь».⁸⁵ Тургенев лишь изображал людей такими, какими он их видел. «Не моя вина, — писал он княгине Трубецкой далее, — что в деле продвижения России вперед нам можно рассчитывать лишь на подобных людей».⁸⁶

Все эти высказывания, как всегда, находят отражение в письмах Тургенева к другим его близким друзьям и собратьям по перу. В них нет ничего нового. Интересен сам факт того, что княгиня Трубецкая была настолько близка к Тургеневу, что могла разделить его переживания, вызванные резким неприятием «Нови». Оставшиеся два письма, отрывки из которых я бы хотел привести, носят более личный характер, наглядно

⁸³ *Nouv corr inéd.* Т. 1. Р. 332.

⁸⁴ Впервые известные на настоящий момент фрагменты из этого письма были освещены в: *N Z Sl J.* 1979. N 1. Р. 16–17.

⁸⁵ См.: *ПССУП(2). Соч.* Т. 9. С. 389.

⁸⁶ *N Z Sl J.* 1979. N 1. Р. 16.

свидетельствуя о степени привязанности Тургенева к Анне Андреевне и ее семье. 4 августа 1875 года, в возрасте тридцати пяти лет, Екатерина Орлова-Трубецкая скончалась в Санкт-Морице, в Швейцарии из-за болезни почек, вызванной или усугубившейся в результате заболевания корью.⁸⁷ Как только Тургенев узнал об этом, он тотчас написал одному близкому другу: «Сейчас услышал о смерти княгини Орловой, жены нашего посланника. Мне очень ее жаль. Хорошая была женщина. Я был ее шафером в 1858-м году».⁸⁸ Нам доподлинно известно, что Тургенев общался вскоре с князем Орловым, и можно предположить, что он вызвал последнему свои соболезнования,⁸⁹ но по каким-то причинам он так и не написал сочувственного письма княгине Трубецкой. Сложно сказать, почему это произошло. Его здоровье на тот момент было вполне сносным; у него не было затруднений, которые бы поглощали все его время и силы; он уже обосновался на лето в Буживале. Хотя он, как всегда, был занят улаживанием тысячи дел и много времени проводил с семьей Виардо, единственное, что на самом деле могло отвлечь его внимание от подобного морального долга, были заботы по завершению обустройства его шале.⁹⁰ Возможно, причина его молчания заключалась в том, что он понимал всю бесплодность усилий утешить княгиню, которая за год с небольшим понесла вторую неимоверно тяжелую утрату. По всей видимости, она предполагала что-то подобное, когда наконец собралась писать к нему в следующем, 1876, году. 31 января он ответил на ее упреки: «Не думаю, чтобы я когда-либо столь живо испытывал острые угрызения совести, как после получения Вашего письма. — Вы совершенно правы в своих упреках и очень добры, делая их, — и хотя Вы правы, указывая на причину моего молчания, — это меня не извиняет. — Я должен был написать Вам не ради того, чтобы попытаться Вас утешить: я должен был протянуть Вам руку ради самого себя, ради нашей старинной дружбы, в тот момент, когда судьба вторично нанесла Вам свой удар. — Я не сделал этого сразу... потом решил, что уже слишком поздно... и вот таким образом вместо того чтобы исправить ошибку, — совершают еще большую».⁹¹

⁸⁷ Сведения получены от г-жи Пот-Кавелиной; согласно другим данным, она умерла от болезни легких. Источники расходятся в дате ее смерти и указывают на 1, 4 или 5 сентября. См. некролог Орловой: *Le Figaro*. 1875. 7 August. P. 1.

⁸⁸ *ПССиП(2). Письма*. Т. 14. С. 123. Письмо к баронессе Ю. П. Вревской от 25 июля (6 августа) 1875 г.

⁸⁹ См.: Там же. С. 171.

⁹⁰ Там же. С. 145.

⁹¹ Письмо от 31 января н. ст. 1876 г. находится в моем собрании и воспроизводится полностью в *Приложении*.

Среди прочего, Тургенев написал о том, что незамедлительно приехал бы в Бельфонтен, если бы не сильный приступ подагры, и пообещал осуществить свое намерение при первой возможности. Он действительно посетил бедную княгиню в апреле 1876 года.⁹²

Как видно из последнего письма, о котором пойдет речь, Тургенев часто выражал желание встретиться с Анной Андреевной, даже если — как это часто бывало и в других случаях — его намерения редко осуществлялись. 15 ноября 1878 года недалеко от Парижа в самых плачевных условиях скончался его старинный друг Н. В. Ханьков, известный русский географ и этнограф, и Тургенев принял деятельное участие в организации похорон. Примерно в это время княгиня Трубецкая написала ему письмо, в котором выражала свое сочувствие и скорбела вместе с ним. На похоронах, которые состоялись на кладбище Пер-Лашез 22 ноября, Тургенев произнес небольшую речь, но сильно простудился из-за туманной и сырой погоды. Последнее обстоятельство дало ему очередной повод отложить запланированную поездку в Бельфонтен, равно как и в Круассе, чтобы повидаться с Флобером. 27 ноября он изложил все это в письме к княгине Трубецкой, пообещав, с примесью надежды, уныния и самоиронии, непременно навестить ее в следующий понедельник. Далее следует поразительное подтверждение дружеских чувств, которые Тургенев к ней испытывал: «Мне нет нужды говорить Вам, насколько я был тронут симпатическими и добрыми словами, сказанными Вами по моему адресу; — поверьте же и Вы, что чувство, которое я к Вам питаю, столь же искренно, как и горячо — и что с прожитыми годами отношения с Вами становятся настолько драгоценными, — что я не вижу ничего впереди, что могло бы заставить меня забыть о них. — Вы, может быть, знаете, что недавно мне исполнилось 60 лет; — это начало конца! — Ничего нового — — приятного — ждать не приходится».⁹³

После нескольких более оптимистичных вежливых фраз, Тургенев в завершение написал: «...я прошу Вас верить неизменной дружбе совершенно преданного Вам Ив. Тургенева». Этими словами мне хотелось бы завершить поднятую тему.

⁹² См.: *ПССиП(1). Письма*. Т. 11. С. 246.

⁹³ Письмо от 27 ноября н. ст. 1878 г. из моего собрания. Полный текст письма воспроизводится в *Приложении*. О смерти и похоронах Ханькова см.: *ПССиП(1). Письма*. Т. 12. Кн. 1. С. 377, 380–385, 684.

ДВА ПИСЬМА ТУРГЕНЕВА
К КНЯГИНЕ А. А. ТРУБЕЦКОЙ
(Из собрания Патрика Уоддингтона)

1

19 (31) января 1876 года. Париж

Paris.

50, Rue de Douai.

Lundi, 31 janv. 76.

Chère et bonne princesse,

Je ne crois pas avoir jamais senti aussi vivement les pointes acérées du remords qu'après avoir reçu votre lettre. — Vous avez parfaitement raison dans vos reproches et vous êtes bien bonne de me les faire; — et quoiqu'il y ait^a de la vérité, dans la cause, à laquelle vous attribuez mon silence — cela ne m'excuse pas. — Ce n'est pas pour essayer de vous consoler que j'aurais dû vous écrire: je devais à moi-même, à notre ancienne amitié de vous tendre la main — au moment où ce second terrible coup venait de s'abattre sur vous. — Je ne l'ai pas fait dans le premier moment... ensuite j'ai cru qu'il était trop tard... et voilà comment au lieu de réparer une faute — on en commet une plus grande. Mais tout coupable que je me sens, j'espère que je ne^b le suis pas à ce point à vos yeux pour vous faire supposer que je n'ai pas pris la part <la> plus vive au malheur qui vous a frappée. — Je puis dire que pendant bien des jours j'ai souvent et longuement pensé à vous, à cet être si bon, si noble, que j'avais vu si plein de jeunesse et de vie et que le sort lui-même devait, semblait-il, épargner; — à cette mère, à cette fille, à cette épouse — également excellente & tendre... «Die Guten sterben jung»... mais pourquoi précisément celle-là? — Elle a laissé le souvenir le plus pur, les regrets les plus universels... mais tout cela ne pouvait-il venir plus tard — beaucoup plus tard — quand elle aurait eu accompli le cercle de ses jours?

^a Далее зачеркнуто: bien <?>

^b Далее зачеркнуто: l'ai <?>

Hélas! Ces *pourquoi* là n'ont jamais de réponse. —

J'ai eu une attaque de goutte assez violente — et dans ce moment-même je ne puis sortir, grâce à une assez forte bronchite; sans cela je crois que je serais parti dès demain pour Fontainebleau. Dans tous les cas je puis vous assurer que je n'attendrai pas le retour de la belle saison pour aller vous voir — et que très probablement vous aurez ma visite plutôt que vous ne le pensez peut-être. Madame Viardot me charge de vous dire ses meilleures amitiés; — l'affection qu'elle vous porte — ainsi que celle qu'elle portait^d à votre fille^e est profonde et forte et ne change pas. —

Vous avez peut-être entendu dire que sa fille Louise Héritte a eu un accident assez grave en chemin de fer; elle porte encore le bras en écharpe — mais cela va beaucoup mieux.

A bientôt, chère princesse; je vous serre la main de toute la force d'un cœur affectueux et repentant.

Votre tout dévoué

Iv. Tourguéneff.

P. S. Mes amitiés cordiales à Mlle Marianne.

На конверте: Madame la princesse Troubetzkoï.

Au château de *Bellefontaine*,
près de *Fontainebleau*.

Почтовые штемпели: Paris, 31 janv. 76; Fontainebleau, 1 févr. 76.

С французского:

Париж.

Улица Дуэ, 50.

Понедельник, 31 янв. 76.

Дорогая и милая княгиня,

Не думаю, чтобы я когда-либо столь живо испытывал тяжкие угрызения совести, как после получения Вашего письма. — Вы совершенно правы в своих упреках и очень добры, делая их, — и хотя Вы справедливо указываете на причину моего молчания, — это меня не извиняет. — Я должен был написать Вам не ради того, чтобы попытаться Вас утешить: я должен был протянуть Вам руку ради самого себя, ради нашей старинной дружбы, в тот момент, когда судьба вторично нанесла

^e Je — *вписано над строкой.*

^d *Далее зачеркнуто:* pour.

^e *Далее зачеркнуто:* était.

Вам свой удар. — Я не сделал этого сразу... потом решил, что уже слишком поздно... и вот таким образом вместо того чтобы исправить ошибку, — совершают еще большую. Но как бы я ни был виноват, надеюсь, что в Ваших глазах я не настолько провинился, чтобы Вы могли предположить, что я не принял живейшего участия в постигшем Вас горе. — Могу Вам сказать, что в течение многих дней подолгу и помногу думал о Вас, о таком добром, таком благородном создании, которое я видел полным молодости и жизни и которое, казалось, сама судьба должна была оберегать; — об этой матери, дочери, супруге — в равной мере милой и нежной... «Die Guten sterben jung»...^{*} Но почему именно она? — Она оставила после себя столь светлую память, столь единодушные сожаления... неужели это не могло случиться позже — много позже — когда она прошла бы уже свой жизненный круг?

Увы! На эти *почему* нет никакого ответа. —

У меня был довольно сильный приступ подагры — а в настоящее время я не выхожу из-за довольно сильного бронхита; если бы не он, думаю, что я завтра уже отправился бы в Фонтенбло. Как бы то ни было, могу Вас уверить, что не буду дожидаться теплых дней, чтобы навестить Вас — и что возможно, Вы увидите меня гораздо раньше, чем, может быть, думаете. Г-жа Виардо поручает мне передать Вам самые дружеские приветствия; — чувство, которое она к Вам питает — как и то, что она питала к Вашей дочери, — глубоко, сильно и неизменно. —

Вы, может быть, слышали, что с ее дочерью Луизой Эритт произошел несчастный случай на железной дороге; она еще держит руку на перевязи — но все идет на поправку.

До скорой встречи, дорогая княгиня; пожимаю Вашу руку со всей силой любящего и раскаявшегося сердца.

Совершенно преданный Вам

Ив. Тургенев.

P. S. Мой сердечный привет м-ль Марианне.

На конверте: Госпоже княгине Трубецкой.
В замке *Бельфонтен*,
близ *Фонтенбло*.

2

15 (27) ноября 1878 года. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS

Mercredi, 27 nov. 78.

Chère princesse Troubetzkoï,

Je n'ai pas répondu immédiatement à votre lettre, car j'avais la ferme intention de tenir enfin la promesse que je fais depuis trois ans (!!) — et d'aller

^{*} «Лучшие умирают молодыми»... (нем.).

en personne à Bellefontaine... et voilà que j'attrappe un gros rhume (probablement au Père Lachaize, ou j'ai dû parler tête nue) — et me voilà cloué à la maison! (Les autres fois, c'était la goutte.) — Mais cette fois-ci c'est peu de chose — et j'espère pouvoir sortir dès demain. — Dans ce cas — c'est *lundi*, que j'aurai le grand plaisir de vous voir enfin. Vous avez tout le droit de sourire avec incrédulité en lisant ces lignes; mais, «*trotz alledem*» — ... enfin, nous verrons. —

Je n'ai pas besoin de vous dire combien j'ai été touché de vos sympathiques et bonnes paroles à mon endroit; — croyez bien, vous aussi, que le sentiment que je vous ai voué est aussi sincère que chaleureux — et que les relations que j'ai eues avec vous me deviennent d'autant plus précieuses en avançant dans la vie — que je ne vois plus guères devant moi ce qui pourrait les faire oublier. — Vous savez peut-être que je viens d'avoir 60 ans; — le commencement de la fin! — Il n'y a plus à s'attendre à du nouveau — — agréable. —

Je ne veux pas donner dans «le noir» — et me contente de vous dire: à *lundi*. Tout le monde ici me fait dire mille tendresses — et moi, je vous prie de croire à l'amitié inaltérable

de votre tout dévoué

Iv. Tourguénéff.

На конверте: Madame la princesse Troubetzkoi.
Au château de Bellefontaine,
près de *Fontainebleau*.

Почтовые штемпели: Paris, 27 nov. 78; Fontainebleau, 28 nov. 78.

С французского:

УЛИЦА ДУЭ, 50
ПАРИЖ
Среда, 27 нояб. 78.

Дорогая княгиня Трубецкая,

Я не ответил тотчас на Ваше письмо, потому что твердо намеревался исполнить наконец обещание, даваемое мною в течение трех лет (!!) — и явиться собственной персоной в Бельфонтен... и вот я подхватил сильную простуду (возможно, на кладбище Пер-Лашез, где вынужден был говорить с непокрытой головой) — а потому привязан к дому! (В другие разы была подагра.) — Но на этот раз все не так серьезно — и я надеюсь, что с завтрашнего дня смогу выходить. — В этом случае —

в *понедельник* я буду иметь огромное удовольствие наконец видеть Вас. Вы имеете полное право улыбаться, читая эти строки; но «trotz alledem»* — ... в конце концов, посмотрим. —

Мне нет нужды говорить Вам, насколько я был тронут симпатическими и добрыми словами, сказанными Вами по моему адресу; — поверьте же и Вы, что чувство, которое я к Вам питаю, столь же искренно, как и горячо — и что с прожитыми годами отношения с Вами становятся настолько драгоценными, — что я не вижу ничего впереди, что могло бы заставить меня забыть о них. — Вы, может быть, знаете, что недавно мне исполнилось 60 лет; — это начало конца! — Ничего нового — — приятного — ждать не приходится. —

Не хочу вдаваться в «темные тона» — и довольствуюсь тем, что говорю Вам: до *понедельника*. Все здешние просят передать Вам тысячу нежностей — что до меня, я прошу Вас верить неизменной дружбе

совершенно преданного Вам
Ив. Тургенева.

На конверте: Госпоже княгине Трубецкой.
В замке Бельфонтен,
близ *Фонтенбло*.

* «вопреки всему» (*нем.*).

Л. А. Балькова

**ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ
МЕМОРИАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ ТУРГЕНЕВА¹**

Часть II
(1825–1839)

Внимание Тургенева к процессам становления новой русской литературы известно.² Писатель признавал себя свидетелем и участником уникального явления в истории отечественной, да и европейской культуры. И если в финале статьи о трагедии Н. В. Кукольника «Генерал-поручик Паткуль» (1846) Тургенев еще выражал опасение насчет судеб русской словесности, вспомнив замечание г-жи де Сталь, что «литература в России есть развлечение нескольких дворян», то к концу жизни он мог говорить о великой русской литературе как о свершившемся факте. В ряде статей и выступлений писатель фиксирует основные события и вехи этого процесса: Ломоносов начал создание современного русского языка, Пушкин окончательно создал его — в связи с чем Тургенев ставит эти имена едва ли не выше Петра Великого. На взгляд пи-

¹ Начало статьи см.: И. С. Тургенев. Новые исследования и материалы / Под ред. Н. П. Генераловой, В. А. Лукиной. М.; СПб., 2009. Вып. 1. С. 20–47.

² Н. П. Генералова в своем обзоре работ, посвященных деятельности Тургенева как литературного критика, справедливо отмечает: «...наследие Тургенева-критика столь широко и многообразно, а влияние его на современный литературный процесс столь значительно, что игнорирование этой части наследия писателя привело бы к неизбежному искажению общей картины как его собственного творчества, так и в целом истории русской критики XIX века» (см.: *Генералова Н. П.* Еще раз Белинский (О литературно-эстетических взглядах И. С. Тургенева) // Там же. С. 241).

сателя, создание языка дело более трудное, чем создание империи. Подобное сравнение Тургенев использует и тогда, когда речь идет о Гоголе, который «был не просто писатель: он нам открыл нас самих; он во многих отношениях был для нас продолжателем Петра Великого».³

Сам будучи драматургом, Тургенев ревниво следил за становлением русского театра, с пристрастием обсуждал появление каждой новой пьесы Островского, досадовал на то, что представлялось ему промахом или данью ложной тенденции. Не говоря уже о его известных выступлениях против сочинений так называемой «ложновеличавой школы», схватки с которой пришлось на время литературных дебютов Тургенева и в которых он принял участие рядом с Белинским. Несмотря на непростые личные отношения с Л. Н. Толстым, Тургенев, приветствовав его первые шаги на литературном поприще и неизменно, вплоть до последних своих дней, заботясь о его литературной славе как в России, так и в Европе, успел увидеть вершинные достижения его творчества.

С годами, обращаясь к пережитому, обозревая путь, пройденный отечественной словесностью, Тургенев в «Литературных и житейских воспоминаниях» является не просто мемуаристом, запечатлевшим лица и события, но летописцем, стремящимся воссоздать картину жизни русской литературы за столетия — в ее главных персонажах и группах, в драматических столкновениях, на фоне меняющегося исторического пейзажа.

Эту роль Тургенев принимает вполне сознательно. К ней он возвращается не раз, начиная со статьи «De la littérature russe contemporaine» («О современной русской литературе»), напечатанной во французской «Illustration» (1845); таковым он является в своих выступлениях дома и за рубежом, в качестве «посла от русской литературы в Европе». Он дает краткую характеристику пройденного литературой пути в Речи на первом Международном литературном конгрессе в Париже (1878). Более развернуто он высказывается на ту же тему в Речи на открытии памятника Пушкину (1880) — это итог раздумий писателя над «переворотом», свершившимся в общественном сознании в эпоху, когда литература стала важнейшим фактором в культурной жизни России.

Этот «переворот» запечатлен у Тургенева не только в портретах и характеристиках виднейших деятелей отечественной беллетристики, таких, как Пушкин или Гоголь, но и менее известных, почти забытых, которые, тем не менее, были неотъемлемой частью эпохи. Для Тургенева

³ ПССУП(2). Письма. Т. 2. С. 386. Письмо к П. Виардо от 21 февраля (4 марта) — 4 (16) марта. Подлинник по-франц.

важно было воссоздать и ту среду, которая формировала эстетические вкусы и потребности, определяла моду на идеи и стили. Вот почему выступления Тургенева — живого свидетеля и историографа литературы — всегда основываются на знании литературной и окололитературной среды: кружки, группировки, литературные салоны и, конечно, журналы. «Вестник Европы» и «Сын отечества», «Библиотека для чтения» и «Северная пчела», «Московский телеграф» и «Телескоп», «Отечественные записки» и «Современник», издатели, редакторы, критики, явление новых имен в литературе, журнальная политика и журнальная полемика, взлеты и крушение казалось бы преуспевающих изданий — все это становится предметом размышлений Тургенева с ранних лет.

Для русской журналистики, как, впрочем, и для всего российского общества, 1825 год стал очередным водоразделом, за которым последовали нешуточные испытания на прочность. После подавления восстания декабристов и вступления на престол Николая I в стране ужесточается полицейский режим, что сказывается на положении периодической печати: вводятся серьезные цензурные ограничения, новый цензурный устав (1826), учреждаются Главное управление цензуры и цензурные комитеты (1828). Меры, которые призваны не допустить распространения крамолы в государстве. По сути, сводится к нулю возможность высказываться по политическим вопросам — эта привилегия отныне принадлежит лишь строго ограниченному числу «проверенных» изданий. Поневоле широкое применение получают в журналистике, да и в литературе в целом скрытые формы выражения общественного мнения, в том числе так называемый «эзопов язык». Желаящие быть в курсе политических событий читают зарубежную прессу. Недаром в автобиографической повести «Первая любовь» Тургенев упоминает французскую «*Journal des Débats*» — газету, которую по семейной традиции отец героя читает вслух по утрам.

В этих условиях литература приобретает все большее значение, становится в определенном смысле единственной выразительницей общественного мнения.

Революционные события во Франции 1830-х годов повлекли за собой новые суровые меры: приостановлена «Литературная газета» А. А. Дельвига, запрещен журнал Н. М. Карамзина «Европеец», за ним последует закрытие журнала Н. А. Полевого «Московский телеграф» (1834), в 1836 году — изданий Н. И. Надеждина «Телескоп» и «Молва».

В этой обстановке относительно благополучно чувствовал себя лишь издатель «Северной пчелы» Ф. В. Булгарин, да еще несколько представителей журналистского цеха. Но и Булгарину, и его сподвижнику

Н. И. Гречу приходилось применяться к веяниям времени. Журнал «Сын отечества» (издатель Н. И. Греч), бывший в додекабрьский период одним из лучших периодических изданий в России, блиставший созвездием авторов, среди которых Жуковский, Пушкин, Кюхельбекер, Вяземский, Грибоедов, Рылеев, журнал, снискавший себе славу борца за романтизм, после 1825 года, когда в его редакцию был приглашен Булгарин, приобретает консервативно-охранительное направление (с 1829 года он выходит под объединенным названием «Сын отечества и Северный архив»). Тем не менее, с воцарением «железной зимы» в цензуре, заметно усиливается спрос на литературу. Журнал Греча — Булгарина выставляет на титульном листе литературу на первое место: теперь это «журнал литературы, политики и современной истории». И все же, по мнению Белинского, собственного «направления» журнал не имел, круг сотрудников был весьма пестрым — в нем, помимо издателей, принимали участие А. А. Бестужев, Ф. Н. Глинка, М. А. Дмитриев, Н. М. Муравьев, П. А. Катенин, А. А. Писарев — авторы, придерживавшиеся порой диаметрально противоположных взглядов. Следуя моде, издатели конца 1820-х годов отдавали предпочтение сочинениям романтической школы. Не удивительно, что произведения этого рода пришлись по вкусу настроениям Тургенева-подростка, питали их.⁴ Он был заворожен мятущимися героями А. А. Бестужева-Марлинского — в 1831 году он, по собственному признанию, испытал «неизъяснимое волнение и переворот во всей внутренности», читая его повесть «Изменник» (1825).⁵

В 1833 году в «Сыне отечества» (№ 9–17) был опубликован роман Бестужева-Марлинского «Фрегат Надежда», который, скорее всего, тогда же был прочитан будущим писателем. В дошедшем до нас издании журнала из библиотеки Тургенева имеются пометы, свидетельствующие о заинтересованном внимании читателя. Так, репликой «Превосходно» на полях отмечен следующий текст: «...он горд, похитив первый поцелуй, как Прометей, похитив огонь с неба».⁶ На другой странице читателя привлекли не менее пафосные строки: «*Еще, еще, дальше и более* — вот границы духа человеческого, а границы эти

⁴ См.: Балыкова Л. А. Тургенев и Шарль Нодье: Две повести о первой любви // И. С. Тургенев. Новые исследования и материалы. М.; СПб., 2011. Вып. 2. С. 24–33.

⁵ ПССиП(2). Письма. Т. 1. С. 128. Письмо к Н. Н. Тургеневу от 3, 4, 5 (15, 16, 17) апреля 1831 г.

⁶ Сын отечества. 1833. № 14. С. 370.

за звездами млечного пути, за тенью могилы».⁷ Не менее характерна пометка на полях текста: «...княгине не долго было уложить свое сердце, а имевши его в груди, влюбленная женщина смело может сказать: *omnia tecum porto*. Все с собой ношу!».⁸ В это время Тургеневу было пятнадцать лет — он держал экзамен в университет, новая жизнь открывалась перед ним, и он был влюблен. Марлинский пришелся кстати романтически настроенному подростку.

Много позже, в рассказе «Стук... стук... стук!..» (1871), вспоминая о тогдашней популярности сочинений Бестужева-Марлинского и об их влиянии на образ мыслей и поведение современников, Тургенев писал: «Герои à la Марлинский попадались везде, особенно в провинции и особенно между армейцами и артиллеристами; они разговаривали, переписывались его языком; в обществе держались сумрачно, сдержанно — „с бурей в душе и пламенем в крови“, как лейтенант Белозор „Фрегата Надежды“».⁹ Заметим, что здесь Тургенев вольно или невольно объединяет два произведения Бестужева-Марлинского — «Лейтенант Белозор» и «Фрегат Надежда».¹⁰

Печатаая авторов романтического направления, издатели зачастую преследовали свои прагматические цели: журнальное дело в случае успеха приносило теперь немалый доход. Вот выразительный отрывок из помещенной в «Московском наблюдателе» статьи С. П. Шевырева «Словесность и торговля»,¹¹ который критик «Сына отечества» приводит в обзоре «Русская критика в 1835-м году», — отрывок, отмеченный читателем журнала (возможно, им был Тургенев) и содержащий весьма трезвый взгляд на подоплеку «журнального бизнеса»: ¹² «Да, да — мой взгляд на современную нашу литературу будет ныне совершенно материальный. На журналы я смотрю, как на капиталистов. „Библиотека для чтения“ имеет для меня пять тысяч душ подписчиков. „Северная пчела“, может быть, вдвое. Замечательно, что эти журналы еще в том сходятся с богачами, что любят хвастаться всенародно своим богатством. — *И эти души подписчиков гораздо вернее, чем твои оброчные:*

⁷ Там же. С. 371.

⁸ Там же. № 15. С. 5.

⁹ ПССиП(2). Соч. Т. 8. С. 228.

¹⁰ См.: Там же. С. 499, коммент. Л. М. Лотман.

¹¹ См.: Московский наблюдатель. 1835. Ч. I, март. Кн. 1. С. 5–29.

¹² Отметим, что этот же отрывок Белинский привел в своей статье «О критике и литературных мнениях „Московского наблюдателя“», впервые опубликованной в «Телескопе» (1836. Ч. XXXII. № 5). Ср.: Белинский. Т. 2. С. 127.

за ними нет никогда недоимки; они платят вперед (!) и всегда чистыми деньгами (!!) и всегда на ассигнации (!!!) — Вот едет литератор в новых санях: ты думаешь, это сани. Нет, это *статья* „Библиотеки для чтения“ (?), получившая вид саней, покрытых медвежьей полстью, с богатыми серебряными когтями. Вся эта бронза, этот ковер, этот лак чистый и опрятный — все это *листы дорого заплаченной статьи, принявшие разные образы санного изделия*. Литератор хочет дать обед и жалуется, что у него нет денег. Ему говорят: „Да напиши повесть — и пошли в «Библиотеку»: вот и обед“». ¹³ На следующей странице читателем отчеркнут текст, подводящий итог сказанному: «Кто движет всею этою машиною нашей литературы? *Книгопродавец*. С ним подружилась наша словесность, *ему продала себя за деньги* и поклялась в вечной верности». ¹⁴ Участие в журнальном деле давало надежду на материальное благополучие и независимость.

Мы не можем с определенностью утверждать, что процитированный отрывок был отчеркнут Тургеневым (большая часть сохранившихся томов журнала имеет тиснение Белинского, тем не менее в подборке «Сына отечества» (1813–1836) есть дублетные экземпляры, ряд книжек могут рассматриваться как изначально принадлежавшие семье Тургеневых), и все же некоторые пометы, скорее всего, были сделаны рукой будущего писателя. Как бы то ни было, позднее Тургенев не исключал возможности сотрудничества в «Сыне отечества». В 1840 году, когда Булгарин и Греч покинули редакцию журнала и на место главного редактора заступил А. В. Никитенко, Тургенев писал ему перед своим отъездом в Италию: «...позвольте мне изредка присылать в Ваш журнал письма, которые, уже по одним подробностям италийской жизни, природы и памятников древности, может быть, не будут совершенно лишены интереса». ¹⁵ Однако вступление Тургенева на поприще журналистики произойдет позднее.

К петербургским изданиям романтической направленности, сохранившимся в библиотеке Тургенева, следует отнести газету М. А. Бестужева-Рюмина «Северный Меркурий», выходившую в 1830–1832 годах. На ее страницах печатались сочинения отечественных и зарубежных прозаиков, стихотворения, в библиографическом отделе помещались обзоры литературных новинок, новых театральных постановок в России и во Франции, публиковались воспоминания участников войны

¹³ Сын отечества. 1836. № 3. С. 186.

¹⁴ Там же. С. 187.

¹⁵ ПССиП(2). Письма. Т. 1. С. 147. Письмо от 14 (26) января.

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Выходит по понедельникам, средамъ и пятницамъ.

№ 24.

Цена годов. изд., состоящему изъ 156 NN., въ С. П. В. 50, съ доставкою 30, съ пересмкою 57 руба.

1850, 24 ФЕВРАЛЯ, ПОНЕДѢЛЬНИКЪ.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ.

Со сѣнъ прибороть сатана, или сулбурицица жена; Мльничъ, колдунъ, облащичъ и сватъ. Обѣ прех-активныя Комическія Оперы. (Вечернее представленіе на Новомъ Театрѣ, у Симіоновскаго моста, 16-го Февраля.)

L'homme propose et Dieu dispose — говоритъ старинная пословица; и въ силу оной, вмѣсто того, чтобы, для прощанія съ Театрами на два мѣсяца, быть въ Большомъ Театрѣ и посмотришь на Г. Брюля, въ роли Жюко, я очутился въ Новомъ для Сулбурицицы жены и Мльника! — Вотъ какимъ образомъ это случилось. Часу во вторникъ предъ обѣдомъ, спраснивая по зубочнымъ Театрамъ на Дворцовой площади, въ одномъ

изъ нихъ встрѣтился я неожиданно съ стариннымъ моимъ приятелемъ и товарищемъ по полевой службѣ, конюскаго я назову Горемыковичъ. Этимъ именемъ я называю его для того, чтобы данъ читателямъ некоторое предварительное понятіе о вышнемъ состояніи его жизни. Эпохъ Горемыковъ дѣйствительно неперъ, горе мыкаешь, хоши совершенно произвольное, но въ полномъ смыслѣ сего слова. Дѣнь за семь тому назадъ онъ былъ лихимъ командиромъ роты гранадеръ, и былъ любимъ начальниками, товарищами и ротною. Словомъ сказать, Горемыковъ былъ прекрасной малой. Я, болѣе прочихъ, жилъ съ нимъ душа въ душу. Между нами ничего не было пераздѣльнаго:

С М Ъ С Ъ.

— Невскій Альманахъ нынѣшняго года лучше прошну въсѣхъ собраний. Впрочемъ, нучность шакъ-же не вмѣняется въ достоинство книгамъ, какъ и подамъ. На сей разъ онъ замѣчательнъ одного только приятною новостью: музыкальнымъ прибавленіемъ, въ коемъ помѣщено пять пѣсень. Примѣчательнѣе изъ сихъ послѣднихъ супи: Rondetto Г. Карла Мейера, Польской Г. Франца Шуберна и Романсъ: *Святитъ лислицъ на кладбищѣ*, и проч.; слова В. А. Жуковскаго, музыка М. И. Глинки, молодого Аматѣра, извѣстнаго любителямъ музыки прелестнымъ своимъ дарованіемъ.

И шакъ, въ нынѣшемъ году Москва *) и Петербургъ подарили намъ по Альманаху съ музыкаю. Это приятно. Желательно, чтобы и прочіе Издашени Альманаховъ слѣдовали сему примѣру. Можеть случиться, что шой Альманахъ искупить музыкальнымъ успѣхомъ литературные свои недоспапки. По нашему знанію, въ этихъ альманачныхъ музыкальныхъ прибавленіяхъ, для разнообразія, хорошо-бы помѣщать и балльную музыку, шакже разныя шемы съ вариціями для игры, и болѣе Романсовъ, съ аккомпаниментомъ для пѣвй.

*) Въ Москвѣ изданъ въ нынѣшемъ году Альманахъ съ музыкальнымъ прибавленіемъ: *Редусъ*.

1812 года. Отводилось место и хронике светской жизни, новинкам моды. Среди авторов газеты были А. Е. Измайлов, В. И. Карлгоф, А. Д. Илличевский, А. Н. Глебов, рано умерший С. А. Ольхин, подписывавший свои стихотворения начальными буквами «Ол.», и др.¹⁶

Большая часть поэтических произведений, опубликованных в газете, представляет собою стихотворения «на случай». Это многочисленные мадригалы, послания, эпитафии, басни, эпиграммы. Именно последние повсеместно отмечены читателем экземпляра из книжного собрания мемориальной библиотеки Тургенева: можно думать, что его особо привлекали стихотворные пародии и эпиграммы (заметим, что этот жанр был вовсе не чужд Тургеневу). Например, среди прочего отмечена строка из следующей эпиграммы Бестужева-Рюмина на неизвестного quasi-философа:

Не отвяжусь от скучного Пахома!
Все пристаёт с задачею своею:
Какой нет истины верней?
Что он дурак — вот аксиома!..¹⁷

Пометы, обнаруженные в подборке, не характерны для читательской манеры Белинского. Между тем они передают настрой читателя, склонного к шутке и розыгрышу, а также проявляющего интерес к жизни литературного цеха. Так, на полях отрывка из поэмы Ф. Н. Глинки «Карелия, или Заточение Марфы Иоанновны Романовой» (1830), приведенного анонимным рецензентом, отмечен практически весь фрагмент, сатирически представляющий жизнь светскую и околожурнальную, — от слов: «Живут селениями духи...», включая пассаж:

Я не могу уверить вас:
Имеют ли они Парнас,
Собрания авторов и залы
Для чтения. — «А есть журналы?»
Нет-с! — Ну, и ссора меньше там:
Литературные нахалы
Не назовут по именам
И по отечествам, чтоб гласно,
Под видом критики, ругать:
То с здравым смыслом несогласно!

¹⁶ Многие публикации выходили без подписи. Л. Р. Ланский не считал возможным включить «Северный Меркурий» в перечень изданий из библиотеки Белинского.

¹⁷ Северный Меркурий. 1830. 17 января. № 8. С. 32.

нчивымъ слогомъ расказа, а индѣ и ѣдко-
спію сапирѣ. Напримѣръ:

(справ. 46 и 47.) Въ пѣхъ горахъ

Живутъ селеніями духи:

Точь въ почѣ, какъ мы! Въ большихъ домахъ,

Лишь треугольникомъ ихъ являи:

Они охотники до долли,

И все у нихъ, какъ и у насъ:

Есть черпъ и пшутуль благодаримхъ;

Суды, Расправы и Приказы.

Но вѣшь баловъ, торговокъ модныхъ,

Каретъ, визитовъ, суеты,

И безтолковаго журунья;

Нѣшь мотовства и разоренья!

Такъ стало вѣшь и нищеты!

Сметъ, вѣшь и мѣра безъ обмана,

И у Судейскаго нафмана

У нихъ не дѣлають кармана. —

И не могу увѣришь васъ:

Изящъ ли они Парнасы,

Собравъ авторовъ и залы

Для чтенія. — «А есмь Журналы?»

Нѣшь-съ! — Ну, и сеоры меньше шамъ!

Литературные нахалы

Не назовушь по именамъ

И по отчещствамъ, чтобъ гласно,

Подъ видомъ кришкы, ругань:

То съ здравымъ смысломъ несогласно!

И гдѣ, ктобъ могъ законъ смыслишь,

Который-бы людей уважилъ

Отъ узъ придчія? И имъ,

Какъ будто должно, дозволять

По личнымъ прихотлямъ своимъ,

Перою жъ и по сеорѣ личной,

Кричать, пишашъ, ругашъ публично? . . .

Чтпашели могутъ также обратити

вниманіе на примѣчанія и приложения къ

стихотворенію Ф. Н. Глинки, въ которыхъ

заключаются чрезвычайно любопытныя

Спастическія и Испорченскія свидѣнія о

предметѣ онаго, — едва-ли не неизвѣстномъ

для большей части Русскихъ краѣ, содер-

жащемся въ той часни Олонецкой губерніи,

которая еще и донныи погружена въ ль-

сахъ, идущихъ мимо Повѣнца къ Бѣлому

морю.

N. N.

существованія, и проч. « . . . » или высунулаи иногда
изъ круга действительности, и проч. « . . . » Кроме
той существованія и *дополнительной* думы По-
шла, которая также существованіи, мы еще на-
ходимъ въ Подшавъ иногда думу, *противорѣчающую дей-*
ствительности, и проч. Каково? . . . Существованіи
и действительности узнаванъ всѣхъ страницъ и
нашикованы почти всѣ періоды. Это не хуже
единства, единственнаго изъ всѣхъ единствъ! —
Это немально напоминаетъ *центральное влеченіе*,
вадущее давлете Метафизика Хемницера. — На
LIX страницѣ Г. Кирьескій уверяетъ, что Баронъ
Дельвигъ избросилъ на свою Музу душегубку но-
вѣйшаго умышля. Воля Кришкы; но его спашья
совершенно закутана въ плащъ новѣйшей бесмы-
слицы. — На XXXII страницѣ, Авиторъ, упоминала
о Кришкѣхъ-нѣвѣдѣхъ, говорить: «Все бесполезно,

» что они говорятъ; все ничтожно; все ложь, —
» даже самая истина; и если случайно она вырѣш-
» ся изъ усть ихъ, шо, краснѣя, спашинтъ снова
» спрячаться въ свой колодезь, чтобъ омытъ отъ
» ихъ *осквернительнаго прикосновенія* « Слава Богу!
» теперь мы знаемъ, оупъ чего не видно истинны въ упо-
» минаемомъ Обозрѣніи Россійской Славословности: вѣр-
» но она сидитъ въ своемъ колодезѣ! . . . Впрочемъ,
» сомнишело, чтобъ эта истина имѣла *своей колодезь*:
» не сидитъ-ли она въ такой-же ямѣ, въ какую по-
» шель Метафизикъ Хемницера? — Кешани о Мета-
» физикѣ! . . . Мы слишкомъ много потеряли времени
» за спашьяю Г. Кирьескаго, и искренно клясъ въ
» знаомъ, просимъ извѣщенія у нашихъ чтпашелей,
» шель болье, что время естъ вещь шкала,
» которую — не надобно терять! . . .

С. П. бургъ. — Въ Типографіи К. Крайя. Печашашъ позволеніемъ: 22-го Февраля 1850 г.

Ценсоръ Гиссеній.

«Северный Меркурий» (1830. № 24). Последняя страница газеты.

На отрывке из поэмы Ф. Н. Глинки — помета Тургенева.

Мемориальная библиотека Тургенева, Орел

И где, кто б мог закон сыскать,
Который бы людей уволил
От уз приличия? И им,
Как будто должное, дозволил
По личным прихотям своим,
Порою ж и по ссоре личной,
Кричать, писать, ругать публично?..¹⁸

Отрывок доносит накал страстей журнальной полемики, а также уровень и нравы критиков, досаждавших не одному автору «Карелии».

Не менее выразительна читательская помета на полях романа в стихах «Евгений Вельский», аттестуемого критиком газеты как слабое подражание пушкинскому «Евгению Онегину». Читатель отчеркнул на полях отрывок, посвященный описанию луны в произведениях отечественной литературы, и нашел его весьма удачной пародией. Возможно, уже тогда, в начале 1830-х годов, читатель газеты (а мы полагаем, что этим читателем был юный Тургенев) получил своеобразную «прививку» от романтических штампов. Недаром он упомянет о них в сатирическом духе в своей первой печатной поэме «Параша», в стихах, посвященных «восторженным девицам»:

Я не любил их толстых, бледных лиц,
Иная же — помилуй бог — поэтка.
Всем восхищаются: и пеньем птиц,
Восходом солнца, небом и луною...¹⁹

Сам Тургенев, в качестве лирического поэта, будет стремиться, за малым исключением, максимально лаконично обозначить образ ночного светила и лунный свет, эти непеременные атрибуты романтического пейзажа.

В «Северном Меркурии» пародии и сатира не занимали, однако, исключительного места. Большая его часть была отведена обзору новинок отечественной литературы, особенно тех, что были посвящены событиям российской истории. Рецензент N. N., рассуждая об авторе вышеупомянутой поэмы «Карелия, или Заточение Марфы Иоанновны Романовой», так писал о его достоинствах: «Наиболее народный

¹⁸ N. N. О новом стихотворении Ф. Н. Глинки: Карелия, или Заточение М. И. Романовой // Северный Меркурий. 1830. 21 февраля. № 23. С. 92. Этот отрывок рецензент «Северного Меркурия» предварил следующим замечанием: «Наш поэт прекрасно разнообразит важный слог описания веселым шутивным слогом рассказа, а инде и едкостью сатиры» (Там же. С. 91–92).

¹⁹ ПССиП(2). Соч. Т. 1. С. 68, 70.

из русских стихотворцев есть Ф. Н. Глинка. Добродетельная любовь к родной стране и производимая ею полнота души; тонкое чувство изящного, открывшее тайну поэзии в русской природе, в русских нравах, в политической жизни России; русский язык, со всею его выразительностью, точностью, гибкостью и благозвучием — вот, по нашему мнению, отличительный характер того рода стихотворений Глинки, который ставит его, в отношении к народности, на первое место между русскими стихотворцами и делает сего поэта драгоценным достоянием России».²⁰ Следует отметить это суждение, обращающее читателя к проблемам русского литературного языка. Впоследствии Тургенев немало размышлял и писал на эту тему: именно ему было суждено дать одну из самых ярких и выразительных характеристик родному языку в знаменитом стихотворении в прозе.

1830-е годы — рубеж, озаменованный переменной привычной картины в мире журналов. Угасает «Вестник Европы», некогда созданный и одушевленный гением Карамзина (сейчас в книжном собрании Тургенева имеется неполный его комплект за 1802–1830-е годы). А ведь некогда именно на страницах этого журнала появились переводы первых вестников романтизма — г-жи де Сталь и Шатобриана. К началу 1830-х годов журнал становится просто «сборником статей, без направления, без мысли».²¹

К 1830 году прекратит свое существование, не прожив и двух лет, журнал «Галатея», издававшийся С. Е. Раичем (Амфитеатовым) и состоявший преимущественно из переводов и статей самого издателя (в библиотеке Тургенева сохранились книжки журнала за 1829–1830 годы). На его страницах печатались произведения Пушкина, Тютчева, Баратынского, Вяземского, Ф. Глинки. По-видимому, журнал не выдержал конкуренции с другими изданиями, отличавшимися большей определенностью направления. Раич же о нем как будто не заботился. Во вступительной статье к журналу он писал: «...„Галатея“ — бабочка; как дать ей направление?».²² Тургенев, безусловно знакомый с публикациями «Галатеи», не без иронии упоминает о ней как о своего рода «антикварном издании» в повести «Петушков».

Столь же недолгим был век журнала «Русский зритель», издававшегося в Москве К. Ф. Калайдовичем и Д. П. Ознобишиным и имевшего целью познакомить читателя с достижениями в области истории и сло-

²⁰ Северный Меркурий. 1830. 19 февраля. № 22. С. 85.

²¹ *Белинский*. Т. 9. С. 683.

²² Галатея. 1829. Ч. 1. <С. 2>.

весности. Значительное место в журнале занимали материалы по истории России, литература же была представлена произведениями второстепенных авторов. Тем не менее здесь появлялись стихотворения Тютчева, печатались статьи С. Т. Аксакова, Н. В. Киреевского, С. П. Шевырева, М. П. Погодина. Тяжелая болезнь Калайдовича, талантливый археограф, предопределила судьбу журнала: его последняя книжка вышла в 1833 году. Среди книг Тургенева сохранились лишь две части этого издания — за 1828 и 1829 годы. По-видимому, Тургенев познакомился с этим изданием позднее.

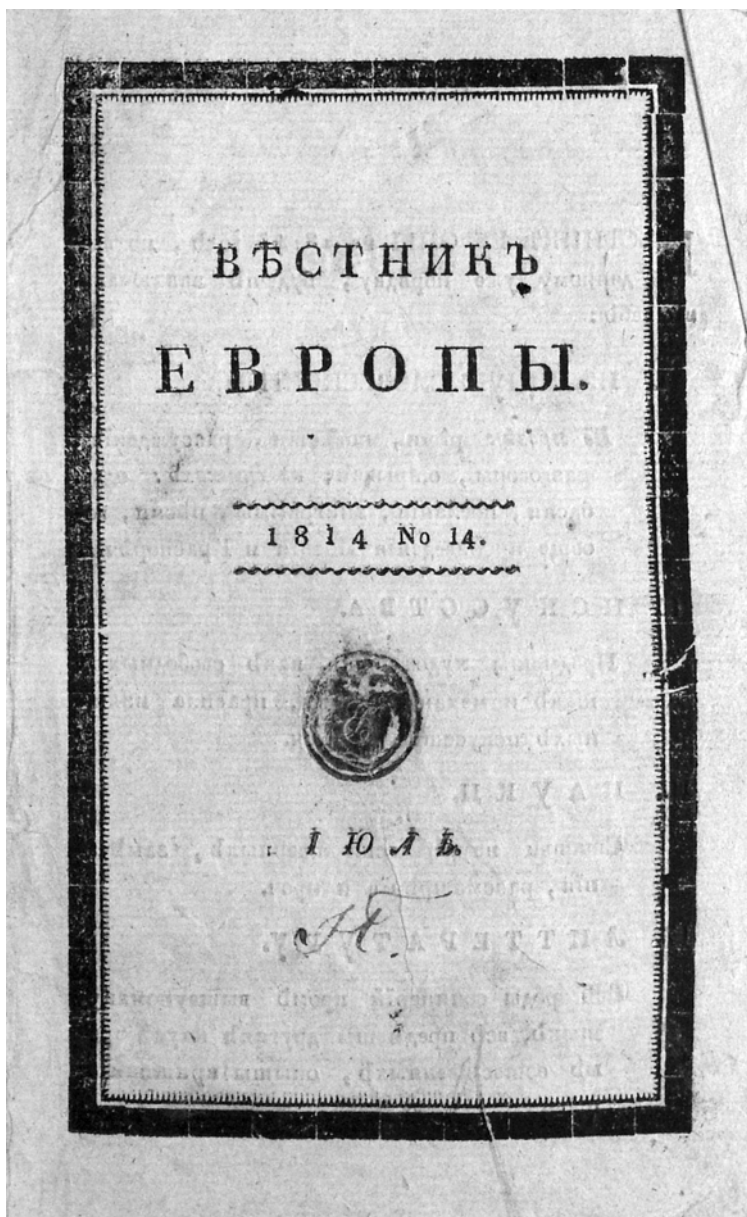
На первый план тогда выдвигались совсем другие издания. Нет сомнения, Тургенев был хорошо знаком с журналом энциклопедического толка, весьма популярным в свое время, — «Библиотекой для чтения» (издатель А. Ф. Смирдин, редактор О. И. Сенковский). Хотя в книжном собрании писателя сохранилось всего несколько томов этого издания за 1822 год (тогда журнал выходил в качестве приложения к «Сыну отечества») и ряд томов за 1852, 1858–1859 годы, следует утвердительно говорить о знакомстве Тургенева с публикациями этого журнала в 1830-е годы. В «Литературных и житейских воспоминаниях», упомянув «смирдинскую эпоху» в отечественной журналистике, он так писал о влиянии «Библиотеки для чтения» и ее редактора на умы читателей: «...барон Брамбеус <т. е. Сенковский. — Л. Б.> царствовал, „Большой выход у Сатаны“ почитался верхом совершенства, <...> а критический отдел в „Библиотеке для чтения“ — образцом остроумия и вкуса <...>», — и добавлял далее, что в творениях Гоголя «оракул „Библиотеки для чтения“ видел один грязный малороссийский жарт».²³ Упомянутый Тургеневым фельетон Сенковского, опубликованный в «Новоселье» Смирдина, отлично характеризовал взгляды редактора «Библиотеки для чтения», всегда придерживавшегося официальной точки зрения.

Отметим, что «Библиотека для чтения» стала одним из немногих изданий, отрицательно встретивших публикацию первой поэмы Тургенева «Параша», которая была благосклонно принята критикой.

Много лет спустя, в повести «Петушков», упоминание о «Библиотеке для чтения» Сенковского послужит характеристике героя, отличавшегося провинциальной ограниченностью кругозора.

В книжном собрании Тургенева сохранились журналы, издававшиеся в Москве в конце 1820-х — начале 1830-х годов. Судя по владельческим знакам и автографам, большая их часть попала в усадебный дом писателя с книгами Белинского, который в этот период уже был вовле-

²³ ПССиП(2). Соч. Т. 11. С. 15–16.

Журнал «Вестник Европы» (1814).
На обложке — инициалы Тургенева.
Мемориальная библиотека Тургенева, Орел

чен в журналистскую деятельность и вскоре был признан в качестве влиятельного критика. Это обязывало его следить за публикациями, появлявшимися во многих журналах, столичных в особенности. Именно к этому времени относится пребывание семьи Тургеневых в Москве — чем можно объяснить наличие в библиотеке в разделе периодики дублетных экземпляров того или иного журнала. Некоторые из них сохранили несомненные признаки принадлежности книжному собранию Тургеневых.

Как справедливо отмечают историки отечественной периодической печати, в России после 1825 года «ведущая роль <...> принадлежала уже не петербургской, а московской журналистике».²⁴ Формируются оппозиционные настроения, организуются студенческие кружки. Начинают издаваться журналы, пытавшиеся критически взглянуть на окружающую действительность.

Одним из таких изданий стал «Московский вестник», с которым изначально связывал свои надежды на участие в журнальной деятельности Пушкин. В библиотеке Тургенева сохранились разрозненные книжки журнала за 1827, 1828, 1830 годы. Журнал возник в кружке участников Общества любомудрия, поклонников философии Гегеля. «Московский вестник», первоначально выходивший в виде сборника-альманаха, редактировал Погодин, которому помогал Шевырев. В число сотрудников журнала сразу же был включен Пушкин. В журнале печатались его стихотворения, сцена из трагедии «Борис Годунов», а также отрывки из «Евгения Онегина», «Графа Нулина» и др. К участию в журнале были привлечены Баратынский, Д. Давыдов, Н. Языков, Ф. Глинка, Веневитинов, Хомяков. Здесь помещались переводы сочинений писателей-романтиков — Гёте, Шиллера, Шатобриана. Главной задачей журнала его участники считали борьбу с материализмом французских просветителей XVIII века, пропаганду произведений Канта, Гегеля, Шеллинга. Философское, слишком элитарное направление издания объясняет его неуспех у публики. Вскоре Пушкин отошел от журнала, просуществовавшего всего три года. Все же влияние его на умы молодежи было плодотворным. Вокруг редакции сложилась «редчайшая для николаевского времени атмосфера политической и гражданской честности, неприятия произвола».²⁵ Несмотря на весьма сдержанный либерализм

²⁴ История русской журналистики XVIII–XIX веков / Под ред. А. В. Западова. 3-е изд. М., 1973. С. 153.

²⁵ Цит. по: *Цимбаев Н. И.* «Под бременем познания и сомнения...» (Идейные искания 1830-х годов) // Русское общество 30-х годов XIX в. Люди и идеи. Мемуары современников / Под ред. И. А. Федосова. М., 1989. С. 17.

МОСКОВСКИЙ
В Ъ С Т Н И К Ъ.
ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ М. ПОГОДИНЫМЪ.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1827.

В. Г. Белинский

Журнал «Московский вестник».
Титульный лист с владельческим автографом В. Г. Белинского.
Мемориальная библиотека Тургенева, Орел

группы «Московского вестника», ближайший помощник Бенкендорфа М. Я. фон Фок называл его участников «истинно бешеными либералами», чей образ мыслей, речи и суждения «отзываются явным карбонаризмом».²⁶ Понятно, что в эпоху цензурного террора журнал был обречен.

Знакомство Тургенева с лучшим периодическим изданием тех лет — журналом «Московский телеграф» Полевого, судя по всему, стало началом приобщения будущего писателя к журнальной жизни России. В доме выписывали этот журнал, быстро завоевавший популярность, хорошо оформленный, снабженный прекрасными цветными картинками мод, что особенно привлекало В. П. Тургеневу. Но юного Ивана Тургенева в «Московском телеграфе» интересовала критика, журнальная полемика, не один год бушевавшая вокруг «вопроса о романтизме». В письме к дяде Н. Н. Тургеневу от 27–30 марта (8–11 апреля) 1831 года он делится впечатлениями от чтения «критики» в двух московских журналах — «Московском телеграфе» и «Телескопе». Подростка поражает диаметрально противоположность суждений об одном и том же произведении (речь идет о стихотворениях М. А. Дмитриева и переводах А. Г. Ротчева): «Я начал читать „Телескоп“ <...>. Я сличил его с „Телеграфом“. Смешно видеть, как один хвалит то, что другой порицает. Вот пример:

О Дмитриеве, Михайле.

„Телеграф“.

„Телескоп“.

Принужденно, вяло, сухо.

Чисто, сильно, без принуждения.

О Ротчеве.

„Телеграф“.

„Телескоп“.

Виден талант большой.

Очень худо.

Посуди, кому верить?».²⁷

Этот отрывок дает представление о том, насколько волновал юного читателя вопрос о качестве художественного творчества, о субъективности и объективности критики, о вкусах, наконец. «Московский телеграф», как видно, оказал серьезное влияние на будущего писателя в процессе формирования его взглядов на литературу, обратил внимание на сочинения Шекспира, писателей-романтиков, прививал вкус к критическому осмыслению прочитанного.

²⁶ Цимбаев Н. И. «Под бременем познания и сомнения...». С. 18.

²⁷ ПССиП(2). Письма. Т. 1. С. 122–123.

Издатель «Телеграфа» Н. А. Полевой, ярый приверженец романтического направления в литературе, вменял себе в заслугу то, что «сделал из критики постоянную часть журнала русского».²⁸ По мнению Белинского, «Московский телеграф» являлся в то время одним из лучших журналов России — и сильной стороной его была именно критика. Следует заметить, что свободомыслие и независимость суждений отличали издателя и главного критика «Телеграфа» уже с первых его шагов на поприще журналистики, когда на него обрушилась ожесточенная травля со стороны Булгарина и Греча. С 1829 года Полевой издавал сатирическое прибавление к своему журналу — «Новый живописец общества и литературы»; в нем содержалось немало выпадов против одиозного редактора «Северной пчелы» (несколько номеров «Нового живописца» за 1830 год сохранились в мемориальной библиотеке Тургенева). Комплект «Московского телеграфа» (правда, с некоторыми пропусками) в основном был собран Белинским — многие тома имеют характерный переплет, тиснение «В. Б.» или владельческий автограф критика. Однако есть в библиотеке и дублетные экземпляры, и книжки журнала, значительно отличающиеся по оформлению от книг Белинского, — полагаем, они могут быть отнесены к собранию семьи Тургеневых.

В начале 1830-х годов читатель воспринимал «Московский телеграф» как трибуну романтизма, а его издателя как главного апологета этого направления. В журнале отразился весь спектр эстетики этого литературного течения. Среди авторов «Московского телеграфа» были Баратынский, Вяземский, Ф. Глинка, Козлов, Пушкин, Даль и др. Бестужев-Марлинский печатал здесь свои повести («Страшное гадание», «Аммалат-Бек»), К. П. Масальский и М. Н. Загоскин — свои исторические романы, В. Ф. Одоевский — музыкальные статьи и исторические очерки, А. С. Хомяков — патриотические стихи. «Московский телеграф» помещал на своих страницах переводы сочинений Гофмана, А. де Виньи, Ш. Нодье, Б. Константа, отрывки из «Крестовых походов» Ж.-Ф. Мишо,²⁹ «Мысли об истории и историках» Шатобриана, статьи о Шекспире и Гёте. Следует предположить, что со многими из этих

²⁸ Полевой Н. Очерки русской литературы. СПб., 1839. Ч. 1. С. XIV.

²⁹ Тургенев упоминает об «Истории крестовых походов», которую читает Наталья, героиня романа «Рудин», — видимо, речь идет о сочинении Жозефа-Франсуа Мишо (Michaud; 1767–1839); его популярность характеризует интерес читателей к средневековью, присущий эпохе романтизма (см.: ПССУП(2). Соч. Т. 5. С. 217, 493; коммент. М. О. Габель при участии Н. В. Измайлова).

авторов Тургенев мог познакомиться благодаря публикациям в «Телеграфе».

Есть все основания полагать, что пометы и маргиналии в томе 49 (№ 1–4) журнала за 1833 год принадлежат Тургеневу.³⁰ Особенно привлекла читателя повесть Полевого «Блаженство безумия». Пометки характеризуют его как весьма романтически настроенного молодого человека. С годами будут развенчаны в глазах Тургенева пленявшие его в ранней юности кумиры романтизма, ему предстоит самому не раз выступить против школы, проникнутой «самоуверенностью, доходившей до самохвальства»,³¹ он упрекнет некогда знаменитых авторов — Бенедиктова, Бестужева-Марлинского, Загоскина — в риторике и претенциозности, однако в художественных произведениях писателя «Московский телеграф» запечатлется как символ времени. Так, о популярности издания свидетельствует упоминание о нем в пьесе «Где тонко, там и рвется» (1848). Горский, цитируя «Графа Нулина», произносит: «Еще бы! первый дом в губернии. <...> Посмотри, „мы получаем «Телеграф»“». ³² В автобиографической повести «Пунин и Бабурин» (1874) расставание с «Телеграфом» знаменует окончание важной эпохи в жизни героя. Упоминание о журнале в автобиографической повести «Первая любовь» (1860) способствует воссозданию атмосферы всеобщей увлеченности романтизмом в московских кружках начала 1830-х годов, атмосферы, которая пришлась кстати влюбленному подростку — герою повести.

Как известно, то, что так привлекало и будоражило читателя в «Телеграфе», его критические статьи, в конечном итоге стало причиной его гибели. Критика, часто скандальная, нередко необъективная и оскорбительная (князь П. А. Вяземский писал о «полюемическом исступлении» Полевого), оттолкнула от издателей журнала многих его друзей и читателей. В 1834 году за жестоким разносом, учиненным Полевым патриотической драме Кукольника «Рука Всевышнего отечество спасла», последовало закрытие журнала. Тогда Пушкин записал в дневнике: «„Телеграф“ запрещен. <...> Жуковский говорит: — *Я рад, что „Телеграф“ запрещен, хотя жалею, что запретили*». ³³

³⁰ Описание помет см.: Ланский Л. Р. Библиотека Белинского // ЛН. Т. 55. С. 527–532; Балыкова Л. А. Тургенев и Шарль Нодье: Две повести о первой любви. С. 25–27.

³¹ ПССИИ(2). Соч. Т. 11. С. 35.

³² Там же. Т. 2. С. 75.

³³ Цит. по: А. С. Пушкин — критик. М., 1978. С. 416.

**МОСКОВСКИЙ
ТЕЛЕГРАФЪ,**

ИЗДАВАЕМЫЙ

Николаемъ Полевымъ.

Часть пятьдесятъ пятая.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,
при ИМПЕРАТОРСКОЙ Медико-Хирургической Академіи.
1834.

Разумеется, Тургенев был в курсе злоключений Полевого после закрытия журнала. Он не преминет упомянуть о литературной сказке Е. П. Гребенки «Путевые записки зайца», где Полевой был представлен под именем полевого сверчка, в своих «Литературных и житейских воспоминаниях».

Бесспорно и то, что Тургенев, вслед за Белинским, отдавал должное Полевому как талантливому организатору книжного дела. Так, он ссылается на авторитет Полевого, автора статьи «Отрывок из заметок русского книгопродавца к сыну» (1846) в своей рецензии на драму С. А. Гедонова «Смерть Ляпунова». Знал Тургенев и работы Полевого-переводчика: именно в его переводе цитирует герой романа «Накануне» знаменитую реплику Гамлета из трагедии Шекспира (этот перевод с дарственным автографом переводчика Белинскому сохранился в библиотеке Тургенева — возможно, в доме писателя было и другое издание этой книги).

«Московский телеграф», кажется, стал одним из самых ярких событий в жизни юного Тургенева. Отныне он не оставляет вниманием процессов, происходивших в журнальном мире, который увлекает и притягивает его.

В первой половине 1830-х годов постоянным оппонентом «критик» «Московского телеграфа» был журнал Н. И. Надеждина «Телескоп». Не вполне ясно, получали ли в доме Тургеневых этот журнал — во всяком случае, № 1 «Телескопа» за 1831 год, упомянутый будущим писателем в письме к дяде Н. Н. Тургеневу, в книжном собрании Тургенева не сохранился. До нашего времени дошли разрозненные тома журнала за 1831–1833, 1835–1836 годы. Некоторые из них — части 25, 28, 29 за 1835 год — имеют характерное тиснение Белинского — «В. Б.», в том же XIV вклеен листок с рукописным текстом Белинского — указанием переплетчику. Эти книжки существенно отличаются от предыдущих (начала 1830-х гг.) по своему оформлению. Следует заметить, что в *Каталоге 1885 года*³⁴ подборка «Телескопа» не числится: видимо, при его составлении она не была обнаружена. Что касается помет, найденных в дошедших до нас томах журнала, на наш взгляд, не все они могут быть однозначно отнесены Белинскому (как полагает Л. Р. Ланский). Так, пометы на полях статьи «Сцены из жизни натуралиста» (Телескоп. 1831. Ч. VII. № 21), как нам представляется, были сделаны Тургеневым. Здесь, между прочим, выделен сюжет, составлявший с детства

³⁴ Об этом каталоге см.: И. С. Тургенев. Новые исследования и материалы. Вып. 1. С. 22.

«Московский телеграф» (1834. Т. 55).

На обороте картинка мод рисунок рукой Тургенева — профиль офицера.

Мемориальная библиотека Тургенева, Орел

предмет страстного увлечения писателя, — жизнь и повадки птиц. Например, на полях отчеркнуто поэтичное описание пения птицы-весельчака: «Гимн сей <т. е. пение. — Л. Б.> начинается, не как у соловья, протяжными, меланхолическими вздохами. Страстно и сильно запеваает весельчак свою песнь, которую потом строит, образует, разнообразит с невероятным искусством, стараясь ввести в состав своего концерта подражание самым приятнейшим звукам, коих образцы представляет природа, шепоту листьев, щебету коноплянки, журчанию ручейка».³⁵ Вполне возможно, что этот «гимн» привлек внимание Тургенева, будущего автора очерка «О соловьях». Здесь же отчеркнуты строки о характере орла, чья храбрость равняется его жестокости, и об особенном благородстве лебедя, который отличается «глубиной соображения, в коей человек может позавидовать птице».³⁶ Подобное чтение, может стать,

³⁵ Телескоп. 1832. Ч. VII. № 1. С. 87.

³⁶ Там же. С. 93.

явилось почвой, на которой позднее вырастут выразительные образы животных с их неподражаемой пластикой, повадками, образы, которые с такой любовью создавал Тургенев. Впрочем, пометы, о которых мы упомянули, могли быть сделаны уже после 1854 года. Бесспорно одно: в 1830-е годы Тургенев читал «Телескоп», независимо от того, выписывали ли его в родительском доме.

В журнале читателя, разумеется, привлекал раздел изящной словесности. Здесь можно было познакомиться с переводами сочинений Бальзака (в частности, с романом «Отец Горио», который тогда имел название «Дед Горио»), Шиллера, Гофмана, Вальтера Скотта, В. Ирвинга, А. Карра, А. Дюма-отца, Э. Сю. Переводчиками выступали А. С. Шишков, Раич, Шевырев, Н. В. Станкевич и другие. Отечественная поэзия была представлена именами Жуковского, Тютчева, Кольцова, Н. Языкова, Красова, Трилунного, Ознобишина, молодого Н. Станкевича, проза — произведениями Погодина, Загоскина, Лажечникова. Активно сотрудничали в журнале М. Г. Павлов, А. Х. Востоков, М. А. Максимович, Н. А. Мельгунов.

Особое место в журнале было отведено статьям, посвященным истории, быту, фольклору славянских народов. Из сообщений «Телескопа» Тургенев мог узнать о впечатляющих открытиях молодого археографа Ю. И. Венелина во время его экспедиций в Болгарию.³⁷ Не случайно имя Венелина, выпускника Московского университета, появится в романе «Накануне» как память о безвременно ушедшем ученом-подвижнике.

Надо думать, Тургенев-читатель не оставил без внимания тексты песен знаменитого украинского просветителя Г. С. Сковороды. Известно, как любил писатель малороссийские песни (в его книжном собрании в свое время был сборник украинских народных песен, составленный Максимовичем). «Сковородинские веснянки», напечатанные в «Телескопе», пленяют экспрессией любимых народом образов:

Ой ты, птичко желтобока,
Не клади гнезда високо.
Клади на зеленой травке,
На молоденькой муравке.
От! ястреб над головою
Висит, хочет ухватить:
Вашею живет он кровью.
От! от! ногти он острит.³⁸

³⁷ См.: Открытия г. Венелина // Телескоп. 1832. Ч. IX. № 10. С. 270–278 (раздел IX: «Отечественные известия»).

³⁸ Там же. 1831. Ч. VI. № 24. С. 580.

Имя Г. С. Сковороды, думается, могло привлечь Тургенева близостью к орловской земле: возможно, писатель знал, что философ прожил последние дни в орловском селе Хотетово, где и скончался.

Особое место в «Телескопе» отводилось переводам статей западных философов — Гегеля, Фихте, Шеллинга, Кузена. Печатались их биографии. Так, в разделе «Современная летопись» (1831. № 17) помещен некролог на смерть Гегеля. О той эпохе Тургенев ностальгически напишет в письме от 16 (28) марта 1857 года своему бывшему учителю И. П. Ключникову: «Тогда еще и об Гоголе не было помину, и Людовик Филипп только что воцарился — и бедный Виссарион еще собирался писать в Москве — и Гегель был жив и Пушкин...».³⁹

Но все же «Телескоп», как видно, привлекал Тургенева прежде всего отделом критики. В качестве главного критика и рецензента в журнале выступал сам его издатель Надеждин. Яростно обрушиваясь на романтизм, каковым он представлял на страницах «Московского телеграфа», Надеждин, как известно, выдвигал стержнем «истинного направления» своеобразно понимаемую «народность». В статье «Европеизм и народность в отношении к русской словесности» он писал: «В основание нашему просвещению положены *православие, самодержавие и народность*. Эти три понятия можно сократить в одно, относительно литературы. Будь только наша словесность *народною*: она будет *православна и самодержавна!*».⁴⁰

С этих позиций Надеждин поднимает на щит патриотические стихи Красова, исторические сочинения Погодина, Лажечникова, которые он противопоставляет произведениям Пушкина и Гоголя. Его мишенью становится роман В. Гюго «Собор Парижской богородицы» (в переводе того времени — «Парижский собор богородицы» («Notre Dame de Paris»)), в котором он обнаруживает множество натяжек и несообразностей (мнение, которое позже будет разделять и Тургенев). Надеждин настойчиво развивает тезис о том, что в России нет еще литературы, нет и театра, а поэзия угасла. Это приводит критика к парадоксальному выводу: сопоставляя в обзоре русской литературы произведения Пушкина и стихи молодого поэта В. Г. Теплякова, Надеждин не только ставит их в один ряд, но и ожидает от последнего «достойного продолжения таланта» первого: «Мы конечно слишком далеки от того, чтобы нового, только что явившегося выходца поставить на одну доску с заслуженным корифеем нашей словесности; но при всем том признаем, что та-

³⁹ ПССиП(2). Письма. Т. 3. С. 216.

⁴⁰ Телескоп. 1836. Ч. XXXI. № 2. С. 264.

лант *Теплякова*, по нашему крайнему разумению, кажется, обещает в себе достойное продолжение таланта *Пушкина*. Если он не будет так жив, так богат, так затейлив, то, с другой стороны, может даже превзойти его великолепием и пышностью поэтического убранства. Но это все не обогатит нашей бедной словесности никаким важным приобретением. В стихотворениях *Теплякова*, несмотря на их наружный ослепительный блеск, замечательно отсутствие самобытного, могущественного, родотворно-зиздательного вдохновения, которое одно производит для вечности. Новый поэт может продолжить для нас эпоху *Пушкина*, может наполнить более или менее яркими, искусственными блестками ужасную пустоту нашей словесности; но — не осеменит ее для новой, самобытной, самопроизводительной жизни!». ⁴¹ По мнению Надеждина, последние произведения (с 1829 по 1831 гг.) *Пушкина* являют собой «ряд неудачных попыток таланта, разочарованного в юношеских своих мечтах и не умеющего найти опоры для своих зрелых помыслов и вдохновений». ⁴² Критик по существу отказывает *Пушкину* в развитии, обнаруживая оскудение его таланта: «...не оскудевая в силах, талант *Пушкина* ощутительно слабеет в силе, теряет живость и энергию, выдыхается. Его блестящее воображение еще не увяло, но осыпается цветами, лишаясь постепенно более и более своей прежней благовонной свежести. Напрасно привычным ухом вслушиваешься в знакомую мелодию его звуков: они не отзываются уже тою неподдельно-естественною, неистощимо-живою, безбоязненно-самоуверенною свободою, которая, в прежних стихотворениях его, увлекала за собой непреодолимым очарованием. Как будто резвые крылья, носившие прежде вольную фантазию поэта, опали; как будто тайный враждебный демон затянул и осадил рьяного коня его». ⁴³ Весьма холодно встречает *Надеждин* и пушкинские «*Повести Белкина*».

Пройдет десяток с лишним лет, и *Тургенев* в уже упомянутой статье о русской литературе в «*Illustration*» представит зарубежному читателю *Пушкина*, *Гоголя* и *Лермонтова* как национальных поэтов. В речи на открытии памятника *Пушкину* он вспомнит 1830-е годы, время нападок на великого поэта: «*Пушкин* сам предчувствовал это охлаждение публики. Как известно, он в последние годы своей жизни, в лучшую пору своего творчества, уже почти ничем не делился с читателями, оставляя в портфеле такие произведения, как „*Медный всадник*“». ⁴⁴ Писатель,

⁴¹ Телескоп. 1832. Ч. IX. № 9. С. 121–122.

⁴² Там же. С. 115.

⁴³ Там же. С. 111–112.

⁴⁴ *ПССиП(2). Соч.* Т. 12. С. 346.

возможно, прежде всего имел в виду несправедливые нападки Надеждина, как и многие в то время привыкшего видеть в Пушкине «какого-то сладкопевца, соловья».⁴⁵ В рецензиях тех лет Надеждин писал, что Пушкин деградировал в последних своих произведениях. Белинский в статье «Ничто о ничем, или Отчет г. издателю „Телескопа“ за последнее полугодие (1835) русской литературы», как будто желая смягчить позицию своего наставника, писал: «...романтизм, в отношении к Пушкину, состоял в том, что он искал поэзии не в современных и преходящих интересах, а в вечном, неизменяемом интересе души человеческой».⁴⁶

Позднее Тургенев объяснит охлаждение к Пушкину причинами, лежавшими в самом историческом развитии российского общества, в переходе его «из литературной эпохи в политическую».⁴⁷ Но тогда, в середине 1830-х годов, антипушкинские выступления Надеждина, должно быть, болью отзывались в душе Тургенева, почитавшего Пушкина «чем-то вроде полубога».⁴⁸

В «Литературных и житейских воспоминаниях» Тургенев указал и на то впечатление, которое произвели на него статьи Белинского в «Телескопе» с разбором и оценкой стихотворений модного тогда поэта Бенедиктова. Прочтя статью, посвященную разбору вышедшего в 1835 году сборника стихотворений поэта,⁴⁹ «от доски до доски», он почувствовал, что, несмотря на видимое негодование, в нем «что-то <...> невольно соглашалось с „критиканом“, находило его доводы убедительными... неотразимыми».⁵⁰ Однако расставание с кумирами было, как видно, нелегким, о чем можно судить по письму Тургенева к Л. Н. Толстому от 16, 23 декабря ст. ст. 1856 года: «...знаете ли Вы, что я *целовал* имя Марлинского на обертке журнала — плакал, обнявшись с Грановским, над книжкою стихов Бенедиктова — и пришел в ужасное негодование,

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Телескоп. 1836. Ч. XXXI. С. 161–162. Ср.: *Белинский*. Т. 2. С. 10.

⁴⁷ *ПССУП(2)*. Соч. Т. 12. С. 347.

⁴⁸ Там же. Т. 11. С. 12.

⁴⁹ См.: *Белинский В.* Стихотворения Владимира Бенедиктова. СПб. 1835 // *Телескоп*. 1835. Ч. XXVII. № 11. С. 357–387. Ср.: *Белинский*. Т. 1. С. 355–371. Этот том «Телескопа» не сохранился в библиотеке Тургенева — по его словам, он прочел статью Белинского «в кондитерской Беранже» (*ПССУП(2)*). Соч. Т. 11. С. 22). Зато сохранился том XXXII за 1836 г., где в статье Белинского «О критике и литературных мнениях „Московского наблюдателя“» стихам Бенедиктова отведено немало места и где они аттестованы «литературными побрякушками» (С. 235).

⁵⁰ *ПССУП(2)*. Соч. Т. 11. С. 22.

услыхав о дерзости Белинского, поднявшего на них руку?». Но «благодаря той статье Белинского» о Марлинском, — заключает он, — да еще двум-трем таким же — о Бенедиктове и др. — мы пошли вперед». ⁵¹

Не подлежит сомнению, что Тургеневу была известна публикация «Философического письма» П. Я. Чаадаева — этот том (Телескоп. 1836. Ч. XXXIV. № 15) сохранился в библиотеке писателя. Как известно, статья стала причиной закрытия журнала, высылки его редактора, расправы над ее автором. Белинский был тогда подвергнут обыску и лишился службы. ⁵² Тургенев, с неизменным уважением относившийся к Чаадаеву, числил его среди зачинателей целой традиции философской мысли. ⁵³ По свидетельству современников, он встречался с Чаадаевым в начале 1840-х годов, позднее подарил ему писарскую копию первой редакции комедии «Нахлебник», запрещенной цензурой в 1849 году, со следующей дарственной надписью: «Петру Яковлевичу Чаадаеву в знак искренней дружбы от автора». ⁵⁴

Запрещение «Телескопа» повлекло за собой закрытие и его приложения — газеты (журнала) «Молва» (1831–1836), которую в 1835–1836 годах редактировал Белинский и где, по сути, состоялось его подлинное вступление на поприще литературного критика.

В 1834 году в десяти номерах «Молвы» — с сентября по декабрь — была опубликована статья Белинского «Литературные мечтания (Элегия в прозе)», сразу же обратившая внимание читателей на ее автора. «Критики» Белинского «судорожно ожидали в Москве с 25-го числа каждого месяца». ⁵⁵ Тургенев не составлял исключения. Он вспоминал: «Вскоре после появления его <Белинского. — Л. Б.> первых критических статей в „Молве“ и „Телескопе“ <...> в Петербурге начали ходить слухи о нем как о человеке весьма бойком, горячем, который ни перед чем не отступал и нападал на „все“ — на все в литературном мире, ко-

⁵¹ ПССуП(2). Письма. Т. 3. С. 167.

⁵² Н. Г. Чернышевский, ссылаясь на чье-то «достоверное свидетельство», писал, что первое «Философическое письмо» было передано в «Телескоп» Н. В. Станкевичем через Белинского (см.: Генералова Н. П. И. С. Тургенев: Россия и Европа. Из истории русско-европейских литературных и общественных отношений. СПб., 2003. С. 328).

⁵³ О близости высказываний героя романа Тургенева «Дым» Потугина и идей «Философического письма» Чаадаева см.: Там же. С. 325–334.

⁵⁴ О встречах Тургенева с Чаадаевым в московских салонах в начале 1840-х гг. см.: Тургенев И. С. <Семейство Аксаковых и славянофилы> / Публ. Н. П. Генераловой, А. Я. Звигильского, В. А. Кошелева // РЛ. 1995. № 4. С. 149, 151.

⁵⁵ Кулешов В. И. История русской критики. М., 1978. С. 143.

ТЕЛЕСКОПЪ.

ЖУРНАЛЪ

СОВРЕМЕННОГО ПРОСВѢЩЕНІЯ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

НИКОЛАЕМЪ НАДЕЖДИНЫМЪ.

ЧАСТЬ XXV.

Che chi ha i duo occhi, il veda!

ALFIERI.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ П. СТЕПАНОВА.

1835.

«Телескоп» (1835). Титульный лист журнала.
Мемориальная библиотека Тургенева, Орел

нечно».⁵⁶ «Литературные мечтания» стали «широчайшим эскизом концепции критика»,⁵⁷ положили начало теории реализма Белинского, имевшей разнообразные последствия для дальнейшего развития нашей словесности и для творчества Тургенева, в частности.

В книжном собрании Тургенева можно видеть три из пяти книжек «Молвы» — за 1831, 1835 и 1836 годы. Возможно, два тома, зафиксированные в *Каталоге 1885 года* и не дошедшие до нас, относились к 1832–1834 годам. Тургенев ознакомился с публикациями «Молвы» еще в пору их появления, пересматривал их и позднее, после поступления книг Белинского в Спасское: последний том издания (за 1836 год) имеет на форзаце владельческий автограф критика.⁵⁸ Можно предположить, что в 1830-е годы будущий писатель пользовался какими-то другими экземплярами этой газеты. Дошедшие до нас книжки «Молвы» были многократно просмотрены (читательниц могли привлекать эффектные картинки парижских мод), однако пометки имеются лишь в томе за 1836 год (Ч. XI), на страницах рецензии некоего «П» на книгу Ф. А. Герстнера «О выгодах построения железной дороги из СПббурга в Царское село и Павловск <...>». Речь идет о необходимости для России с ее просторами строительства железных дорог, без которых невозможны ни прогресс, ни процветание государства. Частный вопрос под пером рецензента становится вопросом о судьбе цивилизации. Именно этот сюжет заинтересовал нашего читателя. Так, он отчеркивает на полях пассаж о главной потребности современного общества, которая состоит «в преодолении препятствий пространства и времени».⁵⁹ На следующей странице отмечен отрывок, где автор обосновывает глобальное значение этой проблемы и пишет о близости осуществления давней мечты человечества: «...они <железные дороги. — Л. Б.> рано или поздно, но возьмут свое <...>»;⁶⁰ «...самым естественным образом составится из всего рода человеческого одно великое семейство, связуемое взаимною зависимостью, выгодою и уважением, тот вечный мир, о котором мечтал добрый Генрих IV».⁶¹ Эти и ряд других помет на полях статьи напоминают читательскую манеру Тургенева и могли быть

⁵⁶ ПССиП(2). Соч. Т. 11. С. 21.

⁵⁷ Герцен А. И. Полн. собр. соч. и писем / Под ред. М. К. Лемке. Пг., 1919. Т. 13. С. 22.

⁵⁸ В описание книг Белинского, составленное Л. Р. Ланским, «Молва» не вошла.

⁵⁹ Молва. 1836. Ч. XI. № 10. С. 281 (Раздел: «Библиография»).

⁶⁰ Там же. С. 282.

⁶¹ Там же. С. 283.

сделаны им уже позднее. Как бы то ни было, идея человечества как единой семьи, связанной «взаимной зависимостью и уважением», была воспринята поколением Тургенева как цель, к которой следует стремиться. Эта мысль, между прочим, выразилась в стихотворном послании писателя немецкому литератору К. А. Фарнгагену фон Энзе, где слышатся отголоски «Оды к радости» Шиллера.

Библиографический раздел был наиболее сильной частью периодических изданий Надеждина. «Молва» представляет читателю сочинения Батюшкова, новые произведения Пушкина, первую книгу стихотворений Кольцова, стихи Полежаева, повести Гоголя, которые рецензент относит «к числу самых необыкновенных явлений в нашей литературе».⁶²

На страницах «Молвы» можно видеть обширные обзоры наиболее влиятельных периодических изданий того времени: в 1831 году Надеждин открывает «Молву» внушительными статьями «Некрология московских журналов» и «Новое поколение русских журналов». Из номера в номер даются хлесткие и нелюбезные характеристики периодики той поры: «Московский вестник» — «юноша с роскошными надеждами, с пламенными порывами», «Атеней» — «журнал казенно-философский, благонамеренный, московский», «перепугавший публику своей ученостью», «Галатея» — «обыденная бабочка», «Библиотека для чтения» — «в конечном итоге успехами своими обязана Смирдину», новый журнал «Московский наблюдатель» после первых приветственных комплиментов аттестуется как «щегольской», «ловкий», «любезный журнал», «лаковая шкатулочка». Позже не будут обойдены вниманием первые книжки пушкинского «Современника», который новый негласный редактор издания Белинский назовет «явлением важным и любопытным».⁶³

Всегдашним оппонентом «Молвы», как, впрочем, и «Телескопа», является «Московский телеграф», постоянной мишенью — «Северная пчела», «жало которой всегда устремлено против Москвы». Белинский подхватил и многократно усилил критический пафос Надеждина, что, естественно, вызывало ответный огонь. Он резко выступает против конъюнктурных соображений в журнальном деле, выдвигает требование честности, ответственности автора перед своими читателями. «Из уважения к себе мы не верим существованию у нас продажных суждений, притворных мыслей, умышленно ложного направления приноравли-

⁶² Там же. 1835. Ч. IX. № 15, стлб. 242.

⁶³ См.: Там же. 1836. Ч. XI.

ваться не ко благу общему, а к минутной прихоти читающих», — писал автор статьи «Журналистика».⁶⁴

Критические оценки «Телескопа» и «Молвы» не прошли бесследно для Тургенева. Так, он в какой-то мере воспринял их негативный взгляд на творчество В. Гюго, например, отзывы о романе «Собор Парижской Богоматери», распространявшиеся на все течение французского романтизма, которые иначе как разгромными не назовешь: «Нынешние французские так называемые романтики не вышли, а выпрыгнули за рубеж возможной уродливости воображения и в чаду фантастического своего исступления мечтают, не в шутку, быть представителями *романтизма* <...>». По мнению рецензента, такие «романтики» играют роль паяцев.⁶⁵ Позднейшие уничижительные характеристики Гюго в письмах Тургенева, по-видимому, восходят ко временам «Молвы». Писатель не раз будет ставить в вину французскому классику неестественность, преувеличения, отсутствие правды.

Подобно статьям «Телеграфа», публикации «Телескопа» и «Молвы» учили будущего писателя критически мыслить, не бояться выступать против общего мнения.

По-видимому, с собранием Белинского в библиотеку Тургенева поступил журнал «Московский наблюдатель» — последний московский журнал, связанный с издательской деятельностью критика. Задуманный как энциклопедическое издание, «журнал для немногих», «Московский наблюдатель», выходявший с марта 1835 года, не скрывал своей элитарной направленности, проповедуя идеи Шеллинга и одновременно веру в особую историческую миссию православной России. В издании участвовали Даль, Венелин, Погодин, Шевырев, Хомяков, Н. Языков и др. Официальным редактором журнала был ученый-экономист В. П. Андроссов. Белинский не преминул выступить против аристократической позиции журнала и, прежде всего, его ведущего сотрудника и критика Шевырева (статья «Ничто о ничем...» и др.). Полемика Белинского с «Московским наблюдателем» велась до 1838 года, когда сами сотрудники охладели к своему журналу и покинули его. Тогда издание полностью перешло в управление Белинского, который привлек к участию своих друзей: К. С. Аксакова, М. А. Бакунина, В. П. Боткина, И. П. Ключникова, П. Н. Кудрявцева. Новый редактор ввел в журнал раздел библиографии, придал всему более литературно-критическую направленность. Но, несмотря на все усилия Белинского, ему не удалось спасти

⁶⁴ Молва. 1835. Ч. IX. № 4, стлб. 60.

⁶⁵ Там же. 1831. № 18. С. 7.

издание. Тем не менее в бытность Белинского на посту редактора журнал являлся «одним из лучших» «по цельности его характера, по достоинству литературного отдела и, наконец, по критике».⁶⁶

В журнальном разделе библиотеки Тургенева сохранилась лишь одна книжка «Московского наблюдателя» за май–июнь 1836 года. Однако в *Каталоге 1885 года* упоминается пять выпусков издания за 1835 и 1839 годы. В уцелевшем томе представлены стихотворения Ознобишина и Н. Языкова, переводы «Флорентийских ночей» Гейне и прозы Жорж Санд. И. И. Срезневский публикует здесь свои «Очерки Севера», Погодин — «Славянские новости», издатель Андроссов выступает со статьей, посвященной комедии Гоголя «Ревизор». В журнале напечатан пространственный ответ издателю «Телескопа» на его рецензию в связи с выходом в свет «Истории поэзии» Шевырева. В сухой академической манере автор сочинения полемизирует с рецензентом; статья отличается эрудицией, историко-литературными частностями, но вряд ли способна увлечь читателя. В том же томе Шевырев делает разбор путевых очерков Надеждина и уличает его в некомпетентности. Однако это, что называется, брань «между своими». Журнал осознает себя частью прогрессивной партии журналистики и своей позиции не скрывает. Так, в рубрике «Отметки Наблюдателя» высмеиваются литературные мнения наиболее влиятельного журнала той поры — «Библиотеки для чтения», где ругают Гегеля, Шеллинга, Бальзака, Гюго, Пушкина, Гоголя, Хомякова, Надеждина, зато хвалят Коцебу, Булгарина и Загоскина.

Читал ли Тургенев «Московский наблюдатель» в бытность свою студентом? Определенно этого утверждать нельзя. Однако следует отметить, что появившаяся в «Журнале министерства народного просвещения» рецензия Тургенева на книгу А. Н. Муравьева «Путешествие по святым местам русским» (1835)⁶⁷ была опубликована почти одновременно с разбором этой книги, напечатанным в сохранившемся экземпляре «Московского наблюдателя». Не исключено, что во время работы над своей статьей Тургенев успел познакомиться с рецензией на книгу в «Московском наблюдателе». Различие в подходах двух рецензентов существенно: если в статье «Наблюдателя» делается акцент на религиозной стороне сочинения Муравьева, то Тургенев выдвигает на первый план историко-культурное значение предмета.

Знакомство Тургенева с публикациями «Московского наблюдателя» как будто подтверждает и упоминание в «Литературных и житейских

⁶⁶ *Пытин А. Н.* Белинский и его переписка. СПб., 1876. Т. 1. С. 244.

⁶⁷ Рецензия Тургенева была напечатана в № 8 «Журнала министерства народного просвещения» за 1836 г. (С. 391–410).

воспоминаниях» комедии Белинского «Пятидесятилетний дядюшка, или Странная болезнь», опубликованной в журнале в 1839 году, уже в бытность критика на посту его редактора.⁶⁸

Помимо комедии, о которой Белинский не любил вспоминать, критику удалось поместить в «Наблюдателе» более 120 статей. Однако в силу разных причин тираж журнала неуклонно снижался, что привело в конечном итоге к его прекращению. Осенью 1839 года Белинский переедет в Петербург, где начнется новый этап его деятельности, во многом изменивший облик русской журналистики.

Осенью 1854 года, по прибытии библиотеки Белинского в Спасское, Тургенев тревожился о судьбе изданий Пушкина, Гоголя, «самых интересных годов „Современника“». ⁶⁹ В письме к Тургеневу от 11 (23) октября 1854 года П. В. Анненков сообщил, что указанные тома отыскивались: «Помните у меня возле печки на этажерке — связанные веревочкой книжки. Это все ваши, о которых по кривоте глаза я совсем забыл. Тут много „Современник<a>“ и много №№ „Отечес<твенных> записок“ (старых), которые и дополняют вашу коллекцию». ⁷⁰ На основе этого письма Анненкова можно сделать предположение, что Тургенев, возможно, вслед за Белинским, намеревался собрать *коллекцию* отечественной периодики. Упоминание Анненкова о многочисленных томах «Современника» позволяет думать, что до нашего времени дошли далеко не все книжки журнала, которому Тургенев посвятил лучшие годы своей жизни.

В библиотеке писателя ныне можно видеть лишь 13 разрозненных томов «Современника» за 1836, 1837–1838, 1849, 1851, 1853–1854 годы. Подборку открывает первая книжка пушкинского «Современника» — тома 1 и 2 за 1836 год, объединенные единым переплетом; на корешке имеется тиснение — «В. Б.» (Виссарион Белинский).

В дошедшей до нас книжке журнала Пушкин опубликовал «Путешествие в Арзрум», где, среди прочего, он упоминает о посещении Орла — родного города Тургенева, с целью навестить А. П. Ермолова. В том же томе были помещены пушкинский «Скупой рыцарь»; «Коляска» и «Утро делового человека» Гоголя, «Записки» Н. А. Дуровой — воспоминания о войне 1812 года, стихотворения Кольцова, драматическая сказка Н. Языкова. Здесь же — разбор комедии Гоголя «Ревизор».

⁶⁸ ПССиП(2). Соч. Т. 11. С. 42.

⁶⁹ Там же. Письма. Т. 2. С. 298. Письмо к П. В. Анненкову от 1 (13) октября 1854 г.

⁷⁰ Анненков. Письма. Кн. 1. С. 40.

Посмертное издание «Современника» — том 5 за 1837 год наличествует в библиотеке Тургенева в двух экземплярах. На одном из них, а также на томе 6 на корешке имеется тиснение: «Библиот. XIII артил. бригады».

Том 5, частично составленный Пушкиным, был дополнен письмом Жуковского к С. Л. Пушкину о последних минутах жизни поэта. Позже, когда Анненков работал над биографией Пушкина, он жаловался Тургеневу на невозможность сказать правду о его гибели: «Решительно недоумеваю, что делать! Он в столице, он женат, он уважаем, и потом вдруг он убит. Сказать нечего, а сказать следовало бы <...>». ⁷¹ В ответ Тургенев посоветовал ему закончить биографию поэта именно упомянутым выше письмом Жуковского. ⁷²

В «Современнике» за 1837 год напечатаны шедевры Пушкина — «Медный всадник», «Сцены из рыцарских времен», «Русалка», «Египетские ночи», «Арап Петра Великого», последние стихотворения поэта. В томах 5, 6 и 8 обращает на себя внимание ряд пометок, сделанных карандашом. В томе 5 отчеркнуты строки из «Хроники русского», из статьи Карамзина «О древней и новой России», из повести Одоевского «Сильфида», в томе 6, в разделе «Новые книги», отмечено сообщение об очередном томе «Энциклопедического лексикона», сочинение Масальского из времен Петра I. В томе 8 подчеркнуты отрывки из «Восточной жизни» Тита Космократава. ⁷³ Не исключено, что пометки были сделаны рукой Тургенева: в эти годы его брат Н. С. Тургенев служил в артиллерии и два тома «Современника» из библиотеки 13-й артиллерийской бригады могли попасть в Спасское с его книгами.

Все, что было связано с Пушкиным, всегда представляло для Тургенева первостепенный интерес. Нельзя не вспомнить, что ему довелось увидеть Пушкина незадолго до гибели поэта на вечере у П. А. Плетнева, который взял на себя заботу о «Современнике» и который в середине 1837 года принял к публикации первые стихи Тургенева. Та книжка журнала — том 9 за 1838 год — по сей день стоит на полках тургеневской библиотеки. Здесь, между прочим, расшифрованы (рукой Тургенева?) псевдонимы некоторых авторов: «Хроник русского в Париже» за подписью «Э. А.» — «Эолова арфа» (т. е. А. И. Тургенев), повести «Два студента», подписанной «С. В.» (В. А. Соллогуб). В этой книжке на страницах 151–152 напечатано стихотворение Тургенева «Вечер»

⁷¹ Там же. С. 8. Письмо от 12 (24) октября 1852 г.

⁷² ПССиП(2). Письма. Т. 2. С. 156. Письмо от 28 октября (9 ноября) 1852 г.

⁷³ Описание помет см.: Ланский Л. Р. Библиотека Белинского. С. 539–540.

за подписью «— — —вь». Знаменательно, что эти первые стихи появились в пушкинском «Современнике», рядом с посмертными публикациями поэта. Так Тургенев органично входит в круг поэтов послепушкинской поры.

Однако он еще будет колебаться, прежде чем вступить за порог русской журналистики. Это вступление произойдет не вдруг. В 1839 году он не решится ответить утвердительно на предложение сотрудничества в журнале «Пантеон русского и всех европейских театров» (редактор Ф. А. Кони), о чем напишет Т. Н. Грановскому: «Кони собирается издавать Пантеон русского и всех возможных театров. Цель этого издания мной хорошо не понята. Он мне, кажется, хочет предложить поступить в сотрудники — но я все еще колеблюсь погрузиться в русский литературный мир — в „сей грязный омут, господа“». ⁷⁴ Тургенев, кажется, хорошо осведомлен об «изнанке» отечественной журналистики. В том же письме он упоминает Одоевского и Краевского (издателя «Отечественных записок»), которые, как он пишет, «составляют особую clique» (клик). Он упоминает и Сенковского, редактора «Библиотеки для чтения», который «продолжает свой путь так же, как и прежде», упоминает и о Полевом, тогда неофициальном редакторе «Сына отечества»: «Полевой не имеет сотрудников и набирает их в высших классах кадетских корпусов, инженерных и других училищ, из учеников, начитавшихся разной дребедени и переводящих повести, данные им Полевым в воскресенье, — украдкой, в течение всей недели, при свете ночников». Тургенев делает неутешительный вывод насчет состояния русских журналов: «В них не видно перемены <...>. Но боже мой! где ж ты, молодое поколение, черт возьми!». ⁷⁵

Нужен будет яркий талант Белинского, его упорство и бесстрашие, чтобы ответить на вызов Тургенева, прозвучавший в письме к приятелю. Деятельность выдающегося критика, начавшего в том же 1839 году петербургский период своего творчества, будет связана с «Отечественными записками». Надо думать, не случайно с этим изданием будет связано и вступление Тургенева на литературное поприще.

⁷⁴ ПССиП(2). Письма. Т. 1. С. 144. Письмо от 4 (16) декабря 1839 г.

⁷⁵ Там же.

С. Л. Жидкова

**ПОЭТЫ XVIII ВЕКА
В ПОВЕСТИ ТУРГЕНЕВА «ПУНИН И БАБУРИН»
(По материалам Мемориальной библиотеки писателя)**

Известно, какой интерес испытывал Тургенев на протяжении всей жизни к XVIII веку. Думается, этот интерес проснулся довольно рано, поскольку он питался богатейшим собранием книг XVIII века, преимущественно составлявших усадебную библиотеку Тургеневых. К тому же, интерес всячески подогревался и учителем словесности братьев Тургеневых Д. Н. Дубенским.

Автобиографическая повесть «Пунин и Бабурин» (1874) проливает свет на истоки любви Тургенева к эпохе, которую А. Н. Радищев образно назвал «столетье безумно и мудро». В данной работе мы обратились к трем известным именам XVIII века, которые органично вошли в художественную структуру повести: М. М. Хераскову, Г. Р. Державину и В. Г. Рубану.

Херасков Михаил Матвеевич (1733–1807), плодовитый писатель, работавший в самых разных жанрах; среди его сочинений — комедии и трагедии, романы и «слезные драмы», стихотворения и басни. Перу Хераскова принадлежало два произведения в жанре эпической поэмы, считавшейся в то время «высшим родом поэзии»: ¹ «Владимир» (1785) и знаменитая «Россияда» (1779). В мемориальной библиотеке Тургенева хранится первое издание «Россияды», принадлежавшее основателю

¹ *Белинский*. Т. 7. С. 112.

Спасской усадьбы И. И. Лутовинову.² В библиотеке писателя имеется и собрание сочинений Хераскова, принадлежавшее его двоюродному деду Н. И. Лаврову и появившееся в Спасском после смерти бабки Тургенева Е. И. Сомовой в 1834 году. Лавровское издание открывается третьим переработанным изданием «Россияды».³

В «Россияде» Херасков «воспел» одно из важных событий русской истории — покорение Иваном Грозным Казанского царства в 1552 году:

Пою от варваров Россию свободенну,
Попранну власть татар и гордость побежденну,
Движенье древних войск, труды, кроваву брань,
России торжество, разрушенну Казань.⁴

По словам Белинского, «ученые» современники Хераскова «были без ума» от его поэмы, «они знали ее чуть не наизусть».⁵ Автора «Россияды» величали «российским Гомером» и «российским Вергилием». Поэт И. И. Дмитриев, рассказав в своих воспоминаниях, что «на третьем году от рождения он <Херасков. — С. Ж.> был украден из отцовского дома», прибавил: «Часом после и творец „Россияды“ вместо вершин Парнаса прожил и умер бы безвестным в цыганском таборе, посреди нищеты и разврата».⁶ Дмитриеву же принадлежит «надпись» в стихах «К портрету М. М. Хераскова» (1803):

Пускай от зависти сердца в зоилах ноют;
Хераскову они вреда не нанесут:
Владимир, Иоанн щитом его покроют
И в храм бессмертья проведут.⁷

Читатели и критики более позднего времени отнеслись к «Россияде» и ее автору более строго. В мемориальной библиотеке Тургенева находится журнал «Современный наблюдатель российской словесности», издававшийся в 1815 году студентом Московского университета П. М. Строе-

² Библиотека Ивана Сергеевича Тургенева. Каталог. Орел, 1994. Ч. 1: Книги на рус. яз. / Сост. и автор вступит. статьи Л. А. Балькова. С. 187. Далее — *Библиотека Тургенева. Каталог.*

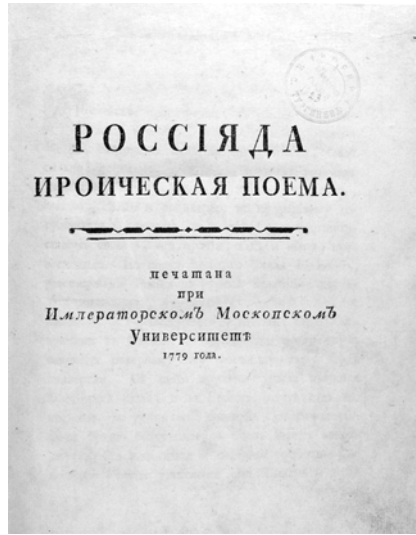
³ Там же. С. 188–189.

⁴ Здесь и далее цит. по: *Херасков М. М. Россияда: Ироническая поэма.* М., 1779. С. 1. Далее — *Херасков. Россияда.*

⁵ *Белинский В. Г. Сочинения Александра Пушкина. Статья вторая // Белинский.* Т. 7. С. 133.

⁶ *Дмитриев И. И. Взгляд на мою жизнь.* М., 1986. С. 315.

⁷ *Дмитриев И. И. Сочинения.* М., 1986. С. 229.

Первое издание поэмы М. М. Хераскова «Россияда» (М., 1779).
Переплет и титульный лист. Мемориальная библиотека Тургенева, Орел

вым, со статьей издателя «О „Россияде“, поэме г. Хераскова (Письмо к девице Д.)», в которой автор упрекал Хераскова в искажении исторических событий и характеров исторических лиц: «Иоанн, герой поэмы, имеет ли хотя малейшую черту, по коей можно было бы отличить его?».⁸ В самом деле, как-то трудно представить себе Ивана Грозного, произносящего следующий сентиментальный монолог:

И только стал во свет наследником рожден;
По званию сему уж был предубежден,
В народном счастья мое блаженство числить,
И собственность забыв, о благе общем мыслить;
Душевные слабости и неги отметить,
Во поданных друзей и ближних почитать,
Вот должность царская...⁹

Вывод автора статьи достаточно суров: «„Россияда“ недостойна тех громких похвал, коими ее до сих пор осыпали <...>».¹⁰ А. Ф. Мерзляков, напечатавший в том же 1815 году пространный разбор «Россияды»:

⁸ Современный наблюдатель российской словесности. 1815. Ч. 1. № 1. С. 20.

⁹ Херасков. Россияда. С. 31.

¹⁰ Современный наблюдатель российской словесности. 1815. Ч. 1. № 3. С. 82.

«„Россияда“, поэма эпическая г-на Хераскова (Письмо к другу)» в семи книжках журнала «Амфион», отметив достоинства и недостатки поэмы, в целом писал о ней с уважением. В девятой книжке «Амфиона», сохранившейся в мемориальной библиотеке Тургенева, можно прочесть: «...„Россияда“ как героическая поэма, заключающая в себе великое патриотическое дело, заслуживает по всей справедливости того, чтоб ее молодые наши поэты имели всегда подле себя и между любимыми своими книгами, как полезную для ума и сердца».¹¹ Следует отметить, что две песни из «Россияды», как произведения патриотического, были включены в программу гимназического курса русской словесности даже во второй половине XIX века; их должен был читать и наследник престола, цесаревич Николай Александрович, родившийся в 1843 году.¹²

Известно, какое сильное впечатление «Россияда» произвела на мальчика Тургенева. «О Россияда! и о Херасков! Какими наслаждениями я вам обязан!» — писал Тургенев 3 (15) сентября 1840 года М. А. Бакунину и А. П. Ефремову;¹³ а много лет спустя повторил в повести «Пунин и Бабурин»: «Таким образом мы прошли с ним не только Ломоносова, Сумарокова и Кантемира <...>, но даже „Россиаду“ Хераскова! И, правду говоря, она-то, эта самая „Россиада“, меня в особенности восхитила».¹⁴

По воспоминаниям И. И. Дмитриева, первыми читателями «Россияды» были «только просвещеннейшие из нашего дворянства». Однако по мере того как развивалась литература и вместе с этим распространялась грамотность в народе, продолжали восторгаться «Россиядой» находящиеся в начале читательского поприща «купцы, солдаты, холопы и даже торгующие пряниками и калачами».¹⁵

По собственным словам Тургенева, с «Россиядой» его познакомил дворовый человек Леон Серебряков: «Мы с Леоном уходили каждый день в сад, в беседку на берегу пруда и там читали — и как читали! или правильнее: он читал — и как читал! сперва каждый стих скороговоркой, так себе — начерно; потом с ударением, с напряжением и с чувством — набело. <...> Я слушал — мало! внимал — мало! обращался весь в слух — мало! — и классически: пожирал — все мало! глотал — все еще мало! давился — хорошо».¹⁶

¹¹ Амфион. 1815. № 9. С. 126.

¹² Буслаев Ф. И. Мои досуги. М., 2003. С. 330.

¹³ ПССиП(2). Письма. Т. 1. С. 168.

¹⁴ Там же. Соч. Т. 9. С. 18.

¹⁵ Дмитриев И. И. Взгляд на мою жизнь. С. 284.

¹⁶ ПССиП(2). Письма. Т. 1. С. 168–169.

Интересно, что такое же наслаждение от чтения «Россиады» испытал и герой автобиографической хроники С. Т. Аксакова «Детские годы Багрова-внука», маленький Сережа Багров, который «Россиаду» и Сумарокова «читал с жадностью и восторженным увлечением».¹⁷

«Россиада», вероятно, привлекла мальчиков разнообразными чудесами, которыми она наполнена: тут и ангелы, и святые, и посланец Бога, являющийся к спящему Иоанну и призывающий его «спасать отечество и божий в нем алтарь»; тут и темные магометанские силы, к которым взывает казанская царица Сумбека:

Тогда к подействию над тартаром потребны,
Произнесла она еще слова волшебны:
Змею в котле варит, кавказкий корень трет;
Дрожащею рукой волшебный жезл берет,
И пламенным главу убрусом обвивает;
Луну с небес, духов из ада призывает...¹⁸

Тут и описание ада (не совсем удачное подражание Вергилию, как считал Мерзляков, но дети, разумеется, в филологические тонкости не могли входить), и многочисленные битвы, и герои, в них сражающиеся. Вот, например, князь Асталон:

То князь был Асталон; он шел горе подобен;
Сей витязь целый полк един сломить удобен,
Отважен и свиреп, сей враг россиян был,
Во бранях, как тростник, суперников рубил...¹⁹

Если любимыми героями Сережи Багрова были князья Курбский, Палецкий и Мстиславский, изображение которого ему казалось верхом совершенства: «Сей муж в сражениях не дерзок был, не злобен; / Но твердому кремню являлся он подобен, / Который сильный огонь в то время издает, / Когда поверхность кто его железом бьет»,²⁰ — то двенадцатилетнего Петю из «Пунина и Бабурина» пленила «мужественная татарка, великанша-героиня; теперь я самое имя ее позабыл, а тогда у меня и руки и ноги холодели, как только оно упоминалось!».²¹

¹⁷ Аксаков С. Т. Детские годы Багрова-внука // Аксаков С. Т. Собр. соч.: В 5 т. М., 1966. Т. 1. С. 374.

¹⁸ Херасков. *Россиада*. С. 53.

¹⁹ Там же. С. 46.

²⁰ Аксаков С. Т. Детские годы Багрова-внука. С. 375.

²¹ ПССиП(2). Соч. Т. 9. С. 18.

Обратимся еще раз к тексту поэмы и отыщем эту мужественную героиню. Впервые она появляется в рассказе о царе Едигере, претендующем на царский трон в Казани:

Шесть храбрых рыцарей в дружине царь имеет,
Которы подкреплять клялись войну и трон,
И каждый есть из них воскресший Асталон;
Меж ими дерзкая скрывается девица,
Смела как лютый вепрь, свирепа яко львица.²²

Имя «дерзкой девицы», которая, как видно из последующего текста, была наемницей, мы узнаем из отрывка, повествующего о битве русских князей со страшным противником:

То страшны витязи исшедши из Казани,
Отмщать россиянам успех вечерней брани;
Из Индии Мирсед, Черкешенин Бразин,
Рамида Персянка и Гидромир Срацин.²³

Вот схватка Курбского с неизвестным витязем:

Противника ручки кровавы обагрили;
Волнистые волосы плеча его покрыли;
По гордому челу кровь алая текла,
Как будто по серебру... Рамида то была.²⁴

Кажется, обаяние поразившей мальчика героини должно было еще более усилиться, когда он узнал, что она дочь чародея Нигрина:

Там лютый волхв Нигрин в вертепе древнем жил;
Россиян истребить он в мыслях положил;
Волшебной прелестью для рыцарей опасну,
В бою бесстрашную имел он дочь прекрасну,
Котора за зверьми гонялась день и ночь,
Рамидою слыла пустынникова дочь.²⁵

Можно предположить, какую горечь утраты испытал мальчик, когда его Рамида в конце поэмы погибла, как и множество других героев «Россияды».

²² Херасков. *Россияда*. С. 220.

²³ Там же. С. 232.

²⁴ Там же. С. 233.

²⁵ Там же. С. 255.

В повести «Несчастливая», написанной в 1869 году, Тургенев вспомнил еще одну героиню «Россииды», жену последнего казанского царя Сафагирея Сумбеку с ее гневными монологами: «Ратч махнул на нее <жену. — С. Ж.> рукой. — Ну, ты, Сумбека-царица, успокойся!».²⁶

Тургенев-писатель разделял с Белинским отношение к «Россииде», которую критик отнес к «реторическому направлению» в русской литературе.²⁷ Сам Тургенев мог бы причислить это произведение к раннему периоду так называемой «ложновеличавой школы». «Произведения этой школы, — писал он впоследствии, — <...> посвященные возвеличиванию России — во что бы то ни стало, в самой сущности не имели ничего русского: это были какие-то пространные декорации <...>». ²⁸ Не случайно, в одном из вариантов текста повести «Пунин и Бабурин» мы встречаем весьма ироническую оценку своих детских литературных пристрастий: «Мы прочли с ним всю „Россиаду“ Хераскова, и, вероятно, никогда дебелие вирши нашего доморощенного Вольтера не возбуждали подобных восторгов!». ²⁹ В конце концов Тургенев исключил эту фразу из повести — все-таки «Россиида», прочитанная в детстве, навсегда осталась для него книгой, с которой началось знакомство с русской литературой.

В отроческом возрасте Тургеневу пришлось познакомиться с другими сочинениями Хераскова. В оглавлении книги, которая была в детстве Тургенева учебной, отмечено стихотворение Хераскова «Добродетель», а в тексте стихотворения карандашом выделены, возможно, предназначенные для заучивания наизусть стихи:

С ним Бог!.. Но кто Лукулл, с тобою?
Тщета, добука, прах и тлен!
Соблазны сильною рукою
Тебя им отдали во плен.
При добродетели богатство
Есть жизни временной приятство;
Где нет ее, там счастья нет;
Но там, где ты, о дщерь Небесна!
Там жизнь и в нищете прелестна.
Пороки — тьма, ты — чистый свет!³⁰

²⁶ ПССиП(2). Соч. Т. 8. С. 69, 459 (коммент. Л. М. Лотман).

²⁷ Белинский В. Г. Сочинения Александра Пушкина. Статья первая // Белинский. Т. 7. С. 113.

²⁸ ПССиП(2). Соч. Т. 11. С. 35.

²⁹ ПССиП(1). Соч. Т. 11. С. 355.

³⁰ Собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах. 2-е изд. СПб., 1821. Ч. 1. С. 72.

Теперь в глазах будущего писателя, как и выросшего героя из «Пунина и Бабурина», который добродушно-насмешливо спрашивал у своего «бывшего наставника по части поэзии»: «А вы, Никандр Вавилыч, неужели все еще уважаете Хераскова?»,³¹ — нравоучительные стихи Хераскова годились разве только для пародии. Позднее, в письме к П. В. Анненкову от 14 (26) декабря 1871 года, Тургенев пародийно переиначивает начало известного церковного гимна, написанного композитором Д. С. Бортнянским на стихи Хераскова «Коль славен наш Господь в Сионе...». Ср. у Тургенева:

Коль щедр и славен Стасюлевич —
Не в силах выразить язык!³²

Державин Гаврила Романович (1743–1816), знаменитый поэт XVIII века, которого Белинский называл не вовремя родившимся Пушкиным. Впервые с Державиным Тургенев познакомился, вероятно, по «Собранию образцовых русских сочинений и переводов в стихах», которое служило ему учебной книгой в начале 1830-х годов. В оглавлении первой части «Собрания» отмечены оды Державина «Бог» и «Водопад», предназначенные, по всей видимости, для заучивания наизусть. В тексте «Водопада» отчеркнуты три первые строфы. Начало этой оды Тургенев процитировал в письме к дяде Н. Н. Тургеневу от 7, 8 (19, 20) апреля 1831 года: «Стихи. Известные Державина:

*Алмаз сыплется гора
С высот четыремя скалами;
Жемчугу бездна и сребра
Кипит внизу, бьет вверх буграми и пр.»*³³

В этом же письме содержится и первая оценка, данная Тургеневым поэзии Державина: «О красоте их я не смею судить; но они мне кажутся превосходными».³⁴

С 1841 года Тургенев сотрудник и внимательный читатель журнала А. А. Краевского «Отечественные записки». Он, разумеется, знал все статьи Белинского, посвященные Державину и опубликованные в «Отечественных записках»: прежде всего его статью «Сочинения Державина» (статья первая: ОЗ. 1843. № 2; статья вторая: Там же. № 3). Белинский

³¹ ПССиП(2). Соч. Т. 9. С. 30.

³² Там же. Письма. Т. 11. С. 180.

³³ Там же. Т. 1. С. 130.

³⁴ Там же.

О Г Л А В Л Е Н И Е

П Е Р В О Й Ч А С Т И.

	Стран.
Опытъ крашкой Пишпикъ	I
О Д Ы.	
I. Подражаніе Іову ×	1
II. Богъ ×	5
III. Освобожденіе Москвы	9
IV. На восшествіе на престолъ АЛЕКСАНДРА I.	14
V. Гимнъ Богу, изъ Томсона ×	19
VI. На побѣду Россійскаго флота надъ Турецкимъ	23
VII. На разрушеніе Вавилона ×	31
VIII. На день восшествія на престолъ Елисаветы	34
IX. На возвращеніе изъ Персіи Графа Зубова	42
X. Опытная Соломонова мудрость	47
XI. Зимой къ друзьямъ	55
XII. Богиня Невы	56
XIII. Подражаніе псалму: <i>Господи, да не яростию Твоею</i>	58
XIV. Къ Теону	61
XV. Подражаніе Горацію	65
XVI. Размышленіе по случаю грома	67
XVII. Къ А. Г. Волкову	68
XVIII. Вольный переводъ Гораціевой оды	69
XIX. Добродѣшель ×	71
XX. Ломоносовъ	75
XXI. Ушро	78

«Собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах» (СПб., 1821. Ч. I).

Крестиками в оглавлении отмечены стихотворения Державина и Хераскова.

Мемориальная библиотека Тургенева, Орел

упоминал о Державине и в статье «Русская литература в 1841 году» (ОЗ. 1842. № 1), а также в цикле статей под общим названием «Сочинения Александра Пушкина», где в первых четырех статьях сделал краткий обзор русской литературы допушкинского периода (ОЗ. 1843. № 6, 9, 10, 12), и др.

Сам Тургенев высказался о Державине в статье «De la littérature russe contemporaine» («О современной русской литературе»), опубликованной в «Illustration» в 1845 году, где сконцентрировал в короткой и емкой фразе размышления Белинского о поэте: «...Державин — натура в высшей степени поэтическая, смелая и сильная, все сочинения которого одушевлены победоносным и величественным гением екатерининского царствования; но, стесненный узкими формами поэзии своего времени, он часто изнемогал, стараясь подчинить себе непокорный язык <...>». ³⁵ Тургенев и в дальнейшем продолжал интересоваться сочинениями, посвященными Державину. Так, в ноябре ст. ст. 1853 года он прочел в рукописи статью С. Т. Аксакова «Знакомство с Державиным» и тогда же написал ее автору: «Она чрезвычайно интересна и любопытна — и хотя великий поэт является в ней в чуть-чуть комическом свете, тем не менее общее впечатление трогательно — словно из другого мира звучит этот голос». ³⁶ По всей вероятности, Тургенев читал и «Записки» Державина, впервые опубликованные в 1859 году в «Русской беседе». 13 (25) ноября 1859 года он писал негласному редактору журнала И. С. Аксакову: «Очень Вам благодарен за предложение выслать мне „Русскую беседу“ — и воспользуюсь им — то есть возьму от Вас записку в петербургскую Вашу контору». ³⁷ Как известно, Державин в «Записках» упомянул о деде Тургенева по матери П. И. Лутовинове и о его младшем брате А. И. Лутовинове, с которыми служил в Преображенском полку. Возможно, именно поэтому в записной книжке деда, хранившейся в Спасском среди старых бумаг, вместе с «рецептами для грудного декокта», различными «известиями и слухами», находились и стихи Державина. ³⁸ Тургенев, вероятно, был знаком с находящимися в его библиотеке «Объяснениями на сочинения Державина, им самим диктованными родной его племяннице Елизавете Николаевне Львовой в 1809 году» ³⁹ — своего рода творческой автобиографией поэта.

³⁵ ПССиП(2). Соч. Т. 12. С. 510. Подлинник по-франц.

³⁶ Там же. Письма. Т. 2. С. 280.

³⁷ Там же. Т. 4. С. 109.

³⁸ Тургенев И. С. Образчик старинного крючкотворства <Первоначальная редакция (черновой автограф)> // Там же. Соч. Т. 10. С. 386.

³⁹ Библиотека Тургенева. Каталог. С. 82.

На протяжении всей жизни Тургенев не однажды обращался к творчеству Державина. Зная наизусть многие его стихотворения, он особенно часто цитировал его оды, намеренно снижая или даже пародируя возвышенный, эпический слог поэта. Под пером Тургенева в художественных произведениях и в посланиях к друзьям блистательный, величественный, завораживающий стиль эпохи утрачивает свое величие и сияние перед обыденной правдой жизни.

Ода Державина «Бог» с ее пафосным прославлением создателя и создания — Бога и человека, пользовалась, как писал Белинский, «мистическим уважением» и стала первым русским литературным произведением, получившим мировую известность. Существовала легенда, что она была переведена даже на китайский язык и, вышитая шелком на щите, висела во дворце китайского императора. Многие мемуаристы, вспоминая свое первое знакомство с русской поэзией, непременно называли эту оду Державина. Так, племянник поэта И. И. Дмитриева и сам поэт М. А. Дмитриев, рассказывая о своем детстве в доме деда И. Г. Дмитриева, вспоминал, как тот при гостях посылал его достать Державина или Хемницера: «Я лазил, как белка, по полкам библиотеки, доходившим до потолка, и громогласно читал или оду „Бог“ и другие, или лучшие из басен Хемницера, метившие на учреждения Екатерины, например, „Орлы“, „Совет“, „Лестница“, которые особенно восхищали моего деда».⁴⁰ В 1803 году Державин присутствовал на годовом экзамене в Юнкерской школе, где учился будущий журналист Н. И. Греч, который вспоминал: «Я смотрел ему пристально в глаза, и в уме моем с быстротой сонных видений пролетали: „Бог“, „Фелица“, „Водопад“».⁴¹ Театральный мемуарист С. П. Жихарев, явившийся в декабре 1806 года к Державину со своей трагедией «Артабан», говорил с ним о его сочинениях, «многие цитировал целиком» и среди прочего сказал, что «едва только выучился лепетать, как знал уже наизусть некоторые его оды, как то: „Бога“, „Вельможу“, „Мой истукан“, „На смерть князя Мещерского“ и „К Фелице“», что эти стихотворения служили для него «лучшим руководством в нравственности, нежели все школьные наставления».⁴² Эти примеры можно было бы продолжить...

⁴⁰ Дмитриев М. Главы из воспоминаний моей жизни / Подготовка текста и примеч. К. Г. Боленко, Е. Э. Ляминой и Т. Ф. Нешумовой. Вступит. статья К. Г. Боленко и Е. Э. Ляминой. М., 1998. С. 43.

⁴¹ Греч Н. И. Записки о моей жизни. М., 1990. С. 170–171.

⁴² Жихарев С. П. Записки современника: В 2 т. / Вступит. статья М. А. Гордина, коммент. Л. Н. Киселевой. Л., 1989. Т. 2. С. 47.

Как говорилось выше, оду «Бог» ребенком должен был выучить и Тургенев, но уже в юности она, по-видимому, стала казаться ему чересчур выпренной. 2 (14) октября 1840 года в шутовском письме к приятелю А. П. Ефремову, довольно полному молодому человеку («А второй, сибарит, слоем жира облит»,⁴³ — писал о нем Тургенев в стихотворении «На Альбанских горах — что за дьявол такой?..»), писатель использует первую, торжественную строку оды — «О Ты, пространством бесконечный»: «...„О... о ты, пространством бесконечный“, откуда достал ты такой паскудный, чахоточный, болезненный фрак с воротником в виде старого хомута, с хвостом в виде стерляжьего носа, с побелевшими, лихорадочными пуговицами?»⁴⁴ — что создает комический эффект. Много позднее, в письме к А. В. Дружинину от 18 (30) января 1861 года, Тургенев использует следующие строки из оды «Бог» — «Сочесь пески, лучи планет / Хотя и мог бы ум высокий». Здесь пафос оды разбивается о естественность эпистолярного слога Тургенева: «„Сочесь пески, лучи планет хотя и мог бы ум высокий“ — но измерить глубину моей вины перед Вами он был бы не в состоянии».⁴⁵

Что касается другой известной оды Державина «Вельможа», где поэт высмеял членов екатерининского Сената в словах, ставших, подобно крыловским афоризмам, поговоркой — «Осел останется ослом, / Хотя осыпь его звездами; / Где должно действовать умом, / Он только хлопает ушами», — то в письме к Салтыкову-Щедрину от 17 (29) сентября 1876 года, в котором речь шла о начальнике главного управления по делам печати В. В. Григорьеве, Тургенев прямо написал: «Пародируя стих Державина, можно сказать про него „Свинья останется свиньей, / Хотя укрась ее звездою“».⁴⁶

В пьесе «Где тонко, там и рвется» (1848), а затем в романе «Рудин» (1856) Тургенев использует для характеристики героев формулу, восходящую к оде Державина «На рождение царицы Гремиславы», которую поэт начал любимым выражением Екатерины II — «Живи и жить давай другим». Ср. у Тургенева: «Madame de Libanoff женщина добрая, сама живет и жить дает другим».⁴⁷

Обратимся теперь к стихотворению Державина «Властителям и судиям», у которого была поистине драматическая судьба. В ранней редакции оно было напечатано в ноябрьском номере журнала «Санкт-Пе-

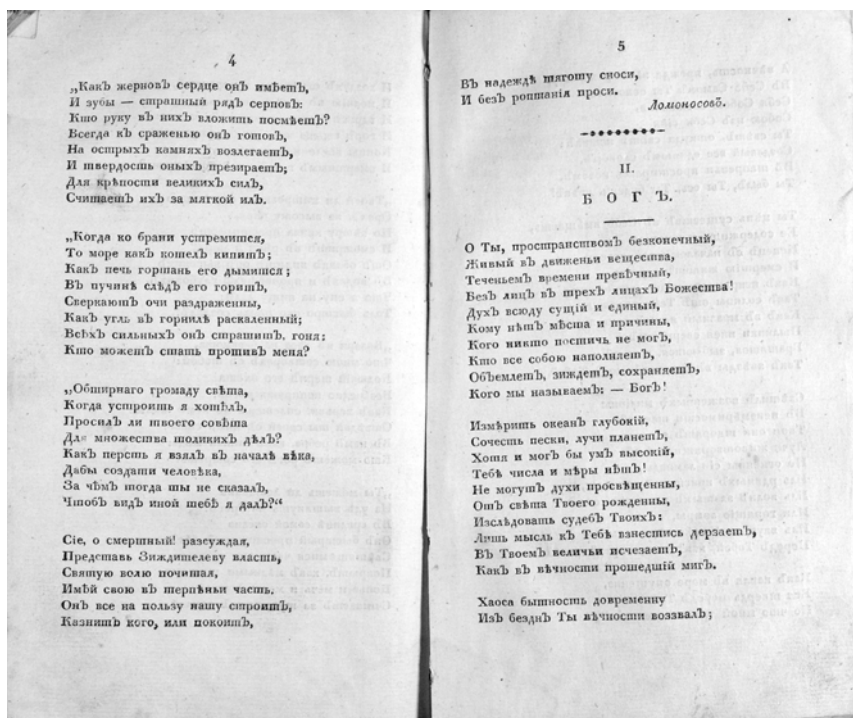
⁴³ ПССиП(2). Соч. Т. 1. С. 328.

⁴⁴ Там же. Письма. Т. 1. С. 177.

⁴⁵ Там же. Т. 4. С. 285.

⁴⁶ ПССиП(1). Письма. Т. 11. С. 316.

⁴⁷ ПССиП(2). Соч. Т. 2. С. 76.

«Собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах» (СПб., 1821. Ч. I).
Помета крестиком оды Державина «Бог».
Мемориальная библиотека Тургенева, Орел

тербургский вестник» за 1780 год под заглавием «Ода. Преложение 81-го псалма». Однако содержание стихов показалось слишком смелым и из большей части тиража их вырезали. В новой редакции стихотворение появилось в журнале «Зеркало света» (1787. № 53) под заглавием «Ода. Извлечена из псалма 81». А в 1795 году Державин, решивший, наконец, выпустить сборник своих произведений, преподнес рукопись будущего сборника императрице. В сборник было включено и названное выше стихотворение, которое вызвало гнев императрицы: недоброжелатели Державина растолковали ей, что во время Французской революции якобинцы распевали псалом 81 как революционный гимн. Державин сумел оправдаться, тем не менее сборник его стихотворений вышел в свет уже после смерти Екатерины, в 1798 году, причем крамольное стихотворение было изъято цензурой. Уже в XIX веке ода появилась в первом томе сочинений Державина издания 1808 года под заглавием «Властителям и судьям». Вот ее полный текст:

Восстал Всевышний Бог, да судит
Земных Богов во сонме их;
Доколе, рек, доколь вам будет
Щадить неправедных и злых?

Ваш долг есть: сохранять законы,
На лица сильных не взирать,
Без помощи, без обороны
Сирот и вдов не оставлять.

Ваш долг спасать от бед невинных,
Несчастливым подать покров;
От сильных защищать бессильных,
Исторгнуть бедных из оков.

Не внемлют! — видят и не знают!
Покрыты мздою очеса:
Злодействы землю потрясают,
Неправда зыблет небеса.

Цари! — Я мнил, вы Боги властны,
Никто над вами не судья:
Но вы, как я, подобно страстны,
И также смертны, как и я.

И вы подобно так падете,
Как с древ увядший лист падет!
И вы подобно так умрете,
Как ваш последний раб умрет!

Воскресни, Боже! Боже правых!
И их молению внемли:
Приди, суди, карай лукавых
И будь един Царем земли!

Это стихотворение считалось одним из лучших произведений Державина. Белинский, который державинские переложения псалмов считал неудачными, делал исключение для переложения 81-го псалма — «Властителям и судьям», «в котором талант Державина умел приблизиться к высоте подлинника». ⁴⁸ Достоевский считал эту оду Державина образцом «высокой поэзии». ⁴⁹

Герой повести Тургенева «Пунин и Бабурин» Никандр Вавилович Пунин, изгоняемый гневной помещицей из усадьбы, где он и его това-

⁴⁸ *Белинский В. Г.* Сочинения Державина. Статья вторая // *Белинский*. Т. 6. С. 633.

⁴⁹ *Милуков А. П.* Федор Михайлович Достоевский // *Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников*: В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 263.

рищ нашли временный приют, к Державину «относился почти враждебно», находя, что он «более царедворец нежели пиита», однако на прощанье он декламирует именно Державина: «...тут на Пунина нашло внезапное исступление! Он вскочил на сиденье тарантаса, поднял обе руки вверх и начал громовым голосом (откуда он у него взялся!) декламировать известное переложение Давидова псалма Державиным, пиитой на этот раз — а не царедворцем:

Встань, всесильный бог! Да судит
Земных богов во сонме их!..
Доколь вам, рек, доколь вам будет
Щадить неправедных и злых?
Ваш долг есть сохранять законы...

— Сядь! — сказал ему Бабурин.

Пунин сел, но продолжал:

Ваш долг — спасать от бед невинных,
Несчастливым подать покров,
От сильных защищать бессильных...

Пунин при слове „сильных“ указал пальцем на барский дом, а потом ткнул им в спину сидевшего на козлах кучера:

Исторгнуть бедных из оков!
Не внемлют! Видят и не знают...

Прибежавший из барского дома Николай Антонов закричал во все горло кучеру: „Пошел! ворона! пошел, не зевай!“ — и тарантас покати́лся. Только издали еще слышалось:

Воскресни, боже, боже правый!..
Приди, суди, карай лукавых —
И будь один царем земли!».⁵⁰

Забавная фигура Пунина, одетого «чуть не в рубище»,⁵¹ — «в желтом фризском балахоне», в картузе «на вате, с меховым облезлым околышком и картонным надломленным козырьком»,⁵² — произносящая напряженно-торжественные стихи, производит трагико-комическое впечатление. Не случайно дворецкий проводил декламатора словами: «Экой

⁵⁰ ПССиП(2). Соч. Т. 9. С. 23–24.

⁵¹ Там же. С. 12

⁵² Там же. С. 10, 12.

паяц!».⁵³ В стихах, которые произносит Пунин, бросается в глаза незначительное расхождение с каноническим текстом.

У Державина:

Восстал всевышний бог
Воскресни, боже! боже правых!

У Тургенева:

Восстань, всесильный бог
Воскресни, боже, боже правый!..

Возможно, Тургенев цитировал Державина по памяти и поэтому не совсем точно; возможно, расхождение появилось в тексте намеренно для того, чтобы подчеркнуть непосредственное обращение обиженного героя к создателю.

Мысль о скоротечности и преходящести всего земного, начатая одой «На смерть князя Мещерского», проходит через все творчество Державина. Мы находим ее и в оде «Водопад», и в стихотворении «Властителям и судьям», и в предсмертном стихотворении Державина «Река времен».

Река времен в своем стремленьи
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остается
Чрез звуки лиры и трубы,
То вечности жерлом пожрется
И общей не уйдет судьбы.

Мысль эта была близка и Тургеневу. Достаточно вспомнить его «Поездку в Полесье», «Довольно», роман «Отцы и дети», «Стихотворения в прозе» («Песочные часы», «Я встал ночью...» и др.). Эта мысль встречается и в его письмах. Будучи тяжело больным, Тургенев вспомнил державинскую «Реку времен» в письме от 3 (15) декабря 1882 года к Д. В. Григоровичу по поводу первой публикации «Стихотворений в прозе»: «...,река времен в своем теченьи“ унесет в лоно забвенья эти легонькие листки».⁵⁴

Рубан Василий Григорьевич (1742–1795), издатель, журналист, переводчик, поэт. Был особенно известен своими стихотворными надписями. Самая знаменитая из них «К монументу Петра Великого» помещена в «Образцовых сочинениях», которые, как уже упоминалось, служили учебной книгой Тургенева в детстве:

⁵³ ПССУП(2). Соч. Т. 9. С. 24.

⁵⁴ ПССУП(1). Письма. Т. 13. Кн. 2. С. 116.

Колосс Родосский, днесь смири свой гордый вид!
И нильски здания высоких пирамид,
Престаньте более считаться чудесами!
Вы смертных бранными соделаны руками.
Нерукотворная здесь русская гора,
Вняв гласу Божию из уст Екатерины,
Прешла во град Петров чрез невские пучины,
И пала под стопы Великого Петра.⁵⁵

Тургенев был знаком и с другими похвальными «надписями» Рубана, воспевающими благодеяния его покровителей.

Герой повести Тургенева «Пунин и Бабурин», любитель старинной поэзии («чем старее были стихи, тем больше они приходились Пунину по вкусу»⁵⁶), «вдохновясь Рубаном», сложил четверостишие к портрету своего друга и покровителя:

С пеленок не шадя гонений лютых, рок
Ко краю бездны зол Бабурина привлек!
Но огонь во мгле, злат луч на гноище блистает, —
И се! победный лавр чело его венчает!⁵⁷

Приведенное четверостишие, по-видимому, является авторской стилизацией.

Подводя краткий итог сказанному, можно сказать, что Тургенев, создавая образ своего героя, всецело преданного русской литературной традиции XVIII века, использует разнообразные приемы — цитаты, пародии, стилизацию и тем самым создает своеобразный памятник этой традиции, памятник, который знаменует прощание отечественной словесности с ушедшим веком.

⁵⁵ Собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах. 2-е изд. СПб., 1822. Ч. V. С. 140–141.

⁵⁶ ПССиП(2). Соч. Т. 9. С. 18.

⁵⁷ Там же. С. 38.

В. И. Дудко

ОТЗЫВ Т. Г. ШЕВЧЕНКО О ТУРГЕНЕВЕ В ИЗЛОЖЕНИИ А. Н. ПЛЕЩЕЕВА

10 февраля 1859 года, после одной из встреч с Тургеневым, А. Н. Плещеев писал о нем Ф. М. Достоевскому: «...это личность в высшей степени симпатическая, любящая. Он всех влечет к себе с первого разу; и вся эта ватага Прометеев, становящихся на ходули, начиная от гнилого оптимиста Дружинина до озлобленного Некрасова, — в подметки ему не годятся. Недаром один хохол недавно выразился про Тургенева: племянник Иисуса Христа! В самом деле есть что-то в нем, неотразимо к нему привязывающее...».¹

Публикатор письма А. С. Долинин оставил данный фрагмент без комментария.² Насколько известно, не было попыток установить авторство приведенного в письме Плещеева отзыва о Тургеневе и в работах украинских литературоведов, обращавшихся к соответствующему эпи-столярному корпусу,³ — хотя идентификация собеседника Плещеева,

¹ Письма А. Н. Плещеева <к Ф. М. Достоевскому> / Ред., вступит. статья и коммент. А. С. Долинина // Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования (Литературный архив). Л., 1935. С. 443.

² См.: Там же. С. 480.

³ См., например: *Павлюк М. М.* 1) Провідні ідейні тенденції в ранніх перекладах творів Шевченка на російську мову // Збірник праць 8-ї наукової шевченківської конференції. Київ, 1960. С. 201, 206; 2) Плещеев як перекладач Шевченка // Радянське літературознавство. 1967. № 9. С. 62; *Ткаченко М. М.* Літопис життя і творчості Т. Г. Шевченка. Київ, 1961. С. 274; *Шаблювський Є.* У боротьбі проти спільного ворога (І. С. Тургенєв і Т. Г. Шевченко) // Шаблювський Є. Життя. Література. Письменник: Вибрані дослідження. Київ, 1974. С. 273.

безусловно, представляет значительный интерес. Чтобы попытаться ответить на этот вопрос, следует подробно рассмотреть (по крайней мере на уровне введенных в научный оборот источников) имевшиеся к 10 февраля 1859 года украинские контакты Тургенева и Плещеева.

15 февраля 1859 года Тургенев писал И. В. Павлову: «Я здесь с недавних пор погрузился в малороссийскую жизнь. Познакомился с Шевченкой, с г-жею Маркович (она пишет под именем: Марко Вовчок) и со многими другими, большей частью весьма либеральными хохлами».⁴ Несколько ранее, 10 февраля 1859 года (в тот день, когда было написано рассматриваемое письмо Плещеева), Тургенев информировал В. П. Боткина о своем знакомстве с петербургским украинским кружком: «А здесь у нас проявились разные новые лица: г-жа Маркович (писавшая малороссийские рассказы под именем Марка Вовчка), премилая женщина <...>. Кроме ее, я познакомился с целой колонией малороссов и малороссиянок, где все — кроме картавого тупоумца Кулиша — милейшие люди».⁵ Отсутствие упоминания о Шевченко не означает, что к тому времени Тургенев еще не был с ним знаком. О состоявшемся уже знакомстве выразительно свидетельствует письмо Шевченко к Н. Я. Макарову от — как недавно установлено — 7 февраля 1859 года.⁶ Шевченко, в частности, писал: «Узнайте, будьте добры, будет ли дома завтра вечером Варвара Яковлевна. Если будет, я к ней приду вместе с И. С. Тургеневым, и вы приходите, если будет время. Оставайтесь здоровы и не забудьте завтра утром известить меня <...>».⁷

В доме В. Я. Карташевой, сестры адресата письма Шевченко, в то время собирались петербургские украинцы.⁸ Воссоздавая обстоя-

⁴ ПССИП(2). Письма. Т. 4. С. 20.

⁵ Там же. С. 17–18. Попытку реконструировать обстоятельства, обусловившие высказанные в 1857–1859 гг. взаимные острые оценки Тургенева и Кулиша, см.: Дудко В. Куліш і Тургенев // Хроніка-2000: Український культурологічний альманах. Київ, 2009. Вип. 78. С. 431–458.

⁶ Во всех изданиях писем Шевченко это письмо с авторской датой «7 февраля» ошибочно отнесено к 1860 г. О материалах, дающих основание уточнить год написания письма, подробно см.: Дудко В. И. Т. Г. Шевченко и И. С. Тургенев: К истории отношений // Культурная жизнь Юга России. 2008. № 2 (27). С. 83–86.

⁷ Шевченко Т. Собр. соч.: В 5 т. М., 1965. Т. 5. С. 463–464. Вполне очевидно, что это — единственное в уцелевших письмах Шевченко — упоминание о Тургеневе свидетельствует об искренней заинтересованности украинского писателя в продолжении знакомства.

⁸ См.: Голованова Т. П. Тургенев в кругу петербургских украинцев // Т Сб. Вып. 5. С. 363–374.

тельства своего знакомства с Тургеневым, она впоследствии писала: «С Тургеневым я случайно встретила у Шевченка в его студии. Он слышал о наших малороссийских вечерах и просил позволения приехать».⁹ Из воспоминаний Карташевской явственно следует, что ко времени ее первой встречи с Тургеневым у Шевченко писатели уже были знакомы.¹⁰

Стоит напомнить мемуарное свидетельство П. В. Анненкова о том, что Тургенев «искал знакомства с поэтом Шевченко».¹¹ Встретиться они могли, в частности, у М. Ф. Штакеншнейдер, в доме которой проходили популярные литературные вечера. 16 января 1859 года она информировала А. Н. Майкова: «В нашем обществе появилось несколько новых лиц, как то: Шевченко, Тургенев, Ап. Григорьев и несметное число студентов <...>».¹²

Письмо Шевченко к Макарову от 7 февраля 1859 года дает основания утверждать, что Тургенев и Шевченко познакомились по крайней мере несколькими днями ранее. Следует обратить внимание на то, что Тургенев, характеризуя в письме к Л. Н. Толстому от 2 февраля 1859 года свои актуальные литературные контакты, об украинских писателях не упомянул: «...здешний литературный кружок — все тот же; нового элемента в него не прибавилось».¹³ Вероятно, знакомство Тургенева с Шевченко, М. А. Маркович и другими участниками украинского кружка состоялось вскоре после 2 февраля.

⁹ Из воспоминаний В. Я. Карташевской о Т. Г. Шевченке / <Вступит. заметка, публ. и примеч.> Н. Ш<угурова> // Киевская старина. 1900. Т. 68. № 2. Отд. II. С. 63. Как известно из дневника Шевченко, он познакомился с Карташевской 14 апреля 1858 г. (см.: *Шевченко Т.* Собр. соч. Т. 5. С. 221). Сохранилось авторитетное синхронное свидетельство о том, что украинский писатель впервые побывал у Карташевских 12 декабря 1858 г. (см.: *Лобач-Жученко Б. Б.* О Марко Вовчок: Воспоминания, поиски, находки. Киев, 1987. С. 70).

¹⁰ Указанный фрагмент противоречит свидетельству самого Тургенева, упомянувшего в «Воспоминаниях о Шевченке» о том, что его познакомила с украинским писателем М. А. Маркович, причем эта встреча состоялась в присутствии В. Я. Карташевской (см.: *ПССиП(2)*. Соч. Т. 11. С. 187). Как следует из письма Тургенева к Карташевской от 31 марта 1859 г., по крайней мере до 20 марта, когда писатель выехал из Петербурга в Спасское, она не была знакома с М. А. Маркович (см.: *ПССиП(2)*. Письма. Т. 4. С. 35). Подробнее об этом см.: *Дудко В. И.* Т. Г. Шевченко и И. С. Тургенев: К истории отношений. С. 84.

¹¹ *Анненков П. В.* Литературные воспоминания / Вступит. ст. В. И. Кулешова, коммент. А. М. Долотовой, Г. Г. Елизаветиной и др. М., 1983. С. 436.

¹² *ИРЛИ*. № 16980. Л. 10 об.

¹³ *ПССиП(2)*. Письма. Т. 4. С. 16.

Круг петербургских украинцев, с которым Тургенев сблизился в феврале — марте 1859 года, можно несколько расширить благодаря сведениям, сообщенным им в письме к Карташевской от 31 марта того же года: среди них уже упоминавшийся брат В. Я. Карташевской Н. Я. Макаров и будущий редактор журнала «Основа» В. М. Белозерский.¹⁴

Первый период общения Тургенева с петербургскими украинцами продолжался до его отъезда из Петербурга, состоявшегося 20 марта 1859 года. А. В. Дружинин писал Л. Н. Толстому 29 марта: «Тургенев на сей раз не оставил больших сожалений о себе — он так был предан своим безобразным хохлам <...>, что оно уж было нехорошо».¹⁵

Об украинских контактах Плещеева известно значительно меньше — собственно, попадавшие в поле зрения литературоведов материалы касаются исключительно его связей с Шевченко. Вероятно, писатели заочно познакомились, отбывая солдатскую службу в Оренбургском отдельном корпусе (Шевченко — с 1847 г., Плещеев — с 1849 г.).¹⁶ В их переписке¹⁷ затрагивалась и литературная проблематика.¹⁸ В начале июня 1858 года Плещеев, получив отпуск, выехал из Оренбурга в Москву и Петербург. В столице, куда Шевченко вернулся после ссылки в конце марта 1858 года, Плещеев находился ориентировочно с июля 1858

¹⁴ См.: Там же. С. 35.

¹⁵ Цит. по: *Чуковский К.* Люди и книги шестидесятых годов. Статьи и материалы. Л., 1934. С. 264. Об отношениях Тургенева с украинскими литераторами в 1860–1861 гг. см., например: *Дудко В.* 1) Марко Вовчок у журналі «Основа»: реалії і міфи // Спадщина: Літературне джерелознавство. Текстологія. Київ, 2007. Т. 3. С. 7–56; 2) Журнал «Основа» у листах І. Тургенева // Образ. Київ, 2009. Вип. 10. С. 59–67.

¹⁶ Некоторые исследователи безоговорочно утверждают, что тогда же состоялось личное знакомство Шевченко и Плещеева (см., например: <Письма А. Н. Плещеева к> В. Р. Зотову / Публ. Г. М. Фридлендера // *Лит Арх.* Вып. 6. С. 297; *Пустильник Л. А.* Плещеев и Тарас Шевченко // *ВЛ.* 1964. № 10. С. 250; *Кулагин А. В.* Плещеев Алексей Николаевич // *Русские писатели.* Т. 4. С. 650). Однако известные до сих пор источники не дают оснований для столь однозначного вывода. Более корректно высказался по этому вопросу Л. Ф. Хинкулов, отметивший, что личные встречи Шевченко с Плещеевым в ссылке «не задокументированы, но весьма вероятны» (*Хинкулов Л.* Шевченко. 3-е изд., испр. и доп. М., 1966. С. 311).

¹⁷ Сохранилось письмо Шевченко к Плещееву от 6 апреля 1855 г. (см.: *Шевченко Т.* Собр. соч. Т. 5. С. 343–344).

¹⁸ См.: *Павлюк М.* З літературних взаємин оренбурзьких засланців (Шевченко — Желіговський — Плещеев) // Збірник праць 19-ї наукової шевченківської конференції. Київ, 1972. С. 108–126.

до начала мая 1859 года.¹⁹ В это время он перевел на русский ряд стихотворений Шевченко, в частности: «Минають дні, минають ночі...» (1845), «Утоптала стежечку...» (1848), «Сон» («На панщині пшеницю жала...») (1858). Переводы всех трех произведений появились в печати ранее украинских оригиналов — это позволяет утверждать, что они были осуществлены по авторским рукописям.²⁰ Приведенные факты являются важными свидетельствами петербургских контактов Шевченко и Плещеева. О том, что писатели встречались в указанный период, свидетельствует также письмо Плещеева к М. А. Маркович от 26 июня 1870 года. В нем Плещеев, в частности, отметил: «Когда-то я был Вам представлен покойным Шевченкой; по возвращении моем из Оренб<ургского> края <...>».²¹

Рассмотрение прозвучавшего в письме Плещеева отзыва о Тургеневе на фоне всех известных контактов обоих писателей, представление о которых мы можем почерпнуть из печатных источников, дает основания утверждать, что на момент написания письма Шевченко был единственным украинцем в их литературном окружении. Отзыв этот возник, когда знакомство Шевченко и Тургенева только началось, и они оба проявляли заинтересованность в общении друг с другом.

Приведенные факты позволяют с уверенностью заключить, что именно Шевченко так восхищенно высказался о Тургеневе в разговоре с Плещеевым. До недавнего времени — до уточнения даты упоминавшегося выше письма украинского писателя к Н. Я. Макарову — не было достаточных оснований рассматривать приведенное Плещеевым высказывание как принадлежащее Шевченко, поскольку исследователи не располагали достоверными данными о его знакомстве с Тургеневым до 10 февраля 1859 года.

¹⁹ См: Письма к А. Н. Плещееву Н. А. Добролюбова / Публ. Л. С. Пустильник // *Лит Арх*. Вып. 6. С. 408.

²⁰ См.: Мазуркевич О. Р. Шевченко і петрашевці // Російсько-українське літературне єднання. Київ, 1953. Вип. 1. С. 212–213; Павлюк М. М. 1) Провідні ідейні тенденції в ранніх перекладах творів Шевченка на російську мову. С. 206–207; 2) Плещеев як перекладач Шевченка. С. 58–62.

²¹ <Письма А. Н. Плещеева к> М. А. Маркович / Публ. А. Н. Степанова // *Лит Арх*. Вып. 6. С. 321. Знакомство автора с адресатом данного письма могло состояться с конца января до конца апреля 1859 г. (см.: Там же. С. 322–323).

М. Я. Саррина

ТУРГЕНЕВ И АП. ГРИГОРЬЕВ: ТВОРЧЕСКИЙ ДИАЛОГ (1852–1853)

Литературно-критическая деятельность Тургенева, как показывают современные разыскания, не исследована в отечественном литературоведении в полной мере.¹ «Особенно интенсивной», по точному наблюдению Л. Н. Назаровой, она была в конце 1840-х — начале 1850-х годов, когда были созданы статьи, принадлежащие «к числу лучших произведений русской критики того времени, что неоднократно замечалось современниками писателя».² «В кругу московских западников <...>, — считает исследовательница, — после смерти Белинского возлагали на Тургенева большие надежды именно как на литературного критика».³ Критические статьи и рецензии Тургенева, созданные в эти годы, имеют «существенное значение» для понимания как литературно-эстетических воззрений писателя, так и принципов его творческого метода.

Исследователями неоднократно отмечался и тот факт, что многие статьи Тургенева указанного периода заведомо полемичны. Б. Ф. Его-

¹ Н. П. Генералова отметила недостатки хронологического принципа распределения статей, рецензий, предисловий и открытых писем в Полном собрании сочинений и писем Тургенева, следствием которого является разрушение целостного восприятия критического наследия Тургенева (см.: *Генералова Н. П. И. С. Тургенев. Россия и Европа: Из истории русско-европейских литературных и общественных отношений*. СПб., 2003. С. 485–486).

² *Назарова Л. Н. О литературно-критической деятельности Тургенева // Социально-философские концепции русских писателей-классиков и литературный процесс. Межвузовский сборник научных трудов. Ставрополь, 1989. С. 114.*

³ Там же.

ров посвятил фундаментальное исследование литературно-эстетической борьбе, где отметил разгорание «журнальной войны» между московскими и петербургскими журналами, в частности между «Современником» и «Москвитянином» в начале 1850-х годов.⁴ Л. Н. Назарова, исследуя отзывы о критических статьях Тургенева, также приводит факты журнальной полемики и называет одного из главных идеологов «молодой редакции» московского журнала Ап. Григорьева «антагонистом Тургенева».⁵

Наблюдения отечественных литературоведов позволяют сделать вывод о том, что в начале 1850-х годов творческий диалог Григорьева и Тургенева был наиболее интенсивным. Б. Ф. Егоров, высказав наблюдение о воздействии на Григорьева литературно-критических статей Тургенева, так пишет о новаторстве Тургенева-критика, деятельность которого оценивает очень высоко: «Тургенев, например, на протяжении всех сороковых годов, то есть одновременно со славянофилами и с Белинским и задолго до Островского и Ап. Григорьева, серьезно думал (и частично реализовал это в художественном творчестве) о сущности русского национального характера, а в период „мрачного семилетия“ неоднократно высказывался на эту тему в своих статьях <...>. И несколько не меньше славянофилов или Ап. Григорьева Тургенев тревожился по поводу всеобщего „раздробления“, по поводу измельчания литературы и критики».⁶ Среди конкретных наблюдений ученого следует отметить следующее: «Не исключено, что Григорьев стал применять „одоральные“ (обонятельные) эпитеты к социальным и эстетическим понятиям под влиянием И. С. Тургенева <...>. Вообще Тургенев, вероятно, оказал своими статьями значительно большее влияние на Григорьева периода „мрачного семилетия“, чем это можно было бы предполагать, зная органическую вражду Григорьева того времени к статьям некрасовского „Современника“».⁷ Это наблюдение и общую оценку влияния литературно-критических статей писателя поддержала и Л. Н. Назарова.⁸

⁴ См.: *Егоров Б. Ф.* Борьба эстетических идей в России середины XIX века. Л., 1982. С. 16–39.

⁵ *Назарова Л. Н.* О литературно-критической деятельности Тургенева. С. 115.

⁶ *Егоров Б. Ф.* Борьба эстетических идей в России середины XIX века. С. 20.

⁷ Там же. С. 256. Б. Ф. Егоров приводит характеристику Тютчева и Фета из рецензии Тургенева на «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» С. Т. Аксакова: «им более всего доступен запах красоты, и слова их душисты» (*Егоров Б. Ф.* О мастерстве литературной критики. Жанры. Композиция. Стиль. Л., 1980).

⁸ *Назарова Л. Н.* О литературно-критической деятельности Тургенева. С. 115.

Сказанное позволяет поставить вопрос о «реконструкции» творческого диалога писателя и критика в начале 1850-х годов в качестве актуальной научной задачи. Об особой напряженности этого диалога, безусловно, свидетельствует факт написания Тургеневым полемически заостренного против Григорьева и уничтоженного писателем по настоянию друзей предисловия к отдельному изданию цикла «Записки охотника» (1852). Первым условием такой «реконструкции» является изучение всех отзывов Григорьева о критических статьях и рецензиях Тургенева указанного периода.

В содержательной статье «К вопросу об оценке литературно-критической деятельности И. С. Тургенева его современниками (1851–1853 годы)» и в преамбуле к разделу «Критические статьи и рецензии» в Полном собрании сочинений и писем писателя Л. Н. Назарова правомерно уделяет большое внимание истории создания статьи «„Племянница“. Роман, соч. Евгении Тур» и откликам на нее как самой писательницы (под этим псевдонимом скрывалась графиня Е. В. Салиас де Турнемир) и ее окружения, так и в периодической печати. Рассматривая эту статью в связи с работой Тургенева над романом «Два поколения», исследовательница отмечает, что в ней писатель «по существу изложил свою теорию романа, высказался по поводу будущего развития этого жанра в России, где, по его мнению, возможны лишь романы сандовского и диккенсовского типа, т. е. романы с социальной проблематикой и социальными типами».⁹ Исследовательница констатирует местами «иронический и снисходительный»¹⁰ тон рецензии на роман Е. Тур, которая была одобрена кругом Грановского, но очень рассердила автора. Об этом свидетельствует письмо тогдашнего приятеля Тургенева Е. М. Феоктистова, сообщавшего, что графиня Е. В. Салиас «крайне недовольна статьею, находит ее весьма неблагоприятною для себя и думает, что она только повредит роману». Сам же корреспондент Тургенева считал, что статья «сверху донизу написана ужасно умно и вполне блестящим образом», что недостатки романа взяты «очень верно и ловко и развиты блестящим образом», однако отмечал, что некоторые выражения статьи «достаточно жесткие»¹¹ и что многие отмечают «несколько *покровительственный*

⁹ ПССиП(2). Соч. Т. 4. С. 657.

¹⁰ Там же.

¹¹ Письмо Феоктистова к Тургеневу от 14 (26) января 1852 г.: Письма Е. М. Феоктистова к И. С. Тургеневу. Ч. 1: 21 февраля 1851 — 29 марта 1852 / Публ. Э. Г. Гайнцевой // Ежегодник Рукописного Отдела Пушкинского Дома на 1998–1999 год. СПб., 2003. С. 193.

тон» рецензии.¹² Представляет интерес и другое свидетельство Феоктистова: «Критика Ваша на „Плем<янницу>“ понравилась тут многим умным людям, — но москвитянины на нее в ярости и хотят разбирать ее».¹³ Очень высоко отозвался о рецензии В. П. Боткин, писавший, что «все, не принадлежащие к маленькому приходу графини, — решительно восхищаются» статьей Тургенева.¹⁴

В комментариях к статье в Полном собрании сочинений и писем Тургенева Л. Н. Назарова приводит отзывы о ней в периодической печати, в частности, цитату из обзора первой книги «Современника» за 1852 год в № 3 журнала «Москвитянин». Обозреватель констатирует редкость справедливых отзывов о литературных произведениях, которая обусловлена доминированием «посторонних отношений» авторов рецензий, и отмечает как приятное исключение «явное желание рецензента сказать правду, как он ее разумеет».¹⁵ Однако у автора обзора вызвали возражения изложенное «неясно <...> деление талантов на объективные и субъективные», «деление публики на критиков и читателей» (о которых автор статьи «думает дурно») и «мнение рецензента, будто Евгения Тур — русская женщина». «Евгения Тур — женщина умная, талантливая, замечательная в литературе, — возражает обозреватель, — но где же русские черты?»¹⁶ Общий вывод критика «Москвитянина» таков: рецензия «отличается некоторой бесцеремонностью в тоне, которой можно было бы избежать без вреда истине».¹⁷ Конечно, столь благоприятный отклик о статье Тургенева был вызван в том числе и тем, что в нем прозвучала критика «своих», то есть московских западников, к которым можно причислить круг гр. Салиас, а также круг Т. Н. Грановского. Не случайно сама графиня писала одному из своих

¹² Письма Е. М. Феоктистова к И. С. Тургеневу. Ч. 1. С. 198. Письмо от 28 января (9 февраля) 1852 г.

¹³ Там же.

¹⁴ В. П. Боткин и И. С. Тургенев. Неизданная переписка. 1851–1869. По материалам Пушкинского Дома и Толстовского музея / Приготовил к печати Н. Л. Бродский. М.; Л., 1930. С. 12.

¹⁵ <Филиппов Т. И.> Современник. Январь 1852 года. № 1 // Москвитянин. 1852. № 3. С. 87. Об авторстве см.: Егоров Б. Ф. Аполлон Григорьев — критик. Ст. 1. Приложения. 1 // Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Тарту, 1960. Вып. 98. С. 230–231.

¹⁶ Москвитянин. 1852. № 3. С. 87.

¹⁷ Там же. С. 88.

друзей: «Если о романе отзывается так дружеский журнал, что же скажут другие — враги». ¹⁸

Вероятно, и сотрудники журнала «Современник», и московские западники, ожидавшие ответа от «ярых москвитянинов», были уверены, что автором отзыва о статье Тургенева является Григорьев, который до 1852 года готовил обозрения «Современника» в московском журнале. Этой же точки зрения придерживалась Л. Н. Назарова. Между тем атрибуция этой рецензии кажется очевидной лишь на первый взгляд. Трудность атрибуции обусловлена, во-первых, тем, что она не была подписана, во-вторых, отсутствием единых стандартов в оформлении раздела «Критика. Журналистика» в редакции журнала «Москвитянин». Обозреватели (Т. Филиппов, Б. Алмазов, Е. Эдельсон) не подписывали свои рецензии, и лишь Григорьев в первых номерах ставил криптоним «Г.». Подпись «А. Григорьев» критик поставил только после четвертой, итоговой статьи обзора «Русская литература в 1851 году». Обзоры «Библиотеки для чтения» шли в разделе «Журналистика» после обзоров «Современника» и «Отечественных записок», и криптоним «Г.» в конце раздела в первых номерах за 1852 год мог привести читателей к выводу о том, что Григорьев обозревал все указанные выше журналы.

В статье «Аполлон Григорьев — критик» Б. Ф. Егоров приводит факты, убедительно доказывающие, что в 1852 году Григорьев и Т. И. Филиппов «поменялись» журналами: первый стал обозревать «Библиотеку», второй — «Современник». ¹⁹

Можно выдвинуть несколько предположений о причинах такой замены. Во-первых, это разногласия внутри редакции журнала «Современник», которые привели к уходу из журнала А. В. Дружинина, родоначальника жанра месячного обозрения, которое «сливалось с фельетоном». ²⁰ С мая 1851 года обозревателем журналов в «Современнике» стал И. И. Панаев, для ежемесячных обзоров которого, так же как и для обзоров Дружинина, были характерны «внешняя занимательность» и «легковесные отступления». ²¹ Однако фельетоны Панаева отличала большая категоричность, «бесцеремонность и фамильярность». ²² Оче-

¹⁸ Письмо к К. Н. Бестужеву-Рюмину, датированное предположительно серединой января 1852 г. Цит. по: Письма Е. М. Феоктистова к И. С. Тургеневу. Ч. 1. С. 194. Датировка Э. Г. Гайнцева.

¹⁹ Егоров Б. Ф. Аполлон Григорьев — критик. Ст. 1. Приложения. 1. С. 231.

²⁰ Егоров Б. Ф. Борьба эстетических идей в России середины XIX века. С. 49.

²¹ Там же. С. 51.

²² Там же.

видно, что Григорьев, вообще не склонный к «сенковщине» (термин Краевского), не мог быть хорошим фельетонистом и «соперничать» с Панаевым в остроумии иронических высказываний по поводу литературных произведений. Однако есть и другая, безусловно более важная причина. Григорьев высоко ценил талант и образованность Дружинина, называя его «самым парадоксальным, но вместе самым образованным и самым умным из наших критиков».²³ Поэтому после ухода Дружинина в журнал «Библиотека для чтения» Григорьев стал обозревать именно этот журнал.

Нужно признать, что ошибочность выбора кандидатуры обозревателя «Современника» в «Москвитяине» поняли очень быстро. Ведь Третий Иванович Филиппов отличался от других сотрудников «молодой редакции» «Москвитянина» религиозностью, консерватизмом и в то же время «большой терпимостью к мнениям, исходящим из „чужого“ лагеря»,²⁴ за что его и критиковал Григорьев. Так, на отзыв о статье Тургенева «Несколько слов о новой комедии г. Островского „Бедная невеста“» Григорьев откликнулся неодобрительно: «Статье г. И. Т. (о „Бедной невесте“) отдана была полная справедливость в нашем журнале <...> — хотя рецензент наш взглянул, как нам кажется, слишком снисходительно на ее поучительный тон».²⁵

Филиппов также не мог конкурировать в жанре обзора с Панаевым, и весной 1852 года обозревателем «Современника» стал Б. Н. Алмазов, «живой, ироничный, полный энергии и молодой непрактичности», стремившийся «ругаться и драться».²⁶

Исследования Б. Ф. Егорова позволяют внести ряд важных дополнений в изучение «критического полотна» вокруг произведений Тургенева и обозначить проблему изучения отношения Григорьева к рецензии Тургенева и к творчеству писательницы Е. Тур. Мнение Григорьева о статье Тургенева не известно, ведь короткая реплика Феоктистова о «ярости москвитянинов» не является абсолютным доказательством отрицательного отношения Григорьева к рецензии Тургенева. Можно лишь предположить, что написал бы Григорьев, если бы продолжал

²³ Григорьев А. А. Русская изящная литература в 1852 году // Москвитянин. 1853. № 1. С. 16. Далее — *Русская изящная литература в 1852 году*.

²⁴ Егоров Б. Ф. Борьба эстетических идей в России середины XIX века. С. 31.

²⁵ <Григорьев А. А.> Библиотека для чтения. Апрель. № 4 // Москвитянин. 1852. № 9. С. 40. Об авторстве см.: Егоров Б. Ф. Аполлон Григорьев — критик. Ст. 1. Приложения. 1. С. 229–231.

²⁶ Егоров Б. Ф. Борьба эстетических идей в России середины XIX века. С. 33.

обозревать «Современник». Вероятно, в своем отзыве Григорьев затронул бы ряд чрезвычайно важных для него вопросов.

Разумеется, Григорьеву была близка мысль Тургенева о «постоянной внутренней связи» таланта «с жизнью вообще — этого вечного источника всякого искусства — и с личностью писателя в особенности» и о «необходимой духовной связи»²⁷ между героями и автором. Эти идеи, вполне вписывающиеся в идеологию «почвенничества», писатель развил позднее в статье «Несколько слов о стихотворениях Ф. И. Тютчева» (1854): «...мы восстаем только против отделения таланта от той **почвы**, которая одна может дать ему и **сок и силу** <Выделено мною. — М. С.> — против отделения его от жизни той личности, которой он дан в дар, от общей жизни народа, к которой как частность принадлежит сама та личность».²⁸ Недаром Тургенев согласился с наблюдением П. В. Анненкова о «роковой связи, которая находится между талантом и жизнью»: «Никто больше меня не признает той роковой связи между жизнью и литературной деятельностью, о которой Вы говорите — но эту связь не сами мы делаем — вот в чем штука».²⁹ Именно «соразмерность» таланта и жизни является, по Тургеневу, признаком гениального творца: «...на одном г. Тютчеве лежит печать той великой эпохи, к которой он принадлежит и которая так ярко и сильно выразилась в Пушкине; в нем одном замечается та соразмерность таланта с самим собою, та ответственность его с жизнью автора — словом, хотя часть того, что в полном развитии своем составляет отличительные признаки великих дарований».³⁰

Мысль Тургенева о связи литературы и жизни почти тождественна концепции Григорьева об «органичности» литературы, о ее связи с жизнью, со временем и почвой, о произведении искусства как отражении мирозерцания поэта. «Широта или узкость мирозерцания обуславливается эпохой, страной, одним словом, временными и местными историческими обстоятельствами»,³¹ — писал критик. По мысли Турге-

²⁷ ПССиП(2). Соч. Т. 4. С. 473, 474.

²⁸ Там же. С. 525. В этой статье очень много метафор и сравнений, близких «растительным» метафорам Григорьева периода «органической критики». Например: «Из отрубленного, высохшего куска дерева можно выточить какую угодно фигуру; но уже не вырасти на том суке свежему листу, не раскрыться на нем пахучему цветку, как ни согривай его весеннее солнце» (Там же).

²⁹ Там же. Письма. Т. 2. С. 207. См. также примечания к цитируемому письму Тургенева к Анненкову от 24 февраля (8 марта) 1853 г. (Там же. С. 511).

³⁰ Там же. Соч. Т. 4. С. 524.

³¹ Г<Григорьев А. А.> Русская литература в 1851 году. Статья вторая. Общий взгляд на современную изящную словесность и ее исходная историческая точка //

нева, отделение таланта от «почвы» и личности творца ведет писателя к «дешевой власти его над своим опошленным вдохновением», к превращению «живого дарования» в «мертвую игрушку».³² Проблема сочинительства, «заданной наперед мысли», которая приводит к ложному взгляду на действительность и к созданию мертвых, ложных образов, является одной из основных в критических статьях Григорьева начала 1850-х годов. В частности, за присутствие «заданной наперед мысли» он критиковал некоторые рассказы самого Тургенева.

Статья Тургенева о романе «Племянница» и первая статья годового обзора Григорьева «Русская литература в 1851 году» были опубликованы в январских номерах журналов «Современник» и «Москвитянин» за 1852 год. Уже сам факт одновременного обращения писателя и критика к проблеме мировоззрения художника и взаимоотношений автора и его героев является, безусловно, очень значимым. Чрезвычайно важно также, что критик и писатель одновременно ставили вопрос о психологии творчества. Фактически именно эту проблему решала «историческая критика» Григорьева. Тургенева также волновала тайна «сущности связи» между «живыми» (Выделено мною. — М. С.) героями и их гениальным творцом (Гоголем), разрешение «которой подпадает уже не критике, а психологии». Эпитет «живой» очень значим и в данной статье Тургенева, и в работах Григорьева. По мысли критика, «истинный художник сам верует в разумность создаваемой им жизни, свято дорожит правдою, и оттого мы в него веруем», поэтому в произведениях истинного гения всегда есть подлинная жизнь, «сквозит очевидно созерцаемый им идеал».³³ Размышляя о тайне творческого процесса, Григорьев цитирует строки из «Портрета» Гоголя: «предметы видимого мира отразились сперва в душе самого художника», считая, что образы могут быть «не мертвыми сколками с видимых явлений, а живыми, самостоятельными созданиями», только если в них «просвечивает душа создавшего».³⁴ Тургенев, размышляя о творчестве Гоголя, еще в 1845 году в статье, вышедшей анонимно на французском языке в газете «Illustration», высказал аналогичное, очень тонкое наблюдение об искусстве Гоголя «вдыхать жизнь во все описания вещей и людей» и о «живом и глу-

Москвитянин. 1852. № 2. С. 16. Работа Григорьева «Русская литература в 1851 году» (в 4-х статьях) была опубликована вновь только один раз, в издании под редакцией В. С. Спиридонова (*Григорьев А.* Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. Пг., 1918. Т. 1. С. 96–140. Этот том, к сожалению, оказался единственным).

³² ПССиП(2). Соч. Т. 4. С. 525.

³³ Г<ригорьев А. А.> Русская литература в 1851 году. Статья вторая. С. 18.

³⁴ Там же. С. 18–19.

боком вдохновении, которое одушевляет произведение искусства подобно факелу Прометея».³⁵ И для Тургенева, и для Григорьева именно критерий «живой/неживой» является основным для оценки художественных образов, ведь живые образы способен создавать только гениальный художник.³⁶

Роману «Племянница» Григорьев уделил большое внимание в четвертой статье годового обзора «Русская литература в 1851 году». Образы героев романа и писатель и критик оценивают в соответствии с критерием «живой/неживой». Если Тургенев подробно останавливается на образе Чельского («Князь Чельский тоже неживое лицо»),³⁷ то Григорьев — на образе Ильменева. Для Григорьева Ильменев является «представителем идеальных стремлений в романе и в сердце героини», однако в этом персонаже «нет ничего *живого*, типического» (Выделено мною. — М. С.): «...Ильменев ходячая абстракция, часто смешная и как будто умышленно поставленная в положение жертвы. <...> в нем крови нет, жизни нет, он слишком апатичен, чтобы можно было ставить во что-нибудь его жертвы. Таких людей не бывает...».³⁸ Критик делает вывод о том, что если бы автор точно верил в «высшие требования» (олицетворением которых является Ильменев), то герой этот получился

³⁵ ПССиП(2). Соч. Т. 12. С. 515, 514. Подлинник по-франц. Об истории атрибуции этой статьи и дополнительные аргументы в пользу авторства Тургенева см.: Генералова Н. П. И. С. Тургенев. Россия и Европа. С. 89–92.

³⁶ Определение «живой» образ Григорьев использовал еще в 1850 г. В своей части обзора «Русская литература в 1849 году», критикуя романы «Кто виноват?» Герцена за «отсутствие соразмерности частей и принесение всего в жертву заданной мысли» и «Обыкновенная история» Гончарова за «натянутое развитие наперед заданной мысли», Григорьев отметил: «...г. Тургенев — истинный художник, и образы, созданные им — действительно *живые* существа, а не куклы, на которых в виде ярлычка наклеены известные идеи» (ОЗ. 1850. Т. 68. № 1–2. Отд. V. С. 16). Авторство Григорьева в данной части «Обзрения русской литературы за 1849 год» было установлено Б. Ф. Егоровым (см.: Егоров Б. Ф. Аполлон Григорьев — критик. Ст. 1. Приложения. 1. С. 229). В 1852 г., в статье о комедии «Бедная невеста» Тургенев использует сравнение, аналогичное сопоставлению Григорьева «деланных» образов героев, выражающих «заданную мысль», «куклам с ярлычками»: «К чему, спрашивается, человеку с талантом г. Островского приклеивать своим героям такие ярлыки, напоминающие свитки с словами, выходящие изо рта фигур на средневековых картинках!» (ПССиП(2). Соч. Т. 4. С. 494).

³⁷ Там же. С. 483.

³⁸ Григорьев А. Русская литература в 1851 году. Статья четвертая и последняя. Литературные явления прошедшего года // Москвитянин. 1852. № 4. С. 106. Григорьев полностью выставил свое имя лишь под четвертой, завершающей статьей обзора (первая и третья статьи шли без подписи, вторая под криптонимом «Г.»).

бы совсем другим и смог бы оказать на Машу гораздо большее влияние. Но вероятно, что «эти требования в душе героини романа только роскошь, только прихоть изящной светской натуры».³⁹ Говоря о чувствах главной героини, Григорьев подразумевает, несомненно, автора романа. И поскольку чувства и мысли автора о герое не «рождены», а сочинены, являются «роскошью», «прихотью», или — говоря словами Тургенева — в них не «струится» «собственная кровь» творца, то и образ получился «неживым».⁴⁰

Удивительную близость суждений писателя и критика ярко иллюстрирует сравнение процитированного выше отрывка из отзыва Григорьева о романе «Племянница» (статья опубликована в феврале 1852 г.) и следующий фрагмент из рецензии Тургенева «Несколько слов о новой комедии г. Островского „Бедная невеста“» (опубликована в марте 1852 г.): «Марья Андреевна — лицо решительно неживое: она вся сочинена; впечатление, оставляемое ею, неясно <...>».⁴¹ Читателю «в самое существование Марьи Андреевны <...> плохо верится; а жертва ее не возбуждает в нем ни сожаления, ни ропота».⁴² Образ Марьи Андреевны именно потому «не удался», что он сочинен, что в нем нет «жизненной необходимости». «Видно, что г. Островский **хотел создать** <Выделено мною. — М. С.> в Марье Андреевне лицо значительное...»,⁴³ — пишет

³⁹ Григорьев А. Русская литература в 1851 году. Статья четвертая. С. 106.

⁴⁰ Необходимо отметить, что оппозиция «созданное» / «сочиненное» впервые возникла в ранней работе Белинского «Литературные мечтания». Б. Ф. Егоров, отмечая влияние на Григорьева работ раннего Белинского, писал об использовании Григорьевым лексических и стилистических приемов автора «Литературных мечтаний»: «Например, следующие фразы молодого Белинского как будто бы написаны самим Ап. Григорьевым: „...Бальзак не выдумал, а создал его <образ Феррагуса. — Б. Е.>, оттого, что он мерещился ему прежде, нежели была написана первая строка повести, что он мучил художника до тех пор, пока он не извел его из мира души своей в явление, для всех доступное“ <...>; „...такие создания или не выношены в душе, не рождены, а выкинуты, как недоноски, прежде времени, или <...> авторы, вследствие своих ложных понятий об искусстве или вследствие целей и расчетов каких-нибудь, хитрили и мудрили или писали иногда в холодные, прозаические минуты...“ <...>» (Егоров Б. Ф. О мастерстве литературной критики. Жанры. Композиция. Стилль. С. 87–88).

⁴¹ ПССиП(2). Соч. Т. 4. С. 496. Аналогичное замечание об образе главной героини высказал в письме к Тургеневу В. П. Боткин: «Главное лицо, — бедная невеста, — не внушает к себе участия, потому что не веришь ей, от нее пахнет сочинительством, а не живым человеком» (В. П. Боткин и И. С. Тургенев. Неизданная переписка. С. 22).

⁴² ПССиП(2). Соч. Т. 4. С. 498.

⁴³ Там же.

Тургенев, видя в этом причину отсутствия жизни в ее образе. Григорьев бы написал так: в образе «присутствует заданная наперед мысль», поэтому он ложен. Необходимо отметить, что о присутствии «теоретического начала в комедии», о «теории, предпосланной художнической работе»,⁴⁴ как о причине «неопределенного, неудачного» образа Марьи Андреевны писали и другие критики, однако термин «неживой» образ употребил именно Тургенев. Возможно, именно после Тургенева этот термин стал активно использоваться петербургскими критиками. Например, рецензент «Отечественных записок» А. Д. Галахов в статье о «Бедной невесте» (ОЗ. 1852. № 4) писал, что некоторые образы комедии «хороши, потому что верны действительности и ясно представлены».⁴⁵ А уже год спустя в рецензии на комедию «Не в свои сани не садись» (ОЗ. 1853. № 4) речь идет об искусстве автора, состоявшем «не в том, чтобы прикрасить данный простой материал и придать ему мнимое разнообразие выдумками своего изобретения, но в том чтобы облечь его в художественную форму, то есть обставить его **живыми** <Выделено мною. — М. С.> характерами <...>».⁴⁶ В фельетоне «Современные заметки» (Современник. 1853. № 4) Панаев также характеризует образы Русакова и Бородкина как «живые лица, взятые из жизни, без всяких прикрас».⁴⁷

Сопоставление рассуждений Тургенева и Григорьева о сочинительстве в литературе позволяет говорить об определенной общности критериев в оценке художественного произведения. По-видимому, вдумчивый, серьезный диалог писателя и критика по этой проблеме в печати и переписке был невозможен из-за непримиримого антагонизма между «Современником» и «Москвитянином», а также из-за исключительно насмешливого тона и предвзятого отношения петербургских литераторов к творчеству Григорьева.

⁴⁴ <Галахов А. Д.> Бедная невеста // Критическая литература о произведениях А. Н. Островского. М., 1906. Вып. 1 (1852–1859) / Издание составил Н. Денисюк. С. 125. Об авторстве см.: Егоров Б. Ф. Ошибочно приписанные С. С. Дудышкину статьи // Ученые записки Тартуского гос. ун-та. 1962. Вып. 119. С. 230.

⁴⁵ <Галахов А. Д.> Бедная невеста // Критическая литература о произведениях А. Н. Островского. С. 128.

⁴⁶ <Кудрявцев П. Н.> Не в свои сани не садись // Там же. С. 159. Об авторстве см.: Островский А. Н. Полн. собр. соч.: В 12 т. М., 1973. Т. 1. С. 542. Комментар. Э. П. Ефременко, Е. И. Прохоровой, Л. П. Смирновой.

⁴⁷ <Новый поэт <Панаев И. И.> Современные заметки. (Заметки и размышления Нового Поэта по поводу русской журналистики) // Критическая литература о произведениях А. Н. Островского. С. 153. Авторство раскрыто в оглавлении сборника.

В какой-то степени этот общий иронический тон именно по отношению к Григорьеву взял и Тургенев в своей работе о комедии Островского «Бедная невеста». Однако сопоставление работ писателя и критика заставляет задуматься, касалась ли эта ирония общих положений эстетики Григорьева. Слишком во многом рецензии Григорьева словно повторяли, дополняли мысли самого Тургенева. Вряд ли покажется случайным совпадением и то, что наблюдения критика о «сочинительстве», неуместном острословии некоторых рассказов из цикла «Записки охотника» высказаны именно во время размышлений писателя о необходимости «новой манеры» с обязательной реалистичностью описания, типичностью живых образов и простотой повествования.

Рассуждения Тургенева о «живых» образах связаны с одним из основных положений его статьи «„Племянница“». Роман, соч. Евгении Тур», где писатель высказал мысль о двух типах произведений: первые живы потому, что «в них самостоятельно сосредоточивалось живое начало» (то есть они отделены от личности самого писателя), и вторые, «пожалуй, тоже могут стоять на своих ножках, но рука, их поставившая, от них не отнимается, пульс их бьется не своею кровью, вера в их существование сопрягается с некоторым усилением».⁴⁸ В последних при недостатке мастерства и истинности больше «искренности, задушевности и теплоты», независимые же таланты создают живые образы, то есть типы. Относя талант Е. Тур ко второму разряду, писатель отмечает, что многие лица героев ее романа «бледны, лишены той цепкости типической, той жизненной выпуклости, которые одни не дают себя забыть».⁴⁹ «...Ни одно из лиц этого романа, за исключением Антонины, не останется в памяти читающей массы <...>», — делает вывод Тургенев.⁵⁰

Эту мысль писатель развил в статье о комедии Островского, сама идея которой была подсказана Тургеневу едва ли не Е. М. Феоктистовым, писавшим 17–18 (29–30) марта 1851 года: «Признаюсь Вам, я подумал, слушая эту статью <Речь идет о рецензии на «Альманах стихотворений, изданный Я. М. Поздняковым...», напечатанной в № 3 «Современника» за 1851 г. — М. С.>, что бы Вам написать несколько страниц об школе Островского. Она теперь высказывается мало-помалу в „Москвитян<ине>“».⁵¹ При этом корреспондент Тургенева недвусмысленно намекал на то, кто должен стать главным объектом его кри-

⁴⁸ ПССиП(2). Соч. Т. 4. С. 474.

⁴⁹ Там же. С. 481.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Письма Е. М. Феоктистова к И. С. Тургеневу. Ч. 1. С. 163.

тики: «Так, например, если Вы читаете его <<Москвитянин». — М. С.>, то могли заметить, что Григорьев при разборе „Пантеона“ откровенно признался, что он и К^о не слишком высоко ставят Мольера».⁵² Правда, это пожелание было осуществлено Тургеневым лишь через год.

«Торжество поэтической правды», писал Тургенев в статье «Несколько слов о новой комедии г. Островского „Бедная невеста“», наступает, «когда образ, взятый художником из недр действительности, выходит из рук его типом, и самое название, как, например, название Хлестакова, теряет свою случайность и становится нарицательным именем».⁵³ Позднее, в Речи на открытии памятника Пушкину в Москве, писатель прямо назвал способность создавать типы признаком гениальности художника: «Ограничимся замечанием, что Пушкин в своих созданиях оставил нам множество образцов, типов (еще один несомненный признак гениального дарования!), — типов того, что совершилось потом в нашей словесности».⁵⁴ Талант Гоголя писатель относит к «независимым», в его произведениях лица «стоят, как говорится, на своих ногах, как живые».⁵⁵ Островский же на глазах читателей «забирается в душу каждого из лиц, им созданных; но мы позволим себе заметить ему, что эта бесспорно полезная операция должна быть свершена автором предварительно. Лица его должны находиться уже в полной его власти, когда он выводит их перед нами».⁵⁶ По мысли писателя, талант Островского второго разряда, то есть объективный. Пульс его героев «бьется не своею кровью», поэтому автору не суждено создавать типы.⁵⁷

Мысль Тургенева о двух категориях талантов очень близка идее Григорьева о двух категориях творцов, о которых критик размышлял на примерах театральных актеров: есть актеры — создатели типов (они «способны создавать цельные, полные типы, отрешаясь почти совершенно от собственной личности») и актеры, изображающие личность.

⁵² Там же.

⁵³ ПССиП(2). Соч. Т. 4. С. 492.

⁵⁴ Там же. Т. 12. С. 346.

⁵⁵ Там же. Т. 4. С. 474.

⁵⁶ Там же. С. 495.

⁵⁷ Эта мысль Тургенева тоже была «подхвачена» петербургской критикой. Например, в рецензии на комедию «Не в свои сани не садись» (ОЗ. 1853. № 4) читаем: «Вообще, поэтическим созданиям г. Островского недостает этой удивительной прозрачности в характерах, к которой приучены мы Гоголем, <...> или, пожалуй, создания г. Островского и прозрачны настолько, что за ними нередко видится, чувствуется движущая ими рука самого автора и временем даже управляющая их действиями» (Критическая литература о произведениях А. Н. Островского. С. 164).

Эти актеры «на всякое создание налагают клеймо своей собственной личности, создают, так сказать, чертами, а не целостно».⁵⁸

Проблему типа в литературном произведении Григорьев затронул в нескольких статьях начала 1850-х годов, однако более подробно проанализировал ее позднее. В работе о творчестве Проспера Мериме критик сначала дал определение объективности: это «свойство человека отождествляться с представляемым, описываемым, изображаемым им предметом, способность отрешаться от своей личности и ее обстановки и переноситься в чужие личности с иною обстановкой». Объективность является обязательной для художника, который «потому и художник, что он воспроизводит типы — отрешает впечатления от всего частного, личного, случайного — и возводит его в перл создания».⁵⁹ Далее критик выделил три ступени объективности: способность замечать и копировать точно явления действительности, «синтетическую, непосредственную» способность «видеть орлиным оком общее в частном», то есть создавать типы, которые являются «общими, отрешенными образами повседневных явлений», и третью высшую ступень: «силу, воодушевленную идеалом».⁶⁰ Высшей ступени достигли лишь гении: Шекспир, Гёте, Гоголь.

Сопоставление критических статей Тургенева и Григорьева позволяет с уверенностью говорить о том, что проблема типа в художественном произведении была в начале 1850-х годов чрезвычайно значимой и для писателя, и для критика. Более того: можно даже утверждать, что в восприятии проблемы «типа» и «типизации» у Тургенева больше общего с Григорьевым, чем с Белинским, понимавшим «типическое в духе принципов „натуральной школы“ <...> именно как типологическое, закономерное для *многих* сходных явлений»,⁶¹ и настаивавшим на типизации как на необходимом жанровом признаке беллетристики.

Понятие «объективного» было неразрывно связано для Тургенева с проблемой «субъективности» и «искренности» в искусстве. Вероятно, рецензия на роман Е. Тур писалась во многом с намерением решить прежде всего для себя, при переходе к «новой манере», проблему соот-

⁵⁸ Григорьев А. А. Театральная критика / Под ред. А. Я. Альтшуллера и Б. Ф. Егорова. Л., 1985. С. 78.

⁵⁹ <Григорьев А. А.> Современные лирики, романисты и драматурги. П. Мериме // Москвитянин. 1854. № 11. С. 133–134. Авторство раскрыто в оглавлении. Об авторстве также см.: Егоров Б. Ф. Аполлон Григорьев — критик. С. 231–232.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Егоров Б. Ф. О мастерстве литературной критики. С. 127.

ношения «личного взгляда» художника и объективного творчества. В отличие от многих рецензентов «Племянницы», Тургенева волновал не столько гендерный аспект («женский роман» как жанр), сколько выявление признаков субъективизма в творчестве и попытка дать оценку понятию «субъективного». Эти размышления писатель продолжил в рецензии на «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» С. Т. Аксакова.

Аксаков, по мнению Тургенева, объективен, то есть «смотрит на природу (одушевленную и неодушевленную) не с какой-нибудь исключительной точки зрения, а так, как на нее смотреть должно: ясно, просто и с полным участием; он не мудрит, не хитрит, не подкладывает ей посторонних намерений и целей: он наблюдает умно, добросовестно и тонко; он только хочет узнать, увидеть».⁶² Именно такой взгляд на природу, «простота, естественность» отношения к ней, «великие и простые слова», чтобы передать «простоту и величие» природы были у Пушкина, Гоголя и Шекспира, гениев «объективного» творчества. Тургенев называет Пушкина «по духу своему действительно древним поэтом»⁶³ и противопоставляет «простоту, естественность» его отношений к природе творчеству «полуженских поэтических личностей»,⁶⁴ в частности Тютчева, Фета и А. Шенье. Позднее Тургенев напишет о «смеси страстности и спокойствия» в «поэтическом темпераменте» Пушкина, об «объективности его дарования, в котором субъективность его личности сказывается лишь одним внутренним жаром и огнем».⁶⁵ Таким образом, именно «величие и простоту» языка и композиции, «простоту и естественность» взгляда художника на мир считал Тургенев главными составляющими «объективного письма» и стремился к этому при переходе к «новой манере». Отношение к «субъективизму» «полуженских поэтических личностей» у Тургенева в начале 1850-х годов было резко отрицательным. Понятие «субъективного» во многом было синонимично для Тургенева понятию «лирического», поэтому и называл талант Е. Тур «лирическим», «зависимым».

Для Григорьева понятие «субъективного» также было чрезвычайно значимым. Его годовые обзоры литературы служили «для развития понятия искренности через вопрос об объективности и субъективности

⁶² Там же. С. 517.

⁶³ Там же. С. 521.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же. Т. 12. С. 345.

во взгляде поэта на мир». ⁶⁶ Раскрытию понятия «субъективное» и выявлению причин болезненности современной литературы критик посвятил часть годового обзора за 1852 год. Григорьев вновь подверг критике «болезненный бред писателей натуральной школы» ⁶⁷ и высказал тонкое наблюдение о «сближении в общих чертах и мирозерцании» натуральной школы и «болезненной поэзии». Анализируя творчество А. Фета, «поэта субъективного, поэта одной из самых болезненных сторон сердца современного человека», ⁶⁸ Григорьев предпринял попытку (в традициях статей Белинского последнего периода творчества) выделить «физиологические признаки» (термин Григорьева) «болезненной литературы» (поэтической и прозаической): «описывание частных, случайных подробностей действительности», «придача всему случайному значения необходимого», «преобладание особенности и случайности в выражении, <...> дошедших до неясности и причудливого уродства; <...> все такие качества происходят от непомерного развития субъективности». ⁶⁹

Представляется очень важным, что фактически «синхронно» в статьях Тургенева и Григорьева возникают оппозиции «объективность/субъективность», «простота/болезненность» и наблюдения о взаимосвязи «субъективности — болезненности — лиризма» (замечание о «тонко развитых, нервических, раздражительно-поэтических личностях» ⁷⁰ у Тургенева и замечание Григорьева о «некотором оправдании», даже особой «прелести» болезненной манеры в лирике) и недопустимости субъективизма в прозе («объективном роде творчества»). ⁷¹ Важно, что писатель и критик, одновременно констатируя болезненность современной литературы, пытались найти выход из нее: Тургенев — в «новой манере», опираясь на пушкинскую поэзию с ее «простотой и естественностью», Григорьев — в «новом слове» Островского, в его «коренном русском мирозерцании, здоровом и спокойном, юмористическом без болезненности, прямом без увлечений в ту или другую крайность <...>». ⁷²

⁶⁶ *Виттакер Р.* Аполлон Григорьев — последний русский романтик. СПб., 2000. С. 143.

⁶⁷ *Русская изящная литература в 1852 году.* С. 29.

⁶⁸ Там же. С. 42.

⁶⁹ Там же. С. 52–53.

⁷⁰ *ПССиП(2).* Соч. Т. 4. С. 519.

⁷¹ *Русская изящная литература в 1852 году.* С. 53.

⁷² Там же. С. 19. Необходимо отметить, что Григорьев неоднократно критиковал произведения Тургенева за болезненность, субъективизм, отсутствие объективности. Например, в обзоре журнала «Современник» за 1850 г. критик писал: «Беда

В упомянутом выше письме к П. В. Анненкову о «роковой связи литературы и жизни» Тургенев сформулировал важную мысль о том, что литератор, слова которого «получают крепость и прочность жизни народной», способен «сосредоточиться», потому что «у себя в центре опять находит натуру — и всю натуру — потому что сам — натура <...>. Иной сосредоточится — и вдруг делается прост, чист и ясен — как ноль». ⁷³ Возможно, спустя десятилетия, в Речи по поводу открытия памятника Пушкину именно эту мысль повторил Тургенев, назвав Пушкина «поэтом центральным, самому к себе тяготеющим». ⁷⁴ Центристемительные, «положительные» тенденции в русской литературе писатель связывал с поэзией Пушкина, простой, чистой и ясной. В «Предисловии к романам» (в издании 1880 г.) писатель, делаясь сокровенными мыслями, вновь отметил, что «талант настоящий никогда не служит посторонним целям и в самом себе находит удовлетворение; окружающая его жизнь дает ему содержание — он является ее *сосредоточенным*

в том только, что на все свои картины г. Тургенев накладывает туманный, серенький колорит, что на самые простые явления **смотрит он под своим углом зрения**, <...> от этого, читая его произведения, любишь в них поэта, но как-то невольно не доверяешь истине самого создания, чувствуешь как-то, что описываемое было на деле не так, как оно описано, что многому в сущности **неважному или случайному придано значение типического** под влиянием известного настроения души, известного направления мышления» (*Григорьев А. А.* > Современник в 1850 году (Окончание) // Москвитянин. 1851. № 3. С. 386–387. Выделено мною. — *М. С.* Об авторстве см.: *Егоров Б. Ф.* Аполлон Григорьев — критик. С. 229–230). В следующих рецензиях Григорьев вновь советует автору «Записок охотника» не принимать «частное и случайное за типическое» и стряхнуть «гнет болезненного взгляда».

⁷³ ПССиП(2). Письма. Т. 2. С. 207.

⁷⁴ Там же. Соч. Т. 12. С. 347. Важно подчеркнуть, что «простота, чистота и ясность» художественного слова связаны были у Тургенева прежде всего с именем Пушкина, а не Гоголя. Можно даже с большой долей осторожности предположить, что после публикации «Выбранных мест из переписки с друзьями» с именем Гоголя ассоциировалось у писателя представление о «болезненности» в литературе. Недаром в очерке о Гоголе основным является впечатление «усталости, болезненного, нервического беспокойства» Гоголя. «Какое ты умное, и странное, и больное существо!» — пишет в заключении Тургенев (Там же. Т. 11. С. 58). Оговаривая, что натуральная школа не поняла своего учителя, Григорьев также соединял понятия «гоголевские традиции» и «болезненность» литературы, хотя это определение имело у него иную природу в отношении Гоголя, чем у Тургенева (подробнее об отношении к творчеству Гоголя у Тургенева и Григорьева см.: *Саррина М. Я.* Гоголь и Гёте в творческом диалоге И. С. Тургенева и А. А. Григорьева (1845–1850) // Тургеневский ежегодник 2008–2009 года / Сост. и ред. Л. А. Балыкова, Л. В. Дмитрихина. Орел, 2010. С. 58–65).

отражением <...>». ⁷⁵ Не находя «в центре» (то есть в душе) природы, художник, по мысли Тургенева, стремится «наружу», поэтому «только и живет, что бегом то наружу — то внутрь». ⁷⁶ Отсюда рассредоточенность, болезненность литературы. Себя Тургенев также характеризовал с иронией: «...мы с Вами сидим в мелочных лавочках и удовлетворяем ежедневным и преходящим потребностям. Впрочем, и это имеет свою хорошую и полезную сторону <...>». ⁷⁷ Подобная самоирония, возможно, имела почву и в некоторых замечаниях Григорьева о творчестве Тургенева.

При сопоставлении двух рецензий на роман «Племянница» возникает еще одна очень значимая параллель. «Историческая критика» Григорьева рассматривала художественные произведения в их взаимосвязи и преемственности. Так, роман «Племянница» в обзоре литературы за 1851 год Григорьев анализировал с точки зрения принадлежности его к одному из двух ведущих литературных направлений — лермонтовскому или гоголевскому.

Называя творчество Гоголя «исходной точкой» современной литературы, критик утверждал, что «слово Лермонтова» «было не способно к дальнейшему развитию». Сущность лермонтовского направления — «протест личности против действительности», вызванный «болезненным развитием самой личности», а не ясным сознанием идеала. Это «слово борьбы без основ, страданий без исхода» было не способно к дальнейшему развитию, и идущие вслед за Лермонтовым «впали или в смешное <...>, или в безобразный фатализм». ⁷⁸

В годовом обзоре «Русская изящная литература в 1852 году» критик уже констатировал смерть лермонтовского направления, а «самым замечательным остатком, сознательно и бессознательно засвидетельствовавшим все бессилие и бессодержательность этого направления», ⁷⁹ Григорьев назвал роман М. В. Авдеева «Тамарин». Здесь же критик развил мысль о тех представителях школы Лермонтова, которые «впали в смешное», создавая «пословицы» о «разочарованных героях и разочарованных героинях», ⁸⁰ имея в виду использование некоторыми авторами

⁷⁵ ПССиП(2). Соч. Т. 9. С. 396.

⁷⁶ Там же. Письма. Т. 2. С. 207.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Русская литература в 1851 году. Статья третья. Современная словесность в отношении к своей исходной исторической точке // Москвитянин. 1852. № 3. С. 54.

⁷⁹ Русская изящная литература в 1852 году. С. 7.

⁸⁰ Там же. С. 8.

драматического жанра, введенного в литературу А. де Мюссе и получившего название «пословиц». Григорьев назвал эти «пословицы» «невинными отпрысками лермонтовского направления» и выделил их родовые признаки: «великосветская сфера жизни», «разочарованные герои», «развитые женщины, которые преимущественно занимаются тем, что называется технически игрою в чувство», что помогает им показывать «противоестественные свойства прекрасной и изящно развитой личности». ⁸¹ «Главная задача авторов подобных произведений — тонкость: тонкость чувствований, тонкость разговоров, тонкость стана героинь, тонкость голландского белья героев — тонкость такая, что стан, того и гляди переломится <...>; чувства, того и жди — совсем испарятся или улетучатся; тонкость голландского белья чуть не ставится главным признаком достоинства человеческого». ⁸² «Претензии на разочарование» — вот главная отличительная черта этих «отпрысков лермонтовского направления».

Возвращается в этой статье критик и к творчеству Евгении Тур: «В нескольких таковых пословицах, к сожалению, грешна и г-жа Евгения Тур», ⁸³ — писал Григорьев, имея в виду «сцены из светской жизни» «Первое апреля». Критик констатировал неспособность автора владеть драматической формой, «требующей рельефности образов и колоритности речи». ⁸⁴ «Чтобы изобразить светскую жизнь художественно, — утверждает критик, — нужно приблизить ее так или иначе к массе читающей публики, *выставить рельефно ее комические стороны*». ⁸⁵ Отмечая внимание Е. Тур к «блестящим и холодным формам большого света человеческих отношений» ⁸⁶ в качестве одного из основных признаков принадлежности романа «Племянница» к умершему лермонтовскому направлению, Григорьев указывал и ее предшественников: В. Ф. Одоевского, Н. Ф. Павлова и В. А. Соллогуба. У всех этих писателей, несмотря на разницу мирозерцаний, «представление о сфере большого света почти одинаково, а именно: эта сфера является какою-то

⁸¹ Там же.

⁸² Там же. С. 8–9.

⁸³ Там же. С. 8.

⁸⁴ Григорьев А. Русская литература в 1851 году. Статья четвертая. С. 99.

⁸⁵ Тургенев также подверг критике это произведение, назвав его «неудачной попыткой в роде, совершенно чуждом для г-жи Тур, — в роде драматическом <...>» (ПССиП(2). Соч. Т. 4. С. 476). И критик, и писатель в то же время выделили отрывок из романа «Племянница» «Антонина», опубликованный отдельно.

⁸⁶ Григорьев А. Русская литература в 1851 году. Статья четвертая. С. 102.

всепоглощающей и вместе обаятельно-влекущей бездной, с которой коллизия не обходится без трагических последствий».⁸⁷

Аналогичный прием использовал Тургенев в рецензии на роман «Племянница», выявляя «преемственные и последовательные» связи в литературном процессе. Интересно следующее наблюдение: в князе Чельском «выразился общий тип, <...> для которого благодаря одной повести существует нарицательное имя — тип Тамарина. Чельский — это столичный Тамарин, точно так же, как Тамарин — провинциальный Чельский...».⁸⁸ Объединяет этих героев «беспокойно-шепетильный эгоизм, та же претензия праздности, то же отсутствие всякого интереса, та же мелкая даровитость при бесконечной самонадеянности, тот же дилетантизм самосознания, та же бедная, при всем кажущемся богатстве, нищенски-бедная натура».⁸⁹ Эта мысль Тургенева о литературном типе Тамарина, высказанная в январском выпуске «Современника», очевидно перекликается с размышлениями Григорьева, напечатанными в апреле, о «великосветском герое» Тамарине с его «претензией на разочарованность» как о ярчайшем герое умершего лермонтовского направления.⁹⁰

Вообще, в рецензиях Тургенева и Григорьева на роман «Племянница» столь много схожих суждений, что говорить об антагонизме писателя и критика в данном случае не представляется возможным. Во-первых, это мысль о «невольной нежности» автора к Чельскому, о воздействии на автора «дешевого изящества самодвольной светскости, этого ложного аристократического блеска».⁹¹

⁸⁷ Григорьев А. Русская литература в 1851 году. Статья четвертая. С. 102.

⁸⁸ ПССиП(2). Соч. Т. 4. С. 483.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Очень важно помнить, что отношение Тургенева к литературному наследию Лермонтова принципиально отличалось от взглядов Григорьева. Поэтому характеристика Григорьевым Тамарина как героя умершего лермонтовского направления должна была вызвать серьезные возражения у писателя. В статье «De la littérature russe contemporaine» («О современной русской литературе») писатель отметил особую энергию, «глубину и порывистость» лирики Лермонтова, которого вдохновляла «не мизантропия пресыщенного и разочарованного сердца», а «негодование против вынужденной бездеятельности, не скука, порожденная пустотой жизни, а ненависть к ней» (ПССиП(2). Соч. Т. 12. С. 512–513. Подлинник по-франц.). Лермонтовский герой — для Тургенева это герой борьбы, а не разочарования. Поэтому тип эгоиста Тамарина, по мысли писателя, хоть и стал нарицательным, но к лермонтовскому направлению не может относиться. Более того, можно предположить, что, давая в ряде статей высокую оценку творчеству Лермонтова, Тургенев внутренне полемизировал с Григорьевым.

⁹¹ ПССиП(2). Соч. Т. 4. С. 484.

И Тургенев, и Григорьев видели в Чельском лицо комическое. Тургенев в рецензии высказал пожелание, чтобы лицо Чельского «как всякое комическое лицо не выходило бы из-под иронической власти своего творца, из-под бича сатиры, или если этот бич для такого существа слишком тяжелое орудие, так пусть хоть изредка побрякивают над ним гремушки веселой насмешки».⁹² Замечание Григорьева аналогично: ошибка автора в том, что он «постоянно смотрит на светские отношения трагически», тогда как лучше пояснила бы читателю характеры героев «комическая точка зрения».⁹³

Сходные суждения высказали писатель и критик об образе Ильменева. «Отчего Ильменев <...> непременно должен быть неловок, неуклюж, некрасив и молчалив <...>», — задается вопросом Тургенев и пишет о традиционной в литературе антитезе «блестящего, холодного и ложного характера с характером истинным, теплым, но уж слишком тусклым».⁹⁴ Григорьев на предполагаемое утверждение читателя: «Ильменев *так* выставлен, *так* описан автором, что не может возбудить в женщине иного чувства», — отвечает вопросом: «...мы спросим вас, *во-первых*, почему он *таким* выставлен, *во-вторых*, почему это воплощение благородных стремлений так мало удалось автору романа, вышло так бесцветно и вместе ходульно? *в-третьих*, почему оно обречено целых четыре части быть каким-то очистительным козлицем?».⁹⁵ Критик отмечает: у героини нет ясного осознания стремлений, ее представления о правде, истине обусловлены принадлежностью к высшему свету. Поэтому и в Чельском ее привлекает лишь форма без содержания, то есть «блестящий лоск».

И Тургенев, и Григорьев, на первый взгляд, высоко оценивают роман Е. Тур. Григорьев называет «Племянницу» одним из наиболее ярких произведений литературного года и констатирует, что «давно уже ни один роман не возбуждал такого сильного интереса в минуту своего появления, как роман г-жи Тур, и давно уже литературное произведение не подавало повода к толкам более противоречащим».⁹⁶ Тургенев также пишет о «блестящих надеждах, возбужденных г-жою Тур», которые «оправдались настолько, что уже перестали быть надеждами».⁹⁷

⁹² Там же. С. 483–484.

⁹³ Григорьев А. Русская литература в 1851 году. Статья четвертая. С. 105.

⁹⁴ ПССиП(2). Соч. Т. 4. С. 484–485.

⁹⁵ Григорьев А. Русская литература в 1851 году. Статья четвертая. С. 103.

⁹⁶ Там же. С. 98.

⁹⁷ ПССиП(2). Соч. Т. 4. С. 476.

Однако, при видимом желании дать положительную оценку роману и похвалить автора, подлинное отношение к роману «Племянница» и его автору у писателя и критика было скорее ироническим. Эта ирония выражена открыто в рецензии Тургенева и почти не видна в отзыве Григорьева. Серьезность тона рецензии обусловлена, очевидно, тем, что роман «Племянница» был очень «удобен» для анализа с точки зрения «исторической критики», наглядно иллюстрируя связь мирозозерцания творца и его произведения (критик, повторяем, отождествлял автора и ее героиню Машу).

Наиболее ярко иллюстрирует отношение Григорьева к творчеству писательницы документ, не предназначавшийся для публикации. В «Окружном послании и правилах отношений критики „Москвитянина“ к литературе русской и иностранной, современной и старой», подготовленном в 1855–1856 годах для М. П. Погодина во время горячих споров о судьбе журнала «Москвитянин», критик разделил «современную литературу на две полосы: 1) дельную, настоящую, русскую, имеющую предметом анализ отношений правильных, общерусских, и 2) вздорную, поддельную, подражательную, имеющую предметом такие отношения, до которых никому нет дела, кроме особенно-тонких, то есть морально и умственно развращенных личностей».⁹⁸ Творчество Е. Тур Григорьев относил к литературе второго типа и считал, что по отношению к литературе «вздорной и праздной» необходимо «принять за правило: смеяться беспощадно 1) над тонкостью ее анализов, выводя на свежую воду, какой моральный и умственный разврат под ними скрывается; 2) над ее склонностью к комфорту, светскому лоску <...>. К литературе аблятивусов, всех без исключения, относиться с постоянною ирониею, никогда не позволяя себе о романах разных госпож от Евгении Тур до гр. Р<остопчиной> включительно говорить много, серьезно и как будто о деле».⁹⁹ Нельзя не отметить близость тона и идей «Окружного послания...» и статьи Тургенева о романе «Племянница». Возможно, при написании этого документа Григорьев еще раз перечитывал статью Тургенева.

Сопоставление взглядов Тургенева и Григорьева на конкретное литературное произведение, которое оба автора, безусловно, в большей степени рассматривали как материал для постановки важнейших проблем теории литературы, чем как значимое литературное явление (именно об этом свидетельствуют иронический тон статьи Тургенева и

⁹⁸ Егоров Б. Ф. Аполлон Григорьев — критик. Ст. 1. Приложения. 1. С. 227.

⁹⁹ Там же. С. 228.

более позднее признание Григорьева), позволяет говорить о преимущественном единстве эстетических критериев в оценке художественного текста.¹⁰⁰ Писатель и критик в своих рецензиях, в отличие от многих современников, делали акцент не на дилемме художественность/социальность произведения, а размышляли о вопросах художественного метода, о «тайне», «психологии» истинного творчества, которое должно быть прежде всего объективным.

В работах 1851–1853 годов Григорьев пытался объединить частное и общее, творца и действительность, произведение искусства и время, комизм и созерцание идеала в категории «миросозерцание» художника, то есть стремился к синтезу. «Новое слово» Островского должно было стать синтезом простоты, спокойствия и комического взгляда на действительность с целью выявления ее недостатков. Не преуменьшая значения социальной и общественной проблематики литературного произведения, Тургенев также в это время решал для себя важнейшие проблемы искусства. Не случайно в эти годы в поисках синтеза, простоты и целостности в искусстве он обращается к ушедшим гениям — Пушкину, Гоголю, Шекспиру, утверждая необходимость в современной литературе как пушкинского, так и гоголевского направлений.

Мысль о необходимости синтеза в искусстве, об объективности, которая не мыслима в ситуации выбора общественно-литературных направлений, объединяет творческие искания Тургенева и Григорьева. Однако необходимо отметить многообразие «интонаций» творческого диалога Тургенева и Григорьева в начале 1850-х годов: от «спокойных» (по поводу творчества Е. Тур) до «высоких», «нетерпимых». Именно такие интонации диалога писателя и критика прозвучали в феврале — апреле 1852 года.

21 февраля (4 марта) 1852 года в Москве умер Гоголь, о чем Тургеневу в тот же день сообщил В. П. Боткин. Эмоциональное состояние писателя, вероятно, наиболее ярко иллюстрирует его письмо к И. С. Аксакову от 3 (15) марта 1852 года: «Скажу вам без преувеличения, с тех пор, как я себя помню, ничего не произвело на меня такого впечатления, как смерть Гоголя <...>. Эта страшная смерть — историческое со-

¹⁰⁰ Мнения обозревателей журналов о романе «Племянница» и о драматических произведениях Е. Тур во многом совпадали. Так, вопрос об особенностях женского таланта, его «неправильности», «непредсказуемости», затронули многие обозреватели журналов. Например, в рецензии на повесть «Ошибка» о «свойственной женщинам пылкости и увлекательности рассказа» рассуждал критик В. П. Гаевский (Современник. 1851. № 2. С. 51).

бытие — понятна не сразу; это тайна, тяжелая, грозная тайна — надо стараться ее разгадать... но ничего отрадного не найдет в ней тот, кто ее разгадает... все мы в этом согласны. Трагическая судьба России отражается на тех из русских, кои ближе других стоят к ее недрам — ни одному человеку, самому сильному духом, не выдержать в себе борьбу целого народа — и Гоголь погиб! <...> Благородным людям должно теперь крепче, чем когда-нибудь, держаться за себя и друг за друга. Пускай хоть эту пользу принесет смерть Гоголя...».¹⁰¹

Безусловно, именно идеи единения «благородных людей» перед лицом этого важнейшего «исторического события», осознание необходимости забыть после «страшной смерти» великого писателя все литературные и общественно-политические споры, связанные с его неоднозначной личностью, были основными для Тургенева в эти трагические дни. Спустя три дня после смерти Гоголя (24 февраля (7 марта) 1852 г.) Тургенев написал некрологическую статью и предложил ее к опубликованию в газете «С.-Петербургские ведомости»; вскоре последовали арест и ссылка.

Эти трагические события совпали по времени с публикацией в № 4 журнала «Москвитянин» заключительной статьи обзора «Русская литература в 1851 году» Григорьева о комедии Островского «Бедная невеста». В предыдущих статьях годового обзора Григорьев не просто вступил в разгоравшийся с новой силой в литературе спор сторонников и противников натуральной школы, но и вновь высказал мысль о неоднородности натуральной школы, которая не смогла понять и сохранить цельное и гармоничное художественное гоголевское слово. Фактически Григорьев поставил под сомнение перспективы существования гоголевского направления, лучшие представители которого «лишь носят на себе признаки таланта, самобытности»; «разумное историческое и самостоятельное последствие» гоголевского слова критик видел исключительно в творчестве самого писателя или «в могущественных силах какого-нибудь нового яркого таланта».¹⁰² О таком таланте, главе направления, которое должно сменить гоголевское, критик написал в четвертой, заключительной статье обзора «Русская литература в 1851 году», посвященной анализу текущих литературных явлений: «От кого именно ждем мы этого нового слова, мы имеем право сказать уже прямо в настоящую минуту: „Бедная невеста“ предстоит суду публики, и <...>

¹⁰¹ ПССиП(2). Письма. Т. 2. С. 125.

¹⁰² Григорьев А. Русская литература в 1851 году. Статья вторая. С. 28.

в этом новом произведении автора комедии „Свои люди — сочтемся“ мы видим новые надежды для искусства». ¹⁰³

Статья Григорьева была написана и сдана в печать до известия о смерти Гоголя. В следующем годовом обзоре критик открыто написал о великой роли гоголевского гения, которую, впрочем, никогда не преуменьшал. Однако в те трагические дни размышления Григорьева о бесперспективности так называемого «гоголевского направления» и его восторги по поводу «нового слова» были, конечно, абсолютно не уместны: они слишком контрастировали с размышлениями потрясенного смертью Гоголя Тургенева. В эти тяжелые дни (как указывает Л. Н. Назарова: не ранее 19 февраля и не позже 29 февраля) Тургенев написал рецензию на комедию Островского «Бедная невеста», полемически направленную против Григорьева. Эта рецензия содержала критическую оценку позиции Григорьева, утратившего, по словам Боткина, «„последнюю каплю рассудка, оставшуюся у него“, — восторгаясь чтением сего произведения <„Бедной невесты“>, в котором усматривает — целые миры». ¹⁰⁴

Основное положение статьи Тургенева состоит, по словам Л. Н. Назаровой, в том, что «сильные стороны пьесы Островского „Бедная невеста“ связаны с гоголевским влиянием, что Островский является писателем гоголевского направления и может оправдать надежды, которые возлагаются на его талант, только двигаясь по этому пути». ¹⁰⁵ В этом утверждении несомненна связь между размышлениями Тургенева о значении Гоголя и «горестной тайне» его смерти и реакцией писателя на статью Григорьева, утверждавшего необходимость «нового слова» в литературе и тем самым невольно принижавшего значение Гоголя и «гоголевского направления» в русской литературе.

В статье «Несколько слов о новой комедии г. Островского „Бедная невеста“» Тургенев, хотя и не называет прямо имени Григорьева, однако открыто объясняет свое обращение к творчеству Островского необходимостью выразить свое отношение к «писателю, так высоко поставленному сочинителями московских критик». ¹⁰⁶

Ситуация с критическими отзывами о комедии «Бедная невеста» является наглядной иллюстрацией методов «журнальной войны» в периодической печати середины XIX века. Резкость тона, часто несоот-

¹⁰³ Там же. Статья четвертая. С. 108.

¹⁰⁴ В. П. Боткин и И. С. Тургенев. Неизданная переписка. С. 26.

¹⁰⁵ *ПССиП(2). Соч.* Т. 4. С. 665–666.

¹⁰⁶ Там же. С. 491.

ветствие высказываемого мнения о произведении истинному взгляду на него отличают отзывы многих рецензентов о новой комедии Островского. Известно, например, что Боткин упрекал Тургенева за «отчасти сладковатый тон статьи» и «считал главной задачей в критике Островского посрамление его апологета — Ап. Григорьева. На этом пути он не останавливался перед тем, чтобы в крайне резких тонах отозваться о комедии, которую сам расценивал как „произведение, достойное уважения“». ¹⁰⁷ Краевский, редактор журнала «Отечественные записки», требовал от рецензента Галахова еще большей, чем у Тургенева, резкости тона в противоположность «timbré» (тронутому — *франц.*) Григорьеву, воспевающему «оды» «новой комедии». ¹⁰⁸

Рецензия Тургенева во многом отличается от прочих отзывов в периодической печати. Тургенев «стремился прежде всего дать полезные советы талантливому драматургу и сделать это в такой форме, чтобы Островский захотел и смог ими воспользоваться». ¹⁰⁹

Эта настроенность на «дельность» критических замечаний и связанная с ней умеренность тона прослеживается и в обращениях Тургенева к Григорьеву, отношении к «критикам» которого у писателя в то время было во многом негативным. Например, говоря о том, что «психолог должен исчезнуть в художнике», Тургенев замечает: «Это, между прочим, не худо заметить и некоторым нашим критикам, которые считают долгом начать каждую свою статью *ab ovo*, как будто и в критике его убеждения, его коренные правила не должны перейти в плоть и кровь, и он всякий раз обязан выставлять их напоказ перед собой и читателями, как какие-нибудь верстовые столбы, чтобы не сбиться с дороги». ¹¹⁰ Очевидно, что в данном наблюдении отразились размышления писателя (думающего под влиянием «круга Белинского» об обращении к критической деятельности) о методе и приемах критики. Вероятно, объективность, серьезность, «дельность» критики при ее умеренности, желание сохранить идеалы Белинского, точнее — его восприятие роли критика как служителя искусства, а не как фельетониста-полемиста — являются отличительными особенностями метода Тургенева-критика.

¹⁰⁷ ПССиП(2). Соч. Т. 4. С. 665.

¹⁰⁸ См. об этом содержательную вступительную статью Л. Н. Назаровой к рецензии Тургенева: Там же. С. 663–667.

¹⁰⁹ Там же. С. 665.

¹¹⁰ Там же. С. 495. В то же время, упрекая Григорьева, Тургенев словно забывал о критических статьях Белинского первого периода творчества, которые также отличала экспромтность, нелогичность, диспропорциональность. См. о творческом методе Белинского: *Егоров Б. Ф.* О мастерстве литературной критики. С. 91–99.

Противоположностью серьезному, умеренному тону размышлений Тургенева служит, например, критическая статья в журнале «Отечественные записки». Автор ее, А. Д. Галахов, высказывая достаточно важную мысль о литературной линии «Мерич — Тамарин — Печорин», заметил: «Видите ли, в чем дело: Том-Пусы критики, у которых прежде сама собою слезала с головы шапка при встрече с Печориным, вздумали (позднее раскаяние) отомстить себе за свое тогдашнее неразумение неразумением новым — намеренным нападением на Печорина. Толкуя о непосредственном отношении художника к действительности, они селятся сбить с пьедестала тот кумир, перед которым усердно кувыркались, подобно индийским дервишам».¹¹¹ Панаев в «Современнике» также с иронией написал об «исключительном положении автора в критике». Эта «чересчур услужливая критика, не имеющая ни в чем умеренности, ни в похвалах, ни в осуждениях, — критика, не говорящая слова спроста, а все с ужимками и с пафосом, восклицала по поводу г. Островского напыщенным слогом: „Вот грядет...“ и проч...».¹¹²

В критическом отзыве Тургенева главной была мысль о творческом кризисе Островского. «Полемически прозвучали в статье Тургенева утверждение, что высшие достижения творчества Островского непосредственно связаны с влиянием Гоголя, и намек на то, что комедия Островского не свободна от прямого подражания Гоголю».¹¹³ Главным аргументом Тургенева в полемике с Григорьевым, апологетом Островского, была идея о том, что «отход от гоголевских традиций приводит Островского не к открытию нового принципа, „нового слова“, составляющего эпоху в искусстве, а к снижению художественных достоинств и общественного значения его произведений».¹¹⁴ Полемична «торжественным пророчеством» Григорьева о «новом слове» последняя фраза статьи, в которой Тургенев утверждал, что последнее произведение Островского не внушает радостных надежд. Однако в 1880 году, готовя новое издание Собрания сочинений, Тургенев поначалу не хотел перепечатывать эту статью, но затем передумал и, убрав последнюю фразу, статьи написал подстрочное примечание, в котором признался, что его оценка «Бедной невесты» была неверной.¹¹⁵

¹¹¹ Критическая литература о произведениях А. Н. Островского. С. 127.

¹¹² Там же. С. 150, 151.

¹¹³ ПССиП(2). Соч. Т. 4. С. 664–665.

¹¹⁴ Там же. С. 665.

¹¹⁵ «Считаю нужным предупредить читателей, что, пробежав настоящую статью о „Бедной невесте“, писанную чуть не тридцать лет тому назад, я было раз-

Л. Н. Назарова справедливо отметила, что в обзоре «Русская изящная литература в 1852 году» Григорьев, согласившись с мнением Иногородного подписчика (Дружинина) о неуместности в разговоре об Островском снисходительного тона, каким «отозвались недавно о г-же Тур, авторе романа „Племянница“», «выразил согласие с одним из важных положений критического отзыва Тургенева о „Бедной невесте“ — с утверждением, что героиня пьесы Островского — Марья Андреевна недостаточно определена как характер, что она „скорее положение, чем лицо».¹¹⁶ Вместе с тем критик «Москвитянина», по выражению исследовательницы, «наносил „ответный удар“ Тургеневу, отрицательно отозвавшись в своем обзоре о ряде его произведений и противопоставив Островского как выразителя здорового мироощущения, ясного и правильного отношения к действительности Тургеневу, представляющему, как утверждает А. Григорьев, „болезненное“ обличительное направление литературы и искажающему действительность в угоду предвзятой мысли».¹¹⁷ Это наблюдение, на наш взгляд, требует уточнений. И прежде всего необходимо рассмотреть этот отзыв Григорьева в ряду его других высказываний о статье Тургенева.

думал ее перепечатать — и помещаю ее теперь скорее с целью некоторого самобичевания. Нечего говорить, что моя оценка „Бедной невесты“, одного из лучших произведений нашего знаменитого драматурга, оказывается неверной, хотя некоторые отдельные замечания, быть может, и не лишены справедливости. Как известно, А. Н. Островский посрамил мои опасения и более нежели оправдал мои надежды. Париж. 1879» (*ПССУП(2)*). Соч. Т. 4. С. 491). В одной из последних работ, посвященных Тургеневу и Островскому, высказывается недоверие к искренности поздней приписки Тургенева: «В самом деле: что это? То ли признание в том, что он тридцать лет назад неверно понял и оценил „одно из лучших произведений Островского“ (и в этом смысле его акция действительно становится актом „самобичевания“, вообще-то Тургеневу не свойственного)? То ли — указание на то, что „и на солнце есть пятна“ — и „некоторые отдельные замечания“ по поводу „Бедной невесты“ останутся справедливыми?» (*Кошелев В. А.* «...С целью некоторого самобичевания»: Отзыв Тургенева о «Бедной невесте» Островского // Актуальные проблемы теории и истории литературной критики (К юбилею В. В. Тихомирова). Сб. науч. статей. Кострома, 2011. С. 150). Трудно понять, откуда у автора статьи явился столь пренебрежительный, покровительственный тон по отношению к Тургеневу («„маститый“ рецензент», «поза „мэтра“»), которого он уже в первых строках свысока называет «прославленным „живым классиком“» (С. 149), можно только предположить, что В. А. Кошелев «заразился» приемами той «журнальной борьбы», которую исследует.

¹¹⁶ *ПССУП(2)*. Соч. Т. 4. С. 666–667.

¹¹⁷ Там же. С. 667.

В № 3 «Москвитянина» в разделе «Журналистика» появился еще один отклик на статью Тургенева «Несколько слов о новой комедии г. Островского „Бедная невеста“». Анонимный обозреватель (Т. И. Филиппов) писал: «В другой раз мы встречаемся с критикой г. И. Т., и оба раза с одинаковым удовольствием. — В январской книжке „Современника“ он высказал свое мнение о „Племяннице“ г-жи Тур со всей искренностью, какая ему только доступна, не похвалил в ней ничего дурного, не оставил без внимания ничего хорошего. — Точно так же он повел себя и в отношении „Бедной невесты“ г. Островского; в его рецензии прежде всего бросается в глаза желание сказать правду».¹¹⁸ Далее обозреватель отметил справедливость некоторых замечаний, хотя они «не совсем лестны» для комедии, и согласился с ними. К таким точным замечаниям он отнес фразу «психолог должен исчезнуть в художнике» и мысль Тургенева о «повторении одних и тех же слов лицами комедии». В то же время жесткой критике подверглись фразы о «сочинителях московских критик» и об Островском, писателе «действительно замечательном и даровитом». Рецензент «Москвитянина» спрашивал: «...если сочинители московских критик ставят писателя высоко, так это еще ничего не значит, и нужно ждать, что скажут сочинители петербургских критик? <...> И что это за выражение „сочинители московских критик“? Разве рецензент не знает, что сочинитель критики называется просто критиком? Или это желание уколоть? Зачем серьезному человеку, говоря о важном деле, увлекаться мелкими побуждениями?». «Немало смеха» у рецензента «Москвитянина» вызвала следующая «выходка» Тургенева: «*талант у г. Островского есть, и замечательный*». «Кто сомневался в этом?» — удивлялся рецензент и отмечал, что искренность автору статьи, который «не может освободиться от дурных привычек „Современника“» стоит «больших усилий».¹¹⁹

Отметил в статье Тургенева критик «Москвитянина» и ряд противоречий и (вслед за Григорьевым) согласился с его замечанием об отсутствии «живых черт» в образе Марьи Андреевны. Выдвинув свою трактовку финала комедии (о «ложных надеждах» и мечтах в безвыходном положении), обозреватель «Москвитянина» не согласился с мнением Тургенева о поведении Хорькова и о сходстве свих с персонажами комедии Гоголя «Женитьба». Выразил он и удивление по поводу «незаме-

¹¹⁸ <Филиппов Т. И.> Современник. Март // Москвитянин. 1852. № 8. С. 141. Об авторстве см.: Егоров Б. Ф. Аполлон Григорьев — критик. Ст. 1. Приложения. 1. С. 230.

¹¹⁹ Москвитянин. 1852. № 8. С. 142.

ченности» образа Дуни. И все же общая оценка статьи Тургенева была скорее положительной: в заключение своего обзора критик признался в «истинном удовольствии», с которым открывает новые статьи г. И. Т., потому что «видит в нем благородные усилия сказать крайнюю правду».¹²⁰

Эта статья не была подписана. Не вызывает сомнения, что в редакции «Современника» автором и этого отзыва на рецензию Тургенева считали Григорьева. Тем не менее это был последний номер «Москвитянина», в котором «Современник» обозревал Филиппов. Спустя месяц Григорьев определенно выразил свое отношение и к рецензии Тургенева, и к статье Филиппова в обзоре журнала «Библиотека для чтения».

Именно эту статью можно назвать непосредственным «ответом» Тургеневу. В ней Григорьев писал: «...из всех наших современных критиков <...> только самый парадоксальный — т. е. Иногородный подписчик встал в довольно прямое отношение к новой комедии Островского. <...> Статье г. И. Т. <...> отдана была полная справедливость в нашем журнале, за ее честное намерение сказать правду — хотя рецензент наш взглянул, как нам кажется, слишком снисходительно на ее поучительный тон. С другой стороны, по нашему личному разумению, он напрасно уступил так легко г-ну И. Т. — Марью Андреевну. — Мы лично готовы защищать в Марье Андреевне самую неопределенность ее характера, обусловленную и ее положением, и тем обстоятельством, что она только что начинает еще жить в настоящем смысле этого слова: мы видим в ней жажду жизни и жажду правды от жизни <...>».¹²¹ С точки зрения Григорьева, Марья Андреевна вовсе «не мечтательница, не резонерка», а «натура живучая, понимающая настоящее дело».¹²² Ее характер сформировался, с одной стороны, под влиянием среды («жизненной сферы»), с другой, — под влиянием чтения, идей, «присутствующих в воздухе современности». Григорьев спорил с Тургеневым, утверждая, что «книжная речь» Марьи Андреевны не недостаток, а «достоинство автора комедии», т. е. «голос настоящего чувства, только принявшего несколько начитанные формы».¹²³

Этот отзыв Григорьева потому представляет особый интерес, что жанр ежемесячного обзора давал возможность подробно говорить о кон-

¹²⁰ Москвитянин. 1852. № 8. С. 142.

¹²¹ <Григорьев А. А.> Библиотека для чтения. Апрель. № 4 // Москвитянин. 1852. № 9. С. 40. Об авторстве см.: Егоров Б. Ф. Аполлон Григорьев — критик. Ст. 1. Приложения. 1. С. 230.

¹²² Москвитянин. 1852. № 9. С. 40.

¹²³ Там же. С. 41.

кретной статье, обращать внимание на детали, например, спорить с Тургеневым о речи конкретного персонажа. К тому же этот отзыв можно считать «черновиком» годового обзора литературы, в котором Григорьев изложил свой взгляд на творчество Островского. Многие положения месячного обзора критик включил в годовой обзор, некоторые же изменил. К таким изменениям относится фраза «мы сами соглашаемся отчасти, что Марья Андреевна скорее положение, чем лицо <...>»,¹²⁴ которая фактически выражает согласие Григорьева с важным наблюдением Тургенева. Однако критик объясняет «неопределенность» характера Марьи Андреевны не «отсутствием жизненной необходимости» ее образа, как Тургенев, а юным возрастом героини («когда женщина вся состоит только из побуждений и неопределенных стремлений») и окружающей ее обстановкой, в которой «неоткуда было взять элементов для определения личности».¹²⁵

Несомненную значимость представляет и та часть статьи, в которой Григорьев анализирует отзыв Дружинина, противопоставлявшего творчество Островского традициям натуральной школы. В этой части рецензии также присутствует непосредственный диалог с Тургеневым, считавшим, что «ни одна сцена нового произведения г-на Островского не может сравниться с известной окончательной сценой „Своих людей“».¹²⁶ Григорьев упрекает петербургских критиков, и в частности Тургенева, в том, что они «готовы всегда полагать границы свободному творчеству» и требуют, чтобы Островский «ничего не писал в ином роде, нежели „Свои люди — сочтемся“».¹²⁷ Григорьев назвал это «смешным отношением нашей критики к высокодаровитым писателям».¹²⁸ В то же время критик считал грубой ошибкой мысль Дружинина об Островском как подражателе Гоголя. Ответ Григорьева Дружинину — это одновременно и ответ Тургеневу, видевшему гоголевское влияние в лучших произведениях Островского.

Обещая читателю подробный разговор об отличиях мирозерцания и манеры Гоголя и Островского, Григорьев в рецензии ограничился замечанием о том, что «ни одно из лиц в комедиях Островского, — не в манере Гоголя: даже сваха в „Своих людях“ и — сваха в „Бедной не-

¹²⁴ *Русская изящная литература в 1852 году*. С. 22.

¹²⁵ Там же.

¹²⁶ *ПССиП(2)*. Соч. Т. 4. С. 499.

¹²⁷ <Григорьев А. А.> Библиотека для чтения. Апрель. № 4 // Москвитянин. 1852. № 9. С. 41.

¹²⁸ Там же.

весте“». ¹²⁹ Главное отличие критик видит в «лирическом пафосе и карающем смехе» Гоголя, который «непрерывно возвел бы характеры Мерица и Милашина в трансцендентальные комические типы», и в «беспристрастном», но «полном любви — ко всем выведенным лицам» «прямом отношении» Островского. Григорьев противопоставляет в творчестве Гоголя и Островского и принципы создания художественного образа (например, Сквозника-Дмухановского и Большова), и самую манеру повествования («манеру выражения» — «страстную и тревожную» у Гоголя и «совершенно свободную и спокойную» у Островского), приходя к выводу, что «это — две совершенно различные художественные натуры — и что следовательно новое слово жизни вносится новым комиком в нашу литературу». ¹³⁰ Таким образом, он возвращается к своему спору с Тургеневым по поводу творчества Гоголя.

Очевидно, что Григорьев, внимательный и чуткий читатель, очень хорошо понял основную мысль рецензии Тургенева. Поэтому последняя фраза отзыва звучит словно непосредственный ответ писателю: «...смешно и недобросовестно будет заподозрить нас в пристрастии к Островскому на счет Гоголя. В настоящую минуту мы не осмелимся даже сопоставить их друг с другом. Полно, обильно плодами, могуче и пламенно было гоголевское слово — и далеко не раскрылось еще содержание слова нового комика». ¹³¹

В годовом обзоре «Русская изящная литература в 1852 году» Григорьев продолжил диалог с «близорукой» критикой, которая «крайне несправедливо» отнеслась к новой комедии Островского, отозвалась о ней «тем же тоном, как отозвались недавно о г-же Тур», «тоном покровительства объявила за новость, что у Островского есть талант», которой «сама искренность стоила больших усилий и которая при всем желании быть правдивой не хотела или не умела освободиться от дурных привычек того журнала, в котором действовала». ¹³² Все эти упреки напрямую относились к рецензии Тургенева. В то же время нельзя полностью согласиться с мнением Л. Н. Назаровой об «ответном ударе» Григорьева и — как следствие — его «отрицательных отзывах о ряде произведений» писателя. Во-первых, необходимо помнить об аресте Тургенева и жестких цензурных ограничениях в упоминании его произведений. А причины отрицательных отзывов Григорьева о тех произ-

¹²⁹ <Григорьев А. А.> Библиотека для чтения. Апрель. № 4. С. 42.

¹³⁰ Там же. С. 44.

¹³¹ Там же. С. 45.

¹³² *Русская изящная литература в 1852 году*. С. 16, 17.

ведениях (в частности, «Гамлет Щигровского уезда»), на которые он прежде писал положительные рецензии, вероятно, существеннее, чем обиды за печатные публикации.

В обзоре критик констатировал факт умирания лермонтовского направления, принявшего гоголевскую форму (то есть «работавшего над действительностью с постоянной задней мыслью о грубости этой действительности»)¹³³ Произведения этого направления он подразделял на две категории: обращенные на быт и на те, в которых «быт является удушливою сферою для прекрасных, страдающих и развитых личностей».¹³⁴ К первой категории критик отнес произведения Тургенева и Григоровича. Отмечая даровитость этих писателей, Григорьев отмечал искусственное и ложное в изображении народного быта и народного языка в их произведениях. «...Иногда они как будто изыскивают в крестьянской жизни такие черты, которые <...> возвышали бы простолюдина до образованного человека».¹³⁵ Беспощадную критику Григорьев обрушил и на натуральную школу, которая «существовала лишь для того, чтобы свидетельствовать противоположением о величии и достоинстве гения Гоголя». В ней выразились «колебание, брожение и наконец совершенная порча гоголевских элементов». Обличительное слово Гоголя было «полным и цельным», «последним, потому что **далее в его направлении идти нельзя и некуда**».¹³⁶

В этом обзоре критик, подводя итог целого литературного — гоголевского — периода, стремился создать целостный образ литературной эпохи и обратился для этого к своим прошлым работам, в частности, к рецензии на «Петербургский сборник» (1846). Здесь Григорьев впервые высказал мысль об оппозиции трагическое/комическое в литературе. По мысли критика, отношение художника к проблеме взаимоотношений личности и среды определяет, к какому направлению — трагическому (лермонтовскому) или комическому (гоголевскому) относятся его произведения. В обзоре литературы за 1852 год Григорьев назвал комизм «главным, преобладающим миросозерцанием», «клеюм, которым отмечено все живое и долженствующее жить в искусстве».¹³⁷

Констатируя смерть лермонтовского направления, критик назвал идеалы трагизма борьбы личности с действительностью «детскими, на-

¹³³ Там же. С. 9.

¹³⁴ Там же.

¹³⁵ Там же. С. 9–10.

¹³⁶ Там же. С. 6–7. Выделено мною. — М. С.

¹³⁷ Там же. С. 13.

скоро сложенными идеалами», «отжившими формами», которые сами «осознали свое бессилие», сами «обличили себя». «Отчаяние бессильного трагизма <...> находило минутное удовлетворение в болезненном хохоте над самим собою „Гамлета Щигровского уезда“ или в тоскливом плаче о своем бессилии в „Дневнике обыкновенного человека“, но <...> трагизм забывал <...>, что не посмеясь над самим собою — идти вперед невозможно».¹³⁸ Противопоставляя коренное русское мировоззрение Островского, здоровое и простое, «бессильному трагизму» «Гамлета Щигровского уезда», Григорьев дал этому произведению отрицательную оценку. Если в обзоре «Отечественная литература в 1849 году» (1850) критик написал, что герой рассказа, очень точно отражавший психологию людей 1840-х годов, вызывает «болезненное сочувствие» и является «вовсе не пародией на Гамлета, как кажется некоторым»,¹³⁹ то в 1853 году «болезненный хохот» героя Тургенева уже не вызывал у Григорьева никакого сочувствия. Однако вряд ли отрицательная оценка произведений Тургенева была только лишь «ответным ударом» Григорьева — слишком близки, родственны критику были и этот герой, уездный Гамлет, и само трагическое мирозерцание. Поэтому и писал он не только о необходимости (для движения вперед, к «живому в искусстве») разрыва с трагизмом, но и о «душевной боли», которая ощущается при «рассекании сознания», при «смехе над собой». Тем не менее, безусловно, отзывы Григорьева о творчестве Тургенева, по сравнению с рецензиями прошлых лет, были достаточно холодными.

В целом можно говорить о парадоксальности сложившейся ситуации. Журнальная борьба в эпоху «мрачного семилетия» не была острой и непримиримой, многие критики даже участвовали в работе враждебных журналов. В то же время следует констатировать, что Тургенев и Григорьев оказались «в плену» «журнальных войн». Мог ли Григорьев, «обидевшись» на Тургенева за рецензию о комедии «Бедная невеста», написанную в традициях «дурных привычек журнала» «Современник», «не заметить» таланта Тургенева-критика? Тургенев — в ситуации кризиса критического жанра после смерти Белинского — мог ли «не замечать», «сражаясь» с Григорьевым за наследие Гоголя и Белинского, искренности, демократизма, интонационной, структурной и стилистической близости работ Григорьева статьям «раннего» Белинского, целостности мировоззрения критика, его близости работам «неистового Виссариона» периода «Литературных мечтаний»? Мог ли «забыть» пи-

¹³⁸ *Русская изящная литература в 1852 году*. С. 14.

¹³⁹ *ОЗ*. 1850. Т. 68. № 1–2. Отд. V. С. 16.

сатель, что латинское крылатое выражение «начинать с яиц Леды», за которое он подсмеивался над Григорьевым, в «Литературных мечтаниях» использовал и Белинский.

Кульминацией «войны» между Тургеневым и Григорьевым в 1851–1852 годах следует, безусловно, считать факт создания писателем предисловия к отдельному изданию «Записок охотника», активную работу по подготовке к которому Тургенев вел весной 1852 года (5, 6 марта были получены разрешительные документы из Московского цензурного комитета, а уже 10 мая были готовы обе части книги). В статье «К вопросу об оценке литературно-критической деятельности И. С. Тургенева его современниками (1851–1853 годы)» Л. Н. Назарова пишет: «...как мы узнаем из письма Феоктистова от 24 марта, писатель набросал предисловие к своей книге. В печати оно, однако, не появилось; большую роль здесь сыграло то отрицательное отношение к этому предисловию, которое было выражено Феоктистовым в упомянутом нами письме».¹⁴⁰ Вот что писал Феоктистов Тургеневу: «...как не стыдно Вам писать такие предисловия к „Записк<ам> охотн<ика>“, как то, которое Вы прислали Боткину. Не вам вступать в полемику с полоумным Григорьевым за его нелепые и глупейшие критики. Ведь нападение его на Вас по поводу „Трех встреч“ только глупо и едва ли оскорбительно. Не думаю также, чтобы в публике могла родиться мысль, подобная той, которая пришла в башку Григорьева, и с этой стороны предисловие Ваше бесполезно».¹⁴¹ Как предположила исследовательница, это предисловие было уничтожено В. П. Боткиным, когда он и Феоктистов были привлечены по делу о напечатанной в «Московских ведомостях» статье Тургенева о смерти Гоголя.¹⁴²

Рассказ Тургенева «Три встречи» был опубликован в феврале, в № 2 журнала «Современник», а удивительно категоричная, отрицательная рецензия на это произведение — в № 5 журнала «Москвитянин» уже в марте. Безусловно, Л. Н. Назарова права в том, что «писатель был сильно раздражен как содержанием этой статьи, так и ее весьма ироническим тоном».¹⁴³ Автор статьи, называя рассказ «Три встречи» «сла-

¹⁴⁰ Назарова Л. Н. К вопросу об оценке литературно-критической деятельности И. С. Тургенева его современниками (1851–1853 годы) // Вопросы изучения русской литературы XI–XX веков / Отв. ред. Б. П. Городецкий. М.; Л., 1958. С. 165.

¹⁴¹ Письма Е. М. Феоктистова к И. С. Тургеневу. Ч. 1. С. 211.

¹⁴² Назарова Л. Н. К вопросу об оценке литературно-критической деятельности И. С. Тургенева его современниками (1851–1853 годы). С. 166. Сноска 24.

¹⁴³ Там же.

бым произведением», писал о «раздражительности праздной души» героя, «по которой он так малодушно отдается под власть впечатления, которая заставляет его караулить чужое свидание», и советовал автору именно эту черту «взять мотивом своего произведения», считая ее «благодарным предметом для сатиры».¹⁴⁴ Иронизируя над героем и стилем повествования, рецензент «Москвитянина» делал вывод о том, что «в этой истории нет ничего такого, что бы заслуживало чье-нибудь внимание; <...> зачем же доводить это до общего сведения?».¹⁴⁵ Обозреватель упрекал писателя в том, что он представляет только «наружность, телодвижения» героев, оставляя их характеры «для читателя тайной», то есть «грешит против своих обязанностей».¹⁴⁶

Однако и эта статья была не подписана. И Тургенев, и Боткин, как следует из свидетельства Феоктистова, вновь не сомневались в авторстве Григорьева. Как убедительно доказывает Б. Ф. Егоров, в марте 1852 года рецензентом «Москвитянина» был уже не Филиппов, а Алмазов, статьи которого отличали «острые и нестандартные высказывания», «ироническое остроумие».¹⁴⁷ Думается, что только некая предвзятость Боткина и Тургенева в отношении к Григорьеву явилась причиной того, что существенные отличия (и содержательные, и лексические, и стилистические) этой работы от статей Григорьева остались ими незамеченными.¹⁴⁸ Однако наибольший интерес представляет, безусловно, вопрос

¹⁴⁴ <Алмазов Б. Н.> Современник. Февраль. № 2 // Москвитянин. 1852. № 5. С. 28. Об авторстве см.: Егоров Б. Ф. Борьба эстетических идей в России середины XIX века. С. 28.

¹⁴⁵ Москвитянин. 1852. № 5. С. 28.

¹⁴⁶ Там же.

¹⁴⁷ Егоров Б. Ф. Борьба эстетических идей в России середины XIX века. С. 33.

¹⁴⁸ Против авторства Григорьева говорит лексический анализ статьи. Для работ критика, в те годы активно осмыслявшего проблему искренности в искусстве, совершенно не характерно преобладание общего неопределенного над личным, субъективным мнением. Поэтому свои рецензии он начинал с выражения личной точки зрения, с «мы», а не с общего: «заставляет критику обратить внимание». В данной статье присутствуют и совершенно несвойственные Григорьеву общие фразы: «суд критики», «занимающий в литературе видное место», «обратить внимание на слабые произведения» и т. д. Слова «слабый», «слабость» критик чаще всего употреблял только в одном значении: например, «мы имеем маленькую слабость к таланту г. Тургенева и в слабости этой признаемся открыто». Слово «слабый» в значении «неудачный» Григорьев заменяет такими синонимами, как «неудовлетворительность», «мало удовлетворяет», «не успокаивает требования». Также критик в рецензиях стремился не пересказывать текст, а (в традициях Белинского) цитировать его. Например, Григорьев цитировал диалог мальчиков из рассказа «Бежин луг»,

о том, как могла эта небольшая, «проходная» рецензия, вряд ли ставшая весомым аргументом в литературной полемике между Москвой и Петербургом, стать толчком к тому, чтобы Тургенев написал предисловие и ответил критику «Москвитянина», а также вопрос о том, каково было содержание этого предисловия.¹⁴⁹

Рассказ «Три встречи» никак не был связан с циклом «Записки охотника» и, следовательно, не мог упоминаться в уничтоженном предисловии. Поэтому можно предположить, что содержание предисловия, написанного спустя короткое время после смерти Гоголя и споров о комедии «Бедная невеста», было связано именно с этими событиями, точнее — с проблемой гоголевских традиций в русской литературе. Отдельное издание «Записок охотника» Тургенев, «ученик и малейший последователь» Гоголя, вероятно, мог посвятить Гоголю и иронически противопоставить свои рассказы «новому слову» в литературе. Не исключено, что именно упоминание имени Гоголя послужило причиной того, что В. П. Боткин уничтожил предисловие.

Готовя к выходу в свет отдельное издание «Записок охотника», писатель не мог не вспоминать Белинского, который приветствовал появление самых первых рассказов будущего цикла. В скрытой (по цензурным соображениям) форме противопоставление критического наследия Белинского работам Григорьева, писавшего о кризисе натуральной школы, не понявшей Гоголя, также могло содержаться в предисловии.

Таким образом, 1852 год можно по праву считать временем, когда творческий диалог писателя и критика был в определенной степени кульминационным. Несмотря на антагонизм Тургенева и Григорьева в вопросе о современном состоянии отечественной литературы (диалог о «новом слове» Островского и гоголевском направлении), сопоставление их мнений по вопросам современной литературы позволяет сде-

Митрюхи и Силиверста из «Разговора на большой дороге», выделяя наиболее важные, значимые для рецензии места курсивом. В данной же рецензии даже такой важный эпизод, который помог бы раскрыть тему народной нравственности, как сцена, в которой старик отвергает деньги г-на N, лишь пересказывается, а не анализируется.

¹⁴⁹ Проблема «реконструкции» предисловия к отдельному изданию цикла «Записки охотника» могла бы стать темой отдельного исследования. Выдвигая предположения о возможном содержании утраченного предисловия, необходимо учитывать тот факт, что оно, скорее всего, было написано под влиянием одного отзыва, одной конкретной статьи, а вовсе не являлось заранее продуманной, необходимой частью отдельного издания «Записок охотника», которая бы позволила читателю лучше понять авторский замысел.

лать вывод о близости эстетической позиции авторов, их взглядов на сущность и назначение творчества (вопрос об объективности и простоте творчества и пушкинском наследии), их отношения к проблемам творческого метода. Интенсивность и непримиримость диалога писателя и критика в указанный период обусловлена как событиями общественно-литературной жизни России (смерть Гоголя), так и субъективными факторами. Это, прежде всего, преданность Тургенева в это время журналу «Современник», с которым было связано для писателя наследие Белинского и память о «круге Белинского». С другой стороны — абсолютная, пламенная преданность Григорьева, идеолога «молодой редакции», журналу «Москвитянин», что уже отмечено исследователями. Антагонизм западнического «Современника» и славянофильского (хотя это определение нуждается в корректировке и пояснениях) «Москвитянина», а также традиционное противостояние между Петербургом и Москвой существенно повлияли на интонации диалога писателя и критика, но не сделали его устойчивым противостоянием, как этого, может быть, хотелось близким им людям, числившимся во враждебных лагерях.

Интенсивность диалога была обусловлена также необыкновенно серьезным отношением Григорьева и Тургенева (в противоположность «междуделию», очерковости, фельетонности, юмористической направленности статей многих критиков) к литературно-критической деятельности как таковой, осознанием важной роли критики в литературно-общественной жизни России. Именно в это время Григорьев взял на себя обязанности одного из ведущих критиков. В свою очередь Тургенев, подбадриваемый друзьями, также серьезно осмыслил перспективы своей критической деятельности. Волей или неволей оба стали в положение соперников. Не случайно 1852–1853 годы — время создания Тургеневым и Григорьевым самых ярких критических статей. Вскоре Тургенев, переходя к «новой манере», сконцентрировался на литературной деятельности и приступил к созданию романа, а Григорьев с 1854 года временно фактически прекратил деятельность литературного критика ради театральной критики и изучения фольклора.

Не следует упускать из виду, что и Тургенев и Григорьев осознавали, что потеряла русская критика с уходом из жизни Белинского, и оба, каждый по-своему, пытались возместить эту потерю.

Исследование творческого диалога писателя и критика в 1852–1853 годах позволяет сделать вывод о том, что при изменении объективных и субъективных факторов должен был измениться и характер, тон этого диалога. И действительно, объективные факторы и общественно-лите-

ратурная ситуация (в конце 1854 г. начался распад «молодой редакции» и кризис журнала «Москвитянин»); около 1855 г. в журнале «Современник» произошел перелом, вызванный приходом Чернышевского. Вскоре Чернышевский стал уже полностью определять концепцию отдела критики «Современника» и «круг Белинского» распался) привели к сближению Григорьева с кругом Тургенева. Полемика Чернышевского и Дружинина о путях развития русской литературы, в которую активно включился Григорьев, споря с Чернышевским и защищая в статье «Замечания об отношении современной критики к искусству» издание сочинений Пушкина, подготовленное П. В. Анненковым, поставили критика близко к тем, с кем он еще недавно так явно был в оппозиции. Не случайно Боткин, желая «нейтрализовать» Чернышевского в «Современнике», предлагал Некрасову привлечь Григорьева в журнал в качестве постоянного сотрудника. Начиная переговоры, Боткин обратился за помощью к Тургеневу и нашел у него понимание и поддержку. Именно весну 1856 года можно считать началом нового этапа творческого диалога писателя и критика, временем сближения Григорьева с «кругом Тургенева». В то же время период временного антагонизма по ряду вопросов послужил в определенном смысле толчком к уяснению собственных позиций и, в конечном счете, к большему взаимопониманию. Как будто прислушавшись к упрекам Григорьева, Тургенев в определенном смысле отходит от «гоголевского» направления, возвращаясь к эпической пушкинской простоте и ясности.¹⁵⁰ В свою очередь Григорьев, отойдя от кружковой узости «Москвитянина», ищет собственную трибуну и временно находит ее в журнале «Русское слово», где в 1859 году появится его блестящая статья, посвященная творчеству Тургенева, — «И. С. Тургенев и его деятельность. По поводу романа „Дворянское гнездо“».

¹⁵⁰ См.: *Лукина В. А.* Кому «жал» башмак Гоголя? // *И. С. Тургенев. Новые материалы и исследования.* М.; СПб., 2011. Вып. 2. С. 154–159.

А. Г. Гродецкая

**ТУРГЕНЕВСКОЕ «ЗАТИШЬЕ»
В ТОЛСТОВСКОМ «ВОСКРЕСЕНИИ»
(Ситуация чтения в структуре текста)**

В широко понимаемой и широко применяемой в последние десятилетия теории интертекстуальности¹ *ситуация чтения* рассматривается как один из вариантов функционирования в тексте *чуждого слова/текста*.² Чужой текст служит «основой генерирования смыслов», задает, кодирует, прогнозирует определенный круг ассоциаций,³ или, иными словами, «межтекстовые связи создают вертикальный контекст произведения».⁴

В романе «Воскресение» мы имеем дело с тургеневским текстом как *чужим*, что само по себе представляет исключительный интерес, как

¹ См., например, библиографию (746 названий): *Козицкая Е. А.* Цитата, «чужое» слово, интертекст: Материалы к библиографии // *Литературный текст: Проблемы и методы исследования: Сб. науч. трудов. Тверь, 1999. Вып. 5.*

² См.: *Западов А. В.* Книга в руках литературных персонажей // *Западов А. В., Соколова Е. П.* Недочитанные строки: Книговедческие статьи и очерки. М., 1979. С. 153–240; *Альтман М. С.* Персонажи произведений Пушкина как читатели // *Болдинские чтения. Горький, 1981. С. 178–181; Володина Н. В.* Герои романа И. А. Гончарова «Обрыв» как читатели // *Материалы Междунар. науч. конф. Ульяновск, 2003. С. 154–163; и др.*

³ См.: *Лотман Ю. М.* Текст в тексте [1981] // *Лотман Ю. М.* Избр. статьи: В 3 т. Таллин, 1992. Т. 1. С. 148–160; *Бухаркин П. Е.* О функции цитаты в повествовательной прозе [1990] // *Бухаркин П. Е.* Риторика и смысл. СПб., 2001. С. 100–127.

⁴ *Фатеева Н. А.* Контрапункт интертекстуальности. Интертекст в мире текстов. 2-е изд. М., 2007. С. 12.

с точки зрения творческого диалога Толстой — Тургенев, так и с точки зрения функций цитатного элемента в толстовском тексте, очевидно не цитатном и не «литературном», в отличие, например, от признанной повышенной «литературности» текстов Достоевского (и не только Достоевского).⁵ Принадлежащее Б. М. Эйхенбауму высказывание о Толстом, писавшем так, как будто до него вообще не было литературы,⁶ позднее, варьируясь, повторялось неоднократно. В одной из недавних статей, к примеру, А. Генис отметил: «Толстой пишет так, как будто до него ничего не писали вовсе. Если роман XX века часто наполовину коллаж, наполовину критика, то „Война и мир“ поражает полным отсутствием литературных реминисценций. <...> Между тем именно в этом цель Толстого, ищущего язык самой жизни, обходящейся без посредников».⁷

Минимальное присутствие *чужого текста* у Толстого М. М. Бахтин объяснял доминированием у него внутреннего диалогизма над любым диалогом, обращенным вовне: «...слово у Толстого отличается резкой внутренней диалогичностью, причем оно диалогизировано как в предмете, так и кругозоре читателя, смысловые и экспрессивные особенности которого Толстой остро ощущает. Эти две линии диалогизации (в большинстве случаев полемически окрашенной) очень тесно сплетены в его стиле: слово у Толстого даже в самых „лирических“ выражениях и в самых „эпических“ описаниях созвучит и диссонирует (больше диссонирует) с различными моментами разноречивого социально-словесного сознания, опутывающего предмет, и в то же время полемически вторгается в предметный и ценностный кругозор читателя, стремясь поразить и разрушить апперцептивный фон его активного понимания. В этом отношении Толстой — наследник XVIII века, в особенности Руссо. Отсюда иногда происходит сужение того разноречивого социального сознания, с которым полемизирует Толстой, до сознания ближайшего современника, современника дня, а не эпохи, и вследствие этого и крайняя конкретизация диалогичности (почти всегда

⁵ См.: *Михновец Н. Г.* Прецедентные произведения и прецедентные темы в диалогах культур и времен. Место и роль прецедентных явлений в творчестве Ф. М. Достоевского: Монография. СПб., 2006. Ср.: *Кожевникова Н. А.* «Чужое слово» в романах И. С. Тургенева // *Поэтика. Стилистика. Язык и культура: Памяти Т. Г. Винокур. М., 1996. С. 53–61; и др.*

⁶ «Толстой идет к литературе так, как будто ее еще никогда не было...» (*Эйхенбаум Б. М.* Лев Толстой. Книга первая. Пятидесятые годы // *Эйхенбаум Б. М.* Лев Толстой. Исследования. Статьи. СПб., 2009. С. 166).

⁷ *Генис А.* «Война и мир» в 21 веке // *Октябрь. 2003. № 9. С. 175.*

полемики). Поэтому-то диалогичность, столь отчетливо слышимая нами в экспрессивном облике его стиля, нуждается иногда в специальном историко-литературном комментарии: мы не знаем, с чем именно диссонирует или созвучен данный тон, а между тем это диссонирование или созвучание входит в задание стиля. Правда, такая крайняя конкретность (иногда почти фельетонная) присуща лишь второстепенным моментам, обертонам внутренней диалогичности толстовского слова.⁸

В «Воскресении» мы встречаем редкий для толстовских текстов случай именно не диссонирования, но созвучания (если использовать категории Бахтина) толстовского слова и слова тургеневского. Известно, насколько пристрастен был Толстой в художественных оценках. Среди тургеневских произведений он неизменно выделял, любя их, «Записки охотника», статью «Гамлет и Дон-Кихот», «Довольно»,⁹ обходя молчанием или же высказываясь критически о его романах. «Романы Тургенева отец ставил ниже его рассказов, — свидетельствовал С. Л. Толстой. — Помню только, что он хвалил „Затишье“, начало „Аси“, „Вешние воды“». ¹⁰ «Затишье», прочитанное Толстым в молодости, не ушло из его творческой памяти, неожиданно оно воскресает в его последнем романе.

Непросто вспомнить, что читают герои Толстого. Что читает Андрей Болконский? Или княжна Марья? Или Пьер? А это персонажи того

⁸ Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 96. Собственно, о той же внутренней диалогичности писал и Эйхенбаум: «Для Толстого всякое убеждение, всякий тезис существует рядом и одновременно с его антитезисом; для него „убеждение“ стоит в одном ряду с другими проявлениями душевной жизни, всегда текучими, живущими сразу в двух, а то и в трех планах, и потому никогда не исчерпывающими себя. Отсюда — многосмысленность его семантики и многослойность его построений („параллелизм“). Смыслы Толстого существуют только в сопоставлениях — все у него осмысливается только на фоне другого, а не само по себе, и потому все складывается мозаикой. Тенденция, „догма“ служит в этой мозаике необходимым цементом — и именно потому крепко входит в самую конструкцию» (Эйхенбаум Б. М. Лев Толстой. Книга первая. Пятидесятые годы. С. 163).

⁹ См. в известном письме Толстого к М. М. Ледерле от 25 октября 1891 г. с перечнем книг, влиявших на него в разные годы (Толстой. Т. 66. С. 67). Проблема творческих отношений Толстого и Тургенева широко освещена в исследованиях разных лет; см., например: Лоцинин Н. П. Л. Н. Толстой и И. С. Тургенев (Творческие и личные отношения). Тула, 1982; Громова-Опульская Л. Д. Тургенев и Лев Толстой (История дружбы и полемики) // И. С. Тургенев и современность: Международный науч. конф., посвящ. 175-летию со дня рожд. И. С. Тургенева. М., 1997. С. 11–19; и многочисленные другие.

¹⁰ Толстой С. Л. Тургенев в Ясной Поляне // Толстой С. Л. Очерки былого. Тула, 1956. С. 302.

духовно-интеллектуального потенциала, в формировании которого книжный опыт и знание, казалось бы, должны играть едва ли не решающую роль. Е. В. Петровская, задаваясь тем же вопросом, рассмотрела последовательно ряд эпизодов, связанных в «Войне и мире» с книгой и чтением, и пришла к следующему выводу: «Отставленная, отодвинутая книга становится повторяющимся мотивом в „Войне и мире“ — эмблемой отказа от земного знания ради высшей истины. Чтение не проясняет, а затемняет жизнь или создает иллюзию прояснения. <...> Ни одна книга в „Войне и мире“ не „интимизируется“, не становится для автора или героев „своей“, событием внутренней жизни».¹¹ Исключение, уточняет автор статьи, составляет Евангелие, о котором просит умирающий князь Андрей, и Плутарх, которого читает сын Болконского Николенька в Эпиплоге, однако последний — детское чтение, а *детское*, «всегда подлинное и поэтичное», «не подвергается остранению и не становится предметом авторского иронического комментария».¹²

Что читает Константин Левин, самый «автопсихологический» (Л. Я. Гинзбург) из героев Толстого? Левин читает английского физика Джона Тиндаля, его исследование о теплоте.¹³ Заметим кстати, что самый начитанный, самый «цитатный» персонаж в «Анне Карениной» — Стива Облонский, и его декламирование то Пушкина, то Фета, окрашенное иронией повествователя, предстает театральным, выдающим в персонаже склонность к фразе и поэзе.¹⁴

Всем памятен эпизод чтения Анной Карениной английского романа — в поезде по дороге из Москвы в Петербург. Анна читает английский ро-

¹¹ *Петровская Е. В.* Что читают герои Л. Н. Толстого? (Книги и чтение в «Войне и мире») // Лев Толстой и мировая литература: Материалы III Междунар. науч. конф. Тула, 2003. С. 25, 28.

¹² Там же. С. 28. В черновых редакциях романа, что отмечено Е. В. Петровской, сфера *чужого слова и чтения* шире, чем в окончательном тексте.

¹³ В 1872 г. Толстой читал книгу Тиндаля «Теплота, рассматриваемая как род движения» (СПб., 1864). См. об этом: *Орвин Д.* Почему Левин читает Тиндаля // Лев Толстой и мировая литература: Материалы V Междунар. науч. конф. Ясная Поляна, 2008. Вып. 5. С. 209–218.

¹⁴ Облонский дважды, и оба раза неточно («Узнаю коней ретивых по каким-то их таврам...»), сначала в разговоре с Левиным (гл. X), затем при встрече с Вронским (гл. XVII), цитирует «Из Анакреона» Пушкина. Позднее он же произносит: «Не будь, о моралист, так строг!..», перефразируя начальную строку одного из переведенных Фетом стихотворений (из Гафиза) «Не будь, о богослов, так строг! / Не дуйся, моралист, на всех!». См.: *Бабаев Э. Г.* Комментарии // Толстой Л. Н. Собр. соч.: В 22 т. М., 1982. Т. 9. С. 481, 493.

ман, и ей хочется не читать, «ей слишком самой хотелось жить».¹⁵ Этой сцене посвящена значительная исследовательская литература, главным образом англоязычная.¹⁶ Английский семейный роман викторианской эпохи Толстой прекрасно знал, регулярно покупая и читая в оригинале, помимо Диккенса и Теккерея, — Энтони Троллопа, Джоржа Элиота (Мэри Энн Эванс), Мэри Элизабет Брэддон и других далеко не самых известных авторов.

Приходится признать, что для толстовского персонажа чтение не выполняет своей традиционной функции, не является ни способом самоидентификации, ни посредником в узнавании *другого*, в диалоге с ним. Человек Толстого — не *homo legens*, не читатель. Для толстовского человека, для его самопостроения, самопознания и самовыражения *книжное* знание не актуально, актуально, напротив, именно *некнижное* знание о мире и человеке. На этом, собственно, на очевидном приоритете жизненного знания, живой жизни строится его культурный негативизм и его общая философия жизнепонимания.

Проблема *homo legens* для толстовских текстов стоит иначе, нежели она стояла в предпушкинскую и пушкинскую эпоху, когда именно литературой формировались характер и тип поведения человека и когда, по словам Ю. М. Лотмана, «смысл живых чувств и страданий» человеку читающему *объясняли* литературные герои.¹⁷ Литературоцентризм, разумеется, не исчерпал себя конкретным временем и в разных формах продолжал существовать и позднее. Основная задача Толстого, как ее определяет в цитированной выше работе Е. В. Петровская, — «сказать о жизни последнюю правду, скрытую или искаженную „другими“», в число которых входят и литераторы-предшественники. «Истина у Толстого — за пределами книжных страниц. И это основной толстовский

¹⁵ «Анна Аркадьевна читала и понимала, но ей неприятно было читать, то есть следить за отражением жизни других людей. Ей слишком самой хотелось жить. Читала ли она, как героиня романа ухаживала за больным, ей хотелось ходить неслышными шагами по комнате больного; читала ли она о том, как член парламента говорил речь, ей хотелось говорить эту речь; читала ли она о том, как леди Мери ехала верхом за стаей и дразнила невестку и удивляла всех своею смелостью, ей хотелось это делать самой. Но делать нечего было, и она, перебирая своими маленькими руками гладкий ножичек, усиливалась читать» (*Толстой*. Т. 18. С. 106–107).

¹⁶ См.: *Cruise E. Tracking the English Novel in Anna Karenina: Who Wrote the English Novel that Anna Reads? // Anniversary Essays on Tolstoy / Ed. by D. T. Orwin. Cambridge, 2010. P. 159–182* (здесь же — литература вопроса).

¹⁷ См.: *Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). СПб., 1994. С. 55–56.*

парадокс: перед нами писатель, который не доверяет письменному слову». ¹⁸

И после всего сказанного... в романе «Воскресение» мы имеем пример, опровергающий выстроенную выше схему. Решусь утверждать, что это редчайший подобного рода случай в толстовской прозе. В «Воскресении» *чужой* литературный текст возникает в традиционной для русской (и европейской) романистики *ситуации чтения* и выполняет закрепленные традицией для этой ситуации функции.

В первых главах романа, когда в зале суда Нехлюдов узнает в проститутке Любке Катюшу, здесь же ретроспективно воссоздаются два эпизода его приезда в имение к тетушкам, где в первый приезд возникает молодая, невинная и чистая любовь к Катюше, а во второй — Нехлюдов соблазняет и бросает ее.

В первый приезд к тетушкам «Нехлюдов давал ей <Катюше> Достоевского и Тургенева, которых он сам только что прочел. Больше всего ей нравилось „Затишье“ Тургенева». ¹⁹ Характерно, что «Затишье» упоминается уже в самых ранних редакциях романа, а именно в 1-й законченной редакции, относящейся к 1895 году. «Воскресение», стоит напомнить, писалось в течение десяти лет, в три приема, оно было начато в 1889–1890 годах, к работе над текстом Толстой вернулся летом и осенью 1895-го и затем — только летом и осенью 1898-го, завершив роман непосредственно в гранках «Нивы» в 1899 году. Текст романа известен в восьми редакциях, двух незаконченных и шести законченных, ²⁰ его рукописи и правленные корректуры составляют 7044 листа (тогда как рукописи «Войны и мира» — 5202 листа). ²¹

Если тургеневское «Затишье», появившись в 1-й законченной редакции романа, прошло через все редакции и присутствует в тексте на всех этапах работы, то иначе обстоит дело с Достоевским. В 1-й редакции эпизод *чтения* (он существует в двух вариантах) выглядел так. Первый вариант (Нехлюдов в имении тетушек): «Нехлюдов» увидел раз, что она читает, спросил, что это было. Это был Тургенев — рассказы. Нехлюдов, любивший тогда особенно Достоевского, дал ей „Преступле-

¹⁸ Петровская Е. В. Что читают герои Л. Н. Толстого? С. 21, 28.

¹⁹ Толстой. Т. 32. С. 46.

²⁰ См. подробнее: Гудзий Н. К. История писания и печатания «Воскресения» // Толстой. Т. 33. С. 329–422.

²¹ См.: Описание рукописей художественных произведений Л. Н. Толстого. М., 1955. С. 370–371, 95. В действительности, с учетом оборотов листов в толстовских автографах, рукописей и корректур романа значительно больше.

ние и наказание“».²² Второй вариант (Нехлюдов в зале суда): «Он не мог свести с нее глаз и то видел ее такую, какой она была, когда бегала в горелки, или такую, когда она рассуждала с ним про „Затишье“ Тургенева и вся волнами вспыхивала, говоря, что ей больше и делать нечего было, как утопиться...».²³ Речь идет о Марье Павловне, героине «Затишья», бросившейся в пруд после того, как ее оставил Веретев.

Упоминание «Преступления и наказания» из окончательного текста уходит, «Затишье» — остается. Именно во время работы над 1-й законченной редакцией романа 20 июня 1895 года в Записной книжке Толстой делает запись: «Она читает Тургенева».²⁴ То есть образ главной героини был задуман и создавался как ориентированный на тургеневских героинь, созвучный им, воспитанный чтением Тургенева. Катюше, несомненно, близок нравственный максимализм Марьи Павловны, героини «Затишья», и конкретный тургеневский текст ее характер, ее позицию и объясняет.

Что еще здесь представляется важным? Тургеневский текст конкретизирует время действия в первой части романа, точнее, в одном из временных слоев хронологически разностойного текста. «Затишье», впервые опубликованное в 1854 году, Толстой читал в купленном им трехчастном издании «Повестей и рассказов» Тургенева 1856 года. Причем показательно: издание вышло 2 ноября 1856 года,²⁵ а уже 9 ноября Толстой отсылает «Повести и рассказы» Валерии Арсеньевой, которой был тогда увлечен, со словами: «Посылаю Вам еще повести Тургенева <...> по-моему, почти все прелестно», и особенно рекомендует «Андрея Колосова», «Затишье» и «Двух приятелей». Однако 10 ноября он записывает в Дневнике: «Прочел все повести Тургенева. Плохо».²⁶

Реминисцентный слой в «Воскресении» развернут к прозе Толстого второй половины 1850-х годов, в романе большое количество авторе-

²² Рук. 5. Л. 45. Варианты этой редакции, не вошедшие в число выборочно опубликованных в Юбилейном издании Н. К. Гудзием (см.: *Толстой*. Т. 33. С. 23–94), даны по рукописям, с нумерацией, соответствующей «Описанию рукописей...». О работе Гудзия над основным текстом романа и его редакциями см.: *Гродецкая А. Г.* Текст «Воскресения» в реконструкции Н. К. Гудзия (принципы, полемика, итоги) // *РЛ*. 2012. № 3. С. 70–84.

²³ *Толстой*. Т. 33. С. 57.

²⁴ Там же. Т. 53. С. 252. Здесь стоит отметить, что в окончательном тексте романа Тургенева дает читать Катюше Нехлюдов. Иначе остается неясным, откуда могли появиться рассказы Тургенева в деревне у горничной тетюшек, которые, очевидно, сами ничего не читали.

²⁵ См.: *Летопись (1818–1858)*. С. 351.

²⁶ *Толстой*. Т. 60. С. 104; Т. 47. С. 99.

минисценций,²⁷ прежде всего из «Юности», третьей части автобиографической трилогии, создававшейся в 1856–1857 годах. Не случайно воскресает в романе и Дмитрий Нехлюдов, впервые появившийся в «Отрочестве» в 1854 году, затем в «Юности» и сохранившийся в качестве центрального персонажа в «Утре помещика», написанном в 1856 году, и «Люцерне», опубликованном в 1857 году (под названием «Из записок князя Дмитрия Нехлюдова. Люцерн»).

С. И. Танееву, частому посетителю Ясной Поляны в 1890–1900 годах, Толстой в 1896 году за шахматной партией признался, что с тургеневской повестью «Затишье» «у него соединено самое приятное воспоминание. В Севастополь ему привез ее знакомый ему доктор <...>». «...Тогда, — добавляет мемуарист, — Л<ев> Н<иколаевич> не думал о литературе и повестях, и он получил большое удовольствие от чтения».²⁸ Это мемуарное свидетельство, может быть, и не вполне хронологически точно, но толстовское впечатление от чтения повести оно также относит к 1850-м годам.

Благодаря упоминанию тургеневского «Затишья», которое читают влюбленные герой и героиня, сама *ситуация чтения* воспринимается и работает как «литературная», реализующая определенный культурный код. Что, повторю, для прозы Толстого в целом не характерно. Через чтение герой и героиня получают возможность самовыражения, и через чтение происходит их эмоциональное, психологическое, эстетическое (вкусное), нравственное взаимораскрытие, взаимоузнавание и сближение. Толстой воспроизводит ситуацию, которую Ю. М. Лотман описал для литературы предромантизма и романтизма, когда «объяснение в любви происходит как обмен поэтическими цитатами».²⁹

Функционально не менее стереотипна, «литературна» и сюжетная коллизия, когда герой выступает по отношению к девушке, которой увлечен, в роли учителя. По ходу развития сюжета происходит обмен ролями, и любящая женщина (ее мир, по замечанию Ю. М. Лотмана, «наивный, но на самом деле глубокий»³⁰) становится для него учителем в школе «воспитания чувств». Именно эта метаморфоза создает основу

²⁷ Об этом см., например: *Матвеева И. Ю.* 1) Воспоминание в художественной системе романа Л. Н. Толстого «Воскресение»: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2002; 2) Автоцитация в романе Л. Н. Толстого «Воскресение» // Яснополянский сборник. 2012. Тула, 2012. С. 364–378.

²⁸ Цит. по: *ПССуП(2)*. Соч. Т. 4. С. 636–637.

²⁹ *Лотман Ю. М.* Беседы о русской культуре. С. 59.

³⁰ Там же. С. 57.

конфликта в тургеневских повестях и романах 1850-х годов. И не только в тургеневских. Литературный ряд здесь может быть выстроен очень широкий, включающий и «Евгения Онегина», и «Кто виноват?» Герцена, и «Обломова» (линия Ольги и Штольца) и «Обрыв» Гончарова, и «Что делать?» Чернышевского, и наконец, «Воскресение». В качестве текста, порождающего этот прецедентный сюжет³¹ (*учитель—ученица* с последующей сменой ролей), как правило, рассматривается «Новая Элоиза».³²

Для «Воскресения», безусловно, принципиальна не столько функция чтения и ее литературно-конвенциональная природа, важен сюжет «Затишья» как параллель драматической (а отчасти и мелодраматической) ситуации обманутой и отвергнутой, поруганной любви. В завязке толстовского романа «Затишье» возникает как трагическое предзнаменование этой ситуации, и название повести у Толстого сохраняет, как и в оригинале у Тургенева, тот же взрывной, «предгрозовый» характер.

Возвращаясь к *ситуации чтения*, стоит добавить, что персонажи Толстого читают повесть, главная героиня которой, Марья Павловна, не читает не только стихов, но вообще ничего не читает, причем отказывается от чтения вызывающе, демонстративно. Пушкинский «Анчар», как мы помним, первое прочитанное ею литературное произведение, производящее в ее душе переворот. Тургеневское «Затишье», таким образом, внутри толстовского текста создает своеобразно удвоенную коллизию, связанную именно с чтением.

³¹ О широко трактуемой прецедентности см. в указанной выше монографии Н. М. Михновец.

³² См.: *Лотман Ю. М.* Беседы о русской культуре. С. 60; *Паперно И. А.* Семиотика поведения: Николай Чернышевский — человек эпохи реализма. М., 1996. С. 81–87 (гл. «Учитель»). Именно этот культурный код и его социальный аспект имел в виду Гончаров, когда в «Обрыве» вложил в уста Райского реплику: «Я уверен, что мы подходим к катастрофе и что герой ее — русский учитель <...>. Это наши *jeunes premiers* <герои-любовники — франц.>...» (ч. 1, гл. 14; *Гончаров И. А.* Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 2004. Т. 7. С. 96).

О. Б. Кафанова

ТУРГЕНЕВ — ИНТЕРПРЕТАТОР И ПЕРЕВОДЧИК ГОГОЛЯ

Среди многочисленных трудов Тургенева-переводчика его переводы повестей Н. В. Гоголя относятся к самым ранним опытам. Замысел переводов из Гоголя возник во время второго приезда Полины Виардо на гастроли в Петербург в сезон 1844/1845 года, в сопровождении мужа — человека, который занимает видное место в истории французской культуры.

Луи Виардо, юрист по образованию, был известным журналистом и писателем. В 1820-е — 1830-е годы он сотрудничал в таких газетах и журналах, как «Globe», «National», «Siècle», «Revue des Deux Mondes». Вместе с Жорж Санд в 1840-е годы он издавал журнал «Revue indépendante». Его перу принадлежат «Histoire des Arabes et des Mores d'Espagne» («История испанских арабов и мавров», 1833), «Etudes sur l'histoire des institutions, de la littérature, du théâtre et des beaux-arts en Espagne» («Очерк истории учебных заведений, литературы, театра и изящных искусств в Испании», 1835), «Notices sur les principaux peintres de l'Espagne» («Заметки о главных художниках Испании», 1839), «Musées d'Italie» («Музеи Италии», 1842), «Espagne et beaux-arts» («Испания и изящные искусства», 1866), «Les Merveilles de la peinture» («Шедевры живописи», 1868–1869), «Les Merveilles de la sculpture» («Шедевры скульптуры», 1869) и другие сочинения.¹ Вместе с тем Виардо перевел на фран-

¹ Виардо-Гарсиа // Большая энциклопедия. Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания. СПб., 1903. Т. 5. С. 175. См. также: *Escalier E.* Hispanistes français érudits de 1830 à 1875 (de Viardot à Th. De Puymaigre) // *Mémoire dactylo-*

цузский язык «Дон-Кихота» Сервантеса (1836–1837), а в 1845 году выпустил сборник повестей Гоголя под названием: «Nicolas Gogol. Nouvelles russes. Traduction française. Publiée par Louis Viardot» («Николай Гоголь. Русские повести. Французский перевод. Изданный Луи Виардо»). Примечательно, что себе Виардо отвел роль публикатора, а в предисловии признавался: «Мне остается лишь объяснить, как, не зная ни слова по-русски, я издаю перевод русской книги. Выполненная в Санкт-Петербурге, работа эта принадлежит мне в меньшей степени, нежели двум моим друзьям, гг. И. Т., молодому писателю, уже известному как поэт и критик, и С. Г., который подготавливает, наряду с более легкими сочинениями, „Историю славянских племен“».²

Под инициалами И. Т. подразумевался Иван Тургенев, а под С. Г. — Степан Гедеонов, сын директора императорских театров, историк и драматург. Можно предположить возникновение и осуществление замысла переводов Тургенева следующим образом. Блистательные гастроли П. Виардо в Петербурге привели в ее дом несколько наиболее настойчивых поклонников, среди которых двоим — Гедеонову и Тургеневу — удалось стать друзьями дома и сблизиться с Луи Виардо. Однако если сотрудничество Гедеонова с мужем прославленной певицы оказалось кратковременным, то Тургенев стал до конца жизни близким другом Луи Виардо, причем эта дружба подкреплялась и совместной литературной деятельностью.³

graphié. Paris, 1961. P. 94–219; *Zviguilsky A. Louis Viardot. Actes de la Table Ronde sur Louis Viardot // Cahiers*. N 8 (1984). P. 5–14.

² *Gogol Nicolas. Nouvelles russes. Traduction française. Publiée par Louis Viardot*. Paris, 1845. P. VI–VII. Перевод Л. Р. Ланского цит. по: *ЛН*. Т. 73. Кн. 1. С. 273.

³ Вопрос о степени участия Луи Виардо и Тургенева в подготовке первых переводов Гоголя на французский язык был подробно рассмотрен М. П. Алексеевым еще в 1954 г. в статье «Мировое значение Гоголя» (перепечатано в кн.: *Алексеев М. П. Русская литература и ее мировое значение*. Л., 1989. С. 175–206). М. П. Алексеев считал, что «на самом деле идея этого издания, выбор текстов и самый перевод принадлежали И. С. Тургеневу», как и предисловие к книге, продиктованное Тургеневым Л. Виардо (Там же. С. 181). Особое внимание уделил ученый роли Белинского в замысле этого издания. См. также: *Cadot M. 1) Un problème de collaboration littéraire. I. S. Tourguéniev et Louis Viardot // Actes du V-e Congrès de l'Association Internationale de la littérature comparée (Belgrad, 1967). Amsterdam, 1969. P. 603–608; 2) Le rôle de Tourguéniev et de Louis Viardot dans la diffusion de la littérature russe en France // Cahiers*. N 5 (1981). P. 51. О полемике по поводу участия Л. Виардо в переводе Гоголя см.: *Генералова Н. П. О первых переводах произведений Н. В. Гоголя во Франции (И. С. Тургенев, Луи Виардо и «Nouvelles russes de Nicolas Gogol») // Н. В. Гоголь: Загадка третьего тысячелетия. Первые Гоголевские чтения. Сб. док-*

О том, каким образом осуществлялся перевод повестей Гоголя, Л. Виардо поведал сам в предисловии к изданию Гоголя: «Они любезно согласились продиктовать мне по-французски подлинный текст. Я же только слегка выправил слова и фразы; и если стиль принадлежит отчасти мне, то смысл — им одним. Я могу поэтому обещать, во всяком случае, совершенную точность». По признанию Виардо, они (то есть он и его русские помощники) следовали правилу, предписываемому переводчикам Сервантесом: «Ничего не прибавлять и ничего не убавлять».⁴ Этот принцип знаменовал отказ от принятого во Франции на протяжении XVIII — начала XIX веков того типа перевода, который справедливо именуется «склонением на наши нравы». Виардо пояснил и свой принцип отбора: он выбрал произведения, отличавшиеся «более общим характером, который позволил бы лучше передать их на чужой язык и понять в чужой стране».⁵

В этот первый сборник было включено пять повестей: «Тарас Бульба», «Записки сумасшедшего», «Коляска», «Старосветские помещики» и «Вий». Их «общий характер» состоял, по-видимому, в том, что «Тарас Бульба» «перекликался» с легендами о древних европейских героях, а старосветские помещики могли напомнить Филемона и Бавкиду, благочестивую супружескую чету из греческой мифологии. Мистика «Вия» во многом восходила к фольклору с его «бродячими сюжетами». Безумие могло восприниматься как болезнь, которая способна поразить человека любой национальности. И, наконец, «Коляска» строилась на анекдотичной сюжетной основе, не чуждой для многих культур. Таким образом, повести Гоголя, вошедшие в первый сборник, объединялись идеей близости тому, что должно было быть понятно и доступно французскому читателю. Правда, Виардо сразу отметил в предисловии «оригинальную манеру» Гоголя, «живописную» и «немного грубую и дикую, как нравы и страна, которые он верно воссоздает».⁶

Из переписки Луи Виардо и Тургенева доподлинно известно, что Тургенев перевел две повести — «Вий» и «Коляска». Скорее всего, он принимал непосредственное участие и в переводе трех других повес-

ладов / Под ред. В. П. Викуловой. М., 2002. С. 155–164. Здесь же приведены выдержки из неопубликованных писем Л. Виардо к Тургеневу (вошедших затем в изданную А. Звигильским в 2010 г. переписку Тургенева и Луи Виардо), подтверждающие точку зрения М. П. Алексева.

⁴ *Gogol Nicolas. Nouvelles russes. P. VII.*

⁵ *Ibid. P. VI.* Перевод Л. Р. Ланского цит. по: *ЛН. Т. 73. Кн. 1. С. 273.*

⁶ *Gogol Nicolas. Nouvelles russes. P. VI.*

тей, в том числе «Тараса Бульбы», однако необходимо провести стилистический анализ всех переводных текстов с целью установления сходства в приемах и лексико-синтаксической избирательности. В письме, датированном 18 февраля (2 марта) 1845 года и запечатлевшем через неправильную орфографию насмешку над французским произношением русских, Луи Виардо пишет: «*Potêtre finirons-nous ce soir Tarass Boulba; n'oubliez pas la Calèche, vi prego*» («Возможно, мы закончим сегодня вечером „Тараса Бульбу“; не забудьте про „Коляску“, *vi prego* <я Вас прошу — *исп.*>»).⁷ Из этого письма Н. Г. Жекулин делает два вывода. Во-первых, исследователь полагает, что перевод «Коляски» в виде исключения не был продиктован, но сразу написан Тургеневым, тем более что о методе работы над переводом «Вия» говорится в другом письме Л. Виардо, от 1 (13) марта 1845 года: «...я царапаю для Вас это письмецо с той же спешкой, какую прилагал бы, чтобы записать Вашу диктовку о похождениях философа Фомы Брута <...>». ⁸ Н. Г. Жекулин полагает также, что сама мысль перевода произведений Гоголя на французский язык исходила не от Тургенева, поскольку первая повесть, помещенная в сборнике («Тарас Бульба»), подготавливалась в его отсутствие.⁹

Эти выводы вызывают цепочку размышлений или даже возражений. О характере совместной работы Тургенева и Виардо оставили свое свидетельство некоторые деятели русской культуры. Например, Ф. В. Булгарин довольно иронично описал, как Тургенев готовил переводы (или подстрочник к ним) для Л. Виардо: «Недавно еще, в текущем году, говорил я в „Северной пчеле“ („Всякая всячина“, № 22 „Сев<ерной> пчелы“), что у нас есть люди, которые ловят каждого заезжего к нам чужеземного литератора, чтоб внушить ему свои понятия о русской литературе и русских литераторах, т. е. похвальное мнение о своих собственных и приятелей своих сочинениях и дурное о своих противниках и критиках. Таким образом уловили г-на Мармье и других; точно так же поймали и г. Виардо, уверили его, что первый писатель в России, из всех бывших и будущих, есть г. Гоголь, и пригласили *перевест* его сочинения. Но как же переводить, когда г. Виардо, как мне весьма хорошо известно, не

⁷ Correspondance Ivan Tourguéniev — Louis Viardot. Sous la sceau de la fraternité / Texte édité, préfacé et annoté par Alexandre Zviguilsky // *Cahiers*. N 24 (2000). P. 45.

⁸ Ibid. P. 48.

⁹ Благодарю Н. Г. Жекулина за предоставленную возможность ознакомиться с материалами готовящегося им совместно с сотрудниками ИРЛИ РАН электронного издания переводов Тургенева.

знает трех слов по-русски? К нему отрядили одного из гениев *новой, натуральной школы*, знающего французский язык (т. е. французские слова), и он стал надстрочно переводить для г. Виардо сочинения г. Гоголя, а г. Виардо долженствовал сообщить этому переводу слог и свойства французского языка, как говорится, *офранцузить* чужеземное слово. Встречая часто у г. Виардо этого гения *новой, натуральной школы* за бумагами, я однажды не мог вытерпеть, чтоб не изъявить моего удивления, и тогда г. Виардо сознался мне, что этот гений переводит для него сочинения г. Гоголя, с которыми он намерен познакомить Европу».¹⁰

Если абстрагироваться от язвительного тона и тяжеловесного стиля Булгарина, то его слова приобретают значение важного и достоверного свидетельства, проясняющего метод работы над переводом. Здесь речь идет явно не о диктовке, а о записанном тексте. Тогда весь процесс можно представить следующим образом: Тургенев готовил подстрочник, а Виардо его редактировал, снабжая комментариями, необходимыми, по его мнению, для французского читателя. Но вместе с тем возникают вопросы, на которые, по-видимому, нет определенного ответа. Может быть, способ диктовки и непосредственного совместного перевода был более характерен для сотрудничества Виардо со С. А. Гедеоновым, чем для сотрудничества Виардо и Тургенева? Или же сама по себе работа под «диктовку» не исключала подготовки подстрочника?

С другой стороны, несомненно, именно Тургеневу принадлежали все рассуждения о Гоголе и о его значении для русской литературы, высказанные в предисловии к сборнику. При этом, конечно, все эти суждения несут печать непосредственного влияния идей В. Г. Белинского и всего его кружка, на что в свое время справедливо указывал академик М. П. Алексеев. В краткой статье, предпосланной сборнику переводов 1845 года, говорилось, что «после смерти поэтов Пушкина и Лермонтова, погибших в расцвете жизни в результате роковых дуэлей, именно Гоголю отводят место в первом ряду русских писателей».¹¹

С еще большим основанием можно предположить, что Тургенев явился автором предисловия ко второму французскому сборнику повестей Гоголя, который Л. Виардо переиздал в 1853 году под другим названием, но также только со своим именем на обложке: «*Nouvelles choisies de Nicolas Gogol. Traduites du russe par Louis Viardot*» («Избранные повести Николая Гоголя. Переведены с русского Луи Виардо»). Это

¹⁰ Северная пчела. 1846. 12 марта. № 57. С. 226. Ср.: *Белинский В. Г.* Литературные и журнальные заметки // *Белинский*. Т. 9. С. 610

¹¹ *Gogol Nicolas. Nouvelles russes*. P. V.

издание вышло уже после смерти Гоголя, которую Тургенев глубоко переживал. Очевидны явные переключки между его мыслями о Гоголе в письме к Полине Виардо, написанном под впечатлением этой трагедии, и характеристикой русского писателя в предисловии к изданию 1853 года.

В письме от 21 февраля (4 марта) — 4 (16) марта 1852 года Тургенев сообщал Полине Виардо: «Нас постигло великое несчастье: Гоголь умер в Москве, умер, предав все сожжению, все — 2-й том „Мертвых душ“, множество оконченных и начатых вещей, — одним словом, все! Вам трудно оценить всю огромность этой столь жестокой, столь невосполнимой утраты. Нет русского, сердце которого не обливалось бы кровью в эту минуту. Для нас он был не просто писатель: он нам открыл нас самих <...> Самые пронизательные и умные из иностранцев, как, например, Мериме, видели в Гоголе только юмориста английского типа, его историческое значение совершенно ускользнуло от них. Повторяю, надо быть русским, чтобы понимать, кого мы лишились! <...> Похороны его вызвали поистине всеобщую скорбь. Гроб не дали водрузить на катафалк, толпа несла его на руках до самого кладбища, расположенного в 6 верстах от церкви. Представьте себе, здешняя цензура запрещает уже самое упоминание его имени!!!».¹²

Без сомнения, и сам Л. Виардо к этому времени более основательно познакомился с русской литературой. Если в 1845 году он объяснял, как читается фамилия *Гоголь* («произнесите *Гогль*, немного смягчив *л*»¹³), то в новом, гораздо более обстоятельном предисловии были даны биографические сведения и обзор творчества русского писателя. Но не менее очевидно, что либо он воспользовался мыслями, высказанными Тургеневым в письме к его жене, либо, что гораздо более вероятно, предложил русскому приятелю написать основную часть предисловия. Данная в нем характеристика своеобразия творческого метода Гоголя была точным воспроизведением и развитием тургеневских суждений. «Мы впали бы в серьезную ошибку и отняли бы у Гоголя его истинное значение, — говорилось в предисловии, — <...> если бы ограничились тем, что причислили его к писателям-фантастам, юмористам, наподобие Свифта или Стерна. Это означало бы видеть только одну сторону его таланта, наименее значительную, и заниматься только формой его сочинений; это означало бы в особенности не понимать его высокого

¹² ПССУП(2). Письма. Т. 2. С. 386–387. Подлинник по-франц.

¹³ *Gogol Nicolas. Nouvelles russes. P. V.*

исторического значения. Николай Гоголь такой великий художник нравов, что русские говорят о нем: „Он нам показал нас самих“». ¹⁴

Эти текстуальные совпадения свидетельствуют о том, что Тургенев, глубоко почитавший Гоголя, скорее всего был не только вдохновителем самой идеи второго издания перевода его произведений на французский язык как дани памяти ушедшего писателя, но и автором не учтенного ни в одном собрании сочинений предисловия к изданию «Nouvelles choisies de Nicolas Gogol». В отборе произведений, демонстрирующих разнообразие поэтики — от исторического эпоса до мистического и гротескно-сатирического повествования, также чувствовался вкус знатока и художника. Это тем более очевидно, что тургенеvedы давно убедительно связывают авторство статьи о русской литературе, вышедшей во Франции в июле 1845 года в газете «Illustration» и как бы предварявшей появление переводов из Гоголя, именно с Тургеневым. В статье отмечалась самобытность Гоголя как представителя Малороссии, а также присущий ему «неистощимый комический дар» и талант аналитика. «...Он обладает, — говорилось в статье, — своеобразным юмором, свойственным ему одному и отмеченным тем отпечатком глубокой грусти, которую всегда найдешь на дне славянской души. В русской жизни для него нет тайн; все классы общества поочередно подвергаются его беспощадному анализу <...>. Что касается его описаний русской природы, то они изумительно верны и поэтичны. И наконец, Гоголь произвел полный переворот в литературе своего отечества».

Далее Тургенев пояснял, в чем состоял этот переворот, подчеркивая своеобразие реалистического метода Гоголя: «Сознательный отказ от всякой высокопарности, от всякого литературного шарлатанства, широкая и спокойная манера воспроизведения современного состояния России, умение говорить о положительных сторонах без энтузиазма и о дурных — без негодования, величайшая способность создавать типы, искусство вдыхать жизнь во все описания вещей и людей, — эти разнообразные, но родственные качества обусловили поразительное влияние Гоголя и поставили его на первое место среди современных писателей».¹⁵

Таким образом, если резюмировать весь процесс работы над переводами Виардо–Тургенева–Гедеонова, то можно выделить ряд этапов.

Прежде всего, еще до издания повестей Гоголя на французском языке Виардо организует 19 июля 1845 публикацию в популярной газете

¹⁴ Nouvelles choisies de Nicolas Gogol. Traduites du russe par Louis Viardot. Paris, 1853. P. IV–V.

¹⁵ ПССУП(2). Соч. Т. 12. С. 515. Подлинник по-франц.

«Illustration» (N 125. P. 350–351) статьи «De la littérature russe contemporaine. Pouchkine. — Lermontof. — Gogol». В настоящее время можно считать доказанным, что ее автором является Тургенев. Завершалась статья анонсом готовящихся переводов. Французскому читателю предлагалось проверить мнение русских «о самом народном из их писателей». Одновременно автор апеллировал к читательскому любопытству: «Кроме духовного наслаждения, доставляемого каждым прекрасным произведением искусства, они также найдут у него самые верные представления, какие можно получить о чужом народе, не покидая своей страны».¹⁶

Вторым этапом явилась работа Виардо, который с помощью русских посредников редактирует одну за другой переводные повести и последовательно публикует их в журналах. В октябре в «Illustration» появилась повесть «Un Ménage d'autrefois» («Старосветские помещики») в номерах 136 и 137 (4 и 11 октября 1845) и «Les Mémoires d'un Fou» («Записки сумасшедшего») в номерах 138 и 139 (18 и 25 октября). Затем в «Journal des Débats» в декабре 1845 года (N 16) появляется повесть «Вий» («Le Roi des Gnomes»), а в самом конце 1845 года выходит сборник из пяти повестей Гоголя. Любопытно, что две повести — «Тарас Бульба» и «Колыска» не прошли этой предварительной журнальной апробации.

Наконец, на заключительном этапе — в январе 1846 года — по-видимому, сам Виардо подготавливает анонс о выходе тома переводных повестей Гоголя для «Illustration». Там, в частности, говорилось: «Г-н Виардо неутомимый путешественник. Из своих поездок он всегда привозит интересные очерки (исследования), иногда о политике и литературе, иногда об искусстве».¹⁷ Следует отметить, что первый анонс о готовящемся выходе повестей Гоголя был помещен в «Illustration» еще раньше, он содержался в самой статье о современной русской литературе, а также в примечании от редакции, сопровождавшем публикацию второй части «Старосветских помещиков». Между прочим там говорилось: «Сборник г. Гоголя имеет еще одно достоинство, помимо достоинства стиля и композиции, — он дает возможность читателю ознакомиться с нравами его родины и показывает нам Россию, как Вальтер Скотт показал нам старую Шотландию, а Купер — остатки диких и воинственных народов Северной Америки».¹⁸

¹⁶ Там же.

¹⁷ Bulletin bibliographique // Illustration. 1846. 24 janvier. N 152. P. 334.

¹⁸ См.: ЛН. Т. 73. Кн. 1. С. 272. По мнению Л. Р. Ланского, это примечание к переводу принадлежит самому Л. Виардо.

Сейчас мы назвали бы эту стратегию действий продуманной пиар-кампанией. Ее удача подтверждается появлением сочувственной статьи Ш.-О. Сент-Бева в декабре 1845 года («Revue des Deux Mondes»), переизданием сборника повестей в 1853 году, а также многочисленными отдельными публикациями «Тараса Бульбы», пять из которых появились при жизни Виардо (1872, 1874, 1875, 1882, 1885). Еще около десяти публикаций вышли после его смерти, причем последняя — в 1978/1979 году.

Переводы во втором сборнике, изданном Виардо, подверглись очень незначительной правке, однако в нем остались только три повести из предыдущего сборника: «Записки сумасшедшего», «Старосветские помещики» и «Вий». «Тарас Бульба» был опубликован отдельным изданием в том же 1853 году (а затем много раз переиздавался), а «Коляска» исчезла вовсе. Виардо сохранил без изменений конец предисловия, в котором он объяснял, каким образом взялся за перевод, не владея русским языком. Однако на титульном листе он теперь указывал себя переводчиком, а не «публикатором».

Состав сборника 1853 года формировался, по-видимому, под влиянием рецензий двух знаменитых критиков, французского — Сент-Бева и русского — Белинского. Оба они сразу откликнулись на издание Виардо уже в 1845 году. Статью Сент-Бева Л. Виардо, несомненно, прочел сам, а рецензию Белинского ему должен был пересказать Тургенев. Авторитетные арбитры высоко оценили труд Виардо, хотя исходили из разных посылок. Французский критик ввел русского писателя в ряд хорошо известных европейскому читателю авторов и произведений. По его мнению, Гоголь, «должно быть, много читал Шекспира» («il a dû beaucoup lire Shakespeare»). В его изображении человека он подмечал «черты естественные, глубокие» («des traits naturels, profonds»), такие, «которым мы привыкли удивляться только в сценах Шекспира». «Тараса Бульбу» он представил как «запорожскую „Илиаду“» («l'iliade zaporo-gue»). По мнению Сент-Бева, в описании сражений Гоголь использовал «народные поэмы» («chants populaires»), он назвал его стиль «чисто эпическим» («purement épique») и нашел в нем изобилие «гомерических сравнений» («et les comparaisons homériques abondent»).¹⁹

Пафос статьи Белинского, наоборот, состоял в утверждении абсолютной самобытности Гоголя: «В нем все особенное, чисто русское; ни одну черту не напомним он иностранцу ни об одном европейском

¹⁹ Revue des Deux Mondes. 1845. Т. 12. Décembre. N 1. P. 883–889.

поэте».²⁰ Вместе с тем критика преисполняла гордость за русскую литературу, которая начинала приобретать европейское признание, и он выражал благодарность французскому переводчику «за ознакомление Европы с первым талантом современной русской литературы».²¹

Сент-Бев несколько недоумевал по поводу принципов отбора повестей для первого сборника Виардо. Он начал статью с замечания об их «разнообразии» («variété»), которое очень «затрудняет критика», а завершил ее откровенным сожалением о том, что издатели не «могли выбрать ряд пьес более однородных» («une suite plus homogène») и позволяющих «определить с самого начала главные характеры автора» («fixer tout d'abord sur les caractères généraux de l'auteur»). Эти упреки и побудили, по-видимому, Виардо изменить структуру второго сборника. В анонсе издания 1853 года Виардо избрал критерием отбора не «известность» («renommée») и «разнообразии» («variété»), а своеобычность произведений. Тремя wybranными повестями он хотел представить «точный и выразительный портрет России» («le portrait exact et frappant de la Russie»), написанный Гоголем.²²

Из всех повестей Гоголя, опубликованных во французском переводе, менее всего повезло «Коляске». Получившая одобрение многих крупных русских писателей и критиков, повесть совсем не была замечена во Франции. Стоит вспомнить, что Белинский называл ее «шуткой», «мастерской в высочайшей степени». «В ней, — писал критик, — выразилось все умение г. Гоголя схватывать эти резкие черты общества и уловлять эти оттенки, которые всякий видит каждую минуту около себя и которые доступны только для одного г. Гоголя».²³ В другой статье, точнее рецензии на четырехтомное издание сочинений Гоголя, вышедшее в 1842 году, Белинский назвал «Коляску» «мастерским юмористическим очерком, в котором больше поэтической жизни и истины, чем во многих пудах романов других наших романистов».²⁴

Сент-Бев не обмолвился ни единым словом о «Коляске», возможно потому, что эта повесть была лишена национального российского и малороссийского колорита, а изображенный в ней типичный для России

²⁰ Белинский В. Г. Перевод сочинений Гоголя на французский язык // Белинский. Т. 9. С. 370.

²¹ Белинский В. Г. Отзывы французских журналов о Гоголе // Там же. С. 422.

²² Gogol Nicolas. Nouvelles choisies. P. IV–V.

²³ Белинский В. Г. Несколько слов о «Современнике» // Белинский. Т. 2. С. 179–180.

²⁴ Там же. Т. 6. С. 661.

захолустный провинциальный городишко, по-видимому, не вызвал особого интереса. И, наконец, повесть не понравилась самому Л. Виардо. «Коляска не имеет никакого смысла», — говорилось в уже упоминавшемся анонсе.²⁵ Этот факт опять наводит на мысль, что выбор произведений Гоголя для перевода исходил от Тургенева.

Обратимся к анализу перевода этой повести, которая своим появлением на французском языке обязана, по-видимому, самому Тургеневу. Перевод отличается полнотой, достаточной точностью, вплоть до того, что сохраненным оказалось не очень лестное и, в сущности, несправедливое сравнение французов со свиньями, которым открывается колоритное описание запущенности, запыленности и грязи городка:

Гоголь

«...мостовую, мягкую как подушка от лежащей на четверть пыли, которая при малейшем дожде превращается в грязь, и тогда улицы городка Б. наполняются теми дождными животными, которых тамошний городничий называет французами. Выставив серьезные морды из своих ванн, они поднимают такое хрюканье, что проезжающему остается только погонять лошадей поскорее».²⁶

Тургенев

«...la rue, toute rembourrée de poussière et molle comme un coussin. A la moindre pluie, cette poussière se transforme en boue, et alors tous les passages de la ville se remplissent de ces gros animaux que le farceur de *gorodnitchi* appelle *des français*. Etalant à tous les regards leurs graves physionomies, ils poussent de tels grognements, que les voyageurs n'ont plus rien à faire qu'à lancer leur chevaux pour s'en débarrasser au plus vite».²⁷

В переводе слова «городничий» и «французы» выделены курсивом, и к первому слову дано примечание-пояснение («*chef de police*», т. е. «начальник полиции»). Тургенев позволил добавить от себя только одно слово, поясняющее появление этого грубоватого сравнения, исходящего от «*le farceur de gorodnitchi*», т. е. «шутника городничего». Любопытно, что Виардо, который несомненно читал и редактировал текст, сохранил это сравнение, что свидетельствует об уважении к Тургеневу и предоставлении ему известной свободы.

²⁵ Bulletin bibliographique. P. 334.

²⁶ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: В 14 т. М.; Л., 1938. Т. 3. С. 177. Далее — Гоголь, с указанием номера тома и страницы.

²⁷ Gogol Nicolas. Nouvelles russes. P. 250.

Тургенев довольно удачно передал и описания местных реалий: например, «низенькие мазаные домишки»²⁸ — «*petites maisonnettes en terre glaise*»;²⁹ «стены, вместо белых, сделались пегими»³⁰ — «*des murailles, qui de blanches qu'elles étaient, sont devenues toutes bigarrées*»³¹ и др.

В тех случаях, когда переводчик был не в силах передать оригинальную гоголевскую живописность, он многое пояснял в примечаниях. Нередко Тургенев прибегал к калькам, которые позволяли сохранить наиболее яркие приметы местного колорита. Слова, обозначающие необычные для французского реципиента понятия («городничий», «свайка», «телега», «дрожки», «кисель»), писались латиницей, и, как правило, объяснялись в примечаниях.

Например, к «свайке» («*la swaïka*») сделано следующее примечание: «*Jeu qui consiste à lancer un gros coin en fer de façon à ce qu'il entre dans un anneau rivé à terre*» (т. е. «игра, состоящая в метании большого железного клина в лежащее на земле кольцо»)³². Однако «кисель», не имеющий аналога во французской кухне, получил не вполне адекватное толкование, превратившись в «жидкую кашу» — «*boullie*».³³

Многие русские реалии объяснялись по аналогии с уже известным. Например, «белуга» — «большой осетр» («*grand esturgeon*»),³⁴ а «четырехместный бонвоаж» — «французское название русского экипажа» («*nom français d'une voiture russe*»)³⁵.

Некоторые русские слова во французской орфографии претерпевали трансформацию: например, «стерлядь» превратилась в «*sterlettes*», получив, в свою очередь, следующее пояснение: «*Poisson qui ne se trouve qu'en Russie*» («Рыба, которая встречается только в России»)³⁶. Получили объяснение и межъязыковые культурологические лакуны, например употребление глагола «изволить» при переводе фразы Чертокуцкого, обращенной к генералу: «И давно, ваше превосходительство, пуф, пуф, изволите иметь ее?»³⁷. В примечании указывалось: «В России, когда

²⁸ Гоголь. Т. 3. С. 177.

²⁹ Gogol Nicolas. Nouvelles russes. P. 249.

³⁰ Гоголь. Т. 3. С. 177.

³¹ Gogol Nicolas. Nouvelles russes. P. 249.

³² Ibid. P. 251.

³³ Ibid. P. 252.

³⁴ Ibid. P. 254.

³⁵ Ibid. P. 262.

³⁶ Ibid. P. 254.

³⁷ Гоголь. Т. 3. С. 181.

подчиненный говорит о действиях своего начальника, он всегда добавляет глагол „изволить“, который приблизительно означает „соизволить“ („снизойти“). Приходилось слышать от слуг, что их хозяин *изволил умереть*».³⁸

Принцип возмещения неизбежной утраты живописности и художественности гоголевского языка в переводе за счет примечаний и комментариев сохранялся и в текстах других повестей. При этом в сборнике 1853 года их количество значительно увеличилось. Подобный метод восполнения языковых и культурологических лакун был единственно правильным как в XIX веке, так и в настоящее время.

Вместе с тем в переводе Тургенева значительно облегчен синтаксис: сложные предложения с многочисленными однородными членами или придаточными предложениями, как правило, распадаются на несколько простых. И лишь едва ли в принципе переводимое ласкательное обращение жены Чертокуцкого, пытающейся его разбудить («пульпультик»), исчезло в переводе совсем.

Гоголь является первым русским писателем, который с необыкновенной художественной выразительностью органично соединял в одном произведении разные виды комического и сатирического, высокого и обыденного, героического и низменного. Для французских современников Гоголя эта черта его поэтики была не вполне привычной и понятной, о чем свидетельствуют отклики на ранний перевод его избранных повестей. Тургеневу удалось передать это главное свойство гоголевской поэтики, хотя отобраны для перевода были достаточно сложные вещи, отражающие движение Гоголя от гармонической мироконцепции к драматическому и трагическому мировидению.

В повести «Вий» комическое начало (ирония, комизм ситуаций и характеров) органично соединяется с мистикой, ужасом и фантастикой. При этом в произведении исчезает амбивалентность народной смеховой культуры, синтезирующей высокое и низкое. Ничего возвышенного в описываемой повседневности бурсаков здесь уже нет. Это комизм пошлой жизни современного человека, утратившего всякие признаки героического и духовного, поэтому смех Гоголя приобретает здесь грустные оттенки. В переводе Тургенева («Le Roi des gnomes») полно и детально воспроизведено то, что можно назвать бурлеском.

Сравним описание традиционного утра семинаристов:

³⁸ *Gogol Nicolas. Nouvelles russes. P. 255.*

Гоголь

«Как только ударял в Киеве поутру довольно звонкий семинарский колокол, висевший у ворот Братского монастыря, то уже со всего города спешили толпами школьники и бурсаки. <...> карманы их вечно были наполнены всякою дрянью, <...> даже и маленькими воробьянками, из которых один, вдруг чиликнув среди необыкновенной тишины в классе, доставлял своему патрону порядочные пали в обе руки, а иногда и вишневые розги».³⁹

Тургенев достаточно точно и колоритно воспроизвел атмосферу рынка. Хотя в переводе исчезли некоторые детали, связанные с просторечным говором (едва ли вообще переводимые на французский язык), но сохранена яркая театральность отдельных комических сценок, например зазывания торговков:

Гоголь

«Рынок в это время обыкновенно только что начинал шевелиться, и торговки с бубликами, булками, арбузными семечками и маковниками дергали на подхват за полы тех, у которых полы были из тонкого сукна или какой-нибудь бумажной материи. „Паничи! паничи! сюды! сюды!“ говорили они со всех сторон: „Ось бублики, маковники, вертычки, буханци хороши! ей богу, хороши! на меду! сама пекла!“ Другая, подняв что-то длинное, скрученное из теста,

Тургенев

«Dès que la cloche du séminaire qui était pendue devant la porte du couvent des Frères, à Kiew, se mettait en branle, on voyait arriver de toutes les parties de la ville des groupes d'écoliers. <...> leurs poches étaient toujours remplies de mille brimborions <...> et dans la saison, de jeunes moineaux dont le cri, indiscrètement poussé dans la classe, attirait quelquefois sur leur possesseur des coups de férule ou même les étrivières».⁴⁰

Тургенев

«Vers l'heure des classes, la place publique commençait d'ordinaire à se remplir, et les marchandes de petits pains, de gâteaux, de graines de pastèques, de pâtés pétris avec du miel et de la graine de pavots, arrêtaient par le pan de l'habit ceux dont les caftans étaient faits de drap ou de coton:

— Messieurs, ici, ici, criaient-elles de tous côtés; voici des petits pains, voici des gâteaux de miel. Ils sont bons, très bons, j'en prends Dieu à témoin; je les ai faits moi-même.

³⁹ Гоголь. Т. 2. С. 177.

⁴⁰ Gogol Nicolas. Nouvelles russes. P. 269–270.

кричала: „Ось сусулька! паничи, купите сусульку!“». ⁴¹

Une autre criait, en soulevant quelque chose de long et de tordu: — Voici un saucisson, messieurs; achetez un saucisson». ⁴²

Хотя гоголевская «сусулька», скрученная из теста, превращается в «колбасу», торговки, хватающие за полы прохожих, зазывающие покупателей, предстали в переводе колоритными фигурами рыночного балагана. Иногда в переводе Тургенева прояснялся комизм отдельных ситуаций. Например, вместо того чтобы просто перечислить разнообразную снедь, торчащую из карманов бурсаков, он (возможно, по подсказке Виардо), адресуясь к французским читателям, разъяснял причину интереса к ней «авдиторов», желающих поживиться за счет своих подопечных:

Гоголь

«Авдиторы, слушая урок, смотрели одним глазом под скамью, где из кармана подчиненного бурсака выглядывала булка, или вареник, или семена из тыкв». ⁴³

Тургенев

«Les répétiteurs, tout en écoutant les leçons, regardaient d'un œil par-dessous le banc pour voir s'il ne se trouvait pas dans la poche de leurs écoliers quelques friandise dont ils pussent faire leur profit». ⁴⁴

В целом, при неизбежных потерях, возникающих при переводе, в нем воссоздавалась атмосфера площадного, народного смеха Гоголя, изображавшего культ «низа», плоти, обжорства в бурсе почти в раблезианском духе, но скорее с грустной усмешкой, чем с любованием:

Гоголь

«...так что сосчитать, сколько каждый из них уписывал за вечерю галушек, было бы совершенно невозможное дело <...>». ⁴⁵

Тургенев

«...il serait tout à fait impossible de compter combien chacun d'eux mangeait de *galouchkis* à son souper <...>». ⁴⁶

⁴¹ Гоголь. Т. 2. С. 178.

⁴² *Gogol Nicolas*. Nouvelles russes. P. 270–271.

⁴³ Гоголь. Т. 2. С. 178.

⁴⁴ *Gogol Nicolas*. Nouvelles russes. P. 271. Приводим подстрочный перевод: «Репетиторы, слушая уроки, одним глазом смотрели под скамью, чтобы увидеть, нет ли в кармане их учеников какого-нибудь лакомства, которым они могли бы поживиться». — О. К.

⁴⁵ Гоголь. Т. 2. С. 179.

⁴⁶ *Gogol Nicolas*. Nouvelles russes. P. 273.

В этом фрагменте значение слова «галушки» пояснялось в специальном примечании как «*petits pâtés de farine qu'on mange trempés dans du lait, du beurre ou du miel*» («маленькие пирожки из муки, которые едят, обмакивая в молоке, масле или меде»). При этом Тургенев опустил при переводе (возможно, из цензурных соображений) некоторые натуралистические и физиологические подробности обжорства, например: «Сенаторы столько объедались арбузов и дынь, что на другой день аудиторы слышали от них вместо одного два урока: один происходил из уст, другой ворчал в сенаторском желудке».⁴⁷ В то же время при характеристике Хома Брута совершенно ясно, что плотское начало настолько вытеснило все духовное, нравственное, что он не чувствует никакой опасности, легкомысленно относясь к надвигающемуся на него злу.

Хома Брут — один из многих людей толпы, он не лучше и не хуже большинства. Все страхи, пережитые им ночью в церкви, наедине с встающей из гроба ведьмой, рассеиваются и забываются днем, когда он много ест («съел почти один довольно старого поросенка»;⁴⁸ «*il mangea presque à lui seul un assez grand cochon de lait*»⁴⁹), много пьет горилки, пляшет тропака, щупает «одну смазливую молодку». Но главное, он прислушивается к разговорам толпы, где профанные персонажи переводят страшное, ужасное в комический план. И все эти компоненты особого смеха Гоголя с примесью горечи удачно переданы в переводе:

Гоголь

— А что, дядько, — сказал молодой овчар с пуговицами, — можно ли узнать по каким-нибудь приметам ведьму?

— Нельзя, — отвечал Дорош. — Никак не узнаешь <...>.

— Можно, можно, Дорош. Не говори этого, — произнес прежний утешитель. — Уже бог недаром дал всякому особый обычай. Люди знающие науку, говорят, что у ведьмы есть маленький хвостик.

Тургенев

— Ecoute, mon oncle, dit le jeune berger aux boutons, est-il possible de reconnaître une sorcière à une marque quelconque?

— C'est impossible, répondit Doroch, tout-à-fait impossible <...>.

— C'est possible, c'est possible, Doroch, ne dis pas cela, répliqua le consolateur. Ce n'est pas en vain que Dieu a arrangé chacun à sa guise; les gens de science disent que toute sorcière a une petite queue.

⁴⁷ Гоголь. Т. 2. С. 180.

⁴⁸ Там же. С. 209.

⁴⁹ *Gogol Nicolas*. Nouvelles russes. P. 311.

— Когда старая баба, то и ведьма, — Toute vieille femme est une sorcière! dit gravement un vieux Cosaque.⁵⁰

Если для профанного сознания ведьма — всякая состарившаяся женщина, а в общепринятой патриархальной иерархии мужчина всегда доминирует над женщиной, то не столь она и страшна. Эта самонадеянность, даже глупость заурядного человека и становится причиной его гибели.

В переводе «Вия» еще больше пояснений и примечаний, чем в переводе «Коляски». При этом многие украинизмы, вульгаризмы и историзмы переданы литературным языком: «онучи» — «une paire de bas» («пара чулок»); «жинко» — «une femme» («женщина»); «школяры», «бурсаки» — «les étudiants» («студенты»); «паляница» — «pain de seigle» («ржаной хлеб»); «вареник» — «gâteau» («сладкий пирог»); «хутор» — «village» («деревня»); «чарка горелки» — «un verre d'eau-de-vie» («стакан водки»); «шаровары» — «pantalon»; «корчма» — «cabaret» («кабачок»); «жид-корчмарь» — «juif cabaretier» («еврей-кабатчик»); «именитый сотник» — «un riche seigneur» («богатый господин», «помещик»); «мой голубе» — «mon ami» («друг мой»); «пан» — «maître» («господин», «владыка»); «свитки из тонкого сукна» — «caftans de drap fin» («кафтаны из тонкого сукна»).

При переводе повестей Гоголя Тургенев (как и другие переводчики) столкнулся с явлением, которое в современной науке межкультурной коммуникации получило название лакунарности, т. е. отсутствия эквивалента в виде слова слову в другом языке. Возникла трудность восполнения как языковых (лексических, стилистических), так и культурологических (этнографических, национально-психологических, поведенческих) лакун. Но в целом Тургенев (несомненно, при участии Виардо, который хорошо представлял особенности восприятия французского читателя) с честью справился с возникшими проблемами.

Можно утверждать, что многие русские современники Тургенева (в том числе и Достоевский⁵²) были к нему несправедливы, ругая за переводы повестей Гоголя. Все недостатки этого переводческого труда имели историческую обусловленность, но и по ним угадывался писатель со сложной поэтикой, многослойной картиной мира, неординарным взглядом на человека. И все это не могло не пробудить во Франции интереса к Гоголю, а затем и к другим русским писателям с их инаковостью и непохожестью на европейских литераторов.

⁵⁰ Гоголь. Т. 2. С. 201–202.

⁵¹ Gogol Nicolas. Nouvelles russes. P. 301–302.

⁵² Достоевский. Т. 21. С. 68.

Л. Сундквист

НЕИЗВЕСТНАЯ ПЕРЕВОДЧИЦА ТУРГЕНЕВА АДЕЛЬ БОГОМОЛЕЦ¹

Чтобы стать хорошим переводчиком беллетристики, требуется не только владение языком, с которого переводишь, и, разумеется, собственным родным языком, но и проникновенное знание культуры и даже быта страны переводимого автора. Именно эти редкие качества сосредоточила в себе Адель Богомолец (Adèle Bohomoletz; 1832?–1897), переводчица на французский язык Тургенева и, прежде всего, Льва Толстого.

Она родилась в Москве около 1832 года. Отец у нее был бельгийский виноторговец Филипп Депре (Philippe Depret; 1789–1858), чей знаменитый магазин на Петровке на протяжении почти всего XIX века привлекал охотников до иностранных вин. Не удивительно, что этот магазин нередко упоминается в произведениях русских классиков вплоть до Чехова.² Например, в «Дворянском гнезде» Тургенева, в главе, в которой рассказывается о знакомстве Лаврецкого с семейством будущей жены, читаем: «Настал час обеда; Лаврецкий хотел удалиться, но его удержали; за столом генерал потчевал его хорошим лафитом, за которым генеральский лакей на извозчике скакал к Депре».³ Должно быть,

¹ В эту статью вошли материалы из публикации автора: *Sundkvist Luis*. Ein neu aufgetauchter Brief Čajkovskijs an Raïssa Boulanger von 1886 sowie seine Briefe an Adèle Bohomoletz von 1888 und 1893 und an Eugène d'Eichthal von 1886 // Mitteilungen. Tschaikowsky-Gesellschaft. Königstein im Taunus, 2012. Heft 19. S. 134–148.

² См.: *Колодный Лев*. Москва в улицах и лицах. Центр. М., 2003. С. 152.

³ *ПССиП(2)*. Соч. Т. 6. С. 47.

«опьянению» неопытного Лаврецкого от обаяния Варвары Павловны способствовало и вино из магазина Депре! Итак, Адель, как, впрочем, и четыре из ее пятерых братьев и сестер, из которых упомянем здесь старшего брата Камилла (Camille Depret; 1829–1892) и младшую сестру Мари (в замуж. Клерк) (Marie Clerc; 1840–1915), родилась и выросла в древней русской столице. Как и отец, мать у нее была уроженкой Бельгии.⁴

За годы детства, проведенные в Москве, Адель усвоила не только русский язык, но и любовь к своей, так сказать, родной стране. Эту любовь она сохранила на всю жизнь, даже после того как она, в начале 1860-х годов, поселилась в Париже. Этому способствовало и то обстоятельство, что у ее мужа, помещика белорусского (или, скорее, польского) происхождения Михаила Богомольца,⁵ было имение близ станции Антонополь в Витебской губернии, где Адель с семьей (у нее было четверо детей) отдыхали почти каждое лето.⁶ Даже если она там не часто имела возможность общаться на русском языке, этот край тогда все-таки являлся частью российской империи. О том, что она любила вспоминать о своем детстве в Москве, мы узнаем из письма от 2 июня 1877 года композитора Габриеля Форе (1845–1924) к ее сестре Мари, которая, выйдя замуж за богатого французского инженера и любителя музыки Камилла Клерка (Camille Clerc; 1828–1882), также поселилась в Париже: «Ваша сестра пригласила меня снова зайти к ней завтра, и я с радостью согласился, надеясь, что она будет продолжать те очень интересные рассказы о жизни в России, которыми она поделилась со мной сегодня вечером».⁷ Недаром П. И. Чайковский, в честь которого А. Богомолец

⁴ См. генеалогические сведения об этой семье, представленные на следующей интернет-странице: <http://a.decarme.free.fr/gencar/dat644.htm#10>. За указание на этот вебсайт благодарю немецкую исследовательницу жизни и творчества П. И. Чайковского — Люсинду Браун (Lucinde Braun).

⁵ Имя мужа А. Богомолец — Михаил (по-французски: Michel) — стало известно из краткого объявления в газете «Le Moniteur Belge» за 7 сентября 1869 г. О том, что он происходил от белорусской, хотя давно ополяченной семьи, мы узнаем из краткой биографии А. Богомолец, помещенной в книге: *Chimènes Myriam. Mécènes et musiciens*. Paris, 2004. P. 250–251.

⁶ Ср. письмо, которое С. И. Танеев написал родителям из Берлина 14 (26) октября 1876 г., накануне своего приезда в Париж: «Пробыли день в имении Богомольцевых, родственников <Гастона. — Л. С.> Париса (около станции Антонополь), которые через две недели приедут в Париж». Цит. по: П. И. Чайковский — С. И. Танеев. Письма / Сост. В. А. Жданов. М., 1951. С. 379. Далее: *Чайковский/Танеев. Письма*.

⁷ Цит. по: *Fauré Gabriel. Correspondance / Présentée par Jean-Michel Nectoux*. Paris, 1980. P. 49. Подлинник по-франц.

девять лет спустя устроила музыкальный вечер в своем парижском салоне, назвал ее «полурусской дамой».⁸

Здесь уместно сделать одно признание: о том, что А. Богомолец выступила переводчицей Тургенева, мы пока ничего конкретного сказать не можем. Но на последней странице письма ее к редактору «Северного вестника» Любови Яковлевне Гуревич (1866–1940), помеченного 1893 годом, — письма, недавно обнаруженного в фондах Пушкинского Дома В. А. Лукиной, — есть многозначительное замечание, написанное другой рукой (очевидно, самой Л. Я. Гуревич), которое гласит: «Переводчица на франц. язык Л. Толстого и Тургенева А. Богомолец».⁹

Личное знакомство Адели Богомолец с Тургеневым не подлежит сомнению. Еще в начале 1860-х годов ее старший брат Камилл Депре, который унаследовал виноторговлю от отца и служил бельгийским вице-консулом в Москве, но часто бывал в Париже по делам, сам познакомился с писателем. Парижский издатель Жюль Этцель (Jules Hetzel; 1814–1886) выбрал именно Камилла в качестве посредника, когда летом 1862 года задумал предложить Тургеневу сотрудничество над русским изданием знаменитых сказок Шарля Перро.¹⁰ Хотя, как известно, участие Тургенева в этом издании ограничилось общей редакцией, переводом лишь двух сказок (из девяти) да кратким предисловием,¹¹ сотрудничество с Этцелем — с 1861 года его главным издателем во Фран-

⁸ Письмо к М. И. Чайковскому от 11 (23) июня 1886 г. См.: *Чайковский П. И.* Полн. собр. соч.: Литературные произведения и переписка. М., 1959–1981. Т. 12. С. 366. Далее — *Чайковский*.

⁹ Автограф письма А. Богомолец к Л. Я. Гуревич от 23 марта (4 апреля) 1893 г. хранится в Рукописном Отделе ИРЛИ, в составе архива «Северного вестника» (№ 19816). Там же хранится еще одно письмо А. Богомолец к ней от 14 (26) сентября 1893 г.

¹⁰ См. письмо Тургенева к Ж. Этцелю от 9 (21) июля 1862 г.: *ПССУП(2). Письма*. Т. 5. С. 86–87. См. также: *Parménie Alain, Bonnier de La Chapelle Catherine.* Histoire d'un éditeur et de ses auteurs, P.-J. Hetzel (Stahl). Paris, 1953. P. 397. Камилл Депре и обе его сестры, т. е. Адель Богомолец и Мари Клерк, в 1868 г. стали главными партнерами в командитном обществе «J. Hetzel et Cie». См.: *Petit Nicolas.* Editeur exemplaire, modèle de père, héros de roman: Figures d'Hetzel // *Bibliothèque de l'école des chartes.* 2000. Т. 158. N 1. P. 205–206, n. 34.

¹¹ Текст предисловия к переводу «Волшебных сказок» Шарля Перро см.: *ПССУП(2). Соч.* Т. 10. С. 344–345; переводы самих сказок («Синяя борода» и «Волшебница») не вошли ни в одно из академических изданий писателя. Они были включены в подготовленное Л. А. Балыковой издание «Сказок» И. С. Тургенева: *Тургенев И. С.* Сказки. Стихи и сказки для детей. Орел, 2005. С. 60–85.

ции¹² — и в этом случае оказалось для него плодотворным. Именно Этцелю в конце 1860-х годов А. Богомолец послала свой перевод на французский язык повести Л. Н. Толстого «Поликушка». ¹³ Это — первая известная нам попытка начинающей переводчицы стать посредницей между французской публикой и литературой «родной» страны. Этцель, очевидно, переслал Тургеневу рукопись перевода, чтобы тот решил, стоит ли его напечатать. Однако дело как-то не заладилось, и А. Богомолец через общего знакомого, знаменитого немецкого окулиста Рихарда Либрейха (Richard Liebreich; 1830–1917), работавшего в Лондоне и Париже, попросила Тургенева вернуть ей рукопись. В суете частых переездов во время франко-прусской войны Тургенев забыл об этом, но в августе 1871 года он написал Этцелю письмо, в котором попросил издателя сообщить ему адрес этой дамы: «Помните ли вы рукопись, которую вы передали мне уже довольно давно? Это был перевод с русского одного рассказа г<граф>а Л. Толстого под названием „Поликушка“. Перевод был сделан некоей дамой, имя которой мне неизвестно. Предполагалось его опубликовать — но, не помню уже почему, напечатан он не был».¹⁴

В комментарии к этому письму в первом академическом собрании сочинений и писем Тургенева сказано: «Перевод рассказа „Поликушка“ принадлежал Богомолец, урожденной Депре (сообщено М. Партюрье). Сведений о публикации этого перевода не обнаружено».¹⁵ (К сожалению, письмо, в котором известный исследователь творчества Мериме Морис Партюрье (Maurice Parturier; 1888–1980) сообщил редакторам первого академического издания эти сведения, пока не найдено.) Этцель, по-видимому, посоветовал Тургеневу послать рукопись д-ру Либрейху, чтобы тот вручил ее г-же Богомолец. Об этом мы узнаем из письма, которое Тургенев написал Этцелю в сентябре 1871 года: «Уже давно я отослал несчастную рукопись г-ну Либрейху и получил по этому по-

¹² Об отношениях Тургенева с Этцелем см.: *Waddington Patrick. Some New Light on Turgenev's Relations with his French Publisher, Pierre-Jules Hetzel // Slavonic and East European Review. 1977. Vol. 55. N 3. P. 328–347.*

¹³ Повесть Толстого была впервые опубликована в февральском номере «Русского вестника» за 1863 г. В том же году она была переведена на немецкий язык Вильгельмом Вольфзоном (Wilhelm Wolfsohn; 1820–1865) и под заглавием «Paul» опубликована в издававшемся им в Лейпциге журнале «Russische Revue». Немецкая критика, к сожалению, обошла молчанием этот хороший перевод. См.: *Штульц Христиана. Толстой в Германии (1856–1910) // ЛН. Т. 75. Кн. 2. С. 208.*

¹⁴ *ПССиП(2). Письма. Т. 11. С. 124.* Письмо от 12 (24) августа 1871 г. Подлинник по-франц.

¹⁵ См.: *ПССиП(1). Письма. Т. 9. С. 504.* То же: *ПССиП(2). Письма. Т. 11. С. 463.*

воду очень любезное и слишком скромное письмо от г-жи Б. Если Вы увидите ее, передайте ей тысячу сердечных приветов».¹⁶ Скромность, присущая А. Богомолец, привлекала к ней таких выдающихся художников, как Тургенев и впоследствии Чайковский, но эта же черта привела и к тому, что о ее заслугах в качестве переводчицы русской литературы до сих пор известно столь мало.

Поселившись окончательно в Париже в начале 1870-х годов, Тургенев стал общаться с Аделью Богомолец. Он иногда обедал у нее.¹⁷ Это не удивительно, так как у ее сестры Мари Клерк был музыкальный салон, в который были вхожи такие друзья семейства Виардо, как Камиль Сен-Санс и, в особенности, Габриель Форе, за которого Тургенев так переживал во время его неудачного ухаживания за младшей дочерью Полины Виардо Марианной.¹⁸ Притом сама А. Богомолец отличалась большим гостеприимством. Об этом свидетельствуют письма, которые другой молодой музыкант, покровительствуемый Тургеневым, любимый ученик Чайковского — Сергей Иванович Танеев (1856–1915) — посылал своим родителям из Парижа зимой 1876/77 года.¹⁹

Не кто иной, как Тургенев, натолкнул Адель Богомолец на предприятие, которое оказалось ее самым значительным вкладом в посредничество между Францией и русской культурой, — на мысль перевести роман Л. Н. Толстого «Анна Каренина» на французский язык. Известно, что Тургенев не был вполне удовлетворен первым французским переводом «Войны и мира», осуществленным княгиней Ириной Ивановной Паскевич (1835–1925) и напечатанным в Париже и Петербурге издательством «Nachette» в 1879 году, и он естественно хотел бы поручить

¹⁶ Там же. С. 135. Письмо от 15 (27) сентября 1871 г. Подлинник по-франц.

¹⁷ См., например, его письмо к П. В. Жуковскому от 15 (27) марта 1876 г.: «Охотно исполню Ваше желание и прибуду к Вам в *середе* — но только не раньше 10-и часов, так как я в этот день обедаю у г-жи Богомолец — и раньше 10 часов меня не отпустят» (*ПССуП(1). Письма*. Т. 11. С. 232).

¹⁸ См., например, письмо Тургенева к Клоди Виардо от 9 (21) июня 1877 г.: «...я очень люблю этого молодого человека <т. е. Форе. — Л. С.> и был бы счастлив, если бы Марианна полюбила его». Цит. по: *Nouv corr inéd.* Т. 1. P. 276. Подлинник по-франц.

¹⁹ См., например, письмо, которое Танеев написал матери в день приезда в Париж — 15 (27) октября 1876 г.: «Милая Мамаша. Мы приехали сюда сегодня; сегодня же я нашел себе квартиру. Мне помог это сделать Калам (Calam), гувернер Богомольцевых, родственников <Гастона. — Л. С.> Париса. Мы у них в имении пробыли день (я Вам писал об этом из Берлина). Они мне предложили, пока я буду искать квартиру, остановиться в комнате, которую они нанимают гувернеру их сына» (*Чайковский/Танеев. Письма*. С. 379).

французский перевод второго шедевра Толстого более умелым рукам.²⁰ Даже не будучи профессиональной переводчицей (в том смысле, что ей не приходилось кормиться литературной работой), А. Богомолец безусловно соответствовала таким требованиям. И недаром, ведь ее перевод повести «Поликушка» понравился Тургеневу.

Ключевая роль Тургенева как инициатора первого французского перевода «Анны Карениной» подтверждается письмом, которое сама А. Богомолец написала в издательство «Nachette» 16 (28) декабря 1890 года. Письмо это было приведено в книге Жана Мистлера об истории книгоиздательства «Nachette», однако фамилия автора была неправильно прочитана как «Bahamalef». Приведем это письмо во французском оригинале и в переводе А. Н. Полосиной, которая в весьма содержательной статье о княгине Паскевич и ее переводе «Войны и мира» упоминает и о появившемся в 1885 году переводе «Анны Карениной»:

Paris, le 28 décembre 1890.

Monsieur,

Lorsque Tourguéniev m'engagea à traduire «Anna Karenine», il m'assura que j'avais le droit de le faire sans en demander l'autorisation à l'auteur. Cependant je priai une amie de Moscou que je savais en relations avec la sœur du comte, d'obtenir de celle-ci qu'elle en parlât à son frère. Le comte ne fit aucune difficulté pour permettre de traduire son roman tout en s'étonnant qu'on put s'intéresser aux aventures d'une femme perdue avec un petit officier. Telle fut sa réponse et il autorisa de plus toutes les coupures qu'on voudrait faire.

Est-ce la une permission directe ou indirecte? Le comte ne me connaissait pas et ne m'a pas donné personnellement cette autorisation.

Vous jugerez de cela mieux que moi; en tout cas je vous donne tous ces détails pour éclaircir la question si elle se trouvait embrouillée.

Votre bien dévouée,

A. Bahamalef <Bohomoletz. — *J. C.*>.²¹

Перевод:

Париж, 28 декабря 1890.

Сударь,

Когда Тургенев привлек меня к переводу «Анны Карениной», он меня уверил, что я имею право сделать это без личного разрешения автора.²² Между тем я про-

²⁰ Ср. отзыв Тургенева о труде Паскевич в письме к Толстому от 28 декабря 1879 г. (9 января 1880 г.): «Перевод несколько слабоват — но сделан с усердием и любовью» (*ИССУП(1). Письма*. Т. 12. Кн. 2. С. 197).

²¹ Цит. по: *Mistler Jean*. La Librairie Natchette de 1826 à nos jours. Paris, 1964. P. 278.

²² Поскольку между Россией и большей частью стран Западной Европы не существовало литературной конвенции, можно было перевести любое произведение

сила одну мою приятельницу в Москве, которая, как мне было известно, была знакома с сестрой графа,²³ через нее добиться, чтобы она спросила об этом брата. Он не выразил никакого препятствия для разрешения перевода его романа, лишь удивившись, что можно найти интересного в приключениях падшей женщины и офицеришки. Таков был его ответ. Кроме того, он разрешил делать сокращения, какие захочется.

Это прямое или не прямое разрешение? Граф со мной не знаком и разрешения мне лично не давал.

Судить об этом Вам лучше, чем мне; во всяком случае, я Вам сообщаю все эти подробности для прояснения вопроса, если он неясен.

Преданная Вам

А. Богомолец.²⁴

О ходе работы А. Богомолец над переводом «Анны Карениной» у нас пока нет никаких сведений. Но это был, очевидно, многолетний труд, который она должна была совместить со своими семейными обязанностями. Но вот, наконец, осенью 1885 года ее перевод «Анны Карениной» был напечатан в Париже в издательстве «Hachette» — без указания имени переводчика! Последнее обстоятельство, которое опять-таки следует приписать ее величайшей скромности, привело к тому, что в советских исследованиях о переводах и переводчиках Толстого имя Адели Богомолец нигде не встречается.²⁵ (В западных же исследованиях оно хоть и упоминалось, но это не привело к дальнейшим поискам.)²⁶ Тем не менее, даже если А. Богомолец предпочитала остаться неизвестной для публики, ради которой она перевела роман Толстого, она не могла скрыть свой труд от родных и близких. Приведем выдержку из письма, которое старшая дочь А. И. Герцена Наталья написала из Парижа своей

русского писателя без согласия автора и без оплаты гонорара. О выступлениях Тургенева на Международном литературном конгрессе 1878 г. в Париже, на котором обсуждались и вопросы авторских прав, см.: *Waddington Patrick*. I. S. Turgenev and the International Literary Congress of 1878 // *N Z Sl J*. 1983. P. 37–70.

²³ Т. е. с младшей сестрой писателя — *Марией Николаевной Толстой* (1830–1912).

²⁴ Цит. по: *Полосина А. Н.* И. С. Тургенев, И. И. Паскевич, Л. Н. Толстой: Первый перевод «Войны и мира» // *Тургеневские чтения*. М., 2011. Вып. 5. С. 376. Из-за неточного прочтения фамилии А. Богомолец в книге Ж. Мистлера А. Н. Полосина смогла написать о переводчице «Анны Карениной» лишь следующее — «Личность не установлена»: Там же. С. 382, примеч. 45.

²⁵ См., например: *Художественные произведения Л. Н. Толстого в переводах на иностранные языки* / Сост. Т. Л. Мотылева. М., 1961. С. 135. Благодарю Люсинду Браун за ссылку на эту книгу.

²⁶ Ср.: *Hemmings F. W. J.* *The Russian Novel in France. 1884–1914.* Oxford, 1950. P. 50.

подруге М. К. Рейхель 18 (30) сентября 1885 года: «Мы тоже здесь читаем „Анну Кар<енину>“ — удивительный человек этот Л. Толстой. Как он знает человеческую душу, — и как описывает. Я его ужасно люблю как автора. — Мы давно уже думали, что он кончит тем, что с ума сойдет. Ведь он под конец только религиозную чепуху писал. — Сжигал свои прежние работы и стал сапоги шить, говорят. — Перевод „Анны Кар<ениной>“ хорош, но только это не он сам переводил, а Mme Богомолец, хорошая наша знакомая, дочь виноторговца Dépret в Москве».²⁷

Наталья («Тата») Герцен (1844–1936) тогда жила в Париже в семье младшей сестры Ольги (1850–1953) и ее мужа — французского историка Габриеля Моно (Gabriel Monod; 1844–1912). Моно был близким другом выдающегося филолога Гастона Париса (Gaston Paris; 1839–1903), который являлся двоюродным братом А. Богомолец.²⁸ Этим, очевидно, объясняется знакомство Натальи и Ольги с последней. Что касается замечаний Натальи о «чуждачествах» Толстого, то она могла узнать о них от покойного Тургенева, который нередко в последние годы жизни приходил в отчаяние от мысли, что самый талантливый русский писатель, по всей видимости, бросил литературный труд.²⁹

²⁷ Цит. по: *Лицинер С. Д., Птушкина И. Г.* Письма Таты Герцен М. К. Рейхель // *ЛН*. Т. 99. Кн. 2. С. 500. Письмо от 18 (30) сентября 1885 г. Имя отца А. Богомолец несколько раз упоминается в переписке Герцена. См. также гл. VII первой части «Былого и дум», где Герцен вспоминает «пиры и оргии» своей молодости: «Вино, разумеется, берется на Петровке у Депре, на книжке которого Огарев написал эпиграф: De près ou de loin, / Mais je fournis toujours <Близко ли далеко ли, / Но я доставляю всегда>» (*Герцен*. Т. 8. С. 153).

²⁸ Мать Адели Богомолец — Каролина Депре, урожд. Rougé (Caroline Modeste Depret; 1808–1885), и мать Гастона Париса — Полина Парис, урожд. Rougé (Pauline Paris; 1804–1865) были родными сестрами. См. сведения о родителях Г. Париса в: *Bähler Ursula.* Gaston Paris et la philologie romaine. Genève, 2004. P. 31. Не исключено, что именно через А. Богомолец Тургенев в последние годы жизни так близко подружился с Гастоном Парисом, который, как известно, по просьбе писателя пересмотрел в 1882 г. и исправил французские переводы тридцати «Стихотворений в прозе», сделанные самим Тургеневым с помощью П. Виардо. О жизни и деятельности Г. Париса см. также вступительную статью А. Звигильского в: *Nouv corr inéd.* Т. 2. P. XLIV–XLVI.

²⁹ См. знаменитое письмо Тургенева к Л. Н. Толстому от 29 июня (11 июля) 1883 (*ЛССиП(1). Письма*. Т. 13. Кн. 2. С. 180), а также высказывание писателя, записанное народником С. Н. Кривенко весной 1879 г.: «Вот на ком непростительный грех, что не пишет, вот кто мог бы быть теперь чрезвычайно полезен — Лев Толстой; но что же вы с ним поделаете: молчит и молчит, да мало еще этого — в мис-

Вне домашнего круга А. Богомолец кое-кто все-таки узнал о ее «тайне». Итак, свою рецензию на роман Толстого, которая появилась в журнале «La Nouvelle Revue» в январе 1886 года, известный критик Франсиск Сарсе (Francisque Sarcey; 1827–1899) заключил следующим воззванием к французской публике: «Умоляю вас: читайте „Анну Каренину“». Перевод мне показался отличным. Он не подписан, но мне сказали, что он был сделан одной французской дамой, которая замужем за русским и имя которой — мадам Богомолец. У нее безукоризненный и очень выразительный стиль».³⁰ Именно статью Ф. Сарсе читал П. И. Чайковский в апреле 1886 года, незадолго перед своим приездом в Париж, где он познакомился с А. Богомолец, устроившей, как было отмечено выше, 7 (19) июня 1886 года обед и вечер в его честь. О чтении этой статьи он писал в дневнике: «После чая читал статью *Sarcey* о Толстом и едва сдерживал рыдания... от радости, что наш Толстой так хорошо понят французами».³¹ Однако Чайковский, очевидно, не удержал в памяти имя переводчицы, обнародованное Сарсе, а А. Богомолец в свой черед не посвятила его в свою «тайну». В противном случае он несомненно упомянул бы в своих письмах или в дневнике, что эта почитательница его музыки, с которой он до последнего года жизни поддерживал знакомство, перевела на французский язык его самого любимого современного русского писателя.

Следует подчеркнуть, что перевод «Анны Карениной» появился в одно и то же время, что и знаменитая серия статей Мельхиора де Вогюэ (Melchior de Vogüé; 1848–1910) «Русский роман» («Le Roman russe»), в которых критик между прочим отвергал «объективно-беспристрастное» направление французской литературы после Флобера, ссылаясь

тицизм ударился. <...> Весь с головою ушел в другую область: окружил себя библиями, Евангелием, чуть ли не на всех языках, исписал целую кучу бумаги. Целый сундук у него с этой мистической моралью и разными кривотолкованиями. Читал мне кое-что, — просто не понимаю его. Говорил ему, что это не дело, а он отвечает: „Это-то и есть самое дело“» (*Т в восп совр.* Т. 1. С. 417).

³⁰ «Je vous en supplie: lisez *Anna Karénine*. La traduction m'en a paru excellente. Elle n'est pas signée; mais on m'a dit qu'elle est d'une dame française mariée à un Russe, et qui se nomme Mme Bohomoletz. Elle écrit notre langue avec beaucoup de pureté et de force» (*Sarcey Francisque. Les livres // La Nouvelle Revue. 1886. Т. 8. N 38 (janvier-février).* P. 406–407; текст самой статьи: С. 398–407). Благодарю Люсинду Браун за возможность ознакомиться с этой выдержкой из статьи Сарсе во французском оригинале.

³¹ Цит. по: *Чайковский П. И. Дневники.* СПб., 1993. С. 48. Запись за 2 (14) апреля 1886 г.

на искреннее сочувствие человеческим страданиям, которое он восторженно приветствовал в произведениях русских авторов. Своим переводом романа Толстого А. Богомолец не только предоставила таким критикам, как Вогюэ и Сарсе, новое доказательство первенства русских писателей в трактовке сложных нравственных вопросов, но также способствовала ознакомлению французской публики с одним из шедевров русской литературы. В конце мая 1886 года, прибыв в Париж, но еще не познакомившись с А. Богомолец, Чайковский писал своей покровительнице Н. Ф. фон-Мекк: «Как приятно воочию убедиться в успехе нашей литературы во Франции. На всех книжных *étalages* <зд.: полках — франц.> красуются переводы Толстого, Тургенева, Достоевского, Писемского, Гончарова. В газетах беспрестанно встречаешь восторженные статьи о том или другом из этих писателей. Авось настанет пора и для русской музыки!».³²

Перевод «Анны Карениной», осуществленный А. Богомолец, оказался самым удачным из французских переводов этого романа. Уже год спустя после его выхода в свет, в 1886 году, появились второе и третье издания. До 1911 года роман переиздавался каждые два-три года, а последнее издание, вышедшее в 1936 году, было 22-м по счету!³³

О последних годах жизни А. Богомолец мало что известно. Однако из двух ее писем к Л. Я. Гуревич мы знаем, что летом 1893 года она задумала снова вернуться к переводам произведений Толстого: «Более чем когда-либо мне хочется теперь поработать для графа», — сообщала она Л. Я. Гуревич (подлинник по-франц.). Предполагалось, что она

³² Чайковский. Т. 13. С. 349. Письмо от 19 (31) мая 1886 г. Следует прибавить, что именно во время своего пребывания в Париже тем летом, а именно 31 мая (12 июня) 1886 г. Чайковский познакомился с Полиной Виардо. Об этой встрече он писал Н. Ф. фон-Мекк 28 июня (10 июля) 1886 г., уже вернувшись в Россию: «Виардо не только часто вспоминает И. С. Тургенева, но почти все время мы о нем говорили, и она подробно рассказывала, как они вместе писали „Песнь торжествующей любви“» (Там же. С. 383–384. П. Виардо осенью 1881 г. помогала Тургеневу в переводе этой повести на французский язык). Как известно из дневника композитора, в феврале 1887 г. Чайковский читал это произведение Тургенева: «Потом чай, работа, ужин и чтение Тургенева („Песнь торжествующей любви“). Это сделало на меня сильное впечатление. Ночью странные сны: Mme Виардо и Ларош» (Чайковский П. И. Дневники. С. 125. Запись за 1 (13) февраля 1887 г.). Примерно в то же время он набросал мелодию, навеянную чтением «Песни торжествующей любви», но не привел этого замысла в исполнение. См.: The Tchaikovsky Handbook: 2 vols / Compiled by Alexander Poznansky & Brett Langston. Bloomington, 2002. Vol. 1. P. 409.

³³ См.: Художественные произведения Л. Н. Толстого в переводах на иностранные языки. С. 135.

будет работать под наблюдением самого Толстого, переводя лишь те из его сочинений, которые он сам выберет, и даже переделывая неудачные переводы, сделанные другими переводчиками.³⁴ Однако лишь через полтора года, весной 1895 года, она решилась обратиться к Толстому по этому вопросу. Письмо ее сохранилось в архиве ГМТ в Москве. Л. В. Гладкова (ИМЛИ) любезно сообщила нам краткое изложение содержания письма: «Письмо от 24 февраля/7 марта 1895 г. из Парижа. Автограф. 2 лл. + конв. 2 стр. (л. 2 чистый). На конв. помета „Б<ез> о<твета>“. Переводчица. Напоминает, что Толстой обещал ей работу. Посылает томик переводов с русского и шведского о Ковалевской. Собирается приехать в Россию летом. Пишет, что если ее имя ничего не скажет Толстому, напоминает, что она переводила „Анну Каренину“». ³⁵

Как известно из воспоминаний Н. Н. Гусева (1882–1967), который с 1907 по 1909 годы работал личным секретарем у Толстого, писатель обычно надписывал «Б. О.» (без ответа) на тех письмах, «которые не казались Толстому достаточно серьезными». ³⁶ Незадолго перед получением письма от А. Богомолец Толстой публично заявил об отказе от авторских прав на свои произведения и предоставил право перевода любому желающему. ³⁷ При таком образе мыслей не удивительно, что предложение А. Богомолец показалось ему «не достаточно серьезным». Уже два года спустя, в мае 1897 года, не стало Адели Богомолец — первой переводчицы «Анны Карениной» на французский язык. Она похоронена на кладбище Пер-Лашез. ³⁸

В заключение скажем, что, даже если не удастся выяснить, действительно ли Адель Богомолец перевела что-то из сочинений Тургенева и

³⁴ ИРЛИ. № 19816. Л. 2.

³⁵ Сообщение от Л. В. Гладковой от 21 ноября 2011 г. (по электронной почте). Из двух сохранившихся писем А. Богомолец к Л. Я. Гуревич известно, что она перевела воспоминания шведской писательницы Анны Шарлотты Леффлер-Эдгрэн (Anne Charlotte Leffler-Edgren; 1849–1892) о выдающемся русском математике С. В. Ковалевской (1850–1891), которые появились в Стокгольме в 1892 г.

³⁶ Гусев Н. Н. Два года с Л. Н. Толстым. М., 1973. С. 358.

³⁷ См.: Полосина А. Н. И. С. Тургенев, И. И. Паскевич, Л. Н. Толстой: Первый перевод «Войны и мира». С. 381–382, примеч. 44.

³⁸ Указано Герве Ле Бретом (Hervé Le Bret), автором диссертации, посвященной известному французскому сен-симонисту Гюставу д'Эйхталю (Gustave d'Eichthal; 1804–1886), который являлся отцом зятя Адели Богомолец — Эжена д'Эйхтала (Eugène d'Eichthal; 1844–1936). См.: *Le Bret Hervé. Les frères d'Eichthal, Gustave, penseur saint-simonien, et Adolphe, homme d'action. Leur influence sur l'ouverture à partir de 1830 de la société française aux réseaux financiers et industriels, aux échanges internationaux et aux sciences sociales.* Thèse de doctorat. Université Paris-Sorbonne, 2007.

что именно, мы тем не менее можем теперь лучше представить себе отношения ее и ее родственников с писателем. При первой публикации дневника Тургенева в 1964 году, комментируя запись за 5 (17) декабря 1882 года — «Умер Mr Clerc, beau-frère г-жи Богомолец», — И. С. Зильберштейн мог лишь заметить: «Имя этой женщины в литературе о Тургеневе встретилось нам единственный раз: на серебряной доске, которая была возложена в Париже вместе с серебряным венком на гроб Тургенева, среди фамилий русских друзей и близких знакомых покойного, живших тогда во Франции, выгравирована также и фамилия г-жи Богомолец».³⁹ Если учесть, что Тургенев одобрил ее, увы, так и не опубликованный перевод повести Толстого «Поликушка», что именно он, как теперь известно, поощрил ее взяться за перевод «Анны Карениной», то станет понятным, почему она вместе с другими парижскими друзьями писателя захотела отдать последнюю дань этому, по меткому определению академика М. П. Алексеева, великому «пропагандисту русской литературы на Западе».

³⁹ Последний дневник Тургенева / Статья, коммент. и публ. И. С. Зильберштейна // *ЛН*. Т. 73. Кн. 1. С. 394, 407. Ни в первом, ни во втором академическом издании Тургенева мы не найдем в комментарии к этой записи никаких сведений о г-же Богомолец (или о ее зяте Камилле Клерке), хотя в указателе имен к соответствующему тому Писем, в котором помещено письмо Тургенева к Этцелю от 12 (24) августа 1871 г., о ней можно по крайней мере прочесть следующее: «Богомолец (Bohomoletz), рожд. Депре, сестра К. Депре <...>, переводчица рассказа Л. Н. Толстого „Поликушка“ на французский язык» (*ЛССуП(2). Письма*. Т. 11. С. 561).

СООБЩЕНИЯ

Е. М. Грибкова

«ЛЕПИКОВСКИЕ» ИЛИ «ЛЕПИНОВСКИЕ» ЧАСЫ: К ИСТОРИИ ОДНОЙ ТЕКСТОЛОГИЧЕСКОЙ ОШИБКИ В «ДВОРЯНСКОМ ГНЕЗДЕ»

В середине 1990-х годов издательство «Московский рабочий» предложило мне подготовить вступительную статью и комментарии для подарочного издания романа Тургенева «Дворянское гнездо». Этот проект так и не был осуществлен: издательство закрылось, однако работа над комментариями не прошла даром. Сравнивая тексты различных изданий, в первую очередь тексты романа, опубликованные в двух Полных собраниях сочинений Тургенева, я обратила внимание на фразу, которая нигде не была прокомментирована. Речь идет об эпизоде, когда отец Федора Лаврецкого Иван Лаврецкий возвращается в Петербург и миряется со своей покровительницей княжной Кубенской. «В Петербурге, вопреки его собственным ожиданиям, ему повезло: княжна Кубенская, — которую мусье Куртен успел уже бросить, но которая не успела еще умереть, — чтобы чем-нибудь загладить свою вину перед племянником, отрекомендовала его всем своим друзьям и подарила ему пять тысяч рублей — едва ли не последние свои денежки — да лепиковские часы с его вензелем в гирлянде амуров».¹ Эти «лепиковские» часы и заинтриговали меня: кто же такой этот Лепик или, возможно, Лепиков?

Однако поиски не дали никакого результата — ни Лепика, ни Лепикова в изданиях о часах XVIII–XIX веков, в каталогах и картотеках архивов, музеев и библиотек не нашлось. И все же в ходе розысков обнаружился примечательный факт: одним из лучших европейских ча-

¹ ПССиП(1). Соч. Т. 7. С. 154–155; ср.: ПССиП(2). Соч. Т. 6. С. 34.

совщиков рубежа XVIII–XIX веков был мастер со схожей фамилией, которая отличается лишь одной буквой от таинственного «Лепика», — Жан-Антуан Лепин (Lépine; 1720–1814). Изобретения Лепина в области часовых механизмов носили поистине революционный характер, во многом изменив представления современников о часах. Так, созданный им «лепиновский калибр» позволил сделать часы более тонкими, что привело в дальнейшем к появлению часов наручных. Среди специалистов до сих пор бытует понятие «лепиновские часы» — часы, в которых используются открытия Ж.-А. Лепина.

Можно высказать предположение, что именно Лепина имел в виду Тургенев в «Дворянском гнезде». Однако «н» при переписывании или наборе текста была ошибочно прочитана как «к», и «лепиновские часы» превратились в «лепиковские». Эта ошибка, или скорее опечатка, вкралась уже в первую публикацию романа в журнале «Современник» (1859. № 1. С. 32) и в дальнейшем повторялась во всех изданиях романа, начиная с первого отдельного издания² и вплоть до последнего прижизненного издания 1880 года.³ По всей видимости, она возникла по вине наборщика и не была впоследствии замечена Тургеневым, который, как известно, не всегда внимательно вычитывал свои произведения в корректуре.

Не дает однозначного ответа на вопрос о характере возникновения этой ошибки и единственный известный на настоящий момент автограф (черновой) «Дворянского гнезда», хранящийся в Национальной библиотеке Франции. Несмотря на то, что данный эпизод в рукописи присутствует — он был вписан Тургеневым на полях, — в первоначальном варианте княжна Кубенская оставила племяннику не «лепиковские» или «лепиновские» часы, а «часы с его шифром». Этот вариант Тургенев здесь же поправил на «часы с его вензелем».⁴ По всей видимости, окончательный вариант появился при переписывании или при правке наборной рукописи. Как отмечает комментатор романа Т. П. Голованова, «есть основания полагать, что эта последняя рукопись представляла собой авторизованную писарскую копию с парижского автографа. Об этом можно судить по искажениям текста, возникшим в тех местах, где в черновом автографе особенно грязно или неразборчиво записаны отдельные слова или фразы. Видимо, неправильно разобранные переписчиком, они попали из копии в печатный текст, не будучи

² Дворянское гнездо, роман И. С. Тургенева. М., 1859. С. 55.

³ Тургенев И. С. Сочинения (1844–1868–1874–1880). М., 1880. Т. 3. С. 178.

⁴ См.: *ИРЛИ*. Р. I. Оп. 29. № 191. С. 54 (по паг. Тургенева). Ср.: *ПССиП(1)*. Соч. Т. 7. С. 320. См. также илл. на с. 245.

выправленными автором в тех случаях, когда не представляли собой бессмыслицы».⁵

Хорошо известно, что Тургенев на протяжении всей жизни проявлял большой интерес к культуре и бытовым реалиям XVIII века, прекрасно разбирался в них, не раз воссоздавая в своих произведениях события и людей этой интереснейшей эпохи. Но при всем том его описания никогда не носили характера отвлеченного любования, можно сказать, что Тургенев по своей природе не был «антикваром». Его описания отличаются не только точностью, но и продуманной простотой, даже подчас лаконизмом. Писатель никогда не стремился поразить воображение читателя своей эрудицией, нагромождением экзотических подробностей.

Характерным примером может служить рассказ все о той же княжне Кубенской в «Дворянском гнезде»: «Иван <Лаврецкий. — Е. Г.> воспитывался не дома, а у богатой старой тетки, княжны Кубенской: она назначила его своим наследником (без этого отец бы его не отпустил); одевала его, как куклу, нанимала ему всякого рода учителей, приставила к нему гувернера, француза, бывшего аббата, ученика Жан-Жака Руссо, некоего m-r Courtin de Vaucelles, ловкого и тонкого проныру, — самую, как она выражалась, *fine fleur* эмиграции, — и кончила тем, что чуть не семидесяти лет вышла замуж за этого финь-флёра; перевела на его имя все свое состояние и вскоре потом, раздурманенная, раздушенная амброй à la Richelieu, окруженная арапчонками, тонконогими собачками и крикливыми попугаями, умерла на шелковом кривом диванчике времен Лудовика XV, с эмалевой табакеркой работы Петито в руках — и умерла, оставленная мужем: вкрадчивый господин Куртен предпочел удалиться в Париж с ее деньгами».⁶

Обращает на себя внимание, как тщательно Тургенев отбирает детали: если гувернер — то непременно «бывший аббат» и «ученик Жан-Жака Руссо», если амбра — то «à la Richelieu»; окружена княжна Кубенская «арапчонками, тонконогими собачками и крикливыми попугаями». И умирает она «на шелковом кривом диванчике времен Лудовика XV, с эмалевой табакеркой работы Петито в руках». В этом описании использованы лишь самые распространенные реалии XVIII века, однако образ дамы эпохи получился выразительно-утонченным. Можно предположить, что и говоря о создателе часов с «вензелем в гирлянде амуров», Тургенев имел ввиду самого известного мастера — того, чье имя на слуху у образованного читателя: не таинственного Лепика или Лепикова, а Жана-Антуана Лепина.

⁵ ПССУП(2). Соч. Т. 6. С. 371–372.

⁶ Там же. С. 29–30.

Как ни странно, достоверных и подробных сведений в русских изданиях об этом первоклассном часовщике отыскать не удалось. Однако ряд данных о нем можно обнаружить в иностранных, преимущественно французских изданиях, а также в интернете.⁷ Жан-Антуан Лепин родился 18 ноября 1720 года в местечке Шале (Chalex), входившем в состав Pays de Gex, близ Роны и располагавшемся недалеко от Женевы. Как указывает Жозеф Броссар (Brossard), многие выдающиеся часовщики были родом из Шале, здесь же проходил обучение Ж.-Ж. Руссо.⁸ Лепин с детства проявил склонность к механике, проходил обучение у некоего г-на Декроза (Decrose), часового мастера из Саконе (Saconex), пригорода Женевы. Переехав в возрасте 24 лет в Париж, Лепин поступил под начало известного мастера Андре-Шарля Карона, в то время часовщика Людовика XV. Женившись в 1756 году на дочери Карона Мадлен-Франсуа, Лепин стал работать под маркой «Карон и Лепин».

В биографии Лепина есть два примечательных факта, связанных с литературой, которые, возможно, были известны Тургеневу. Прежде всего следует упомянуть о том, что братом жены Жана-Антуана был известный писатель Бомарше, автор «Женитьбы Фигаро». Не менее примечательно и то, что, по-видимому, Лепин сотрудничал с Вольтером в деле часового производства. Из мемуаров, автор которых неизвестен, явствует, что он оставался в Фернее на мануфактуре Вольтера около восемнадцати месяцев и сделал там часов на 90 000 ливров. В 1765 году Жан-Антуан Лепин стал королевским часовщиком Людовика XV. Был он впоследствии часовщиком и Людовика XVI, и Наполеона Бонапарта. С 1766 значился в списке часовщиков Парижа уже как Жан-Антуан Лепин. Его дочь Полина в 1783 году вышла замуж за одного из мастеров — Клода-Пьера Рагета, который стал партнером Лепина. Около 1793 года состояние глаз не позволило Лепину продолжать работать и он передал дела своему зятю. Умер этот выдающийся мастер 14 мая 1814 года в своем парижском доме.⁹ Надеюсь, что теперь имя Жана-Антуана Лепина войдет в круг имен, знакомых Тургеневу.

⁷ См., например: http://en.wikipedia.org/wiki/Jean-Antoine_Lépine.

⁸ *Brossard Joseph. Histoire politique et religieuse du Pays de Gex et lieux circonvoisins, depuis César jusqu'à nos jours. Bourg-en-Bresse, 1851. P. 576.*

⁹ *Depéry J.-I. Biographie des hommes célèbres du département de l'Ain, qui se sont distingués par leurs sciences, leurs talents, leurs actions, leurs vertus ou leurs vices. Bourg, 1835. T. 1. P. 208–211. См. также: Chapiro Adolphe. Jean-Antoine Lépine, horloger (1720–1814): histoire du développement de l'horlogerie en France, de 1760 à l'Empire. Paris, 1988.*

В. А. Доманский

ТУРГЕНЕВ — ПЕРЕВОДЧИК РИХАРДА ПОЛЯ: НЕМЕЦКО-РУССКИЙ ДИСКУРС

О взаимоотношениях баденского музыкального критика и журналиста, писателя и переводчика Рихарда Поля и Тургенева наиболее полные сведения представлены в работе Н. Г. Жекулина «Тургенев и Рихард Польш». ¹ В данной статье будет рассмотрена только одна сторона их взаимоотношений, связанная с переводами стихотворений Поля для музыкальных альбомов Полины Виардо. При этом переводческая деятельность Тургенева не сводится лишь к интерпретации смысла текста стихотворения на одном языке (исходном, немецком) и созданию нового, эквивалентного текста на другом языке (переводящем, русском). Немецко-русский дискурс исследуется как межкультурная коммуникация, имеющая свои вербальные и невербальные составляющие. Что касается собственно перевода, то в музыкальных альбомах Полины Виардо мы имеем дело с так называемым **эквиритмическим переводом** (от лат. *aequus* — равный), или **вокальным переводом**, то есть переводом вокальных произведений (песен, романсов, либретто) с сохранением стихотворного размера: числа слогов, ударений, пауз, ритмического рисунка в целом. Текст такого перевода должен быть равноценным оригиналу прежде всего в метроритмическом отношении при условии сохранения формы и содержания исходного текста.

¹ Жекулин Н. Г. Тургенев и Рихард Польш // Ivan S. Turgenev. Leben, Werk und Wirkung. Beiträge der Internationalen Fachkonferenz aus Anlaß des 175. Geburtstages an der Otto-Friedrich-Universität Bamberg, 15.–18. September 1993 / Hrg. von P. Thiergen. München, 1995. S. 244–271 (Vorträge und Abhandlungen zur Slavistik. Bd. 27).

Переводчиком стихотворных текстов с немецкого языка на русский для музыкального альбома Полины Виардо Тургенев выступил в 1868 году, а в 1871 году в петербургском музыкальном издательстве А. Р. Иогансена он выпустил «немецкий» альбом под названием «Шесть стихотворений Г. Гейне, Э. Мёрике и Р. Поля, переведенные на русский язык И. Тургеневым и положенные на музыку Полиною Виардо-Гарсиа». Этот альбом состоял из шести тетрадей. Так как стихотворные тексты в альбомах Полины Виардо играли подчиненную роль по отношению к музыке, складывается впечатление, что Тургенев свои переводы ставил значительно ниже собственного поэтического творчества. Но пристальное их изучение позволяет заключить, что его переводные тексты по-своему интересны в художественном отношении, поэтому не следует умалять их значения. В некоторых из них, как, например, в стихотворении «Разгадка», текст которого был представлен в «русском» альбоме 1868 года под названием «Пять стихотворений Лермонтова и Тургенева, положенные на музыку Полиною Виардо-Гарсиа», писатель на основе исходного текста Р. Поля создает свой вариант стихотворения, не уступающий оригиналу. Не потому ли он и подписывает его своим именем, не уточняя, что это перевод?

С другой стороны, как уже отмечалось выше, эквиритмический перевод имеет свою специфику, которую необходимо учитывать в процессе сравнительно-сопоставительного анализа. Как известно, в начале 1860-х годов Тургенев активно изучал теорию вокального перевода и приобрел достаточный опыт в этой области, работая совместно с Полиной Виардо над созданием оперетт «Слишком много жен», «Последний колдун», «Людоед», «Зеркало». К ним он писал либретто и участвовал в сценических постановках. Его работа в качестве редактора переводов стихотворений русских поэтов на немецкий язык, выполненных Фридрихом Боденштедтом, свидетельствует о высоком профессионализме в этом деле вопреки сложившейся в тургеневедении тенденции рассматривать переводческую деятельность писателя как побочную.

Письма Тургенева к немецкому переводчику и прежде всего его замечания и комментарии к переводам Боденштедта из первого «русского» альбома Полины Виардо под названием «12 стихотворений Пушкина, Фета и Тургенева, положенные на музыку Полиною Виардо-Гарсиа», красноречиво говорят о его тонком и глубоком понимании вокального переводческого мастерства.² В частности, можно выявить основные правила, следование которым Тургенев считал необходимым условием как

² См.: *ЛССиП(2). Письма*. Т. 5. С. 189–193, 198, 210–211, 216.

для адекватной переводческой интерпретации стихотворного текста, так и для его «подгона» к музыке и вокалу, подчеркивая, что «музыка имеет свои настоятельные требования».³

Этими требованиями для него является соответствие количества стоп и стихотворного размера в оригинале и переводе, передача смысла исходного текста, его ритмической и метрической организации, музыкального рисунка в целом и звукописи в наиболее важных по содержанию местах. По мнению Тургенева, для чистоты звучания музыкальной фразы необходимо избавляться от фонетических заторов, которые останавливают ее, делают труднопроизносимой: «Вместо: „trübst du leis posh“, — отмечал он, например, по поводу перевода Боденшtedтом стихотворения Пушкина «Туча», — следовало бы что-нибудь вроде: „du betrübest“ или „du betrübst noch“».⁴ В следующем письме по поводу перевода стихотворения «Для берегов отчизны дальней...» он замечал: «„Trieb *Heimweh* dich“ — трудно выговорить, ибо тут 4 ноты весьма быстрые. То же самое замечание относится и к ст. 13. „Du sprachst: bald küß“ — следовало бы что-нибудь вроде: „Du hubest an“».⁵ В равной степени, как считал Тургенев, мелодию вокала нарушают звуковые наслаения, неоправданные повторы или их отсутствие, когда это обусловлено суггестией стиха, а также неверно проставленные музыкальные ударения и паузы. Поэтому он требовал от Боденшtedта адекватности немецкого перевода и его точной «подгонки» под музыку, даже предлагал свой вариант перевода, например стихотворения Пушкина «Ночь» («Мой голос для тебя и ласковый и томный...»). Вместе с тем он понимал, что его требования слишком завышены и в конце концов смирился с последним вариантом, как в ситуации с переводом Боденшtedтом его собственного стихотворения «Синица». Ср. ст. 15–18:

У Тургенева:

Иль беспечно распевает
И в тебе охота жить —
Та, что людям помогает
Смерть и жизнь переносить?

У Боденшtedта:

Oder ist auch dir gegeben
Wie dem Menschen, jene Lust,
Jene Freud' am schönen Leben,
Die du strömst aus voller Brust?

³ ПССУП(2). Письма. Т. 5. С. 351. Подлинник по-франц.

⁴ Там же. С. 349. Письмо к Фр. Боденшtedту от 2, 3 (14, 15) июля (?) 1863 г.

⁵ Там же. С. 351. Письмо от 4 (16) июля (?) 1863 г. Подлинник по-франц. О требованиях, которые Тургенев предъявлял переводчику иноязычных текстов, предназначенных для пения, см.: *Алексеев М. П.* Стихотворные тексты для романсов Полины Виардо // *Т Сб.* Вып. 4. С. 193–195.

ПЯТЬ СТИХОТВОРЕНІЙ
ЛЕРМОНТОВА и ТУРГЕНЕВА
ПОЛОЖЕННЫЯ НА МУЗЫКУ

ПОЛИНОЮ ВІАРДО ГАРСІА.

№ 1. НА ЗАРЬ.	ТУРГЕНЕВА.
2. УТЕСЬ.	ЛЕРМОНТОВА
3. РАЗГАДКА.	ТУРГЕНЕВА.
4. РАЗЛУКА.	ТУРГЕНЕВА.
5. РУСАЛКА.	ЛЕРМОНТОВА.

№ 3

Цена 60

Собственность издателя

С. ПЕТЕРБУРГЪ. у А. ЮГАНСЕНА.

Москва, у А. Гутхейль.

Харьковъ, у В. Гергарда

Лит. К. Давыда, Волковск. просп. № 72

«Пять стихотворений Лермонтова и Тургенева» (СПб., 1868).
Обложка альбома романсов П. Виардо

Не удовлетворенный переложением последних четырех стихов, он заметил: «Ваш перевод дает, если разрешите так выразиться, чуточку иное направление мысли, но это не имеет значения».⁶

Издатель Иогансен, у которого Тургенев с 1864 года публиковал романсы Полины Виардо в России, сумел убедить его, что изданный им предыдущий, четвертый, музыкальный альбом⁷ не имел коммерческого успеха, поэтому писатель вынужден был издать новый альбом за свой счет, как следует из письма Тургенева от 19 (31) марта 1871 года к П. В. Анненкову: «Я отдал музыкальному торговцу А. Иогансену (против Гостиного Двора) 6 романсов г-жи Виардо — с тем чтобы он напечатал их на мой счет. Романсы г-жи Виардо не имеют более ходу в нашей публике (в чем виновата, по моему твердому убеждению, эта публика) — и поэтому г-н Иогансен их более не покупает; но я говорю г-же Виардо, что он продолжает это делать — и Вы не выдавайте никому моей *ruse innocente* <невинной хитрости — *франц.*> <...>».⁸

Вместе с тем, как оказалось, Иогансен из издания романсов Полины Виардо все же извлекал определенную выгоду, переиздавая их в 1870-х — 1880-х годах отдельными тетрадями, о чем свидетельствует «проспект» всех романсов Полины Виардо, изданных Иогансеном к 1880 году и представленных на продажу в его магазине в Петербурге. Такой «проспект» помещался в качестве обложки к тетрадям с отдельными романсами, выходившими под общим заголовком «Стихотворения Гейбеля, Гёте, Кольцова, Лермонтова, Мёрике, Поля, Пушкина, Тургенева, Тюркети, Тютчева и Фета, положенные для пения с аккомпанементом фортепиано Полиною Виардо-Гарсиа». Как видно из подобного проспекта 1880 года, в общей сложности Тургеневым для музыкальных тетрадей Полины Виардо было подготовлено сорок текстов стихотворений русских и зарубежных авторов, часть из которых являлись собственными переводами Тургенева. Ниже воспроизведен перечень этих музыкальных тетрадей, который выступал своеобразным прайс-листом. Он представлял тетради с романсом на слова А. А. Фета «Шепот, робкое дыханье...», переизданным Иогансеном в 1880 году.

⁶ ПССиП(2). Письма. Т. 5. С. 357. Письмо от 5 (17) октября 1863 г. Подлинник по-нем. Как отмечают комментаторы письма Т. П. Ден и Х. Раппих, «смысл последней строфы изменен»: «Или тебе даны так же, / Как и человеку, то наслаждение, / Та радость прекрасной жизни, / Которые ты изливаешь от всего сердца?» (Там же. С. 526).

⁷ «Два романса Гёте и Е. Тюркети <sic!> в переводе И. С. Тургенева. Музыка Полины Виардо-Гарсиа» (СПб., 1869).

⁸ ПССиП(2). Письма. Т. 11. С. 60.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Гейбеля, Гёте, Кольцова, Лермонтова, Мюссе, Поля, Пушкина, Тургенева,
Тюркети, Тютчева и Фета,

ПОЛОЖЕННЫЯ

ДЛЯ ПѢНІЯ СЪ АККОМПАНИМЕНТОМЪ ФОРТЕПИАНО
ПОЛИНОЮ ВІАРДО ГАРСІА.

1076
217

№ 1. Передъ судою	слова Гёте, пер. И. С. Тургенева . . .	60 к.
» 2. Ночь и день	Тюркети, пер. И. С. Тургенева . . .	40 »
» 3. На зарѣ	И. С. Тургенева	75 »
» 4. Утѣсь	Лермонтова	60 »
» 5. Разлука	И. С. Тургенева	60 »
» 6. Разлука	И. С. Тургенева	75 »
» 7. Русалка	Лермонтова	1 р. —
» 8. Саванецъ (Der Nachtwandler)	Поля	60 »
» 9. Финская пѣсня (Finnisches Lied)	Гёте	75 »
» 10. Юноша и дѣва (Der Jüngling und das Mädchen)	Пушкина	60 »
» 11. Солдатская невѣста (Die Soldatenbrant)	Мюссе	60 »
» 12. Весенній вечеръ (Im April)	Гейбеля	75 »
» 13. Лѣсная тѣнь (Waldesamkeit)	Поля, пер. И. С. Тургенева . . .	85 »
» 14. Затубленная жизнь (Sie schaut nach der sinkenden Sonne)	»	60 »
» 15. Садовникъ (Der Gärtner)	Мюссе	60 »
» 16. Ожиданіе (Die Erwartung)	Поля	60 »
» 17. Вышло счастье (Entschwundenes Glück)	Мюссе	60 »
» 18. Стоять погода злая! (Das ist ein schlechtes Wetter)	Гейне	60 »
» 19. Отчего скажи (Sag, warum, warum)	Каллоца	75 »
» 20. Ночью, во время беззвонницы (Schlafes Bergleich)	Пушкина	50 »
» 21. Я люблю сію (Heisser glühte mein Herz)	Каллоца	50 »
» 22. Тако вечеръ догораетъ (Gedhte glühn der Berge Gipfel)	»	40 »
» 23. Для береговъ отчужднхъ дальнихъ (Aus fremdem Land)	Пушкина	60 »
» 24. Вѣтвь Палестины (Der Palmzweig aus Palästina)	Лермонтова	60 »
» 25. Не пой красавица при жидѣ (O sing du Schöne, sing mir nicht)	Пушкина	60 »
» 26. Козыбеллал плелл (Der Kosak in Wiegennied)	Лермонтова	85 »
» 27. Ина (Die Weide)	Тютчева	60 »
» 28. Буря (Der Sturm)	Пушкина	1 р. —
» 29. Цвѣтокъ (Das Blümlein)	»	60 »
» 30. На холмахъ Грузіи (Auf Grusien's Hügeln)	»	60 »
» 31. Тѣлая звѣздная ночь (Ruhige, heilige Nacht)	Фета	50 »
» 32. Полуночные образы (Mitternächtlige Bilder)	»	75 »
» 33. Шепотъ, робкое дыханіе (Flüstern, athemscheues Lauschen)	»	40 »
» 34. Завлнваніе (Die Beschwörung)	Пушкина	75 »
» 35. Слншца (Die Meise)	Тургенева	60 »
» 36. Дѣя розы (Zwei Rosen)	»	40 »
» 37. Ночью (Nacht)	Фета	75 »
» 38. Улицей (Der Gefangene)	Пушкина	40 »
» 39. Птица Воюя (Das Vöglein)	»	75 »
» 40. Звѣздамъ (Die Sterne), съ аккомпании. пюлогичеи	Фета	1 р. —

Народныя Тосканскія Пѣсни (Canti Popolari Toscani).

№ 41. Флорентинская серенада (Serena da Fiorentina)	60 к.
» 42. «Былао я съ тобою говорила» («C'era una volta»)	60 »
» 43. «Не удивляйтесь!» («Non vi meravigliate»)	85 »
» 44. «Вдннжна я!» («Rovera mel»)	50 »
» 45. «Взлюбленна» («L'innamorata»)	75 »
» 46. Передъ тобою чѣвъ я провинилась? (E che t'ho fatto, dolce anima!)	85 »
» 47. «Хотѣла-бъ быть я птиачкою милою» («Potessi diventare»)	75 »
» 48. «Хочу я плавать!» («Vo pianger tanto»)	75 »
» 49. На лодочку мы сидѣмъ удачно (Il barchettino)	60 »
» 50. Я умру (Moriro)	60 »

Робственность издателя.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, у А. ЮГАНСЕНА

Невскій пр., № 44.

Типографія Э. Ариголада, Лѣтняя, 39.

Перечень произведений Полины Виардо,
изданных у А. Иогансена и представленных в его магазине (СПб., 1880).
Обложка тетради с романсом «Шепот, робкое дыханье...»

Остановимся на тургеневском переложении стихотворения Р. Поля «Räthsel» («Разгадка»), помещенном в музыкальном альбоме 1868 года под названием «Пять стихотворений Лермонтова и Тургенева, положенные на музыку Полиною Виардо-Гарсиа». До недавнего времени тургеневское стихотворение «Разгадка» не соотносилось с текстом Поля и считалось, что оно создано по мотивам пьесы Э. Мёрике «Frage und Antwort».⁹ Софья Николаевна Шиль, писавшая под псевдонимом Сергей Орловский, считала это стихотворение оригинальным тургеневским текстом, написанным под впечатлением пережитого писателем.¹⁰ Н. Г. Жекулин, обратившись к вышедшему в Веймаре первому изданию «Стихотворений» Поля (1859) и лейпцигскому изданию этого романа (1870), установил, что «Разгадка» является вольным переводом стихотворения Поля «Räthsel».¹¹ Однако то обстоятельство, что в петербургском альбоме автором романа был назван Тургенев, не лишено оснований. Сравнительный анализ двух текстов — Поля и Тургенева — показывает, что хотя они и развивают одну и ту же тему блаженного мига любви, которую замечательно передает музыка Полины Виардо, но у каждого автора эта тема разворачивается по-своему. Сопоставим оба текста, снабдив немецкий текст подстрочным переводом.

Räthsel	Разгадка
In deinen Augen schlummert Ein holdes Räthselwort, Das meine Blicke bannte An den geweihten Ort.	Как приливала к сердцу Вся кровь в груди моей, Когда в меня вперялись Лучи твоих очей!
Lang forscht' ich nach dem Zauber, Zu öffnen deinen Mund, Verborgnen Schatz zu heben Sucht' ich die rechte Stund'!	Мне долго непонятен Был их язык немой... Искал его значенья Я с страхом и тоской...
Nun schaue ich hernieder In deines Herzens Schacht, Dein Kuss löst mir das Räthsel, Das mich so selig macht!	Вдруг все сомненья пали И страх навек затих... Мой ангел, все я понял, В один блаженный миг!

⁹ См.: Ден Т. П. «На заре». Тургенев и Мёрике // *Т Сб.* Вып. 1. С. 255–256; *ПССиП(2)*. Соч. Т. 12. С. 647, коммент. И. С. Чистовой.

¹⁰ Орловский Сергей. Лирика молодого Тургенева. Прага, <1926>. С. 209.

¹¹ Жекулин Н. Г. Тургенев и Рихард Поль. S. 260. См.: Räthsel. Gedicht von Richard Pohl. Für eine Singstimme mit Begleitung des Pianoforte componirt von Pauline Viardot-Garcia. Leipzig & Weimar: Robert Seitz, <1870>. Немецкий текст в издании Зайца тождествен тексту в первом издании стихотворений Поля (Gedichte von Richard Pohl. Weimar: Landes-Industrie-Comptoir, 1859. S. 17).

Подстрочный перевод:

В твоих глазах таится
Прелестная загадка,
Которая приковала мои взоры
К святому месту.
Долго искал я волшебные средства,
Чтобы раскрыть твои уста,
Найти тайный клад
Пытался я в урочный час!
И вот я смотрю
В глубину твоего сердца,
Твой поцелуй раскрыл мне загадку,
Которая сделала меня столь счастливым!

Оба стихотворения замечательны и оригинальны по-своему и представляют собой интересную творческую переключку на тему переживаемого лирическим героем волнения любви. *Räthsel*, или по-русски загадка — это волнующее для лирического героя состояние, когда он ждет от девушки любовного признания. Поцелуй, который она дарит, является разгадкой этой загадки.

У Тургенева интимное переживание передано более сдержанно и не так прямолинейно. Его лирический герой, испытывающий любовное томление, робок из-за страха быть отвергнутым. Для него непонятен обращенный на него взгляд возлюбленной, но неожиданно «блаженный миг» поцелуя разрешает все загадки.

Из петербургского письма Тургенева к Полине Виардо от 26 февраля (10 марта) 1867 года можно заключить, что романс «*Räthsel*» имел для писателя и глубоко личный смысл, отразившийся в его переводе. Именно в этом письме Тургенев, переходя на немецкий язык, не сдерживается и выплескивает свои глубокие чувства к Полине Виардо, вновь пробудившиеся во время недавней встречи в Германии: «Эти дни в Берлине — эти неожиданные прекрасные свидания — все это, — и потом жестокое расставание — поистине, слишком много для меня; под тяжестью тех незабываемых переживаний я чувствую себя совершенно разбитым, подобного со мной никогда еще не бывало. Ах, мои чувства к вам слишком велики и сильны. Я не могу, не могу больше жить вдали от вас, — я должен чувствовать вашу близость, наслаждаться ею, — день, когда мне не светили ваши глаза, — для меня потеряян...».¹² В этом же письме он замечает, что представляет себе, как Полина Виардо поет «*Räthsel*»,

¹² ПССиП(2). Письма. Т. 7. С. 263–264.

а он сам научился его напевать. Так романс соединяет два любящих сердца, находящиеся вдали друг от друга.

Как известно, романс «Разгадка» вышел в 1868 году с посвящением русской певице Елизавете Андреевне Лавровской, ученице П. Виардо, что может свидетельствовать о том, что писатель тщательно пытался скрыть от современников очевидный адресат своего стихотворения. Вместе с тем посвящение романса Лавровской, по всей видимости, не случайно. Певица с большим успехом исполняла романсы Полины Виардо, о чем Тургенев сообщал, например, в письме от 5 (17) марта 1867 года: «Третьего дня вечером я получил очень большое удовольствие: г-жа Ниссен-Саломан пригласила меня на один из вечеров, которые Консерватория устраивает один или два раза в месяц; там я слушал некую г-жу Лавровскую, которая с большим вкусом красивым меццо-сопрано спела ваш „Цветок“, „Шепот“ и „Сюда!“ (Заклинание)».¹³

Альбом 1871 года для русских любителей музыки и исполнителей стал пятым альбомом Полины Виардо. В него вошли три тургеневских перевода стихотворений Рихарда Поля: «Лесная тишь» («Waldmärchen»), «Загубленная жизнь» («Verfehltes Leben») и «Ожидание» («Allein»). Музыка Полины Виардо объединяет два текста — немецкий Поля и русский Тургенева, которые параллельно приводятся как стихотворные тексты к нотам для вокального исполнения. В своих стихотворных текстах Тургенев продемонстрировал разные виды вокального перевода, владение его техникой, добиваясь, как отметил М. П. Алексеев, «полного совпадения логических ударений переводимого текста с музыкальной акцентировкой певческой строки», учитывая при этом «все изменения мелодического рисунка, высоту и динамику звука, эмоциональное развертывание всех музыкальных элементов данного музыкального произведения».¹⁴

Первое стихотворение Тургенева «Лесная тишь», которым открывался музыкальный альбом Полины Виардо, представляет собой собственно не перевод, а вольное развитие поэтического мотива, заданного начальной строкой стихотворения Поля: «Waldeinsamkeit, Waldeinsamkeit...». Как справедливо заметил Р. Ю. Данилевский, русский писатель «сумел оценить выразительность немецкого слова „Waldeinsamkeit“ (букв. «лесное одиночество»), с которого начинался немецкий текст».¹⁵

¹³ ПССиП(2). Письма. Т. 7. С. 267. Подлинник по-франц.

¹⁴ Алексеев М. П. Стихотворные тексты для романсов Полины Виардо. С. 194.

¹⁵ Данилевский Р. Ю. Русско-немецкие дискурсы (Сборник работ Томского филологического семинара) // РЛ. 2011. № 2. С. 247.

Елизавета Андреевна ЛАВРОВСКАЯ.

РАЗГАДКА.

Слова И ТУРГЕНЕВА.

Музыка П. ВИАРДО ГАРСИА.

Andante.

CANTO.

PIANO.

p

cresc.

Ped. * *Ped.* * *Ped.* *

Кася при - ли - ва - ла къ серд - цу Всеи кровь въ груди мо -
 ей, Ког - да вме - ня впе - ря - лись Лу - чи тво - ихъ о -
 чей! Миѣ дол - го не по - ня - ть Быль ихъ я - зыкъ нѣ -

Собственность Издателя.

351.

С.Петербургъ, у А. ЮГАНСЕНА.

Стихотворение написано в жанре идиллии. Лирический герой восхищен всесильным волшебством леса, который пробуждает в нем духовные силы, вызывает мечты и грезы. Его чувства и настроение хорошо выражает темп *andante*, спокойный, гармоничный и размеренный характер музыки. Ее ритмический рисунок создает четырехстопный классический ямб с четкими ударными слогами в двусложных словах и пиррихиями в длинных. Четкий ритм передает дуновение ветерка, журчание ручья, а его замедление — мечтательность лирического героя и таинственность природы.

Разворачивая по-своему мотив лесного одиночества, лесной тиши, Тургенев практически не следует тексту оригинала — у него свой поток ассоциаций. Лишь в шестом стихе, как и в стихотворении Поля, в котором говорится о серебристом ручье, шумящем в камыше, тоже появляется мотив ручья. Ср.:

У Поля:

У Тургенева:

Der Silberquell im Schilf es rauscht: Ручей таинственно журчит,

Содержание оригинала и содержание его переводческой рецепции вполне соответствуют своим названиям. Рихард Поль поэтически воссоздает атмосферу волшебной лесной сказки («Waldmärchen») о прекрасном ребенке, растущем в сладком покое и хранящем тайну о сундуке с сокровищами, матери этого ребенка, восседающей на троне в волшебном замке, белой вороне и лебеде, знающем дорогу к этому лесному замку.

Тургеневу чужда эта усложненная романтическая образность и метафоричность. Он строит свой текст как цепочку ассоциаций, связанных с умиротворенной лесной тишиной, тенью ветвей, журчащим ручьем, лучом солнца, шепотом ветерка и листьев. Реалистичные образы и картины, разворачивающиеся в стихотворении, не исключают тайны — появления сказочного сильфа, но этот сказочный образ составляет второй план поэтического текста. В заключительной части стихотворения Поля появляется поэтический мотив полной романтического томления песни, звучащей из глубокой дали на закате дня и уносящейся к звездам:

Wie sensuchtsvoll aus weiten Fernen
Erklingt ein Lied im Abendschein.

Тургенев заменяет его «чистым звоном», который ласковой волной объемлет «недвижный лес» и постепенно угасает в небесах:

Вдруг чистый звон как бы волною,
Объемлет лес, недвижимый лес!
И выше, выше все взлетает,
И выше, выше все взлетает
И в глубине небес исчез!¹⁶

Для Тургенева этот мотив чистого звона или песни, своей волной накрывающей луг, озеро, лес, символизирует редчайшие минуты полного слияния человека с природой, которая, кажется, откликается на эту мелодию. Подтверждением сказанному может быть сцена из романа «Накануне», в которой компаньонка Елены Стаховой Зоя Мюллер посреди Царицынского пруда исполняет песню Нидермейера на слова Ламартина «Le lac» («O lac! l'année à reine a fini sa carrière...»). «Ее небольшой, но чистый голосок, — подчеркивает автор романа, — так и помчался по зеркалу пруда; далеко в лесах отзывалось каждое слово; казалось, и там кто-то пел четким и таинственным, но нечеловеческим, нездешним голосом».¹⁷

Как видим, немецко-русский дискурс в данном случае вокального перевода не сводится к простому переложению текста с одного языка на другой. При почти полном несовпадении цепочки поэтических образов в стихотворных текстах Поля и Тургенева они, тем не менее, удачно, но каждый по-своему соотносятся с композиционной схемой романса, которая основана на трех принципах: повторение, варьирование и контраст. А сама музыкальная тема проявляется в ней посредством взаимодействия ритма и мелодии, гармонии и тембра.

Если первый тургеньевский перевод из Поля по существу представляет собой вариацию на тему «лесной тиши», «лесного одиночества», то перевод стихотворения «Verfehltes Leben» является достаточно точным, эквилинеарным как в передаче ритмического рисунка, так и с точки зрения лексического и мотивного соответствия перевода оригиналу. Чтобы это увидеть, сравним текст оригинала и перевода, снабдив текст Поля подстрочником.

Verfehltes Leben

Sie schaut nach der sinkenden Sonne,
Und Tränen umflogen den Blick;
Sie denkt an die schuldlose Jugend,
An wonnige Tage zurück.

Загубленная жизнь

Глядит на закат она солнца,
И взор отуманен слезой...
На память приходит ей юность,
Невинности сон золотой.

¹⁶ ПССиП(2). Соч. Т. 12. С. 301.

¹⁷ Там же. Т. 6. С. 218.

Sie träumt von ihm, den sie liebte,
Sie ringt nach verlorener Ruh —
Ein schwerer, düsterer Schleier
Deckt ihre Vergangenheit zu.

Großmutter, die fromme, sie faltet
Andächtig die zitternden Hände,
Und flüstert mit bebender Lippe:
«Verleih uns ein seliges Ende!»

И тот, что был сердцу дорог,
И все, чем так сладко жилось, —
Все черной скрыто завесой,
Все сгибло, навек унеслось.

А бабушка тихо слагает
Дрожащие, бледные руки
И бледными шепчет устами:
«Поддай нам кончину без муки!»
«Поддай нам кончину без муки!»

Подстрочный перевод:

Неудавшаяся жизнь

Она глядит на заходящее солнце
И слезы затуманивают ей взгляд,
Она размышляет о невинной юности,
Об ушедших блаженных днях.

Она мечтает о том, кого любила,
Стремится к утраченному покою —
Тяжелое, мрачное покрывало
Накрывает ее прошлое.

Бабушка, набожная, складывает
Для молитвы трясущиеся руки
И шепчет дрожащими губами:
«Награди нас счастливым концом!»

Из подстрочника видно, что у Тургенева отступления от оригинала незначительны. Буквально следуя немецкому тоническому стиху, писатель, что не характерно для традиции русской поэтической школы XIX века, удачно использует дольник с первой ямбической, второй стопой анапеста и третьей стопой ямба или анапеста. Совпадают также способ рифмовки и строфика. В своем удивительно музыкальном тексте, который безусловно превосходит немецкий оригинал, Тургенев словно демонстрирует те необходимые принципы переводческого мастерства, которые вытекают из его писем к Боденштедту и о которых говорилось выше. Основное отличие тургеневского перевода от стихотворения Поля — в смысловом акценте, уже заявленном в названии стихотворения. *Загубленная жизнь* у Тургенева не предполагает разночтений. Ее загубила сама лирическая героиня стихотворения, которая так неумело ею распорядилась в погоне за «сладкой жизнью». Троекратное повторение местоимения «все» подчеркивает безграничность потерь, произошедших по вине героини. Использованный рефрен в конце третьей строфы, которого нет в оригинале, значительно усиливает передачу эмоционального

Пять Стихотворений

Гёте, Пушкина, Мёрике, Гейбель и Поля,
положенных на музыку

Шолиною Виардо Гарсія.

№1 Сльпецъ	Р. Поля.
- 2 Финская пьсня	В. Гёте.
- 3 Юноша и Дьва	А. Пушкина.
- 4 Солдатская невѣста	Э. Мёрике.
- 5 Весенни Вечерь	Э. Гейбель.

Fünf Gedichte

Göthe, Puschkin, Mörike, Geibel und Pohl,
von

in Musik gesetzt von

PAULINE VIARDOT GARCIA.

№1 Der Nachtwandler	R. Pohl.
- 2 Finnisches Lied	W. Göthe.
- 3 Der Jüngling und das Mädchen	A. Puschkin.
- 4 Die Soldatenbraut	E. Mörike.
- 5 Im April	E. Geibel.

№12

Собственность издателя

Цена 3 к.

С. ПЕТЕРБУРГЪ, у А. ЮГАНСЕНА.

Коммисіонера Императорскаго Русскаго музыкальнаго общества СПетербургскаго отдѣленія.

Невскій проспектъ №44.

Лит. А. ГЕРБЕРА. ВЪЗЛАНУХЪ МОСК. Д.

состояния старушки, которая молится о смерти без страданий и муки. Психологические переживания лирической героини в ожидании смерти переданы посредством эпитета «бледный»: «дрожащие, бледные руки», «бледные уста».

Название текста Поля имеет двойную семантику: *неудачная* или *погубленная жизнь*. Но в обоих случаях речь идет о несостоявшейся жизни, погубленной кем-то или не удавшейся по воле случая, судьбы. Вот почему Тургенев отказался от своего первоначального названия стихотворения «Погибшая жизнь», так как оно не соответствовало бы его картине мира. Следует также обратить внимание на развитие семантики двух поэтических образов — *завесы* и *покрывала*, которая определяется контекстом стихотворений. В тургеневском тексте *завеса* закрывает прошлое, в стихотворении Поля *düstere Schleier* (*мрачное покрывало*) покрывает прошлое, словно действие высших сил. Поэтому в немецком тексте так очевидно выражен христианский элемент покорности судьбе и молитвы лирической героини, который в переводе Тургенева снят.

Третьим текстом Поля в «немецком» альбоме Полины Виардо является стихотворение «Allein», в котором разворачивается тема одиночества девушки, недавно расставшейся со своим возлюбленным. Тургенев тему одиночества заменяет темой ожидания, что выражено уже самим названием стихотворения. В своем поэтическом переложении немецкого текста для вокала он использует уже названный выше метод вольного развития основного поэтического мотива.¹⁸

В шестом музыкальном альбоме Полины Виардо (1874) помещено еще одно стихотворение Поля («Nachtwandler» — *букв.* лунатик), которое дано под названием «Слепец».

Его текст приведен в альбоме параллельно на двух языках — немецком и русском. Так как все тексты к романсам Виардо подбирал лично Тургенев, не вызывает сомнения, что он был и автором перевода стихотворения Р. Поля «Nachtwandler».¹⁹ Об этом также свидетельствует и специфика вокального перевода, уже отмеченная выше: свободное развитие темы первой строфы с передачей ритмомелодики оригинала и достаточно точный перевод, за исключением последнего стиха.

¹⁸ Об этом более подробно в статье: *Доманский В. А.* Тургенев — соавтор «немецкого альбома» Полины Виардо // *И. С. Тургенев. Новые исследования и материалы* / Отв. ред. Н. П. Генералова, В. А. Лукина. М.; СПб., 2011. Вып. 2. С. 188–196.

¹⁹ Впервые предположение о возможном авторстве Тургенева было высказано М. П. Алексеевым в его статье: *Стихотворные тексты для романсов Полины Виардо*. С. 202.

Nachtwandler

Mein Leib ist wie gefesselt,
Doch meine Seel' bei dir;
So schreit' ich, lebend Todter,
Fort durch der Welt Gewirr.

Nachtwandler bin ich geworden,
Der suchend die Augen schließt:
Zum Leben kehr' ich erst wieder,
Wenn du mich wach geküßt!

Слепец

По жизненному полю
В толпе громадной людской
С закрытыми очами
Брожу я всем чужой.

Слепцом я стал добровольным,
Слепцом так останусь я...
Мне вновь откроет очи
Одна любовь твоя!

Таким образом, стихотворные переводы Тургенева из Рихарда Поля являются составляющей немецко-русского дискурса, в котором во многих нюансах отражена специфика вокального перевода, блестяще освоенная русским писателем. Посредством этого дискурса раскрываются также и некоторые личные факты биографии Тургенева.

Л. Сундквист

**НЕМЕЦКИЙ ПЕРЕВОДЧИК «МУМУ»
ВИЛЬГЕЛЬМ ФОН КОЦЕБУ
И ОДИН МАЛОИЗВЕСТНЫЙ ОТЗЫВ
ОБ ЭТОЙ ПОВЕСТИ**

Повесть Тургенева «Муму», которая впервые появилась в третьей книжке «Современника» за 1854 год, с самого начала оказывала особенно сильное воздействие на женскую половину его читательской аудитории. Так, кузина писателя Ольга Александровна Тургенева (в замуж. Сомова; 1836–1872), некоторые черты которой впоследствии запечатлелись в образе Лизы Калитиной в «Дворянском гнезде», после того, как сам автор впервые прочел рукопись повести на квартире ее отца в Петербурге в середине мая 1852 года, записала в своем дневнике: «Весь следующий день я была под впечатлением этого бесхитростного рассказа. А сколько в нем глубины, какая чуткость, какое понимание душевных переживаний. Я никогда ничего подобного не встречала у других писателей, даже у моего любимца Диккенса я не знаю вещи, которую могла бы считать равной „Муму“». Каким надо быть гуманным, хорошим человеком, чтобы так понять и передать переживания и муки чужой души». ¹ Это, конечно, не означает, что рассказ о дворнике Герасиме и его любимой собаке, которую тот по велению своей госпожи должен собственными руками утопить, не взволновал и читателей-мужчин — достаточно привести хотя бы знаменитое утверждение Томаса Карлейля: «Мне кажется, это самая трогательная история, какую мне

¹ Цит. по: Воспоминания Е. С. Иловайской (Сомовой) о Тургеневе / Публ. Л. Н. Назаровой // *Т Сб.* Вып. 4. С. 258.

случалось читать»,² — но они, как, например, братья Аксаковы или А. И. Герцен, скорее склонялись к тому, чтобы за образом несчастного глухонемого усмотреть намек на положение всего русского народа при крепостном праве.³

Не удивительно, что отзыв о повести «Муму», который мы решили представить здесь, так как он, по-видимому, до сих пор не был учтен в тургеневедении, принадлежит женщине, а именно королеве Румынии Елизавете (1843–1916), которая под псевдонимом «Кармен Сильва» (Carmen Sylva) с середины 1870-х годов выступала в качестве переводчицы румынской поэзии на немецкий язык, а также стала автором нескольких книг прозы и стихов.⁴ Отзыв этот был записан не кем иным, как Людвигом Пичем, который и по смерти Тургенева остался верным его памяти. Статьи и книги Пича, в которых тот воссоздал образ своего великого русского друга, неоднократно привлекались и по сей день привлекаются исследователями,⁵ но как раз книга, содержащая отзыв королевы Елизаветы — «Из дней молодости и старости» (Берлин, 1904), — почему-то до сих пор, насколько нам известно, не цитировалась в связи с Тургеневым. В девятой главе этой книги, озаглавленной «В царстве Кармен Сильвы», Пич вспоминает о своем посещении в 1886 году летней резиденции короля Румынии Кароля I (Carol I; 1839–1914) и его супруги — замка Пелеш близ города Синая — и сообщает следующее:

«Die Königin hatte durch Frau Doktor Kremnitz und Fräulein Majorescu bereits davon gehört, daß Turgenjew während seines halben Lebens mir herzlich befreundet gewesen sei und ich viel und oft mit ihm zusammengelebt hätte. Sie wünschte näheres über ihn und unsere Beziehungen zueinander von mir zu hören und gab dabei ihrer innigen Bewunderung für den großen Poeten schönen, begeisterten Ausdruck. Wie alles, was ich sie sprechen hörte und wie ihr ganzes Verhalten gegen ihre Umgebung, war auch dieser Ausdruck durchaus frei von jenen künstlich gemachten, auf Stelzen gehenden, verschnörkelten

² Цит. по: *ПССУП(2). Соч.* Т. 4. С. 610.

³ Ср. подборку отзывов русских современников Тургенева: Там же. С. 605–609.

⁴ О ее жизненной и литературной судьбе см.: *Герцен Татьяна*. Кармен Сильва // Нева. 2004. № 12. Текст статьи доступен в интернете: <http://magazines.russ.ru/neva/2004/12/ge22.html>. В связи с темой настоящего сообщения уместно подчеркнуть, что двадцатилетняя Елизавета зимой 1863/1864 г. жила в Михайловском дворце в Санкт-Петербурге у великой княгини Елены Павловны (родственницы ее матери), которая сыграла значительную роль в освобождении крестьян. Елизавета сохранила самые хорошие воспоминания о пребывании в России.

⁵ См. публикацию статьи Л. Пича «Цари и феи в салоне Тургенева» (1867) в настоящем сборнике: С. 506–526.

„Airs“, welche hohe und höchste Damen gewöhnlich, besonders aber bei dergleichen Gesprächen und Meinungskundgebungen über Dichter und Künstler und ihre Werke anzunehmen und zur Schau zu tragen pflegen. „Муму“, die Geschichte des армен, taubstummen Leibeigenen der бösartigen Varунja в Moskau, dem seiner Herrin grausame, tyrannische Tücke alle Gegenstände raubt, welchen er die Liebe seines stark и warm fühlenden Herzens zuwendet, erklärte die Königin, sei diejenige unter den Erzählungen Turgenjews, welche ihr immer den tiefsten и ergreifendsten Eindruck gemacht habe, wie sehr sie auch die anderen schätze и bewundere».⁶

Перевод:

«От жены д-ра Кремница⁷ и от девицы Майореску⁸ королева уже услышала о том, что Тургенев полжизни состоял в сердечной дружбе со мной и что я много и часто общался с ним. Она пожелала узнать от меня больше про него и про наши отношения друг с другом и при этом высказала свое душевное восхищение великим поэтом, облекая его в прекрасную и восторженную словесную форму. Как и все, что она при мне говорила, и как вообще все ее поведение по отношению к окружающим, эти высказывания были совершенно свободны от тех искусственных, ходульных и манерных „суждений“, которые обычно используют и любят демонстрировать высокопоставленные дамы — особенно при подобных разговорах и отзывах о поэтах и художниках, а также об их произведениях. По словам самой королевы, „Муму“ — история бедного, глухонемого крепостного злой Варуни⁹ в Москве, у которого жестокое и тираническое коварство его госпожи отнимает все, на чем он сосредоточивает любовь своего сильно и горячо чувствующего сердца — является тем произведением Тургенева, которое производило на нее всегда самое глубокое и трогательное впечатление, как бы она ни ценила и ни восхищалась другими его поестями».

Возможно, что в молодости королева — тогда еще принцесса Елизавета цу Вид (Elisabeth zu Wied) — познакомилась с «Муму» через первый немецкий перевод этой повести, который был выполнен с французского летом 1861 года Матильдой Боденштедт (Mathilde Bodenstedt) —

⁶ *Pietsch Ludwig*. Aus jungen und alten Tagen. Erinnerungen. Berlin, 1904. S. 297.

⁷ Мари Кремниц (урожд. Мари фон Барденлебен; Marie Kremnitz, geb. Marie von Vardenleben; 1852–1916) — немецкая писательница, жена врача Вильгельма Кремница, в 1875 г. поселилась с мужем в Бухаресте. С 1881 г. придворная дама королевы Елизаветы, вместе с которой она написала несколько произведений. Под своим псевдонимом «Mite Kremnitz» она выпустила и книгу о королеве: *Kremnitz Mite*. Carmen Sylva. Eine Biographie. Halle, 1903.

⁸ Зива Майореску (Ziva Maiorescu) — придворная дама королевы.

⁹ В повести Тургенева старая барыня по имени не названа. Не владея русским языком, Пич, очевидно, удержал в памяти слово «барыня» (по всей видимости, услышанное им в разговорах с Тургеневым об этой повести) и, перепутав его с собственным именем, своеобразно преобразил его в «Варуню».

женой немецкого поэта и переводчика Фридриха Боденштедта (Friedrich Bodenstedt; 1819–1893) — и который после обработки ее мужа, сверившего перевод с русским оригиналом, был в конце того же года опубликован в газете «Neues Frankfurter Museum» под заглавием «Edelfrau und Knecht» («Барыня и холоп»).¹⁰ (Впрочем, то обстоятельство, что именно Матильда, а не ее муж, первой принялась за перевод «Муму», можно считать еще одним доказательством того, как эта повесть особенно привлекает женскую часть читателей.)¹¹ Поскольку этот перевод был впоследствии включен (но уже под авторским заглавием «Mumu») в первый том изданного Фр. Боденштедтом собрания повестей и рассказов Тургенева, вышедшего в Мюнхене в сентябре 1864 года¹² — издания, которое, как известно, сыграло существенную роль в популяризации

¹⁰ Edelfrau und Knecht. Eine Erzählung aus Rußland von Iwan Turgénieff. Übersetzt von Bodenstedt // Neues Frankfurter Museum. 1861. Bd. 4. 24. November — 4. Dezember. N 201–208. О работе Матильды Боденштедт над этим переводом и о хлопотах ее мужа с целью добиться публикации см.: Письма Фридриха Боденштедта (1861–1866) / Публ. Анри Гранжара // *ЛН*. Т. 73. Кн. 2. С. 306–310; *Панниух Хорст*. Тургенев и Боденштедт // Там же. С. 334–335; а также немецкую версию статьи Х. Раппиха: *Rappich Horst*. F. Bodenstedt und Turgenev // I. S. Turgenev und Deutschland. Materialien und Untersuchungen. Berlin, 1965. Bd. 1 / Hsg. von Gerhard Ziegengeist. S. 210–212.

¹¹ См. письмо Фр. Боденштедта к Тургеневу от 13 (25) декабря 1861 г.: «...моя жена проглотила ваши книги <во франц. переводе. — Л. С.> и пришла от них в такой восторг, что перевела очень хорошим немецким языком „Муму“, „Пасынкова“ и „Фауста“». Цит. (в переводе Н. Д. Эфрос) по: Письма Фридриха Боденштедта (1861–1866). С. 310. В примечаниях к этому письму утверждается, что «Боденштедт по ошибке назвал „Фауста“ в числе повестей, переведенных его женой; эта повесть была переведена им самим весной 1862 г.» (С. 311, примеч. 10). И действительно, сам Боденштедт в своих последующих письмах к Тургеневу от 16 (28) мая 1862 г. и 22 октября (3 ноября) 1862 г. писал о «моем переводе Вашего „Фауста“». Несмотря на это обстоятельство, однако, тот факт, что перевод несет на себе печать французского перевода (а из дневника Боденштедта и из его писем к Тургеневу известно, что он перевел «Поездку в Полесье», «Постоялый двор» и «Призраки» с русского), косвенно свидетельствует о том, что и в случае с «Фаустом» он мог взять уже существующий перевод жены и обработать его. Иначе трудно представить себе, что он за всего восемь дней успел перевести целиком такую сравнительно длинную повесть для журнала «Russische Revue», в первом номере которого, вышедшем в начале мая 1862 г., появился перевод «Фауста» — с указанием на одного Фр. Боденштедта в качестве переводчика.

¹² *Erzählungen von Iwan Turgénjew*. Deutsch von Friedrich Bodenstedt. Autorisierte Ausgabe. München, 1864. Bd. 1. Кроме перевода «Муму» в этот первый том вошли переводы «Фауста», «Поездки в Полесье» и «Постоялого двора».

творчества Тургенева в Германии, — скорее всего, будущая королева Румынии читала «Муму» именно в переводе Матильды Боденштедт.

Тем не менее нельзя исключить, что Елизавета цу Вид познакомилась с повестью через *второй* немецкий перевод, который в мае 1863 года появился в журнале «Russische Revue»,¹³ издававшемся в Лейпциге Вильгельмом Вольфзоном (Wilhelm Wolfsohn; 1820–1865).¹⁴ В этой публикации были указаны только начальные буквы имени и фамилии переводчика: «W. v. K.». Ни в первом, ни во втором академическом издании Тургенева мы не найдем в комментариях к «Муму» полного имени этого переводчика. Не удалось установить его личность и в сборнике «I. S. Turgenev und Deutschland», вышедшем под редакцией Г. Цигенгайста в 1965 году. Однако три года спустя в своем замечательном издании писем Тургенева к Л. Пичу Криста Шульце указала на то, что перевод «Муму», появившийся в журнале «Russische Revue», принадлежал Вильгельму фон Коцебу.¹⁵ Конечно, нельзя не пожалеть о том, что эти сведения в свое время не вошли в соответствующий том *ПССУП*(2), но теперь, по крайней мере, мы можем восполнить этот пробел.

Вильгельм фон Коцебу (Wilhelm von Kotzebut; р. в Ревеле (Таллине) 7 (19) марта 1813 г.; ум. там же 24 октября (5 ноября) 1887 г.) являлся пятым сыном известного немецкого драматурга и романиста Августа фон Коцебу (August von Kotzebut; 1761–1819), чьи комедии одно время были популярнее драм Шиллера и Гёте и чьи реакционные взгляды привели к его убийству в 1819 году патриотически настроенным студентом Карлом Людвигом Зандом (Karl Ludwig Sand; 1795–1820) — событию, взволновавшему всю Европу и, как известно, подтолкнувшему Пушкина на создание стихотворения «Кинжал» (1821). Идя по стопам отца, состоявшего на русской службе в течение многих лет, Вильгельм фон Коцебу (который притом по месту рождения являлся русским подданным), окончив лицей в Царском селе, в 1832 году поступил на службу в Министерство иностранных дел. Уже семь лет спустя, в 1839 году, он был назначен генерал-губернатором в Киеве. В том же году он женился

¹³ Mumu. Erzählung von Iwan Turgenev. Deutsch von W. v. K. // Russische Revue. 1863. I, Bd. 4. S. 352–376.

¹⁴ О Вольфзоне см., например: Theodor Fontanes Briefwechsel mit Wilhelm Wolfsohn / Hsg. von Christa Schultze. Berlin; Weimar, 1988; Theodor Fontane und Wilhelm Wolfsohn — eine interkulturelle Beziehung. Briefe, Dokumente, Reflexionen / Hsg. von Hanna D. von Wolzogen und Itta Shedletzky. Tübingen, 2006.

¹⁵ См.: Iwan Turgenjew. Briefe an Ludwig Pietsch / Hsg. von Christa Schultze. Berlin; Weimar, 1968. S. 260–261.

на княгине Аспазии Егоровне Катакузиной (1822–1890). С 1841 по 1845 год Коцебу служил секретарем русского посольства при Баденском дворе в Карлсруэ. Выйдя в отставку в 1847 году, он поселился в имении жены под Бухарестом, где мог более интенсивно заниматься литературной деятельностью, начатой им еще в 1838 году драмой «Zwei Sünderinnen» («Две грешницы»). Коцебу, между прочим, стал посредником между немецкой и румынской культурами, выпустив в Берлине в 1857 году немецкий перевод известного сборника румынских народных песен, составленного Василе Александри (Vasile Alecsandri; 1821–1890). За эту деятельность (Коцебу написал и несколько книг о Молдавии) Румынская Академия избрала его почетным членом в 1887 году. Большинство своих литературных произведений, которые, впрочем, были все написаны по-немецки, Коцебу выпустил либо анонимно, либо под псевдонимом «Wilhelm Augustsohn», либо с обозначением одних инициалов «W. v. K.» (как и при публикации перевода «Муму» в 1863 г.) — может быть из-за того обстоятельства, что в 1857 году он снова поступил на российскую дипломатическую службу. Итак, с 1858 по 1862 год он служил старшим секретарем русского посольства в Дрездене, с 1865 по 1869 — уполномоченным в Карлсруэ, с 1869 по 1878 — посланником в Дрездене и Альтенбурге, а с 1878 по 1879 — посланником в Берне. Получив чин тайного советника в 1879 году, он в 1882 году вернулся в Эстляндскую губернию, а именно в свое имение близ Орренгофа в Ревельском уезде, где и провел последние пять лет своей жизни.¹⁶

В подробном списке сочинений Коцебу, который помещен в справочнике 2007 года, посвященном немецкоязычной литературе в Прибалтике и Санкт-Петербурге, под рубрикой «Übersetzungen» его перевод «Муму» не значится.¹⁷ Авторство этого перевода, однако, не подле-

¹⁶ Сведения о жизни и литературной деятельности Вильгельма фон Коцебу см. в следующих изданиях: *Deutschbaltisches Biographisches Lexikon 1710–1960* / Hsg. von Wilhelm Lenz. Köln; Wien, 1970. S. 411; *Wilpert Gero von. Deutschbaltische Literaturgeschichte*. München, 2005. S. 194–195; и прежде всего: *Gottzmann Carola L., Hörner Petra. Lexikon der deutschsprachigen Literatur des Baltikums und St. Petersburgs. Vom Mittelalter bis zur Gegenwart: 3 Bde.* Berlin; New York, 2007. Bd. 2. S. 751–752. См. также статью о нем на вебсайте «Kulturportal West–Ost»: <http://kulturportal-west-ost.eu/biographies/kotzebue-wilhelm-von-2/>.

¹⁷ См.: *Gottzmann Carola L., Hörner Petra. Lexikon der deutschsprachigen Literatur des Baltikums und St. Petersburgs*. S. 750. Единственный представленный там перевод Коцебу с русского — это его перевод книги Н. И. Греча «Исследование по поводу сочинения г. маркиза де-Кюстина, озаглавленного „Россия в 1839 г.“», который появился в Гейдельберге в 1844 г.

жит сомнению, так как Коцебу напечатал и некоторые собственные произведения в журнале «Russische Revue». ¹⁸ Его перевод повести Тургенева отличается не только несомненными литературными достоинствами, но и тем, что из трех ранних немецких переводов «Муму» только он был непосредственно сделан с русского. ¹⁹

По странному стечению обстоятельств, именно Вильгельму фон Коцебу — второму переводчику «Муму» на немецкий язык — было суждено сыграть ключевую роль в превращении королевы Румынии Елизаветы в писательницу Кармен Сильва! Дело в том, что летом 1874 года на курорте Франценсбад, куда она отправилась по совету врачей после трагической смерти ее единственного ребенка — четырехлетней дочери Мари, — Елизавета познакомилась с Коцебу и обсуждала с ним свои собственные переводы из румынской поэзии. Предоставим слово подруге и литературной сотруднице королевы, Мите Кремниц:

Carmen Sylva hat später öfters gemeint: «In Franzensbad geschah die allergrößte Wandlung in meinem Dichterleben», und sie schrieb diese Wandlung dem Verkehr mit dem litterarisch fein gebildeten russischen Diplomaten W. von Kotzebue zu, dem sie ihre rumänischen Übersetzungen vorlas. Er selbst hatte, während er als Konsul in Jassy weilte, in deutscher Sprache Skizzen und Erzählungen aus Rumänien veröffentlicht und einige schöne rumänische Volkslieder und Legenden ins Deutsche übertragen. ²⁰

Перевод:

Кармен Сильва впоследствии часто утверждала: «Во Франценсбаде произошел самый значительный переворот в моей поэтической биографии», — и этот переворот она приписывала общению с литературно тонко образованным русским дипломатом В. фон Коцебу, которому она прочитала свои переводы с румынского. Он сам, во время службы консулом в Яссах, опубликовал на немецком языке очерки и

¹⁸ См.: *Hexelschneider Erhard*. Wilhelm Wolfsohn und die russische Kolonie in Dresden // Theodor Fontane und Wilhelm Wolfsohn — eine interkulturelle Beziehung. Briefe, Dokumente, Reflexionen. S. 355.

¹⁹ Как уже было упомянуто, Матильда Боденштедт перевела повесть с французского, и только при редактировании этого перевода ее муж привлек русский оригинал. А третий по счету немецкий перевод, принадлежавший Морицу Гартману (Moritz Hartmann; 1821–1872) и в 1864 г. напечатанный (анонимно) в издававшемся Гартманом же в Штутгарте журнале «Freya», был, как и перевод М. Боденштедт, выполнен на основе французского перевода Ксавье Мармье из сборника «Scènes de la vie russe» (Paris, 1858). См. также: *Wytrzens Günther*. Zur österreichischen Turgenew-Rezeption bis 1918 // Wiener Slavistisches Jahrbuch. 1982. Bd. 28. S. 112. Статья перепечатана: *Wytrzens Günther*. Slawische Literaturen — Österreichische Literatur(en) / Hsg. von Fedor B. Poljakov und Stefan Simonek. Bern, 2009. S. 180.

²⁰ *Kremnitz Mite*. Carmen Sylva. Eine Biographie. 2. Auflage. Leipzig, 1903. S. 120.

рассказы из румынской жизни и перевел на немецкий некоторые красивые румынские народные песни и легенды.

По словам самой королевы, именно советы опытного переводчика Коцебу открыли ей глаза на сущность стихотворных форм. Через несколько лет после этой встречи в немецких журналах начали появляться ее первые переводы из румынских поэтов, а для отдельного тома своих собственных стихотворений, выпущенного в Лейпциге в 1881 году, она впервые воспользовалась псевдонимом «Carmen Sylva».²¹ Не случайно, может быть, по поводу сборника рассказов Кармен Сильвы, появившегося под заглавием «In der Irre» («В заблуждении») в 1887 году — т. е. через год после ее встречи с Л. Пичем, с которым она имела возможность побеседовать о Тургеневе и, в особенности, о «Муму» — в одном историческом обзоре немецкой литературы мы найдем утверждение о том, что в этих «мрачных картинах жизни» сквозит «некоторое родство с Тургеневым».²²

²¹ Rumänische Dichtungen / Deutsch von Carmen Sylva. Herausgegeben und mit weiteren Beiträgen versehen von Mite Kremnitz. Leipzig, 1881.

²² См.: *Heinze Paul, Goethe Rudolf. Geschichte der deutschen Literatur von Goethes Tode bis zur Gegenwart.* Dresden; Striefen, 1890. S. 411 (ср.: «düstere Bilder des Lebens, die eine gewisse Verwandtschaft mit Turgenjew verraten»).

Е. Г. Мельник

ТУРГЕНЕВ И В. В. АПРАКСИН НАКАНУНЕ КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕФОРМЫ В ОРЛЕ¹

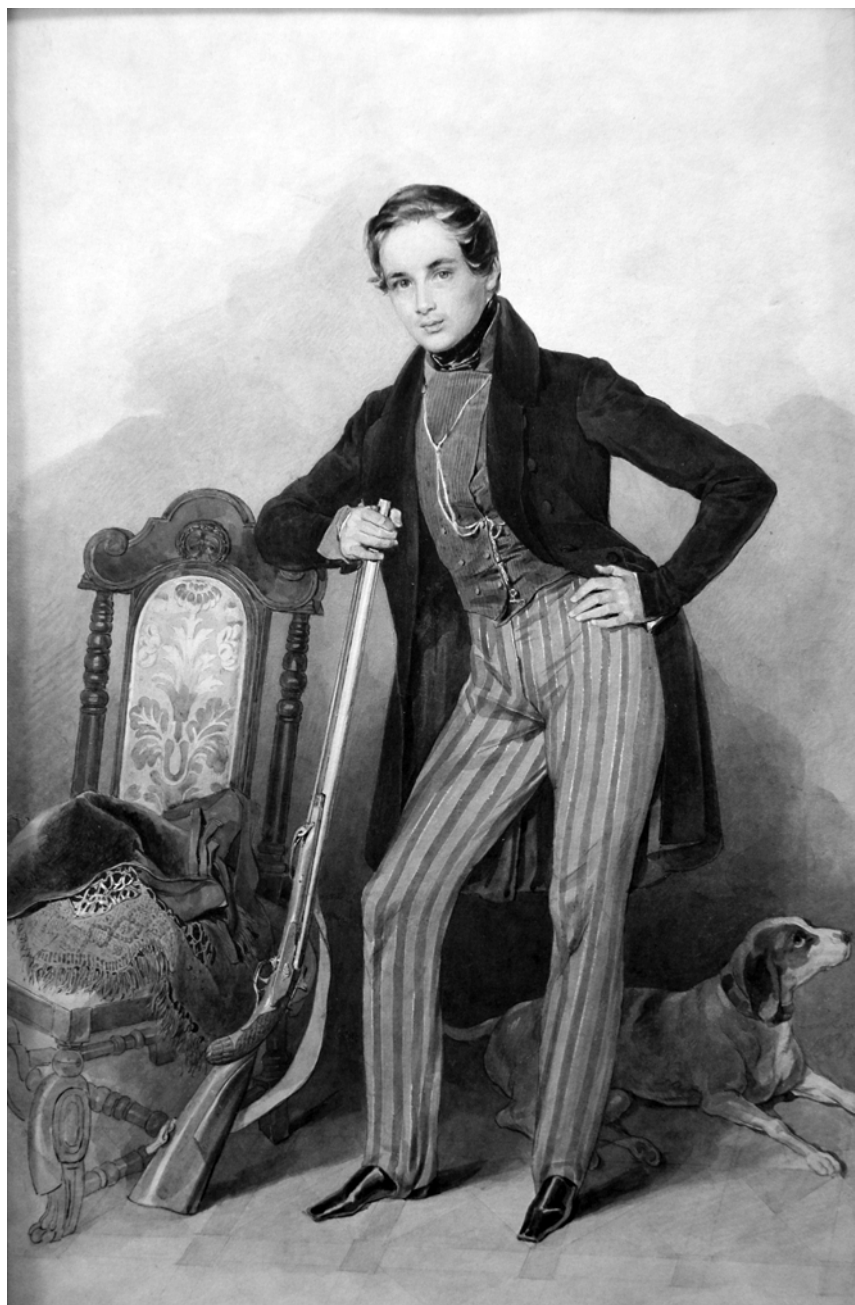
Имя Виктора Владимировича Апраксина, как кажется, до сих пор не привлекало внимание исследователей, изучающих круг орловских знакомых Тургенева. Академическое издание Полного собрания сочинений и писем Тургенева дает о нем весьма скудные и недостаточные сведения.² Нам удалось уточнить дату его рождения, не отмеченную в академическом издании, а также основные вехи его биографии и его положение в орловском дворянском обществе. Выяснилось, что с 1857 по 1865 годы — в один из ключевых периодов русской истории XIX века — Апраксин занимал пост Орловского губернского предводителя дворянства.³ В сложившихся исторических обстоятельствах на долю Апраксина выпала важная общественная роль.

Вероятно, Тургенев познакомился с Апраксиным в конце 1850-х годов. Но в знаменитых апраксинских охотничьих угодьях он побывал еще в пору спасской ссылки. 25 мая (6 июня) 1853 года в письме, адресованном Л. Н. Вакселю, Тургенев сообщал: «...в конце апреля я <...> ездил в Апраксинские места к Десне на дупелей; <...> мы поохотились

¹ Выражаю искреннюю благодарность научному сотруднику отдела фондов музея-заповедника «Дмитровский Кремль» Н. В. Волковой за предоставленные архивные материалы, а также брянскому краеведу Т. К. Слуцкой, познакомившей нас с бывшими орловскими поместьями Апраксина Брасово и Локоть.

² См., например: «камер-юнкер, орловский губернский предводитель дворянства в 1858 г.» (*ИССиП(2). Письма*. Т. 2. С. 579).

³ Памятная книжка и адрес-календарь Орловской губернии на 1917 год. Отдел I: Календарные сведения. С. 28.

В. В. Апраксин. Акварель П. Ф. Соколова

весьма недурно — и места видели поистине великолепные».⁴ Впечатления от поездки были, видимо, столь сильны, что пройдет совсем немного времени и в июле того же года Тургенев вновь отправится на охоту в те же места. Это путешествие не обмануло его ожидания. Именно о нем Тургенев с воодушевлением писал П. В. Анненкову: «Я на днях вернулся с довольно большой охотничьей поездки. Был на берегах Десны, видел места, ни в чем не отличающиеся от того состояния, в котором они находились при Рюрике, видел леса безграничные, глухие, безмолвные — разве рябчик свистнет или тетерев загремит крылами, <...> видел сосны величиною с Ивана Великого <...> видел следы медвежьих лап на их коре <...>».⁵

Во времена Тургенева Апраксинскими местами называли лесистые участки по левобережью реки Десны в Трубчевском и Севском уездах Орловской губернии.⁶ Крупнейшему землевладельцу Орловской губернии, камер-юнкеру В. В. Апраксину принадлежало в этих уездах около 15 000 десятин земли.⁷

Апраксин был человеком незаурядным. Родился он в богатой родовой дворянской семье. «Род Апраксиных происходит от выехавшего к великому князю Олегу Ивановичу рязанскому из бояр Большой орды мужа честна именем Солохмира Мирославича, который по крещении назван Иоанном. Великий князь отдал за него в супружество сестру свою родную великую княжну Настасью Ивановну и пожаловал ему разные вотчины. У сего Солохмира Мирославича был правнук Андрей Иванович Опракса, коего потомки Апраксины служили российскому престолу в боярах, стольниках, воеводах и в иных знатнейших чинах оказали и знатные опыты своего усердия и верности государству и жалованы были от государей поместьями и другими почестями и знаками монаршей милостей».⁸

Предки Апраксина отмечались храбростью, предприимчивостью и особенной красотой и в жены брали только красавиц. Известно, что прадед Апраксина Степан Федорович проявил себя в сражении при взятии Хотина, был произведен в генерал-майоры императрицей Анной Леопольдовной и пожалован имением в с. Брасово Севского уезда.⁹

⁴ ПССиП(2). Письма. Т. 2. С. 234–235.

⁵ Там же. С. 245.

⁶ См. также: Там же. С. 525, примеч. 2 к письму 288.

⁷ Брокгауз Ф. А., Эфрон И. А. Энциклопедия. СПб., 1894. Т. 4. С. 600.

⁸ ЦИАМ. Ф. 4. Оп. 10. Д. 72.

⁹ См.: Русские портреты XVIII и XIX веков: В 5 т. / Изд. вел. кн. Ник. Мих. Романова. М., 2000. Т. 3. С. 405 (репринт изд. 1905–1909 гг.).

Сын его, Степан Степанович Апраксин, удивлял всех своими приемами и причудливыми увеселениями. Среди прочего в его подмосковном имении Ольгово был отдельный театр с ложами в несколько ярусов, и когда в Москву приезжала итальянская опера, то итальянцы в этом театре давали свои представления. «Постановка пьес поражала роскошью; в опере „Диана и Эндимион“ на сцене бегали олени, слышался лай гончих».¹⁰

С. С. Апраксин был женат на славившейся своей красотой и умом княжне Екатерине Владимировне Голицыной, прощавшей мужу его многочисленные похождения. В знак любви и уважения к супруге Апраксин выстроил в Ольговском саду беседку наподобие древнего храма, которую украшала мраморная статуя жены, а над входом значилось: «Hommage à la vertu» («Честь добродетели» — *франц.*).

По свидетельству современников, Апраксин «имел слабость к постройкам. Он всегда что-нибудь или ломал, или строил, и не терпел возражений в этом случае».¹¹ В селе Брасове, которое стало центром апраксинской вотчины в Орловской губернии, до наших дней сохранились церковь, «дом графа», «дом графини», контора, каретный сарай, два корпуса богадельни. Смерть императрицы Екатерины II и восшествие Павла I спровоцировали волнения в имении Апраксина, которые сильно напугали владельца. Последовали жестокие репрессии, бунт был подавлен, но Апраксин решил не возвращаться в опустылевшее Брасово и отстроил новую усадьбу в близлежащем селе Локоть. Здесь был возведен двухэтажный деревянный дворец, заложен огромный парк, который с его системой прудов и аллей должен был представлять фигуру двуглавого орла.¹²

После смерти С. С. Апраксина Брасовское имение, перешедшее в руки его единственного сына Владимира Степановича, расцвело: «...он облегчил участь крестьян и устроил школу, откуда вышли отличные служащие по имению».¹³ Апраксин был счастлив в браке с дочерью русского посла в Париже Софьей Петровной Толстой. Рано овдовев, С. П. Апраксина все свои заботы направила на воспитание четверых детей. Один из них, Виктор — единственный сын Апраксиных (его брат Петр умер в малолетнем возрасте) — родился 3 марта ст. ст. 1822 года в Петербурге. В метрической книге «при церкви придворной Мраморного дворца»

¹⁰ Там же. С. 404.

¹¹ Там же.

¹² *Русанов Р., Соколов Я.* Страницы Брянской истории. <Тула>, 1998. С. 41–44.

¹³ Там же. С. 208.

значится: «Лейб-гвардии Конного полка флигель-адъютанта ротмистра и кавалера Владимира Степановича Апраксина, родился сын Виктор, который молитвован тысяча восемьсот двадцать второго года, марта третьего числа выше означенной церкви протоиереем Симеоном Ласкиным, при крещении его восприемниками были: генерал от инфантерии граф Петр Александрович Толстой и их императорских величеств: штатс-дама Наталия Петровна Голицына».¹⁴

После смерти отца Виктор с матерью переехали в Москву и жили в собственном доме; впоследствии Апраксин поступил в Московский университет. Об этом свидетельствует датированный 1844 годом документ (Книга записей свидетельств об имущественном положении помещиков, 1855–1856), который хранится в Государственном архиве Орловской области. Скорее всего, 1844 год и был годом окончания университета, потому что в означенном документе указано, что уже в следующем, 1845, году Апраксин — губернский секретарь.¹⁵ Из хранящихся в ГАОО Материалов о проведении выборов в дворянские сословные органы губерний (1850–1851) следует, что в 1848 году Апраксин состоял на службе в Азиатском департаменте при Министерстве иностранных дел в должности чиновника особых поручений VIII класса.¹⁶

Судьба и карьера Апраксина складывались не совсем обычно. Имея большие связи в высших кругах государственной власти, он мог сделать головокружительную карьеру в столице. Однако настроения и желания молодого человека были совсем иными. Об этом мы узнаем из письма Н. В. Гоголя от 8 августа н. ст. 1847 года, адресованного дяде Апраксина А. П. Толстому, у которого писатель проведет последние годы своей жизни: «В то же самое время я узнал, что племянник ваш Виктор Владимирович Апраксин находится в Нордернеу, где берет морские ванны. <...> У Виктора Вл<адимировича> желанье сильное сделаться помещиком и заняться не шутя благоустройством крестьян».¹⁷ В то же самое время Гоголь настойчиво просил самого Апраксина приехать к нему в Остенде (ныне Бельгия). В это время в Остенде должна была приехать семья Виельгорских, и у писателя появляется желание познакомиться молодого Апраксина с младшей дочерью Виельгорских — Анной. Потерпев неудачу в своих матримониальных намерениях, Гоголь решил устроить личную жизнь племянника близкого ему человека,

¹⁴ ЦИАМ. Ф. 4. Оп. 10. Д. 72.

¹⁵ ГАОО. Ф. 6. Оп. 1. № 3448. Л. 43–53.

¹⁶ Там же. Ф. 580. Ст. 2. Д. 633.

¹⁷ Гоголь. Т. 13. С. 359.

А. М. Апраксина. 1863 г.

которому, очевидно, симпатизировал. Судя по письмам Гоголя, молодые люди познакомились, но, видимо, не понравились друг другу. Через год с небольшим женой Апраксина станет восемнадцатилетняя красавица Александра Михайловна Пашкова.¹⁸ Однако в свой приезд в Остенде в 1847 году Апраксин обсуждал не свои семейные дела, а делился с писателем планами совсем иного рода. В письме к А. П. Толстому от 21 августа н. ст. 1847 года Гоголь сообщал: «Вчера приехал сюда ваш племянник Викт<ор> Владим<ирович> Апраксин. <...> Он очень умный и очень желающий действовать полезно; только и думает, чтобы заняться деревней, хозяйством и благосостоянием крестьян».¹⁹

Личность молодого Апраксина, очевидно, произвела большое впечатление на писателя и даже отразилась в его творчестве. По убедительному наблюдению Ю. В. Манна, Гоголь в своей статье «Русский помещик», датированной 1846 годом и вошедшей в «Выбранные места из переписки с друзьями» (1847), подразумевал конкретное лицо — а именно Виктора Владимировича Апраксина. В доказательство исследователь приводит отрывок из еще одного гоголевского письма: «Он на мои глаза показался совсем не похожим на других молодых людей,

¹⁸ ЦИАМ. Ф. 4. Оп. 10. Д. 72. Л. 58.

¹⁹ Гоголь. Т. 13. С. 368.

исполнен намерений благих и намерен заняться не шутя благосостоянием *истинным* своего огромного имения и людей, ему подвластных»,²⁰

Под «огромным имением», Гоголь, по всей видимости, имел в виду Брасовское имение Апраксиных в Орловской губернии, где им принадлежало около 9000 душ крепостных крестьян.²¹ Апраксин владел Брасовым вместе с сестрой Натальей Владимировной до ее кончины, последовавшей в 1853 году.²² Но не только судьба личных владений интересовала Апраксина. Судя по всему, его волновали вопросы государственного устройства и состояние «земельного вопроса» в России вообще. Недаром впоследствии он перейдет на службу в Департамент уделов.²³

Желание Апраксина всерьез заняться своим имением характеризует его как одного из тех помещиков, которые «традиционно чувствовали себя нравственно обязанными заботиться о своих крестьянах патриархальным, в лучшем смысле этого слова, образом».²⁴ По мнению знаменитого историка Карамзина, «главное право русского дворянина — быть помещиком, главная должность его — быть добрым помещиком; кто исполняет ее, тот служит отечеству как верный сын, тот служит монарху, как верный подданный <...>».²⁵ Однако мало было знать об ответственности дворянина, надо было быть готовым действовать. Апраксин в тот момент проявил особый энтузиазм, готовность к действию, чем пленил Гоголя. Добавим к этому красоту и внешнее обаяние молодого человека. И вот вам образ идеального помещика, каким он, вероятно, представлялся воображению писателя.

Действительно, молодой Апраксин горел желанием исполнить долг дворянина — заняться благоустройством своего поместья и позаботиться о своих крестьянах. Вместе с тем он был далек от того, чтобы полностью затвориться в своем орловском имении, намереваясь соединить свою деятельность в поместье с государственной или общественной службой. Однако на деле служба в столице не давала возможности бывать в своей вотчине столь часто, как ему хотелось. Поэтому, когда в 1850 году в Орловской губернии были объявлены выборы в дворян-

²⁰ См.: *Мани Ю. В.* Что делать нам в деревне? // Литература. 2000. № 25. Речь идет о письме к А. М. Виельгорской от 16 марта н. ст. 1847 г.

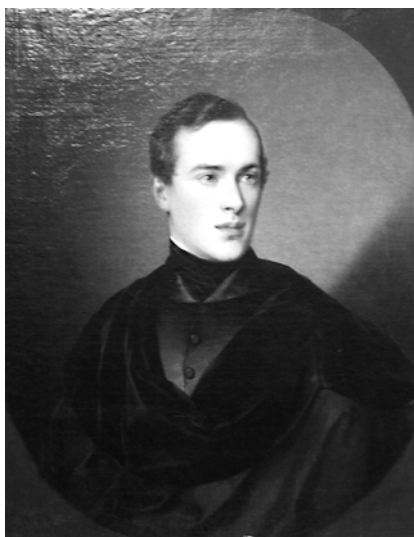
²¹ *ЦИАМ.* Ф. 4. Оп. 10. Д. 72. Л. 29.

²² *ГАОО.* Ф. 6. Оп. 1. № 3448. Л. 43–53.

²³ Там же. Ф. 580. Ст. 4. № 1394. Л. 225.

²⁴ *Леонтович В. В.* История либерализма в России (1762–1914). М., 1995. С. 38.

²⁵ Цит. по: Там же. С. 105.

В. В. Апраксин

ские сословные организации, Апраксин приехал в Орел и принимал активное участие в выборах, на которых его избрали предводителем дворянства по Дмитровскому уезду.²⁶ Не имея во владении земель в Дмитровском уезде, он, возможно, принимал участие в жизни уезда, оказывал какую-либо помощь, а главное, громкая и влиятельная фамилия способствовала успеху предлагаемых им преобразований.

Уместно отметить следующий немаловажный эпизод в жизни Апраксина, характеризующий его патриотические настроения. В 1855 году, когда в Орле формировалось дворянское ополчение, он записался в ополчение и был избран ротным командиром. Апраксин, никогда не служивший прежде, был преисполнен решимости послужить Отечеству в тяжкую годину испытаний и вместе с орловским ополчением отправиться в Севастополь.²⁷

Между тем близилось время великих реформ. В 1857 году правительством было принято решение о создании в России Комитетов по улучшению быта помещичьих крестьян. Это событие совпало со временем избрания Апраксина на должность орловского губернского предводителя дворянства. Еще ранее Александр II обратился с просьбой к дво-

²⁶ ГАОО. Ф. 580. Ст. 2. Д. 633. Л. 55.

²⁷ Там же. Ст. 4. Д. 1394. Л. 12.

рянам российских губерний выразить свое мнение по крестьянскому вопросу и выступить со своими предложениями. В фондах Российского государственного архива литературы и искусства удалось разыскать письмо Апраксина, адресованное Елецкому уездному предводителю дворянства М. А. Стаховичу, в котором он подробно изложил свои предложения по крестьянскому вопросу и предписал обсудить их на уездном собрании. Необходимо заметить, что на тот момент предложения Апраксина были разумными и прогрессивными. Он предлагал наделить крестьян не только усадебными, но и полевыми землями, которые, «разумеется, крестьяне должны будут приобрести в собственность, посредством выкупа».²⁸ Известно, что в конечном итоге в ходе долгих дебатов в Главном комитете было принято именно такое решение.

Весной 1858 года Апраксин от имени Орловского дворянства обратился к государю с благодарностью за намерение создать губернские комитеты по улучшению быта помещичьих крестьян. Среди подписавшихся под этим обращением, напечатанным в «Орловских губернских ведомостях», между прочим, находится имя коллежского секретаря Ив. Тургенева. Пройдет совсем немного времени и, несмотря на все страхи и опасения дворян, начнутся выборы в губернские комитеты.

Весной того же года, едва вернувшись из-за границы, Тургенев отправился в Орел, чтобы принять участие в комитетских выборах, которым он придавал большое значение, полагая, что от них, от настроений в провинции зависит судьба крестьянской реформы. «На другой же день, после моего приезда <в Спасское. — Е. М.>, — сообщал он В. А. Черкасскому, — я поскакал в Орел в надежде застать там комитетские выборы; но они уже были кончены — весьма скверно, как оно и следовало ожидать: благородное дворянство выбрало людей самых озлобленно-отсталых — и едва ли не единственным представителем прогресса в Орловском комитете — как и в других комитетах — будет лицо, назначенное правительством — а именно Ржевский».²⁹ Довольно жестко Тургенев отзывается об избранном комитете, однако вскоре ему представилась возможность ближе познакомиться с его участниками. И тут снова появляется фигура Апраксина, который и сам, по-видимому, был заинтересован в общении с Тургеньевым, учитывая европейский опыт последнего, эрудицию и близость к партии реформаторов при дворе. Возможно, в этот приезд в Орел Апраксину удалось повидаться с Тур-

²⁸ РГАЛИ. Ф. 1293. Оп. 1. № 1. Л. 2. Указано главным библиографом Московской библиотеки-читальни им. И. С. Тургенева Г. Н. Муратовой.

²⁹ ПССиП(2). Письма. Т. 3. С. 328. Письмо от 9 (21) июля 1858 г.

«Дом графа» в Брасове. Современная фотография

геновым и изложить ему свое мнение по поводу предстоящей работы Комитета и шире — на проблему освобождения крестьян.

В октябре 1858 года Тургенев вновь отправился в Орел набраться впечатлений, о чем извещал А. В. Дружинина в письме от 10 (22) октября 1858 года: «От 20-го до 28-го я буду в Орле; хочу набраться провинциально-дворянской жизни, послушать толков по Комитету и т. д.».³⁰ Известно, что в свой приезд в Орел Тургенев останавливался в гостинице «Иордан», где встречался с И. В. Павловым. Тогда же, по-видимому, в гостиницу к Тургеневу приходили и Апраксин с В. К. Ржевским: обсуждали проект комитетского регламента и предстоящее первое заседание Комитета. Об их встрече Ржевский напомнил Тургеневу в письме от 16 ноября 1858 года из Орла: «Очень жаль, что вы не исполнили своего намерения провести несколько дней в Орле во время первых заседаний нашего Комитета. <...> Вы помните проект комитетского регламента, который мы с Апраксиным у вас читали, — он утвержден вполне после небольших споров о форме подачи голосов и об абсолютном большинстве».³¹

³⁰ Там же. С. 341–342.

³¹ Громов В. А. Корреспонденты Тургенева 1858–1861 гг. в перлюстрациях III отделения // Т Сб. Вып. 4. С. 232.

Здание конторы в Брасове. Современная фотография

В. А. Громов в своей статье «Корреспонденты Тургенева 1858–1861 гг. в перлюстрациях III отделения» справедливо отмечает, что письмо Ржевского к Тургеневу представляет собой «подробный отчет» о работе Орловского дворянского комитета во главе с его председателем В. В. Апраксиным.³² Последний в этом качестве зарекомендовал себя весьма талантливым «спикером». Его осторожность, сдержанность, дипломатический такт позволили избежать серьезных столкновений в Комитете, в котором, как следует из упоминавшегося выше письма Ржевского к Тургеневу, сразу же обозначились две противоборствующие партии: «Теперь уж ясно обозначились партии нашего Комитета: крайняя правая, т. е. защитница крепостного права, считает только пятерых, а именно Мальцева, Цурикова, Краинского, Бурнашѣва и Щетовитова; к левой или либеральной принадлежат кроме председателя и редакционной комиссии Шеншин, Чиркин, Лавров, Костромитинов, Жедринский, Барменский и другие с разными оттенками».³³

При поддержке либерального крыла Апраксину удалось добиться открытого обсуждения вопросов (тайное голосование было решитель-

³² Громов В. А. Корреспонденты Тургенева 1858–1861 гг. в перлюстрациях III отделения. С. 235.

³³ Там же. С. 233.

Здание каретного сарая в Брасове. Современная фотография

но отвергнуто), а затем собранию была предложена полная гласность. Заметим, что идея гласности была одной из главных в обращении Тургенева к Александру II, к сожалению, не дошедшем до адресата.³⁴ Уже на втором публичном заседании Комитета прекращение личной крепостной зависимости без вознаграждения прошло большинством голосов, а на четвертом было принято решение о том, «что крестьянские дома отдаются им даром».³⁵

Сторонники правой партии старались всячески дискредитировать своих противников: распускали нелепые слухи, порочащие работу Орловского комитета. Главный удар приходился, конечно же, на Апраксина, и его сторонники защищались как могли. В. А. Громов в упомянутой статье приводит выдержку из письма (автор неизвестен), датированного 12 декабря 1858 года: «Что относится до слухов об Орловском Комитете, то они не имеют и тени правды. Комитет ведет себя превосходно, — иначе и это быть не может, когда заседания наши публичны; редкий день, чтобы не было человек 50 слушателей. Апраксиным мы совершенно довольны, и хотя он порядочный либерал, но действует

³⁴ См.: ПССиП(2). Письма. Т. 4. С. 400–402.

³⁵ Громов В. А. Корреспонденты Тургенева 1858–1861 гг. в перлюстрациях III отделения. С. 236.

в комитете так, что его ни в чем упрекнуть нельзя».³⁶ Между тем поступали сведения, что в Туле и Рязани «собираются с запертыми дверьми и мошенничают потихоньку <...> в 4-х стенах, что может обуздать грубую необразованность людей, которые воображают, что их лишают их состояния и значения на земле <...>. При открытых дверях неловко выразить корыстолюбивое и нелепое мнение».³⁷

Работа Апраксина в качестве председателя Губернского комитета была замечена в Петербурге, куда он был приглашен продолжить свою деятельность в качестве эксперта в редакционной комиссии при Главном комитете.³⁸ В этот сложнейший для России период выделилась группа богатых и образованных помещиков, которые пытались организовать политическое движение под лозунгами ревизии правительственной программы крестьянской реформы и созыва всероссийского дворянского собрания. По мнению историка М. Д. Долбилова, к лидерам конституционно-аристократического течения дворянства 1850-х — 1860-х годов можно отнести помещиков Московской, Петербургской, Орловской, Тамбовской, Симбирской губерний. Орловский губернский предводитель дворянства В. В. Апраксин был в их числе.³⁹

Общее мнение представителей аристократического движения выразилось в следующем: бюрократическая верхушка узурпировала власть в стране, и по мере того как набирает силу бюрократический аппарат, действующий порой бесконтрольно, приходит в упадок самодержавный строй. В сложившейся ситуации, накануне великой реформы, судьба помещиков-землевладельцев оказалась в руках группы чиновников-бюрократов.

В действительности высшие слои дворянства выступили с предложением преобразования системы управления государством. Прежде всего следовало восстановить подлинное самодержавие. Страною правит монарх, между ним и исполнительной властью должно быть важное звено — общероссийское дворянское собрание, куда войдут лучшие представители дворянского сословия. В его обязанности входило осу-

³⁶ Громов В. А. Корреспонденты Тургенева 1858–1861 гг. в перлюстрациях III отделения. С. 235–236.

³⁷ Там же. С. 236.

³⁸ Вишняков Е. И. Главный комитет и редакционные комиссии // Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. Юбилейное издание. М., 1911. Т. 6. С. 166–193.

³⁹ Долбилов М. Д. Сословная программа дворянских «олигархов» в России 1850–1860-х годов // Вопросы истории. 2000. № 6. С. 34.

ществление контроля за исполнительной властью, которая будет заниматься вопросами предстоящей реформы. Насколько подобные инициативы должны были казаться опасны для правительственных чиновников и высшей государственной бюрократии, остается только догадываться.

Следует напомнить, что и Тургенев в это время напряженно размышлял о судьбах русского дворянства и о его роли в обновленной русской жизни. Достаточно упомянуть его неоконченную статью <<Несколько мыслей о современном значении русского дворянства>>, над которой он работал, судя по всему, осенью 1858 года. По всей вероятности, «дворянский» вопрос обсуждался во время встречи Тургенева с Апраксиным и Ржевским в Орле в октябре того же года.

Как отметила комментатор вышеназванной статьи Тургенева Т. П. Голованова, в позиции писателя ощутимы были «несогласие с утверждением революционеров-демократов об исчерпанности исторической роли дворянства как класса; <...> общность взглядов с теми либеральными деятелями реформы, которые усматривали значение дворянства в его трудах на пользу свободного народа».⁴⁰

Работа в редакционной комиссии при Главном комитете, в которой «бюрократический элемент» по сути узурпировал власть, разумеется, не могла не вызвать сопротивления у деятельного и неравнодушного Апраксина. В августе 1859 года Апраксин взял на себя смелость выступить с Запиской, обращенной к императору. В ней он призывал государя озаботиться сохранением «патриархально-монархического характера верховной власти», выступил против бюрократического произвола, предложил «предоставить дворянскому сословию широкое и самостоятельное участие в местных административных и судебных делах», а также ввести в состав Главного управления постоянных представителей, избранных от дворянства каждой губернии и утвержденных императором.⁴¹

Следует заметить, что еще ранее, в январе 1858 года, Тургенев от имени кружка великой княгини Елены Павловны выступил с программой журнала «Хозяйственный указатель», в которой прозвучала основополагающая мысль — без участия помещиков, без их консолидации вокруг монарха крестьянская реформа совершиться не может. Тогда же Тургенев послал вышеозначенный проект Апраксину, о чем

⁴⁰ ПССуП(2). Соч. Т. 11. С. 514.

⁴¹ Долбилов М. Д. Сословная программа дворянских «олигархов» в России 1850–1860-х годов. С. 38–39.

сообщил в письме к Л. Н. Толстому от 17 (29) января.⁴² Как видно, на тот момент обнаруживаются некоторые черты сходства в позициях Тургенева и Апраксина на роль дворянства в деле осуществления крестьянской реформы.

В романе «Дворянское гнездо», сатирически представляя образ западника Паншина, Тургенев выводит явно несимпатичный ему тип молодого столичного бюрократа, карьериста, который позволяет себе с легкостью судить о проблемах крестьянского дела в России. И в этом случае взгляды Тургенева и Апраксина на роль бюрократии как будто совпадают. Но Апраксин, открыто обозначив свою позицию, ступил на «запретную» территорию, уже занятую столичной бюрократией. Н. А. Милютин и С. С. Ланской учинили суровый разбор Записки Апраксина и представили ее государю в весьма невыгодном свете, изобразив автора чуть ли не слабоумным.⁴³

Что касается Тургенева, то для него заслуги Апраксина были очевидны. Приехав летом 1861 года в Спасское, писатель намерен был залучить туда Апраксина на обед, намереваясь, по-видимому, в неофициальной обстановке обсудить первые результаты реформы. Об этом он трогательно писал Фету, напоминая ему не забыть свой фрак, ввиду возможного приезда важного гостя: «Я только что собирался послать к Вам эстафет, любезный А<фанасий> А<фанасьевич> — а вдруг является Ваш человек — и я пишу Вам, чтобы Вы а.) непременно ехали в Спасское, коль возможно скорее — б.) взяли с собою *повара* и — с.) я еще не видел Апраксина, но, на всякий случай, возьмите фрак <...>».⁴⁴

Конечно, приглашая Апраксина, Тургенев не упускал из виду и особый охотничий интерес, ведь они вновь собирались с Фетом в знаменитые Апраксинские угодья...

Между тем в судьбе Тургенева и Апраксина наступил перелом, вызванный как неудовлетворительным ходом крестьянской реформы, так и личными обстоятельствами. Тургенев занялся обустройством «своего гнезда» в Германии. Апраксин оставил должность губернского предводителя дворянства (1865) и вступил на поприще коммерции. В Орле были приобретены земли на берегу Оки, где в то время проходил главный

⁴² ПССУП(2). Письма. Т. 3. С. 291. Текст самой «Записки об издании журнала „Хозяйственный указатель“», а также программу журнала см.: Там же. Соч. Т. 12. С. 351–358.

⁴³ Долбилов М. Д. Словная программа дворянских «олигархов» в России 1850–1860-х годов. С. 39.

⁴⁴ ПССУП(2). Письма. Т. 4. С. 348. Письмо от 22 июня (4 июля) 1861 г.

Дом Талызина в Орле, в котором Апраксин останавливался в 1870-е гг.
Современная фотография

торговый путь. В Государственном архиве Орловской области сохранились проекты на строительство дома и флигеля, заказанные Апраксиным.⁴⁵ По-видимому, эти строения предназначались под конторские заведения. К этому времени подросток приемный сын Апраксиных — Александр. Своих детей у них не было.⁴⁶

Однако и в дальнейшем Апраксин не оставил общественной деятельности, хотя делает это уже не с тем энтузиазмом, с каким он встретил начало реформ. В 1869 году он был избран на должность губернского гласного от Севского уезда.⁴⁷ В свои приезды в Орел Апраксин останавливался в доме Талызина на Георгиевской улице (ныне улица Тургенева).⁴⁸ Собственный дом Апраксиных сгорел, видимо, в начале 1860-х годов, когда в Орле случился большой пожар.

В то же время судьба развела его с бывшими единомышленниками, как, например, с В. К. Ржевским, дослужившимся в конце концов до сенатора. В 1867 году Ржевский баллотировался в почетные мировые

⁴⁵ ГАОО. Ф. 22. Оп. 2. № 3741. 2 л. Указано К. А. Седойкиной.

⁴⁶ Там же. Ф. 101. Оп. 1. Д. 3245. Указано Е. Н. Ашихминой.

⁴⁷ Памятная книжка Орловской губернии на 1869 год с приложением адрес-календаря на 1 января 1869 года / Под ред. секретаря комитета А. Тарачкова. С. 9.

⁴⁸ РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. № 561. Л. 559.

судьи Мценского уезда и провалился «mit grossen Schkandalen» (с большим скандалом — нем.), как писал 22 октября 1867 года А. А. Фет В. П. Боткину, отметив этот провал довольно злорадной эпиграммой.⁴⁹ Радовался провалу Ржевского и Тургенев. «Я очень рад избранию Фета, — писал он 30 июля (11 августа) 1867 года И. П. Борисову, — и уверен, что из него выйдет отличный судья <...> Я очень также рад „фиаску“ Ржевского: этому противному господину всякий щелчок во спасение».⁵⁰

Продав богатое имение Брасово императорской семье, Апраксины жили уединенно в подмосковном имении Ольгове. По свидетельству М. В. Голицына, и после смерти Александра II «Виктор Владимирович, игравший, говорят, роль в псевдоконституционном движении дворянства 60-х годов, считался в опале <...> и любил все новое критиковать <...>».⁵¹ Нет сомнения, что общественная деятельность Апраксина заслуживает более подробного изучения.

Не так давно мы посетили те места, где когда-то кипела жизнь. Побывали и в Брасове, где еще сохранились каменные строения и храм XVIII века. Посетили и старинное апраксинское имение Локоть, где и по сей день процветает известный в свое время по всей России апраксинский конезавод. Заглянули и в Площанскую пустынь, жертвователями которой были Апраксины и которая ныне представляет собою нечто вроде маленького райского уголка. Нам подумалось тогда, что старания Апраксина не пропали даром и вот так «проросли» много лет спустя уже для совсем других поколений.

⁴⁹ См.: Переписка <А. А. Фета> с В. П. Боткиным. 1857–1869 / Вступит. ст., публ. и коммент. Ю. П. Благовоиной // *ЛН*. Т. 103. Кн. 1. С. 504.

⁵⁰ *ПССиП(2). Письма*. Т. 8. С. 25.

⁵¹ *Голицын М. В. Мои воспоминания*. 1873–1917. М., 2007. С. 43.

К 150-ЛЕТИЮ РОМАНА «ОТЦЫ И ДЕТИ»

В. А. Лукина

ТУРГЕНЕВ — РЕДАКТОР НЕМЕЦКОГО ПЕРЕВОДА РОМАНА «ОТЦЫ И ДЕТИ» (Митавское издание)

Как известно, впервые на немецком языке роман «Отцы и дети» целиком появился лишь спустя три года после публикации в России в журнале «Русский вестник» (1862. № 2) — в 1865 году в штутгартской ежедневной газете «Der Beobachter. Ein Volksblatt aus Schwaben», в фельетонах которой он публиковался с сентября по декабрь под заглавием «Väter und Kinder» (N 228–303).¹ История появления этого перевода остается не выясненной.² Как было указано в подзаголовке, на не-

¹ Следует отметить, что еще ранее в том же 1865 г. перевод первых десяти глав романа (выполненный с русского отдельного издания) появился в издававшемся В. Вольфзоном журнале «Nordische Revue», также под заглавием «Väter und Kinder». См.: *Rappich H. F. Bodenstedt und Turgenev (1861–1866) // I. S. Turgenev und Deutschland. Materialien und Untersuchungen. Berlin, 1965. Bd. 1. S. 232.* Сведения об этом переводе отсутствуют в комментариях к роману в обоих ПССУП. По-видимому, появление перевода в журнале Вольфзона планировалось заблаговременно, поскольку объявления о его грядущем выходе в свет неоднократно печатались в немецких журналах. Так, «Magazin für die Literatur des Auslandes» еще 31 января 1864 г. в объявлении о подписке на журнал «Russische Revue» (преобразованный в 1865 г. в «Nordische Revue») обещал его читателям: «В скором времени в точном переводе вышедшую недавно выдающуюся русскую повесть „Отцы и дети“ Тургенева, автора знаменитых „Записок охотника“» (N 5. S. 80). Печатание перевода было прекращено, по-видимому, из-за приостановки журнала после смерти Вольфзона, последовавшей в 1865 г.

² На сегодняшний день практически единственной работой, в которой содержатся сведения о существующих переводах на немецкий язык романа «Отцы и

мецкий язык перевод осуществлялся не с русского оригинала, а с французского отдельного издания романа,³ вышедшего за два с половиной года до этого — в мае 1863 года — в парижском издательстве Шарпантье (Charpentier). Немецкий переводчик романа скрылся за инициалами «О. Ф.». Во французском переводе роман также вышел без указания имени переводчика под заглавием «Pères et enfants». Достоверно неизвестно, кто был автором французского перевода,⁴ однако он был просмотрен и отредактирован Проспером Мериме, который предпослал ему также небольшое предисловие в форме письма к издателю. В нем Мериме дал чрезвычайно высокую оценку как самому роману, так и творчеству Тургенева в целом, отметив, не без свойственной ему иронии, что «в этом небольшом произведении г. Тургенев показал себя, по обыкновению, пронизательным и тонким наблюдателем; однако, избрав предметом изучения два поколения своих соотечественников, он совершил ошибку, не польстив ни одному из них».⁵

Предисловие Мериме легло в основу небольшого «Предисловия от редакции» («Vorwort der Redaktion»), которое предваряло публикацию перевода «Отцов и детей» в «*Veobachter*». Объясняя причины, побудившие редакцию газеты обратить внимание на этот роман, автор

дети», остается статья Е. В. Ковалевской: Заметки о переводах романа И. С. Тургенева «Отцы и дети» на немецкий язык // *Известия Крымского пед. института* им. М. В. Фрунзе. Симферополь, 1957. С. 468–486. О полноте охвата материала в этой статье, однако, говорит уже то обстоятельство, что в ней не были учтены ни перевод в «*Nordische Revue*», ни в «*Veobachter*», ни даже второе издание романа «Отцы и дети», вышедшее у Э. Бере в 1873 г. Краткую сводку прижизненных немецких переводов см. также: *ПССУП(2). Соч.* Т. 7. С. 456–457.

³ О том, что перевод осуществлялся с французского издания романа, говорит и то обстоятельство, что имя Тургенева было указано во французском написании. Читателю «*Veobachter*» роман был представлен как «*Väter und Kinder. Von Ivan Turgenieff (Aus dem Französischen übersetzt von O. F.)*».

⁴ Существует предположение, что перевод мог принадлежать Ипполиту Делаво (Delaveau), см. библиографию французских переводов произведений Тургенева, составленную П. Уоддингтоном при участии Ф. Монрейно: *A Bibliography of French Translations from the Works of I. S. Turgenev, 1854–1885*. Wellington, NZ, 1980. Item 28. Однако никаких фактических данных, подтверждающих это предположение, в библиографии не приводится.

⁵ Цит. по: *Клеман М.* И. С. Тургенев и Проспер Мериме // *ЛН*. Т. 31–32. С. 720–721. Еще ранее, рекомендуя роман в письме к Женни Дакен, Мериме отмечал: «Этот роман произвел в России большое впечатление; было много шума, автора обвинили в нечестии и безнравственности. По моему мнению, если произведение возбуждает неистовство публики, то это свидетельствует об его успехе» (Там же. С. 719).

предисловия писал: «Мы выбрали на этот раз произведение русского писателя, Ивана Тургенева, который как тонкий наблюдатель и как бесстрашный провозвестник своих наблюдений уже успел составить себе имя, вызывающее одновременно чувство любви и чувство страха. Реализм новых русских писателей бывает зачастую резок, порой даже непригляден и несколько утомителен, но вместе с тем в их произведениях сквозит настолько искреннее стремление изобразить без всяких прикрас мир таким, какой он есть, что мы не должны обходить его нашим вниманием, хотя мы сами, вскормленные немецкой наукой и принадлежащие к германской развивающейся нации, не можем примириться с фатализмом, который, как кажется, присущ славянам и позволяет им принимать мир таким, какой он есть».⁶ Далее следовал фрагмент из предисловия Мериме (включавший вышеприведенную цитату), который здесь же ошибочно был назван переводчиком романа на французский язык. Хотя «Предисловие от редакции» было опубликовано без подписи, можно с осторожностью предположить, что оно могло принадлежать перу Карла Фридриха Майера (Mayer; 1819–1889), возглавлявшего газету в 1863–1869 годах.

По всей видимости, перевод «Отцов и детей» появился в «Beobachter» без ведома Тургенева. Скорее всего, писатель не сразу узнал о нем. Во всяком случае, в опубликованной на сегодняшний день переписке мы не находим ни одного упоминания о нем вплоть до осени 1868 года. Возможно, Тургенев впервые услышал об этом переводе от самого Карла Майера, который посетил его в Баден-Бадене осенью 1866 года, о чем писатель упомянул в письме к Н. Н. Рашет.⁷ К сожалению, можно лишь гадать, о чем Тургенев и Майер говорили при встрече. Известно, что вскоре после нее Тургенев через посредство Рашет и Морица Гартмана, который в это время еще жил в Штутгарте и редактиро-

⁶ «Wir wählten diesmal die Erzählung eines russischen Schriftstellers, Ivan Turgenieff, der sich bereits als ein feiner Beobachter und als ein rücksichtsloser Verkündiger seiner Beobachtungen einen halb geliebten und halb gefürchteten Namen gemacht hat. Der Realismus der neueren russischen Schriftsteller ist oft hart, bisweilen sogar unschön und ein wenig langweilig, aber es geht ein so ehrliches Streben durch deren Schriften, die Welt schonungslos zu zeichnen wie sie ist, daß wir ihm unsere Achtung nicht versagen dürfen, wenn wir auch, von deutscher Wissenschaft genährt und der germanischen Entwicklungsnation angehörig, uns mit dem Fatalismus nicht befreunden können, der den Slaven eigenthümlich scheint und sie die Welt hinnehmen läßt, wie sie ist» (Der Beobachter. 1865. 30. September. N 228).

⁷ См.: ПССУП(2). Письма. Т. 7. С. 70. Письмо от 19 (31) октября 1866 г. См. также письмо к Рашет от 29 октября (10) ноября 1866 г.: Там же. С. 73.

вал журнал «Freya. Illustrierte Blätter für die gebildete Welt», передал Майеру двухтомное собрание своих сочинений в переводе Фр. Боденштедта «Erzählungen von Ivan Turgénjew» (München, 1864–1865), однако дальше этого их знакомство, по-видимому, не продвинулось.

Тем не менее, когда летом 1868 года владелец рижской издательской фирмы Бернгард Эрих Бере (Behre; 1832–1881) обратился к писателю с предложением издать собрание его избранных сочинений на немецком языке, Тургенев вспомнил про перевод «Отцов и детей», появившийся именно в «Beobachter». По договоренности с Бере, «Отцы и дети» должны были составить первый том задуманных им «Ausgewählte Werke». ⁸ Для этой цели Тургенев 29 сентября (11 октября) 1868 года обратился к М. Гартману с просьбой прислать ему адрес «Карла Майера, сына поэта». «Он редактор газеты, — пояснял писатель, — название которой у меня выпало из памяти и в литературном отделе которой печатался перевод „Отцов и детей“». И прибавлял далее: «Один немецкий книгопродавец хочет напечатать небольшую выборку моих произведений и только что говорил мне об этом переводе. Я хотел бы по поводу этого объясниться с г-ном Карлом Майером, которого я видел в Баден-Бадене». ⁹ Примечательно, что в письме к Гартману Тургенев, говоря о своем романе, называет его «Väter und Söhne» (буквально «Отцы и сыновья»), в то время как в «Beobachter» он появился, как уже говорилось, под заглавием «Väter und Kinder». ¹⁰ Это обстоятельство, как и тот

⁸ Об этом издании см. не потерявшую до сих пор своего значения работу К. К. Эгле: Малоизвестные материалы об И. С. Тургеневе из рижских книгохранилищ // И. С. Тургенев (1818–1883–1958). Статьи и материалы / Под ред. М. П. Алексеева. Орел, 1960. С. 351–358, а также вступительную заметку Ганса фон Римши к публикации писем Тургенева к Бере: *Rimscha Hans von. Die bisher unbekanntenen Briefe Ivan S. Turgenews an seinen deutschen Verleger Erich Behre in Mitau // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. N. F. Wiesbaden, 1970. Bd. 18. Heft 4. S. 530–539*. К сожалению, митавское издание остается до сих пор практически не изученным, хотя, как справедливо отметил в свое время К. К. Эгле, являясь, в сущности, первым полным собранием сочинений Тургенева в переводе, «оно представляет несомненный интерес для исследователей его творчества» и «тщательное обследование текста рижского издания в сравнении с другими переводами и русским оригиналом, вероятно, могло бы дать интересные результаты» (Эгле К. К. Малоизвестные материалы об И. С. Тургеневе из рижских книгохранилищ. С. 356).

⁹ ПССУП(2). Письма. Т. 9. С. 263–264. Подлинник по-нем. Следует отметить, что Тургенев здесь, по-видимому, имеет в виду вышеназванную встречу с Майером, которая состоялась в 1866-м, а не в 1868 г., как указано в «Летописи», см.: *Летопись (1867–1870)*. С. 90.

¹⁰ Необходимо указать на то, что незадолго до этого, весной 1868 г., в письме к тому же М. Гартману Тургенев, говоря о своем романе, назвал его «Väter und Kin-

факт, что Тургенев забыл название газеты, в которой печатался перевод, косвенно свидетельствуют о том, что до этого момента писатель вряд ли держал его в руках и знал о нем только с чужих слов. Нам пока не удалось обнаружить откликов на этот перевод в немецкой прессе, но, очевидно, что он не получил широкой известности. Примечательно, например, что в августе того же 1868 года, перечисляя в письме к Юлиану Шмидту даты написания своих произведений для готовившейся немецким критиком статьи о его творчестве, Тургенев дал их названия по-французски и даже не упомянул о немецких переводах (в списке фигурируют и «Pères et enfants»).¹¹ В статье о творчестве Тургенева, вышедшей в 1864 году в качестве предисловия к переводу «Муму» в журнале «Freya», называя Тургенева крупнейшим русским романистом, Гартман также сетовал на недостаток хороших немецких переводов, который препятствовал, по его мнению, распространению славы писателя в Германии.¹² Спустя четыре года в статье «Iwan Turgeneff» он вынужден был повторить то же самое.¹³

Хотя ответ Гартмана на просьбу писателя неизвестен, из письма Тургенева к Бере от 9 (21) октября 1868 года следует, что он навел необходимые справки и сообщил писателю как название газеты, так и адрес ее редактора.¹⁴ В скором времени Бере, по всей видимости, связался с Карлом Майером и получил от него разрешение на переиздание пере-

der» (письмо от 9 (21) марта 1868 г.: *ПССУП(2). Письма*. Т. 8. С. 150), а еще ранее в письмах к немецким друзьям, как правило, использовал преимущественно французское название «Pères et enfants» (см., например, письма к Л. Пичу от 4 (16) мая 1863 г., к М. Гартману от 28 июля (9 августа) 1863 г. и 3 (15) мая 1867 г.: Там же. Т. 5. С. 176, 200; Т. 7. С. 196) или писал его по-русски, как в письме к Боденштедту от 19 (31) октября 1862 г. (Там же. Т. 5. С. 122).

¹¹ См.: Там же. Т. 9. С. 48. Письмо от 25 июля (6 августа). Впрочем, это может свидетельствовать и о том, что Тургенев мало следил за немецкими переводами своих произведений.

¹² <Hartmann M.> Biographische Einleitung // Freya. 1864. S. 65. Ср. в одном из писем к Гартману по поводу выхода «Дыма» в переводе Фр. Чиша: «Не везет мне в Германии с моими произведениями» (*ПССУП(2). Письма*. Т. 8. С. 267).

¹³ См.: *Ergänzungsblätter zur Kenntnis der Gegenwart* (Hildburghausen). 1868. Bd. 3. S. 341–343.

¹⁴ «Газета, в которой появился перевод „Отцов и детей“, — сообщил Тургенев Бере, — называется „Der Beobachter, ein Volksblatt für Schwaben“ — ее редактор Карл Майер. Он живет в Штутгарте. Я намерен еще сегодня написать ему и известить о том, что, со своей стороны, охотно даю согласие на публикацию. Если не ошибаюсь, этот перевод появился весной 1866» (*ПССУП(2). Письма*. Т. 9. С. 264. Подлинник по-нем.).

вода. В свою очередь, Тургенев также собирался известить Майера о своем согласии на эту публикацию и, очевидно, выполнил свое намерение (письмо неизв.), поскольку в одном из последующих писем к Бере он упомянул о том, что недавно получил от Майера сброшюрованный комплект номеров «*Veobachter*», в которых печатались «Отцы и дети».¹⁵ Очевидно, Майер любезно выслал экземпляр перевода в ответ на несохранившееся письмо Тургенева (о том, что Майер и Тургенев переписывались в 1868 г., свидетельствует письмо Тургенева к Гартману от 19 ноября (1 декабря) 1868 г., в котором он, в частности, сообщает, что Майер прислал ему перевод «Трех встреч», выполненный Гартманом¹⁶).

Как уже говорилось, неизвестно, кто был автором опубликованного в «*Veobachter*» немецкого перевода «Отцов и детей», скрывшимся за инициалами «О. Ф.». В одном из последних томов серии Писем второго академического собрания сочинений и писем Тургенева комментатор писем Тургенева к Эриху Бере Г. А. Тиме приписывает авторство перевода Морицу Гартману;¹⁷ отсюда эти сведения переключались впоследствии и в третий том «Летописи жизни и творчества И. С. Тургенева».¹⁸ Несмотря на то, что Гартман действительно перевел, по меньшей мере, восемь произведений Тургенева — «Муму», «Уездный лекарь», «Петр Петрович Каратаев», «Три встречи», «Постоялый двор», «Дневник лишнего человека», «Яков Пасынков» и «Дым»¹⁹ (причем все переводы были сделаны им с французского, поскольку русским Гартман не владел), — нет никаких оснований, которые позволили бы атрибутировать ему и перевод «Отцов и детей», кроме того обстоятельства, что в 1865 году, т. е. во время выхода в свет немецкого перевода романа, Гартман проживал в Штутгарте.

В подтверждение тезиса о непричастности Гартмана к переводу «Отцов и детей» достаточно сказать, что весной 1867 года (два года спустя), говоря об «Отцах и детях» в письме к нему, Тургенев вспомнил французский, а не немецкий перевод: «У вас имеется французский перевод „Отцов и детей“». Эта маленькая книга из всех моих произведений

¹⁵ См. письмо к Бере от 7 (19) ноября 1868 г.: *ПССУП(2). Письма*. Т. 9. С. 269.

¹⁶ См.: Там же. С. 274.

¹⁷ См.: Там же. С. 362, примеч. 1 к письму 2381.

¹⁸ См.: *Летопись (1867–1870)*. С. 92, 99 и др.

¹⁹ См. библиографию переводов Гартмана из Тургенева в статье Гюнтера Вытженса: *Zur österreichischen Turgenew-Rezeption bis 1918* // *Wytrzens G. Slawische Literaturen — Österreichische Literatur(en)*. Wien, 2009. S. 180–181. Г. Вытженс упоминает о том, что Гартман перевел девять произведений Тургенева, однако приводит названия лишь упомянутых восьми: Ibid.

имела больше всего влияния на новейшее формирование общества, по крайней мере части его, в России, — и я являюсь крестным отцом „нигилизма“, о котором в последнее время так много говорят».²⁰ Горячо приветствовавший и высоко оценивший все без исключения выполненные Гартманом переводы своих произведений, которые вышли на тот момент, Тургенев, конечно, не мог забыть о том, что его друг перевел и «Отцов и детей».²¹

Отметим также, что ранее, в рецензии Г. А. Тиме на первую публикацию писем Тургенева к Бере, осуществленную Гансом фон Римшей, в качестве переводчика «Отцов и детей» был назван сам Карл Майер, однако никаких фактов, подкрепляющих это предположение, в статье приведено не было.²²

Как бы то ни было, первое впечатление Тургенева от перевода было положительным. Он показался ему «превосходным» («ganz vortrefflich»), как следует из его письма к Бере от 7 (19) ноября 1868 года.²³ Однако дальнейшая история публикации «Отцов и детей» в митавском издании показывает, что на данном этапе Тургенев весьма поверхностно ознакомился с немецким текстом. Когда Бере, опасавшийся повторения досадного конфликта, который возник у него с писателем в результате предпринятого им в том же 1868 году отдельного немецкого издания «Дыма» в неудачном переводе Фр. Чиша, предусмотрительно заметил, что в переводе из «*Veobachter*» имеются пропуски, Тургенев с легкостью согласился и пообещал «внимательно» просмотреть «*весь перевод*» с помощью «одного немецкого друга, сведущего в литературе» (имея в виду Людвиг Пича), чтобы восполнить пропущенное. Хотя Тургенев в том же письме пообещал по первому требованию выслать «поправки и *возможные* добавления» к переводу,²⁴ на деле он не спе-

²⁰ См. письмо от 3 (15) мая 1867 г.: *ПССиП(2). Письма*. Т. 7. С. 285. Подлинник по-нем.

²¹ Благодаря Гартмана за переводы «Муму» и «Уездного лекаря», Тургенев писал, что они «сделаны действительно мастерски» (Там же. Т. 6. С. 192); в письме к Н. Н. Рашет он охарактеризовал перевод «Петра Петровича Каратаева» как «прекрасный» (Там же. Т. 7. С. 70). Так же высоко он отзывался и о переводе «Трех встреч»: «...как всегда прелесть!» (Там же. Т. 9. С. 274).

²² См.: *Тиме Г. А. И. С. Тургенев в переписке с Бернгардом Эрихом Бере (По новым материалам второго академического собрания писем И. С. Тургенева)* // *РЛ*. 1988. № 3. С. 172.

²³ *ПССиП(2). Письма*. Т. 9. С. 84.

²⁴ Там же. С. 269–270. В следующем письме к Бере от 29 ноября (11 декабря) 1868 г. он вновь повторяет: «...обещаю также тщательно просмотреть экземпляр

шил приниматься за редактирование. Во всяком случае, в просторном письме к Л. Пичу от 19 ноября (1 декабря) 1868 года он ни словом не обмолвился об «Отцах и детях». Возможно, поначалу писатель рассчитывал сам справиться с правкой, но по обыкновению затягивал с началом работы, тем более что одновременно с «Отцами и детьми» готовился немецкий перевод «Истории лейтенанта Ергунова», редактирование которого Тургенев также доверил Пичу (см. письмо к Пичу от 24 декабря 1868 г. (5 января 1869 г.)). Между тем во второй половине декабря 1868 года, получив от Бере корректурные листы романа, Тургенев вынужден был начать просматривать немецкий текст «Отцов и детей», и с этого момента его оценка перевода кардинально меняется.

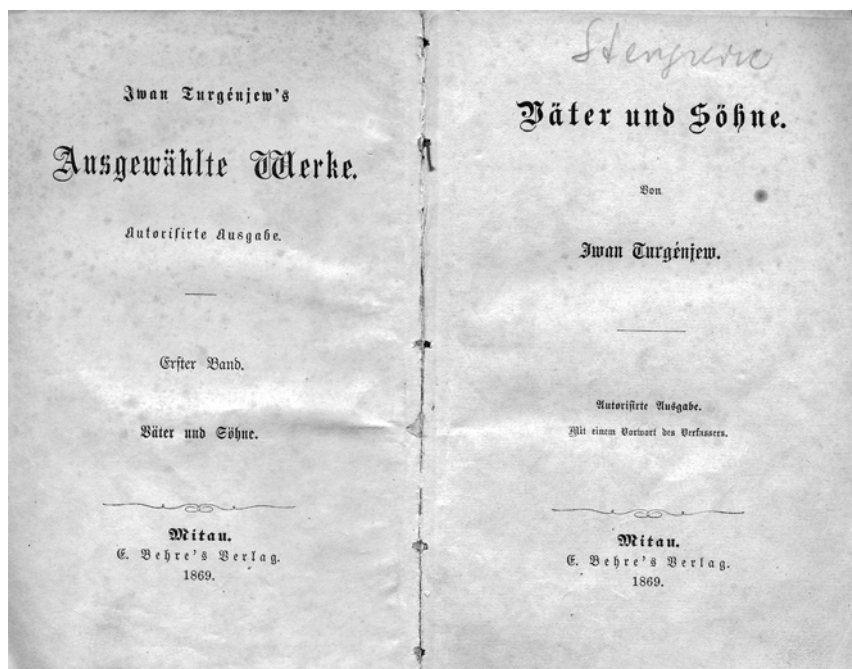
«Перевод „Отцов и детей“ я получил, — сообщал он Бере 14 (26) декабря, — уже почти прочел его и тотчас после Нового года отошлю в типографию Фребеля. — Я тщательнейшим образом сравнил его с русским текстом — и должен признаться — нашел там больше ошибок, чем предполагал».²⁵ Однако на деле все обстояло гораздо хуже. По всей видимости, писатель действительно начал править перевод, но работа продвигалась крайне медленно из-за большого количества неудачных оборотов, неточностей и пропусков, которыми изобилдовал немецкий текст. Вопреки своему обещанию выслать корректуру в типографию после Нового года, Тургенев 2 (14) января 1869 года вынужден был признать в очередном письме к Бере: «...я слишком долго колебался, прежде чем высказать Вам все то, что скажу сейчас. Когда я рекомендовал Вам штутгартский перевод „Отцов и детей“, я лишь бегло просмотрел его, однако при сопоставлении с подлинником он предстает весьма несовершенным. Исправляя его, я с трудом осилил половину; да и сам я не настолько владею немецким стилем, чтобы каждый раз находить верное выражение; кроме того, для меня всегда было крайне мучительно возвращаться к своим напечатанным произведениям. Таким образом, работа остановилась».²⁶ Стремясь загладить свою вину, Тургенев предложил передать перевод для дальнейшего редактирования Людвигу Пичу, которому сам написал «покаянное» письмо на следующий же день.

Поскольку Пич до этого момента ничего не знал о задуманном Бере издании «Избранных сочинений» Тургенева на немецком языке, в письме

„Отцов и детей“, точно отметить места, требующие усовершенствования, и без промедления известить Вас» (Там же. С. 278).

²⁵ ПССиП(2). Письма. Т. 9. С. 280. Подлинник по-нем.

²⁶ Там же. С. 284. Подлинник по-нем.

«Отцы и дети» (Митава, 1869). Контртитул и титульный лист

к нему писатель вкратце, но весьма эмоционально изложил предысторию своих отношений с Бере и красочно обрисовал незадачливое положение, в котором он оказался по собственной вине, сообщив при этом ряд новых подробностей. «Я начинаю просмотр, — писал Тургенев, имея в виду начатую им работу по редактированию немецкого перевода «Отцов и детей», — и нахожу, что перевод (с французского, конечно) очень неудовлетворителен. Мучаюсь на протяжении двенадцати глав — но продолжать не могу — к тому же я слишком мало знаком с немецким стилем. Поймите мое положение! И я *сам* рекомендовал этот перевод!! Не в силах выносить это более — я приношу мою „mea culpa“ этому добродетельному, бескорыстному (потому что какой он из этого получит барыш?!!) издателю — и делаю ему *предложение*: переслать этот экземпляр *Вам, дражайший*, для просмотра. <...> и вот у Вас мельничный жернов на шее».²⁷ Далее он заметил: «...я уверен, что при молниеносной быстроте работы, которой Вас наградило благое небо — Вы ее

²⁷ Там же. С. 285–286. Подлинник по-нем.

одолеете в 2 дня: все дело в том, чтобы сличить этот перевод с французским (превосходным), — но этого *я не могу* <...>».²⁸

Как и рассчитывал Тургенев, Пич немедленно откликнулся на его мольбы и согласился взять на себя исправление перевода. В ответном письме писатель предоставил ему «полностью *carte blanche*», разрешив даже «Базарову жениться на Одинцовой».²⁹ Пич сразу же приступил к редактированию немецкого перевода, которое заняло у него конец января и весь февраль 1869 года. Время от времени он, очевидно, сообщал Тургеневу о том, как продвигалась работа, и жаловался на Бере, который, по всей видимости, торопил с окончанием правки. Однако лишь 23 февраля (7 марта) 1869 года Тургенев смог в весьма эмоциональных выражениях поздравить Пича с завершением работы.³⁰ К этому времени Пич успел отредактировать также небольшое предисловие Тургенева, которое он специально написал к новому немецкому изданию «Отцов и детей». «Вместо всякого предисловия, — писал в нем Тургенев, — я позволю себе довести до сведения благосклонного читателя, что я ручаюсь за точность предлагаемого перевода. До сих пор такое удовлетворение редко или даже вовсе не выпадало мне на долю. Тут, по крайней мере, человека судят, хвалят и осуждают за то, что он действительно сделал на основании его же собственных, а не чужих слов.

Мне нет надобности объяснять, что когда дело касается немецкой публики, такое положение мне вдвойне приятно. Я слишком многим обязан Германии, чтобы не любить и не иметь ее как мое второе отечество. А желание предстать в своем собственном облике перед тем, кого любишь и чтить, я полагаю, естественно».³¹

Итак, из писем к Пичу нам становится известно точное количество глав романа, которые Тургенев успел просмотреть и частично поправить до отправки корректуры Пичу, — это первые двенадцать глав. Прежде чем остановиться на нескольких конкретных примерах правки, которой подвергся газетный перевод «Отцов и детей», необходимо сделать ряд предварительных замечаний.

Следует отметить, что перевод «Отцов и детей» на французский язык, который лег в основу штутгартского перевода, осуществлялся

²⁸ ПССуП(2). Письма. Т. 9. С. 286. Подлинник по-нем.

²⁹ Там же. С. 288. Подлинник по-нем. Письмо от 22 января (3 февраля) 1869 г.

³⁰ «„La illah il allah, Mohammed, rezul allah!“ <Нет бога, кроме Аллаха, Мохаммед — посланник Аллаха (*араб.*)>. Наконец-то Вы сбросили с плеч это бремя, любезнейший друг — от души поздравляю Вас!» (Там же. С. 293. Подлинник по-нем.).

³¹ Там же. Соч. Т. 10. С. 351. Подлинник по-нем.

Erstes Kapitel.

„Nun, Peter, siehst Du noch nichts“? So fragte — es war am 20. Mai 1859 — auf der Landstraße nach K in Rußland ein Mann von 45 Jahren, der, in einem Paletot und carrirten Beinkleidern barhäuptig und staubbedeckt, vor der Thür einer Schenke stand. Der Bediente, an den er diese Frage richtete, war ein junger, blonder Mensch mit vollen Backen und kleinen matten Augen, dessen rundes Kinn ein farbloser Flaum bedeckte. —

Alles an diesem Bedienten, von den pomadisirten Haaren und den, mit Türkisen geschmückten Ohrringen an bis zu seinen studirten Bewegungen, verrieth einen Diener von der neuen Fortschritts-Generation. Aus Rücksicht für seinen Herrn blickte er herablassend auf die Landstraße und antwortete mit Würde:

— Man sieht absolut nichts!

— Nichts? fragte der Herr. —

— Absolut nichts! wiederholte der Diener. —

Der Herr seufzte und ließ sich auf eine Bank nieder. — Während er so mit übergeschlagenen Beinen da sitzt und
Turgenejew, Väter und Söhne.

с журнального, а не с отдельного издания романа, вышедшего в свет в Москве в начале сентября 1862 года. Как известно, при подготовке отдельного русского издания Тургенев внес в него ряд изменений,³² однако во французский текст они в подавляющем большинстве не попали. Так, в «Русском вестнике», в котором роман впервые увидел свет в феврале 1862 года, в самом начале первой главы о Николае Петровиче Кирсанове сказано как о «барине лет сорока пяти».³³ В отдельном издании Тургенев несколько изменил возраст Николая Петровича, который предстает уже «барином лет сорока с небольшим».³⁴ Основания для этой стилистической поправки становятся понятны, когда читатель впервые знакомится с Павлом Петровичем Кирсановым в гл. IV, где читаем: «На вид ему было лет сорок пять <...>».³⁵ Тем не менее и во французском, и в обоих немецких изданиях романа сохранился журнальный вариант.

Так, во французском переводе Николай Петрович впервые предстает перед нами как «un homme de quarante-cinq ans environ»,³⁶ в немецком переводе «Beobachter» — «ein Mann im Alter von 45 Jahren», в митавском издании после правки Тургенева и Пича — «ein Mann von 45 Jahren».³⁷

В гл. VIII в «Русском вестнике» о Фенечке сказано: «...она жила тихонько, как мышонок в норке <...>»; в отдельном издании Тургенев поправил это место — «...она жила тихонько, в сторонке <...>»;³⁸ во французском переводе, однако, — «...elle vivait tranquillement comme une souris dans son trou <...>»;³⁹ у Бере — «...sie lebte ruhig, wie ein Mäuschen im Loch <...>».⁴⁰

В гл. XI в тот момент, когда воспоминания Николая Петровича о жене неожиданно прерывает появление Фенечки, автор замечает: «Он вздрог-

³² Об этих изменениях см.: Там же. Т. 7. С. 430–435. Список разночтений журнального издания романа и издания 1862 г. см.: *ПССУП(1). Соч.* Т. 8. С. 478–488.

³³ *РВ.* 1862. № 2. С. 473. Далее — *ОuD. РВ.*

³⁴ *Тургенев И. С.* Отцы и дети. М., 1862. С. 7. Далее — *ОuD 1862.*

³⁵ Ср.: *ОuD. РВ.* С. 484; *ОuD 1862.* С. 24.

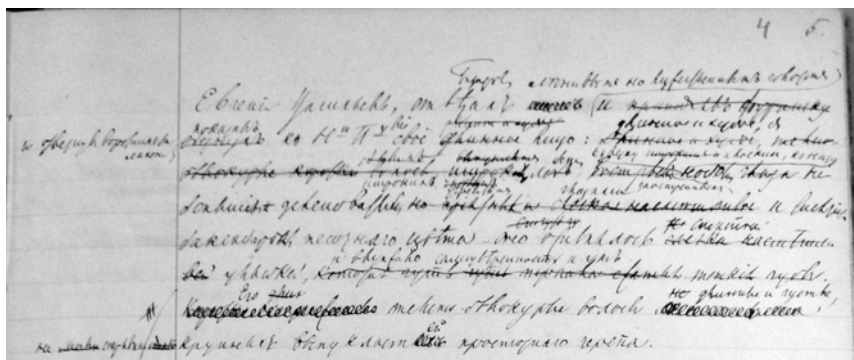
³⁶ *Tourguéneff Ivan.* Pères et enfants / Précédé d'une lettre à l'éditeur par Prosper Mérimée. Paris: Charpentier, Libraire-éditeur, 1863. P. 1. Далее — *Charpentier 1863.*

³⁷ *Turgénjew Iwan.* Väter und Söhne // Turgénjew Iwan. Ausgewählte Werke. Mitau: E. Behre's Verlag, 1869. Bd. 1. S. 1. Далее — *Behre 1869.*

³⁸ Ср.: *ОuD. РВ.* С. 507; *ОuD 1862.* С. 59.

³⁹ *Charpentier 1863.* P. 58.

⁴⁰ *Behre 1869.* S. 68. Это место почти полностью повторяет перевод из «Beobachter», замене подвергся лишь один артикль: «...sie lebte ruhig, wie **das** Mäuschen im Loch <...>» (Здесь и далее полужирным отмечены слова, подвергшиеся правке. — *В. Л.*).

Черновой автограф «Отцов и детей» (ИРЛИ). Фрагмент гл. III

нул». В отдельном издании реакция Николая Петровича несколько иная: «Он вздохнул».⁴¹ Во французском и, соответственно, в немецком переводах остается журнальный вариант: «Il tressaillit» / «Er erbebt».⁴² Этот ряд можно было бы продолжить.

Вместе с тем примечательно, что во французском переводе из описания внешности Базарова (в частности, его «широкого лба») исчезло обидное для героя слово «угреватый», которое изначально присутствовало в журнальном русском тексте,⁴³ но было изъято Тургеневым впоследствии в отдельном издании. Интересно, что писатель долго работал над портретом героя. В черновой рукописи первоначально Базаров предстает перед нами «с широким лбом», затем «с выпуклым лбом», далее Тургенев снова вернулся к варианту «с широким лбом», добавив к нему слово «чистым» — «с широким, чистым лбом», однако потом вычеркнул слово «чистым» и вписал снизу «угреватым».⁴⁴ В таком виде это место и было опубликовано в «Русском вестнике».

Тем не менее в издании Шарпантье читаем: «Il avait le visage long et maigre, le front ouvert <...>».⁴⁵ В «Beobachter» — «Er hatte ein langes und

⁴¹ Ср.: *ОцД. ПВ. С. 525; ОцД 1862. С. 87.*

⁴² *Charpentier 1863. P. 88; Behre 1869. P. 102.* Ср. перевод «Beobachter»: «Er zitterte» («Он задрожал»).

⁴³ В гл. II, в момент знакомства Базарова с Николаем Петровичем, Тургенев дает следующее описание лица героя: «Длинное и худое, с широким угреватым лбом,верху плоским, книзу заостренным носом, большими зеленоватыми глазами и висячими бакенбардами песочного цвету, оно оживлялось спокойною улыбкой и выражало самоуверенность и ум» (*ОцД. ПВ. С. 477*).

⁴⁴ *ИРЛИ. Р. I. Оп. 29. № 431. Л. 5* (по паг. Тургенева).

⁴⁵ *Charpentier 1863. P. 8.*

mageres Gesicht, offene Stirne <...>». В издании Бере это место подверглось дальнейшей стилистической правке — «Er hatte ein langes, mageres Gesicht mit offener Stirn <...>».⁴⁶

Исправлению подверглись также отдельные печатки, вкравшиеся в текст романа в «Русском вестнике». Так, по сравнению с журнальным вариантом, в отдельном русском издании измененной оказалась реплика Павла Петровича в конце гл. X, когда он после стычки с Базаровым в разговоре с братом нелестно отзывается о «современных молодых людях»: Ср.:

«Русский вестник»

Отд. изд. 1862 г.

Я, напротив, уверен, что мы с тобой гораздо правее этих господчиков, хотя выражаемся, может быть, несколько устарелым языком, *vieilli*... И такая надутая эта нынешняя молодежь. Спросишь иного: какого вина вы хотите, красного или белого? «Я имею привычку предпочитать красное!» — отвечает он басом и с таким важным лицом, как будто вся вселенная глядит на него в это мгновенье...
И не имеем той дерзкой самоуверенности...⁴⁷

Я, напротив, уверен, что мы с тобой гораздо правее этих господчиков, хотя выражаемся, может быть, несколько устарелым языком, *vieilli*, **и не имеем той дерзкой самонадеянности...** И такая надутая эта нынешняя молодежь. Спросишь иного: какого вина вы хотите, красного или белого? «Я имею привычку предпочитать красное!» — отвечает он басом и с таким важным лицом, как будто вся вселенная глядит на него в это мгновенье...⁴⁸

⁴⁶ *Behre 1869*. S. 9.

⁴⁷ *Оуд. РВ*. С. 523. Полу жирным выделено мною. — *В. Л.* Анализ беловой рукописи романа дает все основания полагать, что эта печатка или, вернее, ошибка появилась при наборе и была обусловлена «неудачным» графическим расположением на полях страницы следующей вставки: «И такая надутая ~ мгновенье». Судя по значку вставки, которым пользовался писатель «(*)», эта вставка должна была следовать *после* слов: «...и не имеем той дерзкой самоуверенности...», однако на деле она оказалась записанной прямо под заключительными словами первой части придаточного предложения: «<выражались> устарелым языком, *vieilli*», — которые были также вписаны Тургеневым на полях, поскольку это место подверглось правке (изначально было: «<выражались> смешно», затем Тургенев зачеркнул слово «смешно» и продолжил фразу, записав новый вариант на полях). Таким образом две записи на полях, относившиеся к разным фрагментам текста, при наборе были объединены (см.: Р. I. Оп. 29. № 355. Л. 61 (по паг. Тургенева)).

⁴⁸ *Оуд 1862*. С. 83–84. Полу жирным выделено мною. — *В. Л.*

спраду вб-иба на тво речу да кажеме.
кредитирам-вот наши сопствени, за когу-
дине хорватско кар извршил; а сам пока-
жржидеиа будеио...

Како ветимь одаишавен, поже встало какав
спотив.

Нико- идуиците оттав. - Пожеас, аград;
свидаиет, вожеа.

За аградииа: Фруки. - брато! тоа мидеи ка-
же - а сепеиа поштоко соипатриваи друго ка
на. - Воио, какаво некакои какав ветроват -
во - каи. иквотивидеи мовожиа! Воио оми, маи
ветрови!

Касиожиа, зотворао со зиквидеиа бржкоти
да: Творитио свб во меиети каи омаи саиш
а ка зржидеи а молико зржидеи, иотвоненио
зржидеи на аград. - Жасав, во а ветровицеи
ма? Зржидеи а со поквотиуа? амажиаи пово
ел. Тоа зржидеи, не хомоди каи саишав... а
омаи саишав. - тоа вб. мово, каи поквотиуа
маи: каи мово ариадвелеио ка зржидеи зржидеи
маишав. Тоа зржидеи саишав - а ка зржидеи:
зржидеи? Помаи зржидеи - а зржидеи саишав
а маишав каишав каи саишав; а каи саишав
зржидеи а зржидеи каишав саишав: вб. мово не
омаи зржидеи - зржидеи зржидеи.

Селе 24
1877

Како зржидеи зржидеи саишавенио а зржидеио, зржидеи
маи какав зржидеи. а, ка зржидеи, зржидеи
маи со мово зржидеи ариадвелеио зржидеи

Зржидеи, мово саишав: каи саишав зржидеи
маишав маи зржидеи саишавзржидеи... (18)
Маишав братеи зржидеи каи зржидеи? зржидеи маишав
маишав зржидеи зржидеи: маи каи зржидеи зржидеи каи
маишав, маишав маишав маишав зржидеи маишав
маишав.

Нико- маишав маишав саишав зржидеи зржидеи
зржидеи зржидеи зржидеи а зржидеи каишав зржидеи.
маишав зржидеи зржидеи саишав зржидеи: вондвир-
маишав каи зржидеи маишав.

и) и маишав каишав маишав маишав
маишав маишав? - зржидеи маишав
какав маишав зржидеи маишав - зржидеи маишав
маишав маишав? - а маишав зржидеи
маишавзржидеи зржидеи - маишав
маишав саишав а каи саишав маишав
маишав зржидеи каишав каишав зржидеи
маишав маишавзржидеи каишав маишав

Беловой автограф «Отцов и детей» (BN). Фрагмент гл. X

Во французском переводе опечатка оказалась исправленной, однако очевидно, что правка осуществлялась не по отдельному изданию, поскольку французское «outrecuidance» ближе к «дерзкой самоуверенности» в «Русском вестнике», нежели к «дерзкой самонадеянности» в отдельном издании. Вместе с тем наличие подобной правки во французском переводе заставляет задуматься о том, кому она принадлежит. Можно с большой долей осторожности предположить, что Тургенев мог по меньшей мере сам редактировать этот перевод.

Французское издание

...je suis persuadé au contraire que nous sommes beaucoup plus dans le vrai que tous ces petits messieurs, quoique notre langue soit peut-être un peu vieillie, et que nous n'ayons pas leur outrecuidance... Avec cela, ils sont si affectés!⁴⁹

Митавское издание

...ich bin im Gegentheile überzeugt, daß wir viel mehr in Rechte sind, als alle diese jungen Herren, wenn auch unsere Sprache vielleicht ein wenig veraltet ist, und wenn wir auch ihre Selbstüberschätzung nicht besitzen... Dabei sind sie so affectirt.⁵⁰

С другой стороны, сопоставление первых двенадцати глав в немецком переводе, вышедшем у Бере, с оригиналом (как с текстом «Русского вестника», так и с текстом отдельного издания) заставляет усомниться в том, что Тургенев вносил правку, тщательно сверяясь с русским текстом романа, в чем он неоднократно в письмах заверял своего издателя. Попутно заметим, что писатель далеко не всегда вычитывал по рукописи свои произведения и на русском языке. Приведем одно место из гл. VII, которое свидетельствует, что Тургенев, скорее всего, вносил правку в немецкий перевод, не обращаясь к русскому тексту, так сказать по памяти.⁵¹ Рассказывая биографию Павла Петровича Кирсанова, писатель мимоходом, но довольно язвительно замечает, что тот в молодости «прочел всего пять, шесть французских книг».⁵² Во французском переводе это место — с расчетом на совершенно иную аудиторию — пре-

⁴⁹ *Charpentier 1863*. P. 84.

⁵⁰ *Behre 1869*. S. 98. Сравнение с переводом в «*Beobachter*» показывает, что это место подверглось небольшой стилистической правке Тургенева/Пича: «...ich bin im Gegentheile überzeugt, daß wir viel mehr in **Recht** sind, als alle diese jungen **Herrn**, wenn auch unsere Sprache vielleicht ein wenig veraltet ist, und wenn wir auch ihre Selbstüberschätzung nicht besitzen... Dabei sind sie so **geziert**».

⁵¹ Следует, однако, иметь в виду, что Тургенев мог держать перед глазами французский перевод или, по крайней мере, сверяться с ним время от времени.

⁵² *Оуд. ПВ*. С. 497; *Оуд 1862*. С. 43–44.

терпело некоторые изменения. Здесь Павел Петрович «n'avait lu en tout que cinq ou six brochures de Chateaubriand» («прочел всего пять, шесть книжек Шатобриана»).⁵³ Казалось бы, ничто не мешало в немецком переводе вернуться к исконному варианту, однако и в издании Бере читаем: «...seine Lektüre jedoch beschränkte sich im Ganzen auf fünf oder sechs Broschüren von Chateaubriand». ⁵⁴ В немецкий перевод практически дословно перешла также характеристика Агафоклеи Кузьминичны (заставившая, по-видимому, немало потрудиться французского переводчика), которая «в генеральшах <...> принадлежала к числу „матушек командирш“»,⁵⁵ во французском переводе — «ne dérogeait en rien aux habitudes qui caractérisent les „dames“ des officiers supérieurs» («ни на шаг не отступала от повадок, свойственных „женам“ офицеров высших чинов»),⁵⁶ в немецком соответственно — «verleugnete in nichts das Auftreten, welches die Frauen der höheren Officiere charakterisirt». ⁵⁷ Показательно и то, как передано окончание описания матери Кирсановых: «...словом жила в свое удовольствие»⁵⁸ во французском переводе превратилось в «en un mot, elle était la grande dame du chef-lieu»⁵⁹ («словом, она была знатной дамой губернского города»), а в немецком соответственно — «mit einem Wort — sie war die große Dame der Provinzial-Hauptstadt». ⁶⁰ Если в русском тексте, знакомясь с Базаровым, Николай Петрович «стиснул его обнаженную, красную руку», то в немецком переводе «er schüttelte ihm kräftig die rothe **breite** Hand» («крепко пожал его красную широкую руку»), что является точным переводом с французского: «il secoua fortement la main rouge et **large**»,⁶¹ — таким образом в обоих переводах исчезает небольшая деталь, указывавшая на то, что Базаров не носил перчаток. Крестьянское наименование имения Кирсановых Марьино — «Бобылий хутор» — с легкой руки французского перевод-

⁵³ *Charpentier 1863*. P. 42.

⁵⁴ *Behre 1869*. S. 50. Ср. в «Beobachter»: «...seine Lektüre jedoch beschränkte sich im Ganzen auf **etwa** fünf oder sechs Broschüren von Chateaubriand».

⁵⁵ *ОuD. ПВ. С. 474; ОuD 1862*. С. 8.

⁵⁶ *Charpentier 1863*. P. 3.

⁵⁷ *Behre 1869*. S. 2–3.

⁵⁸ *ОuD. ПВ. С. 474; ОuD 1862*. С. 8.

⁵⁹ *Charpentier 1863*. P. 3.

⁶⁰ *Behre 1869*. S. 3. Интересно, что в «Beobachter» вместо «Provinzial-Hauptstadt» («губернский город»; *букв.* «главный город провинции») стояло: «Provinzialstadt» («уездный город»; *букв.* «провинциальный город»). Возможно, это изменение было внесено Пичем, правившим перевод по французскому изданию.

⁶¹ *ОuD. ПВ. С. 477; ОuD 1862*. С. 13; *Behre 1869*. S. 9; *Charpentier 1863*. P. 8.

чика в немецком тексте превращается в «Сиротский дом» (ср. нем. «Waisenhaus» и франц. «Maison des Orphelins»).

Вообще же из французского перевода в немецкий перешли и другие особенности: так, изменению подверглось построение многих предложений, которые стали короче; появились подстрочные примечания, в которых объяснялись различные русские реалии и обычаи (в немецкий перевод они перешли, правда, иногда в несколько укороченном виде); из французского текста перешла и форма передачи собственных имен (часто в сочетании нерусской формы имени с русским отчеством — Nicolas Petrovitch / Nikolas Petrowitsch, Paul Petrovitch / Paul Petrowitsch. Arcade / Arkad, Eugène Vassilief / Eugen Wassilieff и т. д.); сохранен и транслитерирован ряд русских реалий — «десятина», «тулуп», «дворовый» и др. Все это лишь подтверждает, что Тургенев, редактируя перевод, не обращался к русскому тексту.

Конечно, не имея под руками наборных листов романа, которые позволили бы в каждом отдельном случае достоверно установить принадлежность поправок Тургеневу или Пичу, вычленив правку Тургенева не представляется возможным. Тем не менее сличение двенадцати глав из первой публикации немецкого перевода с текстом в митавском издании отчасти позволяет понять, что писателя не устраивало в переводе «*Veobachter*», а также представить, в каком направлении шла работа над текстом.

Прежде всего отметим, что объем внесенных поправок довольно велик и исчисляется иногда десятками на одну главу. Значительная часть из них носит ярко выраженный стилистический характер и была, по всей видимости, призвана сделать перевод более легким, живым, свободным и точным. Замена подвергались как отдельные слова или выражения, так и целые предложения; зачастую переделывалась сама структура предложения.

Исправления начались уже с заглавия романа (по всей видимости, оно было изменено самим Тургеневым) и первого предложения первой главы. Как известно, роман начинается с вопроса Николая Петровича Кирсанова: «Что, Петр? не видать еще?»,⁶² — который переводчик в «*Veobachter*» передал следующим образом: «Peter, siehst du noch nichts?». В издании Бере читаем: «**Nun**, Peter, siehst Du noch nichts?» — небольшое изменение, которое, однако, лучше передает волнение и нетерпение Николая Петровича, поджидającego сына на крыльце постоялого двора после долгой разлуки.⁶³

⁶² *ОuD. ПВ. С. 473; ОuD 1862. С. 7.*

⁶³ *Behre 1869. S. 1.*

Отчетливо прослеживается стремление подобрать наиболее точное слово, эпитет и т. д. Так, в описании Петра, слуги Николая Петровича («нового, усовершенствованного поколения») — «молодого и щекастого малого с беловатым пухом на подбородке и маленькими тусклыми глазенками»⁶⁴ — вместо «ein junger blonder Mensch mit vollem **Gesicht** und kleinen **ausdrucklosen** Augen, dessen rundes Kinn ein farbloser Flaum bedeckte» («молодого русого человека с полным лицом и маленькими невыразительными глазами, чей круглый подбородок покрывал бесцветный пух») появляется «ein junger blonder Mensch mit vollen **Backen** und kleinen **matten** Augen»,⁶⁵ что, несомненно, гораздо ближе к русскому подлиннику, а еще более — к французскому тексту. Ср., например, «un jeune blondin» («молодой блондин» — *франц.*) во французском переводе, отсутствующее в оригинале.⁶⁶ Редактированию подверглось и описание «ленивого, но мужественного голоса» Базарова, который по-французски говорил «d'une voix forte mais lente» («голосом сильным, но неторопливым»), а по-немецки сначала «mit starker aber langsamer Stimme» («сильным, но неторопливым голосом»), а после тургеневской правки «langsam mit gehobener Stimme» («неторопливо, звучным голосом»)⁶⁷. Вместо «rauschende seidene **Kleider**», которые Агафоклея Кузьминична носила в «Beobachter», появляются «rauschende seidene **Roben**»⁶⁸ и т. д. В целом портреты практически всех персонажей романа, с которыми читатель встречается на протяжении первых двенадцати глав, подверглись существенной правке. Наиболее значительные исправления, как кажется, были внесены в описание Павла Петровича Кирсанова. Ср.:

«Beobachter»

«Ausgewählte Werke»

Dem Aussehen nach hatte er etwa 45 Jahre; seine grauen Haare hatten den dunkeln	Er schien etwa 45 Jahre alt; seine sehr kurz geschnittenen grauen Haare hatten den tiefen Glanz des noch un-
---	--

⁶⁴ *ОцД. ПВ. С. 473; ОцД 1862. С. 7.*

⁶⁵ «молодой русский человек с полными/круглыми щеками и маленькими тусклыми глазами» (*Behre 1869. S. 1.*)

⁶⁶ Во французском переводе Петр предстает перед читателем как «un jeune blondin aux joues pleines, aux petits yeux ternes, au menton rond, couvert d'un duvet incolore» (*Charpentier 1863. P. 1.*)

⁶⁷ *ОцД. ПВ. С. 477; ОцД 1862. С. 13; Charpentier 1863. P. 8; Behre 1869. S. 9.*

⁶⁸ Ср. с русским — «шумные шелковые платья» (*ОцД. ПВ. С. 474; ОцД 1862. С. 8*) и с французским — «des robes de soi bruayantes» (*Charpentier 1863. P. 3*). Немецкое *Roben* больше подчеркивало претенциозность Агафоклеи Кузьминичны, стремление походить на даму «высшего света».

Гlanz von Silber, seine Gesichtszüge von etwas gallichter Färbung, waren von großer Regelmäßigkeit und äußerst fein geschnitten. Man sah wohl, daß er einst sehr schön gewesen sein mußte, besonders waren seine schwarzen, lebhaften und länglichen Augen bemerkenswerth.

bearbeiteten Silbers, die Züge seines klaren, runzellosen Gesichts von gallichtem Teint waren von großer Regelmäßigkeit und mit äußerster Feinheit gezeichnet. Man sah wohl, daß er einst sehr schön gewesen sein mußte, besonders waren seine schwarzen und länglich geschnittenen feucht glänzenden Augen bemerkenswerth.⁶⁹

Как видно, помимо сугубо стилистических замен: «Dem Aussehen nach hatte er etwa 45 Jahre» / «Er schien etwa 45 Jahre alt», «den dunkeln Glanz von Silber» / «den tiefen Glanz <von Silber>», «von etwas gallichter Färbung» / «von gallichtem Teint», «länglichen Augen» / «länglich geschnittenen <Augen>», — в издании Бере восстановлено несколько пропусков, допущенных переводчиком «Beobachter». Так, появилось указание на то, что волосы Павла Петровича отливали темным блеском не просто серебра, но «нетрунутого/нового серебра»; было дополнено описание лица — стало известно, что оно было «чистое», «без морщин». Вместе с тем очевидно, что правка вносилась по французскому изданию, в котором существенные изменения претерпело также само построение русской фразы и ее отдельных частей. Отсюда все эти изменения перешли в «Ausgewählte Werke». Ср.:

«Русский вестник»

На вид ему было лет сорок пять: его коротко остриженные седые волосы отливали темным блеском, как новое серебро, лицо его, желчное, но без морщин, необыкновенно правильное и чистое, словно выведенное тонким и легким резцом, являло следы красоты замечательной: особенно хороши были светлые, черные, продолговатые глаза.⁷⁰

Французское издание

Il paraissait avoir quarante-cinq ans environ; ses cheveux gris coupés très court avaient le reflet foncé de l'argent lorsqu'il est encore neuf; les traits de son visage au teint bilieux, mais net et sans rides, étaient d'une grande régularité, et dessinés avec une délicatesse extrême. On reconnaissait bientôt qu'il avait dû être très beau; ses yeux noirs, limpides et allongés, étaient surtout remarquables.⁷¹

⁶⁹ Behre 1869. S. 25.

⁷⁰ Оуд. ПВ. С. 484–485; Оуд 1862. С. 24.

⁷¹ Charpentier 1863. P. 21.

Интересно отметить, что в немецком переводе после правки Тургенева/Пича появилось новое прилагательное в описании глаз Павла Петровича — «feucht glänzenden» («влажно блестящие»), не вполне соответствующее русскому «светлые» и французскому «limpides».

Особого внимания заслуживает одно исправление в гл. IV — единственное, о котором можно с уверенностью сказать, что оно принадлежит Тургеневу. Речь идет о слове «одежонка», которым Базаров в разговоре с Николаем Петровичем пренебрежительно называет свой балахон: «Прикажите только чемоданишко мой туда стащить, да вот эту одежонку, — прибавил он, снимая с себя свой балахон».⁷² В письме к Л. Пичу Тургенев, предоставляя ему «полностью *carte blanche*», выразил лишь одно пожелание в отношении перевода. Он отметил, что «Базаров имеет привычку выражаться презрительно и называет свое старое пальто — *une loque* — лохмотья», — впрочем, тут же оговорился: «употребите какое хотите слово».⁷³ Интересно, что Тургенев при этом употребил немецкое слово «ein Fetzen» (лохмотья), которое в итоге действительное заменило первоначальный, менее удачный вариант «Flaus» (*букв.* пиджак из мягкой ткани) из «*Beobachter*».⁷⁴ Как видно, писатель придавал очень большое значение тому, как говорит его герой на немецком языке.

Разумеется, напрашивается вопрос: какие изменения претерпела речь Базарова в целом и изменилась ли она вообще? На примере гл. VI, в которой происходит первое серьезное столкновение Базарова с Павлом Петровичем, можно сказать, что по сравнению со штуртгартским переводом она стала менее книжной, более емкой, точной и дерзкой, во многом приблизившись к оригиналу. Так, на замечание Павла Петровича: «Говорят, германцы в последнее время сильно успели по этой части», т. е. по части «естественных наук», — Базаров небрежно отвечает: «Да, немцы в этом наши учителя».⁷⁵ Если в «*Beobachter*» он говорит: «*Ja, die Deutschen sind darin unsere Meister*», — то в митавском

⁷² *ОцД. РВ. С. 484; ОцД 1863. С. 24.*

⁷³ *ПССиП(2). Письма. Т. 9. С. 288.* Письмо от 22 января (3 февраля) 1869 г. Подлинник по-нем.

⁷⁴ Ср. в «*Beobachter*»: «*Aber Sie sind wohl so gütig, dieses Felleisen und diesen Flaus da dahin bringen zu lassen, setzte er hinzu, indem er seinen Caban auszog*» и в издании Бебе: «*Sie sind wohl so gütig, diese Art Felleisen und diesen Fetzen dahin bringen zu lassen, setzte er hinzu, indem er seinen Kaban auszog*» (*Behre 1869. S. 24.*)

⁷⁵ *ОцД. РВ. С. 494; ОцД 1863. С. 38–39.*

издании: «Ja, darin sind die Deutschen unsere Meister».⁷⁶ Казалось бы, изменение небольшое, но тональность высказывания меняется.

Более ощутимым изменениям подверглась реплика Базарова, в которой он отвечает на следующий вопрос Павла Петровича: «Но как же нам Аркадий Николаич сейчас сказывал, что вы не признаете никаких авторитетов? Не верите им?». В русском тексте Базаров говорит: «Да зачем я стану их признавать? И чему я буду верить? Мне скажут дело, я соглашаюсь, вот и все».⁷⁷

В «Beobachter» эта фраза звучит очень тяжеловесно и даже напыщенно: «Warum sollte ich Autoritäten anerkennen, und warum sollte ich mich zwingen, etwas zu glauben? Beweist man mir eine vernünftige Sache, so bin ich damit einverstanden und damit ist alles gesagt» («Почему я должен признавать авторитеты и почему я должен принуждать себя чему-то верить? Докажут мне что-то здоровое, тогда я с этим соглашаюсь и с этим все»). В митавском переводе она звучит более по-базаровски: «Warum sollte ich's thun? und an was müßte ich glauben? Beweist man mir eine vernünftige Sache, bin ich damit einverstanden und alles ist gesagt» («С чего я должен это делать? и чему я должен верить? Докажут мне что-то здоровое, я соглашаюсь, вот и все»)⁷⁸.

Попадались в штутгартском переводе и трогательные добавления к русскому тексту, которые также убирался Тургеневым. Так, на вопрос Павла Петровича: «Вы столь высокого мнения о немцах?», — Базаров, как известно, отвечает: «Тамошние ученые дельный народ».

⁷⁶ *Behre 1869*. S. 43. Изменению подверглась и реплика Павла Петровича. Ср.: у Бере: «Man behauptet, die „Germanen“ hätten in diesen Wissenschaften seit einigen Jahren große Fortschritte gemacht» (Ibid.) и в «Beobachter»: «Man behauptet, die germanische Rasse habe in diesen Wissenschaften seit einigen Jahren große Fortschritte gemacht».

⁷⁷ *ОuD. ПВ*. С. 494; *ОuD 1862*. С. 39.

⁷⁸ *Behre 1869*. S. 44. Отметим, что редактированию подверглось и то место, где описывается «тайное раздражение», которое обуревало Павла Петровича во время разговора с Базаровым. Как известно, Кирсанова «возмушала совершенная развязность» «лекарского сына». Если в «Beobachter» «аристократическая натура» Павла Петровича не могла вынести «Derbheit» («грубости») своего оппонента (которого он мысленно называет «dieser Sohn eines Mediziners» — «этот сын лекаря»), то в митавском издании его оскорбляет «Bazaroffs ungenirtes Auftreten» («развязное поведение Базарова», который назван уже «dieser Chirurgen-Sohn» — «этим сыном военного лекаря»). Последнее исправление вряд ли перешло из французского перевода, где Кирсанов «ne pouvait supporter l'aplomb de Bazarof», «ce fils de médecin» (*Charpentier 1863*. P. 37).

Переводчик «*Veobachter*» решил развить эту мысль, в итоге Базаров у него говорит: «*Die Gelehrten dieses Landes sind verdienstvolle, helle, frische Köpfe*» («Ученые этой страны — достойные, светлые, свежие головы»). В издании Бере Базаров уже не так многословен: «*Die Gelehrten dieses Landes sind verdienstvolle Burschen*».

Исправляются буквализмы, кальки с французского, которые порой лишь затемняли смысл. Так, в русском тексте романа Тургенев сообщает, что «Николай Петрович родился на юге России».⁷⁹ Во французском переводе говорится: «*Nicolas Petrovitch <...> était né dans la Russie méridionale*».⁸⁰ В «*Veobachter*» же это место переводится дословно: «*Nikolas Petrowitsch <...> war im **mittäglichen** Rußland geboren*», что придавало ему ненужный выпенренный оттенок. Поэтому после правки Тургенева и Пича читаем: «*Nikolas Petrowitsch <...> war in **Süd-Rußland** geboren*».⁸¹

Что касается содержательной стороны (как в случае, например, с переводом «Дыма» на французский язык, где были восстановлены отдельные фрагменты, опущенные в русской журнальной публикации), то в митавском издании читатель не найдет подобных вставок, по сравнению с текстом из «*Veobachter*». Это легко объяснимо, поскольку ряд изменений был внесен еще при подготовке французского издания, однако эта тема требует дополнительных изысканий. Приведем лишь один пример. В начале гл. VII, характеризуя Павла Петровича, Тургенев говорит о том, что «он с детства отличался замечательною красотой; к тому ж он был самоуверен, немного насмешлив и как-то забавно жолчен — он не мог не нравиться».⁸² Во французском переводе читаем: «*D'une beauté remarquable, suffisant, un peu moqueur et d'une irascibilité coquette (**c'était la mode à cette époque**), il ne pouvait manquer de plaire*».⁸³ Трудно предположить, что кто-то другой, кроме самого Тургенева, мог вставить во французский текст ремарку в скобках, отсутствующую в оригинале, — «что тогда было в моде», перекочевавшую затем и в немецкий перевод.

От высокой оценки перевода, данной в предисловии к митавскому изданию, Тургенев позже отказался. Когда в конце 1872 года Бере предложил ему переиздать «Отцов и детей», а также ряд других произведений, к тому времени распроданных, писатель выразил желание вновь

⁷⁹ *ОuD. ПВ. С. 474; ОuD 1862. С. 8.*

⁸⁰ *Charpentier 1863. P. 2.*

⁸¹ *Behre 1869. S. 2.*

⁸² *ОuD. ПВ. С. 496–497; ОuD 1862. С. 43.*

⁸³ *Charpentier 1863. P. 41.*

просмотреть перевод романа, чтобы «избавиться от некоторых опечаток».⁸⁴ На этот раз Тургенев более внимательно прочел немецкий текст и «к великому удивлению», как он сообщал в одном из последующих своих писем к Бере, «нашел множество очень значительных, искажающих смысл ошибок!».⁸⁵ Он тут же внес существенную правку в перевод, однако, будучи «не вполне уверен в том, что правильно выразился по-немецки», в феврале 1873 года обратился к Юлиану Шмидту с просьбой «просмотреть книжку»: «Дело в том, — писал он, — что выходит второе издание „Отцов и детей“, а я лишь теперь прочел книгу — перевод — в первый раз. Несмотря на то, что я в предисловии с неслыханным энтузиазмом расхвалил перевод, в нем попадаются совершенно недопустимые неточности и сокращения <...>».⁸⁶ Среди отмеченных им неудовлетворительных мест, например, начало гл. XX — приезд Базарова к родителям, а также гл. XXV — последнее свидание Базарова с Одинцовой и др.

Как видно из следующего письма Тургенева, Шмидт добросовестно подошел к его просьбе и не ограничился одним просмотром сделанных писателем поправок. Он указал на еще два места, перевод которых вызвал у него сомнения. Одно из них из гл. III, когда Николай Петрович, Аркадий и Базаров на пути в Марьино встречают несколько крестьянских телег, «запряженных разнузданными лошадьми».⁸⁷ В первом митавском издании: «Mehrere Wägelchen, deren Pferde ausgezäumt waren <...>».⁸⁸ Сомнения Шмидта вызвало слово «ausgezäumt» («разнузданный») в применении к лошадям. «Русские крестьяне, — возразил на это Тургенев, — очень часто (отчасти из-за лени, отчасти из-за жалости к животным) ездят на разнузданных лошадях — железные удила висят под подбородком, и лошадь бежит *motu proprio* <своим ходом — лат.>. В больших городах, как например в Петербурге, против этого восстает полиция».⁸⁹

Однако со вторым замечанием Шмидта Тургенев согласился и даже внес его в новое издание романа. Речь идет о гл. XVIII, в частности о сцене, в которой описываются переживания Одинцовой после объяснения с Базаровым: «Она увидела себя в зеркале; ее назад закинута голова с таинственной улыбкой на полузакрытых, полураскрытых глазах

⁸⁴ ПССуП(2). Письма. Т. 12. Письмо от 14 (26) декабря 1872 г. Подлинник по-нем.

⁸⁵ Там же. С. 296. Письмо от 11 (23) февраля 1873 г. Подлинник по-нем.

⁸⁶ Там же. С. 106. Письмо от 11 (23) февраля 1873 г.

⁸⁷ ОиД. РВ. С. 479; ОиД 1862. С. 16.

⁸⁸ Behre 1869. S. 13.

⁸⁹ ПССуП(2). Письма. Т. 12. С. 110. Письмо от 19 февраля (3 марта) 1873 г.

1113
V. 1 -
1869 N

Statt jeder Vorrede erlaube ich mir dem geneigten Leser zur Kenntniß zu bringen, daß ich die vollkommene Treue vorliegender Uebersetzung aufs Nachdrücklichste garantire. — Das ist eine Genugthuung, die mir noch selten, oder auch wohl gar nicht zu Theil geworden ist. — So wird man wenigstens nach Dem gerichtet, gelobt oder verdammt, was man eben gethan hat, nach seinen eigenen, nicht nach fremden Worten.

Daß mir ein solches Verhältniß gerade dem deutschen Publikum gegenüber doppelt erwünscht ist, brauche ich nicht zu sagen. Ich verdanke zu viel Deutschland, um es nicht als mein zweites Vaterland zu lieben und zu verehren. — Vor dem aber, was man liebt und verehrt, ist der Wunsch: in seiner eigenen Gestalt auftreten zu dürfen, wohl natürlich.

Carlsruhe 1869.

J. Turgénjew.

Bei Gelegenheit dieser zweiten Auflage von „Väter und Söhne“ habe ich nur zu berichten, daß ich die Uebersetzung noch ein Mal sorgfältig mit dem Text verglichen und die wenigen, jedoch nicht unwichtigen Fehler, die meiner Aufmerksamkeit entchlüpfpt waren, verbessert habe.

Paris 1873.

J. T.

и губах, казалось, говорила ей в этот миг что-то такое, от чего она сама смутилась...».⁹⁰ В первой редакции митавского перевода конец этого предложения звучал так: «...schien ihr das Bild etwas zu sagen, was sie tief bewegte».⁹¹ Выражение «was sie tief bewegte» («глубоко взволнована»; *букв.* «что ее глубоко волновало») показалось Шмидту не вполне подходящим к этому моменту, и он предложил заменить его словами «betroffen» («смущена») или «wunderbar verwirrt» («почувствовала странное смущение»). «Конечно, выражение „tief bewegt“ <<глубоко взволнована» — *нем.*>, — согласился Тургенев, — здесь неуместно и неверно». Любопытно, что далее он привел параллель из французского издания. «Во французском переводе сказано: „elle se sentit étrangement troublée“ <<она чувствовала себя странно смущенной» — *франц.*> — ведь в тот момент, когда она смотрит на себя в зеркало, ей хочется отдаться Базарову; это момент чувственной вспышки — этим только и объясняются последующие слова: „Нет! Нет!“».⁹² В итоге перевод был исправлен согласно указанию Шмидта: «...schien ihr das Bild etwas zu sagen, was sie wunderbar verwirrte».⁹³

В завершение укажем, что для второго издания немецкого перевода «Отцов и детей» Тургенев написал новое небольшое предисловие (оно было помещено на одной странице с предисловием к первому изданию), в котором писал:

Bei Gelegenheit dieser zweiten Auflage von «Väter und Söhne» habe ich nur zu berichten, daß ich die Uebersetzung noch ein Mal sorgfältig mit dem Text verglichen und die wenigen, jedoch nicht unwichtigen Fehler, die meiner Aufmerksamkeit entschlüpft waren, verbessert habe.

Paris, 1873.

I. T.

Перевод:

Выпуская второе издание «Отцов и детей», хочу лишь сообщить, что перевод вновь тщательно сверен мною с оригиналом и те немногочисленные, но немаловажные ошибки, которые прежде ускользнули от моего внимания, мною исправлены.

Париж, 1873.

И. Т.

⁹⁰ *ОиД. ПВ. С. 569; ОиД 1862. С. 156.*

⁹¹ *Behre 1869. S. 187.*

⁹² *ПССУП(2). Письма. Т. 12. С. 110.*

⁹³ *Turgénjew Iwan. Väter und Söhne. Zweite Auflage // Turgénjew Iwan. Ausgewählte Werke. Bd. 1. Mitau: E. Behre's Verlag, 1873. S. 197.*

Это предисловие не попало ни в одно академическое собрание сочинений Тургенева и впервые на немецком языке было перепечатано в названной выше публикации Г. фон Римши.⁹⁴ Кроме того, в издании 1873 года (по аналогии с первым отдельным русским изданием) появилось посвящение В. Г. Белинскому («Dem Andenken Belinski's gewidmet»), отсутствовавшее в первом митавском издании.

⁹⁴ *Rimscha Hans von*. Die bisher unbekanntten Briefe Ivan S. Turgenevs an seinen deutschen Verleger Erich Behre in Mitau. S. 538. О нем упоминает также К. К. Эгле: Малоизвестные материалы об И. С. Тургеневе из рижских книгохранилищ. С. 356–358.

О. В. Тимашова

**НЕКОТОРЫЕ ДОПОЛНЕНИЯ К КОММЕНТАРИЮ
РОМАНА ТУРГЕНЕВА «ОТЦЫ И ДЕТИ»**

И внукам, правнукам покажут
Сию грамматику любви

И. А. Бунин

Литературный и культурно-исторический подтекст самого известного и гениального романа И. С. Тургенева достаточно исследован. Отмечено, что культурный аспект в данном произведении исключительно важен — поскольку главный герой отрицает связь с традицией, скрытая полемика автора с персонажем формирует сложный рисунок идейного подтекста. Впервые на это указал еще Н. Н. Страхов: «Базаров отворачивается от природы; не корит его за это Тургенев, а только рисует природу во всей красоте. <...> Базаров чуждается жизни; не выставляет его автор за это злодеем, а только показывает нам жизнь во всей ее красоте. <...> Тургенев стоит за вечные начала человеческой жизни, за те основные элементы, которые могут бесконечно изменять свои формы, но в сущности остаются неизменными. <...> Общие силы жизни — вот на что устремлено все его внимание».¹

Каковы же эти «общие силы жизни»? Исследователями накоплен богатый материал, вскрывающий культурные, исторические, национальные реминисценции. Особенно выделяется в этом отношении исследо-

¹ *Страхов Н. Н.* «Отцы и дети» И. Тургенева // *Время*. 1862. № 4. Отд. 2 («Критическое обозрение»). С. 81.

вание Ю. В. Лебедева, во многом расширяющее и уточняющее скрытые подтексты романа «Отцы и дети».²

С первой страницы Тургенев вовлекает читателя в сложную систему координат, элементы которой будут разворачиваться по мере развития сюжета романа. Единственной постоянной координатой подтекста «Отцов и детей» является изменчивость жизни. Очевидно, отсюда проходящее через весь роман противопоставление живого дерева «мертвому», неизменному камню. Начиная с подаренного перстня со сфинксом, античной статуи в портике Одинцова, не сумевшего спасти Базарова ляписа и в дальнейшем могильного камня — камень в романе является мертвым, ибо несет смерть. Он ассоциируется с персонажами, умирающими физически (Базаров, Агафокля Кульминична, княгиня Р., Одинцов) или духовно (Павел Петрович). У центральных персонажей камень подтверждает давно отмеченную исследователями духовную близость героев, постоянно возникая в плане символическом («...лучше камни бить на мостовой, чем позволить женщине завладеть хотя бы кончиком пальца»,³ — заявляет Базаров) или же бытовом (Павел Петрович, которым также «завладела» Фенечка, сел «перед камином, в котором <...> тлел каменный уголь»⁴).

Роковая символика камня возникает впервые созвучием женского имени агату — драгоценной разновидности халцедона, который, в свою очередь, является разновидностью кварца⁵ — «кварц считался тайником волшебной энергии».⁶ В то же время камень этот прочно связывался и с царством мертвых — «бесцветный и дымчатый кварц <т. е. чаще всего агат. — *О. Т.*> клали в могилу».⁷ Христианство прибавило к этому символику богопротивного камня: «Существует предание, что сатана при низвержении в ад выронил из короны агат...».⁸

Из-за своих пластических свойств агат особенно часто обрабатывался в геммы и использовался в перстнях. Более чем вероятно, что загадочный перстень, подаренный Павлом Петровичем княгине Р., был выполнен именно из агата: «Агат, в виде геммы, вставленный в пер-

² См.: Лебедев Ю. В. Роман И. С. Тургенева «Отцы и дети». М., 1982. 144 с.

³ ПССиП(2). Соч. Т. 7. С. 104. Курсив наш. — *О. Т.*

⁴ Там же. С. 21. Курсив наш. — *О. Т.*

⁵ Рид П. Геммология. М., 2003. С. 329.

⁶ Савина И. В. Камни лечат и рассказывают. Пермь, 1999. С. 10. Далее ссылки на это издание: Савина, с указанием страницы.

⁷ Там же. С. 39.

⁸ Красиков С. Легенды о цветах и самоцветах. М., 1996. С. 187.

стень, делал его амулетом и обеспечивал его обладателю всеобщую благосклонность».⁹

Однако в романе оберегом агаг не стал — и не случайно. Павел Петрович не преподнес любимой символ из многочисленной «группы гемм-амулетов, которые составляли любовные талисманы» — с вырезанными изображениями Эроса, Афродиты и т. п. Но он не вручил и перстень с изображениями, которые символически оберегали от болезней, включая вырезанные заклинания или изображения соответствующих богов (в коллекции Эрмитажа хранится подобная гемма с изображениями трех граций, о чем подробно будет сказано ниже). К удовольствию экзальтированной княгини он передал ей камень, который до этого явно использовался в оккультных обрядах, и тем самым окончательно разрушил хрупкое душевное равновесие женщины, которая до этого колебалась между «дневным» эпикурейским мировосприятием и «ночным» христианским покаянием: «...сидела, вся бледная и холодная, над псалтырем».¹⁰ Княгиня и ее обожатель не учли одного: «...те, кто не может угадать ответ Сфинкса, погибают».¹¹ Видимо, в последние дни жизни княгине удалось вырваться из лап языческого божества («Сфинкс имел голову и грудь женщины, тело быка или собаки, лапы льва, хвост дракона и крылья птицы (орла)»¹²) и понять, что загадка неразрешима для смертного, которому следует полагаться на мудрость Божию. Отсюда новое изображение на античной гемме, превратившее ее в христианский символ: «Крест — символ Христа, лестница, по которой душа может достичь Бога».¹³

В сюжетном развитии символическим камнем Базарова можно считать медицинский «ляпис» — олицетворение той веры в науку, что не смогла помочь герою в роковую минуту, ибо невозможно постоянно носить его с собою — на всякий случай. Напротив, свой камень Павел Петрович назойливо носит с собой — это запонка с «одиноким» опалом.¹⁴ Герой не учел (а может, дерзко игнорировал) зловещую славу камня, «приносящего беду, источник зла, несчастий и запретных удовольствий».¹⁵ Эта древняя слава воскресла благодаря литературной новинке

⁹ Савина. С. 26.

¹⁰ ПССУП(2). Соч. Т. 7. С. 30.

¹¹ Сурина М. О. Цвет и символ в искусстве, дизайне и архитектуре. М.; Ростов-на-Дону, 2003. С. 189.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 72–73.

¹⁴ ПССУП(2). Соч. Т. 7. С. 19.

¹⁵ Савина. С. 46.

времен молодости Павла Петровича, «роману В. Скотта „Анна Герольштейн“, опубликованному в 1829 году, героиня которого любила носить <...> фамильное украшение с благородным опалом. Таинственная смерть ее связывалась в романе с воздействием этого камня».¹⁶ Источник бедствий опала для носителя мудрые римляне связывали с двумя его свойствами: «способностью воздействовать на умы окружающих и приносить несчастья».¹⁷

Свойственная роману пародийная сниженность высокого образа воплощена в травестийной символике камня у персонажа второго ряда — «бирюзовой сережке» в ухе эмансипированного слуги Петра. Этот камень как традиционный символ победы и счастья, видимо, способствовал выгодному браку носителя с «дочерью городского огородника» — не менее чем «часы» и «лаковые полусапожки».¹⁸ Так Агата Колязина превращается в романе в Агафоклею¹⁹ Кузьминишну, становясь вполне земным и живым персонажем.

Напротив, дерево в тургеневском романе постоянно символизирует жизнь, находясь в непрерывном общении с человеком и даруя ему свои плоды. Недаром в минуты горьких раздумий и поисков смысла жизни герои неизменно удаляются в сад (лес). Вначале так поступают «отцы»: Николай Петрович, когда впервые «ясно осознал свое разведение с сыном», — «отправился в сад, в свою любимую беседку. На него напали грустные думы».²⁰ Павел Петрович, застав «с какой-то злобною унылостью» в беседке Базарова и свою позднюю любовь, — «вышел из саду и, медленно шагая, добрался до леса. Он оставался там довольно долго <...>».²¹

Антиномия обработанного сада / дикого леса продолжается в противопоставлении «хищного» Базарова и «ручного» Аркадия. Готовясь сделать предложение Кате, Аркадий удалился — «его не скоро нашли: он забрался в самую глушь сада и <...> сидел, погруженный в думы. Они были глубоки и важны, эти думы, но не печальны».²² Напротив, Базаров, как только «сознавал романтика в самом себе», — «тогда он отправлялся в лес и ходил по нем большими шагами, ломая попадав-

¹⁶ Красиков С. Легенды о цветах и самоцветах. С. 448.

¹⁷ Там же.

¹⁸ ПССиП(2). Соч. Т. 7. С. 186.

¹⁹ Там же. С. 7.

²⁰ Там же. С. 54.

²¹ Там же. С. 139.

²² Там же. С. 163.

шиеся ветки <...>».²³ В отличие от многих писателей, включавших в поле сопоставлений повадки, характер сравниваемых животных (хотя и в этом Тургенева отличает тонкая наблюдательность), — Тургенев вводит в литературную игру, как кажется, сухую латинскую систематику родов и видов. Не случайно Одинцова хочет узнать у Базарова «латинские названия полевых растений и их свойства».²⁴

Такого рода параллелизм прямо заявлен применительно к персонажам второго ряда. Так, захопотававшуюся Арину Власьевну автор устами ее мужа называет «куропатицей» и подтверждает: «...куций хвостик ее коротенькой кофточки действительно придавал ей нечто птичье».²⁵ Подобные характеристики дополняются *постоянными*, закрепленными в фамилиях персонажей, и нередко придают им дополнительный комический эффект (как в случае с Агафоклеей). Такова Евдоксия Кукшина, чья фамилия происходит от «кукши» — «птицы семейства врановых». Отличительная особенность этих птиц — гнездуются очень рано (в марте — апреле), что иногда приводит к гибели птенцов. Затем стайки кукушек распадаются, стремясь жить поодиночке или парами. Несмотря на внешнюю безобидность, по натуре своей эти птицы хищные.²⁶ Стремясь поднять свой статус, Кукшина является на бал «с райскою птицею в волосах», хотя и в «грязных перчатках».²⁷ Однако райская (*Paradisaeidae*) лесная полигамная птица принадлежит уже к семейству воробьиных. Будучи от природы мелкими (ок. 14 см), райские птицы прибавляют важности за счет длинного ступенчатого хвоста.²⁸

Но даже в сравнении с Кукшиной Ситников ничтожен. Широко распространенное сорное растение *ситник* принадлежит семейству однодольных растений. Тургенев, должно быть, имел в виду ситник жабий, по-латыни — буфониус (*Juncus bufonius*).²⁹ «Урожденная княжна Дурдолеосова»³⁰ имела полную возможность из мужа веревки вить, ведь известно, что стебли ситника шли на изготовление плетеных изделий.

²³ ПССиП(2). Соч. Т. 7. С. 87. О философском значении леса для образа Базарова см.: Лебедев Ю. В. Роман И. С. Тургенева «Отцы и дети». С. 98 и след.

²⁴ ПССиП(2). Соч. Т. 7. С. 83.

²⁵ Там же. С. 171.

²⁶ Биологический энциклопедический словарь / Гл. ред. М. С. Гиляров. 2-е изд. М., 1989. С. 303.

²⁷ ПССиП(2). Соч. Т. 7. С. 68.

²⁸ Биологический энциклопедический словарь. С. 527.

²⁹ Там же. С. 579.

³⁰ ПССиП(2). Соч. Т. 7. С. 65.

Наиболее яркая параллель обусловлена *сменой статуса* — сравнение Базаровым помолвленного Аркадия с «самой почтенной, семейной птицей»³¹ галкой: «...он теперь в галки попал. Не удивляйся, это <...> не бред».³²

Символика птиц и деревьев в романе полифункциональна. Вот две сцены объяснения Аркадия и Кати в саду. В первой «слабый ветер, шевеля в листьях ясеня, тихонько двигал <...> бледно-золотые пятна света; ровная тень обливала Аркадия и Катю <...>». Их «доверчивое сближение» происходит под сенью ясеня: «...ясень, — замечает Аркадий, — по-русски очень хорошо назван: ни одно дерево так легко и ясно не сквозит на воздухе <...>».³³ Это этимология самого Тургенева, недаром назвавшего свой последний приют во Франции «Ясенями» (*Les Frênes*). Кроме того, ясень символизирует благословение природного мира: он выделяет сладкий сок — манну (*Fraxinus ornus*).³⁴ Во втором случае предложению руки и сердца аккомпанирует зяблик: «...заговорил он <Аркадий. — О. Т.> <...> взволнованным голосом, а зяблик над ним в листе березы беззаботно распевал свою песенку <...>».³⁵ Среди певчих птиц зяблик отличается заботливостью: самцы прилетают первыми, разведывают лучшие места и лишь затем призывают пением самок. Отсюда латинский видовой эпитет — холостой (*Fringilla coelebs*).³⁶

По контрасту — над Базаровым реет ястреб: «...высоко в верхушке деревьев звенел <...> призывом <...> писк молодого ястребка».³⁷ Подтверждает хищную природу Базарова и наблюдение матери: «Что делать, Вася! <...> Он что сокол: захотел — прилетел, захотел — улетел <...>»,³⁸ — хотя акцент с данным случае сделан на другой коннотации — гордой, свободолюбивой натуре птицы.

Базаров сам называет растения, близкие ему: акация, сирень, серебристый тополь, липа, осина. Символический их ряд истолкован Ю. В. Лебедевым, справедливо указавшим, что предпочтения Базарова в отношении растений не до конца объясняются их функциональностью («ухода не требуют»). Латинские наименования подтверждают врож-

³¹ Там же. С. 170.

³² Там же. С. 178.

³³ Там же. С. 155.

³⁴ Биологический энциклопедический словарь. С. 751.

³⁵ *ПССиП(2). Соч.* Т. 7. С. 165.

³⁶ Биологический энциклопедический словарь. С. 219.

³⁷ *ПССиП(2). Соч.* Т. 7. С. 117.

³⁸ Там же. С. 128. Заметим попутно, что ястреб — птица семейства ястребиных отряда соколообразных.

денный демократизм героя: сирень (*Syringa vulgaris*),³⁹ серебристый тополь (*Populus tremula*),⁴⁰ который является ничем иным, как разновидностью его любимой осины (*Populus*).⁴¹ Растения раскрывают то, что скрыто за внешними проявлениями жесткости, — тонкую душу (*Asacia dealbata* — мимоза) и трепещущее сердце (*Tilia cordata* — липа сердцевидная, наиболее распространенная в средней полосе России).⁴² Таким образом находит буквальное подтверждение наблюдение Достоевского о «великом сердце»⁴³ тургеневского героя, развитое позднейшими исследователями: «За внешним спокойствием и надменностью нигилиста <...> Базаров скрывает нежное и уязвимое сердце».⁴⁴

Природная стихия естественным образом вводит нас в эллинистическое светлое мировосприятие, царящее в авторском подтексте романа, — это мир одухотворенной природы.⁴⁵ С этой точки зрения, трех главных героинь, завязавших важнейшие любовные конфликты романа, — Анну Сергеевну, Фенечку и Катю — можно рассматривать как воплощение вечной красоты харит (граций). Хариты — дочери Зевса, входившие в свиту Афродиты, с именем которых греки связывали все привлекательное, прекрасное, радостное в природе и человеческой жизни. Но красоту мудрые греки дифференцировали: они различали *блестящую* красоту, красоту — *цветущее счастье* и красоту как *веселье, наслаждение радостями жизни*.

Аглая олицетворяла блеск — королевскую торжествующую красоту, приводящую в робость и замешательство. Подобное впечатление производит на окружающих Анна Сергеевна Одинцова. Первое явление ее в сцене бала именно статуарно: она замирает в дверях, позволяя полюбоваться собой во всем блеске — «Она поразила <...> достоинством своей осанки. Обнаженные ее руки красиво лежали вдоль стройного

³⁹ Биологический энциклопедический словарь. С. 577.

⁴⁰ Там же. С. 637.

⁴¹ Там же. С. 434.

⁴² Там же. С. 14, 321–322.

⁴³ *Достоевский*. Т. 5. С. 59.

⁴⁴ *Лебедев Ю. В.* Роман И. С. Тургенева «Отцы и дети». С. 52.

⁴⁵ О значении эллинистической культуры в романе см.: *Батото А. И.* Тургенев — романист. Л., 1972. С. 94–109; *Лебедев Ю. В.* Роман И. С. Тургенева «Отцы и дети». С. 116–119; *Žekulin N. G.* «Сейчас видно, что в свое время сильный был латинист!»: Turgenev and the Ancient Classical World // Russian Text (19th century) and Antiquity / Русский текст (19 век) и античность / Ed. K. Křóo, P. Torop. Budapest; Tartu, 2008. P. 200–202; *Успенская А. В.* Тургенев и античность // И. С. Тургенев. Новые исследования и материалы. М.; СПб., 2011. Вып. 2. С. 143–144.

стана <...>». ⁴⁶ Она же становится царицею бала: «Губернатор подошел к Одинцовой, объявил, что ужин готов, и <...> подал ей руку». ⁴⁷ Не случайно автор указывает на такие детали античных одежд, как складки: «...самые складки ее платья, казалось, ложились у ней иначе, чем у других, стройнее и шире <...>». ⁴⁸

Талия (Фалия) олицетворяет, по мнению греков, «цветущее счастье»: «И в самом деле, есть ли на свете что-нибудь пленительнее молодой красивой матери с здоровым ребенком на руках?». ⁴⁹ Соотнесенность другой героини романа — Фенечки — с античным прообразом подчеркнута в сцене объяснения с Базаровым в беседке: «Фенечка хорошела с каждым днем. Бывает эпоха в жизни молодых женщин, когда они вдруг начинают расцветать и распускаться <...>»; «Одетая в легкое белое платье, она сама казалась белее и легче: загар не приставал к ней <...>»; ⁵⁰ — и здесь внимание акцентируется на том, как красивыми складками спускался ее «белый платок».

Третья грация, *Эфрозина (Ефрозина)*, по нашему мнению, соответствует Екатерине Локтевой (Кате). Ее связь с античной традицией подчеркнута и выбором Аркадия, и объяснением «в греческом портике». В момент объяснения она также замирает: «Катя ничего не отвечала, но перестала глядеть на Аркадия»; «...Катя все не поднимала глаз»; «„Да помоги же мне, помоги!“ — с отчаянием думал Аркадий, но Катя по-прежнему не поворачивала головы». ⁵¹ Радостное настроение, веселье дарит ее красота окружающим.

Особую роль в обрисовке героинь играют цветы, неизменные атрибуты древнегреческих богинь. Для Фалии характерна роза как символ красоты. Фенечка и сама расцвела «как летние розы» — «...подле нее лежал целый пук еще мокрых от росы красных и белых роз». ⁵² В знак начала легкого флирта Базаров попросит у нее «красную, и не слишком большую» розу. ⁵³ В античной мифологии происхождение розы отчетливо связывалось с опасным преследованием нимфы Вакхом. По одной из версий, Вакх насадил розовые кусты, чтобы остановить убегающую

⁴⁶ ПССиП(2). Соч. Т. 7. С. 68.

⁴⁷ Там же. С. 70.

⁴⁸ Там же. С. 69.

⁴⁹ Там же. С. 37.

⁵⁰ Там же. С. 135.

⁵¹ Там же. С. 165.

⁵² Там же. С. 136.

⁵³ Там же. С. 138.

нимфу, но не смог. По другой — с той же целью снабдил розу шипами.⁵⁴ Христианская символика перенесла акцент на возвышенные качества — «милосердие», «божественную любовь»⁵⁵ розы. Отсюда, видимо, укорененная реплика Фенечки: «Грешно вам, Евгений Васильевич».⁵⁶

Эфрозину сопровождает лилия — древнегреческий символ лета. «Древние греки, приписывая цветку божественное происхождение, считали его и символом надежды. Молодые гречанки в честь цветка соревновались <...> на празднествах Флоры <...>».⁵⁷ Позднейшая средневековая традиция добавила этому цветку значения чистоты и невинности. Однако писатель уклоняется от прямолинейных сопоставлений. Нет сомнений, что лилия присутствовала среди цветов, собранных Катей в богатых оранжереях Никольского: «Она держала в руках корзину, наполненную цветами».⁵⁸ В вариантах сохранилась любопытная реплика героини: «Целых три букета выйдет».⁵⁹ — младшая грация собирала цветы для всех.

Подчеркнутая поэтичность героинь-нимф звучит прямым вызовом Добролюбову: «Кто не убирал *розовыми цветами* идеализма — простой, весьма понятной склонности к женщине?».⁶⁰ Грации изображались в окружении музыкальных инструментов. Первое, что мы узнаем о Кате, — «...она хорошо играет на фортепьяно».⁶¹ Любовь к музыке разделяет вторая грация, Фенечка, «и когда та <Катя. — О. Т.> садится за фортепьяно, рада целый день не отходить от нее».⁶²

Анна-Аглая имеет в романе цветы реальные, искусственные и метафорические. Каждое ее появление сопровождается своеобразным «языком цветов», хорошо известным Тургеневу.⁶³ При первом появлении

⁵⁴ Красиков С. Легенды о цветах и самоцветах. С. 183.

⁵⁵ Там же. С. 127.

⁵⁶ ПССиП(2). Соч. Т. 7. С. 139.

⁵⁷ Красиков С. Легенды о цветах и самоцветах. С. 127. Отметим, что значение имени «Екатерина» современный Месяцеслов расшифровывал как «надежда истинная», см.: Полный месяцеслов всех празднуемых Православной церковью святых и праздники Православной церкви. СПб., 1790. С. 104.

⁵⁸ ПССиП(2). Соч. Т. 7. С. 77.

⁵⁹ ПССиП(1). Соч. Т. 8. С. 457.

⁶⁰ Добролюбов Н. А. Собр. соч.: В 9 т. М.; Л., 1962. Т. 2. С. 439. Курсив наш. — О. Т.

⁶¹ ПССиП(2). Соч. Т. 7. С. 77.

⁶² Там же. С. 186.

⁶³ См., например: Макешина В. А. Флористические образы и символы в творчестве Тургенева // И. С. Тургенев. Новые исследования и материалы. М.; СПб., 2011. Вып. 2. С. 248–259.

в волосах героини «легкие ветки фуксий».⁶⁴ Указание важно, ибо, в отличие от прижимаемого к груди, расположение цветка на голове означало скрытность, неискренность. Напротив, в сцене первой прогулки с Базаровым живой «стебелек полевого цветка»⁶⁵ уже у ее груди, что свидетельствует об искренности чувств.

Венок из декоративных фуксий соответствует цветку Анны Сергеевны — «миртовой ветви» — символу любви у греков. Если заглянуть в словарь, фуксия — растение «семейства кипрейных, порядка миртовых». Мирт считался посвященным Афродите, из его листьев и ветвей делали венки, которые носили во время свадебных церемоний и победных игр (*myrtea corona* — один из них на голове Анны Сергеевны). Но уже тогда ввиду связи «рождения и смерти мирт посвящался и покойникам».⁶⁶ В дальнейшем из «символа любви» мирт превращается в символ смерти, тогда как роза всегда остается символом живой красоты и любви (недаром излюбленным сюжетом рисования и вышивки в XVIII веке были роза и мирт, символизировавшие жизнь и смерть).⁶⁷ Таким образом, даже любовь Анны Сергеевны сулит гибель. Не случайно на ней черное платье, которое при неверном блеске свечей кажется серым. В последней сцене перед еще живым Базаровым Одинцова уже открыто явится вестницей смерти: «...дама под черным вуалем, в черной мантилье <...>».⁶⁸ В минуту прозрения Базаров обронит: «Это все равно, что класть венок из цветов на голову мертвеца»,⁶⁹ — явно имея в виду цветы мирта.

Самая блестящая из граций изображалась в окружении... игральных костей. По приезде гостей в Никольское Анна Сергеевна, в отличие от Аркадия и Каги, уединившихся за фортепиано, предложила Базарову «сразиться» «по-старомодному в преферанс».⁷⁰ И хотя Базаров в качестве будущего «уездного лекаря», по его мнению, знаком с картами, Одинцова предупреждает: «*Берегитесь <...> мы с Порфирием Платонымчем вас разобьем*».⁷¹ Ее предсказание сбывается: «А Базаров <...> ремизился и ремизился. Анна Сергеевна играла мастерски в карты <...>».

⁶⁴ ПССиП(2). Соч. Т. 7. С. 68.

⁶⁵ Там же. С. 85.

⁶⁶ Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. Т. 19. С. 425.

⁶⁷ См., например: Данилевский Г. П. Княжна Тараканова // Данилевский Г. П. Мирovich. Княжна Тараканова. Сожженная Москва. М., 1961. С. 91.

⁶⁸ ПССиП(2). Соч. Т. 7. С. 180.

⁶⁹ Там же. С. 166.

⁷⁰ Там же. С. 80. Курсив наш. — О. Т.

⁷¹ Там же. Курсив наш. — О. Т.

Базаров остался в проигрыше хоть незначительном, но все-таки не совсем для него приятном».⁷² Проигрыш Базарова, как полагает Ю. В. Лебедев, «глубоко мотивирован психологически».⁷³ Но не менее — символически. Этот проигрыш явился предвестием более значительных трагедий, пережитых через общение с Одинцовой, но явившихся мезью вечных сил природы.

Истоки роковой трагедии Базарова современный исследователь видит в сцене объяснения его с Одинцовой именно в Никольском, а не в деревеньке Базаровых, где сохранились традиции «тысячелетней, античной культуры, пересаженной на добрую почву старорусского патриархального быта».⁷⁴ Между тем Никольское в еще большей степени соответствует не букве, но духу эллинизма — вопреки стараниям покойного владельца, с его невежественной эклектикой.⁷⁵ живущие здесь Хариты оживляют Никольское и на короткие дни лета творят иллюзию эллинской грации и гармонии.

Ю. В. Лебедев отметил парадоксальное двойничество Базарова и покойного Одинцова.⁷⁶ В свете наших наблюдений оно легко объяснимо. Оба слепы: полубразованный первый хозяин сада выписывает через «винного торговца» мертвую статую (которой мальчишки закономерно сломали нос), Базаров отрицает традицию целиком. Оба не хотят видеть, что живые нимфы находятся рядом и готовы подарить любовь. Тогда как наивный, на первый взгляд, Аркадий ведет себя в заколдованном эллинистическом саду на редкость мудро, по-своему служа его богиням: «...он читает Кате стихи и прозу, музицирует, наслаждается созерцанием природы».⁷⁷

«Герой начинает опасную игру с судьбой»⁷⁸ не в момент объяснения, а раньше — выбрав путь не к исстрадавшимся старикам-родителям, а к женщине. Судьба предупреждает его уже в особе соседа, Порфирия *Платоныча*. Его функции в романе аналогичны функции Увара Иваныча в «Накануне» — философско-резонерские. В данном романе читатель должен вспомнить *платоновские* законы. Один напоминает об ответственности перед родителями: «Старый отец или мать должны

⁷² ПССиП(2). Соч. Т. 7. С. 82–83.

⁷³ Лебедев Ю. В. Роман И. С. Тургенева «Отцы и дети». С. 95.

⁷⁴ Там же. С. 119.

⁷⁵ ПССиП(2). Соч. Т. 7. С. 163–164.

⁷⁶ Лебедев Ю. В. Роман И. С. Тургенева «Отцы и дети». С. 90–91.

⁷⁷ Там же. С. 98.

⁷⁸ Там же. С. 90.

пользоваться в доме не меньшею честью, чем даже кумиры богов; проклятие родителей скорее достигает слуха богов, чем какое-либо другое, и равным образом их благословение <...>». ⁷⁹

В душе Базарова, когда он затеял действительно опасную игру с Одинцовой, должны звучать и другие платоновские слова: «Человек должен участвовать в вечной жизни природы, всегда оставляя детей после себя, чтобы они могли служить богу вместо него <...>». ⁸⁰ Двойная ошибка сделала месть богов неизбежной.

Обращение к «Полному месяцеслову российских святых...» позволяет дополнить смысловые значения имени Базарова. Оно не только подчеркивает его «благородный» характер, но и празднуется 19 февраля. ⁸¹ Полгода герой не дождался зимы с ее веселыми свадьбами. И полтора — до освобождения крестьян — «задача гиганта», ради которой он мечтал «обломать дел много». ⁸²

Выбор редкого имени родоначальницы Кирсановых мог быть продиктован тем, что память св. Агафоклеи (вернее, Агафоклии) праздновали 17 сентября (30 сентября н. ст.) — вместе с Верой, Надеждой, Любовью и матерью их Софией. Для того чтобы вспомнить это, Тургеневу не требовалось заглядывать в Святцы. В 1845 году выходит в свет сборник «натуральной школы» «Физиология Петербурга». На его страницах публикует свою повесть «Лотерейный бал» Д. В. Григорович. Завязка сюжета, т. е. необходимость бала мотивируется тем, что «в Петербурге (не говоря уже о других городах) с наступлением 17-го сентября происходит несравненно более движения, нежели в остальные обыкновенные дни»: «...сами посудите: у того — жена Софья, у другого — две дочери: Вера и Любовь; у третьего — сестра Надежда; у четвертого — свояченица Агафоклея <...> и наконец, пятого *судьба* наделила всем вместе <...>». ⁸³

Имена Агафоклии и Евдоксии в переводе с греческого означают одно — «благославная». Обе они зависят только от мирской славы, от принятого в обществе. Во имя этого, без всякой веры, любви и надежды, выходит замуж Агафоклия и бросает супруга Евдоксия. Смена имени после замужества (бегства) для этих дам имеет принципиальную важность — как формальное подтверждение нового статуса.

⁷⁹ Цит. по: *Зелинский Ф. Ф.* Древнегреческая религия. Общий очерк. С. 71.

⁸⁰ Там же. С. 69.

⁸¹ Полный месяцеслов... С. 13.

⁸² *ПССиП(2)*. Соч. Т. 7. С. 183.

⁸³ *Григорович Д. В.* Лотерейный бал // Физиология Петербурга / Изд. подготовил В. И. Кулешов. М., 1991. С. 175 (Лит. памятники).

Павел Петрович полюбил прекрасную Елену (Нелли) трагической любовью-страстью, без всяких надежд и веры. Его брат присоединяет к поздней любви непоколебимую веру в добродетели Фенечки. Обратите внимание: в момент, когда Павел Петрович терзается обоснованной ревностью, его брат ничего не замечает. Вот только нет у него надежды, что Фенечка способна заменить первую жену: «Он <Николай Петрович. — О. Т.> не допускал даже возможности сравнения <...>». ⁸⁴ Та же горячая страсть, что и Павла Петровича, посещает Базарова. Временами он надеется на взаимность: «Вдруг ему представится, что эти целомудренные руки когда-нибудь обовьются вокруг его шеи, что эти горячие губы ответят на его поцелуи <...>». ⁸⁵

И только в отношениях Аркадия и Кати есть место и любви, и вере, и надежде (Екатерина, в переводе с греч. — «надежда истинная»). Все это служит залогом их будущего счастья, ибо они постигли мудрость самой природы. Пародией на нее выступает житейская мудрость Одиной, которая «доживется, пожалуй, до счастья... пожалуй, до любви». ⁸⁶

Проведенное исследование далеко не исчерпывает всех смысловых значений подтекста, но дополняет и систематизирует прежде отмеченные. Оно позволяет представить необычайно сложное и многогранное, но в то же время удивительно гармоничное мировоззрение Тургенева, сделавшее его роман не только злободневным, но и вечным явлением мировой культуры.

⁸⁴ ПССУП(2). Соч. Т. 7.

⁸⁵ Там же. С. 87.

⁸⁶ Там же. С. 185.

Н. П. Генералова, Л. К. Хитрово

**К РОДОСЛОВНОЙ ГЛАВНОГО ГЕРОЯ
РОМАНА «ОТЦЫ И ДЕТИ»
(Кто дал фамилию Евгению Базарову?)**

Казалось, после обнаружения английским тургениеведом Патриком Уоддингтоном подготовительных материалов к роману «Отцы и дети» вопрос о прототипе главного героя решился окончательно и бесповоротно.¹ О Базарове в этих материалах сказано следующее: «Нигилист. Самоуверен, говорит отрывисто и немного — работящ. — (Смесь Добролюбова, Павлова и Преображенского.) Живет малым; доктором не хочет быть, ждет случая. — Умеет говорить с народом, хотя в душе его презирает. Художественного элемента не имеет и не признает».² Откликаясь на эту публикацию, А. И. Батюто, подготовивший текст романа и комментарии к нему в первом и втором академических изданиях Полного собрания сочинений и писем И. С. Тургенева, писал: «Эта выразительная заметка кладет конец бесконечной дискуссии о том, кто был прототипом Базарова: Добролюбов, Писарев, доктор Дмитриев, Якушкин или кто-нибудь другой. Прототипов, как и предполагалось, оказа-

¹ *Waddington P. Turgenev's Sketches for «Ottsy i deti» («Fathers and Sons») // NZ Sl J. 1984. P. 63–76.* Эти материалы, с исправлением допущенных первым публикатором опечаток и неточностей, были опубликованы и прокомментированы А. И. Батюто в 12-м томе Сочинений Полного собрания сочинений и писем И. С. Тургенева (М., 1986. С. 563–576, 717–730). Авторами публикации и комментариев значатся А. И. Батюто и П. Уоддингтон. Далее ссылки на подготовительные материалы к «Отцам и детям» приводятся по этому изданию.

² *ПССиП(2). Соч. Т. 12. С. 566.*

лось несколько <...>».³ Тем не менее дискуссия продолжилась. И продолжил ее не кто иной, как сам А. И. Батюто в цитируемой статье.

Помимо названных Тургеневым в подготовительных материалах трех прототипов, существовал по крайней мере еще один, упомянутый писателем в цикле «Литературные и житейские воспоминания». В статье «По поводу „Отцов и детей“», вошедшей в названный цикл, Тургенев писал: «Не однажды слышал я и читал в критических статьях, что я в моих произведениях „отправляюсь от идеи“ или „провожаю идею“; иные меня за это хвалили, другие, напротив, порицали; с своей стороны, я должен сознаться, что никогда не покушался „создавать образ“, если не имел исходною точкою не идею, а живое лицо, к которому постепенно примешивались и прикладывались подходящие элементы».⁴ Это признание, не единожды высказанное писателем, целиком относилось и к центральному образу романа, вызвавшего такие горячие споры в русском обществе, — к образу Евгения Базарова. «Не обладая большою долею свободной изобретательности, — продолжал далее Тургенев, — я всегда нуждался в данной почве, по которой я бы мог твердо ступить ногами. Точно то же произошло и с „Отцами и детьми“; в основание главной фигуры, Базарова, легла одна поразившая меня личность молодого провинциального врача. (Он умер незадолго до 1860 года.) В этом замечательном человеке воплотилось — на мои глаза — то едва народившееся, еще бродившее начало, которое потом получило название нигилизма».⁵

Описывая поразившую его личность (позже он будет фигурировать в статье как «доктор Д.»), Тургенев, однако, не уточняет, что же, собственно, его так поразило в молодом человеке. Более того, он признается, что сильное впечатление, произведенное на него молодым доктором, было для него самого «не совсем ясно». Он представлял собою нечто новое, что писателю «чудилось повсюду» и чему он не мог найти названия. Впрочем, здесь Тургенев, кажется, лукавил. Описывая свои первые мысли о будущем романе и его необыкновенном герое, он, похоже, уже знал название явления, которое задумал воспроизвести: опубликованные П. Уоддингтоном подготовительные материалы свидетельствуют об этом совершенно недвусмысленным образом. В так называемом «Формулярном списке действующих лиц новой повести» характери-

³ *Батюто А. И.* К истории создания романа И. С. Тургенева «Отцы и дети» (По поводу одной публикации) // *РЛ*. 1985. № 4. С. 157.

⁴ *ПССУП(2). Соч.* Т. 11. С. 86.

⁵ Там же.

стика Базарова содержит ключевое слово, о котором идет речь: «нигилист». Дата на титульном листе «Формулярного списка» указана точная: «август 1860», то есть та самая дата, которая названа и в начале статьи «По поводу „Отцов и детей“». ⁶ Таким образом, приступая к работе над романом, писатель вполне ясно представлял себе то, что собирался описать. Другое дело, что отношение к этому явлению не было еще вполне определившимся, как и отношение к будущему главному герою.

Возвращаясь к «доктору Д.», столь поразившему воображение писателя, А. И. Батюто счел, что Тургенев раскрыл только один прототип Базарова, «очевидно, по дипломатическим соображениям». ⁷ С этим тезисом можно согласиться лишь отчасти. Действительно, именно в статье «По поводу „Отцов и детей“» Тургенев пытался отвести от себя подозрения в «памфлете» на Добролюбова. ⁸ Однако слово «дипломатические соображения» здесь не совсем уместно: Тургенев с чистым сердцем мог утверждать, что Базаров не был «памфлетом» на Добролюбова и что он высоко ценил рано умершего критика как человека и писателя. «Дипломатия» заключалась лишь в том, что имя Добролюбова было уже названо критиками Тургенева в качестве объекта «отмщения», а потому писателю пришлось «открещиваться» от того, что было очевидно уже его современникам.

И все же, думается, Тургенев нисколько не погрешил против правды, назвав имя таинственного «доктора Д.», личность которого «легла в основание» образа Базарова. «По неизвестным причинам, — справедливо писал А. И. Батюто, — этот четвертый по счету, но, по-видимому, не последний по значению прототип в формуляре и в плане романа не упоминается. Как нам кажется, все-таки не следует сбрасывать со счета или умалять значение свидетельства мемуариста А. В. Половцова, согласно которому Тургенев говорил ему летом 1876 года, что „без уездного врача Дмитриева не было бы Базарова“». ⁹ Половцов, первый рас-

⁶ «Я брал морские ванны в Вентноре, маленьком городке на острове Уайте, — дело было в августе месяце 1860 года, — когда мне пришла в голову первая мысль „Отцов и детей“ <...>» (Там же).

⁷ *Батюто А. И.* К истории создания романа И. С. Тургенева «Отцы и дети» (По поводу одной публикации). С. 158.

⁸ «Мои критики называли мою повесть „памфлетом“, упоминали о „раздраженном“, „уязвленном“ самолюбии; но с какой стати стал бы я писать памфлет на Добролюбова, с которым я почти не видался, но которого высоко ценил как человека и как талантливого писателя?» (*ПССУП(2)*). Соч. Т. 11. С. 87–88).

⁹ *Батюто А. И.* К истории создания романа И. С. Тургенева «Отцы и дети» (По поводу одной публикации). С. 159.

крывший полностью имя «доктора Д.», воспроизвел в своих воспоминаниях и рассказ Тургенева о встрече с молодым доктором. «Я ехал из Петербурга в Москву во втором классе, — говорил Тургенев. — Он сидел против меня. Говорили мы мало, о пустяках. Он распространялся о каком-то средстве против сибирской язвы. Его мало интересовало — кто я, да и вообще литература. Меня поразила в нем базаровская манера, и я стал всюду приглядываться к этому нарождающемуся типу. Вскоре после того я узнал, что Дмитриев умер».¹⁰

К сожалению, никому пока не удалось найти никаких сведений об этом человеке, но трудно представить, чтобы Тургенев выдумал его: никаких видимых причин для этого нет.¹¹

Очевидно, именно известие о смерти молодого врача, рассуждавшего в поезде в присутствии Тургенева о средстве против сибирской язвы, и было толчком к созданию трагического образа Базарова. В самом деле: молодой доктор, самоуверенный, нисколько не интересующийся своим собеседником, в котором не признал известного всей России писателя, по-видимому резкий в суждениях, однако увлеченный своим делом и уже тем самым привлекая внимание своего наблюдательного спутника, вдруг неожиданно умирает в расцвете сил. У него должны были остаться родители, любимая женщина, друзья. Домыслить остальные сюжетные ходы было делом привычным для такого мастера, каким был Тургенев. По странному совпадению, столь же неожиданно умер в возрасте двадцати пяти лет, спустя всего несколько месяцев после выхода в свет романа «Отцы и дети», блестящий оппонент Тургенева Н. А. Добролюбов, чье имя в августе 1860 года писатель внес в формуляр своего будущего героя Евгения Васильевича Базарова. О том, что Добролюбов тяжело болен и с середины мая все того же 1860 года находится на ле-

¹⁰ *Половцов Ан.* Воспоминания об И. С. Тургеневе // Царь-Колокол. Иллюстрированный всеобщий календарь на 1887 год. М., 1886. С. 77.

¹¹ Известный орловский краевед Н. М. Чернов в свое время усомнился в реальном существовании доктора Дмитриева, предложив на его место другого провинциального врача — Виктора Ивановича Якушкина (1829–1872), многие черты которого угадываются в Базарове (см.: *Чернов Н.* Об одном знакомстве И. С. Тургенева // *ВЛ.* 1961. № 8. С. 191). По поводу этой гипотезы П. Г. Пустовойт в свое время заметил: «Нет надобности доказывать, что Тургенев не мог похоронить живого человека за 12 лет до его смерти» (*Пустовойт П. Г.* Роман И. С. Тургенева «Отцы и дети». Литературный комментарий. М., 1964. С. 25). Правда, данный аргумент не снимает вопроса, если, разумеется, не искать в том или ином лице единственный реальный прототип художественного образа, что в принципе не характерно ни для Тургенева, ни для какого-либо другого большого художника.

чений за границей, писатель, конечно, знал. Более того, когда Тургенев, находясь в Куртавнеле, приступил к «Краткому изложению содержания новой повести», помеченному октябрём 1860 года, Добролюбов жил всего в нескольких верстах от него, в Париже, и даже подумывал, не остаться ли ему за границей насовсем. Однако побуждаемый чувством долга перед редакцией журнала «Современник», он вернулся в Петербург, где и скончался 17 ноября 1861 года. Символично, что похоронен он был на Волковом кладбище рядом с В. Г. Белинским, «заяв» таким образом место будущего упокоения Тургенева. А ещё через несколько лет рядом с Белинским и Добролюбовым ляжет один из наиболее ярких представителей нового поколения — Дмитрий Иванович Писарев, первым признавший в Базарове истинного героя своего времени. Ему было всего 28 лет: он утонул во время купанья в Рижском заливе 4 июля 1868 года. С обоими «нигилистами», неожиданно и безвременно ушедшими из жизни в молодом возрасте, Тургенева связывали непростые отношения, но оба они, признавая в писателе огромный талант, позволяли себе и резкие отзывы о его творчестве.

Живя в Париже, Добролюбов познакомился с писательницей и переводчицей Марией Александровной Маркович, более известной под псевдонимом Марко Вовчок, с которой в это время много общался Тургенев. Не исключено, что писатель тогда же встречался во Франции и со своим беспощадным критиком. Д. И. Писарев тоже был хорошо знаком с Марко Вовчок и даже состоял с нею в дальнем родстве. Это не мешало ему страстно увлечься ею после ее возвращения из-за границы в Россию в 1866 году и пережить тяжелую личную драму. Он и погиб, находясь вместе с М. А. Маркович и ее сыном на летнем отдыхе. Высказывалось мнение, что его смерть была замаскированным самоубийством.¹²

Таким образом, говоря об обнаруженном сравнительно недавно авторском свидетельстве о реальных прототипах главного героя «Отцов и детей», следует заметить, что по большому счету оно мало что добавило к уже известному, хотя и поставило перед исследователями некоторые новые вопросы.

Личность Ивана Васильевича Павлова (1823–1904), названного в формуляре Базарова вторым после Добролюбова, ни у кого из тургеневедов, начиная с первого публикатора П. Уоддингтона, не вызвала никаких сомнений, хотя это имя впервые появилось в качестве прототипа главного героя «Отцов и детей» именно в подготовительных материа-

¹² См.: Кондаков И. В. Писарев Д. И. // *Русские писатели*. Т. 4. С. 621.

лах к роману. Незаурядный человек, оставивший заметный след в литературе и науке, Павлов входил в ближний круг Тургенева, был знаком с Герценом и Огаревым, с М. Е. Салтыковым и П. В. Анненковым и многими другими видными литераторами сороковых годов. Анненков, впервые познакомившись с Павловым в подмосковном имении Герцена Соколово, вспоминал, как поразил его этот человек «оригинальной грубостью своих приемов, под которыми таилось у него много мысли, наблюдения, юмора и т. д.».¹³ Попав во время учебы в Александровском лицее под влияние М. В. Буташевича-Петрашевского, Павлов был исключен, что не помешало ему окончить медицинский факультет Московского университета и стать хорошим врачом. Правда, в отличие от Базарова, Павлов не был чужд литературе и в особенности любил произведения Тургенева. Острый на язык, подчас грубоватый в обращении, он, по собственному признанию, «плакал без всякого зазрения совести», читая рассказ «Петр Петрович Каратаев», а по поводу «Гамлета Щигровского уезда» писал другу: «Я давно уж ничего подобного по-русски не читал».¹⁴ К писателю Павлов относился с трогательной преданностью («Ваш от головы до ног Ив. Павлов» — так подписал он свое письмо от 20 декабря 1860 года¹⁵), и Тургенев платил ему очевидной приязнью. Павлов даже пользовал Тургенева как доктор.

«И. В. Павлов был неводержан на язык, — отмечал А. И. Батюто, — отличался, как Добролюбов и Базаров, резкими высказываниями по вопросам литературы, даже побранивал Тургенева за „Дворянское гнездо“ <...> был часто горяч, но всегда отходчив, и это к нему привлекало».¹⁶ Но что особенно важно, подчеркнул исследователь, так это исключительная симпатия Тургенева к талантливому провинциальному врачу и литератору. Это значило, что «жизненная подоснова базаровского типа была такова, что заставляла писателя, при всем полемическом заряде этого образа, испытывать к нему как невольное, так и вполне осознанное влечение».¹⁷ Позднее Павлов несколько отошел от революционных увлечений молодости: будучи знаком еще со студенческих времен

¹³ Анненков П. В. Литературные воспоминания. М., 1983. С. 257–258.

¹⁴ Цит. по: Мостовская Н. Н. И. В. Павлов — корреспондент Тургенева // И. С. Тургенев. Вопросы биографии и творчества / Под ред. М. П. Алексева. Л., 1982. С. 145. Эта статья — наиболее полный очерк жизни и деятельности И. В. Павлова, к ней приложены пять писем Павлова к Тургеневу. Письма Тургенева к И. В. Павлову также сохранились, они опубликованы в ПССИП.

¹⁵ Цит. по: Мостовская Н. Н. И. В. Павлов — корреспондент Тургенева. С. 152.

¹⁶ Батюто А. И. К истории создания романа И. С. Тургенева «Отцы и дети» (По поводу одной публикации). С. 158.

¹⁷ Там же.

с известным собирателем русского фольклора П. И. Якушкиным, он сблизился с его друзьями и единомышленниками — П. В. Киреевским, П. А. Бессоновым, Ф. И. Буслаевым, А. С. Хомяковым и другими деятелями славянофильской ориентации. Характерно, что среди его близких знакомых был и брат П. И. Якушкина Виктор Иванович, которого Н. М. Чернов, как уже говорилось, прочил в прототипы Базарова.

Несколько сложнее обстоит дело с третьим прототипом Базарова, названным в подготовительных материалах, подобно остальным персонажам, лишь по фамилии: Преображенский. В статье А. И. Батюто эта личность была идентифицирована как институтский товарищ Н. А. Добролюбова Николай Сергеевич Преображенский, о котором известно не слишком много. Вот что писал в цитируемой выше статье ученый об очерке Преображенского «Общественный деятель», напечатанном в первой книжке журнала «Современник» за 1864 год: «Очерк не лишен некоторых литературных достоинств, однако после выхода в свет капитального романа Гончарова и посвященной ему статьи Добролюбова его невозможно было принимать всерьез. Вероятно, Преображенский и раньше, т. е. до 1864 года, представлялся Тургеневу некоей тенью, двойником Добролюбова, выразительным лишь настолько, насколько могут быть выразительны копия по сравнению с оригиналом или прилежный, но посредственный ученик по сравнению с бесспорно талантливым учителем, наставником».¹⁸ А. И. Батюто даже предположил, что именно по причине своей «вторичности» Преображенский оказался последним в авторском перечне прототипов.¹⁹

Между тем есть основания полагать, что Тургенев имел в виду совсем иное лицо. В 1992 году в первом выпуске «Спасского вестника» появилась статья Е. А. Козеевой, в которой была названа другая кандидатура на место предложенного А. И. Батюто Н. С. Преображенского. Ею оказался уроженец Тульской губернии молодой земский доктор Василий Григорьевич Преображенский (1832 — после 1880), с которым, как убедительно показала автор статьи, Тургенев мог быть вполне знаком лично.²⁰ Дело в том, что отец Василия Григорьевича, Григорий Ильич Преображенский²¹ вплоть до 1870 года был управляющим имениями

¹⁸ Там же.

¹⁹ Версия с Н. С. Преображенским попала и в комментарии *ПССиП(2)* (Соч. Т. 12. С. 720).

²⁰ Козеева Е. А. К вопросу о прообразе Базарова // Спасский вестник. 1992. <Вып. 1.> С. 26–30.

²¹ См. статью Е. А. Козеевой о нем в разделе «Материалы к Тургеневской энциклопедии» в наст. томе.

родного брата Тургенева — Николая Сергеевича, владевшего в том числе и родовым селом Тургенево Чернского уезда. Именно в Чернском уезде практиковал сын Г. И. Преображенского Василий. Обнаруженное в Государственном архиве Тульской области дело по внесению в дворянскую родословную книгу Тульской губернии Преображенского Василия Григорьевича позволило Е. А. Козеевой открыть «яркую, интересную личность». Закончив Московский университет со степенью лекаря, летом 1855 года Преображенский занимался по Чернскому уезду мерами по прекращению эпидемии холеры, которой так боялся всю жизнь Тургенев. Именно в то лето Тургенев жил безвыездно в Спасском, опасаясь заразиться. «Поскольку деятельность Преображенского разворачивалась в непосредственной близости от Спасского, — считает Козеева, — Тургенев мог узнать впоследствии о самоотверженной его работе <...>». ²² Конечно, Преображенский не умер от инфекции, как Базаров, но вполне мог заразиться и умереть. Судя по его послужному списку, он показал себя деятельным, «работающим», очень способным врачом, заслужив впоследствии несколько наград, в том числе ордена Станислава 2-й степени, св. Анны 2-й степени, св. Владимира 4-й степени, давший ему право на дворянство, дослужился до чина статского советника. Но все это случилось гораздо позже, когда Евгения Васильевича Базарова уже не было в живых...

Предполагая, что Тургенев мог познакомиться с молодым врачом в селе Тургенево, куда Преображенский приезжал повидать отца, а также по долгу службы, Е. А. Козеева высказывает вполне убедительную гипотезу: «Возможно, в с. Тургенево, где бывал писатель, ему приходилось слышать споры молодого выпускника Московского университета с его отцом, с Н. С. Тургеневым, а может быть, и самому принимать в них участие». ²³

Однако, не умаляя открытия Е. А. Козеевой, следует все же сказать о том, что имя тульского доктора Василия Григорьевича Преображенского было названо первым публикатором подготовительных материалов к «Отцам и детям» П. Уоддингтоном в названной выше публикации. Вот что написал исследователь о Преображенском: «Это тайна, и трудно сказать с какой-либо долей уверенности, кто имеется в виду. Если этот Преображенский был поставлен в один ряд с Добролюбовым и Павловым в качестве прототипа Базарова, он, очевидно, был важен

²² Козеева Е. А. К вопросу о прообразе Базарова. С. 28.

²³ Там же. С. 30.

для Тургенева».²⁴ Именно в связи с этим персонажем П. Уоддингтон вспоминает о таинственном докторе «Д.», упомянутом писателем в статье «По поводу „Отцов и детей“»: «Кроме того, существует проблема без вести пропавшего доктора Д., который, как предполагается, послужил толчком к роману и который умер до того, как Тургенев приступил к его написанию. Возможно, литера Д., добавленная к печатному тексту позже и отсутствующая в рукописи, была избрана произвольно и не имеет отношения, как это часто утверждается, к доктору Дмитриеву. Не мог ли за ней скрываться доктор Преображенский? Если это так, то им мог быть <...> Василий Григорьевич Преображенский <...>, тульский акушер и хирург, часто упоминаемый в связи с семьей Л. Н. Толстого, которому он в 1864 году вправлял правую руку после падения его с лошади».²⁵ Как и Е. А. Козеева, П. Уоддингтон знал о том, что отец В. Г. Преображенского служил управляющим у брата Тургенева, однако он не предполагал, что писатель мог быть знаком лично с молодым доктором, потому что найденная им дата его рождения (1839) давала Василию Григорьевичу шанс быть в конце 1850-х годов лишь студентом. Судя по всему, дата смерти Преображенского, оставшаяся неизвестной Е. А. Козеевой (она указывает 1880 год как дату подачи дела Преображенского по внесению в дворянскую родословную книгу Тульской губернии), была хорошо известна толстоведом, из чьих работ и комментариев П. Уоддингтон позаимствовал даты жизни доктора — 1839–1887.²⁶ Но, доверившись авторитетным изданиям, Уоддингтон ошибся в дате рождения. Извлеченная Е. А. Козеевой из архивного документа, она теперь не вызывает сомнений: это не 1839, а 1832 год. Что касается даты смерти В. Г. Преображенского, то в ней, как будет показано далее, толстоведы оказались правы, а вслед за ними прав и П. Уоддингтон: это 1887 год.

Как бы то ни было, сам факт, что два исследователя разными путями пришли к одному лицу, говорит о многом и делает предположение

²⁴ *Waddington P. Turgenev's Sketches for «Ottsy i deti» («Fathers and Sons»)*. P. 44.

²⁵ *Ibid.*

²⁶ П. Уоддингтон ссылается на издания: *Кузминская Т. А. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне. Воспоминания*. 3-е изд. Тула, 1959; *Гусев Н. Н. Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого: 1828–1890*. М., 1958, а также на т. 61 Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого. Те же даты фигурируют в именном указателе книги: *Сухотина-Толстая Т. А. Воспоминания*. М., 1976. С. 530. Очевидно, источником для всех последующих изданий послужил т. 61 ПСС Толстого (М., 1953), где Преображенский назван Василием Герасимовичем и дается ссылка на его некролог, опубликованный в газете «Врач» (1887. № 47).

об этом прототипе Базарова еще более вероятным. К сожалению, А. И. Батюто, никак не аргументируя свою точку зрения, отказался от гипотезы П. Уоддингтона и предложил собственную кандидатуру на место загадочного Преображенского, о чем говорилось выше. Эта точка зрения была зафиксирована и в комментариях к опубликованным подготовительным материалам в 12-м томе Сочинений Полного собрания сочинений и писем Тургенева.²⁷

Таким образом, объединив результаты исследований П. Уоддингтона и Е. А. Козеевой, мы можем составить более полное представление об одном из возможных прототипов Базарова. Характеристика его деятельности, содержащаяся в некрологе, подписанном А. М. Рудневым, настолько примечательна, что имеет смысл воспроизвести этот некролог целиком.

Под рубрикой «умерли» в соответствующем разделе столичной газеты «Врач» за 1887 год четвертым в списке значится В. Г. Преображенский: «В Туле, 2 ноября, старший врач земской больницы *В. Г. Преображенский*, от скоротечной чахотки, присоединившейся к долголетнему хроническому страданию костей, фиброзных тканей и лимфатической системы. Кончив курс в Москве, покойный всю свою врачебную деятельность посвятил Туле, сначала в качестве вольнопрактикующего врача, затем в качестве ординатора и, наконец, старшего врача губернской больницы. Для последней покойный сделал очень много: благодаря той популярности, которой он пользовался в обществе и земстве, все предлагавшиеся им преобразования проходили беспрепятственно. Так, ему удалось: 1) приспособить больницу к более правильному размещению больных; 2) значительно улучшить довольствие больных, которое в настоящее время приближается к т. наз. трактирной системе; 3) увеличить запас белья настолько, что стало возможным менять его по мере надобности; 4) устроить правильный надзор и уход за больными, благодаря учрежденной при больнице школе фельдшеров и акушерок;

²⁷ Без внимания оставил А. И. Батюто еще одну версию, предложенную П. Уоддингтоном. «Единственным Преображенским, который может быть назван в дополнение к предыдущему, это Петр Михайлович (род. в 1817). Обучавшийся сначала в Туле, он затем изучал медицину и агрономию в Московском университете и за границей. Он был известным учителем и автором работ по агрономии. Это, конечно, важная тема в „Отцах и детях“» (*Waddington P. Turgenev's Sketches for «Ottsy i deti» («Fathers and Sons»)* P. 60). Учитывая все выше сказанное, эту версию следует признать несостоятельной. Особенно важно, что к 1859 г. (время действия романа) этому Преображенскому исполнилось бы уже 42 года и к молодому поколению его приписать было бы совершенно невозможно.

5) завести собственную аптеку, вследствие чего стало возможным прописывать какие угодно лекарства, и, наконец, б) распределить занятия по больнице между специалистами — обстоятельство, позволившее значительно расширить деятельность больницы. Благодаря усилиям покойного, психиатрическое отделение было отделено от общей больницы и превращено в особое, самостоятельное и обширное учреждение, но самым любимым делом покойного было основанное им родильное отделение, с школой для повивальных бабок. Этому последнему отделению, в котором он сам преподавал, он посвящал все свои досуги. Личная практика покойного сосредоточивалась, главным образом, в области хирургии и акушерства».²⁸

Как ни удивиться прозорливости Тургенева, угадавшего в молодом провинциальном враче будущего крупного деятеля, каким, без сомнения, был В. Г. Преображенский, как ни вспомнить эпизод знаменитого романа, когда Базаров вылечивает маленького сына Николая Петровича Кирсанова и Фенечки. Отсутствие дополнительных сведений о Преображенском в воспоминаниях современников свидетельствует, в свою очередь, о том, что он был совершенно не склонен к светской жизни. Иначе он бы воспользовался знакомством хотя бы с семьей Л. Н. Толстого, чтобы придать своему имени больше значения. Дальнейшие разыскания, в особенности в тульских газетах, должны расширить наши представления о безусловно незаурядной личности доктора Преображенского, фамилия которого, кстати, свидетельствует о принадлежности его к духовному сословию.

Следует обратить внимание и еще на одно замечание Е. А. Козеевой. Накануне крестьянской реформы 1861 года во всех губерниях собирались сведения о состоянии помещичьих имений и положении принадлежавших им крестьян. Не избежали этой участи и братья Тургеневы. «И. С. Тургенев, как известно, также готовился к выборам в комитет, и по его имениям также подавались сведения, — пишет Е. А. Козеева. — В течение зимы 1858–59 годов он часто бывал в Туле и, возможно, встречался с управляющим брата <т. е. Г. И. Преображенским. — *Н. Г.*>. Обилие тульских впечатлений и встреч отражают переписка Тургенева этого периода, мемуары современников».²⁹ Далее исследовательница приводит выдержку из мемуаров кн. Д. Д. Оболенского, который писал: «Мы проводили зиму 1858–1859 года в Туле, так как вотчим мой попал в Тульский комитет по выбору. Зима эта была крайне интересна, ибо

²⁸ Врач. 1887. 19 ноября. № 47. С. 924.

²⁹ Козеева Е. А. К вопросу о прообразе Базарова. С. 27–28.

в Туле постоянными гостями нашими были: братья Самарины, Лев и Сергей Толстые, Григорович, Васильчиков, Тургенев, А. С. Хомяков и многие другие <...>». ³⁰ И действительно, время надежд на решительное изменение общественной ситуации в России, время вдохновенных замыслов объединило людей, до той поры занимавших крайние позиции и находившихся в конфронтации друг с другом. Общее дело и общие надежды до поры до времени сплотили западников и славянофилов, помещиков и разночинцев, чиновников и людей искусства. Однако речь не о том. Мы, наконец, подходим к теме, заявленной в заглавии нашей заметки.

Бывая в Туле, Тургенев не мог не слышать фамилию своего будущего героя, ибо эта фамилия была известна всему городу и его окрестностям. И фамилия эта была... Базаров. В течение многих лет протоиерей Иоанн Григорьевич Базаров преподавал философию в Тульской Духовной семинарии. Его сын, тоже в будущем протоиерей, Иоанн Иоаннович Базаров был почти ровесником Тургенева. Он родился в 1819 году, окончил в 1839 году семинарию, где преподавал его отец, а в 1843 году стал выпускником Санкт-Петербургской Духовной академии, защитив магистерскую диссертацию на тему «О Церкви Англиканской, сходстве ее с Православной и различиях от нее». ³¹ По-видимому, молодой выпускник Академии зарекомендовал себя с лучшей стороны, поскольку уже в 1844 году был рукоположен в сан священника русской церкви во Франкфурте-на-Майне и направлен в Висбаден духовником при вел. кн. Елизавете Михайловне, дочери вел. кн. Михаила Павловича. Вся дальнейшая служба И. И. Базарова проходила в Германии в качестве духовника особ царствующего дома. Однако, занимая высокие должности, прот. Иоанн Базаров проявил себя и как деятельный реформатор. По его инициативе, например, «места псаломщиков при русских православных церквях за границей стали замещаться лицами, окончившими курс Духовной академии. Новый порядок давал возможность совмещать церковное служение с учебой в заграничных университетах». ³²

Прот. Базаров оставил после себя значительное литературное наследие: переводы (среди которых «История российской церкви»

³⁰ *ИВ*. 1893. № 12. С. 666.

³¹ Здесь и далее сведения об И. И. Базарове заимствуются нами из статьи архим. Августина (Никитина) (Православная энциклопедия / Под ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. М., 2002. Т. 4. С. 259–260) и собственных воспоминаний И. И. Базарова.

³² Православная энциклопедия. Т. 4. С. 259.

А. Н. Муравьева), оригинальные статьи, посвященные различным вопросам церковной и светской жизни, даже планировал издание нового церковного журнала. Многие его труды печатались в Карлсруэ, где Тургенев мог встретить его имя в книжных лавках. Как ни парадоксально, но в своем роде прот. Базаров был человеком прогрессивных взглядов, осознававшим насущную необходимость преобразований в близкой ему церковной сфере. Опубликованная им в воспоминаниях переписка с рядом современных деятелей свидетельствует о том, что он был крайне озабочен общественными проблемами и стремился, чтобы обновление русского общества, вызванное Великими реформами, коснулось и института русской православной церкви. Широко образованный, энергичный духовник царственных особ обладал несомненным литературным даром. Его воспоминания написаны живым языком, полны интересных зарисовок о жизни русских за границей, содержат важные сведения об известных деятелях русской культуры, с которыми он был знаком и состоял в переписке — В. А. Жуковским, Н. В. Гоголем, канцлером А. М. Горчаковым и многими другими.

И. И. Базаров был лично знаком с Тургеневым, хотя это знакомство произошло спустя восемь лет после выхода в свет романа «Отцы и дети», в начале 1869 года, в Штутгарте, где Базаров жил с 1853 года и где он скончался в 1895 году. Сведения о знакомстве с писателем содержатся в воспоминаниях И. И. Базарова, опубликованных в «Русской старине». Говоря о возвращении в Штутгарт на зимние квартиры, Базаров вспоминал: «Здесь в ноябре мне привелось сделать два интересных знакомства. На эту зиму в Штутгарте поселился с семейством А. М. Жемчужников, и здесь у него родилась дочь. Восприемником при крещении ее был И. С. Тургенев, который для этого приехал из Бадена».³³ Кое в чем память подвела мемуариста. Это, прежде всего, упоминание месяца ноября, поскольку крестины дочери Алексея Михайловича и Елизаветы Алексеевны Жемчужниковых Натальи состоялись в Штутгарте 10 января н. ст. 1869 года. Сохранились письмо А. М. Жемчужникова к Тургеневу от 18 (30) декабря 1868 года, содержащее приглашение на крестины дочери в воскресенье, 3 января,³⁴ и ответное письмо Тургенева от 20 декабря 1868 (1 января 1869), в котором он просил перенести крестины на неделю, то есть на 10 января, поскольку собирался завершить и привезти для прочтения свою повесть «Несчастливая».³⁵ Кроме того, зиму

³³ Воспоминания протоиерея И. И. Базарова // *РСМ*. 1901. Т. 108. № 11. С. 285.

³⁴ *ИРЛИ*. № 5813. Л. 19.

³⁵ *ПССиП(2)*. Письма. Т. 9. С. 112.

1868/1869 Тургенев провел не в Баден-Бадене, а в Карлсруэ, где он поселился в середине ноября 1868 года и прожил почти до середины марта следующего 1869 года. Именно из Карлсруэ писатель и приезжал в Штутгарт на один день.

Имя Алексея Михайловича Жемчужникова (1821–1908), одного из авторов знаменитого Козьмы Прутков, странным образом связывает Тургенева и Базарова, давая основания думать, что прот. Базаров обладал гораздо более либеральными взглядами, чем полагалось настоятелю придворной русской церкви в Штутгарте, где он исполнял также обязанности духовника вел. кн. Ольги Николаевны, по совету которой, кстати, были написаны его мемуары. Именно вел. кн. Ольга Николаевна, ставшая в 1864 году королевой Вюртембергской, по воспоминаниям прот. Базарова, была недовольна тем, что тургеневский герой-нигилист носил имя ее личного духовника. Вот что писал об этом сам Базаров: «Как рассказывал мне Свербеев, Тургенев всячески избегал Стутгарт, зная, что королева Ольга Николаевна была недовольна им за то, что он в повести „Отцы и дети“ дал герою романа имя Базарова, „как будто он не знает, — прибавляла при этом ее величество, — что это имя носит мой духовник“». ³⁶ Прот. Базаров даже считал, что именно по этой причине в январе 1869 года Тургенев приехал в Штутгарт лишь на несколько часов и после крестин тотчас уехал в Баден.

Мы не можем с точностью сказать, сколько часов провел Тургенев в Штутгарте 10 января н. ст. 1869 года, однако с уверенностью можем предположить, что он не только присутствовал на крестинах дочери Жемчужниковых, но и читал своему хорошему знакомому повесть «Нечастливая», которую должен был привезти с собой. Можно также предположить, что вряд ли Тургенев так уж боялся гнева королевы Вюртембергской, хотя ее недовольство фамилией героя «Отцов и детей» было вполне объяснимым. Сам И. И. Базаров, который, очевидно, исполнял обряд крещения, так вспоминал об этой встрече с Тургеневым в Штутгарте: «Я в первый раз встретился с нашим знаменитым писателем, и мне показалось, что ему было как-то неловко со мною. Но потом мы разговорились <...>». Далее мемуарист передает рассказ Тургенева об одном эпизоде, который не выходил у писателя из памяти.

«У меня такая глупая натура, — говорил Тургенев, — что если я видел или слышал что-нибудь замечательное, я не могу быть спокоен, пока не напишу этого. Хоронили мы Грановского в Москве. Уже наша процессия, протянувшаяся чуть не на версту, приближалась к кладбищу,

³⁶ Воспоминания протоиерея И. И. Базарова // *РСт*. 1901. Т. 108. № 11. С. 285.

как в это самое время обгоняет нашу процессию какой-то мужичонко в розвальнях, сидя бочком на гробу и из всех сил погоняя веревочным кнутиком свою клячонку. Очевидно, он спешил обогнать наше помпезное погребальное шествие, чтобы поскорее свалить своего покойника в могилу. Вот этот-то контраст картины преследует меня доселе, и я не успокоюсь, пока не напишу его». Прот. Базаров утверждал, что, «действительно, вскоре затем» Тургенев «включил эту сцену в один из своих прекрасных рассказов». ³⁷ Похожий сюжет содержится лишь в одном произведении Тургенева, написанном после 1869 года, — в повести «Пунин и Бабурин», которая была впервые напечатана в апрельской книжке журнала «Вестник Европы» за 1874 год. Это эпизод на Гороховой улице в Петербурге, где рассказчик встречает похоронную процессию, которую сопровождал лишь один человек. «Погребальная процессия перебила мне дорогу. Вся она состояла из единственной колесницы, то есть, собственно говоря, из дряхлых дрог, на которых, грубо подбрасываемый толчками ухабистой мостовой, колыхался убогий деревянный гроб, до половины прикрытый потертым черным сукном. Старый человек, с белой головою, выступал один за дрогами». ³⁸ Этим человеком был герой повести республиканец Парамон Семеныч Бабурин, хоронивший своего лучшего друга Никандра Вавилыча Пунина. Многие из рассказанного писателем прот. Базарову изменилось в означенном эпизоде, однако главное — тягостное впечатление одинокой безвестной смерти — осталось.

Затронул ли писатель в беседе с прот. Базаровым вопрос о фамилии главного героя «Отцов и детей», мы не знаем. Во всяком случае, в воспоминаниях Базарова об этом ничего не говорится, хотя умолчание в данном случае может означать, что оба собеседника сознательно не касались щекотливой темы. Замеченная мемуаристом неловкость в поведении Тургенева должна была подтвердить правильность догадки вел. кн. Ольги Николаевны. Однако сам Базаров, кажется, не обиделся на писателя за столь нелестное, на первый взгляд, сближение. До нас не дошли отзывы прот. Базарова о романе Тургенева, наделавшем много шума в разных кругах общества. Но очевидно одно: обладатель фамилии, ставшей известной всему миру благодаря Тургеневу, высоко ценил талант писателя. Еще одно место из воспоминаний прот. Базарова позволяет судить о нем как о человеке очень достойном и скромном.

³⁷ Там же.

³⁸ ПССиП(2). Соч. Т. 9. С. 50.

Протоиерей И. И. Базаров.
Гравюра В. К. Зейпеля

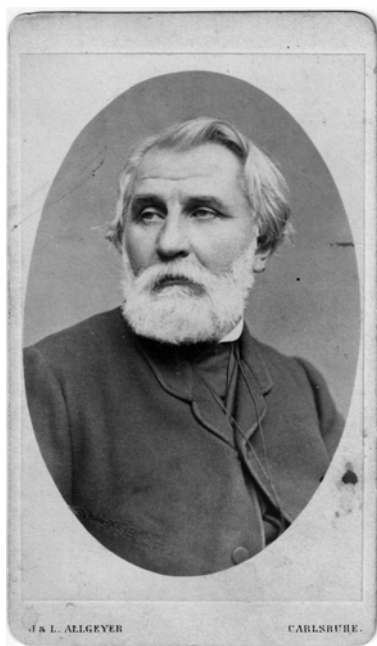
Часто бывая в Баден-Бадене, Базаров более не искал встреч со знаменитым писателем, хотя многие русские люди, по его свидетельству, «только затем и заезжали в Баден, чтобы посмотреть на Тургенева».³⁹ Парадокс состоял в том, что приезжие нередко подходили к Базарову и учтиво спрашивали его, не является ли он Тургеневым, и, слыша отрицательный ответ, извинялись, ссылаясь на удивительное сходство его с писателем. «А другие, — пишет далее Базаров, — даже знавшие меня лично, также уверяли, будто я ужасно напоминаю собою Тургенева». Сохранившаяся гравюра Зейпеля подтверждает, на наш взгляд, мнение окружающих. Сам же Базаров писал по этому поводу: «Я не знаю, могли я или кто другой гордиться таким сходством, а скорее следовало жалеть, что наружность бывает обманчива, не всегда соответствуя внутреннему достоинству».⁴⁰

Нам остается задать вопрос: что привлекло Тургенева в фамилии Базарова. Кто стоял за нею — отец или сын, не столь важно. Имело ли значение для писателя, что оба они происходили из духовного звания? Ведь в первой строке формулярного списка будущего героя «Отцов и детей» значится: «Сын доктора, который сам был сын попа».⁴¹ Правда, в окончательном тексте Базаров называет себя «внуком дьячка», а не священника (гл. XVI), как бы «принижая» свою родословную. Впрочем,

³⁹ Воспоминания протоиерея И. И. Базарова // *РСМ*. 1901. Т. 108. № 11. С. 286.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ *ПССиП(2)*. Соч. Т. 12. С. 566.

И. С. Тургенев.
Фотография И. и Л. Альгайер. Карлсруэ, 1868 г.

тут же не без вызова прибавляет: «Как Сперанский», намекая на блестящую карьеру выдающегося деятеля М. М. Сперанского, происходившего из семьи бедного священника и ставшего главным советником Александра I в государственных делах. В любом случае, Тургенев не был далек от истины, сочиняя родословную своего героя. На медицинские факультеты чаще всего попадали именно дети священников.⁴² А может быть, писателя привлек восточный колорит фамилии, происходившей (в том числе у тюркских народов) от имени Базар, ребенка, родившегося с праздничный базарный день. Писатель не раз подчеркивал происхождение своей фамилии от татарского мурзы Льва Тургена, оставшегося на русской службе.

⁴² См.: Белоусов А. Ф. «Внук дьячка» // *Philologia*. Рижский филологический сборник. Рига, 1994. Вып. 1: Русская литература в историко-культурном контексте. С. 30–41. Приняв гипотезу А. И. Батюто о Н. С. Преображенском как одном из прототипов Базарова, автор статьи обнаружил в пьесе Н. Преображенского «Свадьба Чирибеева» любопытный пассаж об унижительном положении дьячков в обществе» (С. 33).

Как бы то ни было, прот. И. И. Базаров, который к тому же являлся тезкой великого писателя, не таил в душе обиды на своего знаменитого земляка. Об этом свидетельствует и тот факт, что эпиграфом к своим воспоминаниям он поставил стихотворение в прозе И. С. Тургенева «Старик».⁴³

⁴³ Воспоминания протоиерея И. И. Базарова // *РСт.* 1901. Т. 105. № 2. С. 283.

МАТЕРИАЛЫ К ТУРГЕНЕВСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ

АРЕН (Arène) Поль Огюст (1843–1896), франц. писатель, журналист, сотрудник газ. «*La République Française*». Будучи знатоком жизни Прованса, явился автором неск. рассказов сб. «Письма с моей мельницы» *A. Dode (Cahiers. N 21 (1997). P. 87)*.

25 дек. 1879 (6 янв. 1880) Т. обратился к своему знакомому, худож. критику *Ф. Бюрти* с просьбой сообщить ему адрес А., к-рому он намеревался послать франц. изд. книги *Л. Н. Толстого* «Война и мир», вышедшее в 1879 в переводе *И. И. Паскевич*. Т. предполагал просить А., писавшего книжное обозрение в «*La République Française*», откликнуться рецензией на появление во *Франции* ром., к-рый он считал самым крупным явлением рус. лит-ры последнего времени, однако отзыв в газ., по-видимому, не появился.

Л. А. Балькова.

БЕГАС (Begas) Рейнгольд (1831–1911), нем. скульптор, сын ист. живописца Карла Бегаса (1794–1854), к-рый упоминается Т. в «*Письмах из Берлина*» (*ПССуП(2). Соч. Т. 1. С. 293*) в ряду др. нем. художников, чье творчество безнадежно устарело и кого Т. упрекает в эклектизме, аллегоризме и подражательности; брат *Оскара Бегаса*, с к-рым Т. неоднократно встречался. В противовес скульпторам-классицистам, с их стремлением к подражанию строгим античным формам и канонам, Б. был скорее сторонником барокко с присущим ему подчеркнутым чувственным элементом.

Т. познакомился с Б. при посредстве *Л. Пича* в перв. пол. 1860-х, был нередким посетителем его мастерской и внимательно следил за его творчеством. Зная об интересе Т. к Б., *Пич* послал ему ко дню рождения 28 окт. (9 нояб.) 1864 бронз. статуэтку купальщицы работы Б., предложив использовать ее в качестве печатки. В отв. письме от 10 (22) нояб. Т. писал: «...сердечно жму вам руку за ваше последнее милое письмо и

драгоценный подарок; здесь, в Париже, я придам ему окончательный вид, а именно снабжу резным камнем». «Я всегда с удовольствием вспоминаю, — писал впоследствии *Л. Пич*, — что мне удалось служить посредником при завязыванье этих отношений, со временем превращавшихся в дружеские. Я могу назвать прежде всего Юлиана Шмидта, Адольфа Менцеля и Рейнгольда Бегаса» (*Т в восп совр* (2). Т. 2. С. 253). Одно из совместных с *Пичем* посещений мастерской Б. Т. описал *П. Виардо* 4 (16) июня 1868: «Потом мы пошли к Р. Бегасу, который только что начал статую молодой женщины, поднимающей над головой ребенка, с которым она играет, — это восхитительно — один из очаровательнейших женских торсов, какие мне доводилось видеть. Бегас по-прежнему внешностью напоминает флорентийца в духе Донателло».

Помимо множ-ва статуй, воспроизводящих женский торс, Б. принадлежит немалое число памятников гос. деятелям, деятелям лит-ры и иск. Наблюдая, очевидно, за процессом создания памятника *Ф. Шиллеру* в мастерской, Т. спрашивал *Л. Пича* о том, как выглядит памятник «под открытым небом», установленный в Берлине 10 нояб. н. ст. 1871 (п. от 2 (14) нояб. 1871).

А. Г. Ирлин.

БЕРНАРДЕН ДЕ СЕН-ПЬЕР (Berdardin de Saint-Pierre) Жак Анри (1737–1814), франц. писатель. С детства мечтавший о дальних странах и призвании миссионера, Б. много путешествовал, побывал на Мальте, Иль де Франсе, в *Германии* и *Польше*, в *России*, где намеревался основать идеальную коммуну на берегу Аральского моря. Знакомство и дружба с *Ж.-Ж. Руссо* оказали влияние на мировоззрение Б. де С.-П. Лит. известность пришла к нему с опубликованием филос. соч. «Этюды о природе» («*Etudes de la nature*», 1784–1887). Наиб. известен ром. «Павел и Виргиния» («*Paul et Virginie*», 1787), к-рый автор определил как своего рода пастораль, лишённую слащавой сентиментальности: невозможность земного счастья, как и идеального сообщества добродетельных людей, живущих в условиях уединения на лоне райской природы. Как философ Б. де С.-П. способствовал обновлению христианского чувства, став непосредственным предшественником *Шатобриана*.

Ром. «Павел и Виргиния» входил в круг юношеского чтения Т. (в мемориальной *Б-ке Т.* сохранилось его парижское изд. 1819). В рец. на ром. *Е. Тур* «Племянница» (1852) Т. относит соч. Б. де С.-П., наряду с ром. *Превю* «Манон Леско», к «ряду тех избранных поэтических вы-

мыслов, которые сделались нашими, домашними, о которых мы любим думать, симпатия к которым переходит наконец в привычку, тесно связанную со всем лучшим в наших воспоминаниях» (*ПССуП(2)*). Соч. Т. 4. С. 486). Упоминание героев Б. де С.-П. в ром. «*Рудин*» характеризует отношение к ром. франц. писателя молодого поколения рус. читателей в 1830-е — 1840-е — оно явно окрашено иронией: «...мы бы с ней славно провели несколько месяцев, вроде Павла и Виргинии <...>» (Там же. Т. 5. С. 260).

Л. А. Балыкова.

БИБЛИОТЕКА И. С. ТУРГЕНЕВА В ОРЛЕ. Хранится в Гос. лит. музее И. С. Тургенева в *Орле*. Основание книжному собр. было положено в *Спасском-Лутовинове*, родовой усадьбе предков Т. со стороны матери, в сер. XVIII в. Б-ка, формировавшаяся неск. поколениями Лутовиновых-Тургеневых, в т. ч. самим писателем, многосложна по составу. В 1854 она пополнилась книгами *В. Г. Белинского*, приобретенными Т. у вдовы критика. Позднее, в 1879, из *Москвы* в *Спасское-Лутовиново* была привезена коллекция франц. книг, принадлежавших брату писателя *Н. С. Тургеневу*, о чем свидетельствует спец. книжный знак.

Большая часть изд-й отмечена автографами владельцев и читателей книг — членов семьи Т. и лиц из его окружения. Уже на перв. порах существования Б-ки был составлен ее каталог, о чем свидетельствуют владельческие записи. Лутовиновская часть ее представляет собой уникальный памятник книжной культуры XVIII — нач. XIX вв. Наряду с рус. книгами здесь имеются многочисл. соч. древних и нов. авторов на франц. яз. Разнообразен репертуар эт. части Б-ки, отразившей интеллектуальные интересы читателей втор. пол. XVIII и нач. XIX вв.: изящная словесность, драматургия, труды по истории и философии, генеалогия, религиозно-мистическая лит-ра, воен. дело, механика и гидравлика, книги о путешествиях, суд. справочники, садово-парковое искусство, медицина, педагогика, легкое чтение на кажд. день. Мн. изд-я являются раритетами. Таковы «*Российская история*» *П.-Ш. Левека* (тома V—VIII эт. изд. были запрещены в 1817 как «порочащие честь русских государей»), рукоп. изд. пов. *Вольтера* «*Кандид*» (список был изготовлен по заказу *А. И. Лутовинова* в 1770-е и содержит запрещенный цензурой и подлежащий изъятию «русский эпизод»), вторая и третья части Полн. собр. соч. *Вольтера*, отпечатанные в 1791 известным издателем и пропагандистом творений франц. философа в *России* *И. Г. Рахманиновым* (тираж ч. I—III подлежал конфискации по приказу *Екатерины II* и в 1797 сгорел в Казинке, Тамбовском имении Рахманинова); редким

явл. анонимно изд. в *России* соч. *С. Марешаля* «Путешествие Пифагора», пользовавшееся большой популярностью в среде декабристов. Представлены в Б-ке и труды европ. просветителей, в свое время подвергшихся гонению, таких как *Ф. Альгаротти*, *Г. Мабли*, *Г. Рейналь*. Значителен раздел, посвященный событиям *Вел. франц. революции*; это коллекция мемуаров, многотомное изд. «*Choix de rapports, opinions et discours prononcés à la Tribune Nationale depuis 1789 jusqu'à ces jours, recueillis dans un ordre chronologique et historique, et imprimés d'après les pièces originales*» (1820) («Избранных докладов, выступлений и речей, произнесенных с трибуны Национального собрания с 1789 г. и до сего дня») и др. Ист. раздел Б-ки представлен именами *Геродота*, *Тита Ливия*, *Плутарха*, *Светония*, *Иосифа Флавия* в рус. и франц. пер.; нек-рые соч. древних авторов имеются в подлиннике. В части, посвященной росс. истории, обращает на себя внимание многотомная серия «Деяний Петра Великого», собр. и изд. *И. И. Голиковым*. Сохранились «Наказ» *Екатерины II*, труды по рус. истории *Н. М. Карамзина*, *Г. Ф. Миллера*, «Древняя российская вивлиофика» *Н. И. Новикова*, ряд мемуаров, как, напр., «Исторические записки» *Х.-Г. Манштейна*, *Маржерета*. Не уступает широтой и разнообразием раздел беллетристики старинной части родовой Б-ки: здесь соч. *А. Кантемира*, отца и сына *Княжнинных*, *Ломоносова*, *Хераскова*, *Державина*, *Карамзина* и др., наряду с зап.-европ. классиками, среди к-рых — *Гомер*, *Эзоп*, *Софокл*, *Цицерон*, *Ювенал*, *Вергилий*, *Овидий*, *Шекспир*, *Рабле*, *Сервантес*, *Корнель*, *Расин*, *Мольер*, *Буало*, *Лагарп*, *Фенелон*, *Преву*, *Руссо*, *Вольтер* на рус. и франц. яз.

В меньшей степени сохранились книги, приобретенные родителями писателя, по-видимому, это следствие пожара 1839, уничтожившего осн. часть усадебного дома в *Спасском-Лутовинове*. Книги с экслибрисом *С. Н. Тургенева* можно обнаружить лишь в неск. томах собр. соч. *Вольтера*. Автографами *В. П. Тургеневой* отмечены изд. *Лагарпа*, *В. Скотта*, *Гёте*, *Ш. Нодье*, *А.-Ф.-Ф. Коцебу*, *С.-Ф. де Жанлис*. Сохранилась часть период. изд. времени детства Т.: *ВЕ*, *Сын Отец*, серия «Собрания образцовых русских сочинений и переводов» и т. п. Рус. драматургия нач. XIX в. представлена пьесами *А. А. Шаховского*, *М. Н. Загоскина*, *А. С. Грибоедова*, театр. переделками иностр. авторов *Н. С. Краснопольского*. Нек-рые из них предназначались для постановки на домашней сцене. Из рус. книг эт. времени обращают на себя внимание соч. *Ф. Н. Глинки* «Письма к другу» и «Опыт теории налогов» *Н. И. Тургенева*, полученные отцом писателя в дар от авторов. Последнее изд. хранилось в Б-ке несмотря на запрет имени *Н. И. Тургенева* в *России* после 1825.

Т. хорошо знал все книги родовой Б-ки, оценивал ее как «очень хорошую», «порядочную», неоднократно возвращался к чтению и работе с нужными книгами, хлопотал о составлении каталога, поручал Б-ку особым заботам управляющих. Здесь следует искать истоки уникальной образованности Т., к-рый, по словам *Ги де Мопассана*, прочитал «все, что только в силах прочитать человек», и говорил «на всех языках Европы так же свободно, как на своем родном» (*Т в восп совр* (2). Т. 2. С. 259; *Мопассан Ги де*. Иван Тургенев // Полн. собр. соч.: В 12 т. М., 1958. Т. 11. С. 176).

Несмотря на явные пробелы, сохранившаяся часть Б-ки дает достаточное представление о том, как формировалась читательская культура будущего писателя, как с годами развивались и усложнялись его интересы в книжном мире. Сохранились книги дет. чтения Т., его учебники, словари, справочники, к-рыми он пользовался в период учения в *Москве*, *Пб.* и в *Берлине*. Приобретенные в это время книги отмечены характерным тиснением: «I. Т.» или «И. Т.», позднее — эскилибрисом. На мн. книгах имеется автограф «И. Тургенев» или «J. de Tourguéneff». Наиб. ранний следует, видимо, отнести к 1825 — это дарств. надпись на франц. изд. книги *Л. Лиже* «Садовник-цветовод», к-рую бр. Иван и Николай Тургеневы подарили матери (факсим.: *Тургенев. НИИМ*. Вып. 2. С. 253). В книгах дет. чтения встречаются рис. мальчиков Тургеневых, навеянные прочитанным или впечатлениями окружающей жизни. Перв. книги оставили неизгладимый след в душе будущего писателя. Это героическая поэма *Н. М. Максимовича-Амбодика* «Эмблемы и символы». О чтении «Россияды» *Хераскова* Т. проникновенно вспоминал позднее О чтении как об основополагающем событии в пору детства Т. писал в автобиогр. очерке «*Иван Сергеевич Тургенев*» (1872). В автобиогр. пов. «*Луни и Бабурин*» Т. отобразил перв. встречу с книгой как начало иной, исполненной поэзии, жизни. Соответственно и отношение его к книге отличалось бережностью и вниманием. «Собственные книги Ив. Серг. Тургенева почти все переплетены, аккуратно подписаны или означены инициалами (Ив. Т.): многие из них снабжены его заметками карандашом. Тургенев имел привычку, подписывая свое имя на книге, ставить внизу или сбоку <...> обозначение года и города, где приобреталась книга», — писал перв. исследователь Б-ки *М. В. Португалов* (*Португалов*. С. 19–20). Дружеские связи Т. оставили свой след в Б-ке. Так, сохранилась книга, к-рую он получил в 1838 в подарок от *Т. Н. Грановского*; это объемистый том соч. *Шекспира* на англ. яз. (изд. в *Лейпциге* в 1833) с надписью рукой *Грановского*: «Со страхом... и верою приступите».

В последние годы Б-ка активно пополнялась стараниями Т., причем выбор книг никогда не был случайным. Это произв-я классиков европ. лит-ры на яз. оригинала. Значительно расширился ист. раздел, где можно видеть труды *Д. Юма*, *Э. Гиббона*, *Ф. Гизо*, *А. Тьера*, *О. Тьерри*, *Ж. Мишле*, *Л. Блана*, *Э. Ренана*, *И. Тэна*. Интерес к философии, к-рый проявлял будущий писатель, сказался в составе Б-ки, пополнившейся соч. *Декарта*, *Спинозы*, *Лейбница*, *Фихте*, *Гердера*, *Канта*, *Гегеля*, *Фейербаха*. На мн. страницах эт. книг сохранились рис., автографы, пометы, маргинальные записи и даты чтения той или иной главы. Ряд книг указывают на интерес Т. к полит. экономии и социалистическим учениям; это труды *Ж.-Б. Сея*, *П.-Ж. Прудона*, *Г. Ламенне*, *Э. Кабе*. Неск. франц. журналов за 1846–1848 — «*Illustration*», «*La Revue des Deux Mondes*», «*La Revue indépendante*» — отражают события предрев. и рев. поры во *Франции*, свидетелем к-рых был Т.

Существенно пострадал раздел совр. писателю отеч. беллетристики. Сохранились соч. *В. А. Жуковского*, неск. разрозненных томов посмертного собр. соч. *Н. В. Гоголя*, ром-ы *М. Н. Загоскина*. Между тем в *Каталоге Б-ки 1885* значатся соч. таких авторов, как *В. Ф. Одоевский*, *Д. В. Давыдов*, *И. А. Гончаров*, *С. Т. Аксаков*, *Л. Н. Толстой*, *А. А. Фет*, книги самого Т. Среди рус. книг совр. Т. авторов следует упомянуть частично сохранившуюся «Историю России с древнейших времен» *С. М. Соловьева* (2-е изд., 1854–1856), иссл. знаменитого этнографа *Ю. И. Венелина* «Древние и нынешние болгаре, в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам» (1829), «Исторические очерки итальянской литературы» (1866) *М. Пинто*, участника освободительного движения в *Италии*, иллюстрированное изд. путевых заметок *С. П. Шевырева* «Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь» (1850) и др.

Когда в 1854 в книжное собр. Т. поступили книги *В. Г. Белинского*, рус. раздел Б-ки обогатился соч. *Е. А. Баратынского*, *Д. В. Веневитинова*, *Н. М. Карамзина*, *Г. Ф. Квитко-Основьяненко*, *Е. И. Кострова*, *М. В. Ломоносова*, *А. П. Сумарокова*, *А. С. Шишкова*, *Ф. А. Эмина* и др., многочисл. рус. переводами древних авторов. Л. Р. Ланский, автор «Описания книг библиотеки Белинского», так характеризовал ее по составу: «Читателю <...> бросится в глаза преобладающее место, занятое в библиотеке периодическими изданиями конца XVIII и начала XIX в., книгами о Петре I, справочниками и различными работами по истории. <...> Что же касается немногочисленных иностранных изданий, в них заметно преобладают книги по истории Французской революции 1789 г., сочинения социалистов-утопистов и вообще книги с явно выраженным

радикальным или антиклерикальным характером» (*ЛН*. Т. 55. С. 440). В книгах *Белинского* имеются владельческие автографы, маргинальные записи, они зачастую отличаются характерным тиснением на корешке — «В. Б.» (т. е. «Виссарион Белинский»). Нек-рые изд. отмечены дарств. автографом: *К. К. Герца*, опубли. в 1847 «Исторический сборник»; *К. Д. Кавелина*, автор дисс. «Основные начала судоустройства и гражданского судопроизводства» (1844); *Н. А. Полевого*, переводчика трагедии *Шекспира* «Гамлет» (1837); *А. И. Герцена*, приславшего *Белинскому* франц. изд. соч. *Руссо*. Имеются также автографы прежних владельцев, близких к *Белинскому*, — *А. Д. Галахова*, *Н. Х. Кетчера*, *М. А. Языкова*, *В. П. Боткина*. С книгами критика в Б-ку поступило около 40 отеч. журн. изд-й, в том числе пушкинский «*Современник*» за 1836–1837.

Зап. лит-ра XIX в. весьма полно представлена в Б-ке Т. соч. *Ш. Бернара*, *А. Дюма-сына*, *А. Карра*, *О. Бальзака*, *Э. Сувестра*, *В. Гюго*, *А. де Мюссе*, *Ж. Санд*, *Г. Флобера*, *Э. Золя*, *А. Додэ*, *Ч. Диккенса*, *У. Теккерея*, *Г. Гейне*, *Б. Ауэрбаха*, а также *Ф. Купера*, *Н. Готорна*, *Э. По*, *В. Ирвинга* и др. заруб. авторов, читавшихся в подлиннике. Об увлечении Т. шахматами напоминают в Б-ке пособия *И. Альгайера* на нем. и *К. Ф. Яниша* на франц. яз., а также англ. ж. «*The Chess-Player's Chronicle*» за 1853 с пометами писателя.

Книги из б-ки брата писателя *Н. С. Тургенева*, пополнившие спасскую Б-ку в 1879, представляют собою модные в то время новинки франц. лит-ры, издававшиеся большим тиражом. Это соч. *Дюма-сына*, *Мюссе*, *П. де Кока*, *О. Фейе*, *П. Феваля* и др. авторов книг для легкого чтения, к-рых Т. называл «дутыми» знаменитостями. Однако здесь встречаются произв-я *Флобера*, братьев *Гонкур*, *Золя*, *Додэ*, участников лит. «кружка пяти», чье творчество Т. ценил и пропагандировал в *России*. По свидетельству *Г. И. Успенского*, он прочитывал все, что появлялось нового на франц. книжном рынке, выполняя роль эксперта и указывая лучшее для пер. в рус. журналах (*Успенский*. Т. 13. С. 163). О широте читательских интересов Т. писали мн. его современники; амер. прозаик *Г. Джеймс* вспоминал: «Все хорошее, все плодотворное было близко ему <Тургеневу>: казалось, он интересовался всем на свете <...>» (*Г в восп совр* (2). Т. 2. С. 309–310). *Л. Н. Толстой* был поражен «огромностью сведений» Т. *Г. Флобер* утверждал, что его рус. друг знал «все литературы мира самым основательным образом» (*Флобер Г.* Собр. соч.: В 5 т. М., 1956. Т. 5. С. 414).

Б-ка являлась для писателя неоценимым источником трудов и раздумий. На страницах его произв. не раз встречаются названия запомнившихся книг, к-рые играют свою роль в худож. структуре его ром. и

пов. Так, в пов. «*Фауст*» имеется след. описание, отсылающее читателя к прообразу — родовой Б-ке: «А скучать я не буду. Я привез с собой несколько книг, и здесь у меня библиотека порядочная. Вчера я раскрыл все шкафы и долго рылся в заплесневших книгах. Я нашел много любопытных, прежде мною не замеченных вещей: „Кандида“ в рукописном переводе 70-х годов; ведомости и журналы того же времени; „Торжествующего хамелеона“ (то есть Мирабо), „Le Paysan perversi“ <«Развращенного крестьянина» — франц.> и т. д. Попались мне детские книжки, и мои собственные, и моего отца, и моей бабки, и даже, представь себе, моей прабабки <...>. Я увидел книги, привезенные мною когда-то из-за границы, между прочим гётевского „Фауста“» (ПССуП(2). Соч. Т. 5. С. 93). Круг чтения самого писателя, его предков и его современников отразился во мн. соч. Т.: в пов. и рас. «*Андрей Колосов*», «*Три портрета*», «*Гамлет Щигровского уезда*», «*Петушков*», «*Затишье*», «*Переписка*», «*Фауст*», «*Ася*», «*Первая любовь*», «*Несчастливая*», во всех его ром. Б-ка давала материал для воссоздания духовного облика поколений рус. читателей, позволила показать значение книги в становлении отеч. культуры.

После смерти писателя судьба его Б-ки складывалась драматично. Часть книг была расхищена посетителями спасского дома; Б-ка пострадала, как видно, и во время большого пожара 1906, когда до основания сгорел дом Т. После пожара книги были размещены во *Мценске* и в *Клейменове*, имении *О. В. Галаховой*, унаследовавшей *Спасское-Лутовиново*; часть книг была, по-видимому, еще раньше увезена в орловский дом Галаховых. В сент. 1918 эмигрант из *Москвы* И. А. Друганов организовал погрузку книг на телеги и доставку их в *Орел*. Друганову пришлось предпринять «спешные и энергичные меры», чтобы спасти Б-ку: стояла осенняя распутица, фронт быстро приближался, местные крестьяне были возбуждены и недовольны «изъятием барского добра». По приезде в *Орел* во время сверки оставленных книг с *Каталогом 1885* была обнаружена недостача 800 томов.

Б-ка писателя, мебель из *Спасского-Лутовинова*, неск. тургеневских реликвий, ряд документов, рукоп. и портретов писателя стали основой открытого 24 нояб. 1918 в *Орле* в доме Галаховых музея-б-ки Т. С перв. дней существования музея началась работа по систематизации и изучению Б-ки под руководством его перв. директора и хранителя *М. В. Португалова*. Результаты иссл-й были опубл. в ст. «Тургенев и его предки в качестве читателей», напечатанной в орловском сб. «Тургениана» (1922). В 1927–1928 сов. ученый А. М. Путинцев проделал большую работу по выделению книг *Белинского* из тургеневской книжной кол-

лекции. Эта работа была продолжена через 20 лет. В 1948 Л. Р. Ланский опубликовал описание б-ки *Белинского*, хранящейся в *Орл. гос. лит. музее*. По мнению ученого в книжном собр. Т. насчитывается 216 изд. из б-ки *Белинского*.

Во время Великой Отеч. войны Б-ка снова подверглась опасности уничтожения. В конце авг. 1941 перед вступлением немцев в *Орел* директор орл. музея Б. А. Ермак с большим трудом добился двух вагонов и сумел погрузить в них вещи и Б-ку для эвакуации их в Пензу. Во время погрузки они едва не погибли под бомбежкой: «Осколок бомбы пробил стену вагона и начисто срезал карниз у шкафа, в котором были сложены книги. До Пензы добирались 23 дня. <...> Магистралы были забиты бесчисленными составами, идущими на восток. Бомбежки. Долгие стоянки. Постоянная тревога за сохранность груза», — вспоминал участник событий. Б-ка была эвакуирована своевременно: в период оккупации музей Т. был осквернен: в нем было устроено казино; уходя из города, фашисты заминировали здание, а оставшиеся книги подожгли. В 1944 Б-ка была возвращена в *Орел*, где возобновилась работа по ее изучению. В 1956 группой науч. сотр. под руководством Б. В. Богданова было подготовлено Описание Б-ки Т. Причем были прочитаны и переведены с иностр. яз. маргинальные записи в книгах, сделанные рукой Т. Был подготовлен историко-лит. комментарий к нек-рым книгам из круга чтения писателя. Тогда же была сделана попытка выделить из коллекции «лутовиновскую часть» Б-ки. Однако эта работа не была в то время завершена из-за наличия значительного количества анонимных изд., отсутствия во мн. книгах титульных листов и т. п. Лишь в 1994 вышла в свет ч. 1 Каталога б-ки (книги на рус. яз.), где наряду с необходимым библиографическим описанием изд-й содержится историко-лит. комментарий.

Парижская б-ка Т. В 1860-е, когда писатель подолгу жил за границей, в его доме мало-помалу формируется еще одно книжное собр.; в 1871 книги были перевезены на парижскую квартиру писателя на ул. Дуэ. Парижская б-ка Т. характеризуется наличием преимущественно рус. книг. *Ж. Шамро* привел следующие данные о ее количественном составе: рус. кн. — 1643; нем. — 816; англ. — 147; франц. — 246; всего — 2859. В большом количестве были представлены разл. журналы, включая обширные подборки *ВЕ* и *ОЗ*, труды по рус. истории, диалоги *Платона*, соч. *Шекспира* и др. англ. классиков, произв. *Гёте*, переписка *В. Гюго*, а также экз. франц. перевода «Дон-Кихота», выполненного *Л. Виардо* с гравюрами *Г. Доре* (предполож. с дарит. надп. *Л. Виардо*). После смерти писателя *П. Виардо*, унаследовавшая его имущество, вы-

разила желание продать б-ку в *Россию*, однако царское пр-во не сочло возможным приобрести ее. Большая часть книг была продана в *Лейпциг* (рус. и нем. изд-я), частично разошлась по лавкам франц. букинистов. Неск. томов из парижской б-ки писателя хранятся в фондах *Гос. лит. музея* Т. в *Орле* и в б-ке *ИРЛИ*. Ряд книг находится в гос. и частных собраниях во *Франции*, *Америке* и др. — среди них книги *Ж. Санд*, *Э. де Гонкура*, *Доде*, *Золя*, *Мопассана*, *Гюисманса*, *Деруллада*, *Алексиса* (многие с дарительными надп. Т-ву. Описание ряда франц. книг см.: *Waddington*. P. 3–6).

Лит.: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. М., 1962–1966. Т. 1–3; *Путинцев А.* Библиотека В. Г. Белинского // *ЛН*. Т. 19–21. С. 603–616; Библиотека Белинского / Предисл. и публ. Л. Ланского // *ЛН*. Т. 55. С. 431–572; *Португалов М. В.* Тургенев и его предки в качестве читателей (По материалам Тургеневского Музея и библиотеки) // Тургениана. Орел, 1922. С. 13–28; *РГАЛИ*. Ф. 386 (А. М. Путинцев). Оп. I. № 2; *Рында И. Ф.* Черты из жизни И. С. Тургенева. СПб., 1903; Библиотека Ивана Сергеевича Тургенева. Каталог. Орел, 1994. Ч. 1: Книги на русском языке / Сост. и автор вступит. ст. Л. А. Балыкова; *Богданов Б. В.* Предки Тургенева // *Т Сб.* Вып. 5. С. 345–351; *Заборов П. Р.* Рукописный «Кандид» в библиотеке И. С. Тургенева // Сравнительное изучение литератур. Л., 1976. С. 282–284; *Балыкова Л. А.* 1) Les livres français de la bibliothèque de Tourguéniev // *Cahiers*. N 5 (1981). P. 35–41; 2) И. С. Тургенев и русско-французские книжные связи второй половины XIX века // Книга. Исследования и материалы. М., 1990. С. 175–188; 3) К атрибуции «Записки о крепостном праве» 1857 г. (По материалам круга чтения И. С. Тургенева) // Тургениана. Сб. ст. и материалов. Орел, 1991. <Вып. 1.> С. 20–28; 4) Тургенев — читатель. По страницам мемориальной библиотеки. Орел, 2005. 208 с.; 5) Периодические издания мемориальной библиотеки И. С. Тургенева (1754–1825) // *Тургенев. НИИМ*. Вып. 1. С. 20–47; 6) Тургенев и Шарль Нодье: Две повести о первой любви // Там же. Вып. 2. С. 24–33; *Генералова Н. П.* 1) Еще одна книга из парижской библиотеки И. С. Тургенева в Пушкинском Доме // *РЛ*. 1987. № 2. С. 132–133; 2) И. С. Тургенев: Россия и Европа. Из истории русско-европейских литературных и общественных отношений. СПб., 2003. С. 286–295; *Жидкова С. Л.* 1) «Древняя российская вивлиофика» в мемориальной библиотеке И. С. Тургенева // Тургеневский ежегодник 2000 года. Орел, 2002. С. 72–75; 2) В. А. Озеров в восприятии И. С. Тургенева (По материалам мемориальной библиотеки писателя) // Тургеневский ежегодник 2004 года. Орел, 2006. С. 135–139; 3) Периодические издания мемориальной библиотеки И. С. Тургенева из круга детского чтения писателя // Тургеневский ежегодник 2007 года. Орел, 2009. С. 13–22; 4) Тургенев и авторы XVIII века (По материалам мемориальной библиотеки писателя) // Тургеневский ежегодник 2008–2009 года. Орел, 2010. С. 146–154; 5) Периодические издания из мемориальной библиотеки Тургенева в романе «Ночь» // *Тургенев. НИИМ*. Вып. 2. С. 83–94; 6) Журнал «Отечественные записки» в мемориальной библиотеке И. С. Тургенева // Тургеневский ежегодник 2010 года. Орел, 2011. С. 203–211; *Кончин Е.* 1) Чрезвычайный эмиссар // Советская культура. 1986. 27 нояб. № 142. С. 3; 2) Реликвии спас Ермак // Там же. 1987. 9 мая. С. 6; *Максимова Л. Е.* Снова о судьбе книг

из парижской библиотеки Тургенева (Существовала ли в Лондоне библиотека русского кружка?) // И. С. Тургенев. Вопросы биографии и творчества. Л., 1990. С. 217–220; *Миндыбаева Л. В.* Обзор английской части родовой библиотеки И. С. Тургенева // Тургеневский ежегодник 2007 года. Орел, 2009. С. 66–77; *Павлова Г. Н. А. М.* Путинцев: К истории описания мемориальной библиотеки И. С. Тургенева // Тургеневский ежегодник 2008–2009 года. Орел, 2010. С. 112–120; *Понятовский А. И.* Судьба парижской библиотеки И. С. Тургенева // Подъем. 1981. № 8. С. 134–138; *Trofimova T.* A propos de quelques livres dédiacés de la bibliothèque des frères Tourguéniév // *Cahiers*. N 13 (1989). P. 55–64; *Хелемский Я.* На темной ели звонкая свирель. М., 1973. С. 174; *Waddington P.* Some Signed Books by French Authors from the Paris Library of Ivan Sergejevich Turgenev. Pinehaven, NZ, 2000.

Л. А. Балькова.

БУДЗИАНИК Александра Александровна (псевд. А. Веницкая; 1847–1914), прозаик, мемуарист, автор «Воспоминаний об И. С. Тургеневе», написанных еще при его жизни. В письмах ее к *А. С. Суворину* 1886–1895 (*РГАЛИ*. Ф. 459. Оп. 1. № 704) содержатся сведения о времени и причинах обращения беллетристки к мемуарному жанру: факты набросаны «мною, когда свежо все было в моей памяти» (Л. 190 об.), «я писала „Воспоминания> о Тург<еневе>“ еще в 82 году из одного побуждения дать выход накопленным впечатлениям, своим опытом предостеречь когда-нибудь того, кто склонен так же, как и я, видеть людей только с хорошей стороны, идеализировать и доверяться. Путем горчайших разочарований утратилась моя любовь к людям и к правде, но не настолько, однако ж, чтобы я не призналась перед собой, что в данном случае к решению опубликовать „Воспоминания>“ примешивается и желание рекламировать свое издание» (Л. 204 об.) — «Повести и рассказы» А. Веницкой (Будзианик) (СПб., 1886). «Предпосылая воспоминания своего детства воспоминаниям о Тург<еневе>, я высказываю ими свою *profession de foi* для того, чтобы видели предвзятость его взгляда на меня. А так как половина России совершенно ошибочно смотрит его глазами на женщин, поставленных в такие же, как я, условия, это предислание является не лишним» (Л. 5). Б. просила изд. не пропускать ничего при чтении ее мемуаров, поставив на шестой стр. особый знак: это — «место, которое считаю необходимым пояснить Вам. Появление повести „Перед рассветом“ в 81 г. произвело сенсацию, интеллигенция со мной знакомилась, и все предполагали, что в лице героини я представила себя. Когда же оказалось, что я не бывала арестована, ни к какой партии не принадлежала и не имела даже понятия о журнальных направлениях, то пришли к заключению: *шпионка*. Этот слух быстро распространили, мне стыдно было глаза показать людям,

и я от отчаяния чуть не сошла с ума. До сего времени мелкие литераторы охотно распространяют эту клевету, но крупные пребывают ко мне благосклонными, только никто меня не поддержал. Поэтому и не развился мой талант, если таковой был» (Л. 228 об.). Пов. Б. «Перед рассветом», появившаяся в *ОЗ* в 1881 (№ 5), была благожелательно оценена Т. По свидетельству *С. Н. Кривенко*: «Просто прелестные, чисто художественные есть страницы, — говорил он, — но не все хорошо, а потому трудно сказать, что из нее выйдет» (*Т в восп совр* (2). Т. 1. С. 416). Б. познакомилась с Т. в нач. 1882 в *Париже*, а через него с *П. Л. Лавровым* и кружком рус. эмигрантов. Последующие ее произв. не оправдали надежд Т. Это отложило соответствующий отпечаток на их дальнейшие взаимоотношения, весьма субъективно описанные ею в воспоминаниях.

К рукописи воспоминаний, представленной сначала «в безалаберном виде» и лишь позднее поправленной (*РГАЛИ*. Ф. 459. Оп. 1. № 704. Л. 37 об.), Б. приложила 4 письма Т. (всего известно 7) и одно письмо *М. Е. Салтыкова*, чтобы убедить читателей в том, что это «не сочинение, а факты» (Л. 5). Тем не менее *Суворин* отклонил эту работу в 1886. Позднее к ней проявили интерес *А. П. Пятковский* («Неделя»), *Н. К. Михайловский* (*Рус Бог-во*), к-рый готов был напечатать воспоминания Б. с небольшими выпусками: «Он помнит мои и его <Тургенева> письма из Парижа к Салтыкову о сожженной мною рукописи и многое другое и говорит, что я ничего не наврала» (Л. 51–51 об.). 4 дек. 1894 Б. сообщила *Суворину*, что «отняла у Пятковского» свои воспоминания: «Я их поправила и знаю, что теперь самое время им явиться именно у Вас» (Л. 32 об.–33). В ходе печатания в газ. продолжалась доработка рукописи: «Я кое-что смягчила <...> и зачеркнула несколько строк по совету Пятковского» (Л. 191).

Соч.: Виницкая А. 1) Воспоминания об И. С. Тургеневе // *НВр*. 17, 24 и 31 янв., 7 февр. 1895. № 6784, 6791, 6798, 6805; 2) Из приключений в Париже // *ИВ*. 1912. № 1. С. 119–121.

В. А. Громов.

ВАЛАДОН (Valadon) Эмма (1837–1913), популярная певица варьете 1850-х — 1860-х, выступала гл. образом в *Париже*, где ее мог слышать Т. По неуточненным данным, *П. Виардо* давала ей уроки. Рано оставшись сиротой, вынуждена была зарабатывать на жизнь собственным трудом. Выступала под сценическим псевд. «Тереза» («Thérèse»). За артистизм исполнения народных песен была прозвана «Патти низов» («Patti de la

canaille»). В 1865 в *Париже* в издательстве *Дантю* вышли мемуары В., написанные якобы ею самой («*Mémoires de Thérèse écrits par elle-même*»).

Откликаясь на присылку эт. книги, Т. писал кн. *А. А. Трубецкой* 16 (28) марта 1865: «...если вы послали мне „Мемуары Терезы“ с намерением охладить мой пыл, вы в этом полностью преуспели: эта плоская и пошлая стряпня открыла мне глаза, и м-ль Тереза с ее фотографией и собственноручным посланием к публике и с ее откровениями по поводу любви... неповторимой и жертвенной — теперь для меня всего лишь нищенка, каких много на парижских мостовых. Пусть она спокойно сколачивает себе состояние среди нечистот „большого города“ — и отправляется ко всем чертям». Нелицеприятно о восп. певицы Т. отозвался также в предисл. (1868) к пер. ром. *М. Дюкана* «Утраченные силы» (*ПССиП(2)*). *Соч.* Т. 11. С. 348). Между тем имя В. вошло в историю франц. песни как имя «великой народной певицы, единственной в своем роде», достойной сравнения с *Рашиель* (*Larousse P. Grand dictionnaire universel*. Т. 15. Р. 94).

Н. П. Генералова.

ГОЛЕНИЩЕВА-КУТУЗОВА-СМОЛЕНСКАЯ (р. Бибикина) Екатерина Ильинична (1754–1824), дочь инженер-генерал-поручика И. А. Бибикина от 2-го брака с В. Н. Шишковой, жена полковника *М. И. Кутузова* (с 1778), святлейш. княгиня. При дворе занимала видное положение: в день коронации *Павла I* получила орден св. Екатерины. *Александр I* после Бородинской битвы пожаловал ее в стат-дамы. Занималась лит-рой, увлекалась театром. Попасть в ее гостиную считалось большой честью. А. М. Каратыгина вспоминала: «...княгиня полюбила меня и интересо-

валась мною до самой смерти. Я часто у нее бывала и иногда декламировала сцены из „Фингала“ с внуком ее К. Ф. Опочининым» (*Каратыгин П. А. Записки*. Л., 1930. Т. 2. С. 135). Г.-К.-С. была известна в свете своей оригинальностью. Так, будучи уже старухой, она любила одеваться, как молоденькая девица.

В. П. Тургенева через свою бабу по матери Прасковью Богдановну Лаврову (р. Бибикову) была в родстве с Г.-К.-С. и бывала у нее в доме. 4 марта 1880, вспоминая о своем детстве, Т. рассказывал: «...повезли меня к одной, весьма также почтенной, старухе, то была светлейшая княгиня Голенищева-Кутузова-Смоленская <...>, умершая, сколько помню, в 1824 г. Мне было тогда лет шесть не больше и когда меня подвели к этой ветхой старухе, по головному убору, по всему виду своему напоминавшей икону какой-либо святой самого дурного письма, почерневшую от времени, — я, вместо благоговейного почтения, с которым относились к старухе и моя матушка, и все окружающие старушку, брякнул ей в лицо: „Ты совсем похожа на обезьяну“» (*РСт*. 1883. № 10. С. 203).

С. Л. Жидкова.

ГОРЧАКОВ Александр Михайлович, князь (1798–1883), дипломат, министр иностр. дел, до 1879 канцлер; отойдя от дел, поселился за границей, где и скончался. Последний лицеист пушкинского выпуска Царскосельского лицея. Т. неоднократно встречался с Г. как в *России* (*Петергоф*), так и за границей (*Баден-Баден, Париж*), что несомненно объясняется его постоянным интересом ко всему, что так или иначе было связано с *Пушкиным*. К полит. линии, проводимой Г., Т. относился в целом неодобрительно, связывая с его именем полит. неудачи во время войны на Балканах 1876–1878 (см.: письма Т. к *Ю. П. Вревской* и к *А. В. Головину* от 26 янв. (7 февр.) 1877).

Летом 1876 Т. встретился с Г., находившимся с группой сопровождающих его лиц в Петергофском парке. По восп. очевидца, они не только обменялись рукопожатием, но и поцеловались (*Ез<ор>ов*. С. 424). Отвечая на вопр. Г., Т. сообщил, что находится в *Пб.* проездом из *Спаского-Лутовинова*, что в данное время готовит «повесть под заглавием „Новь“», печатанье к-рой заставит его еще раз приехать в *Россию* и тогда «пробыть здесь подольше». Дальнейший разговор перешел на тему, к-рая «в то время занимала всех, а именно на тему о предстоящей войне за свободу славянских племен», в заключение Т., пожимая руку Г., сказал: «Дай Бог, чтобы к будущему приезду моему все надвинувшиеся на

политическом горизонте тучи были рассеяны вашей опытной рукой и чтобы я уже более не застал вас столь озабоченным, но спокойным и вполне здоровым» (Там же. С. 425). Позднее Т. встречался с Г. в *Париже*, в частности, незадолго до кончины канцлера, о чем имеется запись самого Т. в *«Дневнике. Ноябрь 1882 — январь 1883 г.»* (ПССУП(2). Соч. Т. 11. С. 206).

Лит.: Егоров Анатолий. И. С. Тургенев и князь А. М. Горчаков // *РСт.* 1883. № 11. С. 423–425; *Анциферов Н. П.* Пригороды Петербурга. М., 1946. С. 109; Последний дневник Тургенева / Ст., коммент. и публ. И. С. Зильберштейна // *ЛН.* Т. 73. Кн. 1. С. 393–394, 405; Переписка <И. С. Тургенева> с А. В. Головиным / Публ. А. М. Гаркави // Там же. Кн. 2. С. 72, 73, 78, 425; Из дневников Ф. Н. Тургеневой 1857–1883 / Публ. М. П. Султан-Шах // Там же. Т. 76. С. 368, 385, 403.

Л. Н. Назарова.

ГЮИСМАНС (Huysmans) Жорис Карл (1848–1907), франц. писатель голланд. происхождения, по образованию юрист. Во время *франко-прусской войны 1870–1871* был мобилизован, 3-м в течение 30 лет прослужил в Мин-ве внутр. дел *Франции*. Первые романы — «Марта. История проститутки» («*Marthe, histoire d'une fille*», 1876), «Сестры Ватар» («*Les Sœurs Vatar*», 1879), «Семейный очаг» («*En Ménage*», 1881) — фотографически точно изображают мелкобурж. среду и богему. Впоследствии пережил увлечение сатанизмом с его «черными мессами», эволюционировал в сторону «спиритуалистического натурализма» в ром. «В дороге» («*En Route*», 1895), «Собор» («*La Cathédrale*», 1893) и «Святая Лидвина» («*Sainte Lydwine de Schiedam*», 1901), пройдя путь от увлечения *натурализмом* в духе *Э. Золя* и *Гонкуров* к признанию худож. нормой средневекового религ. иск-ва.

В 1880 Г. вместе с группой последователей *Золя* выступил с новеллой «С мешком за плечами» («*Sac au dos*») в сб. «Меданские вечера». Еще раньше, в ст., посвященной *Золя* (1877), Г. декларировал принципы натуралист. эстетики, суть к-рой — «разобрать механизм <...> добродетелей и пороков, анатомировать любовь, ненависть и безразличие» (цит. по: История франц. лит-ры. М., 1959. Т. 3. С. 186). Видимо, *Золя* и познакомил Г. с Т. (*Zviguilsky*. P. 102). Сохранился экз. романа Г. «Сестры Ватар» (Paris: G. Charpentier, 1879) с дарств. надп.: «Г-ну Тургеневу в знак глубокого уважения от автора. Ж. Гюисманс» (подл. по-франц.; факсим.: *Cahiers*. N 14 (1990). P. 101). А. Звигильским было высказано предположение, что сюжет эт. романа был подсказан Г. рус. писателем (*Zviguilsky*. P. 102). Зд. идет речь о платонической и несбыточной любви,

гибнувшей из-за предрассудков общества. В ром. фигурирует кот по прозвищу Муму. Отзыв Т. о ром. «Сестры Ватар» неизвестен.

Принадлежа к молодому поколению писателей-натуралистов (*А. Сear, П. Алексис, О. Мирбо, Ги де Мопассан* и др.), Г. вышел из круга *Флобера* и *Золя*, к к-рым был близок и Т., вот почему он занял его место на некогда знаменитых «обедах пяти», о чем свидетельствует запись от 10 апр. н. ст. 1883 в «Дневнике» *Гонкуров*: «Прежние обеды, которые мы делили с Флобером и Тургеневым, возобновлены сегодня с Гюисмансом и Сear-ром» (*Goncourt. Journal. Т. 3. Р. 247*).

Лит.: *Zviguilsky A. Autour de quelques documents exposés au Musée Tourguéniev. I. Les derniers envois à Tourguéniev: Huysmans, Alexis, Zola // Cahiers. N 14 (1990). Р. 101–103; Becker C. Tourguéniev et le groupe de Médan // Ibid. Р. 97–100.*

Л. А. Балькова.

ДЕРВИЗ Павел Григорьевич, барон, фон (1826–1881), изв. концессионер и строитель жел. дорог. Происходил из двор. рода фон дер Визе из Гамбурга, один из предков Д. был в *Пб.* юстиц-советником голштинской службы при Петре III. Род Д. внесен во II ч. род. кн. Костромск. губ. Брат изв. юриста, сенатора Дмитрия Гр. Дervиза и оперного певца Николая Гр. Дervиза (псевд. Энде; 1837–1880). Баснословно богатый, Д. был меломаном, содержал оркестр в *Ницце* в своем замке Вальроз и сам сочинял романсы, принимал участие в муз. благотвор. вечерах. Яркая характеристика Д. содержится в восп. *Е. В. Панаевой (Дягилевой)*: «Не смотря на выдающийся ум <...> и на его образование <...>, волшебное превращение из бедняка в богача все-таки одурманило его, как и первого встречного Тит Титыча. / „Все могу, что захочу... разве только птичьего молока не достану... да и то...“ / Вот его фраза, которая дословно осталась у меня в памяти. Мне становилось жутко, когда он произносил ее со своим нервным смехом; да и вообще его вечно нервная беспокойность вселяла в меня жалость к нему и к его близким» (*Дягилева. С. 140*). В концертах Д. в *Ницце* пела в 1877 сестра мемуаристки, ученица *П. Виардо А. В. Панаева (Карцова)*, с отцом к-рой Д. был знаком давно. Отвечая на неизв. письмо *А. А. Мецгерского*, Т. писал 15 (27) марта 1877: «„Il y a quelque chose“ <<«Есть что-то» — *франц.*> в Вашей идее насчет ф<он> Дervиза и Mlle Panaïeff. Она теперь играет (поет) у него на театре в Ницце — и он должен быть „au petits soins“ <<предупредителен» — *франц.*> с нею». Зд. же Т. сообщал, что собирается в тот же день написать ей и ее «полоумному родителю» письма. Судя по контексту письма, необходимость обратиться к Д. возникла у *Мецгерского*

в связи с денежной помощью *Миклухо-Маклаю*. Вероятно, именно по эт. поводу и собирался Т. написать указ. письма. Письмо Т. к Д., однако, неизвестно или не было написано. Что касается личности са-мого Д., то в том же письме Т. выражал сомнения в том, что Д. откликнется на просьбу: «...г-н ф<он> Дервиз на одном благотворительном музыкально-литературном утре, устроенном мною, получив лучший билет, заплатил *только* за свое место — и ни сантима больше... Но прекрасные глаза Мlle Панаевой могут заставить его раскошелиться».

Лит.: Дягилева Е. В. Семейная запись о Дягилевых / Изд. подготовили Е. С. Дягилева и Т. Г. Иванова. СПб.; Пермь, 1998.

Н. П. Генералова.

ДЕРУЛЕД (Déroulède) Поль (1846–1914), франц. писатель, драматург, полит. деятель правого направления. Во время *франко-прусской войны 1870–1871* служил в кач-ве зуава, попал в плен, бежал, принял участие в подавлении *Парижской коммуны*. Перв. поэтич. опыты — «Песни солдата» («Chants du soldat», 1872) — принесли Д. известность. Под влиянием идей реванша после поражения *Франции* Д. вовлекается в политику, в 1882 основывает «Лигу патриотов» и патриот. газ. «Знамя» («Le Drapeau»). Зд. после смерти Т. в 1883 публикует свои восп. о нем (частично воспроизв.: *ЛН*. Т. 76. С. 689–690; перепеч.: *Cahiers*. N 20 (1996). Р. 91–95), где назвал дату перв. встречи с Т. в *Буживале* — весна 1874. Нек-рые исследователи подвергают эту дату сомнению, предлагая др.: лето 1875 (*Waddington*. Р. 247). Знакомство Т. с Д. могло состояться при посредстве дяди Д. — Э. *Ожье*, давнего знакомого Т. и *Виардо*. Сближение произошло, очевидно, позже, в салоне *Ж. Адан*, разделявшей полит. убеждения Д. и стремившейся к укреплению русско-франц. связей.

5 дек. н. ст. 1879 в салоне *Адан* Т. присутствовал на чтении драмы Д. «Моавитянка» («La Moabite»), к-рая была принята, а 3-м отвергнута Франц. театром (см.: *Adam J.* Après l'abandon de la revanche. Р., 1910. Р. 451–452). Положит. мнение о пьесе Т. высказал в недошедшем письме к Д., к-рый вскоре послал ему печатный экз. пьесы с дарств. надп.: «Ивану Тургеневу. Почтительный поклонник П. Дерулед» (хранится в арх. *А. Полонского* (*Париж*); факсим.: *Cahiers*. N 20 (1996). Р. 98). Т. откликнулся единств. сохранившимся из переписки письмом от 8 нояб. н. ст. 1880 (вперв. опубл. П. Уоддингтоном: *N Z Sl J.* 1983. Р. 246), повторив свой отзыв и выразив надежду, что пьеса будет поставлена. Интерес Т. к пьесе Д. совр. исследователь объясняет переключкой ее гл.

идеи с ром. Т. «Новь» (Zviguilsky. P. 99). Т. был, очевидно, инициатором рец. П. Л. Лаврова на это произв. Д. (*Рус Курьер*. 1881. 21, 26 янв. № 20, 25). В восп. Д. оставил выразительный портрет Т., «горячо преданного России», дал краткий очерк его творчества, воспроизвел нек-рые суждения о *Германии, Франции, франко-прусской войне, О. Бисмарке*, проявив знание биограф. деталей, в частности «сыновней почтительности» Т. к памяти *В. Г. Белинского*, рядом с к-рым Т. неоднократно выражал желание быть похороненным. Нек-рые сведения о Т. были получены Д. от П. Виардо. Гл. характеристикой творчества Т. Д. считал то «дыхание Справедливости и Свободы», к-рыми оно пронизано, то, что «дает одно Искусство, поставленное на службу идее». С т. зр. Д., все почти произ-я Т. служат идее прогресса и «освобождению умов». Позднее, в 1886, Д. посетил *Россию* и сделал не вполне удачную попытку сближения с Л. Н. Толстым (см.: ЛН. Т. 75. Кн. 1. С. 535–541).

Лит.: Waddington P. More Turgenev's Autograph Letters to Various Recipients // *N Z Sl J*. 1883. P. 245–247; Zviguilsky A. Paul Déroulède et Ivan Tourguéniev // *Cahiers*. N 20 (1996). P. 97–101.

Н. П. Генералова.

ЖЕМЧУЖНИКОВ Владимир Михайлович (1830–1884), писатель. В 1850-е вместе с братом *Алексеем М. Жемчужниковым* и *А. К. Толстым* вел в *Совр* знаменитые «Досуги Козьмы Пруткова». Т. встречался с Ж. в 1870 у *А. К. Толстого*, в 1871 бывал у Ж. на муз. вечерах, где бывали также *М. А. Балакирев, Ц. А. Кюи* и *М. П. Мусоргский*. Сохранилось 1 письмо Ж. к Т. (*ИРЛИ*).

Лит.: Балакирев М. А. Воспоминания и письма. Л., 1962. С. 95, 103; Александрова Л. М. И. С. Тургенев и братья Жемчужниковы // Тургеневский ежегодник 2001 года. Орел, 2002. С. 48–52.

Л. М. Александрова.

ЖЕМЧУЖНИКОВ Лев Михайлович (1828–1912), рисовальщик, гравер и живописец, брат *Алексея М., В. М.* и *Н. М. Жемчужниковых*. С 1849 посещал петерб. *Академию художеств*; был учеником *А. Е. Егорова* и *К. П. Брюллова*; почитателем и другом *П. А. Федотова* и *А. А. Агина*; тесно общался с *Т. Г. Шевченко*. В 1852–1856 подолгу жил на Украине; в 1856–1860 обучался офорту в *Париже*. Знакомство Т. с Ж. состоялось, по-видимому, в нач. 1850-х. После возвращения Т. из *Спасской ссылки* они неоднократно встречались в *Пб*. Так, зимой 1854/1855 (?) Т.,

по восп. Ж., «раза два» заходил к нему на квартиру, один раз в сопровождении *Л. Н. Вакселя*. Неоднократно они виделись у *А. К. Толстого* и *С. А. Миллера*, где Т. читал «Пушкина, Шекспира и некоторые свои произведения. Тургенев всегда был интересен, и разговор затягивался, без утомления, иногда до полуночи и более» (*Жемчужников*. С. 159). По свидетельству Ж., в 1855 он посылал Т. свои акварели, к-рые писатель продавал и передавал ему деньги (Там же. С. 179). В своих восп. Ж. рассказывает, как на петерб. квартире Т. в присутствии *П. В. Анненкова* состязался в пении с художником *К. А. Горбуновым*: «Горбунов пел русские песни, а я малороссийские народные песни. Как Тургеневу, так и Анненкову пение русских песен пришлось более по душе» (Там же. С. 89). При этом *Горбунов* исполнял песню «Не одна во поле дороженька пролежала...», к-рую исполняет Яков Турок в «*Певцах*». Первоначально, однако, (в рукоп. и в перв. публ. рассказа в *Совр*) герой исполнял др. песню — «При долинушке стояла...»; замена была произв. в отд. изд. 1852, возможно по совету *В. А. Инсарского*, отметившего, что веселая, почти плясовая песня не могла возбудить в слушателях грустных и томительных чувств, и посоветовавшего заменить ее «Дороженькой». Это дало основание предполагать, что «такое состязание могло быть устроено Тургеневым специально для проверки указаний Инсарского, в связи с текстом „Певцов“, готовившимся тогда для отдельного издания „Записок охотника“» (*ПССуП(2)*. Соч. Т. 3. С. 493). Т. встречался с Ж. в кон. 1850-х у *В. М. Белозерского*, ред. ж. «*Основа*», в к-ром активно сотрудничал Ж. (помимо статей, написанных для «*Основы*», в кач. прилож. к ж. он выпустил альбом гравюр «Живописная Украина»), а также в доме *В. Я. Карташевской* на Большой Моск. ул. на муз. и лит. вечерах, где собирался «малороссийский мирок» (п. Т. к *Карташевской* от 31 марта (12 апр.) 1859) — группа укр. писателей — *В. М. Белозерский*, *П. А. Кулиш*, *Н. И. Костомаров*, *Н. Я. Макаров* (брат хозяйки дома), *Т. Г. Шевченко*, *М. А. Маркович*.

Соч.: *Жемчужников Л. М.* Мои воспоминания из прошлого. Л., 1971.

Лит.: *Переселенков С.* Из переписки Тургенева с В. Я. Карташевской // *Гол Мин*. 1919. № 1–4; *Балакирев М. А.* Воспоминания и письма. Л., 1962. С. 95, 103; *Александрова Л. М.* И. С. Тургенев и братья Жемчужниковы // *Тургеневский ежегодник* 2001 года. Орел, 2002. С. 48–52.

Л. М. Александрова.

ЖЕМЧУЖНИКОВ Николай Михайлович (1824–1909), чин. мин-ва иностр. дел, брат *Алексея М., Л. М.* и *В. М. Жемчужниковых*. По всей видимости, знакомство Т. с Ж. состоялось в 1850-е. Через Ж. в 1860

Т. отправил *А. И. Герцену* в Лондон «две важные бумаги» (какие — неизвестно) для публ. в «*Колоколе*», о чем сообщал *Герцену* в письме от 22 мая (3 июня), прибавив: «...я знаю наверно, что ты его полюбишь от души». Первоначально Ж. планировал отправиться в Лондон в тот же день, однако задержался до 26 мая (7 июня), о чем Т. известил *Герцена* 23 мая (4 июня) (зд. же назвал Ж. «хорошим приятелем»), а 1 (13) июня Ж. доставил последнему письмо Т. и документы (*Герцен. Летопись*. Т. 3. С. 121, 123). Вместе с *В. П. Боткиным* Ж. встречался в это время с *Герценом* в Лондоне, о чем последний сообщал Т. (*Герцен*. Т. 27. Кн. 1. С. 72). По-видимому, о Ж. Т. писал *А. М. Жемчужникову* 7 (19) апр. 1877: «Мне было очень приятно встретиться с Вашим братом <...>. Несмотря на его странности, а может быть, по их милости, он внушает несомненную симпатию». Ж. послужил одним из прототипов Сипягина в ром. «*Новь*», о к-ром в «*Формулярном списке лиц новой повести*» сказано: «Средняя пропорциональная между Абазой и Жемчужниковым (и Валуевым). Либеральный бюрократ» (*ИССиП(2)*. Соч. Т. 9. С. 405, 568). Сохранились также воспом. *В. А. Соллогуба*, в к-рых воспроизведен сагирич. рассказ Т. о «церемонии» обеда в лондонском клубе, где его угощал Ж. (*ИВ*. 1886. № 11. С. 287–289; перепеч.: *Соллогуб*. С. 443–448).

Соч.: *Буда-Жемчужников Н.* <*Жемчужников Н. М.*> И. С. Тургенев и граф Соллогуб (Письмо в редакцию) // *НБГ*. 1886. 13 нояб. № 313; перепеч.: Газета Гатцука. 1886. 15 нояб. № 46.

Лит.: *Соллогуб В. А.* Воспоминания / Ред., предисл. и примеч. С. П. Шестерикова. Вступит. ст. П. К. Губера. М.; Л., 1931; *Александрова Л. М.* И. С. Тургенев и братья Жемчужниковы // *Тургеневский ежегодник 2001 года*. Орел, 2002. С. 48–52.

Л. М. Александрова.

ЖЕМЧУЖНИКОВА (р. Дьякова) Елизавета Алексеевна (1833–1875), жена поэта *А. М. Жемчужникова*. Знакомая Т., к-рый встречался с Ж. и ее мужем в 1866–1867 в *Баден-Бадене*, а 10 янв. 1869 был восприемником при крещении дочери Ж. Натальи в *Штутгарте*, куда специально приехал на один день из *Карлсруэ* (см.: Воспоминания протоиерея И. И. Базарова // *РСт*. 1901. № 11. С. 285). Возможно, она присутствовала на чтении Т. пов. «*Несчастная*», состоявшемся тогда же, и приняла участие в ее обсуждении. После ее смерти Т. писал *А. М. Жемчужникову* 26 янв. (7 февр.) 1877: «Я не часто встречался с Вашей женою — но она осталась в моей памяти как одно из самых прекрасных и чистых русских существ, каких мне только случалось встретить». О лирич. цикле стих-й *Жемчужникова*, посвященных ее памяти («Кончено. Нет

ее. Время тревожное...», «Гляжу ль на детей и грущу...», «Если б ты видеть могла мое горе...»), опублик. в *ОЗ* (1876. № 4. С. 690–692), Т. отозвался как о «поразительно правдивых и искренних» произ-х; о др. стих-х того же цикла — «За днями ненастными с темными тучами...» и «Чувств и дум несметный рой...» (Там же. 1877. № 5. С. 48–49) Т. писал поэту 7 (19) апр. 1877: «...лучше их Вы никогда ничего не написали. <...> они прекрасны — и достойны той, которую Вы потеряли».

Л. М. Александрова.

ЗУБОВА (р. Римская-Корсакова) Мария Воиновна (1749 (?)–1799) — автор стих-й, песен. По словам биографа, З. «была самая приятнейшая певица в начале царствования Екатерины II». В «Опыте исторического словаря о российских писателях» *Н. И. Новикова*, экз. к-рого хранится в мемориальной *Б-ке Т.*, сказано, что «сочинила немало разных весьма изрядных стихотворений, а особливо песен» (СПб., 1772. С. 68). Описание эт. изд. см.: *Б-ка Т. Каталог*. С. 139. З. считается автором весьма популярной во 2-й пол. XVIII и в XIX вв. песни «Я в пустыню удаляюсь...» (1791): «Я в пустыню удаляюсь / От прекрасных здешних мест; / Сколько горестей смертельных / Мне в разлуке должно снести» и т. д. (полн. текст песни см.: *Песни русских поэтов*: В 2 т. Л., 1988. Т. 1. С. 188–189). Песня упоминалась в ром. *Ф. М. Достоевского* «Подросток», в ром. *П. И. Мельникова-Печерского* «В лесах», в пов. *А. Погодельского* «Монастырка», в пьесе *А. Н. Островского* «Бесприданница»; не обошел своим вниманием эту песню и Т. В рас. «*Контора*» он использовал ее для соц. и речевой характеристики персонажа: «На крыльечке темного и гнилого строения, вероятно бани, сидел дюжий парень с гитарой и не без удали напевал известный романс:

Э — я фа пасатыню удаляюсь
Ата прекарасаных седешенеа мест...

и проч.». (*ПССиП(2)*. Соч. Т. 3. С. 141).

С. Л. Жидкова.

ИГНАТЬЕВ Николай Павлович (1832–1908), граф, гос. деятель, в 1864–1877 посол в Турции, в 1881–1882 министр внутр. дел. Современники отзывались об И. как о беспринципном и лживом человеке. Так, по восп. *П. А. Кропоткина*, константиноп. дипломаты прозвали его «Лгун-паша». Т. в п. от 25 февр. (9 марта) и 27 февр. (11 марта) 1877 к *Н. С. Тургеневу*, а также от 1 (13) марта и 5 (17) марта 1877 к *Ю. П. Вревской* упомянул И.,

прибывшего в *Париж* с целью обеспечить нейтралитет европ. стран в предстоящей *русско-турецкой войне*. Преуменьшая воен. возможности Турции, И. отчасти явился виновником недостаточной подготовки *России* к войне. Во время воен. действий И., назначенный чл. Гос. совета, состоял в свите государя, а в янв. 1878 участвовал в переговорах с турками, окончившихся *Сан-Стефанским мирным договором*. На *Берлинском конгрессе 1878* первонач. условия договора были изменены в ущерб *России*. Т., внимательно следивший за конгрессом, 14 (26) июня 1878 писал *Н. В. Ханькову*: «Как, однако, ловко нас секут на Берлинском конгрессе! Вот что значит, не спросясь броду, сунуться в Игнатьева!» — а 22 сент. (4 окт.) 1881, намекая на подписанное И., назначенным министром внутр. дел, «Положение о мерах к охранению государственной безопасности и общественного спокойствия» (после убийства *Александра II*) писал *М. М. Стасюлевичу*: «Засим желаю Вам всяких благ под крепким оплотом усиленной охраны <...>».

Сведений о личн. знакомстве Т. с И. не имеется, но *Е. М. Феоктистов* привел любопытный факт, свидетельствующий о «расположении» И. к Т.: «...вскоре по воцарении Александра Александровича министр внутренних дел граф Игнатьев возымел мысль посадить в Государственный совет нескольких особенно выдающихся литераторов и для первого дебюта остановился на М. Н. Каткове и И. С. Тургеневе; со свойственной ему болтливостью он начал разглашать об этом еще прежде, чем принял какие-нибудь меры для осуществления своей затеи, а потом, когда получил отказ от государя, напечатал в „Правительственном вестнике“ опровержение распространенных им же самим слухов» (*Феоктистов*. С. 116).

С. Л. Жидкова.

КАТОН Марк Порций (Marcus Porcius Cato) **МЛАДШИЙ** или Утический (95–46 до н. э.), рим. полит. деятель, убежденный республиканец, один из лидеров сенат. партии (оптиматов); в период борьбы *Цезаря* с *Помпеем* решительно поддержал последнего. После победы *Цезаря* при Тапсе в 46 покончил с собой.

Героич. образ К., не пожелавшего перенести гибель республики, не мог не привлечь Т. Имя К. возникает в произ-х Т. нередко в связи с характеристикой лиц, отличающихся упорством, честностью, прямоотой характера. Так, в ром. «*Новь*» (1876) Паклин сравнивает Марианну с римлянкой времен К., подчеркивая твердость и мужество героини (*ПССУП*(2). *Соч.* Т. 9. С. 346). В <«*Письмах о франко-прусской войне*»> Т., характе-

ризуя выступления нем. демокр. партии против аннексии Эльзаса и Лотарингии, сравнил с К. ее гл. представителя *И. Якоби*, противника бисмарк. политики объединения *Германии* «железом и кровью» (Там же. Т. 10. С. 322).

В. А. Лукина.

КИСЕЛЕВ Павел Дмитриевич (1788–1872), граф, брат *Н. Д. Киселева*, дядя А. С. Тетеры (см.: *Н. Г. Тетера*) и *Н. А. Милютина*. Ген.-адъютант, участник *Отечественной войны 1812*, в том числе Бородинского сражения; с 1819 — нач. штаба 2-й армии, где служили мн. *декабристы*. С 1835 — постоянный чл. всех секретных комитетов по крестьянскому вопросу, сторонник освобождения крестьян. В 1837–1856 — министр гос. имуществ, в 1856–1862 — рус. посол во *Франции*. В дневниковой записи от 3 июня 1834 *А. С. Пушкин* назвал К. «самым замечательным из наших государственных деятелей». По свидетельству *П. А. Вяземского*, К. притерпелся антипушкинской стороны в деле дуэли и смерти поэта (*ЛН*. Т. 58. С. 136).

Т. познакомился с К., очевидно, в 1857 в *Париже*. «Я обедал, батюшка, у Киселева, — не без иронии сообщал он *П. В. Анненкову* 3 (15) апр. 1857, — вот какой я стал нынче смиренный». 10 (22) мая 1858 Т. вновь обедал у рус. посла, о чем сообщал 13 (25) мая *В. П. Боткину* «... в субботу обедал у посланника, где все были русские, кроме одного: Геккерена, убийца Пушкина... admirez le tact de Kisseleff <восхититесь такту Киселева — франц.>». *А. И. Герцен*, узнав об этом инциденте (возможно, от Т.), с возмущением писал в «*Колоколе*»: «... все русское население, гуляющее в Париже, собралось на домашний, русский пир к послу; один иностранец и был приглашен как почетное исключение — Гекерен, убийца Пушкина! / Ну найдите мне пошехонцев, ирокезов, лилипутов, немцев, которые бы имели меньше такта!» (*Герцен*. Т. 13. С. 349). По предположению *А. И. Батюто*, именно К., находясь в авг. 1862 в *Баден-Бадене*, сделал Т. «официозное предостережение» не печататься в *Колоколе*, о чем сам Т. сообщал *Герцену* 26 сент. (8 окт.) 1862 (см.: *ПССиП*(2). П. Т. 5. С. 461).

Полемика с *Герценом* и сатирич. изображение высшего светского общества, в частности круга графа К., нашли отражение в ром. «*Дым*» (1867). 14–15 (26–27) марта 1868 Т. с иронией сообщал *П. Виардо*: «Сегодня я видел старого графа Киселева, который все больше превращается в развалину и с удовольствием читает „Дым“!». Несмотря на это, отношение Т. к К. не было однозначным: участие в *Отечественной*

войне 1812, знакомство с *Пушкиным* и *декабристами*, заслуги К. на дипломатическом поприще в тяжелые для *России* времена (после *Крымской войны*), неизменная приверженность делу освобождения крестьян, наконец, личное, без сомнения, доброжелательное отношение высокого сановника к писателю, не могли не вызвать чувства уважения. Не случайно 30 марта (11 апреля) 1868 Т. писал *Н. В. Ханькову*: «...черкните мне несколько слов о том, что подельвается в Париже, и поклонитесь всем знакомым, которых увидите, не забывая гр. Киселева», — а в нояб. 1872, узнав о смерти К., напишет *М. А. Милютиной*: «Моя болезнь помешала мне отда<ть> последний долг графу Киселеву; я его видел года два тому назад — и уже тогда он заметно разрушался» (*ПССиП*(2). *Письма*. Т. 12. С. 70).

Г. Н. Павлова.

КОМИССАРЖЕВСКАЯ Вера Федоровна (1864–1910), рус. актриса, основала в 1904 собств. театр в *Пб.*, где в сезон 1905/1905 шла пьеса Т. «*Завтрак у предводителя*». В 1903 композитор *А. С. Аренский* написал три «мелодекламации» на «*Стихотворения в прозе*» Т. («*Нимфы*», «*Как хороши, как свежи были розы...*» и «*Лазурное царство*»), посвятив их К. Кажд. из трех «мелодекламаций» были написаны отдельно и вышли в свет в нач. 1904. На обложках вверху стояла надп.: «Посвящается Вере Федоровне Комиссаржевской». Возможно, *Аренский* знал, что в сезон 1894/1895 К. уже выступала в Вильне с чтением стих. в прозе Т. «*Как хороши, как свежи были розы...*». Перв. выступление К. под музыку *Аренского* состоялось в *Пб.* 1 нояб. 1903 в зале Дворянского собрания, но композитор на нем не присутствовал. В афише были перечислены названия трех стих. в прозе Т. и было указано, что это «мелодекламация с сопровождением оркестра, музыка (рукопись, в первый раз) *А. С. Аренского*».

Соч.: Письмо В. Ф. Комиссаржевской к *А. С. Аренскому* <окт. 1903> // *Театр Насл.* 1956. С. 514.

Лит.: *СПб Вед.* 1903. 3 (16) нояб. № 301; *Бруштейн А.* Страницы прошлого. М., 1952. С. 24; Письма В. Ф. Комиссаржевской / Публ. Л. Н. Назаровой // *Театр Насл.* 1956. С. 513–516.

Л. Н. Назарова.

КОРБ (Korb) Иоганн Георг (ок. 1670 — ок. 1741), нем. дипломат и гос. деятель. С 1698 секретарь австр. посланника в *России* Гвариента. Встречался с *Петром I* и его окружением. По возвращении в *Австрию*

издал описание своего путешествия в *Россию* на лат. яз.: «*Diarium itineris in Moscoviam etc.*» (кон. 1700 или нач. 1701), где содержался дневник с 10 янв. 1698 по 27 сент. 1699, описание стрелецкого бунта, казней, а также ряд критич. отзывов о *Петре*, рус. нравах и проч. По требованию рус. правительства соч. К. было уничтожено. В 1859 в *Париже* вышел пер. на франц. яз. «Дневника» К., выполненный кн. *Авг. Голицыным*. Известно неск. переводов на рус. яз. отрывков из соч. К. Полностью изд. впервые *М. И. Семевским* в 1866–1867 в *РВ*. Возможно, именно зд. Т. почерпнул сведения о своем предке *Якове Федоровиче Т.*, состоявшем шутом при дворе *Петра* и принимавшем участие в обрезывании бород бояр, о чем с гордостью упомянул Т. в письме к *П. Н. Полевому* от 17 (29) окт. 1873 (см.: *Жидкова С. Л.* Тургеневы в петровское время (Комментарий к одному письму И. С. Тургенева) // *РЛ*. 1999. № 3. С. 123).

Н. П. Генералова.

ЛЕТКОВА Екатерина Павловна (в зам. Султанова; 1856–1937), прозаик, автор мемуаров, обществ. деятель, переводчица. Окончила Высш. женск. курсы В. И. Герье в *Москве*. Начала печататься в 1881 (*РМ*. № 10, пов. «Ржавчина»); мн. произ-я Л. были опубл. в ж. *Рус Бог-во*, гл. ред. к-рого был *Н. К. Михайловский*, а одним из чл. редакции *В. Г. Короленко*, а также в *ОЗ*, *РМ*, *Сев Вестн* и др. Л. была знакома с *Т. Я. П. Полонским*, *Ф. М. Достоевским*, *И. А. Гончаровым*, *А. Н. Островским*, *Г. И. Успенским* и др. *П. Д. Боборыкину* запомнилась ее речь, «с большим волнением» произнесенная «прекрасною собою» Л. на обеде в честь Т. в моск. «Эрмитаже» весной 1879 (*Боборыкин*. Т. 2. С. 407). Значит. часть восп. Л. посвящена пушкинским торжествам в *Москве* в 1880, свидетелем к-рых она стала, еще будучи курсисткой. Сопоставляя речи Т. и *Достоевского*, Л., отражая настроения студенческой молодежи, отдает предпочтение Т., отмечая: «Еще до речи Достоевского на Пушкинском празднике уже определилось первое место Тургенева, и у подножья памятника, и в университете, и на всех празднествах, где бы ни появился этот седой гигант, он был первым лицом. Но и на всех литературных собраниях, так распространенных в то время среди молодежи, Достоевскому неизменно противопоставлялся Тургенев и, может быть, преувеличивались преступления против жертвенных стремлений молодежи — одного и раздувалось значение в этом смысле — другого» (*Достоевский в восп совр.* С. 393).

Испытав в своем творчестве влияние Т., Л. оставила восп. о встречах с писателем (см. сб. «К свету»), в к-рых она писала и о тург. героинях

нях: Лизе, Наталии, Вере («*Фауст*»), Марии Александровне («*Перетиска*»), Елене, Асе, Марианне, заканчивая след. словами: «...у всех этих женщин были крылья, но они были связаны и нам было завещано развязать их. И за этот завет мы — русские женщины должны быть горючо благодарны Ивану Сергеевичу» (С. 455).

Значительно позднее Л. написала биографию Т. Создавая ее, она исходила из утверждения самого писателя: «моя биография в моих сочинениях», обильно цитируя отрывки из мн. произв-й, подчеркивая автобиографич. эпизоды, среду и прототипы, запечатленные в творчестве Т. Заканчивая биографию, Л. справедливо указывала, что Т. заговорил «о народе таким языком, каким до него еще не говорили, и в такое время, когда народ в России был на положении бесправного раба. Он вселил великую веру в него, заставил увидеть в нем „человека“, почувствовать живую душу, великое сердце...» (С. 78). В 1930-х у Л., жившей тогда в Ленинграде, в Доме ученых, бывал *Д. Н. Журавлев* и читал ей рас. Т. «*Певцы*». Л. была чл. Правления Ленингр. Пушк. общества.

Соч.: Русская женщина в романах Тургенева // Друг женщин. 1883. № 10–12; Об Иване Сергеевиче Тургеневе (Из воспоминаний курсистки) // К свету. СПб., 1904. С. 449–465; Иван Сергеевич Тургенев (Общедоступная биография и характеристика к столетию со дня рождения). Пг., 1918. 78 с.; О Ф. М. Достоевском // *Звенья*. Вып. 1. С. 467–469; перепеч.: Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. / Сост. А. С. Долинин. М., 1964. Т. 2. С. 389–395.

Лит.: Журавлев Д. Н. Жизнь. Искусство. Встречи. М., 1985. С. 90–91; *РПБС*(3). С. 350–351.

Л. Н. Назарова.

МАНИН (Manin) Даниэль (1804–1857), итал. полит. деятель, адвокат. В 1847 внес в представительное собрание *Венеции* записку с требованием исполнения конституции 1815, законов о печати, за что подвергся аресту. Освобожден восставшими 17 марта 1848, возглавил штурм австр. арсенала, после взятия к-рого провозгласил на площади республики. После передачи муниципалитетом *Венеции* власти М. он составил временное правительство, стал президентом и министром внутр. дел. Убеденный республиканец, М. отказался присоединиться к войскам монархич. Пьемонта в воен. действиях против *Австрии*, отказался от власти, но после поражения пьемонтской армии вновь стал президентом, а затем диктатором *Венеции*. Рассчитывая на помощь *Франции*, совершил неск. тактич. ошибок во время руководства обороной города и вынужден был сдать его австрийцам. Получив от венец. муниципалитета 24 тыс. ливров в награду за заслуги, удалился в изгнание во *Фран-*

цию. В 1855 опубликовал обращение к пьемонтской монархии, заявив от имени республ. партии о готовности отказаться от республ. программы во имя создания единой и независимой *Италии* (Times. 1855. сент.). Обвинил *Маццини* в проповеди доктрины полит. убийств и «теории кинжала». В 1857 создал «Итальянский нац. союз», ставивший целью объединение *Италии* под властью пьемонтской монархии.

Откликаясь на вышедший в 1857 ром. *Ж. Санд* «Даниэла», М. написал вместе с *А. Шеффером*, *А. Мартеном* и др. письмо, опубл. в газ. «Le Siècle» 12 марта 1857, где писательница была причислена к врагам *Италии* (см.: ПССУП(2). Письма. Т. 3. С. 565). Как писала газ. «Сев Пчела», «известный итальянский демагог Манини умер от болезни в сердце на 53-м году от рождения» (1857. 19 сент. № 204). М. был другом семьи *Виардо* и *А. Шеффера*, к-рый разрешил похоронить М. и его дочь *Эмилию Манин* в собств. склепе. В связи с кончиной самого *Шеффера* газ. *СПб Вед* сообщала, что он «похоронен рядом с Манен (Manin), его знаменитым другом, и с девицею *Эмилией Манен*, умершею за несколько дней до ее отца. Да, Ари Шеффер предложил этим двум изгнанникам <...> гостеприимное убежище в его собственной гробнице, в ожидании счастливого дня, когда Италия возвратит должные почести его праху» (1858. 17 июля. № 155). Действительно, в 1861 в Турине ему был сооружен памятник, а в 1875 в *Венеции* воздвигнута бронз. статуя.

Семью *Виардо* и М. связывала общность полит. симпатий. В неопубл. письме М. к *П. Виардо* от 25 дек. 1851 он просил о ее содействии в собирании подписей под сускрипционным листом (BN). Бумаги М. были изъяты при обыске на парижской квартире *Виардо* после *переворота 2 декабря 1852*. Мнение *П. Виардо* о М. содержится в письме от 21 июля 1859 к *Ю. Рущу* (Revue Pleyel. 1925. Avril. P. 13 a).

Т. мог познакомиться с М. у *Виардо*, однако сведений о личных отношениях с ним не сохранилось. Указание в письме к *Л. Виардо* от 4 (16) окт. 1857 на появивление в «*Journal des Débats*» «очень хорошо написанной» «большой» ст. о М. свидетельствует о том, что Т. был осведомлен о деятельности итал. революционера и, очевидно, сочувствовал ей, как и той борьбе за независимость и объединение *Италии*, к-рую вел *Гарibaldi*.

Н. П. Генералова.

МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА (р. принцесса Максимилиана-Вильгельмина-Августа-София-Мария; 1824–1880), с 1841 жена *Александра II*, с 1855 имп.-ца. Отличалась религиозностью и благочестием, заботилась

о женском образовании, занималась благотворительностью. По ее инициативе открыты женские епархиальные училища, основан Красный Крест.

По словам *П. Л. Лаврова*, в заключит. сцене ром. «*Дым*» (1867) многие узнавали приемную имп. М. А. (*ЛН*. Т. 76. С. 232). В письме к *П. В. Анненкову* от 25 окт. (6 нояб.) 1878, сообщая, что дочь воен. министра *Д. А. Милютина* Елизавета, бывшая фрейл. М. А., ушла в монастырь, Т. заметил: «Вон оно что значит — долгое сожителство с императрицей!». В неопубл. восп. *С. Г. Щепкиной* приводится высказывание Т. о М. А.: «Страшная судьба этой красавицы-царицы. Очень образованная, умная, деликатная, при всех данных для счастья была не из счастливых. Она не пользовалась авторитетом у своего легкомысленного супруга» (*ОГЛИМТ*. Инв. 2555–2560).

С. Л. Жидкова.

МЕНЦЕЛЬ (Menzel) Адольф фон (1815–1905), нем. график и живописец, автор картин на ист. темы и жанр. картин, портретов, пейзажей. В 18 лет закончил серию литографий по мотивам стих-й *Гёте*; в 24 года получил заказ сделать иллюстрации к «Истории Фридриха Великого» Ф. Куглера, к-рые стали нов. явлением в нем. графике. В 40-е создал картины, иллюстрирующие «Сочинения Фридриха Великого», городские пейзажи, портреты близких ему людей. В марте 1848 написана перв. ист. картина «Похороны мартовских жертв». В кон. 40-х — нач. 50-х полотна, составившие знаменитую «Фридрихиану», принесли М. славу ист. живописца. Источником сюжетов для жанр. картин в 50-е — 60-е послужили ежегодные путешествия по *Германии, Австрии* и др. европ. странам.

Знакомство Т. с М. произошло через *Л. Пича*, к-рый, возможно, рекомендовал М. соч. Т-ва, о чем косвенно свидетельствует письмо Т. *Пичу* от 15 (27) янв. 1865: «То, что Вы пишете мне о Менцеле, возбуждает во мне *прямо-таки гордость*». Как следует из письма *Пича* к *Т. Шторму* от 7 (19) июля 1865, личное знакомство состоялось ок. 20–21 мая (1–2 июня) 1865 в *Берлине*: «Шесть недель тому назад у нас была большая радость: Тургенев заезжал сюда по пути в Россию. Если бы мне только удалось когда-нибудь познакомить тебя с этим превосходным человеком! Он совершенно очаровал весь наш здешний кружок с Менцелем во главе; а Тургенев в свою очередь увидел в Менцеле самое значительное явление нового искусства среди всего того, что ему до сих пор где-либо и когда-либо приходилось встречать» (*ЛН*. Т. 76. С. 587). На обратном пути из *России* был назначен визит Т. к М., к-рый не со-

стоялся (*Pannix*. С. 332). Развернутый отзыв о картинах М. содержится в письме Т. к *П. Виардо* от 21 мая (2 июня) 1865, где упоминаются три картины М. (одна из к-рых — «Коронация короля Пруссии Фридриха-Вильгельма I в Кенигсбергском соборе» (1861–1865)): «Я, может быть, сильно преувеличиваю, но должен сказать, что мощь колорита, равно как и верность и тонкость в портретных изображениях у этого художника необыкновенные. Он напоминает мне Рембрандта — этим сказано все!». Зд. же Т. упоминал о подаренной ему художником литографии с одной из его картин: «Спор отрока Иисуса Христа во храме», о к-рой он дал след. отзыв: «Это безжалостный реализм, но я нахожу это удивительным <...>» (судьба литографии неизвестна). В дальнейшем Т. неоднократно упоминал о М. в письмах к *Пичу* и др. адресатам.

Восторженный отзыв о М. содержится в написанном после визита к художнику письме к *Клоди Виардо* от 18 (30) дек. 1869: «...он показал мне этюды, акварели. Утверждаю, что это чудо из чудес. Среди них есть попугай в зарослях тропических растений, который ослепляет вас, словно солнце; буйвол, продирающийся сквозь тростник, львы, тигр (невиданный), развалины с аистами на ночном небе, китайки под ярким солнцем, кормящие серебристых фазанов, кафе на открытом воздухе, наполненное посетителями, среди которых выделяется толстый господин в лиловом, написанный столь достоверно, что чувствуешь, как он дышит; экипаж, запряженный парой лошадей, бредущих вдоль песчаного берега моря. Одна лошадь только что ступила в ямку с водой и подняла кучу брызг — надобно видеть все это... Это нечто удивительное в своем роде <...>». М. был знаком и с семьей *Виардо*, а для *Клоди Виардо*, успешно занимавшейся живописью, он даже, как следует из того же письма Т., подыскивал учителя.

В мае 1871 М. сделал карандашный портрет Т., оригинал к-рого погиб во время бомбардировки *Дрездена* в 1945. Первоначально эт. портрет был приписан *Пичу* (см.: Iwan Turgenjew an Ludwig Pietsch. Briefe aus den Jahren 1864–1883 / Hrg. von Alfred Doren. Mit Zeichnungen von Ludwig Pietsch. <Berlin>, 1921. S. 15–16, 177), но в каталоге Бернера 1939 описан как принадлежащий М. (*Boerner C. G. Versteigerungskatalog*. 1939. S. 201), на что впервые обратил внимание тургеневедов Х. Раппих (*Pannix*. С. 330. Там же на с. 331 воспроизведен портрет Т. работы М. по копии в каталоге Бернера). На портрете надпись рукой М.: «Turgeneff. Mai 1871». Хотя «почерк дает возможность легко опознать автора», «лучшим доказательством авторства Менцеля является четкость, простота и ясность линий, которые резко отличаются от расплывчатой и мягкой манеры рисунков Пича» (*Pannix*. С. 330).

В 1876 Т. собирался купить один из ист. картонов М. «в дар одной московской школе рисования» (очевидно, первому в *России* художественно-промышленному училищу, основанному С. Г. Строгановым), о чем писал *Пичу* 16 (28) янв. 1876 и просил узнать о приблизительной его стоимости, однако сведений об эт. покупке в изв. источниках нет. Возможно, по просьбе Т., *Пич* выслал ему в кон. 1876 фотографию с картины М., за к-рую Т. благодарил его 23 янв. (4 февр) 1877: «Я очень люблю эту вещь. Она серьезна и правдива — и представляет собой произведение мастера».

Вспоминая обстоятельства знакомства Т. с М., *Пич* писал в своих восп.: «Талантливость, серьезность, внутренняя правдивость, откровенный и верный взгляд на жизнь, которые Тургенев нашел в произведениях Менцеля, восхищали его и сделали из него горячего поклонника искусства и личности этого несравненного мастера», — и далее: «То же, что привязывало Тургенева к Менцелю в области пластического искусства, сблизило его с Флобером и послужило основанием их прочной дружбы. Как у немецкого живописца, так и у французского романиста он находил серьезное, благоговейное отношение к делу, неподкупную любовь к правде, откровенность и строгость художественной совести, которые казались ему, наряду с талантливостью, первыми основами и главными условиями настоящего искусства» (*Т в восп совр* (2). Т. 2. С. 253–256).

По свидетельству *Гальперина-Каминского* (со ссылкой на *Пича*), существовали письма Т. к М. (*ВЕ*. 1909. № 3. С. 253), а также письма М. к Т. (см. п. Т. к *Пичу* от 16 (28) янв. 1876), однако ни одно письмо из переписки не сохранилось.

Лит.: *Pannix X.* К портрету Тургенева работы Адольфа Менцеля // *Т Сб.* Вып. 1. С. 329–332; *Шульце-Леман Кристина.* Тургенев в переписке Теодора Шторма с Людвигом Пичем // *ЛН.* Т. 76. С. 587; *Rappich H.* Eine Turgenewzeichnung Adolf Menzel // *T und Deutschland.* S. 300–302; *Kluge R.-D.* Ivan S. Turgenew. Dichtung zwischen Hoffnung und Entsagung. München, 1992. S. 14.

А. М. Кокин.

МИТРОФАНОВ С. М. (возм., Сергей Михайлович), по всей видимости, был содержателем и руководителем популярного рус. хора (предположительно, из ямщиков), в к-ром сам пел басовые партии. В 1799 М. издал сб. песен, в предисл. к к-рому писал: «Я курныкаю кое-как, в удовольствие любящих русский голос, русские песенки про невинную любовь; и признаюсь, что нет ничего приятнее для сердца моего, как когда на досуге хвачу с раскатцем и с балалаечкой песенку про ма-

тушку про любовь, в честь которой присовокупляются ручейки, лужочки, рощицы, долины, пригорки, цветочки, птички, свирелки, хороводы и проч.» (Песни русские известного охотника М., изданные им же, в удовольствие любителей оных. СПб., 1799). Сборник М. содержит 12 песен, в том числе «Солнце на закате»: «Солнце на закате, / Время на утрате — / Сем-ка, девки, на лужок, / Где муравка, где цветок; / Где мы вечером резвились, / В хороводе веселились; / Ну-тка, примемтесь опять / Ту ж игорку продолжать!» и т. д., к-рую Т. упомянул в пов. «*Заттишье*» (1854) для психологич. характеристики героя: «Какую бы теперь нам песню спеть? — проговорил Веретьев, перебирая струны гитары <...> и, ударив по струнам, протяжно затянул: „Солнце на закате“. / Он пел славно, бойко и весело. Его мужественное лицо, и без того выразительное, еще более оживлялось, когда он пел; изредка подергивал он плечами, внезапно прижимал струны ладонью, поднимал руку, встряхивал кудрями и соколом взглядывал кругом. Он в Москве не раз видал знаменитого Илью и подражал ему. Хор дружно ему подтягивал». (ИССУП(2). Соч. Т. 4. С. 409).

С. Л. Жидкова.

МУР (Moore) Томас (1779–1852), англ. поэт. В 1800 вышел в пер. М. том од *Анакреона* («Odes of Anacreon»), в 1801 — сб. стих-й («Poetical Works») под псевд. «Томас Маленький» (Thomas Little). Лучш. произ-я М. — «Ирландские мелодии» («Irish Melodies», 1807–1834), поэмы «Лалла Рук» («Lalla Rookh», 1817), «Любовь ангелов» («The Loves of the Angels», 1823), ром. «Эпикуреец» («The Epicurean», 1827). М. опубликовал также ряд сатир: «Письма и дневники лорда Байрона с замечаниями о его жизни» («Letters and Journals of Lord Byron with Notes of his Life», 1830), биогр. *Р. Б. Шеридана* и «Историю Ирландии» (1835–1846).

В беседе с Т. Х. *Бойесен* упомянул о М. в связи с поездкой поэта в Америку в 1803: «Я заметил, что многие европейские авторы, как Мур, Марриэт, Диккенс, Гейворш-Диксон, посетили Америку; но вследствие того, что они приезжали с готовыми предрассудками или же не обладали умением проникнуть сквозь наружную оболочку, они не нашли в Америке ничего, кроме политической испорченности, и, возвращаясь домой, издавали книги, наполненные искажениями всякого рода. — Вы совершенно правы, — воскликнул Тургенев <...>» (*Т в восп совр* (2). Т. 2. С. 326). Вероятно, *Бойесен* имел в виду кн. М. «Послания, оды и другие стихотворения» («Epistles, Odes, and other Poems», 1806), в к-рой поэт подверг критике Америку и ее нравы. В письме к В. П. *Боткину*

от 21 июля (2 авг.) 1856 Т. привел цит. из стих-я *Байрона*, обращенного к М.: «To Thomas Moore» (1817).

Знакомство с поэзией М. подтверждается наличием в родовой *Б-ке Т.* объемного тома соч. М. с подчеркиваниями в тексте и маргиналиями: *The Works of Thomas Moore, esq. Accurately printed from the last original editions with critical notes and a sketch of his life. A new edition complete in one volume. Leipzig: Printed for Ernest Fleischer, 1833.*

Лит.: Waddington. P. 8.

Л. В. Миндыбаева.

МУРАВЬЕВ-АМУРСКИЙ Николай Николаевич (1809–1881), граф, ген.-адъют., чл. Гос. совета, ген.-губ. Вост. Сибири (1847–1861). Во время недолгого губернаторства в *Туле* (1846–1847) первым из губернаторов поднял вопрос об освобождении крестьян. Поданный на имя *Николая I* по эт. поводу адрес составил в глазах государя мнение о М.-А. как о «либерале и демократе», что послужило причиной «ссылки» его в Вост. Сибирь, где при ближайшем содействии М.-А. за *Россией* было закреплено устье р. Амур и возвращены территории, уступленные в 1689 Китаю (по айгунскому трактату, заключенному М.-А. 11 янв. ст. ст. 1854 с Китаем, Амур стал границей между двумя странами). В Сибири М.-А., «человек далеко недюжинный по уму и по административным взглядам», общался с сосланными туда декабристами и петрашевцами, содействуя улучшению их положения, а с нек-рыми, как, напр., А. Поджио, был дружен (*Белоголовый*. С. 74–75, 85–86 и др.), добился отмены обязательных работ нерчинских крестьян на рудниках, сформировав из них казачье войско, расселенное по берегам Амура. В 1861, будучи родственником *М. А. Бакунина*, сосланного в Сибирь, содействовал его переводу в Иркутск, откуда *Бакунин* бежал в *Лондон*, что навлекло на М.-А. неприятности по службе. Последние 20 лет провел в *Париже*, изредка приезжая в *Россию*.

Т. встречался с М.-А. и его женой в салоне *Н. И. Тургенева* (см. записи в дневнике *Фанни Тургеневой* — *ЛН*. Т. 76. С. 372, 384, 386, 389, 390, 392, 394, 396), в том числе на обедах в память *реформы 1861*. Описывая один из таких обедов в письме к *П. Виардо* от 14, 15 (26, 27) марта 1868, Т. упомянул, что на нем присутств. М.-А., а в письме к *П. В. Шухахеру* от 21 июля (2 августа) 1873 Т. обещал передать М.-А. поклон.

22 нояб. н. ст. 1878 Т. и М.-А. присутствовали на отпевании и похоронах *Н. В. Ханькова*, где Т. произнес речь. Сохранилось извещение о смерти *Ханькова* с адресом М.-А., написанным рукой Т. (*ЛН*. Т. 76. С. 414; *ИРЛИ*. Ф. 309. № 3767). О том, что Т. и раньше встречался с М.-А.,

свидетельствует хранящееся в *BN* (Slave 81. F. 13) письмо М.-А. к Т., помеченное 10 (22) февр., четвергом (очевидно, ошибка М.-А.), к-рое можно датировать 1863, с извинениями по поводу невозможности присутствовать на обеде вместе с *Н. В. Ханьковым* «у Вефура», там же упоминается о том, что они встречались у *В. П. Боткина*. Возможно, обед, о к-ром идет речь в письме, был связан с отъездом *Боткина* в *Италию*.

Н. П. Генералова.

НАШ (НЭШ) (Nash, Nashe) Томас (1567–1601), англ. драматург и памфлетист, предшественник *Шекспира*. Автор ком. «Последняя воля и завещание Лета» («Summer's Last Will and Testament», 1592). Пьесу Н. «Собачий остров» («The Isle of Dogs») не позволили печатать. Публицист. дар Н. проявился в памфлетах: «Анатомия нелепости» («The Anatomie of Absurditie», 1589), «Мольба к чорту Пирса Безгрошового» («Pierce Penillesse, his Supplication to the Divell», 1592), «Плач Христа над Иерусалимом» («Christe's Tears overs Jerusalem», 1593) и др.

Летом 1870 Т. показ. *В. Рольстону* в *Спасском* тома соч. «старых» англ. драматургов (*Т в восп совр* (2). Т. 2. С. 307). Очевидно, это было хранившееся в родовой *Б-ке Т.* 12-титомн. собр. стар. англ. пьес *Р. Додсли* (A Select Collection of Old Plays. In twelve volumes. A new edition: with additional notes and corrections, by the late Isaac Reed, Octavius Gilchrist and the editor. London, 1825–1827). В т. 9 эт. изд. наряду с пьесами др. авторов напечатана ком. Н. «Последняя воля и завещание Лета». В тексте пьесы и примеч. к ней имеются пометы карандашом, сделанные Т. Сведения о Н. Т. мог также почерпнуть из 3-хтомн. «Истории драматической поэзии» *Кольера*, хранившейся в родовой *Б-ке Т.*

Т. упомянул имя Н. в ром. «*Дым*»: «...Ворошилова вдруг прорвало: единым духом, чуть не захлебываясь, он назвал Дрепера, Фирхова, <...> Томаса Наша, Пиля, Грина... „Это что за птицы?“ — с изумлением проворкотал Бамбаев. „Предшественники Шекспира, относящиеся к нему, как отроги Альп к Монблану!“ — хлестко отвечал Ворошилов и также коснулся будущности России» (*ПССиП*(2). Соч. Т. 7. С. 266–267).

Лит.: Waddington. P. 165.

Л. В. Миндыбаева.

ПАРГОЛОВО, пригород *Пб.* по Выборгскому направлению, любимое место отдыха горожан (в настоящее время станция П. находится в неск. км от бывшего П.). В П. Т. снимал дачу летом 1844 (местонахожд. точно

не установлено). Зд. написаны поэмы «Разговор» и «Пон», стих-я «Гроза промчалась», «Призвание», «Откуда веет тишиной?..», «Брожу над озером...», «Один, опять один я. Разошлась...». В «Воспоминаниях о Белинском» Т. писал, что после возвращения из Москвы критик «поселился на даче в Лесном. Я также нанял дачу в первом Парголово и до самой осени почти каждый день посещал Белинского» (ПССиП(2). Соч. Т. 11. С. 24). Более подробно Т. рассказал о своем пребывании в П. и в окрестностях Лесного ин-та в ст. «Встреча моя с Белинским (Письма к Н. А. Основскому)»: «...наше сближение летом 1843 года <Т. ошибся: на даче в П. он жил летом 1844> имело результатом продолжительные шестичасовые беседы, в течение которых мы с Белинским касались всех возможных предметов, преимущественно, однако, философских и литературных...» (Там же. С. 169). Передавая содержание эт. бесед, Т. писал о Белинском: «Для него литература была одним из самых полных проявлений живых сил народа; он требовал от критика вообще — и от себя — не столько изучения народа и его истории, сколько любви к нему и понимания его, вместе с пониманием художества и поэзии <...>. Он чувствовал, что в то время, когда он писал, прямо действовать на общественное сознание было невозможно <...>» (Там же. С. 170). Разговоры и споры с Белинским летом 1844 имели важное значение для формирования мировоззрения и выбора творч. пути начинающего писателя.

В П. была написана и антиклерикальная эротич. поэма «Пон», в к-рой отразились нек-рые события парголовской жизни Т., в частности, его ухаживания за попадшей, а з-м за свояченицей священника Свято-Парголовской церкви Николая Соболева. Дом Соболева находился у кладбища (ныне Выборгское шоссе, № 102); на месте деревянного дома, к-рый посещал Т., впоследствии был выстроен каменный. Дача, где Т. провел лето 1844, находилась на берегу Большого Суздальского озера, а деревня, располагавшаяся зд., именовалась Первое Парголово: «Итак, друзья, я жил тогда на даче, / В чухонской деревушке, с давних пор / Любимой немцами... <...> // Вокруг меня — все жил народ известный: // Столичных немцев цвет и сок...» (строфы V–VI поэмы «Пон»: ПССиП(2). Соч. Т. 1. С. 385). Речь идет о семьях петерб. купцов нем. происхождения, к-рые действительно любили проводить лето в эт. местах. Эпизод из парголовской жизни Т., нашедший возможно, отражение в написанной позднее (совм. с В. П. Боткинским, А. В. Дружининым и Д. В. Григоровичем) пьесе «Школа гостеприимства», описан в восп. А. Я. Панавой. Пригласив к себе на дачу гостей, в числе к-рых были Белинский, И. И. Панаев и Н. А. Некрасов, Т. забыл о приглашении и находился

в доме свящ. Соболева: «День был жаркий, когда мы в 11 часов, все шесть человек приглашенных, отправились в коляске в Парголово. Все были утомлены от жары и пыли в дороге. Подъехав к даче Тургенева, все радостно вздохнули и стали выходить из коляски; но всех поразило, что Тургенев не вышел нас встретить. Мы вошли в палисадник и стали стучаться в двери стеклянной террасы» (*Панаева*. С. 117). Проголодавшиеся гости попытались с трудом найти провизию, т. к. «в Парголове только рано утром запасались всем у разносчиков, объезжавших дачи» (Там же. С. 118). В ожидании хозяина гости вынуждены были пойти на берег озера, куда вскоре пришел и Т., предложивший им в ожидании обеда провести время за стрельбой: «Все пошли на его дачу, и Тургенев нарисовал углем на задах старого сарая человека и обозначил точкой сердце. Никто из его гостей не умел стрелять. Белинский каким-то образом с первого выстрела попал в самую точку, где было обозначено сердце. Он, как ребенок, обрадовался и воскликнул: „Я теперь сделаюсь бретером, господа!“ Но затем стрелял так неудачно, что даже ни разу не попадал в фигуру» (Там же. С. 119).

И. К. Воложенев.

ПЕТЕРГОФ (с 1944 — Петродворец), город близ *Пб.* (в 29 км), основан *Петром I* в 1709 как летняя царская резиденция. С конца мая до сер. сент. 1854 Т. провел на даче под П., намереваясь быть ближе к театру воен. действий во время *Крымской войны*. 3 (15) апр. 1854 он писал *К. Н. Леонтьеву*: «Я намерен прожить лето в окрестностях Петергофа — не хочется, в такое время, удаляться от места действий», — а 30 мая (11 июня) сообщал *С. Т. Аксакову*: «Я поселился здесь в небольшом домике колониста, в двух верстах от Петергофа — и в полуверсте от моря, которое видно из моих окон над верхушками соснового леса. Завел себе лошадь и таратайку — и располагаю здесь прожить до осени». В июне 1854 англ. эскадра адмирала *Ч. Непира* вошла в Финский залив, а вскоре началась осада Аландских о-вов англ. и франц. войсками. Защиту форта Аланд Т. в письме к *С. Т. Аксакову* от 7, 14 (19, 26) авг. 1854 назвал «блистательной». Из П. Т. вместе с *Н. А. Некрасовым* и *И. И. Панаевым* ездили на Красную Горку, чтобы видеть англ. флот, блокировавший Кронштадт (об эт. поездке см. также п. *Панаева* к *М. Н. Лонгинову* от 10 июля ст. ст. 1854: *Сб ПД* 1923. С. 214–215). В это же время в самом П. жила с отцом и *Н. М. Еропкиной* *О. А. Тургенева* (в зам. *Сомова*), на к-рой Т. собирался жениться: «Общество этой чрезвычайно умной и доброй девушки сделалось для него необходимостью...» (*Анненков*. С. 390).

Летом 1876 Т. встретился в парке П. с *А. М. Горчаковым*, во время беседы с к-рым сообщил о том, что готовит к печати ром. «*Новь*». В дальнейшем разговор перешел на тему о предстоящей войне за свободу славянских племен.

Лит.: *Ег<ор>ов Анатолий*. И. С. Тургенев и князь А. М. Горчаков // *РСт*. 1883. № 11. С. 423–425; *Анциферов Н. П.* Пригороды Петербурга. М., 1946. С. 109; *Тарле Е. В.* Крымская война. М.; Л., 1961. Т. 2. С. 68–73; *ПССиП(2). Письма*. Т. 2. С. 552, 554.

Л. Н. Назарова.

ПИЛЬ (Peel) сэръ Роберт Младший (1822–1895), англ. дипломат, военный и полит. деятель, член Палаты общин на протяжении мн. лет. С 1855 П. был лордом Адмиралтейства в кабинете *Пальмерстона*; сопровождал лорда Гренвилля в *Москву* на коронацию имп. *Александра II*; по возвращении произнес неск. речей, направленных против *России* (1857). Вследствие этого П. вынужден был уйти в отставку, т. к. премьер-министр опасался осложнения отношений с *Россией*. В 1861 П. вновь вступил в кабинет *Пальмерстона* гл. секретарем по делам Ирландии.

Выпады П. против *России* (в частности, о коррупции в *Пб.*) послужили поводом к ссоре, переросшей в «побоище», между гр. *В. А. Бобринским* и проф. *С. П. Шевыревым*: «Возникли споры (как это водится в *Москве*) о славянофильстве, о статье Аксакова о богатырях, а наконец и о речи Роберта Пилия, за которую упомянутый граф вздумал заступиться. — „После этого Вы не патриот“, — заметил профессор». Это «подробное историческое описание побоища», произошедшего на заседании совета Моск. худож. общества 14 янв. ст. ст. 1857, Т. дал в письме к *А. И. Герцену* от 21 февр. (5 марта) 1857. В свою очередь, сам Т. получил эти сведения из писем *М. Н. Лонгинова* от 20 янв. ст. ст. (*Сб ПД* 1923. С. 179), *П. В. Анненкова* от 25 янв. ст. ст. (*Труды ГБЛ*. Вып. 3. С. 65) и др. Кроме того, более подробно о нем мог рассказать ему *Л. Н. Толстой*, прибывший в *Париж* из *Москвы* 9 (21) февр. (см.: *ПССиП(2). Письма*. Т. 3. С. 531).

Лит.: *Waddington. T and England*. P. 24.

Л. В. Миндыбаева.

ПЛЕТНЕВА (р. кнж. Щетинина) Александра Васильевна (1826–1901), втор. жена *П. А. Плетнева* (с 1849). Несмотря на разницу лет, как отмечал в своих восп. *А. Ф. Кони*, П. сумела разделить лит. интересы своего

мужа, самоотверженно поддерживала его во время его последней длительной болезни и после его смерти (1865) сохранила верность его занятиям и друзьям — поддерживала связи с П. В. Жуковским, П. А. Вяземским, А. Ф. Онегиным, Я. К. и К. К. Гротами, М. М. Стасюлевичем и др. Т. в оч. «Литературный вечер у П. А. Плетнева» писал, что последний как «прекрасный семьянин <...> во второй своей супруге, в детях нашел все нужное для истинного счастья» (ПССиП(2). Соч. Т. 11. С. 19). Познакомился Т. с П., по-видимому, в сер. 1850-х, когда в 1855–1857 вновь начал встречаться с Плетневым в Пб., Париже, Булони. В письмах к Плетневу 1859–1864 Т. часто передает «поклоны» жене, а в письме к Н. В. Щербаню от 13 (25) июня 1864 рекомендует ее (в связи с передачей ею через Щербаня фотографии Плетнева) как «премильную женщину». Т. не перестает интересоваться П. и после кончины Плетнева, прося 12 (24) дек. 1866 В. П. Боткина сообщить ему «сведения о графине Ламберт и вдове Плетнева». В 1869 между ними произошла размолвка из-за оч. «Литературный вечер у П. А. Плетнева», показавшего П. обидным для памяти об ее муже, о чем она написала Т. в 20-х числах окт. 1869. Т. был искренне огорчен эт. письмом, о чем сообщал П. В. Анненкову из Баден-Бадена 25 окт. (6 нояб.) 1869. «Уж кажется, на что — как вы выражаетесь — en grisaille <в серых тонах — франц.> этот отрывок: нет! выходит, что я оклеветал Плетнева, усомнился в его учености и неустрашимости. Я бы не обратил внимания на это, если б я не уважал глубоко г-жу Плетневу, одну из лучших женщин, с которыми мне пришлось встречаться». Через Анненкова Т. послал и ответное письмо П., в к-ром вновь подчеркнул, что «говоря посильную правду» о Плетневе, он «тем самым думал доказать» свое «уважение к нему».

Отношения между П. и Т. возобновились в 1874, когда она, приехав в Париж и узнав от П. В. Жуковского о желании Т. «повидаться» с нею, навестила его. «Я очень был рад, — писал Т. 17 (29) окт. 1874 Анненкову, — посещению этой прекрасной женщины — и, разумеется, какие были, недоразумения разлетелись, как легкая пыль. Отличное она существо!». С эт. момента продолжилась переписка между ними (известно 9 писем Т. 1869–1882 и копия письма П. 1869), свидетельствующая об их встречах и общении вплоть до 1882, когда умирающий Т. просил 30 авг. (11 сент.), узнав, что она в Париже, о «весточке» или посещении его. П. «по разностороннему образованию, по тонкому эстетическому развитию и по глубине сознания чувства долга в себе и по уважению его в других <...> соединяла в себе лучшие черты западноевропейского человека» (Кони А. Ф. Житейские встречи // РСм. 1914. № 2. С. 292). К ней, по свидетельству того же мемуариста, «был тепло привязан» Ф. И. Тютчев, записавший в ее альбом и посвятивший ей стих-е «Чему

бы жизнь нас не учила...». Т. в письме от 13 (25) февр. 1875 пригласил П. на благотворительное лит.-муз. утро в *Париже*, на к-ром читал свои «*Живые мощи*»; в том же письме интересовался ее мнением об «*Анне Карениной*» *Толстого*. Осенью 1875 он познакомил П. с *Н. А. Герцен*, а в 1876 дал ей для прочтения рукопись глав «*Былого и дум*», касающихся семейной драмы автора (см. письма Т. к *Анненкову* от 18 (30) сент. 1875 и к *П. В. Жуковскому* от 21 янв. (2 февр.) 1876). В письме к П. от 13 (25) янв. 1876 Т. выразил удовольствие по поводу знакомства ее с *Полиной Виардо* и их взаимной приязни. 16 (28) окт. 1879 он благодарил *Стасюлевича*, к-рый догадался преподнести экз. отд. изд. «*Затисок охотника*» — «*Пыпину, Полонскому и Плетневой*», а в письме от 8 (20) дек. 1882 в небольшом списке лиц, кому следует преподнести «*Стихотворения в прозе*», наряду с *Ж. А. Полонской* и *М. Г. Савиной*, снова назвал П.

Лит.: М. М. Стасюлевич и его современники: В 5 т. СПб., 1912. Т. 3. С. 223; *Алексеев М. П.* Письма И. С. Тургенева к А. В. Плетневой // *Лит Арх.* Т. 3. С. 195–200.

И. А. Битюгова.

«ПО УСАМ ТЕКЛО, А В РОТ НЕ ПОПАЛО», пьеса-пословица *Н. П. Свечина*; написана, очевидно, не без расчета на исполнение на сцене крепостного театра в *Спасском-Лутовинове*. Гл. роли скорее всего были предназначены для добрых знакомых драматурга — *В. П.* и *С. Н. Тургеневых*, родителей Т. Закончена не позднее нач. 1819 (ценз. разр. 14 марта 1819), напеч. в типогр. г-жи Бажуковой в *Москве* в 1821. В списке действ. лиц первыми указаны: «*Варвара Петровна Доброва* и *Сергей Николаевич Добров*, муж ее, офицер гвардии». Действие происходит «в селе Спасском, под качелями» на лугу. Фабула незатейлива: бурмистр Добровых и мельничиха стараются разлучить влюбленных, но приезд господ разрушает хитроумные планы, благодаря чему влюбленные обретают друг друга, а порок наказан. Пьеса не отличается особ. драматургическими достоинствами, дворовые говорят условным «народным» языком, уснащенным пословицами и поговорками. Речь господ возвышенна и афористична. Даря молодоженам 4000 руб., барыня говорит: «Если будете умны, то вам этого достаточно. И иначе миллиона будет мало. Помните всегда, что прямое счастье состоит в том, чтобы совесть ни в чем не упрекала».

Сведений о постановке пьесы на сцене *Спасского театра* не сохранилось, но то, что роли Добровых написаны с учетом характеров родителей Т. и должны были им прийтись по вкусу, несомненно.

Е. В. Проц.

ПОХВИСНЕВ Владимир Николаевич, сын *Н. П. Похвиснева*. Сведения о П. крайне скудны, однако тон письма Т. от 12 (24) нояб. 1867 к *Н. А. Кишинскому*, в к-ром идет речь о П., свидетельствует, что отношение писателя к нему было весьма прохладным, что подтверждается и тем, что Т. не отвечает на его письмо, а передает отказ через управляющего: «Я получил от молодого Похвиснева (Владимира Николаевича) письмо, в котором он меня просит дать ему на поддержание мое английское ружье Ланга. Я в этом никакой необходимости не вижу и даже удивляюсь, что Ник. Ник. <*Н. Н. Тургенев*> позволял ему стрелять из моего лучшего ружья. Так ему и сообщите». Письмо П. к Т. не сохранилось.

Г. Н. Павлова.

ПОХВИСНЕВ Николай Павлович (ум. 1874), человек из окружения *В. П. Тургеневой*, с 1869 пенсионер Т. Очевидно, принадлежал к обедневшей ветви орл. дворянского рода Похвисневых, к-рый вел начало от некоего Панфила, выходца из *Польши*, перешедшего на службу к вел. кн. Василию Ивановичу. Похвисневы вносились в ч. VI дворянской родосл. книги; нек-рые представители семьи, менее знатного происхождения, запис. в ч. III дворянской родосл. книги по *Орл. губ.*, однако П. в ней не упоминается. По материалам *ГАОО*, прослеживаются тамбов. и тул. ветви рода Похвисневых, вносимых во II и III ч. дворянских родосл. книг. Сведения о том, что П. был соседом Т. по имению (*ПССиП(1). Письма* и *ПССиП(2). Письма*), документ. данными не подтверждаются.

В неизв. письме Т. к *Н. С. Тургеневу* (перв. пол. июля 1841) сообщалось о решении *В. П. Тургеневой* назначить П. управителем имения (?), оставив *Н. Н. Тургенева* хозяином (*Летопись (1818–1858)*. С. 63). Получив от П. письмо с просьбой снабдить его десятиной леса на постройку избы с двором, Т. писал 12 (24) июня 1867 *Н. А. Кишинскому*: «...отпустите ему нужный для подобной постройки материал, а я, с своей стороны, его уведомяю, что написал Вам о его просьбе». О том, что П. неоднократно обращался к Т. с просьбами о помощи, свидетельствует и письмо писателя к тому же адресату от 16 (28) апр. 1869: «...непостижимым для меня образом письмо, посланное на мое имя от 21-го марта Николаем Павловичем Похвисневым, только сегодня до меня дошло. <...> Сделайте одолжение, по получении моего письма пошлите к нему и объявите ему от моего имени, что он с 1-го янв<аря> 1869-го года состоит в числе моих пенсионеров по *сто* руб. в год — и выдайте ему первую треть. Прибавьте также, что я сожалею о том,

что мой подарок не поспел к Светлому празднику — но это не от меня зависело». 28 сент. (10 окт.) 1870 Т. сообщал *Н. А. Кишинскому* о полученном от П. письме и просил выдать ему «единовременную помощь» 40 руб. сер., «с извинением, что при теперешних трудных обстоятельствах сделать более не могу». Посл. упоминание о П. содержится в письме Т. к управляющему *Н. А. Кишинскому* от 2 (14) сент. 1874, к-рый в дошедшем до нас письме (*ИРЛИ*) сообщал о смерти П. и выданных на его похороны 25 руб.: «Сколько я помню, Н. П. Похвиснев состоял в числе пенсионеров? Сколько он получал — 75 или 100 руб. в год? Во всяком случае, у меня появилась новая пенсионерка <...>».

Переписка Т. с П. не сохранилась.

Г. Н. Павлова.

ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ Григорий Ильич, управляющий имениями *Н. С. Тургенева* до 1870. *Ф. И. Бизюкин* писал: «Настала весна 1850 года, и в Спасское прибыл как главноуполномоченный от Ивана Сергеевича по всем его делам Николай Николаевич Тютчев <...>. Со стороны Николая Сергеевича явился в село Тургенево с такими полномочиями Григорий Ильич Преображенский» (*Бизюкин*. С. 357). Т. знал П. и ценил его как управляющего. В письме к брату от 28, 29 сент. (10, 11 окт.) 1870 он писал: «Желаю тебе d'avoig la main plus heureuse que moi <быть более удачливым, чем я — франц.> в твоём новом управляющем; для своего времени Преображенский был очень хорош».

В *ГАТО* сохранились «Подробные сведения о состоянии имения надворного советника Николая Сергеева Тургенева Чернского уезда села Тургенева, сельца Слободки и хутора Велевашева 1 октября 1858 года», к-рые были составлены П. накануне *реформы 1861* в ответ на требования тул. губ. предводителя дворянства. В документе дан подробнейший перечень повинностей, к-рые несли крестьяне на казну и на помещика (*ГАТО*. Ф. 51. Оп. 26. Д. 405). Бывал П. и в *Спасском*. В 1855 он крестил дочь *Н. Н. Тургенева Екатерину*. В «Книге на записку родившихся, браком сочетавшихся и умерших» *церкви Спаса Преображения* сохранилась запись: «восприемниками были живущий Чернского уезда в с. Тургенево коллежский асессор Григорий Ильич Преображенский и села Шеламова дворянина Степана Даниловича Шеламова дочь девица Вера Степанова» (*ГАОО*. Ф. 231. № 326. Л. 109 об.).

Лит.: *Бизюкин Ф. И.* Из воспоминаний о селе Спасском-Лутовинове и И. С. Тургенева // *РВ*. 1885. № 1. С. 357; *Козеева Е. А.* К вопросу о прообразе Базарова // *Спасский вестник*. 1992. <Вып. 1.> С. 27–28.

Е. А. Козеева.

РАМБО (Rimbaud) Альфред Никола (1842–1905), франц. историк, гос. деятель, исследователь рус. лит-ры и культуры, автор мн. трудов, посвященных древней и нов. истории, в т. ч. написанной совместно с Лависсом многотомной «Всеобщей истории с IV столетия до наших дней» («*Histoire générale du IV siècle jusqu'à nos jours*», 1893), переведенной на рус. яз. В 1879 глава кабинета при министре нар. просвещ. Ж. Ферри, в 1896–1898 — министр нар. просвещ. Его диссертация «*L'empire grec au X siècle, Constantin Porphyrogénète*» («Греческая империя X столетия, Константин Порфирородный», 1870) была увенчана Франц. академией. Среди др. работ Р. «*La Russie épique*» («Русь эпическая», 1876), «*Histoire de la Russie*» («История России», 1877), «*La Révolution française et l' Aristocratie russe*» («Французская революция и русская аристократия», 1878), «*Histoire de la civilisation française*» («История французской цивилизации», 1885–1888), «*Histoire de la révolution française*» («История французской революции», 1883). Будучи активным сторонником русско-франц. сближения, Р. содействовал посылке в Москву франц. делегации, к-рую представлял *Л. Леже*, на торжества, посвященные открытию в 1880 памятника *Пушкину*.

В связи с ходатайством перед министром нар. просвещ. *А. А. Сабуровым* от 19 (31) июля 1880 о награждении *Л. Леже* орденом св. Анны за участие в *Пушкинских торжествах 1880* Т. привел отрывок из письма к нему последнего, к-рый, в свою очередь, просил Т. походатайствовать перед министром о награждении Р.: «Он прибыл бы в Москву, если бы его не задержали в Париже официальные обязанности; ведь это он <Рамбо> заставил министра понять значение делегации в Москву в честь Пушкина: это он вместе со мною своими разъяснениями убедил министра утвердить золотые пальмовые ветви, присужденные Тихонравову, Юрьеву и Рубинштейну. Я должен добавить, что недавно благодаря Рамбо награжден г-н К. Сент-Илер из Петербурга, который был делегирован на выставку 78 года» (подл. по-франц., п. Леже не сохранилось). Помещая эт. отрывок в своем письме, Т., очевидно, давал понять, что присоединяется к просьбе *Леже* и добавлял: «Вам, конечно, известно, что Рамбо автор очень хорошей истории России», — но намек его не был принят во внимание.

Сведений о личном знакомстве Т. с Р. не сохранилось.

Н. П. Генералова.

РОСТОПЧИН Федор Васильевич (1763–1826), граф, рус. гос. деятель. Был крещен и провел детские годы в с. Козьмодемьяновское Ливенского у. *Орл. губ.* В 1799–1800 — «первоприсутствующий» Коллегии

иностр. дел, ратовал за русско-франц. сближение. За три недели до убийства Павла I, в февр. 1801, подвергся опале и уехал в подмоск. имение Вороново, откуда был вызван и в мае 1812 назначен ген.-губ. *Москвы*. В 1814 отправлен в отставку и назначен членом Гос. совета. Неск. лет провел за границей; вернувшись в *Москву* в 1823, отказался от всех должностей и званий, приняв только почетн. титул обер-камергера. Женат на орл. дворянке Е. П. Протасовой (сестре перв. жены *Н. М. Карамзина*), от к-рой у Р. было 5 детей: Сергей (1796–1836); Андрей (1813–1892), к-рый был женат на изв. писательнице *Е. П. Ростопчиной*; Наталья, в зам. Нарышкина; Софья, в зам. гр. де Сегюр; Елизавета (ум. 1824). Посл. годы провел в уединении, что было отчасти связано с тайным переходом в католичество жены и двух дочерей, к-рые не присутствовали на похоронах Р. по правосл. обряду. Е. П. Протасова и ее родственники имели земли в Мценск. у. *Орл. губ.*, их имение располагалось неподалеку от *Спасского-Лутовинова*. В 1804 Р. побывал во Мценск. у. и описал свои впечатления в письме к другу кн. П. Д. Цицианову: «Я забыл, было, трех тысяч душ помещика Ивана Ивановича Лутовинова, скряги, коего жизнь есть 6-й акт комедии Скупого Мольерова. Он для того не живет совсем в отделанном своем новом доме, что столяр его, отданный на выучку, не поспел, следственно и рам в окна сделать некому» (Девятнадцатый век. Ист. сб. М., 1872. С. 57).

В 1820-е Р. пишет мемуары, знаменит. записки об *Отечественной войне 1812*, издает брошюру «Правда о пожаре *Москвы*. Соч. гр. Ф. В. Ростопчина. Перевел с франц. Александр Волков» (М., 1825), по поводу к-рой *С. Н. Глинка* писал: «... в этой правде все неправда. Полагают, что он похитил у себя лучшую славу, отрекшись от славы зажигательства *Москвы*» (Записки о 1812 году Сергея Глинки, первого ратника Московского ополчения. СПб., 1836. С. 55). Отсылку к эт. противоречащим друг другу мемуарам Т. дал в письме к *И. П. Борису* от 23 дек. 1869 (4 янв. 1870): «Оказывается, что моя статейка об „Отцах и детях“ <<По поводу „Отцов и детей“>> никого не удовлетворила. Подумаешь, я отказываюсь от своей славы, как Ростопчин от сожжения *Москвы*». Франц. историк *Ж. Мишле* в примеч. ко II и III томам европ. «Истории XIX века» сообщал, что Т. передал ему неизвестную, ранее не публиковавшуюся записку Р. (скопированную кн. *Гагариным*) о внешней политике *России* в царствование Павла I (см.: *Заборов*. С. 454). В письме к *М. М. Стасюлевичу* от 16 (28) нояб. 1877 Т., встретив неверное написание фамилии Р. в письмах *Пушкина*, спрашивал: «В письме 27-м напечатано: Разтопчиным? Неужели П<ушкин> так писал это имя?».

Лит.: Заборов П. Р. Жюль Мишле. <Письмо к И. С. Тургеневу> // *Т Сб.* Вып. 1. С. 453–454.

Г. Н. Павлова.

САВИНА (сценич. фам.; р. Подраменцова, в перв. браке Славич, во втор. Всеволожская, в третьем Молчанова) Мария Гавриловна (1854–1915), драм. актриса *Александринского театра* в Пб. (1874–1915). С Т. познакомилась в 1879, позднее они многократно встречались во время приездов писателя в *Россию*, а также в *Париже* и *Буживале*. В 1881 С. посетила Т. в *Спасском-Лутовинове*. Исполняла в тург. пьесах роли Верочки и Натальи Петровны («*Месяц в деревне*», 1879 и 1903), Белоноговой («*Холостяк*», 1882), Марии Петровны («*Вечер с Сорренте*», 1884), Дарьи Ивановны («*Провинциалка*», 1888), Лизы («*Дворянское гнездо*», 1894).

С. — последняя любовь Т. (по определению А. Ф. Кони). Его чувства к С. отражены в 77 письмах и 4 телеграммах Т. к ней (1879–1883). Письма С. к Т. не сохранились (по одной из версий, они были уничтожены П. Виардо). С. — автор восп. о писателе. В годы общения с Т. актриса была увлечена Н. Н. Всеволожским и вскоре вышла за него замуж, однако чувство, внушенное ею Т., не оставило ее равнодушной. С. не написала восп. о днях, проведенных в *Спасском*, но о том, что она собиралась это сделать, свидетельствует черн. набросок продолжения ее восп. о Т. (см.: *Тургенев и Савина*. С. 72). С. принимала участие в *Тургеневской выставке 1909 г.* в Пб. (см.: *Бертенсон*. С. 198; Каталог выставки в память И. С. Тургенева в Императорской Академии наук. Март 1909. 2-е изд. СПб., 1909. С. 214). Взволнованно и эмоционально передает С. Л. Бертенсон рассказ о чтении С. ее восп., на к-рое были приглашены он и Е. П. Леткова-Султанова. «Речь шла о знакомстве с Тургеневым <...> тогда все это было ново и никому неизвестно <...> То, о чем нам читала и рассказывала Мария Гавриловна, было так необычайно прекрасно, сама она была так вдохновлена, мы — слушатели были так проникнуты и заражены ее взволнованностью, что окружающая нас обстановка вдруг исчезла. Мы видели перед собою юную артистку, только что чудесно сыгравшую Верочку в „Месяце в деревне“ <...> Мы видели всю картину достопамятного вечера в пользу Литературного фонда, когда Савина читала вместе с Тургеневым сцену из „Провинциалки“ и очарованная публика восторженно и любовно приветствовала автора и артистку» (*Бертенсон*. С. 198–199).

В память о пребывании С. в *Спасском* одна из комнат и пруд в саду носят ее имя.

Соч.: Мое знакомство с И. С. Тургеневым; <Программа продолжения «Воспоминаний» М. Г. Савиной об И. С. Тургеневе (Черновой набросок)> // *Тургенев и Савина*. Пг., 1918. С. 63–72.

Лит.: Кони А. Ф. Предисловие // *Тургенев и Савина*. Пг., 1918. С. V–XXXVIII; Беляев Ю. Д. «Месяц в деревне» (Из воспоминаний М. Г. Савиной) // Там же. С. 73–77;

Философов Д. В. Запоздалый веночек (Отрывки из воспоминаний М. Г. Савиной об И. С. Тургеневе) // Там же. С. 78–80; *Рышков Вл.* Савина на Тургеневской выставке // Там же. С. 81–82; *Гитлицус З. Н.* Живые лица. Блок. Брюсов. Вырубова. Розанов. Сологуб. О многих. Прага, 1925. С. 145–146; *Шнейдерман И.* Мария Гавриловна Савина. 1854–1915. Л.; М., 1956 (по указ.); *Бертенсон С.* Вокруг искусства. Холливуд, 1957. С. 55, С. 124–125, 198–199; *Степанова Г. В.* К истории издания сборника «Тургенев и Савина» // *Т Сб.* Вып. 3. С. 271–279; *Назарова Л. Н.* М. Г. Савина об И. С. Тургеневе (По воспоминаниям С. Л. Бертенсона) // *Спасский вестник.* 1995. Вып. 3. С. 38–41; *Суньига Хуан Эдуардо.* Загадка Тургенева / Пер. Н. Арсентьевой. Орел, 1998. С. 276–278.

Л. Н. Назарова.

ФИЛДИНГ (Fielding) Генри (1707–1754), англ. писатель. Перу Ф. принадлежат сатирич. поэма, пьесы и др. соч. Известность Ф. принесли его ром. «История жизни покойного Джонатана Уайльда Великого» (1743), «История приключений Джозефа Эндрюса и его друга Абрама Адамса» (1742) и «История Тома Джонса, найденыша» (1749).

Хорошо знакомый с англ. лит-рой XVIII в., Т. довольно часто упоминал в своих произв. и письмах англ. авторов. Среди них особ. место занимал Ф. и его знаменитый ром. «История Тома Джонса, найденыша», столетие появления к-рого освещалось в зап.-евр. и в рус. прессе и совпало по времени с работой Т. над «Дневником лишнего человека». По предположению *М. П. Алексеева*, из ром. Ф. писатель мог заимствовать наблюдение об уподоблении красного цвета трубному звуку, впервые высказанное *Н. Саундерсоном* (*Алексеев*. С. 218–223). Известно, что по особ. поручению ред. *Совр* Т. перечитывал «Тома Джонса» (вероятно, по-франц.) в кон. 40-х и что именно по его совету эт. ром. был напечатан в *Совр* в 1848 (№ 5–12) в пер. *А. И. Кронеберга* (см. п. *В. Г. Белинского* к жене от 25 июня (5 июля) 1847). Этот ром. Т. рекомендовал *П. Виардо*: «Читали ли Вы „Героев“ Карлейля, „Очерки“ Маколея, „Тома Джонса“ Филдинга?» (п. от 6 (18) июня 1862). Англ. изд-е ром. Ф. «The History of Tom Jones, a foundling. With a Life of the Author, by W. Schoff» (Р., 1831) хранится в мемориальной *Б-ке Т. в Гос. лит. музее писателя в Орле*.

Лит.: Алексеев М. П. «Дневник лишнего человека». Заметка к комментарию // *Т Сб.* Вып. 5. С. 218–223.

Л. В. Миндыбаева.

ФРИКЕН Алексей Федорович (ок. 1835 — ок. 1910), отставной штабс-ротмистр кирасирского полка; с кон. 1850-х почти постоянно жил за границей, преимущественно в *Италии*, занимаясь изучением исто-

рии иск-ва. Был сподвижником *Гарibaldi* и близким знакомым семьи *А. И. Герцена*, выполнял поручения, связанные с изд. и распространением «*Колокола*». *Герцен* считал, что *Ф.* надо быть в *России*, где «страшно нужны люди» (*Герцен*. Т. 27. С. 289). Летом 1860 *Ф.* находился в *Вентноре* и зд., по-видимому, познакомился с *Т.*, к-рый в это время приступал к работе над ром. «*Отцы и дети*» (*Анненков*. С. 449; *Waddington. T and England*. P. 97–98). В подгот. материалах к ром., в т. н. «*Формулярном списке действующих лиц новой повести*» (1860), *Т.* в «формуляре» *Виктора Ситникова* отметил: «Небольшого роста, худощавый — (вроде *Фрикена*) <...>» (*ПССУП(2)*. Соч. Т. 12. С. 567). Однако есть основания полагать, что *Т.* наделил *Ситникова* не только внешними чертами *Ф.*, но и психологич. сходством с ним, что косвенно подтверждает *Добролюбов*, с к-рым *Ф.* познакомился в 1861 в *Италии* и к-рый по его просьбе дал ему рекомендат. письмо к *Н. Г. Чернышевскому*, в связи с чем писал последнему: «...на днях к Вам явится, а может, уж и являлся, некто *Фрикен*, которому дал я записочку к Вам, по его просьбе. Это — не орел (как выражается *Некрасов*), но человек хороший и расположенный поправить недостатки воспитания, полученного им в *Пажеском корпусе*. Отчасти он уж и успел в этом. В *Италии* он был мне действительно полезен своими знакомствами. Не очень сбивайте его с толку своей иронией: он такого характера, что способен принимать ее за чистую монету» (*Добролюбов*. Т. 9. С. 471). Эт. отзыв, очевидно, может служить реальной параллелью сюжетной коллизии «*Базаров — Ситников*» в «*Отцах и детях*». Он тем более примечателен, что принадлежит *Добролюбову* — одному из гл. прототипов *Базарова*.

Н. С. Никитина.

ФРОЛОВА (р. *Галахова*) *Елизавета Павловна* (ок. 1802–1840), жена *Н. Г. Фролова*, друг *Н. В. Станкевича* и *Т. Н. Грановского*. *Я. М. Неверов* писал о *Ф.*: «Если можно сколько-нибудь приблизительно, через сравнение, определить ее характер и значение, я назову ее русской *Рахелью* <*Рахель Фарнгаген*>, потому что она, как и *Рахель*, не оставила никаких следов своего существования — в литературе, не была собственно ученой женщиной, ни даже женщиной, игравшею роль (ей противна была всякая выставка, всякое высказывание себя), но высокий ум, верный и глубокий взгляд на людей и весь мир соединяла с основательными познаниями, чарующею теплотою сердца и тою дивной женственностью, которая любит для любви, благотворит для блага, исправляет шутя, поучает без наставлений и свою внутреннюю гармонию разливает на все окружающее» (*РСт*. 1880. Т. 27. С. 752–753).

Е. П. Галахова. род. в богатой аристократ. семье, получила прекрасное образование. В 1837 в Штутгарте (Швейцария) вышла замуж за *Н. Г. Фролова*, с к-рым тогда же приехала в *Берлин*. В гостиной Ф. сходились жившие тогда в *Берлине* рус. студенты — *Грановский*, *Неверов*, *Станкевич* (осенью 1838 к ним присоединился Т.), а также тогдашние нем. знаменитости, к-рых Т. перечислил в «*Воспоминаниях о Станкевиче*» (1856): «*Стефания Баденская* считала ее в числе своих приятельниц — *Беттина* часто ходила к ней, хотя в душе ее побаивалась. Г-жа Фролова обходилась с *Беттиной* un peu de haut en bas <немножко свысока — *франц.*>. *Вердер* бывал у ней часто — *Гумбольдт* посещал ее иногда. Я ходил туда молчать, разиня рот, и слушать. <...> *Фарнгаген* (известный биограф) ходил к *Фроловым* <...>» (*ПССуП*(2). *Соч.* Т. 5. С. 361). Т. назвал Ф. «женщиной очень замечательной» и оставил ее портрет в своих восп.: «Уже немолодая, с здоровьем совершенно расстроенным (она скоро потом умерла), некрасивая — она невольно привлекала своим тонким женским умом и грацией. Она обладала искусством — *mettre les gens à leur aise* <вызывать у людей ощущение непринужденности — *франц.*>, сама говорила немного, но каждое слово ее не забывалось. В ней было много наблюдательности и понимания людей. Русского в ней было мало — она скорее походила на очень умную француженку — un peu de l'ancien régime <немножко старорежимную — *франц.*>» (Там же). Особо привлекало Т. умение Ф. вести блестящую беседу: «*Фролова* умела, когда хотела, быть чрезвычайно блестящей в разговоре; помню, раз приехал к ней в *Берлин* один очень умный француз, граф или маркиз. Вдвоем они вели целый вечер такой диалог — хоть бы из какой-нибудь „*пословицы*“ *Альфреда де Мюссе*. <...> В г-же *Фроловой* была склонность к аристократии — но столько в ней было доброты и простоты в то же время!» (Там же. С. 366). Немалое значение имело для Т. и то, что Ф. ценили *Станкевич* и *Грановский*. Сохранилось восп. Т. о Ф., записанное *Н. А. Островской*: «Я знал только одну женщину очень дурную собой и увлекательную, — *Фролову*, друга *Грановского*. Она была и очень дурна и старше мужа, а муж был страстно в нее влюблен, да и многим она нравилась. Но она была женщина почти гениальная» (см.: *Т сб (Пиксанов)*. С. 90).

Записи о нек-рых вечерах у Ф. сохранились в дневниках *Фарнгагена фон Энзе*. Так, в апр. 1838 в кружке обсуждались вопросы дух. наследия, культуры и цивилизации, а 6 дек. того же года — худож. и обществ. значение ром. *Гёте* «*Годы учения и странствований Вильгельма Мейстера*» (*Tagebücher*. Bd. 1. S. 89, 84).

С. Л. Жидкова.

ЭНГЕЛЬГАРДТ (псевд.: Ольга Н. и др.; р. Новосильцева) Софья Владимировна (1828–1894), писательница, переводчица, мемуаристка. Повести и рассказы, подписанные «Ольгой Н.», печатались в *ОЗ*, *БдЧ*, *Совр*, *РВ* и др. журналах. В 1875 в *Париже* вышел том переведенных ею на франц. яз. драматических поэм *Пушкина*. С Т. познакомилась, вероятно, в 1859 в доме *А. А. Фета* в *Москве*, встречалась с ним в салоне гр. *Салиас*. Через *Фета*, видимо, просила у Т. разрешения перевести «*Призраки*» на франц. яз. (см. п. Т. к *Фету* от 10 (22) окт. 1865, где он сообщал о том, что «*Призраки*» переведены уже *П. Мериме*). В 1867 послала Т. перевод на франц. яз. «*Довольно*» с письмом (хранится: *ВН. Slave* 81. Ф. 45). Т., однако, трижды (как свидетельствует сама Э.) писал к ней по эт. поводу и сообщал, что не хочет видеть это произв. переведенным, хотя сам перевод ему понравился. В марте 1867 Т. виделся с Э. в *Москве*, сообщал ей о предстоящем чтении «*Дыма*», к-рое состоялось 29 марта ст. ст. и на к-ром она присутствовала («...я отправилась его слушать и пожила часа два» — письмо к *Фету* от 6 (18) апр. 1867). В февр. 1866 Э. обратилась с письмом к Т. (неизв.), прося принять участие в благотворительном утре в пользу бедного семейства, на что Т. ответил согласием и передал нуждающимся через Э. 100 руб. (п. Э. к *Фету* от 28 марта (9 апр.) 1866). 3 мая 1868 Э. снова обратилась к Т. за разрешением на перевод «*Переписки*» или др. произв-я (письмо хранится в *ВН. Slave* 81). Ответ Т. неизвестен (предположительно отриц.).

Близкая к консервативно настроенным лит. кругам, Э. состояла в дружеской переписке с *А. В. Дружининым*, *Н. Ф. Щербиной*, *А. Н. Островским*, *Фетом* и др. В письмах к *Фету* (150 писем хранятся в *ИРЛИ*) содержится ряд отзывов о «*Дворянском гнезде*», «*Отцах и детях*», «*Дыме*», «*Довольно*», «*Призраках*», «*Нови*» и др. произв-х Т., по поводу к-рых она нередко вступала в полемику со своим корреспондентом. Интересны ее отзывы о произв-х *Л. Н. Толстого*, о *Т. Н. Грановском* и др. Отношение к Т. претерпело у Э. определенную эволюцию — от восторженного до резко негативного, в связи с его ром. «*Новь*» и близостью к демократич. кругам. Высказывания Э. о Т. интересны как характерные для определенной части рус. общества.

Соч.: «...Я так давно привык к вашим дружеским письмам...» (34 письма С. В. Энгельгардт к А. А. Фету) / Публ. Н. П. Генераловой // А. А. Фет. Проблемы изучения жизни и творчества. Курск, 1994. С. 174–234; Письма С. В. Энгельгардт к А. А. Фету / Публ. Н. П. Генераловой: Часть 1 (1858–1873) // *Ежегодник РО ПД* (1994). СПб., 1998, по указ.; Часть 2 (1874–1884) // *Ежегодник РО ПД* (1995). СПб., 1999, по указ.

Лит.: *Назарова Л. Н.* Современница об «Отцах и детях» // И. С. Тургенев. Вопросы биографии и творчества. Л., 1990. С. 189–194.

Н. П. Генералова.

ЭПИГРАММЫ. Среди современников Т. слыл острословом и мастером эпиграммы. Сведения об эпиграммической деятельности Т. сохранились в восп. *П. В. Анненкова, Е. М. Феокистова, А. Д. Галахова, Д. В. Григоровича, А. Я. Панаевой, А. А. Фета, Е. Я. Колбасина*, отмечавших «блестящее остроумие» Т., «умение делать меткие характеристики лиц, юмор», «едкое остроумие и эпиграммическую способность» (*Анненков. С. 389; Феокистов. С. 29*). По общему признанию современников, Т. увлекался сочинением эпиграмм в «молодости» — 40-е — перв. пол. 50-х; автографы их неизвестны. Возможно, Т. не записывал своих эпиграмм и экспромтов, хотя, по свидетельству *Анненкова*, когда Т. прекратил свою эпиграммическую деятельность, он оставил «в сыром виде старые попытки» (*Анненков. С. 389*). Слух о меткости «эпиграммических заметок» Т. был широко распространен, и, видимо, «по горячим следам», *В. П. Боткин* записал эпиграммы Т., но, как указывает *Анненков*, эти записи вскоре пропали. Возможно, «затерянная книжка эта где-нибудь должна существовать» (Там же). Эпиграммы на *Дружинина, Кетчера, Никитенко, Кудрявцева, Боткина* были записаны одновременно *Я. П. Полонским* и *Д. В. Григоровичем*, гостившими летом 1881 в *Спасском*, когда Т. в разговоре с приятелями стал припоминать свои старые эпиграммы (см.: *Нива. 1884. № 4. С. 90*). Восп. *Полонского* «И. С. Тургенев у себя в его последний приезд на родину», куда вошли и записанные им эпиграммы, были опубликованы в ж. «*Нива*» (1884. № 4. С. 87). Из эпиграммы на *П. Н. Кудрявцева* — только посл. 6 стихов (полностью опубл. по записи *Дружинина: Т Сб. Вып. 3. С. 62*). В восп. *Полонского* упоминалась также эпиграмма на *И. П. Арапетова*, однако ее текст не приводился; не полностью приведена эпиграмма на *Ф. М. Достоевского* «*Рыцарь горестной фигуры...*» (полностью впервые опубл. в 1892 *М. П. Драгомановым*, с подп.: «Тургенев и Некрасов»).

В 1898 *Григорович* сообщил *А. С. Суворину*, что у него записано «до 20 горьких эпиграмм» работы Т. (Письма русских писателей к *А. С. Суворину. Л., 1927. С. 42*). Из эт. записей в 1901 в «Лит. приложениях» к «*Ниве*» были опубликованы эпиграммы, известные по публ. *Полонского*, и приводился полный текст эпиграммы на *Достоевского* «*Рыцарь горестной фигуры...*» (Кн. 11–12. С. 391–393 и 622–623). В предисл. от ред. указывалось, что не все можно было напечатать, «часть написанного не подлежит оглашению по разным причинам» (С. 386). Местонахождение записей *Григоровича* неизвестно. По-видимому, Т-ву принадлежат эпиграммы на *Фета* (1873) и инспектора *Моск. ун-та И. А. Шнеера* (1851?), к-рых нет в записи *Полонского* и *Григоровича*.

Эпиграмма на *Фета* опубликована в восп. *А. Д. Галахова* «Сороковые годы» (*ИБ*. 1892. № 1. С. 142) и самого *Фета* (*МВ*. Ч. 2. С. 283); эпиграмма на *Шнеера* — в *ТСб*. Вып. 3. С. 69, по материалам рукоп. сб. *А. А. Майкова* (*РНБ*. Ф. 452. № 610. С. 115). В 1913 *В. Е. Евгеньев-Максимов* напечатал эпиграмму на *М. В. Белинскую*, ошибочно приписав ее *Некрасову* (Предсмертные думы *Н. А. Некрасова* // *Заветы*. 1913. № 6. С. 35; см.: *Базилевская Е. В.* Мнимая эпиграмма Некрасова. К вопросу об отношениях Некрасова к Тургеневу // *Звенья*. Вып. 1. С. 185–194). Сатирич. «*Послание к Лонгинову*» и эпиграмму на *И. П. Арапетова* (3-е и 4-е четверостишия), написанные совместно *Некрасовым*, *Т.* и *Дружининым*, впервые опубликовал *К. И. Чуковский* в 1927 в собр. стих-й *Некрасова* (*Некрасов Н. А.* Полн. собр. стих. М.; Л., 1927. С. 426). Возможно, *Т.* принимал участие в составлении эпиграммы «*К портрету Краевского*», опубликованной *Н. О. Лернером* по рукоп. сб. *М. И. Селевского* (*Звенья*. Вып. 6. С. 792–793). Обоснование принадлежности *Т.*-ву эпиграмм, датировки и уточнение обстоятельств, при к-рых они были созданы, см. в ст. *Е. А. Гитлиц* «Эпиграммы Тургенева», а также: *ПССиП*(2). Соч. Т. 1. С. 543–546; Т. 12. С. 652–655, 713–715.

Лит.: *Гитлиц Е. А.* Эпиграммы Тургенева // *ТСб*. Вып. 3. С. 56–72; *Ямольский И. Г.* <Вступит. ст. и примеч.> // *Т. Стихотворения и поэмы*. 1970. С. 413–423.

Е. А. Гитлиц.

ПЕРЕПИСКА ТУРГЕНЕВА

ПИСЬМА ТУРГЕНЕВА

ДВА ПИСЬМА ТУРГЕНЕВА К ВИЛЬЯМУ АЛЛИНГАМУ (1871)

Публикация Н. Г. Жекулина

Публикуемые ниже два письма Тургенева адресованы ирландскому поэту и журналисту Вильяму Аллингаму (другие варианты написания фамилии: Эллингем, Эллингам, Эллинхем¹) и были обнаружены в архиве последнего, хранящемся в Библиотеке рукописей и редкой книги Иллинойского университета (Урбана-Шампейн, Иллинойс, США). В. Аллингам (William Allingham) родился в Ирландии, в графстве Донегол на северо-западе страны, 19 марта 1824 года. Окончив школу, он сначала поступил на службу в банк, а затем стал чиновником таможенного ведомства и в течение целого ряда лет занимал небольшие посты в различных городах Ирландии, а с 1863 года — Англии. В 1870 году он вышел в отставку и стал сотрудничать в редакции общественно-литературного журнала «Fraser's Magazine for Town and Country» (1830–1882), в котором с 1874 по 1879 год исполнял обязанности редактора. В журнале печатались, в частности, Томас Карлейль, Уильям Теккерей и Джон Стюарт Милль. Скончался Аллингам в Лондоне 18 ноября 1889 года.

Свою первую поездку в Лондон Аллингам совершил еще в 1843 году. Состоявшееся в 1847 году знакомство с Ли Хантом (Leigh Hunt; 1784–1859),

¹ В «Летописи жизни и творчества И. С. Тургенева» принято другое написание: «В. Эллинхэм» (см.: *Летопись (1871–1875)*. С. 10).

основателем литературного кружка начала XIX века, в который входили Шелли и Китс, открыло Аллингаму доступ в литературные круги столицы. Благодаря дружбе с Данте Габриелем Россетти (Dante Gabriel Rossetti; 1828–1882) он был коротко знаком с членами так называемого кружка прерафаэлитов. В своих воспоминаниях брат Данте Габриэля, Вильям, дает следующее описание приехавшего в столицу провинциала:

«Allingham was a well-built man, hardly up to middle height. With a thoughtful countenance, fairly regular features, crisp hair, and, under black eyebrows, a pair of very dark blue-grey eyes which I have rarely seen equalled. The „Celtic glamour“ was at full in them. One could see him to be an Irishman, but in his speech there was only a faint trace of this. His voice was remarkably pleasing — distinct, low-pitched, deliberate, and in monotone, with a certain seeming air of slightingness or indifference. I have known more than one Irishman with a voice of this character. His talk was intellectual, with some sprightliness and some tartness, for he was far from inclined to take all the men he met, or whose writings he read, at their own valuation. My brother and I thought highly of Allingham’s poems, or at least of the better specimens of them; we liked his company and valued his friendliness».²

В начале 1850-х годов Аллингам познакомился с историком Томасом Карлейлем, который по его просьбе стал давать молодому человеку советы для самообразования. Впоследствии Аллингам стал одним из самых приближенных людей к Карлейлю, славившемуся, как известно, нелегким характером.

Первый стихотворный сборник Аллингама «Poems» («Стихотворения») вышел в свет в 1850 году. Второй сборник под названием «Day and Night Songs» («Песни дня и ночи») появился в 1854 году, а уже

² «Аллингам был хорошо сложен, ростом чуть ниже среднего. У него было задумчивое лицо, с довольно правильными чертами, кудрявые волосы и под черными бровями пара очень темных серо-голубых глаз, равных которым мне редко довелось встречать. „Кельтское обаяние“ чувствовалось в них во всей полноте. В нем угадывался ирландец, но в речи его это почти не ощущалось. У него был необыкновенно приятный голос — четкий, низкий, размеренный и ровный, с некоторым оттенком кажущегося пренебрежения или безразличия. Я знал не одного ирландца с подобным голосом. Его речь отличалась умом, некоторой живостью и колкостью, поскольку ему было не свойственно принимать за чистую монету самооценку тех, с кем он встречался или чьи произведения читал. Мы с братом высоко ценили поэзию Аллингама, по крайней мере лучшие ее образцы; нам нравилось его общество, и мы дорожили его дружеским расположением» (Some Reminiscences of William Michael Rossetti. New York: AMS Press (Rpt. of New York, 1906), 1970. Vol. 1. P. 86).

в следующем, 1855, году последовало его второе издание, сопровождавшееся гравюрами на дереве Д. Г. Россетти, Джона Эверетта Милле (John Everett Millais; 1829–1896) и Артура Хьюза (Arthur Hughes; 1832–1915). В 1862–1863 годах вышло самое крупное произведение Аллинггама — повествовательная поэма «Laurence Bloomfield in Ireland» («Лоуренс Блумфильд в Ирландии»), опубликованная им в журнале «Fraser's Magazine» (отдельное издание поэмы вышло в 1864 г.; второе издание — под названием «Laurence Bloomfield in Ireland: or, the New Landlord» («Лоуренс Блумфильд в Ирландии, или Новый владелец») — в 1869 г.) В 1864 году также появилась антология баллад «The Ballad Book» (в популярной серии «Golden Treasury») под его редакцией. В 1865 году был издан третий сборник стихотворений Аллинггама — «Fifty Modern Poems» («Пятьдесят современных стихотворений»), а в 1871 — следующий, под названием «Choice Lyrics, or Nightingale Valley» («Избранная лирика, или Соловьиная долина»). К этому времени относятся и публикуемые письма Тургенева.

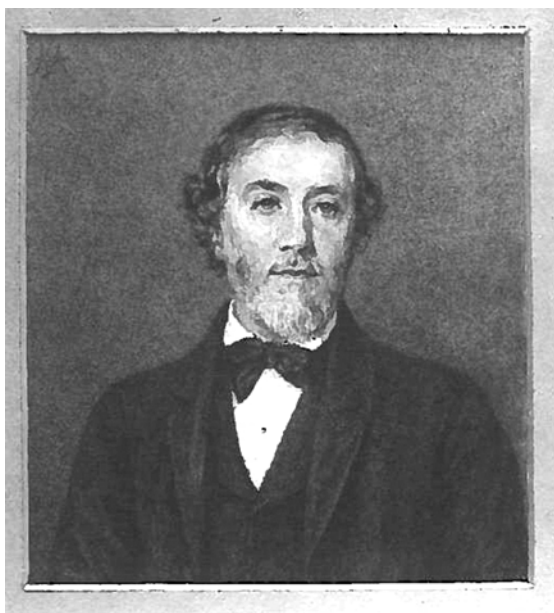
Весьма немного было известно о знакомстве Тургенева с Аллинггамом. Оно состоялось при посредстве и в доме Карлейля, с которым русский писатель познакомился еще в 1857 году. Веря в необходимость сильных политических лидеров, Карлейль с интересом обсуждал русскую историю и действительность с Тургеневым, который, в свою очередь, регулярно посылал ему французские и английские переводы своих сочинений, чаще всего через их общего знакомого Вильяма Рольстона.³ Как видно из семейной переписки, и сам Карлейль, и его супруга Джейн Уэлш (Jane Welsh Carlyle; 1801–1866) с увлечением читали произведения Тургенева.⁴ Тургенев был одним из немногих современных писателей, чье творчество Карлейль ценил.

Тургенев возобновил личное знакомство с Карлейлем вскоре после приезда в Лондон, куда он прибыл после начала франко-прусской войны, из солидарности с семьей Виардо, не пожелавших оставаться в немецком Баден-Бадене, 13 ноября 1870 года.⁵ В письме к брату Джону

³ См., например, письма Тургенева к Ж. Этцелю от 21 марта (2 апреля) 1868 г. и к Рольстону от 24 июня (6 июля) 1869 г.: *ПССУП(2). Письма*. Т. 8. С. 165; Т. 10. С. 20.

⁴ См., например, их переписку за июль 1858 г. по поводу двух томов переводов из Тургенева — «Scènes de la vie russe» и «Scènes de la vie russe. Deuxième série» (обе книги вышли в Париже в 1858 г.): *The Collected Letters of Thomas and Jane Welsh Carlyle*. Durham, NC, 2006. Vol. 34. P. 1–90, а также: *Waddington Patrick. Turgenev and England*. London; New York, 1981. P. 85–88.

⁵ Здесь и далее, если не оговорено особо, все даты указаны по новому стилю.

Вильям Аллингем. Портрет работы Х. Аллингем. 1880 г. (?)

от 26 ноября Карлейль сообщал о встрече с Тургеневым, состоявшейся накануне:⁶

«Turgenief was here yesterday, and walked with me in Hyde Park, — unaltered, or altered for the better, plumper, taller, more stalwart than ever; only his beard a little greyer. He was excellent company while we walked together; talking about English Literature (his disappointment with our *recentiores*, our Brownings, Tennysons, Thackerays, Dickenses, — nay our Byrons and Shelleys), and giving experiences about the starting of the war in Baden. The sight of him is interesting to me; tho' it awakens the saddest memories.⁷ He talks of being here for five or six weeks; — intent chiefly on making some acquaintance with real English Literature».⁸

⁶ Упоминание об этой встрече отсутствует в «Летописи» Тургенева, ср.: *Летопись (1867–1870)*. С. 192.

⁷ Грустные воспоминания, по всей видимости, связаны с воспоминаниями о жене, скончавшейся в 1866 г. Подробнее о Тургеневе и чете Карлейлей см.: *Waddington P. Turgenev and England*, по указ.

⁸ «Тургенев был здесь вчера и прогулялся со мной в Гайд-парке, — он не изменился, или изменился к лучшему, стал полнее, выше и крепче, чем когда-либо, только борода его еще немного поседела. Я наслаждался его обществом, пока мы гуляли; он говорил об английской литературе (о своем разочаровании в наших

В одном из последующих писем к брату — от 30 января 1871 года — Карлейль сообщил, что на следующий день, во вторник, Тургенев должен был прийти к нему на Чейн-роу вечером, чтобы попрощаться перед своим отъездом в Россию, а также упомянул о том, что другим гостем будет В. Аллингем.⁹ Это дало основание предполагать, что знакомство Тургенева и Аллингама состоялось в доме у Карлейля 19 (31) января 1871.¹⁰ Однако первое из публикуемых ниже писем позволяет несколько уточнить эту дату, поскольку в нем Тургенев сообщает о том, что не сможет быть у Карлейля во вторник и просит перенести встречу на четверг, 2 февраля. Из этого же письма следует, что встреча Тургенева с Аллингамом, который незадолго до того прислал русскому писателю несколько своих сочинений, не была случайной.

Нет никаких сведений о том, был ли Тургенев до этого знаком с произведениями ирландского поэта. Но один его отзыв о творчестве Аллингама известен со слов самого поэта, отметившего в предисловии к третьему изданию своей поэмы «Laurence Bloomfield in Ireland», вышедшему в 1890 году (в первых двух изданиях этот пассаж отсутствовал):

«A man who was neither English nor Irish, Ivan Tourganief <sic!>, after reading the book, said to a friend of the author's (who may be forgiven for recalling the words), „I never understood the Irish before“».¹¹

Как бы то ни было, но встреча у Карлейля 2 февраля состоялась. О ней Аллингем написал в своем дневнике:

recentiores <зд.: *новейших писателей* — *лат.*>, в наших Браунингах, Теннисонах, Теккереях, Диккенсах, — и даже в наших Байронах и Шелли) и делился впечатлениями о начале войны в Бадене. Видеть его мне интересно; хотя это пробуждает самые грустные воспоминания. Он собирается провести здесь пять или шесть недель; — намереваясь прежде всего познакомиться с настоящей английской литературой» (New Letters of Thomas Carlyle / Ed. Alexander Carlyle. Hildesheim: Georg Olms Verlag, 1969. Vol. 2. P. 272 (Rpt. of London and New York, 1904; сер. «Anglistica & Americana»)).

⁹ См.: *Waddington P. Turgenev and England*. P. 166.

¹⁰ Впервые это предположение высказал Патрик Уоддингтон: *Ibid.* P. 166–167. Эта же дата, со ссылкой на книгу Уоддингтона, зафиксирована в «Летописи»: *Летопись (1871–1875)*. С. 10.

¹¹ «Человек, который не был ни англичанином, ни ирландцем, Иван Тургенев, по прочтении этой книги сказал одному знакомому автору (которого можно простить за напоминание этих слов): „До этого я совершенно не понимал ирландцев“» (*Allingham William. Laurence Bloomfield or, Rich and Poor in Ireland*. London: Reeves & Turner, 1890. P. VII). По предположению П. Уоддингтона, «одним знакомым» мог быть В. Рольстон (*Waddington P. Turgenev and England*. P. 166). Впрочем, им мог быть и сам Карлейль.

LAURENCE BLOOMFIELD

OR

RICH AND POOR IN IRELAND

BY

WILLIAM ALLINGHAM

'Insula Sanctorum.'—*Johannes Colganus.*

'Acta SS. Hib.' *passim.*

'A blessed island!'—*Vulgar English translation.*

'Difficile est propriè communia dicere.'

HORACE.

A NEW EDITION

LONDON
REEVES AND TURNER, 196, STRAND
1890

[*All Rights Reserved*]

Третье издание поэмы Аллингама «Лоуренс Блумфельд». Титульный лист

«February 2. — At Carlyle's meet Tourgueneff, and the talk turns upon Russia. T<ourgueneff> says that every one speaks good Russian in his country, not French, except the lower people <?>. He speaks well, softly, naturally, tellingly, politely; his gentle speech flowed around Carlyle's rocks — a big strong man, over fifty, about 6 ½ feet, good linguist, and curious about English literature of the time».¹²

Как видно, первое впечатление от знакомства было благоприятным, однако мы не располагаем достоверными сведениями о том, имело ли оно продолжение. Правда, из второго публикуемого письма мы узнаем, что после возвращения из России Тургенев получил приглашение отужинать вместе с Аллингамом, которым, однако, не смог воспользоваться, так как письмо последнего запоздало и Тургенев уже был приглашен на ужин к Россетти. Вильям Россетти оставил любопытные воспоминания об этом вечере в своем дневнике:

«Friday 23 June. The great Russian novelist Turgenieff, and others dined in Cheyne Walk. Turgenieff is an older man than I had supposed — not less apparently than fifty-five or fifty-six,¹³ with abundant white hair; uncommonly tall and handsome, and very manly and prepossessing: speaks good English, though occasionally at a loss for the right word, and has a good deal of varied conversation — serious and decisive, without any parade or assumption. He seems to be very fond of animals, and took a deal of notice of Gabriel's woodchuck (Canadian marmot).¹⁴ He remarked on its being a totally unsophisticated animal, whereas dogs are to some extent artificial through human association. This led him to say that he conceives prophets — Mahomet etc. — to stand in something of the same proportional relation as the domesticated dog: they have „caught the contagion of God“, and are not entirely their genuine selves. He spoke very highly of the Russian poet Lermontoff, killed at an early age in a duel: thinks he had a something even beyond Byron. He thinks *King Lear* the greatest poetic-inventive work in the world (Shelley seems to have thought the same). He himself has no faculty whatever in poetry: had at one time tried to translate some of Shakespeare. Morris (*Jason*, I am not

¹² «Февраля 2. — У Карлейля встречаюсь с Тургеневым, и разговор заходит о России. Т<ургенев> говорит, что у него в стране все хорошо говорят по-русски, а не по-французски, кроме простых людей <не исключая? — *Ред.*>. Он говорит хорошо, мягко, непринужденно, убедительно, изысканно; его спокойная речь обтекала карлейлевские рифы — он крупный, сильный мужчина, за пятьдесят, ростом около 6 ½ футов, хорошо владеет языками и очень интересуется современной английской литературой» (*Allingham William. A Diary / Ed. by H. Allingham and D. Radford. London: MacMillan and Co., 1907. P. 203–204*).

¹³ На самом деле Тургеневу тогда было 52 года.

¹⁴ Речь идет о Данте Габриэле Россетти, который жил в одном доме с братом и держал там небольшой зверинец.

sure whether *The Earthly Paradise* also¹⁵) has been translated into Russian. Looking at portraits of Swinburne (Gabriel's water-colour and three photographs) he remarked on the very peculiar character of the mouth, and made an observation regarding it which startled us all.¹⁶ He says English literature has had, for the last fifteen years or so, its turn of predominance in Russia».¹⁷

¹⁵ По всей видимости, здесь вкралась ошибка: насколько удалось установить, на тот момент единственным произведением Вильяма Морриса (William Morris; 1834–1896), переведенным (частично) на русский язык, была эпическая поэма «Земной рай» («*Earthly Paradise*», 1868), отрывок из которой появился в переводе Д. Е. Мина в 1869 г. в журнале «Русский вестник» (см.: Человек, рожденный быть королем. Повесть в стихах. Из поэмы Уильяма Морриса: «Земной рай» // *PВ*. 1869. Т. 79. № 1. С. 291–366. Там же был дан небольшой очерк творчества Морриса и, в частности, кратко пересказывалось содержание другой его поэмы — «Жизнь и смерть Язона» («*The Life and Death of Jason*», 1867)). «Перлы» из перевода Мина Тургенев высмеивал в письме к Я. П. Полонскому от 20 февраля (4 марта) 1869 г.: «А каков г-н Д. Мин в 1-м № „Русского вестника“? Это совершенный Прутков! Я давно так не хохотал, как от этих поистине небывалых вирш!! „...Шерешпёр // Все ловит мух, могуч и скор!“ / Да и сам английский оригинал — всясь обыкновенная и даже пошлая волшебная сказка» (*ПССУП(2). Письма*. Т. 9. С. 159; см. также письмо от того же дня к А. М. Жемчужникову: С. 157–158).

¹⁶ Что именно Тургенев сказал о портретах Алджернона Суинберна (Algernon Charles Swinburne; 1837–1909), самого «неистового» среди современных английских поэтов, неизвестно. Тургенев, однако, считал его единственным, у кого был настоящий поэтический дар. В письме от 17 (29) октября 1872 г. к Я. П. Полонскому он пишет: «Новейшие английские поэты — все эти Россетти и т. п., ужасно изысканны; в одном Свинберне (Swinburne, Algernon) вспыхивают проблески несомненного таланта — он подражает Виктору Гюго — но в нем есть действительная страстность и порыв, а в Гюго часто все это сочинено. Достань себе его „Songs before Sunrise“; он иногда бывает темен — но все-таки, я полагаю, ты получишь удовольствие» (*ПССУП(2). Письма*. Т. 12. С. 39). А Ги де Мопассан вспоминал, как Тургенев переводил с листа Суинберна наряду с Пушкиным и Гёте для назидания своих невежественных французских собратьев по перу (см.: *Maupassant Guy de. Etude sur Gustave Flaubert* (1884) / *Œuvres Complètes de Guy de Maupassant / Présentées par Gilbert Sigaux*. Lausanne, 1962. Vol. 16. P. 486).

¹⁷ «*Пятница, 23 июня*. Великий русский романист Тургенев и другие ужинали на Чейн-уок. Тургенев старше, чем я предполагал, — ему, по-видимому, не меньше пятидесяти пяти или пятидесяти шести лет, с гривой белых волос; необыкновенно высокий и красивый, и очень мужественный и приятный: хорошо говорит по-английски, хотя временами подыскивает нужное слово, и ведет разговор на самые разнообразные темы — основательно и убедительно, без прикрас и напыщенности. Кажется, он очень любит животных, и обратил внимание на сурка Габриэля (канадского). Он заметил, что сурок — животное совершенно первозданное, в то время как собаки в какой-то мере лишились этого качества вследствие общения с людьми. Эта мысль привела его к другой — о том, что в каком-то смысле в том же положении оказались пророки — Магомет и т. д.: они „заразились Богом“ и перестали

О дальнейших встречах Тургенева и Аллингама сведений не сохранилось, однако вполне вероятно, что они могли еще не раз встречаться, например, у Карлейля.¹⁸

Письма печатаются по подлинникам: The Rare Book & Manuscript Library of the University of Illinois at Urbana-Champaign. William Allingham Papers. Folder 289, с разрешения Библиотеки рукописей и редкой книги Иллинойского университета в Урбана-Шампейн (Иллинойс, США). Год написания писем устанавливается на основе лондонских адресов Тургенева и указания дня недели и числа. Местонахождение ответных писем неизвестно.

1

18 (30) января 1871 года. Лондон

4, Bentinck street.
Manchester Square.
Monday, 30 Jan.

My dear Sir,

I have to thank you for your two volumes,¹ which just reached me — and which will certainly afford me much pleasure; in the same time I beg leave to tell you that our proposed interview at Mr Carlyle's must be unavoidably postponed till *Thursday*, the 2d of February. I write to Mr Carlyle² and hope

быть полностью собой. Он очень высоко отзывался о русском поэте Лермонтове, убитом в раннем возрасте на дуэли: полагает, что в нем было что-то даже выше Байрона. Он считает „Короля Лира“ величайшим поэтическим произведением в мире (кажется, Шелли придерживался того же мнения). Сам он, по его словам, совершенно лишен поэтического дара: одно время пытался переводить Шекспира. Моррис („Язон“, не уверен насчет „Земного рая“) переведен на русский. Рассматривая портреты Суинберна (акварель Габриэля и три фотографии), он отметил очень характерный рот и, основываясь на этом, сделал наблюдение, которое всех нас поразило. Он говорит, что на протяжении последних пятнадцати лет или около того английская литература в России стала наиболее влиятельной» (The Diary of W. M. Rossetti / Ed. by Odette Bornand. 1870–1873. Oxford: Clarendon Press, 1977. P. 71–72).

¹⁸ П. Уоддингтон приводит свидетельство американского пастора и религиозного писателя Монкура Конвея (Moncure Daniel Conway; 1832–1907), согласно которому в начале июня 1871 г. (предположительно 8 июня) Аллингхам присутствовал на вечере в честь Тургенева у Форда Мэдокса Брауна (Ford Madox Brown; 1821–1893), но не уверен в его достоверности (Waddington P. Turgenev and England. P. 188).

4, Newmarket Street
Manchester Square
Monday, 30 Jan.
1871

My dear Lis

I have to thank you
for your two volumes, which
just reached me - and which
will certainly afford me much
pleasure; in the same time I beg
leave to tell you that our propo-
sed interview at Mr. Carlyle's
must be unavoidably postponed
till Monday, the 2^d of February.
I write to Mr. Carlyle and hope
he and you will excuse me, and
that ~~nothing~~ nothing will prevent
your coming to his house.

he and you will excuse me — and that nothing will prevent your coming to his house.³

Believe me, my dear Sir

Yours truly

J. Tourguéneff.

С английского:

Бентинк стрит, 4.
Манчестер сквер.
Понедельник, 30 янв.

Милостивый государь,

Я должен поблагодарить Вас за два тома Ваших сочинений,¹ которые только сейчас получил — и которые, без сомнения, доставят мне много удовольствия; в то же время я прошу позволения уведомить Вас, что наша предполагаемая встреча у г-на Карлейля должна быть отложена до *четверга*, 2 февраля. Я пишу г-ну Карлейлю² и надеюсь, что он, как и Вы, простит меня — и что ничто не помешает Вам быть у него.³

Остаюсь, милостивый государь,

преданный Вам

И. Тургенев.

¹ Трудно с достоверностью установить, о каких двух книгах Аллингама идет речь. Отзыв Тургенева о поэме «Laurence Bloomfield» см. во вступит. статье.

² Это письмо Тургенева к Карлейлю неизвестно.

³ Запись в дневнике Аллингама о встрече у Карлейля 2 февраля см. во вступит. статье. Принимая во внимание, что в ней Аллингам дает подробное описание внешности Тургенева, следует заключить, что именно тогда состоялась их первая личная встреча.

2

10 (22) июня 1871 года. Лондон

16, Beaumont street.
Marylebone.
Thursday, June 22.

Dear Mr Allingham,

I dine to-morrow (Friday) at Rossetti's¹ — and cannot accept your kind invitation; — perhaps you will renew it next Friday — as you say it is your only free evening. —

16, Beaumont street
Newyork
Thursday, June 22.

Dear Mr. Alvingham,

I dine to morrow (Friday)
at Rossetti's - and cannot accept
your kind invitation; - perhaps
you will excuse it next Friday -
as you say it is your only free
evening. -

I will certainly call on Cathy
one of these afternoons. -

I have received your letter only
yesterday evening; I find the post

I will certainly call on Carlyle one of these afternoons.² —

I have received your letter only yesterday evening; I find the post very careless here in London.

Believe me

Your very truly,

J. Tourguéneff.

С английского:

Бомонт стрит, 16.

Мэрилебон.

Четверг, 22 июня.

Любезнейший г-н Аллингем,

Завтра (в пятницу) я ужинаю у Россетти¹ — и не могу принять Ваше любезное приглашение; — возможно, Вы перенесете его на следующую пятницу — поскольку, по Вашим словам, это Ваш единственный свободный вечер. —

Я непременно навещу Карлейля в один из ближайших дней.² —

Я получил Ваше письмо только вчера вечером. Я нахожу, что почта здесь в Лондоне работает очень неаккуратно.

Остаюсь

совершенно преданный Вам

И. Тургенев.

¹ Об ужине у Россетти 23 июня 1871 г. см. во вступит. статье.

² Неизвестно, состоялась ли встреча с Карлейлем перед отъездом Тургенева во Францию 29 июля 1871 г. О каких-либо встречах с Аллингамом во время дальнейших приездов Тургенева в Лондон сведений не сохранилось.

ПИСЬМО ТУРГЕНЕВА К АВГУСТУ БОЛЬТЦУ (1871)

Публикация В. А. Лукиной

Публикуемое письмо, адресованное немецкому лингвисту и переводчику Августу (Аугусту) Константину (Константиновичу) Больтцу (Boltz, Больц; 1819–1907), было приобретено Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) РАН в юбилейном 2008 году на аукционе J. A. Stargardt, прошедшем в Берлине 25 и 26 ноября того же года (см.: Katalog 689). Оно стало первым и единственным на сегодняшний день документальным свидетельством того, что Тургенев и Больц состояли в переписке, а также раскрыло некоторые обстоятельства появления в 1871 году в газете «Санкт-Петербургские ведомости» рецензии писателя на четвертое издание пользовавшегося успехом учебного пособия Больтца «Lehrgang der russischen Sprache für Schul-, Privat- und Selbstunterricht» (Berlin, 1871).¹

Август Больц родился и вырос в Бреславле (ныне Вроцлав), где окончил гимназию св. Магдалины и первоначально занимался торговлей, однако в то же время не оставил занятий по изучению иностранных языков и в 1839 году начал преподавать в Торговой школе (Practische Handlungs-Academie) в Гамбурге. Затем Больц в течение нескольких лет жил в Петербурге, сначала в качестве домашнего учителя в одной аристократической семье, а с 1842 года преподавая немецкий язык в военно-учебных заведениях (в том числе в Пажемском корпусе).

¹ Под названием «О книге А. Больца» рецензия была впервые опубликована: *СПбВед.* 1871. 6 октября. № 278; подпись: «Ив. Тургенев». См. также: *ПССУП(2)*. Соч. Т. 10. С. 270, 547–548; примеч. М. П. Алексева.

В 1845 году он защитил докторскую диссертацию в Йенском университете и вскоре после возвращения на родину, в 1852 году, получил должность преподавателя русского языка в Военной школе (с 1858 г. Королевской военной академии) в Берлине.² В том же 1852 году в Берлине вышло первое издание его учебника (в двух томах) по русскому языку, долго пользовавшееся значительным спросом и неоднократно переиздававшееся. Как отметил М. П. Алексеев, «эта книга являлась первым опытом приложения метода Робертсона к изучению русского языка иностранцами».³ В дальнейшем, по аналогии с учебником русского языка, Болътцем были подготовлены учебные пособия по английскому, французскому, итальянскому и испанскому языкам, за которыми последовали также учебники по немецкому и новогреческому (в то же время все эти пособия были переведены им на русский). В 1862 году Болътц получил звание профессора, однако два года спустя вынужден был оставить службу из-за расстроившегося здоровья, тем не менее он продолжил работу над составлением различных учебников и учебных пособий.⁴

Помимо педагогической деятельности, значительную часть своего времени Болътц посвящал переводам, в первую очередь с русского и новогреческого языков. Так, ему принадлежат два перевода (или переложения) на немецкий язык «Слова о полку Игореве»,⁵ полный перевод «Героя нашего времени»,⁶ а также стихотворений Лермонтова, Фета, Майкова, Тютчева, гр. Ростопчиной, К. Павловой, Е. Кульман и др. Владея многими языками и обладая обширными познаниями о различных национальных литературах, Болътц осознавал значимое место славянской культуры в общеевропейской семье и особое внимание уделял

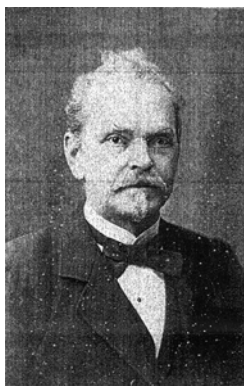
² В 1858–1864 гг. преподавал также испанский и английский язык в Морском кадетском корпусе.

³ *ИССУП(2). Соч.* Т. 10. С. 548. Здесь же даны сведения об общих принципах построения учебника Болътца.

⁴ Сведения о Болътце почерпнуты из следующих источников: *Winkel H.-J. zum Fürst P. A. Vjazemskij und August Konstantin Boltz // Zeitschrift für slavische Philologie. Heidelberg, 1962. Bd. 30. H. 1. S. 124–127; ИССУП(2). Соч.* Т. 10. С. 547–548, примеч. М. П. Алексеева.

⁵ Первое комментированное издание Болътца с параллельными текстами, вышедшее в 1854 г., имело серьезные недостатки, «поэтому, — как отмечает Г. Штурм, — в 1868 г. он переделал текст, опираясь на лучшее русское издание» (*Штурм Г.* К истории переводов «Слова о полку Игореве» на немецкий язык // *Труды Отдела древнерусской литературы.* Л., 1990. Т. 43. С. 164). Именно в издании 1854 г. немецкий читатель впервые познакомился с полным древнерусским текстом «Слова».

⁶ *Der Held unserer Zeit. Kaukasische Lebensbilder von Michail Lermontov.* Berlin, 1852.

Август Больтц

русскому языку и культуре. Известны также некоторые его критические работы о русской литературе. Так, 3 (15) марта 1851 года он прочел в берлинском научном обществе доклад «О русской литературе», где в кратком виде представил всю историю развития русской литературы,⁷ разбив ее на четыре исторических периода. Характеризуя последний, современный ему период, который охватывает время правления императора Николая I, Больтц назвал его «периодом национальности и самостоятельности» и выделил в нем два основных направления: первое («строго национальное») представлено Пушкиным, «русским Гёте»,⁸ второе («натуральная школа») — Лермонтовым, «русским Байроном».⁹ При этом он проявил неплохую осведомленность, перечислив

⁷ Доклад был напечатан: *Über russische Literatur. Ein Vortrag gehalten am 15. März 1851 im wissenschaftlichen Verein. Berlin, 1851. 28 s.*

⁸ «Прозаическим и поэтическим произведениям этого поистине великого поэта присущи одновременно высокое совершенство формы и глубоко народный характер. Глубокое чувство и богатая творческая фантазия дышат в каждой строчке одиннадцати томов его сочинений, язык которых по своему богатству и мастерству будет долгое время оставаться недостижимым образцом», — так отзывался в своем докладе Больтц о Пушкине (*Über russische Literatur. S. 24*). Здесь же был приведен выполненный им перевод стихотворения «Эхо», а также одной сцены из «Бориса Годунова».

⁹ «Относительно Лермонтова, — отмечал Больтц, — этого Байрона России, уже тысячи высказывали сожаление, что он не родился в свободном Альбионе вместо того, чтобы быть сосланным на Кавказ вторым Прометеем и в цвете лет быть убитым на дуэли пулей убийцы» (пер. цит. по: *Dukmeyer F.* Лермонтов у немцев // Лермонтов М. Ю. Полн. собр. соч.: В 5 т. / Под ред. и с примеч. Д. И. Абрамовича. СПб., 1913. Т. 5. С. 106).

среди «превосходных романистов нового времени, частично переведенных на немецкий язык», помимо Булгарина, Загоскина, Н. Павлова, Соллогуба и Сенковского, также Гоголя и Герцена.¹⁰

Сведений о личном знакомстве Тургенева с Больтцем не сохранилось,¹¹ однако «заочно» писатель познакомился с ним еще в 1855 году, когда в берлинском издательстве Г. Шиндлера в свет вышел второй том первого немецкого отдельного издания «Записок охотника». Как известно, первый том под заглавием «Aus dem Tagebuche eines Jägers» вышел годом ранее в том же издательстве в переводе Августа Видерта и был высоко оценен Тургеневым.¹² В него вошли одиннадцать рассказов: «Петр Петрович Каратаев», «Лебедянь», «Ермолай и мельничиха», «Бурмистр», «Мой сосед Радилов», «Одноворец Овсяников», «Бирюк», «Контора», «Смерть», «Татьяна Борисовна и ее племянник» и «Гамлет Щигровского уезда» (ранее публиковавшиеся в различных немецких периодических изданиях).¹³ По договоренности с издателем, Видерт готовил также перевод второй части, но в апреле 1855 года неожиданно узнал о том, что том уже вышел в переводе Больтца. Об этой «гадкой» истории два месяца спустя он сам написал Тургеневу. «Вы, может быть, удивлены, — сообщал он, отправив через посредство кн. П. А. Вяземского экземпляр перевода, — прочитав имя другого переводчика. Но по-

¹⁰ Über russische Literatur. S. 27. Кроме того, Больтцем написаны две большие статьи о новой русской литературе, опубликованные в «Magazin für die Literatur des Auslandes» (1856), около десяти статей о русских писателях для десятого издания «Энциклопедического словаря Брокгауза» (1854) и др.

¹¹ Известно, что Больтц встречался с П. А. Вяземским (*Winkel H.-J. zum. Fürst P. A. Vjazemskij und August Konstantin Boltz. S. 125*). Винкель высказал также предположение, что он мог быть знаком с А. А. Фетом. Некоторые основания для этого предположения дает автограф стихотворения «Муза» («Дай руку мне, дай руку, пери злая...»), предположительно принадлежащий самому Фету, который сохранился в бумагах Больтца в Дармштадте (*Ibid. S. 126*).

¹² «Перевод Ваш так добросовестен и изящен, — писал Тургенев 28 декабря 1854 г. (9 января 1855 г.) Видерту, — что мне остается только благодарить Вас» (*Viedert Vladimir with Žekulin Nicholas G. The Viedert — Turgenyev Correspondence // N Z Sl J. 1991. P. 23*).

¹³ О переводах Видерта из «Записок охотника» см.: *Алексеев М. П.* Мировое значение «Записок охотника» // Алексеев М. П. Русская литература и ее мировое значение. Л., 1989. С. 216–221; *ПССУП(2). Соч. Т. 3. С. 420–423; Dornacher K.* Die ersten deutschen Übersetzungen der «Zapiski ochotnika» I. S. Turgenyevs und ihr Echo in der zeitgenössischen deutschen Literaturkritik (1854/55) // *Wissenschaftliche Zeitschrift der Pädagogischen Hochschule Potsdam. Gesellschafts- und sprachwissensch. Reihe.* 1966. Jg. 10. H. 2. S. 153–161.

верьте мне, я был удивлен больше Вас, когда мне ее прислали на дом вместе с последним Вашим письмом. <...> Дело в том, что этот псевдо-перевод сделан и напечатан был тихонько от меня. Книгопродавец Шиндлер, уже уговорившись со мною, но еще не сделав письменного контракта, встретился как-то с г. Больцом и рассказал ему, что платит мне „die horrende Summe von anderthalb Friedrichs d'or“ <<чудовищную сумму в полтора фридрихсдора> — нем.> с печатного листа. Г-н Больц нашел, что это неслыханная цена, и сказал, что он перевел бы ему то самое за половину и — они тотчас условились, несмотря <на то>, что у предприимчивого переводчика не было даже и оригинала <...>. И далее: «Я, конечно, всю эту проделку узнал только тогда, когда книга г. Больца уже была напечатана. Книгопродавец и переводчик имели очень важные причины утаивать от меня их предприятие: они знали, что мой перевод второй части был уже готов и что я, если б узнал об их намерении, мог бы опередить их, издав тотчас мой перевод».¹⁴

Более всего Видерт был огорчен тем обстоятельством, что в высшей степени неудовлетворительный, по его мнению, перевод вышел в качестве продолжения его труда и под тем же заглавием. Он планировал в дальнейшем «устроить второе издание своего перевода, поместив в него и те рассказы, которые должны были составить вторую часть», однако это издание не состоялось.¹⁵ Свое негодование Видерт излил в очередном «берлинском письме» — так он называл регулярные фельетоны, которые помещал в «Санкт-Петербургских ведомостях» (1855. 3 сентября. № 192),¹⁶ отметив, что по обилию ошибок перевод Больца не уступает злополучному переводу Э. Шаррьера. Несомненно, что Тургенев внимательно ознакомился с откликом Видерта, поскольку в одном из последующих писем, выражая сожаление по поводу пропажи своего предыдущего письма к нему, он заметил: «Это мне жаль, потому что я в этом письме распространился о переводе г-на Б<ольца>, который во многих отношениях может поспорить с переводом Шарриера, как Вы это очевидно доказали в фельетоне „С<анкт>-П<етер>бургских ведомостей“. Видно мне уж такая выпала судьба на переводы. — Мне это досадно и для себя и главное для Вас <...> я понимаю, как должна быть вся эта история для Вас неприятна».¹⁷

¹⁴ *Viedert Vladimir with Žekulin Nicholas G. The Viedert — Turgenev Correspondence.* P. 34–35. Письмо от 30 июня 1855 г.

¹⁵ *Ibid.* P. 35. См. также примеч. 5 к этому письму.

¹⁶ Об этом фельетоне см.: *Ibid.* P. 39, примеч. 2.

¹⁷ *Ibid.* P. 41. Письмо от 20 октября (1 ноября) 1855 г.

После того как в 1858 году обе части немецкого перевода «Записок охотника» были перепечатаны Шиндлером вместе, Видерт опубликовал анонимную отрицательную рецензию в «Московском обозрении» (1859. № 1. С. 76–85), где подверг резкой критике перевод Больтца и привел много смешных ошибок, встречающихся в его переводе и действительно искажающих смысл. «Печальные результаты сличения этого перевода с оригиналом, — отмечает М. П. Алексеев, — Видерт довел также до сведения Тургенева, который долго помнил сообщенные ему примеры, цитируя их в своих письмах; так его в особенности позабавило, что слова Ерофея про Мартына-плотника — „зашибал маленько“ — переведены Больтцем „однажды он забылся“, а фраза „у мужика *овес* только скошен“ получила такой вид: „мужик только что покончил со стрижкой *овец*“». ¹⁸

В дальнейшем имя Больтца как будто исчезает из жизни писателя, во всяком случае оно ни разу не упоминается в сохранившейся части его переписки вплоть до 24 сентября (6 октября) 1871 года, когда Тургенев обратился к П. В. Анненкову с просьбой поместить в газете «Санкт-Петербургские ведомости» «небольшую рекламу об одной книге А. Больтца». «Книга весьма хорошая и полезная, — отметил он далее, — стало быть, я без зазрения совести могу ее рекомендовать». ¹⁹ Как видно из публикуемого письма, Больтц сам обратился к Тургеневу с просьбой поместить в русских газетах рецензию-«рекламу» своего учебника русского языка, вышедшего в том же году четвертым изданием, и с этой целью выслал ему экземпляр книги. Судя по всему, письмо Больтца было адресовано в Баден-Баден, но не сразу было получено Тургеневым, который покинул город вместе с семьей Виардо из-за начавшейся франко-прусской войны и, временно поселившись в Лондоне, был вынужден вести скитальческий образ жизни, время от времени совершая поездки в Россию, Германию и Францию в связи с финансовыми хлопотами (в том числе по продаже своей баденской виллы). В 1871 году Тургенев приезжал в Баден-Баден на один день в феврале, откуда выехал в Россию, а затем в марте вернулся в Лондон. Вновь в Баден писатель приехал лишь 9 (21) августа — тогда же, по всей видимости, он и обнаружил поджидавшие его письмо и книгу Больтца. Из-за сильнейшего приступа подагры в колене, который начался в первых числах сентября ст. ст. и длился около месяца, Тургенев задержался с ответным письмом, отправив его лишь 24 сентября (6 октября). В этот же день, как говорилось выше, Анненкову был отправлен текст объявления для помещения

¹⁸ Алексеев М. П. Мировое значение «Записок охотника». С. 262.

¹⁹ ПССиП(2). Письма. Т. 11. С. 140.

в «Санкт-Петербургских ведомостях» (сам автограф не сохранился). Дав в целом высокую оценку книге Больтца, Тургенев пообещал в следующем письме указать на «некоторые небольшие погрешности», однако, выполнил ли он свое намерение, остается неизвестным.

Публикуется по подлиннику: *ИРЛИ*. Р. I. Оп. 29. № 442.

Тургенев — Августу Больтцу

24 сентября (6 октября) 1871 года. Баден-Баден

Baden-Baden.
Thiergartenstrasse, 3.
d. 6. Oct. 1871.

Geehrter Herr!

Meine Antwort auf Ihr Schreiben hat lange auf sich warten lassen — aber erstens kam es mir spät zu Händen — zweitens war ich durch Abwesenheit und Krankheit verhindert, Ihr Buch zu lesen. — Endlich habe ich es gethan und bin hoch erfreut über dessen Vortrefflichkeit. Sie sind in den Genius unserer Sprache eingedrungen, wie vielleicht wenige Ausländer; Ihren Kentnissen, Ihrem Fleiss — alle Achtung! — Mit besonderem Vergnügen habe ich Ihren Wunsch erfüllt — und eine Anzeige an die Redaction der «С<анкт>-П<етер>бургские ведомости» abgeschickt, die wahrscheinlich in den anderen Blättern wiederholt sein wird.

Ich behalte es mir vor, auf einige kleine Irrthümer Ihre Aufmerksamkeit — in einem andern Schreiben — hinzulenken — und verbleibe mit Hochachtung

Ihr ergebener
J. Turgénjew.

С немецкого:

Баден-Баден.
Тиргартенштрассе, 3.
6 окт. 1871.

Милостивый государь!

Я давно уже должен был отвечать на Ваше письмо — но, во-первых, оно поздно попало мне в руки — во-вторых, отсутствие и болезнь помешали мне прочесть Вашу книгу. — Наконец я это сделал и был очень обрадован, найдя ее превосходной. Вам

IT
Baden Baden.
Thiergartenstrasse, 3.
d. 6 Oct. 1871.

Geehrter Herr!

Meine Antwort auf Ihr Schreiben hat lange
auf sich warten lassen - aber erstens kam es
mir spät zu Händen - zweitens war ich durch
Abwesenheit und Krankheit verhindert, Ihr
Buch zu lesen. - Endlich habe ich es gethan,
und bin hoch erfreut über dessen Vortreflichkeit.
Sie sind in dem Genies unserer Sprache ein-
gedrungen, wie wirklich wenige Ausländer; Ihre
Kenntnisse, Ihrem Fleiss - alle Achtung! -

Mit besonderem Vergnügen habe ich Ihnen
Wunsch erfüllt - und eine Anzeige an die Re-
daction des T. N. Syrenichs Wapensammler abge-
schickt, die wahrscheinlich in den anderen
Jahren Blättern wiederholt sein wird.

Ich behalte es mir vor, auf einige kleine
Wörter Ihre Aufmerksamkeit in einem
andern Schreiben - freigelegten - und

удалось проникнуть в дух нашего языка, как, возможно, немногим иностранцам; Вашим знаниям, Вашему усердию — честь и хвала! — С особенным удовольствием я исполнил Вашу просьбу — и послал объявление в редакцию «С<анкт>-П<етер>бургских ведомостей», которое, вероятно, будет перепечатано другими газетами.

Я позволю себе обратить Ваше внимание — в другом письме — на некоторые небольшие погрешности — и остаюсь с глубоким уважением

преданный Вам

И. Тургенев.

ПИСЬМО ТУРГЕНЕВА К ЖОРЖУ ШАРПАНТЬЕ (1876)

Публикация А. Я. Звигильского

Публикуемое письмо Тургенева к издателю Жоржу Шарпантье было продано на аукционе (имя покупателя неизвестно) в зале продаж Фавар в Париже 14 июня 2012 года.¹ Факсимиле этих двух страниц мы обязаны эксперту г. Тьерри Бодену.

Адресат письма Жорж Шарпантье (Georges Charpentier; 1846–1905) был сыном Жерве Шарпантье (1805–1871), издателя «Отцов и детей», великого романа Тургенева, появившегося во французском переводе с предисловием Проспера Мериме в 1863 году. Жорж Шарпантье подготовил второе издание романа, которое увидело свет в один из дней июня 1876 года. Издатель предоставил автору экземпляр первого издания романа для вычитки. Следовало бы сравнить тексты обоих изданий на предмет возможных разночтений.

Что касается автора перевода, имя которого не было названо, то у тургеноведов на этот счет нет единого мнения. Одни, как, например, Патрик Уоддингтон, склоняются к тому, что им мог быть скончавшийся в 1862 году посредственный переводчик «Записок охотника» Ипполит Делаво;² на наш взгляд, однако, есть основания полагать, что Тургенев

¹ Catalogue Ader Nordmann. Lettres et manuscrits autographes. Collection E. H. N 319. Здесь же приведен фрагмент из данного письма.

² См., например: *Waddington Patrick with Montreynaud Florence. A Bibliography of French Translations from the Works of I. S. Turgenev, 1854–1885.* Wellington, NZ, 1980. Item 28 (Rpt. with corrections and additions of Slavonic and East European Review. 1980. Vol. 58. N 1 (January)).

сам перевел свой роман, с помощью Луи Виардо, с которым незадолго до того перевел драматические сочинения Пушкина (1862). Похоже, в самом деле, что Тургенев, из чувства скромности, не пожелал открыть автору предисловия Мериме, что он был переводчиком на французский язык собственного романа.

Датировка письма также проблематична. Оно не могло быть написано позже 16 (28) мая 1876, когда Тургенев выехал из Парижа в Россию.³ Мы предполагаем дату 28 февраля (11 марта) 1876 года — это последняя суббота перед благотворительной распродажей, которая предположительно имела место в среду, 3 (15) марта. Одно письмо Полины Виардо к Виктору Гюго от 14 марта н. ст. 1876 (?) года⁴ также указывает на благотворительную распродажу, которая не обязательно является той самой, о которой идет речь в письме Тургенева. Однако есть сходство в целях и действиях. Тургенев, которого справедливо считают первым русским «феминистом», поддерживающим в России женщин-писательниц, в данном случае предстает в новом свете. Мы, как можно с уверенностью предположить, узнаем о его связях с «Обществом поддержки реальных школ» («Société des écoles laïques»), председателем которого был франк-масон Ф.-К. Требуа (Trébois), одновременно являвшийся председателем Административного совета Реальной школы для девушек (Париж-1, ул. Жана Лантье, 17), редактором газеты «La Tribune» (1876) и другом Луи Блана.⁵ Если имя Требуа, кажется, не встречалось ранее в связи с Тургеневым, то имя социалиста Луи Блана встречалось неоднократно. Интересно отметить, что Тургенев показывает заинтересованность в решении вопроса о разделении полномочий церкви и государства, что предполагало исключение вмешательства церкви во властные и административные структуры, в том числе в дело народного образования. Возвращение в том же году Базарова на полки парижских книжных лавок, как и появление на них в следующем году столь благожелательно встреченного французской молодежью и Э. Золя Нежданова в «Нови» не покажутся несвоевременным, если учесть общественное оживление, царившее в то время во Франции.

Возвращаясь к письму Тургенева, важно сказать, что он, как и Полина Виардо,⁶ был одержим идеями благотворительности и филантропии.

³ *Летопись (1876–1883)*. С. 40.

⁴ Письмо опубликовано А. Звигильским: *Lettres inédites de Louis et Pauline Viardot à Victor Hugo // Cahiers*. N 9 (1985). P. 12.

⁵ Этими сведениями я обязан Даниэль Газилья-Ластер.

⁶ См.: *Gasiglia-Laster Danièle*. Victor Hugo et le droit des femmes: «Rêveries extravagantes?» // *Cahiers*. N 26 (2002). P. 163–176.

И он был связан с главными сторонниками этих идей — франкмасонами, будущими инициаторами светской республики во Франции.

Тургенев — Жоржу Шарпантье

28 февраля (11 марта) 1876 года <?>. Париж

50, rue de Douai.
Samedi matin.

Cher Monsieur Charpentier,

J'ai mille excuses à vous faire de ne pas vous avoir encore renvoyé l'exemplaire de «Pères et enfants»; — mais j'ai été tout ce temps-ci tellement accablé de besogne qu'il m'a été impossible de relire mon livre. — Ce sera fait aujourd'hui et demain — et je vous l'apporterai moi-même lundi.

En même temps permettez-moi de faire appel à votre bienfaisance. Il se fait mercredi une vente de charité pour les écoles professionnelles (laïques) de femmes: — voudriez-vous leur donner quelques ouvrages de votre librairie? — La société qui a fondé ces écoles vous serait très reconnaissante. —

En venant lundi je pourrais les emporter avec moi.

Au revoir et mille amitiés.

Iv. Tourguéneff.

С французского:

Улица Дуэ, 50.
Суббота утром.

Любезнейший господин Шарпантье,

Я должен тысячу раз просить у Вас прощения за то, что еще не выслал Вам экземпляр «Отцов и детей»; — но все это время я был настолько завален работой, что не имел возможности перечитать свою книгу. — Это будет сделано за сегодняшний и завтрашний день — и я сам занесу ее Вам в понедельник.

В то же время разрешите мне воззвать к Вашему добросердечию. В среду состоится благотворительная распродажа в пользу реальных (светских) женских школ: — не согласитесь ли Вы пожертвовать для них несколько Ваших изданий? — Общество, основавшее эти школы, было бы Вам очень признательно. —

Зайдя к Вам в понедельник, я мог бы захватить эти книги.

До свидания и тысяча приветов.

Ив. Тургенев.

ПИСЬМА К ТУРГЕНЕВУ

НЕОПУБЛИКОВАННОЕ ПИСЬМО ТУРГЕНЕВУ М. Н. ТОЛСТОЙ (1871)

Публикация А. Г. Гродецкой

Сложность датировки публикуемого ниже письма Тургеневу младшей сестры Л. Н. Толстого Марии Николаевны (1830–1912) была, по всей видимости, причиной того, что до сих пор оно оставалось не введенным в научный оборот.

История знакомства и сближения Тургенева в 1854–1858 годах с М. Н. Толстой, история их увлечения, которое «было обоюдным»,¹ достаточно подробно освещена как мемуаристами (помимо самой Марии Николаевны,² об этом писали Д. В. Григорович, А. А. Фет, Т. А. Кузмин-

¹ Т. А. Кузминская, младшая сестра С. А. Толстой, в своих известных мемуарах писала, что Тургенев «любил Марью Николаевну, ценил ее тонкий ум и ее художественное чутье», и в письме к М. А. Цявловскому от 12 октября 1924 г. настаивала: «Увлечение Тургенева существовало, и оно было обоюдным» (*Кузминская Т. А. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне*. Тула, 1973. С. 369–370, 490–491; письмо к Цявловскому не опубликовано, хранится в ГМТ).

² Воспоминания Толстой известны в записи 1903 г., сделанной с ее слов М. А. Стаховичем, близким другом семьи Толстых. Впервые опубликованы за подписью «М. С.» под заглавием «В 1903 году о 1853»: *Орловский вестник*. 1903. № 224. Позднее: *Толстая М. Н. Воспоминание о И. С. Тургеневе* (В пересказе М. А. Стаховича) // *Т в восп совр.* Т. 1. С. 220–224; то же: *И. С. Тургенев в воспоминаниях современников*. М., 1988. С. 151–157.

ская, С. Л. и И. Л. Толстые и другие), так и биографами и исследователями творчества Толстого и Тургенева.³ Н. П. Пузин, автор обстоятельного очерка «Тургенев и М. Н. Толстая», доведя историю отношений героев очерка до марта 1859 года, заключает: «О встречах Тургенева с М. Н. Толстой в последующие годы сведений не имеется».⁴ Тем содержательнее публикуемое ниже письмо — свидетельство неугасавшей потребности Марии Николаевны в диалоге с Тургеневым.

Письмо датируется второй половиной февраля — началом марта 1871 года на основании следующих данных. Оно не могло быть написано ранее второй половины 1867 года, так как Толстой в нем упомянут как автор «Войны и мира», а свое окончательное название роман получил только в ходе работы над его первым отдельным изданием (июнь — декабрь 1867 г.), вышедшим в Москве в шести томах в 1868–1869 годах. Две первые части романа, как известно, печатались в «Русском вестнике» в 1865 (№ 1–2) и 1866 годах (№ 2–4) под заглавием «Тысяча восемьсот пятый год». Письмо написано в петербургской «Знаменской» гостинице (см. примеч. к тексту), речь в нем идет о возможной встрече Толстой с Тургеневым. Однако ни в конце 1867-го, ни в 1868–1869 годах Тургенев в России не был. В 1870 году он пробыл в Петербурге по пути в Спасское чуть больше недели, с 21 мая (2 июня) по 29 мая (10 июня),⁵ встреча его с Толстой в это время маловероятна. Гораздо больше оснований отнести ее обращение к Тургеневу ко времени следующего при-

³ См.: *Тургенев И. С.* Письма к М. Н. Толстой / Сообщил и комментировал В. И. Срезневский // *Звенья*. Вып. 1. С. 282–295; *Толстой С. Л.* Марья Николаевна Толстая (тетя Маша) // Толстой С. Л. Очерки былого. 2-е изд. М., 1956. С. 286–298; *Пузин Н. П.* И. С. Тургенев и М. Н. Толстая // Пузин Н. П., Архангельская Т. Н. Вокруг Толстого. 2-е изд. Тула. 1988. С. 61 (впервые: *Т Сб.* Т. 2. С. 148–158); *Афанасьев В. В., Боголепов П. К.* Тропа к Тургеневу. М., 1983. С. 187–189; *Лебедев Ю.* Тургенев. М., 1990. С. 315–320 (Сер. «ЖЗЛ»; гл. «Маленький флигель на берегу Снежеди»); то же: *Лебедев Ю.* Жизнь Тургенева: Всеведущее одиночество гения. М., 2006. С. 308–314; *Молева Н. М.* Призрак Виардо: Несостоявшееся счастье Ивана Тургенева. М., 2008. С. 138–152 (гл. «Тени старого сада: Мария Толстая»); *Комарова Т. В.* «В надежде скорого свиданья...» (И. С. Тургенев и М. Н. Толстая) // Спасский вестник. 2011. Вып. 19. С. 131–136; *Schapiro L.* Turgenev, his Life and Times. Oxford, 1978. P. 109–112, 132–133, 143–144; и др. Биографический очерк о М. Н. Толстой в популярном изложении (в пер. с франц.) см.: *Толстой С. М.* 1) Единственная сестра // Прометей: Историко-биограф. альманах. М., 1980. Т. 12. С. 269–287; 2) Сестра Мария Николаевна Толстая // Толстой С. М. Древо жизни: Толстой и Толстые. М., 2002. С. 178–194 (Сер. «Рус. мемуары»).

⁴ *Пузин Н. П.* И. С. Тургенев и М. Н. Толстая. С. 58.

⁵ См.: *Летопись (1867–1870)*. С. 175, 176.

М. Н. Толстая. Алжир, 1861 г.

езда писателя в Петербург. В 1871 году он находился здесь с 13 (25) февраля по 7 (19) марта, при этом активно участвовал в литературно-артистической и светской жизни столицы, посещая литературные обеды и вечера, музеи, театры, концерты, публичные чтения, мастерские художников, светские салоны.⁶

В пользу такой датировки говорит и упоминание Марией Николаевной «чумы». «Я еду за границу, прямо на чуму», — пишет она, имея в виду, вне всяких сомнений, франко-прусскую войну 1870–1871 годов (см. примеч. к тексту письма). По-своему «говорящим» является в письме и упоминание «Королевы Лиры» — драму под таким заглавием Толстая предлагает написать Тургеневу («Не напишете ли „Королеву Лиру“»), сообщая адресату в постскриптуме к письму о «разладе» в ее семей-

⁶ См.: *Летопись (1871–1875)*. С. 13–21.

Дети М. Н. Толстой: Варя, Коля и Лиза. 1860 г.

стве. К началу 1871 года ею, судя по всему, был прочитан тургеневский «Степной король Лир», опубликованный в октябрьской книжке «Вестника Европы» за 1870 год. Собственную семейную ситуацию Мария Николаевна воспринимает как шекспировскую не без воздействия, вероятно, тургеневской повести.

Психологическое состояние Марии Николаевны предстает в письме крайне тяжелым — таким оно было на протяжении многих лет (о чем будет сказано ниже). Однако судя по ее признанию о «бегстве» от дочерей, как «бегали дочери от родителей» в тургеневском «Накануне», ее дочери еще жили в это время вместе с матерью, тогда как в самом начале 1870-х обе вышли замуж: 18 января 1871 года — Елизавета Валерьяновна Толстая (в замуж. Оболенская; 1852–1935) и 2 июля 1872 года — Варвара Валерьяновна Толстая (в замуж. Нагорнова; 1850–1922).⁷

⁷ См. в предисловии Н. Н. Гусева к мемуарам: *Оболенская Е. В. Моя мать и Лев Николаевич // Летописи гос. Литературного музея. М., 1938. Кн. 2. С. 279.* Ниже при ссылках на эту публикацию: *Оболенская. Ч. 2*, с указанием страницы. Первая часть воспоминаний опубликована: Октябрь. 1928. № 9–10. С. 207–236; при ссылках на нее: *Оболенская. Ч. 1.* См. также: Переписка Л. Н. Толстого с сестрой и братьями. М., 1990. С. 319, 324–325.

Письмо не могло быть написано и позднее весны 1872 года: вернувшись весной из-за границы, Мария Николаевна лето проводит в переданном дочери Елизавете имении Покровское вместе с ней и ее мужем и вышедшей в июле этого года замуж Варварой. По свидетельству Е. В. Оболенской (ее мемуары являются в данном случае самым авторитетным документальным источником), «мать была весела, а сестра была вполне счастлива».⁸ Осенью 1872 года, во время тяжелой болезни Елизаветы Оболенской после рождения сына, мать, по ее словам, «забыла себя и вся отдалась заботам обо мне».⁹ В последующие годы, как вспоминала Оболенская, душевного покоя Мария Николаевна так и не обрела: «Оставшись после нашего замужества одна, мать часто ездила за границу. Жизнь ее за эти года, как я вспоминаю, производит впечатление какого-то беспокойного, бесцельного, безрадостного скитания; то она за границей, то возвращается в Россию».¹⁰

У письма-исповеди М. Н. Толстой, обращенного к Тургеневу с надеждой на понимание и душевную поддержку, долгая предыстория.

Мария Николаевна Толстая, выпускница Казанского Родионовского пансиона для благородных девиц, 17-ти лет, в ноябре 1847 года, была выдана замуж за графа Валерьяна Петровича Толстого (1813–1865), ее троюродного брата.¹¹ В браке родилось четверо детей — дочери Варвара и Елизавета (уже упоминавшиеся), сыновья Петр (р. и ум. 1849) и Николай (1851–1879).¹² Семья жила в доставшемся В. П. Толстому от его матери имении Покровское Чернского уезда Тульской губернии (в 80 км от Ясной Поляны и 20 км от Спасского-Лутовинова).

Замужество Марии Николаевны было несчастливо. По словам Т. А. Кузминской, «Валерьян Петрович вел очень безнравственную жизнь и изменял жене, когда только представлялся случай».¹³ В 1857 году она рассталась с мужем, после чего зимами жила в Москве, летом — в имении

⁸ *Оболенская*. Ч. 2. С. 284.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 287.

¹¹ «Она говорила мне, — вспоминала Кузминская, — что она была очень „ребяча“, что ей было безразлично, за кого выходить замуж. По совету тетушек, она вышла замуж за графа Валерьяна Петровича Толстого, своего родственника, который был много старше ее» (*Кузминская Т. А. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне*. С. 367).

¹² См.: *Толстой С. Л. Марья Николаевна Толстая (тетя Маша)*. С. 287; *Оболенская*. Ч. 2. С. 279.

¹³ *Кузминская Т. А. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне*. С. 367. По рассказу Оболенской Н. Н. Гусеву, ее мать рассталась с отцом в 1857 г. со словами: «Я не желаю быть старшей султаншей в вашем гареме» (*Оболенская*. Ч. 2. С. 279).

старшего брата Сергея Николаевича Толстого (1826–1904) Пирогово, часть которого принадлежала ей (Малое Пирогово) и где ею на берегу реки Снежеди был выстроен дом. В 1860–1870 годах Мария Николаевна часто и подолгу лечилась за границей. В Швейцарии в 1861–1864 годах она состояла в гражданском браке со шведом виконтом Гектором Виктором де Кленом (de Kleen; 1831–1873), от которого родилась дочь Елена Сергеевна Толстая (в замуж. Денисенко; 1863–1942), ее крестным отцом был С. Н. Толстой, давший ей свое отчество. Родственники де Клена (который, как и Толстая, был человеком музыкально одаренным, играл на рояле и скрипке¹⁴) воспротивились браку, им пришлось расстаться, и все последующие годы мысль об оставленной на воспитание в Швейцарии в чужой семье дочери была для Марии Николаевны мучительна. В частном пансионе в Швейцарии воспитывался и ее сын Николай. Он впервые приехал в Россию в 1867-м,¹⁵ а Елена Толстая — только в 1880 году. «Странно, — вспоминала об этом Елизавета Оболенская, — что мать, такая прямая, такая самостоятельная, которая не имела никакого отношения к так называемому „светскому обществу“, мнением которого, казалось, так мало дорожила, в данном случае была смущена и не имела мужества во всеуслышание назвать ее своей дочерью, а называла своей воспитанницей».¹⁶

После смерти сына, умершего от тифа в 1879 году, Мария Николаевна пережила глубокий религиозный кризис и в 1889 году поселилась вблизи Оптиной Пустыни, в Шамординском монастыре, где в 1891 году приняла монашеский постриг. Здесь в 1910 году, уйдя из Ясной Поляны, ее в последний раз посетил Л. Н. Толстой. «Странно, — замечал И. Л. Толстой, — что религиозный кризис в жизни моего отца и Марьи Николаевны произошел почти одновременно. В обоих них ярко выразилось то же суровое по отношению к себе, неуклонное и страстное искание истины, а также прямота, не допускавшая никаких жизненных компромиссов и полумер».¹⁷

¹⁴ См. подробно о нем: *Оболенская*. Ч. 1. С. 215–220.

¹⁵ С. Л. Толстой вспоминал о «скромном, рассеянном, добродушном» двоюродном брате: «Он не говорил по-русски и с трудом научился русскому языку <...> первое время он чувствовал себя иностранцем. <...> Николаю Валерьяновичу не удалось поступить в университет; он пробовал служить на военной службе, был одно время юнкером, но не мог привыкнуть к военной дисциплине и вскоре вышел в отставку» (*Толстой С. Л.* Марья Николаевна Толстая (тетя Маша). С. 291–292).

¹⁶ *Оболенская*. Ч. 2. С. 288.

¹⁷ *Толстой И. Л.* Мои воспоминания. М., 1969. С. 244.

Знакомство Тургенева с М. Н. Толстой состоялось 24 октября (5 ноября) 1854 года — в этот день он впервые побывал в Покровском, приехав в имение к соседям из Спасского. Под сильным впечатлением от только что напечатанного в «Современнике» толстовского «Отрочества» (1854. № 10), о чем сообщал всем своим постоянным корреспондентам, Тургенев накануне, 17 (29) октября, отослал номер журнала В. П. Толстому, обратившись в письме к нему с просьбой о возможности знакомства и встречи: «Я чрезвычайно высоко ценю талант Льва Николаевича и весьма бы желал знать о нем, где он и что с ним».¹⁸ П. В. Анненкову он писал 18 (30) октября: «Я на днях познакомлюсь с сестрой Толстого (автора „Отрочества“ — скоро не нужно будет прибавлять этого эпитета — одного только Толстого и будут знать в России) — и напишу Вам как и что. Я послал ей сегодня № „Современника“, где повесть ее брата».¹⁹ О встрече с Толстой Тургенев писал 29 октября (10 ноября) Е. Я. Колбасину: «Премилая, симпатичная женщина», — и в тот же день о поездке к соседям рассказывал в письме к Некрасову: «Познакомился я с Толстыми. Жена графа Толстого — моего соседа — сестра автора „Отрочества“ — премилая женщина — умна, добра и очень привлекательна. Я узнал много подробностей об ее брате. <...> Видел его портрет. Некрасивое, но умное и замечательное лицо. <...> Завтра я с графиней Толстой крещу у тургеневского попа, покумлюсь с ней».²⁰ Еще обстоятельнее письмо Тургенева к Анненкову от 1 (13) ноября 1854 года, где он пишет: «Я здесь познакомился с семейством Толстого, автора „Отрочества“ <...>. Сестра его (тоже замужем за графом Толстым) — одно из привлекательнейших существ, какие мне только удавалось встретить. Мила, умна, проста — глаз бы не отвел. На старости лет (мне четвертого дня стукнуло 36 лет) — я едва ли не влюбился. Я вижу отсюда, как у Вас круглятся глаза — и губы, раскрывшись, испускают звук: кгха, кгха, кгха — что по-Вашему значит смеяться... но не могу скрыть, что поражен в самое сердце. Я давно не встречал столько грации, такого трогательного обаяния... Останавливаюсь, чтобы не завратиться — и прошу Вас хранить все это в тайне. <...> Вы подумаете: эка влюбчив, старый черт! Что делать! Чувствительным сердцем одарен от природы, Павел Васильевич! Но повторяю усиленную просьбу

¹⁸ ПССиП(2). Письма. Т. 2. С. 302. Толстой до конца октября 1854 г. находился в Дунайской армии, в Кишиневе, с 7 ноября — в Севастополе.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. С. 309–310.

о содержании всей этой операции втайне. Странно мне, что я Вас всегда избираю в конфиденты».²¹

О впечатлении Марии Николаевны от встречи с Тургеневым брату Льву сообщал в ноябре 1854 года Н. Н. Толстой: «Валерьян познакомился с Тургеневым; c'est Tourguéniéff qui a fait le premier pas, il leurs a apporté le № du „Современник“, où était ta nouvelle dont il est enchanté. Marie est enchantée de Tourguéniéff, tu comprends comme je désire le voir, dès que je le verrai, je t'écirai quelle impression il a fait sur moi <первый шаг сделал Тургенев, он привез им № „Современника“, где была твоя повесть, от которой он в восторге. Маша в восторге от Тургенева; ты понимаешь, как я хочу его видеть; как только я его увижу, напишу тебе, какое впечатление он произвел на меня — *франц.*>. Маша говорит, что это простой человек, он играет с ней в бирюльки, раскладывает с ней гранпасьянс, большой друг с Варенькой <четырёхлетняя дочь М. Н. Толстой>, mais Marie ne connaît pas le monde et elle peut bien se tromper sur le compte d'un homme d'esprit comme Tourguéniéff <но Маша не знает света и вполне может ошибиться в отношении такого умного человека, как Тургенев — *франц.*>. Теперь люди стали очень хитры, il faut у regarder à deux fois <нужно к ним дважды присмотреться — *франц.*>. Очень хотел бы его видеть».²² И в следующем письме (ноябрь — декабрь) Николай Толстой продолжал свой рассказ о сестре: «...она теперь под влиянием знакомства с Тургеневым, который ее очаровал, потому что это, как мне кажется (я его видел только раз), очень понимающий и impressionавимый человек».²³ «Николенька мне пишет, что Тургенев познакомился с Машенькой, — сообщал Лев Толстой 6 января 1855 года Т. А. Ергольской, — я в восторге от этого; ежели вы встретитесь с ним у них, скажите Вареньке, что поручаю ей поцеловать его от меня и сказать ему, что, хотя я знаком с ним только по его сочинениям, я многое бы хотел ему сказать».²⁴

²¹ ПССиП(2). Письма. Т. 2. С. 310–311. Как позднее вспоминал Анненков, «сестру гр. Толстого <...> он называл умной, понимающей все кругом себя и обнаруживающей свое понимание только при случае» (Анненков П. В. Литературные воспоминания. М., 1989. С. 385).

²² Переписка Л. Н. Толстого с сестрой и братьями. С. 176–177. Письмо Н. Н. Толстого, считавшееся утраченным (см.: Толстой. Т. 59. С. 295; примеч. М. А. Цявловского), было впервые опубликовано П. С. Поповым: ЛН. Т. 35–38. Кн. 2. С. 729. Оно цитируется также: Толстой С. Л. Марья Николаевна Толстая (тетя Маша). С. 288.

²³ Переписка Л. Н. Толстого с сестрой и братьями. С. 178.

²⁴ Толстой. Т. 59. С. 294. После встречи с Тургеневым в имении М. Н. Толстой в мае 1855 г. Т. А. Ергольская, любимая «тетенька» Льва Николаевича, писала ему:

Сама же Мария Николаевна в 1903 году рассказывала М. А. Стаховичу: «Да, я была очень дружна с Иваном Сергеевичем. Одно время мы виделись ежедневно. <...> мы очень сошлись с Тургеневым, когда он, сосланный, жил в Спасском, всего в 18 верстах от нашего Покровского, и ежедневно к нам приезжал. <...> 1855 год Тургенев, кажется, весь провел в Спасском, и наша дружба еще более скрепилась, мы сошлись еще теснее. Но мы, семейные люди, реже ездили к нему, нежели он, одинокий, к нам, и, помнится, не проходило у нас дня без встречи. Мой муж был такой же страстный охотник, как Иван Сергеевич. С охоты они обыкновенно возвращались к нам и вечер проводили за чтением или беседой. Тургенев читал очень хорошо: просто, вдумчиво, как бы толкуя, но охотнее читал чужое, любимое им, нежели свое.

Свое он читал только что написанное, даже не отделанное еще. „Так в серьезных домах, — говорил он, — не заставляют гостей любоваться своими детьми. Еще можно, пожалуй, показать их на крестинах, а потом уже нечего их выводить, пока не станут большими“». ²⁵

Зиму 1854/1855 года В. П. и М. Н. Толстые проводили в Москве, где также встречались с приезжавшим из Петербурга Тургеневым. Об этой московской зиме Тургеневу писал бывавший у Марии Николаевны В. П. Боткин: «Я просидел с ней, сам того не замечая, более двух часов; говорили о разных предметах — и несколько о тебе. Прощаясь со мною, она подала мне руку с таким внутренним, болезненным движением, — словно птичка, которая ищет где-нибудь укрыться от застигнувшей ее бури. У меня готовы были навернуться на глазах слезы. Чистая, редкая женщина; все в ней проникнуто благородством и искренностью сердца». ²⁶ И в следующем его письме в марте 1855 года, в ответ на вопрос Тургенева о здоровье графини, звучат проникновенные, сочувственные слова: Боткину очевидны и смысл, и развязка «застигнувшей» Марию Николаевну «бури». «Да она больна, — пишет он, — и мне становится как-то жутко, когда мне случается взглянуть в ее большие, влажные, с каким-то глубоким выражением глаза. Я не помню, чтоб мне когда приводилось видеть любящую женщину, именно несчастно любящую, потому что от счастливо любящей женщины исходит особенного рода сияние, которое всякому ярко бросается в глаза. А смотря на графиню, невольно

«Тургенев здесь и произвел на меня нехорошее впечатление, совсем не такое, какого я ждала. Предпочитаю его сочинения его разговору» (*Толстой*. Т. 59. С. 308; *Летопись (1818–1858)*. С. 289).

²⁵ *Т в восп совр.* Т. 1. С. 221–222.

²⁶ В. П. Боткин и И. С. Тургенев. Неизданная переписка: 1851–1869. М.; Л., 1930. С. 47. Письмо от 24 февраля 1855 г.

говоришь про себя: вот женщина, пораженная судьбой. <...> Необычайное простодушие и безыскусственность этой женщины производят во мне какое-то чувство благоговения к ней. Мне кажется, что она при этом одарена величайшею впечатлительностью нерв. Не знаю, много ли она имеет характера — и дай бог, чтоб много имела его, потому что без твердости характера — я не знаю, как она выйдет из постигшей ее бури. Я в первый раз в жизни встречаю женщину такого чистейшего закала. Большая часть женщин проникнута искусственностью, действием задних мыслей, занятием постоянно выдавать имеющийся у них грош — за рубль серебром, а пожалуй и за империал. Оттого ли, что мы сами долго боролись с своею искусственностью и знаем, как трудно держать чистый расчет с самим собой, — но для меня эти наивные, глубокие и страстные натуры — имеют какое-то особенное, мистическое значение. Прежде всего они производят на меня особенно благотворное действие и мне с ними делается необыкновенно легко, — а как раздумаешься о них, — то становится за них страшно. Страшно потому, что они так беззащитны, бесхитроутны, так со всех сторон открыты сильным впечатлениям. Офелия принадлежит к такого рода натурам. Я понимаю, что только такие натуры можно любить во всем религиозном значении этого слова; — но мне было бы страшно полюбить такую женщину, — страшно за себя, за непрочность своего чувства; постоянная пассивность таких натур охлаждает чувство, как охлаждает его спокойное обладание. Эх брат! Мне кажется наша гнусная мужская натура так устроена, что для того, чтобы любила она со всею полнотою, со всем мучительным и блаженным замиранием сердца — нужно, чтоб это сердце чувствовало в себе когти женской натуры, которые она то впускает — то отпускает, как кошка. <...> Всякая женщина, любящая вне брака, — непременно чувствует себя несчастною, если видит, что ее любят без страсти».²⁷

«На весну, лето и осень у меня очень много литературных планов, — пишет Тургенев Толстой 2 (14) марта 1855 года, — и я заранее радуюсь возможности толковать о них с Вами — и подвергать их Вашему суду». И продолжает: «Пожалуйста, графиня, позаботьтесь о Вашем здоровье — и не предавайтесь Вашей склонности к хандре и мрачным мыслям. Хандра — своего рода смерть — а в жизни все-таки нет ничего лучше жизни, как она ни бывает подчас тяжела».²⁸

²⁷ В. П. Боткин и И. С. Тургенев. Неизданная переписка: 1851–1869. С. 49–51. Письмо от 12 марта 1855 г.

²⁸ ПССиП(2). Письма. Т. 3. С. 19.

Совершенно иначе, чем Боткин, воспринял соседку Тургенева по имени Д. В. Григорович, о трех неделях, проведенных в Спасском, вспоминавший: «Сколько помнится, в 1855 году Дружинин, Боткин и я согласились совершить поездку в деревню к Тургеневу <...> Мы <...> мысленно переносились к тому, что нас ожидало: старинный, обширный барский дом, полный, как чаша, нескончаемый парк, леса на несколько верст в окружности и, наконец, перспектива увидеть эту соседку-красавицу, о которой Тургенев говорил, что при первом взгляде на нее ум наш помрачится и мы все попадаем ниц, как подкошенные стебли.

Ожидания наши, к сожалению, не вполне оправдались. <...> парк оказался садом, но, правда, очень большим, с древними деревьями и пространным прудом <...>. Соседка-красавица произвела на нас обратное действие против того, что мы ожидали: она была во всех статьях скорее дурна собою, чем красива».²⁹

«Моя мать не была хороша собой, — вспоминала Е. В. Оболенская, — но она была умная, оживленная, непосредственная, необыкновенно правдивая, у нее были прекрасные глаза — лучистые глаза княжны Марьи; она была и прекрасная музыкантша. Ею очень восхищался И. С. Тургенев. Он часто бывал у нас в Покровском, там он любил слушать музыку. Однажды он ей вслух читал „Евгения Онегина“; он поцеловал у ней руку, она отдернула руку и сказала: „Прошу <пропуск в тексте> — сцена эта впоследствии описана в его „Фаусте“».³⁰

Летом 1855 года Тургенев читал в Покровском главы «Рудина», и, по словам Марии Николаевны, «мы были поражены небывалой тогда живостью рассказа и содержательностью рассуждений. Автор беспокоился, вышел ли Рудин действительно умным среди остальных, которые больше умничают. При этом он считал не только естественной, но и неизбежной растерянность этого человека перед сильнейшей духом Наташею, готовой и способной на жизненный подвиг».³¹ В одном из писем к Толстой (июля — начала августа 1855 г.) Тургенев признавался: «... я Вас очень благодарю за все, что Вы мне пишете о характере Наталии.

²⁹ Григорович Д. В. Литературные воспоминания. М., 1987. С. 123–124. То же: *Тв восп совр.* Т. 1. С. 225–226. Д. В. Григорович, А. В. Дружинин и В. П. Боткин находились в Спасском с 12 (24) мая по 1 (13) июня 1855 г. (см.: *Летопись (1818–1858)*. С. 290–292).

³⁰ Цит. по: Пузин Н. П. И. С. Тургенев и М. Н. Толстая. С. 48. Автор очерка цитирует автограф (ГМТ), в опубликованных воспоминаниях Оболенской этот фрагмент отсутствует.

³¹ *Тв восп совр.* Т. 1. С. 222.

Все Ваши замечания верны — и я их приму к сведению и переделаю всю последнюю сцену с матерью. <...> В делах сердца женщины — непогрешительные судьи — и нашему брату следует их слушаться».³² За месяц до этого письма Тургенев извещал своего «конфидента» Анненкова: «С графиней — все дела покончены и сданы в архив».³³

Лев Толстой, приехав в Петербург 18 ноября 1855 года и остановившись, по рекомендации Марии и Николая Толстых, на квартире у Тургенева, где и увиделся с ним впервые, писал сестре 20 ноября: «Письмо это, боюсь, будет безалаберно, потому что писано второпях, но зато так, как ты хотела, сейчас же после моего приезда и свидания с И<ваном> С<ергеевичем>. <...> Больше всего я его полюбил за то, что он вас — тебя и Ник<оленку> и Валерьяна так любит и ценит».³⁴ Тургенев Марии Николаевне сообщал 8 (20) декабря 1855 года: «Ну-с, доложу Вам — что у Вас за брат! Я его прозвал за его буйность, дикое упорство и праздность — Троглодитом — и даже остервенелым Троглодитом — что не мешает мне, однако, любить его от души <...>».³⁵ Заслуживает внимания, если иметь в виду уже цитированные мемуары Григоровича, и его признание в любви к Марии Николаевне. «С Григоровичем я познакомился здесь, — писал Толстой сестре из Петербурга 14 апреля 1856 года, — и он мне очень понравился, тем более, что он тебя ужасно уважает и ценит. Ему очень хочется посвятить тебе первое, что он напишет».³⁶

Переписка между Тургеневым и Толстой продолжалась три последующих года, как продолжались и — уже нечастые — встречи. Если летом 1855 года в Покровском Тургенев читал «Рудина», то летом 1856-го — написанную им в июне — июле в Спасском и посвященную Марии Николаевне повесть «Фауст». Толстая считается одним из прототипов Веры Николаевны Ельцовой, ее главной героини,³⁷ которую с прототипом

³² ПССиП(2). Письма. Т. 3. С. 51.

³³ Там же. С. 38. Письмо от 1 (13) июля 1855 г.

³⁴ Толстой. Т. 60. С. 369. Письмо помещено в разделе «Письма, пропущенные в вышедших томах 59-м и 60-м».

³⁵ ПССиП(2). Письма. Т. 3. С. 71.

³⁶ Толстой. Т. 60. С. 372.

³⁷ См. подробнее: ПССиП(2). Соч. Т. 5. С. 415–417, примеч. И. А. Битюговой; Пузин Н. П. И. С. Тургенев и М. Н. Толстая. С. 53–55; Жолковский А. «Из новейших одобрялся несомненно один Тургенев...» (К теме И. С. Тургенева и Н. С. Лесков) // На рубеже двух столетий: Сб. в честь 60-летия А. В. Лаврова. М., 2009. С. 266–281; и др. Другим прототипом Ельцовой принято считать графиню Е. Е. Ламберт, которой Тургенев был в то время также увлечен и характерные черты которой также угадываются в Ельцовой (см.: ПССиП(2). Соч. Т. 5. С. 417). О Е. Е. Ламберт

сближает не только «ясность невинной души» и склонность к мистицизму,³⁸ но и полное равнодушие к «выдуманным» стихам и романам. (Ср. в тексте повести: «...Вера Николаевна до сих пор не прочла ни одного романа, ни одного стихотворения — словом, ни одного, как она выражается, выдуманного сочинения!».)³⁹ Воспоминания Толстой об обстоятельствах создания Тургеневым «Фауста» хорошо известны. «Чаще всего, — писала она, — мы с ним спорили о стихах. Я с детства не любила и не читала стихов; мне казалось, и я говорила ему, что они все — выдуманные сочинения, еще хуже романов, которых я почти не читала и не любила.

Тургенев волновался и спорил со мною „даже до сердцов“. Особенно из-за Фета, которым он тогда восхищался и часто цитировал, добавляя: „Под таким стихом ведь Пушкин подписался бы. Понимаете ли, — Пушкин! Сам Пушкин!!“

Из-за прекрасного его чтения, под его влиянием развившись вкусом и умом, я во многом изменила свои взгляды, многое перечитала, даже пристрастилась. Но Фета продолжала не ценить и не понимала его прелести.

Раз наш долгий спор так настойчиво разгорячился, что перешел как-то в упреки, в личности. Тургенев сердился, декламировал, доказывал, повторял отдельные стихи, кричал, умолял. Я возражала, ни в чем не сдаваясь и подсмеиваясь. Вдруг я вижу, что Тургенев вскакивает, берет шляпу и, не прощаясь, уходит прямо с балкона не в дом, а в сад. Я очень испугалась, потому что к балкону не была приделана лестница, ступенек 6–8. Но огромный рост помог ему соскочить благополучно.

см.: *Гревс И. М.* Графиня Елизавета Егоровна Ламберт (Чистая дружба) / Публ. В. Л. Лукиной // И. С. Тургенев. Новые исследования и материалы. М.; СПб., 2009. Вып. 1. С. 387–451. Высказывалось также предположение, что с судьбой М. Н. Толстой соотносим один эпизод биографии Анны Сергеевны Одинцовой в «Отцах и детях» (ее встреча за границей с «молодым красивым шведом с рыцарским выражением лица» — *ПССуП(2)*. Соч. Т. 7. С. 84), тот эпизод, который отсутствовал в беловом автографе и журнальной публикации и в текст романа был включен позднее (см.: *Сахаров В. И.* Из комментария к «Отцам и детям» (Тургенев и М. Н. Толстая) // И. С. Тургенев: вчера, сегодня, завтра. Классическое наследие в изменяющейся России: Материалы междунар. науч. конф. Орел, 2008. Вып. 1. С. 169–171).

³⁸ Об этой «склонности» М. Н. Толстой упоминают все мемуаристы. Так, Кузминская отмечала: «Марья Николаевна была очень склонна к мистицизму, была суеверна, верила в явления, предчувствия и предсказания» (*Кузминская Т. А.* Моя жизнь дома и в Ясной Поляне. С. 368).

³⁹ *ПССуП(2)*. Соч. Т. 5. С. 101.

Приказав запрягать коляску и догнать себя, он сердитой походкой зашагал по полю.

Мне стало жаль, а потом досадно. <...> Как часто бывает при раз-молвках, люди понемногу свыкаются с неожиданной обидой, подыски-вают ей основание, и случайное недружелюбие переходит во взаим-ность, закрепляется. Так мы, через 2–3 недели, перестали его ждать и уже избегали даже разговаривать о ссоре: она стала неприятностью, сердившей нас.

Вдруг неожиданно приезжает Тургенев, очень взволнованный, ожив-ленный, но без тени недовольства.

— Да почему вы так долго не показывались?

— А видите ли, — это была хитрость. Никогда так не пишется, как „в сердцах“, никогда так прилежно не работаешь, как озлобившись. Я почувствовал тогда это настроение и поскорее ушел, чтоб не сгладить его, не упустить. Мне давно надо было написать одну вещицу. Вот я и написал. Если хотите, я вам вечером прочитаю.

В тот же вечер он прочел нам эту повесть. Она называлась „Фауст“.⁴⁰ У старших и младших Толстых прототипичность Марии Николаевны по отношению к Вере Ельцовой в «Фаусте» не вызывала сомнений, и сам «литературный» сюжет приобрел черты семейной легенды. «Его героиня Ельцова напоминает Марью Николаевну даже в мелочах», — писал Сергей Львович Толстой. «Говорят даже, — вспоминал Илья Львович, — что он описал ее в своем „Фаусте“. Это была рыцарская дань, которую он принес ее чистоте и непосредственности».⁴¹

По поводу «Фауста», опубликованного в октябрьской книжке «Со-временника» за 1856 год, Тургенев писал Толстой 25 декабря: «Очень меня радует то, что Вам понравился „Фауст“, и то, что Вы говорите о двойном человеке во мне — весьма справедливо, — только Вы, может быть, не знаете причины этой двойственности. Я буду с Вами тоже откровенен. Видите ли, мне было горько стареться, не изведав полного счастья — и не свив себе покойного гнезда. Душа во мне была еще мо-лода и рвалась и тосковала; а ум, охлажденный опытом, изредка подда-ваясь ее порывам, вымещал на ней свою слабость горечью и иронией <...>. Когда Вы меня знали, я еще мечтал о счастье, не хотел расстаться с надеждой; теперь я окончательно махнул на всё это рукой. <...> „Фауст“

⁴⁰ *Т в восп совр.* Т. 1. С. 223–224.

⁴¹ *Толстой С. Л.* Марья Николаевна Толстая (тетя Маша). С. 288; *Толстой И. Л.* Мои воспоминания. С. 243. См. также: *Кузминская Т. А.* Моя жизнь дома и в Ясной Поляне. С. 370.

был написан на переломе, на повороте жизни — вся душа вспыхнула последним огнем воспоминаний, надежд, молодости...». ⁴²

В июне 1857 года, расставшись с мужем, Мария Николаевна переехала с детьми из Покровского в Пирогово и об этом в середине июля сообщила Толстому, записавшему в дневнике: «Маша разъехалась с В<алерьяном>. Эта новость задушила меня». ⁴³ О разрыве с мужем она 25 июля написала и Тургеневу (письмо не сохранилось), он ответил ей из Куртавнеля в середине августа: «Прежде всего благодарю Вас за то, что Вы, в тогдашнем Вашем положении, вздумали — или нет — подумали написать мне. Вы недаром полагаетесь на мою дружбу; действительно — я останусь Вашим другом, пока буду жив». Тогда же, 14 (26) августа он писал Толстому: «...Вы знаете мое мнение о теперешнем положении Марии Николаевны — я уверен, что она отдохнет и успокоится. Скажите ей, что я часто думаю о ней и что, если бы желания могли осуществляться, она была бы совершенно счастлива». ⁴⁴ Толстой 11 августа, находясь в Пирогово, записал в дневнике: «Маша рассказала про Тург<енева>. Я боюсь их обоих». ⁴⁵

Осенью 1857 года, в ответ на рассказ Толстого о его жизни вместе с сестрой в Москве, Тургенев высказался в письме жестко и точно: «С Вашей сестрой жить очень легко — но Вы не умеете жить легко. Вы хотите во всем полноту и ясность — и хотите все это тотчас. Вы беспрестанно щупаете пульс своим отношениям с людьми и собственным ощущениям: все это мешает гладкому и легкому течению дня». ⁴⁶

В 1858 году Тургенев не спешил в Спасское и приехал туда только в начале июня. Свидетельством неоправдавшихся надежд Марии Николаевны осталась запись в дневнике Толстого от 8 мая: «М<ашиньку> известие об отсутствии Т<ургенева> ударило. Вот те и шуточки. Поделом ему скверно». ⁴⁷ Этим летом Тургенев провел в Пирогове три дня,

⁴² ПССиП(2). Письма. Т. 3. С. 170.

⁴³ Толстой. Т. 47. С. 148. В биографической литературе о М. Н. Толстой, как правило, указан июль 1857 г. как время ее разрыва с мужем (см.: Пузин Н. П. И. С. Тургенев и М. Н. Толстая. С. 56; и др.). Однако в письме Николая Толстого Льву от 15 июля читаем: «Маша оставила мужа, она не могла иначе, уж месяц она в Пирогове...» (Переписка Л. Н. Толстого с сестрой и братьями. С. 210). См. подробнее о разрыве в письмах Льву Толстому братьев и самой Марии Николаевны: Там же. С. 209–212.

⁴⁴ ПССиП(2). Письма. Т. 3. С. 254, 253.

⁴⁵ Толстой. Т. 47. С. 151.

⁴⁶ ПССиП(2). Письма. Т. 3. С. 274–275.

⁴⁷ Толстой. Т. 48. С. 15.

с 22 по 25 июня, и в последний день писал Полине Виардо: «Скажу вам в двух словах, что я провел три очень приятных дня у друзей: двух братьев и сестры, прекрасной и очень несчастной женщины. Она принуждена была разойтись со своим мужем, своего рода деревенским Генрихом VIII, преотвратительным. У нее трое детей, которые отлично развиваются, особенно с тех пор, как папаши нет с ними. Он, независимо от их поведения, обращался с ними весьма сурово, доставляя себе удовольствие воспитывать их на спартанский лад, сам ведя образ жизни совершенно противоположный». Рассказав о каждом из трех братьев Толстых, Тургенев продолжал: «Сестра довольно хорошая музыкантша; *мы играли* Бетховена, Моцарта и т. д.», — и, перейдя с французского на немецкий, уточнял: «Es ist die selbe Gräfin, die eine Neigung für mich gehabt hatte; Ich glaube, das alte Feuer glüht noch unter der Asche; was hilft's aber? <Это та самая графиня, у которой была ко мне склонность; думаю, что былой огонь теплится еще под пеплом; но к чему все это?>». ⁴⁸

Характер отношений между Тургеневым и Марией Николаевной, по словам С. Л. Толстого, «не нравился ее братьям». ⁴⁹ Лев Николаевич 4 сентября 1858 года записал в дневнике: «Ездил к Никол<иньке> и Тургеневу: 1-й мил очень дома, 2-й тяжел невыносимо. <...> Тургенев скверно поступает с М<ашиной>. Дрянью». ⁵⁰ Лето 1858 года, таким образом, стало последним летом той застигнувшей Марию Николаевну «бури», которую, в самом ее начале, наблюдал проницательный Боткин. Заехав в конце марта 1859 года в Ясную Поляну (по пути из Петербурга в Спасское), Тургенев писал Боткину о встрече с графиней Толстой: «...очень она переменялась на мои глаза — да сверх того — je n'ai rien à lui dire <мне нечего ей сказать — *франц.*>». ⁵¹

«Взгляните на отжившую женщину», — пишет Толстая в публикуемом письме Тургеневу, прибавляя, что «в разладе почти со всеми». Тревожной, трагичной предстает ситуация в ее семье на рубеже 1860–1870-х годов. Сергей Николаевич, например, осенью 1866 года пишет брату из Пирогова: «Что тебе сказать о Машеньке и о девочках? Ты все знаешь сам очень хорошо: девочки, с тех пор как приехали в Пирогово, *ни разу* не выходили на воздух, не смеют читать ничего, исключая вслух в определенные часы, ходят на цыпочках и говорят почти целый день шепотом, и хотя немислимо даже подумать о возможности намек-

⁴⁸ ПССиП(2). Письма. Т. 3. С. 396–397. Подлинник по-франц.

⁴⁹ Толстой С. Л. Марья Николаевна Толстая (тетя Маша). С. 289.

⁵⁰ Толстой. Т. 48. С. 16.

⁵¹ ПССиП(2). Письма. Т. 4. С. 30. Письмо от 29 марта (10 апреля).

нужно об изменении подобной жизни мне или кому бы то ни было, они очень веселы и, кажется, думают, что так быть должно и что мамашу очень жалко. Нехорошо их восставлять против матери, а язык чешется. Но должно быть, скоро они сами, по крайней мере надеюсь, выйдут из этой неволи, ибо они совершенно вроде каких-то заключенных. <...> Первым ее приветствием <...> было то, что она ушла на целый день в свою комнату, говоря, что я расстроил ей нервы на целую неделю тем, что сказал, что я слышал, что ей лучше, и что по лицу она не похожа на сурьезно больную. Она все это время не распечатывает писем, которые ей пишут, под предлогом, что это ее может беспокоить, и дети должны сперва читать эти письма и беспокоящие не показывать. <...> Но теперь она, кажется, точно сделалась больна, что не удивительно при подобной жизни и чем она, кажется, не недовольна, как, уже имея теперь действительное средство, мучить своих ближних. Ссориться с ней, мне кажется, положительно невозможно; рассуждать с ней тоже невозможно, как и надеяться убедить ее измениться в отношении к девочкам. А ради того, чтобы видеть девочек и не быть со срамом выгнаны от нее вон, можно с соболезнующим лицом слушать ее рассказы о нервах, выходить из ее комнаты, когда она говорит, что ты ее беспокоишь папиросой или стуком, и куда, т. е. в свою комнату, она только что сказала, чтобы ты и дети пришли и помешали тебе с ними говорить или читать, чтобы иметь удовольствие тебя прогнать».⁵² Весной 1868 года Толстая писала брату Льву из Покровского: «Если теперь мне привезут девочку,⁵³ как снег на голову, я ничего не в состоянии сообразить и всем объявлю, что она моя дочь, ибо всякое моральное на меня так действует, что я решительно теряюсь и умираю. Описывать всего нельзя, но в сию минуту от одной мысли и волнения об том, что я тебе пишу, буквально едва перо держу, и сердце бьется до тошноты, и сейчас должна лечь, пока приду в себя. <...> Я ночи не сплю и мучаюсь ужасно. Дети, бедные, в каторге живут, глядя на меня — не грех вам с Сережей хоть на день к нам заглянуть и утешить».⁵⁴ О том же очевидном для обоих братьев душевном неблагополучии сестры свидетельствуют письма Льва Толстого, написанные в декабре 1869 года. «Машенька, притворяясь больною и мучая детей, проехала в Москву», — сообщает он брату Сергею в письме от 4–10 декабря 1869 года. В письме ему же от 10–20 декабря Толстой пишет о страхе Вари, дочери Марии Николаевны, «расстроить мамашу —

⁵² Переписка Л. Н. Толстого с сестрой и братьями. С. 305–306.

⁵³ Речь идет о ее дочери от де Клена, Елене.

⁵⁴ Там же. С. 312–313.

сделается трясение и т. д.». И в письме брату от 10–14 января 1870 года Толстой делится мыслями о сестре: «Она все так же сидит, воображая себя больною и мучая своих детей».⁵⁵

О состоянии Марии Николаевны в конце 1860-х Елизавета Оболенская вспоминала: «Денежные дела матери были очень неважными, имения были все запущены, надо было выплачивать долги <...>. Мать постоянно хворала, хандрила, была раздражительна, иногда по целым дням не выходила из своей комнаты. В недобрые минуты она горько жаловалась на свою разбитую жизнь. <...> Дяди, любя нас, очень осуждали мать за нас, но мы очень любили ее, уважали и никогда не судили. Мы теперь были уже взрослыми и хорошо понимали ее страстную натуру. Она ничего не умела чувствовать вполнину и всему — горю ли, радости ли, гневу ли отдавалась без удержу, всей душой, сдерживаться она смолоду не привыкла. Тем более надо дивиться, как она сумела сломить себя в монастыре».⁵⁶ «Марья Николаевна нигде не могла ужитья, — вспоминал С. Л. Толстой. — Она жила то в Покровском, то в Ясной Поляне, то в Москве, то за границей. <...> Пустота одинокой жизни ее угнетала. Она стала еще более капризной и раздражительной. С дочерьми она не уживалась».⁵⁷

Невозможность признать оставленную в Швейцарии дочь, на что, как казалось Елизавете Оболенской, ее мать «не имела мужества», Мария Николаевна переживала мучительно. Отражение собственной безысходной драмы она позднее увидит в «Анне Карениной». Среди ее писем братьям есть одно, особенно тяжелое. По полноте самоотжествления с литературным персонажем оно близко письму, адресованному Тургеневу. «Милый друг Левочка, — пишет Мария Николаевна из Гейдельберга 16 (28) марта 1876 года. — <...> Я в таком отвратительном моральном состоянии, одиночество так *ужасно* на меня действует, с постоянной заботой, которая, как меч, лежит на мне и о которой я день и ночь думаю, что мне иногда страшно становится. Мысль о самоубийстве начала меня преследовать, да, положительно преследовать так неотступно, что это сделалось вроде болезни или помешательства. Не думай, чтоб что-нибудь необыкновенное случилось, а просто ничего не клеится, ничего не выходит *с ней*; только что думаю — устроила, опять все снова, все не то, все не ладно, а что нужно — я не знаю, положительно не знаю. Думала ехать в Россию и пожить зиму, сколько бы здо-

⁵⁵ Толстой. Т. 61. С. 221, 223, 225.

⁵⁶ Оболенская. Ч. 1. С. 234.

⁵⁷ Толстой С. Л. Марья Николаевна Толстая (тетя Маша). С. 292–293.

ровье позволило, а тут надо для *нее* опять вернуться, а куда — опять не знаю. Пробовала взять ее к себе — не могу, я тогда делаюсь уж совсем дика, от всех прячусь, за дочь выдавать ее не могу, за чужую — тоже, лгу, запинаюсь — чувствую, что без поддержки трудно быть бесстыдной <...> я до сих пор еще не видела факта, чтоб женщина нашего круга, если она не с медным лбом, взяла к себе незаконного ребенка и одна, без поддержки, имела храбрость всем говорить: „Вот, полюбуйте, это моя незаконная дочь“. Я не могу, и другого выхода, как смерть кого-нибудь из нас, я не вижу. <...> Боже, если бы знали все Анны Каренины, что их ожидает, как бы они бежали от минутных наслаждений, которые никогда и не бывают наслаждениями, потому что все то, что *незаконно*, никогда не может быть счастьем. Это только *кажется так*, и мы все чувствуем, что это только кажется, а все уверяем себя, что я много счастлива: любима и люблю — какое счастье!

Ответ на все трудные положения в жизни есть в Евангелии: если бы я его почаще читала, когда незаслуженно была несчастлива с мужем, то поняла бы, что это был крест, который Он мне послал: „Терпевший до конца — спасется“, а я хотела освободить себя, уйти от воли Его — вот и получила себе крест другой — еще почище». ⁵⁸

Неизвестно, состоялась ли петербургская встреча Тургенева с Толстой, о которой идет речь в публикуемом письме. Завершая его предысторию, стоит привести последнее, ближайшее ко времени его написания свидетельство, поясняющее слова о «бегстве» матери от дочерей. Мария Николаевна была против замужества дочери, спешила уехать за границу, и вот что пишет об этом Елизавета Оболенская: «18 января 1871 г. я обвенчалась. Мне было грустно, что мать была все-таки недовольна и расстроена, мне казалось, что я как будто совершила над ней насилие, но по совести мы не могли поступить иначе. В церковь она не поехала, но очень нежно простилась со мной и плакала, когда благословляла; я просила ее простить меня. Кроме заботы о моем здоровье, я знаю, что ее печалило расставанье со мной. <...> Мы спешили со свадьбой, чтобы не задержать отъезд матери за границу. <...> Мы проводили мать до Петербурга и пожили там с ней до ее отъезда». ⁵⁹

Сведений об ответном письме Тургенева к Марии Николаевне нет. Сохранилось 25 его писем к ней за 1854–1859 годы, 8 из которых адресованы ей и ее мужу. <...> Мы долго переписывались, — вспоминала Мария Николаевна, — и у меня было много его писем, очень интересных

⁵⁸ Переписка Л. Н. Толстого с сестрой и братьями. С. 352–353.

⁵⁹ Оболенская. Ч. 2. С. 283–284.

и, по-моему, великолепно написанных. Они пропали. Один бесцеремонный мой свойственник, посетив мое имение после того, как я переехала в монастырь, поднял стамеской верх письменного стола, в который я их запирала, унес вместе с двумя письмами Некрасова, которыми я очень дорожила, и, говорят, даже напечатал одно или несколько в каком-то журнале. Он, вероятно, приравнял мое монашество к смерти, утвердил себя в праве наследства и распорядился, как захотел... как я, наверное, никогда не захотела бы распорядиться».⁶⁰

По словам И. Л. Толстого, «тетя Маша до конца своей жизни сохранила о Тургеневе самое поэтическое воспоминание, ничем не запятнанное, светлое и яркое».⁶¹ Н. П. Пузин записал со слов Елены Денисенко, дочери Марии Николаевны от де Клена: «Моя мать, живя в монастыре, любила рассказывать и вспоминать былое... <...> „Знаешь, Леночка, — обратилась ко мне раз мать, указав на фотографию Тургенева, — если бы он не был в жизни однолюбом и так горячо не любил Полину Виардо, мы могли бы быть счастливы с ним, я и не была бы монахиней, но мы расстались с ним по воле бога, но он был чудесный человек, и я постоянно о нем вспоминаю“».⁶²

Публикуемое письмо — единственное сохранившееся письмо М. Н. Толстой к Тургеневу.

Публикуется по подлиннику — *ИРЛИ*. № 5834. Л. 1–2.

М. Н. Толстая — Тургеневу

Вторая половина февраля — начало марта 1871 года. Петербург

Я случайно узнала, что Вы здесь,¹ и вздумала Вам написать. —

Не захотите ли Вы меня навестить? — Я еду за границу, прямо на чуму² — и остановилась здесь полечиться. Очень желала бы Вас видеть. Много бы могла Вам сообщить интересного, и Вы — как психолог могли бы даже извлечь пользу из моих рассказов — и могли бы даже оказать мне большую услугу, и всей читающей публике, и бросающейся с жадностью на каждое Ваше *последнее произведение*, удовольствие.

⁶⁰ *Т в восп совр.* Т. 1. С. 221.

⁶¹ *Толстой И. Л.* Мои воспоминания. С. 243.

⁶² *Пузин Н. П.* И. С. Тургенев и М. Н. Толстая. С. 58.

И суграшно уркам депо
Въ дѣлѣ, и вѣдѣннѣ. Каско
каинса еуб. —
Не уроченнѣ еуб. Каско
каинса еуб. — Я вѣду уроченнѣ
еуб. еуб. каинса еуб. — еуб.
каинса еуб. еуб. еуб. еуб.
Оуб. еуб. каинса еуб. еуб. еуб.
еуб. еуб. еуб. еуб. еуб. еуб.
еуб. еуб. еуб. еуб. еуб. еуб.
еуб. еуб. еуб. еуб. еуб. еуб.

Письмо М. Н. Толстой к Тургеневу. Первая страница (ИРЛИ)

Буду ждать Вашего ответа. Взгляните на отжившую женщину — и не придет ли Вам в голову написать «Матери и дети»!³ —

Жму Вам дружески руку

Г<рафиня> М. Толстая.

Знаменская гостиница.⁴

№ 17.

P. S.

Известно, что без P. S. письмо женщины не обходится; — итак, вот что засело у меня на душе; вообразите, — я в разладе с автором «Войны и мира», и так как это немалый авторитет у нас в семействе, то и в разладе почти со всеми; — когда Вы писали «Накануне», бегали дочери от родителей,⁵ а теперь — наоборот. В самом деле, не напишете ли «*Королеву Лиру*»?!⁶

¹ О пребывании Тургенева в Петербурге в начале 1871 г. см. во вступит. заметке.

² Имеется в виду франко-прусская война 1870–1871 гг. — военный конфликт между империей Наполеона III и добивавшейся европейской гегемонии Пруссией. Объявленная 19 июля 1870 г. война закончилась поражением и крахом Французской империи, мирный договор был подписан 10 мая 1871 г. Уехавший в ноябре 1870 г. из Франции вместе с семьей Виардо в Лондон и неизменно выступавший на стороне «республики, цивилизации и свободы», Тургенев на события войны откликнулся в специально подготовленных им для русской публики «Письмах о франко-прусской войне» (*ПССуП(2)*). Соч. Т. 10. С. 309–325). См.: Рабинович М. Б. И. С. Тургенев и франко-прусская война 1870–1871 гг. // И. С. Тургенев. Вопросы биографии и творчества. Л., 1982. С. 99–108.

³ Намек на роман «Отцы и дети», впервые опубликованный в 1862 г. в «Русском вестнике» (№ 2).

⁴ «Знаменская» — большая гостиница на Знаменской пл. напротив Николаевского вокзала; построена в 1845–1847 гг. по проекту арх. А. П. Гемелиана, открыта в декабре 1851 г. Во второй половине XIX в. неоднократно перестраивалась, была переименована в «Северную», «Большую Северную»; ныне — «Октябрьская» (Невский пр., 118).

⁵ Над романом «Накануне» Тургенев работал в 1858–1859 гг. Роман опубликован: *РВ*. 1860. Т. 35. № 1–2. Дочь, убежавшая от родителей, — главная героиня романа Елена Стахова.

⁶ О семейной ситуации Марии Николаевны и о ее знакомстве с повестью Тургенева «Степной король Лир» см. во вступит. заметке. «Король Лир» (1608) во второй половине XIX в. был одной из наиболее популярных в России трагедий Шекспира. Считавшийся в кругу литераторов одним из лучших знатоков Шекспира, Тур-

генов многократно обращался к тексту и сюжету трагедии. В юности он перевел ее с подлинника (текст перевода был уничтожен — см. его письмо к А. В. Никитенко от 26 марта (7 апреля) 1837 г.). Именно Тургенева переводчик «Короля Лира» А. В. Дружинин просил оценить его перевод, опубликованный в 1856 г. в «Современнике» (№ 12), оценку перевода он получил в одобрительном ответном письме Тургенева от 13 (25) января 1857 г. См. подробнее примеч. Л. М. Лотман (*ИССиП(2)*). Соч. Т. 7. С. 476–491).

ПЯТЬ НОВОНАЙДЕННЫХ ПИСЕМ Я. П. ПОЛОНСКОГО К ТУРГЕНЕВУ (1872–1873)¹

Публикация В. А. Лукиной

Из обширной переписки, которую на протяжении практически сорока лет (с разной степенью интенсивности) поддерживали Иван Сергеевич Тургенев и Яков Петрович Полонский, в большем объеме сохранилась именно тургеневская часть. Так, на 161 опубликованное письмо Тургенева приходится лишь 29 ответных писем Полонского. Пятнадцать из них были впервые напечатаны в восьмом выпуске сборника «Звенья», вышедшем в 1950 году.² Еще четырнадцать стали известны только после того, как в начале 1950-х годов значительная часть парижского архива Тургенева была приобретена Национальной библиотекой Франции. В 1964 году они были опубликованы во второй книге «тургеневского» тома «Литературного наследства», значительно обогатив наши представления об отношениях между корреспондентами, а также введя в научный оборот существенные сведения об их творческой деятельности.³ При этом, за редким исключением, сохранившиеся письма Полонского, как справедливо отметила их публикатор Э. А. Полоцкая, представляют лишь «отдельные, случайно уцелевшие части обширной

¹ Некоторые наблюдения над письмами Полонского вошли в нашу статью: Неизвестный отклик Я. П. Полонского на повесть Тургенева «Вешние воды» // Тургеневский ежегодник 2010 года / Сост. и ред. Л. В. Дмитриухина, Л. А. Балыкова. Орел, 2011. С. 23–33.

² И. С. Тургенев. Переписка с Я. П. Полонским / Вступит. ст. и коммент. Г. П. Миролюбова // *Звенья*. Вып. 8. С. 152–261.

³ Письма Я. П. Полонского (1857–1873) / Публ. Э. А. Полоцкой // *ЛН*. Т. 73. Кн. 2. С. 195–248.

переписки».⁴ Данные сведения о сохранившейся части переписки Полонского и Тургенева зафиксированы и в посвященной Я. П. Полонскому статье биографического словаря «Русские писатели. 1800–1917».⁵

Однако, как оказалось, эти сведения нуждаются в уточнении, поскольку в Отделе рукописей Национальной библиотеки Франции в Париже обнаружили новые письма Полонского к Тургеневу, ранее считавшиеся утраченными.* Они поступили в Национальную библиотеку в 1968 году в составе так называемого дара госпожи Марсель Мопуаль, внучки Полины Виардо, дочери Клоди и Жоржа Шамро.⁶ Переданные М. Мопуаль три коробки документов были впоследствии переплетены и составили семь томов, в один из которых (а именно в четвертый) попали «Письма, адресованные Тургеневу» (*NAF*. 16275). Среди них мы найдем письма к Тургеневу его французских друзей и знакомых — Альфонса Доде, Гюстава Флобера, Шарля Гуно, Ги де Мопассана, Проспера Мериме, Эмиля Золя, Полины и Луи Виардо и многих других.⁷ Замыкают этот раздел письма к Тургеневу русских корреспондентов, в их числе, например, опубликованные Н. П. Генераловой два письма А. А. Фета.⁸ Сюда же были помещены, как указано в описи, и шесть писем Полонского.

При ближайшем ознакомлении выяснилось, однако, что писем не шесть, а пять. По-видимому, ошибка вкралась в процессе брошюрования, в результате которого листы были разложены и переплетены не совсем верно. В итоге хронологическая последовательность оказалась нарушенной, а вторая часть письма за 10 января⁹ 1872 года была отделена от первой и фигурировала как отдельное письмо без даты. Как удалось установить, все новонайденные письма относятся к 1872 и 1873 годам.

⁴ Там же. С. 197.

⁵ *Русские писатели*. Т. 5. С. 55; статья Е. В. Ермиловой и А. З. Грешного.

* За указание на эти письма приношу глубокую благодарность Наталье Петровне Генераловой.

⁶ Небольшую биографическую заметку о М. Мопуаль (урожд. Шамро) см.: *Maupoil Robert*. Marcelle Maupoil (1879–1973). Notice biographique // *Cahiers*. N 4 (1980). P. 31. Здесь же воспроизведена ее фотография, сделанная около 1905 г. (P. 30).

⁷ Краткое описание этих материалов см.: *Ibid*. P. 32–34.

⁸ См.: *Deux lettres inédites de Tourguéniev à Fet / Publiées par N. Généralova // Cahiers*. N 16 (1992). P. 110–121; *Ауэр А. П., Генералова Н. П.* Письма А. А. Фета к И. С. Тургеневу // *Проблемы изучения жизни и творчества А. А. Фета*. Курск, 1993. С. 328–338.

⁹ Здесь и далее, если не указано особо, даты даны по старому стилю.

Содержание их превзошло самые смелые ожидания. Достаточно сказать, что вскрылись новые обстоятельства участия Тургенева в сборнике «Складчина», для которого был написан рассказ «Живые мощи» (1874), а к единственному уцелевшему письму Полонского за 1872 год¹⁰ добавились еще два пространных письма, заслуживающие пристального внимания.

Первое и самое раннее из вновь найденных писем датировано 10 января 1872 года и написано под свежим впечатлением от прочтения тургеневской повести «Вешние воды», которая вышла в свет в первом номере «Вестника Европы» за тот же год. Еще в декабре 1871 года Тургенев общал Полонскому о скором выходе своей новой повести и выражал опасения, что его «пространственно рассказанная история о любви, в которой нет никакого ни социального, ни политического, ни современного намека», «едва ли понравится» читателю.¹¹ Опасения писателя были небезосновательны. Название нового произведения Тургенева стало широко известно в литературных кругах задолго до его появления в печати, сразу же после того как около 3 декабря рукопись поступила в распоряжение редактора «Вестника Европы» М. М. Стасюлевича. О том, какого рода ожидания название новой повести возбудило в читательской аудитории, свидетельствует, в частности, письмо Б. М. Маркевича к М. Н. Каткову от 5 декабря: «Кстати: Тургенев третьего дня прислал туда <в «Вестник Европы»> новое свое произведение „Вешние воды“. Раб Тургенева Павел Анненков, не читавший еще оного впрочем, глубокомысленно говорит, что оно должно произвести большую сенсацию, так как по заглавию следует понимать, что оно изображает первые моменты движения нынешнего царствования. Побачим!».¹² Возможно, именно эти «обманутые» ожидания читателей отчасти послужили причиной целой череды резко отрицательных откликов в периодической печати, обрушившихся на писателя в скором времени после выхода повести в свет. Разочарование — таков лейтмотив большинства статей и фельетонов, один за другим появлявшихся на протяжении января в обеих столицах.

¹⁰ См.: *Звенья*. С. 167–170. Здесь воспроизведен черновик письма, поскольку оригинал остается необнаруженным. Черновик не датирован, но, судя по ответному письму Тургенева от 2 (14) марта 1872 г., письмо Полонского было отправлено в конце февраля.

¹¹ *ПССиП(2). Письма*. Т. 11. С. 185. Письмо от 18 (30) декабря.

¹² Цит. по: *Громов В. А.* «Вешние воды». Статья и письмо Б. М. Маркевича о повести Тургенева // *Т Сб.* Вып. 5. С. 303.

Первым во всеуслышание об этом заговорил В. П. Буренин, открывший 8 января свой регулярный обзор «Журналистика» в «Санкт-Петербургских ведомостях» многоговорящим подзаголовком: «Нечто о том, как публика ждала новую повесть г. Тургенева, и о самой повести „Вешние воды“». «Самая крупная литературная новость за наступивший год, — так начал он свою статью, — разумеется, повесть г. Тургенева „Вешние воды“. Об этой повести, еще до ее появления в печати, носились в обществе некоторые толки и даже слагались легенды. Многие почтенные и юные почитатели знаменитого автора возомнили, что в имеющемся появиться произведении г. Тургенев скажет некоторое „слово“ о последнем движении нашей жизни, изобразит какого-либо героя или героиню». По словам Буренина, «ожидания даже до того простирались, что некоторые начали поговаривать об окончательной устарелости типа Базарова и, подобно тем пустым сосудам, о которых говорит Потугин, заранее ластились к будущему роману г. Тургенева, в сладкой надежде, что из этого романа в их полную <полу? — В. Л.> внутренность изольется живая вода какого-нибудь нового *изма*. Иные из таких пустых сосудов даже трепетали от мысли, каким *измом* окрестит их г. Тургенев. Будет ли этот *изм* столь же выразителен и знаменателен, как нигилизм? Вострепещет ли мир от страха, услышав новый термин жизненного направления данной минуты? <...> Наконец, *изм* ли, полно, сочинит г. Тургенев для охарактеризования стремлений героев наших дней? Не ограничится ли он просто названием „легкомысленных младенцев“, подобно тому как г. Ф. Достоевский, в романе „Бесы“, ограничился титулом „угрюмых тупиц“?.. Словом, ожидания и предположения ввиду скорого появления нового произведения г. Тургенева были самые разнообразные и живые». Однако, отмечает критик далее, когда наконец 1 января в 8 часов утра повесть появилась, «все на нее жадно накинулись, проглотили ее за один прием и... разочаровались. Оказалось, что г. Тургенев не оправдал ни одного из вышеупомянутых предположений и ожиданий <...>».¹³

В схожем ключе о «Вешних водах» отозвались и другие издания. Так, 10 января анонимный автор (В. Г. Авсеенко) передовой статьи газеты «Русский мир» уже в первых строках вынес этому произведению писателя суровый приговор: «Новая повесть г. Тургенева „Вешние воды“ <...> ожидалась публикой, как известно, с большим нетерпением, чем его последние коротенькие рассказы. Узнав, что новому произведению автор дал довольно значительные размеры, многие рассчитывали встретить тенденциозную повесть из современной жизни, которая на-

¹³ Санкт-Петербургские ведомости. 8 января. № 8. С. 1.

помнила бы „Отцов и детей“ или „Дым“. Предававшиеся таким надеждам должны разочароваться».¹⁴ О «неоправдавшихся» ожиданиях, вызванных в обществе названием повести, писал и рецензент газеты «Новое время».¹⁵

В первых строках своего послания Полонский также спешит поделиться впечатлением, произведенным на него «Вешними водами». Он признается, что собирался и даже начал отвечать Тургеневу еще 4 января, но не окончил письма, поскольку не был удовлетворен отделкой своего нового стихотворения «Кляча и Пегас», которое он намеревался представить, как обычно, на взыскательный суд друга. Тем не менее далее он выписывает из этого, по всей видимости, несохранившегося письма фрагмент, посвященный «Вешним водам», прибавляя: «...потому что раз высказанное впечатление — в другой раз уже так не выскажешь».

Как видно из этой части письма, повесть произвела на Полонского сильное впечатление, заставив замирать «от восторга и боли» и пробудив дорогие его сердцу воспоминания о собственной молодости, о любви и о сватовстве к восемнадцатилетней красавице, ставшей вскоре его женой, — Е. В. Устюжской, с которой он познакомился во время своего пребывания в Париже летом 1858 года и на которой после скоропалительного романа 14 июля женился. «Вспомни, — признавался он, — что я когда-то в Париже прожил поэтически-очаровательные дни и ночи, когда был женихом дочери русского дьячка — моей покойной жены Елены Васильевны <...>». Представление о том, как «стихийно» и стремительно, в романтических традициях, развивалось чувство Полонского к его будущей первой жене, дают «длинные» письма поэта к Л. П. Шелгуновой и М. Ф. Штакеншнейдер (большая их часть остается неопубликованными).¹⁶ Содержание одного из них дочь последней, Е. А. Штакеншнейдер, 14 июня 1858 года записала в своем дневнике: «Три недели тому назад <...> встретился он в первый раз с девушкой, которая сразу его очаровала, и очаровала, можно даже сказать,

¹⁴ Русский мир. 1872. 10 января. № 8. С. 1. Статья помечена 9 января.

¹⁵ М—ов. Литературное обозрение // НВр. 1872. 8 января. № 7. С. 2.

¹⁶ Следует отметить, что эпистолярный Полонского еще ждет своего исследователя. Из обширного массива сохранившейся переписки поэта в настоящее время опубликованы разрозненно и фрагментарно лишь небольшие ее части, причем гораздо лучше представлены письма корреспондентов Полонского, нежели его собственные. В этом отношении можно горячо приветствовать появление подготовленной Т. Г. Динесман и М. Г. Трепалиной переписки Полонского с А. А. Фетом, вышедшей недавно в одном из очередных томов «Литературного наследства» (Т. 103. Кн. 1. С. 555–986).

Е. В. и Я. П. Полонские. Фотография. 1858 г. (ИРЛИ)

раньше, чем он ее разглядел, одним уж голосом своим, проговорив по-русски: „Все, что вам будет угодно“».¹⁷

Как следует из дальнейшего изложения письма, встретив Е. В. Устюжскую в доме у Е. В. Шеншиной (урожд. Дегай) и пробыв некоторое время в ее обществе, Полонский был столь «обворожен» этой «пленительной девушкой», что в тот же день написал своему приятелю письмо, в котором «излил волновавшие его чувства, намерения и надежды». Это письмо было передано родителям девушки, которые потребовали от поэта не посвящать свою дочь в намерения Полонского, но пригласили «бывать у них, с целью узнать его ближе, и чтоб он их узнал».¹⁸

¹⁷ Штакеншнейдер Е. А. Дневник и записки (1854–1886) / Ред., ст. и коммент. И. Н. Розанова. М.; Л., 1934. С. 218. Далее — Штакеншнейдер.

¹⁸ Там же. С. 218–219. См. также: Тхоржевский С. Высокая лестница. Портреты пером. Повести о В. Теплякове, А. Баласогло, Я. Полонском. М., 1986, где приведены фрагменты из других писем Полонского к М. Ф. Штакеншнейдер.

Смятение, неуверенность перед будущим и глубину чувств, обуревавших в то время поэта, в полной мере передает одно из его писем к Л. П. Шелгуновой, датированное июнем 1858 года: «Если Богу угодно, чтобы я женился, пусть будет, что будет. — Недаром вдруг нашла на меня такая решимость, которой отроду не доставало при обстановке более благоприятной и при более счастливых случайностях. Быть может, все к лучшему». И далее: «Вы меня теперь спросите — влюблен ли я? Чувство, которое я испытываю теперь, совсем не то, которое я испытывал, когда влюблялся, и, вероятно, это оттого происходит, что я начал с того, что сам не знаю почему задумал жениться. Я этим до такой степени сам себя озадачил, что все, что есть в страсти слепого и безрассудного, все меня покинуло. — Я жажду понять ее, даже ищу, нет ли в ней недостатков, и, право, нашел бы их, если бы они были. Роковая встреча с нею и вообще все это дело, мною начатое, подняли со дна души моей все, что чуть не с детства покоилось в ней. Все хорошие и дурные стороны моего характера, все выступили наружу, и я борюсь то со своим самолюбием, то с испугом за будущее, то с невольной боязнью взять на свою ответственность новое для меня существование, не имея под ногами у себя прочной почвы. За все такие колебания я называю себя Подколесиним, упрекаю себя в такой трусости <...> я переживаю трудное для меня время: отступить я не могу, мне хочется видеть ее каждую минуту, потому что, глядя на нее, я ничего не боюсь, силы мои вырастают — в ее спокойствии душа моя почерпает покой, страх за будущее кажется ребяческим и меня недостойным».¹⁹ Менее чем через два месяца после первой встречи у Шеншиных состоялась свадьба Полонского и Е. В. Устюжской в русской посольской церкви, которая до 1861 года располагалась в особняке на rue de Verri.

Возвращаясь к публикуемому письму Полонского, следует отметить, что далее он сообщает некоторые любопытные подробности из своей жизни в Одессе, куда он отправился осенью 1844 года, по совету своего близкого студенческого друга И. А. Уманца, не дождавшись даже аттестата об окончании университета. Так, он упоминает об «одной несчастной страсти», «красавице, тоже с итальянским типом лица», встречи с которой нередко происходили в книжном магазине К. О. Тотти и из-за которой он, по собственному признанию, «с отчаянья уехал на Кавказ». Вряд ли, конечно, неразделенная любовь стала единственной причиной, побудившей Полонского летом 1846 года переехать в Тифлис, где он получил должность помощника редактора газеты «Закавказский вест-

¹⁹ Из переписки Я. П. Полонского // Русская земля. 1904. 3 января. № 3. С. 2–3.

ник»,²⁰ однако, возможно, она стала той самой последней каплей, которая побудила его оставить Одессу.

В подтверждение успеха «Вешних вод» среди читателей Полонский приводит мнение своего приятеля Шатковского, который, как он пишет, «тоже от твоей повести чуть с ума не сошел». На этом выписка из письма от 4 января заканчивается, однако далее Полонский сообщает дополнительные сведения о впечатлении, произведенном новой повестью Тургенева на общих друзей и знакомых.

Появление «Вешних вод», ожидавшееся, как уже говорилось выше, с большим нетерпением, вызвало оживленные толки в самых разных кругах. Показательно, например, свидетельство Б. М. Маркевича, который в письме к М. Н. Каткову от 11 января 1872 года сообщал, что его разговор с Александром II на большом бале в Зимнем дворце начался «с новой повести Тургенева».²¹ О жгучем интересе публики к «Вешним водам» одновременно с Полонским Тургеневу сообщал и П. В. Анненков, также подметивший расхождение в оценках простых читателей и критиков: «...повесть Ваша имеет большой, даже восторженный успех в публике, который не отражается в литературе, где все толкуют, что в ней нет никакого вопроса».²² Интерес был настолько сильным, что М. М. Стасюлевич вскоре принял решение о напечатании дополнительного тиража январской книжки «Вестника Европы».²³ Как явствует

²⁰ Так, еще 10 января 1844 г., сообщая Н. М. Орлову о назначении князя М. С. Воронцова наместником на Кавказе, Полонский писал: «Вся Одесса в волнении — все здешнее народонаселение двинется за ним, как за коновожатым. Одесса опустеет — и вряд ли я останусь здесь. Хочется быть на Кавказе и увидеть природу лицом к лицу» (Письма Я. П. Полонского к Н. М. Орлову // Новые Пропилеи / Под ред. М. О. Гершензона. М.; Пг., 1923. Т. 1. С. 66).

²¹ Цит. по: *Громов В. А.* «Вешние воды». Статья и письмо Б. М. Маркевича о повести Тургенева. С. 304.

²² *Анненков. Письма.* Кн. 1. С. 192.

²³ См. письмо Тургенева к М. М. Стасюлевичу от 14 (26) февраля 1872 г.: *ПССиП(2). Письма.* Т. 11. С. 214. Показательна также зарисовка, которой некий анонимный автор «Русского мира», скрывшийся за псевдонимом «Z. Z. Z.», предваряет изложение своих впечатлений от новой повести Тургенева: «Говорят, что один почтенный петербургский книгопродавец, когда его спрашивают: вышла ли книжка „Вестника Европы“? — считает даже излишним отвечать на такой вопрос изустно и только показывает вопрошающему указательный палец. Сия остроумная пантомима толкуется различно: одни догадываются, что она означает не более, как первое число месяца, всегда и неотвратимо знаменующее выходом „Вестника Европы“; другие же предполагают в поднятом указательном персте значение такого рода, что, дескать, журнал г. Стасюлевича есть единица, прочие же его собратья только

из дальнейшего изложения Полонского, повесть действительно никого не оставила равнодушным. При этом он отмечает «резкую противоположность в суждениях».²⁴

Особого интереса заслуживает упоминание о визите супруги Б. М. Маркевича, состоявшемся, по всей видимости, 7 января 1872 года. «В прошлую пятницу, — сообщает Полонский, — была у нас мадам Маркевич — она сказывала, что муж ее читал твою повесть вслух — и в восторге — говорит, что после тебя за перо взяться совестно». А 10 января во втором номере «Гражданина» за подписью «М.» появилась в высшей степени положительная рецензия самого Маркевича, в начале которой он прямо заявил: «С самого начала своей литературной деятельности и по сей день <...> ничего более художественного не создавал еще г. Тургенев!».²⁵ «Вешние воды», по его мнению, «в силу своей художественной правды, своей беспощадной объективности и какой-то скульптурной рельефности», представляют «один из самых блестящих этюдов человеческого сердца, какие когда-либо выливались из человеческого пера».²⁶

нули». «Получив „Вестник Европы“, — продолжает автор фельетона, — немедленно уединился с ним в кабинете и принялся читать... разумеется, „Вешние воды“ г. Тургенева». Далее следует отклик (отрицательный) на «Вешние воды», который, как кажется, до сих пор не попадал в поле зрения тургеноведов (Z. Z. Z. Наблюдения и заметки. На этот раз совершенно мечтательного содержания // Русский мир. 1872. 16 января. № 14. С. 1).

²⁴ Своими впечатлениями от повести поделились также А. Ф. Писемский (не сохр.), С. К. Брюлова (не сохр.), Г. Н. Вырубов (BN, указано Н. П. Генераловой) и кн. А. А. Трубецкая, которой Тургенев — получивший к тому времени также письма Анненкова и Полонского — ответил 19 (31) января 1872 г.: «Все, что вы говорите мне — восхитительно, любезная княгиня — и я не ожидал столько похвал! Русская публика, кажется, достаточно оценила мою безделицу, — но критика по большей части сурова: меня находят недостаточно серьезным, — им бы хотелось, чтобы я занимался политикой, чтобы я затрагивал общественные вопросы; может быть, критика и права» (ПССиП(2). Письма. С. 204. Подлинник по-франц.). Проникновенным письмом откликнулся также Н. В. Ханьков 9 февраля 1872 г.: «Очень Вам благодарен, Иван Сергеевич, за Ваш милый подарок. Вешние воды сладко оросили мое сердце. Не знаю, возможен ли психологически Санин, но обе женщины Ваши очень удались!». Далее Ханьков подробно остановился на некоторых персонажах. Так, Джемма, по его словам, «настоящая фотография, но то, что называют *photographie artistique* <художественной фотографией — франц.>». «Чего со мною давно не случалось, — продолжал Ханьков, — я Вас прочел два раза кряду и только в двух местах несколько запнулся на выражениях <...>» (BN. Slave 81. F. 102; за сообщение содержания этого письма благодарю Н. П. Генералову).

²⁵ М-аркевич Б. М.> Вешние воды. Соч. Тургенева («Вестник Европы», № 1) // Гражданин. 1872. № 2. 10 января. С. 66; раздел: «Критика и библиография».

²⁶ Там же.

Как видно, более всего Маркевич оценил и «с горячею и тем большею радостью» приветствовал «художественность» нового произведения Тургенева, отсутствие в нем «задней мысли», «притязания на решение какого-либо „настоятельного“, „современного“, „животрепещущего“ вопроса».

Еще раз подчеркнем, что именно отсутствие «современного намека», «начинки» — изначально и вызывало опасения писателя за судьбу своего детища, а впоследствии ставилось ему в упрек большинством критиков.²⁷ Хотя рецензия в «Гражданине» была едва ли не единственным благожелательным откликом на «Вешние воды» в печати (в целом же, как справедливо отметила Л. В. Крестова, «в отличие от читателей, критика встретила „Вешние воды“ недоброжелательно»²⁸), вряд ли ее появление особо обрадовало писателя. «Здесь нет ни малейшего „гражданского мотива“, — писал Маркевич, — ни вздора об этих не отыскивавшихся „новых людях“, ни тени хотя бы потугинского, болезненного и бесплодного, самого отрицательного смеха, — и слава Богу! Живописец *русский*, живописец по преимуществу, скидывает с себя на этот раз не всегда в пору сидевшие на нем ризы, — и предстает пред нами только живописцем. И каким живописцем!..».²⁹

Восхищение Маркевича было, как кажется, искренним. Оно сквозит и в его письме к М. Н. Каткову от 14 января 1872 года, в котором он высказал искреннее огорчение в связи с появлением в «Московских ведомостях» желчной статьи Л. Н. Антропова о «Вешних водах». По мнению Маркевича, появление этого глумливого и несправедливого отзыва могло быть только на руку «здесьним „реалистам“», компрометируя газету, которую он считал «единственно серьезным у нас органом».³⁰ «...Со времен „Дворянского гнезда“, — настаивает Маркевич, — ни одна вещь Тургенева не имела такого *retentissement* <отзвука — *франц.*>, какое имеют „Вешние воды“ (по крайней мере здесь), а кроме того, с объективно художественной точки зрения, *ни одно* из его произведений не было так искусно скомпоновано, как это <...>».³¹

²⁷ Об этом Тургенев писал, например, 13 (25) января 1872 г. П. В. Анненкову: ПССиП(2). Письма. Т. 11. С. 200.

²⁸ Там же. Соч. Т. 8. С. 508. Неодобрение повесть вызвала, как ни странно, и у критиков либеральной прессы, например, «Санкт-Петербургских ведомостей» (см. об этом примеч. 14 к письму 1).

²⁹ Гражданин. 1872. № 2. 10 января. С. 67.

³⁰ Громов В. А. «Вешние воды». Статья и письмо Б. М. Маркевича о повести Тургенева. С. 304.

³¹ Там же.

Вместе с тем, с удовлетворением подчеркнув в своей статье, что «творец Базарова», успел, по-видимому, убедиться в «совершенно тщетном у нас искании „новых людей“», Маркевич не преминул уколоть активных защитников последних в лице Е. И. Утина, сотрудничавшего в «Вестнике Европы». Он ядовито заметил, что мнение Тургенева вряд ли разделит «некий господин Евг<ений> Утин, „новый“ *lumen mundi* <светоч мира — *лат.*>, открывший недавно и объявивший нам самым радикальным манером в том же „Вестнике Европы“, в котором печатает свои произведения г. Тургенев, и в то же самое время, когда печатался там „Обрыв“ г. Гончарова, что песенка Тургенева и Гончарова давно спета и что им следует, откланявшись публике, давным-давно переросшей-де их „своим развитием“, отретироваться за кулисы, чтобы не мешать на общественной сцене реальным отправлениям „новых людей“, „новой школы“, школы „подлиповцев“, Сысоек и Афросек все того же г. Решетникова <...>».³²

Примечательно, что, хотя мнение самого Е. И. Утина о «Вешних водах» нам неизвестно, в целом общий характер его был, по всей видимости, подмечен Маркевичем верно. Это подтверждается и публикуемым письмом Полонского: в нем он передает Тургеневу содержание своего разговора с Утиным, с которым накануне случайно встретился в Михайловском театре: «Ну что повесть? — Это последний современный вопрос. — Утин негодует на избитость сюжета, на то, что лица, выведенные тобой, не новы — но отдает справедливость блестящему художественному изложению рассказа».

Еще одно нелицеприятное мнение о «Вешних водах» было высказано на очередной «пятнице» Полонского сотрудником уже упоминавшейся петербургской газеты «Русский мир», которого сам Полонский обозначил как «некий г. О—ко — пишущий фельетоны в „Русском мире“». Не вызывает сомнения, что речь идет о В. Г. Авсеенко, печатавшем в 1871–1875 годах в этой газете практически еженедельно свои «Очерки текущей литературы». Кроме того, Авсеенко под различными криптонимами (совместно с Н. С. Лесковым или чередуясь с ним) активно участвовал в составлении еженедельного внутреннего обозрения.³³ «Он — изумил меня, — сообщал Полонский, — говорит, что отроду ничего хуже твоей повести он не читывал — что ты напомнил ему Марлинского, — что таких женщин, как Полозова, никогда отроду не существовало и не существует».

³² Гражданин. 1872. № 2. 10 января. С. 67.

³³ См.: *Русские писатели*. Т. 1. С. 21.

Переданный Полонским отзыв в целом перекликается с оценкой, которую Авсеенко дал «Вешним водам» в своем очередном фельетоне, фактически отказав повести Тургенева в «самостоятельном художественном значении».³⁴ Еще ранее, в номере за 10 января, он представил «Вешние воды» «невинным анекдотом», «хорошо и пространно рассказанным „случаем“», саркастически заметив при этом: «„Случай“ хорошо рассказан, но это еще не значит, чтобы самый „случай“ представлял какой-нибудь интерес или значение. Напротив, он так нелюбопытен, построен на таких ветхих и избитых основах, что сравнительно с ним известная история лейтенанта Ергунова может назваться образцом анекдотической фабулы».³⁵ В героях повести Авсеенко увидел лишь «ряд карикатур, гипербол и наивностей» (сделав исключение для Джеммы), причем особому осуждению подверглись образы супругов Полозовых. Говоря о личности Полозова, критик упрекнул Тургенева, в первую очередь, в предвзятости и необъективности. Изображение ее, по его словам, потребовало «от автора много злости для того, чтобы вопреки намерению сделать ее смешною и дурацкою, — выйти нисколько не смешною, а только отвратительною». Однако еще большее возмущение Авсеенко вызвал образ самой Полозовой. «Если постановка Полозова поражает карикатурностью, — с негодованием отмечал он, — то Марья Николаевна, как она задумана автором, должна поставить читателя в тупик наивностью замысла». Его последующие слова звучат дерзкой и обидной отповедью маститому писателю и дают наглядное представление о том, в каком ключе он высказался об образе Полозовой на «пятнице» у Полонского.³⁶

Разумеется, письмо Полонского не исчерпывается приведенными выше сведениями об откликах на «Вешние воды», оно содержит и другие чрезвычайно любопытные подробности. В нем, например, он трогательно рассказывает о семействе своей покойной жены, просит Тургенева съездить к ним, познакомиться с тремя ее сестрами — Юлией, Елизаветой и Марией — и даже посылает письмо на имя их отца —

³⁴ А. О. <Авсеенко В. Г.> Очерки текущей литературы. Еще по поводу «Вешних вод» г. Тургенева // Русский мир. 1872. 22 января. № 20. С. 1.

³⁵ Русский мир. 1872. 10 января. № 8. С. 1.

³⁶ Приведем лишь небольшой отрывок: «Неужели г. Тургенев думает, что в понятиях русской женщины одержать победу над мужчиной значит не получить от него отказа на предложение жены Пентефриевой? Таких женщин представляют себе очень наивные и неопытные мальчики; люди же взрослые очень хорошо знают, что согласие мужчины на материальную связь едва ли в глазах самой глупой женщины послужит доказательством одержанной победы» (Там же).

Карикатура на «Вешние воды» в приложении к журналу «Маляр» (1872).
Первая страница

Часу во второмъ ночи, Дмитрій Павловичъ, вернувшись изъ клуба съ ужаснѣйшей тоской и пустотой въ сердцѣ (вѣроятно изъ клуба художниковъ), съ отчаяніемъ бросился на диванъ, съ одной надеждой на храноичикаго...

Но сонъ бѣжалъ отъ прекрасныхъ глазъ Дмитрія Павловича, и онъ отъ скуки началъ перебирать женскія записки, между которыми нашелъ гранатовый крестикъ и, какъ старый гриншисъ, отскочилъ отъ него съ ужасомъ, вспоминая давно-прошедшее...
Вотъ что вспомнилъ Дмитрій Павловичъ...
Вотъ что Дмитрій Павловичъ вспомнилъ:

Лѣтомъ, въ 1840 году, во Франкфуртѣ, онъ, Дмитрій Павловичъ, въ кондитерской теръ или чистилъ саложными щетками, хорошенько не помнитъ, мальчуга, и что за это въ него влюбилась сестра этого мальчуга, очаровательная итальянка!..

Имя ей Джемма (на итальянскомъ языкѣ значить драгоцѣнный камень), носъ у нее былъ нѣсколько великъ, но красиваго ладъ...

Она была стройна, какъ ии одна пальма въ мірѣ... У ней есть женихъ, торговецъ изъ под-Апрексина во Франкфуртѣ.

Дмитрій Павловичъ, Джемма и ея женихъ изъ Пожевой лѣны отпразднвали обѣдать за городъ въ трактирѣ, и за обѣдомъ, одинъ въмеждѣ офицеръ, осмѣлился вынуть за здоровье Джеммы кружку пива, чѣмъ и оскорбилъ ее. Дмитрій Павловичъ, будучи рыцаремъ ея сердца, вызвалъ его на дуэль!

Карикатура на «Вешние воды» в приложении к журналу «Маляр» (1872).
Вторая страница

В. К. Устюжского.³⁷ «Я до сих пор не прекратил с ними сношений — считаю их милым семейством, — признавался Полонский, — они меня любят и, назовись ты им другом моим — будешь принят с любовью». Надо отметить, что знакомство Тургенева с Устюжскими в скором времени действительно состоялось.

Второе новонайденное письмо было послано вдогонку первому. «О твоей повести толки еще не умолкают», — сообщал в нем Полонский. Хотя письмо не датировано, можно предположить, что оно было написано не ранее 13 января. Об этом свидетельствует упоминание Полонского о присланной ему накануне М. Л. Златковским вырезки из «Московских ведомостей» со статьей Л. Н. Антропова о «Вешних водах». «Статья, — как справедливо отмечает Полонский, — сильно враждебная — и резкая». Подводя итог оценкам, прозвучавшим в прессе, Полонский заключает: «Вообще бранят тебя за то, что ты не вывел еще на сцену ни одного русского мужчину с характером — и доказывают это тем, что якобы в самом себе ты не находишь мужественной силы, а стало быть, и не веришь ей». «Увы! — сетует он, — художественная сила твоего таланта будет ценима только нами, последними могиками <...>». Все это заставляет Полонского задуматься о новом поколении, которое пришло на смену людям «сороковых годов». И сравнение это приводит его к неутешительным выводам.

Следует ли говорить о том, что отзыв Полонского не мог не порадовать Тургенева, всегда сомневавшегося в успехе своих новых произведений, а приведенные в письмах отклики читателей были для него драгоценным свидетельством не угасшего на родине интереса к его сочинениям. Даже последняя фраза из письма Полонского о современных типах в русской жизни, которые один Тургенев мог бы достойно изобразить, звучит как будто пророчеством о последнем романе писателя — «Новь», который будет завершен им несколько лет спустя.

Публикуемые письма Полонского к Тургеневу содержат ценные сведения, позволяющие восполнить творческую деятельность обоих корреспондентов. Что касается Тургенева, то прежде всего интерес представляют приводимые Полонским отклики (собственный и других лиц) на повесть «Вешние воды», а также данная им общая оценка творчества Тургенева, которая сложилась в литературных кругах к началу 1870-х годов.

³⁷ Отметим, что ранее его отчество — Кузьмич — оставалось неизвестным составителям указателей к соответствующим томам Писем Полного собрания сочинений и писем Тургенева.

Гораздо больше новых сведений содержится о творчестве самого Полонского 1871–1873 годов. Полонский делится с Тургеневым своими творческими замыслами и сомнениями, отсылает на его суд новые стихотворения и поэмы. Все это обогащает наши представления о творческой истории ряда поэтических произведений («Утес», «Мими», «Келиот»), позволяет уточнить некоторые датировки и глубже проникнуть в авторский замысел, а также воссоздает характер работы Полонского. Особого интереса заслуживает письмо, в котором Полонский объясняет свое обращение к жанру поэмы. Любопытны также сведения, которые мы узнаем об истории публикации поэтического сборника Полонского «Сноп» (1871). Немаловажным открытием является посланная в письме к Тургеневу ранняя редакция стихотворения «Утес», содержащая существенную авторскую правку. Стихотворение было впоследствии серьезно переработано поэтом, что придает обнаруженной редакции еще большую ценность.

Письма печатаются по подлинникам, хранящимся в Bibliothèque Nationale de France (Paris): NAF. 16275. F. 419–433, в основном с соблюдением современных норм орфографии и пунктуации.

1

10 (22) января 1872 года. Петербург

10 января 1872.

С. Петербург.
Обуховский проспект,
дом Шольца, кв. № 6.

Драгоценный друг Иван Сергеевич,

Я уже писал к тебе 4 января, но не послал к тебе моего письма, потому что оно затерялось у меня на столе — и потому что я раздумал посылать к тебе одно стихотворение, под заглавием «*Кляча и пегас*». — (Когда отделаю лучше, тогда пошлю.)¹

Но из этого письма выписываю начало, — потому что раз высказанное впечатление — в другой раз уже так не выскажешь: вот это начало:

«Вчера читал я твою повесть² и читал, замирая от восторга и боли. — Пусть говорят, что она пуста;³ но каждая страница этой волшебной пустоты врезалась в моей памяти и врезалась навсегда. Читая повесть твою, переживал я лучшие мои годы — весенние воды мои как бы на

время оттаяли и унесли меня. — Я сам был способен влюбиться именно так, как влюбился твой нелепый Санин — (ибо я был так же нелеп до последней степени). — Вспомни, что я когда-то в Париже прожил поэтически-очаровательные дни и ночи, когда был женихом дочери русского дьячка — моей покойной жены Елены Васильевны,⁴ с тою только разницей, что мне уже было за тридцать⁵ — и что я к барышням, подобным Полозовой, никогда не чувствовал никакого влечения, — да и сам был не настолько взрачен или красив, чтоб мог останавливать на себе их внимание.⁶

Но больше всего повесть твоя напомнила мне одну несчастную страсть мою в Одессе, куда я прибыл, только что окончивши мой курс в Московском университете. Твой Санин торговал в кондитерской, — а я торговал в чужом книжном магазине в ожидании одной посетительницы — которая входила в дом со двора через задние двери и нередко заставляла меня одного, так как книгопродавец Тотти⁷ — был женихом и беспрестанно убежал к своей певице. —

У моей красавицы, тоже с итальянским типом лица, оказался женихом немец, но (к счастью) судьба не помогла мне. — Я был опять-таки недовольно взрачен, чтоб отбить соперника-немца и с отчаянья уехал на Кавказ. —

Мой приятель Шатковский⁸ — тоже от твоей повести чуть с ума не сошел — прибежал ко мне и говорит, что ему тяжело, тяжело и тяжело — что дальше первой половины он читать боится — предчувствует, что будет что-то гадкое — и все-таки читать до конца хочется — что делать!»

Вот начало. —

Теперь продолжаю.

В прошлую пятницу была у нас мадам Маркевич⁹ — она сказывала, что муж ее читал твою повесть вслух — и в восторге — говорит, что после тебя за перо взяться совестно. —

В тот же вечер (т. е. в пятницу) у меня была порядочная кучка гостей — и между ними был некто г. О—ко — пишущий фельетоны в «Русском мире».¹⁰ Он — изумил меня — говорит, что отроду ничего хуже твоей повести он не читывал — что ты напомнил ему Марлинского,¹¹ — что таких женщин, как Полозова, никогда отроду не существовало и не существует. — Я оспаривал — и разумеется, в свою очередь, изумлял его.

С тех пор я много сталкивался с разным народом — и^a заметил резкую противоположность в суждениях. —

^a Далее зачеркнуто: один

Третьего дня был я во французском спектакле¹² — встретил Евгения Утина.¹³ — Ну что повесть? — Это последний современный вопрос. — Утин негодует на избитость сюжета, на то, что лица, выведенные тобой, не новы — но отдает справедливость блестящему художественному изложению рассказа. — Тут какой-то юноша, модник, повертался перед ним — и на вопрос, читал-де он твою повесть — сказал, что художественного он ничего терпеть не может — не читает и читать не будет-де. Этим, конечно, он хотел порисоваться и выиграть в глазах г. Утина.

Что скажут журналы и газеты, ты — сам прочтешь. — Вероятно, уже читал о себе в «С.-Петербургских ведомостях» фельетон Буренина (Z).¹⁴

Получил ли ты книжку январского «Вестника Европы». ¹⁵ — Напиши мне что-нибудь о моем стихотворении «*Что с ней*». ¹⁶ — Ведь я не ты — ничего в печати о себе не слышу, что б я ни писал. — Тот же Буренин (приятель мой) имя мое даже приводить опасается — совершенно *игнорирует*. — Прочтешь так с глазу на глаз — похвалит¹⁷ — а напечатаеть — ни слова! — Поневоле будешь дорожить каждым хоть в письме изложенным мнением — особливо мнением такого художника, как ты. —

Другая моя просьба — в следующее воскресенье — возьми фиакр и поезжай к концу обедни в Chapelle russe — rue de Croix du Roule⁶.¹⁸ — на дворе церкви живет семейство моей покойной жены — Устюжские. — Спроси отца — Василия Кузьмича — и познакомься с сестрами моей жены — они к Новому году прислали мне свои карточки — что за красавицы!¹⁹ Одна лучше другой. — Не бойся, ты с ними не соскучишься — они бойки и музыкантши — мать их славная француженка²⁰ — умела их воспитать — увь! несмотря на красоту и воспитанье, во Франции все-таки никто на них не женится, потому что у них нет приданого. Я до сих пор не прекратил с ними сношений — считаю их милым семейством. — Они меня любят — и назовись ты им другом моим — будешь принят с любовью.

Василию же Кузьмичу — (типический старик) — для начала передай от меня письмецо, я его сейчас же напишу и вложу.²¹ —

Разумеется, если что-нибудь помешает тебе в воскресенье — то поезжай в другой день — только в другой день, я боюсь, ты их не застанешь. — Девицы или дают уроки, или сами ходят куда-нибудь учиться. —

Первую зовут Юлия — ей 23 года. Вторую — Лиза — 20 лет и Маша — лет 18-ти.²² Особливо Лиза напоминает мне черты лица моей Елены. —

⁶ Русскую церковь — на улице Круа дю Руль (франц.).

Если ты будешь у них, то несказанно меня обрадуешь, если опи-
шешь мне это свиданье. —

Но довольно — не выписать ли тебе какое-нибудь стихотворение.
Авось понравится, а не понравится, не беда.²³ —

Утес

Отдалясь от гор прибрежных,
Отошел^{*} Утес далеко
В море — и торчит высоко,
Внемля гуду^{**} волн мятежных.
Но увы! тревоги моря —
Моря вольного^в и злого —
Не его тревоги; — горя,
Каменным сердцам родного,
Волны моря знать не знают.
Уносясь, они играют
Брызгами, лепечут, ропчут,
Падают, друг друга топчут.
И опять встают и блещут
И в него сердито хлещут.
Часто на его колена
Белая взлетает пена,
Серый мох на нем^г ласкает,
Шепчет и не понимает
Странных слов его: «Измена»,
«Рабство», «цепи вековые»,
«Слава» — «Думы роковые»...
Боги! Что все это значит?!
И Утес угрюмо плачет.
Иногда он чутко слышит
Как, ночью тишиною,
Море чем-то страстным дышит,
И коварною волною
Тихо льнет к его морщинам.
Называет исполином,
И потом — как будто гложет, —
Сердце каменное точит.
Он понять волны не может,
Отогнать ее не хочет. —

* не лучше ли *Ринулся?* — *Примеч. Полонского.*

** Не лучше ли *Над разливом* или — *Над рядами?* — *Примеч. Полонского.*

^в вольного *вписано над зачеркнутым:* бурного

^г на нем *вписано над зачеркнутым:* его

И она лепечет: милый!²⁴
Надышись моею силой —^д
Позабудь свои проклятья,
Упади в мои объятия —^е
Или — воротись к великим,
Тем горам глухим и диким,
Видишь, как они могучи,
Обступили нас, как тучи, —
Как стена, — и — ледяная
Светятся на них короны,
И какие-то другие
Чем у нас у них законы. —
Но — они тебе родные!
Воротись к ним, друг любезный!
Или — мы тебя укроем —
Только слей свой ропот с воем
Нашей вечно-темной бездны —

Но — советы бесполезны —
И Утес к прибрежным братьям
К их цепям и к их объятиям
Не воротится из бездны. —

Извини, что выписываю это стихотворение — кажется, оно в 100 раз хуже «Нагорного ключа»²⁵ — хотя и в том же аллегорическом роде. Но вопрос — понятна ли — ясна ли эта аллегория. Часто понятное автору — непонятно читателю. —

Жена²⁶ тебе кланяется, княгиня Гагарина²⁷ тоже кланяется.

Пиши скорей — жду ответа. —

Прощай, целую тебя и остаюсь твой

Я. Полонский.

Печатается по подлиннику: *BN. NAF. 16275. F. 419–419 verso, 422–422 verso, 420–421 verso*. Лист 422–422 verso, содержащий фрагмент письма: «но (к счастью) ~ выиграть в глазах г. Утина», — включен в данное письмо по содержанию.

¹ В ответном письме от 24 января (5 февраля) 1872 г. Тургенев высказал ряд критических замечаний о других присланных ранее в рукописи, а также появившихся в печати стихотворениях Полонского («Что с ней?», «Нагорный ключ»,

^д Этот стих вписан сверху.

^е Далее вычеркнут стих: Надышись моею силой! —

«Утес», «У Сатаны»), а также напомнил об обещании прислать «Клячу и Пегаса» (*ПССиП(2). Письма*. Т. 11. С. 208). Неизвестно, выполнил ли Полонский свое намерение, однако в ближайшее время это стихотворение в печати не появилось. Можно предположить, что отзыв Тургенева, если он и существовал, был скорее отрицательным. Впервые под названием «В степи» («Скучно-бесцветные дни — сумерки, вместо дневного...») данное стихотворение в сильно переработанном виде было опубликовано в первой части сборника Полонского «Озимь», вышедшего в 1876 г. в Петербурге (С. 136–140). В архиве Полонского в Рукописном отделе Пушкинского Дома сохранились три черновых автографа ранней редакции стихотворения (*ИРЛИ*. № 11265), все с обильной правкой. По ним видно, что Полонский не сразу определился с заглавием: первоначально стихотворение называлось «Предполагаемая мена», однако затем поэт отказался от этого названия, зачеркнул его и вписал снизу новое: «Кляча и Пегас» (Л. 1). В двух других автографах (очевидно, несколько более поздних) стихотворение имеет заглавие: «Кляча и Пегас. Степная идиллия» (Л. 3, 4). Судя по тому, что в письме к Тургеневу Полонский называет свое стихотворение «Кляча и Пегас», эти автографы условно можно датировать концом 1871 г. — январем 1872 г. Некоторые варианты ранних редакций (далеко не все и с рядом неточностей) были опубликованы Б. М. Эйхенбаумом: *Полонский Я. П.* Стихотворения и поэмы. <Л.>, 1935. С. 733–734 (Далее — *Полонский. БП* 1935). О том, что Полонский мучительно работал над отделкой этого стихотворения, свидетельствует уже тот факт, что в самом раннем автографе он перепробовал четыре варианта только первого стиха, прежде чем прийти к окончательному: «Что за унылый простор! — нет ни куста ни пригорка!..» (Л. 1). Сохранились также два более поздних автографа, в котором стихотворение имеет уже заглавие, близкое к окончательному, — «В степи. Идиллия», оба также с значительной правкой (*ИРЛИ*. № 11188). По всей видимости, они относятся ко времени подготовки сборника «Озимь».

² Речь идет о вышедшей 1 (13) января 1872 г. в первой книжке «Вестника Европы» повесть Тургенева «Вешние воды» (С. 5–129).

³ По всей видимости, Полонский здесь передает мнение ряда своих знакомых, высказанное ими в устной беседе, поскольку первые печатные отклики на повесть появились только 8 (20) января 1872 г., когда в свет вышел № 8 «Санкт-Петербургских ведомостей» со статьей В. П. Буренина, за которой последовали резко отрицательные отклики в «Искре», «Московских ведомостях», «Русском мире», «Деле» и др. Общий тон упреков был тонко подмечен П. В. Анненковым, который в письме к Тургеневу от 10 (22) января отметил: «...повесть Ваша имеет большой, даже восторженный успех в публике, который не отражается в литературе, где все толкуют, что в ней нет никакого вопроса. Желющие иметь серьезный вид тоже выражают эту новую мысль, но заглушены энтузиастами, а последних много. Таковы почти все мои знакомые без исключения, особливо женщины. <...> Закключаю повтореньем, что и философы, жаждающие вопроса, сознаются, что мастерство изложения и рельефность характеров и положений вряд ли далее могут быть усовершенствованы» (*Анненков. Письма*. Кн. 1. С. 192).

⁴ Имеется в виду *Василий Кузьмич Устюжский*, причетник русской церкви в Париже, отец первой жены Полонского *Елены Васильевны Устюжской* (ок. 1840–1860). См. о ней во вступит. статье. Редкая красота этой еще совсем юной девушки сочеталась «со столь же замечательными душевными качествами» (*Орлов П. А.* Я. П. По-

лонский. Рязань, 1961. С. 26). В письме к Л. П. Шелгуновой Полонский дал следующий ее портрет: «...она среднего роста, <...> стройна и грациозна. — У нее высокий, умный лоб, глаза синие, с таким звездистым блеском и такими большими зрачками, каких я отроду не видывал. Ее профиль правильный и строгий, выражение глаз тоже строгое, а улыбка веселая и совершенно детская. Она бела, и когда краснеет, то румянец играет не только на щеках, но и на лбу. Руки не из числа очень маленьких, но форма не дурна — руки ее развиты и потому, быть может, что она начала учиться музыке с 6-летнего возраста и теперь à livre ouvert <с листа — франц.> может играть по нотам очень трудным. Свойственного русским барышням замешательства или застенчивости я в ней не заметил, вообще все носит в ней печать характера нелегкого и неспособного к быстрым увлечениям, мне даже кажется, что в ней более практического смысла, чем поэзии, т. е. восторженности. — С необыкновенным тактом она ведет себя. — Ни малейшего кокетства. — <...> Не только признаний, но ни комплиментов, ни любезностей я ей не говорю. Она так себя держит, что невозможны любезности. <...> По-русски она понимает, но говорит мало, ибо не привыкла, и русское „р“ произносит как французское „r“». — Любит русские песни и знает их множество, о русской же литературе понятия не имеет. — Наши писатели для нее terra incognita <неведомая земля — лат.>. — Не знаю даже, знает ли, что я стихи пишу. Вообще моя известность не может действовать на ее воображение, что очень обидно, но когда же розы бывают без шипов? <...> Говорят, что у нее ангельский характер, этого я сам не знаю, да и не знаю вообще какой характер у ангелов» (Из переписки Я. П. Полонского. С. 2–3). Столь же благоприятное впечатление она произвела на всех друзей и приятелей Полонского. В письме к Тургеневу, написанном вскоре после приезда четы Полонских в Петербург, Н. А. Некрасов так отзывался о ней: «...прекрасное энергическое существо, судя по лицу. Полонский, сватаясь, спрашивал ее, в состоянии ли она будет жить на чердаке и питаться одним хлебом. Она отвечала: в состоянии — и, верно, не солгала» (Некрасов. Т. 14. Кн. 2. С. 114). Как и многие друзья Полонского, Тургенев относился к Е. В. Полонской с большой симпатией и, узнав о ее смерти, последовавшей от тифа 8 (20) июня 1860 г. в возрасте двадцати лет, тотчас откликнулся: «Ты не поверишь, как часто и с каким сердечным участием я вспоминал о тебе, как глубоко сочувствовал жестокому горю, тебя поразившему. Оно так велико, что и коснуться до него нельзя никаким утешением, никаким словом: весь вопрос в том, что надобно однако жить, пока дышишь; и особенно надобно жить тому, которого так любят, как любят тебя все те, которые тебя знают. <...> Помнится, я было приглашал тебя не одного ко мне в деревню... но это все разлетелось прахом и только осталось воспоминание о светлом и милом существе, которому так мало было суждено пожить между нами...» (ПССИП(2). Письма. Т. 4. С. 257).

В архиве Полонского в ИРЛИ сохранились семь писем В. К. Устюжского к Полонскому за 1860–1863 гг. Первое из них написано 16 (28) июня 1860 г., тотчас по получении известия о смерти дочери: «Любезный наш Яков Петрович! Горе мне и ее матери. Можно ли и думать о великом таком несчастье, кого мы, несчастные родители, лишились, лишились милого дитя, взрослую, любезную, ангельской кротости как к нам, столько же и посторонним. О! несчастье, увы! мне, грешнику. Я лишился всей моей радости и надежды, надежды безвозвратной. Прощай, мое милое дитя, из пеленок выращено до дня брачного с большим тщанием, ничего не

жалели. Все, что по силе нашей, потребное было сделано. Бог нам ее дал, имел власть и взять от нас — есть его воля пресвятая» (*ИРЛИ*. Ф. 241. № 210. Л. 1–2). Из последующих писем становится известным, что во время кончины Е. В. Устюжской в Петербурге находились ее мать Елена Устюжская и младший брат Николай, а также место ее погребения — Митрофаньевское кладбище.

⁵ В это время Полонскому шел 39-й год, а герою «Вешних вод», когда он встречается с Джеммой, по словам автора, «минул 22-й год» (*ПССиП*(2). Соч. Т. 8. С. 257).

⁶ Ср. в воспоминаниях Полонского о своем студенчестве: «В любви у меня не было счастья, потому ли что я глупел и терялся, когда любил, или потому что не было и повода платить мне взаимностью: я был далеко не красавец, очень беден и вдобавок имел глупую привычку стихи писать <...>» (*Полонский Я. П. Мои студенческие воспоминания // Литературное приложение «Нивы». 1898. № 12. С. 670*).

⁷ Речь идет об известном одесском книгопродавце *Карле Осиповиче Тотти*, по инициативе которого, в частности, была открыта «новая русская библиотека» с первой в Одессе читальной залой. Одесское увлечение Полонского, по всей видимости, отразилось в его автобиографическом романе-хронике «Дешевый город» (1879). Так, описывая пребывание главного героя — Владимира Григорьевича Елатомского, 23-хлетнего юноши, недавно кончившего курс в Московском университете, — в Одессе, он замечает: «На Дерибасовской улице открылся новый книжный магазин Тотти, с читальной комнатой. Елатомский и Эвина чаще всего встречались в этой читальне» (*Полонский Я. П. Полн. собр. соч. СПб., 1886. Т. 7. С. 67*).

⁸ Лицо неустановленное. Шатковский неоднократно упоминается также в письмах Г. П. Данилевского к Полонскому. См.: Г. П. Данилевский. Письма к Я. П. Полонскому / Публ. Е. В. Свиясова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1978 год. Л., 1980. С. 136, 143, 150, 154.

⁹ Речь идет об *Александре Карловне Маркевич* (урожд. Зейфорт; 1840–1893), супруге романиста и публициста *Боислава Михайловича Маркевича* (1822–1884). О реакции самого Маркевича на «Вешние воды» см. вступит. статью к публикации. О непростых взаимоотношениях Маркевича и Тургенева см.: Из неизданной переписки И. С. Тургенева и Б. М. Маркевича. — И. С. Тургенева и А. П. Философовой / Публ. П. Устимовича; предисл. и коммент. Н. М. Мендельсона // *Звенья*. Вып. 5. С. 282–297; *Батюто А. И.* Тургенев и некоторые писатели антинигилистического направления // Тургенев и его современники. Л., 1977. С. 69–71; *Осипович А.* Тургенев и Маркевич // *Graduate Essays on Slavic Languages and Literatures*. Pittsburgh, 1993. Vol. 6. P. 5–20.

¹⁰ Имеется в виду *Василий Григорьевич Авсеенко* (1842–1913), который вел регулярный фельетон под заглавием «Очерки текущей литературы» в «Русском мире», см. о нем во вступит. статье к наст. публикации. Несомненно, что опубликованный ранее анонимно в этой же газете отклик на «Вешние воды» (передовая статья в № 8 за 10 (22) января) также принадлежит Авсеенко. В пользу этого свидетельствует данная автором статьи оценка повести, перекликающаяся с тем, что Полонский сообщил в письме к Тургеневу.

¹¹ Сравнение с А. Марлинским — псевдоним *Александра Александровича Бестужева* (1797–1837) — было, по-видимому, особенно неприятным Тургеневу, поскольку с произведениями этого писателя, пользовавшимися необыкновенной

популярностью в 1830-е гг., олицетворялось в его представлении все то, что в вышедших в 1869 г. «Воспоминаниях о Белинском» он обобщенно назвал «ложновеличавой школой». Тургенев неоднократно признавался в том, что сам в молодости пережил бурное увлечение Марлинским. В вышедшем в 1871 г., непосредственно перед «Вешними водами», рассказе «Стук... стук... стук!..», действие которого отнесено ко времени наибольшей славы Марлинского, Тургенев попытался вскрыть исторические причины увлечения типом «фатального» героя. По тонкому наблюдению М. П. Алексеева, эта «психологическая студия» «носит на себе определенные следы критических воззрений Тургенева и объясняет нам многое в той оценке русского романтизма, какая была им сделана в „Воспоминаниях“» (Алексеев М. П. Тургенев и Марлинский // Творческий путь Тургенева. Сб. ст. / Под ред. Н. Л. Бродского. Пг., 1923. С. 171. Эта статья не потеряла своего значения до настоящего времени. Об отношении Тургенева к «марлинизму» см. также: *ПССиП(2)*. Соч. Т. 8. С. 495–497, коммент. Л. М. Лотман).

¹² Французским в обиходе назывался петербургский Михайловский театр, в отличие от Александринского, который именовался русским.

¹³ Имеется в виду молодой сотрудник «Вестника Европы» *Евгений Исаакович Утин* (1843–1894), адвокат и публицист радикального направления, который в течение ряда лет вел в журнале «иностранный обозрение», в частности, опубликовал серию статей о положении Франции после франко-прусской войны (1871) и мн. др.

¹⁴ К этому времени Тургенев, несомненно, имел возможность ознакомиться с отзывом *Виктора Петровича Буренина* (1841–1926), появившимся за подписью «Z.» 8 (20) января в «Санкт-Петербургских ведомостях», которые Тургенев получал в Париже (см. письмо к Анненкову от 8 (20) декабря 1871 г., а также ответ Анненкова на него от 10 (22) января 1872 г.: *Анненков. Письма*. Кн. 1. С. 192). В своем отзыве Буренин также отметил аполитичность нового произведения Тургенева, охарактеризовав повесть как «просто-напросто красивую и изящную беллетристическую вещь значительного объема <...>, не имеющую никакого отношения к „веяниям времени“ и даже довольно незначительное к русской жизни, потому что действие происходит за границей» (*СПбВед.* 8 января. № 8. С. 1). «Как Вы предсказывали, — писал Тургенев Анненкову 13 (25) января 1872 г., — Буренин остался недоволен — и, по словам Стасюлевича, — другие критики также упрекают меня, зачем моя повесть не с „начинкой“?» (*ПССиП(2)*. *Письма*. Т. 11. С. 200). Вместе с тем Буренин признал ряд достоинств за повестью. «Правда, форма, в которой изложена эта история, — замечал он, — прекрасна и по художественной отделке, быть может, составляет в некотором роде даже предел совершенства <...>». Кроме того, он высоко оценил проработку персонажей — тщательную и живую, а также художественное воплощение любовной коллизии. По его словам, «любовные признания, томления и оболщания изображены такими красками, какими умеет изображать эти вещи только один г. Тургенев». Однако после этих похвал Буренин признал повесть лишь «эстетической безделкой» и вновь повторил основной упрек, заключающийся в отсутствии в повести «общественной мысли». Вскоре в «Искре» была напечатана грубая пародия Буренина на «Вешние воды» под названием «Пирожница берегов Рейна, или Русский дворянин за границей. Тургеневская повесть», глубоко возмущившая Тургенева (см. об этом: *ПССиП(2)*. Соч. Т. 8. С. 511).

¹⁵ К этому времени Тургенев уже получил первую книжку «Вестника Европы», о чем сообщил П. В. Анненкову еще 7 (19) января: Там же. *Письма*. Т. 11. С. 196.

¹⁶ Стихотворение Полонского «Что с ней?», опубликованное в той же книжке журнала, что и «Вешние воды», произвело на Тургенева положительное впечатление, о чем он не преминул сообщить в ответном письме: «Оно мне очень нравится: правдиво и трогательно» (Там же. С. 208). Сам Полонский придавал этому стихотворению большое значение, о чем свидетельствует его письмо к М. М. Стасюлевичу от 11 ноября 1871 г., в котором, препровождая его на суд редактора «Вестника Европы», он писал: «Никогда еще не брал я на себя такой трудной поэтической задачи — изобразить нигилистку (начала 60-х годов) и изобразить так, чтоб, во-первых, не обвинить ее — даже отнестись к ней с некоторым сочувствием, — и во-2-х, не раздражить и не вооружить против себя ни цензуры — ни моралистов. Насколько справился я с этой задачей — не мне решать — скажу только, что не мало положил я на нее труда — и долгих соображений» (М. М. Стасюлевич и его современники: В 5 т. СПб., 1912. Т. 3. С. 497). Стасюлевич также нашел стихи Полонского «прелестными» (Там же. С. 498).

¹⁷ Мнение Буренина, в то время сотрудничавшего в «Санкт-Петербургских ведомостях», было значимо для Полонского, в письмах к Тургеневу, Фету и Стасюлевичу он неоднократно ссылается на него (см., например, письмо к Тургеневу от 21 января (2 февраля) 1870 г.: *ЛН*. Т. 73. Кн. 2. С. 232–233 и др.). Так, в упомянутом выше письме к Стасюлевичу Полонский заметил, что «даже Буренин нашел, что оно <стихотворение «Что с ней?». — *В. Л.*> из самых удачных» (М. М. Стасюлевич и его современники. Т. 3. С. 497). Однако со временем (в особенности после появления в печати крайне отрицательных отзывов критика о «Мими» и «Келиоте») он несколько разочаровался в Буренине и стал с большей горечью отзываться о нем: «Я знаю людей, которые ругательски ругают этого Буренина и подлецом, и пошлым дураком, и скотом — одним словом, не щадя эпитетов. Я же просто думаю, что это великий эгоист и только — эгоист, ни разу не заглянувший ни в чужое сердце, ни в чужую голову. Целая бездна страстей и ощущений для него — абсурд, потому что этот человек сам никогда не испытывал ничего подобного. <...> Вот отчего ему и на роду написано лаять на всякого — а особливо на того, кто ему не поклоняется — уже два года, как моя нога не была у него <...>» (*ЛН*. Т. 73. Кн. 2. С. 243). Сохранилась более поздняя дневниковая запись Полонского, которая дает представление о принципах, которыми руководствовался Буренин в своей критической деятельности: «Буренин сказал мне это — как бы в утешение, что если он замалчивает — ни слова не говорит о моих произведениях, то значит они хороши. — Он очень хорошо знает, что это *замалчивание* хуже брани (в практическом смысле)» (цит. по: *ЛН*. Т. 103. Кн. 1. С. 625).

¹⁸ На rue de la Croix-barrière du Roule (с 1867 г. rue Daru) в Париже находилась православная церковь св. Александра Невского при русском посольстве (освящена 11 сентября 1861 г.).

¹⁹ В ответном письме от 24 января (5 февраля) 1872 г. Тургенев сообщил, что выполнил просьбу Полонского и «несколько дней тому назад» отвез его письмо В. К. Устюжскому, а 23 января (4 февраля) присутствовал на обеде, после которой встретился с ним и со всем его семейством. В. К. Устюжский показался Тургеневу «очень добрым и тихим человеком», а его дочерей он нашел «очень милыми».

Ж. А. Полонская. Фотография И. А. Гоха.
Петербург, Нач. 1870-х гг. (ИРЛИ)

«Да и все они очень красивы, — писал он Полонскому, — хотя „красавицами в полном смысле слова“ я бы их не назвал — и все очень тебя любят и сохраняют очень теплую память о тебе» (ПССуП(2). Письма. Т. 11. С. 207–208).

²⁰ Трогательные письма жены В. К. Устюжского Елены Устюжской, француженки по происхождению, к Полонскому (1860–1868) хранятся в Рукописном отделе ИРЛИ (Ф. 241. № 207).

²¹ Это письмо не сохранилось

²² В архиве Полонского в ИРЛИ сохранилось по одному письму к нему от сестер М. В. и Ю. В. Устюжских (Ф. 241. № 208, 209). Кроме того, там хранятся 92 письма к нему от Николая Устюжского на французском языке.

²³ Отзыв Тургенева об «Утесе» содержится в письме от 24 января (5 февраля) 1872 г., написанном в ответ на письма 1 и 2 (см. примеч. 2 к письму 2). В дальнейшем Полонский значительно переработал стихотворение, поэтому данный автограф можно считать ранней редакцией. Впервые стихотворение появилось в «Гражданине»: № 4. 24 января. С. 128; подпись: «Я. П. Полонский».

²⁴ Ст. 34–47 подверглись наименьшей переработке. В окончательном варианте ст. 34 (которому соответствует ст. 53 в «Гражданине») звучит так: «О, утес! герой мой милый», ст. 35–39 остались без изменений. Далее Полонский добавил два новых стиха — ст. 59–60, причем последний был взят им из первоначальной редакции (ст. 53): «К тем, когда-то милым братьям, / К их цепям и их объятьям». Затем в неизменном виде следуют ст. 40–41 первоначальной редакции (ст. 61–62 окончательной), ст. 42 приобрел следующий вид: «И всё те же ледяныя» (ст. 63), ст. 43–45 — без изменений (ст. 64–66), ст. 46 с незначительной правкой: вместо «Но — они тебе родные!» — «Но, зато — они родные!..», ст. 47 остался без изменений.

²⁵ Стихотворение Полонского «Нагорный ключ» было опубликовано в «Вестнике Европы»: 1871. № 12. С. 515–517. К его оценке Тургенев неоднократно возвращался в своих письмах. Получив книжку журнала, он сразу же откликнулся, сообщив в письме от 6 (18) декабря, что прочел стихотворение «с удовольствием», и отметил: «...в нем попадаются очень счастливые обороты. Тебя муза не покинула <...>»

(ПССиП(2). Письма. Т. 11. С. 175). В следующем письме от 18 (30) декабря он добавил: «Красиво и грациозно — и аллегория верно выдержана до конца», — однако тут же указал на два неудачных стиха, которые были исключены впоследствии Полонским при подготовке вышедшего в 1876 г. сборника «Озимь» (Там же. С. 184–185).

²⁶ Имеется в виду вторая жена (с 1866 г.) Полонского *Жозефина Антоновна* (урожд. Рюльман; 1844–1920).

²⁷ Речь идет о княгине *Софье Андреевне Гагариной* (урожд. Дашковой; 1822–1908), супруге художника, князя Григория Григорьевича Гагарина (1810–1893), исполнявшего в 1859–1872 гг. обязанности вице-президента Академии художеств. О несостоявшемся визите к ней в Академию художеств Тургенев сообщал Полонскому 24 апреля (6 мая) 1871 г. (ПССиП(2). Письма. Т. 11. С. 87).

2

13 (25) января (?) 1872 года. Петербург

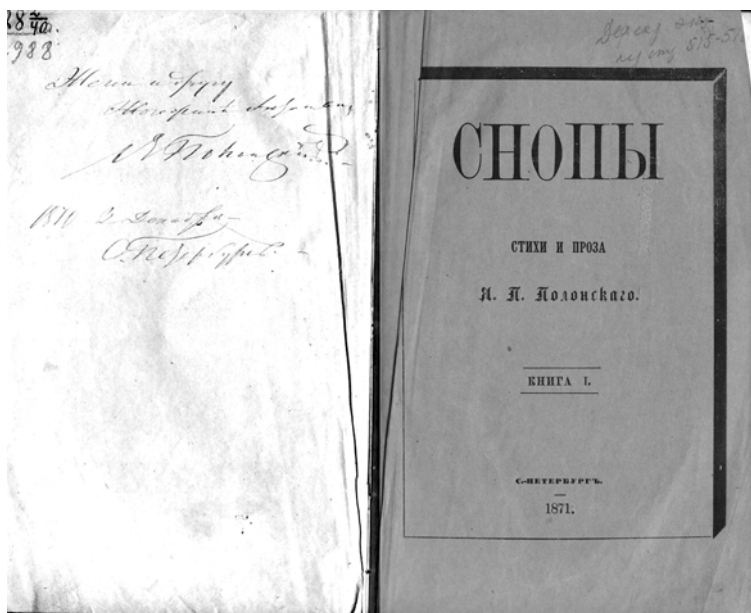
С.-Петербург.

Обуховский просп.,
дом Шольца, № 7, кв. № 6.

Еще на столе моем, друг мой Иван Сергеевич, лежало мое последнее письмо к тебе запечатанным,¹ — как я в один присест довел стихотворение мое, к тебе посланное, «Утес», до той степени переделки и отделки, — что мне стало совестно, что я вздумал попотчевать тебя таким незрелым и невкусным плодом моего вдохновения. Если бы мог я кричать тебе «не читай!», я бы крикнул вслед за моим письмом, которого переписать я не имел времени. — Письмо было писано и запечатано с вечера — а стихотворение мое я написал вновь с свежими силами на другой день утром — и когда кончил — надо уже было нести на почту. «Утес» этот будет на днях напечатан, и я тебе немедленно пришлю его, ибо заказал оттиски. Смею думать, что эта вещь — одно из самых удачейших моих произведений и, по моему крайнему разумению, — лучше, чем «Нагорный ключ».² —

Напечатано оно будет в «Гражданине» — издаваемом князем В. П. Мещерским.³ Газеты этой вышло всего только 2 номера, и она уже заявила себя как орган московский и консервативный с сильным запахом патриетизма,⁴ но пока еще без той антипатии к реформам, которая заметно стала проявляться в «Московских ведомостях». —

Я, значит, как публичная дева — или, по выраженью Герцена,⁵ как жертва общественного организма, — иду туда, куда меня приглашают — и даю то, что у меня просят — не обращая особенного внимания на то,

Сборник Полонского «Снопы». Разворот титульного листа.
На обороте шмуцтитула дарственная надпись Полонского:
«Жене и другу Жозефине Антоновне — Я. Полонский.
1870, 3 декабря — С. Петербург» (ИРЛИ)

красный, белый или синий член нашего общества обращается ко мне с этой просьбою.⁶ —

В моем поведении — не каюсь. В этом виновата литература и публика. — Литература или журналистика ни разу не указала мне моего надлежащего места. — У меня нет литературной семьи, определенного очага или значения — и те, которым я наиболее сочувствовал, оказались моими врагами.⁷

Я был окружен не теми ворами, которые крадут кошельки, — а теми, которые с радостью готовы украсть у меня — мое доброе имя и оклеветать меня перед публикой. —

Публика тем виновата, что как литератору не дала мне средств быть независимым от службы и журналов. Попробовал было я на свои средства издать «Снопы»⁸ — и осекся. — Некрасов говорил кому-то, что по счетам от своих стихотворений он получил чистой прибыли 80 000 руб. — и несмотря на это запел акафист Муравьеву.⁹ — Стало быть, мне уж и Бог простит печататься, где вздумается и где желают меня видеть. — Приди Аскоченский и скажи мне, что его богомолки желают прочесть

какое-нибудь мое стихотворение¹⁰ — я дам ему антирелигиозное стихотворение — и пусть себе печатает, если ему это нравится. Одним словом — я жертва общественного темперамента.

О твоей повести толки еще не умолкают. — Вчера еще Златковский¹¹ прислал мне № «Московских ведомостей» — с тем чтоб я прочел статью о твоей повести. — Статья сильно враждебная — и резкая.¹²

Мнение Буренина ты уже знаешь из фельетона «Петербургских ведомостей».¹³ — Вообще бранят тебя за то, что ты не вывел еще на сцену ни одного русского мужчину с характером — и доказывают это тем, что якобы в самом себе ты не находишь мужественной силы, — а стало быть, и не веришь ей. — Увы! художественная сила твоего таланта будет ценима только нами, последними могиканами — да еще теми — непосредственными натурами, которые еще не успели заболеть

Заемной мысли раздраженьем.¹⁴

Наше поколение ранее живало сердцем — нынешнее головой. — Мы в 35 лет не были такими практическими, как теперешние школьники. — Каждый юноша заранее уже готовит себе ту или другую карьеру — и высчитывает, сколько будет получать он жалованья, сколько разных посторонних доходов. Есть и такие 16-летние мужи, которые героине говорят: наша цель нажать себе состояние всеми правдами и неправдами. —

Думаю, что никакая Половцова,¹⁵ никакая итальянка не увлечет их. — Любовные страсти так же, как и пенье, так же, как и эстетическое чувство, ушли на последний план и, главное, стали проще. Потребность целоваться и потребность есть и пить — одно и то же — но последняя конечно важнее, ибо без женщины еще кое-как можно промаяться, а без хлеба — дудки! — Разумеется, нет правила без исключений. — Все же, мне кажется, что современный русский герой — это горячий по темпераменту и уже порядочно расхолодивший себя, — во-1-х, неудачными попытками сыграть роль великого гражданина или общественного деятеля и 2) рано сложившимся убеждением, — что ум прозрел, что при помощи микроскопа и телескопа глаза перестали нас обманывать и что все прежние мечтания: философия, метафизика, поэзия, верная любовь, семейное счастье и проч. и проч. — должны быть отнесены к разряду галлюцинации.

Но о современном типе можно писать много, очень много — и живи ты все это время на святой Руси, — шляйся по провинциям и посещай наши столицы — ты бы, конечно, лучше всех подметил бы новую струю; — но что я говорю лучше! — Думаю, что ты единственный, ко-

торый бы мог это сделать, ибо у нового поколения в литературе крупных талантов не замечается. —

Вот одна еще новость. — Новая драма — Аверкиева — «*Каширская старина*», данная в Москве, имела успех неслыханный.¹⁶ — Она игралась в 3 бенефиса. — Цены на места возросли — достать билет не было возможности.¹⁷ — Весь театр рыдал — автор был вызван бесчисленное множество раз, и «Биржевые ведомости» уже провозгласили его нашим Шекспиром.¹⁸

Радуюсь за успех. Дай Бог, чтобы все это отвечалось правде — и чтобы Аверкиев, преследуемый «Искрой»¹⁹ и всеми нашими передовыми²⁰ называемый «Перековеркиевым» или Исковеркиевым — всех их своим талантом ударил по носу. —

Сам я драмы не читал и не имею о ней понятия. — Аверкиев же — автор пьес «*Флор Скабеев*»,²¹ имевшей успех на сцене весьма обыкновенный, — и автор пьесы «*Леший*»,²² которую я также не читал. —

Но довольно — пиши — пиши. Еще раз благодарю тебя за наслаждение, которое я испытываю, читая твои «Вешние воды», и засим обнимаю тебя

весь твой Я. Полонский.

Когда ты будешь в Питере?

Печатается по подлиннику: *ВН. НАФ. 16275. Ф. 427–430 verso.*

Датируется предположительно по связи с предыдущим письмом, а также по упоминанию статьи Л. Н. Антропова, вышедшей 12 января 1872 г.

¹ Речь идет о письме 1.

² Как следует из ответного письма Тургенева от 24 января (5 февраля) 1872 г. (в котором он откликнулся сразу на оба полученных к тому времени письма Полонского), первая редакция «Утеса» понравилась ему «гораздо меньше», чем «Нагорный ключ». Он подтвердил опасения Полонского, высказанные в письме 1, заметив, что в стихотворении «аллегория не ясно выведена и т. д.» (*ПССуП(2). Письма*. Т. 11. С. 208). Однако к этому времени он еще не успел ознакомиться со второй редакцией стихотворения, поскольку получил только № 3 «Гражданина», а «Утес» появился в следующем, четвертом, выпуске журнала в сильно переработанном виде. См. также примеч. 23, 24 и 25 к письму 1.

³ Политический и литературный еженедельный журнал-газета «Гражданин» начал издаваться в 1872 г. (выходил по понедельникам, первый номер вышел 3-го, второй — 10 января). Официально его редакторами-издателями были Г. К. Градовский, Ф. М. Достоевский и В. Ф. Пуцкович, в действительности руководителем журнала и его фактическим редактором был князь *Владимир Петрович Мецкерский* (1839–1914), имя его, однако, на обложке журнала обозначено не было. Несмотря на то что общее направление «Гражданина» Тургеневу не импонировало, он неиз-

менно интересовался этим изданием и даже впоследствии выписывал его на имя госпожи Анштетт (см.: *Генералова Н. П.* Тургенев — читатель «Дневника писателя» Достоевского // Тургеневский ежегодник 2010 года. Орел, 2011. С. 17).

⁴ В этой связи характерно лаконичное обращение «К читателям», которым открывался самый первый выпуск «Гражданина»: «Некоторые из читателей ждут, вероятно, исповеди наших убеждений как заветного начала первого номера. Но эти читатели забывают, что в наше время, — более чем когда-либо, — столько истрчено бумаги и шрифта на слова и столько в этих словах было неосуществившихся обещаний и никому не нужных исповедей, что общество вправе сказать: „Довольно слов, мы хотим дела“» (Гражданин. 1872. № 1. 3 января. С. 1). Заканчивалось объявление призывом «искать наше направление в цельности и совокупности всех статей» издания и эффектным повторением: «Довольно слов, мы хотим дела». Однако уже во втором номере открыто был назван «главнейший предмет» издания — внутренняя жизнь России и помещена передовая статья Мещерского под говорящим заглавием «Вперед или назад».

⁵ Полонский имеет в виду эвфемизм «жертва общественного темперамента», который А. И. Герцен (вслед за П.-Ж. Пруденом) употребил по отношению к женщинам легкого поведения. В «Письмах из Франции и Италии» (Письмо второе, 1847) Герцен пишет: «В Париже, как некогда в Афинах, а потом в Италии, почти нет выбора между двумя крайностями — или быть куртизанкой, или скучать и гибнуть в пошлости и безвыходных хлопотах. Вы помните, что речь идет о буржуазии, сказанное мною не будет верно относительно аристократии, но ведь ее почти нет. Кто наряжается, веселится, танцует? — La femme entretenue <содержанка — франц.>, двусмысленная репутация, актриса, любовница студента... Я не говорю о несчастных „жертвах общественного темперамента“, как их назвал Прудон; те мало наслаждаются, им недосуг» (*Герцен*. Т. 5. С. 36).

⁶ В ответ на эти сентенции Полонского Тургенев написал: «Ты очень хорошо делаешь, что печатаешься там, где предстоит тебе возможность. К чему эти бесполезные деликатности, за которые тебе никто даже спасибо не скажет?» (*ПССиП*(2). *Письма*. Т. 11. С. 208). Как отмечают авторы статьи о Полонском в словаре «Русские писатели», у поэта долго не было «своей» читающей публики. Отчасти причиной тому послужила позиция «между партиями», которую Полонский занял в 1860-е гг. и которой неизменно придерживался до конца своей жизни, не примыкая ни к «отрицателям», ни к представителям «чистой» поэзии (*Русские писатели*. Т. 5. С. 56). Поэт без определенного, ярко выраженного направления, Полонский оказался невостребованным. Большинство журналов придерживалось определенных направлений и печатало его стихотворения весьма неохотно. Отдельные стихотворения Полонского в 1860-е — 1870-е гг. появлялись в журналах самых разных направлений — в «Эпохе», «Искре», «Литературной библиотеке», «Русском вестнике», «Женском вестнике», «Беседе», «Заре», «Вестнике Европы», «Гражданине», «Отечественных записках», «Деле», «Неделе» и др. Впоследствии Полонский так объяснял свое сотрудничество в случайных журналах: «Наши большие литературные органы любят, чтобы мы, писатели, сами просили принять нас под свое покровительство — и тогда только благоволят к нам, когда считают нас своими, а я всю жизнь был ничей, для того чтобы принадлежать всем, кому понадобится, а не кому-нибудь» (Письма А. П. Чехова: В 2 т. М., 1984. Т. 2. С. 12).

⁷ Полонский намекает на Н. А. Некрасова и свою неудачную попытку сблизиться с журналом «Отечественные записки», в котором незадолго до того появились разгромные рецензии М. Е. Салтыкова (см. о них след. примеч.) на последние сборники его стихотворений. Сохранился черновик письма Полонского к Некрасову, с большим количеством исправлений, за 7 апреля 1871 г., тон упреков которого переключается с письмом к Тургеневу. «С тех пор, — с горечью писал в нем Полонский, имея в виду время своего сотрудничества в «Современнике», — я стал и либеральнее и ближе к вопросам жизни и ближе к Вам по своему направлению. Но с тех же пор — мы оба, и вы и я согрешили». Любопытно, что в изначальном варианте письма последнему предложению предшествовала следующая фраза: «С тех пор, конечно, не ради того, чтоб угодить какой-либо партии — а ради жажды по мере сил моих не отставать от времени — я в ущерб моим поэтическим настроениям, не раз изменял тем понятиям об искусстве, в которых воспитал себя под влиянием 40-х годов и Белинского», — которую Полонский затем вычеркнул. Под «прегрешениями», как следует из письма, Полонский имел в виду написанное Некрасовым послание к М. Н. Муравьеву и свое участие в «бесцветном» журнале «Литературная библиотека». «Не знаю, чья вина была сильнее, — продолжал Полонский. — Но те самые, которые ругали Вас, — пристали к Вам и стало быть простили Вам — но не простили мне моего тяжкого прегрешения; по их совету Вы отказали мне в сотрудничестве. И вот, теперь уже мало Вам, что я, по словам Вашего же рецензента <Салтыкова. — В. Л.>, бездарный писака из писака, поэт без ума, без чувства, даже без воображения, мало Вам этого — видно хотите, чтобы Ваши читатели считали меня врагом народного образования, врагом грамотности, и пр. и пр. 10 лет я молчал, 10 лет я, как бессловесное животное, позволяя всем и каждому клеветать на свои убеждения — приписывать мне мысли, чувства и мнения, которых я никогда отроду не имел и иметь не мог и которых не высказывал — и что же? простили ли мне мое молчание?.. — Нисколько» (Некрасов и Я. П. Полонский (К истории «Современника» и «Отечественных записок») / Публ. Н. К. Козмина // Некрасов. Незданные стихотворения, варианты и письма. Из рукописных собраний Пушкинского Дома. Пг., 1922. С. 280–283). По предположению Б. М. Эйхенбаума, письмо это не было послано, и «вместо борьбы с Некрасовым и его „партией“, Полонскому пришлось, как он уже пробовал и раньше, пойти на уступки требованиям эпохи и начать лавировать, „изменяя“ прежним понятиям об искусстве», что в дальнейшем привело к разногласиям с редактором другого журнала — М. М. Стасюлевичем (см.: *Полонский. БП 1935. С. 722*).

⁸ Сборник стихотворений и прозы Полонского «Сноп» был напечатан на средства поэта, заработанные им в качестве воспитателя в семье железнодорожного промышленника С. С. Полякова (в его семье он работал с лета 1869 г.), и вышел в 1871 г., вызвав резко отрицательную рецензию М. Е. Салтыкова, которая стала вторичным выступлением писателя против Полонского. Незадолго до того (ОЗ. 1869. № 9) Салтыков раскритиковал первые два тома «Сочинений Я. П. Полонского», вышедших в Петербурге в 1869 г. Констатируя охлаждение, невнимание публики и критики к поэзии Полонского, Салтыков сформулировал причины этого охлаждения, которые, по его мнению, заключались в неопределенности творческой личности, «физиономии» поэта, эклектизме и отсутствии тенденции. При этом он подверг ироническому анализу наиболее характерные, с его точки зрения, стихотворения

Полонского. Тогда Тургенев счел необходимым вмешаться и выступил в защиту Полонского на страницах газеты «Санкт-Петербургские ведомости» (1870. 8 января. № 8), обвинив «неискусную» и «недобросовестную» критику в клиентизме. Заканчивалось <<Письмо к редактору>> недоброжелательной характеристикой поэзии Некрасова и намеком на пристрастное отношение критика «Отечественных записок» к Полонскому в угоду Некрасову (см.: *ПССуП(2). Письма*. Т. 10. С. 122–127). К сожалению, ввиду решения редколлегии второго Полного собрания сочинений Тургенева помещать открытые письма в томах серии Писем, эта острая публицистическая статья Тургенева «затерялась» и оказалась исключенной из его общего критического наследия. Ср.: *ПССуП(1). Соч.* Т. 15. С. 154–160, где эта статья помещена в разделе «Открытые письма».

⁹ Полонский намекает на известный случай, когда, якобы надеясь спасти от закрытия «Современник», Н. А. Некрасов в 1866 г. на торжественном обеде в Английском клубе обратился с приветственной одой к М. Н. Муравьеву — генерал-губернатору северо-западных губерний, жестоко подавившему восстание в Польше и назначенному председателем верховной комиссии по делу покушавшегося на Александра II Д. В. Каракозова. Это выступление Некрасова, вынужденное обстоятельствами и им же потом осуждавшееся, было крайне негативно воспринято современниками.

¹⁰ Полонский имеет в виду еженедельный журнал «Домашняя беседа», который в 1858–1877 гг. издавался *Виктором Ипатьевичем Аскоченским* (1813–1879) и был метко назван Герценом «духовным журналом иезуитско-православного направления» (*Герцен*. Т. 18. С. 199). Он неоднократно становился объектом насмешек как умеренной, так и радикальной печати (см.: *Русские писатели*. Т. 1. С. 118).

¹¹ Среди писем цензора Комитета иностранной цензуры, сослуживца Я. П. Полонского и А. Н. Майкова *Михаила Леонтьевича Златковского* (1836–1904), хранящихся в Рукописном отделе ИРЛИ (№ 12100), указанного письма обнаружить не удалось.

¹² Речь идет об оскорбительной статье Л. Н. Антропова «Новая повесть Тургенева „Вешние воды“», которая вышла 12 января 1872 г. (*МВед.* № 9. С. 3; помечена 7 января) за подписью: «Л. А.—в». «Скажем прямо, — писал в ней Антропов, — „Вешние воды“ вещь не только относительно слабая, но безотносительно плохая. <...> Редко случалось нам присутствовать при подобном фиаско, и мы недоумеваем, как мог писатель, когда-то пленявший публику, сорваться так жалко». Дав весьма упрощенное и плоское изложение фабулы повести, Антропов язвительно указал на «заграничность» как основной ее недостаток: «Романтическая обстановка Баден-Бадена отразилась в „Вешних водах“. Краски их самые радужные; эпизоды один другого поэтичнее и эффектнее. У нас теперь так никто не пишет. Чтобы так писать, надо иметь много смелости». Особому глумлению подвергся «язык» повести, который был назван «крайне манерным», эпитеты — «или искусственны, придуманы и ничего не передают», «или пошлы своей рутинностью». Вердикт «Московских ведомостей» был безжалостен: «Не как шутку или парадокс, а серьезно высказываем мы наше убеждение, что г. Тургенев, писав свои „Вешние воды“, имел в виду не русских читателей <...>, а международную публику». Дальнейшие выводы Антропова могли быть восприняты как донос: «Все его <Тургенева. — В. Л.> идеалы и симпатии на чужой стороне, и он преподносит европейской публике произведение,

которое не может не польстить ее гордости пред нами, бедными духом, растленными русскими». Увидев положительных героев только среди персонажей «европейского» происхождения, критик обвинил Тургенева в пристрастности по отношению к своим соотечественникам: «А вот люди, пришедшие в русского Востока. Лучший из них Санин — дрянь человек, тряпка, не годный ни на добро, ни на зло <...>. А вот семейка Полозовых: жена олицетворение инстинктов Мессалины в теле и душе мещанки, женщина отчаянно распутная, но с душевною ясностью. Супруг ее <...> является ожиревшею скотиной, чувствующею себя как нельзя более комфортабельно за развратом жены и даже им поигрывающею. <...> И Санин, и эта семья Полозовых, разумеется, ведут жизнь паразитов, бессмысленно и бесцельно проедают готовые доходы». В завершение Антропов, еще раз перечислив «отрицательные свойства таланта» Тургенева, к которым он отнес «фельетонную, дилетантскую легкомысленность» повествования, «бедность вымысла», «недостаток „трезвой правды“, плохо заменяемый эlegantностью изобретения и парфюмерностью языка», констатировал: «...чувствуется, наконец, полный разрыв с русской жизнью, не восполняющийся прилеплением себя к европейской». Текст статьи был доставлен Тургеневу Анненковым, который выслал вырезку из «Московских ведомостей» 18 (30) января, сообщив, что повесть там «разругана бесчестным образом» (Анненков. Письма. Кн. 1. С. 193). По его словам, появление этой статьи «возбудило общее омерзение, даже у молодежи, распознавшей в нем расчеты Каткова и давно пенившуюся у него желчь за оставление» Тургеневым «Русского вестника» (Там же). Благодаря Полонского в ответном письме за сообщение сведений о реакции на «Вешние воды», Тургенев заметил, что «Московские ведомости» «пересолили», и указал на прозрачность действий Каткова (ПССиП(2). Письма. Т. 11. С. 208).

¹³ Об отзыве Буренина см. примеч. 14 к письму 1.

¹⁴ Перефразированная строчка из стихотворения Лермонтова «Не верь себе» (1839): «Не верь, не верь себе, мечтатель молодой, / Как язвы бойся вдохновенья... / Оно — тяжелый бред души твоей больной, / Иль пленной мысли раздраженье».

¹⁵ Так в подлиннике, ошибочно вместо: Полозова.

¹⁶ Речь идет о пьесе *Дмитрия Васильевича Аверкиева* (1836–1905) «Каширская старина», опубликованной в «Русском вестнике» в 1872 г. (№ 1). Еще до публикации она была поставлена на сцене Малого театра в Москве 9 декабря 1871 г. и имела огромный успех. В Александринском театре премьера «Каширской старины» состоялась 27 сентября 1872 г. В Петербурге пьеса была принята хуже, чем в Москве. По замечанию А. С. Суворина, Аверкиев «написал нечто весьма посредственное, не лишенное сценичности, впрочем, и рассчитанное на балаганную публику и на верхи. Верхи точно блаженствовали» (НВр. 1872. 29 октября).

¹⁷ По воспоминаниям театрального критика И. Н. Захарьина-Якунина, присутствовавшего на этом спектакле: «В <...> сезон 1871–1872 года на сцене Малого театра Москвы, в бенефис Г. Н. Федотовой, была поставлена пьеса, колоссальный успех которой был равен успеху самых выдающихся пьес, шедших в этом театре раньше, в его лучшие времена — „Горя от ума“, „Ревизора“, „Свадьбы Кречинского“ и др.: это была народная трагедия „Каширская старина“. <...> Пьесу эту пересмотрела „вся Москва“, она шла до самого конца сезона, билетов в кассе „обыкновенным смертным“ не выдавали, и театральные барышники наживали тысячи,

продавая места по двойной и тройной цене...». «Никогда, ни раньше, ни позже, — продолжал далее он, — я не видал таких шумных и необычайных оваций, которых удостоились в этот спектакль бенефициантка, автор, а также и все остальные исполнители. Зато ведь и какой же был состав артистов в этот вечер! — по всей вероятности, пьесе г. Аверкиева никогда уже не суждено иметь подобных исполнителей в будущем» (*Захарьин-Якунин И. Н.* Русский театр прежде и теперь. СПб., 1903. С. 303–304).

¹⁸ Заметку, о которой упоминает Полонский, обнаружить не удалось. Возможно, это сравнение также намекало на известное стихотворение В. С. Курочкина «Предвещения под Новый год», опубликованное в «Искре» (1864. № 50), где есть следующие строки: «На зависть западного мира, / *Ерыжным веяньем* объят, / Затмит Аверкиев Шекспира» (Поэты «Искры»: В 2 т. / Вступит. ст., сост., подготовка текста и примеч. И. Г. Ямпольского. Л., 1987. Т. 1. С. 171). Очевидно, объектом сатиры стала большая статья Аверкиева о Шекспире, опубликованная им в 1864 г. в журнале «Эпоха» (№ 5–6 и направленная против <<Речи о Шекспире>> Тургенева), а также связанная с ней статья «Значение Островского в нашей литературе» (1864, № 7), в которой он дал более умеренную (по сравнению с А. А. Григорьевым) оценку творчества драматурга как «русского Шекспира».

¹⁹ Аверкиев впервые обратился к созданию драматических произведений, будучи сотрудником журнала «Эпоха»; его первый опыт в этой области — «Мамаево побоище» (Эпоха. 1864. № 10) — был встречен следующей эпиграммой Д. Д. Минаева: «Своею драмой донимая, / Ты удивил весь Петербург: / Лишь только в свите у Мама / Мог быть подобный драматург» (Поэты «Искры». Т. 2. С. 136). В дальнейшем произведения Аверкиева неизменно «продегергивались» в «Искре» Минаевым и Бурениным, которые именовали его то «Недокаверкиевым», то «Перекаверкиевым». По воспоминаниям П. Д. Боборыкина, это прозвище прижилось и в актерской среде, где Аверкиева звали «Дмитрий *Перековеркиев*» (*Боборыкин П. Д.* Воспоминания: В 2 т. М., 1965. Т. 1. С. 394). Общавшийся с Аверкиевым в 1860-е гг. Боборыкин отмечает, что, «сделавшись драматургом и критиком», он «отличался большой начитанностью, выучился по-английски, знал хорошо Шекспира, щеголял обширной памятью, особенно на стихи, вообще выдавался своей литературностью, но и тогда уже было в нем что-то неуравновешенное, угловатое, какая-то смесь идеализма с разными охранительными вожделениями» (Там же). Несмотря на то, что пьесы Аверкиева критиками оценивались сравнительно невысоко, они имели большой успех у публики.

²⁰ Среди прочих Полонский, очевидно, имеет в виду и Д. И. Писарева (видевшего в Аверкиеве «пламенного поклонника и неудавшегося подражателя покойного Аполлона Григорьева»), который неоднократно выступал против него в своих статьях, подвергая суду как критические работы, так и драматургические опыты. «Мамаево побоище» было названо Писаревым «тенденциозным панегириком прошедшему», а автор, по его заключению, «уже с головою окунулся в мутную премудрость „Эпохи“ и в своих многочисленных критических статьях заплатил уже такую обильную дань духу мракобесия и сикофанства, что навсегда отрезал себе дорогу к прямой литературной деятельности» (*Писарев Д. И.* Соч.: В 4 т. М., 1956. Т. 3. С. 129, 263).

²¹ «Комедия о российском дворянине Фроле Скабееве и стольничей, Нардын-Нащокина, дочери Аннушке» с чрезвычайным успехом прошла в Александринском

театре в бенефис В. В. Самойлова в 1868 г. Опубликована пьеса была в журнале «Заря» (1869. № 3).

²² Комедия «Леший» была опубликована в «Отечественных записках» в 1866 г. (№ 5–6).

3

25 октября (6 ноября) 1873 года. Петербург

С. Петер<бург>.
Обухов<ский> пр.,
дом № 7 Шольца.

1873. 25 окт. ст. ст.

Полагаю, друг Иван Сергеевич, что ты не получил письма моего, посланного в начале сего месяца — иначе бы хоть строчкой да откликнулся.¹ Пишу к тебе в тревоге. — Мой сынишка вдруг захворал — одного доктора не нашел, другого ожидаю. — Лежит мальчик в жару, а мы не знаем, что с ним?²

Скажи, не Анненкова ли я видел нынче на Невском? Не решился остановиться и его остановить, до такой степени показалось мне невероятным, чтоб в такую плохую погоду он воротился в Питер.³ —

Здоров ли ты? Скоро ли к нам приедешь? —

Откликнись хоть строчкой.

Я был болен — и теперь еще чувствую слабость. — Доктор мой говорит, что я слишком много работаю — и точно сижу иногда до 4-х часов пополуночи. Пишу. —

Хотел тебе послать оттиск «Мими» — да переплетчица надула — неделю тому назад отдал брошюровать оттиск, и до сих пор даже и не начала работать.⁴

Да что моя «Мими», это должно быть такая дрянь, на которую тебе и внимание-то обращать не следует.⁵ —

Прощай, до свиданья, остаюсь твой

Я. Полонский.

Печатается по подлиннику: *BN. NAF. 16275. F. 425–425 verso.*

¹ По всей видимости, речь идет о недатированном письме Полонского, опубликованном в «Звеньях» (Вып. 5. С. 178–180). Г. П. Миролубов датировал это письмо расширительно: концом сентября — началом октября 1873 г. (Там же. С. 180, примеч. 1). Публикуемое письмо Полонского дает возможность несколько уточ-

нить датировку, сузив ее до начала октября. В этом письме Полонский с горечью писал о том, что прочел первую часть глумливого отзыва Буренина на его поэму «Мими». «Странная судьба поэм г. Полонского, — язвительно замечал в нем Буренин, — возбуждать толки до появления этих поэм в свет и оказаться потом пустяком» (*З. <Буренин В. П.> Журналистика. Нечто о возрождении в наши дни поэм и стихотворных повестей // СПбВед. 1873. 20 сентября. № 268*). Особенно Полонского задело замечание Буренина о том, что Некрасов «дурак, заплатил за нее <поэму. — В. Л.> якобы за стих по червонцу» (*Звенья. Вып. 5. С. 178*). «Удивительное дело! — заключал Полонский. — Прежде чем что-нибудь решиться напечатать — прочтешь и тому, и другому, и третьему — и когда уже убедишься, что поэма нравится строгим ценителям и судьям, скрепя сердце решишься продать ее. Что же — со всех сторон начинают плевать и языки высовывать» И далее выписал сочиненную им эпиграмму на Буренина:

Я желчь Буренина своей поэмой вспенил
И завоняло так, что страх.
Должно быть у себя в «Ведомостях»
Он что-нибудь да набуренил.

(см.: Там же. С. 178–179, а также примеч. 5 к наст. письму).

² Речь идет о старшем сыне Полонских — *Александр*е (1868–1934). В следующем письме, условно датированном временем между 28–31 октября, Полонский сообщил о том, что ему стало легче: «Сыну моему Але легче, нынче он встал с постели — а когда я писал к тебе последнее письмо, у меня дрожали руки от волнения и от усталости. Я думал, что он ночи не переживет, что его задушит, и до 2-х часов ночи искал доктора» (*ЛН. Т. 73. Кн. 2. С. 244*).

³ В письме от 24 октября (5 ноября) Тургенев сообщал, что П. В. Анненков «окончательно поселился на зиму в Ницце; наслаждается солнцем, морем, теплым воздухом и здоровьем» (*ПССУП(2). Письма. Т. 12. С. 234*). В ответ Полонский заметил: «Анненков — это что-то легендарное — одни уверяют, что он здесь, <...> другой говорит — да нет, он за границей <...>. Я видел его на Невском — т. е. видел его профиль с седой бородкой, немного à la Napoléon. <...> Гаевский уверял меня в том, что он здесь — а ты пишешь, что он в Ницце наслаждается солнцем с кухаркой» (*ЛН. Т. 73. Кн. 2. С. 244*).

⁴ Насмешки Буренина в «Санкт-Петербургских ведомостях» настолько огорчили Полонского, что он так и не выполнил своего обещания и не выслал Тургеневу оттиск «Мими».

⁵ Поэма Полонского «Мими» публиковалась в «Отечественных записках» (1873. № 9–10). Столь резкая реакция Полонского была вызвана рядом обстоятельств, связанных с опубликованием поэмы, а также резко отрицательным отзывом о первой части В. П. Буренина (*СПБВед* от 20 сентября). 27 октября вышла статья Буренина с отзывом о второй части «Мими». По мнению критика, вторая часть поэмы «оказалась таким же невинным и наивным стихоупражнением, как и первая». Далее он вынес уничижительный вердикт: «...и я могу о ней беседовать с публикой, не напрягая моей мысли критическим анализом, а просто только увеселяя себя, и вместе с тем моих читателей» (*З. <Буренин В. П.> Журналистика. «Мими», поэма в двух частях г. Полонского // СПбВед. 1873. 27 октября. № 296*). Оценка Тургенева

А. Я. Полонский в возрасте 3 лет и 9 месяцев.
Фотография Захарьина. Петербург, 1871 г. (ИРЛИ)

была более благожелательной. После выхода первой части он отметил, что ему многое в ней понравилось, что «от нее веет искренностью, а местами поэзией», но в целом оценил ее невысоко: «...но все же мне сдается, что ты в подобных больших произведениях словно не дома, не в своем тоне поешь. Ты по преимуществу лирик с неподдельной, более сказочной, чем фантастической жилкой; а тут дело в анализе, в характере, в их столкновении и развитии... Это под руку прозаику» (ПССуП(2). *Письма*. Т. 12. С. 234). Выход второй части не изменил общего впечатления, произведенного на Тургенева первой, о чем он сообщил Полонскому 28 ноября (10 декабря) (см.: Там же. С. 248).

4

Между 1 (13) и 10 (22) декабря 1873 года. Петербург

С.-Петербург.
Обуховский проспект,
дом Шольца, № 7, кв. № 6.

Действительно, милый мой Иван Сергеевич, почта украла у меня одно письмо твое¹ — ибо того письма, где ты говорил мне о второй части

«Мими»,² я не получал — а не получая от тебя ни ответа ни привета, вообразил, что моими последними к тебе письмами, написанными в хандре, я навел на тебя досаду³ — и ты положил в сердце своем наказать меня своим молчанием за мое малодушное отношение к жизни — и веришь ли, выходит, что ты прав. —

Но ты — видно, изучил меня и знаешь, до какой степени характер мой многосложен — знаешь, что во мне постоянно борется сила с бессильем — мужественность с женственностью, неподвижность с порывами *Dahin! Dahin!*⁴ Талант с отсутствием способностей и проч. и проч.

Нынче готов я унывать и сожалеть и что-либо оплакивать — а завтра тряхнуть головой, сказать: «Черт возьми! Всё вздор перед вечностью», — и оказаться железным там, где вчера был воск. В этой двойственности моего характера весь мой организм, слишком болезненный для того, чтоб быть постоянно одним и тем же.

Мне уже говорили, что ты приехал в Петербург, даже спрашивали меня, видел ли я тебя! — Говорили и говорят, что ты пишешь большой — большущий роман⁵ — что в романе 17 действующих лиц, что ты только их и видишь, только с ними мысленно и беседуешь. — Что ты не был в С.-Петербурге, это я знаю, но пишешь ли что-нибудь, не знаю — по крайней мере из твоих писем ничего не видно. —

Петербург стал давно уже одним из первых сплетников. — Что он врет, уму непостижимо. Я иногда слышу про себя такие вещи, которые мне и во сне не снились. И добро бы еще люди выдумывали что-нибудь порядочное, а то постоянно изобретут мерзость невероятную. Так, недавно моя *belle-sœur*^{а, 6} слышала, что я любовник мад<ам> Штакеншнейдер,⁷ старухи — да еще с свиной физиономией! — Черт знает, что за дребедень!!

Моя поездка в Монсумано⁸ помогла ноге моей — но, как видно, от питерских катаров нет спасенья — и эти катары — бич мой. Ходить и сидеть, писать и читать с хрипотой в горле, с кашлем и с насморком — это для меня мученья по своей длинноте и бессрочности просто невыносимые. —

А избавиться от них можно только другим климатом — южным теплом и проч. и проч.

Что ты не приедешь в январе — это я предчувствовал — и при всем моем страстном желании обнять тебя очень рад, что ты не рискуешь своим здоровьем — и свою поездку отлагаешь до марта.⁹ — Но и в марте я тебя ждать не буду, а буду ждать в апреле, который иногда в Петербурге

^а свояченица (*франц.*).

несравненно лучше мая. Когда на Неве тронется лед, ты тогда уедешь или в Москву, или к себе в деревню — повязавши хороший теплый набрюшник — ибо нельзя в России в наши лета путешествовать без набрюшника. —

«Келиот» мой идет к концу или лучше сказать остановился перед концом.¹⁰ — Жду вдохновенья, жду тех же сил, с какими я принялся за работу. — Если кончу, позволю прислать к тебе с просьбой, чтоб ты вычеркнул все, что тебе покажется лишним. —

Если буду жить, напишу 10 поэм — и если из них 2 будут хороши, умру спокойно. Но прощай, до свиданья. Очень рад, что твое здоровье тебя самого удовлетворяет. Обнимаю тебя заочно и остаюсь твой тебе преданный

Я. Полонский.

Пиши, если 17 лиц твоего романа не поглощают еще всего твоего времени.

М. Базена¹¹ не казнят — он не Россель,¹² который мог бы еще послужить со славой Франции. — Франция добивается равенства и теряет свободу — может быть, оно хорошо вышло, — но издали куда как стало прозаичнее <?>.

На закате^{6, 13}

Вижу я, сизые с золотом тучи
Загромоздили весь запад; в их щель
Светит заря, — каменистые кручи,
Ребра утесов, березник и ель
Озарены вечереющим блеском;
Ниже — безбрежное море. Из мглы
Темные скачут и мчатся валы
С неумолкаемым гулом и плеском.

К морю тропинка в кустах чуть видна,
К морю схожу я, и —

— Здравствуй, волна!

Мне, охлажденному жизнью и светом,
Дай хоть тебя встретить теплым приветом!..

Но на скалу набежала волна —
Тяжко обрушилась, в пену зарылась,
И прошумела, отхлынув назад:
— Новой волны подожди — я разбилась...

⁶ *Сверху в левом углу помета рукой Полины Виардо: «à regarder (pas intérêt probablement)» («просмотреть (возможно, не представляет интереса)» — франц.).*

Новые волны бегут и шумят, —
То же, все то же я слышу от каждой...
Сердце полно бесконечною жаждой, —
Жду, — все темно — погасает закат...

Я. П. Полонский

Печатается по подлиннику: *ВН. НАФ.* 16275. Ф. 431–433. Датируется на следующих основаниях. Письмо написано в ответ на письмо Тургенева из Парижа от 28 ноября (10 декабря) 1873 г. (в котором Тургенев сообщает о том, что незадолго до того отправил Полонскому письмо (не сохр.) с отзывом о второй части его поэмы «Мими»), которое не могло быть получено Полонским ранее 1 (13) декабря — т. е. трех дней, в течение которых почта доставлялась из Парижа в Петербург. Вторая крайняя дата устанавливается по связи с письмом 5, датированным 11 (23) декабря 1873 г., в котором Полонский упоминает, что «на днях» уже писал Тургеневу, возможно имея в виду данное письмо.

¹ Полонский здесь отвечает на следующее место письма Тургенева от 28 ноября (10 декабря) 1873 г.: «Ты упрекаешь меня в лени — а я на каждое твое письмо отвечал аккуратно и потому должен полагать, что тут почта нашалила» (*ПССУП(2). Письма.* Т. 12. С. 248).

² В ответном письме Тургенев кратко пересказал свой отзыв о второй части «Мими». «Ты попал в несколько чуждый тебе тон, — писал он, — но я уверен, что ты, как выражаются французы, возьмешь свою „revanche“ <...>» (Там же). В схожем ключе Тургенев высказался и о первой части поэмы (см. его письмо к Полонскому от 24 октября (5 ноября) 1873 г.: Там же. С. 234).

³ В нескольких письмах, написанных в октябре — ноябре 1873 г., Полонский сетовал на недостаток денежных средств, на невозможность заработать себе на жизнь литературным трудом, на плохое здоровье, на неудачи, связанные с попыткой опубликовать свои последние произведения, и т. д. См., например, письма, предположительно датированные 28–31 октября (9–12 ноября) и около 24 ноября (6 декабря): *ЛН.* Т. 73. Кн. 2. С. 243–244, 246–247.

⁴ Цит. из песни Миньоны («Годы учения Вильгельма Мейстера» Гёте), ставшая практически нарицательным выражением романтического стремления к бесконечному.

⁵ Тургенев был занят в это время работой над романом «Новь», который вышел в «Вестнике Европы» в 1877 г. (№ 1–2).

⁶ По всей видимости, имеется в виду жена одного из братьев Полонского.

⁷ Имеется в виду *Мария Федоровна Штакеншнейдер* (1811–1892), жена придворного архитектора, профессора Академии художеств А. И. Штакеншнейдера, хозяйка литературного салона, где часто бывал Полонский и многие другие писатели в 1850-е — 1860-е гг. Как отмечает И. Н. Розанов, из семейства Штакеншнейдеров Полонский изначально более всего «сблизился с маменькой». Для Е. А. Штакеншнейдер он был первоначально «мамин поэт» (см.: *Розанов И. Н. Елена Андреевна Штакеншнейдер и ее дневник // Штакеншнейдер.* С. 22).

⁸ *Монсуммано* — итальянский бальнеологический курорт, расположенный в Тоскане у подножия Апеннин, в долине реки Ньеволе, где была в 1849 г. открыта сталактитоватая пещера с двумя теплыми солеными прудами, куда приезжали лечиться от подагры, ишиаса, ревматизма и других заболеваний. Тургенев сам настоятельно советовал Полонскому поехать в Монсуммано для лечения «анкилозиса колена» и даже выделил на поездку сумму в 350 р. сер. (см.: *ПССиП(2). Письма*. Т. 12. С. 121–122). Полонский выехал в Италию в конце мая 1873 г.

⁹ Изначально Тургенев намеревался быть в России зимой 1873/1874 г., однако в письме от 28 ноября (10 декабря) 1873 г., на которое отвечает Полонский, сообщал, что откладывает поездку на март (Там же. С. 249). На самом деле, как и советовал ему Полонский, Тургенев приехал в Петербург только в начале мая 1874 г.

¹⁰ 24 главы поэмы Полонского «Келиот», освещавшей эпизод борьбы греческих повстанцев против Турции, были напечатаны в журнале «Дело» (№ 10) за 1874 г.; окончание — под названием «Старая борьба» — в августовском номере «Русского вестника» за 1877 г. «Келиот» был задуман в то время, когда Полонский особо тяжело переживал неудачу предыдущей своей поэмы — «Мими», поэтому в письмах к Тургеневу он неоднократно высказывал тревожившее его сомнение в том, удастся ли ему на этот раз создать художественно завершенное произведение. О начале работы над поэмой Полонский сообщал в предыдущем письме, условно датированном временем около 24 ноября (6 декабря). «Пишу „Келиота“, — сообщал он. — Келиот значит афонский монах, живущий в особенной келье. Действие происходит на одном из греческих островков Архипелага. Написал уже 22 главы, остается еще глав 9, по крайней мере» (*ЛН*. Т. 73. Кн. 2. С. 247).

¹¹ Речь идет о маршале Франции *Франсуа-Анриле Базене* (Bazaine; 1811–1888), изменнически сдавшем пруссакам во время франко-прусской войны французскую крепость Мец и открывшем им путь на Париж. В 1872 г., под давлением общественного мнения, он был приговорен к смертной казни, которая впоследствии была заменена 20-летним тюремным заключением, однако в 1874 г. Базен бежал из-под стражи в Испанию. Полонский откликается на следующее место из письма Тургенева: «Вчера вечером здесь присудили Базена к смерти... видно, однако, есть Немезида! <...> Базен погубил Францию — еще бы ему не заплатить жизнью!» (*ПССиП(2). Письма*. Т. 12. С. 249).

¹² Имеется в виду *Луи-Натаниель Россель* (Rossel; 1844–1871), французский военный и политический деятель. Участвовал во франко-прусской войне; прибыв в Париж после революции 18 марта 1871 г., встал на сторону Парижской коммуны — командовал легионом Национальной гвардии; затем исполнял обязанности начальника главного штаба военного министерства, председателя военного трибунала, военного делегата Коммуны. 8 июня арестован полицией, приговорен версальским судом к смертной казни и расстрелян.

¹³ К письму приложен оттиск стихотворения; однако, возможно, он на самом деле был вложен в одно из последующих писем, поскольку данное стихотворение датируется 1877 г. и впервые, как указывает Б. М. Эйхенбаум, было опубликовано в «Пчеле» (1877. № 3. 16 января. С. 34). См.: *Полонский. БП 1935*. С. 736. Отдельный оттиск стихотворения в этом издании не учтен.

11 (23) декабря 1873 года. Петербург

С.-Петербург<ург>.
Обухов<ский> проспект,
дом Шольца, кв. № 6.

На днях я послал тебе письмо и вот опять пишу.¹

Мне приказали писать к тебе — и я пишу.

Слушай. У нас в Самарской губернии сотни, а может быть и тысячи умирают с голоду. Весна будет еще ужаснее, если все русское общество не поспешит на помощь.

В литературных кружках родилась мысль — и в несколько дней созрела.

Мысль эта составить богатый *сборник* из даровых приношений.

На эту мысль откликнулись все литераторы всех партий и всех оттенков, забывая всякие споры, распри и перебранки. — Откликнулись художники, живописцы, граверы, резчики на дереве, типографщики и даже продавцы бумаги. —

Сборник под заглавием «Кружка» разом будет печататься в нескольких типографиях — в колич<естве>: 25 000 экземпляров.²

Из 22 литературных имен,³ попавших в список, уже 15 согласились на приношение — в том числе Салтыков, Некрасов и даже Гончаров⁴ — давно уже обломствующий.

Имя твое, одно имя было бы для этого сборника — благодарением, ибо для публики ты еще так вкусен, что она готова всегда и везде пожирать тебя без всякого к тебе милосердия.

Было бы нелепо просить от тебя повесть? — Нет, мы *всего* просим у тебя пяти-шести страничек, даже меньше. В старых бумагах своих отыщи что-нибудь и вылепи какую-нибудь штучку. — Вроде воспоминания — признанья, ряда афоризмов — взгляда на то или другое событие, на современную критику — что-нибудь о Франции, о какой-нибудь картине или статуе или о музыке — или просто «*нечто*», нечто такое, что бы не стоило тебе ничего, т. е. никаких особенных усилий. —

Если ты согласен на такую *жертву* — то, по получение этого письма, дай знать по телеграфу Виктору Павловичу *Гаевскому* на *Литейную* — в *доме Пелля*.⁵ Квартиру^a Гаевского мы избрали местом для совещания как нейтральную почву.

^a Было: Дом

Ответ потому нужен скорый, что дело кипит⁶ — а пока не будет от тебя ответа, до тех пор нельзя будет напечатать твое имя в объявлении — и тотчас же во всех редакциях *открыть подписку*.

Ты, конечно, вправе отказаться, только многим из нас будет чувствительно твое отсутствие. Если же ты пришлешь согласие — то к концу нашего января будущего 1874 года — что-нибудь напиши и пришли хоть на мое имя. —

«Кружка» должна выйти к марту.⁷ Разумеется, чем скорее ты что-нибудь дашь — тем лучше.

Не брани меня за это письмо. Я знаю, что так или иначе, а все-таки оно тебя немного всполошит — моя просьба посягает на твое время. Быть может, ты пишешь что-нибудь серьезное и вдруг тебя отрывают для пустяка. Но — вспомни, что сотни, а может быть и тысячи русских буквально погибают с голоду!

Обнимаю тебя. — От всей души целую и остаюсь

твой друг Я. Полонский.

1873.

11 декабря ст. ст.

Печатается по подлиннику: *BN. NAF. 16275. F. 423–424.*

¹ Возможно, имеется в виду письмо 4 или другое (несохранившееся) письмо.

² «Кружка» — первоначальное название сборника «Складчина. Литературный сборник, составленный из трудов русских литераторов в пользу пострадавших от голода в Самарской губернии», изданного в 1874 г. под редакцией Н. А. Некрасова и А. П. Ефремова.

³ Помимо Тургенева и Полонского, в сборнике участвовали А. Н. Апухтин, П. Д. Боборыкин, В. П. Буренин, П. И. Вейнберг, И. Ф. Горбунов, И. А. Гончаров, Ф. М. Достоевский, Н. С. Кохановская, В. С. и Н. С. Курочкины, А. Н. Майков, М. А. Маркович (Марко Вовчок), Д. Д. Минаев, Н. А. Некрасов, А. Н. Островский, М. П. Погодин, М. Е. Салтыков, К. К. Случевский, Н. Н. Страхов и многие другие писатели и публицисты.

⁴ М. Е. Салтыков поместил в «Складчине» «Город» (С. 129–138); Некрасов — «Три элегии» (С. 522–524), Гончаров — «Из воспоминаний и рассказов о морском плавании» (С. 525–560).

⁵ Имеется в виду *Пелль Александр Христофорович* (род. 1809), архитектор и домовладелец, член правления Общества петербургских водопроводов.

⁶ Тургенев получил письмо Полонского 15 (27) декабря 1873 г. в Париже и в тот же день послал В. П. Гаевскому телеграмму (не сохр.), выразив свое согласие участвовать в сборнике «Кружка», о чем сообщил Полонскому 18 (30) декабря, отметив, что не имеет ничего готового. Однако далее добавил: «Есть у меня один недо-

конченный отрывок из „Записок охотника“ — разве это послать? Очень он короток и едва ли не плоховат — но идет к делу, ибо в нем выводится пример русского долготерпения» (*ПССУП(2). Письма*. Т. 12. С. 255–256). Речь шла о рассказе «Живые мощи», который Тургенев действительно выслал Полонскому 25 января (6 февраля) 1874 г. вместе с письмом, впоследствии опубликованным в качестве предисловия к рассказу. По всей видимости, ко времени написания публикуемого письма рассказ был уже написан, по крайней мере вчерне.

⁷ Сборник «Складчина» вышел 28 марта 1874 г.

ПУБЛИКАЦИИ

ТУРГЕНЕВ И «ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ» ШАРЛЯ ПЕРРО В РОССИИ

Публикация И. Дмитришин

Книга сказок Шарля Перро справедливо считается шедевром издательского дома Этцеля, даже если для последующих поколений его имя ассоциируется прежде всего с романами Жюль Верна.

Один из замечательных издателей XIX века, Пьер-Жюль Этцель (Hetzl; 1814–1886), сумевший объединить в своем книжном каталоге имена Бальзака и Гюго, Дюма и Верна, Мюссе и Санд, Стендаля, Сервантеса и многих других авторов того времени, считал себя «издателем для мелюзги», подчеркивая тем самым место, которое в его деятельности занимала детская литература.¹ Инициатор и издатель многочисленных детских серий и книг, рассчитанных на все возрасты, Этцель революционизировал детское книгоиздание, выступив против книги «упрощенной и вульгарной, плохо напечатанной и бедно иллюстрированной».² Одной из ярких страниц его деятельности является создание журнала «Magasin d'Education et de Récréation» («Журнала для образования и отдыха»), на страницах которого он собрал воедино лучших писателей, ученых и художников во имя воспитательных и образовательных целей.

¹ Биографические сведения об Этцеле см.: *Parménie A., Bonnier de la Chapelle C. Histoire d'un éditeur et de ses auteurs*, P.-J. Hetzel (Stahl). Paris, 1953 (далее — *Parménie*); *Gourévitch J.-P. Hetzel. Le bon génie des livres. Serpent à plumes*, 2005; *Petit N. Editeur exemplaire, modèle de père, héros de roman: figures d'Hetzel // Bibliothèque de l'Ecole des Chartes*. 2000. Vol. 158. P. 197–221.

² *Latzarus M.-T. La littérature enfantine en France dans la seconde moitié du XIXe siècle. Etude précédée d'un rapide aperçu des lectures des enfants en France avant 1860. Thèse pour le doctorat es lettres de l'université de Montpellier*. PUF, 1923. P. 155.

Иллюстрированное издание сказок Шарля Перро, снабженное 40 гравюрами по рисункам Гюстава Доре, было зарегистрировано в «Bibliothèque de la France» 13 ноября 1861 года. Появление роскошной книги престижного формата горячо приветствовали ведущие критики, от Жорж Санд до Сент-Бева, которые наперебой расхваливали как сам выбор сказок для публикации (в ту пору это был смелый шаг), так и оформленные книги (Прудон, впрочем, считал издание излишне роскошным).³ Сказки Шарля Перро, несколько забытые с момента их появления на свет в XVII веке и воскрешенные Этцелем, больше не покинут Олимп детской литературы и покорят не одно поколение.

Если Этцель проявил интерес к России, как можно предположить, благодаря своему близкому другу, на тот момент одному из видных французских виноторговцев в России Камиллу Депре,⁴ то Тургенев стал переводчиком Перро, по всей видимости, с легкой руки Луи Виардо.

В августе 1859 года, т. е. в то время, когда Этцель посещал салон Полины Виардо в доме, расположенном на улице Дуэ,⁵ в новом парижском квартале Нувель Атен, он предложил Луи Виардо перевести на русский язык какой-нибудь из романов, вышедших в его издательстве. Не владея

³ *Parménie*. P. 374–376, 379–381. Стоимость книги варьировалась от 60 до 70 франков, в зависимости от переплета. Предвидя подобные упреки, Этцель попытался оправдать дороговизну издания сказок Перро в своем предисловии: «...это уникальное издание будет стоить дорого ... <...> но согласитесь, что оно не подлежит никакому сравнению со всеми предшествующими и что мы правильно поступили, придав первой из наших книг, книге первого из наших классиков этот великолепный и внушительный вид» (*Stahl <Hetzell> P.-J. Sur les Contes des Fées // Les Contes de Perrault*. Paris, 1861. P. XVIII–XIX).

⁴ Друг семьи Этцеля, зять Александра Биксио, Камилл Депре даже стал одним из учредителей сообщества Этцель и К°. В это время Депре был одним из самых известных виноторговцев в России (но также и более крепких напитков и даже кубинских сигар): его продукцию ценили Гоголь и Герцен, о нем вспоминали Чехов и Толстой, тогда как В. А. Гиляровский в своей книге «Москва и москвичи» (М., 1926), говоря о самом доме Депре, описывает подделки, жертвой которых был виноторговец. Построенное в 1900 г. здание магазина Депре в Москве, с великолепными погребками, сохранилось до настоящего времени и находится на Петровке, д. 8. Фотографии московского магазина Депре см.: <http://dedushkin1.livejournal.com/486527.html>.

Когда в 1872 г. Этцель попытался выхлопотать для Депре награду французского правительства, то он так отозвался о нем: «...у него крупное дело в Москве, и во время войны <франко-прусской войны 1870–1871 гг. — И. Д.> он собрал в этом городе около 200 000 франков для Франции: он был по главе этого предприятия. Его дом в Москве является источником всего французского там <...>» (*Parménie*. P. 569. Подлинник по-франц.).

⁵ *Barbier P. Pauline Viardot*. Grasset; Paris, 2009. P. 169.

русским языком, Виардо вынужден был отклонить это предложение, но не оставил призыв Этцеля без внимания. «Мой дорогой Этцель, — писал он, — не присылайте мне никакой книги, я не знаю ни слова по-русски. Я дважды в печати объяснял каким образом были сделаны мои переводы с русского: один мой друг диктовал мне слово в слово, а я писал по-французски, вот и все. Этот друг, Иван Тургенев, был у нас несколько дней тому назад. Полагаю, он вернется ближе к охотничьему сезону. Если хотите, сообщите мне названия произведений, и он вам сразу же скажет, есть ли среди них те, что заслуживают перевода и могут иметь успех. Я не вижу другой возможности оказать вам услугу, о которой вы просите...».⁶

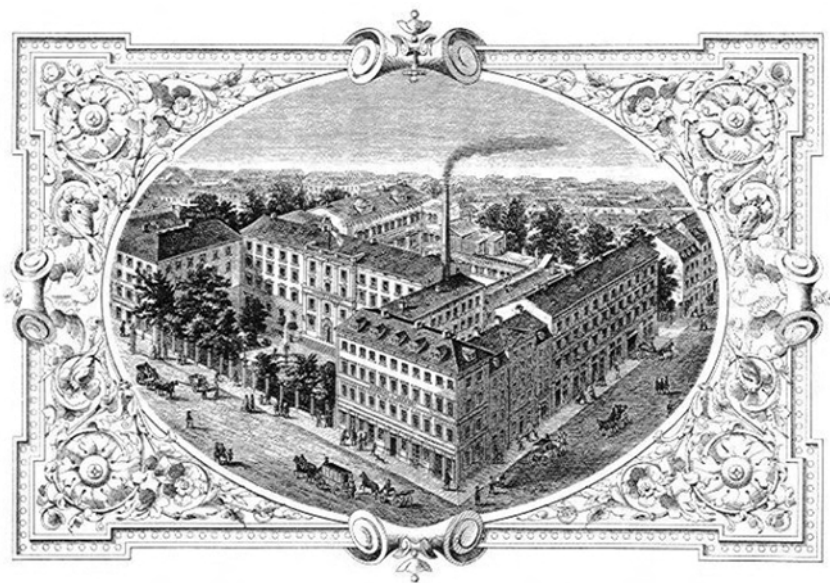
Тургенев и Этцель познакомились при посредстве Луи Виардо только в 1860 году. Тем не менее прошло еще три года,⁷ прежде чем нашелся подходящий совместный «проект» для России — «Волшебные сказки» Перро. «... Только вчера, — писал Тургенев Этцелю 9 (21) июля 1862 года, — вернувшись, получил письмо, которое вы отправили с г. Депре. Спешу сообщить вам, что с большим удовольствием принимаю ваше предложение: переводить Перро — это подлинно счастливый случай, и вы можете уведомить г. Вольфа, что я за это берусь. Я рассчитываю повидать его, когда буду проездом в С.-Петербурге — недели через три или четыре; не смею надеяться, что смогу завершить к тому времени перевод произведения, хотя и небольшого по объему, но требующего много труда. (Я сказал, что переводить П<ерро> — счастливый случай, — быть может, это также и опасность). <...> Итак, я говорю — да, и одновременно говорю — спасибо».⁸

Сохранившийся в архиве издательского дома Этцеля контракт между Этцелем и М. О. Вольфом на издание сказок Перро в России на сумму в 4000 франков был подписан в Париже 27 мая 1865 года. Как видно, переговоры между русской и французской сторонами растянулись на несколько лет, прежде чем был достигнут устраивавший всех вариант. Беглый анализ содержания контракта показывает, что Этцель стремился сохранить за собой самый широкий контроль над будущим изданием.

⁶ *Parménie*. P. 397. Подлинник по-франц.

⁷ Между тем Этцель стал издателем Тургенева во Франции, переиздав у себя в 1861 г. вышедшее ранее в издательстве Дантю «Дворянское гнездо». О взаимоотношениях Тургенева и Этцеля см.: *Waddington P. Some New Light on Turgenev's Relations with his French Publisher, Pierre-Jules Hetzel // The Slavonic and East European Review*. 1977. Vol. 55. N 3 (July). P. 328–347.

⁸ *ПССУП(2). Письма*. Т. 5. С. 332–333. Подлинник по-франц.

Здание типографии Гизеке и Девриента в Лейпциге

В особенности следует подчеркнуть внимание, которое он уделил гравюрам Гюстава Доре (по контракту они должны были печататься в Лейпциге у Гизеке и Девриента),⁹ а также переводу, автором которого непременно должен был быть Тургенев.

Необходимо особо отметить, что в то время книгоиздание еще не было защищено ставшими в настоящее время привычными механизмами: соглашение о защите авторских прав — Бернская конвенция — будет подписано только в 1886 году, Парижские соглашения на ту же тему — десятью годами позже, в 1896-м, а Берлинские — в 1908 году.

Можно предположить, что Вольф был представлен Этцелю Камиллом Дебре, однако вполне возможно, что этот издатель, который считается одним из основоположников детского книгоиздания в России, сам обратился к известнейшему из французских издателей детской литературы.

⁹ Giesecke & Devrient (G&D) — известная типография, созданная Германом Гизеке (1831–1900) и Альфонсом Девриентом (1821–1878) в Лейпциге в 1852 г. под названием «*Turographisches Kunst-Institut Giesecke & Devrient*». Типография печатала банкноты и ценные бумаги, что свидетельствует об очень высоком качестве ее работы. С 1999 г. Giesecke & Devrient печатает по заказу Центрального Европейского банка (ВСЕ) банкноты евро.

Книгоиздатель и книгопродавец Маврикий Осипович Вольф (Боле-слав Маурыцы; 1825–1883) родился в Варшаве, где и начал осваивать книжное дело, а затем набирался опыта в Париже, Лейпциге, Вильно, Львове, Петербурге (у книгопродавца Я. А. Исакова), прежде чем в октябре 1853 года открыть свой собственный магазин в Петербурге, у Гостиного двора.¹⁰

Успех магазину Вольфа обеспечивало не только удачное место расположения — напротив Публичной библиотеки, — но и прежде всего широкий ассортимент иностранных (в первую очередь, французских) изданий.¹¹ Во второй половине XIX века устроенная на западноевропейский лад «универсальная книжная торговля» Вольфа стала образцом для подражания. Он был одним из первых коммерческих издателей, кто, воспользовавшись техническими достижениями в области печати и тиражирования (в особенности, фототипией и гелиографурой), вывел книгоиздание в ранг настоящей индустрии. Чутко прислушиваясь ко вкусам публики, Вольф сосредоточился преимущественно на выпуске научных и научно-популярных изданий, а также издавал классическую русскую литературу и переводы лучших иностранных авторов, что в скором времени сделало его, по выражению Н. С. Лескова, «царем русской книги»¹² и «первым книжным миллионером».¹³ По свидетельствам современников, в среде интеллигенции сложно было найти дом, в котором на книжных полках не стояла хотя бы одна книга, изданная Вольфом.¹⁴

Предприимчивый и осторожный, обладающий настоящей деловой хваткой и тонким чутьем, — все, что написано о Вольфе, вызывает смутное чувство уже виденного: в таких же выражениях современники отзывались и об Этцеле. Оба они считали своей основной читательской аудиторией прогрессивную и умеренно либеральную буржуазию. Как и Этцель, Вольф издавал иллюстрированные альбомы — от Евангелия

¹⁰ *Либрович С.* На книжном посту. Воспоминания, записки, документы. М.; Пг., 1916. Впоследствии Вольф располагал несколькими магазинами: в Петербурге — Гостиный двор, 18 и Невский проспект, 13, а также в Москве — Кузнецкий мост, 13 и Моховая, 22.

¹¹ *Баренбаум И. Е.* Книжный Петербург. Л., 1980. С. 128.

¹² «Маврикий — единственный царь русской книги, его армия разбросана от Якутска до Варшавы, от Риги до Ташкента, в его руках судьба литературы» (цит. по: *Либрович С.* На книжном посту. С. 129).

¹³ Так шутливо отозвался о нем Д. Л. Мордовцев во время празднования 25-летней годовщины открытия книготорговли Вольфа. См.: Там же. С. 483.

¹⁴ *Баренбаум И. Е.* Книжный Петербург. С. 130.

и Библии с иллюстрациями известных художников до монументального издания «Живописной России», к сотрудничеству над которым он пригласил ученых-географов и писателей — таких как П. П. Семенов-Тянь-Шанский и Н. И. Костомаров (попытался задействовать и Тургенева). Как и Этцель, Вольф интересовался выпуском книг для детей и издавал Свифта, Купера, Скотта, Бичер-Стоу, Гофмана и, конечно, Ж. Верна. Вольф, вне всякого сомнения, воспользовался опытом Этцеля, начав выпускать, по его примеру, в России многочисленные книжные серии для детей, в частности — известные каждому французу — «Зеленую серию» и «Розовую серию», не говоря о подарочных книгах, издание которых Этцель довел до совершенства. Если подарочные издания Этцеля стали символом Нового года во Франции, от Пруста до Тургенева,¹⁵ то книги Вольфа стали неизменным подарком под елкой в России.¹⁶

Этот ряд сопоставлений можно продолжить: в 1876 году Вольф основал детский журнал «Задушевное слово», который являлся практически копией знаменитого этцелевского «Magasin d'Education et de Récréation» (также пользовавшегося популярностью в России).¹⁷ Помимо идентичной формы подачи материала, в которой центральное место отводилось роману, публиковавшемуся в журнале на протяжении нескольких недель, легко заметить, что основным автором, произведения которого печатались на страницах «Задушевного слова», был не кто иной, как Жюль Верн — писатель, долгие годы обеспечивавший успех «Magasin d'Education et de Récréation». Более пристальное знакомство с подшивками журналов покажет, что романы Жюль Верна печатались в «Задушевном слове» спустя год после их выхода во французском издании (с 1877 г.). Вполне вероятно, что на журнальных публикациях Вольф и Этцель, помимо всего прочего, проверяли, насколько то или иное произведение пользовалось спросом, прежде чем выпустить его отдельным изданием.

¹⁵ Показательно, например, письмо Тургенева к дочери Полине, написанное в декабре 1881 г.: «Я ждал до последнего дня в надежде, что Этцель пришлет мне, как он всегда это делал, книги для новогодних подарков, которые я незамедлительно отправил бы в Ружмон, но в этом году он забыл обо мне <...>» (*ИССУП(1). Письма*. Т. 13. Кн. 1. С. 304. Подлинник по-франц.). В письмах к Этцелю Тургенев не раз благодарил его за присланные «великолепные фолианты».

¹⁶ *Баренбаум И. Е.* Книжный Петербург. С. 145.

¹⁷ Биограф Вольфа С. Ф. Либрович восторженно отметил, что Вольф самостоятельно «задумал идею создания иллюстрированного ежемесячного журнала», не обмолвившись об Этцеле, с которым десятью годами ранее Вольф вел переговоры о приобретении «Magasin d'Education et de Récréation» (*Либрович С.* На книжном посту. С. 474).

Издавая все лучшее, что было на тот момент в мировой литературе, Вольф, безусловно, никоим образом не зависел от Этцеля. Помимо произведений французских авторов, он уделял пристальное внимание немецкой литературе.¹⁸ Вместе с тем издатель Вольф служит своеобразным зеркальным отображением издателя Этцеля: в лице Вольфа Этцель столкнулся со своим двойником — таким же успешным в делах, прозорливым в выборе авторов и произведений, гибким и сравнительно честным, самоотверженным тружеником, полностью отдававшимся своему делу, в котором все подчинялось их власти и которому каждый из них посвятил более сорока лет жизни. Быть может, именно в силу этой схожести им так и не удалось сработаться?

Принято считать, что Вольф сыграл видную роль в развитии образования в России: его издательская деятельность, как уже говорилось, снижала ему славу основоположника детской литературы,¹⁹ — область, которая только зарождалась на тот момент в России.²⁰ Эти же лавры заслуженно снискал во Франции Пьер-Жюль Этцель.²¹

Иллюстрации Доре как главная ценность издания

Молодой, но уже известный художник, выходец из Эльзаса (как и Этцель) Гюстав Доре (1832–1883) создал для сказок Перро серию из 42 рисунков, по которым Дешан, Пизан и Панмакер изготовили гравюры на де-

¹⁸ Именно в Германии обосновались потомки Вольфа после революции 1917 г., где они продолжили деятельность в области книгоиздания — сегодня семейную традицию продолжает Катарина Вагенбах-Вольф (Katharina Wagenbach-Wolff). См. статью Дорис Либерман «Der Zar der Bücher» (2003) в интернет-версии немецкой газеты «Zeit»: <http://www.zeit.de/2003/41/A-Wolff>.

¹⁹ Подводя итог своей десятилетней деятельности на книжном рынке, сам Вольф писал: «Мы посвятили все свои силы на обогащение именно детской литературы, которая долгое время была и будет одной из наших специальностей» (цит. по: *Либрович С.* На книжном посту. С. 466).

²⁰ Книга в России. 1861–1881 / Под ред. И. И. Фроловой. М., 1988. Т. 1. С. 54. Книгоиздательская и книгопродавческая фирма Вольфа, перешедшая после смерти Вольфа к его сыну, была национализирована в 1918 г. В одном из зданий, где располагалась типография Вольфа — наб. Фонтанки, 59, впоследствии обосновался Ленгиз/Лениздат. Примечательно, что «Задушевное слово» вновь появилось в России в 2002 г.: *Задушевное слово. Хрестоматия для младших школьников.* М.; СПб., 2002.

²¹ «Я любил свое дело, — признавался много лет спустя Этцель в письме к Марко Вовчок, — мне казалось более нужным создать здоровую литературу для подрастающего поколения, чем писать, вслед за многими другими, для зрелого возраста, который вправе сам себя воспитывать. Я оставляю после себя *Библиотеку*, которой не хватало в нашей стране. Я отдал этому все свои силы, и не жалею об этом» (Листи до Марка Вовчка. Київ, 1984. Т. 2. С. 258. Письмо от 2 февраля 1885 г.).

реве.²² Этцель заплатил Доре высокий по тем меркам гонорар в 150 франков за рисунок.²³

Истоки возникновения проекта следует искать в совместной работе Этцеля и Доре над изданием Данте. Если верить Этцелю, именно Доре принадлежала идея создания иллюстраций, наряду с «Божественной комедией», к сказкам Перро. «С одной стороны, — писал Этцель о мастерстве Доре как иллюстратора «Божественной комедии» Данте и автора рисунков к «Волшебным сказкам» Перро, — чудесное в своей самой мрачной, самой трагической и самой подавляющей форме; с другой — чудесное в форме развлекающей, остроумной, трогательной даже в смешном, смешной даже в трогательном, чудесное в самом истоке. Таким образом он хотел не только освежить свой карандаш по завершении несколько однообразных ужасов ада, но и показать все разнообразие своей палитры».²⁴ По словам Этцеля, издание сказок Перро было огромной авантюрой, в которой «художник, гравёры, типография, производитель бумаги и издатель попытались сотворить чудо».²⁵

Результат действительно превзошел все ожидания. Прудон, выражая благодарность Этцелю за присланный экземпляр сказок Перро, писал: «Гравюры прекрасны. Некоторые из них — шедевры авторской изобретательности. Пейзажи особенно восхитительны. В отдельных гравюрах достигнут тот самый загадочный и фантастический колорит, как и подобает сюжету».²⁶ Ему вторит автор книги о французских художниках Виктор Фурнель: «В иллюстрациях Доре искусство преобладает над наивностью, которая, однако, никуда из них не исчезла, как красноречиво доказывает милая головка Красной Шапочки с огромными и слегка удивленными глазами».²⁷

Гравюры Гюстава Доре, несомненно, способствовали широкому успеху «Волшебных сказок» Перро во Франции и в России. Впоследствии Этцель пригласит Доре работать над гравюрами для «Тысячи и одной ночи», а также нескольких томов из цикла «Необыкновенных путешествий» Жюль Верна, что позволит французскому художнику вновь оказаться в России. Некоторые книги с участием Доре вновь появятся

²² Воспроизведение иллюстраций Доре см. на сайте Национальной библиотеки Франции: <http://visualiseur.bnf.fr/CadresFenetre?O=IFN-2200191&I=1&M=chemindefer>.

²³ *Petit N. Hetzel et les collections pour la jeunesse // Vovtchok Marko, Hetzel Pierre-Jules. Le voyage en glaçon. Histoires pour les enfants sages du XIXe siècle. Paris, 2009.*

²⁴ *Stahl <Hetzel> P.-J. Sur les Contes des Fées. P. XX.*

²⁵ *Ibid. P. XXI.*

²⁶ *Parménie. P. 379. Подлинник по-франц.*

²⁷ «De Balzac à Jules Verne: un grand éditeur du XIXe siècle, P.-J. Hetzel». Catalogue de l'exposition à la Bibliothèque Nationale. Paris, 1966. P. 49.

у Вольфа, который напечатает «Божественную комедию» и романы Верна с его иллюстрациями.

Этцель уделял большое внимание иллюстрациям, как в силу эстетических и образовательных соображений, так и руководствуясь сугубо финансовыми причинами: цена иллюстрированных изданий была намного выше, серьезный доход приносила и продажа клише. Дело доходило до того, что при составлении контрактов о передаче прав издания на ту или иную книгу общая сумма зависела не от текста, а от площади рисунка, которая рассчитывалась до четверти квадратного сантиметра!²⁸ Наличие высокохудожественных иллюстраций, выполненных на высоком полиграфическом уровне, служило едва ли не единственной гарантией от «пиратских» изданий, в особенности за границей. Контрафактные издания представляли серьезную проблему для деятельности издательского дома Этцеля в России, и именно иллюстрациями он попытался исправить ситуацию,²⁹ однако к 1878 году научились подделывать и их.³⁰

Исключительные по красоте и выразительности гравюры вновь привлекают издателей уже в XX веке, причем как во Франции, так и в России, к огромной радости читателей, которые надлежащим образом оценят репринтные переиздания.³¹

Осознавая магию таланта Гюстава Доре, Вольф попытается привлечь его к участию в собственном проекте, предложив французскому художнику на выбор проиллюстрировать «Руслана и Людмилу» или «Демона». Лишь болезнь Доре, по словам С. Ф. Либровича, не дала осуществиться этому замыслу.³²

Перевод Тургенева как обязательное условие контракта

Осторожный и опытный издатель, Этцель настоял не только на том, чтобы переводчиком сказок был именно Тургенев (впоследствии он

²⁸ Как следует из сохранившихся контрактов, а также из переписки между Этцелем и М. А. Маркович, цена для России колебалась от 25 до 30 сантимов за квадратный сантиметр.

²⁹ По подсчетам Е. Брандиса, некоторые книги Верна существовали в 7–10 переводах и издавались одновременно у 12–16 издателей. Брандис упрекал, в частности, Вольфа в наводнении русского рынка многочисленными переводами. См.: *Брандис Е. Жюль Верн в России* // Верн Жюль. Собр. соч.: В 12 т. М., 1957. Т. 12. См. также: <http://lib.rus.ec/b/283525/read>.

³⁰ См., например, письма Этцеля к М. А. Маркович от 30 июля 1867 г. и 18 июня 1878 г.: Листи до Марка Вовчка. Т. 1–2.

³¹ Издательство Michel de l'Orgeraie во Франции и издательство Снег в России, например.

³² *Либрович С.* На книжном посту. С. 218.

впишет имя Марко Вовчок (мадам Маркович) в качестве переводчицы как условие согласия на издание романов Жюль Верна в России), но и на том, что за ним останутся права на этот перевод.

Не будучи знаком с Вольфом, Этцель, по всей видимости, справлялся о нем у Тургенева, который ответил ему 28 августа (9 сентября) 1862 года: «Я знаю г-на Вольфа лишь через вас, и естественно, что мой перевод предназначается для вас и принадлежит вам на правах собственности. Я вручу вам его в Париже в первых числах октября вместе с бумагой, подтверждающей ваше исключительное право на него, и вы поступите с ним, как вам будет угодно».³³

Судя по всему, Тургенев был не очень высокого мнения о Вольфе: «Что же до г-на Вольфа, то это, по-видимому, хитрый малый, с которым можно иметь дело, лишь памятуя русскую пословицу: „дружить — дружи, а камень за пазухой держи“».³⁴ В схожих выражениях он высказался о Вольфе и в другом письме: «Ему пальца в рот не клади: он укусит до крови».³⁵

Работа над переводом началась еще до окончательного подписания контракта. Она протекала долго и мучительно, и Тургенев не единожды был вынужден откладывать ее завершение, неизменно принося извинения Этцелю за задержку.³⁶ В феврале 1865 года, будучи в Париже, Тургенев обязался предоставить Этцелю перевод сказок до своего отъезда,³⁷ но, поглощенный приготовлениями к свадьбе дочери, так и не успел выполнить свое обещание.³⁸

Из сохранившейся переписки известно, что, оказавшись в сложном положении, Тургенев прибегнул к помощи Н. Н. Рашет и Н. В. Щербаня.³⁹ Судя по сохранившимся рукописям, можно с достоверностью утверждать, что Тургенев перевел по меньшей мере две сказки — «Волшебницу» (в переводе Тургенева, у Перро — «Les Fées») и «Синюю бороду».⁴⁰

³³ ПССиП(2). Письма. Т. 5. С. 335. Подлинник по-франц.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. Т. 11. С. 381. Письмо от 6 (18) мая 1872 г.

³⁶ См., например, письма Тургенева к Этцелю от 9 (21) июля 1862 г. и 17 (29) апреля 1863 г.: Там же. Т. 5. С. 86–87, 170–171.

³⁷ См. письмо к Этцелю от 1 (13) февраля 1865 г.: Там же. Т. 6. С. 104–105.

³⁸ См. письмо к Этцелю от 9 (21) февраля 1865 г.: Там же. С. 108. Возможно, речь в нем идет не о рукописи перевода сказок, а о предисловии писателя.

³⁹ См. письмо Тургенева к Н. В. Щербаню от 1 (13) февраля 1865 г., а также письмо к Н. Н. Рашет, условно датированное апрелем 1864 — январем (не позднее 18) ст. ст. 1865 г.: Там же. С. 104, 95, 291.

⁴⁰ Mazon A. Manuscripts parisiens d'Ivan Tourguénev. Notices et extraits. Paris, 1930. P. 67–68. См. также: ПССиП(2). Соч. Т. 10. С. 586.

Несмотря на допущенные двумя другими переводчиками ошибки и погрешности, на которые Тургенев сетовал в письмах к друзьям⁴¹ (что ставит вопрос о редактировании Тургеневым ряда сказок перед передачей перевода Этцелю—Вольфу), не подлежит сомнению, что само имя Тургенева на обложке немало способствовало успеху издания.

«Волшебные сказки» Перро вышли в Петербурге в 1866 году, предположительно тиражом в 2000 экземпляров, как требовал того контракт. Тургенев написал к ним предисловие, которое передал Этцелю в августе 1865 года, также с опозданием.⁴² Как свидетельствует письмо Полины Виардо к Этцелю, работая над предисловием, Тургенев просматривал критические отзывы Сент-Бева, откликнувшегося на выход «Волшебных сказок» Перро в своем фельетоне в «*Journal des Débats*».⁴³ Вместе с тем в предисловии Тургенева ощутимо влияние автора предисловия к французскому изданию, которое принадлежало самому Этцелю, спрятавшемуся под своим обычным литературным псевдонимом П.-Ж. Сталь. Тургенев занял тот же слегка морализаторский тон, свойственный Этцелю, и выступил в защиту магии и чуда в жизни ребенка, утверждая, что сказки Перро представляют собой «смесь непонятно-чудесного и обыденно-простого, возвышенного и забавного, которая составляет отличительные признаки настоящего сказочного вымысла». И далее: «Наше положительное и просвещенное время начинает изобиловать положительными и просвещенными людьми, которым не нравится именно эта примесь чудесного: воспитание ребенка, по их понятиям, должно быть делом не только важным, но и серьезным —

⁴¹ См. письма Тургенева к И. П. Борисову и А. А. Фету: Там же. *Письма*. Т. 7. С. 140, 170.

⁴² «...Это несчастное предисловие, — писал Тургенев Этцелю 24 июля (5 августа) 1865 г., — одно упоминание о котором заставляет меня краснеть до корней волос и которое надо было бы окончить уже давным-давно» (Там же. Т. 6. С. 229. Подлинник по-франц.). Работа над предисловием велась еще в начале февраля 1865 г., однако из-за свадьбы дочери она протекала медленно и была возобновлена в Баден-Бадене, куда писатель прибыл 14 (26) февраля и где пробыл (с небольшими перерывами) до 19 (31) мая 1865 г. Однако и в Бадене предисловие, вопреки обещаниям писателя, не было окончено. См. письма Тургенева к Н. В. Щербаню от 21 марта (2 апреля) и 19 (31) мая 1865 г. (Там же. С. 129, 138).

⁴³ «...Он одолжил у меня „Понедельники“ Сент-Бева, — писала П. Виардо, — чтобы почерпнуть там некоторые биографические сведения о Перро и некоторые критические отзывы о его произведениях» (цит. по: *Parménie*. P. 457. Подлинник по-франц.). «Беседы по понедельникам» («*Causeries du Lundi*») и «Новые понедельники» («*Nouveaux Lundis*») Сент-Бева считаются одним из замечательных памятников литературной критики того периода.

и вместо сказок ему следует вручать маленькие геологические и физиологические трактаты».⁴⁴

Плодом многолетнего сотрудничества и дружбы Тургенева и Этцеля стал целый ряд вышедших в издательстве последнего произведений русского писателя на французском языке.⁴⁵ Тургенев, в свою очередь, всячески помогал Этцелю в его начинаниях в России. Красноречиво свидетельствует об этом, к примеру, помощь, оказанная Тургеньевым Ж. Верну в работе над романом «Михаил Строгов». Именно Тургенев познакомил Этцеля с Марко Вовчок — литературный псевдоним Марии Александровны Маркович (урожд. Вилинская; во втор. браке Лобач-Жученко; 1834–1907), которая будет долгие годы представителем издательского дома Этцеля в России и бессменным переводчиком Ж. Верна на русский язык. Повесть Маркович «Маруся», которая пользовалась в переложении Этцеля (без указания имени Маркович в качестве автора) большой популярностью во Франции и за которую Этцель получил особую премию от Французской академии, станет поводом к прекращению всяческих отношений между Тургеньевым и Этцелем, последовавшему в 1881 году.

Публикуемый впервые контракт между П.-Ж. Этцелем и М. О. Вольфом хранится в Институте по изучению современного книгоиздания

⁴⁴ *ПССУП(2). Соч.* Т. 10. С. 344. Ср. с более эмоциональным предисловием Этцеля, в котором он обращался к «слишком положительным умам, желающим сегодня, во имя разума, изгнать чудесное из детской жизни»: «Вы хотите упразднить фей, этих первых поэтических созданий детского сознания. Так идите дальше: упраздните всю поэзию, упраздните философию, упраздните даже религию, даже историю, даже науку, поскольку в действительности чудесное находится всюду вокруг нас, если только не лежит в основе всего. Перро не нужен! Но тогда и Гомер не нужен! Не нужны Вергилий, Данте, Ариосто, Тассо, Мильтон, Гёте и сотни других <...>! На ком же, спрашиваю я вас, вы будете воспитывать своих несчастных детей? <...> действительность изобилует чудесами, но не все они, увы! лучшего свойства. Реальность — это бездна, наполненная непознанным; спросите у настоящих ученых. Наука объясняет часовой механизм; но никому еще не удалось объяснить часовщика. Бессилие разума лежит на краю, на пределе всякого знания, да и сами вы, человек позитивный, являетесь загадкой» (*Stahl <Hetzel> P.-J. Sur les Contes des Fées. P. VIII–X.*)

⁴⁵ Этцель опубликовал двенадцать томов произведений Тургенева, а также намеревался издать полное собрание его сочинений. См.: *Zviguilsky A. Trois éditeurs français de Tourguéniev d'après les correspondances inédites // Cahiers. N 10 (1986). P. 154.*

(Institut Mémoires de l'Édition Contemporaine),⁴⁶ куда поступил архив издательского дома Этцель через издательство Ашет (Hachette), которое приобрело как само издательство Этцель, так и все права на его архив в 1914 году. В то время как личная переписка и многие другие документы, оставшиеся во владении семьи, были переданы наследниками в 1966 году в Национальную библиотеку Франции, где они давно стали доступны тургеневодам.

ПРИЛОЖЕНИЕ

КОНТРАКТ МЕЖДУ М. О. ВОЛЬФОМ и П.-Ж. ЭТЦЕЛЕМ НА ИЗДАНИЕ «СКАЗОК» ПЕРРО В РОССИИ

Entre les soussignés

M. **Wolf**, éditeur à St-Pétersbourg d'une part et
M. **Hetzel**, éditeur à Paris d'autre part

Il a été dit ce qui suit

Art. 1er: M. **Wolf** a demandé à M. **Hetzel**, qui l'a acceptée, l'autorisation de faire une édition en langue russe des Contes de **Perrault** illustrés par **Doré** — traduits en Russe par M. de Tourgueneff pour M. **Hetzel**, propriétaire de ladite traduction.*

Art. 2^d. — Il est entendu entre M. **Wolf** et M. **Hetzel** que cette édition sera tirée à deux milles exemplaires, à Leipzig, chez MM. Giesecke et Devrient imprimeurs, aux frais de M. **Wolf**.

Art. 3°. M. **Hetzel** enverra donc à cette fin les quarante clichés qui complètent l'illustration des Contes de **Perrault-Doré** à MM. Giesecke et Devrient qui en resteront dépositaires — jusqu'à l'achèvement de l'impression.

Art. 4°. M. **Hetzel** mettra en outre un** cliché d'une des gravures du **Perrault-Doré** au choix de M. **Wolf** à sa disposition pour qu'il puisse en faire des prospectus en Russie.

⁴⁶ Institut Mémoires de l'Édition Contemporaine (IMEC) является частью Национальной библиотеки Франции и расположен в бывшем аббатстве Арденн, в окрестностях города Кана (Caen), в Нормандии: <http://www.imec-archives.com/>.

* Далее зачеркнуто: Art. 3°. — M. Hetzel

** un — вписано над строкой.

J. HETZEL & Cie
ÉDITEURS
N° 61 bis N° 1009
18, RUE JACOB, PARIS

Entre les soussignés

M. Wolff, résidant à A. Côtébourg d'une part et M.
Hetzel, résidant à Paris d'autre part

Il a été dit ce qui suit

Art. 1er. M. Wolff a demandé à M. Hetzel, qui l'a
acceptée, l'autorisation de faire une édition en langue russe
des Contes de Perrault illustrés par Doré, traduits en
Russe par M. de Bourguineff pour M. Hetzel,
propriétaire de ladite traduction.

Art. 2°. M. Hetzel Art. 3°. Il est entendu entre
M. Wolff et M. Hetzel que cette édition sera tirée
à deux mille exemplaires, à Leipzig, chez M. M.
Grischke et Devrient d'imprimeurs, aux frais de M. Wolff

Art. 4°. M. Hetzel enverra donc à cette fin les quarante
clichés qui complètent l'illustration des Contes de Perrault-
Doré à M. M. Grischke et Devrient qui en resteront respon-
sables jusqu'à l'achèvement de l'impression

Art. 5°. M. Hetzel mettra en outre à la disposition de M. Wolff
de la gravure de Doré au choix de M. Wolff à
sa disposition pour qu'il puisse en faire des prospectus
en Russie.

Art. 6°. Il est dit que tous ces Contes illustrés ne sera
pas épuisée. M. Hetzel ne pourra faire une édition ornée
des gravures de Doré, en langue russe, avec la traduction
Bourguineff ni aucune autre traduction.

Art. 7°. Au bout de quatre ans, qui courront de la mise en vente

BMM

7. H7

Le 1er Février 1866 l'agit, l'édition qui sera être mise en vente, soit au 1er Septembre 1865, soit au 1er Septembre 1866, M. Hétzel retrouvera son droit d'usage de la traduction de M. de Courgueneff sans les dotes grosses - pour des éditions commentées de librairie - mais il est dit que pour les éditions, il aura la préférence à prix égal à M. Wolff.

Art 7. Le prix de la cession du droit de tirage de cette édition à deux mille exemplaires est de quatre mille francs - soit deux francs par exemplaire, que M. Wolff réglera à M. Hétzel en deux mille francs en une valeur sur Paris au 1er Septembre et deux mille francs au 1er Janvier 1866 - en une valeur de même nature - dès que les clichés seront entre les mains de M. H.

Ghisecke et Devient - ainsi que l'original de la traduction de Courgueneff.

Art 8. Si l'édition n'est pas épuisée M. Wolff aura le droit d'en redemander une seconde et même une troisième à M. Hétzel.

Art 9. Par chaque tirage de deux mille - M. Wolff pourrait faire deux cinquante exemplaires ou plus - sans droit à payer à M. Hétzel.

Art 10. Les plaques sera remis à la disposition de M. Wolff.

Fait double à Paris, le vingt-sept Mai mil huit cent soixante-cinq.

Approuvé Secrétaire
M. Wolff

Approuvé
J. Hétzel

Art. 5°. — Il est dit que tant que cette édition illustrée ne sera pas épuisée — M. **Hetzel** ne pourra faire une édition ornée des gravures de **Doré**, en langue russe — avec la traduction **Tourgueneff** ni aucune autre traduction.

Art. 6°. — Au bout de quatre ans, qui courront de la mise en vente* de l'édition dont s'agit, édition qui devra être mise en vente, soit au 1 septembre 1865, soit au 1 septembre 1866, M. **Hetzel** retrouvera son droit d'user de la traduction de M. de **Tourgueneff** — sans les dites gravures — pour des éditions courantes de librairie — mais il est dit que pour les éditions, il devra la préférence à prix égal à M. **Wolf**.

Art 7°: Le prix de la cession du droit de tirage de cette édition à deux mille exemplaires est de **quatre mille** francs — soit deux francs par exemplaire, que M. **Wolf** réglera à M. **Hetzel** en deux mille francs en une valeur sur Paris au 1 septembre et deux mille francs au 1 janvier 1866 — en une valeur de même nature — dès que les clichés seront entre les mains de MM. **Giesecke et Devrient** — ainsi que l'original de la traduction de **Tourgueneff**.

Art. 8°: Si l'édition dont s'agit s'épuisait M. **Wolf** aura le droit d'en redemander une seconde et même une troisième à M. **Hetzel**.

Art. 9 — Par chaque tirage de deux mille — M. **Wolf** pourrait faire tirer cinquante exemplaires en plus — sans droits à payer à M. **Hetzel**.

Art. 10 — Une plaque sera remise à la disposition de M. **Wolf**.

Fait double à Paris, le vingt-sept mai mille huit cent soixante-cinq.

Approuve l'écriture
/M. Wolff/

Approuve l'écriture
/J. Hetzel/

Перевод:

<Договор> между нижеподписавшимися

г. **Вольфом**, издателем в С.-Петербурге, с одной стороны,
и г. **Этцелем**, издателем в Париже, с другой

Стороны оговорились о следующем

Пункт 1: Г-н **Вольф** обратился к г. **Этцелю** с просьбой, которая была принята последним, о разрешении издания на русском языке «Сказок» **Перро** с иллюстрациями **Доре** — в переводе на русский язык г. де Тургенева, выполненном для г. **Этцеля**, собственника означенного перевода.

Пункт 2. — Г-н **Вольф** и г. **Этцель** договорились, что означенное издание будет выпущено тиражом в две тысячи экземпляров, в Лейпциге, в типографии **Гизеке и Девриента**, за счет г. **Вольфа**.

* Далее в нижней части листа проставлены собственноручные подписи М. О. Вольфа (по-русски) и Ж. Этцеля.

Пункт 3. Г-н **Вольф** пошлет для этой цели сорок клише, составляющих иллюстрации к «Сказкам» **Перро-Доре**, гг. Гизеке и Девриенту, которые будут располагать ими — вплоть до окончания печатанья.

Пункт 4. Кроме того, г. **Этцель** предоставит г. **Вольфу** по выбору одно клише с гравюр **Перро-Доре**, чтобы последний мог сделать объявления в России.

Пункт 5. — Договорено, что, до тех пор пока означенное издание не будет распродано, г. **Этцель** не может сделать издание с гравюрами **Доре**, ни на русском языке — в переводе г. **Тургенева**, ни на каком ином языке.

Пункт 6. — По истечении четырех лет со времени поступления в продажу указанного издания, которое должно иметь место либо 1 сентября 1865, либо 1 сентября 1866 года, г. **Этцель** обретает право использовать перевод г-на де **Тургенева** — без упомянутых гравюр — для текущих изданий его издательства — но достигнута договоренность, что для таких изданий будет отдаваться предпочтение цене, равной цене, назначенной г. Вольфом.

Пункт 7: Цена уступки при передаче прав на тираж этого издания в две тысячи экземпляров составляет **четыре тысячи** франков — то есть по два франка за экземпляр, которые г. **Вольф** обязуется передать г. **Этцелю** в Париже по две тысячи франков в соответствующих денежных единицах 1 сентября и две тысячи франков — в тех же денежных единицах — 1 января 1866 года — с того момента как клише будут находиться в руках гг. **Гизеке** и **Девриента** — так же как и оригинал перевода г. **Тургенева**.

Пункт 8: Если издание, о котором идет речь, будет распродано, г. **Вольф** имеет право обратиться к г. **Этцелю** за разрешением второго и даже третьего издания.

Пункт 9 — После каждого тиража в две тысячи экземпляров г. **Вольф** имеет право заказать дополнительно пятьдесят экземпляров — без обязательства выплачивать за них г. **Этцелю**.

Пункт 10 — Одна доска будет передана в распоряжение г. **Вольфа**.

Составлено в двух экземплярах в Париже двадцать седьмого мая одна тысяча восемьсот шестьдесят пятого года.*

/Заверено подписью:

М. Вольф

Заверено подписью:

Ж. Этцель/

* Далее записи сделаны собственноручно М. О. Вольфом и П.-Ж. Этцелем.

**СТАТЬЯ ЛЮДВИГА ПИЧА
«ЦАРИ И ФЕЙ В САЛОНЕ ТУРГЕНЕВА» (1867)**

Публикация Л. Сундквиста

Публикуемая в немецком оригинале и (впервые полностью) в русском переводе статья Людвиг Пича (1824–1911) «Fürsten und Feen im Salon Turgenjew», которая в конце 1867 года была напечатана в первом номере нового немецкого журнала «Der Salon für Literatur, Kunst und Gesellschaft», представляет несомненный интерес не только в биографическом плане, поскольку в ней идет речь об одной из вершин «баденского» периода жизни Тургенева, а именно о первых представлениях «Последнего колдуна» — самой известной и популярной из оперетт, совместно созданных им и Полиной Виардо, — но и в отношении истории восприятия в Германии творчества и самой личности великого русского писателя, поселившегося в 1863 году в живописном Баден-Бадене. В статье почти ничего не говорится о литературной деятельности Тургенева как таковой, да и вообще он, как на рисунке, который Пич приложил к своей статье, предстает как бы стоящим в стороне, с высоты своего чуть ли не гигантского роста спокойно созерцающим чудеса, творящиеся на сцене его домашнего «театра». На них, естественно, сосредоточено и внимание автора статьи. Мы не найдем здесь ни тех отчетов о личном общении с Тургеневым, ни тех метких характеристик, которые Пич дал в других своих статьях и в воспоминаниях о покойном друге,¹ тем не менее по прочтении этой статьи сразу становится очевид-

¹ Фрагменты из воспоминаний Пича о Тургеневе в русском переводе издавались неоднократно. См., например: Иностранная критика о Тургеневе. СПб., 1884. С. 140–183; 2-е изд. СПб., <1909>. С. 74–93; И. С. Тургенев в воспоминаниях

ным, почему Пич — пожалуй, самый восторженный из немецких почитателей таланта русского писателя — до сих пор с полным правом считается одним из наиболее ярких «пропагандистов» Тургенева на западе.

Пич — «первый фельетонист» Германии по определению самого Тургенева² — употребляет все ресурсы своего красноречивого пера, чтобы убедить немецкого читателя в том, что в эпоху обостряющегося в европейских странах национализма творческое содружество Тургенева и П. Виардо в Баден-Бадене служит примером того, как в стремлении к «прекрасной и чисто человеческой культуре» через воздействие искусства можно стать выше узких и односторонних национальных интересов. Здесь уместно привести выдержку из другой статьи Пича, озаглавленной «Возвращение домой окольными дорогами», которая появилась несколько ранее публикуемой нами статьи. Уже в ней, рассказывая о любительских спектаклях на вилле Тургенева, Пич рассматривает эту деятельность с точки зрения высокого гуманистического идеала: «Французская оперетта, либретто которой, написанное русским, положила на музыку испанка со всей теплотой чисто „немецкой“ задушевности и которую исполняют французские, испанские, итальянские, бельгийские и немецкие артистки и любители на немецкой земле, принадлежащей русскому владельцу, да притом перед публикой, в которой смешаны *все* страны, хотя в основном это немецкая публика — можно ли за пределами этой долины найти такое же „*concours international*“ <«международное содружество» — *франц.*>, сложившееся во имя чистого культа искусства и красоты, ради осуществления идеи об идеальном, подлинно человеческом непринужденном общении?!».³

Примечательно, однако, что Пич ни словом не обмолвился о сатирическом подтексте оперетт Виардо—Тургенева, направленном прежде всего против ненавистой им империи Наполеона III, а представил их некими созданиями чистого искусства. На самом деле именно этот аспект делал их столь привлекательными для некоторых из прусских вельмож, посещавших салон Тургенева — особенно для короля Виль-

современников: В 2 т. / Сост. и подготовка текста С. М. Петрова и В. Г. Фридлянд; примеч. В. Г. Фридлянд. М., 1969. Т. 2. С. 259–273; то же: 1) *Т в восп совр.* Т. 2. С. 244–257; 2) И. С. Тургенев в воспоминаниях современников / Сост., вступит. ст. и коммент. к разделу «Воспоминания» В. Г. Фридлянд. М., 1988. С. 253–266.

² В письме к Гюставу Флоберу от 5 (17) мая 1874 г.: *ПССУП(2)*. Т. 13. С. 275. Подлинник по-франц.

³ *Pietsch Ludwig*. Heimfahrt auf Umwegen // *Vossische Zeitung*. 1867. 6. Oktober — 17. November. N 40–46. Цит. по: *Turgenjew Iwan*. Briefe an Ludwig Pietsch / Hrg. von Christa Schultze. Berlin; Weimar, 1968. S. 150. Далее — *Briefe an Pietsch*.

гельма, который, мало смысла в музыке, расхохотался, однако, от трескучих фраз «последнего колдуна» Кракамиша в исполнении самого Тургенева. Очевидно, что Пич в какой-то степени идеализировал эти оперетты — скорее всего из понятного желания изобразить их как цельное воплощение идеала «международного содружества», которое можно было противопоставить напряженной предвоенной атмосфере в Германии и во Франции в те годы. О том, что эти незатейливые любительские спектакли вряд ли могли остановить намечавшуюся уже тогда войну между двумя соседними странами, свидетельствует хотя бы то обстоятельство, что главный зачинщик франко-прусской войны, Бисмарк, во время летнего пребывания в Баден-Бадене «никогда не ходил вместе с королем в виллу Виардо на музыкальные утренники», как вспоминал позднее Пич.⁴ А на представлениях оперетт встретить в аудитории «железного канцлера» и подавно было невозможно.

Теперь скажем несколько слов об обстоятельствах, при которых появилась статья Пича. С начала июня⁵ 1867 года Пич в качестве корреспондента газеты «Vossische Zeitung» провел три месяца в Париже, чтобы доложить своим читателям о проходившей там Всемирной выставке. Во французской столице он имел возможность общаться и с Тургеневым, приехавшим из Баден-Бадена, чтобы осмотреть выставку, в особенности русскую ее часть.⁶ Уехав из Парижа, Пич не сразу вернулся в Берлин, а в начале сентября остановился на несколько недель в Баден-Бадене у Тургенева, в квартире которого на Шиллерштрассе он с 1864 года гостил каждое лето. В уже упоминавшейся статье «Возвращение домой окольными дорогами», печатавшейся на страницах «Vossische Zeitung» в течение октября — ноября 1867 года, он между прочим писал и о представлениях «Последнего колдуна», на которых присутствовал во время летнего пребывания в Баден-Бадене. Для первого выпуска основанного в декабре 1867 года Юлиусом Роденбергом и издававшегося в Лейпциге журнала «Der Salon für Literatur, Kunst und Gesellschaft»⁷ Пич собрал

⁴ См.: *Pietsch Ludwig*. Wie ich Schriftsteller geworden bin. Der wunderliche Roman meines Lebens / Hrg. von Peter Goldammer. Berlin, 2000. S. 540. Далее — *Pietsch*.

⁵ Здесь и далее все даты, если не оговорено особо, даны по новому стилю.

⁶ См. письмо Тургенева к Пичу от 5 (17) июня 1867 г. и коммент. к нему: *ПССуП*(2). *Письма*. Т. 7. С. 222, 395–396.

⁷ В журнале «Der Salon für Literatur, Kunst und Gesellschaft» при жизни Тургенева было опубликовано два его произведения в переводе на немецкий язык — рассказ «Странная история», который под заглавием «Eine wunderliche Geschichte» был напечатан в октябрьском номере журнала за 1869 г., и очерк «Казнь Тропмана», появившийся в июле 1870 г. Публикация немецкого перевода «Странной истории»

воедино свои впечатления от этих спектаклей в отдельную статью, сопроводив ее гравюрой, выполненной по его рисунку.

Если для Пича представления оперетт Виардо—Тургенева в Баден-Бадене (он попал и на представление самой первой из них — «Слишком много жен») служили поводом для размышлений о возможности плодотворного соединения представителей разных наций в совместной творческой работе, то для русских современников Тургенева интерес представляли прежде всего содержащиеся в статье Пича подробности о жизни писателя за границей. Это видно из вступительной заметки к русскому (неполному) переводу статьи «Fürsten und Feen im Salon Turgénjew», который появился анонимно под заглавием «И. С. Тургенев в Баден-Бадене» в февральском номере журнала «Современное обозрение» за 1868 год. Переводчик объяснил свое решение познакомить русскую публику с этой статьей тем, что она «вероятно <...> поинтересует читателей таланта г. Тургенева, так как она весьма живо изображает теперешнюю обстановку и образ жизни нашего талантливого романиста».⁸ По той же причине С. А. Венгеров в своем критико-биографическом этюде о Тургеневе, вышедшем в 1875 году, целиком перепечатал перевод статьи Пича из «Современного обозрения».⁹

Из краткого послесловия к этому переводу видно также, что анонимный переводчик до некоторой степени разделял чувство тайной обиды на Тургенева, которую испытывали многие русские современники за то, что он «отшатнулся» от родины, предпочитая жить в «прекрасном далеке». (Здесь нельзя не упомянуть о том, что знаменитое посещение Тургенева в Баден-Бадене Достоевским 28 июня (10 июля) 1867 года, сказавшееся затем в образе Кармазинова в «Бесах», состоялось менее чем за три месяца до представления «Последнего колдуна», о котором идет речь в статье Пича.) Отметив, что к статье Пича в «Salon» приложен выполненный им рисунок (который не был воспроизведен в «Современном обозрении»), переводчик сделал упрек самому Тургеневу: «Если г. Pietsch получил возможность срисовать эту картинку, с натуры, то надо полагать, что и статейка его сообщена европейской

в «Салоне» явилась первой публикацией этого рассказа, что привело к известному столкновению Тургенева с А. А. Краевским, напечатавшим в своей газете «Голос» «Странную историю» в обратном переводе с немецкого. Об этом см. подробнее: *ИССУП(2)*. Соч. Т. 8. С. 470–471, коммент. Л. М. Лотман.

⁸ И. С. Тургенев в Баден-Бадене // Современное обозрение. 1868. № 2. С. 96 (Отд.: «Разные известия»).

⁹ См.: Венгеров С. А. Иван Сергеевич Тургенев: В 2 ч. СПб., 1875. Ч. 2. С. 157–160.

публике не без ведома г. Тургенева. И если так, то мы считали бы не совсем любезным со стороны нашего поэта, что он не дал случая своим соотечественникам ознакомиться с такими подробностями его образа жизни, с которыми находит возможным знакомить германскую публику и которые наверное гораздо более интересуют публику русскую».¹⁰

Предположение переводчика о том, что «статьейка» Пича появилась с ведома Тургенева, подтверждается двумя письмами последнего к Пичу в Берлин. К ним писатель приложил фотографии детей П. Виардо в костюмах, в которых они выступали на представлениях «Последнего колдуна», чтобы помочь своему другу в окончательном оформлении рисунка (см. примеч. 23 к наст. публикации). Однако это не означает, что Тургенев выступил инициатором написания данной статьи с целью тайной саморекламы. Если говорить о рекламе, то следует скорее предположить, что Тургенев приветствовал статью Пича как весьма лестный отзыв о композиторской деятельности П. Виардо — о «второй карьере» певицы, ради которой Тургенев, подобно любимому им ламанчскому рыцарю, сломал не одно копьё.¹¹

Хотя перевод статьи Пича, напечатанный в «Современном обозрении», отличается весьма хорошим слогом и переводчик, по собственному признанию, «старался возможно ближе держаться подлинника», мы тем не менее решили перевести статью заново, так как в «старом» переводе были опущены не только отдельные слова, но и целые предложения. В первую очередь это коснулось приведенных Пичем цитат из немецких поэтов, которые, как, очевидно, посчитал переводчик, ничего не говорили «рядовому» русскому читателю того времени. Немецкий текст печатается по тексту первой публикации: *Der Salon für Literatur, Kunst und Gesellschaft*. 1867. Bd. 1. Dezember. S. 81–84, с сохранением старой орфографии.

Fürsten und Feen im Salon Turgénjew* (Baden-Baden, Herbst 1867)

Es ist eine schöne Sache um die Nationalität, und das Dichterwort: «Kein Mensch gedeihet ohne Vaterland»,¹ hat seine volle, gute Berechtigung. Aber,

¹⁰ И. С. Тургенев в Баден-Бадене. С. 98.

¹¹ См. статью Тургенева «Первое представление оперы г-жи Виардо в Веймаре»: *ПССуП(2)*. Соч. Т. 10. С. 293–302.

* Факсимиле статьи Пича для настоящей публикации было любезно предоставлено Николаем Глебовичем Жекулиным.

wie sehr diese beiden heiligen Güter nicht nur des Schweißes, sondern auch des Blutes «der Edlen» werth sein mögen, das darum in allen Landen und zu allen Zeiten vergossen wurde: so ist es darum doch ein nicht weniger angenehmes Bewußtsein, daß es in der Welt immer einige, gleichsam neutrale Gebiete giebt, wohin Die, welche sie betreten, jene großen leidenschaftlichen Gefühle, die Sympathien und Antipathien, die aus denselben hervorgehen, nicht mitzunehmen scheinen.²

Ein solches neutrales Terrain bietet auf deutscher Erde kaum eine andere Gegend, als das reizende Thal zwischen den Vorhöhen des Schwarzwalds, welches die Oos durchfließt und das berühmte «alte Schloß»³ beherrscht, der sommerliche Sammelplatz der «besten Gesellschaft» Europas, das schöne Baden-Baden.

Neben und außerhalb jener kosmopolitischen Welt, wie man sie überall trifft, wo Heilquellen sprudeln und — zu unserer Schande noch — im Glücksrad die Kugel rollt,⁴ ist hier an der Oos eine Gesellschaft erwachsen, welche in sich jede sonst trennende Nationalitätsschranke beseitigt hat, um in Thätigkeit und echtem Lebensgenuß das Ziel einer schönen rein menschlichen Cultur nur um so vollendeter zu verwirklichen.⁵ Mit dem eigentlichen Badetreiben hat dieser auserwählte Cirkel nichts gemein, seine Existenz wird von jener schimmernden, bunten, rauschenden Welt nicht berührt. Ihren Stamm bilden auch nicht die sommerlichen Zugvögel, nicht die Badegäste, welche die Saison herführt und die deren Schluß wieder zerstreut: sondern einige hochgebildete, glücklich situirte Familien, den verschiedensten Ländern Europas entsprossen, die, von den unvergleichlichen Reizen Badens gefesselt, den seitherigen Aufenthalt an den großen Centralpunkten des modernen Lebens mit diesem trauten Wiesen- und Waldparadies dauernd vertauschten. Wenn der Sommer den Kreis auch immer wieder erweitert, so löst ihn der Winter doch nicht gänzlich auf. Sie bleiben mit fester Treue dieser schönen Heimat verbunden, um so mehr, da diese sie zu keinem Verzicht auf die Bedürfnisse des Geistes, des Geschmacks, der Eleganz und des Comforts nöthigt, welche zu ihren Lebensgewohnheiten untrennbar gehören. — Um *ein* Haus gruppirt sich ihre Mehrzahl: um das Louis Viardots und der großen Gesangsmeisterin, seiner Gattin Paulina.⁶ Der Name dieses berühmten Ehepaars wird dort kaum genannt ohne einen andern nicht minder glänzenden, dem eines der Familie nahestehenden Freundes, des großen russischen Erzählers, des Autors vom «Tagebuch eines Jägers»,⁷ der «Väter und Söhne»,⁸ der «Erscheinungen»:⁹ Iwan Turgénjew's. Auch er, der «vieler Menschen Städte gesehen»,¹⁰ hat hier, fern von dem Vaterland und den Besitzungen seiner Väter, eine Heimat gefunden. Nahe hinter der Villa Viardot, im Thiergartenthal zur Seite der Lichtenthaler Allee, erheben sich nun über die

Bäume des Gartens die steilen Dächer und die hohen Kamine der schloßartigen Villa, die er sich hier zum Wohnsitz errichtete. Seltsam aber ist es, daß er, der sie sich hier zwischen Wald und Wiesen erbaute, sie nun, da sie fertig ist, gar nicht bewohnt. Der eben so vornehm stattliche, als anmuthig einladende Bau, eingerichtet und möblirt vom Boden zum Keller, steht verlassen und unbenutzt.¹¹ Der Schloßherr zieht es vor, in seinem Garni, das ihn seit vier bis fünf Jahren beherbergte,¹² zu bleiben. «Wozu bedarf ein Dichter und Jäger noch eines Schloßchens, und des ganzen, sich daran hängenden Lebenstrains?» mag er sich gefragt haben.

Aber in diesem letzten Sommer ist es trotzdem zu wiederholten Malen lebendig in seinen Sälen und Zimmern geworden. Das frischeste, heiterste, klingendste Leben, Kunst, Anmuth, Jugendlust und schöner Ernst sind darin eingezogen und haben andre Mächte sich nachgelockt. Elfen und Feen mit ihrer Königin machten die Räume des Schloßchens zum Tummelplatz ihrer Spiele und die realen Fürstlichkeiten dieser Erde sind ihnen gefolgt, um ihr Treiben und ihre Lieder zu belauschen, — wie es unser Bild zeigt.¹³

Doch wir wollen statt eines Räthsels eine Erzählung geben. Turgénjew hatte einige reizende Feenstücke gedichtet und Paulina Viardot die Musik dazu gesetzt.¹⁴ Um diese künstlerische Schöpfung zweier befreundeter Geister ans Licht treten zu lassen, hat man hier in Baden, an diesem Vereinigungspunct aller besten Musikkräfte¹⁵ nicht erst nöthig, bei Theaterdirectoren und Intendanten zu sollicitiren, noch Sänger und Journalisten zu interessiren. Da ist immer ein tenor- oder barytonbegabter, künstlerisch geschulter Freund, da sind immer junge Sängerinnen, welche mit froher Bereitwilligkeit jede zuertheilte Rolle übernehmen, zu der sie die verehrte Leiterin ihrer Studien, die hier zugleich den Bühnen- und Orchesterdirigenten, ja zugleich das ganze Orchester in ihrer Person darstellt, bestimmt.¹⁶ Und der Raum, um das «leichte Schaugerüst» aufzuschlagen — wo war er besser zu finden, als in des Dichters Hause selbst, im Salon der bewohnerlosen Villa Turgénjew?¹⁷

Und so geschah es, daß eines Tags die bisherige Stille und Verlassenheit ein Ende nahm; daß in den Waldbergen ringsum das Echo erweckt wurde von all den reizenden Klängen, von Liedern und Chören, von süßen Mädchen- und kraftvollen Männerstimmen, die sich im kunstreichen Sange verflochten und verschmolzen, und bald auch von dem Beifalljubel entzückter Hörer.

Man kennt, auch außerhalb Badens, die in ihrer Art vielleicht einzige Freundschaft, mit welcher Königin Augusta von Preußen, der treueste Sommergast seines Thals, die große Künstlerin seit langen Jahren unwandelbar ehrt.¹⁸ So wenig wie in den Sonntagsmatineen¹⁹ der Villa Viardot mochte die hohe Frau im Auditorium dieser Opernaufführungen fehlen, die sich wäh-

rend des August und September in häufigen Wiederholungen folgten.²⁰ Jene kosmopolitische und auserwählte Badische Gesellschaft, die europäische Aristokratie des Geistes und der Kunst, wie sie hier so zahlreich vertreten, bildete das Publicum, dessen von der Anmuth der Musik, der Dichtung und Ausführung immer von neuem angeregter, froher Enthusiasmus von dem allverehrten königlichen Gast aufs lebhafteste getheilt und in der innigsten Weise kundgegeben wurde. «Das muß der König sehen, wenn er kommt», so schloß die Fürstin den Ausdruck ihrer Freude gegen die Componistin und den Schloßherrn. Und bald genug sollte sich diese Ankündigung erfüllen. In der zweiten Hälfte des September traf König Wilhelm in Baden ein, und am Abend des 24. September²¹ sah der Salon des Schloßchens eine der merkwürdigsten Gesellschaften in sich vereinigt, welche vielleicht jemals sich in eines einfachen, orden-, titel- und amtlosen Privatmannes und Schriftstellers Haus zusammenfand. Es sollte derselben hier freilich etwas ganz Erlesenes geboten werden, die erste²² Aufführung der *neuesten* Operette «Cracquamiche, le dernier des sorciers», ein heitres, seltsames, phantastisches musikalisches Märchen.

Wie unser Bild zeigt, das ich, wie es dort lebendig vor mir stand, an jenem Abende in meinem Album skizzirte,²³ kann nichts einfacher sein, als die Scenirung dieser improvisirten Salonbühne: ein grüner Vorhang trennt sie vom übrigen Saalraum, ein Paar Oleandersträucher geben den Wald, ein Fensterversatzstück bedeutet die Hütte. Allein der Zauber der wahren Poesie ist unabhängig von complicirten und sinnetäuschenden Vorrichtungen.²⁴ Wer an jenem Abend die beiden holdseligen Schwestern sah, durch die fast noch kindlichen Töchter Viardots dargestellt,²⁵ die Elfenkönigin auf der Schulter der jüngeren lehnend, den Herrscherstab in der Hand, den verklärten Blick nach oben gerichtet, — wer sie, von dem Chor der Feen umgeben, jenen Schlußgesang des ersten Actes: «la lune, notre blanche reine»²⁶ anstimmen hörte, der hat das gewiß zu eigener Verwunderung an sich selber erfahren.

Jedenfalls war die herzliche Freude und Befriedigung eine ganz allgemeine und wenn ich die Wahrheit gering genug geachtet hätte, um auf der Zeichnung König Wilhelms Antlitz statt seines Hinterhauptes zu zeigen und von Seiner hohen Gemahlin mehr als das verlorne Profil, so würde der Beschauer gewiß den Abglanz jener Empfindungen darin gelesen haben.²⁷ Mir bleibt noch übrig, den geneigten Leser mit den anderen Persönlichkeiten meines Bildes bekannt zu machen. Die Damen zu beiden Seiten des Königs sind die Töchter Bettina's von Arnim²⁸ Gräfin Flemming²⁹ (die Gattin des Gesandten in Karlsruhe,³⁰ den man auf dem ersten Stuhl im nächsten Vordergrund zur Rechten sitzen sieht), und Gräfin Oriolla,³¹ Palastdame I. M. der Königin von Preußen; die Damen in der Reihe davor die Hofdamen, welche

Иhre Majestät begleiteten: Prinzessin Carolath³² und Gräfin Brandenburg,³³ welche ihr Profil dem Beschauer und — dem Preußischen Hausminister Grafen Schleinitz³⁴ zuwendet. Der männliche Kopf zunächst der Königin ist der des Gatten der Componistin, Louis Viardots, des geistvollen und gelehrten Kunstforschers; die drei stehenden Herren: Baron v. Frentz,³⁵ der Königin Kammerherr, den die Länge seiner Gestalt und seiner blonden Favoris kennzeichnet, vor dem berühmten Geiger Léonard, dem Vetter von Mad. Viardot,³⁶ und dem geheimen Legationsrath Abeken,³⁷ welchen die Franzosen mit dem vielsagenden Titel «la plume de Bismarck» nennen. Auf der andern Seite mag man vielleicht, trotz der perspektivischen Verschiebung, den graulockigen, schwarzbärtigen Kopf des Hofmarschalls Grafen von Pückler³⁸ und über dem des Grafen Flemming das unerbittlich energische Antlitz des General von Bayer³⁹ erkennen. Daß am Clavier dort vor dem Kamin niemand anders als Mad. Viardot selbst sitzt, brauche ich kaum erst zu sagen; an dessen Sims aber lehnt Turgénjews gewaltige Gestalt, sein Werk, seinen Salon und dessen ungewohnte Gäste überblickend.⁴⁰

Letzterer hat seit jenem Abend noch andere, in noch gesteigerterm Glanz beherbergt; zu diesen lieblichen Feen hat ein Parterre von noch zahlreicheren Fürsten an mehr als einem Octoberabend Beifall lächelnd aufgeblickt, wie man mir und wie es jede Zeitung aller Welt erzählte.⁴¹ Wenn man in Baden einziehend die nationale Einseitigkeit gleichsam draußen zurückläßt, so scheinen die Thüren dieses Salons wie eines Tempels der reinen Kunst, die Schranken und Ansprüche gleichsam auszuschließen, welche Rang, Geburt, Macht, Weltstellung aufrichteten und gaben, und nicht nur «die Weisen», sondern auch die Mächtigen dieser Erde «neigen oft am Ende dem Schönen sich».⁴²

L. P.

Перевод:

Цари и феи в салоне Тургенева
(Баден-Баден, осенью 1867 г.)

Хорошая вещь национальность, и слова поэта о том, что «без отечества никто не может процветать»,¹ вполне справедливы. Однако, как бы оба этих святых блага ни стоили не только пота, но даже крови «благородных», которая проливалась ради них во всех странах и во все времена, это нисколько не мешает предаваться приятному сознанию того, что в мире всегда существуют некоторые, так сказать, нейтральные области, куда те, кто входит в них, очевидно не приносят с собой ни тех великих страстей, ни вызванных ими симпатий и антипатий.²

Чуть ли не единственной местностью на немецкой почве, представляющей собой такую нейтральную область, можно считать прекрасную долину среди предго-

рий Шварцвальда, через которую льется р. Оос и над которой высится знаменитый «старый замок»³ — летний центр притяжения для «сливков» европейского общества, сиречь прекрасный Баден-Баден.

Близи, но за пределами того космополитического мирка, с которым можно столкнуться повсюду, где бьют ключи целебной воды и — к стыду нашему — по рулетке крутится шарик,⁴ здесь на берегу Ооса возникло сообщество, которое преодолело все разъединяющие людей национальные преграды, чтобы деятельно и в полную меру отдать прекрасной и чистой цели служения человеческой культуре.⁵ С курортной жизнью как таковой этот кружок избранных не имеет ничего общего. Его существование не пересекается с блестящим, пестрым и шумным светом. Сердцевина этого кружка состоит также не из летних перелетных птиц — курортных гостей, которых приводит сюда начало сезона и которые по его окончании опять разъезжаются, а из нескольких высокообразованных, обеспеченных семейств, родом из самых разных стран Европы, которые, будучи очарованы несравненными прелестями Бадена, решили навсегда поменять свое прежнее место пребывания в крупных центрах современной жизни на этот уютный рай лугов и лесов. Кружок этот летом становится многолюднее, но это не значит, что зимой он совсем прекращает свое существование. Семейства, составляющие его, остаются неизменно верными этому прекрасному краю, тем более что пребывание здесь не требует от них отказа от тех потребностей ума, вкуса, изящества и комфорта, которые являются неотъемлемой частью их жизненных привычек. — Они в большинстве своем группируются вокруг *одного* дома — вокруг дома Луи Виардо и великой преподавательницы пения — его супруги Полины.⁶ Фамилия этой знаменитой четы там редко упоминается отдельно от не менее блестящего имени близкого друга этой семьи — великого русского писателя Ивана Тургенева, автора «Записок охотника»,⁷ «Отцов и детей»,⁸ «Призраков».⁹ Ведь и он, который «многих людей города посетил»,¹⁰ нашел себе приют здесь, вдали от отечества и от земли своих предков. Чуть поодаль за виллой Виардо, в Тиргартентале на стороне Лихтентальской аллеи, поднимаются теперь над деревьями сада крутые крыши и высокие трубы замкоподобной виллы, которую он себе здесь построил. Странно, однако, что, воздвигши себе эту виллу среди лесов и лугов, он совсем не живет в ней, несмотря на то что постройка ее уже окончена. Это строение, которое является столь же величественным, сколь изящным и привлекательным, внутри обставлено и меблировано от чердака до погреба, но стоит пустым и необитаемым.¹¹ Владелец замка предпочитает и дальше оставаться в нанятой им квартире, в которой проживает уже последние четыре, пять лет.¹² Он, должно быть, не раз задавался вопросом: «Зачем поэту и охотнику нужно еще иметь маленький замок и все расходы, связанные с ним?».

Тем не менее нынешним летом залы и комнаты этого замка оживлялись несколько раз. Самая свежая, веселая и кипучая жизнь, искусство, изящество, жизнерадостность молодости и величавая серьезность поселялись в его покоях и влекли за собой силы иного рода. Эльфы и феи со своей царицей во главе превращали палаты маленького замка в место для своих игр, и настоящие властители мира сего следовали за ними, чтобы подматривать их проказы и подслушивать их песни — как это видно на нашем рисунке.¹³

Не будем, однако, задавать загадок читателю, а расскажем лучше, в чем дело. Тургенев сочинил несколько прелестных феерий, а Полина Виардо положила их на

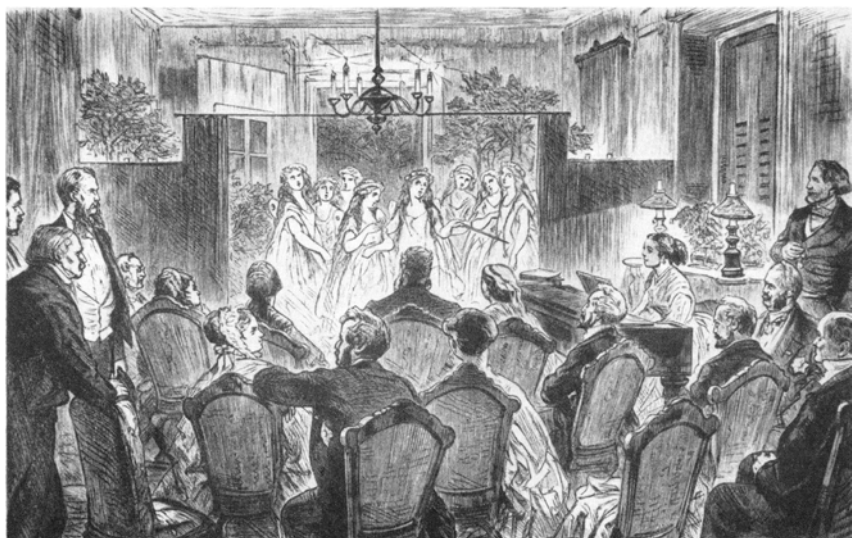
музыку.¹⁴ Чтобы выпустить в свет эти художественные творения двух родственных душ, здесь в Бадене — на этом собрании всех лучших музыкальных сил¹⁵ — совсем не нужно ухаживать за директорами и интендантами театров или завлекать певцов и журналистов. Ведь здесь всегда найдется приятель, одаренный тенором или баритоном и прошедший художественную выучку, всегда найдутся молодые певицы, которые с радостной готовностью возьмут на себя исполнение всякой роли, назначенной им обожаемой наставницей, которая в одном лице представляет и режиссера и капельмейстера и одновременно весь оркестр.¹⁶ А где еще можно найти более подходящее помещение для сооружения «легких подмостков», как не в доме самого поэта, в салоне необитаемой виллы Тургенева?¹⁷

Итак, однажды пришел конец доселе царившей тишине и заброшенности, и среди окружающих лесистых гор стало раздаваться эхо от всех тех восхитительных звуков, от песен и хоров, от сладостных девичьих и мощных мужских голосов, которые переплетались и сливались в высоко художественном пении, а вскоре также и от изысканий восторга зрителей.

И за пределами Бадена известна та, пожалуй, единственная в своем роде дружба, которой королева Пруссии Августа, самая неизменная летняя гостья этой долины, уже много лет непреложно удостаивает великую артистку.¹⁸ Неизменная посетительница музыкальных утренников, проходивших на вилле Виардо по воскресеньям,¹⁹ эта благородная дама старалась не пропускать ни одного из оперных представлений, которые проходили здесь в течение августа и сентября.²⁰ Публика на этих спектаклях состояла из того космополитического и избранного круга баденского общества, из той европейской аристократии духа и искусства, которая здесь столь многочисленно представлена. Зрители самым искренним образом проявляли свой то и дело вновь и вновь воспламеняющийся живой восторг от красоты и музыки, и либретто, и исполнения — восторг, который находил самое душевное сочувствие у всеми обожаемой королевской гостьи. «Король обязательно должен все это увидеть, когда прибудет», — заключила королева, поделившись своим восхищением от спектакля с композитором и с хозяином замка. Высказанное ею желание в скором времени действительно осуществилось. Во второй половине сентября король Вильгельм приехал в Баден, и вечером 24-го сентября²¹ салон маленького замка вмещал одно из самых необычных собраний гостей, которые когда-либо сходились в доме простого, незнатного и не состоящего на службе частного человека и писателя. Правда, собравшихся гостей тут ожидало нечто весьма изысканное, а именно первое²² представление совсем *новой* оперетты «Cracquamiche, le dernier des sorciers»^a — веселой, причудливой и фантастической музыкальной сказки.

Как показывает наш рисунок, который я в тот же вечер с натуры набросал в своем альбоме,²³ нельзя представить себе ничего проще обстановки этой импровизированной салонной сцены: зеленый занавес отделяет ее от остальной части зала, несколько кустов олеандра представляют лес, бутафорское окно означает хижину. Дело в том, что обаяние настоящей поэзии не нуждается в сложных и ослепительных фокусах.²⁴ Всякий, кто в тот вечер видел обеих милостивых сестер-эльфов, роли которых исполняли едва ли вышедшие из детского возраста дочери Виардо,²⁵ кто

^a «Кракамиш, или Последний колдун» (франц.).

Представление оперетты «Последний колдун» у Тургенева в Баден-Бадене.
Гравюра с рисунка Людвиг Пича (1867)

видел, как царица эльфов, склонившись на плечо младшей сестры, со скипетром в руке, устремила ввысь свой светлый взор, кто слышал, как она, окруженная хором фей, исполняла последний вокальный номер первого акта: «la lune, notre blanche reine»^{6, 26} — тот, наверное, с изумлением испытал это на самом себе.

Во всяком случае сердечная радость и удовлетворение от спектакля были всеобщими, и если бы я в должной мере пренебрег истиной, чтобы на своем рисунке изобразить лицо короля Вильгельма, а не его затылок, и чтобы представить его благородную супругу не в едва различимый профиль, то всякий, рассматривающий этот рисунок, несомненно разглядел бы в их чертах отблеск этих ощущений.²⁷ Засим мне остается только познакомить благосклонного читателя с остальными личностями, изображенными на моем рисунке. Дамы справа и слева от короля — это дочери Беттины фон Арним,²⁸ графиня Флемминг²⁹ (супруга нашего посланника в Карлсруэ,³⁰ которого можно видеть сидящим в кресле справа на следующем переднем плане) и графиня Ориола,³¹ фрейлина ее величества королевы Пруссии. Дамы в следующем ряду — это придворные дамы, которые сопровождали ее величество: княгиня Каролат³² и графиня Бранденбург,³³ оборачивающаяся в профиль к зрителю и — к прусскому министру двора графу Шлейницу.³⁴ Мужская голова рядом с королевой принадлежит супругу автора музыки к оперетте — Луи Виардо, мудрому и эрудированному искусствоведу. Три стоящих господина — барон фон Френц,³⁵ камергер королевы, отличающийся высоким ростом и длиной своих светлых бакенбард, стоит перед знаменитым скрипачом Леонаром — двоюродным братом г-жи

⁶ «луна, наша белая царица» (франц.).

Виардо³⁶ — и перед тайным советником Абекемом,³⁷ которому французы дали многоговорящее прозвище «la plume de Bismarck».» С другой стороны, несмотря на сдвинутую перспективу, читатель, может быть, узнает седую голову с черной бородой гофмаршала графа фон Пюклера³⁸ и, чуть-чуть выше головы графа Флемминга, жесткое энергичное лицо генерала фон Бейера.³⁹ О том, что за роялем перед каминном сидит не кто иной, как сама г-жа Виардо, едва ли стоит упоминать. На камин опирается могучая фигура Тургенева, который осматривает свое же творение, свой салон и необычных посетителей его.⁴⁰

С того вечера салон Тургенева вмещал в себя и других гостей, и в еще большем блеске. Не один вечер на протяжении октября одобрительные взоры и улыбки еще более многочисленных высоких персон направлялись из партера вверх к этим прелестным феям, как сообщили мне лично и как всякий мог узнать из газет.⁴¹ Если, прежде чем въехать в Баден, вы, так сказать, отряхнете национальную односторонность, то двери этого салона покажутся вам словно воротами в храм чистого искусства, куда нет прохода всем тем преградам и претензиям, которые воздвигаются и внушаются чинами, происхождением, властью и положением в мире. Вы увидите тогда, что не только «мудрецы», но и сильные мира сего «в конце концов зачастую преклоняются перед красотой».⁴²

Л. П.

¹ «*Kein Mensch gedeihet ohne Vaterland*» — последний стих предпоследней (9-й) строфы стихотворения Теодора Шторма «*Abschied*» («Прощание»). Шторм написал это стихотворение о прощании с родиной, которое его друг и собрат, великий немецкий романист Теодор Фонтане назвал одним из самых прекрасных его поэтических творений, в июле 1853 г., т. е. за несколько месяцев перед тем, как он с семьей покинул любимый родной город Хузум и эмигрировал в Пруссию, не будучи больше в состоянии терпеть притеснительную политику датских властей в Шлезвиг-Гольштейне. Пич не случайно начинает свою статью цитатой из стихотворения Шторма, так как именно он способствовал личному знакомству северогерманского поэта и новеллиста с Тургеневым и П. Виардо в сентябре 1865 г. О взаимоотношениях Шторма и Тургенева см.: *Schultze Christa. Theodor Storm and Turgenew. Materialien über eine deutsch-russische Dichterfreundschaft (1863–1883)* // I. S. Turgenew und Deutschland / Hrg. von Gerhard Ziegengeist. Berlin, 1965. S. 3–51; *Laage Karl Ernst. Theodor Storm und Iwan Turgenjew. Heide, 1967; Thieme Galina. Ivan Turgenew und die deutsche Literatur. Sein Verhältnis zu Goethe und seine Gemeinsamkeiten mit Berthold Auerbach, Theodor Fontane und Theodor Storm. Frankfurt/M., 2000. S. 107–137.*

² В этих размышлениях Пича несомненно сказываются впечатления от недавней войны между Австрией и Пруссией, закончившейся разгромом австрийских войск при Садовой 3 июля 1866 г. Будучи пруссаком, Пич не мог не приветствовать победу прусской армии, но в то же время жалел о насилии и враждебных чувствах, вызванных этой «немецкой войной».

³⁶ «перо Бисмарка» (франц.).

³ «Старый замок» — местное название замка Хоэнбаден (Schloss Hohenbaden), построенного в начале XII в.

⁴ В своих воспоминаниях о первом посещении Баден-Бадена летом 1863 г. Пич пишет о «демонической и пагубной силе притяжения» азартных игр для летних посетителей города. Он сам не поддался этому искушению, так как был наперед уверен в том, что будет только проигрывать. См.: *Pietsch*. S. 467, 469.

⁵ Как и Тургенев, Пич очень почитал творчество и мировоззрение Гёте. Его размышления о «сообществе людей», которое сложилось вокруг Тургенева и П. Виардо в Баден-Бадене под лозунгом «прекрасной и чистой цели служения человеческой культуре», напоминают тематику позднего романа Гёте «Годы странствия Вильгельма Мейстера» (см., например, главы о жизни в замке Макарии).

⁶ Луи и Полина Виардо вместе с младшими детьми переселились из Парижа в Баден-Баден в конце апреля 1863 г. В августе того же года они приобрели двухэтажный дом в Тиргаргентале, расположенном за пределами города. Этот дом вскоре стали называть «виллой Виардо». См.: *Schwirtz Gregor*. Baden im Leben und Schaffen Turgenevs // I. S. Turgenew und Deutschland. S. 250.

⁷ Если буквально перевести обратно на русский язык заглавие книги в передаче Пича — «Tagebuch eines Jägers», — то оно будет звучать как «Дневник охотника». Первый полный немецкий перевод «Записок охотника» (в двух томах) действительно вышел под заглавием «Aus dem Tagebuche eines Jägers» (на немецком было бы правильнее передать заглавие так: «Aus den Aufzeichnungen eines Jägers») — первый том (в переводе Августа Видерта) появился у берлинского издателя Шиндлера в октябре 1854 г., а второй том (в переводе Августа Больтца) вышел у того же издателя в апреле 1855 г. О том, что осенью 1854 г. Теодор Шторм, будучи в Потсдаме, поощрял Видерта к работе над «Записками охотника» и похлопотал об издании этого перевода, см.: *Laage K.-E.* Theodor Storm und Iwan Turgenjew. S. 20. В своих воспоминаниях Пич пишет о сильном впечатлении, которое очерки Тургенева сразу произвели на него и других немецких литераторов. См.: *Pietsch*. S. 145–146. О биографии Видерта и его отношениях с Тургеневым см.: *Viedert Vladimir, Žekulin Nicholas G.* The Viedert — Turgenew Correspondence // *N Z Sl J*. 1991. P. 1–50; «Очень благодарен Вам, любезный Видерт...». Переписка И. С. Тургенева с А. Видертом / Публ. и примеч. Н. Жекулина и В. Видерта // *Бежин луг*. 1997. № 4. С. 138–158. См. также: *Laage Karl Ernst*. Zwei unbekannte Briefe des Turgenjew- und Gogol-Übersetzers August von Viedert // *Theodor Storm. Neue Dokumente, neue Perspektiven*. Berlin, 2007. S. 55–61.

⁸ Небезынтересно отметить, что Пич здесь передает заглавие романа неточно как «Väter und Söhne» («Отцы и сыновья»). В уже появившихся на тот момент французском и немецких переводах романа — т. е. в первом французском переводе, вышедшем у Шарпантье в Париже под заглавием «Pères et enfants» в мае 1863 г. (имя переводчика не установлено); в немецком переводе первых десяти глав романа, выпущенном Вильгельмом Вольфзоном под заглавием «Väter und Kinder» в двух номерах издававшегося им в Лейпциге журнале «Nordische Revue» за февраль — март 1865 г. (имя переводчика также не установлено); и в первом полном немецком переводе романа, который под заглавием «Väter und Kinder» печатался в штутгартской газете «Der Beobachter» с конца сентября по конец декабря 1865 г. — русское заглавие передается правильно, и только в первом английском переводе, осуществ-

ленном Юджином Скайлером и вышедшем отдельным изданием в Нью-Йорке в июне 1867 г., в заглавии появляются «сыновья» вместо «детей»: «Fathers and Sons». Когда в январе 1869 г. рижский издатель Бере заключил договор с Тургеневым о первом немецком собрании его сочинений, которое должно было открыться «Отцами и детьми», они решили переиздать немецкий перевод романа, появившийся в конце 1865 г. в «Der Beobachter». Впервые тогда познакомившись с этим переводом и убедившись в его неудовлетворительном качестве, Тургенев попросил Пича сличить его с французским и поправить немецкий слог (см. его письмо к Пичу от 3 (15) января 1869 г.: *ПССУП(2). Письма*. Т. 9. С. 123–124). Возможно, именно Пич переделал немецкое заглавие романа из «Väter und Kinder» в «Väter und Söhne» (на этот вопрос могли бы пролить свет письма Пича к Тургеневу, однако они, к сожалению, все утрачены). Под этим заглавием роман вышел у Бере в июне 1869 г., и именно оно, а не «Väter und Kinder», до сих пор устойчиво держалось в Германии.

⁹ «Призраки» — первое литературное произведение, которое Тургенев написал после того, как поселился в Баден-Бадене (завершены 13 июня 1863 г.). Как известно, «Призраки» впервые были опубликованы в вышедшем в марте 1864 г. первом номере «Эпохи» — журнала братьев Достоевских. Уже три месяца спустя Фридрих Боденштедт взялся за перевод этого произведения и закончил его довольно быстро, хотя с некоторыми трудностями, так как в отличие от других рассказов Тургенева, переведенных ранее им и его женой Матильдой, в данном случае нельзя было прибегнуть к уже существующей французской версии. Во время летнего пребывания у Тургенева в Баден-Бадене в августе 1864 г. Пич помог писателю в пересмотре и отшлифовке перевода Боденштедта (по рукописи). Этот перевод затем вошел во второй том переведенных Боденштедтом произведений Тургенева, который вышел в Мюнхене в ноябре 1865 г. См.: *Pannix Хорст*. Тургенев и Боденштедт // *ЛН*. Т. 73. Кн. 2. С. 340–342; и также немецкую версию этой статьи: *Rappich Horst*. F. Bodenstedt und Turgenev // I. S. Turgenev und Deutschland. S. 227–231.

¹⁰ Пич цитирует здесь строки из знаменитого призыва Гомера в самом начале «Одиссеи» в переводе Иоганна Генриха Фосса: «Sage mir, Muse, die Taten des vielgewanderten Mannes, / Welcher so weit geirrt, nach der heiligen Troja Zerstörung, / Viele Menschen Städte gesehen und Sitte gelernt hat, / Und auf dem Meere so viel unnenbare Leiden erduldet, / Seine Seele zu retten und seiner Freunde Zurückkunft». В переводе В. А. Жуковского: «Муза, скажи мне о том многоопытном муже, который, / Странствуя долго со дня, как святой Илион им разрушен, / Многих людей города посетил и обычаи видел, / Много и сердцем скорбел на морях, о спасенье заботясь / Жизни своей и возврате в отчизну спутников».

¹¹ В июне 1864 г. Тургенев купил участок земли в Тиргартентале недалеко от виллы Виардо и поручил парижскому архитектору, г-ну Оливу, строительство большого дома. Вилла, которая была задумана архитектором в виде замка в стиле Людовика XIII, строилась медленно из-за денежных затруднений Тургенева, вызванных прежде всего замужеством дочери в феврале 1865 г., для которой он должен был собрать приданое, и неблагоприятными поступками его дяди Н. Н. Тургенева, управлявшего тогда Спасским. Строительство было завершено лишь в июне 1867 г. Писатель, однако, не сразу смог поселиться в таком большом доме и некоторое время продолжал жить в квартире, нанятой им в доме семьи Анштетт на Шиллерштрассе (см. следующее примеч.). В начале 1868 г. он даже был вынужден фор-

мально продать свою виллу семье Виардо и только 17 апреля 1868 г. смог наконец переехать в нее. См.: *Schwirtz G. Baden im Leben und Schaffen Turgenevs. S. 253.*

¹² Приехав в Баден-Баден в мае 1863 г. с намерением поселиться там навсегда, Тургенев остановился сначала в гостинице «Bellevue», но вскоре переехал в меблированные комнаты в доме печника Георга Анштетта на Шиллерштрассе. Он прожил в этой квартире вплоть до переезда на собственную виллу, который состоялся в апреле 1868 г. С хозяйкой квартиры Минной Анштетт у Тургенева установились особенно теплые отношения. Когда Пич приезжал в Баден-Баден в летние месяцы, Тургенев уступал ему две комнаты в нанятой им квартире. Шторм также гостил у Тургенева на Шиллерштрассе в сентябре 1865 г.

¹³ К статье Пича приложена гравюра, исполненная по его рисунку, на ней изображены сцена и зрители на представлении оперетты «Последний колдун», которое состоялось на вилле Тургенева 23 сентября 1867 г. и о котором идет речь в дальнейшем. Этот рисунок неоднократно воспроизводился. См., например: Всемирная иллюстрация. 1869. 10 мая; *ЛН. Т. 73. Кн. 1. С. 179*; *Briefe an Pietsch*, на вклейке между с. 80 и 81.

¹⁴ Имеются в виду двухактные оперетты «Слишком много жен», премьера которой состоялась в начале августа 1867 г. в салоне виллы Тургенева, и «Последний колдун», премьера которого состоялась там же около 20 сентября 1867 г. (по предположению Н. Г. Жекулина). См.: *Žekulin Nicholas G. The Story of an Operetta: «Le Dernier Sorcier» by Pauline Viardot and Ivan Turgenev. München, 1989. P. 14.* Далее — *Žekulin. Le Dernier Sorcier.*

¹⁵ Как видно из дальнейшего текста статьи, Пич здесь имеет в виду прежде всего педагогическую деятельность П. Виардо, дом которой в Баден-Бадене, по его же словам, «считался в те годы как бы высшей школой пения, куда являлись юные таланты из всех стран, чтобы поучиться у знаменитой артистки» (из воспоминаний Пича о Тургеневе, появившихся в газете «Vossische Zeitung» в сентябре 1883 г. после смерти писателя. Цит. по: *Т в восп совр. Т. 2. С. 252*). Однако, чтобы лучше понять тогдашнее значение Баден-Бадена в музыкальном мире, следует указать и на то обстоятельство, что Эдуард Беназе, с 1848 г. директор курзала (т. е. казино), приглашал на летние сезоны в Баден-Баден самых выдающихся европейских музыкантов и оперных артистов, в том числе и П. Виардо, которая с 1856 г. регулярно выступала там на концертах.

¹⁶ Оперетты Виардо—Тургенева, которые были рассчитаны на домашнее исполнение, шли в сопровождении рояля. Играла сама Виардо, которая с рояля в то же время вела весь спектакль. Один «Последний колдун» впоследствии был оркестрован Виардо с помощью веймарского капельмейстера Эдуарда Лассена — для постановки оперетты на сцене профессионального театра, которая состоялась в веймарском придворном театре 8 апреля 1869 г. См. об этом статью Тургенева «Первое представление оперы г-жи Виардо в Веймаре»: *ПССУП(2). Соч. Т. 10. С. 293–302.* См. также: *Швиц Грегор.* Представления оперетты «Последний колдун» // *ЛН. Т. 73. Кн. 1. С. 212–216*; *Žekulin. Le Dernier Sorcier. P. 29–41.*

¹⁷ В 1864 г. Луи и Полина Виардо начали строить маленький театр для домашних и ученических спектаклей в саду своей виллы, но строительство было завершено лишь в конце 1868 г. Поэтому оперетты, написанные П. Виардо в 1867 г., пришлось поставить на «необитаемой вилле» Тургенева, которой в баденской сезон-

ной газете для курортников дали прозвище «Théâtre du Thiergarten». Что касается слов, которые Пич заключил в кавычки, — «leichtes Schaugerüst» («легкие подмости») — это скорее не цитата, а каламбур, построенный на контрасте между «легкостью» театральной сцены и «грузностью» военных орудий («schweres Kriegsgerst»). Вполне возможно, что этот каламбур был навеян шиллеровским «Прологом» к «Лагерю Валленштейна», заканчивающимся знаменитым стихом: «Ernst ist das Leben, heiter ist die Kunst» (в переводе С. А. Венгерова: «Жизнь сумрачна, но свет искусства ясен»).

¹⁸ *Августа* (1811–1890), с 1861 г. королева Пруссии, с 1871 г. германская императрица. Она была дочерью Карла-Фридриха, великого герцога Саксен-Веймар-Эйзенахского, и великой княжны Марии Павловны, являясь таким образом внучкой императора Павла I. В 1829 г. вышла замуж за принца *Вильгельма*, ставшего впоследствии под именем Вильгельма I королем Пруссии и императором Германии. Выросшая в маленьком веймарском герцогстве, которое Гёте сумел превратить в «германские Афины», Августа с юных лет увлекалась музыкой и живописью. Как отмечает Пич в своих воспоминаниях, Августа и Вильгельм всегда относились очень благосклонно к П. Виардо, с искусством которой они впервые познакомились, когда певица выступала в берлинской королевской опере во второй половине 1840-х гг. См.: *Pietsch*. S. 288. В Баден-Баден королевскую чету привлекала не только возможность послушать хорошую музыку (хотя это скорее относится к Августе, нежели к ее супругу), но и то обстоятельство, что их дочь Луиза с 1856 г. была замужем за великим герцогом Баденским Фридрихом I.

¹⁹ «„Музыкальные сеансы“», — как отмечает И. С. Чистова, — или, как чаще их называли, музыкальные утра (*matinées*) — устраивались на вилле Виардо начиная с 1864 г. в специально для этого построенном Концертном зале (Tonhalle) — просторном павильоне с органом и двумя концертными роялями» (*Чистова И. С. Тургенев и музыкальные утреники в Баден-Бадене // Т Сб. Вып. 1. С. 315*). В номере газеты «*Vossische Zeitung*» от 24 сентября 1865 г. появилась статья Пича «*Sommerfahrten. Saison von 1865. In Baden-Baden*» («Летние поездки. Сезон 1865 г. В Баден-Бадене»), в которой он подробно рассказал об этих утрениках. См.: *Briefe an Pietsch*. S. 262. Эти концерты проходили каждое воскресенье, а не только в летние месяцы. Гостивший у Тургенева в Бадене Теодор Шторм 11 сентября 1865 г. сообщал своему старшему сыну Гансу о своих впечатлениях от утреника на вилле Виардо, где присутствовала Августа: «Вчера (воскресенье) состоялось музыкальное утро (3–5 ч.) у Виардо. Там были одни принцессы, княгини, посланники и их жены, художники и друзья семьи. В переднем ряду сидела милая, добрая женщина. Это была королева Пруссии». См.: *Laage K.-E. Theodor Storm und Iwan Turgenjew*. S. 130. Это письмо также опубликовано: *Schultze Ch. Theodor Storm und Turgenjev*. S. 7–8, однако здесь в качестве адресата ошибочно назван другой сын Шторма — Эрнст. Это представление Пич также запечатлел в рисунке, который был впервые напечатан в газете «*Der Bazar*» за 8 декабря 1865 г. и впоследствии неоднократно воспроизводился: *Laage K.-E. Theodor Storm und Iwan Turgenjew*, на вклейке между с. 24 и 25 (в усеченном виде); *Т Сб. Вып. 1*, на вклейке между с. 320 и 321; *Briefe an Pietsch*, на вклейке между с. 32 и 33). Кроме исполнителей — А. Г. Рубинштейна за фортепьяно и П. Виардо за органом — Пич изобразил и слушателей, среди которых выделяются стоящие фигуры Дезире Арто, Тургенева, Шторма и Мануэля Гарсиа. На

креслах против фортепьяно сидят Августа и ее супруг Вильгельм I. Недаром, как жется, в своем письме к сыну Шторм не назвал прусского короля, а только королеву. Ведь уже с конца 1864 г., после победы соединенных австрийских и прусских войск над Данией в Шлезвиг-Гольштейне, всем стало ясно, что оба герцогства со временем станут частью Пруссии. В письмах к Пичу Шторм с негодованием писал о «грабительской политике Бисмарка» и «прусском терроризме». См.: *Laage Karl Ernst. Theodor Storm. Biographie. Heide, 1999. S. 116.*

²⁰ Речь идет не только о «Последнем колдуне», но и об оперетте «Слишком много жен». В письме к дочери от 28 августа (9 сентября) 1867 г. Тургенев сообщал, что она «имела такой успех, что ее давали пять раз, и прусская королева пожелала ее увидеть» (*ПССУП(2). Письма. Т. 8. С. 221. Подлинник по-франц.*). Полтора года спустя, в статье о веймарской постановке «Последнего колдуна», Тургенев, вспоминая о представлениях этих двух оперетт в своем доме в течение августа — октября 1867 г., к которым весной 1868 г. присоединился «Людоед», отметил, что «прусская королева» «была одною из самых постоянных наших посетительниц». Там же. *Соч. Т. 10. С. 293.*

²¹ Пич ошибся в дате. Представление на самом деле состоялось 23 сентября 1867 г., как следует из письма Тургенева к В. П. Боткину от 10 (22) сентября 1867 г.: «...вторая наша оперетка — „Le dernier Sorcier“ <<Последний колдун>> — сошла еще благополучнее первой: „Trop de femmes“ <<Слишком много жен>> (о которой говорится даже в фельетоне „Journal de Débats“) — завтра мы даем второе представление, на котором присутствуют король и королева прусские — rien que cela <не больше, не меньше — франц.>» (*ПССУП(2). Письма. Т. 8. С. 36–37.*)

²² Пич снова допустил небольшую неточность. Представление «Последнего колдуна», которое состоялось в присутствии короля Вильгельма 23 сентября 1867 г., стало не первым, а вторым представлением этой оперетты.

²³ Чтобы у себя дома в Берлине оформить этот беглый набросок в деталях и создать на его основе полноценный рисунок, по которому можно было выполнить гравюру для публикации в «Salon», Пич (который был талантливым рисовальщиком и, между прочим, иллюстрировал пятое издание знаменитого рассказа Т. Шторма «Immensee» (1857)) попросил Тургенева прислать ему фотографии, на которых дети П. Виардо, участвовавшие в оперетте «Последний колдун», были сняты в костюме эльфов, а также профиль скрипача Юбера Леонара (нарисованный П. Виардо?), который присутствовал на спектакле 23 сентября 1867 г. См. письма Тургенева к Пичу от 8 (20) октября 1867 г. и 14 (26) октября 1867 г.: *ПССУП(2). Письма. Т. 8. С. 51, 54.*

²⁴ В более ранней статье «Возвращение домой окольными дорогами» (о ней см. во вступит. статье), где он впервые писал об опереттах Виардо—Тургенева, Пич сравнил постановку «Последнего колдуна» с «идеальной сценой» писателя-романтика Людвиг Тика, который в результате своих исследований о драматургии Шекспира и его предшественников пришел к выводу, что надо вернуться к старинной английской сцене, обходившейся без затейливых и роскошных декораций. См.: *Briefe an Pietsch. S. 149.*

²⁵ На представлениях «Последнего колдуна» в сентябре — октябре 1867 г. партию царицы эльфов исполняла 15-летняя дочь Виардо — Клоди, а ее младшая сестра, 13-летняя Марианна, играла главного эльфа в свите царицы. Ни в этой статье, ни в «Возвращении домой окольными дорогами» Пич не обмолвился о том, что

роль ленивого и глупого слуги Кракамиша — Перлимпинпина — исполнял 10-летний Поль Виардо. См.: *Žekulin. Le Dernier Sorcier*. P. 16. Клара Шуман, которая по три раза слушала и «Слишком много жен», и «Последнего колдуна», в письме к Брамсу от 3 октября 1867 г. не забыла похвалить и самого младшего артиста в составе: «Ее <П. Виардо. — Л. С.> дети очаровательны, а сын ее — настоящий комический гений». Цит. по: *Friang Michèle. Pauline Viardot au miroir de sa correspondance*. Paris, 2008. P. 223.

²⁶ О музыке этого хора Тургенев писал следующее в своей статье о веймарском представлении «Последнего колдуна»: «Большой, весьма развитый и чрезвычайно мелодический хор (Лист особенно им любовался) оканчивает первый акт» (*ИССУП(2)*. Соч. Т. 10. С. 296).

²⁷ Ср. письмо Тургенева к П. В. Анненкову от 7 (19) октября 1867 г., в котором он писал о последнем в этом сезоне представлении «Последнего колдуна», состоявшемся два дня тому назад: «Гости остались довольны, а спич Кракамиша, в котором слегка пародировались спичи его величества Наполеона III, вызвал даже густой смех на августейшие уста короля Вильгельма. Шутите с нами после этого!!» (Там же. *Письма*. Т. 8. С. 49).

²⁸ *Беттина фон Арним* (урожд. Брентано; 1785–1859) — немецкая писательница, с 1811 г. жена писателя-романтика Йохима фон Арнима. Будучи студентом Берлинского университета, Тургенев посещал ее литературный салон зимой 1840/1841 г. См. его знаменитое «пантеистическое» письмо к ней: Там же. Т. 1. С. 181–184. Среди образцов «германского романтического и философского мира», с которыми Рудин в романе Тургенева (1856) знакомит Наталью Ласунскую, упоминается и книга Беттины фон Арним «Переписка Гёте с ребенком» (1835): Там же. Соч. Т. 5. С. 249.

²⁹ Графиня *Армаггард фон Флемминг* (урожд. фон Арним; 1821–1880) — вторая дочь Беттины фон Арним, с 1860 г. жена графа Альберта фон Флемминга (о нем см. следующее примеч.).

³⁰ Граф *Альберт фон Флемминг* (1813–1884) — прусский дипломат, любитель-виолончелист, с 1861 г. прусский посланник при баденском великогерцогском дворе в Карлсруэ. Отдыхая в Баден-Бадене в летние месяцы, он неоднократно участвовал в исполнении камерной музыки на утренниках П. Виардо. Описывая публику на представлениях оперетт Виардо—Тургенева в статье «Возвращение домой окольными дорогами», Пич заметил, что граф фон Флемминг «столь же виртуозен на дипломатическом поприще, как на виолончели». Цит. по: *Briefe an Pietsch*. S. 148.

³¹ Графиня *Максимилиана фон Ориола* (урожд. фон Арним; 1818–1894) — старшая дочь Беттины фон Арним, с 1853 г. жена графа Эдуарда фон Ориола (1809–1862), прусского офицера португальского происхождения. Овдовев в 1862 г., графиня Ориола поселилась в Берлине, где открыла музыкально-литературный салон.

³² Княгиня *Элизабет цу Каролат-Беутен* (урожд. графиня фон Гацфельдт-Трахенберг; 1839–1914) — в 1866 г. стала женой князя Карла цу Каролат-Беутен (1845–1912), но развелась с ним в 1881 г. Страстно влюбленный в нее старший сын Бисмарка Герберт фон Бисмарк (1849–1904) хотел во что бы то ни стало жениться на ней, однако отец наотрез воспротивился этому союзу.

³³ Хотя полное имя этой придворной дамы установить не удалось, весьма вероятно, что речь идет об одной из дочерей прусского государственного деятеля Фрид-

риха Вильгельма графа фон Бранденбурга (1792–1850) — незаконнорожденного сына прусского короля Фридриха Вильгельма II.

³⁴ Граф *Александр фон Шлейниц* (1807–1885) — прусский государственный деятель, в 1858–1861 гг. занимал должность министра иностранных дел, а с 1861 г. до самой смерти служил министром двора. Состоял в непримиримой вражде с Бисмарком, который ненавидел в нем не только либерала, но и доверенное лицо королевы Августы.

³⁵ Барон *Якоб Райц фон Френц* (1826–1884) — прусский чиновник и политик, в 1867–1869 гг. служил депутатом Свободно-консервативной партии в нижней палате парламента Пруссии.

³⁶ *Юбер Леонар* (1819–1890) — выдающийся бельгийский скрипач и композитор, в 1849 г. женился на певице Антонии Сичес де Менди (1827–1914), которая являлась племянницей старшего брата П. Виардо Мануэля Гарсиа (1805–1906). Сын П. Виардо Поль впоследствии стал учеником Леонара.

³⁷ *Генрих Абекен* (1809–1872) — прусский чиновник, помощник Бисмарка. После окончания теологического факультета Берлинского университета в 1834 г. стал пастором при прусском посольстве в Риме, а в 1848 г. вступил на службу в министерство иностранных дел. С 1862 г. являлся «незаменимым фактотумом» у Бисмарка. Данное ему французами прозвище — «перо Бисмарка» — Абекен косвенным образом оправдал летом 1870 г., так как именно он послал Бисмарку первую редакцию пресловутой «эмской депеши», которой «железный канцлер» воспользовался, чтобы спровоцировать Францию на объявление войны Пруссии.

³⁸ Граф *Герман фон Пюклер* (1797–1892) — при вступлении принца Вильгельма на престол Пруссии в 1861 г. был назначен обергофмаршалом нового короля.

³⁹ *Густав Фридрих фон Бейер* (1812–1889) — прусский генерал. Когда после заключения Пражского мира 23 августа 1866 г., завершившего австро-прусскую войну, великий герцог Баденский Фридрих I решил модернизировать баденскую армию по образцу прусской, фон Бейер был командирован в Карлсруэ в качестве военного атташе. В феврале 1868 г. с согласия Прусского главнокомандования он поступил на службу к великому герцогу Фридриху, который назначил его военным министром Бадена.

⁴⁰ Именно к изображению П. Виардо и Тургенева на этом рисунке неустановленный русский переводчик статьи Пича придирался, заметив, что Пич «сохрани<л> довольно верно черты некоторых лиц, за исключением г. Тургенева и г-жи Виардо». См.: «И. С. Тургенев в Баден-Бадене» // Современное обозрение. 1868 г., февраль. С. 98.

⁴¹ В отчете о состоявшемся 17 октября 1867 г. (последнем в «сезон» 1867 г.) представлении «Последнего колдуна», который Тургенев дал в письме к П. В. Анненкову от 7 (19) октября, писатель сделал ударение на присутствии среди гостей именно «высоких персон»: «Это 11-е представление было удостоено присутствия короля и королевы прусских, наследного принца и наследной принцессы прусских же, великого герцога и герцогини баденских, герцога и герцогини дармштадтских, принца и принцессы Вильгельма баденских (дочери Марьи Николаевны) и иных чрезвычайных особ, министров, генералов и т. д. Каково-с?» (*ПССиП*(2). *Письма*. Т. 8. С. 49). Пич же, создавая в статье «Возвращение домой окольными дорогами» обобщенный образ публики, которая наполняла салон Тургенева в течение августа — октября

1867 г., выделил прежде всего представителей европейской творческой «интеллигенции». Среди названных им личностей — Клара Шуман, немецкий дирижер Герман Леви, парижский композитор Якоб Розенгайн, итальянский пианист Антонио Перуцци, бельгийский скрипач Юбер Леонар, пианист Шарль Вильфрид де Берио (сын старшей сестры П. Виардо — Марии Малибран), парижский издатель Тургенева Пьер Жюль Этцель и Луи Виардо. См.: *Briefe an Pietsch*. S. 148–149. Выдержки из рецензий, которые Пич имеет в виду в настоящей статье, представлены в кн.: *Žekulin. Le Dernier Sorcier*. P. 17–21.

⁴² Пич здесь вольно цитирует стих из заключительной строфы стихотворения «Sokrates und Alcibiades» («Сократ и Алкивиад») великого немецкого поэта Фридриха Гёльдерлина: «Wer das Tiefste gedacht, liebt das Lebendigste, / Hohe Jugend versteht, wer in die Welt geblickt / Und es neigen die Weisen / Oft am Ende zu Schönem sich» («Кто мыслил о самом глубоком, тот любит самое живое; / Кто всмотрелся в мир, тот понимает пышную молодость / И мудрецы в конце концов / Зачастую преклоняются перед красотой»). Этими словами Сократ отвечает афинянам, упрекавшим его в том, что он так часто любит на Алкивиада, как будто нет более возвышенных предметов для созерцания. Стихотворение впервые было опубликовано в литературном ежегоднике Шиллера «Альманах муз» за 1799 г. Было бы интересно выяснить, каким образом Пич познакомился со стихотворением поэта, чье творчество в то время еще было мало известно, даже в Германии: первое однотомное издание стихотворений Гёльдерлина вышло в Штутгарте и Тюбингене в 1826 г., и лишь двадцать лет спустя появилось второе, несколько расширенное издание в двух томах. Насколько нам известно, Тургенев, как и большая часть русской публики в XIX в., не имел никакого представления о Гёльдерлине.

**ПОСМЕРТНЫЕ ОТКЛИКИ О ТУРГЕНЕВЕ
В ГАЗЕТЕ А. С. СУВОРИНА «НОВОЕ ВРЕМЯ»
(Сентябрь 1883)**

Публикация С. А. Ипатовой

Так случилось, что между кончиной Тургенева в Париже 22 августа (3 сентября) 1883 года и его погребением 27 сентября (9 октября) на родине, согласно завещанию писателя, рядом с В. Г. Белинским на Волковом кладбище в Петербурге, прошло более месяца. Кончина Тургенева стала для современников невосполнимой утратой, почти национальным бедствием, поэтому не нашлось практически ни одного издания, чье пристальное внимание на протяжении конца августа — всего сентября не было бы обращено к личности писателя. Это трагическое не только для России, но и для всей европейской культуры событие активно освещалось и за рубежом, однако именно на родине чествование памяти писателя обрело гигантский размах.

В отечественных периодических изданиях, независимо от их политической ориентации, это событие обсуждалось практически ежедневно на протяжении месяца, породив целую скорбную литературу самых разнообразных жанров: в виде специальных медицинских статей о ходе болезни писателя, о подробностях его предсмертных часов, кратких сообщений о смерти и обширных некрологов; в виде сводок о трудностях пути следования тела на родину, отчетов экстренных заседаний различных организаций, сообщений о многочисленных панихидах, отслуженных по всей России, а также в виде воспоминаний о нем, публикаций его произведений и писем, биографических и литературно-критических статей, освещавших личность, жизненный путь и литературную деятельность Тургенева. Вся эта разнохарактерная и разноголосая литера-

тура объединилась — и это понятно — в выражении скорби, в осмыслении величия имени Тургенева, в осознании его смерти как огромной утраты для русской культуры.

Многим современникам похороны Тургенева напомнили проводы Н. А. Некрасова и сравнительно недавнюю кончину Ф. М. Достоевского, открывшие неизвестную ранее сторону русского общественного самосознания. Однако с масштабом сочувственных акций, прокатившихся по всей стране на протяжении сентября 1883 года, могли сравниться, с известной оговоркой, разве что Пушкинские торжества. По меткому наблюдению одного из изданий, «никогда до сего русский патриотизм не имел подобного высокого и утешительного, несмотря на печальный повод, удовлетворения».¹ Не последнюю роль в создании этого общественного резонанса сыграла отечественная пресса. Как справедливо отметил обозреватель «Вестника Европы», все «несходные органы нашей печати», за редким исключением, утратили «свою разновидность и составили один согласный хор», счета были забыты и «столбцы газет в течение целого месяца, можно сказать, были усеяны именем Тургенева, с выражением самого искреннего сочувствия и глубокого уважения к его памяти». Отзывы о нем, «появлявшиеся за границей, перепечатывались немедленно в наших газетах, так что соединение всего выказанного о Тургеневе в первый же месяц после его смерти составило бы, без сомнения, целый хороший том».²

В ряду таких авторитетных периодических изданий, как «Санкт-Петербургские ведомости», «Новости и Биржевая газета», «Русские ведомости», «Русь», «Гражданин», «Неделя», а также «Московские ведомости» и др., тон задавало, безусловно, «Новое время». Поэтому в изрядном перечне откликов русской печати на смерть и похороны Тургенева особое место заняли публикации именно этой газеты, большая часть из которых принадлежала перу ее издателя и редактора Алексея Сергеевича Суворина (1834–1912), «короля» русской прессы, известного критика, журналиста и драматурга. О читательском масштабе газеты можно судить по отзывам современников. Так, К. К. Арсеньев вспоминал: «...все читали бойкую, живую, интересную и полную газету, так что в 6 час. вечера на Невском ни у одного газетчика нельзя было найти сегодняшнего номера, хотя газета печаталась одновременно в двух больших типографиях в небывалом в русской печати количестве экземпляров».³

¹ *РусВед.* 1883. 2 сентября. № 241. С. 1.

² См.: <Б. п.> Из общественной хроники // *ВЕ.* 1883. Т. 5. № 10. С. 840.

³ Цит. по: *Динерштейн Е. А. А. С. Суворин. Человек, сделавший карьеру.* М., 1998. С. 65. В корреспонденции из Витебска, опубликованной в «Новом времени» в день

Однако первенство «Нового времени» в этом рейтинге не было случайным, над его созданием Суворину, не только тонко чувствовавшему конъюнктуру и обладавшему изрядными предпринимательскими способностями, но и исповедовавшему определенные ценности, пришлось немало потрудиться, проводя и упорно развивая на страницах своей газеты идеи, близкие значительной части читателей. Большинство из откликов «Нового времени» на смерть Тургенева, и в частности обширная некрологическая статья, подписанная известным псевдонимом Суворина «Незнакомец», остались за пределами библиографического и исследовательского внимания и не вошли в фундаментальный обзор, составленный Л. Р. Ланским, а также оказались не учтены в обстоятельной книге Е. А. Динерштейна «А. С. Суворин. Человек, сделавший карьеру», в которой Тургеневу посвящена отдельная глава.⁴

Суворин был лично знаком с Тургеневым, неоднократно встречался с ним, состоял в переписке. К сожалению, не все письма дошли до нас; из суворинских сохранилась и опубликована лишь небольшая часть, относящаяся к 1875–1876 годам, — лучший период в их отношениях, длившихся более двадцати лет.⁵ Отнюдь не каждому Суворин рассказывал то, что он рассказывал Тургеневу. Сообщая писателю, жившему в Париже и остро нуждавшемуся в умном и информированном собеседнике, последние русские новости, Суворин серьезно и детально обсуждал проблемы внутренней политической и культурной жизни России. Тургенев был одним из немногих, кому Суворин доверял свои семей-

похорон писателя, говорилось, что газеты, извещавшие о смерти Тургенева, «в особенности „Новое время“, поместившее более обстоятельные сведения о жизни и последних днях умершего, читались нарасхват. Во всех печальное известие вызвало неподдельную скорбь. Даже польские кружки заговорили о „пане Тургеневе“...» (*НВр*. 1883. 27 сентября (9 октября). № 2723. С. 3).

⁴ См.: Последний путь. Отклики русской и зарубежной печати на смерть и похороны Тургенева / Обзор Л. Р. Ланского // *ЛН*. Т. 76. С. 633–701; *Динерштейн Е. А.* А. С. Суворин. Человек, сделавший карьеру. С. 207–218. Не упоминается некролог и в книге Л. С. Утевского, где выборочно приводятся сентябрьские отклики, показывающие, как смерть Тургенева была «превращена в орудие политической борьбы» (*Утевский Л. С.* Смерть Тургенева. 1883–1923. Пб., 1923. С. 59–74), а также в работе: *Мостовская Н. Н.* Как отпевали русских писателей // *Христианство и русская литература*. СПб., 1996. Сб. второй. С. 202–215, где похоронам Тургенева отведено значительное место.

⁵ См.: Три письма А. С. Суворина к Тургеневу (1875–1876) / Публ. С. А. Ипатовой // *И. С. Тургенев. Новые исследования и материалы*. М.; СПб., 2011. Вып. 2. С. 320–351. Подробнее об их отношениях см. преамбулу к этой публикации (С. 320–326).

ные тайны и переживания, и как умный, талантливый, неординарный человек был, безусловно, интересен писателю.

В письме от 14 (26) февраля 1875 года Тургенев благодарил Суворина за «подробное и крайне интересное письмо» (неизв.), «за все сведенья», «за передачу современной петербургской физиономии, которая никому так не известна и никому так не дается, как Вам».⁶ На страницах «Нового времени» были опубликованы одно открытое письмо от 29 апреля (11 мая) 1876 года⁷ и три произведения писателя: некрологическая статья «Несколько слов о Жорж Санд. Письмо И. С. Тургенева к издателю „Нового времени“», напечатанная в виде письма к редактору от 9 (21) июня 1876 года;⁸ рассказ «Сон»⁹ и «Рассказ отца Алексея».¹⁰ Публикация последнего, извлеченного из зарубежной прессы и напечатанного в обратном переводе, повлекла за собой взаимные публичные обвинения и прекращение всяческих отношений, и хотя переписка между ними более не возобновлялась, в отдельных высказываниях Тургенева, зачастую резких, просвечивало уважительное отношение к прежнему корреспонденту.

В своих фельетонах, рецензиях, обзорах, беллетристических произведениях, а также в частных письмах Суворин еще при жизни писателя не раз откликался на тургеневские произведения, давая им иногда противоречивые, но неизменно яркие оценки.¹¹ Творчество Некрасова, Тургенева, Достоевского, Толстого, Чехова оставалось для Суворина на протяжении всей жизни объектом пристального, зачастую пристрастного, но неизменно трепетного отношения современника, осознающего

⁶ ПССиП(2) Письма. Т. 14. С. 31–32.

⁷ См.: ПССиП(1). Соч. Т. 15. С. 167.

⁸ См.: НВр. 1876. 15 (27) июня. № 105. С. 1; ПССиП(1) Письма. Т. 11. С. 274–275.

⁹ См.: НВр. 1877. 1 (13) января, 2 (14) января. № 303, 304.

¹⁰ У Суворина рассказ был опубликован под названием «Сын попа» (см.: НВр. 1877. 6 (18) апреля, 7 (19) апреля. № 395, 396).

¹¹ Позже в своем дневнике Суворин сделает следующую запись: «О Тургеневе я говорил № 1075, 1879. Среди общества юного, настроенного или меланхолией, или литературой, он явился учителем. Он создавал образы мужчин и женщин, которые становились образцами. Он давал моду. Его романы — это модный журнал, в котором он был и сотрудником, и редактором, и издателем. Он придумывал покрой, он придумывал душу, и по этим образцам многие россияне одевались. Многие получали только единственно модный журнал и согласно Тургеневу были счастливы, потому что находили, что выкройка весьма удобна и платье шьется легко» (Суворин А. С. Дневник / Текстологическая расшифровка Н. А. Роскиной. Подгот. текста Д. Рейфилда и О. Е. Макаровой. London; М., 1999. С. 216–217).

А. С. Суворин. Фотография Шапиро.
Петербург, 1890 г. (ИРЛИ)

огромное значение этих имен для русской культуры. Искренняя реакция Суворина на смерть писателя, высказанная в целой серии публикаций, показала, что, несмотря на прерванные отношения, он хорошо соизнавал масштаб личности Тургенева и глубоко и всесторонне оценивал его роль в русской и мировой культуре.

Обширный список сентябрьских откликов «Нового времени» на смерть Тургенева открывает краткая заметка без подписи, напечатанная в разделе «Среди газет и журналов» 23 августа (4 сентября), то есть на следующий день после смерти Тургенева и за день до официального сообщения об этом. Еще не зная о кончине писателя, Суворин «открыл» этой заметкой серию многочисленных публикаций, посвященных Тургеневу, ядром которых станет обширная некрологическая статья.¹² В заметке речь шла о публикации издателя А. Ф. Маркса, посетившего 26 мая (7 июня) 1883 года тяжело больного Тургенева в Буживале, с тем чтобы узнать о «намерениях» писателя в отношении рассказа, обещанного им

¹² См.: *НВр.* 1883. 28 августа (9 сентября). № 2693. С. 1–2. Подп.: «Незнакомец».

в августе 1882 года для журнала «Нива», но так и не представленного в срок. Суворин поставил на вид известному издателю бестактность его поступка: «Предавая тиснению этот рассказ свой, г. Маркс, по-видимому, совсем не замечает, как неуместна была его издательская назойливость по отношению к больному писателю».¹³

Следует отметить, что ни смерть Некрасова, на которую Суворин откликнулся прочувствованным некрологом, ни смерть Достоевского, осмысленная им в щемящей некрологической статье, не стали для издателя поводом для публикации на страницах «Нового времени» серии статей, как это произошло с откликами на смерть Тургенева. В течение траурного для России сентября 1883 года от публикации к публикации Суворин настойчиво проводил мысль, что кончина Тургенева это не только крупная литературная утрата, но и великое общественное горе, невосполнимая национальная потеря. Подчеркивая художественное значение его произведений, он вместе с тем отводил ему роль не только писателя-художника, но и воспитателя русского общества.

Сразу после известия о смерти писателя «Новое время» поместило на первой странице редакционную некрологическую статью «Иван Сергеевич Тургенев», за характерным стилем которой легко угадывался ее автор — Суворин. Более пространный некролог выйдет чуть позже, но уже в этой статье автор начинает знакомить своих читателей с биографией и творчеством Тургенева. Любопытно проследить технологию обработки обыденного сознания, которую, безусловно, использует Суворин. В небольшую по объему статью он неуклонно вводит определенные маркеры, а именно: около двух десятков таких слов, как «родина», «народ», «русский», настойчиво внушая своему читателю мысль, что смерть Тургенева — это утрата части его самого: «Тургенев принадлежит к тем немногим *русским* людям, которым желал бы дать вечную жизнь и на земле».

«Никто из *русских* художников, — пишет Суворин, — не обладал качеством отзывчивости на движущие и руководящие идеи в такой степени, как Тургенев», поэтому велико значение писателя «не только для *русского*, но и общечеловеческого искусства»; он один из тех, которые «умрут совсем только со смертью *русского* народа». Внутренне полемизируя с теми, кто говорил об оторванности Тургенева от России, от русского народа, кто подчеркивал его «абсентеизм», а подчас обви-

¹³ См.: *НВр.* 1883. 23 августа (4 сентября). № 2688. С. 2. См. также: <Маркс А. Ф.> Об И. С. Тургеневе (От издателя) // *Нива.* 1883. № 34. С. 820–821; *Летопись (1876–1883).* С. 525.

№ 2718 Издание ПЕРВОЕ

ВЪ ЭТОМЪ № 6 СТРАНИЦЪ

Съ 16-го сентября редакция «Новаго Времени» помѣщается по Малой Итальянской улицѣ, д. 18, кв. 18.

**ОТЪ РАСПОРЯДИТЕЛЕЙ
ПОХОРОНАМИ ТУРГЕНЕВА.**

Распорядительная комиссия при погребеніи тѣла И. С. Тургенева доводитъ до свѣдѣнія о слѣдующихъ:

- 1) Въ зданіи вокзала парижской желѣзной дороги шито не допускается проѣздъ духовника и распорядителя.
- 2) Въ день погребенія шито не будетъ допущенъ заблаговременно на Волково кладбище.
- 3) Лица, участвующія въ депутатскихъ при итанакъ, направляются въ обочину мѣсту по Общественному проспекту, черезъ Ново-Московский мостъ, на набережную Обводного канала, гдѣ останавливаются по указанію распорядителя, свѣдѣвшихъ особыми траурными знаками.
- 4) Лица прибывающія въ экипажахъ, направляются по Ивашковскому проспекту черезъ Варшавскій мостъ въ зданію вокзала парижской ж. д.
- 5) Когда гробъ установленъ на печальную колесницу, шито направляются: черезъ Варшавскій мостъ, по Ивашковскому проспекту, 4-й ротѣ Ивашковского полка, Кинскому проспекту, Рузовской улицѣ, Загородному проспекту, Звенигородской улицѣ, Боровой улицѣ, черезъ Николаевскій мостъ на набережную Лягунова и Гаспанской улицѣ.
- 6) Въ гаспанскій уѣзъ объявлено было отъ распорядителя, что къ мосту кладбища и дежурное пространство вокругъ мостовъ не дозволено въскать депутатамъ въ полномъ составѣ войти на кладбище, а потому, при поворотѣ шестымъ съ набережной Лягунова въ Гаспанскую улицу, допускается въ означенную улицу только по шесту лишь съ выхола отъ каждой роты и лицъ, выходящихъ впередъ въ первомъ. Прочимъ участникамъ въ де утанакъ направляются черезъ мостъ противъ Гаспанской улицы и, по выбѣганіи задержки шестымъ, располагаются на противоположной сторонѣ Лягунова.
- 7) Изначальное утанакъ перекрѣ, гдѣ будетъ проходить парижская община, выдѣлывать распорядительная комиссия, что депутаты съ экипажемъ (по шесту шито) не могутъ появляться въ перекрѣ, но должны будутъ, согласно указаніямъ распорядителя, раздѣлиться на кладбищъ въ томъ порядкѣ, какъ шитъ во время процесса.
- 8) Распорядительная комиссия поворѣние просить всѣхъ участниковъ въ шестымъ не входить ни въ какия пригороды съ распорядителями и согласоваться съ ихъ указаніями.

Депутатимъ, желающимъ участвовать въ похоронахъ, должны занять о своемъ желаніи по ролу четверга, 22-го сентября.

Смѣсь и сборъ депутатовъ будутъ своевременно объявлены въ гаспанскій.

О днѣ и часѣ сбора для депутатовъ будетъ своевременно объявлено въ гаспанскій.

Сообщение о порядке прохождения похорон Тургенева.
«Новое время». 22 сентября 1883 г. № 2718

ня в антипатриотизме, Суворин утверждал, что ни один «русский писатель не играл такой роли в жизни *русского* общества, как Тургенев», ставший «владыкою внутреннего мира *русского* общества». И в заключение статьи добавляет: всего, что было в писателе «*русского* помимо воли», было «так много, как только может быть в гениальном таланте», поэтому «не за один свой великий талант он достоин любви всякого *русского* человека, но и за свою чистую, благородную душу. И эту любовь воздаст ему его *родина*...».¹⁴

Формируя и воспитывая свою многочисленную читательскую аудиторию, состоявшую в основном из мелкого чиновничества и помещного дворянства, Суворин не боится исповедовать на страницах газеты свой «символ веры», основанный на патриотизме, гордости за свое

¹⁴ *Нвр.* 1883. 24 августа (5 сентября). № 2689. С. 1. Курсив наш. — С. И.

«племя», богатое таланты, уверенности в его общечеловеческом призвании. Не случайно число подписчиков газеты резко увеличилось в период русско-турецкой войны и освободительной борьбы славянских народов. Некрологи выдающихся русских общественных и литературных деятелей (из недавних: Некрасов, Достоевский, Скобелев), принадлежавшие, как правило, перу самого редактора, становятся на страницах газеты своеобразным жанром воспитания.

Приведем для сравнения фрагмент из некролога Некрасова: «Русский человек до мозга костей, доказавший страстными строфами о родине, как он ее любит, как он ей предан, Некрасов был типическим представителем великорусского племени и типическим, оригинальным русским поэтом. Своя русская жизненная философия жила в нем...».¹⁵ «Умер не только писатель, умер учитель, умер благородный человек, достойный самых искренних слез», — пишет Суворин в кратком некрологе Достоевского.¹⁶ И через два дня в обширной некрологической статье добавляет: «Он любил русского человека до страсти <...>. Народная гордость жила в нем, жило в нем то сознание силы русского народа, которое разным пошлякам кажется квасным патриотизмом»; похороны Достоевского — это «невиданное еще торжество русского таланта и русской мысли, всенародно и свободно признанных за русским писателем».¹⁷ Вспоминая позже о первой некрологической статье, Суворин, не без некоторого самолюбования, запишет в своем дневнике 28 сентября 1899 года: «Я помню, какое впечатление произвела моя статья, без подписи, о смерти Достоевского. Я назвал его „учителем“. Статья вылилась порывом. Лорис-Меликов, прочитав ее <...> тотчас поехал к государю и выхлопотал пенсию вдове; Григорович приехал ко мне, говоря, что он плакал. Многие плакали. Я разжалобился. Вдова Достоевского понимала очень хорошо значение этой агитации. Она поцеловала мне руку. Удивительный тогда был этот подъем в Петербурге. <...> Публика бросилась читать и покупать Достоевского. Точно смерть его открыла, а до того его не было».¹⁸

¹⁵ См.: *Незнакомец* <Суворин А. С.> Недельные очерки и картинки <Некролог Н. А. Некрасова> // *НВр*. 1878. 1 (13) января. № 662. С. 3; републ.: На память о Н. А. Некрасове. СПб., 1878. С. 34–54. Цит. по: На память о Н. А. Некрасове. С. 40.

¹⁶ См.: <Суворин А. С.> Кончина Ф. М. Достоевского // *НВр*. 1881. 29 января (10 февраля). № 1768. С. 1; см. также: <Суворин А. С. ?> Ф. М. Достоевский (некролог) // Там же. 30 января (11 февраля). № 1769. С. 4.

¹⁷ *Незнакомец* <Суворин А. С.> Недельные очерки и картинки. О покойном // Там же. 1 (13) февраля. № 1771. С. 3.

¹⁸ *Суворин А. С.* Дневник. С. 351.

Тональность последующих публикаций о Тургеневе была задана первой некрологической статьей. В статье «Маленький фельетон. По поводу кончины Тургенева» Суворин вписывает имя Тургенева в перечень великих для России имен: Ломоносов, Сумароков, Державин, Жуковский, Грибоедов, Пушкин, Гоголь, Лермонтов.¹⁹

Статьи Суворина не остались незамеченными, более того, вызвали резкое неприятие, в первую очередь со стороны «Московских ведомостей». Кончина Тургенева неожиданно была превращена едва ли не в орудие политической борьбы, в которой имя Тургенева было использовано в партийных целях.²⁰

Как и следовало ожидать, скандал был спровоцирован Катковым. Поскольку «Московские ведомости» никак не откликнулись на смерть писателя, за исключением мелких информативных сообщений²¹ (и это «молчание» было замечено другими изданиями), первая статья о Тургеневе, появившаяся в газете 6 сентября в составе постоянного фельетона «Петербургские письма», представилась многим как своего рода некролог от редактора, однако жанру надгробного слова эта статья не вполне отвечала. «Область лжи и обмана снова значительно раздвинулась. Умер Тургенев и всевозможные прихвостни либерализма накинулись на его еще не закрытую могилу, громко требуя поминального угощения. <...> везде кишат литературные и иные салопницы, убежденные и старающиеся убедить, что смерть Тургенева чрезвычайно близко их касается <...> все, что у нас прияло известную печать лжелиберализма, сорвалось с места, носится и мечется, стараясь изо всех сил показать свою непосредственную близость к автору „Отцов и детей“ и потребовать своей доли в воздаваемых его памяти чествованиях. <...> Эти общественные ругатели по пятому со строчки, поносившие в тече-

¹⁹ *НВр.* 1883. 25 августа (6 сентября). № 2690. С. 2–3.

²⁰ Проницательно фиксируя малейшие изменения в общественных настроениях, Суворин еще накануне разразившегося скандала отметил в своей газете: «Ввиду некоторых опасений, что чествованию Тургенева может быть придан не тот характер, какой оно имеет на самом деле», «Неделя» публикует статью, в которой отмечает, что Россия любит и чтит Тургенева «не за политические его убеждения», а за его «высоко художественные творения» (*НВр.* 1883. 5 (17) сентября. № 2701. С. 2).

²¹ С того момента, как стало известно о кончине Тургенева, и до 6 сентября в «Московских ведомостях» в двух номерах были опубликованы лишь четыре небольшие заметки: об отпевании Тургенева в Париже и об организационных решениях петербургской Думы в связи с предстоящими похоронами (26 августа. № 236. С. 2), а также о завещании Тургенева в пользу П. Виардо и о предстоящем следовании поездом тела писателя из Франции в Россию (28 августа. № 238. С. 2).

ние двадцати лет имя Тургенева, эти учителя русской словесности, толковавшие кадетам и девицам, что Тургенев написал пасквиль на молодое поколение, эти нахлестанные либеральной лозой приказчики книжных магазинов, уверявшие под рукой доверчивых покупателей, что „Тургенева нынче только отставные генералы спрашивают“, все они будут колотить себя в грудь и просить, чтоб им позволили возложить венок на гроб писателя. И некому будет выгнать мытарей и фарисеев...». ²²

Ссора Каткова с Тургеневым, длившаяся почти двадцать лет, по мере развития принимала все более острый и публичный характер. Катков наносил удары не всегда сам, чаще чужими руками и редакционными статьями. Современникам запомнилась напечатанная в газете «Московские ведомости» в декабре 1879 года статья «Иногородного обывателя» (Б. М. Маркевича), обвинившего писателя в «заискивании» перед радикальной молодежью, в симпатиях к русским революционерам за границей, в признании «правым» «гнуемого дела» русских нигилистов. ²³

Не ослаб антагонизм между Катковым и Тургеневым и на знаменитом Пушкинском празднике 1880 года, когда Катков сделал публичную попытку примирения, протянув Тургеневу бокал, а Тургенев дважды отказался «чокнуться». На замечание А. Н. Майкова, что нужно простить и забыть, писатель ответил: «Я старый воробей, меня на шампанском не обманешь!». ²⁴

Посмертный удар Каткова был нанесен в «Московских ведомостях», где без каких бы то ни было комментариев было перепечатано письмо известного революционера-эмигранта П. Л. Лаврова, опубликованное накануне, а именно на шестой день после смерти писателя, во французской республиканской газете «La Justice», издававшейся лидером радикалов Ж. Клемансо. Из письма стало известно, что Тургенев оказывал регулярную материальную поддержку нелегальному эмигрантскому изданию «Вперед!». В заметке говорилось: «Газета „Justice“ получила от известного Петра Лаврова письмо, в коем значится:

²² W. <Катков М. Н.?) Петербургские письма. LXIV // *МВед.* 1883. 6 сентября. № 247. С. 3. Точно установить, кто скрылся под псевдонимом «W.», не удалось; судя по стилю, статья, скорее всего, принадлежит перу Каткова, либо основательно отредактирована им.

²³ *Иногородный обыватель* <Маркевич Б. М.> С берегов Невы. XIII // *МВед.* 1879. 9 декабря. № 313. С. 4–5.

²⁴ *Кони А. Ф.* Воспоминания о писателях. Л., 1965. С. 156; см. также: *Достоевский.* Т. 30. Кн. 1. С. 199.

„По смерти г. Тургенева я не только не нахожу нужным скрывать, но даже долгом считаю придать гласности факт, о коем до сего времени знали лишь я и еще немногие лица. Когда в 1874 году я перенес редакцию социалистского и революционного русского органа «Вперед!» из Цюриха в Лондон, Тургенев по собственной инициативе предложил мне содействовать изданию этого органа; затем в течение следующих трех лет, то есть за все время моего редакторства, он ежегодно вносил в кассу издания по 500 франков“». ²⁵

Как и следовало ожидать, разразился скандал. Тургенев, действительно, читал народническое издание Лаврова, выходившее в Цюрихе и Лондоне в 1873–1877 годах. Интересовался им. Более того, судя по письмам, не только давал деньги, но и хорошо знал содержание этого издания, обсуждал его с Лавровым и даже использовал некоторые материалы в работе над романом «Новь». ²⁶ Позже Г. Н. Вырубов вспоминал, как летом 1873 года собрался в Цюрих, чтобы посмотреть на «русский фаланстер», находившийся там «под духовным присмотром Лаврова», и сообщил об этом Тургеневу, «который тому очень обрадовался и захотел ехать вместе со мной. Он обдумывал тогда свою „Новь“ и надеялся, как он выражался, набрать красок в этом сборище разношерстной революционной молодежи. Но желание свое он не исполнил: он боялся, что молодое поколение, тогда не особенно его долголюбивавшее, сделает ему какою-нибудь неприятность»». ²⁷

²⁵ См.: *МВед.* 1883. 10 сентября. № 251. С. 2. Подлинник письма опубликован: *La Justice.* 1883. 9 Septembre. N 1333. P. 3. Следует отметить, что незадолго до этой публикации в «Justice» был помещен некролог Тургенева без подписи (1883. 6 Septembre. N 1330. P. 3), который не значится в уже упоминавшемся обзоре Л. Р. Ланского. В тексте письма Лаврова содержится опущенное при перепечатке Катковым обращение к редактору газеты, в котором Лавров выражает надежду, что известные политические убеждения Клемансо послужат ему ручательством незамедлительной публикации его письма. На расхождение оригинала и текста в «Московских ведомостях» обратил внимание Стасюлевич: «Из слов обращения можно было заключить, что г. Лавров имел основание рассчитывать на благосклонный, т. е. на доверчивый прием его письма только со стороны этой газеты; другие большие французские газеты, значит, могли бы потребовать от него доказательств справедливости того, что он утверждает в письме. Такое обращение г. Лаврова к г. Клемансо осталось, конечно, не замеченным со стороны Каткова, а потому не было им переведено» (Новости и Биржевая газета. 1883. 14 (26) сентября. № 244. С. 1).

²⁶ Подробнее об этом см.: *Буданова Н. Ф.* Тургенев и Лавров в 70-е годы («Непериодическое обозрение» «Вперед!» как источник «Нови») // Тургенев и его современники / Отв. ред. М. П. Алексеев. Л., 1977. С. 88–109.

²⁷ *Вырубов Г. Н.* Революционные воспоминания. Герцен, Бакунин, Лавров // *ВВ.* 1913. № 2. С. 62.

Первыми на публикацию «Московских ведомостей» отреагировали «Новости и Биржевая газета»: приведя текст письма, редакция опротестовала его как «лживое заявление Лаврова о прикосновенности» Тургенева к делу революционной пропаганды и предложила рассматривать этот факт как случайную помощь русским эмигрантам.²⁸ На следующий день к ним присоединилось «Новое время»: «Умер Тургенев — г. Лавров сейчас и объяснил, нимало не сомневаясь в том, что он получал не милостыню от знаменитого писателя, не пенсию на бедность, а сочувствие его революционной деятельности в форме франков».²⁹ В последующих публикациях Суворин прилагает все усилия, чтобы доказать, что такая ничтожная сумма не могла быть ничем иным, как милостыней оголодавшему эмигранту. Большинство изданий также расценили поступок Лаврова как ложь и инсинуацию перед еще не закрытой могилой Тургенева. «Московские ведомости» остались в одиночестве.³⁰

На единомышленников разных по направлению изданий в значительной степени повлияла также отнюдь не оправдательная статья того же анонимного автора, скрывшегося за псевдонимом «W.» (Каткова?), появив-

²⁸ См.: *Новости и Биржевая газета*. 1883. 12 (24) сентября. № 242. С. 1. А. Ф. Кони назвал этот поступок Каткова «своеобразными поминками» по писателю. Редактор «Московских ведомостей», по его мнению, не мог не знать, что «его „разоблачения“ бросят тень на дорогого писателя и заставят строго взглянуть на учиняемые чествования его памяти» (см.: *Кони А. Ф. Похороны Тургенева. Воспоминания // Тургеневский сборник / Под ред. А. Ф. Кони. Пб., 1921. С. 68*). Подробнее о том, что такая опасность была и департамент полиции усиленно готовился к встрече Тургенева на русской земле, см.: *Никольский Ю.* Дело о похоронах И. С. Тургенева // *Былое*. 1917. № 4 (26). Октябрь. С. 146–156.

²⁹ См.: *Незнакомец <Суворин А. С.> Письма к другу. XXXVIII // НВр*. 1883. 13 (25) сентября. № 2709. С. 1.

³⁰ См., к примеру, публикацию «Дела»: «Понятен был „эффект“, приготовленный московской газетой», понятна «эта злоба, не остывающая и над могилой писателя, литературная деятельность которого не омрачалась никаким, даже малейшим пятном»; такие «нравственно безупречные люди, как Тургенев, не могут не колоть чужих глаз», являясь укором «каждой нечистой литературной совести». И в «торжественных похоронах» примет «участие не одна „литературная чернь“, но и Академия наук (*Откровенный писатель <Станюкович К. М.> Картинки общественной жизни // Дело*. 1883. № 9. Отд. II. С. 142). «Какая же могла быть цель подобного маневра? — писала «Неделя» в статье «Прискорбный переполюх», — очевидно, только та, чтобы дискредитировать Тургенева в глазах его почитателей и повлиять на решение вопроса о перевозке его тела в Петербург. <...> Вся наша печать единогласно восстала на защиту Тургенева», словно почитатели великого русского романиста «поверили в возможность серьезных последствий от указания» «Московских ведомостей» (Неделя. 1883. 18 сентября. № 38. Стлб. 1242–1243).

шаяся на третий день после перепечатки из «Justice» и подлившая, что называется, масла в огонь. «В настоящую минуту, — говорилось в ней, — известная часть нашей интеллигенции занята исключительно эксплуатацией памяти Тургенева», в газетах «целые столбцы заняты» выписками, письмами, известиями о сборах средств «на венки» и телеграммами «о панихидах», и если «теперь наши интеллигенты вспомнили о храме Божием, чтобы заказывать панихиды, почему никто не вспомнил во время болезни Тургенева помолиться о его выздоровлении?». Журналистика «вдруг принимает Тургенева под свою защиту... против кого-то и чего-то. Досталось даже издателю „Нивы“ г. Марксу за его визит к больному писателю; однако «жаль, что газеты» не хотят сказать, «зачем ездил к Тургеневу г. Стасюлевич». И далее автор статьи (Катков?) находит этому объяснение: «Фальшивое положение, в которое ставило Тургенева постоянное пребывание его за границей, еще более спутало соображение репортеров и хроникеров. Русский писатель, покинувший свое отечество, и притом писатель, к литературным лаврам которого услужливые руки приплели несколько терний либерального мученичества, конечно представляется им изгнанником, вынужденным искать на чужбине свободы и безопасности. Очень обыкновенный шаблон, по которому построено уже много литературных биографий».³¹

Даже В. П. Мещерский, получивший из Парижа копию с письма Лаврова в газету «Justice» до его появления у Каткова, не решился, по собственному признанию, его опубликовать, поскольку полагал, «что это сущая ложь и клевета на мертвого Тургенева».³² «Московские ведомости»,

³¹ W. <Катков М. Н.?) Петербургские письма. LXV // *МВед.* 1883. 13 сентября. № 254. С. 2–3.

³² См.: Гражданин. 1883. № 38. 18 сентября. С. 22. 28 августа Мещерский откликнулся в «Гражданине» проникновенным некрологом, в котором так высказался о Тургеневе: «Это был тонкий, чудесный художник, очень большой литературный талант, чуткий, отзывчивый, восприимчивый. Это был прекрасно образованный, глубоко начитанный, мягкой души человек, одна из богатейших натур, какими может гордиться любая национальность». В завершение некролога он выразил опасение: «Уже в Париже на его гроб кладут венки „От эмигрантов русских“... Было бы очень жаль, если бы похороны его не были похоронами просто знаменитого писателя, а обратились бы в жалкую политическую, с тенденциозными речами демонстрацию <...>» (Гражданин. 1883. № 35. 28 августа. С. 3–4). В «Дневнике», помещенном в том же номере, Мещерский вновь возвращается к этой теме и отмечает: «...современная либеральная литература сумела и в оценку Тургенева внести фальшь, которой, по-видимому, теперь суждено играть главную роль над свежеею могилую великого писателя: фальшь эта заключается в приписывании Тургеневу каких-то политических тенденций» (Там же. С. 23).

по мнению Мещерского, перепечатав письмо Лаврова, «произвели сильную суматоху в петербургских интеллигентных кружках». Недоумевая по этому поводу, он пишет: «Что Тургенев был падок на всякие неразборчивые излияния сочувствия людям либерального и красного лагеря потому, что не любил в России самодержавную монархию, — это ни для кого не секрет; а что он не участвовал в издании „Вперед“, это тоже известно; и что если бы он давал 500 фр. субсидии этому изданию, такой субъект, как Лавров, приберег бы себе или достал более несомненные тому доказательства, чем его *гадкое* слово, это тоже не подлежит сомнению». «Длинное письмо Незнакомца» в «Новом времени» по поводу «Лавровского эпизода» Мещерский ревниво расценил как «суматоху», в которой ничего в сущности не было сказано.³³

Развернутую отповедь Каткову и Лаврову дал Стасюлевич, который рассказал, как в частной беседе с А. А. Мещерским Лавров утверждал, объясняя мотивы обнародования своего письма, что напечатание его было «искусным „маневром“, рассчитанным на действие этого письма в России; что он не может пропустить такого случая, как смерть Тургенева; по его соображениям, вследствие его письма должны последовать распоряжения, которые глубоко огорчат все образованное общество и в России, и в Европе, а именно — это-то и желательно, с его точки зрения; наконец, в своем положении он не считает возможным стесняться в выборе средств, и т. д.»³⁴

Скандал, разразившийся в русской прессе, побудил Лаврова к многочисленным объяснениям по этому поводу, которые сводились к тому, что инициатива субсидировать эмигрантское издание исходила от самого писателя. В статье «И. С. Тургенев и развитие русского общества» напечатанной в «Вестнике Народной воли» уже после смерти Тургенева, Лавров рассказал о свидании с ним в Париже 8 (20) февраля 1874 года, на котором писатель «жадно расспрашивал <...> о цюрихской молодежи, о ее содействии предпринимаемому мною делу» издания журнала. «...Иван Сергеевич, — продолжал Лавров, цитируя строки из некролога Тургенева, опубликованного в № 1 «Вестника Народной воли» (автор Л. Тихомиров), — „не был никогда ни социалистом, ни революционером“. Он никогда не верил, чтобы революционеры могли поднять народ

³³ Гражданин. 1883. № 38. 18 сентября. С. 23.

³⁴ Стасюлевич М. По поводу письма г. Лаврова в «Моск. ведом.» // М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. СПб., 1912 / Под ред. М. К. Лемке. Т. 3. С. 242. Далее — Стасюлевич. Впервые статья была опубликована: Новости и Биржевая газета. 1883. 14 (26) сентября. № 244. С. 1.

против правительства <...> но история его научила, что никакие „реформы свыше“ не даются без *давления*, и энергического давления, снизу на власть; он искал силы, которая была бы способна произвести это давление, и в разные периоды его жизни ему представлялось, что эта сила может появиться в разных элементах русского общества. Как только он мог заподозрить, что новый элемент может сделаться подобной силою, он сочувственно относился к этому элементу и готов был даже содействовать ему <...>. Поэтому, когда я ему нарисовал картину одушевления и готовности к самоотвержению в группах молодежи, примкнувших в Цюрихе к „Вперед!“, он, без всякого вызова с моей стороны, высказал свою готовность помогать этому изданию, первый том которого был уже около полугода в его руках и программа которого, следовательно, была ему хорошо известна. <...> Следующие два года взнос происходил через посредников <...>. Мне неизвестно, продолжал ли Иван Сергеевич свое содействие „Вперед!“, когда с концом 1876 года я оставил редакцию этого издания. Так как это было дело не личное, а взнос в кассу издания, то дальнейшие распоряжения до меня не касались».³⁵

Встреча Тургенева с Лавровым, на которой шел разговор о русской революционной молодежи, в частности о русской студенческой колонии в Цюрихе, действительно состоялась 8 (20) февраля 1874 года. На следующий день Тургенев писал Лаврову: «Любезнейший Петр Лаврович, я вчера сгоряча обещал немножко более, чем позволяют мои средства: 1000 франков я дать не могу — но с удовольствием буду давать ежегодно 500 фр. до тех пор, пока продержится Ваше предприятие, которому желаю всяческого успеха. 500 фр. за 1874-й год при сем прилагаю».³⁶ В письме от 2 (14) октября 1879 года, то есть в период, когда, по словам Лаврова, уйдя из издания, денег он уже не брал, Тургенев, отправляя очередное «вспоможение» в кассу издания, упоминает о дополнительной сумме: «Любезнейший Лавров, посылаю Вам, по уговору, деньги, из которых 200 фр. прошу передать кассе — а остальные употребить по собственному усмотрению; уезжая отсюда, я надеюсь предоставить еще 500 фр. кассе».³⁷ Свою мысль о помощи Тургенева революционерам Лавров завершил словами: «Бессознательный подготовитель и участник в развитии русского революционного движения,

³⁵ Лавров П. И. С. Тургенев и развитие русского общества // Вестник Народной воли. Женева, 1884. № 2. С. 109–112. Ср.: *Т в восп совр.* Т. 1. С. 353–354.

³⁶ ПССиП(2). Письма. Т. 13. С. 20–21.

³⁷ ПССиП(1). Письма. Т. 12. Кн. 2. С. 140.

он, тем не менее, подготовлял его и участвовал в нем».³⁸ Таким образом, несмотря на упреки, высказанные по его адресу, Лавров остался при своем убеждении, что его заявление было уместным и лишь восстанавливало истину, хотя и оговорился, что по существу Тургенев революционером не был.

Прозвучали возражения Лаврову и в зарубежной прессе. Так, известный критик М. де Вогюэ в очерке, посвященном Тургеневу, описал этот эпизод как «совершенно неправдоподобный»: «Уверяют, что некоторые политические воспоминания, возбужденные чуть ли не на самой могиле писателя, произвели большой переполох в России и что национальная скорбь рискует быть оскверненной горькими упреками. Как и следовало ожидать, крайняя партия старается перетянуть на свою сторону эту великую тень. <...> У Ивана Сергеевича рука была щедрая и открытая, как и сердце его; он без разбору жертвовал всем неимущим: достаточно было носить имя русского, чтобы быть принятым в его доме, чтобы найти его кошелек открытым и слышать из его уст ласковое слово, но если он и помогал людям, он, без сомнения, не сочувствовал их политике».³⁹

Откликнулись на полемику вокруг письма Лаврова и русские эмигранты, при этом ими было осознано, что не последнее место в этой полемике принадлежало Суворину. Некто Н. М., русский эмигрант из круга парижских знакомых Тургенева последнего периода его жизни, писал: «Тургенев был либерал в самом широком и лучшем смысле этого слова, и ни одному сколько-нибудь здравомыслящему человеку не взбредет в голову заподозрить его в какой бы то ни было прикосновенности к социально-революционным доктринам. Вот почему <...> буря, поднятая в этом смысле в русских газетах по поводу письма г. Лаврова <...> не лишена некоторого комизма. Обиднее всего то обстоятельство, что наибольшая часть этого комизма выпадает на долю газет, защищающих доброе имя Ивана Сергеевича. <...> Нужно быть в ужасной степени напуганным и обладать изумительной способностью терять присутствие духа и здравого смысла, чтобы поднимать такой панический гвалт при чем бы то ни было голословном (основательно ли оно или лживо — это все равно) заявлении о политических симпатиях человека, притом человека уже умершего, да притом еще, наконец, составляющего славу и гордость России. <...> разве это может изменить в ту или другую сто-

³⁸ Лавров П. И. С. Тургенев и развитие русского общества. С. 148. Ср.: *Т в восп совр.* Т. 1. С. 384.

³⁹ Иностранная критика о Тургеневе / Пер. Е. И. Ш. 2-е изд. СПб., <1909>. С. 67–68.

рону значение Тургенева для России, покрыть его позором или как-нибудь запятнать его имя? <...> Поэтому мне кажется, что защитники Тургенева (если только тень великого писателя не вознегодует против дерзкой попытки, например, г. Суворина записаться в его друзья и защитники), — что друзья Тургенева слишком поусердствовали <...>». ⁴⁰

Позже Лавров еще раз вернется к этой теме и дополнит свое свидетельство любопытной деталью. Описывая русское заграничное революционное движение 1870-х годов, он подробно останавливается на деятельности женщин-революционерок: Софии Бардиной, Бети (Берты) Каминской и других пламенных прозелиток социализма, наборщиц журнала «Вперед!», известных впоследствии фигуранток «процесса 50-ти». «По моим личным воспоминаниям, — пишет Лавров, — именно рассказ об этих молодых энтузиастках, посвящавших свое время, свои силы и отчасти свои средства на дело, которому они начали служить, вызвал у Ивана Сергеевича Тургенева внезапное и вполне самостоятельное решение помогать изданию „Вперед!“ взносом 500 франк<ов> в год, что исполнялось им до 1876 г. включительно. Ни с какою „просьбой о содействии“ никто никогда к нему не обращался. Документы по этому делу <речь идет о письмах Тургенева к Лаврову. — С. И.>, сообщение о котором в парижской „Justice“ в самый день отпевания Ивана Сергеевича на rue Daru, вызвало против меня громы русской прессы, были показаны нескольким, всеми уважаемым, моим соотечественникам, которые, может быть, в свое время найдут возможным засвидетельствовать это».⁴¹ Зная трепетное отношение Тургенева к русским женщинам, а тем более к нуждающимся эмигранткам (обе впоследствии покончили с собой),⁴² не трудно представить, кому именно адресовалось это «вспомоществование».

⁴⁰ Н. М. Черты из парижской жизни И. С. Тургенева // *РМ*. 1883. № 11. С. 325–326. Ср.: *Т в восп совр.* Т. 2. С. 162–163. По предположению Л. Р. Ланского, автором воспоминаний является эмигрант Н. С. Мазурин, инициалы и фамилия которого выгравированы на венке Тургеневу от его парижских знакомых (см.: *ЛН*. Т. 76. С. 649). Однако И. С. Зильберштейн полагает, что воспоминания принадлежат писателю и публицисту Митрофану Нилычу Ремезову (1835–1908), сотруднику журнала «Русская мысль», в котором они были опубликованы (см.: *Т в восп совр.* Т. 2. С. 470). Отметим, что ни один из этих эмигрантов не указан в словаре: Деятели революционного движения в России: Библиографический словарь / Сост. А. А. Шиловым и М. Г. Карнауковой. Т. 2: Семидесятые годы. Вып. 3: М–Р. М., 1931.

⁴¹ *Лавров П. Л. (П. Миртов)*. Народники-пропагандисты 1873–78 годов. СПб., 1907. С. 69 (Гл. 2: Русское заграничное революционное движение 1873–77 годов).

⁴² См.: Деятели революционного движения в России. Т. 2. Вып. 1. Стлб. 81–83; Т. 2. Вып. 2. Стлб. 537–538. «В одном его <Лаврова. — С. И.> можно было справед-

Следует отметить, что именно публикации Суворина вызвали особую неприязнь радикально настроенной молодежи. Так, в распространяемой в день похорон 27 сентября (9 октября) прокламации «И. С. Тургенев», написанной народовольцем П. Ф. Якубовичем, говорилось: «Над не зарытой еще могилой поэта, у его свежего трупа происходит настоящая свалка. Среди этого шума и гама громче всех раздаются голоса нововременских флюгеров, у которых за душой не имеется ни одного истинного, не продажного чувства <...>. В минуту небывалого пригнетения родины эти бульварные руководители общественного мнения ударяются в область красоты <...> во имя формы глумятся надо всем, в чем просвечивает ненавистная им революционная мысль и чувство. Умер Тургенев — они и его привлекают в свои жирные объятия и его торопятся отделить ревнивой стеной от всякой злобы дня, от русской молодежи, от ее идеалов, надежд и страданий <...>. Гг. Стасюлевичами, Я. Полонскими, и комп., якобы друзьями покойного, опубликованы как письменные, так и устные мнения И. С. Тургенева о русской революции, в которую он будто бы не верил и которой не служил. Но мы и не утверждаем, что он верил. <...> это для нас безразлично. Для нас важно, что он служил русской революции сердечным смыслом своих произведений, что он любил революционную молодежь <...> Катков с нами согласен».⁴³

Таким образом, прокламация, посвященная защите Лаврова от Суворина, окончательно возводила Тургенева в ранг не только осознанных сочувственников революции, но и тех, кто субсидировал ее грядущее торжество. Не исключено, что именно такой исход, явившийся результатом публикации «Московских ведомостей» с казалась бы невинным мемуарным свидетельством, планировался и был спровоцирован Лавровым, который использовал Каткова, зная историю сложных отношений между ним и Тургеневым, в своих целях. Скандал, вызванный публикацией этого письма, побудил Каткова выступить с ответным словом в редакционной статье без подписи и заглавия: «Москва, 19 сентября. Печать наша вдруг напустилась с удивительным пылом на корифея рус-

ливо упрекнуть, — вспоминал Г. Н. Вырубов: — оставаясь сам вне всякой опасности, он разжигал и без того уже разгоряченные страсти молодежи. Сколько „лавровцев“ погибло в русских тюрьмах и сибирских тундрах!» (*Вырубов Г. Н. Революционные воспоминания. С. 70*).

⁴³ *Якубович П. Ф. И. С. Тургенев (прокламация народовольцев) // И. С. Тургенев в воспоминаниях революционеров-семидесятников / Собрал и комментировал М. К. Клеман; ред. и введение Н. К. Пиксанова. М.; Л., 1930. С. 3, 8.*

Похороны Тургенева. Постановка гроба на траурную колесницу у станции Варшавской железной дороги. Гравюра по рисунку К. Брожа. 1883 г.

ских социалистов и революционеров, известного Петра Лаврова. <...> Умер Тургенев и Лавров счел своим долгом почтить его память изъявлением благодарности за поддержку, которую тот оказывал Лаврову при издании социалистского и революционного органа „Вперед!“ . И вот теперь только и речи, что об этом якобы гнусном поступке Петра Лаврова; он-де оклеветал знаменитого писателя, он лжец, злоумышленник, негодяй. <...> Мы оказались чуть не соумышленниками Лаврова, чуть не продиктовали ему это заявление». При этом редактор «Московских ведомостей» дал неожиданное «объяснение» поступку писателя: «Пятьюстами франков, которые Тургенев ежегодно посылал в редакцию революционного журнала „Вперед“, и другими подобными щедротами он откупался от травли, которая не давала ему покоя в шестидесятых годах и которая сразу прекратилась в семидесятых, когда Тургенев решил платить дань печенегам и половцам». Версия Каткова, разумеется, не выдерживает критики, но по сути дела он был недалек от истины. Факт поддержки Тургеневым революционного органа отрицать нельзя, как нельзя не признать доли справедливости в следующем его утверждении: «Тургенев был художник по преимуществу. <...> Политические интересы мало занимали его, и он не имел твердого гражданского

образа мыслей. Все достоинство его произведений заключается в чистой художественности. <...> Если талант Тургенева не отличался глубиной и обширностью концепций, то произведения его блещут прелестью рассказа, поэзией описаний, тонкостью отделки».⁴⁴

Суворин отразил и этот выпад Каткова: «Как однако дешево можно откупиться от нынешних печенегов и половцев! Впрочем, по тону статьи видно, что г. Катков скорее иронизирует, чем говорит серьезно».⁴⁵ «Странное дело! — отвечает Суворин. — Иностранцы о Тургеневе лучшего мнения, чем г. Катков. Дело не в том, что он „всемирный гений“, а в том, что он не уступит ни одному из современных европейских писателей. Этого довольно».⁴⁶

Накануне похорон, 25 сентября, Суворин вновь вернется, в связи с парижской надгробной речью Г. Н. Вырубова, к настойчиво развиваемой им теме национальной принадлежности писателя: «...отчего так торжественно и симпатично отнеслась вся Европа к Тургеневу и так незаметно прошла смерть Герцена <...> отчего смерть Тургенева прошла гораздо заметнее в этой Европе, чем смерть Жоржа Санда, Теккерея, Диккенса, Дарвина? Что за струна такая оборвалась <...> которая издала такой яркий, громкий, всем понятный звук, что все поспешили ответить на этот звук своими симпатиями?...». Суворин убежден, что в лице Тургенева Русь предстает «не ученицей Европы, робко списывающей с образцов», а самостоятельной и образованной страной, «во всеоружии своего просвещения и таланта».⁴⁷

Кульминацией общественного настроения стали состоявшиеся 27 сентября (9 октября) проводы траурной колесницы с телом писателя от Варшавского вокзала до Волкова кладбища, куда стекался многотысячный людской поток под присмотром полиции и войск. Подробная хроника этого события была опубликована в «Новом времени» на следующий день.⁴⁸ Не последнюю роль в подготовке этой кульминации сыграли пуб-

⁴⁴ *МВед.* 1883. 21 сентября. № 262. С. 1. Б. п.

⁴⁵ <Суворин А. С.?) Среди газет и журналов // *НВр.* 22 сентября (4 октября). № 2718. С. 2–3.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ *Незнакомец* <Суворин А. С.> Письма к другу. XXXIX // *НВр.* 1883. 25 сентября (7 октября). № 2721. С. 1.

⁴⁸ См.: <Б. п.> Похороны Тургенева // *НВр.* 1883. 28 сентября (10 октября). № 2724. С. 1–2. Среди 176 депутатий на похоронах редакция «Московских ведомостей» не была представлена. Краткая заметка о прошедшей церемонии была опубликована в газете на следующий день, см.: *МВед.* 1883. 28 сентября. № 269. С. 2.

ликация Суворина, воплотившего свою основную мысль, что истинно национальный писатель заслуживает признания своего народа.

Однако история с «прискорбным переполохом» имела дальнейшее продолжение. Накануне первой годовщины со дня смерти Тургенева Катков возобновил свои нападки на писателя и перепечатал из женевского подпольного издания, редактируемого Лавровым, фрагмент из его воспоминаний о Тургеневе, снабдив эту публикацию собственными комментариями. Катков приводит следующие строки Лаврова: «Иван Сергеевич оказал услугу русским либералам и мертвый», русское правительство не смогло «препятствовать» торжеству похоронной «церемонии, в которой участвовали все оппозиционные силы России, группируя около себя», следовательно против правительства, «множество сил в сущности вовсе не оппозиционных», и таким образом был нанесен «удар призраку непоколебимости русского абсолютизма. Мертвый Тургенев, окруженный пением православных попов», продолжал «бессознательно дело своей жизни»; и его художественные типы, и «его покрытый бесчисленными венками гроб были ступенями, по которым неудержимо и неотразимо шла к своей цели русская революция».⁴⁹ На сей раз Катков не смог сдержать эмоций: «Как вам все это нравится, м<илостивые> г<осударь>? — вопрошали «Московские ведомости» в редакционной статье без подписи и заглавия. — Ошибались ли мы, раскрывая в прошлом году смысл демонстрации на могиле Тургенева? Требовалось заставить Россию чествовать революционный принцип под именем писателя, который по малодушию или по тщеславию отдал свой флаг для прикрытия революционной контрабанды; требовалось заставить массу людей, не имеющих ничего общего с *отпозиционными* партиями, повиноваться их распоряжению; требовалось заставить самое правительство или его учреждения покорно следовать их команде».⁵⁰

Выпад Каткова Суворин парировал немедленно: «Из того революционного чада, которым дышат Лавровы, ничего другого и ждать нельзя, кроме головокружительных обобщений! Но г. Катков?.. Он ведь не в женевских подпольях черпает свои вдохновения?». «Никто не забыл, конечно, — продолжал он далее, — как отнесся г. Катков к своему бывшему сотруднику, писателю Тургеневу, когда последний умер и русское общество почтило память его приличным случаем образом», и вот те-

⁴⁹ Лавров П. Л. И. С. Тургенев и развитие русского общества. С. 149.

⁵⁰ МВед. 1884. 8 августа. № 218. С. 2.

перь последовали его новые «соображения», которые Лавров встретит «с не меньшим восторгом».⁵¹

Однако и на этом своеобразная «дуэль» Суворина и Каткова не закончилась. «Московские ведомости» в скором времени поместили статью «Тургенев и нигилисты», анонимный автор которой с помощью выдержек, отобранных из той же статьи Лаврова, постарался доказать, что Тургенев «сочувствовал не только теоретикам, но и практикам нигилизма».⁵² Ответ Суворина не заставил себя долго ждать: «...г. Лавров старается всеми силами навязать и Тургеневу и его произведениям тот смысл, какого они не имели. И это понятно: лестно пристегнуть такое имя к своей партии! Можно ли без смеха читать, что Тургенев говорил, что сам бы пошел в нигилисты, если б не был так стар! Ведь это дико слышать». Подводя черту под затянувшейся полемикой, издатель «Нового времени» выносит окончательный вердикт: «Что Тургенев далеко не был тем, что сказывается „характером“, что он был способен подделываться под вкус того, с кем говорил, что он склонен был искать популярности, хотя его талант и без того давал ему нечто высшее — именно славу, это знают все, кто знаком был с ним; но чтобы он был способен сочувствовать злодействам <речь идет об известной реакции Тургенева на покушение народовольца А. К. Соловьева на Александра II. — С. И.> — этого никто не докажет и никто доказать не может».⁵³

Из большого числа посвященных Тургеневу некрологических статей, воспоминаний, заметок, сообщений, объявлений, напечатанных в «Новом времени» в течение конца августа — сентября 1883 года, для публикации были отобраны, помимо упомянутого ранее некролога, подписанного «Незнакомцем», наиболее интересные и содержательные статьи. Можно предположить с большой долей уверенности, что большая часть посвященных Тургеневу статей без подписи принадлежит перу Суворина, хотя это предположение требует дополнительных аргументов. Как бы то ни было, все эти публикации делались с ведома Суворина и отражали его взгляд на вещи. Собранная воедино, посмертная тургениана «Нового времени» представляет несомненный интерес для истории русской литературы и журналистики.

Все статьи публикуются в хронологическом порядке, по текстам газетных публикаций, в соответствии с современными нормами орфографии и пунктуации, за исключением характерных особенностей авторского написания, сохраняемых в публикации.

⁵¹ *НВр.* 1884. 10 (22) августа. № 3035. С. 2 (б. п.; раздел «Среди газет и журналов»).

⁵² *МВед.* 1884. 17 сентября. № 258. С. 3.

⁵³ <Суворин А. С. ?> Маленькая хроника // *НВр.* 1884. 19 сентября (1 октября). № 3075. С. 3.

Письма к другу. XXXV

Тургенев умер. Почти несколько лет сряду смерть уносит у нас лучших людей, и сиротливее становится общество, беднее наша литература. Великие таланты нас покидают, учителя уходят от нас...¹

Тургенев умер от рака спинного хребта, после страданий сверхчеловеческих, которые тянулись почти целый год. Крики, стоны, внутренние рыдания, отчаяние, переходящее в бессилие, гнев, обращающийся в ярость, — все это он испытал и узнал, и если так долго продолжался этот бой с мучительной болезнью, то виновата сильная натура больного. Наука ничего не помогла. Она только определила болезнь, что-то резала, гадала и выдумывала, по обыкновению наврала и в определении болезни, назвав ее грудною жабой,^{* 2} и давала одуряющие вещества, которые на время прекращали страдания. И то слава Богу, что природа создала нечто такое, что дает возможность человеку отдохнуть от мучений. Океаниды утешали Прометея, которого терзал коршун, морфий утешает современного человека, когда его терзает коршун болезни. А жить все хочется. Чуть утихнет боль, чуть успокоится плоть, и душа тотчас засияет жаждою жизни, любовью к этому свету. Как в нем ни дурно порою, как ни скучно, а инстинкт жизни зовет к жизни и к свету. И дни идут, сияет солнце и заходит, и надежда, как солнце, то сияет, то одевается покровом ночи, и воображение рисует все то, что будет и над гробом нашим и там, откуда не приходил ни один странник. Какие новые места, новые впечатления и горизонты, быть может новые знакомства, быть может — ничего... Ничего!.. Дух не может с этим помириться. Пока есть сознание, оно страстно желает жить и за гробом. А здесь, пока тело не опущено еще в землю — здесь все так старо, так знакомо... Раньше всех постучится гробовщик... Бедный страдалец! Раньше гробовщика к Тургеневу явился г. Маркс, издатель «Нивы», и старался снять с него мерку. Больной отбивался, горячился, но Маркс был непреклонен — ему надобна была расписка в том, что он хотел снять с него мерку. Ему дали ее, тогда он оставил больного в покое и напечатал с искренностью младенца, как он являлся к Тургеневу в качестве гробовщика...³

* Не европейские врачи верно определили болезнь, а русский врач, Белоголовый. — *Примеч. Суворина.*

Теперь лежит этот сильный человек заколоченным в гробу и никто его не потревожит, никто и ничего от него не потребует. Гроб поставят в вагон и привезут сюда. Мертвый проедет поэт эту Европу, которую он так любил. Петербург выйдет к нему навстречу и увенчает лаврами и цветами, и прольются искренние слезы над тем, кто будил чувства и разум, кто создал вечные образы героев и героинь, которым он дал плоть и кровь, которых оторвал от своей души и заставил жить вечно. Как Бог создал бессмертную душу, так творит художник бессмертных людей. Когда обыкновенного человека опускают в могилу, опускают только его тело; когда погребают художника, погребают вместе с ним и ту часть творческой силы, которую остановила смерть. Как не жалеть и не плакать! Будет плакать особенно искренно русская женщина — он был ее поэтом по преимуществу, он любил ее и знал, и она его горячо любила. Никого русская женщина так не любила, как Тургенева; это ее кумир, ее полубог. Ни одной строки во всех томах его произведений не найдешь, что б оскорбило, что б задело чуткую душу женщины. Он любил женщину деликатную, изящную в душе и сердце, и ставил ее на пьедестал. Он был рыцарем ее, и она это понимала. Его Одинцова отвернулась от Базарова, когда тот бросился на нее грубо и выдал перед нею свою невоздержную страсть. Любовь должна знать границы, и женщина внушать к себе чувство уважения. Даже от его крестьянок веет поэзией и тою грацией, которая должна быть в женщине. В этом морализующая сила его женских лиц, их права на внимание, на свободу, на высокое положение в обществе. И русская женщина это сознает и потому так горячо любит своего поэта, истолкователя своей жизни. Тургенев первый вывел женщину из замкнутой среды любви и семейного очага, он первый дал ей силу сочетать любовь с задачами общественной жизни, он первый указал ей новые пути, не лишая ее женственности, не отнимая от нее того, что всегда составляло и будет составлять ее настоящую силу. И русская женщина понимала это чутьем, чувствовала правду этого даже тогда, когда она думала, что освободилась от всех этих прикрас, от всей этой женственности и поравнялась с мужчиною. Во время пушкинского праздника можно было наблюдать некоторый раскол между женщинами: одни отошли к Достоевскому, другие колебались между тем и другим, но над этим расколом блеснул образ Лизы из «Дворянского гнезда», чудесный образ, поставленный высоко самим Достоевским, рядом с Татьяной Пушкина.⁴ Лиза мирила, мирила та ясная женская любовь, которая разлита в его произведениях и которая в последние годы явилась в каком-то таинственно-прекрасном, млеющем и дрожащем экстазе в «Песни торжествующей любви» и в «Кларе Милич». Он был

поэтом женщины, и после Пушкина ни у одного из писателей наших любовь не являлась в таких чарующих душу чертах, в таком обольстительно стыдливом образе... «Или рядом с другом моим, Белинским, положите меня, или у ног моего учителя, Пушкина», — говорил страдалец-поэт на смертном одре...⁵

Мериме справедливо указал, что в натуре Тургенева много женского.⁶ Этот атлет по виду, высокий, широкоплечий, плотный и сильный, был застенчив и легко подчинялся, подчинялся, как ребенок, во всем том, что не трогало его убеждений. О нем ходит множество рассказов, для передачи которых нужен изящный юмор Диккенса и его правдивый, не оскорбляющий тон. В обществе он очаровывал женщин и мужчин мастерством своей беседы, своего рассказа, всегда приправленного юмором и добродушием. Он воодушевлялся, вскакивал, жестикулировал, добрые глаза его светились так, точно улыбались они, а голос повышался до детского тона и звенел искренностью.⁷ Кто был на пушкинском празднике, тот вспомнит, как он смеялся, как ребенок, и краснел, как школьник, когда начал говорить «Пророка» Пушкина наизусть, сбился и забыл.⁸ Его простая и хорошая душа светилась в этом смущении, как светится она в его произведениях, как светилась во всякой беседе, во всяком рассказе. Он был настоящим джентльменом, чуждым всякой несдержанности и угловатости в своих сношениях с людьми. Базарову он не мог сочувствовать, хотя изобразил его с необычайной правдой. Он был совсем не того закала человек и его объяснение по поводу «Отцов и детей» не вполне искренно.⁹ Он в этом случае поднимал себя в чужую сферу, старался найти в себе то, что если и было, то было в минуты озлобления. Он близок к Лаврецкому. Автобиографические подробности есть в «Пунине и Бабурине», как он писал раз, когда этот очерк явился в печати в исправленном виде.¹⁰ Пессимистом он никогда не был и на жизнь смотрел светло, да светла она и была у него. Он никогда не знал ни бедности, ни нужды, ни даже необходимости работать. Он был вполне обеспеченный, даже богатый человек. Он мог работать на свободе, когда хотел, когда мог работать, когда его влекло к работе, когда понуждало вдохновение. Но он работал постоянно и неутомимо, потому что постоянно горел в его душе светоч таланта и потребность говорить с своей родиной. Он не писал только свои произведения, но вырабатывал их. Его рукописи были всегда прекрасно переписаны им самим, его ясным и твердым почерком, и он признавал это необходимым, так как, переписывая сам, ясно видишь недостатки, длинноты, излишнее, неловкие слова и фразы. Гончаров приводил в отчаяние г. Стасюлевича своими корректурами, перемарывая целые страницы,

когда «Обрыв» печатался в «Вестнике Европы»;¹¹ граф Лев Толстой в такое же отчаяние приводил г. Бартенева, когда тот наблюдал за печатанием «Войны и мира»: корректуры исписывались чуть ли не так же, как исписывал их Бальзак, и только что наборщики поправят — новые краски ложились на старые.¹² Тургенев отделявал свои произведения в рукописи так же тщательно, как отделяет художник свою акварель. Один из очень даровитых писателей, приятель Тургенева и Толстого, любил сравнивать первого с художником-акварелистом, а второго с художником, который пишет масляными красками.¹³ У Тургенева все приведено в гармонию, все тщательно отделано и вырисовано, Толстой широкой и сочной кистью пишет, и краски ложатся как бы сами собой, выпукло, ярко, могуче. Но если Тургенев акварелист, то великий акварелист, и только великий талант, весь проникнутый служением родному искусству, родной литературе, мог так высоко ставить Льва Толстого, что называл его слоном в сравнении с собою.¹⁴ И Толстой дошел до пессимизма, до отрицания жизни, до мысли о самоубийстве, от которого спасло его христианство. Тургенев мирился с жизнью, которая, повторяю, была светла у него и начала ему улыбаться с самого раннего возраста. Первые же произведения, стихотворные и относительно слабые, доставили ему уже известность и любовь публики. Любовь эта росла и росла, и если после «Отцов и детей» поколебалась в одной части общества, в особенности среди молодежи, то это было простым недоразумением, которое тем более огорчило Тургенева, чем он яснее видел он <так!> несправедливость упреков.¹⁵ Этому недоразумению, однако, мы обязаны теми блестящими страницами в «Дыме», где он рисует высшее петербургское общество, съехавшееся на воды в Баден-Баден. Страницы эти — художественная сатира, и Тургенев прав, когда говорил в своих письмах, что «художественное произведение — если оно удалось — злее самой злой сатиры».¹⁶ Вообще же жизнь Тургенева шла среди литературных триумфов и общей любви, и недоразумения между ним и читателями были легкие облачка, тревожившие Тургенева лишь потому, что душа у него была слишком впечатлительная.

Лет восемь тому назад он писал в одном письме: «После 40 лет жить точно — не совсем весело, особенно в течение первых десяти лет. Ну, а потом под влиянием холодка, веющего от могилы, человек успокаивается. Мне одна петербургская немка-старуха, бывало, говаривала: Под старость жисть подобна есть мухе: „пренеприятный наксеком. Надотерпейт!“ — Именно надо терпеть!»¹⁷ Надо в то же время принять во внимание, что поколение писателей, к которому принадлежал Тургенев, отличалось всегда необыкновенною внутреннею живучестью и со-

храняло до глубокой старости что-то свежее и бодрое вместе с ясной надеждой на будущее. Эти старики среди тридцати- и сорокалетних представителей нашего поколения казались юношами, исполненными подвижности, говорливости, юмора, общительности, веселости. Присутствие хорошенькой женщины, просто приятное расположение духа, внутренняя потребность в общительности сейчас же делали их душою общества, и занимательная, чудесная речь так и лилась из их уст. Они шире были образованы и лучше воспитаны, в лучшей обстановке, чем мы. Мы как-то специализировались, разбились на кучки, завернулись в самолюбия и в свои политические воззрения, и для нас не существует всего того разнообразия жизни, которое существовало и существует для них. Мы и трудимся иначе — порывами, нервно, запоем, не рассчитывая своих сил, не сберегая их, мы и не проживем так долго, как они, да жалеть об этом никто не станет. Другая среда, другие нравы, более мелочно-политические, специализованные и замкнутые, нахмуренные какие-то и деловитые; начинается господство демократии, крикливых озлобленных споров, страстной погони за куском насущного хлеба, материального и нравственного; у них же были нравы художественного, широкого круга, которому все человеческое было не чуждо, и всему они отдавались с большей верою в жизнь и в ее многообразные задачи и наслаждения. Тургенев был наиболее ярким выразителем этого литературно-художественного круга, наиболее ярким, блестящим и глубоким. Он везде был свой, везде, где присутствовала живая душа, где билось человеческое сердце, где интересы повышались над уровнем пошлой обыденности. Аристократ по рождению, воспитанный как аристократ в лучшем смысле этого слова, он искал аристократии ума и таланта. И герои его аристократы ума, таланта или чувства, униженные и унижаемые, но безраздельно владеющие нашими симпатиями и возвышающие наш дух, наше сердце. Лучше ли, что он жил в Европе, которая не могла ему дать больше того, что он получал бы из этой Европы и в России? Вопрос, который можно решать так или иначе. Тут большую роль играют личные симпатии, сердечная привязанность и привычка. Тут пришлось бы касаться слишком деликатных струн. Над гробом великого таланта не место таким спорам. Мы почитаем в нем своего русского человека, свой русский огромный талант, который служил только России, писал только о России и давал лучшую часть своей души, свое творчество, только России. И Русь наиболее и ценила его, а за Русью — Германия и Соединенные Штаты. Да, Германия, а не Франция, где он жил. Там были его домашние привязанности, там были друзьями его большие таланты, как Флобер, Жорж Занд, Додэ, Зола, только сильные

таланты признавали его там и любили, но читатели, критики мало интересовались им. Только Россия понимала его вполне. В России и жить он будет вечно в своих произведениях, в русской земле успокоится и прах его и соединится с нею навек... «Хвала и честь Европе!» — воскликнул над гробом его один русский журналист.¹⁸ Причем тут Европа? Он был там гостем, у нас — он свой, любимый, лучший сын своей родины. Хвала и честь России, что она произвела такой талант, воспитала его и сберегла, дала ему высказаться и возмужать и слушала с восторгом его художественные, чудные, пророческие речи...

Незнакомец.

Печатается по: *НВр*. 1883. 28 августа (9 сентября). № 2693. С. 1–2.

¹ Вероятно, не случайно Суворин начинает некролог так же, как в свое время Тургенев начал свою статью по поводу смерти Гоголя: «Гоголь умер! Какую русскую душу не потрясут эти два слова? <...> Да, он умер, этот человек, которого мы теперь имеем право, горькое право, данное нам смертию, назвать великим <...>» (*ПССиП*(2). *Соч.* Т. 11. С. 64). Суворин, разумеется, читал эту статью. В письме к Тургеневу от 25 марта 1875 г. он спрашивал: «...Вас выслали в деревню за письмо о Гоголе <...>?» (см.: Три письма А. С. Суворина к Тургеневу. С. 339, 342, примеч. 25). В 1902 г. он записал в своем дневнике: «Когда Гоголь умер 50 лет тому назад, Тургенева посадили под арест за то, что он напечатал статью о Гоголе, назвав его гениальным писателем» (*Суворин А. С. Дневник*. С. 434).

² Один из лучших парижских врачей Ф.-С. Жакку (Jaccoud), а также знаменитый врач Ж.-М. Шарко (Charcot) диагностировали Тургеневу грудную жабу и прописали строгую молочную диету, которая дала временное улучшение в самочувствии писателя. Консультировал Тургенева в последний период его жизни *Николай Андреевич Белоголовый* (1834–1895), лечивший Н. А. Некрасова и М. Е. Салтыкова-Щедрина. Личное знакомство Белоголового с Тургеневым состоялось в марте 1882 г., в течение полутора лет врач наблюдал за здоровьем писателя. 28 апреля (10 мая) 1882 г. Тургенев писал Ж. А. Полонской, что его смотрели многие доктора, среди которых и Белоголовый, которые поставили диагноз «*подагрическая невралгия сердца*» (*ПССиП*(1). *Письма*. Т. 13. Кн. 1. С. 243). В июне Белоголовый посоветовал Тургеневу проконсультироваться у французского терапевта Жакку. Среди врачей, лечивших Тургенева, были также Поль-Фердинанд Серон (Segond), Л. Б. Бертенсон, Пьер-Карл-Эдуард Потэн (Potain), Эдгар Гиртц (Hirtz), Жюль-Гастон Маньен (Magnin), Виктор Бюрк (Burg), Поль-Камилл-Ипполит Бруардель (Brouardel).

Л. Д. Урусов, друг Л. Толстого, писал ему 7 (19) апреля 1883 г.: «Бедный Тургенев очень страдает. Я выдаю его, когда нет припадков. Он умоляет, чтоб его отравили, сделался раздражителен и говорит, что желает одного — смерти. Никто до сих пор не знает, что у него, и доктора действуют ощупью. То у него была *angine pectorale* <грудная жаба — *франц.*>, то *inflammation de la gaine des nerfs* <воспаление нервных центров — *франц.*>, а теперь *returbations cardiaques* <нарушение сер-

дечного ритма — *франц.*), мерзавцы изожгли, искололи и измучили его. Правда, что нельзя оскультировать <прослушать. — *С. И.*> его, следовательно, и определить болезнь: но тогда надо бы оставить его в покое» (см.: О Тургеневе / Публ. Е. Молоствовой // *Звенья*. Вып. 6. С. 798; в *Летописи* письмо не отмечено). В последнем письме к Л. Толстому Тургенев писал: «...доктора даже не знают, как назвать мой недуг, *névralgie stomacale goutteuse* <желудочно-подагрическая невралгия — *франц.*>. Ни ходить, ни есть, ни спать <...>» (*ПССиП(1)*. *Письма*. Т. 13. Кн. 2. С. 180). Наблюдения Белоголового нашли отражение в его мемуарных записках «Кое-что о болезни И. С. Тургенева», опубликованных сразу же после смерти Тургенева и, безусловно, известных Суворину. Наблюдая за больным и анализируя заключения других врачей, Белоголовый описал ход болезни и диагнозы французских врачей, лечивших писателя: «Мне казалась сомнительною и диагностика профессора П. Бруарделя, признававшего у И. С. аневризму дуги аорты, и несколько натянутым — предположение профессора Потэна, что в данном случае болезнь заключается в воспалении нервов в связи с перерождением кровеносных сосудов». Врач семьи Виардо Ж.-Г. Маньен был также, по словам Белоголового, «совершенно сбит с толку разнообразными диагностами парижских знаменитостей: Шарко, Жакку, Бруарделя и Потэна». После осмотра, который состоялся в марте 1882 г., Белоголовый «высказал свое предположение доктору <Маньену. — *С. И.*> о вероятности в данном случае мелких раковых или саркоматозных узлов в спинном хребте и, вероятнее всего, на мозговых оболочках». Узнав впоследствии из опубликованных результатов вскрытия о том, что у Тургенева «нашли рак позвоночника», он заметил: «...нельзя не подосадовать, что эта весьма редкая форма болезни не была клинически прослежена с должными подробностями и что само вскрытие, по причине перевозки тела, не могло быть сделано с тою обстоятельностью, какая была бы желательна» (*Белоголовый Н. А.* Воспоминания и другие статьи. М., 1897. С. 411–419). Диагностика болезни Тургенева занимала и других русских медиков — см.: *Бертенсон Л. Б.* История болезни Ивана Сергеевича Тургенева («Медицинский вестник», № 36) // *Новости и Биржевая газета*. 1883. 4 (10) сентября. № 154. С. 5; Мнение С. П. Боткина о ходе болезни И. С. Тургенева (Читано в обществе русских врачей 27 октября) // *Новости и Биржевая газета*. 1883. 29 октября. № 209. С. 2. Протокол вскрытия Тургенева, был опубликован Сувориним позже по подлиннику, переданному в редакцию «Нового времени» (см.: *НВр*. 1883. 16 (28) октября. № 2742. С. 2; см. также: 17 (29) октября. № 2743. С. 2 — список опечаток в публикации протокола; С. П. Боткин о болезни Тургенева <по поводу протокола вскрытия> // *НВр*. 1883. 29 октября (10 ноября). № 2755. С. 3). О протекании предсмертной болезни Тургенева см. также: *Утевский Л. С.* Смерть Тургенева. 1883–1923. С. 45–46; *Waddington P.* Turgenev's Mortal Illness from its Origins to the Autopsy. Pinehaven, NZ, 1999.

³ Речь идет об издателе еженедельного иллюстрированного журнала «Нива» А. Ф. Марксе, посетившем 26 мая (7 июня) 1883 г. тяжело больного Тургенева в Буживале (см.: *Летопись (1876–1883)*. С. 525). Буквально за несколько дней до смерти Тургенева Маркс, сообщив о «тяжкой болезни маститого писателя», опубликовал описание этого свидания: «Мы поздоровались и первым его вопросом было: приехал ли я в Париж для того только, чтобы с ним переговорить? Конечно, я подтвердил. „Мне досадно, — сказал И. С., — что вы приехали понапрасну“. И. С. казался

очень большим, взволнованным и расстроенным <...>. Когда я наконец упомянул, не позволит ли он напечатать в „Ниве“ некоторые из его писем, чтобы дать что-либо читателям, раздражение его усилилось и он сказал: „Но Боже! ваши читатели не какие-нибудь тигры и львы! Наконец приходится покориться этому *état de force majeure* <чрезвычайному обстоятельству — *франц.*>. Я — измученный старик, который ждет смерти как избавления от вечных страданий и который не надеется на выздоровление. <...>“ Более ничего нельзя было сделать. Он был так расстроен, как только может быть тяжело больной, и так слаб, что я поторопился окончить разговор. <...> Остается надеяться, что крепкая натура Ивана Сергеевича все же выдержит тяжкую болезнь» (<*Маркс А. Ф.*> Об И. С. Тургеневе (От издателя). С. 820–821).

⁴ Достоевский в своей Пушкинской речи высказался о Татьяне как о главной героине «Евгения Онегина», «апофеозе русской женщины» и добавил: «Можно даже сказать, что такой красоты положительный тип русской женщины почти уже и не повторялся в нашей художественной литературе — кроме разве образа Лизы в „Дворянском гнезде“ Тургенева и Наташи в „Войне и мире“ Льва Толстого» (*Достоевский*. Т. 26. С. 140); однако заключительная часть фразы в печатный текст не вошла. Н. Н. Страхов вспоминал: «При имени Тургенева зала, как всегда, захохотала от рукоплесканий и заглушила голос Федора Михайловича. Мы слышали, как он продолжал: „...и Наташи в «Войне и мире» Толстого“. Но никто в зале не мог их слышать, и он должен был остановиться, чтоб переждать, когда утихнет вновь и вновь подымавшийся шум. Когда он стал продолжать речь, он не повторил этих заглушенных слов и потом выпустил их в печати, так как они действительно не были произнесены во всеуслышание» (цит. по: Там же. С. 496). Присутствовавшая на выступлении Достоевского Л. Ф. Нелидова вспоминала: «Всем памятно то движение руки, поцелуй, посланный Тургеневым Достоевскому в минуту, когда он в своей речи говорил о Лизе из „Дворянского гнезда“. Все знали о их неприязненных отношениях, и это была одна из лучших минут этого удивительного праздника» (*ВЕ*. 1909. № 9. С. 236). 17 августа 1880 г. И. С. Аксаков в письме к О. Ф. Миллеру сообщал о реакции Тургенева на это сопоставление: «Ив. Сергеевич вовсе этого от Достоевского не ожидал, покраснел и просиял удовольствием. Такое сопоставление создания Пушкина, препрославленного в данную минуту, сопоставление публичное, торжественное, с его собственным творением не могло, разумеется, не быть приятно Тургеневу. <...> Некоторые тогда же подумали, что со стороны Достоевского это было своего рода *captatio benevolentiae* <заискивание — *лат.*>. Это несправедливо. Ровно дней за двенадцать <...> Достоевский в разговоре со мною о Пушкине повторил почти то же <...> и так же упомянул о Лизе Тургенева, прибавив, впрочем, при этом, что после этого Тургенев ничего лучшего не написал» (*ЛН*. Т. 86. С. 514). Сам Достоевский в письме к С. А. Толстой (вдове А. К. Толстого) от 13 июня 1880 г. писал: «Все плакали, даже немножко Тургенев. Тургенев и Анненков <...> кричали мне вслух, в восторге, что речь моя гениальная и пророческая. „Не потому, что вы похвалили мою Лизу, говорю это“, — сказал мне Тургенев» (*Достоевский*. Т. 30. Кн. 1. С. 188). Суворин присутствовал на заседании, на котором Достоевский произнес свою речь, и вел переговоры с писателем о публикации ее в «Новом времени» (см.: *Суворин А. С.* Дневник. С. 351; *Достоевский*. Т. 26. С. 456–457).

⁵ О своем желании быть похороненным рядом с В. Г. Белинским Тургенев говорил М. М. Стасюлевичу, а также А. В. Топорову и, согласно воспоминаниям А. П. Боголюбова, А. А. Мещерскому, присутствовавшему при кончине писателя. В письме к М. М. Стасюлевичу из Парижа от 18 (30) июля 1883 г. Топоров сообщал: «Вчера, в Буживале, я познакомился с кн. Орловым, долго гулял с ним и разговаривал о Т<ургеневе> и о том, что он просил меня перевезти его, мертвого, в Россию и похоронить на Смоленском <описка: на Волковом. — С. И.> кладбище, возле Белинского» (см.: *Стасюлевич*. Т. 3. С. 262). Боголюбов, посетивший смертельно больного Тургенева в самом конце июля, вспоминал: «Тут кн. Мещерский, настаивавший и прежде моего входа к Тургеневу, чтоб я завел разговор с ним о месте его погребения, на что я, конечно, никогда бы не согласился, прямо в упор сказал французу <А. Дювернуа, зятю Полины Виардо. — С. И.>: „Ну а хоронить, где его собираетесь?“ — „Это вопрос почти решенный. Он всегда говаривал, что желал бы лежать у ног своего учителя Пушкина, но в конце концов сказал — положите меня рядом с Белинским“» (Из «Записок моряка-художника» / Публ. Н. В. Огаревой // *ЛН*. Т. 76. С. 462). Однако место рядом с могилой Белинского на Волковом кладбище было занято, поэтому распорядители похорон Тургенева купили место для могилы писателя около соборной церкви (см.: *НВр*. 1883. 14 (26) сентября. № 2710. С. 1). П. Виардо намеревалась похоронить Тургенева на парижском кладбище Пер-Лашез, так как в разрешении на захоронение в России не был упомянут Петербург (см.: *Стасюлевич*. Т. 3. С. 233). По воспоминаниям Боголюбова, А. А. Мещерский «при разговоре с покойным» «вывел заключение, что Иван Сергеевич хотел знать мнение Mme Виардо, где быть ему погребенным, и что ежели бы она сказала, что фамильный монтмартский склеп соединит их бранные останки навсегда, то Тургенева Россия не получила бы. Он ждал этого решения, но его не последовало. <...> Но ежели так не получилось, то надо уметь опять понять слова Mr Дювернуа: „Тургенев принадлежит России, а не нам одним. И ежели бы мы вздумали хоронить его у себя, то заслужили бы справедливый гнев всего русского общества“» (см.: *ЛН*. Т. 76. С. 464–465).

⁶ Источник высказывания П. Мериме установить не удалось. Позже схожая мысль будет высказана в траурной речи Э. Ренана, произнесенной им на церемонии прощания с Тургеневым на Северном вокзале в Париже перед отправлением тела писателя в Россию 20 сентября (2 октября). В этой речи, переданной, вероятно, в «Новое время» и опубликованной Сувориным, говорилось: «Он чувствителен, как женщина, и невозмутим, как анатом, чужд предрассудков, как философ, и нежен, как ребенок» (*НВр*. 1883. 23 сентября (5 октября). № 2719. С. 2).

⁷ Об артистизме Тургенева-рассказчика Суворин, присутствовавший на чтении писателем рассказа «Собака» в конце августа 1861 г., писал: «...он почти не садился и рассказывал, сильно жестикулируя, больше все стоя, преимущественно обращаясь к очень хорошенькой женщине <...>. Он был, как говорится, в ударе и почти не умолкал. Остроумная речь его так и лилась потоком, вызывая на лицах присутствующих самое веселое выражение. <...> Тургенев рассказывал с увлечением, с восторгом: он даже бледнел и лицо его принимало оттенки ужаса в драматических местах» (По поводу «Отцов и детей» (Из моих воспоминаний) // *Очерки и картинки. Собрание рассказов, фельетонов и заметок Незнакомца* (А. Суворина): В 2 кн. СПб., 1875. Кн. 2. С. 212–213).

⁸ Память подвела Суворина. На Пушкинских торжествах 1880 г. Тургенев несколько раз выступал с чтением стихотворений Пушкина: «Опять на родине» («Вновь я посетил...»), «Туча» («Последняя туча рассеянной бури...») на литературно-музыкальном вечере 6 (18) июня; «Зима», «Поэт» («Пока не требует поэта...») и отрывка из «Цыган» на заключительном литературном вечере в зале Благородного собрания, на котором пушкинского «Пророка» читал Достоевский (см.: *Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского*. СПб., 1999. Т. 3: 1875–1881. С. 432 (сост. И. А. Битюгова); *Летопись (1876–1883)*. С. 342–343). Н. Н. Страхов, присутствовавший на этом чтении, отмечал, что «всего значительнее» на этом вечере было чтение «Пророка» Достоевским: вызываемый аплодисментами, он «дважды читал его, и каждый раз с такой напряженной восторженностью, что жутко было слушать...» (Ф. М. Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях современников. СПб., 1993. С. 200). Не все современники отнеслись благосклонно к тургеневскому чтению. М. А. Винивитинов вспоминал о его не случайном выборе стихотворений: «Желание сделать себя центром, главным виновником торжества, особенно резко проявилось в выборе стихотворений Пушкина, сделанном Тургеневым для своего чтения. Когда он прочел известное стихотворение „Опять на родине“ и т. д., то публика ясно поняла намерение чтеца применить к самому себе те чувства, которые испытал когда-то Пушкин». На втором вечере, как отмечал мемуарист, выбранные Тургеневым стихотворения также изобличали «в чтеце желание подействовать на публику намеками на свою собственную личность». Его осуждение, в частности, вызвал прочтенный Тургеневым отрывок из «Цыган», рассказ о сосланном Овидии. «По моему мнению, — заметил Винивитинов, — особенно ввиду выбора Тургеневым стихотворений Пушкина на первом вечере, не следовало на втором вечере, после успеха Достоевского, читать стихи, оканчивающиеся словами: „Что слава? — Дым пустой!“» (см.: *ЛН*. Т. 86. С. 503, 506–507). Об эпизоде, когда Тургенев сбился, читая стихотворение «Туча», говорится в воспоминаниях А. Ф. Кони. По словам мемуариста, Тургенев «подошел к рампе и стал декламировать на память, и нельзя сказать, что особенно искусно, „Последнюю тучу рассеянной бури“, но на третьем стихе запнулся, очевидно его позабыв, и, беспомощно разведя руками, остановился. Тогда из публики, с разных концов, ему стали подсказывать все громче и громче. Он улыбнулся и сказал конец стихотворения вместе со всею залой. Этот милый эпизод еще более подогрел общее чувство к нему» (*Кони А. Ф. И. С. Тургенев // Т в восп совр.* Т. 2. С. 132; в *Летописи* не отмечено).

⁹ Суворин, очевидно, намекает на следующий пассаж в статье Тургенева «По поводу „Отцов и детей“» (1869): «...многие из моих читателей удивятся, если я скажу им, что, за исключением воззрений Базарова на художества, — я разделяю почти все его убеждения. А меня уверяют, что я на стороне „отцов“...» (*ПССуП(2)*. Соч. Т. 11. С. 90). В письме к Тургеневу от 19 февраля 1875 г. Суворин дал проникновенный анализ образа Базарова (см. ниже примеч. 15, а также: Три письма А. С. Суворина к Тургеневу. С. 326–327 и примеч. 8 на с. 330).

¹⁰ Впервые повесть «Пуни и Бабури» была опубликована в «Вестнике Европы» в апреле 1874 г. В том же году Тургенев значительно доработал ее для очередного тома издававшегося тогда собрания его сочинений (см.: *ПССуП(2)*. Соч. Т. 9. С. 435). Вероятно, Суворин читал повесть именно в этом издании. В письме от 25 марта

1875 г. он интересовался: «„Пунин и Бабурин“ — это в значительной степени автобиографические воспоминания или нет? Этот вопрос ставлю потому, что у Полевого сказано, что с русской литературой Вы познакомились через своего дворового человека, страстного поклонника Хераскова. „Пунин и Бабурин“ — одна из прекраснейших Ваших вещей» (см: Три письма А. С. Суворина к Тургеневу. С. 339, 342–343, примеч. 26).

¹¹ Роман И. А. Гончарова «Обрыв» был опубликован в «Вестнике Европы» в 1869 г. (№ 1–5). О сложных взаимоотношениях М. М. Стасюлевича и Гончарова в связи с многочисленными поправками автора можно судить по письмам Гончарова к редактору от декабря 1868 г. Так, в письме от 7 декабря Гончаров писал: «...припомните, как я валялся у Вас в ногах, умоляя, при передаче Вам рукописи, присылать мне *другой оттиск в колонках* после первой корректуры, и с какой редакторской неумолимостью Вы отвергли просьбу: „Я-де буду присылать во второй раз прямо сверстанный лист!“ <...> Ах, махну рукой на все и умру, но предварительно сожгу все следующие части и Вас же попрошу собрать пепел в урну и поставить на моей могиле» (*Стасюлевич*. Т. 4. С. 56). А. Ф. Кони, близко знавший Гончарова, вспоминал: «К условиям творчества Гончарова, кроме его медлительности, относилась и тяжесть самого труда, как орудия творчества. Сомнения автора касались не только существа его произведений, но и самой формы в ее мельчайших подробностях. Это доказывают его авторские корректуры, которые составляли, подобно корректурам Толстого, истинную муку редакторов. В них вставлялись и исключались обширные места, по несколько раз переделывалось какое-либо выражение, переставлялись слова, и уже подписанная к печати корректура внезапно требовалась обратно для новой переработки» (*Кони А. Ф.* Воспоминания о писателях. М., 1989. С. 58).

¹² П. И. Бартенев, державший корректуры «Войны и мира» в «Русском вестнике», писал Толстому 12 августа 1867 г.: «Вы бог знает что делаете. Эдак мы никогда не кончим поправок и печатания. <...> большая половина Вашего перемарывания вовсе не нужна; а между тем от него цена типографская страшно возрастает»; а днем позже повторял: «Ради бога, перестаньте колупать» (цит. по: *Толстой*. Т. 61. С. 175–176). На что Толстой отвечал 16 августа: «Не мараить так, как я мараю, я не могу и твердо знаю, что мараенье это идет в великую пользу» (Там же. С. 176).

¹³ О ком идет речь, установить не удалось.

¹⁴ Суворин, безусловно, читал некрологическую статью П. Д. Боборыкина «Памяти Тургенева», где приведено это высказывание писателя. По словам Боборыкина, в конце 1870-х гг. «в большой беседе о графе Льве Толстом, он <Тургенев. — С. И.> самым искренним образом воскликнул:

— У меня нет и одной десятой таланта, какой у Левушки Толстого. Он сам не знает размеров своей творческой силы. Это какой-то слон по дарованию!..» (Новостини и Биржевая газета. 1883. 25 августа. № 144. С. 1). Ср.: *Боборыкин П. Д.* Воспоминания: В 2 т. М., 1965. Т. 2. С. 387.

¹⁵ Под «упреком» Суворин подразумевает отрицательную оценку романа, данную, в первую очередь, членами редакции «Современника». Так, М. А. Антонович в статье «Асмодей нашего времени» (Современник. 1862. № 3) в резкой форме утверждал, что роман клеветает на молодое поколение и воспекает «отцов», что ро-

ман очень слаб в художественном отношении, что Тургенев дискредитирует Базарова, прибегая к злобной карикатуре. Исчерпывающую подборку отзывов о романе см.: *ПССиП(2). Соч.* Т. 7. С. 436–456; коммент. А. И. Батюто. В статье «По поводу „Отцов и детей“» Тургенев, опровергая широко распространенное мнение о Базарове как о злой карикатуре на вождей революционной демократии, писал, что он имел в виду «личность молодого провинциального врача», в котором воплотилось «едва народившееся, еще бродившее начало», которое получило впоследствии «название нигилизма» (Там же. Т. 11. С. 86).

Суворин в письме к Тургеневу от 19 февраля 1875 г. дал развернутую характеристику Базарову: «...на Вас лежит обязанность окончательно стереть тот упрек, который лежит на Вас со времени „Отцов и детей“». Я лично не разделяю общего предубеждения известного радикального лагеря: по мне Базаров — тип симпатичный и даже полезный в гражданском смысле. <...> явление Базарова было полезно даже с революционной точки зрения: отрицание царило в публицистике, но она не так сильна, как художественный тип, который в сжатых, ярких чертах является представителем революционного направления и действует на читателей так же непосредственно, как разговор задушевный с умным человеком. Этот отрицатель входил в душу читателя как заговорщик, будя в ней то, что спало, и шевеля и подказывая то, что рождалось в виде инстинкта. Ошибка не художественная, а социальная заключалась в том, что Вы пустили по миру кличку „нигилиста“: у нас очень опасно играть в подобные обобщения. Но опять же, еще вопрос, насколько навредили Вы этою кличкою русскому развитию и насколько принесли ему пользы. Базаров прошелся по русской земле как апостол, сея свое учение в виде сжатых афоризмов, видоизменяясь и совершенствуясь, смотря по роду читателей, которые слушали и воспринимали его учение» (см.: Три письма А. С. Суворина к Тургеневу. С. 326–327).

¹⁶ Суворин цитирует письмо Тургенева к нему от 14 (26) февраля 1875 г.: «...художественное воспроизведение — если оно удалось — злее самой злой сатиры» (*ПССиП(2). Письма.* Т. 14. С. 32).

¹⁷ Суворин имеет в виду письмо к нему Тургенева от 14 (26) марта, 1 (13) апреля 1875 г.: «После 40 лет жить точно не совсем весело — особенно в течение первых десяти лет. Ну, а потом под влиянием холода, веющего из могилы, человек успокаивается. Мне одна петербургская немка — старуха — бывало говаривала: „Под старость *жисть* подобна есть мухе: пренеприятный *наксеком*. Надо *терпейт!*“ Именно надо „*терпейт!*“!» (Там же. С. 62). Замечание из письма Суворина от 25 марта 1875 г., на которое откликается писатель, см.: Три письма А. С. Суворина к Тургеневу. С. 339.

¹⁸ Речь идет о П. Д. Боборыкине и его уже упоминавшейся выше некрологической статье «Памяти Тургенева». Отметив, что писатель «две трети своей жизни провел за границей», Боборыкин продолжил: «У нас он был больше гость, чем постоянный житель; но все, что он мог вобрать в свою творческую душу, он вобрал и передал это в образах не одним нам, но и всему свету, той Европе <...> откуда он взял почти все свое духовное добро. <...> Честь и хвала Европе!.. В таких людях, как Тургенев, мы сливаемся с ней всем, что нам драгоценно... И мы знаем, как она умела ценить в нем и писателя и человека» (Новости и Биржевая газета. 1883. 25 августа. № 144. С. 1. Ср.: *Боборыкин П. Д.* Воспоминания. Т. 2. С. 386).

И. С. Тургенев

Делать от имени Тургенева знамя какой-нибудь политической партии могут только люди, не довольно знакомые с его литературною деятельностью. Тургенев был художник и поэтому не мог заключаться в какую-нибудь узкую политическую доктрину. Он был служитель добра и света, и когда его захотели сделать знаменем партии, он отбивался от этого, колебался, хотел бросить вовсе писать и все-таки вышел из борьбы победителем, т. е. остался художником, одинаково беспристрастно рисовавшим людей, их добродетели и недостатки, их душу. Это гораздо почетнее, всемирнее и глубже, чем быть передовым запева-лой какой-нибудь партии. Будь он таковым, его значение умалилось бы значительно, и в Европе он тем менее мог бы иметь значение. Между тем он и так имеет значение как художник, как классик, но классик русский. Вот что говорит «Wiener Allgemeine Zeitung» в фельетоне, посвященном Тургеневу: «Ни один из русских писателей не имел столь распространенной, международной публики; что возвещал он, тому внимали и над тем задумывались в пяти частях света. Его авторитет простирался на всю обширную область новейшей культуры. Пушкин, Лермонтов и Гоголь вне России доступны были только избранному десятку тысяч интеллигентных классов общества. Тургенев же для немцев был немец, для французов — француз, он пользовался правами гражданина почти всюду, и при этом мы должны напомнить, что все же он не принадлежал к нашим. Это только доказывает, что настоящий гений повсюду находит родину, ибо всякому, кто только способен рассуждать, должно быть ясно, что Тургенев в каждой строке выдает свое происхождение. Поэтическое величие у него общее с классиками всех наций; особенность же его составляет тот дух русской земли, который веет в каждом из его произведений. Его дарование было космополитическое, а его сердце билось для России». «Рядом с чертами всемирного характера в произведениях Тургенева везде пробивается огненными искрами русский элемент. Он выдает свое славянское происхождение склонностью к мистическому, к неясному, к таинственному. Сверхчувственный мир влечет его к себе магически. Он один из тех, которые, кажется, в состоянии написать роман четвертого измерения».¹

В этих словах хороший ответ тем бесшабашным россиянам, которые кричат «хвала и честь Европе»,² которые хотят выставить Тургенева каким-то космополитом. Свойство великого таланта в том и заключается,

что он везде сохраняет свою *национальную* физиономию, и только таланты посредственные теряют ее и мечутся в своем бессилии и дряблости, садясь на такой легкий конек, как Европа... Безличию свойственно надевать маску Европы.

Печатается по: *НВр*. 1883. 30 августа (11 сентября). № 2695. С. 2. Без подп.

¹ Суворин приводит здесь в вольном переводе два фрагмента из обширной некрологической статьи австрийского журналиста и писателя Фердинанда Гросса (Gross; 1849–1900) «Iwan Turgenjew», опубликованной в качестве фельетона в утреннем выпуске газеты «Wiener Allgemeine Zeitung» за 7 сентября н. ст. 1883 г. (N 1267. S. 1–3). Еще ранее, 5 сентября, в этой же газете был напечатан небольшой, но прочувствованный некролог Тургенева за подписью «В. М.» (N 1265. S. 6), принадлежавший перу парижского корреспондента «Wiener Allgemeine Zeitung» Бертольду Молдену (Molden; 1853–1942). За указание на эти сведения и предоставленный текст статьи приношу благодарность Луису Сундквисту.

² См. № 1, примеч. 18.

3

Письма к другу. XXXVII

Известно, что нет такого горя, которое бы не проходило, и что нет такого зла, которое не имело бы хорошей стороны. По крайней мере так говорит людская мудрость, всегда склонная все умиротворять. В прошлом году мы потеряли Скобелева,¹ в нынешнем — Тургенева. И в прошлом году и в нынешнем, кроме нас, русских, говорила об этой потере вся Европа, весь мир даже, где только есть печатное слово. В этом говоре нас одна сторона должна утешать: это признание русского таланта, русского гения. На этом востоке Европы, в этой России, являются люди, которые своим талантом заставляют признать развитие России и ее влияние на судьбы Европы. Скобелев пронесся лучезарной кометой на горизонте Европы, Тургенев сиял тихим, но прочным сиянием. В этих людях Европа признает Россию: в одном военный талант и проницательность политика, в другом — художника, давшего почти все, что он мог дать. Умер Пушкин. Европа о нем не говорила, потому что почти совсем его не знала. Знакомство ее с его произведениями началось долгое время спустя после его смерти, и доселе еще Европа вполне его не знает. Один англичанин, выучившийся русскому языку, говорил мне этим летом, что он читает Пушкина: «Да, у вас есть поэт, достойный стать рядом с великими поэтами Европы», — сказал он.² Да, есть, но его еще

не знают, его даже свои намеревались сбросить с пьедестала.³ Признание Европою Тургенева общее и своевременное, вероятно потому что Тургенев жил в Европе. Это обстоятельство немаловажное. К этим двум нашим современникам, умершим, Скобелеву и Тургеневу, надо прибавить третьего, живущего: В. В. Верещагина, в лице которого Европа признала русскую живопись, не только ее технику, которой мы учимся по европейским образцам, но ее зрелую мысль, ее значение.⁴ Всемирная известность ждет и Льва Толстого, когда знание русского языка там распространится. Лев Толстой довольно равнодушен насчет европейской известности и не пользуется даже такими случаями, которыми совсем бы не грех пользоваться.⁵ Пример. Княгиня Паскевич перевела его «Войну и мир» на французский язык и перевела с положительным литературным талантом. Роман не шел года два. Но вдруг он пошел быстро, и потребовалось новое издание. Французский издатель, г. Гашет, обратился с просьбою к переводчице уговорить автора немного сократить свой роман, так чтобы он поместился в одном томе: французы-де привыкли, чтобы роман не превышал одного тома и известной цены, а издатель-де обязан сообразоваться со вкусом своих читателей. Толстой не согласился.⁶ Он вправе ожидать, что Европа признает его таким, каков он есть, как признала она Гёте, Шиллера и Шекспира. Русская литература займет место наряду с английской, французской и немецкой, и это время недалеко, что бы ни говорили еврейско-европейские публицисты, со включением сюда русских жидов и жидовствующих русских.

Бедный Соркин. Это еврей такой есть, принявший христианство, очевидно совсем не по убеждению. Он приставал, как банный лист, к Тургеневу: «Напиши, да напиши рассказ о добродетельном жиде». Тургенев отделался вежливым, но холодным письмом.⁷ Когда г. Соркин — фамилия характерная, — опубликовал свой поступок, один из сотрудников «Нового времени» анализировал этот поступок. Боже мой, какой бранью обрушился на меня этот несчастный. Рвет и мечет.⁸ Для утешения его я укажу на произведение Тургенева, в котором изображена еврейка. Это — «Несчастливая». Пусть он прочтет и успокоится. * <...> Хмурое небо, ветер и дождь... По погоде и герои.

Незнакомец.

Печатается по: *НВр*. 1883. 11 (23) сентября. № 2707. С. 1.

* Вторая часть фельетона посвящена другим темам и поэтому в настоящей публикации не воспроизводится. — *С. И.*

¹ Михаил Дмитриевич Скобелев (1843 — 25 июня 1882), русский военачальник, генерал от инфантерии (1881), герой русско-турецкой войны (1877–1878), освободитель Болгарии.

² Установить автора этого высказывания не удалось.

³ По-видимому, речь идет о сотрудниках «Русского слова» В. А. Зайцеве и Д. И. Писареве, отрицавших значение Пушкина (см.: *РСЛ*. 1864. № 1; 1865. № 4; и др.).

⁴ Тургенев высоко ценил талант В. В. Верещагина (1842–1904) и способствовал организации двух его выставок в Париже (1879, 1881). Верещагин оставил воспоминания о писателе, в которых описал и его предсмертные мучения (см.: *Верещагин В. В. И. С. Тургенев. 1879–1883 // Верещагин В. В. Очерки, наброски, воспоминания*. СПб., 1883. С. 127–141). О знакомстве Тургенева с Верещагиным, а также статью Тургенева о художнике см.: *Зильберштейн И. С. Тургенев и художник В. Верещагин // ЛН*. Т. 73. Кн. 1. С. 291–336.

⁵ В 1873 г. Суворин обратился к Толстому с просьбой прислать свою автобиографию для готовящегося «Русского календаря» и получил следующий ответ: «...от всей души бы желал исполнить ваше желание, но решительно не могу <...> решительно нет и не может быть никому никакого интереса в моей биографии» (*Толстой*. Т. 61. С. 272).

⁶ Речь идет о положившем начало всемирной славы Толстого первом французском переводе романа «Война и мир», выполненном кн. Ириной Ивановной Паскевич (урожд. Воронцовой-Дашковой; 1835–1919): Comte Léon Tolstoï. La guerre et la paix. Roman historique. Traduit, avec l'autorisation de l'auteur par une Russe. 3 vols. <Paris; Saint-Petersbourg>, 1879. «Княгиня Паскевич», — писал Тургенев Толстому 28 декабря 1879 г. (9 января 1880 г.) из Парижа, — переведшая Вашу „Войну и мир“, доставила наконец сюда 500 экзempl. — из которых я получил 10. Я роздал их здешним влиятельным критикам (между прочими Тэну, Абу и др.). Должно надеяться, что они поймут всю силу и красоту Вашей эпопеи. Перевод несколько слабават — но сделан с усердием и любовью. Я на днях в 5-й и 6-й раз с новым наслаждением перечел это Ваше поистине великое произведение. Весь его склад далек от того, что французы любят и чего они ищут в книгах; но правда, в конце концов, берет свое. Я надеюсь если не на блестящую победу — то на прочное, хотя медленное, завоевание» (*ПССиП(1). Письма*. Т. 12. Кн. 2. С. 197); см. также: *Алексеев М. П. Русская литература и ее мировое значение*. Л., 1989. С. 304–306. По воспоминаниям Н. А. Островской, Тургенев рассказывал ей, что сам хотел перевести «Войну и мир» на французский язык, «но с пропусками всех рассуждений», на это Толстой отвечал, что «пропустить ничего не позволит». «Я хотел, — говорил Тургенев Островской, — по крайней мере собрать все рассуждения, разбросанные в романе, и поместить в конце книги с умозрениями о войне и пр., чтобы таким образом роман был сам по себе. Он и на это не согласился, и я от перевода отказался. Перевел кто-то другой и, вероятно, французы читать не станут» (цит. по: Там же. С. 301). О том, что это трехтомное издание, выпущенное фирмой Ашетт, не имело успеха у французских читателей, вспоминал Эдуард Род. Подробнее об этом см.: Там же. С. 303–304.

⁷ Имеется в виду *Соркин Иосиф Николаевич* (ум. 1886), один из представителей еврейской интеллигенции, активно выступавших против погромов в Юго-Западном крае. С Тургеневым познакомился, вероятно, в середине мая 1881 г. «Неу-

жели, высокоуважаемый Иван Сергеевич, — писал он 6 мая 1881 г., — в жизни 3-х миллионов русских евреев не найдете ни одной хорошей черты, кроме тех, которые служили Вам канвой к воспроизведению художественного, но глубоко оскорбительного для евреев рассказа „Жид“⁸?» (Щукинский сборник. М., 1909. Вып. 8. С. 199; в *Летописи* не отмечено). В ответ на письма Соркина, в которых он просил писателя выступить с публичным протестом против еврейских погромов, а также в продолжение их беседы, состоявшейся, вероятно, в середине мая, Тургенев писал 1 (13) июля: «Как беллетрист, я, весьма вероятно, воспроизведу этот вопрос в отдельном произведении; как публицист, я не имею никакого значения, и мое появление не только бы не принесло никакой пользы, но возбудило бы одно недоумение, пожалуй даже насмешку. Люди всех партий увидели бы в этом одно притязание, одно неуместное желание навязать свое имя <...>» (*ЛССцП(1). Письма*. Т. 13. Кн. 1. С. 100, 457–458). От публичных выступлений по этому вопросу Тургенев уклонился и в 1882 г., когда к нему поочередно обратились еврейский писатель Г. И. Богров и литератор Е. Я. Колбасин; писатель вновь мотивировал свой отказ теми же причинами. Так, в письме к Богрову от 14 (26) марта 1882 г. он писал: «Не знаю, известно ли Вам, что я в течение всей своей жизни не только не имел никаких предубеждений против Вашего племени, но, напротив, всегда питал и питаю живое сочувствие к евреям — и прежде имел и теперь имею близких друзей между ними. Очень был бы я рад публично высказать свое мнение о тех вопросах, которые по справедливости волнуют Вас; но как это сделать, не придавая себе авторитета, которого я в *публицистике* не имею и который, конечно, возбудил бы превратные толки?» (Там же. С. 219, 521; см. также: С. 268, 543). Уклоняясь от публичного выступления по поводу еврейских погромов, в частных письмах Тургенев не скрывал своего отношения к этой проблеме. После повести «Несчастливая» (1869), в которой был затронут еврейский вопрос, Тургенев в своих произведениях этой темы не касался. Согласно «Еврейской энциклопедии», с этой же просьбой Соркин обращался и к Л. Н. Толстому (см.: *Еврейская энциклопедия. Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем* / Под ред. Л. Каценельсона. СПб., б. г. Т. 14. С. 487). После смерти Тургенева Соркин опубликовал статью «Взгляд Тургенева на еврейский вопрос и еврейские беспорядки» (*СПбВед*. 1883. 4 (16) сентября. № 237. С. 1–2).

⁸ Автором гневной статьи против публикации *СПбВед* был именно Суворин, расценивший «по поступок» Соркина как беспардонную выходку в отношении маститого писателя (см.: <Суворин А. С.?> Маленький фельетон. Эксплоатация памяти Тургенева // *НВр*. 1883. 6 (18) сентября. № 2702. С. 3). Соркин, оскорбленный статьей Суворина, ответил (см.: *Соркин И. Н.* Письмо в редакцию // *СПбВед*. 1883. 10 (22) сентября. № 243. С. 2).

4

И. С. Тургенев

Смерть такого человека, как Тургенев, не может не вызвать продолжительных и самых оживленных толков и в обществе и в повременной

прессе... Но вот что странно. Толки эти почему-то вертятся все вокруг вопроса, кто был Тургенев, либерал, консерватор, национал, космополит et caetera. Как-то до крайности странно слышать это назойливое заявление: «он наш, он наш!» Чей наш? спросите вы. — «Наш, т. е. нашей партии, той партии, которая одна только обладает талисманом, указывающим заветный путь к счастью и благоденствию всего человечества». Слушая это, невольно подумаешь: к чему все эти толки о народности великих талантов, о их отзывчивости на все живые интересы и потребности всего народа, раз они являются лишь выразителями стремлений какой-нибудь партии? К чему же в таком случае кричать о великом значении Тургенева в истории русской литературы? К чему говорить, что он оставил глубокий след и во всей европейской литературе?

У нас, впрочем, и всегда было так. Сойдет со сцены какой-нибудь редкий и замечательный талант или просто видный деятель, и сейчас непременно найдется кучка людей, готовых выкрикивать на всевозможные лады: «Вот мы какие! Смотрите: он наш! Он проповедовал и защищал наши принципы!...». Результат таких выкрикиваний понятен: вместо серьезного и беспристрастного разбора значения деятельности сошедшей в могилу личности, начинаются споры и мелочная полемика по поводу тех или других частных воззрений ее и симпатий, и в глазах мало знакомой с делом и падкой на чужие мнения публики значение этой личности постепенно умалывается чуть не до степени самого заурядного фразера. Многие, например, даже и из так называемой интеллигентной публики так и остаются при убеждении, что Достоевский во всю вторую половину своей литературной деятельности являлся не более как представителем застоя, проповедником каких-то допотопных, монашеских идеалов, отзывающихся постным маслом и редькой. Точно так же и о Тургеневе у многих, на основании разных полемических выходов по поводу его смерти, очень легко может образоваться мнение, что он во всю свою 40-летнюю литературную деятельность только и делал, что старался проводить в массу разные либеральные принципы космополитического пошиба. Уже и теперь, еще над незакрытой могилой его, уже раздаются фразы, что он по своим воззрениям и стремлениям был космополитом чуть не самой чистейшей крови.¹ И это говорится о человеке, который всю жизнь, даже и в своем «прекрасном далеке», все помыслы устремлял к России, у которого нет почти ни одного сколько-нибудь значительного произведения, которого содержание не вводило бы целиком в круг прямо русских интересов! А между тем подобные фразы говорятся и, благодаря усердному пристегиванию

имени Тургенева к разным сомнительным направлениям и стремлениям, приобретают вес и значение.

Что Тургенев был один из тех, которые во сне и наяву видят и желают, чтобы наступила, наконец, та вожделенная минута, когда народы забудут свою вражду и с братским единодушием сольются в едином стремлении насадить на земле правду и справедливость,² в этом убедится, конечно, всякий, кто хоть немного заглянет в его произведения. Но ведь к тому же стремился, того же со всею страстностью своей души желал, например, и Достоевский, которого уж вряд ли кто может заподозрить в космополитизме. Всякий более или менее замечательный писатель с глубоким и развитым чувством и мыслью, тем более такие таланты, как Тургенев и Достоевский, непременно провидит конечную цель прогресса человечества в той или другой форме и становится ее проповедником и защитником. Но это нисколько не мешает ему всецело принадлежать своей нации и отдавать ей все свои помыслы и труды: для него каждый шаг вперед его народа есть вместе с тем шаг вперед и всего человечества. О Тургеневе нельзя даже сказать, чтоб он был национален бессознательно, чтоб он не понимал ясно своей связи с родиной. Припомните, что он говорил в «Рудине»: «Россия без каждого из нас обойтись может, но никто из нас без нее не может обойтись. Горе тому, кто это думает, двойное горе тому, кто действительно без нее обходится! Космополитизм — чепуха, космополит — нуль, хуже нуля; вне народности ни художества, ни истины, ни жизни, ничего нет. Без физиономии нет даже идеального лица; только пошлое лицо возможно без физиономии» (слова Лежнева).³ Эти слова служат лучшим ответом на все фразы о космополитических стремлениях и взглядах Тургенева.

Печатается по: *НВр*. 1883. 11 (23) сентября. № 2707. С. 1. Без подп.

¹ Суворин, отстаивая национальную принадлежность Тургенева России, упорно обвиняет именно П. Д. Боборыкина в навязывании писателю ярлыка космополита. См. № 1, примеч. 18. Однако не только Боборыкин использовал это определение в отношении писателя. Так, В. П. Мещерский указывал на то, что «у нас из литературной личности Тургенева сделали тотчас какого-то либерального фантоша», тем самым подменив его, и чествуют писателя не как замечательного художника, а как «либерального космополита, близкого к нашей эмиграции и к революционным кружкам Западной Европы» (Гражданин. 1883. № 39. 25 сентября. С. 8).

² Видоизмененная цитата из стихотворения Пушкина «Он между нами жил...» (1834), написанного на выход сборника стихов А. Мицкевича: «Он говорил о временах грядущих, / Когда народы, распри позабыв, / В великую семью соединятся».

³ См.: *ПССУП(2)*. Соч. Т. 5. С. 305.

Письма к другу. XXXVIII

В парижской газете «Justice», вслед за смертью Тургенева, появилось письмо г. Петра Лаврова, в котором этот эмигрант свидетельствует, что Тургенев с 1874 г. присылал г. Лаврову по 500 франков в год, якобы на издание социально-революционного журнала «Вперед».¹ По причине весьма понятной русская печать молчала об этом письме: если не хватило такта у г. Петра Лаврова, то об этом такте не забывали мы. С какой целью оповестил г. Лавров об этой подачке, я не знаю, должно быть, по принципу, как по принципу не входил он в парижскую церковь во время отпевания тела Тургенева. Да, он не входил в церковь, объявив всем, что он церкви не признает и остается на паперти, являя собою непоколебимый пример гражданственной стойкости.² Кроме принципа, у г. Лаврова были, конечно, свои расчеты, о которых скажу ниже. Теперь же более важное обстоятельство: «Москов<ские> ведом<ости>» напечатали это письмо г. Лаврова, не сопроводив его ни одним словом от себя, но это молчание как бы говорит: «вот вам — не угодно ли полюбоваться».³

Со стороны г. Каткова это тем непонятнее, что в «Москов<овских> ведом<омостях>» появилась добросовестная и талантливая оценка произведений Тургенева как художника, ничего больше, как «добросовестного» художника, который вовсе не служил партиям.⁴ Опубликуй это письмо кто-нибудь другой, нечего было бы и сказать, кроме того разве, что, мол, человек гоняется за скандалом. Но г. Катков за скандалом не гоняется, он даже готов преследовать скандал. Неужели г. Катков вспомнил «непримиримое движение» Тургенева во время пушкинского праздника, когда г. Катков обратился к нему с примирительным бокалом?⁵ Мне хотелось бы думать, что г. Катков выше личных счетов, в особенности, когда дело касается умершего писателя, почившего врага. Не думаю я также, что г. Катков хотел повредить опубликованием этого письма торжеству похорон. Письмо г. Лаврова появилось в «Московски<х> ведомост<ях>» уже после того, как разрешение на перевозку тела Тургенева было дано, хотя могло быть опубликовано и раньше; я не говорю уже о том, что письмо это, конечно, было известно правительству тотчас же, как оно явилось в газете «Justice», и нимало не помешало разрешить перевозку тела; уж дней десять тому назад, как письмо было не секретом в Петербурге: сужу по тому, что в редакции получались письма с вопросом: «Правда ли, что Тургенев давал деньги Лаврову на издание социально-революционного журнала и нельзя ли опровергнуть это нелепое известие».⁶

Но с какой же стати не верить г. Лаврову, когда и г. Катков ему пове-рил! Я удивляюсь только тому, что, опубликовав письмо, г. Катков не сопроводил его своим примечанием, которое так и просилось под перо, в особенности такого человека, как г. Катков, который очень хорошо знал Тургенева и очень же хорошо понимал г. Лаврова. Г-н Лавров мог рассчитывать, что, оповестив *благоддеяние*, оказанное ему Тургеневым, он тем самым произведет скандал и, вероятно, помешает правительству дать разрешение на перевозку тела Тургенева. Помилуйте, такой опас-ный человек, такая *гроза* России, как г. Лавров, и ему-то Тургенев давал деньги, да еще по «собственной инициативе», как г. Лавров утверждает. Сейчас же, разумеется, это поднимет в России власти, которые, конечно, немедленно сочтут, что Тургенев и Лавров — солидарны, что оба они космополиты-революционеры, стремящиеся к ниспровержению всего мира под развалинами революции. Известно, что г. Лавров в первом же нумере «Вперед» объявил, что он поднимает знамя «всесветной рево-люции».⁷ С ним шутить мудрено, с таким знаменщиком, который дер-жит одно знамя на весь мир...

Но г. Катков отлично знает *dessous des cartes*,^a он превосходно пони-мает революционные кулисы и иногда освещает их фейерверком своей пронизательности и остроумия очень бойко. Тургенев был человек замечательно добрый и замечательно слабого характера. Одного этого достаточно, чтоб объяснить благоддеяние, оказанное им г. Лаврову. Но есть и другие объяснения для тех, кто хорошо знает нравственное и ма-териальное состояние нашей эмиграции; кто бывал за границей, тот едва ли избег необходимости давать эмигрантам, разумеется, большею час-тию взаймы, от 20 до 100 и более франков. Вы даете бедности и нужде, а вовсе не политическим убеждениям, вы повинуетесь сердцу и идее несчастья, которое так или иначе лежит на эмигранте. Надо же принять это в соображение, надо принять в соображение и прежнее знакомство Тургенева с Лавровым. Г-н Лавров был всегда наивным фразером и весьма неглубокого ума при всем его знании «философии». Из своих знаний он ровно ничего не сделал, из своего туманного таланта и по-давно: он так и остался туманным и сумбурным, каковым был на ро-дине. Его «Вперед» нечто вроде гегельянской философии, разведенной революционной пеной космополитизма. Но самолюбие у него огром-ное, самомнение китайца, который воображает, что он лучше всех, дос-тойнее всех. Ведь это замечательно, что у нас нет ни одного истинно да-

^a Зд.: закулисные сплетни (*франц.*).

ровитого эмигранта, исключая Герцена, который эмигрировал совсем при других условиях и постоянно желал переехать в Россию. Наши эмигранты — люди, которые болеют самомнением, а не талантом и умом, и это понятно, потому что истинный талант и истинный ум всегда находили себе дело в России и умели быть ей полезными. Истинный талант даже не может быть космополитом уж потому, что он тонко чувствует все фальшивое и глубоко проникает в родную жизнь, и когда боборыкующий либерализм провозгласил Тургенева космополитом, когда он стал уверять, что Тургенева потому и признает Европа, что он был космополит,⁸ замечательные критики этой самой Европы доказали, что Тургенев остался русским и патриотом в своих произведениях.⁹ Таким образом Европа научила боборыкующих либералов уму-разуму. Г-н Лавров именно из числа людей, которые о себе очень высокого мнения, но которые очень небольшого таланта. То, чего не воображал о себе Карл Маркс, оставивший капитальный ученый труд, то воображал о себе г. Лавров, несмотря на то, что деятельность его должна была бы убедить его, что он такой же плохой полковник, как и плохой писатель.¹⁰ Стоит прочесть его «Историю парижской коммуны», самый капитальный его труд (около 10 печатных листов), чтобы убедиться, как он невысоко летает и как он наивен в своих суждениях о событиях коммуны и разделе талантов и гениальности коммунарам.¹¹ Находясь в Европе, пользуясь полной свободой речи, по-видимому он мог бы чем-нибудь себя заявить. Но Европа и разоблачает бесталанность и самомнение. Герцен и во Франции и в Лондоне оставался талантом, как оставался талантом во Франции Гейне, как оставался им Карл Маркс в эмиграции. Г-н Лавров и в России и за границей остался тем же полковником, которого никто и нигде в генералы не производил и который и в полковники попал ошибкою. Теперь представьте себе, что этот человек постоянно нуждается и что о нужде этого человека постоянно говорят. Представьте себе также деликатного человека, который желает помочь деликатно, желает подать милостыню в благообразной форме. Вот вам Тургенев и Лавров. Тургенев дает бедному эмигранту под видом пособия его журналу и продолжает подавать и тогда, когда этот журнал прекратился, а г. Лавров принимает эту пенсию, уже не издавая журнала и утешая себя тем, что это — «на революционное дело». Умер Тургенев — г. Лавров сейчас и объявил, нимало не сомневаясь в том, что он получал не милостыню от знаменитого писателя, не пенсию на бедность, а сочувствие его революционной деятельности в форме франков. Г-жа Адан, издательница «La Nouvelle Revue», заявила, что Тургенев *способствовал* основанию ее журнала и одобрял первые его шаги.¹² «Вперед» и

«La Nouvelle Revue», где являлись сочувственные статьи о России и где всякая революционная деятельность порицается!.. Я имею полное основание желать, чтоб г. Лавров дожил до того времени, когда переписка Тургенева будет обнародована и когда г. Лавров убедится основательно, как на него и его деятельность смотрел Тургенев. Года три тому назад, т. е. гораздо позже начала субсидии г. Лаврову, Тургенев передал в «Temps» воспоминания одного русского эмигранта, который описывал свое заключение в тюрьме:¹³ Тургеневу оно понравилось по талантливости изложения. «Московские ведомости» прочитали ему тогда, по своему обыкновению, сильную нотацию, на которую Тургенев решился отвечать, и вот что он напечатал:

«Я всегда был и до сих пор остался „постепеновцем“, либералом старого покроя в английском, династическом смысле, человеком, ожидающим реформ только свыше, — принципиальным противником революций, — не говоря уже о безобразиях последнего времени»...¹⁴

Разумеется, человек с сильным характером при таких убеждениях, помогая г. Лаврову, отнял бы у него в то же время всякую возможность эксплуатировать его имя и его *благодетельство* в пользу своей партии, но Тургенев был меньше всего характер. Среди «безобразий времени» — пользуясь его выражением — он терялся довольно часто, как теряется большинство русских людей, не наделенные ни жизнью, ни воспитанием тем, что так часто встречается на Западе, именно характером. Сам г. Катков совсем не характер и ничего бы не стоило доказать это положение, если бы на то пошло дело. Самая сумма помощи так ничтожна, что только самомнение г. Лаврова могло объяснить ее так, как он объяснил. Для такого богатого человека, как Тургенев, 500 франков в год было то же, что для большинства 5 франков. Вот если бы г. Лавров мог сказать, что Тургенев давал ему ежегодно по 10 000 франков или что он отказал ему свои сочинения, как отказал их г-же Виардо,^{*}¹⁵ тогда дело другого рода. Но 500 франков... Это милостыня и ничего более...

Сегодня мне передали одно частное письмо, письмо человека, близкого к Тургеневу. Оно подтверждает то, что сказано о г-же Виардо в «Неделе» (см. «Среди газет» вчерашний номер).¹⁶ Вот несколько строк из этого письма: «Сердце радуется, читая, как его (Тургенева) хотят

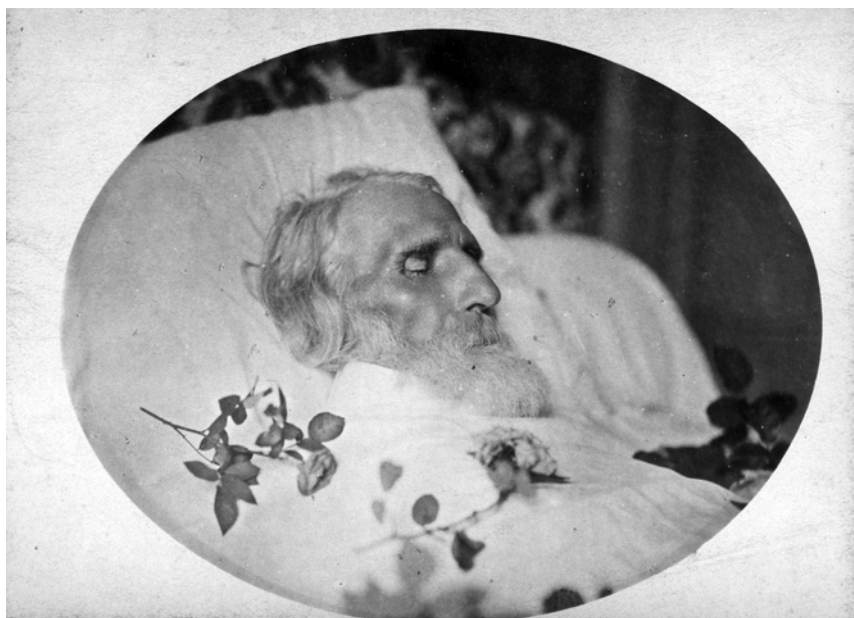
* Тургенев действительно г-же Виардо отказал свои сочинения, т. е. она получает с г. Глазунова как 22 тысячи, за которые Тургенев продал печатающиеся теперь собрания сочинений Тургенева, так и те 50 тысяч, за которые г. Глазунов приобрел право собственности на все дальнейшие издания их в течение 50 лет. — *Примеч. Суворина.*

встретить на родине. А здесь оно обливалось кровью, видя полное пренебрежение madame Виардо и ее семьи к телу великого человека. Умер он в 12 ½ часов пополудни 3-го сентября (22-го августа) во вторник. Повестили только консула, а вечером священника; благодаря тому, что племянник-скульптор жил тоже в Буживале, сняты рука, и маска, и фотография. В среду утром на рысях, в карете, для сего устроенной, доставили его в церковный подвал... Приехав случайно из..., я прямо побежал к священнику и спрашиваю, как и что? „Да ничего, — говорит, — привезли и сдали мне три человека молодые, а потом — ну, были вы да еще человека три, а более ничего не знаю; объявлений никаких не будет особых, а в газетах уже говорят, что погребение в пятницу“. — Да кто же тут распоряжается? — „Зять Виардо, Шамеро, а из русских — никого; знаю, что заказали погребение 3-го разряда и все тут. Приходите завтра, будет служить панихиду князь Орлов, и тогда все узнаете“. Наутро, конечно, я пришел и узнал, что точно похороны будут в пятницу, что и было. А Харламов* раскатился туда (в Буживаль) с холстом и красками ранешенько в среду,** но привратник виллы говорит ему: „Тю-тю ваш Тургенев“ — да и только. Конечно, мы все русские в негодование пришли, да ничего тут не поделаешь»...¹⁷ Должен пропустить несколько характерных строк о близких Тургеневу людях в Париже...

Хороши тоже французы. Общество русских художников положило на гроб Тургенева венок с надписью «Великому художнику-писателю от русских художников в Париже». Надпись была на черной ленте. Французская пресса присвоила этот венок себе, и во всех газетах было напечатано, что-де от французских художников положен венок с такою-де надписью: приводится надпись, где вместо русских художников стоят французские художники.¹⁸ Русские художники в Париже открыли подписку на серебряный венок изящной работы от русских его почитателей в Париже. Художники хотят, чтоб венок этот был возложен на гроб Тургенева в России, но так как у нас даже кресты с могил воруют, а не то что серебряные венки, то художники хотят отдать его в Публичную библиотеку на хранение.¹⁹ Кроме того, художники затевают иллюстрированное издание его портретов всех возрастов, с его деревянным домом, буживальской дачей, с городским домом, с его любимой мебелью и проч.²⁰ С Тургенева снята очень хорошая фотография, с мертвого;²¹ с этой фотографии Крамской будет делать офорт, который предполагается пустить по дешевой цене. Какой-то француз сделал офорт очень

* Наш известный портретист. — Примеч. Суворина.

** Тургенев умер во вторник после полудня. — Примеч. Суворина.

Тургенев на смертном одре. Фотография Мореля.
Буживаль, 3 сентября 1883 г. Из собрания А. Ф. Онегина (*ИРЛИ*)

плохой и желает его распространять в России.²² Меня просят предупредить об этом.

Незнакомец.

Павловск, 10-го сентября.

Мы получили следующее письмо, подтверждающее сказанное выше в письме г. Незнакомца:

«П. Лавров в 1874 году, вследствие образовавшегося раскола среди русских революционеров и его личной ссоры с эмигрантом Смирновым,²³ должен был не только перенести в другое место свое издание, но и лишиться всякого участия в русско-швейцарском фонде, типографии и т. д. Он очутился буквально на улице, без каких-либо средств к жизни, больной и разбитый нравственно предыдущей борьбой с образовавшейся тогда партией анархистов, имевшей во главе Ткачева и Турского.²⁴ Вместе с Лавровым лишились средств к существованию и те 5–6 молодых людей, которым судьба затворила двери родины и которые по убеждениям остались верны теоретической проповеди социализма, исключаяющей всякое насилие и преступление. Жизнь русского

эмигранта за границей нигде не описана с ее, так сказать, трагической стороны. Нет слов, чтобы выразить это смешение холода и голода с ужасом сознания своего одиночества среди чужого народа, чужого языка и чужих интересов и, можно смело сказать, что не было ни одного русского, долго зажившегося в Швейцарии, Париже или Лондоне, которому бы не пришлось протянуть милостыню этим несчастным. Большинство их только имеют кличку революционного эмигранта, но уже давно отдали всю свою душу позднему раскаянию и борьбе за кусок черствого хлеба.

Тургенев знал Лаврова давно, и естественно, что последний обратился к И. С. за помощью в столь критическую для него годину, естественно, что он просил не столько за себя, сколько за тех несчастных, которые шли за ним. В первое время ни сам Лавров, ни его сотрудники даже не мечтали о продолжении издания «Вперед» и потому, когда Тургенев обязался давать Лаврову по 500 фр<анков> в год, он даже не мог определить эти деньги на поддержку революционного органа, он просто давал субсидию голодающим. Великий художник не был в силах забыть, что и самый заблуждающийся есть все-таки человек... Вот как это было в действительности, и глупо предполагать, что оно было иначе: 200 рублей в год никто, никогда и нигде не назовет без намеренной лжи поддержкой еженедельного журнала.

У газеты „Justice“, издаваемой одним из храбрейших софистов Франции — Клемансо,²⁵ и у Лаврова, которого крутые обстоятельства преследуют и поныне, была цель для лжи: приплетение к своему делу всемирно знаменитого имени всегда и везде желанная мечта.

Н. Н—в.».²⁶

Печатается по: *НВр*. 1883. 13 (25) сентября. № 2709. С. 1–2.

¹ Письмо П. Л. Лаврова, адресованное редактору газеты Ж.-Б. Клемансо, опубликовано: *La Justice*. 1883. 9 Septembre. № 1333. Р. 3.

² «Отпевание Тургенева, к сожалению, не обошлось без глупой демонстрации, — писал один из очевидцев, — в которой мне искренно жаль священника Васильева. Представьте: священник только что водворил гроб на катафалк среди церкви и пошел в алтарь, чтобы начинать обедню, как Лавров и К° большую толпою вошли в церковь и положили сзади гроба, то есть лицом к входу церкви, венки с надписью по-французски: „Réfugiés russes“ <<От русских изгнанников> — франц.>, а затем водворились на самых видных местах церкви <...>. Приехал посол князь Орлов в ленте, приехали Лорис-Меликов, разные штатские генералы и проч. и всем им приходилось при поклонении покойнику прямо склоняться на оппозиционный

венок» (см.: *ЛН*. Т. 76. С. 330). Приведенное свидетельство М. И. Венюкова несколько отличается от других, в которых Лавров и сопровождавшие его эмигранты после возложения венка у гроба Тургенева демонстративно покинули церковь. См., к примеру, воспоминания В. Рольстона: «Во время богослужения небольшая группа эмигрантов ждала у входа в церковь <...>» (*НВр*. 1883. 7 (19) сентября. № 2703. С. 1).

³ Об этом эпизоде см. во вступит. статье.

⁴ Речь идет о статье: *W*. <Катков М. Н.?:> Петербургские письма. LXIV // *МВед*. 1883. 6 сентября. № 247. С. 3. См. о ней во вступит. статье.

⁵ 6 (18) июня 1880 г. на обеде, устроенном Городской думой в зале Благородного собрания, Тургенев сидел за столом напротив Каткова, который «позволил себе протянуть бокал в его направлении, но при всем своем добродушии Иван Сергеевич уклонился от этой дерзкой попытки возобновить старые отношения». «Ведь есть вещи, которых нельзя забыть, — доказывал он в тот же вечер Достоевскому; — как же я могу протянуть руку человеку, которого я считаю ренегатом?..» (*Ковалевский М. М.* Воспоминания об И. С. Тургеневе // *Минувшие годы*. 1908. № 8. С. 13; ср.: *Т в восп совр*. Т. 2. С. 141). Об этом эпизоде см. также во вступит. статье.

⁶ Вероятно, многие русские издатели получили копию письма Лаврова из газеты «Justice» до его публикации у Каткова. См. во вступит. статье.

⁷ В предисловии к статье Лаврова «Вперед! Наша программа», открывавшей № 1 «непериодического» издания «Вперед!» (1873. 1 (13) августа), говорилось: «Вдали от родины мы ставим наше знамя социального переворота для России, для целого мира». Далее Лавров утверждал, что программа журнала строится на признании «борьбы реального мирозерцания против мирозерцания богословского», «борьбы труда против праздного пользования благами жизни», «борьбы рабочего против классов, его эксплуатирующих, борьбы свободной ассоциации против обязательной государственности, короче говоря — борьбы за реализацию справедливейшего строя общества» (*Лавров П. Л.* Избр. соч. на социально-политические темы: В 8 т. М., 1934. Т. 2. С. 22–25).

⁸ Речь идет о П. Д. Боборыкине. См. примеч. 18 к № 1.

⁹ Любовь Тургенева к России отмечали многие иностранные критики, близко знавшие писателя, среди них: Э. Абу, Э. Ренан, Г. Брандес, Ю. Шмидт и др., очерки и надгробные речи которых публиковались в «Новом времени» и других изданиях (см.: *ЛН*. Т. 76. С. 688–698).

¹⁰ Окончив Петербургское артиллерийское училище, П. Л. Лавров (1823–1900) в дальнейшем занялся преподавательской деятельностью, в 1858 г. он стал профессором математики и получил чин полковника (см.: *Русские писатели*. Т. 3. С. 263–268).

¹¹ Лавров был членом I Интернационала и участником Парижской коммуны. Речь идет о его книге «Парижская коммуна. 18 марта 1871 г.», изданной анонимно (Женева: тип. «Работника» и «Громады», 1880. 232 с.). Впервые в виде статьи под названием «Парижская коммуна 1871 г.» опубликовано в газете «Вперед!» (1875. 3 (15) марта. № 5. С. 129–134).

¹² *Адан* (Adam) *Жюльетт* (урожд. Ламбер; 1836–1936) — французская писательница и издательница; с октября 1879 г. издавала журнал «La Nouvelle Revue Française», где публиковала статьи по вопросам русской культуры и искусства; корреспондентка и знакомая Тургенева. В этом журнале были опубликованы очерк Тургенева «Человек в серых очках» (во французском переводе названный «Месье

Франсуа»), а также повести «Песнь торжествующей любви» и «Клара Милич» (во французском переводе получившая заглавие «После смерти»). Подробнее об их взаимоотношениях см.: *Звигильский А.* Три французских издателя Тургенева (по неизданной переписке) / Пер. Н. Генераловой // *Звигильский А. Иван Тургенев и Франция / Сб. ст. Пер. с франц. М., 2008. С. 260–263.* Источник высказывания Ж. Адан, цитируемого Сувориным, неизвестен.

¹³ Речь идет об очерке И. Я. Павловского «En cellule. Impressions d'un nihiliste» («В одиночном заключении. Впечатления нигилиста»), опубликованном во французской газете «Le Temps» в ноябре 1879 г. (в пер. А. Н. Луканиной), с предисловием и послесловием Тургенева (см.: *Waddington P. Turgenev and Pavlovsky: A Friendship and Correspondence. Pinehaven, NZ, 1998.*) В письме к Я. П. Полонскому от 10 (22) ноября 1879 г. сам Тургенев охарактеризовал очерк Павловского как «весьма наивный и трогательный рассказ о содержании в тюрьме заключенного *безо всяких политических намеков и упреков*». Выразив недоумение по поводу того, что его предисловие могло, по мнению Полонского, вызвать недовольство в правительственных сферах, писатель заметил: «...в моем коротеньком предисловии я прямо говорю, что, насколько не одобряя и не разделяя мнений гг. нигилистов и революционеров, полагаю, что рассказ этот может служить доказательством неуместности предварительного одиночного заключения <...>» (*ПССуП(1). Письма. Т. 12. Кн. 2. С. 173.*) Тем не менее предисловие Тургенева, перепечатанное «Московскими ведомостями» в русском переводе, вызвало широкий общественный резонанс и весьма резкие отклики в ряде периодических изданий (см.: *ПССуП(2). Соч. Т. 11. С. 599–601.*)

¹⁴ Под сильной «нотацией» Тургеневу от «Московских ведомостей» Суворин имеет в виду фельетон Б. М. Маркевича («Иногородного обывателя») «С берегов Невы», в котором говорилось, что Тургенев перед «каждым лохматым шалопаем» «считает долгом своим кувыркаться» (*МВед. 1879. 9 декабря. № 313. С. 5.*) В ответе «Иногородному обывателю», опубликованном впервые в «Молве» (1879. 29 декабря. № 379) в форме письма к редактору «Вестника Европы», Тургенев писал: «Если бы г. „Иногородный обыватель“ ограничился одними посильными оскорблениями, я бы не обратил на них внимания <...> но он позволяет себе заподозреть мои убеждения, мой образ мыслей <...>» (*ПССуП(1). Соч. Т. 15. С. 184–185.*) После смерти Тургенева Стасюлевич привел фрагмент из этого открытого письма в своей статье «По поводу письма г. Лаврова в „Моск. ведом.“» (см.: *Новости и Биржевая газета. 1883. 14 (26) сентября. № 244. С. 1.*)

¹⁵ О завещаниях Тургенева см. публикацию Суворина от 20 сентября (2 октября). № 2716. С. 3, воспроизведенную далее (№ 9).

¹⁶ «Сколько мне ни приходилось слышать отзывов о положении Тургенева в семье Виардо, — писал корреспондент «Недели», — все они сходились на том, что его „эксплоатируют“, злоупотребляют его мягкостью и привязанностью, держат его „в загоне“ и вообще смотрят на него, как на человека „постороннего“, хотя в то же время стараются по возможности отстранять от него русских» (<*Онегин (Отто) А. Ф.?*> Из жизни Тургенева // *Неделя. 1883. 11 сентября. № 37. Стлб. 1235–1236.*) Это мнение опровергается другими свидетельствами (см., например, воспоминания Боголюбова: *ЛН. Т. 76. С. 464.*)

¹⁷ Речь идет о письме А. П. Боголюбова из Парижа от 30 августа (11 сентября) 1883 г. к И. Н. Крамскому, которое последний, по его просьбе, показал Суворину.

Суворин воспроизвел процитированный им фрагмент письма Боголюбова практически без изменений, более полный текст письма см.: *ЛН*. Т. 76. С. 470–471.

¹⁸ В упоминавшемся выше письме к Крамскому Боголюбов сообщал: «Положили мы ему на гроб от Общества нашего венки с надписью: „Великому художнику-писателю от Общества русских художников в Париже“. И эту надпись на черной ленте присвоила пресса проклятая французам, напечатав везде: от французских художников-де был венок с нашей надписью. Ну, что станете делать — плутня везде. Помогите хоть вы: вам Суворин поверит, коли его попросите сделать опровержение, ей-ей, не лгу и не хвастаюсь» (Там же).

¹⁹ Хлопоты по передаче серебряного венка после похорон в Публичную библиотеку взял на себя, по просьбе Боголюбова, В. В. Стасов, и уже 18 (30) сентября 1883 г. Боголюбов писал Стасюлевичу: «...венки наш уже принят в Публичную библиотеку на вечное хранение <...>» (см.: *Стасюлевич*. Т. 3. С. 278). В настоящее время этот серебряный венок находится в Литературном музее ИРЛИ (см.: Описание рукописей и изобразительных материалов Пушкинского Дома. Вып. 4: И. С. Тургенев. М.: Л., 1958. С. 115–116).

²⁰ Нет никаких сведений о том, состоялось ли это иллюстрированное издание.

²¹ Речь идет о парижском фотографере Мореле, 22 августа (3 сентября) 1883 г. сделавшем в Буживале с умершего Тургенева два фотографических снимка (в профиль и в анфас). «В 5-м часу, — по словам А. А. Мещерского, — приехал фотограф Морель и снял портреты, которые удались прекрасно» (*Рич <Багницкий Д. Р.> Предсмертные часы И. С. Тургенева*. Париж, 10-го сентября // *НВр*. 1883. 3 (15) сентября. № 2699. С. 1). Стасюлевич писал жене 2 (14) сентября 1883 г., что получил от П. Виардо «фотографию Тургенева, как он лежал в постели и каким я видел его на второй день». С привезенных в Россию фотографий Стасюлевич заказал С. Л. Левицкому увеличенные переснимки, которые, по его словам, были сделаны «превосходно» (*Стасюлевич*. Т. 3. С. 230, 232–233; см. также: Описание рукописей и изобразительных материалов Пушкинского Дома. С. 112–113). Снимки Левицкого поступили в продажу, однако «публика более чем равнодушно» отнеслась к ним, «тогда как спрос на снятые при жизни был громадный», — писал Левицкий Стасюлевичу после похорон (см.: *Стасюлевич*. Т. 3. С. 275).

²² В цитировавшемся выше письме к Крамскому Боголюбов предложил ему сделать офорт с фотографии умершего писателя, принадлежавшей П. Виардо, «для дешевой раздачи всей учащейся молодежи, у которой богатств нет». «...Вы, — замечал он, — с вашей способностью делать подобного рода воспроизведения как никто по сходству, можете принести громадную услугу юношеству, да и всем, кто знал покойного». Крамской согласился, однако намерение это, вероятно, не было осуществлено, так как в продаже были несколько вариантов офорта работы В. А. Боброва, сделанных в 1883 г. с фотографии К. Реша (1880), и его же траурная гравированная композиция «Живите и любите людей, как я их всегда любил» (см.: *ЛН*. Т. 76. С. 470–471, 482; коммент. Н. В. Огаревой; Описание рукописей и изобразительных материалов Пушкинского Дома. С. 94–95).

²³ *Смирнов Валериан Николаевич* (1848–1900), нечаевец, в 1871 г. эмигрировал в Цюрих, где принял участие в организации Славянской секции Интернационала, активно участвовал в издававшихся Лавровым журнале и сборнике «Вперед!» (см.: Деятели революционного движения в России. Т. 2. Вып. 4. Стлб. 1527–1529).

²⁴ *Ткачев Петр Никитич* (1844–1885/1886), нечаевец, в декабре 1873 г. эмигрировал в Швейцарию, где работал в лавровском журнале «Вперед!». В апреле 1874 г. выпустил брошюру «Задачи революционной пропаганды в России», направленную против Лаврова и его сторонников. Не сойдясь во взглядах ни с Лавровым, ни с Бакуниным, сблизился с группой «русских якобинцев» (К. Турский и др.); вместе с Турским издавал в Женеве журнал «Набат» (см.: Там же. Стб. 1713–1717).

Турский Каспар-Михаил (1847–1926), эмигрант, жил в Цюрихе, Париже, сражался в рядах армии Гарибальди, принимал участие в Парижской коммуне. Был противником Бакунина и близким человеком к Нечаеву. Вместе с П. Н. Ткачевым принимал участие в издании журнала «Набат» (см.: Там же. Стб. 1766–1768).

²⁵ *Клемансо Жорж-Бенжамен* (1841–1929), политический и государственный деятель, лидер социалист-радикалов; редактировал основанную им в 1880 г. газету «La Justice». По воспоминаниям эмигранта Э. А. Серебрякова, «из французских радикалов более всего почитал Лаврова всесильный тогда глава оппозиции, „разрушитель министерств“ Жорж Клемансо. Достаточно было простой записки от П. Л., чтобы Клемансо сделал все, что мог, для подателя этой записки. И не раз такие записки спасали русскую эмиграцию от козней русской и французской полиции» (*Серебряков Э. А. П. Л. Лавров (По личным воспоминаниям) // П. Л. Лавров. Статьи, воспоминания, материалы. Пб., 1922. С. 468.*)

²⁶ Кто был автором данного письма, установить не удалось. В. П. Гаевский, прочитав его в публикации Суворина, записал в своем дневнике 12 и 13 сентября: «Если это справедливо, то объясняется более всего желанием помочь лично Лаврову <...>. Такое же предположение высказано сегодня в „Новом времени“ Сувориным и Н. Н.—вым. Последний (недоумеваю, кто?) близко знаком с положением русских эмигрантов и обстоятельствами перенесения издания из Цюриха в Лондон» (Из дневника В. П. Гаевского (1883–1887 гг.) / Публ. Г. Никольской // Красный архив. 1940. № 3 (100). С. 230–231).

6

И. С. Тургенев

Незадолго пред кончиной Тургенев высказал одному издателю, что письма его не могут иметь того интереса для потомства, какой некогда возбуждали письма Шиллера и Гёте, и что он далек от мысли сравнивать себя с этими гениями.¹ Поэтому он заботился, чтоб ни одно из его писем не сохранилось.² Но, очевидно, такое заявление нельзя понимать буквально. В «Allgemeine Zeitung» появилось письмо, полученное одним немецким критиком от И. С. Письмо это служит ответом на опечатанную статью, которую немецкий автор прислал Тургеневу в Париж. Это — этюд о сочинениях Ив. С. К этюду приложено было письмо, в котором автор выражал сожаление в том, что он не знает русского языка. Тургенев ответил по-немецки следующее: «50, rue de Douai, Париж. Среда, 16-го апреля 79 г. Милостивый государь, получил ваше весьма лестное

письмо с двумя номерами газеты и прочел ваше „Portraitstudie“. Очень благодарен за честь, оказанную мне; и я должен сказать, что многое в вашем этюде мне кажется вполне справедливым и глубоко обдуманым. Вы сами лучше меня понимаете, что писатель не облакает в образы никаких предвзятых идей; все вырастает из души его, почти полусознательно. Иной критик указал бы, может быть с той же основательностью на другие мотивы моего творчества. Если бы мне понадобилось определить истинную основу своей деятельности, я бы сказал так: „Я писал потому, что меня угнетала потребность писать“. Свой народ, человеческая жизнь, человеческая физиономия — вот определенные данные; писатель делает из них, что может... и что он иначе не в состоянии сделать. Это — весьма неопределенная теория; для меня же она — единственная. Во всяком случае, я должен просить вас принять мою искреннюю благодарность за вашу неподдельную симпатию. Считаю великим счастьем своей жизни, что я ближе придвинул свое отечество к европейской публике. Примите и проч.».³

Печатается по: *НВр*. 1883. 13 (25) сентября. № 2709. С. 2. Без подп.

¹ Суворин приводит слова Тургенева по воспоминаниям А. Ф. Маркса, опубликованным незадолго до смерти писателя в «Ниве». См. вступит. статью.

² Вскоре после смерти Тургенева, 2 (14) сентября 1883 г., на заседании Комитета Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым было принято решение издать письма писателя, адресованные различным литераторам. Редактирование было поручено В. П. Гаевскому, а вырученные от продажи средства должны были составить фонд, из которого впоследствии оказывалась бы помощь нуждавшимся. В 1884 г. в Петербурге было издано «Первое собрание писем И. С. Тургенева. 1840–1883» (на титуле: 1885), в которое вошло 488 писем писателя к 55 корреспондентам. Предоставил имевшиеся у него письма и Суворин (подробнее об этом см. Приложение к публ.: Три письма А. С. Суворина к Тургеневу. С. 348–351).

³ Суворин приводит текст письма Тургенева от 4 (16) апреля 1879 г. к немецкому критику Морицу Нехелесу (см.: *ПССиП(1)*. Письма. Т. 12. Кн. 2. С. 59). Впервые на немецком языке оно было опубликовано: *Allgemeine Zeitung*. 1883. 20. September. № 262. Адресат установлен С. А. Рейсером (см.: *ЛН*. Т. 73. Кн. 2. С. 385). Статья Нехелеса «Ivan Turgenjew. Eine Portraitstudie» появилась в газете «Literaturblatt» в 1879 г.

7

И. С. Тургенев

Г-н Незнакомец очень верно угадал причину выходки г. Петра Лаврова (см. № 2709), указав на желание его помешать перенесению тела

Тургенева в Петербург и произвести вообще некоторую смуту в умах. Но мы не предполагали, что наглость г. Лаврова простиралась до того, что он преспокойно объяснял этот повод, как это видно из письма г. Стасюлевича, напечатанного сегодня в «Новостях». Припомнив, что Тургенев умер 22-го августа, а письмо г. Лаврова в «Justice» появилось 26-го августа,¹ г. Стасюлевич говорит:

«Появление оригинала в печати произвело особенно удручающее впечатление на домашних покойного — и это вполне понятно: им был хорошо известен, можно сказать, каждый шаг Тургенева в Париже, все его отношения; при известной искренности и словоохотливости добрейшего Ивана Сергеевича, мог ли он в течение нескольких лет сохранять что-нибудь втайне от них; да он не дождался бы вечера того же дня и рассказал бы все — говорили мне после многие из членов семейства Виардо. Ну, пусть Тургенева, — сказали мне тут же, — обвиняют в том, что он будто бы вносил в кассу редакции социалистского и революционного журнала г. Лаврова деньги — это дело совести тех, которые так утверждают; но сказать при этом, что Т<ургенев> это делал по собственной инициативе, т. е. сам просил г. Лаврова принять деньги, — подобное утверждение даже неправдоподобно: при мягкости характера покойного, он никогда не мог похвалиться именно инициативой, которой ему всегда недоставало, — а вдруг у него именно тут-то и явилась инициатива!

Семейство Виардо, под влиянием глубокого огорчения, решилось, было, сначала немедленно протестовать; но ему отсоветовали это, указывая на голословность первого обвинения, которое обещает, что противная сторона не стеснится ничем в дальнейшей полемике с ними, а также и на то, что имя Тургенева находится под защитой всеобщей любви к нему как к писателю и как к человеку. Но, тем не менее, Виардо настаивали на своем и успокоились только тогда, когда один из русских, незнакомый лично с г. Лавровым, взял на себя труд объясниться с ним предварительно. Все дальнейшее я слышал от этого самого лица, беседовавшего с г. Лавровым.² Нельзя, конечно, было поставить г. Лаврова в невозможное положение, а именно требовать от него полнейшего опровержения всего письма, а потому ему предложили согласиться, по крайней мере, на напечатание возражения ему, которое выяснило бы сущность дела, с обязательством для него — не продолжать полемики. Г-н Лавров не согласился и на такое предложение, объяснив при этом, что *напечатанное им письмо было именно искусным „маневром“, рассчитанным на действие этого письма в России; что он не может пропустить такого случая, как смерть Тургенева; по его соображениям,*

вследствие этого письма должны последовать распоряжения, которые глубоко огорчат все образованное общество и в России, и в Европе, а именно это-то и желательно, с его точки зрения; наконец, в своем положении он не считает возможным стесняться в выборе средств, и т. д.»³

Нам странно, что к явной лжи г. Лаврова адресовались так мягко гг. парламентарии со стороны г-жи Виардо: его-де нельзя было «поставить в невозможное положение», ему-де «предложили согласиться, по крайней мере, на напечатание возражения ему, с обязательством для него не продолжать полемики». Что за деликатесы такие, что за галантерейное обращение с лжецом и нахалом. «Пожалуйста, будьте милы, позвольте вам возразить», — говорят парламентарии. — «Не позволяю», — возражает г. Лавров, и г. Стасюлевич как бы оправдывает такое деликатное обращение с г. Лавровым и обращает свой гнев на г. Каткова. «Еще в Париже, — говорит он, — беседа с лицом, сообщившим мне вышеприведенное, я заметил ему шутя: при случае спросите г. Лаврова, сколько он получил с г. Каткова за составление и напечатание его письма?»⁴ Эта шутка г-на Стасюлевича, вовсе не остроумная, кстати сказать, показывает однако, что г. Стасюлевич убежден, что г. Лаврова всякий может купить, что г. Лавров просто *продажный человек*, как бывают продажные женщины, и с таким-то человеком эдакие деликатесы во вкусе банкирской аристократии... Знаем, мол, что он лжет, но что ж делать, коли он не позволяет нам доказать ему, что он лжец. В фельетоне мы печатаем письмо Я. П. Полонского, который знал душу Тургенева и был связан с ним узами теснейшей дружбы: он гораздо проще и доказательнее говорит в пользу Тургенева, чем г. Стасюлевич. Заканчиваем этот «случай», от которого г. Лаврову не поздоровится, следующим письмом, которое получили мы от лица, близко знавшего г. Лаврова как эмигранта и часто посещавшего Тургенева в Париже. Вот это письмо:

«Прошу у вас позволения ко вчерашнему письму г. Незнакомца прибавить несколько слов по поводу неопрятной сплетни г. Лаврова и жалких притязаний на имя покойного И. С. Тургенева в качестве денежного „сочувственника“. Это очень дрянная, но вовсе не удивительная ложь со стороны человека, не пренебрегавшего *ничьим пособием* и не стеснявшегося *никакими сделками* с людьми, самых враждебных г. Лаврову направлений. Именно личную помощь г. Лавров перевел на „партию“ и, разумеется, солгал: смотрите, мол, вот какой человек нам сочувствует. Я знаю, что из „партии“ г. Лаврова немногие стеснялись являться за помощью к И. С. Тургеневу, точно так же, как нередко являлись даже к лицам официальным, с которыми у них, без сомнения, не было ничего

общего. И. С. помогал каждому русскому, не справляясь о политических взглядах. Таким образом, каждый, получивший от И. С. помощь, может притягивать его безответный прах к политической солидарности с революционерами. Г. Лавров не постыдился той мягкой рыцарской иронии, с какою И. С. всегда относился к нему лично, к его „делу“ и его „партии“. Мне не однажды приходилось слышать мнения И. С. о политических *предпринимательствах* г. Лаврова, — мнения не раздражительные, полные гуманной снисходительности, но тем более нелестные, что высказывались они в блестящей форме, спокойно, не без оттенка презрительной горечи. И. С. был не из тех людей, которые боятся своих мнений и говорят их за углом, украдкой, да и как бы Ив. Серг. мог относиться серьезно к г. Лаврову, когда г. Лавров сам глумился и над своим „делом“, и над своей „партией“ в присутствии И. С. Однажды г. Лавров посетил И. С. при мне. И. С. нас не познакомил, был заметно встревожен и, когда г. Лавров, заняв сто франков, ушел, И. С. много смеялся, говоря: „Когда еще Бог приведет быть мне между такими врагами?“».⁵

Здесь, быть может, будет кстати сказать, ввиду ничтожной помощи г. Лаврову (500 фр<анков>), насколько богат был Тургенев. У нас есть в руках выписка из отчетов по его имени, селу Спасскому. Из этой выписки видно, что Тургенев получил доходов из имения с 1-го июля 1876 года по 1-е августа 1882 г., то есть в течение шести лет, 199 386 рублей, значит по 33 230 в год. Валовой же приход имения за этот период времени равнялся 278 524 р. Предоставляется решить читателю, что значило Тургеневу при 33 230 р. ежегодного дохода, не считая литературного заработка, бросить г. Лаврову 200 р. Да если б у Тургенева было малейшее, самое микроскопическое сочувствие к *предпринимательствам* г. Лаврова, неужели он ограничился бы такою подачкою...⁶

Печатается по: *НВр.* 1883. 15 (27) сентября. № 2711. С. 1–2. Без подп.

¹ Письмо Лаврова в «Justice» было опубликовано не 26, а 28 августа (9 сентября).

² Речь идет об А. А. Мещерском. Г. А. Лопатин, по просьбе Лаврова вставший публично на его защиту, писал 9 октября н. ст. 1883 г. издателю «Daily News»: «Многие друзья Тургенева горячо упрекали Лаврова за то, что он воспользовался его смертью для целей политической агитации. <...> Но я могу повторить здесь по этому поводу только то, что я сказал уже лично князю Мещерскому, который упрекал в моем присутствии Лаврова за его письмо. Я отлично помню еще свое свидание с Тургеньевым в С.-Петербурге в 1879 г., тотчас после тех оваций, которыми осыпала его тогда русская публика. Вот что сказал он мне в заключение своего рас-

сказа: „<...> Я отлично понимаю, что русское общество, зная мои убеждения и мое исключительное положение, пользуется мною, как первым попавшимся под руку чурбаном, чтобы бросить им в голову опостылевшему ему правительству. Что ж, — я рад послужить обществу даже и в этом качестве“. <...> В свое время князь Мещерский вполне согласился с справедливостью моих слов, и мне очень прискорбно видеть теперь, что — в силу каких бы то ни было соображений — он дозволил впоследствии своему другу Стасюлевичу совершенно исказить в русских газетах все содержание своего разговора с Лавровым и выставить этого последнего чуть ли не сознательным лжецом и клеветником, быть может, даже получившим денежное вознаграждение за свою выходку от известного русского реакционера Каткова, так жестоко оскорбленного публично Тургеневым, который отказался пожать протянутую им руку» (*ЛН*. Т. 76. С. 248).

³ См.: *Новости и Биржевая газета*. 1883. 14 (26) сентября. № 244. С. 1.

⁴ Суворин приводит цитату из статьи Стасюлевича «По поводу письма г. Лаврова в „Моск. ведом.“», появившуюся в издании «*Новости и Биржевая газета*» через четыре дня после публикации письма Лаврова (см.: *МВед*. 1883. 10 сентября. № 251. С. 2). В цитируемом фрагменте статьи Стасюлевича везде курсив Суворина.

⁵ Кто был этим эмигрантом, близко знавшим Лаврова и часто посещавшим Тургенева в Париже, установить не удалось.

⁶ В следующем номере Суворин публикует поправки к этим расчетам (см.: *НВр*. 1883. 16 (28) сентября. № 2712. С. 1).

8

Два слова о Тургеневе Письмо в редакцию

М. г. Вот, что я слышал от покойного И. С. Тургенева о П. Л. Лаврове:

Лавров, переселившись в Париж, занялся изучением Шекспира (!) и по поводу этого изучения стал беспрестанно обращаться к Ивану Сергеевичу за разъяснениями тех или других более или менее непонятных стихов великого английского драматурга. Лавров о Шекспире готовил какое-то сочинение, и Тургенев, для которого искусство было свято, а Шекспир чем-то вроде земного бога, конечно, не мог отнестись к трудам Лаврова иначе, как по-тургеневски, т. е. с увлечением — и все те комментарии на шекспировские стихи, которые он посылал к Лаврову,¹ конечно, могут быть дороги для литературы, а уж вовсе не для революционной политики.*²

* За все это, как я слышал от других, г. Лавров в каком-то предисловии к какому-то своему сочинению обругал Тургенева. — *Примеч. Полонского*.

Года три тому назад, зимой, в одном великосветском обществе я встретил одного всем известного литератора, который обратился ко мне с следующим восклицанием: «Хорош же ваш Тургенев — нечего сказать!»

Тут я узнаю, что Тургенев будто бы не только дружит с Лавровым, но и ввел его в общество наших русских артистов в Париже.

— Как это ты ввел Лаврова в общество русских артистов? — спросил я, смеясь, Тургенева при первом же с ним свидании — и Тургенев рассказал мне, как он совершил это преступление. «Было объявлено, — сказал он, — что в нашем артистическом обществе будет музыка и чтение, где и я, грешный, буду принимать участие. Накануне этого события входит ко мне m-me Виардо и говорит: пришел Лавров и просит меня похлопотать достать ему билет на завтрашнее чтение. На это я сказал: — билет он может купить при входе, так как на этом литературном утре всякий может быть прямо с улицы — кто бы он ни был. Но, — сказала m-me Виардо, — он боится, что все билеты уже распроданы, нет ли у вас? И весьма возможно, что я послал Лаврову билет; — вот и вся история! Но на чтении Лаврову случилось сидеть против русского священника, тот узнал его и пришел в несказанный ужас... Вот откуда сыр-бор загорелся, но все это, все эти толки и сплетни выеденного яйца не стоят!»³

Наконец, летом 1881 г., в Спасском Тургенев при мне и жене моей рассказывал, как Лавров был страшно потрясен событием 1-го марта. «Он вошел ко мне бледный, с заплаканными глазами... проклинал партию русских анархистов, упрекал их в отсутствии всякой здоровой логики и в то же время оплакивал трагический конец Царя-Освободителя».

Было ли это искренно или это была комедия, разыгранная перед добродушнейшим из людей, И. С. Тургеневым, я не пускался в расспросы и рассуждения. Я очень хорошо знал, что Тургенев ни по своему характеру, ни по своему широкому образованию, ни по своему художественному чутью не мог сочувствовать каким бы то ни было разрушительным теориям. Он изучал нигилизм и всякие другие измы, как ученый доктор изучает гашиш (даже на себе пробует его действие) для того, чтобы написать о нем ученую диссертацию. Тургенев был не доктор, но тоже целитель нравственных недугов человеческих; он должен был знать все, чтобы писать так, как он писал. Как доктору было бы невозможно отворачиваться с презрением от больных и зараженных, так и писателю. Требуйте строгости отношений от начальствующих, от каждого из органов государственной власти, но не забывайте, что, если поэт будет походить на них, он перестанет быть самим собой, он утратит всякое обаяние. У него как у гражданина своя задача, он призван со-

единить или мирить разнородные элементы своего отечества во имя единого родного ему языка и высшей правды, во имя сознания своих недостатков и стремления к вечному вочеловечению...

Я. Полонский.⁴

14 сентября 1883 г.

Печатается по: *НВр*. 1883. 15 (27) сентября. № 2711. С. 2.

¹ П. Л. Лавров вспоминал: «Он <Тургенев> лично помог мне своим замечательным знанием Шекспира чуть не наизусть, когда мне пришлось для одной работы искать, куда относятся многочисленные цитаты из Шекспира одного автора, приведенные весьма часто без точных указаний» (цит. по: *ПССУП(1). Письма*. Т. 12. Кн. 2. С. 485). См. письма Тургенева к Лаврову от 28 сентября, 4 и 16 октября ст. ст. 1879 г. (Там же. С. 137–138, 141–142, 154–155; см. также: *ЛН*. Т. 73. Кн. 2. С. 46–50). О какой работе Лаврова идет речь, неизвестно. Ему принадлежит статья «Шекспир в наше время» (Устой. 1882. № 9–10. С. 61–99; псевд.: П. Слепышев), однако упоминаемые в письмах Тургенева цитаты из Шекспира в ней не использованы.

² По-видимому, в примечании Полонского, приведенном здесь, имеются в виду главы «Потугин вместо предисловия» и «Потугинская цивилизация в виде послесловия» из статьи Лаврова «Цивилизация и дикие племена» (*ОЗ*. 1869. № 5, 9), в которой, как писал позже сам автор, он «очень жестко отнесся к автору „Довольно“ и „Дыма“». Не знаю, было ли ему известно, что неподписанная статья, в состав которой входил этот отзыв, принадлежит мне <...> мы впоследствии, когда сошлись несколько ближе, никогда не говорили об этом, и он не дал мне заметить, знает ли он это» (*Лавров П. Л. И. С. Тургенев и развитие русского общества // ЛН*. Т. 76. С. 231; см. также С. 233 — коммент. К. П. Богаевской). В связи со статьей, опубликованной в «Gaulois» 10 февраля 1882 г., в которой шла речь о заступничестве писателя за Лаврова, высылаемого из Парижа, Тургенев писал редактору газеты: с Лавровым «наши политические взгляды расходятся настолько, что он в одном из своих напечатанных произведений формально упрекал меня в том, что я, как *либерал* и *оппорционист*, всегда противодествовал тому, что он называл развитием революционной мысли в России» (*ПССУП(1). Письма*. Т. 13. Кн. 2. С. 25; письмо было опубликовано в «Gaulois» 13 февраля 1882 г.).

³ Этот инцидент известен в литературе о Тургеневе как «лавровская история». Тургенев, как секретарь Общества взаимного вспоможения и благотворительности русских художников в Париже, был инициатором литературно-музыкального вечера, состоявшегося 2 (14) февраля 1881 г., на котором он сам, по причине болезни, присутствовать не смог. Сохранилось несколько воспоминаний об этом вечере, где, по приглашению Тургенева, присутствовал не только Лавров, имевший одиозную репутацию как политический эмигрант, но и эмигрировавший из России участник «процесса 193-х» И. Я. Павловский, а также поэт Н. М. Минский, демонстративно прочитавший стихотворение «Казнь жирондиста», сюжет которого был связан с казнью Каракозова (см.: *Боголюбов А. П.* Из «Записок моряка-художника» // Тургенев в воспоминаниях современников. М., 1988. С. 345). Демарш незваных гостей

имел последствия: Тургеневу с трудом пришлось отстаивать существование клуба Общества (подробнее см.: *Гитлиц Е. А.* Тургенев и «лавровская история» // *Т Сб.* Вып. 4. С. 270–275; см. также: Н. М. Минский. <Иван Сергеевич Тургенев> / Публ. С. А. Ипатовой // *И. С. Тургенев: Новые исследования и материалы.* М.; СПб., 2009. Вып. 1. С. 316–317).

⁴ Не исключено, что это «письмо в редакцию» было заказано Сувориним. В письме к нему от 3 сентября 1883 г. Полонский писал: «...случайно узнал я, что в „Новом времени“ Вы упоминали и обо мне, по поводу смерти всем дорогого и незабвенного Ивана Сергеевича Тургенева. <...> Вы правы — Тургенев с лишком 30 лет был в самых близких дружеских сношениях со мной — одних писем его у меня наберется на целые томы — и я не буду в числе безмолвствующих. В руках моих значительный материал для биографии Ив. Серг. и для уяснения этой в высшей степени замечательной личности. <...> Только не ждите от меня никаких речей, никаких славословий!» (Письма русских писателей к А. С. Суворину / Подгот. Д. И. Абрамович. Л., 1927. С. 139–140).

9

Тяжба из-за наследства И. С. Тургенева

Наследство И. С. Тургенева, по словам парижских газет, послужило поводом к тяжбе. Наш писатель оставил имение, авторские права, небольшую движимость и вещи, находящиеся в его комнате в отеле г-жи Виардо в Париже (rue de Douai) и в павильоне, где скончался И. С., в буживальском поместье Виардо. Эти комнаты, по распоряжению русского консула,¹ опечатаны. Претендентами на это наследство являются: 1) г. Брюэр, муж вне брака рожденной дочери И. С. Тургенева,² признанной им самим документально 8-го февраля 1865 года и фактически разлучившейся с мужем, ибо несколько лет назад она скрылась, неизвестно куда, и 2) г-жа Виардо, в пользу которой Тургенев оставил завещание, признав ее своей законной наследницей. Г-жа Виардо обратилась в суд с просьбой о снятии печатей с комнаты, которую занимал И. С. в ее отеле. Против этого протестовал г. Брюэр, явившийся в качестве душеприказчика своей жены. На днях разыгралась эта тяжба в парижском «Tribunal des référés».^a Поверенный г-жи Полины Виардо Поль Мерсье заявил, что его доверительница владеет той недвижимостью, где И. С. проживал в качестве постояльца, что лицо, потребовавшее опечатания ее комнат, не имело на то ни права, ни основания, так как по русским законам не признается усыновления вне брака рожден-

^a «Ускоренном суде» (франц.).

ных детей и такое усыновление может быть утверждено не иначе, как высочайшим распоряжением. Ривьер, поверенный г. Брюэра, ответил, что его клиент, являясь представителем единственной наследницы И. С., должен был ходатайствовать о наложении печатей в присутствии русского консула и г-жа Виардо не имеет в данном случае никакого права, так как она опирается только на завещание, которое, не будучи удостоверено в России надлежащим порядком и представлено председателю французского суда, лишено всякой силы. Председатель означенного суда постановил следующую резолюцию: «Ввиду того, что речь идет о наследстве русского подданного, процедура опечатания и составления инвентаря должна быть произведена русским консулом; но так как непосредственные претенденты на наследство — французы, и их претензии спорны, а равно ввиду того, что могут явиться и наследники из русских, то, принимая во внимание заявленные сторонами права, постановляем, что процедура опечатания и составления инвентаря будет совершена по ходатайству русского консула <по> французской форме, в присутствии Брюэра, или им уполномоченных лиц и вдовы Виардо, объявляющей себя наследницей Ивана Тургенева. В случае непредъявления ходатайства русским консулом помянутая процедура будет произведена по ходатайству Брюэра как представителя наследника, хотя и спорного, в присутствии вдовы Виардо и русского консула или его уполномоченного».³

Печатается по: *НВр*. 1883. 20 сентября (2 октября). № 2716. С. 3. Без подп.

¹ Имеется в виду генеральный консул России в Париже (с 1880 г.) *Андрей Николаевич Карцов* (1835–1906).

² Речь идет о *Викторе-Эжене-Гастоне Брюэре* (Bruère; 1835 — ок. 1895), муже внебрачной дочери писателя *Пелагеи Ивановны (Полины, Полинетты) Тургеневой* (1842–1919).

³ 1 (13) сентября 1883 г. А. Н. Карцов сообщил о смерти Тургенева в Департамент внутренних сношений в Петербурге и одновременно препроводил копии с двух духовных завещаний писателя, подлинники которых оставались на руках Полины Виардо. По оглашенным завещаниям, наследницей всего имущества писателя, включая собственность на изданные и неизданные его сочинения, а также оставшиеся деньги от издателя И. И. Глазунова, была объявлена П. Виардо. Последовало длительное судебное разбирательство между нею и Г. Брюэром. По постановлению судебных властей, тогда же, по ходатайству Брюэра, требовавшего аннулировать завещание покойного, были наложены печати на квартиру Тургенева в Париже. Пока длились хлопоты об отправке тела писателя в Петербург, квартира, в которой он проживал, продолжала оставаться опечатанной. 25 сентября (7 октября) 1883 г., после того как дело перешло в гражданский суд департамента Сены, суд постано-

вил: снять печати и составить опись вещей, принадлежавших Тургеневу. В начале октября печати были сняты, но вскоре, по ходатайству того же Брюэра, были наложены вторично. Только в конце ноября печати вновь были сняты, однако составление инвентарной описи было надолго прервано, ввиду возбужденного Брюэром иска о признании духовного завещания Тургенева недействительным. Лишь 20 августа н. ст. 1884 г. было принято, наконец, решение суда, признавшее Полину Виардо единственной законной наследницей имущества Тургенева (см. публикацию архивных материалов полномочного представителя СССР во Франции: Спор о наследстве И. С. Тургенева между дочерью Тургенева Пелагеей Ивановной Тургеновой и Полиной Виардо / Сообщение Н. Ангарского // Недра. 1927. № 10. С. 235–242). Дочь Тургенева Полина Брюэр продолжала после смерти отца получать пенсию в 400 франков, которые ей, согласно завещанию писателя, высылала П. Виардо. История с завещаниями Тургенева имела продолжение в России. В связи с законными притязаниями Глазунова, которые Виардо тщетно пыталась оспорить, окружной суд Петербурга утвердил последнее завещание писателя, в силу которого Виардо получала все то, на что имел право Тургенев в день его смерти, включая его родовое имение Спасское-Лутовиново; завещание было оспорено родственниками писателя К. Д. Сухотиной и О. В. Галаховой, так как по российским законам родовые имения не подлежали завещанию. Длительный и сложный судебный процесс был завершён лишь спустя пять лет после смерти Тургенева, и П. Виардо получила от наследниц Спасского деньги, одолженные у нее писателем (подробнее об этом см.: *Арзуманова М. А.* Завещание И. С. Тургенева // И. С. Тургенев (1818–1883–1958). Статьи и материалы / Под ред. М. П. Алексева. Орел, 1960. С. 264–286). Суворин внимательно следил за ходом судебных разбирательств (см., к примеру: *НВр.* 1883. 25 ноября (10 декабря). № 2782. С. 3).

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Т. М. Кривина

ИЗБРАННЫЕ СТРАНИЦЫ СОВРЕМЕННОГО БРИТАНСКОГО ТУРГЕНЕВЕДЕНИЯ:

О сборнике «Turgenev and Russian Culture»
(Amsterdam; New York, 2008)¹

Одним из недавних крупных англоязычных трудов, посвященных в основном творчеству И. С. Тургенева, стал сборник статей британских исследователей «Тургенев и русская культура», вышедший в свет в 2008 году.² Вводная статья Джо Эндрю предваряется тремя эпиграфами, содержание которых сводится, с одной стороны, к утверждению, что «в наши дни вряд ли кто читает книги Тургенева», автора «гуман-

¹ Ряд положений обзора Т. М. Кривиной вошел в ее статью: Проза И. С. Тургенева в восприятии современных британских исследователей («Рудин», «Ася», «Затишье») // Тургеневский сборник 2010 года / Сост. и ред. Л. В. Дмитрихина, Л. А. Балыкова. Орел, 2011. С. 61–71.

² Turgenev and Russian Culture: Essays to Honour Richard Peace / Ed. by Joe Andrew, Derek Offord and Robert Raid. Amsterdam; New York, 2008. Книга издана в Амстердаме и Нью-Йорке независимым научным издательством Rodopi, но авторы статей — британцы. Ричард Пис, которому посвящено данное издание, принадлежит к послевоенному поколению славистов, положивших начало основательному, широкому изучению классической русской культуры в Британии и окончательно утвердивших изучение русского языка в качестве отдельной дисциплины в университетах. Ему принадлежит большое количество трудов по творчеству Достоевского, Гоголя, Чехова, Гончарова и других русских классиков. Монография о Тургеневе вышла в электронной версии: *Peace Richard. The Novels of Turgenev: Symbols and Emblems. 2002 (Пис Ричард. Романы Тургенева: Символы и эмблемы)*. См.: <http://eis.bris.ac.uk/~rurap/novels.htm>.

ного, чувствительного», «совести целого поколения», с другой — к выражению робкой надежды на восстановление «законного места» писателя «среди звезд русской и мировой культуры».³

Констатируя тот факт, что изучение русской литературы на Западе в настоящее время находится в состоянии кризиса, Джо Эндрю предполагает, «что данное издание станет началом возрождения интереса к изучению творчества Тургенева и русской литературы XIX века в целом, как они того заслуживают».⁴ Автор вступительной статьи с сожалением отмечает, что с 1960 года вышло всего десять англоязычных монографий, посвященных творчеству Тургенева.⁵ Вслед за своими коллегами-предшественниками Эндрю утверждает, что основные достижения Тургенева заключаются в том, что русский писатель «затрагивает вечные темы человеческого существования и безличного универсума», а потому «тургеневские произведения обрели сегодня небывалую актуальность», однако «необходима переоценка всего его творчества».⁶ В какой степени осуществляется эта задача авторами сборника «Тургенев и русская культура»?

³ *Andrew Joe*. Introduction. *Turgenev and Russian Culture // Turgenev and Russian Culture*. P. 7. Здесь цитируются отрывки из высказываний Далл'Аглио (Dall'Aglio), Генри Гиффорда (Henry Gifford) и Фрэнка Сили (Frank Seely). Русский перевод текста, если не указано иначе, здесь и далее мой. — Т. К.

⁴ *Ibid.* P. 8.

⁵ Кроме названной ранее работы Ричарда Писа в статье упомянуты следующие труды: *Freeborn Richard*. *Turgenev: The Novelist's Novelist*. Oxford, 1960 (*Фриборн Ричард*. Тургенев: Романист романистов); *Ledkovsky Marina*. *The Other Turgenev: From Romanticism to Symbolism*. Wurzburg, 1973 (*Ледковски Марина*. Другой Тургенев: От романтизма к символизму); *Kagan-Kans Eva*. *Hamlet and Don Quixote: Turgenev's Ambivalent Vision*. The Hague; Paris, 1975 (*Каган-Канс Ева*. Гамлет и Дон Кихот: Амбивалентные взгляды Тургенева); *Ripp Victor*. *Turgenev's Russia from «Notes of a Hunter» to «Fathers and Sons»*. Ithaca and London, 1980 (*Рип Виктор*. Тургеневская Россия: От «Записок охотника» к «Отцам и детям»); *Waddington Patrick*. *Turgenev and England*. London and Basingstoke, 1980 (*Уоддингтон Патрик*. Тургенев и Англия); *Shapiro Leonard*. *Turgenev: His Life and Times*. Harvard; Cambridge, Mass., 1982 (*Шapiro Леонард*. Тургенев: Его жизнь и эпоха); *Costlow Jane T*. *Worlds within Worlds: the Novels of Ivan Turgenev*. New Jersey, 1990 (*Костлоу Джейн Т*. Мировые миры внутри миров: Романы Ивана Тургенева); *Seely Frank F*. *Turgenev. A Reading of his Fiction*. Cambridge, 1991 (*Сили Фрэнк Ф*. Читая произведения Тургенева); *Allen Elizabeth Cheresch*. *Beyond Realism: Turgenev's Poetics of Secular Salvation*. Stanford, 1992 (*Аллен Элизабет Череш*. За пределами реализма: Поэтика мирского спасения у Тургенева).

⁶ *Andrew Joe*. Introduction. *Turgenev and Russian Culture*. P. 10. В кавычках — цитаты из работ М. Ледковски и Е. Каган-Канс.

Не ставя перед собой недостижимой цели полностью осветить содержание книги, попытаемся дать представление о тех ее аспектах, которые представляются репрезентативными для современного западного тургеноведения. Следует заметить, что британский сборник в основном посвящен Тургеневу: из девятнадцати включенных в него статей только пять не имеют прямого отношения к его творчеству. Почти все авторы хорошо владеют русским языком, о чем свидетельствует тот факт, что они чаще всего апеллируют к различным изданиям Полного собрания сочинений и писем Тургенева, к оригинальным текстам других русских писателей. В большинстве случаев исследователи предлагают собственный перевод тургеновских произведений. В то же время лишь немногие из них обращаются к серьезным трудам российских тургеноведов: в основном британцы опираются в своих размышлениях о различных аспектах тургеновского творчества на работы западных коллег.⁷

Тематика статей различна. Так, в одних рассматриваются «сквозные образы» его творческого наследия (например, образ сфинкса).⁸ В других осуществляется анализ отдельных произведений — рассказов из «Записок охотника», повести «Ася», романа «Рудин» и др. — в русле определенных эстетических, философских, психологических концепций.⁹ В ряде работ тургеновское творчество рассматривается в ракурсе художественной рецепции и типологических схождений (в центре внимания Тургенев и Достоевский, Тургенев и Тютчев, Тургенев и Цветаева, Тургенев и зарубежные авторы XX века).¹⁰ Одно из исследований

⁷ В дальнейшем мы не будем акцентировать внимание на том, какие именно труды российских исследователей не учитываются британскими филологами. Но в целом многое из достижений современного отечественного тургеноведения осталось за пределами работ, включенных в рассматриваемую книгу.

⁸ *Burnett Leon*. Turgenev and the Sphinx (*Бёрнет Леон*. Тургенев и Сфинкс).

⁹ *Reid Robert*. «A Hunter's Sketches»: A Peircean Perspective. (*Рейд Роберт*. «Записки охотника»: Сквозь призму концепции Пирса); *Haard Eric de*. The Use of Poetry in Turgenev's Prose: «A Quiet Spot» (*Хаард Эрик де*. Место поэтического текста в прозе Тургенева: «Затишье»); *Christa Boris*. A «Buttoned-up» Hero of His Time: Turgenev's Use of the Language of Vestimentary Markers in «Rudin» (*Криста Борис*. «Застегнутый на все пуговицы» герой своего времени: Знаковое использование лексики, имеющей отношение к предметам одежды, в романе «Рудин»); *Andrew Joe*. «Death and Maiden»: Narrative, Space, Gender and Identity in «Asia» (*Эндрю Джо*. «Смерть и девушка»: Нарратив, пространство, женщина и мужчина и проблема идентификации в «Асе»); *Whitehead Claire*. Ivan Turgenev's «Phantoms»: The Spectre of Hesitation (*Уайтхед Клэр*. «Призраки» Ивана Тургенева: Спектр сомнений).

¹⁰ *Peace Richard*. The Dark Side of Turgenev (*Пис Ричард*. Темное начало в Тургеневе); *Pursglove Michael*. Dulcis fumus patriae: Tjutchev, Turgenev and «Smoke»

является в значительной степени театроведческим, ибо обращено к постановкам «Месяца в деревне», осуществленным Станиславским и Эфросом.¹¹ Две статьи носят в основном культурологический характер (если иметь в виду место Тургенева в них): одна посвящена театральной судьбе «Месяца в деревне» в Великобритании, другая — тексту либретто оперы «Кармен» (во втором случае наш классик представлен лишь в одном из аспектов своей просветительской деятельности).¹²

Что касается методологии исследований, в некоторых работах проявляется типичная для западного литературоведения и активно проникающая в отечественную филологию практика включения художественного текста в терминологическую систему нелитературной сферы, что особенно бросается в глаза в работе Роберта Рейда «„Записки охотника“: Сквозь призму концепции Пирса». Как отмечает во Введении Джо Эндрю, Рейд «использует категории Пирса, чтобы высветить специфические черты рассказов — и в целом и по отдельности... Он выделяет формалистские категории темы, характера, фабулы, сюжета».¹³

Во многих случаях авторы статей прибегают к эклектичному со вмещению различных типов анализа художественного текста. Явное стремление следовать принципам структуралистско-семиотического, формалистского подхода к литературным явлениям сопрягается в ряде исследований с выходом к традиционному для нашего литературоведения историко-литературному, тематически-проблемному осмыслению текста.

Так, в частности, это имеет место в статье Бориса Кристы «„Застегнутый на все пуговицы“ герой своего времени: Знаковое использование

(*Пёрсглав Майкл*. Dulcis fumus patriae: Тютчев, Тургенев и «Дым»); *Smith Alexandra*. Nostalgic Vision and Mnemonic Figures: Tsvetaeva's Allusions to Ivan Turgenev's Goethian Outlook (*Смит Александра*. Ностальгическое видение и мнемонические образы: Аллюзии Цветаевой к гетеанским взглядам Тургенева); *Cornwell Neil*. First Loves and Last Rites: From Ivan Turgenev to John Banville (*Корнуэлл Нил*. Первая любовь и последние ритуалы: От Ивана Тургенева к Джону Бэнвиллу).

¹¹ *Ros Dixon*. «The avant-garde, you know, can easily become the rearguard. All it takes is a change of direction». Anatolii Efros' Production of «A Month in the Country»: A Dialogue with Stanislavskii (*Диксон Рос*. «Авангарду, вы знаете, очень легко сделаться арьергардом... Все дело в перемене дирекции». «Месяц в деревне», постановка Анатолия Эфроса: Диалог со Станиславским).

¹² *Marsh Cynthia*. Post-War British «Month(s) in the Country» (*Марш Синтия*. Послевоенные постановки «Месяца в деревне» в Британии); *Briggs A. D. P.* Did «Carmen» really come from Russia (with a little help from Turgenev)? (*Бригс А. Д. П.* Действительно ли «Кармен» пришла из России (не без помощи Тургенева)?).

¹³ *Andrew Joe*. Introduction. Turgenev and Russian Culture. P. 15.

лексики, имеющей отношение к предметам одежды, в романе „Рудин“». Вводя в язык литературоведения понятие, которое можно было бы дословно перевести как «одежные маркеры» (vestimentary markers), Криста утверждает, что слова и словосочетания, обозначающие одежду, могут быть разделены на две категории в качестве знаков — «синхронистические» и «диахронические». Он поясняет, что «синхронистические маркеры» вечны, не зависят от эпохи и социальной принадлежности человека: они определяют одежду такими терминами, как «старая» или «новая», «простая» или «роскошная», «чистая» или «грязная». «Диахронические маркеры» более сложны. Их значение связано с требованиями дресс-кода определенного времени и места. Соответствие тому или иному дресс-коду, равно как и отклонение от него, несет определенную информацию (message).¹⁴

В своей статье Криста сосредоточивается на выявлении коммуникативной роли как «синхронистических», так и «диахронических» «одежных маркеров». Исследователь уверен в том, что «в „Рудине“ Тургенев разрабатывал технику использования лексики, обозначающей одежду».¹⁵ Б. Криста подсчитал количество соответствующих лексических единиц в романе (181), а для сравнения указал, что в «Отцах и детях» их будет 283. При этом он заметил, что хотя и не знает достоверно, «имел ли Тургенев познания в области теории семиотической коммуникации в литературе», важно, что писатель «на практике был мастером в ее применении и не только понимал, что одежда имеет язык, но и знал, что людей воспринимают по одежде».¹⁶

Автор статьи иллюстрирует мысль о том, что «основная функция одежных маркеров заключается в указании на социальный статус персонажа». Отмечая, что «Тургенев был сведущ в дресс-кодах своего времени»,¹⁷ Криста приводит ряд конкретных примеров из текста: описывает одеяние Ласунской, Пандалевского, Басистова, Лежнева, Липиной, выявляя роль этих действующих лиц в романе именно посредством «одежных маркеров».

Например, говоря о Ласунской, Криста отмечает, что «она живет в деревне, но одевается официально к обеду каждый день. Когда она в плохом настроении, сморкается в надушенный платок. Для встречи

¹⁴ См.: *Christa Boris*. A «Buttoned-up» Hero of His Time: Turgenev's Use of the Language of Vestimentary Markers in «Rudin». P. 127.

¹⁵ *Ibid.*

¹⁶ *Ibid.* P. 128.

¹⁷ *Ibid.*

Рудина в гостиной она „оделась просто, но изящно, à la madame Récamier!“¹⁸. Понимающему это говорит о ее вкусе, во всяком случае — о ее изысканности и богатстве. Более того, для Тургенева характерно то, что в его произведениях о хозяевах говорят и их слуги. Дворецкий Ласунской был „в черном фраке, белом галстуке и белом жилете“. При этом хозяйка по-французски спросила Рудина, не похож ли ее дворецкий на Каннинга. Социальный статус Ласунской раскрыт однозначно».¹⁸ Многие замечания Кристи представляются справедливыми, точными. Впрочем, в некоторых случаях автор статьи неправомерно суживает роль «одежных маркеров», сводя ее прежде всего к обозначению социального положения персонажей. Меньше внимания он уделяет тому, каким образом одежда отражает их характер. В частности, цитируя описание внешнего вида Ласунской и ее дворецкого, он не замечает того, что писателю важнее показать снобизм этой женщины. Между прочим, Тургенев представляет этого старика «плешивым», что усиливает авторскую иронию.

В связи с этим не вполне можно согласиться с утверждением Бориса Кристи о том, что Тургенев использует различные знаковые детали одежды «для полной социальной информации».¹⁹ Дело в том, что британский исследователь отводит коммуникативной роли одежды в тургеневском романе первостепенное место. Однако сам писатель почти во всех случаях дает представление о социальном статусе своих персонажей прежде, чем описать их внешний вид: так, ту же Ласунскую автор романа представляет уже в начале второй главы как знатную и богатую даму, а Криста цитирует начало четвертой. Как известно, портретные зарисовки, включающие описание одежды, являются лишь одной из составляющих тургеневского психологизма. Кроме того, собственно определение социального статуса персонажа — не самое главное в произведениях писателя. Впрочем, британский исследователь это понимает и анализирует роль «одежных маркеров» в «характеристике героев», а также в «выявлении — на уровне подтекста — изменений, происходящих с ними».²⁰

В этом отношении необходимо напомнить, что особое место, естественно, отведено в данной статье Рудину. Криста доказывает, что

¹⁸ *Christa Boris*. Op. cit. P. 128. Роман «Рудин» здесь цит. по: *ПССУП(1)*. Соч. Т. 6. С. 271, 275. Криста цитирует текст романа по тому же изданию в своем переводе.

¹⁹ *Christa Boris*. Op. cit. P. 127.

²⁰ *Ibid*.

«магнетический Рудин, мыслитель, лидер, оказывается эфемерной фигурой». И «разрушение» героя в глазах читателя «осуществляется постепенно, тонко, но безжалостно посредством одежных знаков. Особенно выразительны в описании поражения Рудина синхронистические маркеры. Они отражают его фиаско в амбициозных проектах утопического социального порядка».²¹ Эта мысль в работе Бориса Кресты получает, как кажется, четкое обоснование.

При всей парадоксальности постановки вопроса о познаниях Тургенева в области семиотики, сам анализ текста романа, проведенный Борисом Крестой, в целом не вызывает противления. Фактически британский ученый выходит к размышлениям о роли одежды в рассматриваемом произведении Тургенева, а именно — в создании характера, в выявлении социального положения персонажей, в какой-то степени — в понимании их психологии и жизненной судьбы. В то же время получается, что для нас новаторским в данной статье является только использование непривычной для российского тургеневедения терминологии. Роман Тургенева подвергался различным трактовкам в отечественной литературной критике, Креста предложил одну из интерпретаций произведения, которая на проблемном уровне в основном не вступает в противоречие с современным взглядом наших филологов на творчество писателя.

Другой пример методологической эклектики. Джо Эндрю в объемной статье «Смерть и девушка...» неоднократно апеллирует к работе М. М. Бахтина «Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике», а также к трудам Ю. М. Лотмана «Структура художественного текста» и «Происхождение сюжета в типологическом освещении». Так, «сюжетное построение» повести Джо Эндрю рассматривает в контексте лотмановской идеи, согласно которой «элементарная последовательность событий в мифе может быть сведена к цепочке: вхождение в закрытое пространство — выходение из него (цепочка эта открыта в обе стороны и может бесконечно умножаться)». «Поскольку закрытое пространство может интерпретироваться как „пещера“, „могила“, „дом“, „женщина“ (и соответственно наделяться признаками темного, теплого, сырого), вхождение в него на разных уровнях интерпретируется как „смерть“, „зачатие“, „возвращение домой“ и т. д., причем все эти акты мыслятся как взаимно тождественные. Следующие за смертью-зачатием воскресение-рождение связаны с тем, что рождение мыслится не как акт возникновения новой, прежде не бывшей лич-

²¹ Ibid. P. 130.

ности, а в качестве обновления уже существовавшей. В такой же мере, в какой зачатие отождествляется со смертью отца, рождение отождествляется с его возвращением».²²

Британский исследователь обнаруживает в тургеневском тексте соответствующие аналогии: «В начале произведения герой покидает замкнутое пространство и снова входит в замкнутое пространство в курортном городке. Неудачные отношения с вдовой не приводят к повторному рождению. И отношения с Асей также не приводят к повторному рождению».²³ Далее он развивает эту идею: «Повторяется одна и та же парадигма: Н. Н. несколько раз пересекает Рейн, чтобы попасть в „волшебное королевство“, где живет Ася, и покидает его в конце дня. Наиболее интенсивно парадигма Лотмана проявляется не на вершине холма, где жила Ася с братом, а в доме фрау Луизе. Тургенев приводит своего героя в темную комнату, а это равнозначно и „пещере“ и „могиле“ одновременно. Момент нового рождения для героя был близок, но он сам его отверг. Он терпит поражение в проверке любовью, как все герои Тургенева. Герой входит в замкнутое пространство и умирает, но у него не возникает сексуальных отношений, вот почему он не рождается вновь».²⁴

Размышляя о месте действия, Эндрю исходит из представлений Бахтина о хронотопе, цитируя его высказывание о том, что хронотопы «являются организационными центрами основных сюжетных событий романа. В хронотопе завязываются и развязываются сюжетные узлы. Можно прямо сказать, что им принадлежит основное сюжетобразующее значение».²⁵

Выделяя в своей статье раздел «Порог», Эндрю опять ссылается на Бахтина, полагавшего, что «порог» — «это хронотоп *кризиса и жизненного перелома* <...> У Достоевского, например, порог и смежные с ним

²² Andrew Joe. «Death and Maiden»: Narrative, Space, Gender and Identity in «Asia». P. 37. Здесь работа Ю. М. Лотмана цит. по: *Лотман Ю. М. Происхождение сюжета в типологическом освещении* // Лотман Ю. М. Избранные статьи: В 3 т. Таллинн, 1992. Т. 1. С. 230. Эндрю цитирует то же издание.

²³ Andrew Joe. Op. cit. P. 37.

²⁴ Ibid. P. 37–38.

²⁵ Ibid. P. 30. Здесь работа Бахтина цит. по: *Бахтин М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике* // Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 398. Эндрю ссылается на англоязычный источник: *Bakhtin M. M. The Forms of Time and the Chronotopos in the Novel. From the Greek Novel to Modern Fiction* // PTL. A Journal for Descriptive Poetics and Theory of Literature. 1978. Vol. 3.

хронотопы лестницы, передней и коридора, а также и продолжающие их хронотопы улицы и площади являются главными местами действия в его произведениях, местами, где совершаются события кризисов, падений, воскресений, обновлений, прозрений, решений, определяющих всю жизнь человека. Время в этом хронотопе, в сущности, является мгновением <...>.²⁶ Эндрю замечает при этом, что в тургеневской повести «пороги» — «это места где могут быть приняты спонтанные решения, которые определяют будущее персонажей».²⁷ А далее он рассуждает о том, что многое в истории Н. Н. связано с порогом (или по Бахтину — с родственными порогу понятиями) — в прямом и переносном смысле. С точки зрения автора статьи, Н. Н. не способен пересечь порог в символическом плане, т. е. решиться на активные действия.

Можно было бы предположить, что в своих размышлениях о взаимоотношениях мужчины и женщины Джо Эндрю сближается с современными феминистами, когда резко, жестко осуждает Н. Н. и Гагина за то, что они деспотично относятся к Асе, мешают ее самоосуществлению, подавляют ее естественное желание быть любимой. В то же время британский исследователь солидаризируется в своем неприязненном отношении с Н. Н. Чернышевским, автором статьи «Русский человек на rendez-vous».

В конечном счете, британскому литературоведу удастся, на наш взгляд, дать довольно тонкий психологический анализ сложных взаимоотношений тургеневских персонажей. Более того, он достаточно глубоко и аргументированно показал особенное — подчиненное, неполное — существование Аси в произведении. По мнению Эндрю, героиня повести представлена Тургеневым только через призму мужского взгляда на нее. По сути, перед нами проблемный анализ художественного текста, осуществленный в значительной степени посредством формалистического подхода.

В отдельных статьях сборника проявляется весьма типичное для западной филологической науки тяготение к фрейдизму. Оно ощущается, в частности, в стремлении вывести мировоззрение Тургенева и проблематику его творчества из детских и юношеских страхов и комплексов. Ричард Пис, славист, которому посвящено данное издание, начинает свою работу «Темное начало в Тургеневе» с перечисления конфликтных ситуаций, не раз возникавших в отношениях Тургенева с современ-

²⁶ Andrew Joe. Op. cit. P. 30; Бахтин М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике. С. 397.

²⁷ Andrew Joe. Op. cit. P. 30.

никами (Толстым, Достоевским, Гончаровым и др.), и объясняет эти конфликты впечатлениями давних лет — деспотичностью матери и слабохарактерностью отца, отсутствием нормальных отношений в семье будущего писателя. Вспоминает он и об эпизоде из детства Вани (в четырехлетнем возрасте тот чуть не упал в медвежью яму), а также страшный случай, пережитый Тургеневым в молодости, — пожар на море.²⁸

Можно было бы принять эти общие места — очередное возвращение к хорошо известным фактам писательской биографии, если бы этими фактами не ограничивалось обоснование концепции произведений Тургенева, в которых автор статьи справедливо усматривает «предчувствие» Достоевского. Р. Пис полагает, что Тургенев предвещает «темное начало» Достоевского, опережая его в этом на 16–17 лет. Он отмечает, что «испорченный, презирающий себя» «подпольный» человек Достоевского напоминает тургеневского «Гамлета Щигровского уезда», «заеденного рефлексией», наслаждающегося страданием.²⁹ В подтверждение своей мысли он цитирует тургеневский текст, в частности одно из высказываний героя о себе: «Я узнал ядовитые восторги холодного отчаяния; я испытал, как сладко, в течение целого утра, не торопясь и лежа на своей постели, проклинать день и час своего рождения».³⁰

Еще более близок к «Запискам из подполья», по мнению британского исследователя, тургеневский «Дневник лишнего человека», в котором представлены откровения персонажа, обретающего утешение в осознании того, что он является «лишним», т. е. «жертвой процесса размышлений», занимающегося вьедливым самоанализом, несмотря на раздражение по этому поводу («Я, кажется, вдаюсь в умозрение: это плохой знак»), и находящего наслаждение в страдании.³¹

Кроме того, Пис считает, что Тургенева с Достоевским роднит и «фигура inferнальной женщины. Это загадочная *femme fatale* — Ася, Варвара Павловна, Одинцова». Ближе всего к inferнальным героиням Достоевского, с точки зрения автора статьи, «мучительницы-искусительницы»: своенравная Ирина («Дым»), циничная разрушительница молодой любви Марья Николаевна («Вешние воды») и, прежде всего, —

²⁸ См.: *Peace Richard*. The Dark Side of Turgenev. P. 259.

²⁹ *Ibid*. P. 259–260.

³⁰ *Ibid*. Произведение Тургенева здесь цит. по: *ПССУП(1)*. Соч. Т. 4. С. 295. Пис обращается к тому же изданию.

³¹ *Peace Richard*. *Op. cit.* P. 260. Произведение Тургенева здесь цит. по: *ПССУП(1)*. Соч. Т. 5. С. 178.

Зинаида («Первая любовь»), образ, который сам Тургенев считал автобиографическим.³² Пис акцентирует внимание на патологических аспектах поведения Зинаиды в ее взаимоотношениях с Володей и его отцом, характеризуя их как «садомазохистские».³³

В принципе, надо признать, что многие замечания автора статьи подкреплены цитатами из тургеневского текста. Так, рассуждения о садомазохизме Зинаиды проиллюстрированы несколькими ситуациями. Одна из них — описание того, как Володя провоцируется этой женщиной на прыжок со стены: «...вы всё уверяете, что вы меня любите, — спрыгните ко мне на дорогу, если вы действительно любите меня. — Не успела Зинаида произнести эти слова, как я уже летел вниз, точно кто подтолкнул меня сзади. В стене было около двух сажен вышины. Я пришелся о землю ногами, но толчок был так силен, что я не мог удержаться: я упал и на мгновение лишился сознания».³⁴ Другой пример — свидание отца мальчика с Зинаидой: «Вдруг в глазах моих совершилось невероятное дело: отец внезапно поднял хлыст, которым сбивал пыль с полы своего сюртука, — и послышался резкий удар по этой обнаженной до локтя руке. Я едва удержался, чтобы не вскрикнуть, а Зинаида вздрогнула, молча посмотрела на моего отца и, медленно поднеся свою руку к губам, поцеловала заалевшийся на ней рубец».³⁵

Собственно «темное начало в Тургеневе» представлено в работе Писа достаточно убедительно, но апелляция исследователя к нескольким фактам жизни писателя как к основополагающему объяснению тургеневского интереса к сложному миру человеческих страстей ограничивает спектр тургеневского психологизма.

Некоторые авторы сборника испытали на себе влияние российской историко-литературной филологической традиции. Особенно явно это ощущается в статье Эрика де Хаарда «Место поэтического текста в прозе Тургенева: „Затишье“». Этот исследователь, не раз обращаясь к трудам западных филологов, в равной, если не в большей, степени опирается в анализе тургеневского текста на работы российских литературоведов, вступая с ними в творческий диалог.³⁶ Его интерес к русским классикам

³² *Peace Richard*. Op. cit. P. 261.

³³ *Ibid*.

³⁴ *Ibid*. Текст повести Тургенева цит. по: *ПССуП(1)*. Соч. Т. 9. С. 44.

³⁵ *Peace Richard*. Op. cit. P. 261; *ПССуП(1)*. Соч. Т. 9. С. 70.

³⁶ Так, Хаард ссылается на работу Т. Сильман «Заметки о лирике» (1977). В дальнейшем он опирается на комментарии к обоим изданиям *ПССуП* Тургенева, в том числе — к новейшему. Надо отдать должное автору статьи, в отличие от других, он

представляется весьма глубоким и основательным: например, он легко цитирует стихи Пушкина, письма Толстого, эссеистику Гумилева и т. д. Привлекает в этой работе то, что Хаард пытается определить место повести «Затишье» в творческом наследии писателя, а не ограничивается герменевтическим анализом текста.

Между прочим он затрагивает чрезвычайно важную проблему художественного перевода. В частности, он приводит два варианта английского названия повести «Затишье» — «A Quiet Spot» (a quiet spot — тихое место) и «A Backwater» (a backwater — тихая заводь, болото, застой) и следующим образом комментирует их: «Первый перевод содержит позитивную или, по крайней мере, нейтральную сему „тихий“; второй подразумевает тенденцию к застою, отсталости <Хаард использует русское слово «тихий». — Т. К.>». Далее британский исследователь замечает: «Оба перевода имеют право на существование. Сложность обусловлена различным подходом персонажей к месту действия». Так, помещик Ипатов говорит петербуржцу Астахову: «не то чтобы захоlustье, но затишье <...> уединенный уголок». Однако Астахов, который позднее будет вызван на дуэль, с иронией скажет: «Хорошо, к черту, затишье». И впоследствии с насмешкой повторит это слово. Таким образом, автор статьи подчеркивает, что слово «затишье» имеет у Тургенева неоднозначный смысл. Хаард обращает внимание на то, что тишина в повести «разрушена драматическим событием».³⁷ По его мнению, эта двойственность лучше передается первым переводом названия, да и лирическое описание природы (правда, не всегда идиллическое) свидетельствует о его преимуществах. Исследователь делает акцент на том, что «неоднозначность названия отражает суть самой рассказанной истории».³⁸ На всех уровнях он обнаруживает в повести неоднородность, неопределенность, противоречивость, «смешение трагически-серьезного начала с развлекательно-сатирическим» — в композиции, в характерах персонажей, в описанных событиях. Особое внимание в этом плане он уделяет жанровому разнообразию стихотворных текстов, играющих важную проблемную роль в повести.³⁹

довольно неплохо осведомлен о российском тургенеvedении: называет Г. Б. Курляндскую, Н. Н. Мостовскую, Н. С. Никитину (как составителя «Летописи жизни и творчества И. С. Тургенева») и др.

³⁷ *Haard Eric de. The Use of Poetry in Turgenev's Prose: A Quiet Spot. P. 176–177.* Текст повести Тургенева «Затишье» здесь цит. по: *ПССУП(1). Соч. Т. 6. С. 90, 132.* Хаард цитирует в статье английский перевод Х. Стивенса и А. Кнопфа.

³⁸ *Haard Eric de. Op. cit. P. 177.*

³⁹ *Ibid. P. 181.*

Следует признать, что Хаарду удалось почувствовать главное — сочетание в тургеневской повести «описания обычного течения жизни с сильным эмоциональным напряжением».⁴⁰ Британский исследователь предлагает достаточно глубокий и гибкий анализ содержания тургеневской повести (он называет «Затишье» рассказом», так как «повесть» — чисто русское понятие). Центральное место в ней Хаард отводит героине и, соответственно, роли пушкинского «Анчара» в ее судьбе, вспоминая, что сам Тургенев французскому переводу рассказа дал название «Анчар». Именно выявление места пушкинского стихотворения в повести «Затишье» является одной из основных задач Хаарда.

Автор статьи, в частности, пишет: «Мотив „хозяин — раб“ — ключевой для повествования, но не единственный. „Яд“ — отношения между Марьей Павловной и Веретьевым. „Пустыня“ перекликается с тихим местом, „затишьем“. „Одинокое дерево“ — одиночество Марьи Павловны (хотя отравлена именно она)».⁴¹ Кроме того, исследователь выявляет символическую роль сада, деревьев, ветвей в произведении Тургенева. Он видит связь между всеми этими образами и пушкинским анчаром.

Эрик Хаард не скрывает того, что многое в своих размышлениях о творчестве Тургенева и русской поэзии он черпает из русской литературной критики XIX века и современного российского литературоведения.⁴² Однако его апелляция к этому филологическому материалу имеет творческий и аналитический характер.

Помимо пушкинского текста, британский филолог анализирует другие песенно-поэтические вставки, обращая внимание на то, как они отражают контрасты и противоречия в настроениях и поведении тургеневских персонажей. Так, Хаард вспоминает о том, что в самом начале повествования читатель знакомится с эпиграммой местного поэта Бодрякова (с комментарием — «конечно, он не Пушкин») и узнает о том, что «складная душа» Иван Ильич начинает каждое утро со старого романса «В деревне некогда барон / Жил с деревенской простотою». Особое внимание уделяет он сцене, в которой Марья Павловна проникно-

⁴⁰ Ibid. P. 187.

⁴¹ Ibid. P. 186.

⁴² Так, в частности, Хаард ссылается на работу А. П. Чудакова «О поэтике Тургенева-прозаика (Повествование — предметный мир — сюжет)», опубликованную в кн.: Тургенев в современном мире. М., 1987, — и многие цитаты из русской литературной критики заимствует из этой книги (например, высказывания А. Григорьева, Н. Н. Страхова, Родзевича и др.).

венно поет две печальные украинские песни, и видит в них предвестие дальнейших трагических событий. На контрасте с этим эпизодом представлена пьяная компания, поющая песни с Веретьевым.

На фоне серьезной интерпретации той роли, которую играют в тургеневском произведении вышеназванные стихотворно-песенные вставки, весьма поверхностным представляется замечание автора статьи относительно поклонника Надежды Алексеевны, певшего романсы «жиденьким голосом»: Хаард полагает, что писатель таким образом хотел показать, что «песня проникает во все компании — порой не самого престижного ряда».⁴³ Странно, что исследователь не развивает в данном случае высказанную ранее мысль о соотношении в тургеневском тексте трагического и фарсового начал, о роли контрастов в раскрытии человеческих характеров и судеб.

В контексте ведущих тенденций современного западного литературоведения Эрик де Хаард кажется несколько старомодным, ибо обходится без «архетипных» аналогий и постмодернистской терминологии, хотя рассматривает роль «чужого» текста в тургеневском произведении.

Особое место в британском сборнике занимает статья Роса Диксона о двух постановках «Месяца в деревне». Несколько моментов определяют содержательную глубину и одновременно некоторую концептуальную неровность данной статьи. Прежде всего эта работа выделяется тем, что, с одной стороны, она имеет явную театроведческую направленность. В отличие от подавляющего большинства участников сборника, опирающихся на анализируемые ими тексты, Рос Диксон пишет о театральных постановках только на основании прочитанных им рецензий, искусствоведческих статей и трудов К. С. Станиславского («Моя жизнь в искусстве») и А. В. Эфроса («Профессия: режиссер»)⁴⁴

Уязвимым аспектом исследования является тот факт, оно изначально ориентировано на социологизированную и политизированную концепцию пьесы Тургенева, представленную в качестве комментария к третьему тому Полного собрания сочинений и писем Тургенева 1960-х годов. Диксон не называет автора комментария, но ссылается на это издание.⁴⁵

⁴³ *Haard Eric de*. Op. cit. P. 187.

⁴⁴ Диксон ссылается на статью И. Соловьевой: «Месяц в деревне»: художественный театр, 1909 // Театр. 1976. № 6. С. 101–111, а также на работы М. Строевой, Л. Гроссмана, Л. Лордкипанидзе, А. Смелянского и др. Он не упоминает о том, что сам видел спектакль Эфроса.

⁴⁵ *ПССУП(1)*. Соч. Т. 3. С. 462; коммент. К. И. Тюнькина.

Именно опора на спорную трактовку тургеневского произведения приводит к некоторым перекосам в интерпретации как собственно тургеневского текста, так и режиссерских замыслов.

Статья Роса Диксона имеет многозначительное название: «„Авангарду, вы знаете, очень легко сделаться арьергардом... Все дело в перемене дирекции“». „Месяц в деревне“, постановка Анатолия Эфроса: диалог со Станиславским».⁴⁶ В целом это содержательное исследование выполнено прежде всего в собственно театроведческом аспекте. Диксон подробно описывает оба спектакля, анализирует основные режиссерские тематические акценты, сценографию, расстановку действующих лиц, актерскую игру и пр.

Основной мыслью статьи становится следующее утверждение: «Постановка Эфроса ни в коей мере не была возрождением спектакля Станиславского, но его интерпретация пьесы в какой-то степени была обязана традициям МХТ. Создавалось впечатление, что Эфрос, который прежде полемизировал с предшественником, теперь вступил с ним в диалог».⁴⁷ Правда, из статьи следует, что этот диалог лишь частично строился на согласии: это проявлялось в более мягкой, нежели обычно, тональности эфросовского спектакля. Как поясняет Диксон, «в чеховских постановках Эфрос побуждал актеров вкладывать в игру агрессию... В 1977 году <имеется в виду год выхода в свет «Месяца в деревне»>. — *Т. К.*> общая атмосфера в спектакле была мягче, по крайней мере в первых двух актах (хотя это совмещалось с желанием режиссера представить нарастание „землетрясения“), и чувства были под контролем — как это происходило в постановках Станиславского».⁴⁸ В остальном режиссеры, по мнению исследователя, расходились. Диксон весьма убедителен в выявлении этих различий. Эфрос предстает у него явным новатором, в значительной степени отошедшим не только от Станиславского, но объективно — и от Тургенева.

Однако именно это отступление от исконного тургеневского текста пьесы, как кажется, представлено здесь не очень глубоко и последовательно, что объясняется некорректностью принятой автором статьи

⁴⁶ В названии присутствует фрагмент из «Месяца в деревне»: это высказывание Шпигельского в конце второго действия. Причем в тургеневском тексте используется именно слово «дирекция», а не «направление». В данном случае текст пьесы чит. по: *ПССУП(1)*. Соч. Т. 3. С. 90. Диксон ссылается на это же издание.

⁴⁷ *Dixon Ros.* «The avant-garde, you know, can easily become the rearguard. All it takes is a change of direction». Anatolii Efros' Production of «A Month in the Country»: A Dialogue with Stanislavskii. P. 193.

⁴⁸ *Ibid.* P. 198.

трактовки «Месяца в деревне», о чем говорилось ранее. Опираясь на комментарий К. И. Тюнькина, Диксон обнаруживает в произведении Тургенева социально-политическое содержание, которое, возможно, в каком-то плане присутствовало в первом варианте драмы, но исчезло из окончательного текста.⁴⁹ Из этого рождается неверное предположение, что Беляев, один из центральных персонажей пьесы Тургенева, — предшественник чеховского Лопухина, а все происходящее с помещичьим дворянством в тургеневской драме — предвещает судьбы героев Чехова, утративших свой «вишневый сад». Несмотря на то, что Диксон читал книги «Моя жизнь в искусстве» и «Профессия: режиссер», он частично приписывает эту концепцию и Станиславскому и Эфросу.

Конечно, Станиславский видел в Чехове предшественника перемен, о чем писал в своей книге: «В художественной литературе конца прошлого и начала нынешнего века он один из первых почувствовал неизбежность революции, когда она была лишь в зародыше и общество продолжало купаться в излишествах. Он один из первых дал тревожный звонок. Кто, как не он, стал рубить прекрасный, цветущий вишневый сад, сознав, что время его миновало, что старая жизнь бесповоротно осуждена на слом».⁵⁰ Но про пьесу Тургенева Станиславский ничего похожего не говорил. Для него «Месяц в деревне» — прежде всего глубокая психологическая драма, построенная «на тончайших изгибах любовных переживаний», и от актеров он ждал понимания этого: «Тонкие любовные кружева, которые так мастерски плетет Тургенев, — отмечал режиссер, — потребовали от актеров, как и в „Драме жизни“, особой игры, которая позволяла бы зрителю любоваться причудливыми узорами психологии любящих, страдающих и ревнующих сердец».⁵¹

⁴⁹ В примечаниях К. И. Тюнькина к пьесе говорилось, в частности, о том, что в первой редакции «в любовной коллизии как бы проверяется жизненность и сила трех социальных характеров: дворянского либерала-интеллигента, „положительного“ делового человека — помещика-хозяина, и, наконец, студента-разночинца, вдохновленного идеями Белинского». Комедия представляет собой художественное воплощение характерных для Тургенева в конце 40-х — начале 50-х гг. раздумий о «лишнем человеке», о дворянской интеллигенции, о новом герое — разночинце, о судьбах русской женщины, об отношении человека к природе. См.: *ПССУИ(1)*. Соч. Т. 3. С. 405–406.

⁵⁰ *Dixon Ros.* Op. cit. P. 196. Книга Станиславского здесь цит. по: *Станиславский К. С. Моя жизнь в искусстве («Вишневый сад») // Станиславский К. С. Собр. соч.: В 8 т. М., 1954. Т. 1. С. 275.*

⁵¹ *Dixon Ros.* Op. cit. P. 196; *Станиславский К. С. Моя жизнь в искусстве («Месяц в деревне»)*. С. 326. Станиславский упоминает постановку пьесы Гамсуна «Драма жизни».

Что касается А. В. Эфроса, то и он писал о тургеневской пьесе как о вещи психологического характера — тонкой, глубокой, «интеллигентно написанной».⁵² И для него это было произведение о любовных переживаниях: он видел в нем тему «неизрасходованных чувств», имея в виду в первую очередь Наталью Петровну, женщину, в душе которой обнаруживалась «буря чувств, буря страстей, еще не растроченных, не пережитых».⁵³ Все сцены своего спектакля режиссер анализировал в аспекте противоречивых переживаний персонажей пьесы, невольно вспоминая при этом пушкинское «И всюду страсти роковые и от судеб защиты нет...».⁵⁴

Эфрос, конечно, читал книгу Станиславского и надеялся открыть в тургеневской вещи что-то новое: «Мысль, что ты лишь повторяешь пройденное, как-то не вдохновляет, когда начинаешь *свою работу*...».⁵⁵ Но одновременно режиссер-экспериментатор боялся «выдумки». Прилагая опыт Станиславского к произведению XIX века, Эфрос стремился совместить тургеневское понимание человеческих характеров с новым временем. Так, он хорошо осознавал, что существует «большая разница между теперешним мужским типажом и тем типом мужчины, представителями которого были Тургенев, Станиславский, Ракитин».⁵⁶ Кстати, Диксон — в духе эфросовской мысли — уловил разницу в игре исполнителей роли Ракитина — Станиславского и М. Козакова: во втором «не было рыцарского благородства».⁵⁷ Если судить по книге «Профессия: режиссер», Эфрос ставил спектакль о человеческих страстях, но с учетом специфики иного времени, изменившейся психологии отношений между мужчиной и женщиной. Он создал спектакль, отличный от творения своего предшественника, но не абсолютно порывал с традицией. Таким образом, сама постановка вопроса о «диалоге» между двумя русскими режиссерами не только оправданна, но неизбежна.

Стремление совместить гибкое восприятие тургеневской пьесы Станиславским и Эфросом с политизированным подходом к этому произведению, прозвучавшим в советской критике, приводит Диксона к некоторым противоречивым суждениям и даже к алогичности в анализе обеих спектаклей. Говоря о постановке Эфроса, исследователь продол-

⁵² Эфрос А. Профессия: режиссер. М., 1979. С. 52.

⁵³ Там же. С. 49, 50.

⁵⁴ Там же. С. 56.

⁵⁵ Там же. С. 68.

⁵⁶ Там же. С. 70.

⁵⁷ Dixon Ros. Op. cit. P. 197.

жает развивать свою мысль о пьесе «Месяц в деревне» как явной предтече чеховского произведения. Комментируя финал эфросовского спектакля (завершающая сцена здесь нарочито не соответствовала исконному тексту), Диксон рассуждает следующим образом: «Наталья Петровна не знает, что с ней будет, но Эфрос, с его историческим знанием понимает, что придет горе. Он, подобно Станиславскому, воспринимал „Месяц в деревне“ как прелюдию к „Вишневому саду“ и в своих комментариях сравнивал Наталью Петровну с Раневской и ее судьбой... В 1982 году Эфрос ставил „Месяц в деревне“ („Наташа“) и „Вишневый сад“ в Японии. Его потрясло художественное совершенство обеих пьес, но с другой стороны, ощущение катастрофической скорости движения времени. Местом действия в его „Вишневом саду“ было кладбище. Гибель сада — непреложный факт. Таким же образом разрушался и мир Натальи Петровны. В спектакле Станиславского была мольба о необходимости спасения старой культуры. Эфрос довел диалог со Станиславским до конца, отзываясь на его ощущения и напоминая о последствиях тех потерь, которые стали очевидными в его время».⁵⁸

В этом высказывании видится некая доля идеологического насилия как над содержанием произведения Тургенева, основной темой которого была любовь, так и над тем, как это содержание понималось двумя великими режиссерами.

Вместе с тем статья Диксона, безусловно, представляет интерес для западной интеллигенции, ибо знакомит ее со значительными явлениями русского театра. Тем более что, как следует из обзора театральных постановок «Месяца в деревне», сделанного Синтией Марш, эта тургеневская пьеса не раз привлекала внимание британских режиссеров: с 1945 по 2002 годы она ставилась в различных театрах Великобритании 27 раз.⁵⁹ Насколько можно судить по этому обзору, западное восприятие тургеневской пьесы преимущественно отличалось излишней политизированностью и стандартным взглядом на русское помещичье дворянство XIX века. Кроме того, Марш считает, что оригинальный тургеневский текст в процессе перевода и сценического экспериментирования подвергался значительной трансформации. И, наконец, она справедливо замечает, что пора научиться «отличать Тургенева от Чехова».⁶⁰ Иными словами, статья, вовсе не претендующая на литературоведческий анализ драмы Тургенева, оттеняет те спорные моменты, ко-

⁵⁸ *Dixon Ros.* Op. cit. P. 200–201.

⁵⁹ *Marsh Cynthia.* Post-War British «Month(s) in the Country». P. 226.

⁶⁰ *Ibid.* P. 232.

которые обнаруживаются в работе Диксона, и одновременно помогает выявить ее основное достоинство: рассказ о спектаклях Станиславского и Эфроса дает европейцам возможность оценить специфику наших режиссерских школ.

Наиболее привлекательным аспектом западной литературной критики, на наш взгляд, является интерес к собственно художественной стороне текста (в случае с Диксоном это касается и элементов театральной постановки), причем сама методика анализа, как уже говорилось, часто отличается от характерных приемов нашей историко-литературной школы. Внимание к тому или иному образу, стремление понять его глубинный смысл в русле неожиданных ассоциаций, параллелей, в непривычной (во всяком случае, для нашего тургеневедения) терминологической системе в некоторых случаях приводит исследователей к спорным выводам и обобщениям. Однако в целом подобные поиски почти всегда оказываются плодотворными, хотя бы потому что стимулируют читателя к более глубокому постижению текста, даже если с его интерпретатором хочется в чем-то поспорить.

Приведем лишь несколько примеров. В рассмотренной ранее статье Б. Кристы среди «знаковых» образов выделен один (он выведен в название статьи) — застегнутый сюртук. Вот как этот «знак» понимает Криста: «Без сомнения, его <Рудина. — Т. К.> постоянный маркер — не новый, тесный сюртук... Из одежды вырастают обычно подростки. Тесный сюртук — признак незрелости героя. Его развитие остановилось в студенческие годы. Его страсть, энергия — позднеподросткового типа, ему не хватает опыта и компетенции для воплощения идеалистических планов в реальность. Застегнутые на все пуговицы сюртуки — важный знак в тургеневском языке. В других случаях он его использует для характеристик провинциальных бюрократов, когда имеется в виду приятие status quo, приниженное положение человека, его готовность прислуживаться <humility and servility. — Т. К.>. Из всех одежных маркеров, которые встречаются в романе, этот наиболее символический и запоминающийся, и он дает ключ к пониманию Рудина».⁶¹ Эта характеристика тургеневского героя кажется суровой, апелляция к «провинциальным бюрократам» представляется в данном контексте надуманной, но в целом Криста уловил некую важную доминанту в характере героя романа.

Вернемся к статье о повести «Ася». Вся она фактически строится на выявлении ключевых тургеневских образов. В частности, Джо Эндрю

⁶¹ *Christa Boris*. Op. cit. P. 131.

замечает, на первый взгляд, второстепенные моменты — например, статую Мадонны, которую Н. Н. видит со скамейки, расположенной на берегу Рейна. Эндрю связывает облик Мадонны (сердце которой пронзено мечами) с судьбой центральной героини тургеневского произведения. Таким же значимым оказывается для него в контексте истории Аси упоминание имени Лорелеи. Говоря о второстепенных женских персонажах, Эндрю делает порой своеобразные заключения. Так, он пишет следующее: «В повести есть только две немолодые женщины — старушка, хозяйка деревянного балаганчика у развалин, и фрау Луизе. Обе фигуры — плод... женоненавистнического ума. Первая напоминает и бабушку из „Красной шапочки“ братьев Гримм, и бабу-Ягу. Если старушка лишь имплицитно ассоциируется с ведьмой, то в облике фрау Луизе эта аналогия оказывается явной в описании „морщинистого лица“, „свалившихся губ“, „тусклых глазок“. Она — привратник Асиного счастья. Ясно, что встреча с ней приведет к краху всего».⁶² Сложно сказать, приходили ли Тургеневу в голову подобные аналогии, да и в судьбе Аси негативную роль сыграли, конечно, не эти женщины. Однако, по сути, одна из интонаций жизненной ситуации, отображенной в повести, передана здесь точно.

В других рассмотренных ранее статьях мы также найдем нечто подобное. Как уже отмечалось, Э. Хаард обнаруживает переключку между описанием сада в повести «Затишье» и образом ядовитого дерева в пушкинском стихотворении. Р. Диксон, анализируя театральные постановки, обращает особое внимание на такие составляющие сценографии, как закрытое (в спектакле Станиславского) и открытое (у Эфроса) пространство, на роль резной металлической решетки и двух карет, а также других элементов оформления эфросовской постановки и т. д. Практически во всех работах, включенных в сборник, наблюдается стремление исследователей к изучению именно художественности как таковой.

Леон Бёрнет изначально ставит перед собой задачу определить символическое содержание образа сфинкса в творчестве Тургенева. Два эпиграфа, предпосланные статье — из Тютчева и Блока, — настраивают читателя на то, что автор рассмотрит этот образ в двух тематических аспектах: «Природа — сфинкс» и «Россия — сфинкс». Однако к ним впоследствии добавляется еще один — «женщина — сфинкс».

Первая тема рассмотрена в связи с двумя тургеневскими текстами. Во-первых, это письмо, адресованное Полине Виардо (16 мая 1850 г.), в котором мрачной неподвижной фигурой, подобной сфинксу Эдипа,

⁶² *Andrew Joe. Op. cit. P. 41.*

предстает перед Тургеневым Россия, куда он возвращался после нескольких лет пребывания во Франции. Во-вторых, это стихотворение в прозе 1878 года, в котором фигура сфинкса ассоциируется в сознании писателя с русскими мужичками, его «соотчичами». Вторую тему Бёрнет обнаруживает в начальных абзацах рассказа «Поездка в Полесье». Любопытно, что в этом произведении нет упоминания о сфинксе: исследователь соотносит с ним образ Изиды, с ее «холодным, безучастным устремленным на него взглядом», воплощающим равнодушие природы по отношению к человеку. Бёрнет считает, что «Изида выполняет конфигуративную функцию в тургеневских текстах, родственную сфинксу», и выводит из этого очевидную мысль: «в „Поездке в Полесье“ равнодушие природы заставляет рассказчика думать о собственной незначительности. Основные аспекты этой незначительности — одиночество, слабость, случайность».⁶³ Тема загадочной женщины рассматривается британским литературоведом на материале одного из эпизодов романа «Отцы и дети», представляющего собой историю любви Павла Петровича к *femme fatale*, некоей княгине Р., которой Кирсанов подарил кольцо с вырезанным на камне сфинксом. Скорее всего, это была женщина без загадки. Жаль, что Бёрнет не обратил внимание на ключевой тургеневский мотив: у писателя сфинксом, вероятно, является любовь.

Вторым важным аспектом данной работы является попытка автора соотнести две традиции — древнегреческую и египетскую — и, соответственно, сравнить два типа сфинкса: того, кто задает загадку, и того, кто сам является загадкой. Бёрнет считает, что в произведениях Тургенева совместились в художественном единстве обе традиции. Из весьма тщательного анализа художественной ткани и проблематики тургеневских текстов Бёрнет выводит обобщение: «Сфинкс — не доминирующий образ в творчестве Тургенева, но он выполняет функцию мифологической связи... Тургенев использовал древнегреческую и восточную традиции и синтезировал их, создав синкретический комплекс сфинкса <sphinx-complex. — Т. К.>, который сформировался на основе загадки Сфинкса и тайны Изиды».⁶⁴

В статье Майкла Пёрсглава «*Dulcis fumus patriae*: Тютчев, Тургенев и „Дым“» речь идет о критической реакции Тютчева на тургеневский роман, но как раз этому факту Пёрсглав уделяет не так много внимания, заявляя, что «неудовольствие Тютчева по поводу тургеневского произ-

⁶³ *Burnett Leon. Turgenyev and the Sphinx. P. 110, 111.*

⁶⁴ *Ibid. P. 120.*

ведения связано с его содержанием, а не символикой».⁶⁵ Британского филолога больше волнуют собственно эстетические вопросы, возникающие в процессе сопоставления произведений двух русских классиков. Первой и, похоже, основной его исследовательской задачей становится расшифровка центрального художественного образа тургеневского романа — вынесенного в название — и объяснение тютчевской концепции этого образа. Естественно, автор статьи обращается к главе XXVI тургеневского произведения, в которой Литвинов пытается для себя определить, в чем смысл существования — его собственного, российской молодежи, всей России: «„Дым, дым“, — повторил он несколько раз; и всё вдруг показалось ему дымом, всё, собственная жизнь, русская жизнь — всё людское, особенно всё русское. Всё дым и пар, думал он; всё как будто беспрестанно меняется <...>»; «Вот, думал он, в Гейдельберге теперь более сотни русских студентов; все учатся химии, физике, физиологии — ни о чем другом и слышать не хотят... А пройдет пять-шесть лет, и пятнадцати человек на курсах не будет у тех же знаменитых профессоров... ветер переменится, дым хлынет в другую сторону... дым... дым... дым!».⁶⁶

Пёрсглав размышляет о различных смысловых и ситуативных уровнях существования «дыма» в тургеневском тексте, о конкретном и метафорическом его присутствии в сознании героя романа. «Дым может обозначать эфемерные, модные тенденции...»⁶⁷ — пишет он, и в то же время вспоминает эпизодические моменты, из которых это философское заключение вырастает. Это и табачный дым, источаемый чуждой ему компанией, встреченной Литвиновым в Баден-Бадене, вызывающий у него головную боль (гл. VI), и смесь сигарного дыма и запаха пачули, которая характеризует молодых военных на пикнике (гл. X), и сборища у Ирины, такие же шумные, как у Губарева, но отличающиеся более роскошными одеждами и отсутствием запаха пива и табака (гл. XV), это, наконец, и «дымный поезд», идущий из Баден-Бадена. Пёрсглав замечает, что в главе XXIII прямое значение слова «дым» перерастает в метафорическое, когда Литвинов пишет Ирине о своих начинаниях, обратившихся «в дым и прах».

Автор статьи знает, что тургеневский символ интерпретировался читателями по-разному, но это явно не индустриальный дым романа

⁶⁵ *Pursglove Michael*. *Dulcis fumus patriae: Tjutchev, Turgenev and «Smoke»*. P. 286.

⁶⁶ Роман Тургенева цит. здесь по: *ЛССУП(1)*. *Соч.* Т. 9. С. 315, 317. В статье цитируется английский перевод Пёрсглава, сделанный им по изд.: *Тургенев И. С.* Дым. Новь. М., 1970.

⁶⁷ *Pursglove Michael*. *Op. cit.* P. 286.

Элизабет Гаскелл «Север и юг» и не дым диккенсовского Коктауна («Тяжелые времена»). По мнению Пёрсглава, тургеневский «дым» «может символизировать нестабильный и эфемерный характер революционных волнений в России середины девятнадцатого века». ⁶⁸ Но наиболее явный ключ к интерпретации исследователь обнаруживает в эпилоге — в сцене, в которой две светские дамы обсуждают Ирину. Он акцентирует внимание на фразе «испаряется, как дым кадильный», относящейся к характеристике голоса одной из дам, и делает вывод: «В данном случае она <эта фраза. — Т. К.> ассоциируется с искусственным миром, в котором живет Ирина, и эротической атмосферой, которую она источает. В любом случае дым связан в сознании Тургенева с чем-то неудовлетворительным». ⁶⁹

Полагаем, это высказывание ограничивает содержание тургеневского символического образа. Прежние рассуждения и обобщения Пёрсглава представляются более точными и глубокими. Впрочем, к ним хотелось бы добавить следующее: символика «дыма» предполагает, конечно, понимание эфемерности как настроений тогдашней молодежи, так и жизни России в целом, но наверняка Тургенев имел в виду и любовь-страсть, необъяснимым образом разгорающуюся в душе человека и обращающуюся «в дым и прах».

Однако основным объектом исследования Пёрсглава является не Тургенев, а Тютчев. ⁷⁰ Он предлагает основательный лингвостилистический анализ стихотворения «Дым» и эпиграммы «И дым отечества нам сладок и приятен...». И тот и другой текст он полностью дает в оригинале и в собственном переводе. Естественно, Пёрсглав осознает, что в лирическом стихотворении Тютчева дым символизирует следствие того зла, которое может быть вызвано разрушительной силой огня (образ огня тоже у поэта символичен). Вспомним тютчевские строки:

И вот опять к таинственному лесу
Мы с прежнею любовью подошли.
Но где же он? Кто опустил завесу,
Спустил ее от неба до земли?

Что это? Призрак, чары ли какие?
Где мы? И верить ли глазам своим?
Здесь дым один, как пятая стихия,
Дым — безотрадный, бесконечный дым!

⁶⁸ Ibid.

⁶⁹ Ibid.

⁷⁰ Пёрсглав ссылается на отдельные работы российских филологов, в основном — на стиховедческие и посвященные Тютчеву, но таких ссылок не очень много. Чаще всего — это предисловия к изданным у нас сборникам стихотворений поэта.

Пёрсглав комментирует это стихотворение как реакцию на тургеневский роман следующим образом: «Частично гнев Тютчева происходит не от идеологических расхождений с Тургеневым, а от чувства предательства, измены. Это находит отражение в последней строфе, где дым рассеивается и волшебство леса возрождается. Последнее слово — одно из самых любимых Тютчевым — „родной“. Лес зеленый, волшебный и, прежде всего, — русский».⁷¹ Обращаясь к эпиграмме, автор статьи первоначально поясняет происхождение понятия «*Dulcis fumus patriae*» и историю его восприятия русскими авторами — предшественниками Тютчева, опираясь при этом на хорошо известное нам справочное издание.⁷² Затем он делает такое заключение: «Тютчев помещает первую строку в кавычки. Вполне возможно, что он хотел подчеркнуть непатриотическое использование Тургеневым того же образа».⁷³

Вместе с тем, похоже, для Пёрсглава важнее иное — проблема творческого взаимодействия. Исследователь вспоминает все стихи Тютчева, в которых так или иначе присутствует дым: конечно, в них у этого образа было иное наполнение, нежели в «антитургеневских» произведениях, но автор статьи лишь приводит фрагменты из стихотворений, не анализируя их. Пёрсглав предполагает следующее: «Неудивительно, что Тютчев ухватился за название романа Тургенева. Возможно, Тургенев, редактировавший сборник поэта, оказался под его влиянием и заимствовал образ дыма у него».⁷⁴

Познавательными в культурологическом аспекте являются названная выше работа С. Марш о судьбе пьесы «Месяц в деревне» на британской сцене и статья А. Бригса о пушкинской составляющей либретто оперы Ж. Бизе «Кармен». Хотя второй из авторов лишь вскользь упоминает Тургенева как возможного посредника между Пушкиным, Мери́ме, Бизе и создателями либретто Л. Галеви и А. Мелаком, важен именно этот конкретный нюанс в той роли, которую наш классик играл в установлении русско-французских контактов.⁷⁵

В большинстве статей, включенных в сборник, мы обнаруживаем те или иные перспективные для тургеневедения исследовательские аспекты.

⁷¹ *Pursglove Michael*. Op. cit. P. 294.

⁷² *Ашукин И. С., Ашукина М. Г.* Крылатые слова. М., 1960.

⁷³ *Pursglove Michael*. Op. cit. P. 292.

⁷⁴ *Ibid*. P. 296.

⁷⁵ Подробнее о пушкинском тексте либретто оперы «Кармен», о роли перевода «Цыган», сделанного Мери́ме, в создании либретто, а также о статье А. Бригса см.: *Кривина Т. М.* Несколько слов о либретто оперы Бизе «Кармен» (Присутствие Мери́ме и Пушкина) // Славянский сборник. Орел, 2011. Вып. 9. С. 174–180.

Пожалуй, не вполне удалась попытка вывести тургеневскую традицию в русло творчества авторов XX века — Набокова, Беккета, Макьюэна и Бэнвилла. Речь идет о статье «Первая любовь и последние ритуалы: от Ивана Тургенева к Джону Бэнвиллу» Нила Корнуэлла. Само по себе стремление проанализировать ряд произведений, весьма различных по творческому методу, в русле распространенных в мировой литературе мотивов не может не вызвать интерес образованного читателя. Тем более что подбор имен и художественных текстов в данном случае примечателен своей неординарностью.⁷⁶ Однако подход автора к заявленной теме оказался, по нашему мнению, весьма поверхностным.

Корнуэлл начинает свою статью со следующей установки: «В данной статье мотив „первой любви“ будет рассмотрен в произведениях Тургенева и в произведениях других авторов, которые, возможно, испытали частичное влияние Тургенева и/или влияние друг друга».⁷⁷ То же, очевидно, касается и мотива «последних ритуалов» (т. е. похорон), который в статье исследователя связан в первую очередь с упоминанием чьей-то смерти или с мыслями о смерти кого-либо из персонажей. В частности, на основании заключительных строк тургеневской «Первой любви» делается вывод: «Первая любовь здесь, в прямом смысле, приводит к последним ритуалам».⁷⁸

Следует заметить, что вопрос о «возможном» влиянии Тургенева на рассмотренных здесь авторов, равно как и вопрос о последующих взаимовлияниях, так и остается открытым. Корнуэлл в лучшем случае пунктирно намечает эту проблему. Связь между Тургеневым и писателями XX века в статье глубоко не рассматривается — ни на уровне творческой рецепции, ни на уровне типологических схождений. Корнуэлл ограничивается самыми общими замечаниями, порой гипотетического характера, относительно того и другого. Так, он отмечает, что на-

⁷⁶ Подбор художественных текстов, рассмотренных в статье, таков: *Тургенев Иван*. Первая любовь. Вешние воды. Ася; *Nabokov Vladimir*. First Love («Первая любовь»), впервые опубликовано в 1948 г.); *Beckett Samuel*. First Love («Первая любовь»), написано первоначально на французском языке — «Premier Amour» — в 1946 г., впервые опубликовано в 1970 г., английский текст, написанный тем же Беккетом, впервые опубликован в 1973 г.); *McEwan Ian*. First Love, Last Rites («Первая любовь, последние ритуалы»), впервые опубликовано в 1975 г.); *Atonement* («Искупление»), опубликовано в 2001 г.); *Banville John*. The Sea («Море»), опубликовано в 2005 г.).

⁷⁷ *Cornwell Neil*. First Loves and Last Rites: From Ivan Turgenev to John Banville. P. 157.

⁷⁸ *Ibid.* P. 159.

боковскую «Первую любовь» роднят с тургеневской повестью автобиографический характер произведения и образ влюбленного мальчика.⁷⁹ Кроме того, в статье упомянуты «Лекции по русской литературе» Набокова, в которых, как известно, о Тургеневе говорится несколько более снисходительно, нежели о некоторых других русских классиках XIX века, но без особого восторга. Об отношении ирландско-французского абсурдиста С. Беккета к русскому классическому высказаны лишь ничем не подкрепленные предположения, а беккетовская «Первая любовь» представлена в самом общем плане как гротеск, содержащий «элементы пародии на тургеневское произведение».⁸⁰ О современном ирландском писателе сказано следующее: «Неизвестно, читал ли Бэнвилл Тургенева, но вполне возможно, что он числил его среди „могучих русских“».⁸¹ Что касается сборника рассказов «Первая любовь, последние ритуалы» и романа «Искушение» Иэна Макьюэна, а также романа «Море» Джона Бэнвилла, то в этих произведениях Корнуэлл обнаруживает переключку с Тургеневым лишь на уровне отдельных художественных аспектов (образы окна, сада, фонтана у Макьюэна, мотив плавания у Бэнвилла), но осуществляет это без должного аргументирования и анализа.

Полагаем, данную работу можно рассматривать как интересную заявку на исследование трансформации (в ряде случаев — даже парадоксального, пародийного постмодернистского опрокидывания) двух литературных мотивов в прозе не похожих друг на друга авторов, представителей различных культурных эпох. В этом плане и она по-своему плодотворна.

В целом проблеме существования тургеневских традиций в литературе последующих времен в сборнике уделено явно мало внимания. Статья о ностальгических настроениях и мотиве предчувствия смерти, нашедших отражение в автобиографической прозе М. Цветаевой («Дом у старого Пимена»), которые рассмотрены Александрой Смит в контексте тургеневских стихотворений в прозе, — лишь одна из эпизодических попыток восполнить этот пробел.

⁷⁹ Как указывает Корнуэлл, под названием «Первая любовь» («First Love») эта вещь Набокова на английском языке была опубликована в 1958 г. Под названием «Колет» («Colette») она появилась в 1948 г. и была включена в качестве седьмой главы в автобиографию «Conclusive Evidence» («Неопровержимое доказательство», 1951). С некоторыми изменениями она появилась в русской версии книги «Другие берега» (1954). И, наконец, вновь возникла в автобиографии «Speak, Memory» («Память, говори», 1967). См.: *Cornwell Neil*. Op. cit. P. 159–160.

⁸⁰ Ibid. P. 162.

⁸¹ Ibid. P. 168.

К сожалению, объем статьи не дает возможности более глубокого проникновения в содержание книги «Тургенев и русская культура», в значительную часть ее материалов. Многие аспекты исследовательских поисков, получивших отражение в данном издании, остались за пределами рассмотрения. Можно, однако, с полной уверенностью сказать в заключение, что публикация данного сборника, безусловно, свидетельствует о непрекращающемся интересе западной славистики к русской классической литературе, а также о дальнейшем плодотворном развитии русско-британских литературных контактов, вступающих в новую фазу.

Н. П. Генералова

ЧЕЛОВЕК В ИСТОРИИ

(О книге: *Батюто А. И. Дневник (1936–1952).
Стихи. СПб., 2012)*

«Дневник» 1936–1952 годов, принадлежащий перу известного тургеневеда Анатолия Ивановича Батюто (1920–1991), представляет собой документ особой ценности. Прежде всего, это высоко художественный текст, написанный человеком, литературно весьма одаренным. В этом смысле «Дневник» может быть интересен самому широкому читателю, даже если бы он не был собственно дневником, а лишь литературным вымыслом.

Но «Дневник» А. И. Батюто — подлинный документ, на страницах которого мы узнаем не только его автора, будущего оригинального исследователя русской литературы, но и целую эпоху, уходящую в далекие 30-е годы, военное и первое послевоенное время. Картины этой ставшей уже историей эпохи нам известны более по художественным произведениям, кинофильмам и позднейшим воспоминаниям. Ценность «Дневника» прежде всего в том и состоит, что он писался в годы, которые оставили нам слишком мало свидетельств подобного рода. Теперь трудно представить, насколько опасно было откровенно заносить свои размышления на бумагу, и автор дневника об этом не мог не знать. Тем не менее он делал это более или менее регулярно на протяжении полутора десятилетий.

Человек непростой судьбы, Анатолий Иванович оказался «замешанным» в историю как бы поневоле. По натуре склонный к романтическому созерцанию, философствованию, художественному постижению мира, он с юношеских лет ощущает острое неприятие повседневной действи-

тельности и всеми силами стремится уйти от нее. Пристальное внимание к своему внутреннему миру побуждает его уже в раннем возрасте ставить перед собой вопросы самого широкого свойства. Ответы, которые молодой человек дает сам себе, нередко афористичны и поражают глубиной. «Человек — временный гость мест, в которых живет. Время сметает его с поверхности земли, как мусор. Время — это дворник, еще ни разу не пренебрегший своими обязанностями. Тысячу раз пошлы рассуждения подобного рода. Но они как затянувшаяся петля — не вырвешься», — читаем в записи 1947 года. «Я все стремлюсь в заоблачные высоты и поэтому не могу жить даже самой легкой и простой жизнью, — трудно», — записывает он еще в 1936 году. Таким отчаянным романтиком Анатолий Иванович, думается, остался до конца дней.

Но ни легкой, ни простой жизни ему так и не пришлось испытать. Впереди была война, тяжелое ранение, сделавшее его на всю жизнь инвалидом, трудное вхождение в большую науку. Уже в раннем дневнике он как бы предвидит свою судьбу: «дорога будет не из легких, — трудная будет дорога». И действительно, автору дневника пришлось пережить многое: изгнание из школы и комсомола, тяжелую физическую работу, неудачи в личной жизни, наконец, потерю близких и родных людей в военные годы. И все же его никогда не покидало желание двигаться вперед, совершенствовать себя, накапливать знания. Автор дневника регулярно делится впечатлениями от прочитанных книг, которые были постоянным источником его вдохновения. Он буквально переживает все, что читает, но одновременно, и в этом уже виден будущий филолог, сопоставляет одни книги с другими, предпочитает одних автором другим.

На страницах дневниковых записей А. И. Батюто читатель встретит немало оригинальных суждений и неожиданных прочтений известных произведений. Острые политические высказывания, за которые в те годы можно было легко поплатиться свободой, соседствуют, например, с высокими оценками личности Сталина. Главное, что надо помнить читателю дневника А. И. Батюто, это то, что за всеми его размышлениями кроется ничем и никем не искоренимое стремление к истине, как бы эта истина ни попиралась и ни искажалась сиюминутными обстоятельствами. «Если человек честно любит какую-нибудь истину, то никогда не испугается пострадать за нее. Честная, бескорыстная любовь делает человека честным, твердым и смелым», — записал Анатолий Иванович в 1936 году. Если бы автора юношеского дневника спросили в конце жизни, мог бы он подписаться под тем, что декларировал в юности, можно быть уверенным, что ничто в его убеждениях по существу

не изменилось бы. Никто из знавших Анатолия Ивановича лично не смог бы поставить под сомнение искренность этих строк.

Конечно, многими чертами автор дневника похож на своих сверстников всех времен. Здесь и трогательное стремление к взаимопониманию, доверчивость и юношеское самолюбие, жажда любви и горькие разочарования. Но свойственный автору дневника постоянный высокий настрой, желание быть предельно откровенным и, главное, не по возрасту зрелое владение пером (недаром он так хотел стать писателем или поэтом!) придают этому человеческому документу особую важность. Наверное, кому-то захочется поспорить с автором, кого-то он затронет за живое, а для кого-то, совсем молодого, откроется целый новый мир, который носил в себе человек с нелегкой судьбой, сумевший сделать так много полезного в жизни.

Будучи сотрудником Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, почти всю жизнь А. И. Батюто отдал академической науке. Он принимал самое деятельное участие в готовившихся Полных собраниях сочинений И. С. Тургенева и Ф. М. Достоевского, причем на его долю достались очень нелегкие «объекты»: подготовка текста и комментариев к «центральному» роману Тургенева «Отцы и дети», блоки писем Тургенева к А. А. Фету, А. И. Герцену и другим писателям, отношения с которыми у автора писем складывались весьма и весьма непросто. Все это требовало не только огромной фактологической работы, но и глубокого осмысления, нередко философского свойства. Мироззрение писателя открывалось вдумчивому исследователю как бы изнутри, ограждая от скоропалительных выводов и легковесных суждений. Думается, именно такая несокрушимая научная база и стала отправной точкой будущих блестящих исследований Батюто. Не менее ответственные участки работы достались А. И. Батюто в издании Достоевского: статьи, «Дневник писателя», письма к разным корреспондентам. Удивительно, как много Анатолию Ивановичу удалось написать при столь большой загруженности по изданиям. Его перу принадлежат две монографии, вошедшие в золотой фонд отечественной науки. Это книги «Тургенев-романист» (Л., 1972) и «Творчество И. С. Тургенева и критико-эстетическая мысль его времени» (Л., 1990). Кроме них были десятки статей, многие из которых не потеряли своего значения до сего времени. Но самым весомым вкладом в науку А. И. Батюто остаются все же подготовленные им тексты и комментарии к произведениям и письмам писателей-классиков. Замечательный текстолог, А. И. Батюто умел читать в рукописях самые трудно читаемые места (а нередко ему приходилось пользоваться лишь доступными фотокопиями, совсем не похожими на

нынешние цифровые копии), дорожил каждым прочитанным словом. Написанные им комментарии остаются образцовыми для каждого ученого.

Можно сказать, что далеко не все замыслы Анатолия Ивановича осуществились. Как показали публикации, подготовленные его сыном Сергеем Анатольевичем, положившим немало труда на разборку личного архива ученого, многие темы так и остались в набросках. Большинство из них С. А. Батюто опубликовал в нескольких изданиях.¹ Им же была подготовлена наиболее полная библиография научных трудов отца.

Редколлегия настоящего сборника, в одном из выпусков которого впервые были напечатаны фрагменты «Дневника» А. И. Батюто,² приветствует выход в свет полного текста «Дневника» и рекомендует его всем, кому небезразличны как судьба нашей науки, так и судьбы отдельных людей, отдавших все силы и способности для ее процветания.

¹ *Батюто А. И.* 1) Тургенев и русская литература от Чернышевского до Чехова (Проблема героя и человека). Статья первая и вторая // Батюто А. И. Избр. труды / Отв. ред. С. А. Батюто. СПб., 2004. С. 830–889; 2) Достоевский и русские классики (заметки, наблюдения, архивные данные) // Там же. С. 890–920; 3) Белинский, Чернышевский, Добролюбов и другие (Эстетические разногласия и разночтения) // И. С. Тургенев. Новые исследования и материалы. М.; СПб., 2011. Вып. 2. С. 403–429; и др.

² См.: *Батюто А. И.* Из «Дневника» 1969–1952 / Публ. С. А. Батюто // Там же. М.; СПб., 2009. Вып. 1. С. 452–499.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ*

- Анненков. Письма* — *Анненков П. В.* Письма к И. С. Тургеневу: В 2 кн. / Изд. подготовили Н. Н. Мостовская, Н. Г. Жекулин. СПб., 2005 (Лит. памятники).
- БдЧ* — журнал «Библиотека для чтения».
- Белинский* — *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М.; Л., 1953–1959.
- ВЕ* — журнал «Вестник Европы».
- ВЛ* — журнал «Вопросы литературы».
- ГАОО* — Государственный архив Орловской области (Орел).
- Герцен* — *Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30 т. М., 1954–1966.
- ГЛМ* — Государственный Литературный музей (Москва).
- ГМТ* — Государственный музей Л. Н. Толстого (Москва).
- Гоголь* — *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч.: В 14 т. М.; Л., 1937–1952.
- Добролюбов* — *Добролюбов Н. А.* Собр. соч.: В 9 т. М.; Л., 1961–1964.
- Достоевский* — *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972–1990.
- Звенья* — Звенья. Сборник материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIV–XX вв. / Под ред. В. Д. Бонч-Бруевича, А. В. Луначарского и др. М.; Л., 1932–1936. Вып. 1–6; М., 1950–1951. Вып. 8–9.
- ИВ* — журнал «Исторический вестник».
- ИРЛИ* — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург).
- Летопись* — Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева: В 5 кн. СПб., 1995. Кн. 1: 1818–1858 / Сост. Н. С. Никитина; СПб., 1997. Кн. 3: 1867–1870 / Сост. Н. Н. Мостовская;

* В настоящий список сокращений не включены сокращения, принятые в «Тургеневской энциклопедии».

- СПб., 1998. Кн. 4: 1871–1875 / Авт.-сост. Н. Н. Мостовская; СПб., 2005. Кн. 5: 1876–1883 / Авт.-сост. Н. Н. Мостовская (Изд. продолжается).
- Лит Арх* — Литературный архив. Материалы по истории литературы и общественного движения / Под ред. М. П. Алексеева. М.; Л., 1938–1961. Вып. 1–6.
- ЛН* — Литературное наследство. М., 1931–2011. Т. 1–103 (Изд. продолжается).
- МВед* — газета «Московские ведомости».
- НВр* — газета «Новое время».
- Некрасов* — Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Л./СПб., 1981–2000.
- ОГЛМТ* — Орловский государственный литературный музей И. С. Тургенева (Орел).
- ОЗ* — журнал «Отечественные записки».
- ПССиП(1)* — Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. М.; Л., 1961–1968.
- ПССиП(2)* — Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. М., 1978–2003 (Изд. продолжается).
- РА* — журнал «Русский архив».
- РВ* — журнал «Русский вестник».
- РГАЛИ* — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва).
- РГБ* — Российская государственная библиотека (Москва).
- РЛ* — журнал «Русская литература».
- РМ* — журнал «Русская мысль».
- РНБ* — Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург).
- РСт* — журнал «Русская старина».
- РусВед* — газета «Русские ведомости».
- Русские писатели* — Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М., 1989–2007. Т. 1–5 (Изд. продолжается).
- СПбВед* — газета «Санкт-Петербургские ведомости».
- Т в восп совр* — И. С. Тургенев в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1983.
- Т Сб* — Тургеневский сборник: Материалы к Полн. собр. соч. и писем И. С. Тургенева. М.; Л., 1964, 1966. Вып. 1–2. Л., 1967, 1968, 1969. Вып. 3–5.
- Толстой* — Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. (Юбилейное изд.): В 90 т. М.; Л., 1928–1958.
- Фет. МВ* — Фет А. Мои воспоминания. 1848–1889: В 2 ч. М., 1890.

- ЦИАМ* — Центральный исторический архив Москвы (Москва).
- Чернышевский* — *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч.: В 16 т. М., 1939–1953.
- Щедрин* — *Салтыков-Щедрин М. Е.* Собр. соч.: В 20 т. М., 1965–1977.
- BN* — Bibliothèque Nationale de France (Paris).
- Cahiers* — Cahiers Ivan Tourguéniév, Pauline Viardot, Maria Malibran. Paris, 1977–2012. N 1–28 (Изд. продолжается).
- Lettres inéd.* — *Tourguénev I.* Lettres inédites à Pauline Viardot et à sa famille / Publiées et annotées par H. Granjard et A. Zviguilsky. Lausanne, 1972.
- NAF* — Nouvelle acquisition française.
- Nouv. corr. inéd.* — *Tourguénev I.* Nouvelle correspondance inédite / Texte recueillis, annotés et précédés d'une introduction par A. Zviguilsky. Paris, 1971–1972. T. 1–2.
- N Z Sl J* — журнал «New Zealand Slavonic Journal».

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

На фронтисписе — М. К. Клеман. С фотографии 1920-х гг. Рукописный отдел ИРЛИ. Воспроизводится впервые.

С. 9 — «Les muses rendent leurs hommages à Orphée» («Музы воздают почести Орфею» — *франц.*). Рисунок карандашом и пером Клоди Виардо в письме к Полине Виардо от 24 апреля 1863 г. Houghton Library, MS Mus 232 (14). Воспроизводится впервые.

С. 12 — «Doubrovski. Nouvelle traduite d'Alexandre Pouchkine». Французский перевод «Дубровского» Пушкина, сделанный Тургеневым при участии Луи Виардо. Фрагмент страницы журнала «L'Illustration» от 5 июля 1862 г. (N 1010. Vol. 40).

С. 13 — «Птичка Божия». Романс Полины Виардо на слова А. С. Пушкина из альбома «12 стихотворений Пушкина, Фета и Тургенева» (СПб., 1864). Первая страница.

С. 20 — <Возвращение с охоты> (изображены Тургенев, Луи и Клоди Виардо). Рисунок пером Клоди Виардо в письме к Полине Виардо от 9 мая 1863 г. Houghton Library, MS Mus 232 (14). Воспроизводится впервые.

С. 25 — «Eine Matinée in der Villa Viardot» («Музыкальный утреник на вилле Виардо»). Баден-Баден, 1865 г. Среди присутствующих — прусская королева Августа, Дезире Арто, Отто Бисмарк, А. А. Васильчиков, Луи и Полина Виардо, прусский король Вильгельм I, герцогиня фон Гамильтон, Мануэль Гарсиа, Гюстав Доре, вел. герцогиня Луиза, Аглая Оргени, Антон Рубинштейн, Тургенев, Гуго Хеерман, Теодор Шторм и др. Гравюра с рисунка Людвиг Пича: *Der Bazar*. 1865. 8. Dezember. N 46. S. 401.

С. 30 — Аглая Оргени. Рисунок А. Фейербаха. 1865 г. Воспроизводится по: *Brand Erna*. Aglaja Orgeni. Das Leben einer großen Sängerin. München, 1931, фронтиспис.

С. 37 — Клоди Виардо. Рисунок Полины Виардо. 1868 г. Из частной коллекции. Воспроизводится впервые.

С. 42 — Марианна Виардо. Рисунок карандашом Людвиг Пича. 1866 г. Воспроизводится по: *Iwan Turgenjew an Ludwig Pietsch*. Briefe aus den Jahren 1864–1883 / Hrg. von Alfred Doren. Berlin, 1923. S. 31.

С. 43 — И. С. Тургенев. Рисунок карандашом Людвиг Пича. Баден-Баден, 17 октября 1868 г. Воспроизводится по: *Ibid.* S. 4 (фронтиспис).

С. 45 — <Представление «Сомнамбулы»>. Рисунки пером Клоди Виардо в письме к Полине Виардо от 30 ноября 1869 г. Houghton Library, MS Mus 232 (14). Воспроизводится впервые.

С. 47 — Вечер в доме Виардо. «Игра в портреты» (изображены Тургенев, Луи Виардо, Полина Виардо и др.). Рисунок карандашом Людвиг Пича. Баден-Баден, 1865. Воспроизводится по: Iwan Turgenjew an Ludwig Pietsch. Briefe aus den Jahren 1864–1883 / Hrg. von Alfred Doren. Berlin, 1923. S. 27.

С. 48 — «Игра в портреты». Мужской профиль. Рисунок пером Тургенева. 15 марта 1864 г. BN. Slave 79. F. 70 г.

С. 51 — «Игра в портреты». Мужской профиль пером и записи участников игры (№ 1). Баден-Баден, 9 октября 1869 г. Houghton Library MS Mus 232 (40). Воспроизводится впервые.

С. 75 — Князь Н. И. Трубецкой. Фотография. 1850-е гг. Воспроизводится по: *Les Cahiers Samoisiens*. 1973. N 2 (Mars), обложка.

С. 77 — Княгиня А. А. Трубецкая. Фотография. Воспроизводится по: *Tourguénev Ivan. Nouvelle correspondance inédite*. Paris, 1971. Т. 1, вклейка между с. 318 и 319.

С. 79 — Замок Бельфонтен. Литография, опубликованная Денекурром ок. 1850 г. Воспроизводится по: *Les Cahiers Samoisiens*. 1973. N 2 (Mars). P. 28.

С. 81 — Замок Бельфонтен. Современная фотография.

С. 86 — Князь Н. А. Орлов. Фотография. Париж, 1860-е гг. Литературный музей ИРЛИ.

С. 87 — Княгиня Е. Н. Орлова. Фотография. Воспроизводится по: *Tourguénev Ivan. Nouvelle correspondance inédite*. Paris, 1971. Т. 1, вклейка между с. 334 и 335.

С. 95 — Письмо Н. И. Трубецкого к Тургеневу от 20 июня 1867 г. Первая страница. Рукописный отдел ИРЛИ. Воспроизводится впервые.

С. 115 — Первая страница газеты «Северный Меркурий» (1830. 24 февраля. № 24) с рецензией на поэму Ф. Н. Глинки «Карелия, или Заточение Марфы Иоанновны Романовой». Мемориальная библиотека Тургенева, ОГЛМТ.

С. 117 — Последняя страница газеты «Северный Меркурий» (1830. 24 февраля № 24). На отрывке из поэмы Ф. Н. Глинки — помета Тургенева. Мемориальная библиотека Тургенева, ОГЛМТ. Воспроизводится впервые.

С. 121 — «Вестник Европы» (1814. № 14. Июль). На обложке — инициалы Тургенева. Мемориальная библиотека Тургенева, ОГЛМТ. Воспроизводится впервые.

С. 123 — Титульный лист журнала «Московский вестник» (1827. Ч. 5) с владельческим автографом В. Г. Белинского. Мемориальная библиотека Тургенева, ОГЛМТ. Воспроизводится впервые.

С. 127 — Титульный лист журнала «Московский телеграф» (1834. Т. 55). Мемориальная библиотека Тургенева, ОГЛМТ.

С. 129 — Картинка мод из журнала «Московский телеграф» (1834. Т. 55). На обороте профиль офицера — рисунок карандашом Тургенева. Мемориальная библиотека Тургенева, ОГЛИМТ. Воспроизводится впервые.

С. 135 — Титульный лист журнала «Телескоп» (1835. Ч. 25). Мемориальная библиотека Тургенева, ОГЛИМТ.

С. 145 — Первое издание поэмы М. М. Хераскова «Россияда» (М., 1779). Верхняя крышка переплета с владельческим тиснением «И. Л.» (И. И. Лутовинов) и титульный лист. Мемориальная библиотека Тургенева, ОГЛИМТ.

С. 151 — Страница оглавления «Собрания образцовых русских сочинений и переводов в стихах» (СПб., 1821. Ч. I). Крестиками отмечены стихотворения Г. Р. Державина и М. М. Хераскова, предназначенные для заучивания братьями И. С. и Н. С. Тургеневыми. Мемориальная библиотека Тургенева, ОГЛИМТ. Воспроизводится впервые.

С. 155 — «Собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах» (СПб., 1821. Ч. I). Страница с отмеченной крестиком одой Г. Р. Державина «Бог». Мемориальная библиотека Тургенева, ОГЛИМТ. Воспроизводится впервые.

С. 211 — Лист 1-й редакции романа Л. Н. Толстого «Воскресение» (1895. Рук. 5. ГМТ) с упоминанием повести Тургенева «Затишье» и фрагмент той же рукописи. Воспроизводится впервые.

С. 245 — Лист чернового автографа романа Тургенева «Дворянское гнездо» с описанием княжны Кубенской. 1858 г. BN. Slave 92. Воспроизводится впервые.

С. 251 — «Пять стихотворений Лермонтова и Тургенева, положенные на музыку Полиною Виардо-Гарсиа» (СПб., 1868). Обложка альбома.

С. 253 — Обложка романа «Шепот, робкое дыханье...» (СПб., 1880) с речнем произведений Полины Виардо, изданных у А. Иогансена и представленных в его магазине.

С. 257 — Романс Полины Виардо «Разгадка» (СПб., 1868). Первая страница.

С. 261 — «Пять стихотворений Гёте, Пушкина, Мёрике, Гейбеля и Поля, положенные на музыку Полиною Виардо-Гарсиа» (СПб., 1874). Обложка альбома.

С. 273 — В. В. Апраксин. Акварель П. Ф. Соколова. Музей-заповедник «Дмитровский кремль».

С. 277 — А. М. Апраксина. Портрет неизв. художника. 1863 г. Музей-заповедник «Дмитровский кремль». Воспроизводится впервые.

С. 279 — В. В. Апраксин. Портрет неизв. художника (масло). 2-я половина XIX в. Воспроизводится впервые.

С. 281 — «Дом графа» в Брасове. Современная фотография.

С. 282 — Здание конторы в Брасове. Современная фотография.

С. 283 — Здание каретного сарая в Брасове. Современная фотография.

С. 287 — Дом Талызина в Орле, в котором останавливался В. В. Апраксин в 1870-е гг.

С. 297 — «Iwan Turgénjew's Ausgewählte Werke». Erster Band («Väter und Söhne»). Mitau, 1969. Немецкий перевод романа «Отцы и дети» с редакторской правкой Тургенева и Людвига Пича в составе первого немецкого издания «Избранных сочинений Ивана Тургенева». Контртитул и титульный лист.

С. 299 — То же. Страница с началом первой главы романа.

С. 301 — Фрагмент листа черновой рукописи романа Тургенева «Отцы и дети» с описанием Базарова из главы III. 1860–1861 гг. Рукописный отдел ИРЛИ. Воспроизводится впервые.

С. 303 — Лист белой рукописи романа Тургенева «Отцы и дети» с фрагментом главы X. 1861 г. BN. Slave 74. Воспроизводится впервые.

С. 313 — «Iwan Turgénjew's Ausgewählte Werke». Erster Band. Zweite Auflage («Väter und Söhne»). Mitau, 1973. Второе издание немецкого перевода романа «Отцы и дети» в составе «Избранных сочинений Ивана Тургенева». Страница с предисловиями Тургенева.

С. 344 — Протоиерей И. И. Базаров. Гравюра В. К. Зейпеля. Конец XIX в.

С. 345 — Тургенев. Фотография И. и Л. Альгайер (J. & L. Allgeyer). Карлсруэ, 1868 г. Литературный музей ИРЛИ.

С. 359 — Эмма Валадон. Гравюра с фотографии Э. Каржа. Воспроизводится по: *Mémoires de Thérèse écrits par elle-même*. Paris, 1865, фронтиспис.

С. 399 — Вильям Аллингем. С акварели работы его жены Хелен Аллингем. 1880 г. (?) Воспроизводится по: *Allingham William*. Laurence Bloomfield or, Rich and Poor in Ireland. London, 1890, фронтиспис.

С. 401 — Титульный лист третьего (посмертного) издания поэмы Вильяма Аллингама «Laurence Bloomfield or, Rich and Poor in Ireland» (London, 1890).

С. 405 — Письмо Тургенева к Вильяму Аллингаму от 18 (30) января 1871 г. Первая страница. The Rare Book & Manuscript Library of the University of Illinois at Urbana-Champaign. Воспроизводится впервые.

С. 407 — Письмо Тургенева к Вильяму Аллингаму от 10 (22) июня 1871 г. Первая страница. The Rare Book & Manuscript Library of the University of Illinois at Urbana-Champaign. Воспроизводится впервые.

С. 411 — Август Больтц. Фотография. Дармштадт, после 1881 г.

С. 416 — Письмо Тургенева к Августу Больтцу от 24 сентября (6 октября) 1871 г. Первая страница. Рукописный отдел ИРЛИ. Воспроизводится впервые.

С. 423 — М. Н. Толстая. Фотография. Алжир, 1861 г.

С. 424 — Дети М. Н. Толстой: Варя, Коля и Лиза. Фотография. 1860 г.

С. 441 — Письмо М. Н. Толстой к Тургеневу. Первая страница. Рукописный отдел ИРЛИ.

С. 449 — Е. В. и Я. П. Полонские. Фотография. 1858 г. Под изображениями подписи рукой Я. П. Полонского: «Елена Василиева Полонская, урожд. Устюжская. Я. Полонский». Из архива Полонских. Литературный музей ИРЛИ.

С. 456–457 — «„Вешние воды“». Повесть И. С. Тургенева». Карикатура А. М. Волкова <?>. Приложение к журналу «Малляр» (1872. № 17). Цинкография с тоном. Литературный музей ИРЛИ. Первая и вторая страницы.

С. 469 — Ж. А. Полонская (урожд. Рюльман). Фотография И. А. Гоха (J. Hoch). Петербург, начало 1870-х гг. Из архива Полонских. Литературный музей ИРЛИ.

С. 471 — Сборник Я. П. Полонского «Снопъ» (СПб., 1871). Разворот титульного листа. На обороте шмуцтитула дарственная надпись Я. П. Полонского: «Жене и другу Жозефине Антоновне — Я. Полонский. 1870, 3 декабря — С. Петербург». Библиотека ИРЛИ. Воспроизводится впервые.

С. 481 — А. Я. Полонский в возрасте 3 лет и 9 месяцев. Фотография Захарьина. Петербург, 1871 г. Из архива Полонских. Литературный музей ИРЛИ. Воспроизводится впервые.

С. 492 — Здание типографии Гизике и Девриента в Лейпциге. Гравюра.

С. 502–503 — Договор между М. О. Вольфом и П.-Ж. Этцелем на издание «Сказок» Перро в России. Париж, 27 мая 1865 г. Institut Mémoires de l'Édition Contemporaine. Воспроизводится впервые.

С. 517 — Представление оперетты «Последний колдун» на вилле Тургенева в Баден-Бадене. 1867 г. Среди присутствующих — Генрих Абекен, прусская королева Августа, Луи и Полина Виардо, Клоди и Марианна Виардо, прусский король Вильгельм I, княгиня Элизабет цу Каролат-Беутен, Юбер Леонар, графиня Максимилиана фон Ориола, граф Герман фон Пюклер, Тургенев, граф и графиня фон Флемминги, барон Я.-Р. фон Френц, граф Александр фон Шлейниц и др. Гравюра с рисунка Людвиг Пича: Der Salon für Literatur, Kunst und Gesellschaft. 1867. Bd. 1. Dezemberheft.

С. 531 — А. С. Суворин. Фотография К. А. Шапиро. Петербург, 1890 г. Литературный музей ИРЛИ.

С. 533 — Сообщение о порядке прохождения похорон Тургенева — «Новое время». 22 сентября 1883 г. № 2718. С. 1. Рукописный отдел ИРЛИ.

С. 545 — Похороны Тургенева. Постановка гроба на траурную колесницу у станции Варшавской железной дороги. 27 сентября 1883 г. Гравюра с рисунка К.-О. Броза: Всемирная иллюстрация. 1883. № 770. С. 276. Литературный музей ИРЛИ.

С. 573 — Тургенев на смертном одре. Фотография Мореля. 22 августа (3 сентября) 1883 г. Из собрания А. Ф. Онегина. Литературный музей ИРЛИ.

УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И ЗАМЫСЛОВ И. С. ТУРГЕНЕВА*

- «Андрей Колосов» — 210, 354
«Ася» — 206, 354, 589, 591, 596, 607, 608, 613
«Бежин луг» — см. «Записки охотника»
«Бирюк» — см. «Записки охотника»
«Бригадир» — 15
«Брожу над озером...», *стих.* — 380
«Бурмистр» — см. «Записки охотника»
«Вечер» («В отлогих берегах реки дремали волны...»), *дума* — 141
«Вечер в Сорренте» — 389
«Вечер св. Сильвестра» («Цыгане») — см. «La Veillée de la St Sylvestre»
«Вешние воды» — 206, 444, 446–448, 451–461, 464, 466–468, 471–473, 476, 598, 613, 626
«Воспоминания о Белинском» — см. «Литературные и житейские воспоминания»
«Воспоминания о Н. В. Станкевиче» — 392
«Воспоминания о Шевченко» — 162
«Встреча моя с Белинским (Письма к Н. А. Основскому)» — 380
«Гамлет и Дон-Кихот», *ст.* — 206
«Гамлет Щигровского уезда» — см. «Записки охотника»
«Где тонко, там и рвется» — 126, 154
«Генерал-поручик Паткуль. Трагедия в пяти действиях, в стихах. СПб., Сочинение Нестора Кукольника», *рец.* — 109
«Гоголь» — см. «Литературные и житейские воспоминания»
«Гроза промчалась» («Гроза промчалась низко над землею...») — 380
«Два поколения», *неосуществл. замысел* — 167
«Два приятеля» — 210
«Дворянское гнездо» («Nichée de gentilshommes») — 14, 90, 203, 231, 243–246, 264, 286, 334, 389, 393, 453, 491, 550, 556, 625
«Дневник лишнего человека» — 198, 294, 390, 598
«Довольно» — 158, 206, 393, 585
«Дым» («Потугин») — 14, 17, 88, 94, 96, 134, 293–295, 369, 374, 379, 393, 447, 448, 453 («потугинского»), 552, 585, 591, 592, 598, 609–612

* В указатель внесены также альбомы Полины Виардо, в заглавии которых обозначено участие Тургенева.

- «Ермолай и мельничиха» — см. «Записки охотника»
- «Живые мощи» — см. «Записки охотника»
- «Жид» — 565
- «Завтрак у предводителя» — 370
- <«Записка об издании журнала „Хозяйственный указатель“»> — 286
- «Записки охотника» («Mémoires d'un chasseur», «Aus dem Tagebuche eines Jägers») — 84, 167, 176, 181, 199, 201, 206, 289, 365, 384, 412–414, 418, 488, 511, 515, 519, 590–592
- «Бежин луг» — 200
- «Бирюк» — 412
- «Бурмистр» — 306, 412
- «Гамлет Щигровского уезда» — 197, 198, 334, 354, 412, 598
- «Ермолай и мельничиха» — 412
- «Живые мощи» — 384, 446, 488
- «Контора» — 367, 412
- «Лебедянь» — 412
- «Мой сосед Радиллов» — 412
- «Однодворец Овсяников» — 412
- «Певцы» — 365, 372
- «Петр Петрович Каратаев» — 294, 295, 334, 412
- «Смерть» — 412
- «Татьяна Борисовна и ее племянник» — 412
- «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии. С. А—ва. Москва, 1852», *рец.* — 166, 179
- «Затишье» — 204, 206, 209, 210, 212, 213, 354, 377, 589, 591, 599–602, 608, 625
- «Зеркало» — см. «Le Miroir»
- «Иван Сергеевич Тургенев», *автобиогр. очерк* — 351
- «История лейтенанта Ергунова» — 14, 296, 455
- «Казнь Тропмана» — 508
- «Клара Милич (После смерти)» — 550, 576
- «Контора» — см. «Записки охотника»
- «Лебедянь» — см. «Записки охотника»
- «Литературные и житейские воспоминания» — 110, 120, 126, 133, 139–140, 330
- «Воспоминания о Белинском» — 380, 467
- «Гоголь» — 181
- «Литературный вечер у П. А. Плетнева» — 383
- «О соловьях» — 129
- «По поводу „Отцов и детей“» — 330, 331, 337, 388, 558, 559
- «Человек в серых очках» — 575–576
- «Литературный вечер у П. А. Плетнева» — см. «Литературные и житейские воспоминания»
- «Людоед» — см. «L'Ogre»
- «Месяц в деревне» — 592, 602–606, 612
- «Мой сосед Радиллов» — см. «Записки охотника»
- «Муму» («Edelfrau und Knecht», «Mutu») — 264–266, 269, 271, 293–295
- «На Альбанских горах — что за дьявол такой?..», *стих.* — 154
- «Накануне» — 90, 91, 128, 130, 259, 326, 424, 442
- «Нахлебник» — 134
- <«Несколько мыслей о современном значении русского дворянства»>, *неоконч.* — 285, 286
- «Несколько слов о Жорж Санд» — 530
- «Несколько слов о новой комедии г. Островского „Бедная невеста“», *ст.* — 170, 173, 174, 176, 177, 189, 190, 192–194
- «Несколько слов о стихотворениях Ф. И. Тютчева», *ст.* — 171
- «Несчастливая» — 14, 149, 341, 342, 366, 563, 565
- «Новь» — 100, 101, 356, 360, 364, 366, 368, 381, 382, 393, 419, 458, 482–484, 537
- «О книге А. Больца», *рец.* — 409

- «О современной русской литературе» — см. «De la littérature russe contemporaine»
- «О соловьях» — см. «Литературные и житейские воспоминания»
- «Образчик старинного крючкотворства» — 152
- «Один, опять один я. Разошлась...», *стих.* — 380
- «Однодворец Овсяников» — см. «Записки охотника»
- «Откуда веет тишиной?..», *стих.* — 390
- «Отцы и дети» («Pères et enfants», «Väter und Kinder», «Väter und Söhne», «Fathers and Sons», «Базаров») — 15, 33, 88, 91, 158, 289–339, 342–345, 388, 391, 393, 418–420, 433, 442, 447, 448, 454, 511, 515, 519, 520, 535, 550–552, 558–560, 590, 593, 598, 609, 618, 626
- «Параша», *поэма* — 118, 120
- «Певцы» — см. «Записки охотника»
- «Первая любовь» — 91, 111, 126, 354, 599, 613, 614
- «Первое представление оперы г-жи Виардо в Веймаре», *ст.* — 510, 521, 523, 524
- «Переписка» — 354, 372, 393
- «Песнь торжествующей любви» — 240, 550, 576
- «Петушков» — 119, 120, 354
- «Письма из Берлина» — 347
- <<Письма о франко-прусской войне>> — 368, 442
- «Письмо из Петербурга <о смерти Н. В. Гоголя>» («некролог Гоголя») — 83, 188, 199, 554
- <Письмо к редактору «Вестника Европы» (21 дек. 1879 г./2 янв. 1880 г.)> — 571 (цит.), 576
- <Письмо к редактору «Санкт-Петербургских ведомостей» по поводу Я. П. Полонского> — 476
- «„Племянница“». Роман, соч. Евгений Тур», *рец.* — 167, 168, 172, 176, 178, 182, 184–186, 348,
- «По поводу „Отцов и детей“» — см. «Литературные и житейские воспоминания»
- «Поездка в Полесье» — 158, 267, 609
- «Поп», *поэма* — 380
- «Послание к Лонгинову» («Недавний гражданин дряхлеющей Москвы...») (совм. с А. В. Дружининым и Н. А. Некрасовым), *стих.* — 395
- «Последний колдун» — см. «Le Dernier Sorcier»
- «Постоялый двор» — 267, 294
- «Поэтические эскизы. Альманах стихотворений, изданный Я. М. Позняковым и А. П. Пономаревым. Москва, 1850», *рец.* — 176
- <Предисловие и послесловие к очерку И. Я. Павловского «En cellule. Impressions d'un nihiliste» («В одиночном заключении. Впечатления нигилиста»)»> — 576
- <Предисловие к немецкому изданию «Отцов и детей»> — 298
- <Предисловие ко второму немецкому изданию «Отцов и детей»> — 314, 315
- Предисловие <к переводу «Волшебных сказок» Шарля Перро> — 233, 499
- Предисловие <к переводу романа Максима Дюкана «Утраченные силы»> — 359
- «Предисловие к романам» (1880) — 181
- «Призвание (Из ненапечатанной поэмы)» («Не считай часов разлуки...»), *стих.* — 380
- «Призраки» — 15, 267, 393, 511, 515, 520, 591
- «Провинциалка» — 389
- «Пунин и Бабурин» — 126, 143, 146, 147, 149, 150, 156–159, 343, 351, 551, 558, 559
- «Путешествие по святым местам русским. С.-Петербург, в тип. III отд. собствен. е. в. канцелярии, 1836 года», *рец.* — 139

«Разговор», поэма — 380
 «Разговор на большой дороге», сцена — 201
 «Рассказ отца Алексея» — 530
 <Речь на международном литературном конгрессе 5/17 июня 1878 г.> — 110
 <Речь о Шекспире> — 478
 <Речь по поводу открытия памятника А. С. Пушкину в Москве> — 110, 177, 181
 «Рудин» — 125, 154, 349, 431, 432, 567, 589, 591, 593–595, 607
 «Рыцарь горестной фигуры...» (совм. с Н. А. Некрасовым) — см. Эпиграммы (на Ф. М. Достоевского)
 <<Семейство Аксаковых и славянофилов>>, незаверши. — 134
 «Синица» («Слышу я: звенит синица...»), романс — 250, 252 («Ваш перевод»)
 «Слишком много жен» — см. «Тор de femmes»
 «Смерть» — см. «Записки охотника»
 «Смерть Ляпунова. Драма в пяти действиях в прозе. Соч. С. А. Гедеонова. Санкт-Петербург, 1846», рец. — 128
 «Собака» — 557
 «Сон» — 530
 «Степной король Лир» — 424, 442
 «Стихотворения в прозе» («Senilia») — 119, 158, 238, 370
 «Как хороши, как свежи были розы...» — 370
 «Лазурное царство» — 370
 «Нимфы» — 370
 «Песочные часы» — 158
 «Русский язык» — 119
 «Старик» — 345
 «Сфинкс» — 609
 «Я встал ночью...» — 158
 «Странная история» («Eine wunderliche Geschichte») — 508–509
 «Стук... стук... стук!..» — 113, 467
 «Татьяна Борисовна и ее племянник» — см. «Записки охотника»
 «Три встречи» — 199, 201, 294, 295

«К. А. Фарнгагену фон Энзе» («Теперь, когда Россия наша...»), стих. — 137
 «Фауст», повесть — 267, 354, 372, 431–434

«Холостяк» — 389

«Цыгане» — см. «La Veillée de la St Sylvestre»

«Цыгане» — см. «Les Bohémiens», сценарий оперетты

«Человек в серых очках» — см. «Литературные и житейские воспоминания»

«Школа гостеприимства» (совм. с В. П. Боткиным, А. В. Дружининым, Д. В. Григоровичем) — 380

Эпиграммы — 394

на И. А. Арапетова («Друг мыслей просвещенных...») (совм. с А. В. Дружининым и Н. А. Некрасовым) — 394, 395

на М. В. Белинскую («Отец твой, поп-бездельник...») — 395

на В. П. Боткина («К нему читатель не спешит...») — 394

на Ф. М. Достоевского («Рыцарь горестной фигуры...») (совм. с Н. А. Некрасовым) — 394

на А. В. Дружинина («Дружинин корчит европейца...») — 394

на Н. Х. Кетчера («Вот еще светило мира!..») — 394

на П. Н. Кудрявцева («Кудрявцев, локоть отставляя...») — 394

на А. В. Никитенко («Исполненный ненужных слов...») — 394

на А. А. Фета («Все эти похвалы едва ль ко мне придется...») — 395

на А. А. Фета («Как снег вершин...») — 394, 395

на И. А. Шпеера («Се Шпеер, се Омар, се бегемотов внук...») — 394, 395

«Яков Пасынков» — 267, 294

- «Les Bohémiens», *сценарий оперетты* — 54
- «De la littérature russe contemporaine. Pouchkine. — Lermontof. — Gogol», *ст.* — 110, 132, 152, 172, 184, 220, 221
- «Le Dernier Sorcier», *либретто* — 34, 35, 42, 43 («оперетте»), 53, 54, 72, 249, 506, 508–510, 512–517, 521, 523–526, 627
- «Le Miroir», *либретто* — 34, 54, 249
- «Nouvelles Moscovites», *сборник* — 15
- «L'Ogre», *либретто* — 17 («последнее представление оперетты»), 34, 35, 249, 523
- «Trop de femmes», *либретто* — 34, 53, 249, 509, 512, 515–516, 521, 523, 524
- «La Veillée de la St Sylvestre» («Les Bohémiens»), *либретто* — 53–72

ПЕРЕВОДЫ

Из Гоголя

- «Nouvelles choisies de Nicolas Gogol», *подпись: Л. Виардо* — 220, 223, 224
- «Nouvelles russes de Nicolas Gogol», *подпись: Л. Виардо* — 10, 214–216, 218, 219, 224–229

Из Мёрике

- «На заре» («Сон не коснулся глаз моих...»), *романс* — 254

Из Шарля Перро

- «Волшебница» — 233, 489, 497, 498, 500–505
- «Синяя борода» — 233, 489, 497, 498, 500–505

Из Рихарда Поля

- «Загубленная жизнь» («Глядит на закат она солнца...»), *романс* — 256, 259–260, 262

- «Лесная тишь» («Лесная тишь, лесная тишь!...»), *романс* — 256, 258
- «Ожидание» («Он дом сейчас покинул мой...»), *романс* — 256
- «Разгадка» («Как приливала к сердцу...»), *романс* — 249, 254–257

Из Пушкина

- «Dobrovski» («Дубровский») — 11, 623
- «La Fille du Capitaine» («Капитанская дочка») — 11
- «Onéguine» («Евгений Онегин») — 11
- «Les Poèmes dramatiques» («Драматические поэмы») — 11, 419

Испанский плутовской роман

- «Lazarillo de Tormes» («Ласарильо с Торреса»), *неизв.* — 16

Альбомы Полины Виардо

- «Два романса Гёте и Е. Тюркесте в переводе И. С. Тургенева. Музыка Полины Виардо-Гарсиа» — 252
- «Пять стихотворений Лермонтова и Тургенева, положенные на музыку Полиною Виардо-Гарсиа» (1868) — 249, 254
- «Шесть стихотворений Г. Гейне, Э. Мёрике и Р. Поля, переведенные на русский язык И. Тургеневым и положенные на музыку Полиною Виардо-Гарсиа» (1871) — 249

Dubia

- «Слепец», *романс, пер. стих. Р. Поля* — 262, 263

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абаза А. А. — 366
Абекен (Abeken) Г. — 514, 518, 525, 627
Абрамович Д. И. — 411, 586
Абу (About) Э.-Ф.-В. — 564, 575
Августа Саксен-Веймар-Эйзенахская (Augusta) М.-Л.-Е., королева Пруссии с 1861, имп. Германии с 1871 — 23, 30 («прусская королева»), 34, 35, 512, 513, 516, 517, 522, 523, 525, 623, 627
Августин (Никитин), архим. — 340
Авдеев М. В. — 182
 «Тамарин» — 182, 184, 185
Аверкиев Д. В. — 473, 477, 478
 «Значение Островского в нашей литературе», *ст.* — 478
 «Каширская старина» — 473, 477, 478
 «Леший» — 473, 479
 «Мамаево побоище» — 478
 «Статья о Шекспире» — 478
 «Фрол Скабеев» — 473
Авсеев В. Г. — 447, 454, 455, 460, 466
 «Очерки текущей литературы. Еще по поводу „Вешних вод“ г. Тургенева» — 455
Агин А. А. — 364
Адан (Adam; ур. Ламбер) Ж. — 363, 570, 575, 576
Аксаков И. С. — 152, 187, 556
Аксаков К. С. — 84, 138, 382
 «Князь Луповицкий, или Приезд в деревню» — 84
Аксаков С. Т. — 120, 147, 152, 179, 352, 381
 «Детские годы Багрова-внука» — 147
 «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» — 179
 «Знакомство с Державиным» — 152
Аксаковы, братья И. С. и К. С. Аксаковы — 265
Аксаковы, семья С. Т. и О. С. Аксаковых — 84
Александрова Л. М. — 364–367
Алексис (Alexis) П. — 356, 362
Александр I Павлович, рос. имп. с 1801 — 345, 359
Александр II Николаевич («государь», «император»), рос. имп. с 1855 — 279, 280, 283, 285, 288, 368, 382, 451, 476, 534, 547, 584
Александр III Александрович, рос. имп. с 1881 («Наследник») — 98, 368
Александр (Alecsandri) В. — 269
Алексеев М. П. — 10, 12, 215, 216, 218, 242, 250, 256, 262, 292, 334, 384, 390, 409, 410, 412, 414, 467, 537, 564, 588, 621
Ален (Allen) Э.-Ч. — 590
Алкивиад — 526

- Аллингем (Allingham) В. — 396–407, 626
 «Choice Lyrics, or Nightingale Valley» — 398
 «Day and Night Songs» — 397
 «Fifty Modern Poems» — 398
 «Laurence Bloomfield in Ireland» — 398, 400, 401, 406, 626
 «Poems» — 397
 «The Ballad Book» — 398
- Аллингем (Allingham; ур. Патерсон) Х.-М.-Э. — 399, 402, 625
- Алмазов Б. Н. — 169, 170, 200
- Альгайер (Allgeyer) И. и Л. — 345, 626
- Альгайер (Allgaier) И.-Б. — 353
- Альгаротти (Algarotti) Ф. — 350
- Альшуллер А. Я. — 178
- Анастасия Ивановна, вел. кн. — 274
- Ангарский (наст. фам. Клестов) Н. С. — 588
- Андроссов В. П. — 138, 139
- Анна Леопольдовна, рос. имп. с 1740 — 274
- Анненков П. В. — 9, 10, 14, 15, 83, 85, 87, 140, 141, 150, 162, 171, 181, 203, 252, 272, 334, 365, 369, 374, 381–384, 391, 394, 414, 427, 432, 446, 451–453, 464, 467, 468, 477, 479, 480, 524, 525, 556, 620
- Антокольский М. М. — 99
- Антонович М. А. — 559
 «Асмодей нашего времени» — 559
- Антропов Л. Н. — 453, 458, 473, 476, 477
 «Новая повесть Тургенева „Вешние воды“» — 476, 477
- Анциферов Н. П. — 362
- Анштетт (Anschett) Г. — 8, 521
- Анштетт (Anschett) М. — 8 («его жены»), 474, 521
- Анштетт (Anschett), супруги Г. и М. Анштетт — 16, 520
- Апраксин А. В., сын В. В. Апраксина — 287
- Апраксин В. В. — 272–288, 625
- Апраксин В. С. — 275, 276
- Апраксин П. В. — 275
- Апраксин С. С. — 275
- Апраксин С. Ф. — 274
- Апраксина (ур. Пашкова) А. М. — 277, 625
- Апраксина Н. В. — 278
- Апраксины, род — 274
- Апраксины, семья В. В. и А. М. Апраксиных — 278, 287, 288
- Апухтин А. Н. — 487
- Арапетов И. П. — 394
- Арен (Arène) П.-О. — 278, 347
- Аренский А. С. — 370
- Арзуманова М. А. — 588
- Ариосто (Ariosto) Л. — 500
- Арним (Arnim; ур. Брентано) Б. фон — 392, 513, 517, 524
 «Переписка Гёте с ребенком» — 524
- Арним (Arnim) И. фон — 524
- Арнхольт (Арнгольд; Arnholdt de Pimas-sens) Л. — 18, 20, 21
- Арсентьева Н. Н. — 390
- Арсеньев К. К. — 528
- Арсеньева В. В. — 210
- Арто (Artôt) М.-Ж.-Д. — 28, 522, 623
- Архангельская Т. Н. — 422
- Аскоченский В. И. — 471, 472, 476
- Асталон, тагарский богатырь, жених царицы Сумбеки, кн. — 147, 148
- Ауэр А. П. — 445
- Ауэрбах (Auerbach) Б. — 353, 518
- Афанасьев В. В. — 422
- Ашетт (Nachette) Ж.-Ж., основатель издательства — 501, 563, 564
- Ашихмина Е. Н. — 287
- Ашукин И. С. — 612
- Ашукина М. Г. — 612
- Бабаев Э. Г. — 207
- Багницкий Д. Р. (псевд. Рич) — 577
 «Предсмертные часы И. С. Тургенева» — 577
- Бажукова — 384
- Базаров И. Г., прот. — 340
- Базаров И. И., прот. — 340–346, 366, 626
- Базен (Bazaine) Ф.-А. — 483, 485

- Базилевская Е. В. — 395
- Байрон (Byron) Дж.-Г. — 378, 400 («Байронах»), 402, 404, 411
- Балакирев М. А. — 364, 365
- Баласогло А. П. — 449
- Бальзак (Balsac) О. де — 130, 139, 174, 353, 489, 496, 552
- «Отец Горио» («Дед Горио») — 130
- Балыкова Л. А. — 109, 112, 126, 144, 181, 233, 347, 349, 356, 357, 444, 589
- Баратынский Е. А. — 119, 122, 125, 352
- Бардина С. И. — 543
- Баренбаум И. Е. — 493, 494
- Барменский — 282
- Бартенев П. И. — 552, 559
- Батюто А. И. — 322, 329–331, 334, 335, 338, 345, 369, 466, 559, 616–619
- Батюто С. А. — 322, 619
- Батюшков К. Н. — 137
- Бах (Bach) И.-С. — 25
- «Чакона» — 25
- Бахтин М. М. — 205, 206, 595–597
- Бегас (Begas) К. — 347
- Бегас (Begas) О. — 37, 347
- Бегас (Begas) Р. — 347, 348
- Бейер (Bayer) Г.-Фр. фон — 514, 518, 525
- Беккет (Beckett) С.-Б. — 613
- «First Love» («Первая любовь», «Premier Amour») — 613
- Белинская (ур. Орлова) М. В. — 349
- («вдова»), 390, 395
- Белинский В. Г. — 109, 110, 112–114, 116, 119, 120, 121 («его»), 123, 125, 128, 131 («бедный Виссарий»), 133, 134, 136–144, 149, 150, 152, 153, 156, 165, 166, 174, 178, 180, 190, 198–203, 215, 218, 222, 223, 315, 333, 349, 352–356, 364, 380, 381, 390, 475, 527, 551, 557, 604, 619, 620, 624
- «Журналистика» — 138
- «Литературные и журнальные заметки» — 218
- «Литературные мечтания (Элегия в прозе)» — 134, 136, 174, 198, 199
- «Несколько слов о „Современнике“» — 223
- «Ничто о ничем, или Отчет г. издателю „Телескопа“ за последнее полугодие (1835) русской литературы» — 133, 138
- «О критике и литературных мнениях „Московского наблюдателя“» — 133
- «Отзывы французских журналов о Гоголе» — 223
- «Перевод сочинений Гоголя на русский язык» — 223
- «Пятидесятилетний дядюшка, или Странная болезнь» — 140
- «Русская литература в 1841 году» — 152
- «Сочинения Александра Пушкина» — 144, 149, 152
- «Сочинения Державина» — 150, 156
- «Стихотворения Владимира Бенедиктова» — 133
- Беллини (Bellini) В. — 23, 46
- «Сомнамбула» — 23, 46, 52 («Норма»), 624
- Белоголовый Н. А. — 378, 549, 554, 555
- «Кое-что о болезни И. С. Тургенева» — 555
- Белозерский В. М. — 162, 163, 365
- Белоусов А. Ф. — 345
- Беляев Ю. Д. — 389
- Беназе (Benazet) Э. — 521
- Бенедиктов В. Г. — 126, 133, 134
- Бенкендорф А. Х. — 124
- Беранже, кондитер — 133
- Бергасс (Bergasse) Н. — 78
- Бере (Behre) Б.-Э. — 290, 293–295, 297, 298, 300–302, 304–307, 309–312, 314, 316, 520
- Берио (Bériot) Ш.-У. де, сын М. Малибран — 526
- Берлиоз (Berlioz) Г. — 6
- Бернар (Bernard) Ш. — 353
- Бернарден де Сен-Пьер (Bernardin de Saint-Pierre) Ж.-А. — 348, 349
- «Павел и Виргиния» — 348
- «Этюды о природе» — 348

- Бернер (Boerner) К.-Г. — 375
Бертенсон Л. Б. — 554, 555
 «История болезни Ивана Сергее-
 вича Тургенева» — 555
Бертенсон С. Л. — 389, 390
Бессонов П. А. — 335
Бестужев (Марлинский) А. А. — 112,
113, 125, 126, 133, 460, 466, 467
 «Аммалат-Бек» — 125
 «Изменник» — 112
 «Лейтенант Белозор» — 113
 «Страшное гадание» — 125
 «Фрегат Надежда» — 112, 113
Бестужев-Рюмин К. Н. — 169
Бестужев-Рюмин М. А. — 114, 116
Беттина — см. Арним Б. фон
Бетховен (Beethoven) Л. ван — 24, 76,
436
Бёрнет (Burnett) Л. — 591, 608–610
Бибиков И. А. — 359
Бизе (Bizet) Ж. — 612
 «Кармен» — 612
Бизюкин Ф. И. — 386
Биксио (Bixio) А. — 490
Бисмарк (Bismarck) Г. фон — 524, 623
Бисмарк (Bismarck) О. фон — 45, 73, 97,
364, 508, 514, 518, 523–525
Битюгова И. А. — 384, 432, 558
Бичер-Стоу (Beecher-Stowe) Г.-Э. — 494
Бишоп (Bishop; также Боттом) У. — 79,
80
Благоволина Ю. П. — 11, 288
Блан (Blanc) Л. — 352, 419
Блок А. А. — 390, 608
Боборыкин П. Д. — 371, 478, 487, 559,
560, 567, 570 («боборыкующих ли-
 бералов»), 575
 «Воспоминания» — 478, 560
 «Памяти Тургенева» — 559, 560
Бобринский В. А., гр. — 382
Бобров В. А. — 577
Богаевская К. П. — 585
Богданов Б. В. — 355, 356
Боголепов П. К. — 422
Боголюбов А. П. — 557, 576, 577, 587
 «Записки моряка-художника» — 557,
 576, 585
Богомолец (Bohomoletz; ур. Депре) А. —
231–242
 «Поликушка» (не сохр.), *пер.* — 234,
 236, 242
 «Anna Karénine» («Анна Каренина»),
 пер. — 235, 236–242
Богомолец (Bohomoletz) Адель, дочь А.
и М. Богомолец — 232 («детей»)
Богомолец (Bohomoletz) Мари, дочь А.
и М. Богомолец — 232 («детей»)
Богомолец (Bohomoletz) М., муж А. Бо-
гомалец — 232
Богомолец (Bohomoletz) Мишель, сын М.
и А. Богомолец — 232 («детей»), 235
Богомолец (Bohomoletz) Ф., сын А. и
М. Богомолец — 232 («детей»)
Богомолец (Bohomoletz; Богомольцевы),
семья М. и А. Богомолец — 232, 235
Богров Г. И. — 565
Боден (Bodin) Т. — 418
Боденштедт (Bodenstedt; ур. Остер-
вальд) М. — 266–268, 270, 289, 293,
520
 «Фауст», *пер.* — 267
 «Яков Пасынков», *пер.* — 267
 «Edelfrau und Knecht», *пер.* «Муму» —
 266–268, 270
Боденштедт (Bodenstedt) Ф. — 11, 12, 15,
249, 250, 252, 266, 267, 270, 292, 520
 «Поездка в Полесье», *пер.* — 267
 «Постоялый двор», *пер.* — 267
 «Призраки», *пер.* — 267, 520
 «Фауст», *пер.* — 267 (?)
 «Erzählungen von Ivan Turgenjew» —
 292
Бойсен (Boyesen) Х. — 377, 378
Боленко К. Г. — 153
Болъц (Boltz) А.-К. (Август Константи-
нович) — 409–416, 519, 626
 «Борис Годунов», *пер.* — 411
 «Записки охотника», *пер.* — 519
 «Слово о полку Игореве», *пер.* —
 410

- «Эхо», пер. стих. А. С. Пушкина — 411
- «Der Held unserer Zeit», пер. — 410
- «Lehrgang der russischen Sprache für Schul-, Privat- und Selbstunterricht» — 409, 414, 415
- «Über russische Literatur» — 412
- Бомарше (Beaumarchais) П.-О. Карон де — 78, 247
- «Женитьба Фигаро» — 247
- Бонч-Бруевич В. Д. — 620
- Борисов И. П. — 288, 388, 499
- Бортнянский Д. С. — 150
- Боткин В. П. — 11, 138, 161, 168, 174, 187, 189, 190, 199–201, 203, 288, 353, 366, 369, 377, 379, 383, 394, 429, 430, 436, 523
- «Школа гостеприимства» (совм. с А. В. Дружининым, Д. В. Григоровичем и Т.) — 380
- Боткин С. П. — 555
- Браддон (Брэддон, Бреддон; Braddon) М.-Э. — 208
- Брамс (Brahms) И. — 35, 524
- Бранденбург (Brandenburg), графиня, лицо неустановл. — 514, 517, 524
- Бранденбург (Brandenburg) Фр.-В. фон, гр. — 524–525
- Брандес (Brandes) Г.-М.-К. — 575
- Брандис Е. П. — 497
- Браун (Braun) Л. — 232, 237, 239
- Браун (Brown) Ф.-М. — 404
- Браунинг (Browning) Р. — 400 («Браунингах»)
- Браунхофер (Braunhofer), г-жа — 46
- Бригс (Briggs) А.-Д.-П. — 592, 612
- Бродский Н. Л. — 99, 168, 467
- Брожа (Brojat) К.-О. — 545
- Брокгауз А. Ф. — 119, 274, 325, 412
- Бронте (Brontë) Ш. — 44
- «Джейн Эйр» — 44
- Броссар (Brossard) Ж. — 247
- Бруардель (Brouardel) П.-К.-И. — 554, 555
- Бруштейн (ур. Выгодская) А. Я. — 370
- Брюллов К. П. — 364
- Брюллова (ур. Кавелина) С. К. — 452
- Брюсов В. Я. — 390
- Брюэр (Bruère) Г. — 93 («французским гражданином»), 586–588
- Брюэр (ур. Тургенева) П. — см. Тургенева П. И.
- Брянский Д. О. — 88
- Буало (Boileau) Н. де — 350
- Буданова Н. Ф. — 537
- Будзианик (псевд. А. Веницкая) А. А. — 357, 358
- «Воспоминания об И. С. Тургеневе» — 357
- «Из приключений в Париже» — 358
- «Перед рассветом» — 357
- «Повести и рассказы» — 357
- Булгарин Ф. В. — 111, 112, 114, 125, 139, 217, 218, 412
- Бунин И. А. — 316
- Бурдалу (Bourdaluou) Л. — 88
- Буренин В. П. — 447, 461, 464, 467, 468, 472, 477, 478, 480, 487
- «Журналистика. „Мими“, поэма в двух частях г. Полонского» — 480
- «Нечто о возрождении в наши дни поэм и стихотворных повестей» — 480
- «Нечто о том, как публика ждала новую повесть г. Тургенева, и о самой повести „Вешние воды“» — 447, 461, 464, 467, 472, 477
- «Пирожница с берегов Рейна, или русский дворянин за границей. Тургеневская повесть» — 467
- Бурнашев — 282
- Буслаев Ф. И. — 146, 335
- Буссе (Busse; в зам. Рютгерс) А. — 26
- Буташевич-Петрашевский М. В. — 334
- Бухаркин П. Е. — 204
- Бэнвилл (Banville) Дж. — 592, 613, 614
- «First Love» — 614
- «The Sea» («Море») — 613, 614
- Бюрк (Burq) Г. — 554
- Бюрти (Burty) Ф. — 347
- Вабель (Wabel), м-ль — 46
- Вагенбах-Вольф (Wagenbach-Wolf) К. — 495

- Вагнер (Wagner) Р. — 43
 «Мейстерзингеры» — 43
- Ваксель Л. Н. — 272, 365
- Валадон (Valadon; псевд. Тереза, Thérèse) Э. — 358, 359, 626
 «Mémoires de Thérèse écrits par elle-même» — 359
- Валуев П. А. — 366
- Василий Иванович, вел. кн. — 385
- Васильев Д. В. («священник») — 572, 574, 584
- Васильчиков — 340
- Васильчиков А. А. — 623
- Васильчиков П. А. — 83
- Вейнберг П. И. — 487
- Веласкес (Velázquez) Д. — 24
- Венгеров С. А. — 509, 522
- Веневитинов Д. В. — 122, 352
- Венелин (наст. фам. Хуца) Ю. И. — 130, 138, 352
 «Древние и нынешние болгаре, в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам» — 352
- Венюков М. И. — 575
- Вергилий (Virgile) Публий Марон — 144, 147, 350, 500
- Вердер (Werder) К. — 392
- Верди (Verdi) Дж. — 298
- Верещагин В. В. — 563, 564
 «И. С. Тургенев» — 564
- Верла (Verlat) Ш. — 38
- Вермеер (Vermeer; наст. имя Ян Ван дер Меер ван Делфт) Я. — 24
- Верн (Verne) Ж. — 98, 488, 494, 496–498, 500
 «Michel Strogoff» («Михаил Стргов») — 98, 500
- Виардо (Viardot) Берга — 14, 44 («тегушки»)
- Виардо (Viardot; в зам. Шамро) Клоди («Диди») — 5, 8 («младшим детям»), 9, 18–20, 36–42, 46, 48–50, 53, 235, 375, 445, 513, 516, 517, 523, 623, 624, 627
- Виардо (Viardot) Луи («папа») — 5–7, 8 («папа»), 9–11, 14–21, 23, 24, 30, 36, 40, 43, 44, 48, 52, 75, 93, 214–224, 228, 230, 373, 419, 445, 490, 491, 511, 514–517, 519, 521, 526, 572, 623, 624, 627
 «Dobrovski» («Дубровский»), *пер.*, *совм. с Т.* — 623
 «Espagne et Beaux-Arts. Mélanges» — 16, 214
 «Etudes sur l'histoire des institutions, de la littérature, du théâtre et des beaux-arts de l'Espagne» — 214
 «Histoire des Arabes et des Mores d'Espagne» — 214
 «Don-Quichotte», *пер. с исп.* — 215, 355
 «Lazarillo de Tormes», *пер. с исп.* — 16
 «Les Merveilles de la peinture» — 214
 «Les Merveilles de la sculpture» — 214
 «Musées d'Italie» — 214
 «Notices sur les principaux peintres de l'Espagne» — 214
 «Nouvelles choisies de Nicolas Gogol», *пер.*, *совм. с Т.* — 220, 223, 225–228
 «Nouvelles russes de Nicolas Gogol» («Русские повести»), *пер.*, *совм. с Т.* — 10, 214–216, 218, 219, 228–230
 «Les poèmes dramatiques d'Alexandre Pouchkine», *пер.*, *совм. с Т.* — 419
- Виардо (Viardot; в зам. Эритт Де Ла Тур) Луиза — 7, 10, 36, 38, 54, 76, 105, 106
 «Une Famille de grands musiciens. Mémoires de Mme Louise Héritte-Viardot» — 77
- Виардо (Viardot; в зам. Дювернуа) Марианна — 8 («младшим детям»), 18, 19, 36, 37, 39, 41–44, 48–50, 53, 235, 513, 516, 517, 523, 623, 627
- Виардо (Viardot; ур. Гарсиа) Полина («мама», «мамочка») — 5–8 («мать»), 9–15 («хозяйка дома»), 18 («матери»), 19–44, 46, 48–50, 52–54, 75–76,

- 91–93, 95–97, 105, 106, 110, 214, 215, 219, 235, 238, 240, 248–262, 348, 355, 358, 362, 364, 369, 373, 375, 378, 384, 389, 390, 419, 422, 436, 440, 445, 483, 490, 499, 507, 509–512, 514–519, 521–526, 535, 557, 571, 577, 581, 584, 586–588, 608, 623–625, 627
- «Буря», *романс* — 12
- «Ворон к ворону летит...», *романс* — 14
- «Вот зеркало мое...», *романс* — 14
- «Два романа Гёте и Е. Тюркести в переводе И. С. Тургенева. Музыка Полины Виардо-Гарсиа» — 252
- «12 стихотворений Пушкина, Фета и Тургенева, положенные на музыку Полиною Виардо-Гарсиа» (1864) — 11
- «Десять стихотворений Пушкина, Лермонтова, Кольцова, Тютчева и Фета, положенные на музыку Полиною Виардо-Гарсиа» (1865) — 11, 12
- «Для берегов отчизны дальной...», *романс* — 12
- «Загубленная жизнь», *романс* — 256, 259–260, 262
- «Заклинание», *романс* — 12, 256
- «Лесная тишь», *романс* — 256, 258
- «На холмах Грузии...», *романс* — 12
- «Ночной зефир...», *романс* — 14
- «Ночью», *романс* — 12
- «Ночью, во время бессонницы», *романс* — 12
- «Ожидание», *романс* — 256
- «Птичка Божия», *романс* — 12, 13, 623
- «Пять стихотворений Гёте, Пушкина, Мёрике, Гейбель и Поля, положенные на музыку Полиною Виардо-Гарсиа» (1874) — 261, 262
- «Пять стихотворений Лермонтова и Тургенева, положенные на музыку Полиною Виардо-Гарсиа» (1868) — 249, 251, 254
- «Разгадка», *романс* — 256–258, 625
- «Синица» («Слышу я: звенит синица...»), *романс* — 250, 252
- «Слепец», *романс* — 262, 263
- «Старый муж, грозный муж...», *романс* — 14
- «Стихотворения Гейбеля, Гёте, Кольцова, Лермонтова, Мёрике, Поля, Пушкина, Тургенева, Тюркети, Тютчева и Фета, положенные для пения с аккомпаниментом фортепиано Полиною Виардо-Гарсиа» (1880) — 252
- «Тихо вечер догорает...» («Chant du soir»), *романс* — 52
- «Узник», *романс* — 52
- «Цветок», *романс* — 12, 256
- «Шепот, робкое дыханье...», *романс* — 256, 625
- «Шесть стихотворений Г. Гейне, Э. Мёрике и Р. Поля, переведенные на русский язык И. Тургеневым и положенные на музыку Полиною Виардо-Гарсиа» (1871) — 249
- «Юноша и дева», *романс* — 12
- «Le Dernier Sorcier», *опера* — 34, 35, 42, 43 («оперетте»), 53, 54, 72, 506, 508–510, 512–517, 521, 523, 524
- «Douze mélodies sur des poésies russes» (1866) — 52
- «Ecole classique du chant» — 22
- «Le Miroir», *опера* — 34, 54
- «L'Ogre», *опера* — 17 («последнее представление оперетты»), 34, 35, 523
- «Trop de femmes», *опера* — 34, 54, 509, 512, 515–516, 521, 523, 524
- «La Veillée de la St Sylvestre» («Les Bohémiens»), *опера* — 53–72
- «12 Gedichte von Puschkin, Feth und Turgeneff, übersetzt von Fr. Bodenstedt und in Musik gesetzt von Pauline Viardot Garcia» (1864) — 11, 52

- Виардо (Viardot) Поль, сын Л. и П. Виардо — 33, 34, 36–39, 41, 42, 44, 45, 50, 53, 524, 525
 «Souvenirs d'un artiste» — 38, 45, 50, 53
- Виардо (Viardot), дети — дети Л. и П. Виардо — 5–7, 9, 18, 33, 36, 38–41, 44, 46, 50, 52, 54, 510, 519, 523, 524
- Виардо (Viardot), семья Л. и П. Виардо («чета», «супруги») — 5–10, 14, 15, 20, 23, 28, 29, 34–36, 38, 40, 41, 44, 46–48, 52–54, 74, 76, 89, 91, 97, 100, 102, 107, 108, 363, 373, 375, 398, 414, 442, 508, 521, 555, 572, 576, 580, 586, 624
- Вивье (Vivier) Э. — 53
- Видерт (Viedert) А. (Август Федорович) — 412–414, 519
 «Записки охотника», *пер.* — 412, 519
- Виельгорская А. М. — 276, 278
- Виельгорские, семья Мих. Ю. Виельгорского — 276
- Викулова В. П. — 216
- Вильгельм I (Wilhelm I) Фр.-Л., король Пруссии с 1861, имп. Германии с 1871 — 507–508, 513, 516, 517, 522–525, 623, 627
- Винивитинов М. А. — 558
- Виницкая А. — см. Будзианик А. А.
- Винокур Т. Г. — 205
- Виньи (Vigny) А.-В. де — 125
- Виттакер Р. — 180
- Вишняков Е. И. — 284
- Вогюэ (Vogüé) М. де — 239, 240, 542
 «Le Roman russe» — 239
- Волков А. — 388
- Волков А. М. — 626 (?)
- Волкова Н. В. — 272
- Володина Н. В. — 204
- Воложенев И. К. — 381
- Вольтер (Voltaire) Ф. -М. -А. — 149, 247, 349, 350, 354
 «Кандид» — 349, 356
- Вольф (Маурыцы Болеслав) М. О. — 491–501, 504–505, 627
- Вольфзон (Wolfsohn) В. — 234, 268, 270, 289, 519
 «Paul», *пер. рас. Л. Н. Толстого «Полилушка»* — 234
 «Väter und Kinder», *пер.* — 289, 519
- Воронцов М. С., кн. — 451
- Востоков А. X. — 130
- Вревская (ур. Варпаховская) Ю. П., бар. — 83, 102, 360, 367
- Всеволожский Н. Н. — 389
- Вырубов Г. Н. — 452, 537, 544, 546
 «Революционные воспоминания» — 544
- Вырובהва А. А. — 390
- Вытженс (Wytzens) Г. — 270, 294
- Вяземский П. А. — 112, 119, 125, 126, 369, 383, 412
- Габель М. О. — 125
- Гагарин Г. Г., кн. — 470
- Гагарин И. С., кн. — 93, 96, 97, 388
- Гагарина (ур. Дашкова) С. А., кн. — 463
- Гагарины (Gagarine), родные И. С. Гагарина — 82, 91, 93, 96, 97
- Гаевский В. П. — 187, 480, 486, 487, 578, 579
- Газилья-Ластер (Gasiglia-Laster) Д. — 419
- Гайнцева Э. Г. — 167, 169
- Галахов А. Д. — 175, 190, 191, 353, 394, 395
 «Бедная невеста», *см.* — 175, 190, 191
 «Сороковые годы», *восп.* — 395
- Галахов Н. П. — 354
- Галахова (ур. Шенщина) О. В. — 354, 588
- Галаховы, семья Н. П. и О. В. Галаховых — 354
- Галеви (Halévy) Л. — 612
- Гальперин-Каминский И. Д. — 376
- Гамильтон (Hamilton), герцогиня фон — 623
- Гамсун (Hamsun) К. — 604
 «Драма жизни» — 604
- Гарибальди (Garibaldi) Дж. — 373, 391, 578

- Гаркави А. М. — 361
 Гарсиа (García) М. дель Пополо Висенте, отец П. Виардо — 14, 24
 Гарсиа (García) М.-П.-Р., брат П. Виардо — 53, 522, 525, 623
 Гарсиа (García), семья М. и Х. Гарсиа — 36
 Гартман Л. Н. — 98
 Гартман (Hartmann) М. — 76, 93, 270, 291–295
 «Дневник лишнего человека», *пер.* — 294
 «Дым», *пер.* — 294
 «Муму», *пер.* — 270 («Муми»), 294, 295
 «Петр Петрович Каратаев», *пер.* — 294, 295
 «Постоялый двор», *пер.* — 294
 «Три встречи», *пер.* — 294, 295
 «Уездный лекарь», *пер.* — 294, 295
 «Яков Пасынков», *пер.* — 294
 «Biographische Einleitung» — 293
 «Iwan Turgeneff» — 293
 Гаскелл (Gaskell) Э. — 611
 «Север и юг» — 611
 Гатцук А. А. — 366
 Гвариент И.-Х. — 370
 Гегель (Hegel) Г.-Ф.-В. — 122, 131, 139, 352, 569
 Гедеонов С. А. — 11, 215, 218, 220
 Гейбель (Geibel) Э. — 12, 252, 625
 Гейворш-Диксон — см. Диксон Г.
 Гейне (Heine) Г. — 139, 353, 570
 «Флорентийские ночи» — 139
 Геккерен (Геккерн; Heeckeren) Л., бар. — 369
 Гельст (Helst) Б., ван дер — 24
 Гемилиан А. П. — 442
 Генералова Н. П. — 5, 109, 134, 165, 173, 215, 262, 329, 356, 359, 363, 364, 371, 373, 379, 387, 393, 445, 452, 474, 576, 616
 Генис А. — 205
 Генрих IV Великий (Henri IV), король Франции с 1589 — 136 (?)
 Генрих VIII Тюдор (Henri VIII) — 436
 Гердер (Herder) И.-Г. — 352
 Геродот — 350
 Герстнер Ф. А. — 136
 Герхен Т. В. — 265
 Герц К. К. — 353
 Герцен А. И. — 83, 85, 88–90, 92, 93, 136, 173, 213, 237, 238, 265, 334, 353, 366, 369, 382, 391, 412, 470, 474, 476, 490, 537, 546, 570, 618, 620
 «Былое и думы» — 238, 384
 «Кто виноват?» — 173, 213
 «Письма из Франции и Италии» — 474
 Герцен Н. А. (Тата) — 237, 238, 384
 Герцен (в зам. Моно) О. А. — 238
 Гершензон М. О. — 451
 Герье В. И. — 371
 Гёльдерлин (Hölderlin) Фр. — 526
 «Socrates und Alcibiades» — 526
 Гёте (Goethe) И.-В. — 12, 122, 125, 178, 181, 252, 268, 350, 354, 355, 374, 403, 411, 500, 519, 522, 524, 563, 578, 592, 625
 «Годы учений и странствий Вильгельма Мейстера» — 392, 482 (цит.), 484, 518, 519
 «Фауст» — 354
 Гиббон (Gibbon) Э. — 352
 Гизеке (Giesecke) Г. — 492, 504–505
 Гизо (Guizot) Ф.-П.-Г. — 352
 Гиляров М. С. — 320
 Гиляровский В. А. — 490
 Гинзбург Л. Я. — 207
 Гиппиус З. Н. — 390
 Гиртц (Hirtz) Э. — 554
 Гитлиц Е. А. — 395, 586
 Гиффорд (Gifford) Г. — 590
 Гладкова Л. В. — 241
 Глазунов И. И. — 571, 587, 588
 Глебов А. Н. — 116
 Глинка С. Н. — 388
 «Записки о 1812 годе» — 388
 Глинка Ф. Н. — 112, 116–119, 122, 125, 350, 624
 «Карелия, или Заточение Марфы Иоанновны Романовой» — 116–118, 624
 «Письма к другу» — 350

- Глюк (Gluck) К.-В. — 6
 «Орфей и Эвридика» — 6, 7
- Гоголь Н. В. — 10, 83, 110, 120, 131, 132, 137, 139, 140, 172, 177–179, 181, 182, 187–189, 191, 193, 195–197, 201–203, 214–230, 276–278, 341, 352, 412, 490, 519, 535, 554, 561, 589, 620
 «Вий» («Le Roi des Gnomes») — 216, 221, 222, 226, 230
 «Выбранные места из переписки с друзьями» — 181, 277
 «Женитьба» — 193, 450 («Подколесиным»)
 «Записки сумасшедшего» («Les Mémoires d'un Fou») — 216
 «Коляска» — 140, 216, 217, 221–224, 230
 «Мертвые души» — 219
 «Портрет» — 172
 «Ревизор» — 139, 196, 477
 «Старосветские помещики» («Un Ménage d'autrefois») — 216, 221, 222
 «Тарас Бульба» — 216, 217, 221, 222
 «Утро делового человека» — 140
- Годой (Godoy) М. — 24
- Голенищева-Кутузова-Смоленская (ур. Бибикова) Е. И., св. кн. — 359, 360
- Голиков И. И. — 350
 «Деяния Петра Великого» — 350
- Голицын А. П., кн. — 371
- Голицын М. В. — 288
- Голицына (в зам. Апраксина) Е. В. — 275
- Голицына Н. П., гр. — 276
- Голованова Т. П. — 161, 244, 285
- Головин А. В. — 360, 361
- Гомер — 144, 222, 350, 520
 «Илиада» — 222
 «Одиссея» — 511 (цит.), 515, 520
- Гонкур (Goncourt) Э. де — 98, 356
- Гонкуры (Goncourt), братья Ж. и Э. де — 98, 353, 361, 362
 «Journal. Mémoires de la vie littéraire» — 98, 362
- Гончаров И. А. — 173, 204, 213, 240, 335, 352, 371, 454, 486, 487, 551, 559, 589, 598
 «Из воспоминаний и рассказов о морском плавании» — 487
 «Обломов» — 213
 «Обрыв» — 204, 212, 454, 552, 559
 «Обыкновенная история» — 173
- Горбунов И. Ф. — 487
- Горбунов К. А. — 365
- Гордин М. А. — 153
- Городецкий Б. П. — 199
- Горчаков А. М. — 341, 360, 361, 382
- Готорн (Hawthorne) Н. — 353
- Гофман (Hoffmann) Э.-Т.-А. — 125, 130, 494
- Гох (J. Hoch) И. А., фотограф — 469, 627
- Градовский Г. К. — 473
- Гранжар (Granjard) А. — 267, 622
- Грановский Т. Н. — 133, 142, 167, 342, 351, 391–393
- Гребенка Е. П. — 128
 «Путевые записки зайца» — 128
- Гревс И. М. — 433
- Гренвил-Меррей (Grenville-Murray) Ю.-К. — 99
- Гренвиль (Grenville) лорд — 382
- Греч Н. И. — 111, 112, 114, 125, 153, 269
 «Исследование по поводу сочинения г. маркиза де-Кюстина, озаглавленного „Россия в 1839 г.“» — 269
- Грешный А. З. — 445
- Грибкова Е. М. — 243
- Грибоедов А. С. — 112, 350, 535
 «Горе от ума» — 477
- Григорович Д. В. — 158, 197, 327, 340, 394, 421, 431, 432, 534
 «Лотерейный бал» — 327
 «Школа гостеприимства» (совм. с В. П. Боткиным, А. В. Дружининым и Т.) — 380
- Григорьев А. А. — 84, 89, 162, 165–203, 478, 601
 «Библиотека для чтения. Апрель. № 4» — 194–196
 «Воспоминания» — 84, 89

- «Замечания об отношении современной критики к искусству» — 203
- «Окружное послание и правила отношений критики „Москвитянина“ к литературе русской и иностранной, современной и старой» — 186
- «Отечественная литература в 1849 году» — 198
- «Русская изящная литература в 1852 году» — 170, 180, 182, 192, 195, 196, 198, 199
- «Русская литература в 1849 году» — 173
- «Русская литература в 1851 году» — 169, 172–174, 182–185, 188
- «„Современник“ в 1850 году» — 181
- «Современные лирики, романисты и драматурги. Проспер Мери-ме» — 178
- Григорьев В. В. — 154
- Гримм (Grimm), братья Я. и В. — 608
- «Красная шапочка» — 608
- Грин (Green) Р. — 379
- Гродецкая А. Г. — 204, 210, 421
- Громов В. А. — 281–284, 358, 446, 451, 453
- Громова-Опупьская Л. Д. — 206
- Гросс (Gross) Ф. — 562
- «Iwan Turgenjew» — 562
- Гроссман Л. П. — 602
- Грот К. К. — 383
- Грот К. Я. — 294, 383
- Губер П. К. — 366
- Гудзий Н. К. — 209, 210
- Гудович А. И., кн. — 92 («отец княгини»)
- Гумбольдт (Humboldt) А. — 392
- Гумилев Н. С. — 600
- Гуно (Gounod) Ш. — 445
- Гуревич Л. Я. — 233, 240, 241
- Гусев Н. Н. — 241, 337, 424, 425
- Гюго (Hugo) В. — 131, 138, 139, 353, 355, 403, 419, 489
- «Собор Парижской богородицы» («Парижский собор богородицы») — 131, 138
- Гюйсманс (Huysmans) Ж.-К. — 356, 361, 362
- «В дороге» — 361
- «Марга. История проститутки» — 361
- «С мешком за плечами» — 361
- «Святая Лидвина» — 361
- «Семейный очаг» — 361
- «Сестры Ватар» — 361, 362
- «Собор» — 361
- Давыдов Д. В. — 122, 352
- Дакен (Dacquin) Ж. — 290
- Далл'Аглио (Dall'Aglio) — 590
- Даль В. И. — 125, 138
- Данилевский Г. П. — 325, 466
- Данилевский Р. Ю. — 256
- Данте (Dante) Алигьери — 496, 500
- «Божественная комедия» — 496, 497
- Дантес (d'Antès; позже Геккерн) Ж.-Ш. — 90
- Дантю (Dentu) Э. — 359
- Дарвин (Darwin) Ч. — 546
- Девриент (Devrient) А. — 492, 504–505
- Декарт (Descartes) Р. — 352
- Декроз (Decrose), часовой мастер — 247
- Делаво (Delaveau) А.-И. — 290, 418
- Делессер (Delessert; ур. Де Лаборд) В. — 14
- Дельвиг А. А. — 111
- Ден Т. П. — 252, 254
- Денекур (Denecourt) К.-Ф. — 79–81, 624
- Денисюк Н. — 175
- Депре (Depret) К., брат А. Богомолец — 232, 233, 242, 490–492
- Депре (Depret; ур. Руже, Rouget) К., мать А. Богомолец — 232
- Депре (Depret; в зам. Клерк, Clerc) М. — 232, 233
- Депре (Depret) Ф. — 231, 233 («отца»), 238
- Дервиз Д. Г. — 362
- Дервиз Н. Г. — 362
- Дервиз П. Г. фон — 362, 363
- Державин Г. Р. — 143, 150–158, 350, 535, 625
- «Бог» — 150, 153–155, 625

- «Вельможа» — 153, 154
«Властителям и судиям» — 154, 158
«Водопад» — 150, 158
«Записки» — 152
«К Фелице» — 153
«Мой истукан» — 153
«На рождение царицы Гремиславы» — 154
«На смерть князя Мещерского» — 153, 158
«Река времен» — 158
Дерулед (Déroulède) П. — 356, 363, 364
«Моавитянка» — 363
«Песни солдата» — 363
Дешан (Deschamps) Э. — 495
Джеймс (James) Г. — 353
Диккенс (Dickens) Ч. — 14, 92 («Микобер»), 167 («диккенсовского типа»), 208, 264, 353, 377, 400 («Диккенсах»), 546, 551
«Дэвид Копперфилд» — 92 («Микобер»)
«Записки Пиквикского клуба» — 14
«Тяжелые времена» — 611
Диксон (Dixon) Р. — 592, 602–608
Диксон (Dickson) У. — 377
Динерштейн Е. А. — 528, 529
Динесман Т. Г. — 448
Дмитриев («доктор Д.») — 329–332, 337
Дмитриев И. Г. — 153
Дмитриев И. И. — 144, 146, 153
Дмитриев М. А. — 112, 124, 153
Дмитришин (Dmytrychyn) Ирина — 489
Дмитрюхина Л. В. — 181, 444, 589
Добролюбов Н. А. — 164, 324, 329, 331–336, 391, 619, 620
Доде (Daudet) А. — 347, 353, 356, 445, 553
Додсли (Dodsley) Р. — 379
Долбилев М. Д. — 284–286
Долинин А. С. — 160
Долотова А. (Аполлинария, Лира) М. — 83, 162
Доманский В. А. — 248, 262
Доре (Doré) Г. — 355, 490, 492, 495, 496, 501, 504–505, 623
Достоевский Ф. М. — 156, 160, 205, 209, 230, 240, 322, 367, 371, 394, 427, 473, 474, 487, 509, 528, 530, 532, 534, 536, 550, 556, 558, 566, 567, 575, 589, 591, 596, 598, 618–620
«Бесы» — 447, 509
«Дневник писателя» — 618
«Записки из подполья» — 598
«Подросток» — 367
«Преступление и наказание» — 209–210
«Речь на открытии памятника Пушкину в Москве» — 556
Достоевская (ур. Сниткина) А. Г. — 534
Достоевские, братья М. М. и Ф. М. — 520
Драгоманов М. П. — 394
Дрепер (Draper) Дж.-У. — 379
Друганов И. А. — 354
Дружинин А. В. — 154, 160, 163, 169, 170, 192, 194, 195, 203, 281, 393, 394, 431, 443
«Король Лир», *пер.* — 443
«Школа гостеприимства» (совм. с В. П. Боткиным, Д. В. Григоровичем и Т.) — 380
Эпиграмма на И. А. Арапетова (совм. с Т. и Н. А. Некрасовым) — 394, 395
Дубенский Д. Н. — 143
Дудко В. И. — 160–163
Дудышкин С. С. — 175
Дурова Н. А. — 140
Дювернуа (Duvernoy) А. — 557
Дювернуа М. — см. Виардо М.
Дюкан (Du Camp) М. — 359
«Утраченные силы» — 359
Дюма (отец) (Dumas-père) А. — 130, 489
Дюма (сын) (Dumas-fils) А. — 353
Дягилев С. П. — 91
Дягилева (ур. Панаева) Е. В. — 363
Дягилева Е. С. — 363
Дягилевы — 363
Е. Тур — см. Салиас де Турнемир Е. В.
Евгеньев-Максимов В. Е. — 395

- Егоров А. — 360, 361, 382
 Егоров А. Е. — 364
 Егоров Б. Ф. — 84, 165–166, 168–170, 173–175, 178, 181, 186, 190, 193, 194, 200
 Едигер, казанский царевич — 148
 Екатерина II Алексеевна, рос. имп. с 1762 — 153–155, 159, 275, 349, 350, 367
 «Наказ» — 350
 Елена Павловна, вел. кн. — 265, 285
 Елизавета Михайловна, вел. кн. — 340
 Елизавета Нойвидская (Елизавета Паулина Отгилия Луиза цу Вид; Elisabeth zu Wied), королева Румынии с 1881 (псевд. Кармен Сильва) — 265, 266, 268, 270, 271
 Елизаветина Г. Г. — 162, 270
 Ергольская Т. А. — 428
 Ермак Б. А. — 355, 356
 Ермилова Е. В. — 445
 Ермолов А. П. — 140
 Еропкина Н. М. — 381
 Ефременко Э. П. — 175
 Ефремов А. П. — 146, 154, 487
 Ефрон И. А. — 119, 274, 325
Жакку (Jaccoud) Ф.-С. — 554, 555
 Жанлис (Genlis; ур. С.-Ф. Дюкре де Сент-Обен) де, гр. — 350
 Жданов В. А. — 232
 Жедринкий — 282
 Жекулин (Žekulin) Н. Г. — 5, 11, 31, 34, 35, 38, 217, 248, 254, 322, 396, 412, 413, 510, 519, 521, 524, 620
 Желиговский Э. В. — 163
 Жемчужников А. М. — 341, 342, 364–366, 403
 «Гляжу ль на детей и грущу...» — 367
 «Досуги Козьмы Пруткова» — 364, 403
 «Если б ты видеть могла мое горе...» — 367
 «За днями ненастными с темными тучами...» — 367
 «Кончено. Нет ее... Время тревожное...» — 366–367
 «Чувств и дум несметный рой...» — 367
 Жемчужников В. М. — 364, 365
 «Досуги Козьмы Пруткова» — 364
 Жемчужников Л. М. — 364, 365
 «Мои воспоминания из прошлого» — 365
 Жемчужников (псевд. Буда-Жемчужников) Н. М. — 364, 365
 Жемчужникова (ур. Дьякова) Е. А. — 341, 366
 Жемчужникова Н. А., дочь А. М. и Е. А. Жемчужниковых — 341, 366
 Жемчужниковы, семья А. М. и Е. А. Жемчужниковых — 342
 Жемчужниковы, братья А. М., В. Л. и Л. М. — 364
 Жерар (Жирар; Gérard) — 23
 Жидкова С. Л. — 143, 356, 360, 368, 371, 374, 377, 392
 Жихарев С. П. — 153
 «Артабан» — 153
 Жолковский А. К. — 432
 Жуковский В. А. — 112, 126, 130, 141, 235, 341, 352, 520, 535
 Жуковский П. В. — 383, 384
 Журавлев Д. Н. — 372
 Забелин И. Е. — 15
 Заборов П. Р. — 356, 388
 Заборова Р. Б. — 99
 Загоскин М. Н. — 125, 126, 130, 139, 350, 352, 412
 Зайцев В. А. — 564
 Занд — см. Санд Ж.
 Занд (Sand) К.-Л. — 268
 Западов А. В. — 122, 204
 Захарьев-Якунин И. Н. — 477, 478
 Захарьин П. А., фотограф — 481
 Звигильский (Zviguilsky) А. Я. — 7, 86, 95, 99, 100, 134, 215, 217, 238, 361, 362, 364, 418, 419, 500, 576, 622
 Зейпель В.-К. — 344, 626
 Зелинский Ф. Ф. — 327

- Зильберштейн И. С. — 242, 361, 543, 564
 Златковский М. Л. — 458, 472, 476
 Золя (Zola) Э. — 353, 356, 361, 362, 419, 445, 553
 Зотов В. Р. — 163
 Зубова (ур. Римская-Корсакова) М. В. — 367
Иван IV Васильевич («Грозный»), рус. царь с 1547 — 144, 145, 272
 Иванова Т. Г. — 363
 Игнатъев Н. П. — 367, 368
 Измайлов А. Е. — 116
 Измайлов Н. В. — 125
 Илличевский А. Д. — 116
 Иловайская (ур. Сомова) Е. С. — 264
 Инсарский В. А. — 365
 Иогансен А. Ф. — 14, 249, 252, 253, 625
 Ипатова С. А. — 527, 529, 586
 Ирвинг (Irving) В. — 130, 353
 Ирлин А. Г. — 348
 Исаков Я. А. — 493
Кабе (Cabet) Э. — 352
 Кавелин К. Д. — 353
 «Основные начала судостроительства и гражданского судопроизводства» — 353
 Каган-Канс (Kagan-Kans) Е. — 590
 Калайдович К. Ф. — 119, 120
 Калам (Calam), гувернер семьи Богомолец — 235
 Калергис (Kalergis; в зам. Куденхоф) М., дочь М. Ф. Мухновой-Калергис — 44 («дочери»)
 Каминская Б. А. — 543
 Каннинг (Canning) Дж. — 594
 Кант (Kant) И. — 122, 352
 Кантемир А. Д. — 146, 350
 Каракозов Д. В. — 476, 585
 Карамзин Н. М. — 111, 119, 141, 278, 350, 352, 388
 «О древней и новой России» — 141
 Каратыгин П. А. — 360
 «Записки» — 360
 Каратыгина А. М. — 359
 Каржа (Carjat) Э., фотограф — 626
 Карл-Фридрих Саксен-Веймар-Эйзенахский (Karl Friedrich), вел. герц. — 522
 Карлгоф В. И. — 116
 Карлейль (Karlyle) Дж., брат Т. Карлейля — 398, 400
 Карлейль (Karlyle; ур. Уэлш) Дж.-Б., жена Т. Карлейля — 398, 399
 Карлейль (Karlyle) Т. — 390, 396–399, 402, 404, 406, 408
 «Герои, почитание героев и героическое в истории» — 390
 Кармен Сильва — см. Елизавета Нойвидская
 Карнаухова М. Г. — 543
 Карол I (Carol I), король Румынии — 265
 Каролат-Беутен (zu Carolath-Beuten) К. цу, кн. — 524
 Каролат-Беутен (zu Carolath-Beuten; ур. гр. фон Гацфельдт-Трахенберг) Э. цу, кн. — 514, 517, 524, 627
 Карон (Caron) А.-Ш. — 247
 Карон (Caron) М.-Ф. — 247
 Карр (Karr) Ж.-А. — 130, 353
 Карташевская В. Я. — 161–163, 365
 Карцов А. Н. («консул») — 586, 587
 Катакузина (в зам. Коцебу) А. Е. — 269
 Катенин П. А. — 112
 Катков М. Н. — 16, 368, 446, 451, 453, 477, 535–540, 544–548, 568, 569, 571, 575, 581, 583
 Катон (Cato) Младший М. П. — 368, 369
 Кафанова О. Б. — 214
 Каценельсон Л. И. — 565
 Квитко-Оснотьененко Г. Ф. — 352
 Кетчер Н. Х. — 353, 394
 Киреевский И. В. — 335
 Киреевский Н. В. — 120
 Киселев Н. Д. — 369
 Киселев П. Д. — 369, 370
 Киселева Л. Н. — 153
 Китс (Keats) Дж. — 397
 Кишинский Н. А. — 385, 386
 Клаус (Klaus; в зам. Сарвади) В. — 76

- Клеман М. К. — 3, 290, 544, 623
Клемансо (Clemenceau) Ж.-Б. — 536, 537, 574, 578
Клен (Kleen) Г.-В. де — 426, 440
Клерк (Clerc) К. — 232, 242
Клерк М. — см. Депре М.
Клюшников И. П. — 131, 138
Кнопф А. — 600
Княжнин Б. Я. — 350
Княжнин Я. Б. — 350
Ковалевская Е. В. — 290
Ковалевская С. В. — 241
Ковалевский М. М. — 575
 «Воспоминания об И. С. Тургеневе» — 575
Кожевникова Н. А. — 205
Козаков М. М. — 605
Козеева Е. А. — 335–339, 386
Козицкая Е. А. — 204
Козлов И. И. — 125
Козмин Н. К. — 475
Кок (Kock) П.-Ш. де — 353
Кокин А. М. — 376
Колбасин Е. Я. — 394, 427, 564
Колодный Л. Е. — 231
Кольер Дж.-П. — 379
Кольцов А. В. — 12, 77, 130, 137, 140, 252
Комарова В. Д. (псевд. Влад. Каренин) — 10
Комарова Т. В. — 422
Комиссаржевская В. Ф. — 370
Конвей (Conway) М.-Д. — 404
Кондаков И. В. — 333
Кони А. Ф. — 382, 383, 389, 536, 537, 558, 559
 «И. С. Тургенев» — 558
 «Похороны Тургенева. Воспоминания» — 537
Кони Ф. А. — 142
Констан (Constant; А.-Б. Констан де Ребекк) Б. — 125
Кончин Е. — 356
Корб (Korb) И.-Г. — 370, 371
 «Diarium itineris in Moscoviam etc.» — 371
Корнель (Corneille) П. — 350
Корнманн (Kornmann) Ж. — 78
Корнуэлл (Cornwell) Н. — 592, 613, 614
Короленко В. Г. — 371
Король Бельгии — см. Леопольд II
Космократов Тит (наст. имя Титов В. П.) — 141
 «Восточная жизнь» — 141
Костлоу (Costlow) Дж.-Т. — 590
Костомаров Н. И. — 365, 494
Костров Е. И. — 352
Костромитинов — 282
Кохановская Н. С. — 487
Коцебу (Kotzebue) А.-Ф.-Ф. фон — 139, 268, 350
Коцебу (Kotzebue) В. фон (Вильгельм Августович) — 264, 268–271
 «Муму», *пер.* — 264, 269, 270
 «Исследование по поводу сочинения г. маркиза де-Кюстина, озаглавленного „Россия в 1839 г.“», *пер. книги Н. И. Греча* — 269
Кошелев В. А. — 134, 192
Краевский А. А. — 142, 150, 170, 190, 395, 509
Краинский В. А. — 282
Крамской И. Н. — 572, 576, 577
Красиков С. — 317, 319, 324
Краснопольский Н. С. — 350
Красов В. И. — 130, 131
Кратцель (Kratzel), г-н — 46
Кремниц (Kremnitz) В. — 265, 266
Кремниц (Kremnitz; ур. фон Барденлебен; псевд. Mite Kremnitz) М. — 265, 266, 270
 «Carmen Sylva» — 266, 270
Крестова Л. В. — 453
Кривенко С. Н. — 238, 358
Кривина Т. М. — 589, 612
Криста (Christa) Б. — 591, 593–595, 607
Кронеберг А. И. — 390
Кропоткин П. А. — 367
Крылов И. А. — 154 («крыловским афоризмам»)
Куглер (Kugler) Ф.-Т. — 374
 «История Фридриха Великого» — 374

- Кудрявцев П. Н. — 138, 175, 39,
 «Не в свои сани не садись», *ст.* — 175
- Кузен (Cousin) В. — 131
- Кузминская (ур. Берс) Т. А. — 337, 421, 425, 433, 434
 «Моя жизнь дома и в Ясной Поляне» — 421, 425, 433, 434
- Кукольник Н. В. — 109, 126
 «Генерал-поручик Паткуль» — 109
 «Рука Всевышнего отечество спасла» — 126
- Кулагин А. В. — 163
- Кулешов В. И. — 134, 162, 327
- Кулиш П. А. — 161, 365
- Кульман (Kulmann) Е. Б. — 410
- Купер (Cooper) Дж.-Ф. — 221, 353, 494
- Курбский А. М., кн. — 147, 148
- Курляндская Г. Б. — 600
- Куручкин В. С. — 478, 487
- Куручкин Н. С. — 487
- Кутузов М. И. — 359
- Кюи Ц. А. — 364
- Кюхельбекер В. К. — 112
- Лавров — 282
- Лавров А. В. — 432
- Лавров Н. И., двоюродн. дед Т. — 144
- Лавров П. Л. (псевд. П. Миртов) — 83, 98, 358, 364, 374, 536–545, 547–548, 568–571, 573–575, 577–586
 «История Парижской коммуны» — 570
 «И. С. Тургенев и развитие русского общества» — 540, 547, 585
 «Цивилизация и дикие племена» — 585
 «Шекспир в наше время» — 585
- Лаврова (ур. Бибикова) П. Б. — 360
- Лавровская Е. А. — 256
- Лагарп (La Harpe) Ф.-С. де — 350
- Лажечников И. И. — 130, 131
- Ламартин (Lamartine) А. де — 259
 «Le lac» — 259
- Ламберт (ур. Канкрина) Е. Е., гр. — 7, 83, 90, 383, 432, 433
- Ламенне (Lamennais) Ф.-Р. де — 352
- Ланг (Lang) Дж. — 385
- Ланский Л. Р. — 116, 126, 128, 136, 141, 215, 216, 221, 352, 355, 356, 529, 537, 543
- Ланской С. С. — 286
- Ларош Г. А. — 240
- Ласкин Симеон, прот. — 276
- Лассен (Lassen) Э. — 521
- Ле Брет (Le Bret) Г. — 241
- Лебедев Ю. В. — 317, 320–322, 326, 422
- Левек (Lévesque) П.-Ш. — 349
- Леви (Levi) Г. — 27, 526
- Левицкий С. Л., фотограф — 577
- Ледерле М. М. — 206
- Ледковский (Ledkovsky) М. — 590
- Леже (Léger) Л. — 387
- Лейбниц (Leibniz) Г.-В. — 352
- Леман-Шульце К. — см. Шульце К.
- Лемке М. К. — 136, 540
- Леонар (Léonard) Ю. — 514, 517, 523, 525, 526, 627
- Леонтович В. В. — 278
- Леонтьев К. Н. — 381
- Леопольд II, король Бельгии с 1865 — 38, 93 («короля Бельгии»)
- Лепин (Lépine) Ж.-А. — 243 («лепиновские»), 244–247
- Лепин (Lépine; в зам. Рагет) П. — 247
- Лермонтов М. Ю. — 11, 12, 132, 182, 183 («лермонтовского направления»), 184, 197, 218, 410, 411, 535, 561, 625
 «Демон» — 49
 «Мцыри» («Le Novice») — 11, 252, 402, 404, 410
 «Не верь себе» («Не верь, не верь себе, мечтатель молодой...») — 472 (цит.), 477
- Лернер Н. О. — 395
- Лесаж (Lesage) А.-Р. — 16 («Жиль Блаз»)
- Лесков Н.С. — 454, 493
- Лессинг (Lessing) К.-Ф. — 38
- Леткова (в зам. Султанова) Е. П. — 371, 389–389
 «Иван Сергеевич Тургенев» — 372
 «О Ф. М. Достоевском» — 372

- «Об Иване Сергеевиче Тургеневе (Из воспоминаний курсистки)» — 372
- «Русская женщина в романах Тургенева» — 372
- Леффлер-Эдгрэн (Leffler-Edgren) А.-Ш. — 241
- Ли Хант (Leigh Hunt) Дж.-Г. — 396
- Либерман Д. — 495
- Либрейх (Liebreich) Р. — 234
- Либрович С. Ф. — 493–495, 497
- Ливий Тит — 350
- Лиге (Liger) Л. — 351
- «Садовник-цветовод» — 351
- Липгарт Э. К. — 99
- Лист (Liszt) Ф. — 43
- Лифарь (Lifar) С. М. (Serge, Серж) — 91
- Лицинер С. Д. — 238
- Лобач-Жученко Б. Б. — 162
- Ломоносов М. В. — 109, 146, 350, 352, 535
- Лонгинов М. Н. — 381, 382
- Лопатин Г. А. — 581
- Лордкипанидзе Л. — 602
- Лорис-Меликов М. Т. — 534, 574
- Лотман Л. М. — 113, 443, 467, 509
- Лотман Ю. М. — 204, 208, 212, 213, 595, 596
- Лощинин Н. П. — 206
- Луи-Филипп I (Louis-Philippe I), франц. король с 1830 — 131
- Луиза-Мария-Элизабет Прусская (Luise), вел. герц. Баденская — 522, 525, 623
- Луканина (ур. Рычева; во втор. браке Паевская) А. Н. — 576
- Лукина В. А. — 5, 109, 203, 232, 262, 369, 409, 433, 444
- Лукулл (Lucullus) Л. Л. — 149
- Луначарский А. В. — 620
- Лутовинов Алексей И., двоюор. дед Т. — 152, 349
- Лутовинов И. И., двоюор. дед Т. — 144, 388, 625
- Лутовинов П. И., дед Т. — 152
- Лутовиновы, семья И. А. и М. И. Лутовиновых — 355
- Львова Е. Н. — 152
- Людовик-Филипп — см. Луи-Филипп I
- Людовик XV (Louis XV), франц. король с 1715 — 246, 247
- Людовик XVI (Louis XVI), франц. король с 1774 — 247
- Лямина Е. Э. — 153
- Мабли (Mably) Г.-Б. де** — 350
- Мазон (Mazon) А.** — 498
- Мазурин Н. С.** — 543
- Мазуркевич О. Р.** — 164
- Майер (Mayer) К.-Ф.** — 291–295
- Майков А. А.** — 395
- Майков А. Н.** — 162, 410, 476, 487, 536
- Майореску (Mairescu) З.** — 265, 266
- Макаров Н. Я.** — 161–164, 365
- Макарова О. Е.** — 530
- Макешина В. А.** — 324
- Маколей (Macaulay) Т.-Б.** — 390
- «Критические и исторические очерки» — 390
- Максимова Л. Е.** — 356
- Максимович М. А.** — 130
- Максимович-Амбодик Н. М.** — 351
- «Эмблемы и символы» — 351
- Макьюэн (McEwan) И.-Р.** — 613, 614
- «Atonement» («Искупление») — 613, 614
- «First Love, Last Rites» («Первая любовь, последние ритуалы») — 613, 614
- Малибран (Malibran; ур. Гарсиа) Мария** — 526
- Мальцев С. И.** — 282
- Манин (Манен; Manin) Д.** — 372, 373
- Манин (Манен; Manin) Э.** — 373
- Манн Ю. В.** — 277
- Маньен (Magnin) Ж.-Г.** — 554, 555
- Манштейн Х. Г.** — 350
- «Исторические записки» — 350
- Маршалль (Maréchal) П.-С.** — 350
- «Путешествие Пифагора» — 350
- Маржерет (Margeret) Ж.** — 350
- «Исторические записки» — 350

- Мари, дочь Елизаветы Нойвидской — 270
- Мария Александровна (ур. Максимилиана-Вильгельмина-Августа-София-Мария), рос. имп. с 1855 — 373, 374
- Мария Вид-Нойвид (ур. Нассау-Вейльбургская), мать Елизаветы, королевы Румынии — 265
- Мария Николаевна, вел. кн. — 525
- Мария Павловна, вел. кнж. — 522
- Маркевич (ур. Зейфорт) А. К., жена Б. М. Маркевича — 452, 460, 466
- Маркевич Б. М. (псевд. Иногородный обыватель) — 446, 451–453, 460, 466, 536, 576
- «„Вешние воды“». Соч. Тургенева („Вестник Европы“, № 1)» — 452
- «С берегов Невы. XIII» — 536, 576
- Марко Вовчок — см. Маркович М. А.
- Маркович Б. А., сын М. А. Маркович — 333
- Маркович (псевд. Марко Вовчок; ур. Вилинская; во втор. браке Лобач-Жученко) М. А. — 91, 161–164, 295, 333, 365, 487, 495–498, 500
- «Маруся» — 500
- Маркс А. Ф. — 531, 532, 539, 549, 555, 556, 579
- «Об И. С. Тургеневе (От издателя)» — 532, 556
- Маркс (Marx) К. — 570
- «Капитал» — 570 («капитальный ученый труд»)
- Марлинский (наст. фам. Бестужев) А. А. — см. Бестужев (Марлинский) А. А.
- Мармье (Marmier) К. — 217, 270
- Марриэт (Marryat) Ф.-Дж. — 377
- Марсель (Marcel) Ж. — 38, 39, 48 (?), 49 (?)
- Марсель (Marcel) П. — 39, 49, 50
- Мартен (Martin) А. — 373
- Марш (Marsh) С. — 592, 606, 612
- Масальский К. П. — 125, 141
- Матвеева И. Ю. — 212
- Маццини (Mazzini) Дж. — 373
- Меер ван дер — см. Вермеер
- Мейербер (Meyerbeer; наст. имя Бер (Beer) Я.-Л.) Дж. — 28
- «Гугеноты» — 28
- Мекк Н. Ф. фон — 240
- Мелак (Meilhac) А. — 612
- Мельгунов Н. А. — 130
- Мельник Е. Г. — 272
- Мельников-Печерский П. И. — 367
- «В лесах» — 367
- Мендельсон Н. М. — 466
- Мендельсон-Бартольди (Mendelssohn-Bartholdy) Я.-Л.-Ф. — 25, 37
- Менцель (Menzel) А. — 348, 374–376
- Мерзляков А. Ф. — 145, 147
- Мериме (Mérimée) П. — 178, 219, 234, 290, 291, 300, 393, 418, 419, 551, 557, 612
- «Цыганы», *пер.* — 612
- Мерсье (Mercier) П. — 586
- Мещерская (в зам. Убри) Е. Н. — 86
- Мещерский А. А. — 362, 540, 557, 577, 582, 583
- Мещерский В. П., кн. — 470, 473, 474, 539, 540, 567
- «Вперед или назад» — 474
- «Дневник» — 539
- «Некролог И. С. Тургенева» — 539
- Мёрике (Moerike) Э. — 12, 252, 254, 625
- «Frage und Antwort» — 254
- Миклухо-Маклай Н. Н. — 363
- Милле (Millet) Э. — 24
- Миллер О. Ф. — 556
- Миллер (ур. Бахметева; во втор. браке Толстая) С. А. — 365
- Милль (Mill) Дж.-С. — 396
- Мильтон (Milton) Дж. — 500
- Милкоков А. П. — 156
- Милютин Д. Н. — 374
- Милютин Н. А. — 286, 369
- Милютин Е. Д. — 374
- Милютин (ур. Абаза) М. А. — 17, 370
- Мин Д. Е. — 403
- Минаев Д. Д. — 478, 487
- Эпиграмма на Д. В. Аверкиева («Своею драмой донимая...») — 478

- Миндыбаева Л. В. — 357, 378, 379, 382, 390
- Минский (наст. фам. Виленкин) Н. М. — 585
- «Иван Сергеевич Тургенев» — 586
- «Казнь жирондиста», *стих.* — 585
- Мирабо (Mirabeau) О.-Г.-Р. де, гр. — 354
- «Торжествующий хамелеон» — 354
- Мирбо (Mirbeau) О. — 362
- Миролюбов Г. П. — 444, 479
- Мистлер (Mistler) Ж. — 236, 237
- Митрофанов — 376
- Михаил Павлович, вел. кн. — 340
- Михайловский Н. К. — 358, 371
- Михновец Н. Г. — 205, 213
- Мицкевич (Mickiewicz) А.-Б. — 567
- Мишле (Michelet) Ж. — 352, 388
- «История XIX века» — 388
- Мишо (Michaud) Ж.-Ф. — 125
- «Крестовые походы» — 125
- Молден (Molden) Б. — 562
- Молева Н. М. — 422
- Молостова Е. В. — 555
- Мольер (Molière; наст. имя Поклен Ж.-Б.) — 177, 350, 388
- «Скупой» — 388
- Мольтке (Moltke) Х.-К.-Б. фон — 97
- Моно (Monod) Г. — 238
- Монрейно-Бранш (Montreynaud-Branche) Ф. — 290, 418
- Мопассан (Maupassant) Ги де — 351, 362, 403, 445
- «Etude sur Gustave Flaubert» — 403
- Мопуаль (Maupoil; ур. Шампо) М. — 445
- Мордовцев Д. Л. — 493
- Морель, франц. фотограф — 573, 577, 627
- Морен (Maurin) Ж.-П. — 76
- Моррис (Morris) У. — 402–403
- «Жизнь и смерть Язона» — 402–403
- «Земной рай» — 403
- Мостовская Н. Н. — 334, 529, 600, 620, 621
- Мотылева Т. Л. — 237
- Моцарт (Mozart) В.-А. — 26, 76, 436
- «Женитьба Фигаро» — 26, 27
- Мстиславский И. Ф., кн. — 147
- Мур (Moore) Т. — 377
- «История Ирландии» — 377
- «The Epicurean» — 377
- «Irish Melodies» — 377
- «Lalla Rookh» — 377
- «Letters and Journals of Lord Byron with Notes of his Life» — 377
- «The Loves of the Angels» — 377
- «Odes of Anacreon» — 377
- Муравьев А. Н. — 139, 341
- «Путешествие по святым местам русским» — 139
- Муравьев М. Н. — 471, 475, 476
- Муравьев Н. М. — 112
- Муравьев-Амурский Н. Н., гр. — 378, 379
- Муравьева-Амурская (ур. де Ришмонд) Е. Н. — 378
- Муратова Г. Н. — 280
- Мурьян (Murjahn; в зам. Koelle) М. — 26, 27
- «Erinnerungen» — 26
- Мусоргский М. П. — 364
- Муханова-Калергис (Mouchanoff-Kalergis; ур. Нессельроде; в перв. браке Калержи, Калергис; во втор. — Муханова) М. Ф. — 44, 45
- «Marie von Mouchanoff-Kalergis, geb. Gräfin Nesselrode in Briefen an ihre Tochter. Ein Lebens- und Charakterbild» — 44
- Мэйнуэринг М. — см. Mainwaring М.
- Мюссе (Musset) А. де — 183, 353, 392, 489
- Набоков (Nabokov) В. В. — 613**
- «Другие берега» — 614
- «Лекции по русской литературе» — 614
- «Conclusive Evidence» («Неопровержимое доказательство») — 614
- «First Love» («Первая любовь», «Colette») — 613, 614
- «Speak, Memoiry» («Память, говори») — 614

- Надеждин Н. И. — 111, 128, 131–133, 137, 139
 «Некрология московских журналов» — 137
 «Новое поколение русских журналов» — 137
- Назарова Л. Н. — 12, 165–169, 189, 190, 192, 196, 199, 264, 361, 370, 372, 382, 390, 393
- Наполеон (Napoléon) I Бонапарт, франц. имп. с 1804 по 1814 гг. — 247
- Наполеон (Napoléon) III (Шарль-Луи Наполеон Бонапарт), франц. имп. с 1852 по 1870 гг. — 442, 480, 507, 524
- Наш Т. — см. Нэш Т.
- Неверов Я. М. — 391, 392
- Незнакомец — см. Суворин А. С.
- Некрасов Н. А. — 5, 84, 85, 89, 160, 166 («некрасовского „Современника“»), 203, 380, 381, 391, 394, 395, 427, 440, 465, 471, 475, 480, 486, 487, 528, 530, 532, 534, 554, 621
 «Недавнее время» — 84
 <Послание к М. Н. Муравьеву>, *стих.* (*не сохр.*) — 471, 475
 «Рыцарь горестной фигуры...» (эпиграмма на Ф. М. Достоевского, совм. с Т.) — 394
 «Три элегии» — 487
 Эпиграмма на И. А. Арапетова (совм. с А. В. Дружининым и Т.) — 394, 395
- Нелидова (ур. Королева; в перв. браке Ломовская; во втор. — Маклакова) Л. Ф. — 556
- Непир (Nepir) Ч. — 381
- Нетшер (Netscher) К. — 24
- Нехелес (Necheles) М. — 578, 579
 «Ivan Turgenjew. Eine Portraitstudie — 578 («этюд»), 579
- Нечаев С. Г. — 578
- Нешумова Т. Ф. — 153
- Нидермейер (Niedermeyer) А.-Л. — 259
- Никитенко А. В. — 114, 394, 443
- Никитина Н. С. — 391, 600, 620
- Николай I Павлович, рос. имп. с 1825 — 83, 99, 111, 378, 411
- Николай II Александрович, рос. имп. с 1894 — 146
- Никольская Г. — 578
- Никольский Ю. А. — 537
 «Дело о похоронах И. С. Тургенева» — 537
- Нини — см. Ришар Е.
- Ниссен-Саломан (Nissen-Saloman; ур. Nissen) Г. — 256
- Новиков Н. И. — 350, 367
 «Древняя российская вивлиофика» — 350, 356
 «Опыт исторического словаря о российских писателях» — 367
- Нодье (Nodier) Ш. — 112, 125, 126, 350, 356
- Нэш (Наш; Nash, Nasche) Т. — 379
 «Анатомия нелепости» — 379
 «Мольба к черту Пирса Безгрошового» — 379
 «Плач Христа над Иерусалимом» — 379
 «Последняя воля и завещание лета» — 379
 «Собачий остров» — 379
- Оболенская Е. В. — см. Толстая Е. В.
- Оболенский Д. Д., кн. — 339, 425, 439
- Овидий Публий Назон (Publius Ovidius Naso) — 216 («Филемон и Бавкида»), 350, 558
- Огарев Н. П. — 238, 334
- Огарева Н. В. — 557, 577
- Одоевский В. Ф. — 125, 141, 142, 183, 352
 «Сильфида» — 141
- Ожье (Augier) Э. — 363
- Озеров В. А. — 356
 «Фингал» — 360
- Ознобишин Д. П. — 119, 130, 139
- Оксман Ю. Г. — 76
- Олег Иванович, вел. кн. — 274
- Олив (Olive), архитектор — 520
- Оливье (Olivier) Р. — 54

- Олсуфьева М. В. — 99
- Ольга Николаевна, вел. кн., королева
Вюртембергская с 1864 — 342, 343
- Ольхин С. А. — 116
- Онегин (Отто) А. Ф. — 383, 573, 576 (?),
627
- Опочинин К. Ф. — 360
- Опракса А. И. — 274
- Орвин (Orwin) Д.-Т. — 207
- Оргени (Orgeni) А. — 22, 23, 28–33, 35,
38, 50, 52, 53, 623
- Оргени (Orgeni) К. — 32
- Оргени (Orgeni), родители А. Оргени —
39, 53 («родным»)
- Ориола (Oriolla; ур. фон Арним) М.
фон, гр. — 513, 517, 524, 627
- Ориола (Oriolla) Э. фон, гр. — 524
- Орлов А. Ф., гр. — 83, 84, 99 («отца мо-
лодого князя»)
- Орлов Н. А., кн. — 73, 74, 84–86, 90, 92,
93, 97–99, 102, 557, 572, 574, 624
- Орлов Н. М. — 451
- Орлов П. А. — 464
- Орлова Е. Н. — см. Трубецкая Е. Н.
- Орловы, семья Н. А. Орлова и Е. Н. Ор-
ловой (ур. Трубецкой) — 73, 74, 83,
90, 91
- Осипович А. — 466
- Основский Н. А. — 380
- Остаде (Ostade) А. ван — 24
- Островская (ур. Татаринова; в перв.
браке Грибовская) Н. А. — 392, 564
«Из воспоминаний о Тургеневе» —
392, 564
- Островский А. Н. — 87, 110, 166, 170,
173–177, 187–196, 198, 201, 371,
393, 487
«Бедная невеста» — 170, 173–176,
188–196, 198, 201
«Бесприданница» — 367
«Доходное место» — 87
«Не в свои сани не садись» — 175,
177
«Свои люди — сочтемся» — 189, 195
- Павел I Петрович, рос. имп. с 1796 —
275, 359, 388, 522
- Павлов И. В. — 161, 281, 329, 333–336
- Павлов М. Г. — 130
- Павлов Н. Ф. — 183, 412
- Павлова Г. Н. — 357, 385, 386, 388
- Павлова (ур. Яниш) К. К. — 410
- Павловский И. Я. — 571, 576
«В одиночном заключении. Впечат-
ления нигилиста» — 571, 576
- Павлюк М. М. — 160, 163, 164
- Паделу (Pasdeloup) Ж.-Э. — 37
- Палецкий А. Д., кн. — 147 (?)
- Пальмерстон (Palmerston) Г.-Дж.-Т. — 382
- Панаев В. А. — 362
- Панаев И. И. (псевд. Новый поэт) —
169, 170, 175, 191, 380, 381
«Современные заметки» — 175
- Панаева (в зам. Карцова) А. В. — 362,
363
- Панаева (ур. Брянская; во втор. браке
Головачева) А. Я. — 76, 86, 380, 394
«Воспоминания» — 76, 86, 89, 380,
381
- Панаева (ур. Дягилева) Е. В. — 362, 363
- Панмакер (Pannemaker) А.-Фр. — 495
- Паперно И. А. — 213
- Парис (Paris) Г. — 232, 235, 238
- Парис (Paris; ур. Руже, Rouget) П., мать
Г. Париса — 238
- Пармени (Parménie) А. — 233, 489, 490,
491, 496, 499
- Партюрье (Parturier) М. — 234
- Паскевич (ур. Воронцова-Дашкова) И. И.,
кн. — 235–237, 241, 347, 563, 564,
«Война и мир», *пер.* — 235–237, 241,
347, 563, 564
- Патти (Patti) А. — 46
- Пелль А. Х. — 486, 487
- Перро (Perrault) Ш. — 233, 489–491,
495–505, 627
«Волшебница» — 233, 498
«Волшебные сказки» — 489–491,
495–505, 627
«Синяя борода» — 233, 498
- Перуцци (Peruzzi) А. — 526
- Петито (Petitot) Ж. — 246

- Петр I (Великий) Алексеевич, рос. имп.
с 1689 — 109, 110, 141, 159, 352,
370, 371
- Петров С. М. — 507
- Петровская Е. В. — 207, 208, 209
- Пёлльниц (Pöllnitz) Л. фон — 28, 31, 52
- Пёрсглав (Pursglove) М. — 591, 592,
609, 611, 612
- Пизан (Pisan) И.-Ж. — 495
- Пиксанов Н. К. — 392, 544
- Пиль (Peele) Г. — 379
- Пиль (Peel) Роберт Младший, сэр — 382
- Пирс (Peirce) Ч.-С. — 592
- Пис (Pease) Р. — 589–591, 597–599
- Писарев А. А. — 112
- Писарев Д. И. — 329, 333, 478, 564
- Писемский А. Ф. — 14, 89, 240
«Взбаламученное море» — 14
- Пиц (Pietsch) Л. — 10, 14–17, 20, 22–25,
28, 29, 31, 35, 39, 42, 43, 46, 47, 50,
53, 265, 266, 268, 271, 293, 295, 296,
298, 300, 304, 309, 311, 347, 348, 374,
376, 506–526, 623, 624, 626, 627
«Цари и феи в салоне Тургенева»
(«Fürsten und Feen im Salon Turgenjew») — 265, 506–510
«Aus jungen und alten Tagen. Erinnerungen» — 265–266
«Erinnerungen an Iwan Turgenjew. III» — 15, 18, 23, 24
«Heimfahrt auf Umwegen. VI» — 34,
507, 508, 523, 525
«Sommerfahrten. In Baden-Baden. II» —
22, 31
«Sommerfahrten. Saison von 1865. In Baden-Baden» — 522
«Die Villa Viardot» — 24
«Wie ich Schriftsteller geworden bin. Der wunderliche Roman meines Lebens» — 17, 18, 20, 29, 48, 508,
519, 522
- Платон — 355
- Плетнев П. А. — 141, 382–384
- Плетнева (ур. Щеглинина) А. В. — 382–384
- Плещеев А. Н. — 160, 161, 163, 164
- Плутарх — 207, 350
- По (Рое) Э.-А. — 353
- Погодин М. П. — 120, 122, 130, 131,
138, 139, 186, 487
«Славянские новости» — 139
- Погорельский А. (наст. имя Перовский А. А.) — 367
«Монастырка» — 367
- Поджо А. В. — 378
- Поздняков Я. М. — 176
- Полевой Н. А. — 111, 124–126, 128, 142,
353
«Блаженство безумия» — 126
«Гамлет», *пер.* — 128, 353
«Отрывок из заметок русского книгопродавца к сыну» — 128
- Полевой П. Н. — 371, 559
- Полежаев А. И. — 137
- Половцов (Половцев) А. В. — 331, 332
- Полонская (ур. Устюжская) Е. В. — 312–
313, 448–450, 455, 460, 461, 464–466,
626
- Полонская (ур. Рюльман) Ж. А. — 384,
463, 469–471, 554, 584, 627
- Полонский А. Я. — 363
- Полонский А. Я., сын Я. П. Полонского —
479–481, 627
- Полонский Я. П. — 371, 384, 394, 403,
444–446, 448–452, 455, 458–459,
462–466, 468–488, 544, 576, 581,
583–586, 626, 627
«Дешевый город» — 466
«Келиот» («Старая борьба»), *поэма* —
459, 468, 483, 485
«Кляча и Пегас» («Предполагаемая мена», «В степи») — 448, 459, 464
«Мими», *поэма* — 459, 468, 479–482,
484, 485
«Мои студенческие воспоминания» —
466
«На закате» («Вижу я, сизые с золотом тучи...») — 483
«Нагорный ключ» («На заоблачных горах...») — 463, 469, 470, 473
«Озимы», *сб. стих.* — 464, 470
«Сноп», *сб. стих.* — 459, 471, 475,
627

- «И. С. Тургенев у себя в его последний приезд на родину» — 394
- «У Сатаны», *сцена* — 464
- «Утес», *стих.* — 459, 462–464, 469, 470, 473
- «Что с ней» («Когда из пелен порывалась она...») — 461, 463, 468
- Эпиграмма на В. П. Буренина («Я желчь Буренина своей поэмой вспенил...») — 480
- Полонские, семья Я. П. и Е. В. Полонских — 465
- Полонские, семья Я. П. и Ж. А. Полонских — 626, 627
- Полосина А. Н. — 236, 237, 241
- Полоцкая Э. А. — 444
- Поль (Pohl) Р. — 12, 248, 252, 254–258, 259–260, 262, 263, 625
- «Allein» — 256
- «Nachtwandler» — 262, 263
- «Räthsel» — 254–257, 625
- «Verfehltes Leben» — 256, 259–260, 262
- «Waldmärchen» — 256, 258
- Поляков С. С. — 475
- Поме (Pomey) Л. — 9, 34, 36, 49, 50
- Помпей — 368
- Понятовский А. И. — 357
- Попов П. С. — 428
- Португалов М. В. — 351, 354, 356
- Пот-Кавелина (Pot-Kaweline) Т. — 76, 102
- Потэн (Potain) П.-К.-Э. — 554, 555
- Похвиснев В. Н. — 385
- Похвиснев Н. П. — 385
- Похвисневы, род — 385
- Прево (Prévost d'Exiles; Прево д'Экзиль) А.-Ф. — 348, 350
- «Манон Леско» — 348
- Преображенский В. Г. — 329, 335–339, 386
- Преображенский Г. И. — 335–337, 339, 386
- Преображенский Н. С. — 335, 345
- Преображенский П. М. — 338
- Протасова (в зам. Ростопчина) Е. П. — 388
- Прохорова Е. И. — 175
- Проц Е. В. — 384
- Прудон (Proudhon) П.-Ж. — 352, 474, 490, 496
- Пруст (Proust) М. — 494
- Птушкина И. Г. — 238
- Пузин Н. П. — 422, 431, 435, 440
- Пустильник Л. С. — 163, 164
- Пуствовойт П. Г. — 332
- Путинцев А. М. — 354, 356, 357
- Пушкин А. С. («пушкинский», «пушкинский праздник») — 10–14, 90, 109, 110, 112, 118 («пушкинского»), 119, 122, 125, 126, 131–133, 137, 139–142, 150, 171, 177, 179, 180 («пушкинскую»), 181, 187, 203, 204, 207, 208, 218, 252, 360, 365, 369–371, 387, 388, 403, 411, 433, 535, 536, 550, 551, 556–558, 561–564, 567, 568, 600, 601, 605, 608, 612, 623, 625
- «Анчар» («В пустыне чахлой и скупой...») — 213, 601, 608
- «Арап Петра Великого» — 141
- «Борис Годунов» — 11, 122, 411
- «Буря» («Буря мглою небо кроет...») — 12
- «Вот зеркало мое — прими его, Киприда!..» — 14
- «Граф Нулин», *поэма* — 122, 126
- «Для берегов отчизны дальней...» — 12, 250
- «Дубровский» — 11, 623
- «Евгений Онегин» — 11, 118, 122, 213, 431, 550
- «Египетские ночи» — 141
- «Заклинание» («О, если правда, что в ночи...») — 12
- <<Зима>> («Зима!.. Крестьянин, торжествуя...») («Евгений Онегин») — 558
- «Из Анакреона» («Узнаю коней ретивых...») — 207
- «Каменный гость» — 11
- «Капитанская дочка» — 11

- «Кармен», *либретто* — 612
«Кинжал» («Лемносский бог тебя сковал...») — 268
«Медный всадник», *поэма* — 132, 141
«Моцарт и Сальери» — 11
«Не пой, красавица, при мне...» — 12
«Ночной зефир...» — 14
«Ночь» («Мой голос для тебя и ласковый и томный...») — 12
«Ночью, во время бессонницы» — см. «Стихи, сочиненные ночью...»
«На холмах Грузии...» — 12
«Он между нами жил...» — 567
«Опять на родине» («Вновь я посетил...») — 558
«Повести Белкина» — 132
«Поэт» («Пока не требует поэта...») — 558
«Пророк» («Духовной жаждою томим...») — 551, 558
«Птичка Божия не знает...» («Цыганы») — 12, 13, 623
«Путешествие в Арзрум» — 140
«Русалка» — 11, 141
«Руслан и Людмила», *поэма* — 497
«Скупой рыцарь» — 11, 140
«Старый муж, грозный муж...» («Цыганы») — 14
«Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы» («Мне не спится, нет огня...») — 12
«Сцены из рыцарских времен» — 141
«Туча» («Последняя туча рассеянной бури!...») — 250, 55
«Узник» («Сижу за решеткой в темнице сырой...») — 12
«Цветок» («Цветок засохший, безуханный...») — 12
«Цыганы», *поэма* — 558, 605 (цит.)
«Эхо» («Рвет ли зверь в лесу глухом...») — 411
«Юноша и дева» («Юношу, горько рыдая, ревнивая дева бранила...») — 12
- Пушкин С. Л. — 141
Пуцыкович В. Ф. — 473
Пыпин А. Н. — 139, 384
Пюклер (Pückler) Г. фон, гр. — 514, 518, 525, 627
Пятковский А. П. — 358
- Рабинович М. Б. — 442
Рабле (Rabelais) Ф. — 350
Рагет К.-П. — 247
Раич (Амфитеатров) С. Е. — 119, 130
Рамбо (Rimbaud) А.-Н. — 387
«Всеобщая история с IV столетия до наших дней» — 387
«Греческая империя X столетия, Константин Порфирородный» — 387
«История России» — 387
«История французской революции» — 387
«История французской цивилизации» — 387
«Русь эпическая» — 387
«Французская революция и русская аристократия» — 387
- Раппих (Rappich) X. — 252, 267, 375, 376, 520
Рахманинов И. Г. — 349
Рашель (Rachel Félix) Э. — 359
Рашет Н. Н. — 291, 498
Рейд (Reid) Р. — 591, 592
Рейналь (Raynal) Г.-Т.-Ф. — 350
Рейсер С. А. — 579
Рейфилд Д. — 530
Рейхель М. К. — 238
Рембрандт (Rembrandt) X. Ван Рейн — 24, 375
Ремезов М. Н. — 543
Ренан (Renan) Ж.-Э. — 352, 557, 575
Ретиф де ла Бретонн (Rétif de la Bretonne) Н.-А.-Э. — 354
«Le Paysan perverti» («Развращенный крестьянин») — 354
- Реш К. — 577
Решетников Ф. М. — 454
Рёдер (Röder) М. — 22, 23

- Ржевский В. К. — 280–282, 285, 287, 288
- Рид П. — 317
- Римша (Rimscha) Г. фон — 292, 294, 315
- Рип (Ripp) В. — 590
- Риц (Rietz) Ю. — 373
- Ришар (Richard) Е. — 14 («Нини»?)
- Ришар (Richard) П. — 14
- Ришелье (Richelieu) А.-Ж. дю Плесси — 246
- Робертсон (Robertson) Р. — 410
- Род (Rod) Э. — 564
- Роденберг (Rodenberg) Ю. — 508
- Родзевич С. И. — 601
- Розанов А. С. — 10, 54
- Розанов В. В. — 390
- Розанов И. Н. — 449, 484
- Розенгайм (Rosenhain) Я. — 526
- Розенштейн А. М. — 98
- Рольстон (Ralston) В. — 379, 398, 400, 402, 575
- Романов Николай Михайлович, вел. кн. — 274
- Роскина Н. А. — 530
- Россель (Rossel) Л.-Н. — 483, 485
- Россетти (Rossetti) Д.-Г. — 397, 398, 402, 404, 406, 408
- Россетти (Rossetti) У.-М. — 397
- Россини (Rossini) Дж. — 23, 24
- «Песня Ивы» («Отелло») — 23
- Ростопчин (Растопчин) А. Ф., гр. — 387, 388
- Ростопчин (Растопчин) С. Ф., гр. — 387, 388
- Ростопчин (Растопчин) Ф. В., гр. — 387, 388
- «Правда о пожаре Москвы» — 388
- Ростопчина (ур. Сушкова) Е. П., гр. — 186, 388, 410
- Ростопчина Е. Ф. — 388
- Ростопчина (в зам. Нарышкина) Н. Ф. — 388
- Ростопчина (в зам. де Сегюр) С. Ф. — 388
- Ротчев А. Г. — 124
- Роуэлл (Rowell) У. — 79
- Рубан В. Г. — 143, 158–159
- «К монументу Петра Великого» — 158
- Рубинштейн А. Г. — 22, 28, 31, 54, 76, 77, 387, 522, 623
- Рубинштейн (ур. Чекуанова) В. А. — 9, 10, 20, 21, 27, 28, 31, 54
- Руднев А. М. — 338
- Русанов Р. — 275
- Руссо (Rousseau) Ж.-Ж. — 205, 246, 247, 348, 350, 353
- «Новая Элоиза» — 213
- Рылеев К. Ф. — 112
- Рында И. Ф. — 356
- Рышков В. А. — 390
- Рюисдаль (Рейсдаль; Ruisdael) Я. ван — 24
- Сабуров А. А. — 387
- Савина И. В. — 317, 318
- Савина (ур. Подраменцова; в перв. браке Славич; во втор. — Всеволожская; в третьем — Молчанова) М. Г. — 384, 389–390
- «Мое знакомство с И. С. Тургеневым» — 389
- Салиас де Турнемир (ур. Сухово-Кобылина; псевд. Е. Тур) Е. В., гр. — 167, 168, 176, 178, 183, 185–187, 192, 193, 196, 348
- «Ошибка» — 187
- «Племянница» — 167, 168, 172, 176, 178, 179, 182–187, 192, 193, 348
- Салтыков (псевд. Н. Щедрин) М. Е. — 154, 334, 358, 475, 486, 487, 554, 622
- «Город» — 487
- Самарины, братья Д. Ф., П. Ф. и Ю. Ф. — 340
- Самойлов В. В. — 479
- Санд (Sand) Жорж (наст. имя Аврора Дюпен; в зам. Дюдеван) — 139, 167 («сандовского типа»), 353, 356, 373, 489, 490, 546, 553
- Саррина М. Я. — 165, 181
- Сарсе (Sarsey) Ф. — 239, 240
- Саундерсон (Saunderson) Н. — 390

- Сафагирей (Сафа-Гирей), казанский хан — 149
- Сахаров В. И. — 433
- Свербеев Д. Н. — 342
- Светоний (Suetonius) Гай Транквилл — 350
- Свечин Н. П. — 384
«По усам стекло, а в рот не попало» — 384
- Свифт (Swift) Дж. — 219, 494,
- Свиясов Е. В. — 466
- Сепар (Séars) А. — 362
- Сегон (Segond) П.-Ф. — 554
- Седойкина К. А. — 287
- Сей (Say) Ж.-Б. — 352
- Семевский М. И. — 371, 395
- Семенов-Тянь-Шанский П. П. — 494
- Сен-Санс (Saint-Saëns) Ш.-К. — 53, 235
- Сенковский (псевд. Барон Брамбеус) О. И. — 120, 142, 170 («к сенковщине»), 412
«Большой выход у Сатаны» — 120
- Сент-Бев (Sainte-Beuve) Ш.-О. — 222, 223, 490, 499
«Causeries de Lundi» — 499
«Nouveaux Lundis» — 499
- Сервантес де Сааведра (Servantes de Saavedra) М. де — 215, 216, 350
«Дон-Кихот» — 16 («бессмертной сатиры»), 215, 355, 489
- Серебровская Е. С. — 86
- Серебряков Леон Я. — 146
- Серебряков Э. А. — 578
«П. Л. Лавров (По личным воспоминаниям)» — 578
- Сили (Seely) Ф.-Ф. — 590
- Сильман Т. И. — 599
- Сичес де Менди (Sitchès) А. — 525
- Скайлер (Schuyler) Ю. — 520
- Скобелев М. Д. — 534, 562–564
- Сковорода Г. С. — 130, 131
- Скотт (Scott) В. — 43 («Веверли»), 130, 221, 319, 350, 494
«Анна Герольштейн» — 319
«Веверли» — 43
- Слущкая Т. К. — 272
- Случевский К. К. — 487
- Смелянский А. М. — 602
- Смирдин А. Ф. — 120, 137
- Смирнов В. Н. — 573, 577
- Смирнова Л. П. — 175
- Смит (Smith) А. — 592, 614
- Соболев Н. И. — 380, 381
- Соболева М. Г. — 380
- Соболева, дочь Н. И. и М. Г. Соболевых — 380
- Соколов П. Ф. — 625
- Соколов Я. — 275
- Соколова Е. П. — 204
- Сократ — 526
- Соллогуб В. А. — 141, 183, 366, 412
«Воспоминания» — 366
«Два студента» — 141
- Соловьев А. К. — 548
- Соловьев С. М. — 352
«История России с древнейших времен» — 352
- Соловьева И. Н. — 602
- Сологуб Ф. К. — 390
- Солохмир Милославич (в крещении Иоанн) — 274
- Сомова (ур. Лаврова; в перв. браке Лутовинова) Е. И., бабка Тургенева — 144
- Соркин И. Н. — 563–565
«Взгляд Тургенева на еврейский вопрос и еврейские беспорядки» — 565
«Письмо в редакцию» — 565
- Софокл — 350
- Сперанский М. М. — 345
- Спиноза (Spinoza) Б. — 352
- Спиридонов В. С. — 172
- Срезневский В. И. — 422
- Срезневский И. И. — 139
«Очерки Севера» — 139
- Сталин (наст. фам. Джугашвили) И. В. — 617
- Сталь (Staël; Staël-Holstein) А.-Л.-Ж. де («г-жа де Сталь», «мадам де Сталь») — 109, 119

- Станиславский К. С. — 592, 602–608
 «Моя жизнь в искусстве» — 602, 604, 605
- Станкевич Н. В. — 130, 134, 391, 392
- Станюкович К. М. — 538
 «Картинки общественной жизни» — 538
- Стасов В. В. — 577
- Стасюлевич (ур. Утина) Л. И. — 577
- Стасюлевич М. М. — 150, 368, 383, 384, 388, 446, 451, 467, 468, 475, 537, 539, 540, 544, 551, 557, 559, 576, 577, 580, 581, 583
 «По поводу письма г. Лаврова в „Моск. ведом.“» — 576, 583
- Стахович М. А. — 278, 421, 429
- Стендаль (Stendhal; наст. имя Бейль А.-М.) — 489
- Степанов А. Н. — 164
- Степанова Г. В. — 390
- Стерн (Sterne) Л. — 219
- Стефания Баденская (Stephanie von Baden) Л.-А. — 392
- Стивенс Х. — 600
- Страхов Н. Н. — 316, 487, 556, 558, 601
 «„Отцы и дети“ И. Тургенева» — 316
- Строганов С. Г., гр. — 376
- Строев П. М. — 144–145
- Строева М. Н. — 602
- Сувестр (Souvestre) П. — 353
- Суворин А. С. — 357, 358, 394, 477, 527–536, 538, 542–544, 546–549, 554–586, 588, 627
 «Два слова о Тургеневе» — 583
 «Дневник» — 530, 534, 554, 556
 «Ф. М. Достоевский (некролог)» (?) — 534
 «Иван Сергеевич Тургенев» — 532
 «Кончина Ф. М. Достоевского» — 534
 «Маленький фельетон. По поводу кончины Тургенева» — 535
 «Маленький фельетон. Эксплуатация памяти Тургенева» — 565 (?)
- «Недельные очерки и картинки <Некролог Н. А. Некрасова>» — 534
 «Недельные очерки и картинки. О покойном <Ф. М. Достоевском>» — 534
 «Письма к другу. XXXV» — 531, 549
 «Письма к другу. XXXVII» — 562
 «Письма к другу. XXXVIII» — 538, 568
 «Письма к другу. XXXIX» — 546
 «По поводу „Отцов и детей“ (Из моих воспоминаний)» — 557
 «Среди газет и журналов» — 546
 «И. С. Тургенев» (№ 2695) — 561
 «И. С. Тургенев» (№ 2707) — 565
 «И. С. Тургенев» (№ 2709) — 578
 «И. С. Тургенев» (№ 2711) — 579
 «Тяжба из-за наследства И. С. Тургенева» — 586
- Суинберн (Swinburne) А.-Ч. — 403–404
 «Songs before Sunrise» — 403
- Султан-Шах М. П. — 361
- Сумароков А. П. — 146, 147, 352, 535
- Сумбека (Сююм-Бике), правительница Казанского ханства — 147, 149
- Сундквист (Sundkvist) Л. — 231, 264, 506, 562
- Суньига Х.-Э. — 390
- Сурина М. О. — 318
- Сухово-Кобылин А. В. — 477
 «Свадьба Кречинского» — 477
- Сухотина К. Д. — 588
- Сухотина-Толстая Т. А. — 337
- Сю (Sue) Э. — 130
- Талызин, домовладелец — 287, 625
- Тальони (Taglioni) М. — 56, 65
- Танеев С. И. — 212, 232, 235
- Танеева, мать С. И. Танеева — 235
- Тарачков А. — 287
- Тарле Е. В. — 382
- Тассо (Tasso) Т. — 500
- Теккерей (Thackeray) У. — 208, 353, 396, 400 («Теккерейх»), 546

- Теннисон (Tennyson) А. — 400 («Теннисонах»)
- Тепляков В. Г. — 131, 132, 449
- Тетера А. С. — 369
- Тетера Н. Г. — 369
- Тик (Tieck) И.-Л. — 523
- Тимашова О. В. — 316
- Тиме Г. А. — 294, 294, 518
- Тиндаль (Tyndall) Дж. — 207
- Тирген (Thiergen) П. — 248
- Тихомиров В. В. — 192
- Тихомиров Л. — 540
- Тихонравов Н. С. — 387
- Ткачев П. Н. — 98, 573, 578
- Ткаченко М. М. — 160
- Толстая (в зам. Нагорнова) В. В. — 424, 425, 428, 436, 437 («к девочкам»), 438, 626
- Толстая (в зам. Оболенская) Е. В. — 424–426, 431, 437 («к девочкам»), 438, 439, 626
- Толстая (в зам. Денисенко) Е. С. — 426, 437–440
- Толстая М. Н. — 237, 421–442, 626
«Воспоминания о И. С. Тургеневе (В пересказе М. А. Стаховича)» — 421, 429, 431, 433–434, 439–440
- Толстая (ур. Берс) С. А. — 421, 427
- Толстая (ур. Бахметева; в перв. браке Миллер) С. А. — 556
- Толстая С. П. (в зам. Апраксина) — 275, 276
- Толстой А. К. — 364, 365, 556
«Досуги Козьмы Пруtkова» — 364
- Толстой В. П. — 425, 427–429, 432, 435, 436, 439
- Толстой И. Л. — 422, 426, 434, 440
«Мои воспоминания» — 426, 434, 440
- Толстой Л. Н. — 14, 86–88, 110, 133, 162, 163, 204–213, 231, 233–242, 286, 337, 340, 347, 352, 353, 364, 384, 393, 421, 422, 424, 426–428, 432, 435–438, 442, 490, 530, 552, 554–556, 559, 563–565, 598, 600, 621, 625
«Анна Каренина» — 207, 235–242, 384, 438, 439
- «Война и мир» — 205, 207, 209, 235, 236, 241, 347, 422, 442, 552, 556, 559, 563, 564
- «Воскресение» — 204, 206, 209–211, 625
- «Детство» — 14
- «Казачи» — 80
- «Люцерн» — 212
- «Отрочество» — 212, 427
- «Поликушка» — 234, 236, 242
- «Утро помещика» — 212
- «Юность» — 212
- Толстой Н. В., сын В. П. и М. Н. Толстых — 424, 436, 626
- Толстой Н. Н. — 428, 432, 435, 436, 438
- Толстой П. А., гр. — 276
- Толстой П. В., сын В. П. и М. Н. Толстых — 425
- Толстой С. Л. — 84, 206, 422, 426, 428, 434, 436, 438
«Очерки былого» — 84, 206, 422, 426, 428, 434, 436, 438
- Толстой С. М. — 422
- Толстой С. Н. — 340, 426, 436, 438
- Толстые, семья Л. Н. Толстого — 421, 442
- Топоров А. В. — 557
- Тотти К. О. — 450, 460, 466
- Требуа (Trébois) Ф.-К. — 419
- Тремуйаль (Trémouille) Ш.-Б.-М.-Ж., принц де Таранг, герцог де ла — 78
- Трепалина М. И. — 448
- Третьякова В. Н. — 28
- Трилунный Д. Ю. — 130
- Трофимова Т. Б. — 357
- Троллоп (Trollope) А. — 208
- Трубецкая (ур. Гудович) А. А., кн. («княгиня») — 14, 73–78, 80, 82, 89, 90, 92, 93, 96, 97, 99–108, 359, 452, 624
- Трубецкая (в зам. Орлова) Е. Н., кн. — 73, 74, 76, 77 («дочь»), 85 («княжна Екатерина»), 86, 87, 90, 93, 97, 102, 104 («cet être»), 105 («votre fille»), 106 («создании»), 624
- Трубецкая (ур. Белосельская-Белозерская) Е. Э. («Лиза»), кн. — 74

- Трубецкие, семья Н. И. и А. А. Трубецких — 73, 74, 76–80, 83, 85–87, 89–93, 99
- Трубецкой Н. И. (псевд. Olgherdowitch), кн., муж А. А. Трубецкой («князь») — 73–80, 82–85, 88, 89, 91–97, 99, 100, 624
- «Des chemins de fer russes» — 88
- «Etudes religieuses et politiques sur la Russie» — 88
- «Les Questions du jour en Russie. Abolition du servage — liberté individuelle — publicité» — 88
- Трубецкой Н. И., кн., сенатор, обергофмейстер — 74
- Тур Е. — см. Салиас де Турнемир Е. В.
- Турген Лев, татарский мурза, предок Т. — 345
- Тургенев А. И. (псевд. Э. А.) — 141 («Хроника русского»)
- «Хроника русского» — 141
- «Хроники русского в Париже» — 141
- Тургенев А. М. — 264 («отца»)
- Тургенев Н. И. — 350, 378
- «Опыт теории налогов» — 350
- Тургенев Н. Н. («дядя») — 9, 112, 124, 128, 150, 385, 520
- Тургенев Н. С. («брат») — 28, 141, 336, 339, 349, 350, 353, 367, 385, 386, 625
- Тургенев П. Н. (Пьер) — 572
- Тургенев С. Н. («отец») — 350
- Тургенев Я. Ф., предок Т. — 371
- Тургенева (ур. Лутовинова) В. П. — 124, 350, 360, 385
- Тургенева Е. Н., дочь Н. Н. Тургенева — 386
- Тургенева (в зам. Сомова) О. А. — 264, 381
- Тургенева (в зам. Брюэр) П. И. (Полинетта), дочь Т. — 10, 48 («к дочери»), 93, 494, 498, 499, 520, 586–588
- Тургенева Ф. Н. — 361, 378
- Тургеневы, семья С. Н. и В. П. Тургеневых — 122, 125, 384
- Тургеневы, братья И. С. и Н. С. Тургеневы — 143, 339, 351
- Турнер (Turner) М.-Э. («mlle Marianne», «Марианна») — 80, 105
- Турский К. М. — 573, 578
- Тхоржевский С. С. — 449
- Тьер (Thiers) Л.-А. — 352
- Тьерри (Thierry) О. — 352
- Тэн (Taine) И. — 352, 564
- Тюнькин К. И. — 602, 604
- Тюркети (Тюркести; Turquety) Э. — 169, 171, 172, 178, 252
- Тютчев Н. Н. — 386
- Тютчев Ф. И. — 12, 119, 130, 179, 252, 383, 410, 591, 592, 608–612
- «Дым» («Здесь некогда, могучий и прекрасный...») — 611
- «И дым отчества нам сладок и приятен...», *эпигр.* — 611
- «Чему бы жизнь нас не учила...» — 383
- Уайтхед (Whitehead) К. — 591
- Уманец И. А. — 450
- Уоддингтон (Waddington) П. — 6, 14, 35, 36, 73, 76, 78, 98, 99, 104, 234, 237, 290, 329, 330, 336–338, 356, 357, 363, 364, 379, 382, 391, 398–400, 404, 418, 491, 555, 576, 590
- Уолш де Серран (Walsh de Serrant) Ж.-Е.-В., принцесса де Тарант — 78
- Урусов Л. Д. — 554
- Успенская А. В. — 322
- Успенский Г. И. — 353, 371
- Уссе А. — 274
- Устимович П. — 466
- Устюжская Елизавета В., дочь В. К. Устюжского — 455, 461, 468, 469
- Устюжская Е. В. — см. Полонская Е. В.
- Устюжская М. В., дочь В. К. Устюжского — 455, 461, 468, 469
- Устюжская Ю. В., дочь В. К. Устюжского — 455, 461, 468, 469
- Устюжский В. К. — 448 (дьячка), 455, 458, 460, 461, 464–466, 468

- Устюжский Н. В., сын В. К. Устюжского — 466, 469
- Устюжская Е., жена В. К. Устюжского — 461, 466, 469
- Устюжские, семья В. К. Устюжского — 449 («родителям»), 455, 458, 461, 462, 468
- Утевский Л. С. — 529, 555
- Утин Е. И. — 454, 461, 463, 467
- Фавтье (Fawtier) Ж.** — 49, 50
- Фарнгаген фон Энзе (Varnhagen von Ense) К.-А.** — 137, 391, 392
- Фарнгаген фон Энзе (Varnhagen von Ense; ур. Левин-Маркус) Р.** — 391
- Фатеева Н. А.** — 204
- Феваль (Féval) П.** — 353
- Федосов И. А.** — 122
- Федотов П. А.** — 364
- Федотова Г. Н.** — 477, 478 («бенефициантка»)
- Фейе (Feuillet) О.** — 353
- Фейербах (Feuerbach) А.** — 30, 32, 352, 623
- Фенелон (Fénelon; де Салиньяк, маркиз де ла Мот) Ф.** — 350
- Феоктистов Е. М.** — 76, 167–170, 176, 199, 200, 368, 394
- «За кулисами политики и литературы. 1848–1896» — 76, 77, 88, 90
- Ферри (Ferry) Ж.** — 387
- Фет (Шеншин) А. А.** — 11–13, 52, 179, 180, 207, 252, 286, 288, 352, 393–395, 410, 412, 421, 433, 445, 448, 468, 499, 618, 621, 623
- «Муза» («Дай руку мне, дай руку, пери злая...») — 412
- «Не будь, о моралист, так строг!..» (*Из Гафиза*) — 207
- «Тихо вечер догорает...» — 52
- «Шепот, робкое дыханье...» — 252, 253, 625
- Филдинг (Fielding) Г.** — 390,
- «История жизни покойного Джона-тана Уайльда Великого» — 390
- «История приключений Джозефа Эндрюса и его друга Абрама Адамса» — 390
- «История Тома Джонса, найденыша» — 390
- Филиппов Т. И.** — 168–170, 193, 200
- Философов Д. В.** — 390
- Философова (ур. Дягилева) А. П.** — 466
- Фирхов (Вирхов; Virchow) Р.** — 379
- Фихте (Fichte) И.-Г.** — 131, 352
- Флавий Иосиф** — 350
- Флемминг (Flemming; ур. фон Арним) Армгард фон, гр.** — 513, 517, 524, 627
- Флемминг (Flemming) Альберт фон, гр.** — 513, 514, 517, 518, 524, 627
- Флобер (Flaubert) Г.** — 103, 239, 353, 362, 376, 445, 507, 553
- Фок М. Я. фон** — 124
- Фонтане (Fontane) Т.** — 268, 270, 518
- Форе (Fauré) Г.** — 232, 235
- Фосс (Voß) И.-Г.** — 520
- Фребель, владелец типографии** — 296
- Фредро (Fredro) М.** — 29
- Френц (Frentz) Я.-Р. фон, бар.** — 514, 517, 525, 627
- Фриборн (Freeborn) Р.** — 590
- Фридендер Г. М.** — 163
- Фридланд В. Г.** — 507
- Фридрих I (Friedrich I) Великий, король Пруссии с 1701** — 374
- Фридрих I (Friedrich Wilhelm Ludwig von Baden), вел. герц. Баденский** — 522, 525
- Фридрих Вильгельм II (Friedrich-Wilhelm II), король Пруссии с 1786** — 525
- Фридрих (Friedrich; Фридрих-Вильгельм), крон-принц, будущий король Пруссии Фридрих III и имп. Германии, сын королевы Августы** — 35
- Фрикен А. Ф.** — 390–391
- Фриссон (Frisson) Л.-А.-А. («Dr F.»)** — 6, 31
- Фролов Н. Г.** — 391–392
- Фролова (ур. Галахова) Е. П.** — 391–392

- Фролова И. И. — 495
 Фурнель (Fournel) В. — 496
- Хаард (Haard) Э. де — 591, 599–602, 608
 Хамфриз (Humphries) Дж. — 80
 Ханьков Н. В. — 39, 40, 103, 368, 370, 378, 379, 452
 Харламов А. А. — 572
 Хеерман (Heermann) Г. — 25, 39, 623
 Хеерман (Heermann) Э. — 39
 Хелемский Я. М. — 357
 Хемницер И. И. — 153
 «Лестница» — 153
 «Орлы» — 153
 «Совет» — 153
- Херасков М. М. — 143–151, 350, 351, 559, 625
 «Владимир» — 143
 «Добродетель» — 149
 «Коль славен наш Господь в Сионе...» — 150
 «Россияда» — 143–150, 351, 625
- Хинкулов Л. Ф. — 163
 Хитрово Л. К. — 329
 Хольмсен (Holmsen) К. — 28
 Хомяков А. С. — 122, 125, 138, 139, 335, 340
- Цветаева М. И. — 591, 592, 614
 «Дом у старого Пимена» — 614
- Цигенгайт (Ziegengeist) Г. — 268, 289, 518
- Цимбаев Н. И. — 122, 12
 Цицерон (Cicero) Марк Туллий — 350
 Цицианов П. Д. — 388
 Цуриков П. Н. — 282
 Цявловский М. А. — 421, 428
- Чаадаев П. Я. — 134
 «Философическое письмо» (1) — 134
- Чайковский М. И. — 233
 Чайковский П. И. — 231–233, 235, 239, 240
- Чекуанова В. А. — см. Рубинштейн В. А.
 Черкасский В. А. — 280
 Чернов Н. М. — 332, 335
- Чернышевский Н. Г. — 134, 203, 213, 391, 597, 619, 622
 «Русский человек на rendez-vous» — 597
 «Что делать?» — 213
- Чехов А. П. — 231, 474, 490, 530, 589, 603, 604, 606, 619
 «Вишневый сад» — 604 («Лопухин»), 606
- Чиркин — 282
 Чистова И. С. — 26, 45, 254, 522
 Чичерин Б. Н. — 88
 «Воспоминания. Москва сороковых годов» — 88
- Чиш (Tschiesch) Фр. — 293, 295
 Чудаков А. П. — 601
 Чуковский К. И. — 76, 84, 163, 395
 Чулков Н. М. — 91
- Шаблювский С. С.** — 160
 Шамро (Chamerot) Жорж — 41, 355, 445, 572
 Шапиро К. А., фотограф — 531, 627
 Шапиро (Shapiro) Л. — 422, 590
 Шарко (Charcot) Ж.-М. — 554, 555
 Шарпантье (Charpentier) Жерве — 290, 300, 301, 304, 307, 310, 311, 418
 Шарпантье (Charpentier) Жорж — 418, 420, 519
 Шаррьер (Charrière) Э. — 413
 Шатковский, приятель Я. П. Полонского — 451, 460, 466
 Шатобриан (Chateaubriand) Ф.-Р. де — 119, 122, 305, 348
 «Мысли об истории и историках» — 125
- Шаховской А. А. — 350
 Шевченко Т. Г. — 160–164, 364, 365
 «Минають дні, минають ночі...» — 164
 «Сон» («На панщині пшеницю жала...») — 164
 «Утоптала стежечку...» — 164
- Шевырев С. П. — 113, 120, 122, 130, 138, 139, 352, 382
 «История поэзии» — 139

- «Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь» — 352
- «Словесность и торговля» — 113
- Шекспир (Shakespeare) У. — 101 (цит.), 124, 125, 128 (цит.), 178, 179, 187, 198 («Гамлет»), 222, 350, 351, 353, 355, 365, 379, 402, 404, 430 («Офелия»), 442, 473, 478, 523, 563, 583, 585
- «Гамлет» — 430
- «Король Лир» — 402, 404, 442, 443
- Шелгунова (ур. Михаэлис) Л. П. — 448, 450
- Шелли (Shelley) П.-Б. — 397, 400, 402, 404
- Шеллинг (Schelling) Ф.-В.-Й. — 122, 131, 138
- Шеншина (ур. Дегай) Е. В. — 449
- Шеншины, семья Е. В. Шеншиной — 450
- Шестериков С. П. — 366
- Шеффер (Scheffer) А. — 24, 373
- Шилов А. А. — 543
- Шиллер (Schiller) Ф. — 122, 130, 137, 268, 348, 522, 526, 563, 578
- «Ода к радости» — 137
- Пролог к «Лагерю Валленштейна» — 522
- Шиль С. Н. (псевд. Сергей Орловский) — 254
- Шиндлер (Schindler) Г. — 412–414, 519
- Шишков А. С. — 130, 352
- Шишкова В. Н. — 359
- Шлейниц (Schleinitz) А. фон, гр. — 514, 517, 525, 627
- Шмидт (Schmidt) Ю. — 15, 293, 312, 314, 348, 575
- Шнейдерман И. И. — 390
- Шольц, петерб. домовладелец — 459, 470, 479, 481
- Шопен (Chopin) Ф. — 76
- Штакеншнейдер А. И. — 484
- Штакеншнейдер Е. А. — 448, 449, 484
- «Дневник» — 449, 484
- Штакеншнейдер М. Ф. — 162, 448, 449, 482, 484
- Штольценберг (Stolzenberg), г-н — 46
- Шторм (Storm) Г., сын Т. Шторма — 522, 523
- Шторм (Storm) Т. — 24, 374, 518, 519, 521–523, 623
- «Abschied» («Прощание»), *см.*х. — 510 (цит.), 514, 518
- Шторм (Storm) Э., сын Т. Шторма — 522
- Штульц Х. — 234
- Штурм Г. — 410
- Шуберт (Schubert) Ф.-П. — 43
- Шугуров Н. — 162
- Шульце (Леман-Шульце; Schultze) К. — 268, 376, 507, 518, 522
- Шуман (Schumann) К. — 22, 35, 524, 526
- Шумахер П. В. — 378
- Щепкина** (ур. Алферова) С. Г. — 374
- Щербань Н. В. — 383, 498, 499
- Щербина Н. Ф. — 393
- Щетовитов — 282
- Эгле К. К. — 292, 316
- Эдельсон Е. Н. — 169
- Эзоп — 111 («эзопов язык»), 350
- Эйхенбаум Б. М. — 205, 206, 464, 475, 485
- Эйхталь (Eichtahl) А. де — 241
- Эйхталь (Eichtahl) Г. де — 241
- Эйхталь (Eichtahl) Э. де — 231, 241
- Элиот (Eliot) Дж. (наст. имя Эванс М.-Э.) — 208
- Эмин Ф. А. — 352
- Энгельгардт (ур. Новосильцева; псевд. Ольга Н.) С. В. — 393
- Эндрю (Andrew) Дж. — 589–592, 595–597, 607, 608
- Эритт Де Ла Тур (Héritte De La Tour) Луи, сын Луизы Виардо и Э. Эритт Де Ла Тура («Лулу») — 10 («ребенок»), 43, 54
- Эритт Де Ла Тур (Héritte De La Tour) Эрнест, муж Луизы Виардо — 54 («мужа»)

- Этцель (Hetzl; псевд. P.-J. Stahl) П.-Ж. — 15, 233, 234, 242, 398, 489–501, 504–505, 526,
«Sur les Contes des Fées» — 490, 500, 627
- Этцель, наследники Ж. Этцеля — 501
- Эфрон И. А. — см. Ефрон И. А.
- Эфрос А. В. — 592, 602–608
«Профессия: режиссер» — 602, 604
- Эфрос Н. Д. — 267
- Ювенал** — 350
- Юм (Хьюм; Hume) Д.-Д. — 87, 88, 94
- Юм (Hume) Д. — 352
- Юрьев С. А. — 387
- Языков М. А.** — 353
- Языков Н. М. — 122, 130, 138–140
- Якоби И. — 369
- Якубович П. Ф. — 544
«И. С. Тургенев (прокламация народовольцев)» — 544
- Якушкин В. И. — 329, 332, 335
- Якушкин П. И. — 335
- Ямпольский И. Г. — 395, 478
- Яниш (Jänisch) К.-Ф. (Карл Андреевич) — 353
- Allingham H. — см. Аллингем Х.
- Bähler U.** — 238
- Barbier P.** — 490
- Beaulieu M.** — 24
- Becker C.** — 362
- Bibesko A., pr.** — 77
- Brand E.** — 23, 28, 30, 32, 39, 50, 52, 53, 623
- Bodenstedt F.** — см. Боденштедт Ф.
- Bonnier de La Chapelle C.** — 233, 489
- Bornand O.** — 404
- Boulangier R.** — 231
- Bouquet V.** — 78, 97
- Bourges E.** — 82, 97
- Buchheim E. S.** — 77
- Cadot M.** — 215
- Carlyle A.** — 400
- Chapiro A.** — 247
- Chimènes M.** — 232
- Comble P.** — 78
- Damcke B.** — 77
- Depéry J.-I.** — 247
- Doignon P.** — 81
- Doren A.** — 375, 623, 624
- Dornacher K.** — 412
- Douniol Ch.** — 96
- Dukmeyer F.** — 411
- Eichthal E. de** — см. Эйхталь Э.
- Escalier E.** — 214
- Fischer K.-D.** — 38
- Fleischer E.** — 378
- Friang M.** — 524
- Gasiglia-Laster D.** — см. Газилья-Ластер Д.
- Gero W. von** — 269
- Gichrist O.** — 379
- Goette R.** — 271
- Goldammer P.** — 508
- Goncourt E. et J.** — см. Гонкуры Э. и Ж.
- Gottzmann C. L.** — 269
- Grant Daff E.** — 97
- Harrison F.** — 97
- Heinze P.** — 271
- Hemmings F.-W.-J.** — 237
- Herbet F.** — 78
- Hexelschneider E.** — 270
- Höft B.** — 22
- Hörner P.** — 269
- Joanne P.** — 81
- Kluhe R.-D.** — 376
- Kraetz J.** — 35
- Króó K.** — 322
- Laage K.-E.** — 24, 518, 519, 522, 523
- Langston B.** — 240
- Larousse P.** — 359
- Latzarus M.-T.** — 489
- Lenz W.** — 269
- Limosin A.** — 78, 97
- Mainwaring M.** — 48, 49
- Maupoil R.** — 445

- Mazon A. — см. Мазон А.
Montreynaud F. — см. Монрейно Ф.
- Nectoux J.-M. — 232
Nordmann A. — 418
- Offord D. — 589
Orloff N. — 97
 «Bismarck und Katharina Orloff. Ein
 Idyll in der hohen Politik» — 97
 «Bismarck et la princesse Orloff.
 Lettres à la princesse Orloff» — 97
Orwin D.-T. — см. Орвин Д.-Т.
- Parménie A. — см. Пармени А.
Peace R. — см. Пис Р.
Petit N. — 233, 489, 496
Poljakov F. B. — 270
Poznansky A. — 240
Puymaigre Th. De — 214
- Radford D. — 402
Raid R. — 589
Rappich E. — см. Раппих Х.
Reed I. — 379
Ricatte R. — 98
- Schapiro L. — см. Шапиро Л.
Schultze Chr. — см. Шульце К.
Schwartz G. — см. Швириц Г.
Shedletzky I. — 268
Sigaux G. — 403
Simonek S. — 270
Sundkvist L. — см. Сундквист Л.
- Taglioni — см. Тальони М.
Thieme G. — см. Тиме Г. А.
Thiergen P. — 74
Torop P. — 322
Trofimova T. — см. Трофимова Т. Б.
- Viedert V. — 412, 413, 519
- Waddington P. — см. Уоддингтон П.
Winkel H.-J. — 410, 412
Wytrzens G. — см. Вытженс Г.
Wolzogen H. D. von — 268
- Ziegengeist G. — см. Цигенгайт Г.
Zviguilsky A. — см. Звигильский А. Я.
Žekulin N. G. — см. Жекулин Н. Г.

СОДЕРЖАНИЕ*

СТАТЬИ

<i>Н. Г. Жекулин (Канада). Тургенев в кругу семьи Виардо.</i>	5
<i>Приложение: Либретто вновь найденной оперетты: «La Veillée de la St Sylvestre» (Пер. Н. П. Генераловой)</i>	55
<i>П. Уоддингтон (Новая Зеландия). Тургенев и его русские друзья в Фонтенбло: Семья Трубецких-Орловых** (Пер. В. А. Лукиной)</i>	73
<i>Приложение: Два письма Тургенева к княгине А. А. Трубецкой (Из собрания Патрика Уоддингтона) (Пер. Н. П. Генераловой)</i>	104
<i>Л. А. Балыкова. Периодические издания Мемориальной библиотеки Тургенева. Часть II (1825–1839)</i>	109
<i>С. Л. Жидкова. Поэты XVIII века в повести Тургенева «Пунин и Бабурин» (По материалам Мемориальной библиотеки писателя)</i>	143
<i>В. И. Дудко (Украина). Отзыв Т. Г. Шевченко о Тургеневе в изложении А. Н. Плещеева</i>	160
<i>М. Я. Саррина. Тургенев и Ап. Григорьев: Творческий диалог (1852–1853)</i>	165
<i>А. Г. Гродецкая. Тургеневское «Затишье» в толстовском «Воскресении» (Ситуация чтения в структуре текста)</i>	204
<i>О. Б. Кафанова. Тургенев — интерпретатор и переводчик Гоголя</i>	214
<i>Л. Сундквист (Швеция). Неизвестная переводчица Тургенева Адель Богомолец</i>	231

* Ввиду значительного превышения объема настоящего сборника редакция вынуждена перенести раздел «Из семейного архива» в следующий выпуск.

** Окончание публикации П. Уоддингтона «Скромный банкет в Клубе искусств, или Как Вильям Рольстон Шедден-Рольстон дал большой обед для 16-ти литераторов в Лондоне 22 октября 1881 года в честь Ивана Сергеевича Тургенева» предполагается поместить в следующем выпуске.

СООБЩЕНИЯ

<i>Е. М. Грибкова.</i> «Лепиковские» или «лепиновские» часы: К истории одной текстологической ошибки в «Дворянском гнезде»	243
<i>В. А. Доманский.</i> Тургенев — переводчик Рихарда Поля: Немецко-русский дискурс.	248
<i>Л. Сундквист (Швеция).</i> Немецкий переводчик «Муму» Вильгельм фон Коцэбу и один малоизвестный отзыв об этой повести.	264
<i>Е. Г. Мельник.</i> Тургенев и В. В. Апраксин накануне крестьянской реформы в Орле	272

К 150-ЛЕТИЮ РОМАНА «ОТЦЫ И ДЕТИ»

<i>В. А. Лукина.</i> Тургенев — редактор немецкого перевода романа «Отцы и дети» (Митавское издание)	289
<i>О. В. Тимашова.</i> Некоторые дополнения к комментарию романа Тургенева «Отцы и дети»	316
<i>Н. П. Генералова, Л. К. Хитрово.</i> К родословной главного героя романа «Отцы и дети» (Кто дал фамилию Евгению Базарову?)	329

МАТЕРИАЛЫ К ТУРГЕНЕВСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ

Арен П.-О. (<i>Л. А. Балыкова</i>), Бегас Р. (<i>А. Г. Ирлин</i>), Бернард де Сен-Пьер Ж.-А. (<i>Л. А. Балыкова</i>), Библиотека И. С. Тургенева в Орле (<i>Л. А. Балыкова</i>), Будзианик А. А. (<i>В. А. Громов</i>), Валадон Э. (<i>Н. П. Генералова</i>), Голенищева-Кутузова-Смоленская Е. И. (<i>С. Л. Жидкова</i>), Горчаков А. М. (<i>Л. Н. Назарова</i>), Гюисманс Ж.-К. (<i>Л. А. Балыкова</i>), Дервиз П. Г., Дерулед П. (<i>Н. П. Генералова</i>), Жемчужников В. М., Жемчужников Л. М., Жемчужников Н. М., Жемчужникова Е. А. (<i>Л. М. Александрова</i>), Зубова М. В., Игнатьев Н. П. (<i>С. Л. Жидкова</i>), Катон Младший (<i>В. А. Лукина</i>), Киселев П. Д. (<i>Г. Н. Павлова</i>), Комиссаржевская В. Ф. (<i>Л. Н. Назарова</i>), Корб И.-Г. (<i>Н. П. Генералова</i>), Леткова Е. П. (<i>Л. Н. Назарова</i>), Манин Д. (<i>Н. П. Генералова</i>), Мария Александровна, имп. (<i>С. Л. Жидкова</i>), Менцель А. (<i>А. М. Кокин</i>), Митрофанов С. М. (<i>С. Л. Жидкова</i>), Мур Т. (<i>Л. В. Миндыбаева</i>), Муравьев-Амурский Н. Н. (<i>Н. П. Генералова</i>), Наш Т. (<i>Л. В. Миндыбаева</i>), Парголово (<i>И. К. Воложенин</i>), Петергоф (<i>Л. Н. Назарова</i>), Пиль Р. Младший (<i>Л. В. Миндыбаева</i>), Плетнева А. В. (<i>И. А. Битюгова</i>), «По усам текло, а в рот не попало» (<i>Е. В. Проц</i>), Похвиснев В. Н., Похвиснев Н. П. (<i>Г. Н. Павлова</i>), Преображенский Г. И. (<i>Е. А. Козеева</i>), Рамбо А.-Н. (<i>Н. П. Генералова</i>), Ростопчин Ф. В. (<i>Г. Н. Павлова</i>), Савина М. Г. (<i>Л. Н. Назарова</i>), Филдинг Г. (<i>Л. В. Миндыбаева</i>), Фрикен А. Ф. (<i>Н. С. Никитина</i>), Фролова Е. П. (<i>С. Л. Жидкова</i>), Энгельгардт С. В. (<i>Н. П. Генералова</i>), Эпиграммы (<i>Е. А. Гитлиц</i>).	347
--	-----

ПЕРЕПИСКА ТУРГЕНЕВА

Письма Тургенева

Два письма Тургенева к Вильяму Аллингаму (1871). <i>Публикация Н. Г. Жекулина (Канада)</i>	396
Письмо Тургенева к Августу Больтцу (1871). <i>Публикация В. А. Лукиной</i> . . .	409
Письмо Тургенева к Жоржу Шарпантье (1876). <i>Публикация А. Я. Звигильского (Франция) (Пер. Н. П. Генераловой)</i>	418

Письма к Тургеневу

Неопубликованное письмо Тургеневу М. Н. Толстой (1871). <i>Публикация А. Г. Гродецкой</i>	421
Пять найденных писем Я. П. Полонского к Тургеневу (1872–1873). <i>Публикация В. А. Лукиной</i>	444

ПУБЛИКАЦИИ

Тургенев и «Волшебные сказки» Шарля Перро в России. <i>Публикация И. Дмитришин (Франция)</i>	489
<i>Приложение: Контракт между М. О. Вольфом и П.-Ж. Этцелем на издание «Сказок» Перро в России (Пер. Н. П. Генераловой)</i>	501
Статья Людвиг Пича «Цари и феи в салоне Тургенева» (1867). <i>Публикация Л. Сундквиста (Швеция)</i>	506
Посмертные отклики о Тургеневе в газете А. С. Суворина «Новое время» (Сентябрь 1883). <i>Публикация С. А. Ипатовой</i>	527

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Т. М. Кривина. Избранные страницы современного британского тургеноведения: О сборнике «Turgenev and Russian Culture» (Amsterdam; New York, 2008)</i>	589
<i>Н. П. Генералова. Человек в истории (О книге: Батюто А. И. Дневник (1936–1952). Стихи. СПб., 2012).</i>	616
Условные сокращения	620
Список иллюстраций	623
Указатель произведений и замыслов И. С. Тургенева.	628
Указатель имен	633

Научное издание

И. С. ТУРГЕНЕВ
НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
И МАТЕРИАЛЫ

III

*Утверждено к печати Институтом русской литературы
(Пушкинский Дом) Российской академии наук*

Ответственные редакторы:

Н. П. Генералова, В. А. Лукина

Научное издательство «Альянс-Архео»

Главный редактор издательства *О. Л. Новикова*

Редактор *В. Н. Илюшенко*

Корректоры *П. А. Енбаев, А. С. Меньшов*

Художник *Ю. П. Амбросов*

Компьютерная верстка и дизайн *Р. К. Жумабаев*

Подписано в печать 14.11.2012. Формат 60×90 ¹/₁₆.

Гарнитура Таймс. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Усл. изд. л. 43. Усл. печ. л. 42.

Тираж 800 экз. Заказ №

ООО «Альянс-Архео»

105043, Москва, ул. Первомайская, д. 40/19, оф. 38

тел./факс:

— в Москве (499) 165-31-87

— в Санкт-Петербурге (812) 517-77-31

E-mail: aarheo@mail.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов

в ООО «Контраст».

192007, Санкт-Петербург,

ул. Воронежская, д. 27

НОВЫЕ КНИГИ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «АЛЬЯНС-АРХЕО»

Синодики Никольского Староладожского монастыря конца XVI — XIX века / Подгот. текстов и исслед. Н. В. Башнина. — М.; СПб.: «Альянс-Архео», 2012. — 288 с., ил.

В настоящем издании публикуются синодики Никольского Староладожского монастыря конца XVI — XIX в. Они представляют собой памятники православной поминальной практики и отражают состав монастырских вкладчиков. Публикация сопровождается вступительной статьей, комментариями и иллюстрациями.

Женская традиционная культура и костюм в эпоху Средневековья и Новое время. Материалы международного научно-образовательного семинара, 9–10 ноября 2012 г. Вып. 2 / Сост., ред. Ю. В. Степанова; науч. ред. Н. В. Жилина. — М.; СПб.: Альянс-Архео, 2012. — 176 с., ил., цветная вклейка.

В настоящее издание вошли материалы международного научно-образовательного семинара «Женская традиционная культура и костюм в эпоху Средневековья и Новое время», проходившего на историческом факультете Тверского государственного университета 9–10 ноября 2012 г. Статьи посвящены различным аспектам истории костюма, гендерной истории, методике изучения одежды, украшений, реконструкции костюма на основе археологических, письменных, изобразительных и этнографических источников. Рассмотрены материалы Восточной Европы, включая регионы России, Украину, Молдову. Сборник предназначен для специалистов историков, археологов, этнографов, преподавателей вузов и музейных работников, студентов.

Н. Б. Голикова. Привилегированное купечество в структуре русского общества в XVI — первой четверти XVIII в. Из научного наследия / Сост. Н. В. Козлова, В. Н. Захаров, И. Е. Тришкан. — М.; СПб.: Альянс-Архео, 2012. — 336 с.

Книга представляет собой издание части научного наследия одного из крупнейших специалистов по истории России XVII — первой четверти XVIII в. Н. Б. Голиковой (1914–2008). В основе публикации — незавершенный автором текст второго тома монографии о привилегированном купечестве: гостях и гостиной сотне (первый том — «Привилегированные купеческие корпорации России XVI — первой четверти XVIII в.» был издан в 1998 г.). В соответствии с замыслом автора том посвящен вопросам правового положения привилегированного купечества и служебным обязанностям гостей и гостиной сотни по отношению к государству. Публикацию предваряют очерки о замысле монографии и принципах реконструкции ее текста, а также об историографическом значении трудов ученого. Во вторую часть книги включены материалы к научной биографии Н. Б. Голиковой.